РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый
Нестор Летописец
Владимир Мономах
Русская Правда
Нил Сорский
Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
Стоглав
Домострой
Соборное Уложение
Азадовский М. К.
Аничков Е. В.
Антоновский М. И.
Анучин Д. Н.
Афанасьев А. Н.
Барсов Е. В.
Батюшков П. Н.
Безсонов П. А.
Бодянский О. М.
Болотов А. Т.
Будилович А. С.
Бурцев А. Е.
Буслаев Ф. И.
Веселовский А. Н.
Гальковский Н. М.
Гильфердинг А. Ф.
Глинка Г.
Громыко М. М.
Даль В. И.
Державин Н. С.
Драгоманов М. П.
Ермолов А. С.
Ефименко А. Я.
Ефименко П. С.
Забелин И. Е.
Забылин М.
Зеленин Д. К.
Кайсаров А. С.
Калачов Н. В.
Калинский И. П.
Киреевский П. В.
Коринфский А. А.
Костомаров Н. И.
Кулиш П. А.
Ламанский В. И.
Максимов С. В.
Максимович М. А.
Мельников П. И.
Метлинский А. Л.
Миллер В. Ф.
Миллер О. Ф.
Надеждин Н. И.
Пассек В. В.
Потебня А. А.
Пропп В. Я.
Прыжов И. Г.
Риттих А. Ф.
Ровинский Д. А.
Рыбников П. Н.
Садовников Д. Н.
Сахаров И. П.
Снегирев И. М.
Срезневский И. И.
Сумцов Н. Ф.
Терещенко А. В.
Толстой Н. И.
Фаминцын А. С.
Флоринский Т. Д.
Худяков И. А.
Чулков М. Д.
Шангина И. И.
Шейн П. В.
Шергин Б. В.
Якушкин Е. И.
Якушкин П. И.

ИВАН ЗАБЕЛИН

ДОМАШНИЙ БЫТ РУССКИХ ЦАРЕЙ В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
З 12

Забелин И. Е.

З 12 Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1056 с.

В книге публикуется одно из главных произведений выдающегося русского историка и знатока народного быта Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) «Домашний быт русских царей».

В изучении домашнего быта Забелин видел одно из главных условий понимания своеобразия русской культуры и государственности. По мнению ученого, история России резко отличается от истории Западной Европы. Государство в Европе сложилось в результате завоевания и установления формальных законов. На Руси, напротив, царская власть была «исконной», «отеческой», однако в силу патриархальности отношений давала простор беззаконию и произволу. Если на Западе личность рано приобрела самостоятельное значение, то на Руси веками сохранялась «детская» зависимость личности от власти. По мнению Забелина, укоренившийся в России самодержавный строй неразрывно связан с образом жизни русского народа, а главным источником самодержавия является присущая русскому народу патриархальность: подданные относятся к царю, как к отцу, а царь к подданным – как к детям.

ISBN 978-5-4261-0055-8

© Институт русской цивилизации, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ[1]

В настоящее время излишне говорить о том, какое важное значение при теперешнем направлении исторических работ получает изучение домашнего быта, житья-бытья отживших поколений. Выводы науки, даже события современной жизни с каждым днем все больше раскрывают истину, что домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни общественной и политической или государственной. Это в собственном смысле историческая природа человека, столько же сильная и столько же разнообразная в своих действиях и явлениях, как и природа его физического существования. Ее естественная, непосредственная сила не раз обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всех случаях, когда думают действовать на нее путем внешнего, механического принуждения. Государственные и административные реформы, политические опыты в перестройке народного быта никогда не удавались, если в них не было ничего сродного и соответственного требованиям и потребностям этой природы. В этом отношении мало помогали не только жестокие принудительные меры, но даже и время; по крайней мере, в иных случаях целые столетия проходили почти без всякого успеха для настойчивости реформ, и дело если и не оставалось в прежнем положении в силу жизненной изменяемости, то принимало совершенно неожиданный исход, вовсе не отвечавший предположенным

[1] Печатается с сокращениями.

целям и намерениям. Наша история представляет самое убедительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственных народных элементов жизни и даже самых форм, в которых эти элементы выразились. Так, более полутораста лет мы находимся под влиянием непрерывных реформ; очень многим, и к добру, мы воспользовались в течение этих неутомимых перестроек; многое вошло в нашу плоть и кровь; но неизмеримо больше остается еще в прежнем положении, и очень часто наши мысли, поступки и действия и внизу и вверху обличают в нас людей XVI и XVII столетий, так что, если всмотреться и вдуматься поглубже, то нельзя будет отчаиваться в сохранности нашей родной старины даже и тем мнениям, которые убеждены, что с реформою Петра все старое погибло и что поэтому развитие наше идет будто бы криво.

Народная жизнь не поддается механическим тискам; она отвергает все, что несродно и несвойственно ее природе; путь, по которому она усваивает себе хорошее и дурное, есть путь физиологический, а не механический. Сила народного быта есть сила самой природы, и чтобы с успехом руководить ею, направлять в ту или другую сторону ход ее развития, чтоб с успехом служить ей, как обыкновенно говорят, для ее счастия и блага, необходимо прежде хорошо и подробно узнать ее свойства, внимательно прислушаться к ее требованиям, узнать непосредственные родники ее жизни, всегда глубоко скрытые в мелочных и многообразных бытовых условиях. Конечно, удовлетворить таким запросам очень трудно, и тем более что наука не слишком давно обратила надлежащее внимание на эти запросы и не успела еще подготовить достаточно материала для их разрешения. Здесь требуются самые мелочные и кропотливые, в полном смысле микроскопические, наблюдения и исследования, которые в большинстве случаев не представляют никакого блеска, а следовательно, и благодарности в своих выводах и результатах. Но предмет так важен, что за трудностию и неблагодарностию работы нельзя откладывать его разъяснения. Мы полагаем, что от его обработки вполне зависит не только правильное понимание своей истории, но

и самый способ ее изложения. У нас особенно настоятельна обработка бытовой истории, истории внутреннего развития, домашних дел и отношений народа, словом, истории народного житья-бытья, потому что наша история, по случаю слабого, почти ничтожного развития исторической личности, представляет самый наглядный пример народного развития из непосредственных, природных или, вернее сказать, первобытных начал жизни. Интерес к нашей политической истории слаб и бледен и потому, может быть, очень часто возбуждает незаслуженные, впрочем, упреки и нарекания работам наших историков. Как ни стараются в иных случаях подогревать его взятыми напрокат идеями западной истории, дело вперед не подвигается и распространяет только в обществе ложные и обманчивые понятия и представления о нашей древности.

Интерес нашей истории заключается по преимуществу, как мы сказали, в непосредственном физиологическом росте нашей цивилизации, в отсутствии именно тех элементов, которые двигали развитие на Западе, и в присутствии таких, которые сближают нас больше с Востоком, т. е. вообще с народами, не касавшимися в своем развитии того богатого наследства древней образованности, каким воспользовались народы западные. Мы не получили этого наследства, не попали в эту цивилизующую школу веками выработанных начал умственного и общественного развития. Мы, напротив, очень долго росли, как цвет сельный, на степной воле, оставленные самим себе, как тот любимый герой наших сказок, обойденный, загнанный братьями, обделенный отцовским наследством, в лице которого народ инстинктивно рисует собственную долю. Собственными силами и разумом самой жизни, медленно и тяжело мы созидали свою самостоятельность. Нам отказала в помощи даже сама природа, и в то время как европейские народы, двигаясь поступательно к западу, всюду встречали не только богатство естественных условий, но даже, как, например, среди племен Америки, значительную долю гражданского развития, – мы, принужденные двигаться по глубокому северу на восток, встречали на пути те же непроходимые леса, неоглядные тун-

дры и степи и скудные начатки цивилизации, перед которыми первенствовало даже наше слишком молодое еще развитие. Сколько же внутренней силы и жизненности народного духа нужно было для того, чтобы выйти непобежденным из таких враждебных условий жизни, чтобы, наконец, стать твердо и мужественно среди народов, более счастливых и несравненно более богатых и дарами естественных условий, и дарами человеческого развития. В этой-то силе и жизненности и заключается смысл нашей истории. Но раскрыть этот смысл одною политическою стороною нашего прошедшего невозможно, ибо кроме того, что это все-таки одна только сторона, у нас вдобавок она еще сторона слишком бледная. Для подробного уяснения и сознательного понимания своей исторической доли нам необходимо с особенным вниманием углубиться в изучение внутреннего народного развития, которое в своих последовательных ступенях представит несравненно больше интереса и несравненно правдивее расскажет нам нашу родную быль.

Само собою разумеется, что в истории внутреннего развития домашний быт народа составляет основной узел; по крайней мере, в его уставах, порядках, в его нравственных началах кроются основы всего общественного строя земли, не исключая и политической формы. В его среде воспитывается каждый деятель земли и мало-помалу созидаются те силы, которые потом управляют ходом истории. Поэтому домашний народный быт становится ближайшим предметом в изучении бытовой истории и по необходимости занимает в ней начальное место.

Какой же наиболее верный способ обрабатывать историю домашнего народного быта? Предмет до чрезвычайности обширен, разнообразен, мелочен и дробен. Требуется особенное внимание и страшно кропотливая работа только для того, чтобы собрать в одно место необходимый материал... Но еще труднее дать этому материалу научную форму, по крайней мере настолько, чтоб облегчить последующие работы, т. е. разобрать, распределить этот материал, связать в одно научное целое, чтоб сам он, помимо наших указаний и толкова-

ний, выговорил заключительное слово, т. е. научный вывод, результат исследования.

Все это представляет неимоверные трудности особенно по той причине, что как ни велико множество материалов этого рода, оно все-таки отличается замечательною неполнотою. Вы ежеминутно встречаете пробелы, самые мелочные, но, однако ж, такие, которые затрудняют дело до невероятности. Добросовестное отношение к фактам не позволяет вам двинуться с места по случаю таких пробелов, и работа при всем вашем усилии не достигает этого желанного заключительного слова.

Обыкновенный способ обработки бытовой истории заключается в том, что разновременные, разноместные и разносословные бытовые факты сводят под известное оглавление и таким образом составляют рассказ о той или другой стороне быта, о том или другом порядке жизни. При первоначальных работах такой способ почти миновать нельзя. Но до́лжно сознаться, что он грешит излишним обобщением фактов, из которых каждый представляет или должен представлять как бы общую черту, не выясняя, однако ж, того или другого общего типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа в известный период времени, иногда очень значительного объема.

Нам кажется, что этим способом мы едва ли получим надлежащее, истинное понятие о свойствах и типическом характере прожитой жизни, что исследования наши мы начинаем с конца, а не с начала, ибо составляем характеристику общего типа в то время, когда нам вовсе неизвестны типы частные, к которым всегда относится самая наибольшая часть собираемых нами фактов, и общее которых, одно оно, только и может характеризовать общий тип народной жизни. Поэтому, нам кажется, мы должны остановить свое внимание прежде всего на изучении этих частных типов, мы должны непременно раскрыть их, если бы и не были они заметны на первый поверхностный взгляд, ибо жизнь, как ни разнообразны до бесчисленности ее формы и явления, и в физическом и в нравственном мире, всегда складывается или выражает себя в известных типах. В естествознании это роды и виды органической жизни.

Подобные роды и виды существуют в нравственном человеческом мире под именем типов. Задача искусства в том именно и заключается, чтобы пластически выразить в одном типе все то, что разбросанное и как бы разрозненное вращается в жизни отдельных лиц, принадлежащих, однако ж, по свойству своей нравственной природы, к одному и тому же роду или виду. Наука со своей стороны помогает искусству и собирает материал для художественного воплощения в одно целое разрозненных и, по-видимому, чуждых друг другу атомов нравственной жизни. В этом случае необходимо совершается естественный процесс человеческого творчества: возводить знание в акт сознания, к чему ведет и конечная цель самой истории.

Обращаясь к нашему предмету, мы, даже и на первый взгляд, можем указать несколько точек, около которых по преимуществу должно бы сосредоточиваться изучение домашнего народного быта, по крайней мере в пределах времени, назначенных для предлежащих разысканий. Так, наиболее заметный, передовой тип нашей истории есть «государь или господарь», не в тесном смысле государя политического, а в смысле общем, как собственника и владельца, хозяина, который и в общей жизни именовался тем же словом и впоследствии уже выделил из себя политическое явление, о чем мы подробнее говорим во вступлении к этой книге. Несмотря на огромную, по-видимому, разницу между политическим значением этого типа и частным домашним его значением, в нем всегда остается и везде сохраняется существенный смысл его жизненной роли, этот владеющий, властный смысл. Само собой разумеется, что преобладающее значение этого типа в жизни всегда остается за тем разрядом лиц, который в первобытном обществе играет главную, передовую роль, именно за разрядом лиц военного звания или сословия, какова, например, в нашей истории была княжеская дружина. Таким образом, тип господаря, кроме его общего владельческого и, так сказать, хозяйского значения с течением времени сосредоточивает свои основные черты не на одних только лицах княжеского происхождения, но столько же на сословии дружинников-бояр с дробным его видоизменени-

ем детей боярских и вообще так называемого дворянства. Это была среда, в которой элементы государского типа составляли существенное ее свойство. Здесь форма быта, а следовательно, и его начала, основы были во всех видоизменениях одни и те же. Потому и изучение этого типа должно обнимать жизнь боярства или дворянства вообще со всеми его служебными подразделениями и жизненными видоизменениями. Можно только для удобства в обработке предмета, а главное, для большей определенности исследований, рассматривать этот тип в трех его главных и общих видах, именно: быт лучших людей, быт средних людей и быт младших людей того же типа, как всегда очень верно распределяли бытовые отношения наши здравомыслящие предки. В древнем домашнем быте царей мы раскрываем верховное значение этого типа и потом постепенно придем к младшей его ветви – к детям боярским, этой рядовой княжеской дружине.

Тем же путем можно изучать тип «*земца–кормителя*» во всех его видоизменениях, какие условливались тою или другою отраслию занятий, и точно так же с разделением быта на лучшую, среднюю и младшую среду. Земледелие, торговля, разного рода промышленность, ремесленность и всякое художество, которое доставляло средства существования земским людям и в то же время определяло характеристику самого человека и его бытовых отношений, представляют более или менее значительные вариации одного и того же земского быта или вообще земства. Здесь наиболее видным лицом становится по естественной причине капиталист – гость, этот господарь-хозяин в собственном смысле. Младшие ветви этого типа теряются в посадских и чернослободских «сиротах», которым трудолюбие, оборотливость, «промысл» – в смысле дарований ума и опытности – всегда открывали широкую и свободную дорогу в первые ряды земства.

Далее, «казачество» есть также совсем особый порядок отношений, особая стихия жизни, требующая, как особый ее тип, отдельного независимого исследования. Не ограничивая его значения одною какою-либо местностью или историческим

периодом, необходимо рассмотреть существенные стороны этого типа в общем его явлении. Казачество – сначала как отрицание земских условий жизни, а потом как своеобразно сложившееся земство – в нашей истории имеет особенное значение. Жизненная сила его была так велика, что оно сплотилось было в политический тип, постепенное разложение которого и окончательное исчезновение совершилось не столько от обстоятельств, не благоприятствовавших его развитию, сколько вообще от направления общеисторических идей времени.

Вот общие, главнейшие разделы изучения домашнего народного быта. Мы не упоминаем о посредствующих звеньях более или менее также замечательных, хотя и не имеющих такого широкого значения. Тип церковника, тип дьяка и подьячего, тип дворового слуги, холопа вообще и т. д. должны сопровождаться не меньшим вниманием в изучении положений, сил и форм древней жизни. При этом, так сказать, внешнем распределении типов нельзя забывать внутренней их связи, которая по законам жизни сливает их в одно целое, ставит их в неразрывную зависимость друг от друга, так что раздельное их изучение есть только неизбежный путь научных исследований.

Когда таким способом обработки будут раскрыты частные типы, то общий тип народной жизни не замедлит раскрыться сам собою, и только тогда будут возможны полные и верные характеристики не только частных, но и общественных форм народного быта.

Само собою разумеется, что такой план изучения требует самой мелочной кропотливой работы и совершенно новых материалов, о существовании которых мало даже подозревают, но которые, как всегда, непременно явятся из архивной пыли на свет, как скоро наука займется разрешением возбужденных ею вопросов.

В настоящем сочинении о древнем домашнем быте царей мы предлагаем опыт подобной обработки предмета, далеко не удовлетворяющий всем нашим требованиям и в существенном значении представляющий только собрание материалов,

частию обработанных больше или меньше, а частию даже в сыром виде. На первый раз, думаем, и это не бесполезно. Мы вообще утешаемся тою мыслию, что во всяком случае труд наш значительно облегчит дальнейшую разработку предмета. Мы давно уже обратили внимание на это дело, но по обстоятельствам не могли посвятить достаточно времени и труда, чтобы повести работы с желаемым успехом. Первые опыты мы печатали в «Московских Ведомостях» 1846–1847 гг., затем продолжали труды в «Отечественных Записках» 1851–1858 гг. Издавая после того в 1862 и 1872 гг. особою книгой прежние наши работы, мы местами значительно увеличили их объем новыми материалами и разысканиями, иные страницы совсем переделали, исправили ошибки и неточности, какие встречались, и в дополнение присовокупили отдел материалов в сыром виде, заключающий в себе собрание официальных записок и выписок из расходных, строительных, подрядных, описных и разных других книг и документов старого дворцового делопроизводства, которое и составляет главнейший источник наших работ и остатки которого, в столбцах и книгах, сохраняются в бывших архивах Оружейной палаты и Московской Дворцовой конторы. Все это служит подтверждением или пояснением наших разысканий, а во многих случаях значительно дополняет их, представляя новые подробности, которыми мы не успели вовремя воспользоваться. Питая вообще мало доверия к голословным рассказам и описаниям, мы старались каждый мелочной предмет старого быта объяснить и подтвердить современным ему текстом.

Большая часть собранных в этой книге материалов касается способов постройки, указания местности разных частей старого государева дворца и разнообразных предметов внутреннего убранства или наряда старинных царских хором. Особенного любопытства заслуживают описи старинных дворцов и записки подрядов на постройки, в которых мы знакомимся с богатством старинных строительных или плотничьих и разных ремесленных терминов, а вместе с тем с подробностями устройства и расположения древних русских

жилищ. Описание Коломенского дворца с прилагаемыми планами и фасадами и вместе с описанием дворца Измайловского дает довольно полное и отчетливое понятие об устройстве такого жилища в самом обширном и наиболее роскошном виде, жилища царского. Для сравнения и в подтверждение наших замечаний по этому предмету мы помещаем рядом с этими описаниями описи нескольких боярских и помещичьих хором, которые по времени хотя и относятся к началу XVIII столетия, но, тем не менее, во многом сохраняют еще допетровскую старину. С тою же целию к фасадам Коломенского дворца мы присоединяем фасад старинных Строгановских хором, существовавших в Сольвычегодске и разобранных в 1798 г. По свидетельству надписи на оригинальном рисунке, который сообщен нам графом С. Г. Строгановым, хоромы Строгановых стояли 233 года и были построены в 1563 г. Хотя и нельзя принимать этого фамильного предания в точном смысле, ибо в этом случае год постройки должен обозначать собственно время первоначальной селитьбы Строгановых на том месте, но все-таки это памятник той же старины, о которой мы ведем наши разыскания. Он очень любопытен, и мы им особенно дорожим в том отношении, что это, сколько известно, почти единственный свидетель, наглядно изображающий нам наиболее отдаленную старину русской частной жизни и разрешающий некоторые наши недоумения о составе и архитектурной форме древних хоромных построек.

Может быть, в иных случаях мы… погрешили излишеством и даже повторением некоторых данных; но в начальной обработке предмета мы и это почитаем необходимым, ибо для того, чтобы наука могла утвердить окончательно какой-либо вывод, нужно много и долго вникать в подробности, хотя бы и слишком однообразные и однородные. Кроме того, мы убеждены, что мелкие мелочи старой жизни кладут краски и тени в наших представлениях об историческом быте народа, образуют, если можно сказать, колорит в исторической картине; и во всяком случае ничто так не способствует образованию наиболее верного, правильного взгляда на прошедшее, как эти мело-

чи, которые иногда одною чертою рассказывают несравненно больше, чем целое исследование. Мы надеемся, что и в нашей книге читатель гораздо болыпе прочтет между строками, как это всегда бывает при чтении сборника бытовых актов.

Особенная наша забота заключалась даже в том, чтобы собираемые материалы переданы были верно и точно, с сохранением всех особенностей подлинника, заслуживающих внимания науки. Мы сокращали только излишние подробности титулов и разных приказных формальностей.

Дробность и разнообразие предметов, входящих в описание древнего быта, заставляет нас присовокупить к настоящему труду подробный объяснительный указатель или словарь, который и будет издан в заключение этих разысканий о древнем домашнем быте царей.

При настоящем, третьем издании этой книги мы следовали той же общей задаче нашего труда, о которой сейчас было говорено и которая, главным образом, состоит в том, чтобы каждому, даже и очень мелочному предмету старого быта, особенно со стороны внешней обстановки, дать самый подробный и следовательно наиболее полный облик, в каком такой предмет существовал в известное время.

Мы убеждены, что изучение материальной стороны древнего быта всегда дает прочные и верные основы для уразумения и самых его идей и идеалов; что и художественное его воспроизведение – венец всяких изучений – на страницах ли ученой истории или в свободной области поэтического творчества (во всех родах искусства, словесного и изобразительного) всегда будет очень зависеть именно от того, насколько полно объяснены его материальные подробности. Для художника, как скоро его творчество останавливается на предметах жизни, отошедшей в область истории, очень важно знать всякую мелочь в точной реальности. Здесь-то он и встречает по большей части неодолимые затруднения, особенно со стороны всяких форм. Художнику бывает очень надобно иной раз подробно и точно знать даже и о том, каким, например, гвоздем была обита старинная мебель и т. п.; так же как для ученого бывает столь-

ко же необходимо знакомство со всякою даже и очень мелкою цифрою, которая учитывает старые положения жизни.

Имея в виду подобные потребности художнических и научных изысканий о старой жизни, мы желали возможно более пополнять каждое издание предлежащей книги. В настоящем издании к делам о нарушении чести Государева двора мы присовокупили новое дело этого рода (с. 412), любезно сообщенное нам А. Н. Зерцаловым – архивариусом упомянутого Архива.

В настоящем издании мы значительно пополнили описание стенописи в Золотой и Грановитой палатах (с. 181–213) на основании современной ее описи, напечатанной в собранных и изданных нами по поручению Московской Городской Думы «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы» (ч. I. – М., 1884).

Более подробные объяснения плана кремлевского дворца с приложением планов верхнего и нижнего его этажей будут помещены во второй части этого сочинения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I
ГОСУДАРЕВ ДВОР ИЛИ ДВОРЕЦ

Вступление. — Общее понятие о княжем дворе в Древней Руси. — Двор первых московских князей. — Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси. — Способы построек или плотничное дело. — Состав деревянного государева дворца. — Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV в. — Его расположение в начале XVI в. — История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках. — Дворцовые здания в Смутное время, или в Московскую разруху. — Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче. — Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче. — Распространение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи. — Расположение дворца и его состав в конце XVII столетия. Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII столетии.

Старый русский домашний быт, и особенно быт русского великого государя со всеми своими уставами, положениями, формами, со всею порядливостью, чинностью и чтивостью наиболее полно выразился к концу XVII столетия. Это была эпоха последних дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось в такие образы и формы, с которыми по тому же пути дальше идти было невозможно. Москва,

сильнейшая из жизненных сил старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизни стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. *Политическое единство* Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа, и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку за нашими землями. Представитель этого единства, московский великий Государь, Самодержец всея Руси, стал в отношении к земству на недосягаемую высоту, о которой едва ли и помышляли наши далекие предки. Ничего соответствующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда, идея царя была хорошо знакома нам еще с первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византией. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительною для простых глаз торжественностью и обстановкой несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом достаточное понятие мы получили еще со времени варяжских походов на Царьград. Понятие это не угасало и в последующие века, распространяемое особенно духовенством, греческим и русским, по случаю частых его сношений с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере в собственных глазах, из желания сказать наиболее усердного и раболепного в похвалу доброму князю. Позднее тем же титулом стали мы величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашей землей. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое как представление давно уже существовало в умах, с которым с давнего уже времени соединялось довольно определенное и знакомое всем понятие.

У себя дома, среди своих князей, мы не находили ничего соответственного этому имени. И если иногда обзывали их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобострастия, которыми большею частью руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность.

Тип *великого* князя Древней Руси не был очерчен резко, определенно. Он терялся среди собственного княжеского племени, среди дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равною самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя великого и просто именуется «князем» с прибавлением изредка титула «господин», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспоминая апостольское писание, присваивают ему иногда значение «Божьего слуги», который «не напрасно меч носит, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Именуют его «главою земли»; но это были представления отвлеченные, собственно книжные; в действительной жизни им мало внимали. С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воеводы, хранителя правды и первого воина земли. Как скоро правда была нарушена поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его *кормила*, и он сам не простирал своих видов дальше права на это *кормление*. Кормление вместе с тем условливало общее владение землею в княжеском племени и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более как кормленщиком, не главою земли, а главою таких же кормленщиков, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века очень часто слышались на вечевых сходах

оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, сколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанных определений жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не хотим» – вот стереотипная фраза, которою выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» – значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не сделается. Князья со своей стороны людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: *братье! братья моя милая!* – взывает к новгородцам древний Ярослав, прося помощи на Святополка; *братья володимерцы!* – взывает князь Юрий, прося защиты у владимирцев; *братья мужи псковичи! кто стар, то отец, кто млад, той брат*! – восклицает Домонт Псковский, призывая псковичей на защиту отечества. Все это речи, характеризующие древнейший склад княжеских отношений к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое различие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII столетия принужден был запретить земле под страхом великой опалы писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или: «Работаю я, холоп ваш, вам, великим государем, яко Богу». Много нужно было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела понятия массы к такому принижению. Новый тип созидался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, его распространявших и утверждавших.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмо-

тря на порядки быта, по-видимому, столько различные и чуждые преданиям древности, великий государь при всей высоте политического значения на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он остается вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основою экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы – вот что равняло быт государя не только с боярским, но и вообще с крестьянским бытом. Различие обнаруживалось только в большем просторе, в большей *прохладе*, с которою проходила жизнь во дворце, а главное – только в богатстве, в количестве *золота* и всяких драгоценностей, всяких *цат*, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только *наряд* жизни, нисколько не изменявший существенных ее сторон, существенных ее уставов и положений и не только в нравственной, но и в материальной среде. Изба крестьянская, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избою в своем устройстве, с теми же лавками, коником, передним углом, с тою же мерою в полтретьи сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, нисколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе вполне соответственный, наиболее удобный приют в той же избе.

Самый титул царя: *великий государь* – может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» затемнено было, особенно в позднейшую эпоху, неимоверным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых древняя наша действительность, почти до самой

реформы, очень мало или и вовсе не мыслила. Только во второй половине XVII столетия мелькает мысль о *вопчем народе*, как говаривал царь Алексей, все еще считавший Московское государство своею вотчиною.

Прежде всего до́лжно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть собственно археологические достопамятности, сохраняющие только память о давнишней действительности, смысл которой трудно воскресить и научным образом. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово *князь*, которым земля именовала каждое лицо, принадлежавшее Рюрикову племени, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому принадлежать не могли. Как скоро племя расплодилось и простое, обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следовательно, выше других, тотчас же к имени «князь» стали прибавлять прилагательное «великий», что значило «старший», «большак». Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя от раздробления на мелкие части утратило прежнее значение, измельчало, износилось и что, следовательно, наступила новая фаза в развитии княжеских отношений.

Тем же путем прошел и титул *великого князя*. Сначала он обозначал только старшего во всем племени, а позже – старшего в своей волости, так что к концу фазы почти все самостоятельно владеющие князья стали именоваться великими. Таким образом, снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства. К XV в. не только Тверской или Рязанский, но даже и Пронский князь именует уже себя великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в *службу* господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских понятий о достоинстве князя. Понятие «осподарь»,

«государь» развилось уже на туземной почве, из элементов, которые были выработаны самою жизнью. Оно, по свойству своих жизненных сил, в самом уже начале показывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее и притом пришлое достоинство князя, упразднить самое понятие об этом достоинстве, что в точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развития. В XVII столетии многие князья Рюрикова племени смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом, тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив по себе одно имя как археологическую редкость и достопамятность.

В древнейших жизненных отношениях рядом с именем «князь» существовало другое, такое же типическое имя *государь*. Вначале оно служило типом частной, домашней жизни, типом хозяина-собственника и, само собою разумеется, отца семейства, главы дома. Еще в «Русской правде» словом «государь», *осподарь* обозначается вместе со словом *господин* хозяин собственности, домовладыка, вотчинник, вообще *сам*, как часто теперь выражаются о хозяине и как в древности выражались о князьях, державших независимо свою волость, именуя их самодержцами. *Осподою* называлась семья в смысле независимого, самостоятельного хозяйства, которое и до сих пор на юге носит название *осподы*, *господарства*. *Господою* называется самый Новгород в смысле правительственной, судной власти; *осподою* назывались собирательно судьи, начальство и вообще господская власть. Господарь, следовательно, было лицо, совмещавшее в своем значении понятия о главе дома, о непосредственном правителе, судье, владельце и распорядителе своего хозяйства. Домострой XVI в. для наименования хозяина и хозяйки не знает другого слова, как «государь», «государыня» (изредка также «господарь», «господарыня»). Свадебные песни величают государем батюшку, государынею – матушку. В том же смысле московские удельные князья именуют своего отца и свою мать, не придавая еще этого титула великому князю и чествуя его только именем господина.

Приводя эти указания, мы желаем только напомнить, что именем «государь» обозначался известный тип жизненных отношений, именно властный, оборотная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. Осподарь был немыслим без холопа, т. к. и холоп не был бы понятен без осподаря. Как тип частного, собственно домашнего строя жизни, он существовал везде, во всех народностях и во все времена, существует повсюду и в наши дни, более или менее смягченный распространением гуманного, т. е. христианского, просвещения. Почти везде этот тип пересилил другие общественные формы быта и стал во главе политического устройства земли как исключительное, единственное жизненное начало. Естественная его сила всегда сохранялась в народных корнях, в господстве того же типа в частной, домашней жизни, в понятиях и представлениях народной массы. Изменялось свойство этих корней, изменялся в своем виде и характере и этот тип.

Когда в древнекняжеских отношениях общее владение землею и частый передел этого общего владения отжили свое время, а между тем земство не успело выработать себе прочной политической формы, которая могла бы, как твердыня, защищать его от княжеских захватов и отчинных притязаний, князья мало-помалу по праву наследства стали делаться полными собственниками своих наследственных волостей, а вместе с тем по естественной причине стали приобретать и новый титул, обозначавший очень верно существо самого дела, т. е. их новое отношение к земле. Земля вместо изветшавшего, только почетного уже титула – господин – начала обзывать их *государями*, т. е. не временными только, а полными и независимыми хозяевами своей собственности. Прежний титул господина, сделавшийся выражением обыкновенной вежливости и почтения, имел и в самом начале довольно общее значение, по крайней мере более обширное, чем слово «государь», которое в отношении к слову «господин» точно так же обнаруживало новую фазу в развитии господина, т. е. вообще лица властвующего, и в первое время не было даже и

титулом. Оно очень определенно и точно обозначало известный всем предмет, известный склад жизни, известный разряд людей, пользовавшихся самостоятельным исключительным значением, и потому с такою разборчивостью различалось собственно от титула – господин, особенно в то время, когда в политических земских отношениях это различие сделалось слишком очевидным, именно в борьбе Новгорода с Москвою. Если господином наша древность называла князя и вообще всякое почетное и почему-либо высшее лицо, то государем она обозначала по преимуществу только лицо владеющее, самовластительное и самодержавное в отношении его хозяйства, его семьи и собственности. Вот почему к имени *осподарь* стали прибавлять и титул *господин*: *господин государь* Новгород Великий, *господин государь* князь великий Московский. В частной сфере каждый хозяин дома был таким осподарем – самовластителем, и против этого не только никто не спорил, но всякий старался с помощью предания и книжного учения поддерживать и распространять такое значение владыки дома. Когда же это господарское начало явилось действующим и в сфере общих земских отношений, его не поняли или, вернее, не желали понимать. Отсюда-то и выходила борьба отдельных вотчинников – князей, отдельных самостоятельных волостей, или земель, борьба, более или менее продолжительная и суровая, смотря по тому, где она возникала, т. е. где памятнее и крепче была вечевая или господарская старина.

Взамен прежнего выражения, которым обозначали свойство, характер княжеских отношений к земле, явилось новое слово *государить*, выражавшее совсем иной смысл, иной характер этих отношений. Точно так же и слово *княжество*, определявшее деятельность, строй и порядок тех же отношений, а вместе с тем и самую землю, по которой распространялась эта деятельность, заменено было новым выражением: *государство*, имевшим новый смысл, весьма различный от прежнего. Дальнейшее политическое развитие присвоило этому последнему слову гораздо обширнейшее знаменование, упразднив в его значении все личное, частное, так сказать, местное, именно

то понятие, с каким великий князь Иван Васильевич вопрошал новгородцев – какого они хотят государства?

Как только идея господарства распространилась по всей земле и все самостоятельные князья-вотчинники стали именоваться государями, когда даже и самому Новгороду присваивался уже титул господина-государя, тотчас же потребовалось отличить первенствующего государя от остальных, на которых этот первенствующий имел отчинные права и смотрел как на подчиненных. Подобно тому, как в прежнее время старший из князей приобретал в отличие от младших титул *великого*, так и старший, главный государь, государь в государех, стал именоваться *великим государем*, также великим государем земским, когда хотели его отличить от других государей, имевших частное значение, каковы, например, были митрополиты и архиепископы, которым выработавшиеся в том же направлении понятия народа также присвоивали титул государей и осподарей; наконец, великим государем русским, *всея Руси*.

Значение такого государя в государех приобрел, как известно, государь Московский. Но как ни было высоко это политическое уже значение титула, существенный его смысл нисколько не изменился и оставался долго тем же, чем был вначале, т. е. чем был в частном домашнем быту народа. Великий государь Московский с распространением своего политического могущества, присоединив к прежним еще новые, более соответственные своему значению титулы царя и самодержца, на деле, в действительности, оставался все тем же государем, осподарем. Мы хотим сказать, что в простом и удобопонятном, а главное – наиболее точном и верном смысле это был помещик с широкими царственными размерами жизни, которые явились почти незаметно, сами собою, как необходимое, совершенно неизбежное условие новых политических отношений и потребностей. При этом нельзя забывать, что новые потребности и отношения развились по преимуществу на почве иноземных сношений, на почве жизни с соседями. Дома в отношении к земле они никогда не могли бы вырасти с такою силою и в таком просторе. Здесь, как всегда и во всем, большом и малом,

выразилось простое повседневное стремление жизни *казаться* перед другими в большем достоинстве и славе. Лишь для чужих только нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приемах и проводах иноземных послов и гостей. Только пред чужими нужно было выситься, являть свое могущество, неисчислимое богатство – одним словом, являть себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу земли. Действительно, царственная обстановка московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того как усложняются, развиваются наши заграничные сношения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иноземных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала оставаться в худых. Ее задачею было во что бы ни стало перегнать этих соседей, разумеется, на первый раз, хотя внешним величием, внешним могуществом, ибо о могуществе внутреннего развития тогда и соседи еще мало помышляли. Отличительная черта ее политики в том именно и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах надеяться более на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путем и было достигнуто политическое могущество и первенство.

Но как ни были широки и царственны размеры быта, усвоенные по этому пути московским государем, в общих чертах, в общих положениях быта и даже в мелких частностях они нисколько не удалились от обычных исконных, типических очертаний русской жизни. Московский государь оставался тем же князем-вотчинником, со значением которого почти за 400 лет до реформы он начал свой исторический подвиг.

Вотчинный тип отражался на всех мелочах и порядках его домашней жизни и домашнего хозяйства. Это был простой деревенский, следовательно, чисто русский быт, нисколько не отличавшийся в основных чертах от быта крестьянского, сохранявший свято все обычаи и предания, весь строй и все

начала древней русской жизни в той ее форме, какая была выработана веками для отдельного, единичного, частного хозяйства и домоводства, для отдельного, независимого существования русской семьи, более или менее достаточной, зажиточной и домовитой. Сквозь великолепные, по-азиатски ослеплявшие блеском и богатством, декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, общая всему народу действительность, равнявшая в этом смысле особу государя с последним *сиротою* его государства, т. е. со всяким хозяином-домовладыкой из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина являлся преимущественным определением жизни и всех условий быта. Иначе, впрочем, и не могло быть, ибо начала, истоки жизни были по всей русской земле одни и те же; и там, и здесь, на севере, как и на юге, ничем существенно не различались и потому складывались в один и тот же строй и порядок, в одну и ту же форму. Спешим оговориться и напомнить, что здесь мы говорим не об общественных политических началах жизни, а только о домашних, о началах жизни единичной, а не общей; только о *доме*, о *дворе*, а не о *земле*.

Самая так называемая государственная служба в простом смысле представляла только вид службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятию отечества или государства. Быстрое развитие вотчинного типа на московской почве втянуло в себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равным правом самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походов и думы очень скоро обратились в слуг, и имя слуги сделалось самою высшею наградою за службу вообще. Древнее выражение: *страдать* за Русскую землю заменилось новым: *служить* Государю.

Таким образом, то, что в древнее время представляло только условие частной домашней жизни, условие, не имевшее никакого особенного значения для земства, именно *служба* лицу, это самое с развитием вотчинности или господарства приобретает вместе с лицом самого господаря общее полити-

ческое значение. Княжедворцы, княжии слуги вытесняют дружинников, становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и тип вотчинника-господаря, не признававший по существу своих стремлений никаких других, совместных его лицу прав и преимуществ; смотревший на все с точки зрения полного самовластительного владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое так держались древние князья-дружинники, так чествовали и берегли его, видя в нем почти единственную опору для своих отношений к земле, князь-вотчинник признает чуждою, непонятною и враждебною формою жизни и употребляет отчаянные усилия, чтоб искоренить и самую память о нем. Он чествует и бережет только верных, *прямых* своих *слуг* и вносит в ветхую уже среду славной и сильной некогда дружины имя *слуги* как высшую почесть. Торжество господарских идей вполне выразилось в понятиях, поступках и убеждениях грозного царя Ивана Васильевича, характер которого будет еще понятнее, если мы представим его обыкновенным вотчинником-господарем, каких и в его время, и в гораздо позднюю эпоху было немало в Русской земле. Он не слишком понятен для нас лишь по размеру, в котором обнаружились господарские стремления, требования и поступки. Его приснопамятная челобитная к *великому князю всеа Руси* Симеону Бекбулатовичу, в которой он именует себя Иванцом Васильевым Московским, раскрывает до очевидности господарский взгляд и на служилое сословие земли. Этот Иванец бьет челом, просит милости *освободить* его перебрать людишек бояр и дворян, и детей боярских, и дворовых людишек: чтоб иных прочь отослать, а иных оставить… освободить его выбирать и приимать *изо всяких людей*… Просит указать, как ему своих мелких людишек держати, просто, без крепостных записей, «или велишь на них *полные* (кабалы) имати», заключает челобитчик, выражая тем в полной мере свой господарский крепостнический взгляд на боярство.

Действительно, служба бояр и вообще сановников существенно была тем же, чем служба домовных людей. Они были обязаны служить до последней физической возмож-

ности, обязаны были каждый день с утра рано являться во дворец, челом ударить государю, и запоздалый их приезд без причины всегда влек за собою гнев и немилость государя. Без спроса у государя они не смели выехать из Москвы даже в ближайшие свои подгородные села и дачи хотя бы на один только день для гулянья или для какого дела. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются, – присовокупляет Котошихин, – но когда прилучится им которого дни друг у друга быти в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на имянинах, и они отпрашиваются по такому ж обычаю». Царь Алексей Михайлович в своей *потешной* челобитной к боярам, зовя их на медведя, залегшего в с. Озерецком, и прося непременно приехать на охоту, делает в шутках каждому попреки, кого чем одолжал: «А я всем вам поступался, кто о чем бил челом», и, обращаясь между прочим к князю Куракину, замечает: «А ты, боярин князь Федор Семенович, бивал челом по часту в деревню, и я тебя всегды жаловал, отпускал… и вы попамятуйте все скорую мою милость к себе…»[1].

Некоторые свадебные чины XVI столетия указывают, что без спроса у государя бояре едва ли могли жениться, женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей. По крайней мере, они также строго соблюдали обычай являться к государю на другой день свадьбы со всем свадебным поездом. Узрев государя, сидевшего в шапке, все кланялись в землю. Государь спрашивал про женихово и про невестино здоровье, причем жених опять кланялся в землю. Царь благословлял молодых иконами, наделял их дарами и угощал весь поезд романеей и медом.

В свои именины каждый боярин ехал к государю челом ударить и подносил ему именинный свой калач. С такими же калачами он обходил все царское семейство, подносил царице, царевичам и царевнам. То же самое делали жены и дочери бояр на царицыной половине. Бояре и все сановники вменяли себе в особую честь и почесть получать каждый день с царского стола, от обеда и от ужина, *поденную подачу* и ставили себе в боль-

[1] Записки Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Археологического общества. Т. II. – С. 371, 711.

шое бесчестье, когда эта подача, по ошибке или по другой какой причине, до них не доходила, размышляя, что ни царского гнева над собой, ни вины за собою не ведают, а в подаче перед своею братьею обесчещены. Строгость наказаний (батоги, тюрьма) за подобные неисправности в рассылке подач указывает, как важно было значение их для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновенного повседневного вотчинного быта, которые, по глухим местам, сохраняются даже и теперь и которые идут из глубокой древности, из первобытных патриархальных отношений господаря-домовладыки к своим домочадцам.

Вотчиннический, господарский тип московских князей обозначился даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности это была помещичья усадьба, обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода. Некоторые иностранцы, бывавшие в Москве в XVI и XVII столетиях, вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царский дворец, говоря, что он обнесен каменной стеною. Действительно, первою основою Кремля, а стало быть, всей Москвы, был *княжий двор* или, в самое древнее время, княжий стан с необходимыми хоромами или клетями на случай приезда. Когда князья переехали в эту усадьбу совсем на житье, она стала мало-помалу обстроиваться и распространяться. Подле двора построена была церковь (Благовещения на Сенях), как было в Древней Руси у всякого княжего двора и как впоследствии было почти у всякого вотчинникова двора, домы дворовых людей также со службами. Вот первоначальная Москва – основный камень ее распространения и устройства. Условия древней нашей общественности, особенно при владычестве татар, были таковы, что без стены или какого-либо тына – острога – вокруг подобной усадьбы покойно и безопасно жить было нельзя. Страшны были не только иноплеменные, но еще больше свои одноплеменные враги. Известно, что в Древней Руси даже каждый монастырь обнесен был стеною, хотя деревянною. Сначала,

без сомнения, и Москва была обнесена тыном. Но уже в 1156 г. великий князь Юрий Долгорукий закладывает Москву – *град* на устье Неглинны, выше реки Яузы. Град, *город* в древнем смысле означает стены, следовательно, первые московские городские стены были построены в 1156 г. Первый, значительно разбогатевший московский вотчинник Иван Данилович Калита рубит на месте погоревшей новую дубовую стену города (1339 г.), которой остатки, толстые дубовые бревна, найдены были в земле еще недавно при последних перестройках кремлевских зданий со стороны Неглинной. Внук Калиты, еще более разбогатевший и усилившийся, закладывает стену из белого камня (1367 г.). Но богатство, сила и хозяйство растет, ширится, привлекает население. У стены возникают торговые и ремесленные слободы, возникает целый посад на берегу реки, пониже княжего двора, ибо снизу идет и торговая дорога судоходством по реке. Между тем через 100 лет каменные стены уже обветшали и самая черта города для раздобревшей жизни стала тесноватою. Великий князь Иван Васильевич строит новый *город*, т. е. собственно стены, и строит не по прежней основе, а с прибавкою, т. е. распространяет место и сверх того укрепляет город бойницами, стрельницами, тайниками, башнями. Такие постройки очень ясно выразили, что сила московского вотчинника стала не только крепкою, но и *грозною*. Он и сам прозывается уже *Грозным*.

Вообще история Москвы как города в том отношении особенно и любопытна, что она, так сказать, по пятам идет за развитием московского господарства, с его зарождения как частного, особного, собинного княжего хозяйства и до его окончательного распространения на всю землю, когда это хозяйство – государство приобретает уже общее земское, политическое значение, становится формою политического быта земли.

По мере распространения земского значения Москвы, само собою разумеется, она все более и более тянет к себе и земские общие элементы жизни: торговлю, промышленность, всякого рода службу. Посады и слободы растут; слободы образуют в разных местах новые особые малые посады, так что

старый посад в отличие от новых именуется уже *великим посадом* и в 1535–1538 гг. обносится также каменными стенами с названием *Китай-город*, который назывался также *Красною стеною*[1]. Приобретаемая крепость и стойкость самодержавных идей постоянно влечет за собою и материальную крепость города, гнезда этих идей. В XVI в. Москва делается в действительности сердцем почти всего северо-востока Европы, все к ней тянет, как к жизненному центру. Население возрастает, можно сказать, не по дням, а по часам, чему в значительной степени способствует и ненавистная всей земле *московская волокита* и *проесть, приказное, подклетное*[2], т. е. чисто вотчинное управление землею, которое немилосердно волочит людей к этому центру, заставляя их ходить – волочиться за своими делами – целые месяцы и годы.

Около стен Кремля и Китая скоро образуется новый большой посад со сплошным населением. Сначала он укрепляется земляным валом и называется *Земляным городом*, а в 1586–1593 гг. обносится также белокаменными стенами и называется Белым *Царевым городом* – царевым, может быть, потому, что в этих стенах население состояло по преимуществу из служилого и дворового сословий; или же потому, что здесь жило население свободное, собственно государево в отличие от загородного, среди которого были целые деревни и слободы крепостные, принадлежавшие боярам и духовенству. В то же время и вокруг Царева города устраиваются сплошные посады из упомянутых деревень и новых слобод. Для защиты и безопасности этих посадов и особенно в страхе от нового нашествия крымского хана срублены в 1591–1592 гг. стены деревянные с башнями и воротами весьма красивыми, стоившие, по словам Маскевича, многих трудов и времени. Все

[1] Объяснение слова «Китай» см. в наших «Опытах изучения Русских Древностей». Ч. II. – М., 1873. – С. 155.

[2] Известно, что московское управление сначала сосредоточивалось в *избах* и *подклетах* государева дворца. Эти избы и подклеты получали наименование от тех областей, которыми управляли. В начале XVII столетия упоминаются *Московская изба, Казанская изба, Володимерский подклет, Дмитровский подклет, Рязанский подклет.* См.:Дворцовые разряды 1601 г.

пространство, которое было обнесено такими стенами, называлось *Скородомом*, может быть, по мелкости здешних домов, собственно изб, и скорости, с какою они ставились после пожаров и других опустошений, ибо такие избы продавались всегда готовые, срубами, в лесных рядах. Вероятно также, что настоящее прозвание Скородома могло быть *Скородум* в значении стен, скоро выстроенных (вокруг всего города в один год) или скоро задуманных к постройке, как это и случилось по поводу нашествия в 1591 г. крымского хана. На некоторых иностранных планах Москвы XVII столетия он прямо и обозначается: *Scorodum*. В Московскую *Розруху*, во время междуцарствия, стены Скородома сгорели. Вместо них царь Михаил в 1637–1640-х гг. насыпал высокий земляной вал, отчего Скородом стал называться уже *Земляным городом* и даже *Земляным валом* и сохранил это название до сих пор.

Несмотря, однако ж, на такое быстрое распространение города, особенно в течение XVI столетия, он нисколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большою усадьбою великого господаря-вотчинника, так что и самое его распространение условливалось распространением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своей опричнины царь Иван Васильевич, – все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь подле реки находилось *Остожье* с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица Остоженка) заготовлялось в стогах сено на зиму. Здесь же в Земляном городе были *запасные конюшни* и слобода Конюшенная с населением конюшенных служителей (улица Староконюшенная), а в Белом городе *аргамачьи конюшни* и Колымажный двор (подле Каменного моста). У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев *дровяной двор*, готовивший запасы дров (Никола на Щепах). Под Новинским стояла слобо-

да кречетников, сокольников и других государевых охотников (Иоанна Предтечи в Кречетниках). Пресненские пруды издавна служили садками для царской рыбы. За ними, на Новом Ваганькове, стоял потешный *псаренный двор*, перенесенный сюда со Старого Ваганькова, находившегося подле Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Улица Поварская с переулками – Столовым, Хлебным, Скатертным и т. п. – населена была приспешниками и служителями царского стола. Улица Никитская или Царицына с Кисловскими переулками (прежде слобода Кисловка) была населена *чином* или штатом служителей и служительниц царицы: постельницами, мастерицами (швеями), детьми боярскими и т. д. Огромная и самая богатая из старинных московских слобод Кадашево (Воскресения в Кадашах, против Кремля, за рекою) потому и богатела, что занималась только с большими льготами *хамовным делом*, изготовлением про царский обиход так называемой *белой казны*, т. е. полотен, скатертей и т. п. Тем же занималась и слобода *хамовников* (Никола в Хамовниках). Против Кремля и Китая, на той стороне реки, поселены были садовники, готовившие про царский обиход всякий овощ; а на этой стороне, где теперь Воспитательный Дом, находился Васильевский дворцовый сад. Воронцово (церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле) издревле было загородною государевою дачею. Но мы утомим читателя, если станем подробно перечислять все бывшие слободы Москвы и особые дворы, которые тянули только к государеву дворцу и в точном смысле составляли его службы. Повторим снова, что жизненным центром Москвы был государев вотчинников двор, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворение его собственных нужд и потребностей, сколько вследствие сосредоточения подле этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточения потребностей и нужд народа. Самый план Москвы (похожий вообще на паутину), расположение ее улиц и переулков, из которых первые, как радиусы, бегут к центру – Кремлю, а другие постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общим расположением городских построек.

Двор московского князя-вотчинника первоначально был построен на высокой крутой горе при впадении в Москву-реку речки Неглинны. Крутой угол этой горы, опускавшейся к Неглинной, теперь не существует: его несколько раз сравнивали и срывали и в последнее время привели в теперешний довольно отлогий вид; в первые годы нынешнего столетия еще трудно было и въезжать, и всходить на эту гору, а в прежнее время, без сомнения, она была с этой стороны еще круче. С горы открывался обширный и живописный вид на Заречье – один из тех, которыми так богаты вообще берега рек Московской области, и в особенности берега Москвы-реки.

В то время как князья стали здесь строиться, гора была покрыта боровым лесом, чему свидетелями служат остающиеся до сих пор названия *Боровицких* ворот и дворцовой церкви Спаса *на Бору*. Здесь же против ворот стояла другая церковь, сломанная при постройке нового дворца, – Рождества Ионна Предтечи *на Бору*, о которой летописец рассказывает, что она в том бору была и срублена, и была первою древнейшею церковью Москвы и первым ее соборным храмом при Петре митрополите, который вначале и жил возле нее. Есть также свидетельство, что это место было заселено еще в глубокой древности. При постройке здания теперешней Оружейной палаты, примыкающего к Боровицким воротам, были найдены на материке два серебряных витых обруча (гривны) и две серьги, принадлежащие еще языческой эпохе и весьма сходные с подобными же вещами, находимыми в курганах Московской области. Нельзя забыть также и мнения Ходаковского о древнеславянских городищах и городках, которые он считает богослужебными языческими капищами и которые устраивались именно на таких горах, при слиянии двух рек, с отлогим всходом с восточной стороны, как все и существует на этой Кремлевской горе. Во всяком случае, место было очень удобно если не для языческого капища, то для обыкновенного поселения.

Если церковь Иоанна Предтечи была первою в древнем городке Москвы, то и первый княжий дворец мы должны от-

ыскивать возле этой же церкви, и притом с западной ее стороны, так что его местоположение придется еще ближе к Боровицким воротам или же вообще ближе к острому углу бывшего здесь некогда берегового *острога* или косогора, теперь, как мы упомянули, значительно срытого. После, быть может, уже в XIII в., когда население распространилось, и княжеский двор по тесноте места должен был отодвинуться дальше к востоку, где и устроился на месте нынешнего Большого дворца пред новою церковью Благовещения на княжих Сенях. По легендам, постройка этой церкви относится к 1291 г.

Как бы ни было, но первое, древнейшее заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору или в бору, на высоком остроге речки Неглинны и Москвы-реки.

Русские князья, делая свои пути в эту лесную землю, без сомнения, *становились* там, где уже было жилье. Москва лежала на одном из таких путей и, по-видимому, самом главном, так что при проезде с юга в Суздальскую землю ее миновать было нельзя. По всему вероятию, с первых же княжеских походов в эту землю Москва сделалась их становищем, может быть, очень любимым за красоту места, а также по тем выгодам, какие доставляла в здешних местах охота. По крайней мере, первое летописное известие о ней есть в то же время известие о пире, об *обеде сильном*, которым в 1147 г. угощал князь Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий князя Северского Святослава, ходившего тогда воевать Смоленскую область по реке Протве. Выбор места для *сильного обеда* указывает, что Москва и в то уже время представляла необходимые усадебные удобства для княжеского пированья. При этом до́лжно заметить, что дело было раннею весною, 5 апреля, в Похвальную субботу, следовательно, пир не мог происходить в шатрах, как часто случалось у князей в летнюю пору, и, без сомнения, происходил в избах и клетях на княжем становом дворе. Таким образом, заселение князьями Москвы мы можем отнести ко времени их первых походов и *путей* в Суздальскую землю.

К сожалению, о древнейшем московском *княжем дворе* почти нет никаких известий ни в летописях, ни в современных

им актах. В первое время своей жизни, до половины XIV в., Москва не имела собственных летописцев: все ее события этого времени записаны летописцами других городов, например новгородскими, суздальскими и др., которые, внося в свои сборники известия о Москве, большею частью случайно, мимоходом, нисколько не касались частных, домашних дел этой небольшой великокняжеской вотчины, еще мало обращавшей на себя внимание. Притом и все более или менее значительные события того времени сосредоточивались преимущественно около Владимира, Новгорода, Рязани и других сильнейших городов: Москва же оставалась в глуши своих лесов малозаметною деревенькою; поэтому не только о княжем московском дворе, но даже и о самом городе мы не встречаем в летописях XIII и XIV столетий никаких особенных подробностей. Впрочем, это обстоятельство едва ли может затруднять нас в настоящем случае: общее понятие о древнейшем дворе московских великих князей мы можем составить себе из летописных известий X, XI и XII столетий, где *княжий двор*, нося общие черты на севере и на юге, изображается с достаточными подробностями, по крайней мере в отношении своих частей. Мы знаем, например, что еще при Ольге в Киеве, кроме княжего двора в городе, был еще огородный *теремный двор*, над горою, называвшийся так от каменного терема: «бе бо ту терем камен»[1]. На этом-то дворе, по свидетельству Нестора, совершилось мщение Ольги над древлянами за смерть Игоря; здесь погибли лучшие мужи древлян «в яме великой и глубокой», нарочно для этого ископанной. Может быть, здесь же была и та *истопка*, мовница, баня, в которой другие мужи древлянские, по замыслу Ольги, «творили мовь», т. е. парились, по древнему русскому обычаю, и потом были сожжены. На этом же теремном дворе при Владимире погиб и брат его Ярополк[2]. В 980 г. Владимир, еще язычник, поставил на том же холму, вне этого *отнего* теремного двора, кумиры своих богов: Перуна, Хорса,

[1] Полное собрание русских летописей. Т. I. – СПб., 1846. – С. 23 (далее – ПСРЛ).

[2] ПСРЛ. Т. I. – С. 33.

Дажбога, Стрибога и пр. После крещения при княжих дворах ставились уже *божницы*, православные храмы.

Впрочем, этот каменный терем, упоминаемый почти на первых страницах нашей древнейшей летописи, был, конечно, большою редкостью в то время, потому что все тогдашние постройки были по преимуществу деревянные; но как имя этот терем дает понятие, что и в то время, в первой половине X в., состав княжего двора был такой же, какой существовал и в позднейшее время. Терем составлял только увенчание здания, верхний ярус *хором*, как общим именем прозывались остальные ярусы и вся совокупность строений.

Нет сомнения, что основою и первообразом древнейшего русского жилища была *клеть* – связь бревен на четыре угла, строение, уцелевшее в своей первобытной простоте и до наших дней. В таких клетях летом жил и св. Владимир в своем любимом с. Берестове, где в тех клетях и скончался.

Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая посредством печи, в отличие от холодной клети именовалась *истьбою*, также *истопкою*, что и заставляет предполагать, что из этой истопки образовалось и самое слово «изба», от глагола «топить», «истопить»; по крайней мере, такой смысл этого слова держится в показаниях наших летописей – и южных, и северных, в которых при описании событий XI и XII столетий находим: *истопку, истопьку, истобъку, истбу, истьбу, истебу, избу* теплу[1].

Удаляясь к первобытным временам, когда люди еще не умели строить клетей и жили в кущах, в шалашах и лачугах, конечно, только в южных теплых странах можно находить для слова *изба* корень в общем индоевропейском: *стоба, стаба, стуба*, по-русски *стопа*, в значении той *стопки*, какую устраивал себе первобытный человек для сохранения от непогоды и для тепла в виде конусообразного, округленного шалаша, обмазанного глиной. *Stabulum* (лат.) и *Stafmos* (греч.), обозначающие жилища первобытного устройства, указывают также на этот корень.

[1] Там же. Годы: 945, 1074, 1093, 1095, 1097, 1102, 1116, 1216. В 1095 г. «Пристрои Ратибор отрокы в оружьи истобку (истьбу, избу) пристави истопити им…».

Как бы ни было, но в историческое уже время в русских понятиях *изба, истопка* разумелась вообще клеть, отапливаемая печью, как она и теперь этим именем отличается от простой, холодной клети. Это была постройка, повсеместно распространенная в нашей более или менее лесной равнине – от Новгорода до Киева, составлявшая коренную типическую форму русского жилища как в простонародном крестьянском быту, так точно и в княжеском, а потом до конца XVII столетия – и в царском. Истопка, истьба, изба постоянно упоминается в летописях, как скоро речь идет о жилищах княжего двора. В составе княжего двора упоминается также *горенка* (1152 г.), обозначающая *горний*, т. е. верхний ярус постройки, и вновь свидетельствующая, что древний состав двора неизменно сохранялся и в позднем его устройстве. Но от других, боярских и вообще богатых дворов княжий двор отличался тем, что в его составе всегда находилась обширная клеть, носившая в то время именование *гридницы* (в песнях *гридня*) от имени *гридь, гридьба*, как прозывался особый отряд княжеской дружины, главным образом в Новгороде. В областном языке *грыднею* называется и простая изба.

В гриднице Владимир давал по воскресеньям пиры боярам, *гридям*, сотским, десятским и «нарочитым мужам», следовательно, она служила приемною и была самым обширным покоем княжеского дворца. В «Слове о полку Игоревом» упоминается о *Святославли гриднице* в Киеве; в древних песнях гридница носит эпитет *светлой*, и в ней обыкновенно стоят *столы* дубовые. В позднейшее время ей соответствовала по своему значению *повалуша, столовая изба*, также *горница*, а по способу постройки – *светлица*. Другие клети получали свои имена соответственно их назначению в княжеском обиходе, каковы были *ложница* или *одрина* – спальня, от слова *одр* – постеля. *Божницею* назывался домовый храм князей, в котором они слушали церковные службы, почти всегда на *полатях*, т. е. на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом переходами. «Володимир (Галицкий в 1152 г.) пойде к божници к святому Спасу на вечернюю и якоже бы на переходех

до божници, и ту виде Петра (посла Изяславова) едуща, и поругася ему: поеха мужь Рускый, объимав вся волости, – и то рек иде на полати (на хоры)»[1]. Впоследствии местоположение княжеских домовых церквей обозначается большею частью выражением *что на сенях*.

Общая характерная черта в устройстве древнего княжего двора, как и всех других богатых и достаточных дворов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клети ставились хотя и по две-три в одной связи, но всегда в отдельности, отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно *хоромами*. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили *сени* и *переходы*. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами как в верхнем, так и в нижнем ярусах всех построек.

Из всех мест летописи, где упоминается о сенях, видно, что они были в верхнем ярусе, где, следовательно, находились и все покои, в которых жили князья. Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще *сенями, сенницею*. «Си же (людье в 1067 г.) придоша на княж двор. Изяславу же *седящу на сенех* с дружиною своею… князю же из оконца зрящю и дружине стоящи у князя… (в 1095 г.) Итлареви в ту нощь лежащю у Ратибора на дворе с дружиною своею – на *сенници*… – И седшим всей братьи у Всеволода на сенех, и рече им Всеволод… – В то же время Борис пьяшет в Белегороде, на *сеньници*, с дружиною своею и с попы с Белогородьскими… – Петр же поеха в град и приеха на княжь двор, и ту снидоша противу ему *с сеней* слугы княжи вси в черних мятлих… и яже *взиде на сени*, и вида Ярослава, седяща на

[1] ПСРЛ. Т. II. – С. 72.

отни месте в черни мятли и в клобуце, такоже и вси мужи его, и поставища Петрови *столец*, и сяде…»[1].

В этом же значении до́лжно принимать и выражение *у государя на сенях*, весьма употребительное в XVI и XVII столетиях.

Мы упоминали уже, что князья, как потом и цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который от этого в XVI и XVII столетиях назывался вообще *верхом*: выражение *у государя в верху* значило то же, что во дворце. В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями, находились *порубы*. В позднейших редакциях летописей *поруб* заменяется словом *подклет*[2]. В этих-то подклетах и вообще в нижних этажах жили княжи слуги, отроки, детские и все лица, составлявшие княжий двор и называвшиеся поэтому *дворянами*. К хозяйственным постройкам княжего двора принадлежали *погреб, медуша* – погреб с вареными медами; *бретьяница* – погреб с бортевым медом; *скотница* – кладовая со всякою казною.

Некоторые из древнейших княжих дворов по красоте своей, а может быть, и по красивому местоположению назывались красными[3], а двор великого князя Юрия Долгорукого в Киеве, за Днепром, именовался даже раем. В отношении наружного вида дворцов мы имеем свидетельство «Слова о полку Игоревом», где упоминается о *златоверхом* тереме великого князя киевского Святослава.

Вот те краткие известия о древнейшем княжем дворе, которые находим в летописных свидетельствах X, XI и XII столетий. Несмотря, однако ж, на эту краткость и отрывочность первоначальных указаний о княжем доможительстве, мы видим, что древнейший княжеский быт в этом отношении очень мало изменился и в последующих веках, а что еще важнее – он был таким же и на севере, как на юге, ибо на севере жило то же княжеское племя, которое в те времена переходило туда с юга, перенося с собою все условия, потребности и порядки своей

[1] Там же. Т. I. – 73, 97; Т. II. – С. 21, 56, 72.

[2] Там же. Т. I. – С. 73; Т. II. – С. 24, 28; Т. III. – С. 2. Царственный летописец. – СПб., 1772. – С. 57.

[3] Там же. Т. I. – 99; Т. II. – С. 81.

жизни. Без всякого сомнения, дворец первых московских князей заключал в себе много сходного со всеми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мере, в состав его входили те же самые части, какие указаны нами выше. Это вполне подтверждают известия последующих столетий. *Златоверхий набережный терем* и *набережные сени* (в смысле целого дворца) Димитрия Донского, указывая на местоположение великокняжеских хором в Москве, объясняют вместе с тем и их сходство с древнейшими постройками того же рода. «Повесть о Мамаевом побоище» рассказывает между прочим, что весть о приближении Мамаевых сил застала великого князя за пиром в *набережных теремах*: пил он чашу за брата своего Владимира Андреевича. Далее, когда московская рать двинулась с князем в поход, повесть описывает плач его супруги: «Княгиня ж великая Евдокия вниде в *златоверхий терем в набережный, в свои сени* и сяде под стекольчатым окном на одре… слезы проливающе…» По другим спискам: «…сяде под южными окны… вниде в набережные сени и седоша о рундуце (стул) под стеклянным оконцем…»[1].

Несмотря на то, что сказание о побоище и, следовательно, эти известия о княжеском дворце относятся к более позднему времени, все-таки они дороги для нас как свидетельства, обозначающие хотя одною общею чертою сходство московского княжего двора с древними. Этот набережный терем находился подле самой церкви Благовещения, которая была первым домовым храмом московских князей. По красоте местоположения и московский княжий двор мог также называться *раем*. А что действительно он был построен обширно и с великолепием, какое соответствовало вкусам времени и богатству сильнейшего русского князя, так об этом могут свидетельствовать чудные часы, может быть, единственные в то время во всей Русской земле, которые поставлены были в этом дворце в 1404 г. Летописец потому только и сохранил о них известие, что они, выходя из ряда обыкновенных пред-

[1] Русский исторический сборник. Т. 3. – С. 24; см. также: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. V. – Стб. 70, 85.

метов, очень удивляли современников. Он описывает их следующим образом: «Князь великий (Василий Дмитриевич) замысли *часник* и постави (его) на своем дворе за церковью, за святым Благовещеньем. Сии же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы нощные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако; створено есть человеческою хитростию, преизмечтано и преухищрено»[1]. Другой летописец присовокупляет, что часы были «*чудны велми и с луною…*»[2], или с *лунным течением*, как выражались о подобных часах позднее. Мастером и художником этих знаменитых часов был чернец Лазарь, родом серб, пришедший в Москву с Афонской горы. Часы стоили более 150 руб. на тогдашние деньги: сумма по тому времени весьма значительная. Необходимо упомянуть, что Василий Дмитриевич около того же времени выстроил и самую церковь Благовещения, каменную, вероятно, на месте прежней деревянной, которой постройка приписывается великому князю Андрею Александровичу в 1291 г. Очень немудрено, что вместе с этими сооружениями церкви и часов великий князь вообще обновил свой дворец, украсив его, может быть, новыми зданиями, по обычаю, деревянными, о чем летописец не сказывает ни слова по той причине, что подобные перестройки как дело весьма обыкновенное в княжеском быту, не заслуживали упоминания. Летописи кон. XV в. и современные им записки упоминают, к случаю, *среднюю горницу*, в которой великий князь Иван Васильевич в 1479 г. по случаю торжественного освящения нового Успенского собора и перенесения в этот собор мощей московских чудотворцев давал стол митрополиту и духовным властям. Упоминают еще *набережную горницу* великого князя (1488 г.), *набережный сенник*, также *среднюю повалушу* великой княгини Софьи Фоминичны, где представлялся ей посол цесарский Юрий Делатор в 1490 г., и *столовую гридню* и *повалушу* великого князя, записанные летописцем

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. – Стб. 249.

[2] ПСРЛ. Т. VIII. – С. 77.

по случаю заключения в 1492 г. несчастного угличского князя Андрея Васильевича[1]. Здесь одна только *повалуша* не упоминается первоначальными летописцами, что, однако ж, не дает основания заключать, что повалуши не было в древнейших наших постройках, что ее не было и на княжих дворах. В других памятниках старинной письменности, относящихся даже к XII в., упоминается и *повалуша* и вдобавок с обозначением, что она бывала расписываема, т. е. украшаема живописью. «Ты, – обращается одно учительное слово к богатому, – живя в дому, *повалуши исписав*, а убогий не знает, где главы подклонити!»[2] Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища – такого описания, которое по типичности своей могло бы заменить нам полнейший свод всех известий по этому предмету; летописцы не имели в виду нашего любопытства и нисколько не занимались современным им домашним бытом по той, единственно, причине, что этот быт был так близок к ним, так известен всем, что его не стоило и описывать. Но насколько это может затруднять наши разыскания? Неужели во всех случаях мы должны раболепствовать пред данным фактом, не стараясь другими путями достигнуть истины? Археология в некотором отношении заключает в себе много сходного с палеонтологиею, которая по одной части заключает о целом, по одному позвонку какого-либо животного воссоздает целый его организм. То же самое можно сказать и об археологических изысканиях, хотя здесь достижение истины несравненно труднее и заключения и выводы должны предлагаться с большею осторожностью. Впрочем, и здесь есть такие предметы, о которых разыскания решаются без всякого затруднения. Например, в настоящем случае, мы знаем, что в древнейшем периоде нашей истории летописцы, упоминая о дворе, тереме, клетях, дверях и пр., ни слова не говорили о воротах, заборе, крышах, крыльцах,

[1] Памятники дипломатических сношений. Т. I. – С. 10, 30, 34; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. VI. – Стб. 48, 103 и 347; Летописец (Устюжский). – М., 1781. – С. 170.

[2] Известия Академии наук. Т. X. Вып. V. – С. 550.

окнах, лавках и т. д.; следует ли заключать из этого, что в древнейших русских жилищах не было окон, лавок и т. п., а при дворах – ворот и заборов? И нужно ли говорить исследователю по поводу первого летописного упоминания о дверях, что-де у древнейших наших жилищ были и двери, – и говорить об этом в то время, когда о других неизбежно подразумеваемых частях жилища не сказано ни слова?.. Таким образом, несмотря на то, что летописцы оставили нам весьма мало подробностей о старинном нашем домостроительстве, мы можем безошибочно пополнить краткие их указания известиями позднейшего времени. Это тем более возможно, что народный быт Древней Руси, особенно в отношении образа жизни, нелегко поддавался посторонним влияниям, нелегко изменялся и даже до настоящего времени сохранил основные черты своего характера. Все согласятся, мы думаем, что теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за 300, 400 и даже за 1000 лет. Притом до Петра Великого все население Московского государства не различалось так резко ни в образе жизни, ни в обычаях; следовательно, и домоустройство всех сословий отличалось повсеместным однообразием, сходством, которое сохраняется даже теперь по всем великорусским деревням.

Мы уже сказали, что первообразом древнего русского жилища была *клеть*, из которой потом образовалась *изба* – до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клеть составляли, так сказать, основу его двора. Обыкновенно изба была *поземная* и *черная*, т. е. курная, срубленная прямо на *пошве* или на *подзавалье*, с волоковыми окнами, от 6 до 8 верш. длины и 4 верш. ширины, которые располагались почти под потолком для пропуска в них дыма и походили более на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что их не затворяли, а задвигали или заволакивали, особою закрышкою или доскою. У некоторых изб были *дымницы* или *дымники*[1], вероятно, деревянные трубы, какие нередко встречаются и теперь; впрочем, эти дымницы составляли,

[1] ПСРЛ. Т. III. – С. 160, 164.

кажется, принадлежность белых изб, о которых мы еще будем говорить. Против избы у семьянистых и зажиточных людей ставилась *клеть* – летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общею кровлею, между клетью и избою, называлось *сеньми*. Под клетью, которая в иных местах называлась *повалушею* и даже горницею, почти всегда был *глухой подклет*, называвшийся нередко *мшаником*, в котором помещался домашний скот или кладовая. Поэтому клеть в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина. Мы берем только главные черты, не упоминая о разных подробностях крестьянской избы и клети, о принадлежностях крестьянского двора, собственно о *дворище*, как в древнее время называлась вся совокупность таких принадлежностей, вообще о *дворовом* и *огородном строении*, потому что все это с незапамятных времен и доныне существует почти без изменений.

У людей других сословий – у богатых гостей, дворян и, наконец, у бояр, постройка и расположение хором изменялись по мере потребностей, какие уставляла жизнь каждого лица, хотя в главных чертах они и сохраняли первобытный тип избы и клети простолюдина. Вместо черной, поземной избы здесь ставилась *изба белая*, также поземная, но с тою только разницею, что дым из нее проходил в трубу, *дымницу*, а не в дверь и не в волоковые дымовые окна, как бывает в избе курной. Впрочем, большею частью такая изба строилась на *подклете*, почему и называлась *горницею* как верхний, *горний* покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с *красными*[1], косящатыми окнами, при которых, однако ж, допускались и малые волоковые, располагаемые обыкновенно по сторонам красных, но чаще в боковых и задних стенах горницы. Сверх того, горница отличалась от избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая, круглая или четыреугольная вроде голландской, совершенно отличная от

[1] Значение прилагательного *красный* более или менее известно. Красными, в смысле «красивые», назывались большие окна с колодами и оконницами или рамами в отличие от малых, волоковых не имевших оконниц и колод.

избной – так называемой русской печи. Горница и самая изба разделялась нередко перегородками на несколько комнат. Нередко две-три или четыре клети или горницы ставились в одной связи и назывались собирательно *двойнями, тройнями, четвернями*, смотря по количеству связанных таким образом клетей, вообще *хоромами* в собственном смысле, а каждая такая клеть отдельно – *комнатою* и *горницею*.

Что же касается подклетов, то это были нижние этажи древних хором; они носили разные наименования, смотря по своему назначению: в них помещались людские, кладовые или казенки, в которых хранилась казна, т. е. имущество, и пр. В первом случае они были *жилые* с волоковыми окнами и с печами, во втором – *глухие*, т. е. нежилые, иногда без окон и даже без дверей, потому что ход в них бывал только из верхнего этажа.

В больших хоромах обширные *сени* соединяли горницу или комнаты с *повалушею* или *повалышею*, которая всегда ставилась особняком от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете, в два или в три яруса. Это был обширный летний, т. е. холодный, покой, соответствовавший клети в крестьянском дворе и служивший большею частию в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повалыша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых и особенно в государевых хоромах она соответствовала древней *гридне*, а впоследствии *столовой*, т. е. парадной комнате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этою, может быть, целью повалуша и ставилась подалее от жилого помещения и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними клетями.

Кроме горницы и повалуши, в состав старинных хором входили еще светлица и сенник. Светлица – та же горница, с одними только красными косящатыми окнами, которых в ней было больше, нежели в горнице, и которые, разумеется, давали более свету, нежели окна горницы и всякого другого покоя. В светлице окна прорубались во всех четырех стенах или, по крайней мере, в трех, между тем как горница имела

красные окна только с лица или с двух сторон, если была угловая. Светлицы ставились по большей части только на женской половине и всегда служили рабочими комнатами для женских рукоделий, особенно для вышивания шелками, золотом и для белого шитья. Вообще, светлица была комнатою, назначаемою для работ разного рода и для всяких занятий. Сенник, от слова *сени*, – также холодный покой, без печи, с немногими волоковыми окнами, служивший летом спальнею; от теплых хором он отличался особенно тем, что на дощатом или бревенчатом его потолке, как и на потолке сеней, никогда не насыпалась земля, что необходимо было при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обыкновенно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головами была земля как такой предмет, который среди радостей жизни во время «веселия», как называли самую свадьбу, мог подать повод к размышлению о смерти; по крайней мере, так объясняет этот обычай англичанин Коллинс, посещавший Москву при царе Алексее Михайловиче. Сенником и сенницею назывался также и сарай для сена, сеновал. Мы упоминали уже о значении сеней в древних постройках; этим словом называли все части хором, расположенные пред входом в жилые и нежилые покои и соединявшие все отдельные хоромины, т. е. горницы, повалуши, клети, светлицы и т. д. В богатых и государевых постройках, на женской половине хором *сени* приобретали значение теперешней залы и потому устраивались обширнее, чем в других частях хором. Здесь сени служили местом для девичьих веселостей и игр. Сени, находившиеся вне общей кровли, непокрытые или покрытые одним навесом, назывались *переходами* и *крыльцом*, если при них была лестница со двора. В горницах и повалушах, преимущественно же в сенях, устраивались *чуланы* и *каморки*; в горницах они служили спальнями, а в сенях – кладовыми. Где-нибудь позади к сеням прирубались *задцы* или *придельцы* для необходимого назначения. Над сенями иногда делался *верх* или *вышка*, светелка, а внизу – *подсенье*. Верхний этаж древних хором составляли светлые *чердаки*, из-

вестные также под именем *теремов* и *вышек*. Они устраивались под самой кровлей здания, были со всех сторон открыты, почему и пользовались обширным видом; к ним пристраивались иногда *смотрильни* – небольшие башенки, с которых смотрели на окрестность. Отличительною чертою теремов или чердаков были красные, нередко двойные окна, прорубленные на все четыре стороны терема. В древних народных песнях терем носит эпитет *высокого*, каким он всегда и был. Около теремов или чердаков почти всегда устраивались гульбища, парапеты или балконы, огороженные перилами или решетками.

Таким образом, древние наши хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем *житье* или ярусе – горницы, повалуши, светлицы; вверху – чердаки, терема, вышки[1].

В заключение этого обзора древних деревянных хором нужно упомянуть, что в больших хоромах расположение частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, смотря по удобству и различным требованиям, которые условливались значением строившего лица, многочисленностью его семьи и т. д. Впрочем, как бы ни были обширны хоромы, они всегда сохраняли в своем составе общий тип клети и избы с их подклетами.

Способ постройки деревянных изб, клетей и всяких хоромин, вообще плотничное дело с незапамятных времен и до настоящих дней едва ли потерпело какие изменения. Конечно, в настоящее время при других потребностях общества оно уже не пользуется тем значением, какое видела в нем старина, любившая жить исключительно только в хоромах деревянных. Может быть, по тем же причинам оно утратило некоторую долю искусства, каким славилось в те времена, выстраивая скоро и прочно огромные дворцы, высокие церкви, обширные городские стены с башнями, раскатами и т. п. Теперь всего это-

[1] Ср. другой наш очерк хоромного состава в нашей статье «Черты самобытности в древнерусском зодчестве. Древняя и Новая Россия». Т. I. – 1878 . – С. 193 и след. (Статья эта в отдельном издании (М., 1900) озаглавлена «Русское искусство. Черты самобытности». – *Ред.*).

го стало не нужно и каменные постройки все больше и больше вытесняют, по крайней мере из городов, зодчество деревянное. Но в старину плотничное дело процветало в полной силе.

Припомним, что вся Великая Русь была по преимуществу земля лесная, как ее постоянно и называют южные князья, в которой, следовательно, лесной материал был ни почем и по своей дешевизне оставался надолго почти единственным строительным материалом. Это самое служило немалым препятствием распространению и улучшению кирпичного производства, нужда в котором была очень незначительна. Деревянные постройки ставились так скоро, были так удобны, сообразны обычаям и потребностям времени и так были дешевы, что, несмотря на беспрестанные пожары, опустошавшие в несколько часов целые посады и даже большие города, кирпичное производство не принималось до тех пор, пока не стал ощутительно дорожать лесной материал. В конце XV в. итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, призванный строить в Москве Успенский собор, именно по случаю окончательной несостоятельности в этом деле русского каменного зодчества нашел, что мы не совсем хорошо делали кирпич. С того времени благодаря ему и другим итальянцам, научившим нас этому производству или, по крайней мере, указавшим лучшие его способы, можно было ожидать, что оно утвердится хотя в самой Москве, где требования на каменные здания стали с каждым годом увеличиваться. Однако в начале XVII столетия мы принуждены были опять вызвать кирпичного мастера из Голландии и снова учиться тому, чему были выучены почти за 150 лет назад. Так могущественны были не одни только старые обычаи, а именно выгоды, доставляемые дешевизною обычного строительного материала – дешевизною, неимоверным удобством и скоростью, с которыми строились деревянные здания. Само собой разумеется, что в таких обстоятельствах процветание плотничного дела было вполне обеспечено. Из простого домашнего мастерства с первобытными приемами, которое так знакомо было почти каждому селянину, оно сделалось в некотором смысле художеством; созидало высокие и обширные церкви о *три-*

надцати верхах, какова, например, была София Новгородская еще в начале X в., о *двадцати* стенах, какова была Успенская церковь в Устюге (1492 г.), о *двадцати пяти* углах, какова была церковь св. Николы «вельми преудивленная и чудная во всей Псковской волости»[1]; строило еще более обширные городские стены с башнями и воротами, весьма красивыми, по отзыву Маскевича о московских деревянных стенах, и с тем же искусством выстраивало огромные дворцы и хоромы государевы.

Подобные постройки, конечно, требовали немалой опытности и знания не одной только техники мастерства, но и искусства архитекторского, знания разных механических условий, без которых невозможно было возводить столь обширные постройки.

Доморощенные наши архитекторы того времени и вместе с тем начальники плотничных артелей назывались *плотничьими старостами*; плотники же назывались иногда и *рубленниками* от главного занятия в их мастерстве – *рубить*. Замечательным памятником их искусства, о котором мы можем иметь понятие, хотя по сохранившимся рисункам, служит деревянный Коломенский дворец XVII столетия. Заброшенный и оставленный еще с первых лет XVIII столетия, он стоял почти без всякой поддержки более 60 лет и был разобран только в 1768 г. Представим несколько подробностей, характеризующих старинное плотничное дело и вообще способы построек.

Клеть как первообраз и основа всякой хоромины, какое бы название она ни носила и как бы обширна ни была, ставилась обыкновенно в четыре стены, из бревен или, при достаточном хозяйстве, из брусьев, т. е. бревен, тесанных со всех четырех сторон. Бревна на углах стен связывались или срубались *в обло* и *в присек*, *в лапу* и *в замок*, как обыкновенно рубились избы в деревнях; *в ус*, как вообще рубились хоромы, особенно брусяные: *в ус, в брус*, также *в косяк, в угол*. Связанные таким образом по углам, четыре бревна или бруса составляли *венец,*

[1] Летописец (Устюжский). – М., 1781. – С. 169, 171; Псковские летописи в ПСРЛ. Т. IV. – С. 240.

ряд; количеством венцов или рядов, друг на друга положенных, определялась часто, смотря по толщине бревен, и вышина клети или ее стен: говорили, например, вышиною на пятом венце. *Окладывались*, т. е. ставились, клети или прямо на *пошве*, т. е. на земле, или же, как бывало в хоромных постройках, на *столбах* и *режах* или *обрубах*, что называлось *подрубать реж*. Режи и обрубы составляли как бы фундамент и рубились клетками или *избицами*, иногда, для большей крепости, в две стены. Избы и клети иногда даже и в царских хоромах рубились *во мху*, т. е. перекладывались по каждому венцу мохом. Хоромы зажиточных людей и царские конопатились обыкновенно плохим льном, пенькою или паклею; сверх того потолки и стены обивали иногда белыми полстьми и войлоками.

Мост или пол мостили на *кладях* или *лежнях* половыми досками в *причерт с вытесом*, т. е. ровно и гладко, также *взакрой* и всегда выверстывали. В подклетах клали мост *пластинный* или *бревенчатый*. Подволоку или потолок утверждали на *матицах*, настилая брусьями или накатывая бревнами, которые также, снутри клети, почти всегда вытесывались в *брус* или клались *в подтес, взакрой*. Большие хоромы всегда укрепляли связным железом *скобами, наугольниками, подставами, веретенными гвоздями* и т. п.

Нарядить нутро значило отделать клеть начисто внутри, т. е. вырубить и околодить окна красные и волоковые, сколько понадобится: покласть у стен *лавки с опушками*, на *стамиках*; устроить, где следовало, *коник*; навесить двери, сделать *опечек*, или место для печи, и т. д. К тому же наряду относилась и окончательная уборка стен и потолка. Стены, особенно если они были бревенчатые, внутри и снаружи *обшивались* красным тесом в закрой; брусяные же отделывались *вскобель* или выскабливались *в лас*. Потолок точно так же подшивался тесом или липовыми досками в закрой. В жилых клетях потолок сверху вымазывали глиною и по просушке насыпали просеянною землею – *черноземом, наволакивали* землю.

Связь обыкновенной двускатной кровли состояла из *князя*, иначе *князка*, также *коня* и *конька*, верхнего продоль-

ного бруса, от которого вниз с обеих сторон протягивались *курицы*, или деревья с закрючинами, на коих клались *застрехи*, нижние продольные брусья кровли, составлявшие ее свес. С лица клети эти деревья или курицы закрывались узорочно вырезанными *причелинами*, которые спускались по сторонам *очелья* (фронтон), закрывавшего чердак, или верхнюю подкровельную часть клети. Затем кровля решетилась *латоками*, или продольными решетинами, и *подстрелинами*. Связь хоромных кровель, которые большею частию крылись *по-полатному*, т. е. со скатами на все четыре стороны, также состояла из *князя*, который опирался на подстрелины и *быки*, связанные *решетинами*.

На хоромах кровли крыли в *два теса со скалою*, т. е. с берестою, которою перекладывали тес, чтобы не проходила теча, что называлось *поскалить*; иногда крыли драницами со скалою же. Кроме того, тесовые кровли делались в нижней части почти всегда с полицами, т. е. небольшими переломами или отводами вроде полок, предупреждавшими сильный сток воды. Это было необходимо в том отношении, что кровли устраивались очень круто. Под полицы клали желоба большие *охлупные* и малые; устраивали также *водяные скаты*. По полицам нередко ставили балясы, а самый свес украшали *подзоринами*. Наверху по князю ставили резной гребень, с маковицами по краям. В таких кровлях устраивали нередко *выпускные* или *выводные* окна, освещавшие чердак; а чаще *чердашные слухи*, окна слуховые.

Вообще, кровли в старину служили немалым украшением зданий, особенно в больших, обширных постройках. Они устраивались высокими *шатрами* в виде башен, сводились в виде *бочек*, в виде *кубов*, причем то и другое соединялось нередко вместе, т. е. *шатры* стояли на *бочках*. Шатры, кубы и бочки искусно *кожушились* мелкими решетинами и покрывались большею частью гонтом (лемехом) в *чешую*. Кроме того, верхи хором украшались чердаками или теремами род бельведеров с красными, иногда двойными окнами на все стороны. Около таких чердаков устраивались *гульбища*, балконы, ого-

роженные *балясами*, или *перилами*, *гудками* (род балясника). Самые верхние чердаки или собственно бельведеры строились или на четыре угла, или же в виде *шестерика* и *осмерика*. Верхи чердаков, шатров, бочек, кубов украшались *прапорцами*, флюгерами, а бочки, сверх того, резными гребнями.

Само собою разумеется, что верхние *жила*, т. е. чердаки и терема, строились легче нижних ярусов и обыкновенно ставились на стойках или столбах, забирались брусьями или нетолстыми бревнами и обшивались тесом *взакрой* или *вкосяк*.

Тем же почти способом устраивались и сени. Они ставились также на *стойках* или *подставках* и обвязывались тесом с брусьями. Двухъярусные сени ставились на *лежнях на подборе* бревнами; *подбирать* – значило ставить бревна в стену стоймя, что также называлось *забирать в столбы*; так обыкновенно устраивались сени *исподние* или *подсенье*; верхний ярус забирался досками *вкосяк*. Чуланы в сенях забирались тесом взакрой. Крыльцо в малых клетях устраивалось на *выпускных* бревнах; в больших – на *подрубах*. Лестницы клали на *тетивах*, в которых вставлялись *ступени*, обшиваемые тесом. Смотря по высоте клети, лестницу всегда *переламывали*, т. е. делали с отдыхами и по сторонам почти всегда *опериливали*, т. е. делали *поручни* или перила с балясами или решетками. В больших хоромах перед лестницею *взрубали рундук* на один, на два и на три *всхода* о трех или более ступенях. Рундук почти всегда покрывался *шатриком* на точеных столбах, который подбирался тесом *вкосяк*.

Около двора заметывали *замет* или *заплот*, т. е. забор. В достаточных дворах забор рубили из бревен в лапу и в замок, скоблили на оба лица, приводили *в черту*, чтоб щелей и в углах дыр не было. Забор красился воротами, которые устраивались на столбах или *столбцах* и связывались в один *щит*, а в достаточном хозяйстве делались створчатые из двух щитов, с калиткою; а нередко и *тройные*, т. е. с двумя калитками, *обшивочные*, т. е. обшитые тесом. Почти всегда ворота покрывались тесовою кровлею с полицами, а на князьке украшались резным гребнем или же небольшими бочками и шатриками. По убор-

ке и отделке ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба – углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы – теремом.

Этих подробностей, которые все, до слова, заимствованы нами из строильных записок XVII столетия (начиная с 1614 г.), весьма достаточно для того, чтоб дать понятие о старинном плотничном деле, а главное, о том, что оно и до сих пор держится на тех же способах и приемах, какие, без сомнения, употреблялись еще в первые века нашей истории. Все плотничные термины сохраняются до сих пор; их почти вовсе не коснулась немецкая, вообще иноземная техника, и самое производство существует без всяких пособий со стороны ученых архитекторов, которые в отношении языка техники, если б захотели, многое могли бы заимствовать из этого родного и, следовательно, наиболее для всех понятного источника родных же слов и названий.

Выше мы представили общие, типические черты старинных деревянных построек вообще в Древней Руси, и особенно в Московской стороне. Эти же самые черты, только в более широких размерах, повторяются и в хоромах московского великого князя. Мы упоминали уже о набережном тереме, средней горнице, столовой гридне и повалушах. По этим названиям можно судить и о прочих частях великокняжеских хором: они были совершенно сходны с описанными выше. Уклонения от общего характера были весьма незначительны и условливались теми требованиями, которые вытекали собственно из жизни великого князя как государя всея Руси. Вообще великокняжеские хоромы – как древнейшие, так и строенные во времена царей сообразно назначению их в домашнем быту государя можно рассматривать как три особых отделения. Во-первых, хоромы *постельные*, собственно жилые, или, как называли их в XVII в., *покоевые*. Они были не обширны: три, много – четыре комнаты в одной связи служили весьма достаточным помещением для государя; одна из этих комнат, обыкновенно самая дальняя, служила постельною, опочивальнею, ложницею; подле нее устраивалась *крестовая* или моленная;

другая имела значение теперешнего кабинета и называлась собственно *комнатою*, и, наконец, первая по входе именовалась *переднею*, но не в таком смысле, в каком употребляется это слово теперь: эта передняя была собственно приемною; нынешней же передней в древности соответствовали сени, которые в государевых хоромах почти всегда были теплые. Эти сени перед переднею назывались обыкновенно *передними сеньми*. Точно такие постельные хоромы были, например, у царя Ивана Васильевича; они находились позади Средней Золотой палаты в связи с нею и заключали в себе *передние сени, переднюю* и *две комнаты* с прозванием: *что слыл чердак* (терем) *государыни царицы Настасьи Романовны*, потому что на верху их высился ее терем[1]. Порядок, в каком комнаты следовали одна за другою, бывал различен; но обыкновенно они располагались так: передние сени, передняя, крестовая, комната четвертая (считая от передней) или задняя; наконец, сени задние. Иногда за переднею следовала комната, потом третья, четвертая, как было, например, в каменном Кремлевском Терему. Когда хоромы были в две комнаты, то за переднею следовала комната и потом комнатные или задние сени. Если в хоромах было более комнат, нежели сколько мы здесь поименовали, что, впрочем, случалось редко, то все эти комнаты не носили никаких особенных названий; их просто называли: *третья, четвертая, пятая* и т. д. или, смотря по местоположению, *средняя, задняя, сторонняя* и т. п. Иногда в комнатах устраивались чуланы, собственно для спальни, имевшие поэтому значение алькова. Вообще же чуланы и каморки, устраиваемые в комнатах и особенно в сенях, составляли вместе с подклетами обыкновенные принадлежности постельных хором. *Сенник* и *мыльня*, принадлежавшие также к постельным хоромам, соединялись с ними сенями или переходами; мыльня же часто помещалась в подклете. Верхний этаж таких хором составляли светлые чердаки или терема с частыми окнами, с гульбищами кругом всего здания, украшенные башенками, прорезными гребнями и маковицами.

[1] Дворцовые разряды. Т. I. – СПб., 1850. – С. 1152.

Княгинина половина, хоромы государевых детей и родственников ставились отдельно от жилых хором государя и с небольшими изменениями во всем походили на последние.

Ко второму отделению государева дворца мы относим хоромы *непокоевые*, назначенные собственно для торжественных собраний. В них государь, следуя тогдашним обычаям, являлся только в важных торжественных случаях среди бояр и духовных властей. В них происходили духовные и земские соборы, приемы послов, давались праздничные и свадебные государевы столы – одним словом, это были в деревянных хоромах парадные залы, которым соответствовали разные палаты выстроенного впоследствии каменного дворца. Сообразно такому назначению хоромы этого отделения были обширнее прочих и стояли впереди хором постельных, которые помещались обыкновенно в глубине двора. Что же касается до названий, то эти хоромы не носили особенных имен, за исключением разве *гридни*, а были известны под общими именами *Столовой избы, горницы* и *повалуши*.

К третьему отделению принадлежали все хозяйственные дворовые постройки, службы, располагаемые почти всегда особыми дворами или дворцами, которым и давались названия, смотря по их значению в дворовом обиходе государя. Известны дворцы Конюшенный, Житный, Кормовой или Поваренный, Хлебенный, Сытный и пр. Что же касается до великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно в серебряных и золотых сосудах, дорогих мехах, дорогих тканях и тому подобных предметах, то великий князь, следуя весьма древнему обычаю, сохранял эту казну большею частию в споях и подвалах, или подклетах каменных церквей. Так, из летописей узнаем, что казна великого князя Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и св. Лазаря, а казна его супруги, великой княгини Софьи Фоминичны, – под церковью Иоанна Предтечи на Бору, у Боровицких ворот[1].

[1] Летописец 6714–7042. – М., 1784. – С. 297; Русский временник. Ч. 2. – М., 1790. – С. 169.

Мы уже сказали, что правильного, симметричного плана в древних больших постройках не было, почему и дворец великокняжеский в своем расположении представлял огромную массу зданий, раскиданных без всякого соответствия в частях. Довольно полное и наглядное понятие о характере древних великокняжеских и царских жилых построек или хором дают описания загородных дворцов XVII столетия. Из них особенно любопытно описание Коломенского дворца потому именно, что сохранились его фасады и план, которые во многом могут пояснить описание. Считаем не лишним упомянуть об этом дворце как о типическом памятнике древних деревянных построек. План обнаруживает, что дворец заключал в себе несколько отделений или особых хором, соединенных между собою переходами и частию сенями; что постройка этих отделений происходила в разное время, смотря по надобности; что постепенно к старым пристроивались новые клети, избы, избушки, сени, крыльца, переходы, так что целое лишено всякой симметрии и того порядка в соответствии частей, к которому приучены теперешние вкусы строителей. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны с мыслию не о правильности плана или о его красоте, а об удобствах, какие представлялись местом постройки или отношением и зависимостью этой постройки от других отделений дворца.

В лице всех построек с восточной их стороны стояли *передние* хоромы государевы, заключавшие пять комнат жилых, с отдельными сенями при каждом выходе: именно две впереди, в лице, *передняя* и *комната*, и три, составлявшие как бы особое отделение, назади, глубже во двор. Противоположно *передней*, дальше к северу, стояла обширная *столовая*. Она соединялась с комнатами посредством весьма обширных *столовых сеней*, над которыми в три яруса возвышались светлые *чердаки* или *терема* с открытыми галереями или *гулбищами* со всех четырех сторон. Кровля столовой была устроена кубом четвероугольным и на вершине украшена *глобусом* с изображением орла промежду льва и единорога или *инрога*. Кровля двух передних комнат крыта *бочкою* с резным *гребнем* наверху

и *прапорцами* или флюгерами. Задние комнаты с принадлежащими к ним сенями покрыты четырехскатною кровлею; над четвертою и пятою был светлый чердак – терем и шатровая кровля, дававшая строению вид башни, тем более что вершина ее была украшена двуглавым орлом. Над рундуками или отдыхами, площадками крыльца и над сеньми возвышались также стройные *шатры*. Все кровли крыты гонтинами в чешую. Высота этих шатровых строений или башен простиралась от 7 до 15 сажен. Нижний этаж хором занимали подклеты, в которых помещались кладовые, жилье для дворовых людей и для стрелецких караулов, находившихся: один – подле крыльца под передними комнатами; другой – подле ворот, под столовою.

Еще глубже во двор, за комнатами государя, стояли хоромы царевича с двумя комнатами и с теремами наверху, крытые двумя шатровыми кровлями в виде башен, соединенных в верхних чердаках *переходцами*. Далее, за хоромами царевича, стояла государева *мыленка*, а за нею *оружейная* и *стряпущие избы*. Из мыленки шла лестница вверх на сени царицыных хором, которые стояли лицом к северу, позади хором государевых, и заключали в себе три комнаты с обширными теремами наверху, крытые *бочкою*, и одну комнату также с теремами, крытую шатром в виде башни. Обширные передние сени этих хором были покрыты также шатром, а крыльцо – шатром с бочками.

Взади дворца, с западной стороны, размещены были четыре отделения хором *больших* и *меньших* царевен, каждое из трех комнат, с теремами наверху, с мыленками, стряпущими избушками и другими принадлежностями старого быта, крытые также шатровыми кровлями наподобие башен. Нижний этаж всех хором точно так же состоял из подклетов, которые служили помещением для дворовых людей, для кладовых и для стрелецких караулов.

Хоромы царевен соединялись длинными крытыми переходами с хоромами царицы и с церковью. Точно так же переходами соединялись и другие отделения коломенских хором.

Несмотря на то, что Коломенский дворец построен в половине XVII столетия, он сохранил неизменно – и в плане, и в

фасадах – все типические черты древнейших построек и потому, как мы упомянули, может служить характеристикою как древних, так и современных ему деревянных построек. В этом убеждают также планы и фасады и других царских и боярских хором, изданные в особом Сборнике при *Записках* Археологического общества. Отделение русской и славянской археологии, т. 2. Нет никакого сомнения, что таков, по крайней мере в общих и главных чертах, был и первоначальный Кремлевский дворец. Да и самые подробности не могли слишком уклоняться от общего типа, а тем более резко изменяться. Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одни. Основною мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по *пошлине*, что пошло исстари, как было при отцах, при дедах и при прадедах. И если прапрадедовский кафтан, переходя к праправнуку, нисколько не изменял своего покроя, то в отношении жилищ, в их постройке и устройстве еще неизменнее сохранились старые привычные порядки и предания, тем более что неизменны были потребности и общий склад жизни и быта, от которых вполне зависели и все материальные их формы.

Мы увидим, что и каменный дворец, построенный на месте деревянного итальянскими архитекторами в конце XV в., нисколько не уклонился от заветного типа. Вместо деревянных были построены те же, только более обширные, *клети*, гридни, горницы, названные палатами. Клеть, изба и здесь послужила неизменным типом, который не допустил связать в одно целое, в один общий цельный план особые комнаты нового дворца, каковы, например, приемные парадные и жилые покои. По-прежнему они были размещены, придерживаясь, без сомнения, старому основанию хором, отдельно, как размещались во дворах избы и клети, смотря по местному удобству и по неизменным требованиям и условиям тогдашнего быта, которые уже заранее указывали места для той или другой постройки. Старое оставалось даже и в названиях: так, нижние этажи каменных зданий по-прежнему именовались *подклетами*, хотя были всегда со сводами и только по своей местности

соответствовали подклетам деревянных хором. Крыльца и при каменных палатах сохранили свое древнее значение хоромного крыла и ставились с совершенным подобием крыльцам деревянным, каково, например, было крыльцо и при Грановитой палате, названное Красным. Но что особенно напоминало древний характер хоромных строений – это *переходы* или открытые сени, которые и в каменном дворце, по отдельности разных палат и зданий, составляли такую же необходимость, как и в хоромах деревянных.

Мы сказали, что в конце XV в. на месте великокняжеского деревянного дворца воздвигнут дворец каменный. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя. В конце XV в. великий князь Московский сделался самодержцем всея Руси; к Москве стали постепенно присоединяться разные области Древней Руси, жившие дотоле независимо, самобытно. Мысль о самодержавии Московского государя с каждым днем приобретала более силы, более сознательности, а с этим вместе совершенно другое значение получал и государев дворец в Москве. Прежние формы, прежние обряды быта великокняжеского становились уже недостаточными в жизни государя-самодержца. Сверх того, это новое, государственное направление, только что возникшее в Москве естественным ходом ее истории, было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которою великий князь Иван Васильевич вступил в супружество. Последствия этого брака, имевшие важное значение в государственном отношении, не менее важны были и в частном быту московского государя: его двор и дворец с этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое от угаснувшей Византии. Притом этот брак завязал самые тесные сношения Москвы с европейскими государствами; начались частые приезды иноземных послов, прием которых при новых политических отношениях Московского государя требовал большей церемониальности, большего великоле-

пия; поэтому новый дворец, более обширный и более соответственный новым потребностям, был необходим. Вообще исход XV в. составляет блестящую эпоху не только в истории государева дворца, но и в истории всего Кремля, который, по мнению некоторых иностранных путешественников XV и XVI вв., составлял собственно дворцовую крепость. Никогда – ни прежде, ни после – не было в Кремле такой напряженной деятельности в поновлениях и постройках. Соборы и церкви, палаты государевы, городские ворота, стены, стрельницы, башни с тайниками – все это быстро воздвигалось при помощи итальянских зодчих, нарочно для того вызванных, и не более как в 20 лет наружность Кремля совершенно изменилась. На месте прежних деревянных зданий были уже новые, каменные, более обширные, красивые и более прочные. Зубчатые стены со стрельницами, окруженные глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый вид, который еще с большею яркостью обрисовывался на темном грунте деревянных построек тогдашней Москвы и на зелени ее многочисленных садов или, правильнее, огородов, находившихся почти при каждом доме.

Великий князь Иван Васильевич начал постройку нового каменного дворца с церкви Благовещения, что на Сенях, воздвигнутой еще при великом князе Василии Дмитриевиче. В 1484 г., разрушив дедовскую постройку, он заложил новую, на каменном подклете, который обложил *казною*, т. е. палатами для своей казны. Сверх того, с восточной стороны этой церкви, между нею и Архангельским собором, заложил кирпичную палату также с *казнами* и с большим белокаменным погребом, известную впоследствии под именем Казенного двора. Таким образом, не нарушая древнего обычая, великий князь и в каменном дворце устроил свою казну подле церкви. Почти в то же время, в 1487 г., с западной стороны Благовещенского собора, на великокняжеском дворе, вероятно, на том месте, где был набережный златоверхий терем при Дмитрии Донском, – фрязин Марко Руф заложил каменную палату, которая, быть может, относительно Большой Грановитой называлась *малою*, а так-

же *набережною*[1]. В августе 1489 г. Благовещенская церковь на государевых Сенях была уже освящена. Между тем постройка каменных зданий на дворе великого князя продолжалась. В 1491 г. Марко Руф и Петр Антоний выстроили на площади *большую палату*, которая сохранилась до нашего времени под именем Грановитой. Эта палата как передний приемный покой дворца заменила древнюю *гридню*, а в царском быту получила значение главной церемониальной залы. В 1492 г. апреля 5-го великий князь, переехав со всем семейством из своего старого двора в новые хоромы князя Ивана Юрьевича Патрикеева, стоявшие против церкви Иоанна Предтечи на Бору, повелел свой «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный двор». Между тем в то же время он велел поставить себе свой собственный двор за Архангельским собором, деревянный, в котором временно намеревался поселиться. Но это начало постройки каменного дворца было не совсем благополучно. 28 июня 1493 г., в воскресенье утром, случился один из тех страшных, опустошительных пожаров, которые бывали довольно часто в древней столице и которые истребляли деревянные ее постройки почти каждый раз с конца в конец. Загорелось за Москвою-рекою, и при ужаснейшей буре в один миг «нечислено нача горети во мнозех местех». В Кремле прежде всего загорелся новый деревянный двор великого князя (Патрикеевский) у Боровицких ворот, в котором он только что поселился. Потом занялись житницы под горою, на подоле Кремля; оттуда новый двор великого князя за Архангельским

[1] Карамзин отнес 1487 г. к заложению Грановитой палаты, которая была окончена постройкою в 1491 г. Последующие описатели кремлевских древностей повторяли слова историографа. Но в летописи под 1487 г. сказано, что Марко Фрязин заложил палату на дворе великого князя, где *терем стоял*, а под 1491 г. упомянуто о совершении *большой* палаты *на площади*. Основываясь на этом различии местности на дворе и на площади и припомнив древний Набережный терем, мы должны были отнести 1487 г. к заложению не Грановитой, а Набережной палаты. Выражение *большая палата* указывает, что существовала *малая. Малая палата*, именно *Набережная*, упоминается в 1490 г. по случаю приема цесарского посла Юрия Делатора; следовательно, еще до совершения Грановитой она служила уже приемною. В первое время Грановитая палата именовалась только *Большою*. – Памятники дипломатических сношений. Т. I. – С. 26; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. X. – Прим. 111.

собором; и все это место с другими близлежащими частями Кремля выгорело дотла. Летопись, описывая этот пожар, говорит в заключение, что «по летописцам и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар не бывал». Великий князь выехал из опустошенного Кремля на Яузу, к Николе Подкопаеву; поселился на *крестьянских дворах* и стоял там до ноября, когда и переехал в Кремль, в новые хоромы, выстроенные для него на пожарище. Опустошение, произведенное этим пожаром, было чувствуемо долго. В несколько часов Москва превратилась в огромное пепелище; жители остались без имущества, без крова; более 200 чел. погибли в пламени. При таких обстоятельствах великому князю вовсе нельзя было думать о сооружении нового каменного дворца: нужно было прежде всего обстроить город, помочь его жителям, которые все более или менее пострадали от пожара… Точно так и было. Летописи этого времени не говорят ни о каких значительных постройках – ни в самом Кремле, ни на дворе великого князя. Напротив, в них находим известие об одних только распоряжениях великого князя, касавшихся более городского благоустройства. Еще после пожара, случившегося в Кремле, в этот же 1493 г. весною великий князь велел очистить от строений и церквей Занеглименье, близость деревянных построек которого всегда угрожала Кремлю и на этот раз, вероятно, была причиною его опустошения. Несмотря на жалобы и неудовольствия некоторых лиц, все хоромы и церкви отнесены были от Кремлевской стены на расстояние 110 сажен. После июльского пожара, который начался за Москвою-рекою, великий князь велел также очистить от строений часть Замоскворечья, лежавшую против Кремля, и в 1495 г. развел там сад, называвшийся в XVII столетии государевым Красным садом и Царицыным лугом.

К сооружению каменного дворца приступили не прежде как через 6 лет после описанного пожара. В 1499 г. великий князь снова заложил[1] «двор свой камен, полаты каменныя и кирпичныя, а под ними погребы и ледники, да и стену камен-

[1] На поле рабочего экземпляра против этих слов добавлено: «на старом месте». – *Ред.*

ную от двора до Боровицких ворот». Постройка поручена была новому итальянскому зодчему, «Фрязину Алевизу, от града Медиолама». Но великий князь не дождался окончания этих палат, на которые положил столько горячих забот и трудов; в 1505 г. он умер. Дворец был готов через три года после его смерти, и в мае 1508 г. сын его Василий переехал на житье в эти новые хоромы. Достойный преемник всех начинаний своего отца, особенно в отношении новых построек, великий князь Василий Иванович, довершив неоконченный дворец, великолепно украсил его вместе с церковью Благовещения на Сенях, которую «повелел (1508 г.) подписати золотом, иконы все: деисус, праздники и пророки, обложити серебром и златом и бисером, и верх церковный покрыть и позлатить». Сверх того, он воздвиг на старых местах две новые каменные церкви: одну – в 1514 г. во имя Рождества Богородицы на Сенях, с приделом св. Лазаря[1], и другую – в 1527 г. во имя Спасова Преображения, *на дворце*, т. е. посреди своего двора, также с приделами. В 1516 г. великий князь, распространяя хозяйственные постройки, выкопал по течению Неглинной, за Боровицкими воротами, пруды и поставил каменную мельницу[2].

Расположение каменного первоначального дворца весьма трудно определить с тою точностью, которая могла бы удовлетворить наше любопытство. Немного мимоходных кратких указаний на разные палаты этого дворца дают весьма сбивчивое понятие о его составе. Более всего в этом отношении замечательна и в высшей степени любопытна дополнительная статья к свадебному разряду великого князя Василия, бывшему в 1526 г., т. е. спустя 18 лет после постройки дворца[3]. Вникнув хорошенько в этот акт, можно положительно сказать, что первоначальный каменный дворец нач. XVI в., несмотря на пожары

[1] Каменная церковь Рождества Богородицы построена в 1393 г. супругою Дмитрия Донского – великой княгиней Евдокиею на месте малой деревянной церквицы св. Лазаря, которая вошла в новопостроенную как ее придел (*Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. – Прим. 254).

[2] ПСРЛ. Т. III. – С. 198.

[3] Дополнения к Актам Историческим. Т. I. – СПб, 1846. – № 24. *Роспись, кому где быти по крыльцем и в дверях.*

и беспрестанные перестройки и переделки, в главных чертах своих нисколько не изменился в течение двух с половиною веков и, покинутый царями в начале XVIII столетия, устоял, хотя и в развалинах, до времен императрицы Елисаветы Петровны и даже до начала нынешнего столетия. Руководствуясь сведениями, предлагаемыми этим любопытным актом, мы постараемся, сколько будет возможно, указать местность, по крайней мере, главных частей этого первоначального дворца.

Передний фасад дворцовых зданий или, вернее сказать, лицо дворца обращено было на площадь, между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами и церковью Иоанна Лествичника, что под Колоколы, на месте которой в XVII в. воздвигнут «Иван Великий». На эту площадь выходили две дворцовые палаты – *Большая*, стоявшая на самой площади, ныне Грановитая, и *Средняя*, находившаяся между Большою и Благовещенским собором, к западу от них, на дворце или на дворе великокняжеском. Перед Среднею палатою было *Красное*, иначе *Верхнее* крыльцо или *Передние Переходы*, на которые с площади вели три лестницы: одна была, как и теперь, у стены Большой или Грановитой палаты – это та, которую теперь неправильно называют Красным крыльцом; другая – Средняя лестница, теперь не существующая; третья – Благовещенская паперть. Между лестницею подле Грановитой палаты и Среднею были ворота, которые, посредством проезда под Красным крыльцом и Среднею палатою вели *с дворца*, т. е. с внутреннего двора, *на площадь*. Средняя лестница прямо через крыльцо вела в сени Средней палаты, которая почти с этого же времени (1517 г.) называется Среднею Золотою и просто Золотою, потому что была расписана внутри золотом. Из этих же сеней двери вели в *Столовую избу*, которая стояла позади Средней палаты против алтарей церкви Спаса на Бору. Подле Столовой избы была лестница вниз на двор к Спасу; крыльцо перед этою избою, служившее продолжением Передних переходов, соединяло ее с Набережною палатою, стоявшею против западных дверей Благовещенского собора. Далее к западу от этой палаты по линии Кремлевской горы к Москве-реке стояли

чердаки или *терема*. Посреди государева двора стоял, как мы уже упоминали, Спасский Преображенский собор. Постельные или жилые хоромы великого князя и *Постельная изба, княгинина половина*, примыкавшая к церкви Рождества Богородицы, находились на том самом месте, где теперь Теремный дворец. В то время существовали только два нижние этажа этого здания, построенные Алевизом на белокаменных подклетах и погребах в одно время с другими палатами. Над этими-то этажами стояли деревянные постельные хоромы великого князя и великой княгини или собственно княгинина половина. Здесь же, у церкви Лазаря Святого, находилась каменная приемная палата великой княгини, называвшаяся, как можно о ней предполагать, *Западною* и *Заднею* (1547 г.) в отношении к Передним переходам дворца, т. е. к Красному крыльцу, а также *палатою, что у Лазаря Святого*[1], – *Лазаревскою* (1535 г.), когда великая княгиня Елена принимала царицу Казанскую. Двери из этой палаты вели на *Постельное крыльцо*, которое примыкало также к сеням Грановитой палаты и соединялось дверью между этими сенями и сенями Средней палаты с Передними переходами или Красным крыльцом. С восточной стороны это здание оканчивалось *Наугольною* палатою, что от Пречистой (Успенского собора), в которой впоследствии была устроена Царицына Золотая палата[2]. Лестница с Постельного крыльца вела на двор, к Спасу. Поваренный дворец стоял позади Рождественской церкви и хором великой княгини, соединяясь с этими хоромами Задним крыльцом с лестницею. По береговой линии дворец простирался до церкви Иоанна Предтечи на Бору, где в палате, что на дворце, в 1537 г. скончался в заключении, в нужде, страдальческою смертью князь Андрей Иванович Старицкий.

Вот в кратком очерке расположение каменного дворца, заложенного великим князем Иваном Васильевичем. Воз-

[1] Царственная Книга. – СПб., 1769. – С. 57. Дополнения к Актам Историческим. Т. I. – № 24. Древняя Российская вивлиофика. Т. XIII. – С. 39.

[2] Древняя Российская вивлиофика. Т. XIII. – С. 13. Подробности о постройке и устройстве Теремного дворца см. в нашем описании этого здания в «Памятниках древнего русского зодчества» изд. Ф. Ф. Рихтера. – М., 1853. Тетр. 3. – М., 1853.

двигнутый итальянцами по мысли или, по крайней мере, при сильном влиянии супруги великого князя – Софьи Фоминичны Палеолог, этот дворец не мог, конечно, во всем подчиниться русским вкусам и потребностям; архитектура его, по современным же свидетельствам, как и следовало ожидать, носила характер итальянский. Что касается его внутренних украшений, то можно также полагать, что вкус великой княгини Софьи, воспитанной в Италии среди родственников и единоземцев греков, и вкус довершителя дворца великого князя Василия, воспитанного Софьею, внесли в новый дворец много таких вещей, которых не знала простая жизнь прежних великих князей и которые были необходимы при новом значении московского великого князя как царя. Впрочем, нельзя сказать, чтобы каменный дворец московских государей был совершенною новостью в тогдашнее время; потому что в Новгороде, гораздо прежде, мы находим обширный *владычный двор*, с особенным великолепием устроенный после пожара в 1432 г. архиепископом Евфимием, который выстроил там каменные комнаты, большие каменные палаты и разные другие здания для своего обихода. Некоторые палаты и сени были им *подписаны*, т. е. украшены стенописью; одна из больших палат, название которой нам неизвестно, была о тридцати дверях! Все эти постройки воздвигнуты были немецкими зодчими из-за моря при помощи новгородских мастеров[1]. Может быть, новгородский владычний двор послужил отчасти образцом или примером и для московского дворца. Великий князь Иван Васильевич, побывав под Новгородом, установив там «правду московскую», без всякого сомнения, видел и то благолепие, среди которого жил новгородский владыко и перед которым нельзя было оставаться хладнокровным зрителем московскому самодержцу. По крайней мере, после присоединения Новгорода к Москве начинаются все преобразования не только в отношении дворца, но и в отношении самой Москвы, например Кремля. С этого же времени появляются в Москве каменные здания и у частных лиц, например палата на четырех каменных подклетах,

[1] ПСРЛ. Т. III. – С. 111–114.

выстроенная митрополитом Геронтием, каменные палаты у Ховрина и Василия Образца и т. д.

При царе Иване Васильевиче в 1547 г., 21 июня, московский дворец сделался жертвою нового ужаснейшего пожара, который равным образом истребил и всю Москву. «Загореся храм Воздвижения Честнаго Креста, – говорит летописец, – за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огнь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглименье. И обратится буря на град больший (Кремль)»[1]. Здесь, на царском дворе, вспыхнули кровли на палатах и деревянные избы государя. Потом занялись и каменные палаты, украшенные златом; сгорели также Казенный двор с царскою казною, Оружничья палата с воинским оружием, Постельная палата, царская конюшня и даже в погребах под палатами выгорело все, что только было в них деревянного. Не устояла и церковь Благовещения Златоверхая. В ней погибли невозвратно деисус письма знаменитого иконописца Андрея Рублева, обложенный золотом, и все иконы греческого письма древних великих князей, собранные *от многих лет* и украшенные также златом и бисером многоценным, т. е. дорогими каменьями. Летописец снова замечает, что «таков пожар не бывал на Москве, как она стала именоватися великими князьями, славна и честна быти по государству их». Опустошив весь Кремль, пожар перешел и в другие части города и свирепствовал с такою силою, что, по выражению летописца, «железо, яко олово, разливашеся и мед, яко вода, растаяваше». Государь выехал в с. Воробьево и жил там все время, пока в Кремле ставили для него новые деревянные хоромы и возобновляли распавшиеся от огня палаты. Для украшения Благовещенского собора иконами и царских палат стенописанием собраны были из Новгорода, Пскова и других городов иконописцы, которые и восстановили прежнее благолепие царского дворца.

Возобновив дворец, царь увеличил его впоследствии новою пристройкою. В 1560 г. он повелел устроить для своих детей «особный двор и хоромы позади большой Набережной

[1] Царственная Книга. – С. 137.

полаты, на взрубе», с храмом Сретения Господня. Потом, в 1565 г., учреждая опричнину, царь задумал было свой *особый Опричный дворец* выстроить позади дворцовой церкви Рождества Богородицы, там где были хоромы великой княгини и где стоял Поваренный дворец с разными приспешными палатами, с погребами и ледниками, по самые Куретные ворота, которые вели на Поваренный дворец. Но предположение это осталось предположением потому, вероятно, что не совсем согласовалось с духом опричнины, который требовал совершенного удаления от старого порядка, между тем как предполагаемый дворец должен был стоять подле кремлевских палат, оставленных за Земщиною. По крайней мере известно, что царь повелел выстроить себе дворец вне Кремля, за Неглинною, на Воздвиженке, против кремлевских Ризположенских (ныне Троицких) ворот, на месте, где был двор князя Михаила Темрюковича Черкасского. В этот дворец он и переехал 12 января 1567 г.[1], но жил в нем недолго, потому что любимым его местопребыванием с этого времени была Александрова слобода, откуда он приезжал только для приема иноземных послов и весьма редко – для других каких-либо дел. Покинутый царем, этот Опричный дворец вскоре сгорел, именно во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, истребившего Москву ужаснейшим пожаром, жертвою которого был также и дворец Кремлевский. Это было в мае 1571 г. Летопись с прежними сетованиями описывает страшные бедствия этого пожара; его испугался даже сам Девлет-Гирей и удалился в с. Коломенское. Для нас любопытны известия собственно о Кремлевском дворце. Летописец говорит, что «в Грановитой, и в Проходной, и в Набережной, и в иных полатах прутье железное толстое, что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». Само собою разумеется, что царский дворец не оставался в таком положении и вскоре был возобновлен, хотя об этом не говорят ни летописи, ни акты, доселе известные. За остальные годы цар-

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IX. – Прим. 31, 137–138, 268. Наши предположения о местоположении этого Опричного дворца см.: Археологические известия и заметки. – 1893. – № 11.

ствования Ивана Васильевича Грозного о дворце имеем мало сведений. Из известий уже XVII столетия узнаем только, что его хоромы стояли позади Средней Золотой палаты и заключали в себе передние сени, переднюю и две комнаты.

При царе Федоре Ивановиче, судя по отзывам иностранных путешественников, дворец был в цветущем состоянии; все приемные палаты в это время были великолепно украшены стенописью. При царе Федоре устроена[1], вероятно, и приемная Золотая палата для его супруги, царицы Ирины, отчего эта палата и называлась *Палатою царицы Ирины*, *Золотою Царицыною палатою* и *Меньшею Золотою* в отличие от *Большой* Грановитой и *Средней* Золотой. Прежде она именовалась просто *Наугольною* от Пречистой, т. е. со стороны Успенского собора.

Царь Борис Федорович Годунов во время голода, бывшего в 1601 и 1602 гг., повелел, «чтобы людем питатися», воздвигнуть большие каменные палаты *на взрубе*[2], «где были царя Ивана хоромы», построенные им для детей. Это было здание Запасного двора, фасад которого опускался по взрубу под гору и над которым в XVII столетии находим уже Набережный Красный сад. Здесь же, кажется, были и деревянные жилые хоромы царя Бориса, сломанные по повелению Самозванца.

При Самозванце больших перемен в составе дворца не могло произойти по его кратковременному пребыванию в царских палатах. Известно только, что он выстроил для себя новые хоромы, вероятно, на месте годуновских, весьма красивые, по свидетельству современников, в польском вкусе; они находились возле Сретенского собора, на верху упомянутого здания Запасного двора, и лицом обращены были к Москве-реке[3]. О постройке этих хором современник и очевидец их Исаак Масса рассказывает следующее: «Над большою Кремлевскою стеною (т. е. над зданием Запасного двора) Лжеди-

[1] Это здание построено Иваном III.

[2] Летопись о многих мятежах. 2-е изд. – М., 1788. – С. 64.

[3] Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1847. – № 9. – С. 25; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. XI. – С. 131. – Прим. 402, 552; Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. – СПб., 1832. – С. 143; Ч. 4. – С. 23, 164.

митрий велел построить великолепное здание, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которою протекала река Москва, и состояло из двух строений, расположенных одно подле другого и сходившихся под углом. Одно предназначалось для будущей царицы, а другое для царя. (Следует изображение дворца.) Так стоял дворец на верху высоких тройных стен[1]. В этом дворце Димитрий велел позолотить очень дорогие балдахины, стены обить дорогою парчою и рытым бархатом; все гвозди, крюки, цепи и петли дверные покрыть очень толстым слоем позолоты; внутри сделать превосходные печи и украсить их разнообразными произведениями искусства (по дневнику Марины, печи были зеленые и некоторые обведены серебряными решетками); занавесы у окон сделать из отличной ткани алого цвета. Он приказал выстроить роскошные бани, красивые башни и конюшню рядом со своим дворцом, хотя в нем уже была одна большая конюшня. В вышеописанном дворце царь велел устроить множество потаенных дверей и ходов…»[2].

Из этого дворца Самозванец любовался не только видами Москвы, но и разными потехами, которые зимою устраивал на льду Москвы-реки.

Тот же Исаак Масса рассказывает, что «Лжедимитрий, любя воинские упражнения, приказывал строить крепости для осады и обстреливания их пушками и однажды велел сделать для образца крепость, двигавшуюся на колесах, с несколькими небольшими пушками и разного рода огнестрельными снарядами. Он хотел употребить эту подвижную крепость против татар и этим *испугать* как их самих, так и их лошадей. И действительно, это изобретение было очень остроумно. Зимою Димитрий приказал для пробы выставить на льду реки Москвы эту крепость, и рота польских всадни-

[1] Со стороны Москвы-реки Кремль был обнесен двумя рядами стен; третья стена, о которой здесь говорится, был фасад здания Запасного двора, представлявшегося из Замоскворечья тоже в виде стены.

[2] *Масса И., Геркман Э.* Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России – СПб., 1874. – С. 166, 169–170.

ков должна была ее осаждать и брать приступом. Это зрелище царь мог отлично видеть сверху, из своего дворца, и ему казалось, что крепость вполне удовлетворяет его желанию. Она была прекрасно сделана и вся *раскрашена*: на дверях были изображены *слоны*, на окнах – *вход в ад*, извергавший пламя; в нижней части на небольших окнах, *имевших вид чертовых голов*, были поставлены маленькие орудия». Наивный Масса верил, что от такого остроумно придуманного изобретения татары тотчас пришли бы в замешательство и обратились бы в бегство! «Москвитяне, – оканчивает он, – назвали эту крепость адским чудовищем и после смерти Димитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта, впоследствии сожженного вместе с этой крепостью (и с трупом Самозванца)».

Эта замысловатая крепость была не что иное, как небольших размеров Гуляй-город, весьма употребительный в то время в наших военных действиях. Изобретательность Самозванца заключалась только в том, что он расписал красками этот городок в образе апокалипсического треглавого ада, для чего, вероятно, верх городка был устроен в виде трех башен в соответствии адовым головам[1].

Описание Массы значительно пополняется и современным русским рассказом об этом аде: «И сотвори себе (Самозванец) в маловременной сей жизни потеху, а в будущей – знамение превечного своего домовища, его же в Российском государстве, ни во иных, кроме подземного, никто же его на земли виде – *ад* превелик зело, имеюще у себя три главы; и содела обоюду челюсти его от меди бряцало велие. Егда же разверзет челюсти своя, извну его яко пламя предстоящим ту является и велие бряцание исходит из гортани его; зубы же ему имеюще осклаблени и ногти его, яко готови на ухапление; и изо ушию якож пламеню распалившуся. И постави его проклятый

[1] Следуя за Карамзиным (Т. XI. – С. 131), мы в прежних изданиях нашего труда ошибочно говорили об этом городке как об огромном медном Цербере, стоявшем на сенях перед хоромами Самозванца. Сказание Массы вполне разъяснило, какого рода был этот Цербер и где он стоял.

он прямо себе, на Москве-реке, себе во обличение; даже ему из превысочайших обиталищ своих зрети нань всегда и готову быти, в некончаемый век, в онь на вселение и с прочими единомышленники своими»[1]. Из описанных выше хором Самозванец, преследуемый по всем комнатам разъяренною толпою, выскочил в окно и упал на *Житный двор*, который расположен был под горою Кремля, под самым дворцом Самозванца. За несколько часов прежде, по тому же самому пути, отправлен был смелый обличитель его, дьяк Тимофей Осипов: изрубленный немецкою стражею на сенях Лжедимитриевых хором, он был свержен оттуда вниз, где стояли житницы[2].

Царю Василью Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцом: он выстроил только для себя и для своей царицы новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце Лжедимитрия было неприлично новому, законному государю.

После Шуйского настает Московская *Розруха*, которая не истребила царских палат страшным пожаром, как было прежде, при великом князе Иване Васильевиче и при внуке его, Грозном, но зато опустошила их так, что при вступлении на престол царя Михаила Федоровича дворец представлял самую грустную картину: от прежнего великолепия, которому так дивились посещавшие нас иностранцы, остались только голые стены в самом точном смысле этого слова. «На царском дворе, – говорит рукопись Филарета, – во святых Божиих церквах, и в полатах, и по погребам – все стояху Литва и Немцы и все свое скаредие творяху». Так, например, в Грановитой палате стоял известный Маскевич, оставивший

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. XI. – С. 131. – Прим. 403. См. также хронографы, которые свидетельствуют притом, что в этом аду сожжено было и тело Самозванца, «на месте, нарицаемом Котле, от града яко седмь поприщ, за курганами»; по другим, в Садовниках, за Москвою-рекою: «А ростригино тело, в соделанном его *аде*, за Москвою-рекою в Верхних Садовниках сожгоша и приятелей его поляков поставища около ада смотрити, дабы в Польше сказали, яко ростригa царствует во *аде*». См. наши заметки об одном из хронографов: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 1. – М., 1859.

[2] Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. – 1847. – № 9: «Сказание и повесть, еже содеяся».

нам такую живую картину московских происшествий этого времени. Следы пребывания поляков в царских палатах оставались до царя Михаила Федоровича. При вступлении его на престол все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без окончин и дверей, так что новому царю негде было поселиться[1]. Отправившись в Москву в конце апреля 1613 г., он повелел Земскому совету изготовить к своему приезду Золотую палату царицы Ирины Федоровны – супруги царя Федора, с проходными сенями; еще другую палату с сеньми же и все так называемые «Мастерские палаты», стоявшие между Золотою и церковью Рождества Богородицы, которые впоследствии составили нижний этаж каменных хором, существующих доныне под именем Теремного дворца. Для своей матери – инокини Марфы Ивановны – царь велел устроить деревянные хоромы супруги царя Василия Шуйского. На исправление этих палат и хором употреблены были, за недостатком леса, брусяные хоромы царя Василия. Между тем еще до царского указа Земский совет приготовил для государя палаты: Среднюю Золотую, Грановитую и старые хоромы, в которых живал царь Иван Васильевич, *что слыл чердак* (терем) первой супруги его, Настасьи Романовны. Все это, разумеется, делалось наскоро, при недостатке денег, плотников и леса, нужного для этих поделок. Но, несмотря на такие затруднения, дворец был приведен в возможное устройство, и молодой царь поселился в нем с матерью в конце апреля 1613 г. Трудно было царю Михаилу восстановить прежнее благолепие дворца. Московское государство, которого он был избранником, в течение 10 лет постоянно тратило свои силы и к концу было вовсе разорено, так что в начале его царствования не давало средств к восстановлению прежнего порядка не только в государстве, но и в самой Москве, которая как представительница русской жизни в то время была так же или дотла выжжена, или разграблена до нитки… Предки наши очень верно прозвали эту несчастную эпоху в истории Москвы *Московскою Розрухою*.

[1] Дворцовые разряды. Т. I. – С. 1154.

Постепенно, по мере средств, которые были еще незначительны, царь восстановлял Москву, причем и дворец также постепенно возобновлялся и устраивался. В 1615 г. иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисеев расписывали уже в *новые* большие государевы хоромы, выстроенные еще в 1614 г., *подволоки* или *плафоны*. В 1616 г. в тех же хоромах Серебряной палаты сторож Михалка Андреев делал *литую вислую подволоку* (потолок, плафон), которая была им же и вызолочена[1]. В январе того же года государь справлял новоселье в этих хоромах и наградил, вероятно за постройку, плотников Первова Исаева, Салмана Пантелеева, Бажена Родионова. Потом над Золотою Меньшею или Царицыною и над Проходною палатами и на Постельном крыльце устроены новые кровли, деланные котельными мастерами, что и заставляет думать, что кровли были медные. 1619 г., февраля 14-го, в царских хоромах случился пожар, последствия которого неизвестны; но можно догадываться, что царские деревянные хоромы были истреблены, потому что в 1620 г. дворцовый плотничий староста, Первой Исаев, выстроил для государя *новые хоромы, новую Столовую избу и Постельную комнату*, которые на другой год были украшены *знаменем и письмом*, т. е. иконописью или живописью в иконном стиле, известнейшими в то время иконописцами Прокопьем Чириным, Назарьем Савиным, Иваном Паисеиным, Осипом Поспеевым, травником Лукою Трофимовым и др.[2] В конце ноября того же года справлено в *Столовой* новоселье. В 1624 г. государь прибавил к своим хоромам *две мыленки*, *избушку* и *сенничек*, а в 1625 г. возобновил церковь Рождества Богородицы на Сенях с приделом св. Лазаря. В том же году за дворцом построены были каменные ледники и пивоварни, а над дворцовыми Куретными воротами *светлица – палата* мастерицам, золотым и белым швеям, для которых подле этой палаты выстроено было

[1] Расходные книги Казенного приказа 7124 г., № 898 и дела этого приказа в столбцах в Архиве Оружейной палаты.

[2] На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Доп. Д. Р. мои, 278». См.: Дополнения к Дворцовым разрядам… собранные… Иваном Забелиным. Ч. I. Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. I. – 1882. – С. 277–278. – *Ред.*

также несколько деревянных светлиц на подклетах[1]. Но только что дворец приведен был в надлежащее устройство, как снова пожар опустошил его в 1626 г., 3 мая. В Кремле, кроме монастырей Вознесенского и Чудова, «двор государев и патриарший и в приказах каменных всякие дела погореша, и казна, и конюшни, и житницы все, и все *жила* государевы погореша». Но в то же лето, после пожара, дворцовый плотничий староста (так звали наших старинных архитекторов), тот же Первуша Исаев поставил государю новые жилые постельные хоромы, в которых 17 сентября царь справлял уже новоселье в новой *Передней избе*. Потом в 1627 и 1628 гг. тот же Первуша Исаев выстроил новую брусяную *Столовую избу*. 23 ноября 1628 г. в ней, по обычаю, было также новоселье: царь угощал бояр обедом, а они на новоселье били ему челом, хлебом да солью, да парою или даже целым сороком собольих мехов, смотря по достатку[2]. Между тем как русский плотничий староста рубил государю новые деревянные хоромы, иностранный архитектор, палатный мастер Джон Талер, в 1627 г. возобновлял Сретенский собор и строил на сенях царицы новую каменную церковь во имя вмц. Екатерины на месте прежней деревянной, построенной в 1586 г. и сгоревшей в пожаре, о котором мы упоминали выше[3]. Вообще после этого пожара каменные постройки следуют одна за другою непрерывно. По указу государя, собраны б ыли в это время из Ростова, Суздаля, с Белоозера и других мест все каменщики и кирпичники «для многих церковных, дворцовых и полатных каменных дел»; вызван был также «Голандския земли немчин, кирпичный мастер Рудирик Мартыс», который в кирпичных сараях под Даниловскою слободою «делал кирпичную ожигальную печь и над печью деревянный шатер, по своему немецкому

[1] Расходные книги Казенного приказа // Архив Оружейной палаты. – № 898, 905, 909, 916, 921, 923; Расходные книги Мастерской Царицыной палаты // Там же. № 738.

[2] Дворцовые разряды – СПб., 1850; Разрядная книга библиотеки П. Ф. Корабанова, разряды 7135–7137 гг.; Расходные книги Казенного приказа // Архив Оружейной палаты. – № 912.

[3] Впоследствии на верху этой церкви был устроен новый храм во имя св. Евдокии, освященный в 1681 г. во имя Словущего Воскресения.

образцу, и кирпич делал»[1]. В 1613 г. каменных дел подмастерья Антипа Константинов да Трефил Шарутин выстроили на Кормовом дворце каменную поварню, на которую вода проведена была с Москвы-реки посредством водоподъемной машины. В 1633 г. часового и водовзводного дел мастер Христофор Галовей взвел воду с Москвы-реки в Свиблову башню, «а из башни тое воду провел на государев Сытный и на Кормовой Дворец в поварни». С этого времени башня стала называться Водовзводною – от *водяного взвода* или машины, в ней устроенной и с таким удобством доставляющей тогда еще чистую и здоровую москворецкую воду на царский обиход. Ниже мы увидим, что посредством этой машины во дворце была устроена целая система водопроводов и водовзводов.

В 1635–1636 гг. государь выстроил для себя и для детей жилые или покоевые хоромы *каменные*, что в царском быту для того времени было новостью, потому что собственно для жилья всегда предпочитались хоромы деревянные, которым старые привычки не изменяли и впоследствии. Может быть, пожар 1626 г. понудил среди деревянных построек хотя одно жилье сделать более безопасным. Эти каменные хоромы были воздвигнуты на стенах старого здания, выстроенного еще Алевизом, именно над *Мастерскою палатою* и над палатами подклетными, которых ряд тянулся далее к церкви Рождества Богородицы. Прежде над этим подклетным этажом Алевизовской постройки между упомянутых двух приемных царицыных палат, Задней и Наугольной, т. е. Золотой Царицыной, стояли постельные деревянные хоромы, на месте которых и возведены теперь *три новых* этажа, под лицо с царицыными приемными палатами, с теремом наверху. Верхний этаж с теремом назначен был для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значится и в надписи, сохранившейся над входом доныне. Терем в то время назывался *чердаком* и *каменным теремом*, а в начале XVIII в. – *золотым теремком*, отчего и теперь все это здание называется Теремным дворцом. Все здание, таким образом, со-

[1] Расходные книги Казенного приказа // Архив Оружейной палаты. – № 930, 1089.

хранило тип деревянных жилых хором и служит любопытным и единственным в своем роде памятником древнего русского гражданского зодчества. В его фасаде и даже в некоторых подробностях внешних украшений остается еще многое, что напоминает характер древних деревянных построек. Таковы, например, каменные *ростески* и *рези* в наличных украшениях окон; по рисунку они вполне напоминают резьбу из дерева. Но яснее всего характер деревянных построек, имевший такое влияние и на каменные, раскрывается во внутреннем устройстве здания. Почти все его комнаты, во всех этажах, одинаковой меры, каждая с тремя окнами, что совершенно напоминает великорусскую избу, до сих пор сохранившую это число окон. Таким образом, Теремный дворец представляет несколько изб, поставленных рядом, одна подле другой, в одной связи и в несколько ярусов с чердаком или теремом наверху. Сила потребностей и неизменных условий быта, среди которых жили наши предки, подчинила своим целям и каменное, довольно обширное строение, которое давало полные средства устроиться по плану более просторному и более удобному для жизни, по крайней мере по теперешним понятиям. Но само собой разумеется, что оно вполне отвечало тогдашним требованиям удобства и уютности, и мы будем несправедливы, если только со своей точки зрения станем рассматривать и осуждать наш старый быт и все формы, в которых он обнаруживал свои требования и положения. В 1637 г. эти новые каменные хоромы были отделаны окончательно: какой-то конюх Иван Осипов, по ремеслу златописец, наводил уже в это время сусальным золотом, серебром и разными красками на кровлю репьи «да в те ж хоромы, во все окна (опроче чердака, т. е. терема) делал слюденые окончины». В то же время, как строились эти хоромы (1635–1636 гг.), с восточной их стороны, над Золотою Меньшею палатою цариц, сооружен был особый домовый храм во имя Нерукотворенного Спасова образа с приделом Иоанна Белоградского, тезоименитого царевичу Ивану. В древности, как мы видели, такие храмы, обозначаемые выражением *что на Сенях*, составляли одно из необходимейших условий каж-

дого отдельного помещения в царском быту. *Сенные, верховые* храмы находились и на царицыной половине, также у царевен и у царевичей, почему и постройка нового храма в этой части дворца вызвана была единственно только новым отдельным помещением государевых детей. Площадка между Теремом и новою церковью образовала *передний каменный двор*, с которого лестница вниз вела на Постельное крыльцо и запиралась впоследствии золотою решеткою, отчего и церковь Спаса обозначалась: *что за золотою решеткою*. Необходимо упомянуть, что и Теремный дворец, и церковь Спаса строили русские *каменных дел подмастерья*, по-нынешнему архитекторы: Бажен Огурцов, Антип Константинов, Трефил Шарутин, Ларя Ушаков. В одно время с описанными постройками те же подмастерья выстроили над Куретными дворцовыми воротами новую каменную *Светлицу*, в которой должны были работать царицыны мастерицы, золотошвеи и белошвеи со своими ученицами. В последние три года своего царствования Михаил выстроил еще какие-то дворцовые палаты и устроил новые хоромы на Цареборисовском дворе для датского королевича Вольдемара, за которого хотел выдать дочь свою Ирину[1].

Таким образом, царь Михаил в течение 32 лет своего царствования успел не только восстановить старый дворец, но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, выраставшими по мере размножения царской семьи и развития потребностей быта, который, несмотря на силу предания, мало-помалу все-таки двигался далее, вперед, предваряя в некоторых, хотя и мелочных, отношениях приближавшуюся реформу. Его сыну, царю Алексею Михайловичу, оставалось немного дела в отношении основных сооружений. И действительно, в его царствование мы не встречаем особенно значительных построек на царском дворе. Он возобновлял большею частию старое, переделывал и украшал по своей мысли здания, построенные предками или его отцом. В первое время, когда ему было всего 17 лет, в 1646 г., т. е. спустя год по смерти отца,

[1] Расходные книги Казенного приказа // Архив Оружейной палаты. – № 930, 1089, 756, 957, 958, 979, 986, 792, 1073.

он построил себе новые *Потешные* хоромы, которые тогда срубил дворцовый плотник Васька Романов. Из других построек упомянем о более значительных. Так, в 1660 г. была возобновлена дворцовая палата, построенная, может быть, при Михаиле, в которой помещался Аптекарский приказ и Аптека. Каменных дел подмастерье Вавилка Савельев делал в ней окна и двери и под старые своды подводил новые своды, а знаменщик, т. е. рисовальщик, Ивашка Соловей писал стенное письмо. Палата эта стояла недалеко от церкви Рождества Богородицы[1]. В 1661 г. вместо старой Столовой избы государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбою, золоченьем и живописью в новом заморском вкусе, по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который под именем *вымышленика* выехал к нам в 1658 г.[2] Резные, золотильные и живописные работы исполняли уже в 1662 г. также иноземные мастера, большею частию поляки, призванные в Москву во время польской войны, именно резчики, вырезавшие окна, двери и подволоку (плафон): Степан Зиновьев, Иван Мировской с учениками, Степан Иванов и живописцы: Степан Петров, Андрей Павлов, Юрий Иванов. В том же 1662 г., апреля 1-го, на именины царицы государь справил широкое новоселье в этой Столовой[3]. Подобным же образом была украшена и новая Столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 г. В 1668 г. ее расписывали живописцы Федор Свидерский, Иван Артемьев, Дорофей Ермолин, Станислав Куткеев, Андрей Павлов; а резали ученики упомянутых выше мастеров, из которых Иван Мировский размеривал для резьбы и живописи подволоку[4]. Так же впоследствии украшены были и новые постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г. На трех плафонах этих хором государь велел написать *притчи пророка Ионы, Моисея* и *о Эсфири*. В 1663 г. каменных дел подмастерье Никита Шарутин починил на дворце, в Верху у государя, *соборную* церковь Спаса Неру-

[1] Архив Оружейной палаты. – 7168. – № 1015.

[2] Там же. № 1013, 7166 г.; № 1082 и 1020.

[3] Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. – СПб., 1854. – С. 327.

[4] См.: Расходные книги // Архив Оружейной палаты. – № 382, 384.

котворенного Образа и трапезу сделал наново. Без сомнения, трапеза была распространена против прежней, потому что домовый храм Спаса при царе Алексее, жившем в теремных покоях, стал соборным и в этом значении заменил для царского двора древние соборы Спасо-Преображенский, Благовещенский и Сретенский. Около того же времени, вероятно, произведены были переделки и возобновления в теремном здании. В 1670 г. Передний верхний двор или площадка, находившаяся между этими покоями и церковью Спаса, была украшена медною вызолоченною решеткою, запиравшею вход с лестницы, которая вела в Терем с Постельного крыльца. Любопытно, что эта прекрасная решетка, сохранившаяся и доныне, была перелита из медных денег, выпущенных перед тем в народ и наделавших столько неудовольствий, убытков, смут и казней[1].

В 1672 г. над приказом Аптекарской палаты в палатах был устроен театр, в котором с осени того же года *магистр Яган Годфрид* исправлял *комедию* или *комедийное действо* со своею труппою, которую составляли 26 чел. комедиантов, мещанских детей[2]. С этого времени делается известным *Потешный дворец* как новое особое отделение царского дворца, заменившее упомянутые *Потешные хоромы* и в особенности *Потешную палату*, существовавшую до того времени в государевых каменных хоромах – именно в подклетном этаже теремного здания, под переднею, третьею и четвертою[3]. Основанием этому дворцу, по всему вероятию, послужили палаты Аптекарского приказа, стоявшие, как мы упомянули, неподалеку от церкви Рождества Богородицы. По смерти царского тестя Ильи Даниловича Милославского в 1668 г. его двор с домовым храмом Похвалы Богородицы, находившийся рядом с Конюшенным государевым дворцом и подле этих палат, поступил также в число царских хором и был соединен с ними от Рождественской сенной церк-

[1] См. в столбцах Архива Оружейной палаты: память о присылке плавельщиков медного дела, Ивашки Казаринова с товарищи, для плавления медных денег к государеву хоромному делу на медные решетки, 15 ноября 7178 г.

[2] Временник Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 24.

[3] Расходные записки приказа Тайных дел 1670 г.

ви деревянными переходами, устроенными в 1669 г. Этот двор вместе с Аптекарскими палатами составил дворец Потешный, на котором в 1671 г. перекинуты были еще новые переходы от Оружейной палаты[1]. Ко времени царя Алексея Михайловича можно отнести и постройку церкви Спасова Нерукотворенного Образа на сенях у царевен, сестер государя – Ирины, Анны и Татьяны, хоромы которых стояли позади дворца, у Куретных ворот, находившихся со стороны Троицкого подворья и Троицких кремлевских ворот. Церковь эта существовала уже в 1669 г., когда по случаю смерти царицы Марьи Ильичны государь подал в нее сорокоуст для поминовения царицы. Она именовалась в это время: Спас, что словет Новая церковь; Спас Новая церковь, что у Троицкого подворья; также Спас у Царевен на Сенях. После стали ее обозначать: что у Куретных ворот, что над Куретными воротами.

В истории государева дворца царствование Алексея Михайловича замечательно более потому, что с этого времени в царский дворец вошло много разных улучшений, которые дотоле или весьма мало, или даже вовсе не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война 1654–1667 гг., когда царь сам лично «поволил итти на недруга своего и супостата, польского и литовского короля Яна Казимера, за его многие неправды и за крестопреступление». Счастливое начало этой войны довольно известно. Войска, воодушевляемые личным присутствием царя, взяли – кроме многих других, менее значительных городов – Смоленск, Витебск, Могилев, Полоцк, Вильно, Ковно, Гродно; пребывание царя в некоторых из этих городов, и особенно в Вильно и Полоцке, познакомило его

[1] Местность этих последних переходов указывается следующею заметкою Расходной книги Оружейного приказа 1679 г. Там между прочим сказано: «Мастеровые люди делали и тесали кирпич дубовый в проходных сенех (что меж Оружейною палатою и Выборною и что ходят на Потешный двор), на пол, для государского шествия» (Архив Оружейной палаты. – № 248). Позднейшие известия прямо указывают, что Аптека помещалась подле упомянутых переходов. В журнале Оружейной палаты 1727 г. ноября 13-го записано между прочим: «В Москве Потешный двор и на дворце, начав от переходов, полаты, в которых преж сего бывали *Аптека*, Оружейная и прочие все рядом перевесть в иные места».

с образом жизни совершенно новым. По свидетельству Коллинса, царь с этого времени стал преобразовывать двор, завел даже театр, как мы упоминали. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он употребил их искусство и труды особенно на украшение своего дворца, для чего и причислил их всех к замечательному в то время дворцовому художественному и ремесленному заведению, известному более под именем Оружейной палаты, из которой они получали весьма достаточное содержание. Сверх того, государь отдал им в науку русских учеников, которых они должны были выучить всему, что сами знают. С этого времени характер украшений дворца во многом изменился. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образцы. Характер резьбы по дереву, столько употребительный во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу по одной только поверхности дерева заменила фигурная немецкая резьба во вкусе немецкого рококо, как можно судить по дошедшим до нас памятникам из домашней утвари того времени.

По смерти Алексея Михайловича продолжателем всех его начинаний в отношении устройства и украшения дворца в новом характере был сын его, царь Федор, который в недолгое царствование, продолжавшееся с небольшим 6 лет, по выражению надписи на его портрете, *преизрядчо обновил* дворец и расширил новыми постройками. Новые отделения во дворце были необходимы. Царь Алексей Михайлович оставил после себя многочисленное семейство, которое еще при нем требовало более обширного помещения. По вступлении же на престол сына его Федора, занявшего жилище своего отца, потребовалось отделить особые хоромы для вдовствующей царицы Натальи Кирилловны с малолетним ее сыном – царевичем Петром. Поэтому замышляли, по проискам сторонников царевны Софьи и родичей дома Милославских, выселить царицу с царевичем Петром из старого ее помещения, находившегося возле Теремного дворца с северной его стороны, на внутреннем или Заднем дворе дворцовых зданий. 26 октября 1677 г. уже

последовал царский указ построить царице и царевичу новые хоромы на месте двора боярина Семена Лукьяновича Стрешнева[1]. Этот двор, занимавший 104 сажени в окружности, находился подле Конюшенного Патриаршего двора и примыкал с одной стороны к Троицкому подворью, а с другой – к житницам, стоявшим на Хлебенном государевом дворце. Он был удален от Теремного дворца более чем на 50 саж. Однако царица не согласилась на переселение и осталась на своем старом месте. Крекшин рассказывает, что царевич Петр сам ходил к царю-брату жаловаться на нового Годунова, боярина Языкова, который старался устроить это переселение[2]. После того на стрешневском месте были выстроены сначала деревянные, а потом каменные хоромы для царевен, а затем и для вдовствующей супруги царя Феодора Марфы Матвеевны. Новые хоромы, построенные на этом месте, примкнув к Патриаршему двору, соединили сенные церкви Екатерининскую и Евдокеинскую и вообще нынешний Терем с хоромами царевен возле Троицкого подворья. Потом, в 1680 г., государь как для себя и своей супруги, так и для своих сестер, *Меньших* и *Больших* царевен, выстроил новые деревянные хоромы вместо старых, которые были разобраны. Государевы хоромы стояли у терема подле западной стены Евдокеинской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы царицы, и перед хоромами был разведен комнатный сад, а дальше, как упомянуто, тянулся ряд хором царевниных тоже с садом. На сенях у царевен кроме перестройки их хором государь возобновил церковь Спасова Нерукотворенного Образа и построил над ее трапезою новый храм во имя Успения Богоматери, освященный в день Успения, 15 августа 1680 г. В 1681 г. государь выстроил для своего брата Ивана Алексеевича также новые деревянные хоромы.

[1] «186 г. (1677 г.) октября в 26 д. по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича (т.) велено построить хоромы государыни царицы и великой княгини Наталии Кирилловны и государя царевича и великого князя Петра Алексеевича – на дворе, что был двор боярина Семена Лукьяновича Стрешнева». (Книги приемные лесным запасам.)

[2] См. наши «Опыты изучения русских древностей и истории». Ч. 1. – М., 1872. – С. 48–49.

В то же время (с 1677 г.) царь Федор Алексеевич обновил и свой *каменный верхний терем* со всеми церквами, которые находятся на сенях этих хором в связи с собором Спаса Нерукотворенного. Возобновлен был также и этот собор и расписан снаружи, со стороны алтарей, *аспидом розными цветами* (под мрамор). Над приделом Иоанна Белоградского (ныне Иоанна Предтечи) он надстроил небольшой придел в честь Распятия, украсив его медным вызолоченным иконостасом. Потом, в 1679 г., среди верховых церквей, между храмом св. Евдокии (который в 1681 г. освящен был во имя Живоносного Воскресения) и между придела во имя Иоанна Белоградского, государь повелел устроить *Голгофу*, где быть *Страстям Господним*. В узком коридоре, который разделяет эти церкви, живописец Дорофей Ермолаев сделал алебастровый свод или пещеру, которую ученики его расписали *черепашным аспидом*, т. е. под мрамор. В этой пещере, на каменной горе, расписанной также красками, поставлено было на большом белом камне кипарисное Распятие, сохранившееся, кажется, и доныне и вырезанное рельефно старцем Ипполитом – искуснейшим резчиком того времени. Пещера эта была украшена алебастровыми колоннами, на тумбах и наверху с гзымзом; посреди этих колонн, против Голгофной горы, поставлена была плащаница или Гроб Господень, над которым висели на проволоках 60 алебастровых херувимов, расписанных красками *по подобию*, с золоченными по гунфарбе *нетленными венцами* и крыльями (240 крыл). Около Гроба Господня висели также 12 стеклянных лампад, а у стен стояли живописные картины, изображавшие евангельские притчи: Сошествие во ад, Воскресение, Вознесение и «Христос явися Марии Магдалине». Эти картины, писанные на полотнах живописцем Иваном Салтановым, вышиною были по 3 арш., шириною в свету по 1 $^{3}/_{4}$ арш. В 1681 г., 12 декабря, государь повелел устроить между новою церковью Распятия и своих *деревянных комнат* в особой небольшой каменной палатке Вертоград с Господним Гробом. Своды и стены этого Вертограда поручено было обделать мастеру Степану Заруцкому «из алебастроваго камени, цветные, с розными краски». Окончить это дело

государь назначил к 10 апреля 1682 г., почему для поспешенья работали даже по ночам, но тяжкая болезнь и потом преждевременная смерть царя (27 апреля), вероятно, остановили и, может быть, совсем прекратили постройку этого Вертограда, потому что в последующее время о нем уже вовсе не упоминается. Церковь Распятия возвышалась в уровень с кровлею Грановитой палаты, так что к ее алтарю был ход с этой кровли.

С другой стороны теремов в 1681 г. перед четвертою теремною комнатою было устроено такое же крыльцо, какое находилось перед Переднею на Каменном дворе. Перед крыльцом была выровнена площадь и на ней поставлены для государя брусяные хоромы в длину 7 саж., поперек 6 саж., на каменных стенках вместо подклетов вышиною в 4 арш. Под четвертою же комнатою в подклете была устроена *мыленка*. Затем перестроена была церковь Рождества Богородицы. К ней приделали новую трапезу; собрали с нее главы и по сводам выверстали площадь наравне с площадью, которая находилась у терема под новыми хоромами; на этой площади, устроенной таким образом над церковью и над трапезою, построили новый пятиглавый храм во имя Сошествия Святого Духа с небольшим приделом с северной стороны. В этой же местности были произведены и другие перестройки. В 1679 г. государь возобновил также церковь Похвалы Богородицы *на новом Потешном дворе*, здание которого, сохранившееся доныне, было построено в это же время.

Из больших палат в 1681 г. были возобновлены две набережные: *Ответная* и *Панихидная*; последнюю, в которой оказались трещины, связали с лица кругом железными связями; внутри также положили проемные связи; внизу, где тогда же устраивался из старого новый Набережный Нижний Красный сад на особом каменном здании, к этому зданию со стороны Тайницких ворот для подкрепления Панихидной палаты подведен был каменный бык или контрфорс. Столовая изба и при ней сад, между Средней Золотой и алтарями Спасо-Преображенского собора, были разобраны, и на их месте выровнена площадь. Столовая была перенесена в возобновленную Панихидную палату, которая и именовалась с

этого времени Столовою. Между церковью Иоанна Предтечи и *Колымажными* дворцовыми воротами в двух палатах, где были Резные и Столярные палаты, перенесенные в другое место, помещена царская *аптека*. Потом возобновлены были все палаты Сытного, Кормового и Хлебенного дворцов, по линии от *Колымажных* до *Куретных* дворцовых ворот, где теперь Кавалерские корпуса, и построены Новые портомойни в длину на 11 саж., поперек на 3 саж.

По смерти Федора Алексеевича, в ноябре 26-го числа 1682 г., часть обновленного им дворца, примыкавшая ко двору патриарха, сделалась жертвою пожара: сгорели деревянные хоромы царя Петра Алексеевича и хоромы царевен; потом занялся и Успенский собор, на котором сгорела кровля и в главах оконницы, так что все значительные иконы и мощи чудотворцев вынесены были в это время на случай опасности в Архангельский собор[1]. В 1683 г. на месте погоревших хором выстроены были для царя Петра и его матери царицы Натальи Кирилловны деревянные хоромы, а для царевен Софьи, Екатерины, Федосьи и др., живших после пожара на Потешном дворе, каменные палаты о трех житьях, т. е. этажах, из которых в нижнем была устроена комната, *где сидеть с бояры – слушать всяких дел*: явление, по тому времени, не «совсем обыкновенное на женской половине царского дворца, и особенно на половине царевен, но весьма понятное, если мы скажем, что эта думная комната устроена была по назначению царевны Софьи Алексеевны. В одно время с этими палатами в 1684 г. построена на Кормовом дворце, возле новых хором царя Петра[2] и его Верхнего Красного сада, новая церковь во

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. X. – 1775. – С. 94. По случаю этого пожара для временного помещения царевен и вдовствующей царицы Марфы Матвеевны были выстроены деревянные хоромы с теремом наверху на Потешном дворе, где они и жили до постройки их новых хором на старом месте.

[2] На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Матер. Москв. I, 1013.» См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы.., собранные и изданные руковод. и трудами Ивана Забелина. Ч. I. – М., 1884. 1013, где указывается, что святой патриарх ходил к царю Петру Алексеевичу и царице Наталии Кирилловне «на новоселья в новые деревянные хоромы» 5 апреля 194 (1686) г. – *Ред.*

имя святых апостолов Петра и Павла[1], тезоименитых царю. В июне того же года велено было написать в эту церковь местные пророческие и праотеческие иконы и сделать иконостас, позолотив его сусальным золотом.

В 1682 г. на площадке между теремами и церковью Сошествия Святого Духа выстроены для царей новые Брусяные хоромы, а в 1683 г. сделаны Брусяные хоромы и две избушки для царевен больших. В 1683 г. в Меньшей Золотой палате для подкрепления Верхоспасского собора под своды подведены были крестообразно каменные *перетективья*, которые хотя и обезобразили эту древнюю палату, но зато сберегли ее от неминуемого разрушения; потом в палатах Грановитой, Золотой Средней, Ответной и других исправлены все ветхости и возобновлено также Красное крыльцо. О многих других незначительных поновлениях и постройках не станем здесь упоминать, потому что это относится уже к полной истории дворца и не может войти в тесные пределы, назначенные для нашего очерка.

В конце XVII столетия пред единодержавием Петра дворец достиг самого цветущего состояния, до какого не достигал он ни в одно из предыдущих царствований. В это время его обширность и относительное великолепие вполне выразили характер древней царской жизни во всем ее блеске и царственном просторе, и с этого же времени начинается постепенное его запустение и разрушение. В год смерти последнего старинного московского царя Ивана Алексеевича, в то время, как Петр работал под Азовом, 6 июня 1696 г., на дворце сгорели государевы хоромы: выгорело все без остатка, по свидетельству Желябужского. В 1701 г., 19 июня, новый пожар опустошил весь Кремль. В тот день, как записал один современник, «в 11 часов в последней четверти волею Божиею учинился пожар в Кремле-городе, загорелись кельи на Новоспасском подворье, что против задних ворот Вознесенского монастыря. И разошелся огонь по всему Кремлю, и выгорел Царев двор весь без остатку: деревянные хоромы и в каменных все ну-

[1] На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Тетрад. Иконоп. 192 г., 3». На что указывает эта ссылка, к сожалению, определить не удалось. – *Ред.*

тры, и в подклетах и в погребах запасы и в ледниках питья и льду много растаяло от великого пожара, ни в едином леднике человеку стоять было невозможно; и в каменных сушилах всякие запасы… и Ружейная Полата с ружьем; и Мастерские Государевы полаты… святые церкви, кои были построены вверху и внизу в государеве доме, кресты и кровли и внутри иконостасы, и всякое деревянное строение сгорело без остатку… И набережные государевы полаты, и верхние и нижние, кои построены в Верхнем Саду, выгорели… И все государевы Приказы и многие дела и всякая казна погорела… Кто ни был живущие в Кремле, все без остатку погорели…». Старина истреблялась старым же ее губителем – пожаром, от которого теперь особенно пострадал Задний государев двор, большею частию жилые и служебные постройки, именно Теремный дворец, каменные хоромы царевен и все здания, прилегавшие в Патриаршему двору и к Троицкому подворью; также деревянные хоромы, стоявшие подле Терема, и большой корпус с дворцами Сытным, Кормовым и Хлебенным. Хотя каменные здания и были возобновлены, но погорелые их стены не были уже столько прочны, так что через полстолетие пришли в совершенную ветхость и были разрушены по необходимости прежде других старинных зданий. Живые следы этого пожара в дворцовых зданиях оставались еще и в 1722 г.

Расположение дворца, сохранив первоначальные древнейшие черты, получило в XVII столетии при увеличении царского семейства более широкие размеры. Мы уже имели случай заметить, что все здания государева дворца соответственно их назначению составляли три особые отделения: постельные или жилые хоромы, палаты или парадные залы и, наконец, все здания, в которых помещались различные заведения царского хозяйства. Во второй половине XVII столетия жилые летние покои государя находились в нынешнем Теремном дворце, а зимние – в деревянных хоромах, стоявших подле Терема, одни

у церкви Рождества Богородицы, другие у церкви Живоносного Воскресения; с этой же восточной стороны Терема в разных местах стояли деревянные хоромы цариц и царевичей и больших и меньших царевен. Большие палаты, Грановитая, Золотая и др. примыкали к площади между соборами, а все хозяйственные здания расположены были в разных местах вокруг дворца, так что весь юго-западный угол Кремля – от Тайницких и до Троицких ворот – занят был дворцовыми строениями. Точное определение местности различных зданий царского дворца представляет величайшие затруднения по недостатку древних чертежей. Чертежи, хотя и деланные обыкновенно от руки, по глазомеру, составлялись и в то время по случаю каждой постройки, а тем более значительной, каковы были каменные палаты и другие подобные здания. Есть свидетельство, что в 1686 г. составлялся общий чертеж всему дворцу, «всем государским хоромам, палатам и всяким зданиям, которые в Кремле на их государском дворе». К сожалению, этот чертеж не сохранился или, по крайней мере, неизвестен нам. Недавно мы получили возможность воспользоваться копиями с чертежей, составленных в 1751 г. Эти копии, не имеющие, однако, подробной описи, принадлежат ныне Историческому музею и представляют драгоценнейший памятник кремлевской дворцовой старины, который во многом с точностью выясняет, отчасти исправляет, отчасти подтверждает прежние наши разыскания по этому предмету.

Пользуясь этими чертежами, а также напечатанными нами в первом томе «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы» (М., 1884) описями дворцовых зданий XVIII столетия, мы можем представить теперь более обстоятельное обозрение старинного расположения зданий дворца во всем их составе, но, как и прежде, ограничимся указанием только главных частей. Как и прежде было сказано, лицевая сторона дворца выходила на площадь между соборами, которая, подобно площади Китай-города, также иногда именовалась *Красною* (Дворцовые разряды. Т. III. – С. 1973). На эту действительно замечательную площадь дво-

рец выдвигался самою большою и красивою из своих палат – Грановитою палатою с лестницею возле нее, которая вела на *Красное крыльцо и Передние переходы*, простиравшиеся от угла Грановитой палаты до паперти Благовещенского собора. В глубине между палатою и собором на средине переходов стояла *Золотая Средняя палата*, к которой прямо к дверям ее сеней вела с площади другая лестница – *средняя*, известная в конце XVII столетия под именем *Золотой лестницы* и *Золотой решетки* (Дворцовые разряды. Т. I. – С. 99, 639; т. III. – С. 17, 85). Третья лестница, приводившая на те же переходы Красного крыльца, находилась в паперти Благовещенского собора и прозывалась *Благовещенскою*.

Неподалеку от Благовещенской лестницы между соборами Благовещенским и Архангельским стоял особняком *Казенный двор*, сохранявший государеву *казну* – серебро и золото в разных вещах, большею частию в посуде, которою украшались почестные царские столы; также дорогие золотные, серебряные и шелковые ткани; огромный запас сукон и других шерстяных и бумажных тканей; огромный запас *мягкой рухляди*: дорогих собольих, также куньих, беличьих и других легких мехов, которые употреблялись в то время на одежду. Для обделки мехов во дворе в местности с южной стороны Архангельского собора находилась *Скорняшная палата,* к которой был и особый ход за собором. Вообще на Казенном дворе сохранялась всякая домовая казна, которая употреблялась на обиход государев, а также в раздачу годового жалованья и в награду за службы. Здесь же, в *Образовой палате*, хранилось множество икон, крестов, ковчегов со святыми мощами и разной другой *святыни*. Казенный двор соединялся с дворцом переходами с западной стороны Благовещенского собора и особыми палатами, которые примыкали к собору с южной стороны.

Войдем в старый дворец по главной лестнице у Грановитой палаты. Эта лестница состояла из 32 ступеней и была вымощена *ступенным* белым камнем, а поверх его – железными плитами. Она делилась на четыре доли тремя рундуками или площадками, отдыхами и простиралась по длине, со ступеня-

ми и площадками, на 11 $^{1}/_{2}$ саж., а в ширину – на 3 саж. По левой стороне от всхода она была ограждена каменными украшенными резьбою перилами, покрытыми каменною лещедью. У каждой площадки на этих перилах был помещен каменный вызолоченный лев, всего три. Вся лестница была покрыта медною кровлею, которая над двумя нижними площадками была устроена в виде красивых шатров с орлами наверху, а верхняя площадка была покрыта *бочкою*, как это видно на картинах избрания на царство царя Михаила. Шатер над нижним рундуком или площадкою основан был на резных каменных столбах, сомкнутых вверху сводами в виде портика, над которыми красовались золоченые резные орлы. В пожар 1696 г. шатры погорели и с того времени уже более не устраивались. Вся лестница осталась открытою, и из-под нижнего шатра сохранились только каменные столбы со сводами, которые в последнее время были возобновлены по старым рисункам, но, собственно, в том же разрушенном виде без необходимой шатровой кровли. Само собою разумеется, что древние кровельные шатры лестницы должны были скрывать от всенародных очей торжественные царские выходы из дворца, почему и устройство древнего покрытия лестницы оставлено как излишнее. Эта лестница еще со времен царя Федора Ивановича именовалась Золотою, вероятно, потому, что была расписана золотом и красками и имела золоченую кровлю, особенно в шатрах. В XVII столетии ее называли, кроме того, *Большою* и *Красною*. У входа она запиралась железною решеткою, покрытою также красками и золотом.

По лестнице всходили прежде всего на *Красное крыльцо*, как в собственном смысле называлась небольшая площадь перед входом в Грановитую палату, которая простиралась в длину (несколько дальше угла сеней Грановитой палаты) на 6 $^{1}/_{2}$ саж., а в ширину – на 3 саж., какой ширины была и самая лестница. Крыльцо (или эта площадь) было покрыто особою кровлею в виде двух шатров по тесу белым железом.

От этого крыльца влево к Благовещенскому собору до Набережной Столовой палаты протягивалась площадь *Перед-*

них переходов, именуемых также Красным крыльцом, длиною 17 саж., шириною 11 арш., обнесенная со стороны Соборной площади каменными резными перилами. Эти *Передние переходы* и теперь существуют почти на том же месте.

С этих переходов, прямо против дверей Золотой палаты, вниз на Соборную площадь вела, как упомянуто, каменная лестница, *что словет Золотая решетка*, длиною 7 саж., шириною между перил 1 $^{1}/_{2}$ саж. Внизу лестница запиралась железною створчатою решеткою, вышиною в 2 саж., шириною 1 $^{1}/_{2}$ арш., которая была вызолочена, почему и называлась *Золотою*.

С площадки Красного крыльца одни двери вели на обширную заднюю площадь Постельного крыльца. Это были *Красные* двери, створчатые, обитые жестью и по жести расписанные золотом и красками, вышиною 3 $^{1}/_{2}$ арш., шириною 2 арш. Они находились между углом сеней Грановитой палаты и углом Шатерной. Другие двери вели в сени Грановитой палаты.

Сени были длиною 23 арш., шириною 13 арш.; в них было 3 окна двойных, выходивших на Постельное крыльцо, и две двери створчатые, обитые белым железом, одни с Постельного крыльца, другие с Красного.

Грановитая палата и по старой мере имела длины от востока к западу 11 саж., ширины 10 саж.; в ней посредине, как и теперь, был столб каменный, шириною 2 $^{1}/_{2}$ арш.; в нижних стенах 12 окошек; у стен со всех 4 сторон взруб брусяной и дощатый; рундуки, т. е. площадки взруба, брусяные; у западной стены к углу стояла печь ценинная вышиною 3 саж., шириною 5 арш.; двери из сеней створчатые, обитые белым железом.

По линии Передних переходов, начиная от Красного крыльца к Благовещенскому собору, стояли следующие палаты.

Палата Шатерная, имевшая длины от востока к западу, т. е. от Красного крыльца в глубь двора, 12 саж., ширины 3 саж. Это была кладовая, в которой сохранялась шатерная казна, всякого рода походный и хоромный наряд и убор, царские шатры и ставки, выходные государевы места, род балдахинов и т. п. Окна и двери этой палаты выходили на Постельное крыльцо.

Рядом с Шатерной находились сени Золотой Средней палаты длиной 17, шириной 13 арш. В них по сторонам дверей с Красного крыльца было два окна. Другие двери на противоположной стороне вели к Столовой избе, стоявшей на Спасском дворце, позади Золотой палаты. Третьи двери направо в углу вели в Шатерную палату. Вокруг у стен сеней находились обычные лавки.

Из сеней в Золотую палату вели двое дверей, одни парадные створчатые, другие, ближе к дверям в Столовую избу, одинакие.

Золотая палата в длину и в ширину имела 18 арш. У ее стен со всех четырех сторон были устроены брусяные взрубы, как и в Грановитой палате. На Красное крыльцо выходили 3 окна и к Набережной палате также 3 окна. Близ малых дверей стояла ценинная печь, вышиною 6 арш., шириною 4 арш., глубиною 3 арш.

Позади палаты на Спасском дворце, как упомянуто, стояла *Столовая Брусяная изба* с сенями и с переходами или крыльцом, которое называлось также *Столовым*. Она была покрыта высокою шатровою кровлею с орлом вверху, которая с Соборной площади была видна над кровлею Золотой палаты. Со стороны Постельного крыльца, перед избою, находился комнатный *сад*, расположенный над сводами нижнего этажа дворцовых зданий. С другой стороны, через переходы, стояли две Набережные палаты с особыми сенями перед каждой.

Против западных ворот Благовещенского собора, примыкая к его паперти, стояла палата *Сборная* или *Панихидная*, именовавшаяся в конце XVII столетия *Столовою*. Как выше было упомянуто, она построена на месте великокняжеского терема и вначале называлась *Малою* в отличие от *Большой*, т. е. Грановитой. В ней, по древнему обычаю, после царских панихид бывали *сборы большие*, или собрания духовенства, которому предлагались здесь царские поминовенные обеды, отчего она и получила наименование Сборной Панихидной. (Бывал в ней *корм*, ел в палате патриарх и все власти.)

Сени перед палатою были длиною 16, шириною 21 арш., с пятью окнами и створчатою дверью. В них была также печь ценинная, вышиною 6, шириною 4, глубиною 3 арш.

Из сеней в палату вели двери, также створчатые. Мерою палата была длиною 29, шириною 21 арш. В ней своды утверждались на одном столпу, как и в Грановитой, но на круглом, толщиною в 1 $^{1}/_{4}$ арш. У стен со всех четырех сторон был взруб брусяной; в нижней части стен находились 12 окон, в верхней – 3 окна малых. Видимо, что она строена по тому же плану, как и Грановитая. В ней стояла печь ценинная, вышиною 9 арш., шириною 4 $^{1}/_{2}$ арш., глубиною 2 $^{3}/_{4}$ арш.

Далее, по набережной стороне, к западу стояла Ответная Посольская палата, служившая своими стенами продолжением стен Сборной или Столовой палаты. Сени перед нею были мерою длиною 12, шириною 15 арш., с 4 окнами и двумя дверями, одни створчатые, другие одинакие, и с печью ценинною, вышиною 5, шириною 1 $^{3}/_{4}$, глубиною 2 арш.

Самая палата была почти той же меры (11 $^{1}/_{4}$, 14 $^{1}/_{4}$ арш.) с 4 окнами, двумя дверями и ценинной печью. В конце XVII столетия пол в ней был *гончарный каменный, набиран узорами* вроде мозаичного. В этой палате происходили совещания и беседы бояр с иноземными послами, которые получали здесь царские ответы или решения посольских дел, отсюда и название палаты *Ответною* и *Посольскою*. Для удобства слушать самому государю эти совещания в палате был устроен тайник с особым окном и с круглою потайною лестницею со стороны переходов и крыльца к Спасу во двор.

Эти две Набережные палаты и со своими сенями как отдельная постройка были покрыты особою общею для них кровлею, длиною на 15 $^{1}/_{2}$, шириною на 11 саж. С набережной стороны возле этих палат был расположен Нижний Красный Набережный сад с круглою башнею на углу к Тайницким воротам.

Таков был лицевой, передний отдел дворцовых зданий, заключавший в себе одни только приемные палаты.

Дальше по набережной стороне дворцовых зданий через небольшую площадку стоял Сретенский собор, за которым

следовал особый корпус с разными палатами, простиравшийся до церкви Ионна Предтечи. Возле Сретенского собора и этого корпуса под горою помещался Запасный двор, над каменными палатами которого был расположен обширный *Верхний* Набережный сад.

Жилые помещения государя и его семейства под именем *постельных хором* были расположены в сохранившемся до нашего времени так называемом Теремном дворце, частию в его каменных комнатах, а более всего в деревянных хоромах, находившихся или над самым его зданием, или рядом в соединении с ним особыми переходами. Необходимо заметить, что здание Теремного дворца, протягивающееся на 47 саж. по прямой линии от востока к западу, от угла Грановитой палаты к церкви Рождества Богородицы, составляло, так сказать, становой хребет дворцовых зданий, самую средину всего пространства, занятого дворцовыми постройками. Оно делило это пространство на два особые большие двора, из которых один двор, главный, с южной стороны от Терема, был расположен около древней церкви Спаса на Бору с двумя воротами, передними от Соборной площади и задними к Боровицким кремлевским воротам, называвшимся Колымажными. Другой, собственно хозяйственный или служебный задний двор с северной стороны Терема простирался к кремлевским Троицким воротам, с одними воротами – Куретными. Он в свой черед делился на два двора или дворца – Кормовой и Хлебенный.

С Соборной площади на Спасский двор, как можно его называть, вели, как упомянуто, *Передние проезжие ворота* под сенями Средней Золотой палаты, между Среднею и Грановитою лестницами. В длину этот проезд имел 21 саж., шириною в 2 саж. По своей наружной обделке со стороны Спасского двора эти ворота назывались также *Красными*[1]. На дворе они выходили против юго-восточного угла Спасской церкви или против алтаря ее южного придела.

[1] Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. – М., 1884. – С. 1231.

С этого двора от Спасской церкви по Постельной лестнице в 42 ступени с двумя рундуками или площадками входили на *Постельное крыльцо*. Так именовалась обширная площадь, занимавшая угол между зданием Теремного дворца и Грановитой палаты. В длину эта площадь простиралась на 17 саж., в ширину на 12 саж. Почти на самой средине площади возвышалась каменная же большая лестница, по которой всходили к государевым покоям в Теремном дворце. В XVII столетии она прозывалась *Золотою*, также *Золотым крыльцом* и *Золотою решеткою*, потому что вверху была ограждена узоловатой, т. е. узорочной сквозной, решеткой, расписанной золотом и красками.

Все обширное пространство площади Постельного крыльца именовалось также *Боярскою площадкою*, потому что здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство или все те, которым был дозволен сюда вход.

Здесь, сходя с Верха, из комнат государя, дьяки сказывали во всеуслышание царские указы о назначениях государевой службы. Стольники, здесь собиравшиеся, в отличие от *комнатных*, которые по близости к царской особе могли входить в его комнаты, назывались *площадными*.

В 1677 г., прямо против входа на Постельное крыльцо, у деревянной переграды, отделявшей Боярскую площадку от Золотого крыльца, стояла большая картина, писанная по полотну и изображавшая *притчи*, т. е., вероятно, что-либо аллегорически назидательное для собиравшейся здесь дворянской толпы, именно в смысле почтения к месту, которое служило входом в царское жилище. Боярская площадка с лестницею и теперь сохранила свое место у внутреннего входа во дворец от Спасской церкви во Владимирскую залу. Другая часть Постельного крыльца или его площади с местностью Золотого крыльца вошла ныне под ту же Владимирскую залу Нового дворца.

Обширная площадь Постельного крыльца была расположена перед тем ярусом Теремного дворца, который был

построен еще Алевизом над подклетами и белокаменными погребами. Этот ярус заключал в себе на протяжении 33 саж. девять палат почти одной меры, каждая около 6 саж. длиною и 3 саж. шириною. Крайняя палата к востоку, выходившая угол в угол к Грановитой палате и, следовательно, на лицо дворцовых зданий, с XVI столетия становится известною под именем Золотой царицыной палаты, в которую вход был из ее сеней, называвшихся также *Проходною палатою*, потому что эти сени вели на задний внутренний двор постельных хором, на царицыну половину. В древнее время и в начале XVII столетия эта проходная палата называлась также *Жилецкою*, т. к. в ней собирались обыкновенно дежурные дворяне-*жильцы*. Впоследствии это помещение для жильцов было переведено в подклетный этаж, находившийся под площадью Постельного крыльца, где был *старый жилецкий подклет*, в котором иногда стегали дворян батогами за неправильные споры по местничеству и за другие провинности или сажали здесь же под арест в глухую палатку.

Из тех же сеней царицыной Золотой палаты налево дверь вела в *Мастерскую палату*, как называлось целое дворцовое ведомство, сохранявшее и изготовлявшее все наряды и уборы царской одежды, как равно и одежды царицы и царских детей и всего их постельного обихода. Мастерская палата занимала своими мастерскими и кладовыми ряд комнат, следовавших далее к западу от упомянутых сеней до церкви св. Лазаря, находившейся под церковью Рождества Богородицы. Возле церкви Лазаря, как упомянуто выше, в XVI столетии в этом же этаже Теремного дворца стояла особая палата, *Задняя*, приемная великой княгини Елены – матери Грозного. В своих стенах она должна сохраняться и до настоящего времени, обращенная в помещение для придворных лиц. Вокруг всех помянутых палат протягивались *переходы* в 3 арш. шириною, соединявшие все помещения между собою.

В XVI и в XVII столетиях, до постройки Теремных покоев, над этим алевизовским (вторым) этажом дворца помещались деревянные хоромы государевы у Постельного крыльца

и царицыны – ближе к церкви Рождества Богородицы, составлявшие третий ярус здания. Нет сомнения, что на месте этих старых деревянных хором царь Михаил Федорович выстроил для своих царевичей Ивана и Алексея новые каменные в три яруса, в которых потом поселились и сами цари. По всему вероятию, и прежние деревянные хоромы состояли также из трех ярусов с обычным теремом-чердаком наверху.

С Постельного крыльца в эти хоромы, как упомянуто, вела Золотая лестница, огражденная у самого входа на государев *передний каменный двор* золотою узоловатою решеткою с тремя створчатыми дверями, вышиною в 3 арш., шириною около аршина.

На перилах лестницы, у двух ее площадок или отдыхов, по сторонам помещались золоченые львы-звери, по два на площадке. Передний двор представлял площадь между церковью Спаса за Золотою решеткою и зданием Терема длиною 22, шириною 13 арш. Прямо против входа на этот двор с Постельного крыльца в двери Золотой решетки, у перегради, отделявшей двор от переходов в другие церкви, стояла (с 1677 г.) большая картина, писанная на полотне живописцем Иваном Салтановым и изображавшая *Видение царя Константина, како явися ему крест*.

Возле этой картины налево находилось *каменное переднее Золотое* же *крыльцо* с лестницею под красивою шатровою кровлею, устроенною над верхнею его площадкою, которое вело в *передние проходные сени* (ныне столовая или трапезная комната). Из этих сеней входили в *Переднюю палату* (ныне соборную или гостиную), называвшуюся иногда, по старому понятию, *Переднею избою*. Когда в конце XVI столетия, вероятно, при царе Иване Алексеевиче проходные сени переустроены были в Переднюю, то и передняя была переименована в *Крестовую*.

Далее следовала *комната*, собственный кабинет государя (ныне престольная), которая при царе Михаиле называлась *Золотою*, а при царе Алексее Михайловиче известна была по преимуществу под именем Комнаты[1]; среднее окно этой пала-

[1] Выходы царей. – М., 1844. – С. 581 и др.

ты снаружи было украшено каменною резьбою с изображением львов и розметных трав. С северной стороны перед палатою находились небольшие сени, из которых был всход в верхний Терем и сход в нижний ярус здания.

За комнатою находилась последняя комната – Крестовая или Моленная (ныне опочивальная), называвшаяся иногда просто *третьею*. В ней была отгорожена небольшая комната, известная под именем четвертой, где находилась опочивальня, или почивальня, вроде алькова, или по-русски чулан. (Ср. итал. cella – келья.) Возле сеней государевой комнаты и упомянутой четвертой со стороны Кормового дворца находились две комнаты, где *стаивали с кушаньем*, т. е. где находился царский буфет.

Верхний пятый ярус этого здания представлял одну обширную залу длиною около 7 саж., шириною около 3 саж., с 13 светлыми окнами со всех четырех сторон. Он назывался *Каменным чердаком*, или в собственном смысле *Теремом*, по сторонам которого обширные площадки к Спасской и Рождественской церквам и переходы с других двух сторон именовались *Верхним каменным двором*[1]. Наружные стены Терема и государевых покоев и до сих пор сохраняют богатые украшения из разноцветных изразцов.

Эти хоромы, сохранившиеся до наших дней несмотря на то, что были уже каменные, вполне изображают устройство и старинных деревянных хором, а потому служат любопытным и единственным памятником старого царского быта. В них воспитывался и жил царь Алексей Михайлович, а потом его сыновья – царь Федор и царь Иван Алексеевичи; в них до первого своего путешествия за границу останавливался иногда царь Петр Алексеевич; последним обитателем Теремов был царевич Алексей Петрович.

У хором, как следовало в деревянных постройках, был тоже и свой *подклетный* ярус, третий во всем здании,

[1] Дополнения к Актам Историческим. Т. V. – С. 111; Дворцовые разряды. Т. III. – С. 657. В 175 (1667) г., августа в 16 день, вместо стола кушанье было у государя в *Терему*; по другой записке: «в Верху над *Переднею* и над *Комнатою*».

где находились разные служебные и деловые комнаты и где жили некоторые из ближних людей к особе царя. При царе Михаиле, в малолетство царя Алексея, здесь помещалась и *Потешная палата*, занимавшая особую комнату под Теремными покоями. Под *четвертою* комнатою была устроена государева *мыленка*, в которую государь хаживал по *потайной лестнице*, сохранившейся доныне. Небольшая палатка, где помещалась мыленка, вся была выложена и опаяна свинцовыми досками для того, чтобы вода не могла пройти сквозь своды в нижний этаж.

Над тем же подклетным этажом к Рождественскому собору на уровне Теремных покоев находилась площадь длиною около 10 саж., шириною 8 саж., на которой стояли хоромы придворных *богомольцев*, столько любимых царем Алексеем Михайловичем.

Лицевая сторона Теремных покоев была обращена во двор к собору Спаса Преображения или к набережной стороне дворцовых зданий, к югу.

С внутренней, северной стороны Теремного дворца к нему, именно к государевым покоям и к церкви Спаса за Золотою решеткою, примыкали каменные и деревянные хоромы цариц и царевен, т. е. всей женской половины царского семейства с их домовыми церквами. Они занимали пространство с лишком на 50 саж. в длину к северу и на 40 саж. в ширину, от запада к востоку, где с восточной стороны их линия примыкала к Патриаршему двору. С Теремным дворцом они соединялись многими открытыми площадками и переходами и крытыми сенями, расположенными на уровне площадей и переходов, какие существовали у Теремного дворца, а потому и самые этажи этих хором высились соответственно этажам Терема. Возле Терема в уровень с его комнатами на расстоянии от него 10 саж. в конце XVII столетия находились хоромы царицы Наталии Кирилловны с малолетним сыном Петром Алексеевичем, деревянные, построенные на каменных стенах и столбах, среди которых помещались их разные служебные палаты. В прежнее время здесь помещались хоромы

государевы и прежних цариц. Эти хоромы и при них церковь находились прямо против Теремов по направлению к северу и занимали площадь в длину к северу почти на 20 саж., в ширину с лишком на 13 саж. Нижний ярус хором состоял, как упомянуто, из стен и столбов с находившимися среди них служебными помещениями и из площадок на уровне каменного Теремного дворца, перед церковью Спаса за Золотою решеткою. В этом ярусе на северо-западном углу стояла церковь Петра и Павла, каменная, занимавшая место в длину и с трапезою с лишком 9 саж. и в ширину около 4 саж. Она высилась над всеми другими зданиями внутреннего двора на уровне с Теремом государя. Церковь была пятиглавая, главы и резные железные кресты были вызолочены, кровля была из кованого железа. В церкви было 17 и в трапезе 6 окон с железными решетками, вышиною 2 $^{3}/_{4}$ арш., шириною 1 $^{1}/_{2}$ арш. Полы были дубовые косящатые. Возле церкви находилась палатка с сенями, из которых кверху вела комнатная круглая лестница. В церковной трапезе, по всему вероятию, были хоры-полати, примыкавшие одною стороною к деревянным хоромам царицы. Около церкви были переходы. Против алтаря была расположена площадка длиною в 8 $^{1}/_{2}$ саж., шириною в одном конце 6 саж., в другом – 11 арш., на которой был разведен сад, огороженный балясами, с небольшим прудом. Возле находилась еще площадка, *Потешная* царевича Петра. Под хоромами царицы в нижнем этаже находилась Мастерская палата царицы и три палаты, в которых жили государевы богомольцы, длиною каждая в 6 саж. и шириною в 2 саж., и в каждой было по 2 окна. Размер этих трех палат явно показывает богаделенное их устройство.

Нет никакого сомнения, что это отделение царского дворца, примыкавшее переходами к Теремным покоям и принадлежавшее царице Наталии Кирилловне, было устроено царем Алексеем Михайловичем и для собственного жилища вместе с царицею, почему в нем же помещены были и его любимые старики-богомольцы[1].

[1] Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. II. – С. 825.

В том же направлении, к северу от Теремного дворца, от Золотой Царицыной палаты и стоявшей возле нее церкви св. Екатерины, были расположены к стороне Патриаршего двора хоромы царевен, меньших, дочерей царя Алексея, и больших, старших, их теток, дочерей царя Михаила Федоровича.

Сначала здесь стояли их деревянные хоромы с теремом наверху, который был виден с Соборной площади за главами Успенского собора. В 1684 г. на место деревянных сгоревших были построены для их жилищ каменные корпуса в том же направлении, на пространстве от церкви Екатерины более 40 саж.

От хором царицы Наталии эти корпуса отделялись площадью в 30 саж. длины и около 6 саж. ширины. С этой площади, с одной стороны, особое крыльцо с лестницею вело к хоромам царицы, а с другой – обширное крыльцо с лестницею к хоромам царевен. Крыльцо царевен находилось прямо против церкви Петра и Павла, в 10 саж. от нее.

Возле этого крыльца стояли особым корпусом три палаты *поваренные, где приспевали кушанье для царевен*.

Мимо этих палат площадь уходила дальше к северу, где возвышались церкви Спаса *новая* и под нею Успения, построенные для моления царевен же, которые жили на этом противоположном Теремному зданию краю дворца.

От Теремного здания хоромы царевен были расположены следующим порядком. Возле церкви св. Екатерины находились хоромы царевны Екатерины Алексеевны, составлявшие особый небольшой корпус окнами в сад. Они заключались в пяти комнатах с сенями и крыльцом. Перед ними обширные переходы длиною в 10 саж., шириною в 4 арш. вели к Екатерининской церкви и от других царевниных хором.

В верхнем ярусе этого корпуса находились комнаты царевны Марии Алексеевны, окнами в тот же сад, числом три, из которых вторая была *столовая* и *крестовая* с сенями, и третья, вероятно, *опочивальня*, из которой в крестовую проходила слуховая труба для слушания исполнявшихся молений и служб у Крестов. В первой комнате в 1722 г. еще оставалось «стенное

письмо: Христово Воскресение и Вознесение с иными чудесами живописными». Как внизу, так и здесь крытые переходы того же размера вели к церкви Воскресения, находившейся над Екатерининскою церковью.

Далее следовали наугольные комнаты, обращенные к Успенскому собору, в которых, по всему вероятию, жила царевна Софья. Здесь, от этого угла и до другого по лицевой стороне здания, были расположены восемь комнат, все почти одинакового размера как в верхнем ярусе, так и в нижнем.

Комнаты распределялись по отделам для каждой царевны особо, причем перед каждым отделением или особым жильем находились особые сени. В упомянутом угловом отделении были три комнаты с сенями и небольшими сенцами при самой наугольной комнате. Второе отделение состояло также из трех комнат с особыми сенями. Затем следовали как особое отделение две комнаты, в которых жила старшая царевна Татьяна Михайловна. Возле ее комнат находилась *мыльня* деревянная, окладенная в каменных стенах.

Такое же почти распределение комнат существовало и в верхнем ярусе хором.

Описанный ряд комнат по линии к Патриаршему двору занимал в длину с лишком 23 саж., в ширину 6 саж. Все комнаты были одной меры, заветной для великорусской крестьянской избы, около 8 арш. в квадрате; каждая рядовая имела по два окна двойных и в угловых по 4 окна вышиною по 2 арш., в ширину по 1 арш.; двери вышиною по 3 арш., шириною по 1 $^{1}/_{2}$ арш.; печи изразцовые, полы дубовые, косящатые или кирпичные (косяками или прямоугольниками и квадратами). Обширные сени при каждом особом жилье имели значение наших зал и служили для домашних девичьих игр и разных увеселений. Сени соединялись с нижними помещениями посредством круглых лестниц, находившихся в каждом отдельном жилье. Перед окнами царевен в среднем ярусе их хором был расположен сад длиною почти 12 саж., шириною с лишком 6 саж., который продолжался и далее на 9 саж., узкою полосою под самыми окнами царевен, быть может, только

для устройства цветников. В саду еще в 1722 г. росли яблони, груши, вишни и смородина. В известный пожар 1737 г. в этом саду сгорело яблоневых деревьев 24, грушевых 8.

С угла на угол от этих хором стоял особый небольшой корпус длиною 11 саж., шириною 5 $^{1}/_{2}$ саж. в три яруса, в котором в кон. XVII столетия жила вдовствующая царица Марфа Матвеевна (Апраксиных). В верхнем ярусе были три комнаты такой же меры, обширные сени и по сторонам их еще две комнаты, из которых одна была спальня: в среднем жилье комната да спальня и сени, из которых лестница круглая вела в верхние комнаты и в нижние подклеты. Возле отдельно стояли мыльня и две палатки, одна из них *стряпущая*.

Хоромы царицы Марфы Матвеевны составляли северовосточный угол всех дворцовых зданий и выходили лицом к Патриаршему двору, а боковою стороною – к Троицкому подворью. На этот крайний угол дворцового размещения после кончины царя Алексея Михайловича намеревались, как сказано выше, переселить царицу Наталью Кирилловну с ее дорогим сыном Петром.

В расстоянии двух сажен от этих хором в среднем ярусе стояла церковь *Спаса Нового* (во дворце, наименованная так в отличие от Спасского же храма, что за Золотою решеткою), а над нею возвышалась церковь Успения Богородицы. Церковь Спаса занимала пространство в длину на 28 арш., в ширину 12 арш., кроме папертей. С южной ее стороны была устроена небольшая паперть около 2 саж. в квадрате, в которой стояло место царицы Марфы, обитое вишневым сукном. В известные дни, не входя в церковь, царица слушала здесь церковную службу в окно. Для зимнего времени в этой комнатке находилась и печка ценинная.

К верхней Успенской церкви приходом служил верхний ярус царицыных и царевниных хором. Таково было размещение вдовствующей царицы и больших и меньших царевен в верхних ярусах их хором.

Нижний или подклетный этаж описанных зданий, начиная от Светличной лестницы, заключал в себе: 1) Портомойные

палаты, находившиеся возле Куретных ворот. 2) Переходы от Светличной лестницы к Теремному дворцу. 3) С этих переходов направо под церковью Петра и Павла и под хоромами царицы Натальи Кирилловны находилась Мастерская палата царицы, заключавшая в себе сени, приводившие в палату, где сидели судьи и где было место *судейское*, обитое красным сукном; потом палату Мастерскую, палату еще Судейскую и три Казенные палаты, где хранилась царицына казна. В портомойных палатах *портомои* (прачки) мыли царское белье. Над палатами возвышались *портомойные* решетчатые, сквозные *чердаки*, в которых это белье сушилось, украшенные решетками, прописанными по-*стекольчатому.* На Москве-реке у Водовзводной башни был портомойный плот, где полоскали белье, а на берегу стояла портомойная *изба* с разными принадлежностями для этого плота. В Кремлевской стене в этом месте находились особые малые ворота, называвшиеся *портомойными*, потому что через них носили на реку белье.

Не более как на четыре сажени от западной стены церквей Спаса и Успения находились *Куретчые* дворцовые *ворота*, отчего и церкви иногда обозначались выражением, «что над Куретными вороты». Над самыми воротами стояла большая каменная *Светлица* с большими проходными сенями, а подле нее несколько малых светлиц, в которых работали мастерицы – белошвеи и золотошвеи со своими ученицами. Существовавшая здесь у ворот лестница к этим светлицам и к хоромам царевен и царицы Марфы называлась *Светлишною.*

Далее к западу от Куретных ворот, на 15 саженях длины, шел ряд палат *Хлебенного дворца* до угла дворцовых зданий, выходившего к Троицким кремлевским воротам.

Затем от этого угла протягивался длинный каменный корпус в три этажа по направлению к церкви Рождества Богородицы и далее до самых Колымажных дворцовых ворот, стоявших к стороне Боровицких кремлевских ворот и вблизи древнейшей церкви Иоанна Предтечи. В этом направлении и теперь стоят так называемые Кавалерские корпуса дворцового ведомства.

Над самым углом указанного корпуса, обращенным, как упомянуто, к Троицким кремлевским воротам, высились как терем особые *Государевы* каменные же *хоромы*, составлявшие самый верхний, четвертый, ярус этого корпуса и расположенные также углом. Они заключали в себе, начиная со стороны Куретных ворот: сени (3 х 3 саж., 4 окна); *Переднюю палату* (16 х 16 арш., 8 окон), подле нее *Комнату наугольную* (5 х 5 саж., 8 окон), к которой примыкали опять сени (5 х 5 саж., 8 окон) к особой Комнате (5 х 5 саж., 8 окон), имевшей и с другой стороны также сени (5 х 5 саж., 10 окон). Окна во всех комнатах были большие, вышиною и шириною по 2 арш., со слюдяными оконницами. В 1722 г. эти Государевы хоромы, погоревшие во время пожара 1701 г., оставались в полном запустении, не покрытые даже и кровлею. Когда именно и для какой царской особы были построены эти хоромы, неизвестно. Они возвышались над дворцовыми зданиями в уровень с существующим доселе государевым Теремом, подобно наугольным же хоромам царицы Марфы Матвеевны.

Под этими угловыми хоромами и дальше по направлению к Рождественской церкви, в третьем и во втором этажах того же длинного корпуса были размещены палаты разных художеств и ремесел, составлявшие одно ведомство под именем Оружейной палаты.

Оружейная палата с приказом заведовали всею искусственною частью в домовом обиходе царей, как-то: художеством иконописным или живописным, к которому относилось и золотарное дело по дереву; золотым и серебряным делом; резным и токарным делом из дерева и кости; столярным делом; бронным, наводным, резным железным делом и т. д. Некоторые производства, по своей обширности или особому значению, составляли отдельные приказы; например, существовал особый *приказ Ствольный, приказ Золотого и алмазного дела, приказ Серебряный* и др. Каждое производство помещалось в особых *мастерских палатах и светлицах*, которые находились частию в этом же здании, а частию в других отделениях дворца. В *Иконной палате* работали

иконописцы, живописцы, знаменщики (рисовальщики), левкащики, золотари. Для более искусных работ живописных построен был особый Иконный терем, стоявший в набережном отделении дворца, отчего и назывался Набережным. Там же находились, как было упомянуто, *Резные и Столярные палаты*. В *Золотой палате* работали золотых дел мастера и ювелиры; в *Серебряной палате* – серебряники; в *Ствольном приказе* – самопальные мастера, мастера ствольного дела, станочного, замочного, сабельного, лучного, стрельного, пансырного, ножевого и разных других дел. В 1671 г. в ведомстве Оружейной палаты находилось иконописцев, живописцев и других мастеров 136 чел.; в ведомстве Ствольного приказа – 113 чел., в приказе Золотого дела – 22 чел., в приказе Серебряного дела – 39 чел., которые все получали по окладам годового жалованья и с поденными кормами с лишком 5676 руб.

Собственно *Оружейная* или *Оружничья палата* была дворцовым государевым арсеналом, где в особых комнатах и кладовых хранилось государево оружие, государев *доспех* и всякая оружейная *броня*, состоявшая из шлемов или шеломов, шишаков, булатных шапок – мисюрок и ерихонок, стальных и булатных зерцал или лат, кольчуг, юшманов, бахтерцов, наручей, бутурликов, украшенных золотою насечкою, а нередко и дорогими каменьями. Здесь хранились богатые выездные государевы саадаки, т. е. налучи и колчаны, убранные золотом, серебром, эмалью и дорогими каменьями; булавы, пернаты, шестонеры, мечи, сабли, кинжалы, ножи, щиты, копья, бердыши, топоры или секиры, также пищали (ружья), пистоли, даже пушки и т. д. В числе разного боевого оружия здесь же сохранялся запас оружия церемониального, употреблявшегося во время разных торжеств, именно протазаны, алебарды, копья, кончары (род мечей), посольские топоры и т. п. Кроме того, в Оружейной палате хранились и изготовлялись полковые знамена, государевы великие стяги, прапоры и вообще разные предметы полкового боевого и церемониального вооружения.

Для помещения драгоценной оружейной брони и другой различной оружейной *казны* или всяких дорогих предметов

в этом здании была отделена особая, более других обширная палата, которая так и называлась *Казенною* или палатою *Большой Казны*. Она была украшена стенописью, а для размещения сохраняемого оружия в ней по местам стояли *рундуки* (особые поставцы) с *гребнями* (род карнизов) наверху. Здесь первым предметом среди разного оружия был царский скипетр, золотой, убранный дорогими каменьями и покрытый финифтью разных цветов, превосходной работы, быть может, мастеров Оружейной же палаты. Он сохраняется и до сих пор в этом царском древлехранилище, сохранившем и старое свое имя.

Палата Большой Оружейной Казны находилась в средине упомянутого длинного корпуса близ описанных угловых Государевых хором. Далее следовали другие верхние кладовые же палаты, а под ними во втором этаже помещались в палатах разные мастерские, в числе которых палаты Золотого и Серебряного дела находились вблизи Рождественской церкви, где существовала в особой палате и царская Аптека.

В нижнем ярусе этого корпуса все палаты и под ними погреба были заняты помещениями *Хлебенного* (близ Куретных ворот), *Кормового* (под мастерскими Оружейной палаты) и отчасти *Сытного* дворцов.

Хлебенный дворец изготовлял разного рода печеный и пряженый хлеб, *гладкий*, т. е. обыкновенный, и *изразчатый*, т. е. украшенный разными *образцами*, печенный в формах в виде различных фигур, каковы, например, были жаворонки, караси и т. п., и простые: папошники, сайки, калачи, баранки, сухари, перепечи, куличи, караваи, а также пироги разных наименований и *масляничные ествы*, т. е. пряники, и *сахары* или конфекты.

Приспешные палаты и под ними погреба Хлебенного дворца, как упомянуто, находились у Куретных дворцовых ворот и заключали в себе *Клюшную* или *Клюшничью* палату, в которой сидели степенные ключники-распорядители Хлебенного дворцового обихода; палату *Купецкую*, где сидели *купчины*, закупавшие всякие хлебенные припасы; *Светлицу*, в которой отпускали хлебенные ествы; палаты *Хлебенные Стряпущие*, в

которых в одной особой пекли про великих государей хлебы *приказные*, т. е. что государи по желанию прикажут; в других припасали всякого рода хлеб обычный; палаты *Мучные* с закромами; палаты и *сушила*, в которых ссыпали разное зерно, пшеницу, горох, крупу, конопель и пр.; *Бурникову избу*, хотя она была такая же палата, в которой пекли про государя папошники, недомерки, кольца, ситные; далее палату *Овощную* или *Сахарную*, в которой изготовлялись различные сахары (конфекты), сушеные и обсахаренные фрукты и т. п.; палату, в которой наливали и сушили яблочные пастилы; разные другие деловые палаты и потом под палатами *погреба* и *ледники*, сохранявшие масло коровье, ореховое, конопляное, яйца, сметану, творог и всякие припасы для хлебенного печенья.

Кормовой дворец был собственно царскою *поварней*, где *стряпали* (работали) повары, помясы, шесники, куретники, животинники, засыпки и др.

В числе различных деловых палат, составлявших обиход этого дворца, находились: *Клюшничья*, где сидели распорядители кормового обихода, степенные ключники; палатка, где сидели *подьячие*; Казенная, в которой сохранялась столовая золотая, серебряная, оловянная и всякая другая *посуда*; палата *Скатертная*, где сохранялись скатертные приборы; палата *Проделочная*; палата *Соляная*; мучная: деловые поваренные палаты, часть которых находилась и на Потешном дворце у Кремлевской стены близ Троицких ворот[1]; палата, в которой изготовляли *кислые щи*; большая палата, что называлась *Сушило*, где провешивали ветчину и рыбу; *Куретная палата*, отпускавшая в стол кур, гусей, уток и всякую другую птицу и надзиравшая за *Куретным двором*, который помещался вблизи задних дворцовых ворот, оттого и прозванных *Куретными*. Под палатами находились разные погреба: *масляный*, *сметанный*, два *астраханские*, в которых «*солили кабаны*»; особый погреб, где ветчину солили. Посреди двора на Кормовом дворце было построено высокое *сушило*, где провешива-

[1] С Кормового дворца туда вели особые переходы; там же, на Потешном дворце, находилась палата, в которой делали оловянную посуду.

ли ветчину, языки, всякую рыбу и где в нижнем ярусе сохранялись гусиные полотки, икра, снетки, грибы и пр.

Во двор Кормового дворца выходила также стоявшая близ подклетов Теремного дворца *Истопничья* палата, которая заведовала отоплением царских хором и наблюдала за чистотою как в хоромах и сенях, так и на переходах, крыльцах, лестницах, на двориках или площадках и вообще по всему дворцу. Она смотрела также за освещением хором, сеней, крылец и лестниц, для чего заготовляла и хранила фонари, шанданы, подсвечники, ночники и т. п.; заготовляла умывальную посуду, лохани, кунганы или рукомойники, ковши, тазы и пр. и всякие другие предметы, потребные для царских комнат.

Сытный дворец заведовал хмельным питьем всякого рода, приготовлял и сохранял в особенности различные меды и свое имя, по всему вероятию, получил еще в древние времена, т. к. *сытою* обозначался самый первоначальный способ приготовления медового питья, которое состояло из воды, насыщенной медом. Сырой мед доставлялся про царский обиход с оброчных и данных *бортевых ухожьев*, конечно, при значительном количестве воска, почему Сытный дворец заведовал также и изготовлением восковых свечей и для церковных потребностей, и для хоромного освещения. Таково было первоначальное дело этого ведомства. Потом это дело распространилось и усложнилось водворением разных других статей питейного обихода, так что Сытный дворец мог с большею точностью называться Винным или вообще Питейным дворцом, однако до последних дней сохранял свое первоначальное древнее имя.

По словам Котошихина, Сытный дворец занимал при царе Алексее Михайловиче более 30 погребов и ледников, кроме обширного «погреба, что с заморскими питьями», или *Фряжского*, который находился под Столовою и Ответною палатами, вблизи Благовещенского собора, отчего и внутреннее крыльцо у этих палат прозывалось также Фряжским. Окнами этот погреб выходил в Нижний Набережный сад. В нем в трех обширных помещениях сохранялись *фряжские*

питья: алкан, тентин, сек, романея, кинарея, мармазея, мушкатель, бастр красный и белый, ренское, церковное и др., также уксус ренской, уксус новгородский и, кроме того, лимоны и деревянное масло.

Как упомянуто, несколько палат Сытного дворца находилось в местности Кормового дворца, у проезжих ворот с Кормового на Сытный дворец под теремною церковью Рождества Богородицы. Здесь помещалась начальническая *ключня* или *Клюшная* палата, где сидели распорядители питейного обихода Степенные Ключники; также *Казенная*, хранившая золотую, серебряную и иную всякую питейную посуду; *Светлица*, в которой ставились питья для отпуска в хоромы и для раздачи по назначению, и некоторые другие малые палаты. Подле ключни находились две палатки, в которых отпускали в Верх водку и вино двойное; в 1722 г. в них была *печь круглая железная*, свидетельствующая, что и в то уже время входили в употребление железные печи. Здесь же находились: старая Клюшная изба, т. е. особая палата со старым наименованием избы; *Водочная палата*, в которой *сидели приказную водку*, т. е. готовили водку по приказу или, так сказать, по заказу, какая желалась, например коричную, анисовую и пр.

Но главный или в собственном значении Сытный дворец размещен был в подклетных палатах, погребах и ледниках, находившихся под всем зданием Теремного дворца, под палатами приемными и набережными, вокруг всего двора, около церкви Спаса на Бору, так что этот собственно церковный двор обыкновенно именовался *Сытным дворцом*. И Спасо-Преображенский храм, некогда очень чтимый великокняжеский монастырь, богомолие великих князей и великих княгинь, теперь, в XVI и XVII столетиях, становится приходским храмом всех служителей внутренних отделений дворца, именно дворов Сытного, Кормового и Хлебенного. Сюда приходили молиться ключники, стряпчие, сытники, повара и другие приспешники, для которых церковная служба совершалась здесь ранее обыкновенного, «чтоб, справясь, шли всяк на свой приспех».

Под Рождественскою церковью находилась *Выемочная* палата, что с водою; позади ее – *Свечная с воскобойнею*, в которой делали восковые свечи; *Медвяная* палата с государевыми медами и с погребом под нею, который прозывался *кривым*. Далее, под зданием Теремного дворца помещались: погреб *малый государев*, в котором ставливали легкие пива и браги, и квасы ячные и овсяные; погреб *малый боярский*; *Сытная* палата, где *медоставы* ставливали меды; поварня, в которой варили *приказные пива*, т. е. по приказу, какие были надобны; погреб *мартовский* с мартовскими пивами; погреб *пивной*, погреба *питейные*, погреб *красный* питейный, погреб *запасный*, ледник царицы Марфы Матвеевны (1722 г.), подсенной погреб и ледник царевны Марии Алексеевны и ее сестер, меньших царевен (1722 г.); погреба *походные*, наряжавшие питье для царских походов; палата, где *збитен ставливали*, палата, где *заливали яблоки в патоку*; палата *Огородной слободы*, где ставили про обиход государский в год всякие *овощи*. В другом отделе Сытного дворца, находившемся между Рождественскою церковью и Колымажными воротами, были размещены разные деловые *избы*-палаты, *пивоварня, браговарня, квасоварня, солодовая* палата и др. У самых ворот находилась (наугольная) *Водовзводная* палата, из которой пропускали воду во дворец от Водовзводной башни.

В отделе, помещавшемся в подвалах и погребах набережной части дворцовых зданий, начиная от Колымажных ворот, находились палаты *водочного сиденья*, имевшие 21 очаг; палата *уксусная* и др.

Затем под Ответною и Столовою палатами, как упомянуто, находились три обширных *фряжских* погреба, называвшихся также в собственном смысле *винными*. Рядом с ними была и особая *палата винная*, а возле, под Передними переходами, находились палаты *медвяные*, из которых одна прозывалась *глухою*. В передних воротах на Соборную площадь ходили в *кривой* погреб с тремя погребами глухими, в котором также сохранялись меды и вина. Над фряжскими по-

гребами находились две палаты *бочарные* и под Фряжским крыльцом – небольшая палатка, где жили *бочары*.

Вообще на Сытном дворце в ледниках сохранялись, кроме фряжских вин, *пива* поддельные, малиновые, мартовские и иные и *меды* сыченые и красные и белые, ягодные и яблочные, вишневые, смородинные, можжевеловые, малиновые, черемховые, мед с гвоздцы, обарный, приварный, белый паточный, мед боярский, мед княжой и т. д.; браги, квасы яблочные, медвяные, паточные, овсяный, ячный; воды брусничные, гонобобелевые, малиновые; морсы малиновый, черничный и т. п. Кроме питей, на Сытном дворце сохранялись: виноград, арбузные и дынные полосы, яблоки свежие, яблоки в патоке, в сыте, в квасу, дули свежие, дули в сыте, сливы и вишни соленые, груши, анис, хмель, бадьян, кишнец, оливы, трава каприс, смоквы, финики, рожки, орехи грецкие и т. п. Чтобы дать понятие о количестве подобных запасов, упомянем, что в 1702 г. по случаю общей переписи всех запасов на Сытном дворце находилось, например, 125 бочек вина ренского, 229 бочек церковного, 795 ведр водки приказной и боярской; 20 060 ведр вина двойного и простого, 697 пуд. воску, 4909 пуд. меду-сырцу, 4068 ведр разных медов, 152 ведра гонобобелю, 102 ведра брусницы, 200 ведр морсу черничного, 82 пуд. анису, 45 717 яблок свежих, 1090 в патоке, 1100 в сыте, 7300 дуль свежих, 4000 в сыте, 83 500 слив соленых, 1195 четвертей солоду ячного, 198 пуд. хмеля, 4165 ведр пива, 2761 ведро браги, 9320 ведр квасу, 52 920 свеч восковых.

У Троицких кремлевских ворот стояло несколько каменных житниц с необходимыми запасами для трех упомянутых дворцов; главный же дворцовый *Житный* или *Житничный* двор находился под Кремлевскою горою, у Водовзводной башни. Всех житниц при царском дворце было до трехсот.

Вне Кремля, у Водовзводной башни, при впадении речки Неглинной в Москву-реку стояла мельница; у Боровицких ворот, у моста – другая; у Троицких кремлевских ворот или у Старого Каменного моста – третья. На этих трех мельницах мололось также царское жито. Один из прудов, здесь бывших,

назывался *Лебединым*, потому что на нем плавали и береглись царские лебеди – первое кушанье того времени. У пруда стоял *Лебединый двор*. Подле этого места один переулок и теперь носит название Лебяжьего.

От теремной церкви Рождества Богородицы до Колымажных ворот верхние и средние палаты того же длинного корпуса занимал приказ Большого дворца. Наружная лестница к его палатам, выходившая к Конюшенному дворцу, именовалась *Дворцовою*, также *Каретною*.

Колымажные ворота, прозывавшиеся также и *Красными*, а с конца XVIII столетия *Гербовыми* или *Гербовою башнею*, по изображению на них разных гербов на изразцах и наверху орла с московским гербом, были построены именно в виде башни и имели в проезде две сажени ширины: 1 саж. в проходной калитке и 4 саж. в длину проезда. В этом проезде пол был настлан дощатый железный *прутчатый*.

Против Колымажных ворот и приказа Большого дворца, вдоль Кремлевской стены, начиная от Боровицких ворот, где ныне здание Оружейной палаты, был расположен Конюшенный дворец, занимавший пространство в длину на 51 саж. Посредине его корпуса находились ворота во двор и возле них крыльцо. От этого крыльца в верхнем этаже на левую сторону шел ряд палат, числом 6, на 25 саж. в длину и 4 саж. в ширину; и в правую сторону шел также ряд 6 палат в длину на 26 саж. при той же ширине. Вдоль палат были переходы в 2 саж. ширины. Под верхними палатами в нижнем этаже на всей длине корпуса расположено было 6 больших палат; в средине их находились упомянутые ворота, над которыми высилась башня.

Далее у Кремлевской же стены был расположен *Потешный дворец*, заключавший в себе рядом с палатами Конюшенного дворца две палаты поперечных (относительно стены) по длине на 14 саж., поперек 7 саж. По всему вероятию, эти две палаты были построены царем Алексеем для театра. Затем вдоль стены на протяжении 54 саж. тянулся ряд палат числом 5 больших и 1 малая, в 4 саж. ширины.

Еще далее, к самым Троицким кремлевским воротам, у Кремлевской стены стояли три обширные поварни, в которых «приспевали всякое кушанье» для больших званых общих столов. От Хлебенного дворца на эти поварни были особые переходы.

От Колымажных ворот до Ответной палаты по краю горы протягивалась набережная часть дворцовых зданий. Здесь от церкви Иоанна Предтечи на 30 саж. в длину расположен был каменный корпус в два этажа, в палатах которого в XVII столетии помещались Старый Денежный двор, Иконный терем, палаты Резных и Столярных дел и некоторые другие дворцовые заведения. Сюда же в конце XVII столетия в одну из палат была переведена царская Аптека.

Далее к востоку от этого корпуса высился Сретенский собор. Он занимал пространство, алтарь и церковь в длину 7 саж., в ширину 4 саж. В нем было 19 окон со слюдяными вставнями вышиною 2 $^{1}/_{2}$ арш., шириною 1 $^{1}/_{2}$ арш.; в пяти его главах окна, также слюдяные, были вышиною 2 $^{1}/_{2}$ арш., шириною пол-аршина; пол был дубовый косящатый; трои двери железные створчатые вышиною 4 арш., шириною 1 $^{1}/_{2}$ арш. Около церкви была крытая паперть, шириною в 1 $^{1}/_{2}$ саж. с перилами. С южной стороны в соборе находился придел во имя Николая Чудотворца с особою трапезою. Собор был построен над проездными воротами, которые вели со двора от Спаса на Бору на З*апасный двор.*

Этот Запасный двор, называвшийся в XVIII столетии *Комиссариатским* двором[1], построенный, как упомянуто, царем Борисом Годуновым в самой Кремлевской береговой горе, на взрубе, состоял из двухэтажного каменного корпуса, стоявшего внизу под горою лицом к Кремлевской стене в

[1] В это время в нем сохранялись запасы хлеба и соли. В 1750 г., когда на месте Набережного Нижнего сада назначено было выстроить новый дворец, при архитекторском осмотре темных погребов, находившихся под стеной сада, в нижнем «апортаменте», в угольном погребу, что от Тайницких ворот, нашли несколько кулей соли бузуну. После многих справок не могли, однако же, открыть, какому ведомству принадлежала эта соль и когда была положена в погреба. (Дела Гофинтендантской конторы.)

длину по лицевой стороне на 52 саж., по сторонам которого в гору проходили его крылья на 18 саж. длины, примыкавшие к набережной линии дворцовых зданий, где высился Сретенский собор с воротами под ним. Внутри этого лицевого корпуса и его боковых крыльев и устроился особый двор в 40 саж. длины и в 18 саж. ширины.

Наверху этого корпуса при Годунове стояли его деревянные хоромы, сломанные первым Самозванцем, который, вероятно, на том же месте построил свои хоромы (см. выше). Они на самом этом месте указаны на плане Москвы 1610 г.

Впоследствии вместо хором здесь устроен был *Верхний Набережный сад* над лицевою стороною корпуса и над его одним крылом, стоявшим вблизи церкви Иоанна Предтечи и дворцовых Колымажных ворот. Сад, таким образом, расположен был в виде глаголя в ширину корпуса на 9 саж. и в длину по лицевой стороне на 40 саж. и по крылу на 26 саж., всего на 66 саж. длины и заключал в своем пространстве 594 кв. саж. Боковой задний конец сада выходил, как упомянуто, к церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, от которой под садом существовали кривым коленом проезжие ворота на тот же Запасный двор. Над этими воротами и над угловою палатою здания в саду был устроен каменный, выложенный свинцом пруд длиною около 5 саж., шириною около 4 саж., глубиною в 2 арш.

Сад был обнесен каменною оградою, украшенною каменными балясами, в которой было 109 окон или пролетов.

Возле этого Верхнего при царе Федоре Алексеевиче в 1681 г. был разведен *Нижний Набережный сад* с набережной стороны Ответной и Столовой палат, простиравшийся в длину на 25 саж. и расположенный также на верху особого здания с круглою башнею на углу, против кремлевских Тайницких ворот. *Нижним* этот сад стал прозываться в отличие от *Верхнего*, потому что был расположен ниже Верхнего на целый этаж дворцовых зданий. Он находился в уровень с подклетными этажами дворца. От Сретенского собора в этот сад лестница состояла из 37 ступеней.

На царском дворе в XVII столетии было несколько *верховых*, т. е. хоромных, так сказать, комнатных садов, которые все назывались *красными*, в смысле изящных, красивых как в отношении цветов и растений, которыми они были насажены, так особенно по внешней их уборке, по обыкновению весьма пестрой и узорочной. В старину сад составлял необходимую принадлежность каждого сколько-нибудь зажиточного или достаточного хозяйского двора наравне с другими хозяйственными и домашними статьями. Немудрено, что и в царском быту мы находим *верховой* комнатный сад при каждом особом отделении дворца или, точнее сказать, у каждого отдельного хозяйства в царской семье. Так, особые сады находились при комнатах государя, старших царевичей и больших, т. е. старших, и меньших царевен. Все *верховые* сады были расположены на каменных сводах, над палатами и погребами, почему их можно назвать висячими.

Наши сведения о *верховых* садах до конца XVII столетия ограничиваются очень немногими указаниями, не дающими возможности определить, в каких именно местах находились эти сады.

Есть свидетельство, что еще в 1623 г. садовник Назар Иванов, *уряжая* государев *сад в Верху*, т. е. во дворце, выбирал и выискивал по всем садам Москвы лучшие яблони, груши и высадил в этот сад своих собственных «три яблони большие наливу да грушу царскую». Затем известно, что в 1635 г. садовники Иван Телятевский да Тит Андреев *строили* сады в Верху и на Цареборисовском дворе, а садовник Никита Родионов в это же время ударил челом, т. е. поднес царю Михаилу и сыну его царевичу Алексею[1] в их сады яблони и груши. Далее, в 1636 г., в марте «в *новый верхний государев сад* обито сукном багрецом червчатым, на хлопчатой бумаге, государево *место*». Был ли это известный впоследствии набережный сад, возобновленный и перестроенный, или под словом *новый* до́лжно разуметь особый комнатный сад – решить трудно. Известно, что на внутреннем дворе дворца, близ церкви Спаса на Бору,

[1] Расходные книги Казенного приказа 7143 г., № 766.

со стороны ее алтарей находился особый сад, который расположен был возле Столовой избы и против государевой Постельной комнаты. В этом саду в 1643 г. после кровопускания у царя Михаила Федоровича хоронили в ямку его царскую руду (кровь) (Акты исторические. III, № 228).

По всему вероятию, это был один из самых старых верховых садов и, может быть, существовал еще при царе Иване Васильевиче Грозном, постельные хоромы которого находились тут же, позади Средней Золотой палаты. Таким образом, иные из вышеприведенных сведений могут относиться и к устройству именно этого сада. Быть может, к этому же саду относится и указ царя Алексея Михайловича 15 апреля 1657 г., которым он повелевал «построить в своем государеве верхнем саду всякие розные цветы, дохтуру (а не простому садовнику) против того как построено в Обтекарском саду, не испустя времени»[1].

В 1674 г. царь Алексей Михайлович после всенародного объявления царевича Феодора торжественно прошел с ним через этот сад в хоромы царицы Натальи Кирилловны мимо Царицыной Золотой палаты[2].

В 1681 г. этот сад вместе со Столовою избою был разобран и на том месте была выровнена площадь. Все садовое строение тогда было перенесено на набережное место за Ответную палату, где в тот год с апреля и был разведен новый *Набережный* сад, известный под именем *Нижнего*, потому что он на целый этаж был ниже *Верхнего*.

Собственно *комнатные* сады или сады, что на сенях, к которым принадлежал и помянутый старинный сад, устраивались подле самых хором и среди разных построек, которыми загромождены были внутренние части дворца. Мы уже сказали, что при каждом особом отделении был свой особый садик. В 1635 г. для царевича Алексея Михайловича, как упомянуто, разведен был подобный сад, вероятно, где-нибудь подле Каменного терема, который только что был построен для царе-

[1] Материалы для истории медицины в России. Вып. 3. – СПб., 1884. – С. 667.

[2] Выходы царей. – С. 682.

вича. В 1664 г. для царевича Алексея Алексеевича, вероятно, также подле его хором устроен *новый* сад, в котором тогда расписали красками (суриком преимущественно) решетки. В 1665 г. упоминается *верхний новый сад* государев, может быть, тот же самый, в котором тогда расписывали суриком столбы и в который в марте 1666 г. велено было сделать «место деревянное точеное и написать (его) разными цветными красками, а на верху сделать орел двоеглавой с коруною и вызолотить, и обить место сукном багрецом червчатым добрым, а на место сделать подушку киндяшную и наслать в ней бумагою хлопчатою». Место расписывал иконописец Федор Евтифеев. В 1667 г. этот сад называется уже *Красным садом, что на сенях*. В мае этого года в нем висели *соловьевые* клетки, обтянутые зеленым киндяком. В 1668 г. в том же саду поставлено новое царское место, украшенное живописью. В 1673 г. расписаны перила и двери в верхнем саду у царевича Федора Алексеевича. Со вступлением на царство он в 1679 г. развел себе новый сад возле Екатерининской церкви к Патриаршему двору. В 1680 г. в этом новом верхнем своем саду он поставил резной деревянный чердак (беседку), расписанный узорочно красками. Доски, украшавшие его, были вырезаны против того, как вырезаны у чердака в Аптекарском саду. Тогда же расписали красками в этот сад «15 решеток, 10 дверей больших с обе стороны, 100 столпов круглых да 100 каптелей; базов и маковиц по сту ж, да у 37 столпов четвероугольных прописали дорожники». В этот *новый деревянный верхний сад* вели из дворца каменные переходы с окнами, в которых вставлены были балясовые станки с косящатыми решетками, также расписанными красками.

От теремной церкви Словущего Воскресения, возле которой находились и хоромы государя, в этот сад вела особая лестница. Сад был расположен с северной стороны Екатерининской церкви, которая составляла нижний ярус под церковью Словущего Воскресения. Он существовал и с плодовыми деревьями до половины XVIII столетия.

Неподалеку от этого сада перед каменными хоромами царевен меньших со стороны Патриаршего двора в 1681 г.

был устроен сад и для царевен. В 1693 г. в нем сделаны были около гряд кружала и ящики для цветов, что возобновлялось почти каждый год.

В 1685 г. упоминается о саде, что на верхних хоромах на Потешном дворе, который покрыт был тогда сетями, вероятно, для защиты деревьев от птиц.

Подле хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего царя Петра Алексеевича, как обозначено выше, находился также комнатный сад. В 1682 г. в апреле этот сад зашивали лубьем (досками) со стороны каменных портомойных палат до *Потешной площадки*, с которой в сад была сделана тогда же лестница. Эта Потешная площадка была устроена у комнат маленького Петра. На ней будущий преобразователь потешался воинскими играми с малыми *ребятками*, которые набраны были ему в товарищи. Здесь стоял *потешный шатер* и *потешная изба*, представлявшие, может быть, воинский стан; здесь же помещался *потешный чулан*, обнесенный балясами. Кроме этих построек, на площадке находился рундук с колодами, на которых ставили *рогатки* и стояли деревянные *пушки* на станках или лафетах, *полковых* и *волоковых*, расписанных, как и самые пушки, красками и убранных оловянными каймами, клеймами, орлами и другою подобною оправою. Ядра, которыми стреляли из пушек, были обтянуты кожей.

В 1685 г. этот сад перестроен. Он назывался новым *верховым каменным* садом и помещался на каменных сводах длиною 10 саж., поперек 4 саж. На покрытие площади для сада вышло около 640 пуд. свинцу, из которого водовзводного дела мастер Галактион Никитин лил доски, покрывал ими своды и прочно их запаивал. В апреле в это свинцовое вместилище наносили хорошо просеянной земли, глубиною на аршин с четвертью, для рассадки растений; сделали гряды и ящики для цветов; огородили весь сад решеткою с балясами и с прорезною дверью и расписали ее черленью (красною краскою). В 1687 г. сюда проведена была вода посредством свинцовых труб и водовзводных ларей и устроен *прудок*. В это время в саду росли уже *цареградский орех, грецкие орехи* и кусты *сереборинников*.

К зиме их закрывали рядными рогожами и войлоками; орехи сидели в струбах или грунтах.

После этот Красный Верхний сад принадлежал уже царевичу Алексею Петровичу, который жил здесь же, в отцовских хоромах; в июне 1697 г. в саду вновь поставлен был возобновленный чердак (беседка) царевича столярской работы на брусяном рундуке, расписанный «с лица красным аспидом, столбы цветным аспидом же, дорожники блягилем, гзымз розными краски; внутри лазоревым аспидом». Створные дверцы расписаны были теми же красками. В 1737 г., когда вместе с дворцом этот сад был запущен, в нем еще остались 24 яблони и 8 груш, которые и сгорели в известный пожар.

Все вообще верховые сады были разбиты на несколько цветников и гряд, между которыми шли дорожки для прогулок, обложенные не дерном, а досками, так что цветники и гряды находились, собственно, в ящиках. Кроме того, дорожки между кустами отделялись столбиками, в которые утверждены были грядки, т. е. жерди, раскрашенные вместе со столбиками разными красками. Черная земля во все сады привозилась из замоскворецких Берсеневских садов и даже с *мостов*, т. е. с деревянных бревенчатых мостовых тогдашних московских улиц, которые вообще изобиловали грязью и доставляли отличный чернозем. Из цветов здесь росли пионы махроватые и семенные, коруны, тюльпаны, лилии белые и желтые, нарчица белая, розы алые, цветы венцы, мымрис, орлик, гвоздика душистая и репейчатая, филорожи, касатис, калуфер, девичья красота, рута, фиалки лазоревые и желтые, пижма, иссоп и разные другие, которые росли не только в кремлевских, но и в загородных царских садах.

В летнее время во всех верховых садах висели клетки с канарейками, рокетками, соловьями и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка). В 1667 г. при царе Алексее Михайловиче в комнатном саду висело несколько клеток с пелепелками; сетки у этих клеток были шелковые. Такие же пелепелочные клетки висели и в Набережных садах.

Набережные сады были устроены на верху особых каменных двухэтажных зданий, стоявших на *взрубе*, т. е. в самом откосе Кремлевской береговой горы, и опускавшихся своими фасадами на уровень Кремлевского Подола. Когда был впервые разведен *Верхний Набережный сад*, точных сведений мы не имеем. Находившееся под ним здание было построено Годуновым на месте, где были хоромы царя Ивана Васильевича Грозного, деревянные, стоявшие, вероятно, на деревянном же *взрубе*, взамен которого Годунов выстроил каменный с палатами. По всему вероятию, здесь же, на этом каменном здании, стояли и годуновские хоромы, сломанные Самозванцем, который здесь же построил себе новый дворец, откуда и выбросился на *Житный двор* (стоявший внизу, в углу Кремлевской стены, у Боровицких ворот). Местность была очень привлекательная по обширности и красоте видов на всю Замоскворецкую сторону Москвы.

Прямые, хотя и очень краткие свидетельства об устройстве Верхнего Набережного сада относятся уже к концу XVII столетия. Больше сведений сохранилось о Нижнем Набережном саде.

Как упомянуто, он был устроен из старого сада в 1681 г. Каменное здание, над которым стали разводить этот сад, тогда же было укреплено со стороны Тайницких ворот каменным быком (контрфорсом), шириною в 3 саж. и вышиною против такого же быка, каков был у того же сада со стороны Житного двора. Самый сад был огорожен с набережной стороны каменною стеною с окошками, а с внутренней стороны – решеткою. В окна также были вставлены решетины. На углу от Тайницких ворот была построена круглая башня и возле нее четыре палаты. В саду был устроен пруд и водовзводный чердак (род беседки). Для цветников сделаны *творила*, столбики, репья, причелины.

Устройство сада, начатое с особою заботливостью царем Федором Алексеевичем, было остановлено по случаю его кончины 27 апреля 1682 г. и последовавшей затем стрелецкой смуты. Но в следующем году (1683) оно продолжалось без отлага-

тельства, вероятно, по мысли покойного государя. В этом году весь сад был украшен *преспективным письмом*, т. е. различными картинами и другими изображениями, которыми были покрыты стены, чердаки (беседки), столбы, решетки и пр. и которые исполнял в течение всего лета дворцовый живописец иноземец Петр Энглес, получавший за эту работу кормовых денег в каждый месяц по 10 руб. Можно предполагать, что по его же чертежу раскинут был и самый сад, что он же руководил и декоративною рассадкою растений в том порядке, как требовали его живописные работы. Стоявшие в саду каменные четыре палаты были украшены живописью еще в 1681 г.

В одно время с этим Нижним садом устраивался и украшался и Верхний сад. В 1681 г. в нем устроен был *пруд* длиною около 5, шириною около 4 саж., глубиною в 2 арш., для чего все место для пруда, как равно и под садом, было выложено свинцовыми досками. Вода в пруд была проведена посредством свинцовых же труб из Водовзводной кремлевской башни, для чего в саду был построен *водовзводный чердак*. О местоположении этого пруда и устройстве Верхнего сада мы упоминали выше.

Этот пруд особенно достопамятен потому, что он был, кажется, самым первоначальным поприщем потешного мореходства для малолетнего царя Петра, который плавал здесь в *лодках* и *комягах*, в потешных *карбусах* и *ошняках*. В июне 1682 г. плотники делали на этот пруд лодки и тесали тес на дело *карбуса*, а в 1683 г. сюда же сделаны были два *потешные карбуса* и *потешный ошняк* с *чердаками* или *беседками*, узорочно украшенные резьбою и расписанные красками. В 1684 г. эти *потешные* суда были починены и вновь куплены у торговых людей *лодка* и *комяга* (род лодки однодеревной) с веслами: лодка за 2 руб., комяга за 29 алт. 4 ден. В последующие годы те же потешные *карбусы, шняги, суды* и *стружки* появились уже в Преображенском на Яузе и в Измайлове на тамошних прудах[1].

[1] Дела Дворцовых приказов: расход лесных материалов и записки о плотничьих работах.

В последующие годы Набережные сады всегда поддерживались в должном порядке, заботливо обстроивались и обновлялись. В 1687 г. возобновлена и приведена в лучшее устройство водовзводная часть садоводства, для чего у Верхнего сада была выстроена особая *водовзводная башня*, передававшая воду в сады из Кремлевской башни. Верх ее был украшен часами, а в средине помещалась машина. В 1691 г. оба сада обнесены новыми решетками на столбах с дугами и балясами. Быть может, в эти же годы в садах были построены и ранжерейные палаты, по шести в каждом саду, которые существовали до пожара 1737 г. Они отапливались муравленными изразцовыми печами и в летнее время от птиц защищались медными сетками.

Что касается растений, которыми была насажены оба Набережных сада, то до́лжно заметить вообще, что старинные наши сады по преимуществу были плодовые, а потому и в Набережных садах, кроме цветов и трав, также большею частию полезных для снеди или лекарственных, собственно аптекарских, росли только плодовые деревья и кусты. В 1682 г. здесь рос *виноград* и посеяны были *арбузы*.

Весною 1683 г. (апреля 20-го) в сады потребовались следующие садовничьи предметы, растения и семена: из московских садов велено было взять на выбор 11 яблоней, 40 кустов смородины красной доброй; потребовано 100 кустов гвоздики и семян: 2 фунта анису; гороху грецкого и бобов по фунту; полфунта моркови, фунт семени огуречного; шафеи (шалфею), темьяну, марьяну по полуфунту, фунт тыковного семени. Для садовничьих работ требовалось: 3 лотка да корыто, 3 ушата, 5 шаек, пучок мочал, 5 лубов москворецких, 2 заступа, топор, лейка жестяная, 2 пилы, 10 гривенок вару, 3 ф. воску, 10 метел, веников тож, да переменить 3 лейки. В то же время на крышку всяких трав от птиц взято 10 саж. сетей неводных, а в 1693 г. для покрышки дыней и арбузов употреблено 60 рогож.

Пред самою кончиною царя Федора Алексеевича садовники его верхового комнатного сада, работавшие и в Набе-

режных садах, русские люди Давыдко Васильев Смирнов и Дорофейко Дементьев стали спорить с новым садовником Турченином Степаном Мушаковым, который также был приставлен к дворцовому садоводству. 31 марта 1682 г. они подали государю челобитную, где описывали следующее: «В прошлом, Государь, в 187 (1679) г. марта 21-го взяты мы, холопи твои, по твоему, Великого Государя, имянному указу в твой Государев новой в Красный сад в садовники к садам разводить; а садили мы всякой овощ, яблони и груши, виноград и сереборинник (шиповник) красной и белой, и смородину, и дыни, и огурцы, и тыквы, и всякие цветы, и сеяли с Немчином с Кондратьем Филиповым да с Петром Гавриловым (Энглесом), а ево, Степана Турченина, розводу было: арбузы садил, анис сеял. Да мы же садили с ним, Степаном, в Нижнем Саду 12 пучков винограду. А он, Степан Турченин, опричь тех арбузов и анису ничего не знает и иных розных и трав не знает. А он, Степан, тут же к нашей работе пристает, а взят он в твой Государев сад только в прошлом в 189 (1681) году. Милосердый Государь, – оканчивали челобитчики, – пожалуй нас, холопей своих, вели, Государь, нам быть у своей старой работишки, у твоего Государева садового строенья, кои мы сады разводили в твоем новом Красном каменном саду (Нижнем Набережном) и на Денежном Старом Дворе (в Верхнем Набережном), а с ним, Степаном, не вели нам быть, и вели, Государь, ему, Степану, разводить вновь, что он знает». В тот же день велено было «допросить Турченина: те сады он строит и во всем один надзирать и разводить умеет ли, и силу в деревьях и цветах и травах знает ли?».

Для челобитчиков дело приняло совсем неожиданный оборот. Они заведовали только Нижним Набережным садом и намеревались овладеть заведованием и других двух садов, удалив оттуда Турченина. Но Турченин, наименованный садовником Красного Верхнего и Нижних садов, по допросу сказал, «что ему Набережного сада садовники Давыдко и Дорофейко не надобны, потому что-де они ничего не знают и со всякое огородное дело их не стало б; а он, Степан, в садах, которые

писаны выше сего, всякие дерева и коренья и цветы и семяна и иные статьи, которые принадлежат к аптекарским Великого Государя делам, все и силу их знает и во всех садах он, Степан, *один* может во всем надзирать и разводить. Ему, Степану, надобно в три сада 6 чел. работников добрых, не пьющих, только в лето, и в зиму не надобны».

Так как это дворцовое садоводство находилось в ведении Аптекарского приказа, то начальник его, боярин князь В. Ф. Одоевский, имевший для того должные основания, приказал: у тех садов быть в садовниках Степану Мушакову, а Давыду и Дорофею отказать, и дать ему, Степану, на лето работников 4 чел.[1]

По дворцовой отчетности 1702 г. в Верхнем Набережном саду было садового строенья: «130 яблоней наливу, скруту, аркату; 25 груш сарских, волоских; 8 кустов винограду, 1 куст байбарису, 23 куста сереборинника, красного и белого; 410 кустов смородины красной, 6 кустов пиона красных, 9 ящиков гвоздики». В 1737 г., когда дворец был уже оставлен, в известный пожар в Верхнем Набережном саду сгорело: «дерев яблонных 95, дульных 15, грушных 26, грецкого ореха 1; смородины 285 кустов, крыжовнику 98, байбарису 8, серенья 15, розену красного 20, желтого розену 4, белого розену 24» и 100 горшков с разными деревьями и цветами, «которые вынесены были сюда из ранжерей».

В Нижнем саду, в 1702 г., садового строенья было: 6 кустов старого винограда, 13 кустов сереборинника красного, 12 кустов белого, 10 кустов красной смородины, малины 10 кустов да 8 гряд; 20 кустов смородины черной, 1000 тюльпанов цветных, 3000 средних и мелких, 80 крон цветных, 70 нарсис, 82 куста лилей желтых, 2 ящика шалфеи, 2 ящика руты, 60 кустов зори, ящик красной и белой рожицы, 5 ящиков гвоздики. В пожар 1737 г. в этом саду погорело: дерево грецкого ореха и с деревянным срубом, молодых грецких орехов 28, виноградных 24, яблонных 42, дульных 6, грушных 9, сливных 6, виш-

[1] Материалы для истории медицины в России. Вып. 4. – СПб., 1885. – С. 1287.

невых 12, розену брусничного 14, розену белого 48, желтого розену 6, серенья 16, байбарису 12, гвоздики махровой ранжерейной, пересаженной из горшков в гряды, – 85; сверх того, в то же время здесь сгорели «от прошлых годов остаточные сухие травы, которые лежали в башне, что подле саду, маерам, базилик, темьян, чабер, укроп».

В заключение этого обозрения верховых садов до́лжно упомянуть, что цари вообще любили садоводство, которое занимало самое видное место в их домашнем хозяйстве. Здесь неуместно распространяться о разных других садах, существовавших не только в Москве и ее окрестностях, но даже и во многих городах. По переписи 1702 г. царскому обиходу принадлежало 52 сада, огород и набережные Берсеневские и другие сады в Москве. Садового строенья во всех этих садах было: 46 694 дерева яблонных, кроме почек, прививков и пеньков; 1565 деревьев груш; 42 дерева дуль; 9136 дерева вишень; 17 кустов винограду; 582 дерева слив; 15 гряд клубницы; 7 деревьев орехов грецких, куст кипарису, 23 дерева чернослив, 3 куста терну, 8 деревьев кедру, 2 дерева пилты, 2 дерева черешнику; и, сверх того, множество кустов и гряд вишен, малины, смородины красной, белой и черной; крыжу, байбарису и сереборинику или шиповнику, красного или белого. В том числе в одних только московских садах было: 14 545 деревьев яблонных, 494 груши, 2 994 деревьев вишен, 72 гряды малины, 14 кустов винограду, 192 сливы, 260 гряд на 252 куста смородины красной, 74 гряды черной. Все садовое слетье верховых и аптекарских садов подавалось про государев обиход в кушанье. Из всех остальных садов, московских и городовых, часть поступала также на обиход государя, а остальное продавалось.

При обозрении верховых садов мы упоминали о прудах, которые наполнялись водою посредством водовзводной машины, устроенной еще при царе Михаиле Федоровиче, в 1633 г., англичанином Галовеем в наугольной кремлевской башне, от Боровицких ворот, называвшейся прежде Свибловой, а с того времени получившей название Водовзводной.

В нижнем этаже этой башни находился белокаменный колодезь с трубою, проведенною из Москвы-реки, из которого вода поднималась лошадьми в верхний колодезь, выложенный свинцом. Отсюда уже вода проходила свинцовыми трубами в водовзводную палатку, стоявшую подле Старого Денежного двора, у Верхнего Набережного сада. Из палатки вода шла также свинцовыми трубами, лежавшими в земле, по разным направлениям: в верховые сады, на Сытный, Кормовой, Хлебенный, Конюшенный и Потешный дворцы, на поварни и в разные приспешные палаты, в которых находились особые водоемы, *водовзводные лари,* выложенные также свинцом и опаянные английским оловом. Водовзводная машина, по свидетельству иностранцев, стоила несколько бочонков золота. После пожара в 1737 г. из пруда в Верхнем Набережном саду вынуто было обгорелого свинца 176 пуд. 10 ф. Все водовзводное дело с починкою свинцовых труб и разных снастей отдавалось на подряд за 200 руб. на год. С 1683 г. подрядчиком был водовзводного дела работник Галахтион Никитин[1].

Дополним сведения о дворцах Конюшенном и Потешном.

От Боровицких ворот возле Кремлевской стены в гору, как было упомянуто, тянулось здание дворца *Конюшенного* или *аргамачьих конюшен*, в которых стояли государева седла аргамаки, жеребцы, лошади, мерины, иноходцы. Здесь же была и *санниковая* конюшня, на которой стояли санники, каретные и колымажные *возники*, т. е. упряжные лошади, ходившие в санях и колымагах. Число лошадей на этой царской конюшне простиралось до 150. Летом большую часть их отводили в *Остожье* или на государев *Остоженный двор*, находившийся недалеко от Зачатейского монастыря в Москве. От него осталось теперь только одно название улицы Остожен-

[1] Он дожил до пожара 1737 г. и рассказал в то время, что «от водовзводной башни во дворец до водовзводной полатки лежит в земле труба свинцовая; да во дворец от водовзводной полатки до поварни, что на Сытном дворце, труба ж свинцовая лежит в земле; да от той же водовзводной полатки труба же лежит в земле свинцовая на Хлебенной дворец, до угла, что под церковью Петра и Павла».

ки. Отсюда лошадей выгоняли каждый день на обширные в то время москворецкие луга под Новодевичьим монастырем, где они и паслись под надзором стадных конюхов. Ворота Конюшенного дворца находились прямо против Красных или Колымажных ворот царского дворца. Они были украшены высокою башнею, в которой находились часы, что подтверждается следующим известием: «В 1680 г. токарь Евтюшка Антонов делал и точил к часам на Конюшенный двор векши, к колокольному подъему, что в башне, над вороты». Самые Колымажные ворота названы так потому, что возле них находились сараи с царскими колымагами и разными другими экипажами. Подле Конюшенного дворца стоял *дворец Потешный*, бывший двор царского тестя И. Д. Милославского, сохранившийся доныне и недавно возобновленный. При нем была церковь Похвалы Богородицы с приделами, мерою и с алтарями длины 5 саж., шириною 6 саж. 1 арш. У ней было три крыльца; кровля была *крыта на шесть шатров* медными *целыми листами* и *клиньями*. Кроме «комедийных действ», которые здесь были даны в первый раз[1], о чем мы упоминали, на Потешном дворе устраивались также и старинные русские потехи, например *скатные горы*, обыкновенная масляничная потеха. При Петре здесь же в особой палате бывал *съезд к славленью* на известные потехи во время рождественских праздников. Впрочем, к кон. XVII столетия Потешный дворец приобрел значение собственно дворца, потому что по смерти царя Федора при разделении царской семьи на несколько особных партий по родству этот дворец, удаленный от главного помещения фамилии подле Терема, послужил весьма приличным отделением для помещения царевен и вдовствующих цариц. С этою целью он был значительно распространен новыми пристройками и великолепно украшен как внутри, так и снаружи. В XVIII столетии, когда все другие здания Кремлевского дворца обветшали, он один только служил наиболее удобным жилищем для императриц Анны и Елисаветы во время их приездов к коронации и оставался

[1] Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. II. – С. 752 и след.

со значением дворца до кон. XVIII столетия. В 1806 г. он был отдан для помещения коменданта.

Кстати, сообщим несколько подробностей о башенных часах, которые были совершенно необходимы во дворце по многочисленности живших и работавших там должностных лиц, крупных и мелких, обязанных или явиться, или приготовить что ко времени, к назначенному часу. Употребление карманных или *зепных* часов в то время было весьма незначительно, частию по их редкости и дороговизне, потому что русского часового производства почти не существовало и русские мастера карманных часов были такою же редкостью, как и самые часы русского производства; а к тому же и немецкие часы, которые все-таки достать было легче, хотя и за дорогую цену, по своему разделению времени не соответствовали русским и, следовательно, были неудобны для употребления. Русские часы делили сутки на часы денные и на часы ночные, следя за восхождением и течением солнца, так что в минуту восхождения на русских часах бил первый час дня, а при закате – первый час ночи, поэтому почти каждые две недели количество часов денных, а также и ночных постепенно изменялось следующим образом, как записано в тогдашних святцах.

В начале сентября, с которого начинался тогдашний новый год, именно с 8 числа, било 12 ч. дня и 12 ч. ночи; с 24 сентября – 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 10 октября – 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 26 октября – 9 ч. дня и 15 ч. ночи; с 11 ноября – 8 ч. дня и 16 ч. ночи; с 27 ноября – 7 ч. дня и 17 ч. ночи. В декабре (12 числа) был возврат солнцу на лето и потому часы оставались те же. Затем с 1 генваря било 8 ч. дня и 16 ч. ночи; с 17 генваря – 9 ч. дня и 15 ч. ночи; со 2 февраля – 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 18 февраля – 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 6 марта – 12 ч. дня и 12 ч. ночи; с 22 марта – 13 ч. дня и 11 ч. ночи; с 7 апреля – 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 апреля – 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 9 мая – 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 25 мая – 17 ч. дня

и 7 ч. ночи. В июне, 12 числа, возврат солнцу на зиму – часы оставались те же, что и с 25 мая. С 6 июля било 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 22 июля – 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 7 августа – 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 августа – 13 ч. дня и 11 ч. ночи.

По такому разделению суток и устраивались наши старинные часы, именно в Московской стороне, потому что существовала, например, разница между часами московскими и новгородскими, как замечено и летописцем. Так, в 1551 г., 9 мая, ночью случился пожар в новгородском Юрьеве монастыре: летописец замечает, что загорелось «в третий час нощи по московским часам (по теперешнему счету в 11-м часу ночи), а по новгородским часам на шестом часе на нощном»[1]. Новгородские часы по этому свидетельству, по-видимому, делили сутки пополам, на две равные части, по 12 ч. в каждой, считая первый час также с восхождения солнца. Однако не ручаемся за верность этого предположения.

За редкостью и дороговизною карманных часов, как мы упомянули, в большом употреблении были часы башенные, составлявшие общее достояние жителей каждого города и почти каждого монастыря, потому что и монастыри, особенно удаленные от городов, всегда строили для себя такие же часы.

Мы уже знаем, что во дворце московских князей часы были поставлены еще в 1404 г. С распространением города и особенно большого посада, впоследствии Китай-города, где сосредоточивалась торговля и всякого рода промышленность и где, следовательно, знать время для всякого было необходимостью, – потребовалось устроить часы и на пользу всех обывателей. Вероятно, прежде всего такие, собственно городские, часы были поставлены на Спасских или Фроловских воротах, на самом видном месте для торговых и промышленных людей. А т. к. Кремль построен треугольником, то весьма удобно было и с других двух сторон открыть городу показание времени, тем более что в этом очень нуждался и дворец государев, назначавший всему час и время, когда приезжать видеть пресветлые очи государевы, когда собираться в думу, на выход, на обед,

[1] ПСРЛ. Т. III. – С. 154.

на потеху и т. д. Кроме того, расположенные таким образом башенные часы с большим удобством показывали время и для всех *служб* и должностей обширного дворца. Действительно, в конце XVI в. в 1585 г. башенные часы стояли уже на трех воротах Кремля, с трех его сторон: на *Фроловских* или Спасских на *Ризположенских,* ныне Троицких, и на *Водяных,* что против *тайника,* или Тайницких[1]. Часы стояли в деревянных шатрах или башнях, собственно для этой цели построенных на воротах. При каждых часах находился особый часовник, а при Ризположенских даже двое, которые наблюдали за исправностью и починками механики. В нач. XVII столетия упоминаются часы и на Никольских воротах[2]. В 1624 г. *старые боевые часы* Спасских ворот были проданы на вес Спасскому ярославскому монастырю, а вместо них построены новые, в 1625 г., англичанином Христофором Галовеем[3], который для этих часов тогда же выстроил над воротами вместо деревянного высокий каменный шатер в готическом вкусе, украшающий ворота и до сих пор. При этом русский колокольный литец Кирило Самойлов слил к часам 13 колоколов. Часы, следовательно, были с *перечасьем* или с музыкою. В 1626 г. в пожар, опустошивший даже и дворец государя, часы сгорели; но после снова были устроены тем же Галовеем. В 1668 г. «их вываривали в щелоку и починивали». Мейерберг, цесарский посол, оставивший нам изображение этих часов, рассказывает, что другие часы, именно Тайницкие, очень громко били. Часы на Троицких или Ризположенских воротах первоначально стояли также в деревянном шатре или башне, как было на Спасских воротах до постройки каменного шатра Галовеем. В 1685 г. Троицкие

[1] Дополнения к Актам Историческим. Т. I. – С. 208.

[2] Расходная книга Казенного приказа 7122 г. // Архив Оружейной палаты. – № 890.

[3] Аглинские земли часовой мастер Христофор Христофоров Галовей, или Алавей, приехал к Государю к Москве служить в 1621 г., и жалованье указано ему давать по договору по 60 руб. на год, да поденного корму по 6 алт. 4 ден. на день, да на неделю по возу дров. В 1640 г. за *службы* он получал уже 75 руб. в год и удвоенные кормовые. – Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. – СПб., 1881. – С. 95.

ворота также украшены готическим шатром по образцу Спасских, почему прежние часы, сделанные по указу царя Федора Алексеевича в 1683 г. часовником Спасской башни Андреянком Даниловым, были сняты и поставлены в с. Преображенском на воротах тамошнего дворца, а оттуда для кремлевской башни взяты старые, но потом в 1686 г. заказаны были тому же мастеру новые. Когда шли рассуждения о постройке новых часов, часовщики представили свое мнение касательно их постановки и доносили между прочим следующее: «Построена Троицкая башня против (т. е. по образцу) Спасской башни; и на Спасской башне часовой круг поставлен в первом нижнем прясле (ярусе), а буде на Троицкой башне поставить часовой указательный круг против Спасской в нижнем прясле, и тот круг из хором великих государей, чрез сушило, будет не виден; также и в даль за всяким полатным строеньем будет не виден же; а будет тот *указательный словесный круг* поставить в другом прясле, повыше, и тот круг из хором великих государей и вдаль чрез полатное строение будет виден; и часы в той Троицкой башне довелись поставить против того ж часового словесного указательного круга. А часовой колокол ныне у тех часов в 30 пуд., а можно-де быть у тех часов часовому колоколу пуд во сто. А прежние-де перечасные колокола у тех часов малых и против большого боевого колокола прибавить в перечасные колокола новые колокола, а большому перечасному колоколу быть бы пуд в 15, а достальным против того ж, в *подголос*». Эти предложения были утверждены, и часовник Андреянко Данилов подрядился сделать новые часы мерою в длину 2 $^{1}/_{4}$ арш., ширина – 1 $^{1}/_{2}$ арш., а вышина – как размер укажет; а *перечасье* в восемь колоколов, девятый боевой. Заметим, что на Спасской башне часы были длиною в 3 арш., вышиною 2 $^{3}/_{4}$ арш., поперек 1 $^{1}/_{2}$ арш.; колеса, на которых указные слова, в диаметре имели 7 $^{1}/_{4}$ арш.

Мы не знаем, какой конструкции была механика этих часов. По случаю их переделок упоминаются, между прочим, следующие их части: *вал ходовой* и при нем колесо с трубкою большою; *ветреник* с зубчатым репьем; *маятник* и при

нем колесо; *шестерня*; *подъем переносный*; *боевая пружина* и др.[1] *Указные* или *узнатные круги* или колеса, т. е. циферблаты, устраивались только с двух сторон: одно в Кремль, другое в город и состояли из дубовых связей, разборных на чеках, укрепленных железными обручами. Каждое колесо весило ок. 25 пуд. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазорью, а по ней раскидывались золотые и серебряные звезды с двумя изображениями солнца и луны. Очевидно, что это украшение изображало небо. Вокруг в кайме располагались *указные слова*, т. е. славянские цифры, медные, густо вызолоченные, числом 24, а между ними помещались *получасные звезды* посеребренные. Указные слова на Спасских часах были мерою в аршин, а на Троицких – в 10 верш. Так как в этих часах вместо стрелки оборачивался самый циферблат или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный *луч* или *звезда* с лучом вроде стрелки, и притом с изображением солнца, как было на Спасских часах[2].

Трое кремлевских башенных часов составляли столько же принадлежность царского дворца, сколько и всей Москвы. К тому же и поддержка их, поправка и починка, равно и содержание часовников, производились не из Земского или другого какого приказа, а из царской казны, из Казенного приказа. Существование этих часов устраняло надобность строить часы во дворце, потому что, например, часы Троицких ворот стояли подле всех служб дворца, где всего чаще представлялась нужда знать время и где, следовательно, без особого затруднения всякий тотчас его узнавал. Впрочем, двое часов находились и в зданиях дворца: одни – в башне Набережного сада, другие – в башне Конюшенного дворца, о чем мы упоминали.

С XVIII столетия старинные русские часы вышли из употребления. Перестройка их на немецкий лад началась тоже со Спасской башни. В 1705 г. по указу Петра Спасские часы переделаны «против немецкого обыкновения на 12 часов»,

[1] Дела Дворцовых приказов в столбцах Архива Оружейной палаты.

[2] Расходные книги Казенного приказа 7122, 129 и 134 гг. // Архив Оружейной палаты. – № 890, 1058 и 922.

для чего еще в 1704 г. он выписал из Голландии боевые часы с курантами за 42 474 руб. Часы эти были «с танцами, против манира, каковы в Амстердаме». Ставил их в 1705–1709 гг. часовой мастер Еким Гарнов (Garnault).

Оканчивая краткую историю башенных часов города Кремля, мы должны упомянуть и о *набатах* или особых набатных колоколах, которые находились на тех же трех башнях, где помещались и часы, и посредством которых делалась тревожная повестка на случай пожара. Особым указом 6 генваря 1668 г. определен был даже и самый способ, как звонить в эти кремлевские набаты: «Если загорится в Кремле, указано бить во все три набата в оба края, поскору; если загорится в Китай-городе – бить в один Спасский набат (у Спасских ворот) в один край, скоро же. Для Белого города – бить в Спасский в оба края и в набат, что на Троицком мосту (у Троицких ворот) в оба же края потише. Для Земляного города – бить в набат на Тайницкой башне тихим обычаем», причем указывалось вообще: «бить развалом с расстановкою». Башня Спасского или *Фроловского* набата, построенная у Спасских ворот на городовой стене, сохранилась и доселе. В 1613 г. к этому набатному колоколу, что *на городе* у Фроловских ворот, делали *язык* и *подпругу*, т. е. привязь.

С наступлением XVIII в. Кремлевский дворец был покинут вместе со всею стариною царской жизни.

Петр оставил дворец еще отроком, вскоре после первого бунта стрельцов. Он переселился тогда со своими потехами в Преображенское, которое с того времени сделалось его резиденциею. В Кремль он приезжал редко, большею частию только из необходимости присутствовать при приеме иноземного посла или на царских праздниках и панихидах и при совершении торжественных церковных обрядов, чего неизменно требовало общее мнение века. Впрочем, и эти приезды год от году становились реже. Сначала от старой обрядности Петра отвле-

кали его потехи, а потом походы из Москвы по корабельному делу и под Азов, а затем путешествие за границу. Во время своих приездов во дворец Петр останавливался обыкновенно в старых хоромах своей матери, построенных при царе Федоре, на внутреннем дворе. Там, в домовой церкви Петра и Павла, он слушал и церковные службы во время празднеств и очень редко делал обычные выходы по соборам.

Точным исполнителем старинных обрядов оставался до своей кончины богомольный брат Петра – царь Иван Алексеевич, живший постоянно в Кремле вместе с царицами и царевнами, которых тогдашние события оставляли еще в покое доживать свой век.

Шведская война, начавшаяся с первых лет XVIII столетия, окончательно выселила Петра не только из дворца, но и из самой Москвы. С этого времени дворец был совсем покинут, так что церемониальные выезды царя в Москву, совершаемые в ознаменование славных баталий, направлялись уже не в Кремль, в Спасские ворота, как следовало бы ожидать, а мимо, в новую резиденцию, в с. Преображенское или в *Преображенск*, как иногда называли эту столицу преобразований. Там всегда происходило и триумфование, т. е. победные пиры и увеселения. Необходимо заметить, что некоторые писатели, и в том числе историк Петра, Устрялов[1], напрасно отыскивали Преображенский дворец в теперешнем с. Преображенском, за Яузою, на горе, именно подле приходской церкви. В селе действительно существовал так называемый *Новый* Преображенский дворец, построенный уже Петром, на самом берегу Яузы, ближе к Немецкой слободе, при впадении в Яузу речки Хапиловки. Старый же дворец, построенный еще отцом Петра, находился на этой стороне Яузы, недалеко от моста, подле Сокольничьей рощи, там именно, где и теперь еще остается колодезь, бывший некогда дворцовым. Здесь же, на небольшом островке Яузы, стояла знаменитая потешная кре-

[1] История царствования Петра Великого (Т. I. – С. 10. – Прим. 20), где автор говорит, что «Преображенское» лежит на левом берегу Яузы (за Яузою) и составляет 2-й квартал Покровской (т. е. Лефортовской) части.

постца Презбурх, иначе *Прешпур* – первый городок, взятый малолетним Петром с бою[1].

Впоследствии из Преображенска Петр переселился в Немецкую слободу, в *Слободской дом*, выстроенный сначала для Лефорта, а потом сделавшийся Лефортовским дворцом, против которого на той стороне Яузы, на высоком берегу, стоял дом Головина, послуживший основанием другому дворцу Головинскому (ныне 1-й Кадетский корпус). Эти два дворца в течение всего XVIII столетия составляли местопребывание императорского двора во время «высочайших присутствий» в Москве[2].

В Кремлевском дворце, в разных его хозяйственных отделах, великий преобразователь разместил некоторые из своих новоучрежденных коллегий. Так, в палатах возле Предтеченской церкви, у Боровицких ворот, помещена была *Ратуша* или *Земская канцелярия* и Главный Магистрат; в длинном корпусе Кормового и Хлебенного дворцов – Камер-коллегия, Соляная контора, Военная коллегия, Мундирная канцелярия, Походная канцелярия. Конюшенный дворец отдан был под склады сукон и *мундира*, амуниции, от Мундирной канцелярии и т. д., всего эти разные ведомства заняли 59 палат. Бывшие приемные палаты и жилые здания дворца оставались незанятыми и мало-помалу ветшали и разрушались. Время от времени в них происходили совсем иные, дотоле невозможные торжества и обряды. В Грановитой палате, расписанной «бытейским» письмом, вместо прежних торжественных посольских приемов теперь, как в весьма удобной пустой храмине, устраивались уже *комедии* и *диолегии*. В 1702 г. по

[1] См.: План Москвы, изданный в 1739 г. архитектором Иваном Мичуриным. В 1722 г. Петр повелел возобновить этот городок. 8 июня объявлен в Сенате канцлером графом Головкиным следующий указ государя: «В Преображенском, при реке Явзе, деревянной городок, где прежде сего был, построить вновь тем же манером и на строение деньги отпускать из сбору с возов (которые, въезжая в город, платили за то пошлину)». Подробнее об этом Прешпуре см. в нашей брошюре «Преображенское или Преображенск Московская столица преобразований» и пр. (М., 1883).

[2] См. наши «Опыты изучения русских древностей и истории». Ч. 2. – М., 1873. – С. 351 и пр.

случаю свадьбы шута Филата (Ивана) Шанского в палате была устроена «Диолегия»[1]; а в 1704 г. по случаю свадьбы другого шута Ивана Кокошкина была устроена «Комедия» на счет Монастырского приказа, для чего с Казенного двора было отпущено (в генваре) 150 арш. тафты василькового цвета. Устраивал комедию Латинских школ префект и философии учитель иеромонах Иосиф. Вероятно, при устройстве этих комедий забелена была известью и вся уже ветхая стенопись палаты. Наконец преобразователь обратил внимание на возраставшее запустение дворца и в феврале 1713 г. повелел «на его Государево Дворе церковное и дворовое и хоромное каменное строение и площади и под ними своды и стены и столпы и где что худо и довелось починить или, разобрав, сделать вновь, – осмотреть и описать архитектору Григорью Устинову с подмастерьями каменных дел».

Осмотр обнаружил, что во многих зданиях, в разных палатах, особенно в погребах и ледниках, а также под переходами и площадками стены и своды и столпы после бывшего пожара местами осыпались или обвалились, в иных местах показались расселины. Все это, однако, требовало только мелочной починки, на которую по смете и было назначено 6618 руб.

Кроме старого собора Спаса на Бору, осмотр не упоминает о подобных ветхостях в жилых государевых помещениях и в приемных больших палатах, из чего можно заключить, что эти отделения дворца в своих стенах еще оставались в добром порядке.

Смета на упомянутые починки была тщательно составлена, и надобная сумма была определена к выдаче, но произведены ли были работы – неизвестно. По-видимому, это дело осталось без исполнения, на что указывает одна незначительная отметка: под площадью меж Золотых палат Царицыной и Государевой, где существовал старый Жилецкий подклет, было навалено много всякого сора, на вычистку которого в 1713 г. за работы назначено 50 руб. Та же сумма обозначена была и в 1722 г. по случаю нового осмотра ветхостей для по-

[1] Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. II. – С. 881.

чинок и возобновлений. Стало быть, этот сор в течение 10 лет оставался на своем месте нетронутым.

В мае 1722 г. последовал новый указ государя уже из Военной коллегии, по которому «велено в Москве в Кремле городе Его Величества Дом, тако ж и Конюшенный Двор, осмотри, описать имянно: В начале святые церкви, потом жилые и пустые покои и сколько в том числе жилых и пустых, и сколько целых и пустых полат и погребов, и что обветшалых, и какой починки требуют, – и тое опись подать в Государственную Военную Коллегию».

На этот раз осмотр производил строитель Цейхгоуса (Арсенала) архитектор Христофор Кондрат с поручиком Иваном Аничковым. Они работали почти целый год и представили опись в декабре того же 1722 г.[1]

Опись в подробности засвидетельствовала давнишнее и полнейшее запустение и обветшание всех дворцовых зданий.

Кровли на всех приемных палатах были уже простые тесовые, отчасти гонтовые или драничные, и те все погнили и обвалились. Покои Теремного дворца стояли без дверей, без оконниц, без полов. Как пожар 1701 г. все деревянное опустошил, так все и оставалось, а каменное тоже, например резьба, золоченье, стенопись – все было попорчено огнем и частию обвалилось. Повсюду палаты стояли тоже без дверей и оконниц, без полов и без всякого внутреннего наряда, в иных местах с обвалившимися сводами, в иных отделениях совсем не покрытые никакою кровлею, как стояли, например, государевы покои, находившиеся подле Куретных ворот и Светлицы, над углом длинного корпуса с Кормовым и Хлебенным дворцами. Очень немногие помещения были возобновлены для необходимого житья служителям или для сохранения каких-либо казенных вещей и припасов. Весь дворец во всех своих подробностях требовал бесчисленных поделок и возобновлений. Расход на это дело по смете выведен был в 52 899 руб. Та-

[1] См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные нами по поручению Московской городской думы. Ч. 1. – М., 1884. – С. 1283–1340.

кую сумму не совсем возможно было достать в то время. Со всех сторон деньги были надобны на прямые и неотложные государственные нужды, а здесь представлялся немалый расход на возобновление теперь никому не надобной обширной ветхости, которая была уже давно осуждена на уничтожение новым порядком русской жизни. Как оказывалось, заботы Петра в этом случае ограничивались только устройством некоторых главнейших зданий для предположенной им коронации императрицы Екатерины. Для этой цели именным указом в начале 1723 г. он повелел «к коронации Ее Величества в Москве Грановитую и Столовую, также и Мастерские палаты (в Теремном дворце) и прочие к тому принадлежащие строения *совсем вычинить* и *исправить так, чтоб в оном могла великая публика чинно исправиться*». Издержки на это повелено было употребить из сумм, назначенных на строение Цейхгоуса (Арсенала). Тогда покрыты были новыми кровлями Благовещенский и Архангельский соборы и обновлены починкою палаты Грановитая и Столовая для церемоний и Мастерские палаты – для пребывания в них государя и императрицы. В Грановитой палате стены были подмазаны вновь алебастром, около окон и дверей сделаны штукатурною работою кзымзы с клеймами, которые, как и вся каменная резьба, были вызолочены красным золотом; внизу стен сделаны столярные панели с вызолоченными дорожниками. Стены были обиты бархатом и парчами, а *Потайная палата* – красным сукном. В окнах поставлены новые рамы, устроены везде новые полы. В том же виде возобновлены Столовая и Мастерские. В Мастерских в окнах расписаны фрукты по золоту, стены обиты камками, карнизы и наличники также расписаны золотом. Вообще золото и краски послужили самым лучшим средством для обновления всех этих помещений. На все поделки было израсходовано около 15 000 руб. Как известно, коронование императрицы совершилось с большим торжеством 7 мая 1724 г. Десять дней продолжались празднества и за Москвою-рекою, против Кремля, на Царицыном лугу, сожигаемы были великолепные фейерверки.

Петр выехал из Москвы 16 июня. Дворец был оставлен по-прежнему на запустение и разрушение. Жить в нем не было возможности. Двор во время приездов в Москву, как мы сказали, пребывал обыкновенно в *Летнем* (Головинском) дворце на Яузе, об устройстве которого так заботился и сам Петр – его основатель.

Изредка и весьма на короткое время императрицы останавливались и в Кремлевском дворце, именно в Потешном дворце, здание которого не было еще слишком опущено и представляло некоторые удобства для помещения. Почти при каждой новой коронации возникала мысль основать пребывание в Кремле. Место своею красотою и оригинальными постройками, без всякого сомнения, очень привлекало каждого нового хозяина. Но как скоро оканчивались церемонии и пиры, все уезжало в Петербург – и о Москве, и о Кремле забывали по-прежнему до нового приезда. Впрочем, весьма трудно было что-либо и сделать из этих неуютных, тесных и беспорядочных строений, стоявших в разбросе, где попало, и своим своеобразием приводивших в совершенный тупик петербургские привычки и потребности новой жизни. Вдобавок здания ветшали с каждым годом. Поправка их стоила дорого и с каждым годом становилась еще дороже. Денег жалели, потому что видели мало пользы в возобновлении дворца, в котором жить все-таки было нельзя. Ко времени коронаций возобновляли только некоторые части, наиболее видные и необходимые для совершения церемоний, именно палаты Грановитую, Столовую, Малую Золотую и Терем.

Императрица Анна по приезде в Москву в 1730 г. остановилась сначала в Кремле на Потешном дворце; но, вероятно, по неудобству помещения она вскоре повелела выстроить для себя новый деревянный дворец где-то подле Арсенала, который и назван был *Аннингофом*. Лето она провела в Измайлове, принадлежавшем ее матери – царице Прасковье Федоровне. Между тем дворец Аннингоф в Кремле был окончен. Выстроенный по проекту известного в то время архитектора графа де Растрелли, он был, по отзыву современников, весьма красив и

убран великолепно. Осенью 28 октября императрица переехала в него на житье. Однако ж к лету она выстроила себе другой Аннингоф, на Яузе, подле Головинского дома. Там она прожила до возвращения в Петербург и с тех пор там же основала свое пребывание. В 1736 г. туда перенесен был и кремлевский Аннингоф, названный *зимним*, в отличие от тамошнего, который был *летним*. Впрочем, название яузских дворцов Аннингофом употреблялось, кажется, только в официальных бумагах и, может быть, между придворными. Москвичи по-прежнему называли их дворцом Головинским, как нередко называют даже и теперь здание 1-го Кадетского корпуса, выстроенное на месте прежних дворцов уже при Екатерине.

В 1737 г., мая 29-го, Москву опустошил страшный пожар, от которого значительно потерпел и Кремлевский дворец. Кровли на всех церквах и почти на всех зданиях, на палатах: Грановитой, Столовой, Ответной и др. – сгорели; в том числе над Красным крыльцом медная кровля, крытая по железным связям и по дереву, сгорела и обвалилась. В Столовой и Ответной палатах пол и в окнах и в дверях рамы и окончины и каменные столбы, около окон косящатой камень облопался и железные связи порвало. Сгорели Верхний и Нижний Набережные сады. В верхних Теремах в одной палате стекла перелопались и сгорела крыша над всхожим крыльцом, крытая белым железом. В палатах за верхними Теремами, т. е. на внутреннем дворе, также на Кормовом и Хлебенном дворцах, в Сушилах, и на Сытном дворце – все выгорело: полы, потолки, двери, лавки. Сгорел также большой корпус Главной дворцовой канцелярии, прежний Приказ Большого дворца, стоявший между Колымажными воротами и Рождественским собором, причем большею частию погиб и Архив. Во второй палате этого здания сгорело «44 шафа, а в них положены были разобранные описные и не описные дела по годам прошлых лет, также писцовые и переписные, и дозорные, и межевые, и отдельные, и отказные, и приходные, и расходные, и другие всякие книги с 7079 (1571) года по 700 год». Утрата, не вознаградимая для истории царского быта во всех отношениях, и особенно для

истории древних художеств и ремесел, деятельность которых в XVI и XVII столетиях с особенною силою приливала ко дворцу. Кроме того, и в других палатах вместе с делами с 1700 г. сгорели, без сомнения, весьма любопытные бумаги, принадлежавшие Меншикову и Долгоруким, а также Походной канцелярии Петра. Сгорело «князей Долгоруких сундуков и ящиков и баулов и коробок с домовыми делами шестнадцать… три ящика с долгоруковскими крепостьми… четыре сундука с домовыми князя Меншикова книгами и делами».

Хотя после пожара некоторые здания были возобновлены и починены и все покрыты кровлями, однако ж многие из них, особенно на заднем дворе, с того времени пришли еще в большее запустение и совсем были оставлены.

К новой коронации при императрице Елисавете точно так же оказалось, что в московских дворцах, по их неустройству, жить было нельзя, и не только в Кремлевском, но даже в Головинском и Лефортовском. В декабре 1741 г. дан был указ привести их «в совершенное состояние, как можно б было в них жить». При осмотре починок и недоделок нашлось премногое число. Тотчас же начались работы, которые продолжались даже по ночам, и через два с половиной месяца, к концу февраля 1742 г., дворцы были готовы. По приезде в Москву императрица остановилась в Потешном дворце, где находилась и *аудиенц-камера*.

Но Кремлевский дворец все-таки не представлял удобств для постоянного пребывания, и императрица вскоре переселилась на Яузу в Зимний дом, а двор – в Лефортовский дворец. В другой приезд, в 1744 г., она также прожила несколько времени в Потешном дворце.

Желая устроить в Кремле более удобное жилище, Елисавета предполагала было в феврале 1749 г. построить деревянный дом на Набережном саду, т. е. на каменном корпусе Запасного двора, где помещался этот сад. Заготовлены были уже и лесные материалы; но вскоре это намерение было оставлено, и императрица в апреле того же года поручила обер-архитектору Растрелли «для строения того дому усмотреть другое место,

и чтоб дому быть каменному, а не деревянному». Растрелли назначил было новое место между Набережным садом и Комиссариатскими покоями, «на магазейном комиссариатском» или Запасном дворе. Передуман был и этот план, и решено, наконец, выстроить дворец на месте Средней Золотой, Столовой и Набережных палат подле Благовещенского собора. С этою целью упомянутые палаты в 1752–1753 гг. были разобраны со всякою бережью и затем на сводах и стенах древнего подклетного этажа построено в 1753 г. новое здание в растреллиевском вкусе и названо Кремлевским *Зимним* дворцом. При этом переделано и Красное крыльцо, по показанию архитектора князя Ухтомского и каменного мастера Дисселя, с сохранением старого рисунка и старой каменной резьбы, которой камни вставлены по-прежнему, а вместо попорченных растесаны новые, под узор. Этот дворец, состоящий из двух корпусов – малого и большого, – впоследствии несколько раз переделывался, обстроивался и распространялся новыми покоями и сломан был уже по случаю постройки теперешнего нового дворца. Между тем другие части дворца все более и более ветшали без починок и поддержки. Например, о Рождественском соборе протопоп Аврамий доносил, что «в 1751 г. на том соборе крест на главе дубовый, обложенный медью позлащенной, бурею переломило и цепи порвало; под главою крышка медная с подзорами от бури повредилась, так что сквозь сводов течет, внутри подмазка валится и от того падения как бы не учинилось святейшей Евхаристии повреждения». Такое состояние зданий, особенно тех, которые были вовсе брошены, внушало достаточные опасения; следовало, по крайней мере, предупредить их внезапное разрушение.

С этой целью императрица повелела 4 генваря 1753 г. под Кремлевским домом весь фундамент и погреба, с какими сводами имеются, достоверно освидетельствовать, вследствие чего и произведен был самый подробный осмотр всего дворца и особенно старых, весьма обветшавших уже построек, составлявших некогда Задний или Постельный государев двор. Архитекторы князь Ухтомский и Евлашев 1 мая 1753 г. подали

подробные планы всем постройкам с изложением своих мнений, которыми между прочим объясняли, что «некоторые покои, кои состоят за Золотою решеткою (подле бывшего Патриаршего двора и Троицкого подворья), и площадки и под ними погреба так обветшали и большею частию обвалились, что и для осмотров в те места войти невозможно, и что оные места надлежит разобрать до самых нижних фундаментов, для осторожности других покоев, по близости к тем ветхим местам, ибо от оных и тем покоям причиняется вред, понеже строением так затемнено, что в нижние апартаменты и воздух проходить не может». Все это подтвердил и сам обер-архитектор Растрелли, поверявший осмотр Ухтомского и Евлашева. Он донес между прочим, что в «оном Кремлевском дворце всех покоев и с погребами находится до *тысячи* номеров и немалое число открытых площадок или галерей».

Тогда же назначено было разобрать наиболее обветшавший и совсем почти развалившийся корпус, примыкавший к прежнему Патриаршему двору и к Троицкому подворью, где были некогда хоромы царевен, также нижние каменные этажи хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего Петра, с домовою церковью Петра и Павла. Эти здания, построенные в конце XVII столетия, следовательно, гораздо позднее других, так потерпели от пожаров 1696 и 1701 гг., что не простояли и 60 лет, между тем как другие отделения дворца, именно дворцы Теремный и Потешный, уцелели даже до нашего времени, несмотря на переделки и перестройки, весьма часто портившие их своды и стены.

Таким образом, с половины XVIII столетия старый Кремлевский дворец стал понемногу разбираться. Особенному запущению и обветшанию некоторых его частей очень много способствовало и то, что в нем помещены были разные коллегии, канцелярии и комиссии. Еще при Петре было отдано под эти присутствия 59 палат. Во время коронаций иные из них, смотря по надобности, временно выезжали на наемные квартиры и по отъезде двора снова возвращались в свои палаты. Оставив совсем дворец, Петр, конечно, ничего

лучше не мог придумать, как поместить в опустелых палатах свои новоучрежденные коллегии и канцелярии. Так, в Набережных палатах, в Ответной и Панихидной (или с конца XVII столетия – Столовой) была помещена Камер-коллегия, под Теремами – сенатские департаменты, у Куретных ворот в палатах Соляная контора и т. д.

Но переведенные таким образом во дворец коллегии послужили к большему его неустройству и запущению по той причине, что почти каждая коллегия переехала не только со своими архивами, чиновниками, сторожами, разного рода просителями, наполнявшими в течение дня занимаемые ею палаты, но перевезла с собою и своих колодников, которые и проживали, без сомнения, по целым месяцам и годам в дворцовых каменных подклетах. Все это умножало нечистоту, грязь, разрушавшие преждевременно древние здания. Так, еще в 1727 г. начальство Казенного двора, в котором сохранялась древняя золотая и серебряная посуда и все царские драгоценности, – объясняло, что «от Старого (?) и Доимочного приказов (находившихся где-то подле этого Двора, который стоял между Архангельским и Благовещенским соборами), всякой пометной и непотребной сор от нужников и от постою лошадей и от колодников, которые содержатся из Обер-бергамта, подвергает царскую казну немалой опасности, ибо от того является смрадный дух, а от того духу Его Императорского Величества золотой и серебряной посуде и иной казне можно ожидать опасной вреды, отчегоб не почернело…». Почему начальство и просило сор очистить, а колодников свесть в иные места[1]. Следует также припомнить, что находившиеся в Кремле старые приказы, огромный корпус которых тянулся по окраине Кремлевской горы от Архангельского собора почти до Спасских ворот, как равно и новоучрежденные коллегии, помещенные во дворце, вызвали потребность в питейном доме, который, неизвестно в какое время, явился в самом Кремле, под горою, у Тайницких ворот. Кабак этот именовался *Каток*, вероятно,

[1] Журнал Оружейной палаты 1727 г. Октября 25.

по крутизне схода к нему из приказов. Он существовал, можно сказать, втихомолку, несколько лет, пока не был замечен в 1733 г. императрицею Анною, которая 15 февраля того ж года повелела: «Из Кремля вывесть его немедленно вон и построить в Белом или в Земляном городе, в удобном месте, где надлежит, и что со оного кабака в сборе бывало, чтоб то ж число и там толикая ж сумма сбиралась, где оной кабак построен будет, и для того (т. е. для сохранения количества сбору) вместо того одного кабака, хотя, по усмотрению, *прибавить несколько кабаков*, где надлежит, а в Кремле отнюдь бы его не было». Таким образом, не без жертвы удалено было от дворца одно из безобразий, какие завели было себе кремлевские подьячие. Остальное, т. е. все то, с чем сопряжено было пребывание в известном месте тогдашней коллегии или приказа, существовало по необходимости еще долго именно потому, что в Москве, кроме дворца, не было более удобного помещения для этих коллегий и канцелярий.

Императрица Екатерина II, приехав в Москву короноваться, остановилась в новопостроенном Елизаветинском или Растреллиевском дворце, а наследник Павел Петрович – в Потешном дворце. По этому случаю для размещения придворных некоторые канцелярии были выведены в наемные дома. Кремлевская старина так понравилась императрице, что тотчас после торжества коронации, именно 6 октября 1762 г., она через Бецкого повелела «Кремлевский дворец с всеми принадлежностями, *а паче старинного строения не переменяя ни в чем*, содержать всегда в надлежащей исправности».

Было и при Екатерине предположение (1 февраля 1764 г.): «При Кремлевском дворце, на месте, где Набережный сад, построить для Ее Величества *покой*, того ради определено, архитекторам Бланку и Жеребцову, осмотря, учинить прожекты, каким наилучшим образом, на старых ли фундаментах с прибавлением, или вновь построить, изыскав, в минование напрасного убытка, все способы». Этот *покой* действительно был устроен возле Сретенского собора, вероятно, из какой-либо старой палаты, потому что он был со сводами и при нем были

построены две галереи – *Дамская* и *Кавалерская*, и самый собор был убран как домовый храм для этого помещения.

В *комнате* или покое ее величества стены были обиты зеленым штофом, а пол – зеленым сукном. В Дамской стены и пол, а в Кавалерской одни стены были обиты красным *российским* сукном. Также красным сукном был убран и Сретенский собор; в нем было поставлено и *место* Ее Величества, обитое малиновым бархатом и золотым галуном. В таком виде этот покой с галереями существовал в 1769 г.[1], когда уже готовились строить известный огромнейший Баженовский дворец, оставивший на память о себе только проектированные планы и модель. Совершена была даже и закладка этого чуда-дворца, но постройка его окончилась сломкою только нескольких древних зданий.

В это время (1767–1770 гг.) разобран был Запасный двор, наверху которого помещались прежде Набережные сады, с примыкавшими к нему башнями и другими строениями, также Житный двор, здание Старого Денежного двора, за Сретенским собором, и длинный корпус старинных приказов, тянувшийся по горе от соборов к Спасским воротам.

Уезжая из Москвы после коронации, императрица приказала Кремлевский Растреллиевский дворец перестроить, а все покои, кроме тех, в коих свое присутствие иметь изволила, и кроме Грановитой палаты, отдать по-прежнему под коллегии и канцелярии и прочие места. Таким образом, за исключением новых корпусов и Потешного дворца, где имелось высочайшее присутствие, все остальные помещения придворных, как-то: фрейлинские, камер-юнферские, кондитерские, муншенские, кофишенские, тафельдекарские и прочие покои, также и кухни – из дворцового ведомства поступили в ведомство Сената, по особому указу 1765 г. 17 июня. Дворцовое ведомство не могло не тяготиться таким распоряжением, и, когда в 1767 г. вышло новое повеление о починке кремлевских зданий, оно поставило на вид все неудобства, какие представлялись от по-

[1] Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. – С. 1369.

мещения во дворце разных присутственных мест, и доносило между прочим, что «от того Сената в дворцовых покоях помещены разные Коллегии, Канцелярии и Комиссии и по вступлении оных, а особливо Губернскою Канцеляриею, заняты архивами, кладовыми и колодниками, т. е. тюрьмами, и все те покои переделаны по состоянию каждого присутственного места, а притом, в рассуждении множественного числа тех мест служителей и колодников, усматривается всегдашняя нечистота и дурной запах». Как бы ни было, но присутственные места оставались во дворце до последних лет прошлого века, когда построено было для них в Кремле же архитектором Казаковым особое великолепное здание, существующее до сих пор.

Упомянем, что в 1767 г. в Грановитой палате происходили заседания выборных депутатов со всей России в известной Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Для этого *Депутатского собрания* в палате было устроено для размещения депутатов 526 арш. особых лавок или скамей с откосками впереди наподобие налоя или ученических теперешних столов. Кроме того, сделано 4 налоя из красного дерева, 10 столов круглых, 6 столов длинных, куплено 5 $^{1}/_{2}$ дюжин стульев; устроено секретное место, несомненно, для самой императрицы. По обеим сторонам трона также были поставлены лавки, которые все были обиты, а равно и пол палаты красным сукном (757 арш.), а столы покрыты алым сукном (58 арш.). Для баллотирования было выточено 1000 шариков.

В начале нынешнего столетия, когда начальником дворцового ведомства сделался Валуев П. С., Кремль, по его словам, был в ветхом и запущенном состоянии. «Внутри кремлевских стен была нечистота великая, особенно в зданиях Сената, под соборами (дворцовыми) Сретенским и Рождественским, около бывшего Дворянского банка и Оружейной конторы (все в зданиях дворца) и даже во дворце. Во многих местах ветхие, обвалившиеся здания представляли неприятный вид; при

пустых девяти погребах, без окон и дверей, под галереями и кладовыми палатами, в бывшей улице, между Троицкими и Боровицкими воротами, повелено ставить караул, дабы в них не могли укрываться *мошенники*»[1]. Кремлевские старожилы рассказывали, что до 12-го года мимо так называемых *Темных ворот*, составлявших некогда проезд под дворцом на Красную площадь, к соборам, страшно было и ходить; там, особенно к вечеру, бывал постоянный притон воров и разврата среди страшной нечистоты и вони.

Кстати, упомянем, что в конце прошлого столетия и в нынешнем до 12-го года подле стен Кремля, за Троицкими воротами, где теперь Кремлевский сад, а прежде были заплывшие пруды, овраги и текла Неглинная, по всему этому месту сваливалась всякая нечистота почти со всех близлежащих улиц. Старый же Каменный мост у Троицких ворот известен был всей Москве как первое разбойное место того времени. Под его *клетками* или сводами, особенно под *девятой клеткой*, постоянно жили в самовольно построенных избах всякие воры, мошенники и душегубцы, так что возле Неглинной, в этой местности, опасно было не только ходить, но даже и ездить.

Таким образом, Валуев принял Кремль в развалинах, хотя, может быть, и живописных, но в иных местах угрожавших совершенным падением. Таков, например, был длинный корпус Хлебенного, Кормового и Сытного дворцов, мимо которого воспрещено даже было ездить, чтоб от сотрясения мостовой и в самом деле не обвалить всего здания; 30 лет и не ездили по этой улице. Помянутые дворцы, однако ж, простояли эти 30 лет и были сломаны уже при Валуеве. Если в XVIII столетии и дворец постепенно приходил в разрушение от всякого рода нечистоты, то в начале XIX в. он окончательно был разрушен в видах чистоты и опрятности. Валуев был великий, самый горячий охотник до чистоты, опрятности и порядка. Вступив в управление дворцом, он не замедлил представить государю, что многие из кремлевских зданий «помрачают

[1] *Гастев М. С.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч. 1. – М., 1841. – С. 77.

своим неблагообразным видом все прочие великолепнейшие здания», разумея под последними соборы и новопостроенный дворец. Он вообще не любил ничего ветхого, ржавого, покрытого цветом древности, что так дорого для записных археологов, да и вообще для людей, которые в памятниках старого быта видят не одни только ржавые развалины, но чувствуют в них веяние истории, присутствие прожитых идей, чему всегда откликнется развитое образованием чувство уважения к древности, высказавшееся даже в распоряжении Екатерины II «О содержании старинного строения, не переменяя ни в чем».

Если б была полная воля и не мешало некоторое общее уважение к стародавней святыне Кремля, то Валуев скоро превратил бы его в площадь чистую, опрятную и ровную, как ладонь, оставив на память только те строения, которые или сами по себе имели опрятный вид, или же были способны принять такой вид посредством возобновлений, штукатурки и окраски. Все, что не ладило с этим стремлением или стояло не на месте относительно новопроектированных им улиц и площадей, было разобрано и даже продано с торгов на своз. В 5 или 10 лет ломки прежнего Кремля нельзя было узнать.

Тотчас по вступлении в управление дворцами, делая и соображая разные приготовления к предстоявшей коронации, Валуев во всеподданнейшем донесении государю Александру Павловичу 29 мая 1801 г. представлял, между прочим: «Два *артикула*, обращающие на себя особенное внимание: *Стретенский* в Кремле *собор*, построенный несколько веков на сваях, давно уже сгнивших, и *Гербовая башня* (прежние Колымажные или Красные ворота), делающая *только вид* (!) при въезде от Боровицких ворот, *в которые никто почти из благородных людей не ездит*, находятся в крайней и чрезвычайной ветхости, о коей около четырех лет рапортовано было покойным гофмейстером князем Гагариным. Оба сии здания угрожают скорым и неминуемым своим падением и от того могущим случиться великим повреждением как дворцу и прочим к оному принадлежащим строениям, нужным для помещения свиты, так и проходящим разного рода лю-

дям, ежели сие падение приключится, основываясь на свидетельстве архитекторов. Во избежание всякого нечаянного вреда, осмеливаюсь представить сии здания сломать *как можно скорее*, и на сие имею счастие ожидать Высочайшего повеления». Государь на первый раз затруднился этим представлением и, вызывая Валуева в Петербург для личных объяснений вообще о приготовлениях к коронации, писал к нему, между прочим, от 4 июня: «Не оставте взять и план той части города, в которой стоят Сретенский собор и Гербовая башня, о коих вы представляете, что по ветхости их и опасности неминуемо до́лжно их разобрать, – переговоря о сем наперед с графом Иваном Петровичем Салтыковым (главным начальником Москвы), *не произведет ли уничтожение сих древних зданий какого-либо предосудительного замечания*?». Повеление испрошено было при личном объяснении, и осенью эти древности были разобраны и на месте их выровнена площадь. Затем в последующие 10 лет Кремль и дворец были очищены от всех ветхостей и безобразных зданий. В 1803 г. сломаны часть Потешного дворца, примыкавшая к городовой стене у Троицких ворот, и часть корпуса, в котором были Хлебенный и Кормовой дворцы, стоявшие на угол к Троицким же воротам; в 1806 г. продан с аукциона и Цареборисовский Годуновский дворец; в 1807 г. сломано Троицкое подворье с церковью Богоявления, где впервые провозглашено было избрание на царство Михаила Романова; в 1808 г. сломаны все здания Заднего государева двора с дворцами Кормовым, Хлебенным, Сытным, стоявшие подле этого подворья. На месте их построена Оружейная палата (ныне казармы) и три Кавалерских корпуса для помещения свиты. Позднейшие переделки и перестройки совершенно очистили Кремль и дворец от многих древних строений, в иных местах даже с бутовыми фундаментами. Оставшиеся здания, Грановитая палата, Каменный терем с верховыми церквами и Потешный дворец, большею частию значительно переделаны. Терема же возобновлены в древнем вкусе. Заметим в заключение, что направление, данное Валуевым, коснулось не одних только древних зданий, но

и вообще всяких древностей, остатков старой жизни и быта, какими в его время еще полны были кладовые кремлевских и старых загородных дворцов. Все, что не имело цены, т. е. что не было золото или серебро, было также *за ветхостию* и негодностью уничтожено или продано с аукциона «на Неглинную», как тогда говорилось, т. е. в лавки всякого старья и тряпья, существовавшие на Неглинной в Железных и Лоскутных рядах. В это время невозвратно погибло много таких именно вещей, которые охотниками и археологами ценятся дороже золота. А стремление давать всему опрятный крашеный вид впоследствии было до того доведено, что дубовые двери и ворота во всем городе обязательно стали красить под дуб, а железные древние вещи, каковы, например, латы, щиты, конская броня, даже пушки, хранимые в Оружейной палате, стали красить черною краскою с карандашом, под цвет железа. Так были закрашены редкие и превосходнейшие памятники древнего вооружения. Подобно тому закрашивались на стенах древних зданий, например у Каменного терема, прекрасные подзоры и украшения из разноцветных изразцов или кахлей. А что забавнее всего: эти украшения, замазанные мелом, вохрою или другою краскою, иногда на масле, раскрашивали потом красками в древнем вкусе. Это мы видели (в 1854 г.) и на прекрасных изразцовых ценинных украшениях собора в Воскресенском монастыре, именуемом «Новый Иерусалим»[1]. Не говорим о других подобных «подвигах» блюстителей чистоты и покраски и всякого рода возобновлений.

[1] См. нашу статью об этом соборе в «Памятниках древнего русского зодчества», изд. Ф. Рихтером. – М., 1854. – Тетрадь 4.

ГЛАВА II
ГОСУДАРЕВ ДВОР ИЛИ ДВОРЕЦ

Внешний вид дворца и наружные украшения зданий. — Резное деревянное дело: древнерусская и немецкая фигурная резьба, вошедшая в употребление при Алексее Михайловиче. — Общий обзор внутреннего убранства комнат или хоромного наряда. — Комнатная живопись, стенное и подволочное письмо. — Царские места или престолы, троны. — Меблировка царских палат и хором. — Частный обзор некоторых комнат: Передняя, Комната, Крестовая, Опочивальная, Мыленка.

Внешний вид дворца в конце XVII столетия представлял чрезвычайно пеструю массу зданий самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметрии, единственно по удобству, так что, в строгом смысле, дворец не имел фасада. Здания теснились друг подле друга, возвышались одно над другим и еще более увеличивали общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, в виде *шатров, скирдов, бочек*, с прорезными золочеными *гребнями* и *золочеными маковицами* наверху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных местах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами вместо флюгеров. По свидетельству итальянца Барберини (156 г.), кровли и куполы на царском дворце покрыты были золотом; по карнизу Средней Золотой палаты вокруг шла надпись медными вызолоченными словами, в которой значилось: «В лето 7069 августа. повелением благочестивого и христолюбивого. царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России, владимерского, московского, ноугородского, царя казанского и царя астраханского, государя псковского и великого князя тверского, югорского, пермского, Вяцкого, болгарского и иных государя земли ливонские, града юрьева и иных, и при его бла-

городных чадех, царевиче Иване и царевиче Феодоре Иоанновиче всея России самодержце»[1].

Кровля Каменного Терема первоначально украшена была в 1637 г. репьями, наведенными золотом, серебром и красками[2]. Впоследствии она была вызолочена, как можно заключить из того, что в начале XVIII столетия верхний покой Теремного дворца, древний Чердак, или собственно Терем назывался Золотым Теремком. Некоторые из дворцовых зданий покрывались по тесу белым железом с опайкою английским оловом; но в большом употреблении, особенно на деревянных хоромах, были кровли гонтовые, крытые по-чешуйному; их красили обыкновенно зеленой краской.

Нигде, однако ж, не являлась в такой степени вычурная пестрота и узорочность, как во внешних архитектурных украшениях и разного рода орнаментах, располагавшихся обык-

[1] Когда в 1752–1753 гг. палаты Средняя Золотая, Столовая и Ответная с принадлежащими к ним покоями были разобраны для постройки на их месте нового дворца, то с кровли Золотой палаты было снято 720 пуд. 21 $^1/_2$ ф. медных листов и разных подзорных и других украшений, именно: листов 858, полулистов больших и малых 112, резаных в четверть листа 21, угольников 252, слуховое дверцо 1, спусков длинных в аршин и в полтора аршина 30, гвоздей заклепных 18 $^1/_2$ ф., подзорных штук с надписью словами (с Золотой палаты) 63, подзорных штук росписных травами 54, мелких разных штук 3 пуд. 32 $^1/_2$ ф. Сверх того, в числе железа: конь ломаный и конь целый, с флюгеров. Медь была отправлена в С.-Петербург «для обивания в Воскресенском Новодевиче монастыре на церквах глав». Впрочем, за доставленный материал монастырь заплатил деньги. Железо, 200 пуд, отдано в Донской московский монастырь на кровлю построенной там колокольни и тоже в цену, впрочем, со сбавкою, яко за железо старое. Относительно подзорных медных штук с надписью словами, собранных с карниза Золотой палаты, заметим, что в мае 1753 г. во время присутствия двора в Москве барон Черкасов полюбопытствовал было эту надпись видеть, между тем как она, собранная литера под литеру, была уже отправлена в Петербург вместе с прочею медью. По этому случаю заведовавший кремлевскими постройками генерал Давыдов ответил, что «оная палата строена, как та надпись значит, при царе Иоанне Васильевиче», и поспешил уведомить генерала Фермера в Петербурге, чтоб «оную надпись там приказать отыскать и никуда в дело ее не употреблять, понеже может быть оная спрошена будет сюда (т. е. в Москву); а оная надпись была вокруг той палаты по карнизам». Фермер при письме от 3 июня 1753 г. прислал точную копию надписи, известив при том, что листы с той надписью в дело употребляться не будут. (Дела Гофинтендантской конторы.)

[2] Расходные книги Казенного приказа // Архиве Оружейной палаты. № 958.

новенно по карнизам или подзорам зданий в виде поясов, по углам в виде лопаток или пилястр и колонок; также у окон и дверей в виде сандриков, наличников, колонн, полуколонн, капителей, шпренгелей, гзымзов, дорожников и т. п., узорочно-вырезанных из дерева в деревянных и из белого камня в каменных зданиях. В резьбе этих орнаментов между листьями, травами, цветами и различными узорами не последнее место занимали эмблематические птицы и звери: орел, лев, единорог и даже мифологические – гриф, птица Сирин и т. п. Михалон Литвин, писатель XVI в., говорит, что великий князь Иван Васильевич украсил дворец свой каменными изваяниями по образцу Фидиевых[1]. Мы не знаем, что он разумел под этими изваяниями, но во всяком случае его свидетельство любопытно как общий отзыв о тогдашних украшениях дворца.

В древнее время *резное дело*, по рисунку и по исполнению, отличалось тою же простотою, какую и теперь мы видим в украшениях крестьянских изб. Само собою разумеется, что в украшениях княжеских и боярских хором резное дело выказывало больше затейливости и замысла, больше тщательности и чистоты в работе; но характер *художества* в своих приемах оставался тот же. Рисунок или, выражаясь древним термином, *ознаменка* вполне зависела от иконописного стиля, всегда рабски, почти по трафарету, переводившего искони принятые, заученные образцы. Порабощение рисунка известным, раз навсегда освященным типам лишало художников необходимой смелости и возможности самостоятельно выдвинуться вперед из угнетающей и отупляющей среды заученных приемов и разных технических и символических преданий, лежавших тяжелыми цепями на всей художнической деятельности наших предков. В отношении резного дела угнетающая сила таких приемов и преданий и происшедшее отсюда совершенное искажение или крайнее младенчество рисунка особенно обнаруживались в изображении животных, птиц, зверей, человека. Подобные изображения XVI и XVII столетий и в барельефах,

[1] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Отд. V. – М., 1850–1859. – С. 33.

и в целых *болванах* очень часто напоминают то первобытное искусство, какое находим только или у народов глубокой древности, или у дикарей, вообще на первой ступени гражданского развития. Вот почему, например, иконы, писанные русскими иконописцами в конце XVII столетия, приняты были в Европе за памятники X или XII столетий.

В изображении растений, так называемых *трав*, плодов и т. п., рисунок был, конечно, свободнее, но и здесь он был связан теми же заученными образцами, беспрестанно повторяемыми и в больших, и в малых размерах и обнаруживающими вообще или скудость и сухость, или раболепство воображения художников. К тому же *травная* резьба, более или менее замысловатая, носила название *фрящины, фряжских* трав, что также указывает на чуждое ее происхождение, именно из Италии и, может быть, не раньше XVI в.[1] Древнейшие *травные* украшения значительно отличаются от этой фрящины и всегда сохраняют тип своих византийских образцов. Полный простор и для воображения, и для рисунка, как равно и для самой техники резного дела, представлялся у нас в разнородном и разнообразном сочетании простых геометрических фигур, чем особенно и красовались резные украшения хором и вообще всякая резная работа. Едва ли не здесь только должны мы искать старинное наше изящество и красоту и старинный, чисто русский узорочный вкус. Здесь древнее резное художество было, так сказать, на своей ноге. Не умея порядочно рисовать, *знаменить* животных и растения и потому боясь выступить с плоской порезки только по поверхности дерева, т. е. доски или столба, в высокую *обронную* горельефную *резьбу из дерева*, которая деревянный брус

[1] Именем *фрящины*, по всему вероятию, предки наши исключительно обозначали лишь тот род *травных* украшений, который в это время господствовал в Италии, откуда перенесен и к нам. Травы, узоры, цветы, листва, всякие детали этого рода отличаются особенным присутствием узорочных, травных форм античной, особенно римской древности, возрождение которой в Италии относится к этой же славной для искусства эпохе. К нам, конечно, принесены были не какие-либо высокохудожественные создания тогдашних великих мастеров, а, так сказать, обычные, рядовые, повседневные формы тогдашних украшений, во вкусе этого Возрождения. По характеру эти травы значительно отличаются от трав византийских, а также и от северных или готических.

или столб обращала в хитрое сквозное сплетение различных изображений, – древняя русская резьба вполне удовлетворяла своим вкусам вырезкою на ровной гладкой плоскости простых геометрических фигур, как мы упомянули, разных *косиц и прямей*, зубчиков, городков, киотцов, клепиков, ложек, желобков, звездок или вырезкою из брусков и кругляков маковиц, кубцев, дынь, грибков, репок, кляпышев, горбылей и т. п. Превосходный и самый характерный памятник древней русской резьбы есть деревянное царское место в московском Успенском соборе, устроенное в 1551 г. царем Иваном Васильевичем. Вместе с другими подобными памятниками оно дает самое полное и верное понятие об архитектурных типах своего времени и о характере резных узорочий, какими украшались хоромы царские и вообще хоромы людей богатых и достаточных. Можно полагать, что тот же характер резьбы господствовал в наших древних постройках и внутренних убранствах не только в XVI, но также в XV, а может быть, и в предыдущих столетиях, ибо он создался постепенно на своенародной почве, своенародными силами, претворяя все заимствованное в своеобразный чисто народный тип. К тому же в те века немного было причин, которые могли бы слишком резко изменить вкус предков, ибо до XVI столетия и чужое, которое приходило к нам, и могло иногда служить образцом, мало чем было выше своего, туземного. Только с эпохи Возрождения искусств, прямое влияние которой нас не коснулось, мы стали отставать от общего движения не по дням, а по часам и успели сохранить свою художественную старину даже до конца XVII столетия в таком виде, что европейцы, судя по типам и способам работы, как мы заметили, относили ее к X в. Резное дело с тем же своенародным характером сохранилось до второй половины XVII столетия, когда при царе Алексее на смену старины к нам принесена резьба немецкая, *фигурная*, тоже в стиле Возрождения, но с немецкою или готическою его обработкою. Мы упоминали, что такою резьбою была украшена новая Столовая царя, построенная по вымыслу немецкого инженера-архитектора Декенпина в 1660 г. Затем в 1668 г. в том же стиле украшены хоромы Коломенского дворца и Столовая

царевича Алексея Алексеевича во дворце Кремлевском – резчиками, большею частию поляками или белорусцами, вызванными или вывезенными из покоренных перед этим временем белорусских и литовских городов: Полоцка, Витебска и Вильны.

С новым мастерством принесено было и много новых снастей или инструментов, до того времени мало известных русским мастерам. До сих пор эти инструменты сохраняют печать своего немецкого происхождения в своих немецких названиях: *гзымзумбь, шерхебль, шархенбь, нашлихтебль*, как именовали их в то время. Еще больше таких же немецких, а отчасти и польских, имен явилось вместе с самыми предметами новой техники. Многие слова русский ремесленник даже и не выговорил правильно и не приискал собственного, всегда точного и меткого, имени подобным заморским инструментам и снастям, а равно и резным фигурам: так они были новы и чужды его сведениям. С того времени в резных украшениях хором, внутри и снаружи, как равно и в украшениях разной мебели, появились *карнисы, гзымсы* или *кзымсы*, *шпленгери*, также *шпренгери* (щиток), *каракштыны* или *кракштыны* (кронштейны), *фрамуги* (кружало), *коптели* (капители), *базы* (подушки), *заслупы* (род столбов), *скрынки* (киотцы), *скрыдла* (фигура вроде крыла), штап-*салкелен* или *штапзгалкелен с лескою*, *штапгалнке с лескою*, *штап-ганен с лескою*, *цыроты*, *цыротные* травы, *фруфты*, *флемованные* дорожники и т. п. Такими-то словами стали и русские мастера обозначать разные части новой фигурной или обронной резьбы. Вдобавок стали резать резьбу по печатным немецким мастерским *лицевым* книгам, т. е. по рисункам. Две таких книги в 1667 г. взяты были во дворец из Воскресенского монастыря патриарха Никона келейные, по которым он украшал храмы этого монастыря. С образцами и характером этой резьбы во вкусе Возрождения могут познакомить нас некоторые предметы из старинной царской мебели, сохранившиеся до сих пор, а главным образом многочисленные иконостасы московских городских и загородных церквей, построенных в конце XVII столетия, а также и каменные ростески, т. е. резные, равно и кахельные

украшения окон, карнизов и других частей в зданиях, построенных около того же времени.

От древнего времени, а также и в XVI и XVII столетиях все такие рези, т. е. наличные и внутренние резные украшения каменных и деревянных хором, расписывались яркими красками и по местам густо покрывались сусальным золотом и частию – серебром. Снаружи так украшались преимущественно жилые и приемные покои, столовые. Мы упомянули уже о кремлевских столовых царя Алексея и его сына и о Коломенском дворце, которые и снаружи были роскошно украшены резьбою, живописью и позолотою, а в Коломенском даже и резные ворота были вызолочены. Рейтенфельс, бывший в Москве в 1670 г., вообще замечает о Коломенском дворце, что он «так превосходно украшен был резьбою и позолотою, что подумаешь – это игрушечка, только что вынутая из ящика». Такими же украшениями пестрели и жилые деревянные покои Кремлевского дворца. К сожалению, об этих именно хоромах мы не имеем достаточных подробностей. Ограничимся несколькими указаниями в подтверждение наших слов. В 1681 г. расписаны и раззолочены были новые хоромы царя Федора Алексеевича, построенные у северо-восточного угла Теремного дворца. На другой год, в апреле 1682 г., незадолго перед смертью царя, на этих хоромах «прописаны розными цветными красками снаружи *чердаки* с двух сторон, от Каменных Теремов, другая сторона от церкви Живоносного Воскресения». В 1690 г. велено «у новой Столовой комнаты, у дву наличных стен, что от соборной церкви да от саду, резные окна с наличники и со гзымзы и с каракштыны выгрунтовать красками, а по грунту написать против ореха индейского красками ж». Так как во всех почти хоромах окна украшались резными наличниками и наверху резным шпренгелем (щитком), то эти части по преимуществу и расписывались красками или в особенных случаях золотились и серебрились. Не упоминаем об оконных *вставнях*, которые также всегда расписывались красками и золотились. На них изображали цветы, травы, также птиц и зверей. Обыкновенно же их расцвечивали большею частию *аспидом*, т. е. под мра-

мор. Само собою разумеется, что в том же характере украшались и наличные стены каменных зданий. Так украшены были в 1667 г., вероятно, не в первый уже раз, все здания, составляющие лицо дворца со стороны Соборной площади, т. е. Благовещенская паперть, Красное крыльцо и Грановитая палата. На всех окнах и дверях этой палаты, снаружи и внутри, вырезаны были в то время по белому камню *фряжские травы*[1], которые потом покрыты красным золотом и цветными красками. Они отчасти сохранились и до сих пор и могут служить образцом старинной фрящины в украшениях. Подобным же образом расписан был и Каменный Терем, сохранивший доселе во многом свой прежний вид. Крыльцо, ведущее в Терем, называлось *Золотым*, потому что великолепно было украшено золотом и красками. В 1667 г. на Верхнем государевом дворе (площадке), около Верхнего государева *Чердака* или Терема, в окнах и на дверях все разные травы были снова расписаны, прикрыты разными цветными красками иконописцем Симоном Ушаковым. Потом наружные украшения терема несколько раз были возобновлены при царях Алексее Михайловиче и особенно при сыне его, Федоре. В 1678 г. (в сентябре) велено написать живописцам Ивану Салтанову, Ивану Безмину, Ивану Мировскому с мастерами и с учениками у государя в Верху *розными краски и аспиды*: «Каменное новое Крыльцо и около Спасского собору каменную же новую паперть, которая к Спасскому собору и к Грановитой Полате приделана вновь; да от Золотого Крыльца, что на площади, перегради каменную, которая делана вновь; да против Евдокеинской церкви, промеж приделом Иоанна Белоградского и против *Голгофы*, в пещере, написать такими же краски и аспиды; да около каменного нового Крыльца написать вновь такими ж розными аспиды столбы, и на площади, и перегради каменную, и новое деревянное Крыльцо». В 1679 г. перед *четвертою* комнатою на площади, что от Рождественской церкви, с лица стены были писаны живописным письмом «розными краски». Иногда подзоры каменных зданий составлялись из цветных кахелей, испещренных красками. Таковы,

[1] Дела Дворцовых приказов, XVII столетие // Архив Оружейной палаты.

например, карнизы или подзоры двух верхних этажей Каменного терема и церкви Спаса за Золотою решеткою, составленные из ценинных (синих) изразцов с цветными травами.

Дóлжно упомянуть также, что на всех воротах дворца, снаружи и с внутренней стороны, т. е. со двора, стояли иконы, писанные на досках. Так, например, на Колымажных воротах с одной стороны стоял образ Воскресения, а с другой – Пресвятыя Богородицы Смоленской. На Сретенских воротах, которые вели под Сретенским собором на Запасный двор, находился образ Сретения. В Коломенском на шести воротах государева двора поставлены были иконы: Вознесения Христова, Богородицы Смоленской, Богородицы Казанской, Спаса Нерукотворенного, Иоанна Предтечи, Московских Чудотворцев. Это было общим обычаем в то время. И не только во дворце, но и в домах частных людей, от боярина до простолюдина, всегда на воротах были иконы или кресты; русский человек не входил во двор и не выходил со двора без молитвы и без крестного знамения.

Войдем теперь во внутренность хором. Все, что служило украшением внутри хором или составляло их необходимую обделку, называлось вообще *нарядом*. *Наряжать* хоромы – значило, собственно, убирать. До сих пор в Вологодской стороне *нарядить избу* – значит отделать ее начисто внутри, т. е. отесать стены, сделать лавки, полати и проч. То же самое первоначально означал и *хоромный наряд* в царском дворце. Мы уже говорили, что внутри хором стены и потолки обшивались большею частью красным тесом, тщательно выстроганным. В брусяных хоромах точно так же нагладко выскабливались стенные и потолочные брусья. Но это был наряд обычный, простой, собственно плотничий, который при этом, в царском и вообще богатом быту, почти всегда покрывался еще другим нарядом, *шатерным*, состоявшим из уборки комнат сукнами и другими тканями. Этот простой плотничий наряд получал особую красоту, когда комнаты убирали столярною резьбою. Если, как мы говорили, резное дело было необходимою статьею в уборке внешних хоромных частей, то естественно, что внутри комнат оно также служило самым видным и любимым украшением. С

особенною заботливостию украшались *подволоки* или потолки, которых самое название уже показывает, что они и в обычном плотничьем наряде устраивались или собирались иным способом, независимо от наката, и служили как бы одеждою потолка, ибо подволока означала вообще одежду. Такие подволоки по большей части и украшались резьбою из дерева и составлялись из отдельных штук, щитов или рам. Упоминаются даже *вислые* подволоки, что могло обозначать какой-либо особый род украшений с частями, висевшими под потолком. Вместе с деревянною резьбою подволоки убирались чаще всего слюдою с резными украшениями из жести, олова и белого железа. Подобные *слюдяные* подволоки были устроены в хоромах царицы Марии Ильичны в 1651 г. Описаны слюдяные подволоки и в доме князя В. В. Голицына. Иногда подволоки устраивались даже из серебра. Так, в 1616 г. в Серебряной палате была сделана в хоромы царя Михаила Федоровича серебряная литая *вислая* подволока, которую устраивал «сторож от Золотого дела из Немецкие Полаты» Михаил Андреев Сусальник. Нет сомнения, что она состояла из различных отдельных фигур, собранных по известному рисунку. Само собою разумеется, что и деревянные резные подволоки всегда также золотились и расписывались красками, о чем мы упоминали по случаю постройки в 1661 г. новой Столовой *избы* царя Алексея Михайловича. Притом украшениям подволоки всегда соответствовали украшения окон и дверей комнаты, которые тоже покрывались резьбою по *наличникам* и по *причелинам* или *подзорам*, т. е. в верхних частях, где утверждались также и особые подзорные щитки или доски, подзорины, впоследствии, с половины XVII столетия, получившие немецкое имя *шпренгелей*. Во всех таких украшениях очень много употреблялось так называемых *дорожников* – резных длинных брусков или планок вроде багетов, из которых устраивались по приличным местам рамы, коймы и другие подобные разделы украшений. Резьба производилась по большей части из липы. Так, в августе 1680 г. по случаю переделки и поправки комнатных резных украшений было употреблено «к строенью подволок с дорожниками в четырех

государевых комнатах и в хоромах царевен 260 досок липовых москворецких самых добрых и для прибивки 1500 гвоздей луженых Московского дела». В это же время велено «починить и вычистить подволоку деревянную резную золоченую, которая выбрана из Столовой царевича Ивана Алексеевича; а которые в ней штуки поломаны и те сделать вновь»; а в новых царицыных брусяных хоромах тогда подбирали подволоку также резную золоченую. В 1682 г. к празднику Пасхи в деревянных хоромах царя Федора Алексеевича в Комнате и Передней подволоки, двери, окна, резные золоченые, были вычищены и починены живописцем Дорофеем Ермолаевым; тогда же в его деревянной Комнате резная подволока, окна и двери были высеребрены. В 1686 г. в июне в деревянной Комнате царя Ивана Алексеевича позолочено сусальным золотом в подволоке крест и около его звезды и коймы и у окон наличники, а у дверей дорожники и шпренгели. В 1692 г. в хоромы царевичу Алексею Петровичу велено сделать и вызолотить к подволоке «круг резной с сиянием и с клеймы» в 2 арш. в диаметре. В 1696 г. в новопостроенных деревянных хоромах царя Петра Алексеевича вызолочены резные окна и двери с наличниками.

Пол или по-древнему *мост* обыкновенно настилали досками. Но в жилых помещениях полы мостили *дубовым кирпичом*, квадратными дубовыми брусками, от 6 до 8 верш. ширины и от 2 до 3 верш. толщины. Иногда такие бруски делались *косяками*, почему и пол именовался *косящатым*. Это был род паркета, который, однако ж, не натирали воском, а расписывали иногда красками, например зеленою и черною, в шахмат, и притом аспидом или под мрамор. В 1680 г. такой пол был устроен в Верховой церкви Иоанна Белоградского. Иногда расписывали серым аспидом или покрывали только левкасом. Дубовые кирпичи настилались на сухом песке со смолою или на извести. Такие простые, нерасписанные, полы доселе еще сохраняются в Москве, в Золотой Царицыной палате Теремного дворца и в некоторых древних церквах, например в Новодевичьем монастыре, в двух храмах, построенных над святыми вратами, в которых даже и мурамленые печи относятся к кон-

цу XVII столетия. Устраивались также полы и гончарные из цветных изразцов. В Ответной Посольской палате (в 1722 г.) был пол гончарный каменный набиран узорами[1].

С самого древнего времени и до начала XVIII в. обычною мебелью в царских хоромах были *лавки*, которые устраивались подле стен, сплошь вокруг всей комнаты или палаты, даже иногда около печей. Они делались из толстых и широких (в $^3/_4$ арш.) досок и утверждались на столбиках или *подставках*, называвшихся также *стамиками*; с краев лавки обделывались тесом, что называлось *опушкою*. Под лавками делывали иногда *рундуки* с затворками, род небольших шкафов. Такие рундуки под лавками устроены были в 1683 г. в передней комнате царя Петра Алексеевича. Лавка, находившаяся у входных дверей комнаты, в заднем углу, называлась *коником*, может быть, потому, что ею оканчивалась линия лавок, что она служила концом комнатных или избных лавок. Под нею, как в самом удобном месте, почти всегда устраивался рундук, ларь, служивший для поклажи разных вещей из хоромного убора. Коники находились, например, в Теремной *Золотой* или в государевой *Комнате*, ныне престольной Теремного дворца[2], также в хоромах цариц Евдокии Федоровны (1696 г.) и Марфы Матвеевны (1698 г.). Лавки подле окон назывались *красными*, у стены переднего угла – *передними*.

В окна вставлялись рамы или *оконничные станки*, обитые полстями и сукном. В них укреплялись петлями и крючками *оконницы*, соответствовавшие нашим рамам. Они были *подъемные* и *отворные*, а в волоковых окнах *задвижные* и *отворные*. До Петра Великого даже в царском дворце стекла не были в большем употреблении; их вполне заменяла *слюда*, известная с глубокой древности. *Слюдяные оконницы* устраивались из белого или красного железа, в сетку, основанием которой служили четыре железных *прута*, составлявшие собственно рамку. Сетка делалась в виде *образцов*, т. е. четыреугольников и треугольников или *клинов* и в виде *репьев, кругов, кубов, ко-*

[1] Материалы для истории Москвы Ч. 1. – М., 1884. – С. 1287, 1302.

[2] Выходы царей. – С. 379.

сяков, в которых укреплялась слюда и от которых оконницы *назывались обращатыми, клинчатыми, репейчатыми, кругчатыми, кубчатыми, косящатыми*. Такое устройство оконниц было необходимо потому, что слои или листы слюды большею частью были невелики и притом неправильной формы, которая всегда и условливала узор оконной сети. Большие листы слюды помещались всегда в виде круга в средине окончины, а около располагались боковые образцы разной формы, также углы ипахлинки или мелкие вырезки. Для укрепления слюды в своих местах употреблялись, кроме того, оловянные денежки, небольшие бляшки, *кружки, репейки, зубчики* и *орлики*, которые почти всегда золотились, а иногда оставлялись белыми. Под орлики подкладывались атласные или тафтяные цветки. В XVII столетии слюду в окнах стали украшать живописью. Так, в 1676 г. велено было живописцу Ивану Салтанову написать в хоромы царевича Петра Алексеевича оконницу по слюде «в кругу орла, по углам травы; а написать так, чтобы из хором всквозе видно было, а с надворья в хоромы, чтоб не видно было». В 1692 г. велено прописать окончины в хоромы царевича Алексея Петровича, чтоб всквозь их не видеть. Различные изображения людей, зверей и птиц, писанные красками, можно также видеть и на слюдяных оконницах, оставшихся от переславского дворца Петра Великого и сохраняющихся доныне под Переславлем вместе с Петровским ботиком.

Гораздо меньше были в употреблении *стекольчатые оконницы*, которые устраивались почти так же, как и слюдяные, т. е. из железных прутовых рамок и свинцового переплета, в который закреплялись стекла посредством замазки, составляемой из мела и медвежьего сала с деревянным маслом. Впрочем, в боярском быту в исходе XVII столетия употреблялись в стекольчатых оконницах даже и цветные стекла с личинами, например у князя В. В. Голицына. Но в его же доме иные комнаты были и со слюдяными оконницами.

Нет сомнения, что в Новгороде с давнего времени были известны не только простые стекольчатые оконницы, но даже и цветные стекла. В 1556 г. царь Иван Васильевич посылал в

Новгород за покупкою «*стекол оконничных розных цветов*» своего оконничника Ивана Москвитина и повелевал «купить их *сколько мочно* и прислать на Москву тотчас»[1]. Однако мы не имеем сведений о том, что такие стекла были в употреблении при устройстве дворцовых зданий даже и в XVII столетии. Изредка встречаются указания и о простых стеклах. Так, в 1613 г. в Казенной палате (на Казенном дворе) были вставлены «три окончины *стекольчатых*, стоившие за стекла, за деревье и за дело 3 руб. 23 алт.». О цветных стеклах находим указание, что в 1633 г. в *Крестовую* писанную палатку патриарха Филарета Никитича были куплены у немчина Давыда Микулаева «оконницы стекольчатые нарядные с травами и со птицами» за 5 руб. 14 алт. 4 ден.

Само собою разумеется, что одни описанные нами оконницы не могли хорошо защищать от холода по самому своему устройству; поэтому, соответственно теперешним зимним рамам, употреблялись в то время так называемые *вставни* или *ставни* – особые станки, глухие или со слюдяными же оконницами, старательно обиваемые тоже полстьми и сукном. Кроме того, на ночь и, может быть, в сильные морозы окна закрывались изнутри *втулками* – щитами величиною во все окно, вроде вставней, также обитыми войлоком и сукном. Такие втулки употреблялись вместо *затворов* или *притворов* снаружи, или ставней по-теперешнему, и в окно вставлялись или просто, т. е. *втулялись*, или же иногда навешивались на петлях и затворялись. В царском быту *затворы* наружные употреблялись мало и, разумеется, только в нижних ярусах хором. В каменных зданиях наружные затворы всегда делались железные.

Все приборы у окон: подставки, петли, растворные и закладные крюки, кольца с защелчки и без защелчков, кольца с

[1] Дополнения к Актам Историческим. Т. I. – С. 144. В то же время вызывались из Новгорода и серебряные мастера. И тогда же (1556 г. февраля 9-го) царь приказывал отыскивать и выслать в Москву «на образец, на помост к Устретенью, камень розными цветы: железница, голубица и красный и лицо на нем наложить, т. е. выполировать», подобием как был устроен помост в новгородском Софийском соборе и в Благовещении возле Аркажа монастыря. – Там же. – С. 148.

топорки, крючки отпорные и запорные, завертки барашками, засовы, наугольники; и у дверей: жиковины, т. е. большие петли, на которых навешивались двери, плащи, скобы ухватные, цепи, задвижки, крюки закладные, замки, погоны и т. п., даже гвозди, которыми прибивали сукно, и пр. – были луженные английским оловом, иногда серебрёные, как, например, в хоромах царицы Наталии Кирилловны, в которые в 1674 г. в декабре высеребрены: скоба с личиною резною, крюк закладной с пробоем и с личиною и гвозди к дверям; а иногда золоченые, как, например, в деревянных хоромах Лжедмитрия или в хоромах царя Михаила, построенных в 1614 г., когда в эти хоромы на крюки, на жиковины, на цепи, на плащи, на скобы и на засовы было отпущено на позолоту 50 золотых угорских[1]. Некоторые вещи из этих приборов шли к нам из Польши и от немцев, отчего и назывались польскими и немецкими и служили образцом для русских слесарей, которые делали, например, петли, скобы, жиковины с *польского переводу*, т. е. по образцу польских.

Нам остается упомянуть еще о печах. Во всех жилых хоромах печи были изразцовые или *образчатые, ценинные*[2] из синих изразцов и *муравленые* или *зеленые*, из зеленых. В XVII столетии упоминаются также печи *полбские зеленые.* Печи ставились четыреугольные и круглые, *сырчатые*, из кирпича-сырца особой формы – на ножках, с колонками, с карнизами и городками наверху; поэтому и форма образцов была разнообразна. Они были плоские и круглые; по месту, которое они занимали в кладке, их называли подзорными, свесами, уступами, валиками, наугольниками, свислыми, перемычками, городками, исподниками, ногами и пр. На образцах изображались травы, цветы, люди, животные и разные узоры. Швы между образцов прописывались суриком или покрыва-

[1] Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. IV. – СПб., 1834. – С. 23; Расходные книги Казенного приказа 7123 г. – № 895.

[2] Цениною прежде назывался фаянс, покрытый синею поливою; от этого и синие изразцы в отличие от зеленых назывались ценинными, хотя состав поливы на тех и других был совершенно одинаков и разнился только цветом. См. наше «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России» в «Записках С.-Петербургского Археологического общества» (Т. 6. Отд. I. – 1853).

лись красками под узор изразцов. Так, например, в 1690 г. «в деревянных дву комнатах царицы Прасковьи Федоровны две печи ценинные велено расписать меж образцов, по цветам красками, которыми прилично, против тех печных образцов; в кубах и в травах, меж споев, такими ж краски приправить: а испод под теми печми выкрасить суриком, против прежнего, заново». Бывало также, что печи расписывались одною какою-либо краскою; в 1684 г. в хоромах царицы Прасковьи и царевны Софьи четыре печи расписаны краскою зеленою, а в 1686 г. у царицы Марфы Матвеевны в новопостроенных каменных комнатах три печки – суриком. Иногда печи украшались металлическими решетками. Во дворце Самозванца, красивом и даже великолепном, по свидетельству его современников, печи были зеленые с серебряными решетками[1].

Верхние этажи деревянных хором по большей части нагревались *проводными трубами* из печей нижних ярусов. Трубы эти были также изразцовые с душниками. На крышах они выводились в виде коронок, шатриков, узорочно складенных из тех же изразцов, и покрывались медными сетками «для птичьих гнезд, от галок и от сору». Все большие царские палаты – Грановитая, две Золотые, Столовая и Набережная – точно так же нагревались проводными трубами из печей, устроенных под ними в подклетах[2]. Однако впоследствии мы находим в этих палатах большие изразцовые печи, см. выше, с. 106.

Несмотря, однако ж, на чистую, гладкую отделку влас внутри хором, стены, потолки, лавки и полы почти никогда не оставались голыми. Их *наряжали* обыкновенно сукнами. Для стен и потолков сукно было так же употребительно, как теперь обои. Кроме того, сукном же настилали полы, обивали или только *опушали* двери, обивали или обшивали окна, оконницы, ставни, втулки; клали его под дверной и оконный прибор: под крюки, жиковины, под скобы, под плащи и цепи, а также под красное гвоздье в украшении лавок. Сукно в такой *наряд* наиболее употреблялось – красное – багрец, червленое,

[1] Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. IV. – С. 23.

[2] Там же. Ч. 5. – С. 69.

червчатое и т. п., редко зеленое, а в печальных случаях, во время траура – черное, иногда гвоздичное, вишневое, коричневое и других темных цветов. Под сукно на полах и стенах, а также при обивке дверей, окон, вставней и втулок клали обыкновенно серые или белые полсти, войлоки, иногда простое сермяжное сукно или ровный холст[1]. Стены и потолки наряжали сукном – большею частию обыкновенным способом, во все полотнище, т. е. в гладь. Но нередко употреблялся и другой наряд – *в шахмат*, т. е. клетками в три четверти шириною, иногда в два цвета, например клетка красного сукна, а другая голубого и т. п., также *в клин*, т. е. клиньями (ромбами), и также в два цвета, например клин из сукна багрецу (красного) и клин из зеленого кармазину. Точно так же наряжали сукном и каменные палаты, если они не были украшены живописью; и не только стены и пол, но даже и своды. Иногда стены и потолок по полстям обивали зеленым атласом: таким атласом обиты были комнаты царицы Натальи Кирилловны и царевича Алексея Петровича в 1691 г., поэтому они и назывались *атласными комнатами*. В XVII столетии в Москве известны были и златотканые обои, какими, например, была обита одна из внутренних комнат на Посольском дворе, стоявшем на Ильинке, в Китай-городе. На этих обоях была изображена *история Самсона*. В 1614 г. Голландской земли гость Юрий Клинкин поднес царю Михаилу Феодоровичу «два *запона* (завеса) *индейских стенных* розные цветы». Со времен царя Алексея Михайловича стены, и особенно двери, стали обивать золочеными *басменными* кожами, на которых были вытиснены разные травы, цветы и животные, птицы, звери. Кожи эти искусно сшивались и для сохранности прикрывались олифой, заменявшей лак. Такими кожами были обиты: в 1666 г. – двери государевой Комнаты и Третьей в Теремах; в 1673 г. – верхняя избушка, что над Крестовою, у царицы Натальи Кирилловны, и серебряными кожами – комната царевича Петра; в 1681 г. золотными кожами – комнаты и сени в новых деревянных хоромах царя Феодора Алексеевича, по-

[1] В 1682 г. для наряда государевой Комнаты понадобилось на пол под сукно на подстилку холста, равного 200 арш.

строенный в это время подле Теремов и Воскресенской церкви; и Столовая в с. Алексеевском; в 1687 г. – комната царицы Натальи Кирилловны, в 1688 г. – комната царевны Натальи Алексеевны, в 1692 и 1693 гг. – комнаты царевича Алексея Петровича, в 1694 г. – комнаты цариц Евдокии и Прасковьи Федоровны и царевен Марьи и Анны Ивановны и пр. В Оружейной палате в числе мастерских разных снастей в 1687 г. сохранялась «*доска медная*, что *печатают кожи золотые*, весу в ней 6 п. 10 гривенок». Это свидетельствует, что подобные кожи, кроме привозных заграничных, печатались и дома, в Москве, именно мастерами Оружейной палаты. Путешественник в Московию барон Майерберг сказывает, что в Москве (1661 г.) и у частных лиц, у немногих, стены были обиты золоченой и расписанной кожей бельгийской работы.

Ниже мы увидим, что в конце XVII столетия для обоев употреблялись также холсты и полотна, которыми оклеивали стены и потолки и расписывали большею частью *травами*, узорами, иногда писали *аспидом* разных цветов, т. е. под мрамор, и, наконец, просто грунтовали какою-нибудь одноцветной краской.

В богатом боярском быту в это время употреблялись, кроме того, и *шпалеры* – заграничные тканые обои. В доме князя В. В. Голицына в 1688 г. Столовая палата его сына Алексея была обита такими шпалерами не только по стенам, но и в подволоке. В феврале 1690 г. эти шпалеры были сняты, описаны, оценены и отданы на Гостиный двор в продажу. Опись их заключает следующее: «*Шпалер*, на нем древа всякие, в древах человек стреляет по птицам, цена 15 руб. *Шпалер*, а на нем человек стреляет по птицам, а у него у ног собака, да на нем же птицы плавают, два немчина с мушкеты, на древах сидят птицы, 10 руб. *Шпалер*, а на нем лес, в лесу лежит олень, на дереве сидят птицы, 7 руб. Шпалер ветх, а на нем лес, в лесу лежит олень да козел, 5 руб. *Шпалер*, а на нем древа всякие, а в них два человека немчинов с мушкетами, 4 руб. *Шпалер*, а на нем два человека едут на конях и иные личины человеческие, 3 руб. *Шпалер* гораздо ветх, а на нем мужик с бородою, перед ним мужик стоит, 1 руб. Да от тех же шпалер лоскутья сукон

зеленых на 1 руб. 16 алт. 4 ден.». Кроме того, в голицынской казне сохранялись: «*Шпалер*, а в нем птица баба и павлин и иные птицы, кругом кайма цветная, 65 руб. *Шпалер*, на нем месты рыси и жаровли и иные птицы, каймы желтые цветные, 40 руб. *Шпалер* по осиновой земле, на нем птицы и грады и травы, кайма цветная, 30 руб. *Шпалер*, на нем большое древо, под древом птицы большие и малые, 20 руб. *Шпалер* цветной опушен бахромою шелковою зеленою, в средине личины и древа подложены киндяком лимонным, 15 руб. *Шпалер* гарусной на нем библейная притча с личины, 15 руб.».

Другие комнаты голицынского дома, как и во дворце, были обиты сукнами, также золочеными кожами или расписанным полотном.

Лавки и коники, сиденья и спинки обивали также полстьми и войлоками, а по ним сукном красным или зеленым и галуном шелковым с серебром и золотом. Но чаще их накрывали суконными разных цветов *полавочниками*, у которых средина была одного цвета, например красного или какого другого, а каймы, спускавшиеся обыкновенно с краев лавки, – другого, например голубого, зеленого, желтого и пр. Самые полавочники и каймы иногда украшались *вшивными* травами, узорами, репьями разных цветов и изображениями животных, например львов, птиц. Шили также полавочники *клинчатые*, т. е. клиньями из сукна двух или нескольких цветов, например из красного и зеленого вперемежку – клин красный и клин зеленый и т. п. Полавочники подкладывались обыкновенно крашениною и оторачивались киндяком. В 1644 г. (августа 31-го) в Теремные покои, в которых жил тогда царевич Алексей Михайлович, в Переднюю, в Золотую, и в третью, на полавочники употреблено сукон: 36 арш. аглинского черленого, 18 арш. светло-зеленого, 13 арш. желтого, 7 арш. без чети празеленого, 10 арш. 6 верш. белого, 4 арш. кирпичного, 7 арш. голубого, да вместо обинного сукна – 11 арш. сукна еренку белого. В 1664 г. (апреля 4-го) в те же покои, в Комнату, и в Переднюю, и в Передние сени, и в Золотую палату, на полавочники употреблено сукон разных цветов: 20 арш. белого, 20 арш. полукармазину зеленого,

22 арш. багрецу красного, 20 арш. голубого, 20 арш. желтого. В 1680 г., сентября 29-го, в Переднюю и в Комнату на вшивные полавочники на травы употреблено сукон: белого, желтого, малинового, голубого, вишневого по 3 арш.

Нередко шили полавочники и из бархата. В 1667 г. в комнату царевича Алексея Алексеевича скроены полавочники на три лавки: «средина бархат двоеличной по рудожелтой земле, по нем травы шелк голуб»; на четвертую лавку: «средина бархат шахматный двоеличный, шелк голуб да рудожелт; опушка бархат двоеличный, шелк червчат да зелен; подкладка – красные киндяки».

Иногда на лавках, особенно в каменных комнатах, которые большею частию украшались живописью, клали тафтяные *бумажники*, т. е. матрацы из хлопчатой бумаги, выстеганные в шахмат; вместо бумажников употреблялись также сафьянные *тюшаки* или тюфяки. Иногда лавки просто обивали красным сафьяном по полстям и войлокам.

Двери и в деревянных хоромах окна, красные и волоковые, также почти всегда обивались сукном, и особенно червчатым. Двери и окна завешивались тафтяными, камчатными или суконными и стамедными *завесами*, которые задергивались на проволоке посредством колец. Так как царские жилые комнаты были не обширны, то и завесы в них располагались нередко не над каждым окном отдельно, а по всей стене, где были окна, которые таким образом задергивались одним сплошным завесом. Иногда оконные завесы, особенно зимою, были стеганные на хлопчатой бумаге, которыми завешивали окна, без сомнения, для того, чтоб лучше защититься от внешнего холодного воздуха, и особенно во время ветреной погоды. Так, в 1669 г. в декабре в деревянные малые хоромы царя Алексея сшит был к окнам «завес в киндяке темно-зеленом, стеган на бумаге на оба лица».

Завесы, особенно оконные, почти всегда украшались подзором из шелкового галуна, тканного с золотом или с серебром, а также из золотного плетеного кружева, расшитого по атласу или другой шелковой материи. Оконницы или окончины украшались также, особенно в комнатах цариц, шелковыми подзо-

рами (драпри). Так, в 1671 г. в новых хоромах царицы Натальи Кирилловны к окончинам на *подзоры* употреблено по аршину атласу червчатого и алого. Кроме того, завесы, преимущественно суконные, протягивались иногда поперек комнаты, заменяя перегородку или ширмы. Подобный завес вышиною в 8 арш., а шириною в 14 арш. разделял, например, заднюю часть Грановитой палаты на две половины. В Передней Терема также висел завес из червчатого сукна (1672 г.). Такие завесы употреблялись большею частию в проходных комнатах, особенно в сенях, отделяя наружные входы от дверей во внутренние покои.

В каменных зданиях на окнах постилали суконные *наокошечники* так, как в лавках полавочники.

В важных случаях, во время посольских приемов или в торжественные дни и царские праздники, весь хоромный наряд получал совершенно иной вид. Тогда вместо сукон, которыми убирались комнаты в обыкновенное время, стены наряжали богатыми шелковыми и золотными материями, бархатами, аксамитами, золотными атласами и т. п., а полы – персидскими и индийскими коврами. Так, в Золотой палате при Лжедимитрии, когда он давал аудиенцию воеводе Сандомирскому, пол и лавки покрыты были персидскими коврами. Столовая Лжедимитрия была обита персидскою голубою тканью: занавесы у окон и дверей были парчовые. Его постельные комнаты были наряжены богато вышитою золотом материею и одна – парчою, а комната Марины, его супруги – гладким красным бархатом.

Не менее великолепен этот наряд был и прежде, в XVI столетии, а равно и в последующее время, при царях Михаиле, Алексее, Федоре и в правление Софьи, у которой комната в 1684 г. была обита богатейшими коврами, «а над окны и над дверьми и около дверей персидскими волнистыми бархаты». В таких случаях вместо полавочников на лавки клали золотные подушки. В 1663 г. (октября 5-го) в Передней Теремной положены в наряд три пары подушек, и в том числе две подушки бархатных золотных турских по червчатой земле, две таких же – по червчатой земле с зеленым шелком и две бархатных турских золотных с серебром по червчатой земле, мерою около

3 арш. и аршин каждая. В 1664 г. (мая 6-го) внесено в Теремные покои в Комнату, в Переднюю и в Передние сени, в наряд, кроме 8 половинок красного сукна, 8 пар подушек бархатных, золотных, «кругом их кайма с *истками*». О посольских нарядах тех же Теремных покоев мы приводим свидетельства ниже, говоря о дворцовом значении Передней.

Кроме торжественных приемов и праздничных дней, богатый хоромный наряд употреблялся и при других случаях, особенно важных в семейной жизни государя. Так, во время родов царицы с большим великолепием убиралась ее Крестовая комната, в которой обыкновенно происходили роды. Великолепно убирались комнаты даже в то время, когда «великий государь легчился, бил у руки жилу сокол», что происходило обыкновенно в Золотой или собственно Комнате Каменного Терема (ныне престольной). Выходные царские книги 1662 г. описывают этот наряд следующим образом: «Сидел государь в больших креслах, а в Золотой был наряд с Казенного двора: *на столе* ковер серебрен по червчетой земле; *полавошники* золотные, что с разводами; *на кониках* ковры золотные; *на дву окнах* ковры шитые золотные, по белому, да по червчетому отласу; на третьем окне ковер кизылбаской золотной»[1].

Но несмотря на все великолепие и азиатский блеск такой уборки комнат, гораздо замечательнее другой род древних хоромных украшений – именно комнатная живопись, *стенное и подволочное письмо,* служившее самым великолепнейшим и с половины XVII столетия довольно обыкновенным украшением царских приемных палат и постельных хором. В XVI в. оно известно было под именем *бытейского* письма. Это название уже достаточно объясняет, какие именно предметы изображались на стенах и плафонах царских палат.

Характер или, лучше сказать, содержание подобных комнатных украшений большею частью определяется господствующим характером народного образования. Так, например, любимым и почти исключительным предметом комнатной живописи XVIII столетия, принесенной к нам вместе с западным

[1] Выходы царей. – С. 379.

образованием и принадлежавшей к самым насущным потребностям тогдашнего образованного русского общества, была эмблема, аллегория, для выражения которой служили большею частью готовые образы и формы древней классической мифологии. Это, разумеется, вполне условливалось общим характером образованности XVIII столетия, воспитанной по преимуществу на классиках древнего греческого и римского мира. Плафоны и стены во дворцах и палатах вельмож покрывались в это время мифологическими изображениями, где языческие божества, полуобнаженные, представленные со всею свободою древнего искусства, должны были олицетворять заветные мысли и думы современников. Не было памятника, не было даже торжества, триумфального въезда, иллюминации или фейерверка, которые не облекались бы в аллегорические образы, столь любимые тогдашним обществом. Таков был вкус, характеризовавший эпоху.

Совершенно иное встречаем мы в жизни наших допетровских предков. По характеру своего образования – религиозного, богословского – древний русский человек любил олицетворенные притчи и церковные бытия, изображениями которых и украшал свои хоромы. При отсутствии эстетического элемента в своем образовании он не знал и искусства в том значении, какое придает ему современность; поэтому в притчах и бытиях, которые изображались на стенах его палат, он желал видеть прежде всего назидание, поучение, душевную пользу в религиозном смысле, а не услаждение взора прекрасными образами, которые относились к соблазну и всегда заботливо устранялись. Таким образом, древняя комнатная живопись (т. е. иконопись) носила в себе тот же характер, имела ту же цель, как и церковная стенопись, от которой она почти ничем и не отличалась. Мы не знаем, с какого времени такая стенопись появилась в хоромах и палатах великих князей: сведения об этом не восходят раньше XVI века; но это, однако ж, не дает повода заключать, чтоб украшения этого рода принесены были к нам византийскими греками, выехавшими в Москву в конце XV столетия с Софьею Фоминичною Палеолог.

Без сомнения, и в древнейшее время великокняжеские хоромы украшались священными изображениями, может быть, по примеру духовных иерархов, которые, по всему вероятию, первые внесли священную стенопись в свои палаты. *Владычные сени* (в смысле дворца) и большие *палаты* новгородских святителей были *подписаны*, т. е. украшены стенописью, еще в первой половине XV столетия, при возобновлении их после пожара, истребившего владычний двор. В 1432 г. Летописец упоминает об этом событии в ряду многих других возобновлений и построек и нисколько не придает ему значения новости, дотоле невиданной, так что из его слов можно заключить, что такие же украшения существовали и до пожара и составляли, вероятно, одно из обыкновенных условий благолепия, которым отличался двор новгородского владыки. Выше, на с. 45, мы приводили известие XII в., что у частных лиц бывали расписываемы повалуши. В сенях Киево-Софийского собора открыты также изображения даже светского содержания, которые могли принадлежать еще первым временам его постройки (XI и XII вв.) и составляли, быть может, части украшений великокняжеских дворцовых переходов в собор.

Московский великокняжеский дворец украшен был стенописью вскоре после его отстройки, при великом князе Василии Ивановиче. В 1514 г. Средняя палата дворца именутся уже *Золотою*[1], следовательно, она была *подписана*, т. е. украшена иконописью. К сожалению, неизвестно, какие события церковной истории или какие *бытейские деяния* и притчи были написаны в первый раз в этой палате. Весьма любопытные сведения по этому предмету встречаются только в актах половины XVI в. В это время царские палаты при возобновлении их после опустошительного знаменитого в летописях Москвы пожара в 1547 г. были украшены новым *стенным бытейским письмом* под непосредственным наблюдением знаменитого благовещенского попа Сильвестра, который едва ли не в первый раз решился изобразить на стенах царских палат содержание некоторых церковных догматов *приточне*, в лицах, само

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. VII. – С. 28.

собою разумеется, с ведома и, быть может, по указанию самого митрополита Макария.

Приверженцам стоячей старины это показалось несогласным с преданием Церкви, потому что до того времени иконопись, не уклоняясь ни одною чертой от древних византийских образцов и подлинников, ограничивалась только более или менее верным, раболепным их переводом. Одним из главных действователей в этом случае был дьяк Иван Висковатый, писавший, между прочим, и о царском дворце, что «в полате царской притчи – писано не поподобию: написан образ Спасов да туто же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшет; а подписано под нею: блужение, а иное ревность и иные глумления».

Созван был собор. Митрополит Макарий разрешил недоумение Висковатого и объяснил ему, что в палате написано было *приточне Спасово человеколюбие, еже о нас*, ради покаяния. Любопытное описание всех изображений, в которых выражена была эта притча, находим в актах того же собора. «Писано в полате в большой (Средней Золотой) в небе, на средине. Спас на Херувимех, а подпись: *Премудрость Иисус Христос*. С правые страны у Спаса дверь, а пишет на ней 1) *мужество*, 2) *разум*, 3) *чистота*, 4) *правда*. А с левые страны у Спаса же другая, а пишет на ней: 1) *блужение*, 2) *безумие*, 3) *нечистота*, 4) *неправда*. А меж дверей, высподи, диавол седмиглавный, а стоит над ним Жизнь, а держит светильник в правой руце, а в левой копие; а над тем стоит Ангел, Дух страха Божия. А за дверью с правый стороны писано земное основание и море, и преложение тому во сокровенная его; да Ангел, Дух Благочестия, да около того четыре ветры. А около того все вода, а над водою твердь, а на ней солнце, в землю падаяй при воде; да Ангел, Дух Благоумия, а держит солнце. А под ним от полудни гоняется после дни нощь. А под тем Добродетель да Ангел; а подписано: *рачение, да ревность, да ад, да заец*. А на левой стороне, за дверью, писано тоже твердь, а (на) ней написан Господь, аки Ангел; а держит зерцало да меч; Ангел возлагает венец на него. И тому подпись: *Благословиши венец лету благости Твоея*. А под ним колесо годовое; да у Году колесо; с

правую сторону *любовь*, да *стрелец*, да *волк*; а с левые стороны Году *зависть*, а от ней слово к зайцу: *зависть лют вред, от того бо начен и прискочи братоубийц;* а Зависть себе пронзе мечем; да Смерть; а около того все твердь; да Ангели служат звездам и иные всякие утвари Божия. Да 4 Ангелы по углом (полаты): 1) Дух Премудрости, 2) Дух Света, 3) Дух Силы, 4) Дух Разума»[1]. Эта весьма замечательная символическая стенопись, несколько раз поновляемая, сохранялась с некоторыми прибавлениями и изменениями до конца XVII столетия, и при Алексее Михайловиче была описана в 1672 г. иконописцем Симоном Ушаковым с означением всех изображений и подписей, какие были на стенах и сводах палаты. Подлинник этого любопытного описания принадлежит ныне Императорской Публичной библиотеке. Он находился у Карамзина, который в своей «Истории…» (т. X. – С. 153. – Прим. 453) предложил из него небольшое извлечение. Список с этого подлинника мы напечатали в собранных нами «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы» (ч. I. – С. 1238–1271). Из дел Оружейного приказа видно, что еще 11 марта 1672 г. «Великий Государь указал в своей Золотой Полате стеннаго письма осмотрить и над бытьями подписи, которые зарубились (загрязнились), прочистить и *списать в тетрадь*, а для прочистки подписей взято 20 чел. иконников, а над теми иконники надсматривать и у справки подписей быть Оружейные полаты иконнику Никите Павловцу». Но затем 20 марта это дело было поручено иконописцу Симону Ушакову. И тот и другой были знатнейшими иконописцами царского дворца.

Воспользуемся этою описью, дабы в возможной полноте, хотя и сокращенно, представить любопытное содержание стенописи, очень замечательной не только в символическом, но еще более и в историческом отношении. Золотая палата представляла квадратное здание в 6 саж. длины и ширины со

[1] Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских, год третий. Отд. II. Кн. III. – 1847. – С. 7. См. также исследование об этой притче в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» Ф. И. Буслаева. Т. II. – С. 312.

сводами и с заветным числом окон, как в крестьянских избах, по *три* со стороны, в стенах, восточной на Передние переходы Красного крыльца, южной – к Набережной Панихидной палате и западной – к Столовой избе, где в северо-западном углу на месте окна стояла большая печь. Северная сторона примыкала к сеням, где находилась входная дверь в палату и направо задний угол с печью. В переднем юго-восточном углу, выходившем к Благовещенскому собору, между окнами южной стены находилось государево место – трон.

Начнем с сеней палаты, которые длиною простирались в ширину палаты на 17 арш., а в ширину – на 13 арш.

При входе в эти Сени, вверху, в небе, т. е. на своде, прямо против входящего, в кругу, был написан Господь Саваоф на престоле седящ, в недрах Сын, сверху Сына – Дух Святый. Около того круга простирался по сводам другой круг, по самые шелыги, т. е. касавшийся самых стен. Шелыгою именовалось закругление прямой стены под сводом. Здесь, в этом большом кругу, в семи отделах помещались следующие изображения: на первом месте, над входными дверьми от Красного крыльца, – «Благословение Господне на главе праведнаго» – молятся 2 мужа, около их древеса, вверху – летящий Ангел Господень благословляет их. Таким образом, входящий был осеняем благословением Ангела.

Второе изображение, следуя от дверей по правой стороне, имело подпись: «Сын премудр веселит отца и матерь» и представляло палаты, в палатах царь обнимает сына, а у сына царева в руках книга; за царем – царица, пред ними стол; за царицею (стоят) боярыни.

В третьем изображении была подпись: «*Наказание* (поучение, наставление) *приемлет источник бессмертия; изо уст праведного* (справедливого) *каплет премудрость*». Под надписью написано: «Царь в полатах седит на престоле *млад*; ангел летящий возлагает на его главу венец. Из правой руки царевой вода пущена; в той воде стоят нагие люди, препоясаны платами, мало преклонны, обращены к царю. Слева от царского престола стоят вельможи».

Четвертое изображение с подписью «Зачало премудрости: Страх Господень. Стяжи разум Вышняго и вознесет тя и почтет тя и обымет тя и даст главе твоей венец нетленный и гривну злату на выю твою», – представляло палату, в палате Ангел возвел на высокое златое место *царя млада* и возлагает на главу его венец царский и гривну злату о выи его. Ангел в царском же венце.

В другом отделе этой картины с подписью «*Правда же избавляет от смерти*» был изображен на горе Ангел, держащий в правой руке весы, в левой – меч.

В пятом изображении с надписью «*Дух страха Божия*» был написан Ангел, стоящий на облаках, в правой руке сосуд держит, в – левой венец царский, из сосуда льет воду. Ниже был изображен стоящий у палат царь Соломон, держащий в левой руке державу, а из правой подающий милостыню нищим – златицы. Вода из сосуда ниспадала между царем и нищими.

Шестая картина с надписью «*Путие праведных подобны свету светятся*», – изображала храм, а в храме Кивот Завета, и жертвенник, и завесы; пред Кивотом свещник и стоит царь Соломон. Подле храма палаты, в палатах израильтяне в чашах держат дары и несут во храм фимиам.

В седьмом изображении с надписью «*Сердце Царево в руце Божий*» – было написано в палатах на престоле сидящий *царь млад,* в правой руке держит скипетр, в левой – яблоко державное, обратясь лицем влево, где в кругу в облаке Спасов образ Вседержителев, обеими руками благословляющий, причем правая Его рука благословенная возложена на яблоко державное царское. По обе стороны царева престола стоят вельможи, на головах клобучки опушены белыми платами.

Последние три изображения – 5, 6, 7 – приходились над входом в Золотую палату.

Таким образом, вторая картина с правой стороны от входа с Красного крыльца изображала премудрого царского сына с книгою в руках, которого обнимал царь-отец в присутствии матери. В третьей картине премудрый сын – уже

младый царь, изливает в народ поучение в образе текущей из его руки воды, среди которой стоит народ нагой, обращенный к царю с преклонением.

В следующей, четвертой картине – «Начало премудрости Страх Господень» – изображен также молодой царь, которого Ангел возводит на высокое златое царское место и возлагает на его главу венец царский и на шею – гривну златую, несомненно, за то, что молодой царь стяжал разум Вышнего и в страхе Господнем исполнен *правды*, которая здесь же изображена в образе Ангела на горе, держащего в одной руке – в правой – весы и в другой – левой – меч.

Следующая, пятая картина изображала *милость* в образе царя Соломона с державою в левой руке и правою подающего нищим златицы под осенением Ангела в облаках, держащего в левой руке венец царский, а в правой – сосуд, из которого льет воду, ниспадающую между царем и нищими.

В шестой картине царь Соломон стоит в храме пред Кивотом Завета и пред свещником, а в палатах израильтяне приносят в храм дары и фимиам. Подпись гласила, что пути праведных подобны свету светятся.

В седьмой картине молодой царь сидит на престоле во всем царском чину, обратясь к образу Спаса, обеими руками благословляющего царя и его державу – знак утверждения за ним царского сана.

В последовательном распределении этих картин по сводам палаты мы видим, что здесь излагалась повесть о нравственных достоинствах молодого царя, которым был не кто иной, как сам царь Иван Васильевич в первые годы своего самостоятельного царствования, в счастливые лета его молодости (1547–1560 гг.). Здесь, конечно, изображены только идеалы этого замечательнейшего юноши, которым, однако, он в это время служил со всею юношескою горячностью. В действительности в это время он шел путями Правды и Милости к разоренному и угнетенному сильными людьми народу. Стоит только припомнить его речь к народу с Лобного места и его царские вопросы, поставленные Собору

духовенства и растолкованные и разрешенные известным Стоглавом. В этих деяниях молодого царя яркими чертами выразилась неуклонная потребность всеобщего, всенародного нравственного очищения или *покаяния*, как разумели такое дело наши предки. По справедливости до́лжно сказать, что в эти годы молодой царь стяжал разум Вышнего и в полном смысле был достоин тогда же утвержденного за ним царского сана.

На шести *щипцах* (как назывались стрелки сводов, опускавшиеся по стенам), начиная от дверей с Красного крыльца, были изображены прямо стоящие израильские цари, первый – Давид у дверей, потом Соломон и Ровоам по сторонам дверей в Золотую палату, затем Авия, Асе, Иоасафат и, наконец, поясные, в сводах двух окон на Красное крыльцо, – Иозия, Иоахас и в своде дверей к Столовой палате – Ахаз. Эти изображения стоящих царей служили как бы твердою неколебимою опорою для изображений, которые находились в небе, в сводах палаты, где *младый царь*, получавший на главу царский венец свыше, от руки Ангела, принимал в то же время царское достоинство от сонма древних царей Израиля.

На стенах, где оканчивался упомянутый большой круг, в *шалыгах* или *пазухах*, т. е. в верхних округлостях стен, под самыми сводами, в десяти картинах была изображена история исхода израильтян из Египта, или собственно освобождение их Моисеем от египетского рабства.

Начальная картина этой истории находилась на стене у входных дверей с Красного крыльца и представляла чудо с жезлом Моисея, превратившимся по слову Господа в змия и снова объявившимся жезлом.

Вторая картина представляла такое же чудо с жезлом Аарона пред царем Фараоном и его волхвами, когда превратившийся в змия жезл Аарона побеждает таких же змиев, превращенных из жезлов же египетскими волхвами.

В третьей картине Моисей ударяет чудотворным жезлом в Чермное море и открывает переход израильтян сквозь море и гибель в море всей силы Фараона.

Четвертая картина изображала чудо претворения Моисеем горькой воды в сладкую.

Пятая над дверьми в Золотую палату изображала битву Иисуса Навина с Аммаликом и победу над ним по чудесной силе воздетых к Господу рук Моисея, а в шестой картине, помещенной возле и близ дверей к Столовой палате, было изображено чудо, когда Моисей ударяет жезлом в каменную гору – и из горы изливается обильный источник воды.

В седьмой картине был изображен Господь Саваоф с державою в руке, благословляющий, а внизу сооружение Моисеем медного змия для спасения возроптавшего Израиля, которого в пустыне одолел голод и жажда и нашествие великого множества змей.

В восьмой картине между дверей к Столовой и в Шатерную палату было изображено, как Израиль по слову Моисея вооружается и ополчается на Мадиама.

В девятой изображена битва и беспощадное избиение мадианитян и их царей.

Десятая картина в углу над окном на Красное крыльцо представляла взятие городов и пленение жен и детей побежденных мадианитян.

Под этими картинами на прямых стенах расположен был второй ярус изображений также в десяти отдельных картинах, представлявших в каждой одни лишь битвы и победы Иисуса Навина над супостатами Израиля при завоевании Обетованной земли.

Повсюду на всех четырех стенах в этом ярусе виделось только одно: как Иисус Навин на коне, а за ним конница, въезжал в покоренный город или уже в самом городе посекал без пощады всех до единого царей и людей, избивал, истреблял все *дышущее*, яко же Господь Бог помогаше Израилю, причем на иных картинах вверху в облаце был изображен Господь Саваоф с державою в левой руке или в облаке одна Рука благословенная.

Из этих десяти картин входящему в сени прямо на противоположной стене представлялись две картины со следующими изображениями.

1) «Прииде Исус в Давир и обседше и взяша град и царя его и вся вои его избита мечем. *Написано*: Исус Наввин сидит на коне, а под ним попран царь на коне и вой его иссекаемии, а за ним Исусово воинство, а за ним и перед ним град с полатами».

2) «И изби Исус всю землю Горскую… и равную… и вся цари их, и не остави их ни един уцелел, и все дышущее потребиша, якоже заповеда Господь Бог Израилю. И изби их Исус… и всю землю… и вся цари и землю их взя Исус (в один день), яко Господь Бог помогаше Израилю. *Написано*: Исус с воинством на конех, а под конми попраны людие с конми же, а перед Исусовым воинством другое воинство посекаемые и бежащие, а за ними горы».

По сторонам дверей в Золотую палату было изображено слева: «Прииде Исус во Алам (Аглон) и преда Господь град Исусу и взя его в той день. *Написано*: Исус Наввин едет на коне, а перед ним град и у града врата отворены, а за ним воинство на конях; а под Исусом и под воинством потоптаны воины с конми, а во граде воины Исусовы секут людей, а вверху под подписью и над градом изо облака Рука благословенная».

С правой стороны: «Обседе Исус и Хеврон и взя его и изби мечем. *Написано*: Исус с воинством, вооружен на конех идут во град и во граде Исус сечет людей, а перед градом гора».

Основная мысль всех изображений заключалась в освобождении Израиля от египетского рабства и в завоевании Обетованной земли, т. е. в освобождении того же Израиля от врагов-супостатов, населявших эту землю и притеснявших Израиль.

Нельзя сомневаться, что в этой стенописи иносказательно, но очень вразумительно была представлена только что совершившаяся (1552–1554 гг.) история покорения татарских царств Казанского и Астраханского, и вообще победы над супостатами-татарами. Если вверху – в сводах или в небе – сеней частию открыто, частию иносказательно были изображены идеалы царского достоинства и царской чести, т. е. идеалы

нравственных и государственных обязанностей царя, то здесь на стенах представлялись уже исполненные царские дела и славные царские деяния, и именно славнейшее из славных дел новорожденного Московского государства – покорение и беспощадное истребление Татарского царства.

Таким образом молодой царь (ему в эти годы было 20 лет с небольшим) разнообразными картинами в своей Золотой палате идеально изобразил золотое время своего царствования, о котором и современники справедливо отзывались с искренними похвалами.

Псковичи записали в своей летописи сердечную ему похвалу за то, что, быв еще 11 лет, он освободил народ от суда наместников. «Было в 1541 г. жалованье государя нашего до всей своей Русской Земли, млада возрастом 11 лет и старейша умом… показал милость свою и начал жаловать, грамоты давать по всем городам большим и по пригородам и по волостям, лихих людей обыскивати самим крестьянам меж себя по крестному целованью и их казнити смертною казнию, а не водя к наместникам… лихих людей разбойников и татей… И была наместникам нелюбка велика на христиан… и была крестьяном радость и льгота великая от лихих людей и от наместников… и начали Псковичи за государя Бога молить…»[1] Положим, что при 11-летнем государе это было делом государевой Думы под руководством князя Ивана Бельского, но известны и последующие самостоятельные царские постановления о таких же льготах народу. Все это и служит объяснением той картины (3-й по нашему распределению), где «из руки царевой вода пущена и в той воде стоят нагие люди», как равно и другой (5-й) картины, где ту же воду изливает Ангел в облаках и царь Соломон раздает нищим златицы, а вода ниспадает между царем и нищими. Говорим о картинах, помещенных в сводах Сеней.

И новгородцы записали в своей летописи по поводу доставления молодого царя на царство: «И наречеся царь и великий князь всея Великия России, самодержец великий показался и страх его обдержаще вся языческия страны, и бысть

[1] ПСРЛ. Т. IV. – С. 304.

вельми премудр и *храбросерд*, и крепкорук, и *силен телом* и *легок ногами аки пардус*, подобен деду своему великому князю Иоанну Васильевичу…»[1]. Никто из прадедов его, продолжает летописец, не именовал себя царем в России, никто не смел поставить себя царем и называться тем новым именем; опасались зависти и восстания на них поганых царей и неверных. Конечно, это похвала того новгородца, который был уже московским патриотом и хорошо понимал общегосударственное значение совершившегося дела, исполненного смелым подвигом молодого царя. Псковичи, уже потерявшие свою вечевую свободу, для объяснения этого царского подвига углубились в Апокалипсис, руссуждая, что, по Апокалипсису, «пять царев минуло, а шестой есть, но не убо пришло, но се абие настало и приде… восхоте царство устроити на Москве…».

Этот приснопамятный подвиг, совершенный по благословению Божию, явственно изображали картины четвертая и седьмая (в сводах сеней).

Другие, более поздние летописцы не меньше прославляли молодого царя за его государственные добродетели, отдавая должное и его личным достоинствам.

По их словам, *многославный* царь был «*ратник* непобедимый, велик в мужестве, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен, во бранях на сопротивные искусен, варварские страны, аки молния борзо обтече и вся окрестные устраши и прегордые врага покори… Был муж *чудного рассуждения*, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело… В *словесной премудрости ритор, естество ело вен и смышлением быстроумен*… благосерд в воинстве, еще же и житие благочестиво имел и ревностию по Бозе присно препоясася… И не вем, како превратися многомудренный его ум на нрав яр…»[2].

[1] ПСРЛ. Т. III. – С. 250.

[2] *Попов А. Н.* Изборник славянских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. – М., 1869. – С. 183. Еще обстоятельнее о добрых обычаях Грозного-царя говорит летописная статья, обозначенная 7064 (1556) г. в Никоновской летописи (Т. 7. – С. 259). По этой статье Карамзин сделал превосходный очерк добродетелей молодого царя, подтвердив его свидетельствами иностранных писателей (*Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IX. – С. 1. – Прим. 2).

Все это как общее мнение всего народа, и больших и малых, и бояр и сирот-крестьян, было выражено в картинах 2, 3 и 6 (в сводах Сеней).

Само собою разумеется, что вся эта золотая стенопись – как в сенях, так и в самой палате – была сочинена и составлена по указанию и при непосредственном содействии и руководстве не только известного священника Сильвестра, но еще более самого митрополита Макария, который к тому же и сам был иконописцем и доброе, благотворное и просветительное влияние которого на молодого царя отражалось на всех достойных памяти делах в первые годы его царствования. Добрые дела стали превращаться в злодеяния, когда влияние митрополита по случаю его глубокой старости значительно ослабело, а затем и совсем прекратилось. Можно предполагать, что и знаменитый новгородец – священник Сильвестр – был введен к царю также митрополитом, бывшим прежде архиепископом Новгорода и оставившим по себе в Новгороде самую добрую память. Вступив на стол митрополита в 1542 г., когда Грозному было только 12 лет, святитель, несомненно, стал руководить если не воспитанием, то обучением, образованием государя-отрока, который потом явился таким глубоким знатоком библейской и вообще церковной истории и немалым богословом. Конечно, таким просвещением своего ума и обогащением своего знания он был обязан митрополиту, которому много обязана и русская наука: сохранением в составленных им Четьих-Минеях многих древних литературных памятников, учреждением в Москве типографии, сочинением *первой* русской истории под видом Степенной книги и другими трудами. Святитель был на Руси просвещеннейшим человеком своего времени и доставил и своему ученику такую же славу.

Нам кажется, что из всех приобретенных им познаний библейская история послужила молодому государю во многом путеводным светочем. В ее повествованиях он изучал идеалы ветхозаветной царской власти, т. к. воцарившемуся русскому государю было необходимо знать, как жили и как поступали древние цари, дабы устроить по их образцу и свою русскую

царскую жизнь. Библейские повествования о воинских делах, в особенности в истории Иисуса Навина, должны были оставить глубокие следы и в воззрениях молодого царя на свои царские обязанности как первого воина и оборонителя своей земли. Воспитанный этими сказаниями, новый царь не сомневался в своем призвании без пощады истреблять врагов, где бы они ни появились – на бранном поле или в комнатах дворца. Это была истина старозаветная у всех народов древности, но в библейских сказаниях она являлась истиною религиозною и потому в сознании молодого царя получала особую святость. По свидетельству иностранцев, справедливо восхвалявших его личные достоинства, как говорит Карамзин, он был исполнен «единственно двумя мыслями: *как служить Богу* и *как истреблять врагов России*». Эти мысли в полной мере и были выражены в картинах, украшавших сени Золотой палаты как преддверие к царственному жилищу и к лицезрению пребывающего там достохвального царя.

Если допустим, что мысли и понятия молодого царя были исполнены идеалами ветхозаветных сказаний о царской власти и о беспощадном истреблении врагов, как это и выразилось в описанных картинах, то многое можем объяснить и в последующей истории его бесчеловечных деяний. Беспощадные казни домашних врагов, свирепый разгром Новгорода в 1571 г. и тому подобные необъяснимые подвиги Грозного-царя могут явиться только несчастным заблуждением его начитанности, воспитанной по преимуществу эпическими сказаниями и потому направлявшей его ум к воссозданию и на русской, уже христианской, почве эпических подвигов, свойственных только дохристианскому времени, которые и народ, исполненный эпических же созерцаний, перенес с эпическим спокойствием и даже воспевал их в своих былинах. Время Грозного было еще богатырскою эпохою в Русской земле, и потому новорожденная царская власть, как только она воплотилась в личной воле, да притом еще в очень даровитом человеке, необходимо должна была выразить себя теми богатырскими подвигами, какими было воспитано ее эпическое созерцание,

и при посредстве домашних сказаний, а в особенности при посредстве неуклонно учительных библейских повествований. Наш Грозный-царь в сущности был эпический богатырь – чудовищный, совсем непонятный для нашего времени и объяснимый только жившими еще в самом народе эпическими идеалами и эпическим складом понятий его века. На наши понятия это был своего рода богатырь – Дон-Кихот.

В самой палате, в *небе*, т. е. в сводах и под сводами, вверху стен, стенопись в таких же иконописных олицетворениях изображала притчами и подобиями высоконравственное назидание самому царю, а с ним вместе и всему православному народу о том, как велико и бесконечно Господне милосердие и человеколюбие к кающемуся грешнику, к *заблудившейся овце*, которую, найденную в покаянии, Сам Спаситель на своих раменах выносит из пустыни блуждания. Здесь *притчи* и подобия воспроизводили живую московскую историю, только что совершившуюся с молодым царем, когда, потрясенный страшными событиями своих дней (пожар 1547 г.), он по вразумлению и благословению известного священника Сильвестра обратился из пустыни нравственного блуждания на *спасенный путь* праведной жизни.

Его *покаяние* было так чистосердечно, так искренно, что он не затруднился перед лицом всего народа с сердечным сокрушением во всеуслышание рассказать свою греховность, греховность своей еще молодой и неопытной личной жизни, и главное – греховность всего государственного управления. На соборе духовенства перед святителями, а потом на Лобном месте перед народом, собранным из всех городов и волостей, он принес это достопамятное покаяние, *прося прощения, еже зле содеях*; заставив покаяться и бояр, и приказных людей, т. е. все правительство. Можно сказать, что это было покаяние государственное в собственном смысле, где в лице молодого царя именно государство раскаивалось в содеянных грехах. Есте-

ственно, что вся история этого покаяния произвела в тогдашнем обществе особое неизгладимое впечатление, под влиянием которого была написана и стенопись царской Золотой палаты. Митрополит Макарий так и озаглавил содержание этой стенописи, что «в полате было приточне (притчами) изображено Спасово человеколюбие, еже о нас, *ради покаяния*». Как увидим, здесь же был изображен и самый момент обращения царя на правый путь поучением священника Сильвестра в картинах об индийском царевиче Иоасафе и пустыннике Варлааме с его учительными притчами.

Другие картины уже из русской истории, украшавшие стены палаты, служили выражением тех же идей и представляли историю крещения Руси при св. Владимире и историю принятия Владимиром Мономахом царского венца и регалий для изъяснения современного события о венчании царским венцом молодого московского царя.

Стенопись палаты была распределена следующим образом. По самой средине свода, в небе, был изображен круг, а в кругу, ликом к южной стене, где стояло государево место, Еммануил сидит на небесных дугах, под ногами «колеса многоочитые, в левой руке держит потир злат, в правой палицу, у рук локти обнажены, в венце седмь клинов, подпись: «“Исус Христос Еммануил”».

Около того круга простирался другой круг, в котором были изображены четыре евангелиста прообразованных, т. е. с изображением только одних их символов: льва (Иоанна), орла (Марка), тельца (Луки), ангела (Матфея).

Оба круга были обогнуты надписями, в верхней половине по золотому полю, в нижней – по празеленому. На золотом поле, поверх Еммануила, надпись гласила: «Бог отец премудростию своею основа землю и утверди веки» и «Благослови венец лету благости Твоея, Господи!» На празеленом поле надпись проходила в два ряда и гласила следующее: «Превечное Слово Отчее, иже во образе Божий сый и составляй тварь от небытия в бытие, иже времена и лета своею областию положей! Благослови венец лету благостию своею, даруй мир

церквам Твоим, победы верному царю, благоплодие же земли и нам велию милость».

Затем около этого срединного изображения кругов во весь свод по самые шалыги или пазухи свода, т. е. до оконечностей свода, простирался большой круг, в котором были размещены остальные изображения, разделенные на две половины: восточную – к переходам Красного крыльца и западную – к Столовой избе.

В западной половине в средине от ног Еммануиловых до конца свода были написаны *врата* с золотыми затворами, во вратах, вверху, в раздвоившемся облаке Ангел Господень со скипетром в правой и со свитком в левой руке. Под облаком и Ангелом среди врат стоял человек с посохом.

Под ногами человека был изображен змеиный круг, крылатый, в шесть крыл. В этом кругу, в средине, было изображено солнце, вверху меж крыл *лице человече*, обвитое змеиным хоботом (хвостом); по сторонам солнца справа меж крыл *лице львово*, затем ниже меж крыл *глава орля*; слева против каждого из этих двух изображений – *глава змиина*; внизу снова *глава львова*. Все главы и лики были обвиты змеиными хоботами, концы которых были обращены к солнцу.

Символический смысл этого круга выяснялся различными изображениями на затворах врат, среди которых стоял человек с посохом. Надписи по правую и по левую сторону человека указывали два пути для человеческой жизни и гласили на правой стороне: «Узким бо путем вводятся душа праведных во врата в Царство Небесное». На левой стороне: «Широким бо путем вводятся душа грешных во врата лютого ада». Образы этих путей представляли следующие символы: на правом затворе было написано *Целомудрие* образом девичьим, стоящая, в правой руке державшая палицу, а левую положившая на главу стоявшего льва.

В противоположность тому на левом затворе было написано *Блужение* – жена малонаклонная, обратившаяся вспять.

Далее следовали: на правом затворе *Разум* – девица стояща мало преклонна, пишет в свитке. На левом – *Безумие* – написан муж наг, ризы с себя поверг долу.

На правом: *Чистота* – жена стоящая, власы главные косами сошлися о персех вместе и раздвоилися, долги до полуколена; в левой руке держит книгу с написанием.

На левом: *Нечистота* – жена простовласа, в левой руке держит (вещь) что кропило.

На правом: *Правда* – девица стояща, в руке держит весы. На левом: *Неправда* – муж из лука стреляет во врата, обратяся вспять.

Эти врата, как упомянуто, находились посредине западной половины сводовой стенописи. По сторонам их были размещены в отдельных кругах различные космогонические изображения.

На правой стороне (смотря из врат) был написан возле врат о среди *Воздух* девичьим образом, над которым летящий Ангел в клине огненном, от клина к затворе вратной книзу написан дьявол, палимый огнем, а огнь написан клином. А от того дьявола по земле бежит заяц; а на дьявола из полукруга большого стреляет из лука Ангел.

Возле того к середнему окну Палаты был изображен *Огненный*, т. е. *Солнечный, круг*, поддерживаемый четырьмя Ангелами. В нем написаны *Кони* впряжены в одноколесную (т. е. двуколесную) колесницу, в которой сидит Ангел, держит *Солнце*. Далее меньший круг изображал *Лунный круг*, поддерживаемый также Ангелом и в котором в такую же колесницу впряжены *волы*, а в колеснице *дева* держит Луну и погоняет плетью волов. Кони и волы направлялись к западу. Около того круга, в полукруге большом, написаны Ангелы тварем, к снегу и к грому и к дождю. Далее следовал Земной круг, изображавший посредине круга *девицу простерту* (лежащую), над нею *Солнце*, а внизу, в полукруге, – *воды* и *рыбы*. Около того в кругу же написаны четыре *ветры* в ангельских образах с трубами, а выше над ними Ангел, благословляющий Землю. Подписи: «Солнце в Землю впадая» и другая над Землею: «Солнце позна запад свой, положи тму и бысть нощь».

С левой стороны (смотря из врат) возле самых врат в кругу под надписью: «Ангели Тварем» – написан *Год* в образе мужа

младого, нагого, крылатого, мало ризы через плечо перекинуты. Он стоял на *Временном кругу*, который простирался к заднему углу палаты, к печи, и был окружен восемью крылами, обращенными четыре крыла внутрь круга и четыре наружу.

В том *Временном* крылатом кругу в особых четырех кругах были изображены времена года: Весна, Лето, Есень, Зима. *Весна* – девичьим образом в царском венце и порфире, сидящая на престоле. *Лето* – в образе мужа средовечна в венце царском и порфире, сидящего также на престоле. *Есень* – в образе мужа, также в венце и порфире и сидящего на престоле с сосудом в руке. *Зима* – в образе мужа старого в простой одежде, локти обнажены, сидящего на малом престоле.

В кругу, простиравшемся около Временного круга и где стоял образ Года, против него был изображен Ангел, стреляющий из лука, а ниже *Ангелы теорем*[1] в облаках; ниже их был написан муж наг, млад, стоящий с мечом, который концом уставил против Временного Круга. Перед ним Ангел, обращенный также к Временному Кругу, а ниже этого Ангела сидела *Смерть*, державшая в обеих руках трубу, положенную широким концом на половину во Временный Круг. Около того круга проведен другой круг, где написаны еще *Ангелы тварем* в облаках.

В самом низу под этими изображениями у врат был написан муж, из лука стреляет во врата, с надписью, которая, по-видимому, списана неверно: «Зависть лют вред от того гордитца и прискочи во братоубийцу» (см. выше). А под тем мужем написана земля.

На восточной половине свода, к переходам Красного крыльца, налево от входа в палату, посредине, возле Емманулова круга, был изображен в кругу же Богородичен образ с Превечным Младенцем, сидяща на престоле, по обе стороны Херувим и Серафим. Тот круг был окружен в три пояса. Отсюда в своде, к юго-восточному углу палаты, где между окнами стояло государево место, была написана церковь и палаты на горе, а в палатах трапеза, т. е. стол с поставленными златыми

[1] Следует читать «тварем» [тварям]. – *Ред.*

сосудами, посреди которых возвышалась златая чаша; около трапезы – многие люди, пьющие и наливающие из сосудов и в руках держащие сосуды; внизу подле трапезы тельцов и овнов закалают и множество израильтянов приходят с женами и детьми. Подпись: «Премудрость созда себе храм и утверди столп седмь, закла своя жертвенная и черпа в чаши своей вино».

Пред тем храмом и палатами написан стоящий Иоанн Дамаскин, зрит на храм и на палаты и обеими руками держит за оба конца свиток, в котором подпись: «Зачало премудрости страх Господень» и «Свят святых разум, а еже разумети Сим бе образом много поживеши лет и приложат ти ся лета животу».

От упомянутых палат и трапезы в противоположную сторону палаты проходил ряд изображений седми Апокалипсических Ангелов, помещенных в разделах вроде иконостасного пояса между столбиками, над которыми возвышались два яруса закомар с кровлями. Над каждым Ангелом в закомаре подпись имени его Церкви. Ангел Ефесские Церкви, Смирнские, Пергамасийские и пр. и надпись в его свитке.

А над закомарами написаны палаты, а в палатах царь Соломон зрит к Богородичну кругу, в левой руке, простертой к Богородичному кругу, держит свиток, в котором подпись: «Премудрость созда себе храм и утверди столп седмь».

Вверху над всею описанною картиною подпись: «И послание седми церквам, сущим возсия (во Асии) благодать вам и мир от Бога, иже сый и бе, грядый от седми духов, яже пред престолом Его».

На стенах палаты в шалыгах или пазухах, т. е. в верхних округлостях стен, под сводами, начиная от государева места, с правой его стороны, по стене, обращенной к переходам Красного крыльца, и в заворот до самых дверей палаты, в четырех картинах была изображена история израильского судии Гедеона, как он по слову Господню освободил израильтян от ига Мадиамля.

Первое изображение находилось в переднем углу палаты справа от государева места и представляло в щипце свода, в самом углу, Гедеона, приносящего в жертву Господу овна,

а в (шалыге) полукружии стены над третьим окном палаты от входа, которое выходило к Благовещенскому собору, – явление Гедеону Ангела с воззванием к нему, что Господь назначает его освободителем своего народа. Здесь изображения представляли Гедеона, несущего руно, и Гедеона, стоящего в церкви у престола, на котором стоял потир злат и лежало Евангелие. Вторая картина над вторым окном от входа представляла Гедеона на горе, молящегося на коленах, и затем Гедеона под горою, собирающего войско – 300 храбрейших мужей. Третья картина над первым окном от входа изображала Гедеона среди полка, вооруженного в доспехе, побивающего 150 тыс. мадиамлян. Четвертая и последняя картина находилась в полукружии стены, примыкавшей к сеням палаты, у входных дверей. Здесь был изображен Гедеон, избивающий, посекающий аммаликов, и потом Гедеон, сидящий на златом стуле, пред ним стоят воины, держат головы аммаликовы. Подпись «Принесоша главы Мадиамли перед Гедеона… И умолча земля четыредесят лет во дни Гедеона».

По южной стене к Панихидной палате, где в переднем углу между окон стояло царское место, под сводами в полукружиях стены, над этим местом справа от него был написан вверху Господь Саваоф: в руке держит державу, а из уст пускает Дух на Иисуса Христа; затем ниже была изображена притча о Сеятеле. С левой стороны царского места в таком же полукружии стены изображена *беседа* Иоасафа-царевича с пустынником Варлаамом: «В полате сидит Иосаф царевич на престоле злате, а перед ним сидит Варлам на престоле же злате…». С той же стороны далее к юго-западному углу палаты, в третьей картине изображена притча о Царствии Небесном в образе уготованного званого брачного пира: «Се обед мой уготован… Они же небрегоша: ов же на село свое, ов же на куплю».

Далее по западной стене, противоположно Гедеоновой истории, была изображена в таких же полукружиях стены в двух картинах притча о богатом и убогом Лазаре. Затем в углу над печью – притча о благочестии царя Езекии и над дверьми притча о греховности царя Анастасии, как первому, по

его молитве, продолжился срок жизни, а последнему за грехи прекращен этот срок *смертью*, которая здесь же и была изображена. Подпись к этой картине о царе Анастасии содержала следующее: «Спящу царю Анастасии и виде во сне мужа страшна, держаще хоротию в руку, и разгнув и обрете в ней вся своя злыя дела. Ангел к нему рече с лютостию: Благочестие виде Езикиево, приложи Бог лета (ему). Твое же виде много согрешение, отсецает лета. И порази его скипетром».

С левой стороны дверей при входе в Палату особая картина изображала притчу о заблудшей овце и другую притчу – о некоей жене, потерявшей драхму.

Эти последние картины о двух царях и о заблудшей овце и потерянной драхме находились прямо против государева места, откуда молодой царь мог созерцать эти притчи в научение царскому нраву.

Как было нами упомянуто, этот отдел стенописи в иносказательных картинах изображал назидательно главнейшие моменты современной истории молодого царя Ивана Васильевича и его личной жизни. Здесь он является Иоасафом-царевичем, которого поучает и приводит *к пути спасенному притчами дивными и чудными* пустынник Варлаам, *саном священник*. Едва ли можно сомневаться, что здесь была воспроизведена история обращения молодого царя на *путь правый* известным священником Сильвестром. Возле беседы царевича Иоасафа с Варлаамом изображены и притчи Варлаама: *о Сеятеле*, с которой он начал свое поучение царевичу, *о Царствии Небесном*, *о богатом и убогом Лазаре, о заблудшей овце* (одной изо ста), повествовавшей, как исполнялись радостию Небеса о едином *кающемся грешнике* против 99 праведников, не требующих покаяния. Затем – притчи о царях, праведном Езекии и грешном Анастасии. Вся эта учительная стенопись шла по левой стороне царского места и оканчивалась на стене, противоположной этому месту (трону). С правой стороны от царского места молодой царь являлся *Гедеоном*, воинскими подвигами избавлящим израильтян от ига Мадиамля, т. е. завоеванием Казани, избавляющим Русскую землю от царства татар.

Таков был круг, или ярус, стенописи по верхней доле всех стен палаты.

Ниже этого, в другом ярусе, на прямых стенах, как говорит опись, расположены были картины уже из русской истории, кроме одной только картины справа у царского места, над окном, где под изображением вверху Саваофа и притчи о Сеятеле была написана святая Богородица на престоле с надписью вверху: «Дом Господа Бога – святая Ограда». Под Богородичным образом стоял царь Соломон со свитком в левой руке, на котором написано: «Премудрость созда себе храм», и пр. За ним стоял апостол Петр также со свитком в руке, принимая другою рукою из облака ключ. За ним далее стоял царь Давид также со свитком. На свитках писаны соответственные изречения.

Слева от царского места над окном же было написано: приход св. Владимира после крещения из Корсуня в Киев, сокрушение идолов, болванов и кумирниц и благословение митрополитом народа. Здесь помещалась уже четвертая картина из истории крещения св. Владимира. Начальная или первая картина находилась над первым окном (от входа) по восточной стене палаты (на Красное крыльцо), где она изображала, как приходили ко Владимиру разные иноземцы, выхваляя и объясняя каждый свою веру, и христианские философы, сказывавшие о тех скверных верах и изъяснявшие истинную православную веру. Эта картина находилась под изображением Гедеона, вострубившего поход на Мадиамля.

Вторая картина над вторым окном палаты изображала посланников святого князя, прибывших в Царьград для испытания веры и видевших службу Божию. Картина помещалась под изображением Гедеона, собирающего храбрых на свой подвиг.

Третья картина была написана над третьим окном палаты ближе к царскому месту и представляла крещение св. Владимира в купеле, в храме, где благословенная рука Господня сниходит в облаках на святого князя, причем позади князя стояли бояре, держа в руках венец и всю царскую одежду. В другом отделе этой картины были представлены бояре, единогласно

прославляющие это христианское торжество. Эта картина находилась под изображением Гедеона, получающего от Господа указание на подвиг освобождения народа от ига Мадиамля.

Другая повесть из русской истории заключала в себе подробности о приобретении Владимиром Мономахом царского сана с его регалиями. Она начиналась неподалеку от царского места, слева, над третьим окном южной стены палаты, под притчею о царском званом брачном пире, коему уподобися Царство Небесное, и представляла в первой, помещенной здесь картине совещание с боярами великого князя – о том, чтобы идти войною на Царьград, причем бояре отвечают, что сердце *царево* в руце Божии, а мы – в твоей руце.

Далее следовала вторая картина уже на западной стене под притчею о Лазарях, над первым окном, где было изображено, как Мономах собирает и устрояет войско идти на Царьград. Над вторым окном третья картина представляла самый поход Мономаха к Царьграду, который тут же изображен, и перед ним море с кораблями.

У печи, под притчами о царях Езекии и Анастасии, четвертая картина изображала посольство к Мономаху от царя Константина Мономаха, состоявшее из высших духовных лиц, митрополита Неофита и пр., причем было изображено и войско, уже подступавшее к городу, конница и пехота. По другую сторону печи, на стене от сеней, над дверью, под притчею о греховности царя Анастасии, помещалась пятая картина, изображавшая, как царь Константин посылает великому князю Владимиру царственные дары: сидит на престоле в церкви, перед святителями снимает с себя венец царский, *именуется Мономахова шапка*, и крест – животворящее древо, и диадему, полагает на блюдо и отпускает с теми духовными властями, присоединяя также цепи златые, кробицу сердоликову, из нее же царь римский Август веселяшеся, и многие царские дары. Святители выезжают из города на конях верхами, а за ними колесницы.

На той же стене подле дверей, во втором месте в закомаре, шестая картина изображала приход этих послов от царя

к великому князю с просьбою мира и любви. Великий князь сидит в палатах на престоле. Затем встал с престола и, вышед из палат, встречает послов с их дарами.

Возле этой картины в третьем месте, в большой закомаре, на седьмой картине вверху было изображено *Отечество*, под ним церковь, а в церкви митрополит Неофит с другими святителями благословляет великого князя Владимира, венчанного царским венцом. Эта картина находилась против царского места на противоположной стене, где, как упомянуто, была картина о заблудшей овце, которую Спаситель несет на руках.

Под самыми сводами, где оканчивалась черта Великого круга, обнимавшего все изображения, помещенные в сводах, были изображены на щипцах сводов и в сводах окон, на щипцах стоящими, а в сводах окон – поясные русские великие князья.

У царского места на щипцах слева – св. Владимир, справа – св. Борис, слева же на втором щипце – св. Глеб, так что изображение св. Бориса находилось в самом переднем углу палаты, а изображение св. Глеба – в другом углу той же южной стены. В окнах справа от царского места св. Феодор Стратилат, тезоименитый царю Федору Ивановичу, что указывает, что стенопись палаты в этом месте была написана уже при царе Федоре, почему и Борис, Ангел Годунова, находился в углу возле изображения св. Федора. Слева от царского места был изображен Дмитрий Донской, а далее в третьем окне – его отец, великий князь Иван Иванович.

Далее по западной стене, возле св. Глеба на первом щипце, – Андрей Боголюбский, в окне *царь* и великий князь Данило Александрович (Московский); затем на щипце – Александр Невский и в окне великий князь Дмитрий Иванович Углицкий, сын Ивана III, им коронованный, первовенчанный царским венцом.

Справа от царского места по восточной стене на первом щипце был изображен, как упомянуто, Гедеон, приносящий жертву Господу, а в окне – великий князь Василий Васильевич Темный; на втором щипце – великий князь Михаил Ярославич Тверской, в окне – великий князь Владимир Моно-

мах. И далее, в окне, великий князь Всеволод – вероятно, отец Мономаха.

На щипцах северной стены со стороны сеней по сторонам картины венчания царским венцом Владимира Мономаха написаны были от сенных дверей великий князь Василий Иванович и на другом щипце – царь Иван Васильевич.

Над дверьми из сеней был изображен великий князь Федор и чады его Давид и Константин – ярославские чудотворцы.

По некоторым приметам, указанным выше, видимо, что стенопись Золотой палаты, составленная и написанная в 1552 г. при царе Иване Васильевиче Грозном, после его смерти в некоторых немногих частностях была изменена соответственно требованиям нового царствования; но в целом своем составе она сохраняла весь характер помыслов и идеалов своего строителя и запечатлевала недавние события его личных и государственных подвигов.

Грановитая палата, еще в конце XVI в. называвшаяся *подписною*, украшена была собственно бытейским, историческим письмом, о котором упоминает в своих записках Маскевич в начале XVII столетия и которое, судя по его описанию, без изменений было возобновлено при царе Алексее Михайловиче весною 1668 г., и потом в 1672 г. также весьма подробно описано иконописцем Симоном Ушаковым. Маскевич в своем дневнике говорит, что на стенах этой палаты находились изображения всех великих князей и царей московских, писанные по золоту, а потолок искусно украшен был картинами из Ветхого завета[1]. Украшение палаты стенным письмом принадлежит царствованию Федора Ивановича и исполнено, по всему вероятию, по замыслу Годунова. При Алексее Михайловиче, как мы упомянули, эта стенопись была возобновлена. Еще в 1663 г., в сентябре, государь указал прислать в приказ Большого дворца иконописцев и левкащиков, что

[1] Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. V. – С. 68.

есть в Оружейном приказе, – писать им в Грановитой палате стенное письмо. Но дело почему-то не исполнилось, так что в 1667 г. августа 6-го государь снова указал в то же лето в Грановитой палате написать стенное письмо вновь самым добрым письмом, а снимки для образца с того стенного письма снять ныне и приказать о том иконописцу Симону (Ушакову), чтоб написать в той палате те ж вещи, что и ныне писаны… Но иконописцы, Симон Ушаков с товарищи, сказали, что «Грановитые Полаты вновь писать самым добрым стенным письмом, прежнего лутче, или против прежнего, – в толикое малое время некогда; к октябрю месяцу никоими мерами не поспеть, для того: приходит время студеное и степное письмо будет не крепко и не вечно». По новому указу от 15 ноября возобновление стенописи началось весною 1668 г. вместе с возобновлением каменною резьбою и раскраскою подзоров, окон и дверей палаты с лица и внутри[1].

Обозрение содержания этой стенописи мы также начнем с сеней палаты, в которых на самом видном месте была написана притча *царя Константина, видение о кресте.*

Это изображение находилось на короткой стене, прямо против входных больших дверей с Красного крыльца. Оно описано следующим образом: «Царь Константин на одре лежит, подле одра стоит Христос, а за Христом стоят Ангели». Над тем подпись: «Явися Господь царю Константину в руце имея Божественные свои Страсти и Животворящий (sic) Крест, глаголет царю Константину: Сотвори подобие его знамение и повели пред воинскими своими носить – победиши вся враги твоя».

[1] Для стенного письма палаты была составлена иконописцами сметная роспись, по которой требовалось для этой работы: «Иконописцев добрых мастеров 50 чел., середних 40 чел.; золота сусального красного 100 000 листов, стенной лазори да празелени да вохры слизухи да черлени немецкой по 30 пуд., вохры грецкой 4 пуд., голубцу 15 пуд., зелени 5 пуд., бакану да яри виницейской по 3 ф., киноварю 15 пуд., черлени псковской да вохры немецкой да черлени слизухи по 20 пуд., белил да мелу по 4 пуд., чернил копченых 300 кувшинов, чернил земляных 2 воза, олифы под золото 16 ведр, яри да сурику по 2 пуд., скипидару да нефти пуд, пшеницы доброй 10 четей (четвертей), клею карлуку 7 пуд., холста 200 арш., губок грецких 50».

Направо у дверей в палату на долгой стене в закомаре было написано: «Троица в трех лицах, как явися Авраму». На той же стене в углу у дверей с Красного крыльца – Архистратиг Михаил, к нему поклонился Иисус Навин, в руке держит знамя, под ногою щит и изувает ногу. В надписи: «Явися Архангел Михаил Исусу Навину, глаголя: Аз есмь воевода силы Господня, приидох помощи Тебе, и изуй сапоги ног твоих, место бо, на нем же ты стоиши, земля свята есть».

По другую сторону на короткой стене от Красного крыльца – Битва царя Давида с Голиафом с надписью: «Победил Давыд прегордого Голиада, помощею Всемогущего Бога». На долгой стене в углу от царских палат, от Постельного крыльца, над окном был изображен деисус, над другим окном – Знамение Пресвятой Богородицы.

Вся историческая стенопись сеней обнаруживала помыслы о всемогуществе Божием в победах над врагами царя православного в назидание приходившим послам и иноземцам, особенно иноверным. «Видение царя Константина, как явися крест» было написано в 1678 г. вновь именно «для встречи и выезду» польских послов.

В Грановитой палате против царского места посреди свода был написан в кругу Господь Саваоф, сидящий на престоле, в недрах у него Сын, на Сыне почивающ Дух Святый от Отца исходящ. В подножии Господа колеса многоочитии крылатые, а кругом всего круга девять кругов, в них написано девять чинов сил небесных. Надпись объясняла, что здесь изображалось творение ангельских сил небесных. Затем в пазушинах (кружалах) сводов и в самых сводах, начиная от Красного крыльца, вокруг всей палаты в полукругах и кругах были изображены Дни творения мира: Первый день в пазушине, что от Красного крыльца; Второй, Третий, Четвертый и Пятый в пазушинах и сводах, что от сеней палаты; Шестой день – Сотворение человека, от Успенского собора; по этой же стороне был изображен и Седьмой день – Почи Бог от всех дел своих; затем – Пребывание в раю Адама и Евы с их грехопадением.

Далее с востока со стороны Соборной площади – Изгнание из рая. Здесь же посреди свода было написано Видение пророка Даниила о пришествии в мир Сына Человеческого, а в пазушине свода – Видение праотца Иакова лествицы до небес и в небесах Богородицы с Превечным Младенцем.

В пазушине, что от Благовещенского собора, т. е. у царского места, было изображено явление пророку Моисею Неопалимой Купины и в купине Богородицын образ с Превечным Младенцем.

В откосках пазушин были написаны праотцы, стоящие со свитками в руках, а в свитках – поучительные надписи вроде апофегм, или мудрых изречений. Например, на откоске в углу за государевым местом с правой стороны был изображен праотец Симеон и у него в свитке: «Мужество в теле и разум в душе дается человеку от Вышнего Промысла». С другой стороны у праотца Левия в свитке: «Стяжите Мудрость во страсе Божии, аще кто прилепится учению Мудрости, той состольник будет царем».

Между откосков были написаны евангелисты: с восточной стороны от Соборной площади Иоанн – Богослов, от Благовещенской церкви – Матвей, от сеней палаты – Марко, от Успенского собора – Лука.

На столпе палаты с трех сторон были написаны в кругах изображения Богородицы с пророчествами о ней, а с четвертой, от Успенского собора, – «Церковь, а в церкви образ Пресвятой Богородицы на престоле алтарном, а на престоле потир и Евангелие лежит; а по правую сторону Царь сидит на престоле своем, а пред ним стоят вельможи, а над вельможи в полатах девица. По левую сторону Богородицына образа стояща вдова и молящеся Богородице и пад на землю поклонилася Богородице и пред престолом. А над тем подпись: Жена некая, вдова сущи, вопияще с плачем пред образом Владычицы Богородицы, глаголюще: Владычице! Мсти мене от Зинова царя, понеже отъят от мене дщерь единочадную сущу. И бысть ей глас от образа, глаголющ: Жено! Хотех мстити, но рука его возбраняет мне, понеже милостив есть и никто же может злое сотворити над милостивым».

Вверху на стенах под сводами и кружалами были помещены следующие изображения: на стене от церкви Благовещения в углу переднем против государева места – Скиния свидения с Кивотом Завета, где предстоит Моисей и где перед дверьми опустился столп облачный и в столпе глагол к Моисею. Толпы израильтян поклоняются храму.

Здесь же в другой картине был изображен пророк Нафан, обличающий царя Давида в убийстве Урии и блудодеянии и пророкающий за то смерть его отрока-сына, который в седьмой день и умре; Давид, в раскаянии, в сокрушении сердца молящийся перед Кивотом Завета.

Под этою картиною на стене между окон, следовательно, у царского места был изображен в храме перед Кивотом Завета молящийся царь Соломон, окруженный архиереями и народом, и над ним из облака на Кивот Завета Господня излияся облак с огнем и исполни храм Господень.

Такими притчами объяснялось возле царского трона божественное снисхождение царскому достоинству и в то же время обличались царские грехи царя Давида, которые не служили ли притчею в обличение всему минувшему царствованию Ивана Грозного, даже и с неожиданною смертию отрока-сына.

Затем опись стенописи из этого переднего царского угла переходит прямо в противоположный задний угол палаты со стороны церкви Ризположения и Успенского собора.

Здесь по всей стене в два яруса вверху под сводами и ниже посреди стены в 11 отдельных картинах была изображена в подробности история Иосифа, как он с братьями пас овец отца своего, как видел сон о снопе и другой сон о звездах; как Иаков посылает его к братьям, как братья решили по поводу его пророческих снов убить его, но потом продают его в Египет; как обманывают отца, что зверь растерзал Иосифа; как измаильтяне продают его Пентефрию; как Пентефрий разбогател благословением Божиим ради Иосифа и передает в его руки все свое хозяйство; как жена Пентефриева соблазнилась без успеха и за то оклеветала Иосифа, и он посажен был в темницу.

Этою картиною оканчивались изображения на стене от Успенского собора. Они затем переходили на стену от Ивана Великого, т. е. от Соборной площади.

Здесь от угла вверху написан был в палатах спящий и видящий сны царь Фараон. Во втором отделе – Иосиф, разгадывающий эти сны и за то возводимый в достоинство князя всей Египетской земли с увенчанием царским венцом.

В нижнем ярусе между двух окон был изображен дом царский и в нем Иосиф в царском венце, сидящий на пиру за столом с братьями, и особо он же в палатах, горько плачущий по случаю встречи с Вениамином – младшим и единокровным своим братом.

Какую же царскую в Царской палате притчу должна была разъяснять эта История об Иосифе Прекрасном?

Мы полагаем, что здесь утаилась сокровенная мысль правителя государством Бориса Годунова о собственном своем положении у царского престола, так сходном с положением Иосифа у царя Фараона.

На той же стене против самого столба и рядом с царским местом начинался другой отдел стенописи, изображавший в лицах русскую историю от Августа кесаря, как тогда толковали происхождение русских князей и царей.

Начальная картина была помещена вверху под сводом над царским местом, где по обе стороны верхнего окна в двух равных отделах было написано одно и то же изображение: на трех престолах сидят три царя в венцах и в одеждах царских, а за царями народы и палаты. Надпись объясняла, что кесарь Август римский распределяет Вселенную между своими братьями и брата своего Пруса ставит властодержателем на берегах Вислы-реки с городами Мадборком, Торунем, Хвойницею и пресловутым Гданском и иными многими городами по реку, глаголемую Немон. От семени сего Пруса был и Рюрик с братьями.

Ниже под этою картиною и под окном над самым царским местом были изображены Рюрик, Игорь, Святослав.

По сторонам царского места справа на той же стене против столпа под щипцом свода картина представляла св. Влади-

мира на престоле с 12 сыновьями, сидящими порядком, которым он распределяет города.

На стене от церкви Благовещения, где в первом простенке между окном был изображен царь Соломон пред Кивотом Завета, во втором простенке под щипцом свода между передних окон слева был изображен царь Константин Мономах, посылающий русскому князю царский сан, с великим молением прося мира и повелевая тем царским саном венчати князя и нарещи боговенчанным царем. Справа помещалось изображение Владимира Мономаха на престоле в царском одеянии, среди бояр, принимающего царские дары от греческого митрополита.

Далее в третьем простенке между окон той же стены к церкви Благовещения вверху под верхним окном был написан царь Федор Иванович портретно, а ниже царь же Федор Иванович «сидит в златом царском месте на престоле, на главе его венец царский с крестом без опушки, весь камением и жемчугом украшен; исподняя риза его порфира царская златая, поверх порфиры наложена по плечам холодная одежда с рукавы, застегнута об одну пуговицу; по той одежде по плечам лежит диадима с дробницами; около шеи ожерелье жемчужное с каменьи; через диадиму по плечам лежит чепь, а на чепи, напереди крест; обе руки распростерты прямо, в правой руке держит скипетр, а в левой – державное яблоко».

«С правую сторону подле места его царского стоит *правитель* Борис Годунов в шапке мурманке; на нем одежда верхняя с рукавы, златая, на опашку, а исподняя златая ж долгая; а подле него стоят бояре в шапках и в колпаках, верхние на них одежды на опашку. Над ними полата, а за полатою видеть соборная церковь. И по другую сторону царского места также стоят бояре и над ними полата».

Во всех окнах палаты в откосах были написаны в каждом окне по два изображения великих князей и государей московского колена, начиная с великого князя Ярослава I, а над ними в своде каждого окна – херувимы. В том числе в окнах по сторонам царского места, справа – Ярослав Всеволодович и Александр Невский и слева – Данило Александрович и Иван Ка-

лита. В надписях все князья после Мономаха наименованы царями, как и Данило Александрович.

Царь Иван Васильевич Грозный с сыном Иваном Ивановичем был изображен в окне перед царским местом со стороны Благовещенского собора. Над ними вместо херувима был написан Иисус Христос Еммануил.

На стене, противоположной царскому месту, что от сеней палаты, были написаны в нескольких особых картинах следующие притчи.

Вверху под сводом: в палатах на престоле царь сидит печален, рукою подпершись; перед ним стоят вельможи, *крамолятся*. В другом изображении: царь сидит на престоле и вручает судье праведному меч отмщения.

В третьем изображении: в палате сидит судья на месте с посохом в руках; перед ним вдовица просит отмщения на обидящего вельможу, который стоит тут же, от суда отвращается прочь. За судьею и перед судьею стоят люди. Подпись объясняла, что в царство греческого царя Иустина Юного умножися злоба и хищения, обиды, татьбы и разбои, и от сего бысть во градех и в селех слезы и рыдания.

Некто пришел к царю и сказал: если хочешь избавить людей, дай мне меч, отсеку главы лихоимства и неправды – похвала мне будет от тебя и от всех; если же не успею, мою главу отсеки. Царь вручил ему меч отмщения. По жалобе вдовицы виновным оказался *сродник* царев, саном магистр, отнявший все имение у вдовицы. Праведный судья осудил его, а по воле праведного царя схватили магистра из-за царского пира, остригли ему голову и браду и с позором пред всем народом посреди торговища, посадя на худую ослицу, водили его и немилостиво били. Все его имение и достояние царь повелел отдать вдовице.

На той же стене над дверьми в палату под сводом был изображен судья неправедный, в одной картине принимающий челобитные, в другой принимающий дары-взятки: кубок и мешок серебра, а за ним написан бес. В третьей картине – он судит двух человек и обвинил правого, а виноватого оправил.

Правый сидит в темнице, около главы его венец, а над ним венец царский держит Ангел Господень.

Под этими картинами в нижнем ярусе у дверей палаты был изображен веселый пир неправедного судьи: в палате сидит судья на месте, пьет из сосуда питье, а под ногами его ад, и во ад душа его идет. За местом его поставец, у поставца сидит человек, играет в *домру*. Пред судьею стол, на столе стоят сосуды златы; за столом сидят людие, промеж себя подносят и питие пьют; един подносит питие судье в сосуде; по другую сторону стола человек подносит судье в сосуде питие же, а за подносчиком (человек) наливает из кубка в сосуд питье; а за подносчиком сидят подле стола на скамье людие и играют в *гусли*, и в *скрыпки*, и в *свирели*, и в *волынки*, и в *домры*; а за ними поставец, на поставце кунганы стоят с питьем; за поставцом сидят два человека, наливают из сосуда в сосуд питие; под поставцом бочка с питьем. А над тем подпись: «Судия неправедный пирует, а душа его зле во ад исходит. О горе судиям неправедным!».

Как в Золотой палате царь Иван Васильевич многими притчами изобразил события и царские отношения своего времени, так и в Грановитой палате правитель государства Годунов подобными же притчами изобразил свои личные отношения и к царю, и к боярской среде, напоминая и всему православному народу в притче, помещенной на столпе палаты к заднему ее углу, где обыкновенно собирались всякие нижние чины, приглашаемые во дворец, – в притче о Зиновецаре, как он был милостив и как его милостивая рука (щедрая милостыня) спасла его от мести за совершенное им злодеяние, потому что образ самой Владычицы Богородицы чудом выговорил, что не до́лжно злое сотворять, мстить за совершенный грех милостивым.

Известно, какими щедротами Борис Годунов помогал народу во время настававших бедствий, особенно после московского пожара и во время голода. Быть может, в этой картине он желал своими милостями оправдаться перед народом по поводу смутно уже ходивших толков о государственных злодеяни-

ях правителя. Как бы ни было, но такие притчи не могли ни с какой стороны относиться к самому царю Федору Ивановичу.

Подобно Грановитой, *Меньшая* или *Царицына* Золотая палата украшена была также *бытейским*, или историческим, письмом, которое, хотя и в подновленном виде[1], сохранилось до нашего времени и изображает обретение Животворящего Креста царицею Еленою, крещение великой княгини Ольги, легенду о царице Динаре, дочери иверского царя Александра, победившей персов, и пр. Изображение деяний святых жен – царицы Елены и великой княгини Ольги и благочестивой царицы Иверской – согласовалось с назначением самой палаты, которая в торжественных случаях служила приемною цариц.

В *Столовой избе*, которая была деревянная, брусяная, живописью украшалась одна только *подволока* или потолок, плафон, как и в прочих царских деревянных хоромах. Неизвестно, что было изображено в плафоне Столовой избы царя Михаила Федоровича, украшенной в 1621 г. травником (иконописцем, писавшим узоры и травы) Лукою Трофимовым. В Столовой, построенной царем Алексеем в 1662 г., в подволоке написано было звездотечное *небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные*, вероятно, также по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который строил эту Столовую избу[2]. В сочинении Адольфа Лизека о посольстве римского императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу сохранилось описание этого изображения. 13 октября 1675 г. в Столовой была дана кесарскому посольству отпускная аудиенция, которую и описал Лизек, секретарь посольства: «Стены Аудиенц-Залы, – говорит он, – были обиты дорогими тканями,

[1] Оно возобновлялось несколько раз в XVII столетии и потом в 1796 г., к коронации императора Павла I.

[2] В Расходной книге Казенного приказа 7170 г. именно сказано, что инженер и полковник Густав Декенпин «был у вымыслу Столовой Избы деревянной, у подволоки и у резных окон». Архив Оружейной палаты. – № 1082 и 1020.

а на потолке изображены небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды с астрономическою точностию. Каждое тело имело свою сферу с надлежащим уклонением от эклиптики; расстояние двенадцати знаков небесных так точно размерено, что даже пути планет были означены золотыми *тропиками* и такими же *колюрами* равноденствия и повороты солнца к весне и осени, зиме и лету»[1]. Описание Лизека служит вместе с тем подтверждением, что плафон начерчен был иноземным художником, именно Густавом Декенпином, как мы указали выше, и не мог принадлежать художеству русских иконописцев и знаменщиков, т. е. рисовальщиков, которые не только не знали астрономии, но и считали ее наукою отреченною. Несмотря на то, как предмет, по справедливости заслуживавший удивления и возбуждавший любопытство наших предков, *звездотечное небесное движение* царской Столовой палаты пользовалось в то время особенным уважением и несколько раз служило образцом при украшении других комнат (преимущественно также столовых на постельной половине дворца). Так, в 1683 г. оно было написано в столовой нижней комнате царевны Софьи Алексеевны, на деревянной подволоке, по грунтованному холсту, живописцами Салтановым и Безминым, а в 1688 г. – в деревянной передней царевны Татьяны Михайловны и в верхней каменной комнате царевны Марьи Алексеевны. Кроме того, столовые избы загородных царских хором, в Коломенском и в Алексеевском, и столовая в новых хоромах царевича Ивана Алексеевича в 1681 г. также были украшены этими изображениями *небесных бегов*. Но несравненно большее значение получает для нас этот плафон в том отношении, что он служил, может быть, руководством в первоначальном обучении Петра Великого. Вот современное свидетельство: в 1679 г. живописного дела мастер Карп Иванов Золотарев писал на александрийском большом листе (бумаги), золотом и красками «двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в Столовой в подволоках написано». «Тот лист (отмечено в за-

[1] Журнал Министерства Народного просвещения. Отд. II. – 1837. – Ноябрь. – С. 377.

писке) принял в хоромы к государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу боярин Родион Матвеевич Стрешнев»[1]. Известие драгоценное, особенно если вспомним, какие скудные сведения имеем мы о детских летах великого преобразователя. Составлением подволочных чертежей с 1681 г. занимался живописец Иван Мировской, которому 1 марта велено было «знаменита чертеж звездотечного небесного движения против того, каково написано в подволоке в большой Столовой Полате, и иные чертежи иными образцы».

Такое же устройство подволок мы находим и в боярском быту, который в богатой и знатной среде вообще мало отставал от порядков быта царского. В каменных хоромах князя В. В. Голицына (1689 г.) в большой Столовой палате в подволоке точно так же были изображены небесные беги: «В средине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом; круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью. От солнца на железных трех прутах паликадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по 8 подсвечников. А по другую сторону солнца месяц в лучах посеребрен. Круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны пророческия и пророчиц лица. Да в четырех рамах резных золоченых же четыре листа немецких». В Крестовой палате в подволоке находился деревянный большой резной репей с лучами, по местам вызолоченный и расцвеченный красками, а около репья в лучах 12 месяцев, резных же. В спальне в подволоке тоже были написаны по полотну 12 месяцев с планеты.

Мы описали живописные украшения четырех приемных палат. Не останавливаясь на других предметах *палатного наряда*, о котором будем говорить впоследствии, перейдем теперь к обозрению живописи в постельных царских хоромах.

В деревянных постельных хоромах украшались живописью больше всего только плафоны, потолки. Первое известие об этом относится к началу XVII столетия. В 1615 г. *подволоки* были расписаны в новых хоромах царя Михаила Федоровича иконниками седельными писцами Ивашкою и Андрюш-

[1] Приходо-расходная книга Оружейной палаты 7188 г. – № 248.

кою Моисеевыми. В 1621 г. точно так же были украшены и притом первыми иконописцами того времени – Прокофьем Чириным, Назарьем Савиным, Иваном Паисеиным и Осипом Поспеловым[1] – царская Постельная комната и Столовая изба, о которой мы упоминали выше. Это, однако ж, нельзя относить к нововведению, внесенному в царский дворец царем Михаилом. 16-летний государь при тех обстоятельствах, которые сопровождали его вступление на царство, едва ли мог думать о каких-либо нововведениях и украшал свои хоромы, без всякого сомнения, по образцам, существовавшим прежде.

Подволоки деревянных хором, украшаемые живописью, составлялись обыкновенно из нескольких *штук* или клееных щитов, прикрепляемых к потолку комнаты. На этих-то *штуках* иконописцы и писали священные притчи и другие изображения, а иногда просто расписывали их по золоту *травным* (узорным) письмом. Точно так, например, украшены были в 1670 г. *подволочные доски* в хоромах царя Алексея Михайловича. В 1670 г., в ноябре, и в 1671 г., в мае, живописец Иван Салтанов писал подволоки в хоромах царицы Наталии Кирилловны. Иногда подволочные штуки были собственно картины, писанные на полотне. В 1674 г. такими картинами были покрыты потолки в новых хоромах царя Алексея. Картины эти написаны были первыми живописцами царского двора Иваном Салтановым, Иваном Безминым и Дорофеем Ермолаевым. В одной комнате, на 24 *штуках*, они представляли *притчи Ионы Пророка*, в другой, на 18 штуках, *притчу Моисея Пророка*, и, наконец, в третьей, на 20 штуках, притчи о Есфири. Поля картин украшены были цветами, каймами и кистями, написанными по золоту цветными красками. В потолке для их помещения были устроены деревянные резные золоченые рамы. В 1680 г. в новые деревянные государевы хоромы были написаны на полотнах к подволокам и к стенам разные всякие *царственные притчи, деисусы* и *апостольские проповеди*. В 1686 г. живописец Петр Энглес писал «преоспективные розные притчи» на подволоку в хоромы царевны Софьи.

[1] См. выше, с. 77 – Поспеев. – *Ред.*

Стены в деревянных хоромах, как мы говорили, большею частою обивали сукном или золотными материями и коврами, но иногда их также украшали живописью, для чего оклеивали холстом или обивали полотном, грунтовали и потом расписывали. Так, в 1678–1679 гг. живописцы писали к государю в новые деревянные хоромы, «в седмь комнат», подволоки и к стенам *разные притчи* на полотнах золотом и серебром и краски, вновь, вместо стенного письма, для чего было куплено для прибивки к стенам 800 арш. холста и стопа писчей бумаги для снимки образцов, т. е. прорисей очерков. Тогда же у царевен меньших в новой деревянной *Крестовой* писали разные притчи по полотну на подволоке и на всех стенах, и вообще во всех хоромах царевен в это время писаны были «разные всякие евангельские притчи вновь из царственных книг». В Крестовой евангельские притчи между прочим изображали: «*Что тя наречем о благодатная небо*». В 1679 г. в сентябре расписаны по полотнам три деревянные комнаты на Новом Потешном дворе, что был двор Ильи Даниловича Милославского; на стенах и подволоках этих комнат были написаны *разные притчи*. В том же 1679 г. в генваре преоспективного дела мастеру Петру Энглесу велено было написать к царице в новые хоромы в трех комнатах – в верхних, по полотнам разные притчи: «царя Давида, царя Соломона, и те притчи из Библии, из разных книг словенских и латинских».

В 1681 г. живописец Иван Мировский и Иван Салтанов писали по полотнам в новых деревянных хоромах царевен меньших и царицы Агафии Семеновны *притчи евангельские* и *апостольские*, а в 1685 г. подобною же живописью были украшены деревянные комнаты царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны. В передней большой комнате царицы Натальи Кирилловны на подволоке в плафоне были изображены события Господних Страстей: Приведение к Ироду; Приведение к Пилату и умый руце Пилат; Бичевание у столпа; «На лобнем месте, когда народ вопияху: возьми, возьми, распни его»; Господь несет крест на Голгофу; Положение во гроб; Воскресение; Сошествие во ад; Отечество. Подобные

же священные изображения были написаны и на стенах этой комнаты и, между прочим, в трех простенках между окон: в среднем – Распятие Господне, а в сторонних – Образ Пресвятые Богородицы и Образ Иоанна Богослова. В 1685 г. стены и подволоки в новых деревянных осми комнатах царя Петра и царицы Натальи Кирилловны расписаны были также живописным письмом. В 1688 г. на стенах передней деревянной комнаты царевны Татьяны Михайловны царские живописцы изобразили *притчу о Мелхиседеке*, а в иных местах написали *ленчафты*, т. е. ландшафты, также *цветные* и *розметные травы*.

Впрочем, стены деревянных хором по холстам и полотнам расписывали иногда одними только *травами* или узорами, также *аспидом* разных цветов – серым, красным, зеленым. Писать *аспидом, аспидить*, также *черепашить* и *мраморить* – значило на языке живописцев того времени писать под мрамор, под черепаху, красками одноцветною или в несколько цветов. Зеленый аспид имел вид малахита. Аспидом назывался по преимуществу темноцветный мрамор. Иногда стены клестеровали мукою и клеем и по этому грунту насыпали стеклярусом или просто грунтовали какою-либо одною краскою. Так, в 1689 г. в деревянной наугольной комнате царицы Натальи Кирилловны у подволоки и от стен атлас зеленый отнят и вместо его обито полотнами и выгрунтовано мелом; а в сенях этой комнаты «по углам и стенам обито флемованными дорожники и насыпано *стеклярусом* по зеленой земле». В 1682 г. государь указал в новом с. Воскресенском (на Пресне), в верхних шести комнатах, которые от церкви Иоанна Богослова, да на Потешном дворе, в том же селе, «одну комнату ж, обить холстами (по 400 арш. в комнату) и выгрунтовать и прикрыть разными краски – *травы*». В 1686 г. в новых каменных комнатах царевен все чуланы, перегородки и круглые лестницы были обиты холстом, которого пошло в шитье 690 арш., и по холсту выгрунтованы. В 1690 г. в деревянной комнате царицы Прасковьи Федоровны стены и подволока по прежнему грунту были выгрунтованы вновь *нагладко*. В 1693 г. в средней деревянной комнате царевны Татьяны Михайловны потолок и стены были выгрунтова-

ны по холстам белилами и расписаны серым аспидом. В 1694 г. средняя же деревянная комната царевны Натальи Алексеевны была расписана следующим образом: «По старому левкасу стены и подволоку велено выбелить вновь; двои двери столярские, одна с обе стороны, да у тех дверей наличники и колоды, да у дву окон наличники и колоды, по старой красной земле нанесть вновь голубою землею и расписать травы цветные, потому что старая краска слиняла; да у тех же дверей и у окон написать шпренгели, скрыдлы и подвесы».

Дóлжно упомянуть также, что в иных случаях стены в деревянных хоромах обивали также и «фряжскими листами», т. е. гравюрами, о которых будем говорить впоследствии.

О стенном письме государева Каменного терема (нынешнего Теремного дворца), к сожалению, все сведения ограничиваются только тем, что оно почти каждогодно поновлялось и несколько раз переписывалось вновь. В 1644 г. одна палата этих хором, известная впоследствии под именем Комнаты, а ныне под именем *Престольной*, называлась уже *Золотою*, следовательно, была расписана золотом и различными изображениями.

При царе Алексее Михайловиче украшение этих хором стенным и травным письмом и частое возобновление этого письма производилось большею частью под надзором иконописца Симона Ушакова. Так, в 1657 г. он писал с другими мастерами *вновь Комнату*. Потом в 1658 г., в мае, государь указал: «В своих верхних каменных полатах написать вновь полату, которая от его государской *комнатной палаты*, – самым добрым *мастерским иконописным стенным письмом*». Затем в 1659 и 1660 гг. Ушаков с другими иконописцами продолжал расписывать ту же государеву *комнату*, а в 1664 г., в апреле, кормовые иконописцы под его же надзором вновь писали *комнату Золотую* и *Переднюю* и *Золотое крыльцо*, в день и в ночь, с 4 апреля по 10-е, т. е. по день Пасхи, по случаю наступления которой и происходила такая поспешность. К этому же времени Симон Ушаков расписывал красками и золотом *комнатное окно*, под которым всегда сиживал государь. В 1665 г. в марте, тоже ко дню Пасхи, стены Передней снова

расписаны *травным письмом*. В 1667 г. в августе прописывали цветными красками государев верхний чердак. В 1675 г. теремная стенопись опять была возобновлена: в *четвертой* комнате вновь золотили и писаные места починивали: в небе *орла*, и стены, и окна. Вновь писали стенное письмо и в третьей палате. В 1678 г. в сентябре расписано *аспидом* и разными красками каменное крыльцо «с переходы, что к церкви Спаса Нерукотворенного, и около крыльца переграда». В 1679 г. иконописец Никифор Бовыкин писал и починивал заново стенное письмо в двух каменных комнатах, да сени, да крыльцо Золотое. В то же время в этих комнатах, в окна, расписаны шесть больших *вставней* с обе стороны. При царе Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи эти возобновления повторялись несколько раз; но какого содержания была теремная стенопись – об этом мы не встретили известий. Гораздо более подробностей сохранилось о стенописи в каменных хоромах царевен, построенных в 1685 г. До нас дошло весьма любопытное описание этой стенописи со всеми подробностями, которое дает довольно полное понятие о жилище царевен – этом святилище женского одиночества, куда, кроме людей близких и необходимых, не проникал ничей глаз, где, по словам Котошихина, благочестивые царевны жили «яко пустынницы, мало зряху людей и их люди: но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху…».

Само собою разумеется, что живопись в комнатах царевен запечатлена была тем же господствующим религиозным характером; почти все изображения, за исключением некоторых царских и великокняжеских *персон*, были взяты из истории Нового завета и некоторые из жизни Пресвятой Девы; но особенно почитаемы были *Господни Страсти* – один из самых уважаемых предметов живописи в кон. XVII столетия. Самое размещение этих священных изображений не делалось без мысли и особого благочестивого намерения. Нередко они соответствовали даже месту, где были написаны. Так, например, в *Крестовой* царевны Софьи Алексеевны на стене у входа в ее спальню, которая носила общее для того времени название

чулана, изображено было Моление царя Давида: *став на одре своем глагола: Господи, слезами моими постелю мою омочу.* В той же комнате подле этого изображения была написана притча: *Душа чиста, аки девица приукрашена всякими цветы, стоит превыше солнца, луна под ногами ея* и пр., сохраненная до нашего времени на одном из лубочных эстампов, на котором изображается также и «душа грешная, тмою помраченная»[1].

При руководстве упомянутого описания мы обойдем несколько комнат царевен и сделаем обзор всех изображений, которыми они были украшены.

«В комнате великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софьи Алексеевны, что от Троицкого подворья, – говорит описание, – написано стенным живописным письмом, на восточной стране, в переднем углу от окна: Распятие Господне. От Распятия Господня к южной стране в окне, на одной стране образ Иоанна Предтечи, на другой – Иакова брата Господня по плоти. На своде в том же окне: Глава Иоанна Предтечи да Херувим. От окна на стене южной стороны, к дверям: Воскресение Христово. Над дверьми в другую комна-

[1] В собрании древнерусских и византийских памятников иконописи в Академии художеств мы видели три иконы с таким же изображением *души чистой*, из которой одна имеет следующее надписание: «Душевная чистота, яко невеста, преукрашена всякими цветами, имея на главе венец царский и сияющ солнечными лучами; равна есть ангельскому существу, Души святые стоят у престола Господня». На иконе вверху изображен Спас Вседержитель; под ногами у него солнце; справа от него святая душа, слева ангел. Справа от Спасова образа стоит чистая душа в женском образе в царском одеянии, в венце, держа в правой руке чашу с цветами – знак ее красоты; а в левой – сосуд, из коего льется вода, обозначающая, без сомнения, слезы, ибо надпись говорит: «*Терние греховное слезами угаси*». Из уст писана красная черта – огонь, объясняемый надписью: «*Молитва же ее исходит из уст, аки огнь до небеси*». Под ногами ее луна в виде черного шара, что надпись объясняет: «Луна под ногами, пребысть выше небеси и солнца». Подле изображены лев, змий, дьявол, с означением в надписях: «*Постом и молитвою льва связа; смирением змия укроти; позавиде диавол доброте ее, паде пред нею*». В углу изображена *грешная душа тмою помрачена*, в человеческом образе: *сидит в темным месте, ожидает вечныя муки*. В Историческом музее в Москве находится картина конца XVII столетия, еще с большими подробностями воспроизводящая ту же *притчу* о Чистой Душе и, по всему вероятию, принадлежавшая дворцовым комнатам.

ту: Господь несет крест на Голгофу. От печи к дверям: Симон Киринейск Господу крест нести на Голгофу поможе. А ниже того писаны *ленчафты* (ландшафты). По другую сторону печи, у других дверей, на западной стене: Привязание у столпа. Над дверьми: Нерукотворенный Спасов образ. По другую сторону дверей, к северной стене: Положение во гроб. На северной стороне, в углу под сводом, ниже каймы, Херувим; по сторонь окна Архангел Гавриил. В окне на одной стороне: апостол Андрей, на другой: апостол Матфей; на своде окна: Ангел да Херувим. По другую сторону того ж окна, под сводом, ниже каймы: Херувим. У другого окна: Серафим. Между окон: Воини тернов венец Христу на главу возложиша. В другом окне на одной стороне: апостол Петр, на другой: апостол Павел; на своде окна: Петру плащаница с небеси свися, а ниже того: Херувим. Над стенами в своде, на восточной стороне: В вертограде Христос Отцу молится, егда вольные страсти приближитися. На южной: Иуда лобзанием Господа предает. На западной: Приведение к Пилату. На северной: Приведение к Каиафе. Под окнами и под притчами, над лавками писаны *бархаты*».

Из этой комнаты войдем в другую, которая назначена была для Крестовой или Моленной. «Здесь, на восточной стороне от севера в окне изображен Царь Давид; на другой стороне окна: Царь Соломон. В своде окна: Образ Пресвятыя Троицы, а ниже Херувим. В другом окне на одной стороне: Царь Константин, а на другой: Великий князь Владимир. В своде окна: Образ Знамения Пресвятыя Богородицы, а ниже: Херувим. Меж окон в простенке: Как жила Пресвятая Богородица во церкве Соломонове. Возле другого окна, в углу под сводом Серафим; от того окна, вся южная стена до дверей в чулан или спальню, выкрыта сплошь киноварем, для помещения здесь иконостаса. Над дверьми шпренгель и по сторонам столбы расписаны по золоту. По другую сторону дверей на чуланной стене, с западной стороны: *Моление Царя Давида; став на одре своем глагола: Господи, слезами моими постелю мою омочу*. Подле чулана, на западной же стороне к печи: *Возраст человеческого живота*. По другую сторону печи, на северной стене у дверей из первой

комнаты, описанной выше: *Дума чиста, аки девица приукрашена всякими цветы*. Над дверьми шпренгель и по сторонам столбы расписаны по золоту. По другую сторону дверей, к восточной стене: Благовещение Пресвятые Богородицы. Над стенами в своде, на восточной стороне: Когда беже во Египет Пресвятая Богородица с Превечным Младенцем и со Иосифом и впаде в разбойники. На южной стороне: Рождество Христово и когда волсви от Вавилона ко Христу приидоша и миро, злато, кадило принесоша. На западной: Прииде ближняя моя, Да Коронование Пресвятыя Богородицы. На северной: Когда Пресвятая Богородица молилася на горе Масличной. На стенах под окнами и под притчами до лавок писаны *бархаты»*.

В верхней наугольной комнате, что от соборной церкви, царевны Екатерины Алексеевны (средняго житья) написано стенным же живописным письмом:

«На южной стране меж окон: Воскресение Христово. На южной же стене в переднем углу, у окна, от восточной страны: Ангел Господень. В окне, на одной стороне: *персона* великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца. На другой стороне: *персона* великия государыни царицы и великой княгини Марии Ильичны. В другом окне, на одной стороне: *персона* великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца. На другой стороне: *персона* ж великого государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России. У того окна к западной стороне в углу: Ангел Господень. На западной стене к дверям: Вечерь Тайная. Над дверьми: Нерукотворенный Спасов Образ. По другую сторону дверей, у печи: Привязание у столпа. На северной стене, у печи ж: Воини тернов венец возложиша на Христа. Над дверьми: Образ Пресвятыя Богородицы с мечом. На дверях дорожники золочены, а меж дорожников выкрыто голубцом с белилы оболока (облака) и свет. От дверей к восточной стране: Положение во гроб. На восточной стране меж окон: Распятие Господне. На той же стене к югу, в переднем углу у окна: Ангел Господень, да под

сводом ниже каймы: Херувим. В окне, по сторонам: *персоны* великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича и великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича – всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев. В другом окне подле северной стены, по сторонам: *персоны* великия государыни благоверныя царевны Софии Алексеевны и великой государыни благоверныя царевны Екатерины Алексеевны. В том же окне под сводом: Херувим. Над стенами в своде, на восточной стране: В вертограде молится Христос, да Иудино лобзание. На южной: Христос к Каиафе представися. На западной: Приведение к Пилату и умый руце Пилат, да Господь несет крест на Голгофу. На северной: Пригвождение ко кресту, да Снятие со креста. Под окнами и под притчами до полу писаны *ленчафты* (ландшафты).

В другой комнате «на восточной стороне меж окон: Распятие Господне. В окнах на сводах: Херувимы (а по сторонам выкрыто голубцом, а что писать – о том указу не было). По сторонь окон, по углам, на той же стене: Ангели Господни. Южная стена от угла до дверей, где быть иконостасу, выкрыта киноварем. Над дверьми шпренгель и по сторонам столбы расписаны по золоту. По сторонь дверей к западной стене: Егда Иисус во Иерихон идяше, Закхей и мытарь зрети на него желают. На западной стене к дверям: Некая жена у Христа нозе власы отре. У дверей столбы и шпренгель расписаны по золоту. По другую сторону дверей к печи: Моисею Бог в купине явися. На северной стене от печи до дверей: Павел апостол в кошнице из града спущен бысть. У дверей столбы и шпренгель расписаны по золоту. По другую сторону дверей, к восточной стене: Величит душа моя Господа. Над стенами в своде, на восточной стране: Преображение Господне. На южной: Жена некая, именем Марфа, прия в дом свой, и сестра ей бе, нарицаемая Мария. На западной: Вход во Иерусалим. На северной: Младенцев ко Христу мнози приношают, ученицы же им возбраняют. Под окнами и под притчами до лавок писаны *бархаты*».

Почти те же самые притчи написаны были и в комнате царевны Феодосии Алексеевны. Вот их описание: «Над дверь-

ми, из комнаты царевны Екатерины Алексеевны: Пастырь добрый душу свою полагает за овцы. От окон на стене к дверям: Образ Пресвятые Богородицы: Величит душа моя Господа. По другую сторону дверей: Блудница умывает у Христа нозе. На западной стране: Когда Христос во Иерихон идяше, Закхей же и мытарь зрети на него желаше. Подле той притчи над дверьми: Моисей на скрижалех. Над дверьми, что на северной стране: Беседует Христос с Никодимом. В своде на восточной стране: Вход во Иерусалим, да Преображение. На западной стране: Пришед ученицы вопрошаху Христа, кто более есть во Царствие Небесном? На той же стране: Вниде Иисус в весь некую, жена же некая именем Марфа прия в дом свой и сестра ей бе, нарицаемая Мария, ризы золочены».

В других комнатах царевен были изображены подобные же «притчи» преимущественно из евангельской истории. Так, в 1684 г. в нижней комнате царевен написан стенным письмом Страшный суд. (Писал поляк Семен Лисицкий.) В 1687 г. в новых верхних и средних каменных и деревянных комнатах царевны Екатерины Алексеевны были написаны иконы: в средней комнате: образ Неопалимыя Купины, образ Успения Богородицы, по сторонам Антония и Феодосия Печерских, поверх образа апостолов, поверх апостолов видение апостола Фомы, что видел Пресвятую Богородицу с плотию взятую на небо; по сторонам два ангела, у одного крест. В другой средней комнате над дверьми Живоносный источник, меж окон Спасов образ Нерукотворенный, по сторонам два архангела. В третьей средней комнате в клеймах Спасов образ Нерукотворенный, Живоначальныя Троицы, Успение Пресвятой Богородицы. В верхних комнатах двери, колоды, дорожники, столбы, шпренгели и кайма на подволоке были позолочены и по золоту расписаны красками.

Иные комнаты украшались бытиями библейскими. В 1688 г. в комнате царевны Марьи Алексеевны была написана «Притча Моисея пророка, да Авраама праведнаго с Лотом», а в комнате царевны Екатерины Алексеевны на двух стенах «*Четыре Притчи царя Соломона, Песни Песней*». В окнах

изображались большею частью лики пророков, апостолов, царей, мучеников, святых князей русских и персоны царского семейства. В комнатах царевны Екатерины Алексеевны, которые были в верхнем житье, над ее комнатою, описанною выше, в окнах были написаны: царь Константин, царица Елена, царь Давид, царь Соломон, великий князь Владимир, княгиня Ольга, князья Борис и Глеб, царевич Димитрий, царевич Иоасаф (индийский), мученица София и мученица Екатерина, тезоименитая царевне.

Дóлжно упомянуть еще, что кроме царских жилых хором живописью украшались и некоторые из хранилищ царской казны, особенно Оружейная или *Оружничья* палата в Кремле и Оружничья *изба* в загородных дворцах. В ней хранились дорогие вооружения и весь царский доспех со множеством разных других редкостных предметов. Вместе с тем она как приказ заведовала всею художественною частию в уборке дворца и церквей. Таким образом, соответственно ее значению главные ее палаты украшались всегда наравне с государевыми хоромами. Так, в 1659 г. искусный травщик и знаменщик Иван Соловей с товарищи писали в Оружейной палате в окнах *травное письмо*, в 1660 г. иконописец Апостол Юрьев писал в Оружейном приказе над большими казенными дверьми вверху на стене *быти*, внизу травы, а в 1666 г. другие иконописцы расписывали большую Оружейную *Казенную* палату. Остатки стенописи этой палаты, находившейся в верхнем этаже корпуса с Кормовым и Хлебенным дворцами, против Потешного двора, сохранялись еще в начале нынешнего столетия и изображали между прочим по золотому полю хождение великой княгини Ольги в Царьград, отчего палата в то время и называлась *Ольгиною*. Касательно живописи в загородных царских оружницах упомянем, что в 1660 г. грек Апостол Юрьев писал подволоку в Оружейную *избу* в с. Покровское. Точно так же украшалась и царская *Аптека*. В служебных или хозяйственных отделениях дворца украшались живописью комнаты, в которых заседали начальные люди, т. е. присутственные палаты. В 1660 г. знаменщик Иван Со-

ловей расписывал стенным письмом Аптекарский приказ, а в 1675 г. (октябрь) живописец Андрей Павлов с товарищи писали 17 дней в приказе Тайных дел, *в государеве столе*, стенное письмо. В 1677 г. (апрель) живописец Иван Салтанов писал *вновь* стенное письмо в приказе Тайных дел.

В летних загородных дворцах некоторые комнаты, особенно парадные, также украшались живописью, о чем отчасти мы уже упоминали. Для полноты опишем живопись Коломенского дворца в том виде, как она оставалась в первой половине XVIII столетия, когда дворец был оставлен и постепенно ветшал и разваливался. В государевых хоромах над дверьми передних сеней в резной кайме писан был деисус: образ Спасов, Богородичен и Предтечев; над дверьми передней комнаты снаружи в шпренгеле: образ Спаса Нерукотворенный с двумя ангелами по сторонам; изнутри, также в шпренгеле: *царь Давид, царь Соломон*. В другую комнату над дверьми, в шпренгеле: деисус и в ногах Спасова образа преподобные Сергий и Варламий; изнутри над теми же дверьми, в шпренгеле: *царь Июлий Римский да царь Пор индийский*. Над окнами, в шпренгелях, образа: Спасов, Богородичен, Предтечев, Алексея, человека Божия и сщмц. Наталии, тезоименитых царю Алексею и его супруге Наталье Кирилловне. В третью комнату над дверьми, в шпренгеле: царь *Александр Македонский да царь Дарий Перский*. Над дверьми в четвертую комнату находился орел золоченый двуглавый резной. В хоромах царицы, в передних сенях, *в шатре*, в плафоне, написаны были *притчи Есфири*, а по углам *времена* года: *весна, лето, осень, зима*. Это были уже обветшавшие остатки тех украшений, которым столько удивлялись современники, упоминающие еще о каких-то круглых *щитах*, украшавших хоромы, на коих были изображены Европа, Азия, Африка, также о Суде Соломоновом и о гербовнике государей и государств. По свидетельству Симеона Полоцкого, описавшего дворец в стихах, там изображено было *много историй чудных, четыре части мира, зодий* (зодиак) небесный, *части лета*, т. е. времена года, и множество цветов, живо написанных.

Общий характер комнатной стенописи соответствовал вкусу того времени и отличался блеском золота, яркостью красок и вычурностью в побочных украшениях. *Нетленные венцы* у святых ликов покрывались обыкновенно сплошь золотом; ризы Спасителя и Богородицы, и *порфиры*, и *шубки* царских персон расписывались по золоту яркими травами. С большим великолепием украшались царские порфиры и шубки; на них изображали красками по золоту *разные аксамиты* или *аксамитные травы разными образцы, с кружевы на обнизь, с каменьи и с запаны*. Одним из употребительных побочных украшений были золоченые каймы, располагаемые во всех покоях под сводами и потолками вокруг стен, также в разделении сводов и потом около окон в виде наличников. Кроме того, над дверьми и окнами изображали иногда облака и свет; на самых дверях, а иногда под окнами и под «притчами», на видных местах, писали *ленчафты*, т. е. ландшафты, представлявшие несколько деревьев и кустов с дальним видом на пригорки. Иногда, как, например, в верхних каменных комнатах царевны Екатерины Алексеевны, 1687 г., на дверях писали *фрукты* большие, а по сторонам у углов травы и у дверей травы мелкие, и цветы, и дерева. Под окнами изображались *подвесы, подвесные травы* на яркой киноварной (красной) земле золотом, по которому расписывались черными разводами или *кафимскими узлами*. В 1686 г. в верхней комнате царевны Екатерины Алексеевны у лавок вместо полавочников бархатных написаны по полотну левчаты, т. е. ландшафты. Нижнюю часть стен под окнами и под притчами до полу покрывали также по киноварной земле *изорбафными травами и бархатами*, т. е. узорами *из цветных красок*. Рамы и наличники у окон, колоды и столбы у дверей, также все резные украшения окон и дверей: *шпренгели, скрыдла* – покрывались также красками и золотом. Вершина сводов или *замок* украшалась иногда деревянным резным золоченым репьем с сиянием.

В заключение этого обзора комнатной живописи необходимо упомянуть, что все изображения священных событий, все «притчи» списывались большею частью с гравированных

рисунков, из разных духовных книг – и не только славянских, но даже латинских и немецких. Без сомнения, для этой цели в Оружейную палату, которая заведовала всеми живописными и иконописными работами по дворцу, куплена в 1676 г. у живописца Ивана Безмина за 5 руб. книга *Библия* письменная, в лицах, на латинском языке, в переплете, в четь, переплетена в белую кожу. В 1679 г., как мы упоминали, *преоспективного дела* мастер Петр Энглес писал в новых хоромах царицы «розныя притчи», царя Давида, царя Соломона, а те притчи, сказано в современной записке, *из библеи и из розных книг словенских и латинских*. Живописец Иван Салтанов учил даже своих учеников по печатной Библии в лицах, которая служила им «для образца и ознаменки». Нам случилось видеть подобную лицевую немецкую Библию, подписанную на имя патриарха Адриана, с которой в недавнее время писали стенопись в одном из известнейших наших монастырей.

Что же касается до характера этой живописи, то она со второй половины XVII столетия совершенно отличалась от иконописи, и потому даже и в то время называлась собственно живописью. Это вполне доказывают сохранившиеся памятники, например знамена времен царя Алексея Михайловича в Оружейной палате и картины, писанные на полотне и находящиеся в Чудовом монастыре, на паперти, и в Мироварной палате бывшего патриаршего дома. Укажем здесь одну, находящуюся на паперти Чудова монастыря и изображающую мучения апостолов. Эта картина вполне может характеризовать техническое дело нашей живописи в конце XVII столетия.

Прежде, нежели перейдем к обозрению мебели в древних царских хоромах, мы должны упомянуть о тронах, царских престолах или царских местах, находившихся во всех больших приемных палатах и в передних комнатах постельного отделения дворца. Обыкновение устраивать такие *места* в царских и великокняжеских хоромах относится к отдаленной

древности. Летописец половины XII в. указывает на такое место *на сенях*, т. е. в хоромах, великого князя Владимира Галичского, по смерти которого сын его, Ярослав, сидя *на отни месте, в черни мятли и в клобуце, тако же и вси мужи его*, т. е. в трауре, принимал Изяславова посла Петра Бориславича[1]. В «Слове о полку Игоревом» несколько раз упоминается *отний злат стол*, который также может быть принят за отнее место, хотя большею частью он и означает там вообще княжение, княжескую власть. Таким образом, отнее место, златокованый отний стол были необходимою принадлежностью княжеского сана и стояли на княжеских *сенях*, в гридницах и в теремах. Еще более значения отнее место приобрело во дворце московских великих князей как самодержцев всея Руси. Здесь, без сомнения, оно и устраивалось с большим великолепием, особенно с XVI в., когда московский двор и в украшениях, и в обрядах стал подражать византийскому. Очень достаточное понятие о древних царских престолах дает деревянное *царское место*, до сих пор стоящее в московском Успенском соборе и сооруженное царем Иваном Васильевичем Грозным в 1551 г. – в то именно время, когда он с такою заботливостью хлопотал о присвоении и утверждении за собою царского сана со всеми его атрибутами. Это место устроено в виде шатровой сени на четырех столбах, как вообще устраивалась в старину сень или кровля над престолами в церквах, даже над теремами и над рундуками крылец. Это был самый обыкновенный архитектурный тип узорочной кровли, очень любимый в то время. Соответственно особенному назначению этой сени она поставлена на четырех символических животных, которые должны были изображать таинственный смысл как самого трона, так особенно смысл царского достоинства и сана. Один зверь есть лев, имевший и еще два имени – *лютой* и *скимент*; другой зверь – *уена*, по *азбуковнику* – медведица, рысь, и по словарю Берынды – «зверя окрутное, без оберненья шыи»; два остальные названы *оскроганами*. Место в надписи названо *престолом*. См. нашу

[1] ПСРЛ. Т. II. – С. 72.

статью «Решение вопроса о царском месте» и пр. в «Москвитянине», 1850, № 11[1].

Прототипом для московских тронов, без всякого сомнения, как и везде, служил знаменитый трон Соломона, библейское описание которого было очень распространено посредством хронографов. Соломон как самый блистательный царь библейской древности, как строитель храма и собственных дворцов несказанного и недомыслимого великолепия и богатства всегда был идеалом царей, подражавших ему, смотря по средствам, если не в мудрости, то в формах обстановки царского сана, в украшении своих златых чертогов и палат и особенно царских мест – престолов. «И сотвори царь *престол* от костей слоновых велий, и позлати его златом искушеным. Шесть степеней престолу, и образы тельцов престолу созади[2] и верх престола кругл бе созади его, и руце сюду и сюду на престоле седалища, и два льва стояща при руках. И дванадесять львы стояще ту на шести степенех сюду и сюду: не бяше тако во всяком царстве»[3].

По этому образцу и еще с большими затеями устроено было царское место в константинопольском дворце. Там около трона размещены были золотые львы и другие звери, механика которых была так устроена, что львы рыкали, а лежавшие у трона звери поднимались на ноги, как скоро кто приближался к престолу во время торжественных приемов. Страху и величия для простых глаз было несказанно много. В то же время золотые птицы, сидевшие на украшениях трона и на особых деревьях, около него поставленных, пели чудные песни. Эффект поразительный для толпы, не видавшей ничего подобного, и особенно в то время. Устройство таких чудес наши хронографы, составленные по византийским же летописям, приписывают императору Феофилу. «Сей же истощи вся сокровища… сотвори же и органы, любо художе-

[1] См. также: Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1907 г. – С. 67–69. – *Ред.*

[2] По Хронографу: «и на первом степени образ бяше телечь».

[3] 3 Цар 10:18–20.

ства златокованны, изваено хитростию дыхание, доброгласная и сладкая пения возглашаху. С ними же и златая древеса, на них же птицы песнивые златокованны седяху, яко на ветвиях тополных, сиречь древесных или певгох островерхих, хитростию издающе песни медовные. Сице человецы хитри суть, многокозненни, руце и художества их в мале подобятся одушевленному естеству!» – восклицает в удивлении летописец. Впрочем, сын Феофила, Михаил, именно тот Михаил, при котором начала прозываться Русская земля, рассоривши все отцовские богатства на собственные утехи и увеселения, повелел было переливать в деньги и все царские драгоценности, а в том числе золотых львов от царского престола и даже «доброкованную златую тополу, сиречь древо, на нем же сидяху многоразличные птицы златые и песни возглашаху, аки от жива языка; из них же хитростию издаемо дыхание и бываху песни медвеные и слышащим их, удивление творяху, чудящимся новой хитрости оной». Только смерть Михаила остановила его решения, и чудные вещи не были перелиты.

Мы увидим, что и в московских дворцах стояли подобные же престолы и в подражание византийскому дворцу устроены были даже рыкающие львы.

В больших приемных палатах московского дворца, кроме обычных лавок, стояли *в передних* или *красных* углах царские места, или троны, богато украшенные золотом, серебром, драгоценными камнями и золотыми тканями. Любопытное описание царского места в Золотой палате, устроенного, может быть, при царе Иване Васильевиче или при сыне его Федоре, находим у Георга Паэрле, который, описывая представление Лжедимитрию воеводы Сандомирского, говорит, что Лжедимитрий сидел «на высоких креслах из чистого серебра с позолотою, под балдахином; двуглавый орел с распущенными крыльями, вылитый из чистого золота, украшал сей балдахин; под оным внутри было Распятие, также золотое, с огромным восточным топазом, а над креслами находилась икона Богоматери, осыпанная драгоценными каменьями. Все украшения трона были из литого золота; к нему вели три

ступени; вокруг его лежали *четыре льва* серебряные, до половины вызолоченные, а по обеим сторонам, на высоких серебряных ножках, стояли *два грифона*, из коих один держал государственное яблоко, а другой обнаженный меч…»[1]. Этот же самый трон в дневнике Марины Мнишек описывается несколько иначе: «Весь трон был из чистого золота, вышиною в три локтя, под балдахином из четырех щитов, крестообразно составленных, с круглым шаром, на коем стоял орел великой цены. От щитов над колоннами висели две кисти из жемчугу и драгоценных каменьев, в числе коих находился топаз величиною более грецкого ореха. Колонны утверждались на двух лежащих серебряных *львах величиною с волка*. На двух золотых подсвечниках стояли грифы, касаясь колонн. К трону вели три ступени, покрытые золотою парчою»[2]. В Московскую *Розруху* 1611 г. все царские места, вероятно, были разобраны, может быть, по назначению Боярской думы, которая, по свидетельству Маскевича и современных актов, уплачивала жалованье польским войскам разными вещами из царской казны; драгоценности, снятые с тронов, также могли пойти на удовлетворение польских полков. По крайней мере, царь Михаил Федорович при своем вступлении на престол застал московский дворец в совершенном запустении – не только без царских тронов, но даже без окончин, полов и лавок. В 1619 г. при поставлении Филарета Никитича на патриаршество государь принимал его в Золотой палате, сидя в *малом* царском месте, может быть, в креслах под балдахином из шелковой золотой материи[3]. В 1621 г. в апреле в Грановитой палате было обито «*большое государево место – камкою* бурскою, на червце развода и круги золоты; в кругах шелк бел, зелен, лазорев; атласом (3 арш.) турецким на червце развода и листье золото в цветах шелк бел, зелен; да *олтобасом* (4 арш.) по червчатой земле лапки золоты. На подножие употреблено полтора аршина сукна багрецу». Это был обыкновенный деревянный

[1] Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. – С. 38.

[2] Там же. Ч. IV. – С. 22.

[3] Дополнения к Актам Историческим. Т. II. – С. 209.

балдахин, под которым ставились кресла. Лет через десять с небольшим, в 1635–1636 гг., в Золотой и в Грановитой палатах были устроены уже серебряные троны, из которых трон Золотой палаты описан Олеарием. Верх (балдахин) этого трона был в виде башенки и поддерживался четырьмя серебряными вызолоченными столбиками в 3 дюйма толщиною. Вышина верха была в 3 локтя; по углам его стояли серебряные орлы с распростертыми крыльями.

В 1635 г., в феврале, на серебряное место в Грановитой палате сшит был *чехол* из тверских полотен; а «серебряное новое государево место» в Золотой палате, в 1636 г., в июне, по случаю траура по двухлетней царевне Софье, было обито «бархатом таусинным, багровым, тафтою виницейскою двоеличною, шелк вишнев, рудожелт да киндяком вишневым». Оба трона сделаны были немецкими художниками, из которых главным мастером был, по свидетельству Олеария, Изияс Зенграф (Исаия Цинкгрефер). На царское место в Грановитой палате издержано было в это время 800 фунтов серебра и 1100 червонцев на позолоту. Все оно стоило, как говорит Олеарий, 25 000 талеров. Изображения этих царских мест сохранены в рисунках Олеария и Мейерберга. Нельзя, впрочем, давать полной веры этим рисункам, потому что они, без сомнения, деланы на память и ни в каком случае не могли быть сняты верно и отчетливо; но они драгоценны для нас уже в том отношении, что дают хотя общее понятие о царских тронах в XVII столетии. Мы имеем почти современное описание, может быть, этих самых царских мест, которые при Петре Великом хранились уже в Шатерной палате, т. е. в кладовой, и описаны следующим образом: «Место великого государя, с лица, с двух сторон и корона обито бархатом золотным. Трубы и карнизы вверху и внизу и доски и подручники и столбы и львовы головки серебряные резные, местами золочены. Над короною (балдахином) пять башенок, обито по дереву серебром; доски серебряные, а корнизы и гзымзы золоченые с яблоки; а на них орлы серебряные золоченые. Внутри места и по сторонам обито атласом золотным.

Позади сиденья в месте обито бархатом красным; по сторонам кругом его обложено с две стороны круживом, золото с серебром, кованное. Под сиденьем в месте изголовейцо, с одну сторону бархат красный простой. Под зголовейцом доска обита атласом золотным. От той доски спущено к колодке бархату золотного красного на три четверти вершка. Колодка обита бархатом красным золотным. Под колодкою поставлен рундук о трех степенях, обит атласом золотным; наугольники и доски с лица чеканные, серебряные, резные, золочены; местами по тем же доскам с лица прибито девять репьев серебряных золочены… *Место великого государя* о пяти башенках, а на них орлы; а башни и орлы золочены по дереву; а место со сторон и внутри обито бархатом золотным. Верх того места, что под башенками, с трех сторон обито серебром басемным золоченым; а в них писаны лица святых; на них венцы серебряные ж золочены. Столбы у того места медные золочены. У того ж места рундук о трех степенях обит атласом красным золотным, по краям обито серебром басемным золоченым. В месте доска обита золотом травным; на ней изголовейцо бархат золотной, подложено бархатом червчатым. Колодочка обита бархатом зеленым…». Из этого описания, довольно сходного с упомянутыми выше рисунками Олеария и Мейерберга, мы можем видеть, что царские места устраивались большею частью в виде сени с легким шатровым верхом, который делался иногда *коруною* и украшался в средине и по углам небольшими башенками или шатриками, с орлами наверху. Сень поддерживалась четырьмя колонками с узорочными капителями, на которых помещались также орлы с распростертыми крыльями. *Седалище* состояло из доски, на которую полагали золотную или бархатную подушку, изголовейцо. *Подручки* или ручки у седалища делались в виде львиных или орлиных голов. К седалищу вели три ступени. О количестве серебра, которым почти сплошь покрывалось царское место, мы уже имеем понятие из приведенного выше Олеариева свидетельства, подтверждаемого отчасти и позднейшими известиями.

На Казенном дворе в 1679 г. сохранялось «государево *место*, у которого с правой и левой сторон было прибито по две доски серебряные резные, по них золоченые травы, а на досках орлы двоеглавые с корунами. Кругом досок у места под столбиками и по перететивью прибито семь труб серебряных, по них резаны травки. Верхнее перететивье деревянное обито круживом кованым, а на нем доска деревянная сделана коруною, обито серебром золоченым басемным; на ней два орла двоеглавых серебряных с корунами; а промеж их на доске ж на верху яблочко серебряно золочено стоянцом, на нем ставится орел. Изнутри место обито атласом турским по серебряной земле, по нем травы золоты и шолки разных цветов; сзади снаружья обито атласом золотным по червчатой земле; подножье обито бархатом червчатым с серебряным голуном».

В 1701 г. на Казенном дворе сохранялось «Великого государя место», обитое в средине алтабасом, а снаружи прорезным серебром, которого по смете было 13 пуд. 20 ф. Это, вероятно, двойное место, устроенное для царей Ивана и Петра около 1684 г., по крайней мере, так можно заключать по следующему официальному указанию: «193 г. сентября 20 (1684 г.), великие государи указали на Казенном Дворе на свое, великих государей, *большое* серебряное место, *которое строено в Казенном же Приказе*, под серебро прорезное на подзор положить кутня (камка) белая». В 1686 г. оно было переделано и в феврале поставлено в Грановитой палате и обито золотым кованым кружевом с подкладкою желтым атласом, а позади завешено бархатными шафранного цвета завесами с серебряным плетеным кружевом. Седалища были обиты по хлопчатой бумаге (покрытой киндяком) турецким золотным атласом по белой земле, по нем круги золоты. Кругом места нижняя ступень обита белым атласом с настилкою полости и по ней холста. Это место, значительно уже потерпевшее от поновлений, хранится теперь в Оружейной палате в Москве. Кроме серебра и золоченья, троны украшались иногда и драгоценными камнями. По свидетельству Лизека,

золотой трон в Столовой палате «был осыпан драгоценными камнями и имел небольшие колонны. Некоторые из них были ордена коринфского, другие ионического, тосканского, дорического, большая часть смешанных»[1].

В 1687 г. для царей Ивана и Петра в Каменном тереме в Передней (ныне гостиной) устроены были деревянные резные места, верх которых, украшенный гзымзом и четырьмя шпренгелями с орлами, поддерживался витыми столбами с капителями. По сторонам сделаны были, кроме того, два кронштейна и два *скрыдла* (резные штуки в виде крыл). Вся эта резьба была густо позолочена; места поставлены были на рундуке о двух ступенях. Внутри они обиты были (в 1694 г.) бархатом осинового цвета, а подушки и *приступные колодки* – таким же атласом. У цариц в их Золотой палате стояло также *место*, на которое они садились во время приемов духовенства, бояр и боярынь, в праздники или семейные торжества. Кроме того, *места* устраивались и в постельных хоромах цариц, именно в Передней, где также происходили иногда приемы. Так, в Переднюю царицы Натальи Кирилловны в 1685 г. было сделано место большое «с рукоятьми и с уступы». Подобные же *места* строились и для царевичей в их постельных покоях. Так, в 1694 г. в хоромы царевича Алексея Петровича построено место вышиною 2 арш. без чети, шириною 1 арш., глубиною три чети, да поручей 14 верш. «с затвором и с окны; наверх того места сделаны рамы с столярскими дорожники; с лица и внутри велено оклеить атласом червчатым или алым: в окна и в затвор сделать окончины слюдвенные. Кроме того, оно было обито галуном и подложено хлопчатою бумагою».

Внутри царских мест, как мы уже видели, вверху над седалищем ставились всегда иконы в богатейших окладах, блиставших золотом и драгоценными каменьями.

В заключение этого обзора царских престольных мест до́лжно упомянуть, что при царе Алексее в Коломенском

[1] Журнал Министерства Народного просвещения. Отд. II. – 1837. – Ноябрь. – С. 378.

дворце подле царского места поставлены были львы, которые, яко живые, рыкали, двигали глазами и зияли устами. Туловища их были медные, оклеенные барановыми кожами под львиную стать. Механика, приводившая в движение их пасти и глаза и издававшая *львово рыкание*, помещалась в особом чулане, в котором устроен был *стан* с мехами и с пружинами. Эти львы построены были в 1673 г. часовым мастером Оружейной палаты Петром Высотцким. При царе Федоре они были исправлены в 1681 г. – в одно время со всеми возобновлениями и перестройками, какие сделал царь в Коломенском дворце. В начале XVIII столетия львы, уже поломанные, хранились в подклетной кладовой дворца.

Таким образом, царский московский дворец в XVII столетии уподоблялся во многом своим древнейшим идеалам – дворцам библейским и особенно константинопольскому как более близкому по времени и по обычаям. Его великолепие изумляло современников, и многие из них, пораженные блеском золота и красок, богатством, торжественностию, несказанным сиянием и блистанием всего окружавшего, иногда видели даже более, чем было на самом деле. Если так изумлял царский чертог людей заезжих, бывалых и, может быть, многое уже видавших в других странах, то для простых туземных глаз он в действительности был чудом, о котором «ни в сказке сказать, ни пером написать». Один из современников и один из ученейших людей того времени, Симеон Полоцкий, восхищенный великолепием Коломенского дворца, описал его даже в виршах, которыми он приветствовал царя Алексея по случаю *вселения* его в этот *дом* «велиим иждивением, предивною хитростию, пречудною красотою, новосозданный». Он сравнивает его с Соломоновою прекрасною палатою и называет осмым чудом света. Вирши Полоцкого очень для нас любопытны как живое свидетельство очевидца-современника, как полное, хотя отчасти и подобострастное и притом слишком книжное изображение царского великолепия, которое в Коломенском дворце явилось с особенными затеями и в самом блистательном виде, как никогда не выка-

зывалось прежде. Стихослагатель, приветствуя царя с новосельем, говорит о дворце, что это

…дом, иже миру есть удивление,
…дом зело красный, прехитро созданный,
Честности царстей лепо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной полате.
Аще же древо зде не есть кедрово,
Но стоит за кедр, истинно то слово.
А злато везде пресветло блистает,
Царский дом быти лепота являет.
Написания егда возглядаю,
Много историй чюдных познаваю.
Четыре части мира написаны,
Аки на меди хитро изваяны.
Зодий небесный чюдни написася.
Образы свойств си лепо знаменася.
И части лета суть изображены,
Яко достоит чинно положены.
И ина многа дом сей украшают,
Разумы зрящих зело удивляют.
Множество цветов живонаписанных,
И острым хитро длатом изваянных.
Удивлятися всяк ум понуждает,
Правый бо цветник быти ея являет.
Едва светлее рай бе украшенный,
Иже в начале Богом насажденный.
Дом Соломонов тем славен без меры,
Яко ваяны име в себе зверы.
И зде суть мнози, к тому и *рикают*,
Яко живии, *льви глас испущают*.
Очеса движут, зияют устами.
Видится, хощут ходити ногами.
Страх приступит тако устроении,
Аки живии, льви суть посажденни.

Окна, яко звезд лик в небе сияет,
Драгая *слюдва*, что сребро, блистает.
Множество жилищ градови равнится.
Вся же прекрасна, кто не удивится,
А инех красот не леть ми вещати,
Ум бо мой худый не может объяти.
Единым словом дом есть совершенный
Царю велику достойно строенный;
По царстей чести и дом зело честный,
Несть лучши его, разве дом небесный!
Седмь дивных вещей древний мир читаше
Осмый див сей дом, время имать наше[1].

Мебель в царских хоромах была немногочисленна и не отличалась большим разнообразием. Прежде мы говорили, что вокруг комнат по стенам были лавки, вполне заменявшие стулья. В передних или красных углах, под образами, которые составляли необходимейшее украшение каждой комнаты, стояли столы простые дубовые, иногда на точеных ногах, или липовые крашеные. Передний угол был первым, почетным местом в комнате, точно так, как в современном быту, в наших гостиных, диван с неизбежным круглым столом; поэтому значение лавки и стола в переднем углу древних хором было совершенно одинаково со значением дивана и стола в наших гостиных. В обыкновенное время столы покрывались червчатым, алым или зеленым сукном, а в торжественные дни – золотными коврами и аксамитными, алтабасными или бархатными *подскатертниками*. Иногда они обивались сукном или атласом. В 1663 г. для государя стол был обит «отласом турским золотным по зеленой земле, по нем опахала золоты; подкладка камка червчата куфтерь». В Теремной комнате государев стол обыкновенно покрыт был сукном багрецом или червчатым.

[1] *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. – М., 1861. – С. 1197.

С половины XVII столетия входят в большое употребление столы «*немецкие и польские*», на львиных и простых кривых, *отводных ногах*, украшенных резьбою, а иногда решетчатых, также резных и прорезных подстольях. С этого же времени столы, особенно в постельных комнатах, большею частью расписывали разными красками по золоту и по серебру или покрывали одной черной краской и наводили *глянс*, полировали. Столовые доски почти всегда делались с прорезными *подвесами* или подзорами и украшались живописью. В 1675 г. в хоромах царя Алексея Михайловича находился «стол писан по золоту розными краски травы: в средине круг, в кругу орел двоеглавой с короною; по сторонам круга писано золотом по столу по птице сирину[1]; каймы писаны по золоту ж розными краски: в узлах травы, подстолье писано по разным краскам золотом травы». Длиною этот стол был 2 арш. 12 верш., шириною аршин. В мае 1675 г. живописец Иван Салтанов писал царевичу Федору Алексеевичу «столовую доску, а на ней *притчу*: когда царь Констянтин был не во благочестии, и взят был в плен Персы, и приведен был в капище на жертву и свободися своими рабы воинами». В 1676 г. он же, Салтанов, написал в хоромы царя Федора Алексеевича на столовой доске *притчи царя Соломона*. Каймы у этой доски были резные, покрытые золотом и серебром. В 1684 г. в хоромы царевны Татьяны Ми-

[1] «Сирин птица райская, песни поет царские», как свидетельствуют некоторые рукописные изображения этой птицы. В хронографах находится сказание, что «в царство Маврикиево… солнцу возсиявшу, явистася в реце Ниле два животна человекообразна, до пупа муж и жена, а от пупа птица. Муж красен переми и власы над-чермен; жене же лице и власы чермны, имяху ж оба сосца, без влас. Их же наричут сладкопеснивые *сирины*. Слышав же сих, человек, песни, аще не престают ноюще, весь пленяется мыслию и, вслед шествуя, умираше. И до девятого часа эпарх и вси людие зряще, чудяхуся; и паки в реку внидоша». По этому сказанию, без сомнения, было составлено изображение этой птицы, довольно распространенное в XVII столетии и перенесенное потом на лубочную картинку со следующим надписанием: «Птица райская, зовомая сирин, глас ея в пении зело силен. На востоце в эдемском раю пребывает и всегда пение воспевает; праведным радость возвещает, которую Господь им обещает. Временно и на землю вылетает, райские песни распевает. Всяк человек, во плоти живя, не может слышати гласа ея; аще и услышит, то себя забывает и, слушая пения, тако умирает».

хайловны сделано четыре стола, шириною в аршин, длиною: три – в два и один – в полтора аршина; подстолья резные на точеных ногах. На досках было написано красками и золотом, в средине двуглавые орлы, по сторонам их в клеймах аллегорические изображения *весны, лета, осени* и *зимы*[1], по каймам также в клеймах разные птицы. В 1685 г. в хоромы царицы Прасковьи Федоровны сделан стол липовый круглый, осмигранный, с выдвижными ящики и расписан цветными красками. В 1686 г. в царские хоромы сделан стол «доска писана по золоту розными краски, в средине орел двоеглавый; по кайме по золоту ж разметные травы; подножье резное золочено и серебряно». В 1690 г. в хоромы царицы Натальи Кирилловны велено сделать «стол столярским мастерством, мерою длины 2 арш., ширины 1 арш. 2 верш.; подножье с дорожниками и, сделав, вычернить самым добрым мастерством с глянсом». В 1692 г. царице и царевичу Алексею Петровичу сделаны два стола липовых на точеных ногах, длина 1 $^{1}/_{2}$ арш., ширина 1 арш., вышиною 1 арш. 1 верш.: подстолье решетчатое точеное; оба расписаны по золоту травами. Тогда же сделан царевичу дру-

[1] В старинных наших пасхалиях времена года олицетворяются следующим образом: «*Весна* наричется яко дева украшена красотою и добротою, сияюще чудне и преславне, яко дивитися всем зрящим доброты ея, любима бо и сладка всем, родится бо ся всяко животно в ней радости и веселия исполнено. Сицева есть весна. *Лето* же нарицается муж тих, богат и красен, питая многи человеки и смотря о своем дому, и любя дело прилежно, и без лености возстая заутра до вечера, и делая без покоя. И любя муж лето. *Осень* подобна жене уже старе и богате и многочадне, овогда дряхлующи и сетующи, овогда же радующися и веселящися, рекше иногда скудота плод земных и глад человеком, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодом всем и тиха и безмятежна; в ней же жизнь человека. *Зима* же подобна жене мачехе злой и нестройной и не жалостливой, яре и не милостиве, егда милует, но и тогда казнит, егда добра, но и тогда знобит, подобно трясавице знобит, и гладом морит и мучит грех ради наших. Такова есть зима». (Рукопись Царского, ныне гр. Уварова, № 288). Может быть, эти или подобные олицетворения служили источником и для упомянутых нами аллегорических изображений. Кстати, упомянем, что по тогдашнему счету Весна продолжалась от Благовещения, 25 марта, до Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня; Лето – до Зачатия Иоанна Предтечи, 23 сентября; Осень – до Рождества Христова, 25 декабря; Зима – до Благовещения. В каждом времени считалось по 91 дни и по полчетверти часа.

гой стол, липовый, длина 3 чети, ширина 8 верш., вышина 12 верш.; подстолье и столовые ноги точеные; столовую доску велено расписать по красному золоту – в средине орел, кругом каймы; подстолье расцветить «розными краски» и серебром. В Коломенском дворце, в четвертой государевой комнате стоял стол весь золоченый, на доске которого между стекольчатых мишеней были написаны: *вера, надежда, любовь*.

Столовые доски иногда бывали каменные, аспидные, т. е. мраморные. В 1685 г. для царевны Натальи Алексеевны «к каменной столовой *цке* (доске) сделано подстолье липовое на четырех ногах отводных, на польский образец». Такой же стол осьмигранный и на таких же кривых ногах сделан был и в хоромы царевны Марьи Алексеевны. Иногда столы оправлялись серебром. Так, в 1674 г., в день Пасхи, живописец Салтанов поднес царю Алексею Михайловичу своего мастерства «стол на прорезных ногах, столовая цка писана по золоту травы цветными красками; кайма серебреная золоченая; на каймах стеклы». Тогда же поднесены царю два стола, писаны по золоту розными краски, один круглый, другой четвероугольный. Бывали также столы из черного и красного дерева и из кипариса, с серебряною оправою и даже с перламутровою инкрустациею. Так, в 1670 г. какой-то иноземец Ян делал государю стол, на который было куплено 6 ф. дерева немецкого, черного 3 ф., да красного 3 ф. по 20 алт. за фунт. В том же году для царя Алексея Михайловича делали столы, один из индийского дерева с инкрустациею из виницейских раковин и с серебряною сканною (филигранною) оправой, украшенною драгоценными каменьями; другой стол был кипарисный, «на доске врезываны жеребьями чинаровое и черное деревья, ноги точеные яблоновые; в яблоках кости пуговками». В 1667 г. в поднос государю расписан точеный стол с раковинною доскою, т. е. украшенною перламутром. Впрочем, такие столы употреблялись только в важных случаях, например при посольских приемах и в другие торжественные дни. Столы вообще делались круглые, овальные, семигранные, четыреугольные, нередко с выдвижными ящиками. В царской казне в 1679 г. хранился стол «круг-

лой штигранной древо гебон, по столу вычеканено местами серебром белым, по серебру вычеканены люди и звери и птицы, на стояне, стоян оправлен серебром же, местами вычеканены на серебре люди и звери». К нему «скамейка аспидная в деревянном станку о четырех ножках по верху аспида кругом и ножки обложены серебром басемным позолоченым». Иногда столы устраивались и на колесах.

В кладовых Оружейной палаты в 1687 г. хранились между прочим столы: «…стол деревянный, верхняя доска и подзоры и ноги и подножки крыто серебром чеканным, дорожники золочены; на ногах перевивка золочена, под подножками 4 яблока серебряные золочены, привернуты шурупами железными. Доска (столовая) каменная доманитная черная, по углам обита (от стола, который ставился в Грановитой Полате при послах в 1588 г. и описан так: “стол, немецкое дело, камень деманит на ножках серебряных, а на нем язычки”)[1]. Столик маленький, турецкая работа, – крыт раковиною виницейскою, промеж раковины прописывано золотом твореным; под столом ящик с замком; подножки подгибные на пробоях с раковины ж. Доска столовая маленькая, писана розными краски; в средине орел двоеглавой, по сторонам написано: лето, зима, весна, осень. – Стол липовой, на подножках, доска и с подножки – писаны травы розными краски. – Столик, что стаивала шкапа, ноги деревянные резные, золоченые. Стол аспидной каменной с искрою, в дереве, длина 3 арш., шир. 1 $^{1}/_{2}$ арш.; под ним ящик резной и ноги резные, меж резей подзоры синослоевые; и под ногами и под ящиком приступы доски дубовые резные. Два стола деревянные, доски писаные розными краски и золотом, ноги крашеные; один – длина 5 арш., шир. 1 арш., другой – длина 2 арш., шир. 1 арш. Стол, доска деревянная, писана золотом и розными красками, ноги резные выгибные писаны золотом и серебром». В числе мебели, взятой в казну Оружейной палаты из *описных животов* князей Голицыных, Василья Васильевича с сыном, находились столы: стол аспидной, под ним ноги резные деревянные золоченые; круг стола на опушке нарезаны два льва,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. X. – Прим. 130.

да две травы. Стол небольшой, на доске врезываны оловянные прорезные доски, меж досок личины и травы резные.

После столов и лавок довольно видное место занимали в тогдашней мебели *скамьи* – широкие и толстые доски, утвержденные на четырех ногах, соединенных *проножками*, или же на глухих ногах из цельной доски. Иногда скамьи устраивались с *переметом*, т. е. спинкою глухою или решетчатою, которая переметывалась на вертлюгах на обе стороны, почему такие скамьи и назывались *переметными* или *опрометными*. Скамьи были также малые *передаточные* и большие *спальные*, заменявшие кровать, на которых отдыхали иногда после обеда, для чего на одном конце их устраивался *взголовашек, подголовашек, приголовашек* – нечто вроде пульпета, служившего также ларцом. Скамьи покрывались такими же полавочниками, как и лавки, а иногда золотными бархатами и коврами; они обивались также красным сукном, на хлопчатой бумаге, с шелковою или золотною бахромою и галуном. Так, в 1687 г. в апреле в Комнате царя Ивана Алексеевича обиты четыре скамьи сукном аглинским. В иных случаях на них клали нарочно для того сшитые тюфяки. В 1686 г. в феврале велено было сделать в Ответную палату для приезду польских послов тюфяки атласные, на две скамьи, длиною по пол-осма ($7\ ^1/_2$) аршина, шириною по три чети.

В древнейшее время, кроме скамей, употреблялся еще столец – собственно стул в его древнем значении, табурет, т. е. небольшая скамья с квадратным или круглым седалищем. Стулом и теперь называют отрубок толстого дерева, который ставят под избы, рассекают на нем мясо. Притом самое слово «столец» означает маленький стол.

Стулья и кресла теперешнего устройства до Петра Великого были еще, так сказать, гостями в царских хоромах, употреблялись редко, потому что их вполне заменяли скамьи и лавки. Кресла, сверх того, считались мебелью почетною и в некоторых случаях заменяли царские места или троны. Во дворце кресла подавали одному только государю и лицам царского семейства, а из посторонних – одному только патриарху,

когда в торжественные дни или запросто он посещал государя. Для этого в царской казне в Шатерной палате сохранялись особые кресла, которые так и назывались *патриаршими*. Послам иностранных держав подавали иногда скамью, что, однако ж, считалось большою почестью. До конца XVII столетия кресла назывались *стулом*; следовательно, при незначительном употреблении стульев они строго не различались и в названиях. Форма древних стульев и кресел была очень проста. Кресла состояли из четырех *стоячих столбиков* – двух *передних*, поменьше, и двух *задних*, между которыми утверждалась спинка или *верхняя доска*, иначе *щит*, почти всегда украшенный *коруною* или *орлом*, а столбики яблоками. Столбики связывались *перететивьями* верхними, где был щит, и нижними, *где живет* (т. е. где кладется) *подушка*. От задних к передним столбикам по сторонам протягивались ручные *помочи* или *подручки*. Внизу столбики связывались также перететивьями, которые называли *подножками*. Внизу же спереди кресел устраивалось *подножье* или приступка. Нижние части столбиков составляли ножки кресла, которые делались в виде яблок, также в виде звериных, львиных лап. Стул от кресел отличался тем только, что не имел ручных помочей или подручек. Обиваемые атласом, бархатом и золотными тканями, кресла и стулья украшались, сверх того, искусною резьбою, которая расписывалась красками, серебрилась и золотилась. В 1625 г. царю Михаилу Федоровичу были устроены кресла из липового дерева, резные иконниками и резцами (резчиками) Андреем Андреевым и Петром Алексеевым, а также знаменщиком (рисовальщиком) Петром Ремезовым, который вырезал к креслам наверх *щит* и на щит *орел* и *львы звери*. На позолоту этих кресел вышло 380 листов золота сусального доброго. В 1645 г. в июле новые кресла царя были обиты медными золочеными гвоздями. В 1664 г. шатерные мастера (драпировщики) обивали в хоромы царя Алексея Михайловича три кресла червчатым сукном, четыре – червчатым атласом с золотными галунами и одно кресло – червчатым травным бархатом с бахромою. В том же году сделаны кресла царице Марье Ильичне, деревянные кленовые

точеные, которые позолотили и обили червчатым виницейским бархатом. В царицыной Мастерской палате в 1676 г. хранились: «…кресла немецкое дело обиты бархатом червчатым по швам кружевцо серебряное узкое, прибито гвоздьем. Под ними четыре вертлюги, в вертлугах четыре колеса золочены». В 1689 г. для царицы Натальи Кирилловны обиты четыре золоченые кресла бархатом зеленым, красным и осиновым. Для обиванья употреблялись медные литые гвоздья, разноцветные нитные покроми, галун и бахрома шелковая и золотная. Нередко кресла делались без подушек; в таком случае на *седалища* клали *зголовья* бархатные, атласные и парчовые; это были, так сказать, подвижные подушки, которые могли употребляться при нескольких креслах, смотря по нужде. *Застенки* или спинки и *подручки* при обивке подкладывали хлопчатою бумагою. Также обивались и стулья; в 1668 г. царевичу Алексею Алексеевичу стул обит атласом турским золотным по червчатой земле. Когда садились в кресла, то к ним всегда приставляли *приступы* или *колодочки приступные* – род скамеек, обитые сукном или бархатом с галуном. Иногда комнатные кресла делались на колесах медных или железных луженых (в 3 $^{1}/_{2}$ верш. в диаметре), как, например, золоченые кресла царицы Марьи Ильичны в 1667 г., кресла царицы Натальи Кирилловны в 1692 г. и кресла царя Иоанна Алексеевича в 1695 г.

Кроме комнатных, были кресла или стулы выходные, которые употреблялись только в царских выходах, на посольских приемах и вообще в торжественных случаях и после сохранялись обыкновенно в Шатерной казне, в Мастерской палате или на Казенном дворе с другими драгоценностями. Выходные кресла и стулы весьма богато украшались – и не только золотными материями, но даже кованым золотом, серебром и драгоценными каменьями. В числе их был и костяной стул, приписываемый великому князю Ивану Васильевичу с вырезанными изображениями событий из истории царя Давида и некоторых предметов из древней классической мифологии. Как этот стул, так и драгоценные кресла царей Михаила и Алексея сохраняются до сих пор в Оружейной палате. С начала XVIII столетия

они получили значение тронов, и два последние доселе употребляются при высочайших коронациях.

В последних годах XVII столетия некоторые комнаты дворца были уже обмеблированы или, по старому выражению, «наряжены» по-европейски. Обычные лавки были заменены стульями; на стенах висели зеркала. Для наряда новой комнаты, построенной в 1692 г. на Куретных воротах, на Светлишной палате, были употреблены: «стол – доска каменная в рамах деревянных длиною полтора аршина; подстолье резное, прописано серебром, золотом и красками. *Шаф* дубовый, большой, с лица и со сторон оклеен синослоем, резной; двенадцать *стулов* бархатных красных и алых, в том числе два персидских полосатых, все без подушек, обиты медными гвоздями. Четыре *зеркала* в свету длиною по аршину, шириною по три четверти, в рамах из черного гебанового немецкого дерева». В том же 1692 г. в июне царица Наталья Кирилловна подарила стольнику Ивану Ивановичу Нарышкину «12 стулов золотных немецких», которые были куплены в овощном ряду по рублю за стул. Стулья – точно так же, как и кресла, расписывались красками по золоту и серебру. В Мастерской государевой палате в 1630 г. хранился «стул деревянной золочен, поволочен бархатом червчатым, прибои и по составам и по концам плащи и вертлюги и гвозди серебряны золочены». В 1681 г. десять точеных стулов были покрыты по серебру, одни – красною, а другие – зеленою сквозною краскою. Кроме разных шелковых материй для обивки стульев употреблялись также золотные кожи.

Зеркала в древнее время употреблялись только как принадлежность туалета; поэтому они были невелики и даже редко висели на стенах, а большею частию сохранялись в особых влагалищах или чехлах, стеганных на хлопчатой бумаге, или же в особых готовальнях, т. е. футлярах, вместе с гребешками и другими подобными предметами. Значение комнатной мебели зеркала получили едва ли не со второй половины XVII сто-

летия; но и в это время они составляли убранство одних только внутренних постельных хором и не имели еще места в парадных приемных комнатах, надобно думать, потому что царственный и притом благочестиво-назидательный, научительный и строгий характер всего убранства этих последних комнат не допускал помещения среди благоговейно чтимых предметов и священных изображений стенописи таких вещей, которые относились более к суетности человеческой и вообще являли обыкновенные житейские, мирские или светские затеи. По крайней мере, зеркало долго еще оставалось предметом, мало сообразным с общими в то время понятиями о приличии и пригожестве в убранстве парадных комнат. Оно и в постельных хоромах всегда задергивалось тафтяными или другими шелковыми завесами или же было с затворами по-киотному, так что представляло не предмет роскошного убранства, а собственно предмет необходимости и житейской потребности, подобно тому как теперь находятся зеркала в алтарях церквей.

Стенные комнатные зеркала устраивались, как мы заметили, или по-киотному, со створками, или вставлялись в рамы и станки деревянные, украшенные резьбою, раскрашенные цветными красками, вызолоченные или высеребренные, смотря по вкусу хозяина. Иные станки и рамы украшались инкрустацией из меди, олова, перламутра, кости и янтаря. Впрочем, гораздо чаще рамы оклеивали бархатом червчатым, вишневым, черным, также кожею басменною, т. е. тисненною золотыми или серебряными травами и разводами. В конце XVII столетия зеркальные рамки и станки стали делать из черного «гебонового» дерева. Более роскошные зеркала привозились из-за границы в дар от послов и торговых людей. На Казенном дворе в 1640 г. хранилось присланное государю голстенским князем «*зеркало* хрустальное большое, края оправлены серебром, каймы серебряны золочены; на полях на серебре люди и личины и травы разные; на заде доска деревянная белая. По смете серебра 16 ф., по 10 руб. фунт». В 1671 г., декабря 8-го, польский посол поднес царице Наталье Кирилловне вскоре после ее свадьбы «зеркало хрустальное: наверху зеркала, посторонь хрустальные травы с

висюльками; под ними две пугвицы хрустальные; по верхним углам по два репья хрустальные ж, по пугвице хрустальной; на нижнем конце зеркала по углам по два репья да по пугвице повешены; промеж репьев два подсвечника, под ними хрустальные висюльки; промеж подсвечников перемычка хрустальная; на средней перемычке репей хрустальный, а от репья повешены висюльки хрустальные, по конец перемычки репьи ж хрустальные по обеим концам с висюльками»[1].

Величина зеркал в то время еще не была значительна. В 1665 г. царю Алексею «Голландских Статов посол Якубос Борель поднес зеркало *большое* в вышину дву аршин без чети, поперек аршин 6 верш. и с деревом. Рама была украшена коруною резною золоченою, а на коруне крест». Другое зеркало, поднесенное тем же Борелем, вышины имело аршин 6 верш., поперек аршин 2 верш. и с деревом. Оно было вставлено в черепашном ободу. Русские торговые люди овощного ряду оценили первое в 35 руб., второе – в 15, а иноземцы – первое – в 50 руб., второе – в 30 руб. Через немецких торговых людей всегда можно было получать очень хорошие зеркала и всякие другие предметы мебели и комнатного убора. Когда в 1662 г. понадобилось послать дары кизылбашскому шаху, то у немцев между прочим было взято «зеркало большое, а к нему сделан станок резной, в местах по правую сторону два мужичка, по левую сторону то ж, писаны живописным письмом, резные и позолочены на-красно подзуб; посторон травы прорезные ж золочены; в исподи станка травы прорезные золоченые ж, в средине зеркало хрустальное. На верху того станка корона прорезная золоченая, в средине той короны зеркало большое хрустальное круглое. (Другое) зеркало большое, станок индийских черепах». В 1676 г. в царицыной казне хранились: «*зеркало* большое хрустальное (описанное выше 1640 г.), края оправлены серебром, золочены; на полях люди и личины и травы резные; на хрустале струйка тоненька. *Зеркало* велико четвероугольно, около ободу по рези золочено; в резях две

[1] Книга Казенного приказа, взнос в хоромы, 7188 г. № 242. «А по ярлыку цена (зеркалу) пять рублев».

девки да птички[1]. Зеркало четвероугольно, каймы медные чеканные посеребрены». На Казенном дворе в 1679 г. хранились: зеркало хрустальное, влагалище около его – наряд янтарной; на правой стороне столбик янтарной же, на столбике человек белый; по другую сторону ж такие ж столбики янтарные, внизу таков же человек, наверху столбиков по человеку белому, по янтарному, около столбиков янтарной снаряд, в них втираны люди и личины белые костяные. Наверху у зеркала человек, по сторонь по человеку, главы белые. *Зеркало* большое в черном стану, по сторонам и по исподнему концу местами круги золочены, по краям и по углам травы золочены; круги и ставки золочены кругом сусальным золотом; поверх стекла в верхней коруне птица червчатая, на главе бело, хвост и у крылей – жолты, концы у перей сизы».

В конце XVII столетия в царской казне, в Оружейной палате, хранились между прочим: *зеркало* стенное с затворами, сделано по-киотному; в средине на затворах больших и малых 23 стекла; меж всех стекол обито оловом белым; на затворех сверху и позади обито жестью красною и слюдою и репьями оловянными. *Зеркало* стенное покрыто было кожею серебряною, и слюдою, по местам попорчено; круг стекла дорожник черный воловатый. *Станок зеркальный* деревянный, покрыт кожею черною, печатано золотом; внутри один затвор оклеен атласом красным; посередь затвора обложено кружевом золотным; а по краям и по углам оклеено галуном, шелк зелен с золотом. Вот описание нескольких зеркал, находившихся в комнатах боярина Артамона Сергеевича Матвеева и во время его опалы, в 1676 г., отобранных в царскую казну: «Зеркало хрустальное, около его станок хрустальный, а в нем врезаны кости, а в тех костях вырезаны лица, люди и звери. Пять зеркал больших с коронами, в станках деревянных. У одного зеркала станок с короною, а на нем вырезаны звери и змеиные головы и травы, позолочен весь. У другого зеркала

[1] «184 (1676 г.) июля 12 сие зеркало из ободу вынято и вставлено в новый обод черный, и подано ко государыне царице в хоромы, а обод подан ко государю царевичу Петру Алексеевичу в хоромы, на потешки».

станок с короною ж, а на нем наверху в короне вырезаны два человека, а около вырезаны травы и виноград, позолочен и посеребрен и писан красками. У третьего зеркала станок с короною ж, а в короне вырезаны два человека, а наверху птичка, а меж людей голова звериная, а по сторонам внизу два человека с трубами, да два рака. У четвертого зеркала станок, а на нем вырезаны травы, а внизу вырезана щеть, да три гребня, позолочен весь. У пятого зеркала на станку корона резная, а в ней, в средине, в кругу, написаны три человека под древом; станок деревянный, черный, а по нем крыто черепахою». В числе 76 зеркал, отписанных в казну в 1690 г. из имения князя В. В. Голицына и его сына Алексея по случаю их опалы находились: «Два зеркала в рамех, у одного – два человека высеребрены, а у них крылья и волосы вызолочены; одному (зеркалу) цена 60 руб., другому – 35 руб. Два зеркала в дву рамех позолоченных резных с указными часами; цена большому – 30 руб., другому – 3 руб.».

В комнатах зеркала помещались в простенках, между окон, или на глухих стенах, смотря по удобству, и всегда, как мы говорили, задергивались завесами на кольцах, тафтяными, атласными или бархатными, обшитыми сверху подзором, снизу бахромою, а по сторонам – кружевцом, также из шелка или из золотного и серебряного плетенья.

В постельных хоромах, стены которых не были украшены живописью, ее заменяли *картины*, *парсуны* или *персоны*, т. е. портреты, и *фряжские листы*, эстампы, в рамах без стекол и за стеклами. Содержание *картин* подчинено было тому же господствующему церковно-назидательному характеру живописи, о котором мы говорили при обозрении комнатных украшений. Предметы для изображений брались преимущественно из царственных книг библейской истории и носили общее название *притчей*. Несмотря на то, картины довольно резко отличались от икон, потому что писаны были в живо-

писном стиле иноземными художниками, жившими в Москве по приглашению царей. Со времени царя Михаила Федоровича иностранные живописцы, постоянно один за другим, приезжали в Москву служить своим мастерством при царском дворце, который они украшали и картинами, и стенописью. В 1642 г. выехал к нам немчин Иван *Детерс*, умерший в 1656 г. В это время его место придворного живописца занял смоленский шляхтич Станислав *Лопуцкий*; его сменил в 1667 г. Цесарской земли живописец Данило Данилов *Вухтерс*, писавший живописное письмо самым мудрым мастерством. К сожалению, он находился при дворце один только год и потом был отставлен, неизвестно по какому случаю. В то же время (1667 г.) выехал из Персии армянин Богдан *Салтанов*, записанный в 1675 г. за свое искусство и за службу и особенно за то, что он принял православную веру, в дворяне по московскому списку. В 1670 г. поступил в дворцовые живописцы на место Лопуцкого поляк Иван *Мировской*, украсивший живописью Коломенский дворец. С этого же времени является при дворце *преоспективного дела мастер Петр Энглес*, который, как и Богдан, в крещении Иван, Салтанов своим искусством и деятельностью далеко превзошли всех своих предшественников и товарищей. Наконец, в 1679 г. ко дворцу взят был живописец «иноземец Анбурские земли» Иван Андреев *Валтер* за написанную им персону стольника князя Бориса Алексеевича Голицына.

Служба всех поименованных художников не ограничивалась только работами для дворца; они обязывались также выучить живописи русских учеников. Некоторые выполнили это с большим успехом, и их ученики сделались впоследствии известными мастерами, как, например, Иван Безмин, Дорофей Ермолин – ученики Лопуцкого и Вухтерса; Карп Золотарев и араб Марк Астафьев – ученики Богдана Салтанова. Иван Безмин за свое искусство записан был даже в дворяне по московскому списку. Немецкий живописец Иван Детерс приготовил было также трех учеников, но они рано умерли. В конце XVII столетия из русских учеников образовалось нечто вроде школы, которая живописный западный стиль внесла даже в

самую иконопись и церковную стенопись[1]. Возвратимся к картинам. Несмотря на то, что большая часть сведений по этому предмету ограничивается только указаниями, что тогда-то таким-то мастером писана по полотну картина, мы все-таки имеем несколько любопытных данных, по которым вообще можем судить о том, что именно изображали эти картины.

В 1667 г. немецкий живописец Данило Вухтерс (Фуктерс) написал царю Алексею Михайловичу «Пленение града Иерусалима» и в феврале 25-го другую картину – «Град Иерихон» по полотну живописным письмом. В том же году он начал писать около государевых лучших шатров двор по полотну из книги Александрии, т. е. деяния Александра Македонского. В том же году другой живописец – армянин Богдан Салтанов писал также по полотну к государеву большому шатру двор государев и поднес государю картину «Притчу о царе Дионисии, мучителе Сивилийском», а ученик его, Карп Золотарев, в 1672 г. поднес картину «Чувство осязание». Впоследствии во дворце находились картины с изображением всех «Пяти чувств»[2].

В 1669 г. Салтанов написал государю картину по полотну «Рождение царя Александра Македонского». В 1669 г. живописцы Иван Мировской да Станислав Лопуцкий писали для Коломенского дворца «*клейма* (гербы) государево и всех вселенских сего света государств». В том же году Станислав Лопуцкий писал по холсту герб Московского государства и иных окрестных государств и подо всяким гербом «планиты, под которым каковые». В 1677 и 1678 гг. Салтанов же написал по полотнам две притчи: Видение царя Константина, когда ему явися крест в облацех на небеси, и подписал на них золотом

[1] Вот несколько имен русских мастеров и учеников живописного дела, упоминаемых в это время по случаю разных дворцовых работ: Василий Познанский, Кипреян Умбрановский, Ерофей Елина, Лука Смольянинов, Григорий Одольской, Семен Лисицкой, Борис Давыдов, Михайло Чоглоков, Алексей Филиппов, Герасим Костоусов, Гаврило Бельков, Михайло Селиверстов, Леонтий Чулков, Петр Тропарев и мн. др.

[2] В 1682 г. в марте истопник Семен Золотой был послан в Преображенское, в Покровское, в Измайлово, – «а велено ему обыскать в государевых хоромех *пяти чуфств*, писаны на полотнах живописным письмом», которых, однако же, не было там найдено.

подпись – слова. «А поставлено то полотно в рамах деревянных у него, великого государя, в Верху у Золотого крыльца, на площади, у деревянной переграды».

В 1679 и 1680 гг. «преоспективного дела мастер Петр Энглес» писал царю Федору Алексеевичу притчи: «Царя Давида на престоле седяща, как он благословил сына своего Соломона на свое царство; да Царицу Южскую, как она пришла к царю Соломону с подносными дарами; да притчу Святая Святых, как созидал царь Соломон». Далее (в 1680 г.) «притчу – Брак царя Соломона на полотне большом, да другую притчу – Идолопоклонение», а также написал преоспективным письмом еще «Притчу пророка Иезекиа с пророчествы» из царственных книг. В то же время Иван Салтанов с Иваном Безминым написал в хоромы царевен «Евангельскую притчу, как беседует Иисус со учители». В 1680 г. Иван Безмин писал на полотне (63 арш.) в Верх к государю *лунное течение, солнце, месяц, звезды*. В 1681 г. Безмин написал еще «Притчу царя Соломона, как приходила к нему на поклон Царица Южская». Картина была вышиною 2 $^{1}/_{2}$ арш., в ширину 4 арш., рама золоченая с флемованными дорожниками. В 1686 г. в хоромы царевны Федосьи Алексеевны написана на полотне длиной 6 арш., шириной 5 арш. картина «по золоту травы розными цветными краски», которая и помещена в царевнином чулане или спальне. В том же году в новые каменные комнаты царевны Софьи Петр Энглес написал на полотне *преоспективную* картину во всю стену по размеру. В 1689 г. в комнаты царицы Натальи Кирилловны было написано 15 картин «Страсти Господни»: Распятие, Снятие со Креста, Положение во гроб и пр., в вышину каждая 1 $^{3}/_{4}$ арш., в ширину 1 $^{1}/_{2}$ арш.; рамы украшены двумя флемованными золочеными дорожниками, между которыми средина была посеребрена. В 1691 г. живописец Михаил Чоглоков с товарищи написали 20 картин. В 1694 г. царевичу Алексею Петровичу писали картину на полотне «Солнце, луну, кругом двенадцать месяцев», а в 1696 г. живописец Ерофей Елина написал ему «преоспективно», длиною и шириною в аршин. В 1697 г. ему же, царевичу, ве-

лено написать на полотне Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим) и «преоспективно – медведя с медведицею и волка и зайцов», мерою ширины 1 $^{1}/_{2}$ вышины 1 арш., на которое полотна пошло 4 арш. 15 верш. В 1694 г. Иван Салтанов с другими живописцами писал царю Петру Алексеевичу двадцать три картины «бои полевые разными образцы», применяясь к немецким картинам, в свету по 2 $^{1}/_{4}$ арш., вверх по полтора аршина, против немецкого образца; а в 1697 г. восемь картин «морского ходу воинских людей, применяясь к заморским немецким картинам или к фряжским листам»; все эти картины шириною были ок. 2 арш., а вышиною в полтора аршина.

Были также картины, писанные на бумаге соковыми красками и золотом и называвшиеся *живописными листами*. В 1679 г. живописец Карп Золотарев написал для семилетнего царевича Петра Алексеевича, на александрийском большом листе, золотом и красками, «двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в Столовой в подволоке написано». В 1686 г. живописными листами, в флемованных рамах, украшена была комната царевны Софьи Алексеевны. Еще раньше, в 1683 г., у нее в числе таких листов находился какой-то *родословный лист* в расписанной рамке. В 1694 г. царевичу Алексею Петровичу писали на четырех листах иконописным письмом «*четыре стихии да двенадцать месяцев*». В 1687 г. в комнате царевны Екатерины Алексеевны на трех живописных листах были изображены: на одном – образ Успения Богородицы, на двух остальных – святые Антоний и Феодосий Печерские.

Персоны или портреты украшали стены также в одних только постельных хоромах. Само собою разумеется, что в царском дворце занимали свое место только портреты особ царского семейства или высших духовных властей и некоторых иноземных государей. Многие портреты были писаны с натуры или, как говорили тогда, с *живства*. С натуры или с *живства* писал государеву парсуну в 1661 г. живописец Станислав Лопуцкий. О других портретных работах, упомянутых выше живописцев прямых сведений мы не имеем. Кроме иноземных живописцев, писавших такие персоны при царе

Алексее Михайловиче, с 1671 г. известен был как портретист, писавший с живства, иконописец Федор Юрьев. Иконописец Симон Ушаков писал также и портреты. В 1669 г. он написал красками по полотну государскую персону александрийскому патриарху Паисию. В 1682 г. в казне покойного царя Федора Алексеевича хранились три персоны: царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, писанные на полотне, и царицы Марьи Ильичны, писанная на доске.

В 1671 г. живописец Салтанов поднес государю на Пасхе «пять персон розными статьями» на полотнах, каждая в полтора аршина длиною. В 1677 г. живописец Иван Безмин позолотил и посеребрил трои рамы, одна к Распятию Господню, другая – к персоне царя Константина да к персоне царя Алексея Михайловича, третья – к персоне царицы Елены да к персоне царицы Марьи Ильичны. В 1678 г. в феврале тот же Иван Безмин писал государскую персону у себя на дому, а Иван Салтанов написал в хоромы государю по полотну Распятие да образ царя Константина и матери его Елены, да персону царя Алексея, персону царицы Марьи Ильичны и персону царевича Алексея Алексеевича в предстоянии у Распятия, как довольно часто изображались царственные лица. Эта картина сохраняется до сих пор в одной из теремных церквей. В том же году Иван Салтанов писал персону царя Алексея *во успении*, а иконописец Федор Евтихеев писал (15 июля) в собор Архангела Михаила на большой доске к государским гробам образ Спаса и к тому Спасову образу молящие в царских коронах царь Михаил Федорович и царь Алексей Михайлович. В 1681 г. иконописец Карп Золотарев написал государю в хоромы персону Иоакима – патриарха в святительской одежде. В 1682 г. иконописец Симон Ушаков и живописцы Салтанов и Безмин написали царю Федору Алексеевичу две поясные персоны его отца – царя Алексея. В комнатах царя Федора находилась и его собственная *персона* – портрет, для которого в январе 1682 г. вызолочены рамы с «флемованными дорожники», в вышину и в ширину по 3 $^{1}/_{2}$ арш. В 1694 г. (в феврале) живописец Михаил Чоглоков написал «образ (персону) во успении государыни

благоверной царицы и великой княгини Натальи Кирилловны» на полотне длиною 2 $^{1}/_{4}$ арш., шириною 1 $^{1}/_{2}$ арш. Рамы сделаны флемованные и прикрыты чернилами. В 1696 г. написана «персона царевны младенца Марии Иоанновны по преставлении ее», поставленная тоже в черную столярскую раму.

Кроме разных других персон, имена которых нам неизвестны, в хоромах царя Федора в 1681 г. находились персоны короля польского и короля французского, может быть, Лудовика XIV – современника царю. В комнате царевны Марьи Алексеевны в 1687 г. висела в рамах с флемованными дорожниками персона покойного царя Федора – ее брата. В 1699 г. в комнате царевны Натальи Алексеевны в трех вызолоченных рамах висели персона брата ее царя Петра Алексеевича и живописные изображения его тезоименитых ангелов Петра и Павла. В том же году к *персоне печатной* на листу царя Петра делали рамы флемованные золоченые. Рамы на портретах и картинах были гладкие или резные, золоченые, серебрёные, иногда расписанные красками или просто вычерненные под черное дерево. В казне Оружейной палаты в 1687 г. хранились: *парсуна* царя Михаила Федоровича, писана по цке длина аршин 10 верш., ширины 1 арш. 1 $^{1}/_{2}$ верш.; *парсуна* царя Алексея Михайловича писана по полотну, длина 3 арш. 2 верш., ширина 2 арш. 1 верш.; *парсуна* по преставлении царя Алексея Михайловича писана по полотну в черных рамах, длина 2 арш. без вершка, ширина 1 арш. 11 верш. *Персона* киевского митрополита Петра Могилы, длина 3 арш. без чети, ширина 1 арш. 9 верш.

Что же касается до *фряжских листов*, то здесь дóлжно разуметь эстампы, гравированные на меди и на дереве. В царском быту они появляются еще в начале XVII столетия под общим названием *потешных немецких печатных листов* и, без сомнения, были известны и в XVI столетии, как можно заключить и из Записки Барберини, который предлагал в 1565 г. выслать в Москву тетрадь *рисунков* с листьями, арабесками и

тому подобным и просил также верных *оттисков* с изображениями разных государей. Подобными *фряжскими* и *немецкими* листами с XVII столетия торговали в Москве в Овощном ряду. Во дворец их покупали для государевых детей вместе с игрушками. Малолетные царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вместе с тем получали из них сведения о некоторых предметах естественной истории, географии, всеобщей истории и пр. Таким образом, например, в комнатах царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 г., висело «пятьдесят рамцов с листами фряжскими». Самое название этих листов немецкими и фряжскими указывает на их происхождение: они вывозились к нам с Запада. В числе их, может быть, встречались гравюры известных художников. Впоследствии и у нас стали печатать эти листы на дереве, на лубу (*луб* – доска особой пилки), отчего, как можно объяснять и как вообще объясняют, они и получили название лубочных картинок. Но вероятно также, что листы могли получить свое прозвание от разрисовки и раскраски *лубяных коробей*, какие в XVI и XVII столетиях были в большом употреблении. Судя по сохранившимся памятникам (подобные коробьи находятся в Историческом музее), нельзя не видеть, что лубочные картинки, и именно *деревянной печати*, носят полнейшее сходство с упомянутыми *писаными* коробьями, так что лубочный рисунок и его раскраска могли послужить образцом и для его воспроизведения печатным делом. Кроме того, есть известие, что еще в XV столетии на *лубу* писали, чертили чертежи, планы[1], следовательно, *луб* употреблялся вообще для рисования вместо харатьи и бумаги, которые тогда были для простых людей очень дороги. Известно также, что для письма употреблялась и береста. Таким образом, *лубочная* картинка могла существовать и до изобретения печатного дела. По свидетельству Кильбургера (1674 г.), в московской и киевской типографиях, кроме церковных книг, печаталось так-

[1] «Княжой боярин да соцкой тое воды досмотрели, да и на луб выписали и перед осподою положили, да и велись по лубу» (Правая грамота 1483 г. в Актах юридических. – С. 3). См. нашу «Заметку о памятниках простонародной литературы» (Библиографические записки. – 1892. – № 2).

же много образов и эстампов на дереве[1]. В домовой казне патриарха Никона находим 270 листов фряжских, «лист печатной большой *подволочной*; на большом листу часть Космографии; на большом же листу Космография»[2].

В конце XVII столетия *фряжский стан* для печатания эстампов на меди заведен был в царском дворце при Верхней, т. е. придворной типографии. В 1677 г. органист Симон Гутовский сделал к государю в хоромы «станок деревянной печатной, *печатать фряжские листы*»[3]. В 1680 г. резец Афанасий Зверев резал для государя на медных досках «всякие фряжские рези».

В царских хоромах фряжские листы обыкновенно прибивались к стенам луженными гвоздиками по деревянному дорожнику, который служил таким образом вместо рамки. Так обиты были фряжские листы по стенам в комнатах царевен в 1680 г. и в деревянных хоромах царя Федора Алексеевича в 1681 г. В 1680 г. в новопостроенных палатах, что над «Судебнею царицыны Мастерской палаты» *фряжские* листы были прибиты по стенам дорожником *калеваным*, которого в то время для этих листов и для подволоки было сделано 500 арш. В 1682 г. в марте, по сказке живописцев Ивана Салтанова и Ивана Безмина, понадобилось в государевы деревянные хоромы на обивку фряжских листов сто колодок гвоздья луженого. Количество этих гвоздей и упомянутого дорожника явно показывает, что в этих случаях листы были употреблены не в качестве картинок, а в качестве картинных обоев. В том же 1682 г. в хоромы царевича Петра Алексеевича взято *сто листов фряжских*, из которых многие, без сомнения, пошли на украшение стен. Иногда листы даже приклеивались к стенам, как, например, в 1685 г. в «верхних каменных чердаках» царского Теремного дворца. Но гравюры со священными изображениями вставлялись большею частью в рамки. В хоромах царевны Софьи (в

[1] Краткое известие о Русской торговле, каким образом оная производилась чрез всю Россию в 1674 году. – СПб., 1820. – С. 183.

[2] Временник Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 15. – 1852. – С. 114.

[3] Книга Приходо-расходная Оружейной палаты 7186 г. – № 237.

1686 г.) висели на стенах в золоченых и расписанных красками рамках: «Образ Спасителя в терновом венце, немецкие печати, на бумаге, ризы и поля наклейные байбереком, в правой руке трость. Образ Распятия, на бумаге ж, немецкой печати, в подножии у Распятия град Иерусалим, наклейные. Образ Богородицы Чанстоховския, печатный на желтой тафте, в клейме, в травах золоченых. Образ Рождества Христова, знаменной (т. е. рисованный), на углах евангелисты. Три листа, печатаны на бумаге. Лист, на нем написано "поздравление" царевне. Лист немецкой, на нем написано в клейме поздравление на виршах царевны Феодосии Алексеевны».

Мы должны упомянуть еще о *чертежах*, или живописных географических картах, которые висели на стенах в государевой Комнате. Большею частью такие чертежи писаны были, как говорится, по птичьему полету, с изображением самых зданий, храмов, башен, жителей, гор, лесов и пр. Для царя Алексея Михайловича чертежи писал живописец Станислав Лопуцкий. В 1663 г. он поднес государю «Чертеж всего света», также «Чертеж Индийского и иных государств», а в 1668 г. – «Новой Сибирской чертеж». В 1669 г. вместе с живописцем Мировским он написал, как уже упомянуто, большую картину вроде чертежа «Герб Московского государства и иных окрестных государств гербы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы». В казне Оружейной палаты в 1687 г. хранились «чертежи – три части света: Аврика, Америка, Азия, писаны по полотнам».

В дополнение к этому обзору живописных картин, эстампов и чертежей в царских хоромах считаем нелишним присовокупить описание подобных же картин, украшавших хоромы боярина Артамона Сергеевича Матвеева и князя Василья Васильевича Голицына с сыном Алексеем, отписанных потом в казну за опалу Матвеева в 1676 г. и за опалу Голицыных в 1690 г. У Матвеева находим: «*Персоны*: В черном станку святитель в мантии, а на главе клобук черной, в левой руке посох. Две персоны королей Польских Михаила да Яна. Двенадцать Сивилл поясных, письма старого. Притча, как Иосиф бежал от Петерфиевы жены. В станку Целомудрие, а в правой руке напи-

сан скифетр, в левой руке книга. На полотне написана Весна, в руках сосуд с травами. Сорок один лист, писаны живописным письмом на розных красках и на золоте. Персона боярина Ильи Даниловича Милославского. Да в четырех станках полотна, а на них написано: Артамон в служилом платье, стоячей. На другом полотне он же в служилом платье, поясной. На двух полотнах дети его, Иван да Андрей, стоячие. Пять полотен, а на них написаны персоны немецкие, поясные. Персоны немецкие ж. Личина молодая в шляпе с перьи, стоящая. Десять личин немецких, на полотнах же и в том числе одна на бумаге. Лист печатной на бумаге, а напечатан Голанской князь Вилим. Три листа садового строения, да девять маленьких. *Чертежи*: Чертеж Архангельского города и иных поморских городов и мест, писаной и подписан Русским письмом. Чертеж печатной Свейской и Датской земель. Чертеж Новые земли, Русского письма. Три чертежа печатных, на однех листах Московской, другой Польской, третей Асийской».

Из отписных животов князей Голицыных поступило в царскую казну: «*Персоны и листы писаны на полотнах и на бумаге*: Персона князя Владимира Киевского на полотне, в черных рамах. Персона царя Ивана Васильевича на полотне в черных рамах. Персона царя Федора Ивановича на полотне в черных рамах. Персона царя Михаила Федоровича, на полотне в черных рамах. Персона царя Алексея Михайловича на полотне в черных рамах. Четыре персоны царя Федора Алексеевича, одна в рамах черных, поясной; две писаны на полотнах, одна в черных рамах, другая в золоченых, четвертая писана на цке. Персона святейшего Никона-патриарха, сакос и омофор и понагия, наклееные розных цветов обьерми. Персона Иоакима-патриарха писана на полотне в рамах золоченых. Три персоны королевских писаны на полотнах в черных рамах. Персона Польского короля на коне. В дву рамах персоны Польского короля и королевы его. 12 персон немецких в круглых золоченых резных рамах. В 20 клеймах золоченых писаны на полотнах лицы, времена, стихии и праотцы. Персона за стеклом в рамех золоченых князь Василья Голицына. В черных рамах писано

на полотне притчи из Библии. В четырех рамах золоченых резных четыре листа немецких (по 5 руб. за лист). 12 персон немецких печатных в рамах золоченых, в том числе один лист без рам. Пять листов землемерные чертежи печатные немецкие наклеены на полотнах, 9 листов немецких землемерные в черных рамах. Личина человечья писана на полотне. Лист немецкой в деревянных рамах, по сторонам написано по пистоли. Две личины каменные. Герб князя Василья Голицына. Персона его ж князя Васильева писана на полотне».

Из этого перечня можно видеть, что картины, эстампы, географические чертежи и другие подобные предметы не составляли принадлежности одного только дворца, но проникали, хотя и редко, и в боярские домы. Притом знаменитый Матвеев – по своему уму и образованию едва ли не первый боярин того времени – и не менее знаменитый князь В. В. Голицын в настоящем случае не могут, однако ж, служить единственным исключительным примером. Кроме некоторых других лиц, современников им, мы можем указать также на Никиту Ивановича Романова – царского родственника, который жил прежде и нисколько не уступал им в стремлении к образованию, любил музыку, носил даже немецкое платье, по крайней мере, выезжал в нем на охоту. Вообще в XVII столетии боярский быт стал во многом изменяться против прежнего. Примеры первых бояр не оставались без влияния. Очень жаль только, что до сих пор еще мало открыто памятников, которые могли бы ближе познакомить нас с частным боярским бытом того времени.

Мы видели, что еще в первой половине XV в. в московском дворце стояли часы башенные. По всему вероятию, к тому же времени до́лжно отнести и употребление комнатных часов *столовых* и стенных или *гирных*, указных, а также и *воротных* или *зепных*, т. е. карманных, которые носили на цепочках на вороту, в зепи или кармане. Тогда все такие часы были большою редкостью в Москве и привозились иноземцами, прода-

вавшими их, вероятно, за очень дорогую цену. Когда Москва в XVI уже веке завязала частые посольские сношения с западными государствами, то в числе даров, подносимых государю, не последнее место занимали и часы более или менее хитрого и затейного устройства. Само собою разумеется, что дар тем и славен был, что был дорог материально или же чуден хитростию искусства и работы. В XVI столетии, без сомнения по редкости, часы подносились наравне с золотом и серебром и с другими диковинами разного рода, например попугаями, обезьянами и т. п. Так, в 1557 г. шведские послы поднесли царю Ивану Васильевичу «кубок золочен с покрышкою, поставной, а наверху, в покрышке, *часы*»[1]. В 1594 г. цесарев посол Варкач поднес царю Федору Ивановичу от цесаря «*часы* меденые золочены с планитами и с святцы; и от себя *часы* медены золочены с планитами»[2]. В 1597 г. послы императора Рудольфа поднесли государю в поминках от императора «*часы* с перечасьем, с людьми и с трубы и с накры и с варганы; а как перечасье и часы забьют и в те поры в трубы и в накры и в варганы заиграют люди, как живые люди»[3]; *часы* с перечасьем, и как перечасье забьют и в те поры те часы запоют «розными гласы». Да посол Аврам от себя челом ударил государю: «*часы* с семью планитами серебряны, а под часами ящики деревянные, розными цветы, серебром окованы, с чернильницею». Дворяне челом ударили «двои *часы* боевые». Тогда же император прислал в числе поминков государеву шурину и слуге боярину Борису Федоровичу Годунову «*часы* стоячие боевые с знамены небесными» и сыну его Федору Борисовичу «*часы* стоячие боевые, а приделан на них медведь». Сверх того, от посла Годунову поднесены двои часы маленькие боевые, воротные[4]. Таким образом,

[1] *Карамзин Н. М.* Указ соч. Т. VIII. – С. 152. – Прим. 458.

[2] Памятники дипломатических и торговых сношений. Т. II. – СПб., 1892. – С. 95.

[3] Эти часы после, в 1605 г., поднесены были от Лжедимитрия в дар Марине Мнишек по случаю обручения. Их признали в Польше удивительными.

[4] Памятники дипломатических и торговых сношений Т. II. – С. 492, 518. В боярском быту, в начале XVII столетия, у князя Дмитрия Ивановича Шуйского упоминаются также «часы боевые с игрой, влагалище золочено». (Акты Исторические. Т. 2. – № 340).

в Московском дворце даже и затейливые часы не были особенною редкостью. Их выставляли напоказ обыкновенно во время посольских и других приемов. Так, в 1588 г. при кизылбашских послах во время стола в Грановитой палате в другом окне, по правую сторону от трона, стояли часы боевые золочены немецкое дело, походные, на слонех[1]. При Годунове в Грановитой палате висело паникадило в виде короны с боевыми часами.

В 1621 г. в Грановитой палате на окне стояли *часы боевые на телеге*, ходившие на доске, обитой червчатым бархатом. В 1629 г. в октябре немчин Христофор Галовей – часовник фроловской башни починивал государевы *часы – башня цесарская большая*. В 1645 г. в ноябре дурак Исай испортил комнатные круглые часы *указные* (может быть, стенные), которые и исправлял часовник Максимко Анкудинов. В 1659 г. у царевича Алексея Алексеевича в комнате стояли часы *цынбальные*, с цынбальцы и с немцы, с башенкою. В 1674 г. в августе куплено 50 струн бараньих *романских*, да две большие струны, которые и отданы часовнику иноземцу Ивану Яковлеву для починки «часов больших медных, которые ставятся у великого государя в Комнате на окне при послах, с трубачи и со слоном». В 1675 г. в мае в хоромы царевича Федора Алексеевича куплены за 30 руб. у иноземца Галанской земли Логина Фабричьюса – «часы боевые столовые медные золоченые с перечасьем и с будильником немецкого дела, самые добрые». В 1681 г. в апреле часовник Дмитрий Моисеев починивал «*часы большие, что с действы блудного сына*».

Вот описание часов, которые в XVII столетии стояли в царских комнатах или хранились в казне: «1634 г. – *часы* колымага; *часы* паникадило (в Столовой); *часы* большие, винницейское дело с *планидами*; *часы* флягою, на высоком стоянце, с *планидами*; *часы* зеркалом боевые; *часы*, на них на коне турченин; *часы* башнею, что государю челом ударил князь Федор Барятинской (у государыни царицы в хоромех); *часы* ставцом большие указные (у государя в хоромех); *часы*, на них собака (у государыни царицы в хоромах); *часы* сыром, государю челом ударил князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой; *часы* меденные

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. X. – Прим. 130.

боевые с будильником, башнею велики, влагалище янтарное; 1679 г. – *часы* медные, под указом орел двоеглавый, по орлу над главами и по крылью и под шеями хрусталь белый, а около живота хрусталь же да каменье и смазни турские; у орла в ногах: в правой ноге – палаш, в левой – держава; круг орла круг, а по кругу каменье бирюза и смазни и иные всяких цветов; сверх круга трава прорезная медная, в ней в средине кружок серебряной сканной, в средине парсуна человеческая по пояс; под каменьем репейки серебрёные сканные; *часы* немецкие железные в деревянном стану с колоколами, у всякого колокола боевые по два молотка; *часы* в деревянном же стану с колоколами ж, у всякого колокола по два боевых молотка; наверху терем деревянный, около его кубчики деревянные». Далее: «*Часы* четвероугольные сделаны скрынкою; скрына оправлена серебром чеканным белым; в ней органы; наверху перилы; у перил поставлены люди медные с трубами; в средине стоит слон; перила и люди и слон медные золочены; на слоне сидит арап, да часы четвероугольны с чердаком, медные ж золочены». Эти часы, сохраняющиеся в Оружейной палате, ставились, как упомянуто, во время посольских приемов в государевой Комнате (в Каменном тереме), на окне. «*Часы* на поддоне черном сделаны башнею; наверху в чердаке люди; над чердаком орел. *Часы* на поддоне черном сделаны башнею; в башне стекла оправлены серебром чеканным; наверху перила и чердак медные золочены; в чердаке мужик медной же. *Часы* на поддоне медном, чеканном: сидит мужик на коне, а под конем собачка, медные золоченые. *Часы* на колесах; наверху мужик лежит на спине, назади бочка, медные золоченые». В комнатах часы ставились на окнах, как мы видели, или на особых часовых подставах.

Само собою разумеется, что всякого рода замысловатые и особенно богатые часы приходили к нам от немцев и покупались чрез посредство немецких же торговых людей. Так, в 1662 г. в дар кизылбашскому шаху были куплены «часы большие с перечасьем (с игрою); перечасье на 5 голосов в черном немецком дереве. Над часами пять решеток медных прорезных золоченых; дерево круг решеток разное; под часами ящик

простой; позадь часов обтека, а в ней 8 скляночек с шурупы серебрены позолочены, достокан серебреной венец золочен, в средине вызолочено; ложка, вилки серебреные позолочены; решеточка с руковедью да воронка серебреные ж позолочены; 4 стопочки с кровлею серебреной в средине и в кровле позолочены; 4 четвертинки серебряных с кровлями, кровли поверх вызолочены. На верху часов птица (зачеркнуто: жаравль щелкун) стерх да с ним три (зач. маленьких) менших».

Большим охотником до часов был также боярин Матвеев. Адольф Лизек, описывая комнаты боярина, в которых он принимал для совещания цесарского посла Боттония, говорит, что в приемной зале потолок был разрисован: «На стенах висели изображения святых немецкой живописи: но всего любопытнее были разные часы с различным исчислением времени. Так, одни показывали часы астрономического дня, начиная с полудня (какие употребляются и в Германии); на других означались часы от заката солнца – по счету богемскому и итальянскому; иные показывали от восхода солнца, по счислению вавилонскому; другое по иудейскому, иные, наконец, начинали день с полуночи, как принято Латинскою церковию». Собственно русские часы при указании времени, как мы уже говорили, делили сутки на две части: на часы дня с восхода солнца и на часы ночи с солнечного заката. Во дворце и в домах бояр комнатные часы устраивались таким же образом. Из имения князей Голицыных в 1690 г. отписано в казну 15 часов, и в том числе: часы столовые боевые, на них мужик со знаком, цена 70 руб.; часы гирные, цена 30 руб.; часы боевые с гирми, цена 30 руб.; часы двои, одни с гири, а другие столовые медные; часы немчин на коне, цена 5 руб.

Еще в конце XV в. при великом князе Иване Васильевиче был вызван в Москву в 1490 г. *арганный игрец*[1] Иван Спаситель, каплан белых чернецов Августинова закона, который,

[1] Временник Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 16. – 1853 // Смесь. – С. 21.

без сомнения, и приехал для того, чтобы устроить во дворце органную потеху. Быть может, он был и мастером этих инструментов и тогда же занялся их постройкою, если не привез с собою уже готовых. Как бы ни было, но это свидетельство указывает, что в московском дворце органы существовали уже с XV в. Нет сомнения, что в потешном обиходе они с другими подобными инструментами составляли впоследствии необходимую статью дворцовых увеселений. В XVI столетии вместе с органами привезены были во дворец и клавикорды или цимбалы, которые англичанин Горсей поднес в числе других даров царю Федору Ивановичу. Он говорит, что царица Ирина Федоровна особенно удивлялась наружным украшениям этих инструментов, раззолоченных и расцвеченных эмалью или финифтью, так что они должны были служить немалым обогащением и всей меблировки дворца.

В начале XVII столетия «органы и цимбалы» упоминаются уже как самые обычные предметы дворцовых потех. В 1614 г. при дворце находится в службе *цынбальник* Томила Бесов, а в 1617 г. упоминаются органы, стоявшие в *Потешной палате*; далее в 1626 г. «в государскую радость», т. е. во время свадьбы царя, в Грановитой палате играли на цимбалах и на варганах, причем участвовали и тешили государя «*веселые* Парамонка Федоров, *гусельники* Уезда, Богдашка Власьев; *домрачеи* Андрюшка Федоров, Васька Степанов; *скрыпотчики* Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка да немчин новокрещен Арманка».

В 1630 г. приехали в Москву служить ремеслом своим два часовых мастера – Ане Лун и Мелхарт Лун и привезли с собою из Голландской земли *стремент* на органное дело, который они в Москве доделали: «около того стремента станок (кузов) сделали с резью и разцветили краскою и золотом, и на том стременте сделали соловья и кукушку с их голосы, а играют те органы и обе птицы поют собою без человеческих рук». От государя они получили щедрое вознаграждение за этот стремент[1], который поставлен был в Грановитой палате в

[1] Временник Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 16. – С. 23; Архив Оружейной палаты. – № 756.

заднем углу. В 1638 г. в декабре государь «указал быть у своей органной потехе с органным мастером с Юрьем Проскуровским в товарищах иноземцу ж Федору Завальскому, потому что Юрью быть у того дела одному немочно, а ему, Федору, то органное дело за обычай». Царский постельничий Федор Иванович Игнатьев в присутствии стряпчего с ключом Оничкова и дьяка привел органиста Завальского ко кресту: «Что ему быть у государевой органной потехе и никакие б хитрости ему над государевыми органы не учинить».

В 1639 г. государь велел быть в своей Потешной палате у цимбального и у органного дела в мастерах стрельцу Головленкова приказа Якушку Тимофееву, который также был приведен ко кресту. Органное мастерство до того утвердилось при царском дворце, что в 1663 г. царь Алексей «указал сделать в запас для посылки в Персидскую землю арганы большие самые, как не мочно тех больши быть, а сделати б на двенадцать голосов. А что к тому делу каких запасов надобно, и то давать из Оружейныя Полаты. А делати то дело шляхтичу Симону Гутовскому, потому: какие надобно в Персидскую землю, и он то все знает, для того, что он посылан был в Персиду с послы». После за то, что Гутовский отвез к шаху эти органы в сохранности, государь пожаловал ему 50 руб.

Некоторые подробности об органной игре мы приводим в нашем сочинении «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» при описании Потешной палаты, с. 465 и след.[1]

К сожалению, мы не встретили описания органов, которые стояли в Грановитой и в Потешной палатах. В казне Оружейной палаты в 1687 г. хранились уже обветшавшие и испорченные «арганы четыреголосные с рыгалом, а в тех органах 50 труб нет, а на лицо труб 220; кругом резьбы нет, клеветура поломаны». В 1690 г. из отписного имущества князей Голицыных в казну поступили «органы на деревянном крашеном рундуке, цена 200 руб.; органы на стоянце деревянном, цена 200 руб.; органы

[1] В 3-м изд. упомянутого сочинения (М., 1901) глава о дворцовых забавах опущена, но она теперь включена во 2-ю ч. настоящего сочинения (М., 1915), где соответствующее место чит. на с. 775, 781, 782, 811–815, 819, 821, 822.

цена 120 руб.; органы цена 30 руб.; органы худые ломаные, цена рубль; клевикорты писаны краски, цена 3 руб. Домра большая басистая (виолончель) во влагалище деревянном черном, цена рубль; да сурна, деревянная, цена 10 денег».

Для поклажи и сохранения вещей в комнатах ставились *казенки, поставцы, шафы, скрыни, шкатуни, сундуки, ларцы, ящики, коробьи, подголовки*; у стен приделывались *вислые полки*, а в *печурах*, какие бывали обыкновенно в каменных хоромах, устраивались также шафы или полки с дверцами, как и теперь делается в монастырских кельях. *Казенка*, род шкафа, клеенная из липовых досок, приделывалась к стене наглухо и назначалась для хранения казны, т. е. разных предметов дорогого убора или посуды и вообще драгоценных вещей. *Поставцы* были собственно большие ящики с полками без дверец, вышиною с небольшим аршин и соразмерной ширины. Они большею частию *навешивались* к стенам в удобном месте на железных петлях и задергивались завесами суконными или шелковыми. Делывались поставцы и шкафом вышиною от 2 до 4 арш., с дверьми; но от шкафов они отличались более простою уборкою и постройкою. В них по подобию шкафов устраивались также выдвижные ящики. Бывали поставцы с *уступом*, разделявшим их на две части: верхнюю поменее, которая составляла уступ, и нижнюю пошире, которая служила основанием поставца. Устраивались *поставцы по-налойному*, вышиною не более аршина, потому что ставились на лавки и употреблялись, вероятно, для чтения письма или, может быть, вместо налоев во время молитв. Когда поставцы приделывались внизу к стене наглухо, то назывались *рундуками*, какие нередко делались под лавками и особенно в конике. В третьей комнате Каменного терема в 1661 г. стоял рундук, обитый снаружи золотыми кожами, у которого двери изнутри были оклеены червчатым бархатом, а полки – червчатыми дорогами (полосатою бумажною мате-

рией). *Шафы* устраивались с дверцами и с уступами, причем нижний уступ заключал в себе выдвижные ящики, а верхний был створчатый с полками. Они ставились на точеных ножках и сверху украшались гзымзом или шпренгелем с дорожниками. Этого устройства *шафы* назывались также и поставцами, т. к., в свою очередь, поставцы, устроенные по-шкафному, не различались и в названии от шкафов. Комоды назывались *скрынями* и тоже *шафами*.

В 1683 г. царевне Екатерине Алексеевне в хоромы сделана *скрыня* с шестью выдвижными ящиками. В 1684 г. ей же сделан шаф большой четырехаршинный, глубиною полтора аршина, «с тремя выдвижными ящики и с дорожники и с скрыдлы и с шпренгелем». В 1687 г. ей сделан шаф платяной с тремя ящиками выдвижными; наверху ящики стоячие, с затворы, на шапки. В 1686 г. в хоромы царевны Софьи сделаны и расписаны красками два шафа, в одном 12 ящиков небольших, которые сделаны на письмо, в другом три ящика больших выдвижных платейных.

Поставцы или шафы, определяемые для помещения книг, назывались *книгохранительницами*. Туалетные вещи и разные драгоценности сохранялись в *шкатунах, ларцах, скрынках, подголовках* и т. п. О подголовках Меховский пишет, что они были в большом употреблении у новгородских богатых купцов, которые прятали в них серебро, золото и все драгоценные вещи и ставили эти сундуки черепаховидной формы вблизи стола, вероятно, в переднем углу под иконами. Кильбургер говорит, что погребцы и пульпеты (укладки) или *подголовки* делались в Холмогорской стороне, которая вообще славилась сундучным производством. По его словам, подголовки устраивали, однако ж, так, что писать на них было нельзя, потому что сверху их обивали железными луженными полосами; но зато они были очень удобны для зимней езды: их ставили в санях под головы, а в русские сани, как известно, кладется целая постель, замечает автор. В хоромах на лавках их также ставили под головы, под подушку, когда ложились отдыхать, отчего и назывались *подголовками*.

Вся такая мебель большею частью делалась из простого дерева, преимущественно из липы, украшалась резьбою и потом иная обивалась красным сукном, как, например, был обит *шаф* в третьей комнате в Верху у царя Алексея, а большею частию раскрашивалась красками, *цветным* или *зеленым аспидом*, т. е. под малахит и мрамор, а иногда по золоту и серебру расписывалась травами и узорами или же просто чернилась в глянс, т. е. полировалась. На поставцах, книгохранительницах и шафах с лица писали также *цветки* и *фрукты*. Так, например, была расписана в 1688 г. *книгохранительница* в комнатах царевны Екатерины Алексеевны и *тройной шаф* с выдвижными ящиками в комнате царевны Феодосии Алексеевны, на котором, кроме цветков, написаны были какие-то *лябры*, может быть, *lambris* – верхние украшения вроде гзымза. Вообще, мебель отличалась тою же яркою пестротою в украшениях, какою блистал и самый дворец снаружи и внутри; одно соответствовало другому и вполне обличало вычурный вкус того времени, который признавал красоту в одной только совокупности золота, ярких красок и хитрых узоров.

Вечером большие приемные палаты освещались *паникадилами* и *стенными подсвечниками* или *шенданами*, которые помещались в простенках между окон. Паникадила висели в Грановитой, в Средней Золотой, в Царицыной Золотой, в Столовой, в Передней и в других палатах и комнатах. Одно из таких паникадил, висевшее при царе Федоре Ивановиче, в Царицыной Золотой палате, описано архиепископом Елассонским Арсением, который был принят в этой палате супругою Федора – Ириной. «В палате царицы Ирины, – говорит он, – висел превосходной работы лев, державший в лапах змею, а к змее привешено было множество прекрасных канделябров, сплетенных наподобие корзин». При Годунове в 1602 г., когда он давал обед датскому принцу Иоанну – жениху царевны Ксении, Грановитая палата была украшена превосходной

работы паникадилом, в котором находились часы с боем. В Столовой палате в XVII столетии было «паникадило серебреное, о дву поясах с яблоки золочеными, внизу яблок травы серебряные, а в поясах двенадцать пер с чашки и с подсвечники, чашки золоченые через место. Среди того паникадила человек (Аполлон) литой серебряной с крылами, золочен; при поясе у него сайдак (лук и стрелы)». На Казенном дворе в 1677 г. хранилось подобное же серебряное паникадило с разными мифологическими фигурами и другое «*хрустальное* о шести подсвечниках, около подсвечников перемычки хрустальные; яблоко серебряно позолочено, в чем подсвечники утверждены; по яблоку два репья хрустальные; под репьями яблоко одинакое хрустальное; поверх яблока в дву местах два яблока хрустальные одинакие; от подсвечников шесть перемычек хрустальные; сверх перемычек кольцо серебряное позолочено; пониже кольца висюльки хрустальные и под подсвечниками хрустальные ж висюльки». В 1682 г. в августе токарь-иноземец Иван Ган сделал в хоромы государям паникадило из слоновой кости, против того, каково сделано было в церковь Спаса Нерукотворенного, «а на паникадиле четыре яблока прорезных граненых с перьями, в тех яблоках яблоки ж костяные золоченые; меж прорезных яблок три пояса выточены гладью, на тех поясах сделано по шести перей точеных с блюдцы и с шанданы; утверждено (паникадило) на железном веретене; под нижним большим яблоком выточено яблоко ж гладью с поясками, в нем утверждено кольцо костяное ж». Кости слоновой в это паникадило пошло пуд четыре фунта. В отписной казне князей Голицыных находились «паликадило костяное, цена 200 руб.; паликадило костяное, цена 50 руб.; паликадило хрустальное о шти подсвечниках, в нем яблоко; паликадило оловянное об одному поясу, в нем 8 шенданов».

Вместо паникадильного яблока, на котором утверждались подсвечники, часто делали какое-либо изображение, например змеи, мифологической фигуры, как видели выше, или головы какого-либо животного, например вола, лося, коня и т. п., как бывало большею частию в паникадилах деревянных,

украшавших комнаты постельные. В 1668 г. в государеву теремную Переднюю была «вызолочена по полументу буйволовая голова, деревянная с рогами, а на ней паникадило медное о 6 прутах, на прутах 6 блюд с шенданами». В царской Шатерной казне хранилось «две головы лошадиные резные, вызолочены, сквозь их трубы железные, кругом голов 12 подсвечников железных, вызолоченных, длинные». В отписной казне князей Голицыных находилось «паликадило, висевшее в верхней Крестовой Полате, в нем орел одноглавой резной позолочен, из ног его на железе лосевая голова деревянная с рогами вызолочена, у ней 6 шенданов железных золоченых, а под головою и под шенданы яблоко немецкое писано». Другое паникадило, висевшее в другой Крестовой палате, – «голова буйловая деревянная резная золочена сусальным золотом, у ней 6 подсвечников железных золоченых сусальным же золотом; у подсвечника снизу пять репьев розных восковых прикрыты розными краски; в средине тех репьев виноградy, а на репьях пять птичек деревянных». В хоромах царевны Екатерины Алексеевны в 1685 г. висело серебряное паникадило, украшенное «виноградным цветом из ярого воску», расписанным красками. Паникадила висели на цепях или *вожжах* из веревки, обтянутой красным бархатом. В 1635 г. в Грановитую палату к серебряному паникадилу к вожжам на обшивку употреблено 3 арш. бархату кизылбашского черненого гладкого.

Подсвечники или шенданы, серебряные, столовые и стенные, употреблялись только в парадных случаях. Все они были превосходной заграничной работы и поступали в царскую казну *в дарах* от иноземных государей и послов. Большею частию они представляли разные мифологические и аллегорические фигуры, например шендан стенной: «Птица, вверху позолочена, сама себя ест; в средине два человека, мужеск пол в левой руке держит рукавицу перщатую, а женский пол держит мужика по правую руку» и т. п. В обыкновенных, будничных случаях постельные хоромы, равно как сени и переходы, освещались сделанными из слюды весьма узорочными фонарями, которые оправлялись белым железом, зо-

лотились и расписывались красками. В хоромах царицы Евдокии Лукьяновны в 1629 г. висел «фонарь слюден теремчат о девяти верхах с нацветы с розными (уборка из цветов), по нем писаны розными краски травы в кругах, на травах птицы розные». Обыкновенные фонари бывали четыреугольные, шестиугольные, косящатые, мерою в свету от 4 до 6 верш., в вышину в пол-аршина. На столы подавались малые подсвечники или шенданы *стоячие*, столовые и ручные, серебряные, медные, из белого железа, также деревянные, расписанные красками с золотом и серебром, с восковыми свечами. По ночам горели *ношники* медные, стоявшие для безопасности в медных *коробях* – род подносов или сковород.

Количество восковых свечей, какое выходило каждый день на освещение отдельных хором дворца, было довольно значительно, судя по уютности комнат. В 1684 г. в хоромы царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны да в *Стряпущую* и в *Казенную* избы в подклеты постельницам и комнатным бабам и в фонари выходило свеч вощаных по 2 *налепа* больших, по 5 *витых* больших, по 8 *витых* менших, по 35 *образных*, по 30 *четьих*, да по 50 свеч сальных на сутки. В *Розметной* книге разных дворцовых расходов, составленной по повелению Петра в 1700 г., находится между прочим ведомость 1699 г. об отпуске свеч и воску в хоромы и на поставцы, во время столов, из которых узнаем, что свечи воску выходило: в хоромы царевичу Алексею Петровичу, в день: 6 витых приказных, 2 налепа риканых, 22 образных; в 8 лампадец воску в неделю 24 гривенки (т. е. фунта); для Господских и Богородичных праздников и государских тезоименитств к *величаньям* в свечах 4 пуд. 39 гривенок, в год; за кушанье и на поставцы 35 пуд. 5 $^{1}/_{2}$ гривенок; всего в год 110 пуд. 32 $^{1}/_{2}$ гривенки. Царице Марфе Матвеевне в день: в мастерскую 2 простых; за кушанье и на поставцы по рогатой, по 3 тонких, по простой, по 2 ручных; в мыленку по 2 простых, всего 32 пуда 22 гривенки. К царице Параскеве Федоровне в день: по налепу приказному, по 4 витых об одной светильне, по 2 рогатых, по 5 образных, по 5 простых[1]

[1] *Простые* свечи делались по 24 на фунт; ручные – в один фунт свеча.

весом в год 22 пуд. 30 $^1/_2$ гривенки. В 8 лампадец воску в год 31 пуд 8 гривенок. В Господские и Богородичные праздники и государские тезоименитства к *величаньям* по 4 тройных, по рогатой, по толстой, по 15 тонких, по 5 боярских; за кушанье и на поставцы в день по 2 рогатых, по 6 тонких, по 4 простых; в мыленку по 2 простых; всего в год весом 102 пуд. 13 гривенок с четью. К царевне Наталье Алексеевне: по налепу приказному, 2 витых приказных, 5 витых об одной светильне, 20 образных, 10 тонких, 20 простых, в 6 лампадец в неделю 12 гривенок, к величаньям в праздники в год 8 пуд 36 $^1/_2$ гривенки, за кушанье и на поставцы 41 пуд 5 гривенок, в мастерскую и в мыленку 4 простых; всего в год весом 191 пуд 32 $^1/_2$ гривенки. Сверх того отпускалось в запас на всякий случай в Истопничью палату для выдачи во все комнаты: по 8 налепов приказных, по 1 витой приказной, 11 витых об одной светильне, 7 рогатых, 7 тонких, 2 налепа шестерных, 121 образных, итого в день 228 свеч, а в год весом 158 пуд 5 гривенок. Всего же выходило воску на освещение дворцовых комнат и разных служебных изб и палат в свечах розным делом и в лампадах 879 пуд 17 $^1/_4$ гривенки. Воск продавался в 1699 г. по 4 руб. пуд[1].

Скажем здесь, кстати, несколько слов о куреniях, какие употреблялись в то время в приемных палатах и в жилых хоромах. Обыкновенное курение составляло *ячное пиво*, которое употребляли в *топлю для духу*, особенно в мыленках, а также в мастерских палатах, где хранилась одежда и разный убор «платейной и постельный». Иногда в *топли* употребляли росной ладан. В 1673 г. в сентябре в Золотую палату цариц к *топлям* употреблено полфунта ладана росного. Вероятно, тем же способом, т. е. посредством печей, употребляли и разные другие, не слишком дорогие и более обычные куренья. В особенном употреблении были также *гуляфная водка*, розовая вода. Впрочем, в царских покоях курили разными со-

[1] Российский магазин Федора Туманского. Т. 1. – СПб., 1792.

ставными *ароматами из водок* и трав, которые заготовлялись в Аптекарской палате. Рихтер в своей «Истории медицины в России» свидетельствует, что для благовония употребляли тогда, например, для Грановитой палаты – oleum cinnamomi, для Мастерской палаты – oleum caryophyllorum, что в августе 1672 г. собраны были свежие травы, basilicum, maiorana, thymus, hyssopus, высушены, смешаны и отосланы из Аптеки в с. Коломенское с надписью *в хоромы для духов*. Кроме того, в Аптеке довольно часто прописывались разные другие благовонные составы для куренья и разная смесь из редких ароматов, из которых иные клали в платья в Мастерской палате, чтобы доставить им хороший запах. Между прочим "Essentia ambrae" была самым отличным благоуханием по тогдашнему времени и во всеобщем употреблении. Она состояла из полфунта водки апоплектики, полфунта эликсира "Vitae Mathioli" и золотника ambrae gryseae. Изготовлялись также благовонные свечи. Например, в хоромы царевны Софьи в 1686 г. было изготовлено 26 таких свеч[1]. Ароматическими составами курили в жаровнях и жаровенках, серебряных и медных. Употреблялись также большие жаровни *столовые* вроде чаш или в виде каких-либо затейливых фигур, например гор с замками, какие сохраняются еще в Оружейной палате.

В отношении чистоты и опрятности в комнатах упомянем, что кроме повседневной уборки и по случаю празднеств и царских тезоименитств раз в год, именно перед Святой, производилась уборка и чистка повсеместная. Тогда во всех хоромных церквах, во всех комнатах, каморках и чуланах мыли полы, стены, потолки, промывали живопись, очищали золоченье, резьбу и все другие подобные украшения, закоптевшие или запылившиеся от времени; выбивали пыль из суконных и других комнатных нарядов. При этом производились и необхо-

[1] *Рихтер В. М.* История медицины в России. Ч. 2. – М., 1820. – С. 177, 179, 195–199, 208.

димые починки и возобновления попорченных и худых мест. С особенною тщательностию к этому времени очищались образа. Их мыли грецким мылом посредством грецких же губок. Живопись в комнатах подправлялась, а если была уже сильно попорчена, то переписывалась вновь. За внешнею чистотою и опрятностью наружных мест во дворце строго наблюдала Истопничья палата. Крыльца, лестницы, рундуки, площадки, переходы, дворики, открытые и находившиеся в сенях, каждый день начисто выметались и подсыпались просеянным желтым или красным, а также белым воробьевским, привозимым с Воробьевых гор, песком, который сыпали в подсев через решета для того, чтоб ложился ровно и чисто.

После этого общего обзора древнего хоромного наряда и убранства представим в дополнение частный обзор некоторых комнат, наиболее значительных в домашней жизни того времени. Приемною комнатою была *Передняя*, поэтому главный предмет ее уборки, который обращал на себя внимание, было царское *место*, стоявшее в переднем углу, или же большое *кресло*, соответствовавшее по своему значению упомянутому месту. Затем никакой другой мебели, кроме обычных лавок у стен, в Передней не было. Гостей приглашали садиться на эти лавки по старшинству, более почетных – ближе к креслам или к месту. Особенно важным гостям, например знатному духовенству, подавали также особое кресло. Мы видели, что в Теремной Передней в 1687 г. для царей Ивана и Петра поставлены были великолепно украшенные позолотою деревянные резные места, соответствовавшие тронам. Гораздо проще устраивались места в Передних цариц и царевичей, как мы тоже видели в общем обзоре царских мест. О местах в комнатах царевен не упоминается; вероятно, для них ставились только кресла. Места устраивались на рундуках, на особых помостах, которые перед полом возвышались на одну, на две, а иногда и на три ступени.

Комната в собственном значении была кабинетом или вообще таким помещением, в котором оставались бóльшую часть дня. Поэтому она ближе может ознакомить нас со вкусами и потребностями повседневной жизни в царских хоромах. Меблировка ее заключалась в обычных лавках с коником, т. е. такою же лавкою, устроенной ларем или шкафом для поклажи разных домашних вещей. Здесь мы не станем повторять, что уже было говорено вообще о меблировке и уборке жилых комнат, и коснемся только тех статей этого отдела, которые могут пополнить сказанное. В переднем углу под образами всегда стояло кресло как особое отдельное от других место сиденья собственно для хозяина хором – был ли то сам государь или царевич, государыня или царевна. В своих хоромах каждый был государем в смысле отдельного независимого хозяина, каждый жил среди своего отдельного почета и чествования, какими окружали его особу приближенные и дворовые. Если пред лицом государя, когда он даже и «слова разговорные говорил», т. е. вел обыкновенный разговор, никто не смел садиться и, чтоб отдохнуть и посидеть, выходил в другую комнату, то нет ни малейшего сомнения, что то же самое строго наблюдалось не только в хоромах государыни, но и в хоромах царевичей и царевен, как бы они малы ни были. Может быть, одни дядьки да мамы пользовались правом сидеть подле или поодаль своих питомцев на лавках. Когда приходил значительный гость, которого следовало также сажать особо, не на лавке, то в комнату вносилось другое кресло и ставилось по приличию, где указывала честь пришедшего гостя.

В переднем же углу перед креслами стоял стол, на котором, разумеется, можно было встретить разные предметы дневных занятий или даже и забав, смотря по времени дня и по требованию обычных установлений жизни. Книга церковных поучений или церковно-исторических сказаний, житий и т. п. сменялась иногда шахматною доскою или, особенно на женской половине, какими-либо предметами мастерства и работ, которые нужно было осмотреть, обсудить, рассказать

и приказать, чего хочется и что нужно делать, а нередко и предметами собственного рукоделья.

Кто особенно прилежал *книжному учению*, у того на комнатном столе чаще встречались книги, чем другие предметы, у того и в комнате стояла особая *книгохранительница* с запасом избранных или наиболее необходимых, так сказать, настольных книг, для душевного спасения. Впрочем, книгохранительницы, хотя и не всегда обширные, находились у каждого хозяина отдельных дворцовых хором, т. е. у каждого члена царской семьи.

У государя в комнате, где он принимал обыкновенно доклады, равно и в комнатах взрослых царевичей, стол покрывался красным сукном и убирался разными предметами, необходимыми для письменных занятий. На нем стояли часы, лежали книги, какие требовались к делу, – у государя, например, *Книга Уложенная*, Уложение, в которое при докладах приходилось, может быть, не раз заглядывать; лежали разные бумаги, в тетрадях и в столбцах или свитках. Чистая бумага также большею частию резалась на столбцы, которые по написании подклеивались один под другой, для чего на столе находилась и *клеельница* с клеем. Письменный прибор заключался в чернильнице с песочницею и с трубкою, где перья мочить. Перья государь употреблял обыкновенно *лебяжьи*. Знатные люди в то время редко писали гусиными. Кроме того, были перья с карандашами и с грифелями для записок в *книжках левкасных*, пергаментных и *каменных* или на грифельных досках. Укажем несколько предметов, которые составляли принадлежность письменного стола в царском быту. В числе царских вещей, описанных в 1611 г. по случаю их продажи в уплату жалованья находившимся тогда в Москве польским ротам, между прочим была «*чернильница* серебряна, в ней *свистелка* серебряна с *зуботычками* да с *уховерткою*». Свистелка нужна была для призыва слуг и заменяла в то время теперешний колокольчик. Зуботычка есть собственно зубочистка – предмет вместе с уховерткою необходимый в повседневной жизни. У царя Михаила Федоровича находились «книжка каменная в се-

ребре», которую в феврале 1676 г. царь Федор Алексеевич взял к себе в хоромы. В 1630 г.: «ящичек серебрян четвероуголен, плоск, на подножках, резной; промеж трав земля камфарена, в нем чернильница, песочница серебряны. Осла (оселок) бела кизылбашская. Монастырек (готовальня) в хрустальном кожухе, в нем ножик, ноженки, свайка, копейцо, зубочистка». В 1633 г.: «готовальня немецкая полукругла, поволочена сафьяном червчатым с золотом. В ней: зеркало, пять бритв, двои ножницы, три зубочистки, уховертка, щипец, мусат, рылец, пила, свайка, топорик жильной, две склянки хрустальные до́лги с водки, двои ножницы свечные – все сверху обняты серебром, у готовальни замочек медной». Царю Алексею Михайловичу, когда он был царевичем, боярин князь Иван Борисович Черкасский поднес «*свист* серебрян с финифты, черен хрустальной, на нем три колокольчика круглы маленьки». В числе письменных принадлежностей его комнатного стола находились также «*часы* в собачке немецкие, под ними в шкатулке черниленка да песочница, ножичек, ноженки». Далее: «чернильница кизылбаская, а в ней две черниленки медных, 4 ножичка перочинных, перышко тростяное. Черниленка костяная высока, точена. Книжка – листье каменное, доски серебряны камфарены; по доскам на сторонах стоят немки; застежки серебряны ж, на переплетке четыре репейка на шурупах. Книжка каменная ж, доски серебряные резные, по зеленой земле. Перо писчее с финифтом, у него черен королек, на верху изумрудец. Перо серебряно с карандашом». Весьма богато украшена была каменная книжка царевича Ивана Михайловича. Она была оправлена золотом и осыпана дорогими каменьями, яхонтами, изумрудами, алмазами. Верхняя ее доска была украшена запоною с литым двоеглавым орлом, а нижняя – литым же изображением человека на коне с палашом, «под конем змея крылата». На золотой цепочке висела золотая *спица* или перо – род рейсфедера. У него же была «готовальня серебряна четвероугольная резная, а в ней чернилица меденая да песочница серебрена» и другая «готовальня – оболочена кожею красною, по ней басмены травы золотом и серебром сусальным, а в готовальне:

ножниц и бритв и щипцов и уховерток и сваячок и крючков и топорочков и на что приправливают и острят бритвы, 18 местех, стальные, оправлены серебром». В описях царской казны XVII столетия находим еще: «*книжку* писчую каменную в серебряном кожушке, *книжку каменную* в досках серебряных; *доски аспидные* обложены серебром на ножках на серебряных; *скрыну* – писана золотом, а в ней чернилница серебряна с каменьи, с алмазы и с бирюзы, да ножичек, да ноженки булатные». В 1683 г. царевне Софье Алексеевне подана в комнату «шкатула, что письма кладут и с чернильницею, и с ножницы, и с ножики, и с косточкою, чем писма оправливают». Вероятно, ей же принадлежала описанная в 1687 г. «*коробочка* серебряная прорезная белая, немецкого дела; а в ней две коробочки серебряные ж маленькие, *что кладут перстни*, на яблочках, яблочки золочены, замок и ключ серебряные (вес 93 золотн.)».

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович употребляли и очки. У царя Михаила Федоровича (1636 г.) находим «двои очки во влагалищах в серебряных»; на одном влагалище была надпись: «очки князь Олексея Васильевича Приимково-Ростовского». Оно было украшено с одной стороны клеймом с двумя львами, а на другой стороне был изображен инрог (единорог) «со змием дерется». У других очков у влагалища по сторонам резаны в травах птицы. Одними очками государь пожаловал духовника своего протопопа Никиту, а другие взял к себе в хоромы (1 декабря 1636 г.). У царя Алексея Михайловича были очки большого стекла, в золотой оправе, в серебряном, местами позолоченном влагалище (1676 г.).

Упомянем и о часах *воротных* или *зепных*, карманных. У царя Михаила Федоровича были часики указные маленькие медные золочены, все уголчаты, указный кружок серебрян, слова наведены чернью; они были куплены в 1614 г. у немчина Голандской земли Карпа Демулина за 8 руб. У того же голландца в 1627 г. были куплены «часы боевые в золоте наведены розными финифты, а в них в гнездах и в травах сто алмазцов. Влагалище поволочено бархотом червчатым, шито канителью золоченою; сверху орел двоеглавой, а с испода человек на коне

колет копьем змия. Часы во фляжке золотой. Часы боевые с будильником, что государю в Унежской поход прислал государь Патриарх (1619 г.). Часы боевые во влагалище в серебряном. Двои часы указные хрустальные. Часы в запоне указные.Часы воротные боевые невелики продолговаты; влагалище серебрено бело, сторонь золочено, травы прорезные (в 1632 г. в декабре снесены от государя из хором, испорчены и колокол разбит). Часы указные хрустальные маленьки, в 1631 г. государю челом ударил часовой мастер немец Христофор Халове. Часы меденые боевые, кожушек хрустальный, обложены золотом сенчато с белым, с лазоревым, с зеленым финифты. У них чепочка золота; влагалище серебрено золочено сканное с финифты (в 1632 г. государю челом ударил немчин Карп Демулин. Ценили 75 руб.). Часы боевые во влагалище в серебряном золочены (в 1632 г. трехлетнего царевича Алексея Михайловича дарил патриарх Филарет Никитич).

У царевича Алексея Алексеевича (ск. в 1670 г.) в числе предметов комнатного обихода находились: «зеркало хрустальное, гребень черепашный, гребень яшмовый; готовальня, а в ней ложка золотая да нож и вилки; зубочистки серебряные, часы указные с *лунником*, ароматник серебряный, черниленка с пером серебряная, двои часы медные солнечные, нож стальной, оселка железная; трубка зрительная, бальзам от головной болезни; тавлеи костяные рыбьи, две книжки писчие в черепашной кости, две меры гроба Господня; перо лебяжье цветное “с камышки” и с жемчугом; стекло зажигательное; готовальня, а в ней ножичек, ноженки, шильцо; две книжки писчие в черепашном и серебряном кожушках; ароматник серебряный резной; четки корольковые красные; коробочка костяная, а в ней две ложечки костяные ж; трубка зрительная в серебряном бархате; три пера лебяжьи цветные; 50 рамцов с листами фряжскими» и др.

У стен комнаты, там, где не было лавок, или же на самых лавках, в удобных местах, стояли *поставцы*, шафы с полками или выдвижными ящиками, в которых сохранялись бумаги, письма, книги и разные вещи из комнатного обихо-

да, из дорогой посуды и из дорогих нарядов. В поставцах же и шафах, на полках, а также в комнате на лавках стояли ларцы, шкатуны, *подголовки*, т. е. ларцы пульпетом с драгоценными уборами и разною *ларечною кузнею*: крестами, кольцами, перстнями, серьгами, булавками, затонами, пуговицами, ожерельями, запястьями и т. п. В иных хранились *золотые* – золотая иноземная монета, поступавшая в царские ларцы большею частию в числе даров, подносимых в известные празднества. Посуда, особенно замысловатой формы и работы, ставилась также на вислых полках, которые прикреплялись у стен в пригожих местах.

Посуда золотая, а большею частию серебряная, составляла после икон едва ли не первую статью комнатного убранства, заменяя для того времени произведения изящных искусств: статуи, вазы, бронзы, которыми убирали комнаты в XVIII столетии и убирают теперь. Притом такая посуда составляла богатство, которое при всяком удобном случае выставлялось напоказ. Общее богатство царского дворца, заключавшееся в такой посуде, хранилось в особом помещении, на Казенном дворе, откуда в торжественных случаях и происходила уборка столовых поставцов в приемных палатах – в Грановитой, Золотой и т. д. Но сверх того, у каждого члена царской семьи была своя отдельная, собственная судовая *казна*, которая и составляла убранство комнатных поставцов. Затем у каждого хозяина были свои расхожие суды, хранимые в тех же поставцах.

Особенно затейливые поставцы собирались у малолетних царевен и царевичей. У Ирины Михайловны в поставце стояли «*змей* золот крылат с финифты с розными, у змея в голове изумруд четвероуголен, в очах две искорки яхонтовые, во рте держит человечью главу. *Немка* серебряна золочена, у ней в руках сосудец с кровлею. *Немка* серебряна золочена, у ней в руках братина. *Немка* серебряна золочена, в руках ведро. *Немка* серебряна золочена, у ней в руках лахань. В серебре сделано и позолочено: *мужик* с лошадью и с сохою. *Достокан* (стакан) серебрян, на нем меленка с трубкою. *Кубок* серебрян золочен на стоканное дело; низ кубка щуруп ввертной, а низ шурупа

колокольчик с язычком, а ниже колокольчика змей с свистом. *Кораблик* на колесах. *Чарка* винная серебряна золочена, а на чарке подпись: "Чарка Старого Двора великие государыни иноки Марфы Ивановны, пити из нее про государево многолетное здравие и государыни царевны и великие княжны Ирины Михайловны". Далее: Левик. Боран. Птичка на стоянце. Попугай на стоянце (тем попугаем челом ударил государев серебряной мастер Гаврило Овдокимов). *Телец* на стоянце (а тем тельцом ударил челом окольничий Василий Иванович Стрешнев). *Бочечка*, обручики золочены, на колесах (а тою бочечкою челом ударил боярин князь Борис Михайлович Лыков). *Рукомойничек* да лахань невелики. Два *возка* серебрены маленки, немецкое дело. *Ларец* весом полтора фунта, по нем резаны травы и птицы; около ларца подпись: "Ларец благоверные царевны и великие княжны Ирины Михайловны". Пять *рожков* невеликих через грань позолочены, резные».

У царевича Ивана Михайловича было судов серебряных: судки да конек, братина, оловеничек да кружечка, горшочек, ставик, котлик, тарелочка, росольничек, чашка, сапожок, песоченка. У Алексея Михайловича был слон серебрян, на нем арап с топорком; на слоне чердак, на чердаке мужик с алебардою и три мужика с пиками; *медведь* золот, наведен финифтом лазоревым да голубым с каменьи и т. д.

Само собою разумеется, что бóльшая часть этого серебра имела в детском быту значение игрушек. Но и взрослые очень любили такую посуду, которая представляла изображения птиц, зверей, людей и т. п. В общей государевой казне на Казенном дворе хранилось много таких судов, именно горы (замки), корабли, птицы: журавль, орел, сова, петух, лебедь, страус; звери: барсы, львы, олень, зубр, верблюд, единорог и т. п., занимавшие очень видное место в уборке поставцов и всегда обращавшие внимание приезжих гостей-иностранцев. Нужно, однако ж, заметить, что и в особных хозяйствах царского двора бóльшая часть посуды в обыкновенное время хранилась также в особой *казенке* – и выставлялась в комнатные поставцы только в важных случаях, во время столов и приема гостей.

Кроме посуды в поставцах, шафах или на вислых полках можно было встретить немало и разных вещиц-безделушек, которые служили для забавы или составляли своего рода редкость и украшение так называемых *горок*.

Охота к редкостям и драгоценностям, к разным узорочным, хитрым изделиям и курьезным вещицам была распространена не только во дворце, но и вообще между знатными и богатыми людьми того века. Она являлась как потребность к изящному, которое по вкусам и образованности века заключалось преимущественно в узорочной пестроте или курьезности, редкости и диковинности изделия или какой-либо вещицы. Само собою разумеется, что в числе разных диковинок могли попадаться и действительно изящные по тому времени предметы, но сущность дела и весь интерес оставался все-таки за диковинностью вещи или особенной хитростью ее устройства и мастерства.

Так, в 1614 г. царю Михаилу Федоровичу несколько подобных вещей было куплено у московского гостя Михаила Смывалова, именно: «…брусок скляной, во что смотрятца; *трубочка*, что дальнее, а в нее смотря, видится близко; очки хрустальные с одной стороны гранены, а с другую гладки, что, в них смотря, много кажется; *бочечка* костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные; *склышечка* деревянная кругла, в ней под стеклом мужик с женкою; *ящик*, в нем под стеклом жена со младенцем; *ящик*, в нем под стеклом жена со младенцем на осляти; *ящик*, в нем под стеклом человек наг, за ним лев; *ящик*, в нем под стеклом три жены со младенцем». Видимо, что царь Михаил Федорович очень любил подобные диковинки, и потому в его казне немало хранилось таких же вещей, и между прочим: «Сосуд – *птичка* хрустальная, под нею под крылы и у поддона золочено, крылышко вымается; цена сто рублев. Государю челом ударили голланские послы Албертус да Еган в 1630 г. Крабийца яшмовая яринной цвет, а у ней змея о дву лапах. Птица *Гамаюн*, около шеи сверху обнизано жемчугом, на средине жемчужина большая, позадь ее на спне репей серебряной, на репье зерно жемчужное. В

ящике в деревянном под стеклом три *немки* вощаные да ребенок. В ящике под стеклом мужик вощаной стар с бородою да голова звериная. В ящике под стеклом немка вощаная волосата с ребенком. В ящике мужик в шляпе волосат с бородою, да жонка с робенком на осляте да собака. Камень *магнит* в серебре весом 12 золотн.; к тому ж магниту железо гранено с костыльком весом 52 золотн. Стекло зажигательное большое. Три трубки призорные».

У царя Алексея Михайловича в числе особенных редкостей находился сосуд каменный (сосуд из нефрита от болезней)[1], оправлен золотом, цена 6000 руб. (цена неимоверная по тому времени). «А имянуется тот камень по латыне Нефритинус, а по цесарски Гризной. Сила того камени такова: кто из него учнет пить – болезнь и скорбь изнутри отоймет и хотение к еже учинит, и от многих внутренних скорбей облегченье чинит и исцеляет. А когда его на шеи или около рук, или около лядвей новиси и силою своею изгонит семя или песок каменной болезни, да и самого камня, как чемер ухватит». (Через четыре дня после кончины царя Алексея Михайловича этот сосуд был взят в хоромы его сына царя Федора Алексеевича.)

В 1626 г. царю ж Михаилу в хоромы отнесли дьяки два *сундучка*, в них сделаны в одном «преступление Адамле в раю», в другом – «дом Давыдов». Этот дом, турское дело, был обнизан жемчугом мелким, вперемежку с крупными зернами.

В комнате царицы Натальи Кирилловны находился между прочим: «Рай – в нем доставлено древо разцвечено розными краски, на древе сидит ангел с мечем; по сторонам того древа стоят люди и всякие звери». Станок, в котором все это помещалось, был убран зеркалами с целью придать изображениям еще больше виду и игры. У царевича Алексея Алексеевича в этом же роде был «*сад* с груши с розными цветы шолковаго дела со зверьми и со птицы».

Нам до́лжно еще упомянуть о *комнатных* птицах, в числе которых первое место принадлежало *попугаю.*

[1] Автор ссылается: «Викторова II, 563». См.: Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, 1613–1725 г.». Вып. 2. – М., 1883. – С. 563.

С этой птицей московский двор познакомился, может быть, в первый раз еще в 1490 г., когда посол римского короля Максимилиана Юрьи Делатор, представляясь великой княгине Софье Фоминичне в ее Повалуше Средней, подал ей в поминках от короля птицу *папагал* да сукно серо[1]. С тех пор «папагал» стал называться попугаем и сделался постоянным обитателем царских хором, потому что время от времени и, вероятно, по желанию государей этих птиц привозили иноземные послы и заезжие купцы. В 1597 г. император Рудольф прислал в дар царю Борису Федоровичу Годунову с сыном шесть попугаев, а в тех попугаях «два есть, один самец, а другой самка, и те два Борису Федоровичу, а четыре Федору Борисовичу»[2]. В 1613 г. в декабре царю Михаилу Федоровичу поднес попугая в железной клетке английский гость Фабин Ульянов. В декабре 1620 г. английский посол князь Иван Ульянов Мерик поднес две птицы «попугаи индийские». В 1654 г. августа 22-го иноземцы – гость Андрей Виниус, Иван Марсов – привезли между прочим 4 птицы попугая, объявив, что из того числа «один маленький попугайчик, словет *паракита*, кой дан 12 ефимков, занемог и помер». В 1667 г. государь узнал, что в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим) после патриарха Никона остались попугаи белые и зеленые и потребовал их к себе в Оружейную палату. Монастырские власти прислали оставшихся только двух попугаев – серого да зеленого. Впоследствии попугаев можно было покупать и в Охотном ряду, вместе с другими заморскими птицами, например канарейками, которые также были любимы в царских хоромах за их звонкие голосистые песни. В кон. XVII столетия (1685 г.) канареек покупали по 6 и по 8 руб. за штуку, лучших. Цена очень значительная по тому времени. По этой цене в 1685 г. в марте были куплены четыре канарейки царю Ивану Алексеевичу. Из-за границы торговые люди привозили иногда ученых канареек. Царевичу Алексею Алексеевичу поднесли однажды голландцы и амбурцы Яков Фалденгунстр с товарищи «птицу канарейку, кото-

[1] Памятники дипломатических и торговых сношений. Т. I. – СПб., 1890. – С. 30.

[2] Там же. Т. II. – С. 518.

рая на руке поет». В 1680 г. у часового мастера Ивана Яковлева куплено государю три птицы канарейки с клеткою немецкою точеною с костьми на проволоке железной, цена канарейкам по 6 руб., а клетке – 8 руб. Попугаи и канарейки принадлежали по преимуществу к комнатным птицам и потому находились в каждом жилом отделении дворца. Клетки для попугаев и канареек делались обыкновенно из медной или железной проволоки с обшивкою белым железом, а для попугаев – нередко и из одного железа. В 1672 г. в хоромы царевича Федора Алексеевича починены две клетки канарейные, а в 1674 г. была сделана попугайная клетка железная прорезная со столбиками и с орлами. В его же хоромы, когда он был уже царем, в 1678 г. сделано из медной проволоки и белого железа три клетки больших попугайных да пять клеток канарейных. В 1686 г. починена попугайная клетка в хоромы царицы Натальи Кирилловны: вместо жестяных столбиков сделаны медные. Клетки с попугаями, как и с другими птицами, висели на векшах или блоках. Так, в 1692 г. в Преображенское велено купить две векши медных или железных, «по которым подымать и спускать клетки с попугаи». Кормили канареек обыкновенным канарейным желтым семем, а попугаев – какими-то лепешками, нарочно изготовленными.

Попугай, без сомнения, доставлял большое потешенье старинным людям. Так, в 1622 г. в апреле дьяк Булгак Милованов поплатился своею шапкою, которую у него испортила в государевых хоромах птица попугай. Государь пожаловал ему новую. В хоромах царицы Марьи Ильичны находились пять попугаев, которых во время моровой язвы в 1655 г. по случаю выезда всего двора из Москвы кормил и хранил карлик Ивашка. Кормил он их миндальными орехами и калачами. Из других птиц в хоромах висели в клетках соловьи, снегири, щеглы, ракетки, перепелки. В 1669 г. в государевы хоромы сделано было 10 клеток птичьих из железной проволоки. В 1652 г. в комнаты царевны Евдокии Алексеевны подано три клетки перепелочные да четыре водопойки птичные. В 1684 г. царице Прасковье Федоровне сделана клетка перепелочная. Для разных птиц

иногда делалась одна клетка. В 1671 г. в июне сделана в Преображенские хоромы царевичу Федору клетка птицам о четырех житьях (ярусах) из проволоки, длиною аршин 2 верш. Деревянные клетки расписывались красками и золотились.

В 1686 г. кто-то поднес государям птицу *гамаюна*. Торговые люди Охотного ряду, призванные на Казенный двор, чтоб объявить ей цену, смотря на птицу гамаюна, сказали, что-де у них в ряду такой птицы не бывало и цены они ей не знают. Неизвестно, сколько времени жила во дворце эта невиданная птица, которую книжники причисляли к райским. В записках 1626 г.[1] октября 21-го упоминается, что дьяк Ждан Шипов отнес в Верх к государю в хоромы птицу *гамаюн*, которая в этом случае могла быть какою-либо вещицею, изображавшую такую птицу, как она и описана выше, с. 192.

Кроме птиц в царских хоромах живали четвероногие. В 1628 г. жил у царицы Евдокии Лукьяновны *горностай*, которому 20 июня куплена «меденая чепочка». У нее же в хоромах жила белка, для которой купили также чепочку да медный колокольчик в том же году генваря 6-го.

Крестовая или Моленная, где совершались утренние и вечерние молитвы, а иногда и церковные службы, часы, вечерни, всенощные, была, как домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, разными предметами поклонения и моления. Одна стена ее сплошь была занята иконостасом в несколько ярусов, в котором иконы ставились по подобию церковных иконостасов, начиная с деисуса, или икон Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя, составлявших, так сказать, основу домашних иконостасов. Нижний пояс занят был иконами *местными*[2], *на поклоне*, в числе которых, кроме Спасовой и Богородичной, ста-

[1] В сочинении автора «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» (изд. 3. – М., 1901. – С. 634) год указан другой – 7125 (1616). – *Ред.*

[2] Местными они назывались оттого, что ставились на стене в особо устроенных местах вроде киотов.

вились иконы, особенно почему-либо чтимые, как-то: иконы тезоименитых ангелов, иконы *благословенные* от родителей и сродников, благословенные кресты, панагии и ковчежцы со святыми мощами, списки икон, прославленных чудотворениями, исцелениями; иконы святых, преимущественно чтимых как особых помощников, молителей и заступников. Вообще иконостас Крестовой комнаты был хранилищем домашней святыни, которая служила изобразителем внутренней благочестивой истории каждого лица, составлявшего в своей Крестовой иконостас – *собственное моление*[1]. Все более или менее важные события и случаи жизни сопровождались благословеньем или молением и призыванием Божьего милосердия и святых заступников и покровителей, коих иконописные лики благоговейно и вносились в хранилище домашнего моления. Местные иконы, кроме окладов золотых или серебряных с каменьями, украшались различными *привесами*, т. е. крестами, серьгами, перстнями, золотыми монетами и т. п. Икона Богородицы, сверх того, всегда почти украшалась *убрусцом*, род лентия, полагавшегося на венец икон, и *ряснами* жемчужными. Внизу икон, особенно в праздники, подвешивались *застенки* или *пелены* шелковые, шитые золотом, низанные жемчугом, убранные *дробницами*, т. е. мелкими серебряными или золотыми иконами или какими другими изображениями.

Самое наименование *Крестовой* комнаты указывает, что в первоначальное время в ней главнейшим предметом поклонения и моления были кресты, т. е. святыня в собственном смысле домашняя, комнатная, так сказать, обиходная, которая собиралась и накоплялась у каждого домохозяина сама собою, начиная с креста-тельника, получаемого при крещении, и оканчивая крестами *благословенными*, получаемыми от разных лиц по случаю того же крещения в благословение от восприемников, от родителей и родственников и при других житейских случаях. Таким образом, еще у младенца уже на-

[1] Принадлежность икон какому-либо лицу обозначалась выражением *моление* такого-то, например икона государева *моленья*, государынина *моленья*, образ Спасов государыни царицы *моленья* и т. п.

коплялась немалая крестовая святыня, впоследствии очень для него дорогая, именно по памяти о родительском благословении или о благословении особо чтимого святителя и других почитаемых лиц. Вот почему эта святыня становилась для каждого как бы кровным, родным моленным сокровищем, перед которым всегда и исполнялась домашняя молитва.

Во время таких молитв царь Иван Васильевич Грозный, может быть, особо спасительные и милующие кресты возлагал на себя и в них молился, как это можно заключить по одной отметке о зубе Антипия Великого, который как спасительные мощи от зубной боли царь при молении также возлагал на себя вместе с крестами. В отметке упомянуто, что эта статья – священный зуб – числилась в описи «со кресты, в которых государь молитца».

Грозный-царь носил на себе: «1) Раку золоту, а в ней багряница Спасова, и ту багряницу взял царь и великий князь из Большия Казны из старых мощей. 2) Крест золот тельник, у него 4 жемчуга, а во главе яхонт лазорев». Кроме того, у него хранились в *веке*, в особой лубяной коробке, носимые им кресты: «Крест золот гладок, на нем Распятие наведено чернью, во главе червец, над Распятием и по ручкам и под Распятием внизу 4 яхонты лазоревы, около креста обнизь жемчужна. Крест золот, на нем Распятие наведено чернью, во главе яхонт синь, у устец два жемчуга, около креста обнизь жемчужна. Крест золот гладок, на нем Распятие литое, во главе вырезан образ Спасов. Крест самфирной (сапфирный) синь, обложен золотом, около его 12 жемчугов. Крест самфирной синь, вверху по ручкам обложен золотом, а в нем 3 червцы да камышек простой да жемчужина да около его 6 жемчужков. Крест самфирной синь, вверху и по ручкам обложен золотом, во главе херувим, около его 4 жемчужки. Крест золот гладок, на нем Распятие литое, во главе образ Спасов, в кресте вверху и внизу 2 лала, а по ручкам два яхонта лазоревы, около креста обнизь жемчужна. Крест золот гладок, на нем Распятие литое, во главе яхонт лазорев, а в кресте вверху и внизу Распятия два червца, по ручкам две берюзы, в кресте около каменя жем-

чуга. Крест аспиден зелен обложен золотом гладко, а в нем 4 червцы, во главе жемчуг, в перевитях у устец 6 жемчугов (царевичевской Иванов)»[1]. Дóлжно заметить, что выбор дорогих камней для украшения крестов (как и перстней) в то время сопровождался очень распространенными суеверными мнениями о чудодействующей силе иных камней. На описанных крестах царя Ивана Васильевича, почти на каждом, находим камни червцы, т. е. червленые или червчатые яхонты (рубины) и яхонты синие и лазоревые, а три креста даже из целых сапфиров, т. е. синих, василькового цвета, яхонтов. В старых лечебниках между прочим значится, что «кто носит при себе яхонт червленый – снов страшливых ни лихих не увидит», а «яхонт лазоревой кто носит при себе – тело умножает и благолепие лицу подает и похоти телесные смиряет и чинит человека быти чистым и добрым… а в перстне кто носит – чинит его спокойным и в людях честным, набожным (побожным), милостивым, духовным, а измены открывает, страхи отгоняет…». Кроме икон и крестов в Крестовой сохранялись и разные другие священные предметы, приносимые из местных монастырей или от паломников в Святую землю и от приезжего иноземного, особенно греческого, духовенства.

От святых мест сохранялись: *змирно, ливан, миры* Гроба Господня, *свечи воску ярого*, иногда выкрашенные зеленою краской и перевитые сусальным золотом, которые *зажжены были от огня небесного* (в Иерусалиме, в день Пасхи), *погашены вскоре*, дабы хранить их как святыню. Из местных монастырей и некоторых храмов приносилась во дворец так называемая *праздничная святыня*, т. е. святая вода в *вощанках* (сосудах из воска) и иконы праздника, т. е. во имя тех святых, в честь которых учреждены были монастыри или выстроены храмы, отправлявшие свои годовые праздники, а также и освященные *чудотворные* монастырские *меды*. В 1642 г. у царицы Евдокии Лукьяновны в хоромах в трех *склянках* хранилась святая вода да *чудотворный* мед. В праздничные дни эта святыня благоговейно употреблялась на здравие телу и на спасение

[1] Временник Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. – 1850. – С. 5.

душе. Известно, что по случаю четвертого брака царя Ивана Васильевича на него Церковью наложена была епитимья, которая на первый раз через 4 мес. разрешала ему «к пречистыя хлебу (панагия) после стола ходити и приимати по Владычним праздником и по Богородичным… и ко святой воде и к чюдотворцевым *медом*…». В Образной палате в 1669 г. сохранялось 12 рожков *меду дивия*. Да в той же Образной палате было собрано в вощанках, что приношены были со святою водой из монастырей, воску весом 20 пуд.

Это были предметы наиболее обыкновенные, которые можно было встретить в каждой Крестовой царских хором. Но время от времени крестовая и образовая царская казна обогащались и другими разнообразными памятниками святых мест, которые присылали или подносили государю и всем членам его семейства греческие архиереи, архимандриты, игумны, попы и монахи, приезжавшие в Москву за милостынею. Так, в образовой казне, кроме множества частиц от мощей святых, хранились между прочим: поднесенный государю в 1627 г. генваря 12-го стольником князем Алексеем Ивановичем Воротынским по приказу отца своего, боярина Ивана Михайловича, «*крест* золот с мощми обнизан с жемчугом и украшен дорогими каменьями. А по подписи в кресте мощей: камень горы Синайския, древо Моисеева жезла, земля Иордан-реки, млеко Пречистыя Богородицы, камень гроба Господня; камень Голгофы-горы, идеже Христос распят; камень, идеже Господь обрете жребя; глава Иоанна Предтечи; камень, идеже побиен мч. Стефан; камень, идеже преставися Пречистая Богородица; камень горы, идеже Господь постися; камень св. Сиона, идеже Господь вечеряя со ученики; камень горы Фавор; камень горы Елеонския; камень, на нем же ангел Господень седе у гроба… А промены тому кресту по сказке Золотого дела и Серебреного приказу мастеров 200 руб.». Тогда же князь Воротынский поднес великой старице Марфе Ивановне «понагею, камень аспид, в ней по подписи находились мощи: Купина Неопалимая, жезла Моисеева, земля из Иордани, где Христос крестися; камень Голгофы» и др.

В том же 1627 г. отдан был в образовую казну взятый со старого государева двора крест золот, также богато украшенный сканью, жемчугом и каменьями, в котором в числе мощей находились «камень горы Голгофы, где изошла Кровь Христова; камень Неопалимые Купины; камень Вифлиомского вертепа, где Христос родися; камень трапезы Авраамли да часть древа дуба Мамврийского…».

В разное время в образовой казне хранились также: «в 1640 г. Древо честного Креста Господня. В бумажке заверчена часть невелика ризы Преч. Богородицы. В дву местах трава Преч. Богородицы. Четыре меры Гроба Господня питныя. Свеча цареградская навожена сусальным золотом и розцвечена розными красками, длина ей аршин пол сема вершка; да три свечи белые ярого воску – прислал к Государю Иерусалимский патриарх. На дву блюдечках *касия*. Миро в сосудце свинцовом, освящено патриархи, прислал к государю Цареградский патриарх Кирилл в 1632 г. адану черного в двух местах, привез Иерусалимский архимандрит Климент в 1636 г. Камень во влагалище в суконном, а от него пахнет благоухание, а какой камень, про то неведомо».

По описи Образной палаты 1669 г. в ней хранились: «ставик точеной писан краски, а в нем камень *небеса*, где стоял Христос на воздухе. Ставик точеный, а в нем часть камени небеса, что от воздуха. Ставик точеный писаный, а в нем камень от Голгофы, где Христа распяли. Камень, где Христос постился четыредесять дней. Камень, идеже стоял Христос, искушаем от диавола… Камень от столпа, где Христос привязан был. Камень от того места, где Христос молился и говорил: *Отче наш*. Ставик, а в нем песок реки Иорданския, где Христос крестился. Коробочка деревянная велика, а в ней (между прочим) часть от дуба Маврийского. Вощанка (восковой сосудец), а в ней вода Иорданския реки. Древо клады Пречистыя Богородицы. Два камени простые, печать Гроба Господня. Хлеб Пресвятыя Богородицы. Мера срачицы Пресвятыя Богородицы» (поднесена Макарием, патриархом Антиохийским, в 1668 г.). В Крестовой царицы Натальи Кирилловны *хранилась*

«*травка, словет ручка Пречистыя Богородицы*, принесенная также из Палестинских мест. В 1632 г. архимандрит Исайя с Синайской горы поднес: того места, где был Моисеев жезл, две финиковы, древо финиково и финики».

Кроме палестинской святыни в Образной палате сохранялась также и святыня русская, между прочим: «часть клады Пресвятыя Богородицы, на которой явилась пономарю Юрошу на Тихвине; перст и часть от гроба Александра чудотворца (Свирского); прп. Евфимия Суздальского два зуба в ковчеге серебряном золоченом; посох, часть клобука, башмаки и онучки Пафнутия Боровского; часть клобука Кирилла Белозерского…».

Иконы и различные святыни, приносимые время от времени государю и членам его семьи, из Крестовых передавалась на Казенный двор в *Образную палату*, где обыкновенно сохранялась излишняя в комнатах святыня и разная церковная утварь. Богатство Образной палаты в этом отношении увеличивалось с каждым годом, ибо одни уже приносы и подношения, например икон праздничных из монастырей и от духовных властей как благословение, увеличивали это богатство не десятками, а сотнями икон. В конце царствования Алексея Михайловича в Образной палате хранилось таких *подносных* икон более 8200 в серебряных чеканных или басемных окладах или без окладов, писанных на золоте или на красках.

Там же хранилось множество образов, оставшихся от прежнего времени как наследие, большею частию в золотых и серебряных чеканных окладах, с каменьями; а также *комнатные* золотые кресты и панагии, складни, малые резные иконы на камени и на кости и крабицы, ковчежцы, коробочки, ставики со святыми мощами и т. п. Сверх того, сохранялось более 600 старых и ветхих икон. В числе святыни наследственной находился золотой крест Петра чудотворца (московский митрополит), который всегда бывал на государе, когда он погружался в Иордан 1 августа.

Выше упомянуто, что в числе крестов, в которых молился царь Иван Васильевич, был зуб *Онтипия Великого*, кован

серебром[1]. Св. Антипий почитался как исцелитель от зубной боли. Царь Алексей Михайлович хаживал иногда на богомолье к Антипию, что у Колымажного двора, особенно в годовой праздник 11 апреля. В 1646 г. августа 30-го как государь ходил туда молиться, куплены в серебряном ряду *два зубка* серебряных за 3 алт. 2 ден. и положены к чудотворцу Антипе. Царицы нередко поднимали чудотворный образ Антипия к себе в хоромы и служили ему молебны.

На других стенах Крестовой, над окнами и над дверьми, ставились иконы в малых иконостасцах или киотах. Так, в 1685 г. в хоромы царицы Натальи Кирилловны велено сделать и позолотить к 15 иконам пять иконостасцев. В иных местах ставились *молитвы*, писанные уставным письмом на бумаге или на раскрашенных досках, вставленных в золоченые рамки. У местных икон, Спасовой и Богородичной, писаны были таким же письмом тропари и кондаки. Так, в 1676 г. живописец Иван Салтанов выкрасил две доски к *молитвам* в хоромы государю; в 1677 г. словописец Поликарп Фомин написал в хоромы государю *молитву* чудотворцу Алексею да к Спасову и Богородичну образам тропари и кондаки уставным письмом. В том же 1677 г. живописец Иван Безмин золотил к великому государю в деревянные новые хоромы три круга деревянных резных больших, да два киота образных, да четыре рамы к *тропарям* московским святителям.

Пред иконами, по обычаю, теплились неугасимые лампады, а при совершении молитв и служб горели восковые свечи в больших и малых образных подсвечниках или *шанданах*, медных, литых, ввертных, которые ввертывались в иконостасе пред каждою иконою. В обыкновенное время свечи горели простые, а по праздникам, особенно на Святой, фигурные зеленые и красные, составляемые из окрашенного воска или расписанные красками, обыкновенно киноварью и суриком, также

[1] «А на нем сорочка бархат червчат сажен жемчугом». И помечено у той статьи: «писан со кресты, в которых Государь молитца». Этот *зуб* царь Иван Васильевич «отобрал на себя» из казны своего убиенного сына царевича Ивана Ивановича в 1584 г. генваря 20-го – только за два месяца до своей кончины. Временник Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. – С. 26.

густо вызолоченные или высеребренные. Так, в 1682 г. велено сделать свеч в хоромы к дням Страстей Христовых да к Светлому Христову Воскресенью: 100 свеч золоченых, 100 красных, 100 зеленых, 100 черных, да 50 пальм, да из ярого воску белого 10 свеч. В 1685 г. к празднику Донской Богородицы сделано свеч: 100 гладких красных, 100 гладких зеленых, 30 аспидных, 30 красных граненых, 30 граненых зеленых, 50 золоченых, 12 свеч к местным иконам.

Пред иконостасом стояли *книжные налои* для чтения, *глухие* или разгибные, украшенные резьбою, золоченьем и расписанные красками, глухие со скобками по бокам для подъему. В Крестовой царя Алексея Михайловича (1676 г.) стоял налой книжный резной из кости с вызолоченными и высеребренными железными скобами и пробоями, украшенными репьями. В 1677 г. живописец Иван Салтанов писал и красками расписывал и золотил государю налой книжной. В 1660 г. в октябре царевичу Алексею Алексеевичу вызолочен «налой деревянный, по сторонам орлы резные пластаные (двуглавые) золочены; стоит на львах золоченых». В 1666 г. в хоромы царевны Ирины Михайловны расписан «налой деревянный новый по золоту и серебру розными цветными краски». Налои бывали двойные и тройные. В 1684 г. расписаны два налоя липовых тройных зеленым аспидом царевне Екатерине Алексеевне и два таких же налоя царице Наталье Кирилловне. В 1687 г. в казне находился «налой низенькой, в аршин, на орлах прорезных золоченых, доска покрыта бархатом червчатым».

При молебных поклонах употреблялись также *поклонные скамейки* или *поклонные колодочки*, обитые красным сукном с позументом или червчатым кизылбашским бархатом. На эти скамейки и колодочки клались земные поклоны.

В Крестовой, в числе разных богомольных предметов, не последнее место занимали *четки* и *лестовицы*, лесенки, «по которым кладутся поклоны». Лестовицы или лествицы бывали обыкновенно ременные, а иногда костяные, набранные по атласу. В 1680 г. «Спаса нового монастыря иеродиакон Макарий делал и набирал на атлас темно-лимоновой кости

белые рыбьи великому государю лествицы». Четки бывали также ременные или снизывались из зерен деревянных, костяных, янтарных, каменных и т. п., на шелковых снурках или *поцепках, с пронизками, промежками, прокладинами* или *прокладками* из других мелких зерен и с кистями. Иногда они набирались также на атласе или бархате. Изделием деревянных и костяных четок занимались дворцовые токари и делали их большею частию из *кости рыбья зуба*, моржовых клыков. Четки ременные и из рыбьего зуба особенно знамениты были *соловецкие* и *кирилловские*, также *троицкие* и некоторых других монастырей. Много четок шелковых и деревянных привозили также в Москву и греческие старцы, отчего четки назывались *греческими*.

Более богатые четки из разных камней привозились из-за границы. Барберини (1565 г.), записывая, что нужно привезти в Москву для продажи, говорит между прочим: «В Венеции и в Милане есть разного сорта хрустальные четки, и с золотом и без золота, а также и из разных каменьев, и разного цвета и вида; всего этого нужно для Москвы». Наподобие таких четок делались четки и из рыбьей кости и раскрашивались под цвет каменьев. В 1680 г. в хоромы государю велено было сделать «десетеры четки из рыбьей кости и выкрасить их в разных красках против образца сердоликов и набрать их на отласех розными цветами».

В казне царя Михаила в 1634 г. хранились «*четки* яшма зелена, сверху лал, кисть шелк червчат с золотом. *Четки* камень агат, ворворки[1] низаны жемчугом с канителью, кисть шелк червчат с золотом. *Четки* королек бел, прокладки яшма зелена, на верху арамот обнят золотом волоченым, ворворка низана жемчугом, кисть шелк червчет с золотом. *Четки* сличные, кисть шелк лазорев с золотом (взяты к государю в хоромы). *Четки* рыбей зуб, резные, на верху узол кафимской, ворворка золото пряденое, кисть шелк червчет с золотом. *Четки*

[1] Ворворка (плетеница) – сплетенная верхняя часть кисти, где соединялись и укреплялись кистевые пряди. У золотых кистей ворворки почти всегда вынизывались жемчугом, а у шелковых плелись из золотого снурка.

рыбей зуб, ворворки низаны жемчугом, кисть шелк лазорев с золотом. *Четки* яшма зелена, прокладки хрустальные, на верху узолки золотные кафимские (государю челом ударил окольничий князь Алексей Михайлович Львов, взяты к государю в хоромы). *Четки* ентарные счетом 65, что государю челом ударил окольничий князь А. М. Львов. Тридцатеры *четки* монастырские рыбей зуб». В казне цариц хранились «*четки* серебряны с *арамоты*, ворворка низана, кисть золота».

Когда оканчивались молитвы или служба, то иконы, особенно местные, задергивались тафтяными завесами на колечках для сохранения от пыли и всякие ради чистоты и вообще из благочестивого приличия или благочиния, не дозволявшего в жилой комнате в обыкновенное время ввиду житейских дел оставлять молебную святыню открытой. Так, в 1661 г. декабря 18-го «в государеву Переднюю Избу к местным образом на завесы употреблено тафт пяти цветов: лазоревой 8 арш., светло-зеленой 6 арш. 7 верш., желтой 5 арш. 9 верш., червчатой 6 арш. 4 верш.; дымчатой 6 арш. 2 верш. и 50 колечек медных».

При Крестовых состояли на царском жалованье *крестовые* попы и *крестовые* дьяки, которые были обязаны в хоромах и в верховых церквах, переменяючись понедельно или беспеременно, читать, псалмы говорить, конархать и на крылосе петь, что называлось вообще служить *у крестов*. Кроме годовых денежных окладов они получали *праздничное*, т. е. портище какой-либо материи на кафтан или такое же портище *в приказ*, т. е. по особой милости государя сверх положения. Они пользовались также некоторыми другими выгодами, какие доставляло им их приближение к государеву дворцу.

По праздникам, например, их посылали к духовным властям со *звом* к царскому столу, за что они получали *зватое* – известную сумму денег или подарок, смотря по значению и достоинству приглашаемой власти. Вот челобитная крестовых дьяков, поданная в 1626 г. царю Михаилу, в которой они лучше расскажут, в чем дело. «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии и государыне царице и ве-

ликой княгине Евдокии Лукьяновне бьют челом холопи ваши, крестовые дьяки Авдюшка Васильев, Ивашко Семенов, Гаврилко Парфеньев, Кирилко Григорьев. Дано, государи, ваше государское жалованье *крестовым* священником Афонасью да Ивану, кои с нами поют у тебя, государыни царицы, в хоромах, переменяючись по недельно, по камке. А в прошлом, государь, в 133 г. дано им же по багрецу, да по тафте по широкой в приказ, а нам, холопям вашим, не дано. А мы у тебя, государыни царицы, в хоромах и в церкве чтем и псалмы говорим, и конархаем, и на крылосе поем без переменно, четыре человека. А как, государи, преж сего мы пели у тебя, государя, все вместе, и нам, холопям твоим, по твоему государеву указу велено звать властей на Велик день, и на Рождество Христово, и на Благовещеньев день, и на ваши государские именины; а ныне, государи, от нас тот зов отошел. Милосердые государь царь (т.) и государыня царица (т.), пожалуйте нас, холопей своих, для своего многолетного здравия против крестовых священников по камке, женишкам нашим на летники…» *Помета*: «134 г. марта 20-го, государь пожаловал велел дать».

Церковно-служебные книги известны по своему содержанию. Упомянем об их наружном виде, какой существовал в царском обиходе. У царя Ивана Васильевича в его крестовой и постельной казне находились: «Книга в десть на бумаге Потребник, в начале заставица писана золотом и красками, оболочен бараном красным, застежки медены в замок. Книга в десть на бумаге Треодь Постная, в начале заставица прописана золотом с красками, оболочена бараном красным, жуки и застежки медены в замок». Также описана Триодь Цветная; Стихараль (Стихирарь) был без заставицы. «Книга Евангелие тетр в десть на бумаге, заставицы писаны красками с золотом, а строки большие и слова начальные по Евангелистом писаны золотом, а пропись рядовая киноварем; оболочена бархатом червчатым гладким, бархат потерт; описка по полем красками с золотом, а на верхнем кругу подпись книги; без застежек. По смерти государя отдано в Архангел (в Архангельский собор) в придел ко гробу».

Кроме *служебных* книг, по которым читали и пели крестовые попы и дьяки, в Крестовой находились и так называемые *Златоусты* – сборники учительных Слов, расположенных по дням всего года, так что на каждый день из них прочитывалось Слово, иногда два, соответственных церковному значению дня или церковному празднеству в тот день. В архиве Оружейной палаты хранится под № 3 подобный Златоуст, *другая половина*, начинающаяся «с четверга после Всех Святых, первой недели», обозначенная в надписи: *Государыни царицы хоромная*[1].

Само собою разумеется, что в числе необходимых книг в Крестовой комнате были и *Святцы*. Такие святцы в 1629 г. написал государю книжный писец Юрий Евсеев.

Если в приемных комнатах останавливали особенное внимание богато убранные царские места (троны), составлявшие главнейший и самый видный предмет комнатного наряда и убранства, а в крестовых такое же значение имел иконостас, – то в *Спальной* или собственной *Постельной комнате* первым предметом ее убранства была *постеля*, т. е. кровать со всем постельным убором.

Кровать древнего устройства соответствовала прямому значению этого слова и была в настоящем смысле кровом вроде сени и шатра. Обыкновенно кровати устраивались из четырех столбиков стоячих, аршина в три вышиною, которые назывались *сохами*, подобно тому как сохами же назывались в устройстве шатров и палаток столбики, поддерживавшие шатровые полотна. В эти сохи вставлялись кроватные два *бруса сторонних*; в них укреплялись *мостовые доски*, составлявшие раму для постели; эта рама называлась *постельником*. В те же сохи укрепляли *брус передний и брус малый* для утверждения больших досок, застенков или спинок кровати, в головах и

[1] См. нашу статью об этом Златоусте в Архиве Калачова. Отд. VI. – М., 1854. – С. 43. [Статья эта переиздана автором в «Опытах изучения русских древностей». Ч. I. – М., 1872. – С. 179. – *Ред.*]

в ногах. Вверху в сохи вставлялись четыре *бруска верхних* с маковками для устройства *неба* или *подволоки*, т. е. верхней покрышки; внизу вставлялись четыре бруска *подножки* или *проножки*. Весь этот *станок* укреплялся еще железными связями. Небо шилось из камки, а с верхних брусьев, составлявших *небо*, спускались обыкновенно завесы также камчатные с бахромою. Кроме завесов, в головах и в ногах кровати у ее спинок привешивались золотные *застенки* – род драпировки. Так была устроена кровать царя Михаила Федоровича в 1629 г., у которой «все дерево украшено было резьбою и золочением; камчатные завесы и небо обшиты были золотным плетеным кружевом, застенки богато вышиты золотом и серебром с шелки и украшены золотыми кистями; на них шиты были травы и люди и звери».

Когда с половины XVI в. во дворце появилась немецкая фигурная резьба, кровати, как и вся царская мебель, получили еще более роскошный вид. Их стали украшать коронами, венчавшими небо или подволоку, гзымзами (карнизами) и шпренгелями, украшавшими ту же подволоку; *яблоками* на верхних столбиках и *пуклями* (род шара) на ногах. Вся резьба по обыкновению золотилась, серебрилась и расписывалась красками. В августе 1676 г. царь Федор Алексеевич повелел сделать себе в хоромы «кровать деревянную резную большую на столпах с кровлею и с короною, розъемную, и позолотить и посеребрить месты (местами) и росписать розными цветными краски; а внутри стороны и *постельник* обить отласом червчатым с голунами серебряными и золотными и с бахрамами золотными ж и наслать бумагою хлопчатою».

В 1683 г. царевне Екатерине Алексеевне сделана «кровать полная против образцовой, ноги и столбы точеные, стороны гладкие, подволока ломанинная с подвесы, со гзымсом и с шпренгери и с яблоки точеными, и с орлы, в вышину совсем в 3 арш.»; ее выгрунтовали и вызолотили.

В 1686 г. царевнам Марье и Федосье к кроватям сделаны и позолочены двои рамы флемованные на постельник, 8 шпренгелей резных для подволок или неба да 9 столбиков

столярских гладких. В том же году токари точили к большой резной кровати базы и каптели да к шести кроватям гладким столбы и ноги.

В 1699 г. в ноябре сделана кровать царевичу Алексею Петровичу – столярская гладкая, в длину 2 $^{3}/_{4}$ арш., в ширину 1 $^{1}/_{2}$ арш., вышина совсем 3 арш. Шпренгель вырезан один в возглавии, другой на боковых сторонах и внизу кругом, по 6 верш. Вся кровать обложена гладким дорожником и выглянцована; делали архитектурного дела мастер Георг Вилим-Дигенин да живописец Ян Тютюкорень.

Кроме золоченья и раскраски кровати украшались иногда живописью. Так, у описанной кровати Алексея Петровича в возглавии и на подволоке было изображено «Видение креста и победа на Максентия». В подволоках иногда утверждалось даже зеркало, как было, например, у одной из кроватей, принадлежавших князю Василию Васильевичу Голицыну. Описание этих кроватей мы поместим здесь для сравнения с царскими. В числе *отписных животов* князя и его сына Алексея, взятых в 1690 г. за их опалу в царскую казну, находилось 11 кроватей: «*Кровать* немецкая ореховая резная, с низу с четырех сторон и круг четырех столбов и под верхом подзор на ореховом дереве, резь сквозная, личины человеческия и птицы и травы. На кровате верх ореховой же резной, в средине зеркало круглое, круг зеркала резь, на верху четыре столба ореховых; цена 150 руб. *Кровать* с верхом немецкая ореховая на витых столбах; местами резано; на верхней доске персона, а в кровати испод и стороны обиты камкою осиновою немецкою на бумаге; цена 100 руб. *Кровать* резная золоченая со птицы, обито внутри отласом желтым, цена 150 руб. *Кровать* резная на четырех деревянных пуклях, а пукли во птичьих ногтях; кругом кровати верхние и исподние подзоры резные позолочены, а меж подзоров писано золотом и разцвечено краски, а в ней и (с) сторон настлано хлопчатою бумагою и обито рудо-желтою лапчатою камкою, цена 80 руб. *Кровать* резная золоченая без верху подбито отласом желтым, цена 35 руб. *Кровать* столярная резная с верхом, по ней и по верху

травы резные и писаны золотом и краски, цена 25 руб. *Кровать* столярная, в ней обито и по сторонам камкою рудожелтою луданною, а с лица писано золотом и краски, цена 15 руб. *Кровать* без верху писана, а внутри испод и со сторон обито камкою цветною, кругом по камке голун серебреной небольшой прикреплен гвоздми медными, цена 15 руб. *Кровать* столярная росписана краски и золотом, в средине обито камкою цветною китайскою, цена 4 руб. *Кровать* походная разборная столярная, ремни обшито сукном красным, цена 2 руб.».

Особенно богатую кровать царь Алексей Михайлович в 1662 г. отправил в дар персидскому шаху. Она описана следующим образом: «Кровать немецкаго дела цветная индейских черепах; по сторонам 4 столба черепашных, а на столбах верхи чеканные литые золоченые, а на средине столбов *гофдоны* литые гладкие золоченые. А около кровати в головах 10 столбчиков витые черепашные, а на них верхи чеканные литые золочены ж; а поддоны литые гладкие золоченые ж; а меж столбиков на средине и по сторонам разсвечено костьми и раковинами; да поверх и меж столбиков 10 болванцов литых золоченых да 3 болванца костяные резные; да поверх тех столбиков и в срединах закрепы литые чеканные золоченые; а в средине кровати позадь столбиков 4 стекла хрустальные; в ногах кровати в средине столбики черепашные витые, верхи на них чеканные золоченые, поддонцы золоченые ж; промеж дву столбиков 2 перилца костяные, а за ними 3 киотца, а в них 13 стекол хрустальных, а среднее стекло резное; поверх стекол внизу розсвечено золотом и костьми и раковинами и черепахою. А на верху киотцев перилца литые золоченые, позадь перилцев стеклы хрустальные. Верх кроватной черепашной с костьми и с раковинами на средине притчами (sic) раковины резными; да на том же верху перилца створные золоченые, меж столбчиков 34 стекла хрустальные, позадь столбчиков слюда; а на перилцах кровля черепашная местами вызолоченная, в средине стекло на 8 граней хрустальное, а круг стекла перилца золоченые; да вверху в средине стекло хрустальное. Да поверх кровати жена нага резная золочена, у ней в правой руке шпага, а в ле-

вой одежда; по углам на 4 яблоках 4 птицы крылатые золоченые. А среди тех птиц по сторонам 4 яблока золоченые, на них перье немецкое розных цветов. Под исподом кровати по углам по 4 льва золоченые. Той же кровати покров цветной розных шелков, чехол киндяшной красный». Кровать куплена у немца Ивана Фансведена еще в 1659 г. за 2800 руб. Очевидно, что эта была самая богатая и дорогая кровать в Москве в XVII столетии, которая потому и назначена в дар персидскому шаху.

Если так богато устраивалась собственно кровать, то не с меньшим богатством убиралась и самая постель, особенно в праздничных парадных случаях. Вот описание постели царя Михаила Федоровича, находившейся в его Постельной комнате в 1634 г.: «*Постель* большая (двуспальная) пуховая, наволока тафта желта, верхняя наволока полотняная бела полосата. Бумажник (тюфяк из хлопчатой бумаги, который всегда лежал под постелью) наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная ж полосата. *Взголовье* (длинная подушка во всю ширину постели) пуховое, наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная полосата. Две *подушки* пуховыя, наволочки куфтерныя желты, верхния наволочки полотняныя. Две *подушечки* пуховыя, наволочки отлас червчат. Одеяло камка кизылбашская по серебреной земле травы шолк гвоздичен, зелен, празелен, червчат; в травках листье золотное с розными шолки; грива (кайма) отлас золотной по зеленой земле полосы с белым да с червчатым шолком; испод и опушка горностайная. Одеяло холодное камка кизылбашская цветная по белой земле листье золото в травах; грива отлас золотной по лазоревой земле; подкладка тафта лазорева. Под государевою большою постелью *ковер* цветной велик. У государевы ж большие постели две *колодки* сафьянные червчаты», которые обыкновенно приставлялись к кровати для влазенья на постель; они назывались *постельными* и *приступными колодками*[1].

[1] Описанная постель, хранившаяся по смерти царя в государевой Мастерской палате, 1648 г. генваря 25-го была пожалована царем Алексеем своему дядьке Борису Ивановичу Морозову по случаю его женитьбы на Анне Ильичне Милославской – родной сестре царицы Марии Ильичны.

Это была постель двуспальная. Обыкновенная или, так сказать, вседневная, односпальная постель убиралась проще. Такая постель находилась в *третьей государеве комнате* и описана следующим образом: «*постеля меньшая* бумажная, наволока камка желта травная. *Бумажник* наволока куфтерная червчата. *Взголовье* пуховое наволока куфтерная червчата. *Одеяло*. *Колодка* сафьянная червчата»[1].

Само собою разумеется, что постели парадные, которые выставлялись по случаю семейных празднеств, свадеб, родин, крестин и т. п., убирались гораздо богаче. Они до этих случаев сохранялись обыкновенно в казне государевой или царицыной Мастерской палаты. Следующее описание постели, принадлежавшей также царю Михаилу, даст нам понятие о подобных парадных постельных нарядах.

«Государевы постели стоят в государеве Казне его государевой Мастерской палате: *Постеля* большая бумажная, наволока атлас турской двойной по серебряной земле круги золоты, в них шолк зелен, да в малых кружках шолк ал. *Постеля* пуховая, наволока атлас по червчатой земле опахала и травы золотные, в них шолк бел-таусинен-лазорев. *Постеля* пуховая, наволока цветная камка червчата-бела-желта-зелена, делана лучонками. *Взголовье* пуховое, наволока атлас турской двойной по серебряной земле круги золоты, в них шелк ал да зелен. *Взголовье*, на нем наволока атлас по червчатой земле опахала и травы золотные, в них шолк ал да таусинен. *Взголовье* бумажное, наволока цветная камка червчата бела-желта-зелена, деланы лучонками. *Подушечка* пуховая, наволока атлас червчат. *Одеяло* атлас золотной по лазоревой земле, грива низана жемчюгом по атласу по червчатому; в гриве ж каменья 17 лалов да 24 яхонта лазоревы, 23 изумруда. Круг одеяла кайма низана жемчюгом по червчатому атласу без каменья. Тое ж постели *два ковра* цветные с золотом и серебром. *Сукно* багрецовое кровельное. Тех же постель *две короби* большие подволочены сукном красным плохим, сверху поволочены

[1] Эта меньшая постель в 1645 г. по смерти царя была отдана его духовнику – благовещенскому протопопу Никите.

кожею красною. В них две простыни подстилочныя. *Рундук* обит бархатом червчатым»[1]. Парадные постели для сохранности и с кроватью покрывались *чехлами* из киндяку или другой подобной материи или же *покрывальными* сукнами; обыкновенно же их сохраняли в *коробьях постельных* или больших сундуках. Особые простые и парадные постели цариц, как равно царевен и царевичей, убирались подобным же образом. Вот описание постелей, хранившихся в Мастерской палате цариц Марьи Ильичны и Натальи Кирилловны и перенесенных туда, вероятно, по излишеству или как запасные, которые, впрочем, в большинстве предметов состоят из старых вещей царя Михаила.

«Постели: *бумажная*, на постеле наволока атлас по серебряной земле круги велики золоты, около кругов шолк зелен, меж кругов кружки невелики золоты ж, в кружках деревца шолк ал. *Пуховая*, на постеле наволока атлас по червчатой земле травы и опахалы золоты. *Зголовье* бумажное, наволока атлас золотной по серебряной земле. *Зголовье* пуховое, наволока атлас золотной по червчатой земле опахала и травы золоты. *Постеля* пуховая, наволока камка кармазин червчата-бела-желта-зелена, делано лученчаты. *Зголовье* пуховое, наволока камка кармазин бела-червчата-желта-зелена, деланы лученчаты. Подушка – наволока атлас червчат. *Две постели*: одна бумажная, другая пуховая, да два зголовья пуховые ж. На постелях и на зголовьях наволоки камка кармазин червчата-бела-желта-зелена, деланы лученчаты. *Два ковра* цветных с золотом да с серебром, да сукно кровельное багрецу червчатого, да две простыни. *Рундук* обит бархатом червчатым золотным, что ставитца у постели. *Ковер* турской делан золотом и серебром с шолки розными. *Пять наволок* подушечных золотных подло-

[1] 138 г. августа 10-го государь указал се большие постели совсем и одеяло из своей государевы Мастерские палаты отдать в царицыну Мастерскую палату. И того ж числа отданы в царицыну Мастерскую палату Федору Степановичу Стрешневу да дьяку Сурьянину Тороканову из Царицыны Золотые палаты после празднеств рожения и крещения государыни царевны и великой княгини Анны Михайловны. (Книга платью и всякой казне государевы Мастерския палаты, 7138–7141 гг. // Архив Оружейной палаты. – № 128).

жены кутнями. *Две подушки* бархат турской по червчатой земле, в средине кубы золоты да около репьи серебрены, в обводе шолк зелен да травки-рыбки».

Постели и все предметы их убранства переходили как бóльшая часть платья наследственно к детям и внукам и поэтому сберегались иногда несколько десятков лет, хотя в подновленном и измененном виде, соответственно новым вкусам и потребностям, что можем видеть и из приведенного здесь описания.

Итак, почти все убранство Постельной комнаты или Спальной заключалось главным образом в постели и, разумеется, в разных других предметах постельного обихода, о которых также необходимо сказать несколько слов. Прежде всего следует заметить, что в Спальной того времени мы не встречаем такого количества икон, какое очень часто можно встретить в теперешних спальнях, когда эти комнаты получили уже отчасти и значение Крестовых, совсем упраздненных у большинства даже зажиточных людей. В старину Постельная комната украшалась только *поклонным* крестом и иконою, стоявшими, по обычаю, в переднем углу, и крестом или небольшою иконою, которую ставили над входными дверьми. Так как утренняя и вечерняя молитвы совершались по обыкновению в Крестовой, то в Постельной и не требовалось целого иконостаса. *Поклонный* крест предпочитался как сокрушитель всякой нечистой и вражьей силы, столько опасной во время ночного «пребывания», как «бич Божий, бьющий беса», что нередко обозначалось и в монограммах на этом кресте.

В Постельной комнате хранилось необходимое белье и разные мелкие принадлежности мужского или женского убора. Белье в царском быту сохранялось всегда очень бережливо, к чему побуждали распространенные, можно сказать, всеобщие и глубокие верования в порчу, в колдовство и во всякое ведовство, от которого необходимо было уберегать себя самыми строгими мерами. Если случалось заметить что-либо чрезвычайное в порядке или относительно чистоты белья, то панический страх овладевал всеми, кто только был

прикосновенен к этой статье царского обихода. Между тем это чрезвычайное представляло почти всегда самые обыкновенные вещи, делавшиеся, разумеется, очень чрезвычайными по суеверному настройству века. Так, в 1630 г., как упомянуто, царь Михаил указал отдать свои большие парадные постели, описанные нами выше, в царицыну Мастерскую палату. Когда стали их принимать, то было «осмотрено у одеяла, у большаго на гриве (род каймы) на правой стороне близко угла в двух местах *проторчи* (дирки) невелики, одна проторчь зашита, а другая не зашита». «*Того ж часу* начальник Царицыной Мастерской Полаты Федор Степанович Стрешнев да постельничий государя Степан Лукьянович Хрущев извещали о том государю, и государь того одеяла в царицыных хоромах осматривал». Не знаем последствий этого дела, но обыкновенно бывало так, что поднимали поголовный розыск на всех, кто сколько-нибудь касался делу. Допрашивали тех, кто шил, например, одеяло, кто сохранял его, кто убирал им постель и т. д. Приведем еще случай, хотя тоже, к сожалению, неполный, ибо конец дела вовсе утрачен.

«156 (1648) г. июля в 20-й день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси указал Прокофью Федоровичу Соковнину да дьяку Петру Арбеневу *сыскать* и распросить княгиню Авдотью Коркодинову про свою государеву *сорочку* да государыни царицы и великой княгини Марьи Ильичны про два чехла, кто тое сорочку и чехлы (из) мастериц делал, и как тое сорочку и чехлы отдавала делать мастерицам, осматривала ль; и в те поры, по ее осмотру, сорочка и чехлы целы ль были, и будет в те поры целы были, и как тое сорочку и чехлы мастерицы принесли к ней, отделав, и она осматривала ль? И того ж числа княгиня Авдотья Коркодинова распрашивана, а в распросе сказала: кроила-де тое сорочку государеву боярыня Катерина Федоровна Милославская: а скроя тое сорочку, отдала ей, княгине Овдотье. И она-де тое сорочку, приняв, осмотрила, и тое сорочки *полотно было цело*; а осмотря, отдала делать новой мастерице Ирине Прасолове; и как-де тое сорочку та Ирина сделала, и она-де на той сорочке смо-

трила швов, а полотна не смотрила; и тое-де сорочку, приняв у мастерицы, отослала для катанья в портомойню с мастерицею с Катериною Ходиною. И после-де того на той сорочке в портомойне портомая Алена Васильева…» (конца недостает). Вероятно, все дело состояло в том, что на полотне сорочки оказалась *проторчь*, т. е. дырка, или что-либо подобное, весьма смутившее начальство и самого государя и по поводу неисправности изготовления, а еще более по подозрению, не было ли здесь какой *порчи* и умысла на государское здоровье.

Белье или так называемая *белая казна* – сорочки простые и нарядные, порты, поясы верхние и нижние, простыни, полотенца, утиральники, ширинки и т. п. – сохранялись всегда в *кипарисных сундуках* за собственною печатью государя или царицы; печать для вскрытия сундука отдавалась самому доверенному лицу, но обыкновенно в такой сундук ходила сама государыня. Самый сундук всегда одевался суконным чехлом. В описи царской казны 1611 г. находим: «*Сундук* кипарисной окован белым железом, а в нем царя Федоровские *сорочки*: 13 *сорочек* полотняных, нашивка торочковая; 11 *порты*. *Сорочка да* 4 *порты миткалинные*; две *сорочки* да двои *порты* безинные… Другой *сундук* кипарисной невелик, а в нем *сорочки* женские: *сорочка* тафта ала; *сорочка* тафта бела выбиваны звездки золотом; 2 *сорочки* тафта желта; *сорочка* полосата тафта бела да червчата; 2 *сорочки* тафта червчата, у одной рукава низаны жемчугом, а у другой шиты золотом; 8 *поясков* верхних и нижних шелковых; 6 *сорочек* мужских; 6 *порты* полотняных; 3 *сорочки* женских полотняных; 3 *полотенца* с золотом кисейных; *утиральник* белой; 3 *волосники* с ошивками везены золотом и серебром; 2 *ставика* немецкие с белилы; 14 *ширинок* шиты золотом и серебром и шолки; 29 *полок* шитых и браных; 3 *волосники* золото с серебром; *волосник* серебрен; 64 *волосники* золотных; 2 *ширинки* тафтяных с золотыми кистьми; 6 *ширинок* таких же, что государю челом ударили боярыни после свадьбы; *сорочка* полотняна нарядная полосата, нашивки и пояски – червчат шолк с золотом; три *сорочки* нарядных полотняных гладких, нашивка и пояски червчат шолк с золотом;

10 *простынь* коленных, безинных и полотняных. *Коробья*, а в ней: 7 полок; пояс шелковый; 17 *сорочек* полотняных женских; *сорочка* кисейная; *сорочка* кушачная полосатая; *сорочка* тафта червчата; 2 сорочки мужских нарядных; 3 порты тафтяны». Упомянем, кстати, что отставное белье обыкновенно раздавалось в тюрьмы тюремным сидельцам. Так, в 1630 г. развезены по тюрьмам отставные *простыни* в двух коробьях.

Весьма любопытные подробности об изготовлении царского белья и вообще о расходовании царской белой казны находим в сохранившихся записях о расходе полотен «на Государевы дела» за 1583–1587 гг., изданных нами в «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы», ч. I, стб. 1201–1223. Здесь между прочим встречаем некоторые приснопамятные дворцовые обычаи, по которым: 1) каждый год в годовщины памяти по отце Грозного, великом князе Василии Ивановиче декабря 4-го по самом Грозном-царе Иване Васильевиче марта 19-го и по его сыне, царевиче Иване Ивановиче 21 ноября раздавались из дворца нищим старцам сшитые дворцовыми швеями полотняные рубашки и ширинки (платки), сто рубашек и ширинок по Василии Ивановиче, двести по царе Иване Васильевиче и двести по царевиче Иване Ивановиче; 2) каждый год в день Семика, когда, по обычаю, совершалось общее погребение «странным», в Убогих Дом, где находилась общая могила, посылались из дворца сшитые полотняные покровы к погребению умерших. В XVII столетии на это дело выдавались целые полотна. Так, в 1652 г. июня 3-го из Мастерской царицыной палаты взял Тиунской избы подьячий Кирилла Григорьев 12 полотен, к *убогих дому* на погребенье.

В Спальной же, а может быть, и в других комнатах, находившихся подле и соответствовавших теперешней уборной, в сундучках, скрынях, ящиках, ларцах или шкатунах хранились также и все уборные принадлежности. Так как стенные зеркала, особенно до половины XVII столетия, не были еще в большом употреблении, то при убираньи большею частию употреблялись зеркала малые ручные, хранившиеся в особых

ларцах с гребнями. Круглые или четыреугольные, эти зеркала вставлялись в рамки или *обода* – деревянные золоченые или обтянутые бархатом, червчатым, вишневым, также камкою жарких цветов, на хлопчатой бумаге или басменною золоченою и серебрёною с красками кожею. Нередко их ставили в серебряную или золотую оправу. Устраивали их также в виде складней с затворками. Этого требовал даже обычай, признававший открытое зеркало чем-то греховным, и потому уборные зеркала, как и стенные, обыкновенно бывали закрытыми; первые хранились во влагалищах или футлярах или же под створками, а вторые, как мы уже видели, завешивались особыми зеркальными завесами.

Особенно богаты были по украшениям зеркала турецкие, которые подносились царицам в дар от приезжих с Востока иноземцев, послов и купцов. Они были круглые, семигранные, также четыреугольные створчатые, иногда – особенно круглые – с рукоятями, в золотом станке, осыпанном дорогими каменьями, алмазами, яхонтами, изумрудами, бирюзою и др. До сих пор мы говорили о зеркалах хрустальных, к числу которых можно отнести и *брусики хрустальные в зеркала место*, устраиваемые, вероятно, на черной какой-либо подкладке и заменявшие таким образом собственно зеркальные стекла. По свидетельству Барберини, еще в половине XVI столетия в Москве продавались превосходные хрустальные зеркала, но не в большом количестве. Кроме того, бывали зеркала *булатные* или *укладные*. Так, в числе царских вещей, описанных в 1611 г. на продажу для уплаты жалованья польским войскам, находились между прочим: «зеркало булатное обделано канютелью и зеркало булатное обделано серебром с раковинами». У царя Федора Алексеевича также находим булатное или *железное укладное* зеркало, в посеребренных рамах, которое в 1676 г. велено было вычистить и в лицо поставить, т. е. отшлифовать, для чего употреблено английское олово, камень кровавик и смола.

При уборном зеркале хранились гребни и гребенки, которые вырезывались из слоновой кости или из кости рыбья

зуба, а также из кипариса. Кипарисные гребни продавались в торговых рядах. В 1624 г. к государю в хоромы было куплено шесть «гребеней кипарисных» по 5 алт. за гребень. Работою отличных костяных гребней славилась издревле Холмогорская сторона, откуда призывали мастеров и в царский дворец. Здесь они едва успевали удовлетворять ежедневной почти потребности в этих предметах, так что из дворца посылались иногда на Холмогоры особые заказы. Гребни и гребенки делались *однозубчатые* и *двоезубчатые*, т. е. с редкими и частыми зубьями, причем у гребней зубья располагались или только на одну сторону или на обе стороны, на одну – частые, на другую – редкие. Гребни бывали круглые или четыреугольные, иногда складные. Как гребни, так и гребенки редко бывали гладкие; большою частию по приличным местам их украшали резьбою или только по поверхности, или сквозною, почему они назывались прорезными. На гребенках по концам вырезывали птичьи или змеиные головки или простые рожки. На гребнях вырезывали или прорезывали в травах птиц, зверей, клейма, личины и т. п. изображения. Величина тех и других, смотря по надобности, была различна, длиною в 4 и обыкновенное – в 3 верш., шириною около 2 верш. Из богатых гребней упоминается у царя Михаила Федоровича «гребень роговой сверху обложен яшмою, а в яшме врезано золото, а в золоте камышки, яхонты да изумруды. Государю челом ударил турецкий посол Тома Катакузин в 1630 г. Цена 10 руб.».

Во второй половине XVII столетия во дворце особенно славились гребенным мастерством холмогорцы братья Шешенины. Сначала из Холмогор в придворные мастера взяты были *неволею* гребенщики Семен да Евдоким Шешенины. С 1656 г. они находились в ведомстве Оружейного приказа. Особенно был искусен в своем деле Евдоким, костяных дел токарь, умевший резать по кости и по дереву всякие рези. Но 30 мая 1667 г. он помер, и оказалось, что это был в своем роде единственный мастер, после которого вдобавок не осталось и учеников. Тогда на его место был взят с Холмогор его двоюродный брат Ивашка Прокофьев Шешенин, который, однако

ж, объяснил, что он «с своим братом Ваською костяное дело делают гладью, а резного дела по кости никакого не режут и прорезных гребней не делают», и на вопрос: есть ли кто на Колмогорах мастерством против Евдокима Шешенина? – сказал, что «костяного дела мастер, который сам знаменит и по кости всякую резь режет и гребни прорезные делает, на Колмогорах только один человек, живет в посаде в тягле, Гришкою зовут, прозвище Носко, а иных людей такому мастерству, опроче его, никого нет». Была послана грамота на Холмогоры с указом взять этого Носко для государевых дел в Оружейную палату; но нам неизвестно, что последовало по этому указу. Григорий Носко почему-то не попал в мастера Оружейной палаты, и лучшими мастерами остались упомянутые двоюродные братья Евдокима – Иван и Василий Шешенины, к которым потом поступил в ученики в 1672 г. их младший брат Семен, выучившийся мастерству в три года и впоследствии тоже очень известный своими работами. Иван и Василий хотя и определяли свою работу не слишком высоко, однако в то время и на родине они были единственными по своему искусству мастерами, потому что когда в 1669 г. царь Алексей сделал было на Холмогорах нарочный заказ, чтоб изготовили тамошние мастера «10 статей шахмат да 10 гребней прорезных добрым мастерством, а в рези б были у гребней травы и в травах птицы – то холмогорцы – посадские люди – гребенщики Дениско Зубков с товарищи, 22 чел., ответили, что гребней сделать некому и николи они таких гребней не делывали, а делают гладким и простым мастерством, а такие резные гребни делывали Ивашка да Васка Прокофьевы, дети Шешенины, и они взяты к Москве». Шахматы делывали только трое: Дениско Зубков, Иван Катеринин, Кирилко Саламатов, которые тогда и исполнили царский заказ. Известно, что костяное резное дело до сих пор процветает в тамошних местах.

Но вместе с холмогорцами в Оружейной палате работали и польские или белорусские мастера, именно из Витебска, из которых более других были искусны Кирила Толкачев, Данила Кокотка, Иван Дракула, Самойло Богданов, Иван Ники-

тин. Некоторые из них – Толкачев, Кокотка – в 1680 г. были отпущены по домам, быть может, за излишеством, потому что «в генваре 1679 г. в дворцовые мастера поступил Анбурские земли иноземец, притом с 1666 г. капитан русского рейтарского строя, костяного токарного и янтарного и часового дела мастер Иван Иванович Ган или Яган Ган с окладом жалованья по 50 руб. в год». Он работал верховые дела беспрестанно, как выразился после десятилетней своей службы в 1689 г.

Работы всех упомянутых мастеров заключались в изготовлении в разные комнаты дворца гребней и гребенок, уховерток, четок, ароматников, черенков для ножей и вилок, также шахмат, тавлей, саков (шашек), бирок и т. п. Многие изделия они резали и точили из слоновой кости, другие – различную посуду – кубки, братины, чарки, фляжки, роги, пороховницы и т. п. – из рыбьей кости, т. е. из моржовых клыков, из которой, как и из слоновой, делали даже и паникадила.

При гребнях употреблялись иногда и *щети*, щетки. В царской казне XVII столетия хранились «*щеть* оправлена серебром; щетка черен серебряной».

Зеркала, гребни и гребенки были необходимыми предметами не только при уборе женском, но также и при мужском. К ним до́лжно присовокупить еще *мыло*, которое в царском быту составлялось обыкновенно из разных душистых веществ. В 1628 г. к государеву мыльному составу потребовали из Аптекарского приказа золотник масла коричного, 2 золотн. масла анисового, три чарки водки гуляфные (розовой воды). В 1629 г. к мыльному составу употреблено 2 золотн. масла гвоздичного, 4 золотн. масла анисового, 6 чарок водки свориборинные. В 1630 г. про государя в мыльный состав изошло пять чарок вина двойного с зельи. Кроме домашних составных мыл употреблялись и привозные покупные, например мыло *индейское*, *халяпское*, *грецкое*, и из русских *костромское*, *нижегородское*, простое.

Другие предметы уборного столика у государя хранились в *готовальнях*, *монастырьках*, описание которых мы поместили выше, также в *связках* или же в особых ящиках.

Женские уборные принадлежности большею частию сохранялись также в ларцах, ящиках и шкатунах. В числе их находились: белильница, румянница, клеельница, суремница, ароматница, разные бочечки, тазики, чашечки с необходимыми по потребностям века снадобьями для украшения лица, волос и других частей тела. Белила и румяна употреблялись большею частию привозные, немецкие. Впрочем, известен был и румянец *русский, кисейный*, выделываемый на кисее из сандала. Он же назывался *платеным*. Покупали также румянец *ступочный* или ступичной (бакан турский), *лековой* (*леко* – игральная кость, брусок, кубик), вероятно, иностранного привоза; платили ступичной и кисейной по 8 алт. за золотник, лековой и русский по алтыну. Белильницы и румянницы были небольшие коробочки, обшитые золотом и серебром, также низанные жемчугом, иногда серебряные, украшенные финифтью и каменьями. Такие же коробочки служили для *клеельницы* и *суремницы*, хранивших снадобья для подклейки и черненья бровей и вообще волос. При суремницах употреблялись *спицы*. В описи царской казны 1611 г. находим «две белиленки низаны жемчугом с кистьми. Белиленка шита золотом и серебром; три суремницы с спицами, низаны жемчугом; два ставика немецкие с белилы». У царицы Евдокии Лукьяновны в числе уборных вещей было «*зеркало* хрустальное четвероугольно, станок серебрен, назади вырезан орел, станок весь золочен; во влагалище атласном цветном. *Суремница* низана жемчугом скатным с камушки, в средине по обе стороны низаны орлы мелким жемчугом с камушки и с блески; в конце у рукояти кисть золотная. Лопатка кругла, рукоять четвероугольна серебрена золочена. *Белильница, румянница* – серебрены золочены с чернью». В казне цариц хранились между прочим: «*суремница* по атласу по червчатому низана жемчугом, в обводе жемчуг скатной, на стороне по 4 изумруда да по яхонтику по червчатому. *Спица* у суремницы и ворворка по атласу по червчатому обнизана жемчугом, у ворворки кисть золота. *Белиленка* серебрена с финифты с розными. *Ароматница* серебрена персидское дело

сенчата, около ее в гнездах бирюзки да виниски мелкие». Разные *ароматы* и бальзамы, собственно духи и помады, изготовлялись в царской Аптеке и сберегались в ароматницах или ароматниках (флаконах) золотых, серебряных и костяных. В 1679 г. в декабре царю Федору в хоромы сделано «12 ароматников одинаких, да два больших о шести мест, розвертные; в апреле 1680 г. еще шесть ароматников слоновой кости больших, четыре тройных, два одинаких; в августе деланы еще *роматники* розвертные осмерные, шестерные и тройные из рыбьей кости; в октябре – три *роматника* розными образцы; работал мастер костяного, янтарного и часового дел немец Иван Ган». У царевны Софьи в 1684 г. была уборная «шкатула оправлена волоченым и сканым серебром, сделана из благоуханного дерева с зеркалом и с двемя ящики. В той же шкатуле ящик серебряной с камешки да блюдечко да малой ящик».

Кроме того, встречаем особые ящики, погребцы и шкатуны с разными скляничными сосудами и с «фарфурными скляницами», наполненными разными водками, т. е. духами. Барберини (1565 г.), посылая на родину записку о вещах и разных предметах, которые требовались в Москве, пишет между прочим, что нужно привезти также «всяких душистых и хороших сортов вод в довольном количестве, на всякий случай; и таких же самых лучших мыл для умывания рук».

К уборным предметам мы отнесем и опахало. Оно устраивалось из перьев или же было *сгибное* из атласа, *харатии* (пергамента) и других подобных предметов. У царицы Евдокии Лукьяновны между прочим были опахала: «опахало перье павино, в середке у опахала дерево писано золотом, а в дереве зеркало; пониже зеркала обогнуто участком золотным; черен у опахала дерево черно, по концам кость рыбий зуб с щедрою» (1630 г.). У царевны Ирины находим два опахала невелики, перье струцово, черены меденые, поверх черенов по закрепкам навожено финифты. Опахало, перье струцово, с зеркалом, черен деревянный с костьми (1629 г.). В 1686 г. сделано царевнам четыре опахала атласных, в том числе два червчатых, два желтых поменьше, для чего употреблено 14 арш. атласу, 14 листов

бумаги александрийской писчей и 8 ф. дерева немецкого чипрасу. Богато украшенные золотом и каменьями опахала привозимы были царицам в дар с Востока. Дóлжно заметить, что опахала были в употреблении и на мужской половине царского дворца. У царя Михаила находим «опахало деревянное, писано золотом да красками розными; нагалище у опахала сукно червчато багрец (1629 г.); опахальцо турское круглое, перье бело, червчато, черно; о середке зеркальцо; черен дерево индейское. Опахальцо турское кругло; перье бело, червчато; черен серебрен золочен, лопастка с финифты. Опахало харатейное сгибное, писано красками в дереве» (1634 г.). В 1671 г. царевичам Федору и Ивану отпущено в поход в с. Преображенское два опахала атласные червчаты. Подобные атласные опахала царю подносили обыкновенно к празднику Пасхи как свое изделие мастера Оружейной палаты.

Не дóлжно забыть также, что в спальнях ставились, смотря по надобности, *будильники* или *часы с будильником*. У царя Алексея, когда еще он был царевичем, в спальной был «будильник на стоянце меденом, наверху немчин с копьем» (1642 г.). У царевича Ивана Михайловича были «часы боевые с будильником и с дробным перечасьем медные прорезные теремчаты позолочены четвероугольны с дву сторон стекла вставлены хрустальные круглые; на поддоне деревянном черном, у поддона 4 подножка медные луженые». (Присланы в дарах киевским митрополитом Петром Могилою, 1644 г. генваря 30-го).

Из опочивальной ближе всего перейти в *Мыленку*, которую в наше время заменила ванна. Мыленка в древних царских хоромах помещалась или в подклетах, или в одном ярусе с жилыми комнатами, отделяясь от них небольшим переходом и даже одними только сенями. В мыленку также вели особые сени, называвшиеся *мовными, мыленными, передмыленьем* (то же, что теперешний передбанник или сторожка во всенародных банях), где обыкновенно раздевались. В этих сенях у

стен были лавки и стоял стол, накрытый обыкновенно красным сукном, на котором клали *мовную стряпню*, т. е. мовное платье, в том числе колпак и разные другие вещи, которые надобились во время мытья, например простыни, опахала тафтяные или бумажные, которыми обмахивались, когда после паренья становилось очень жарко.

Внутреннее устройство мыленки было таково: в углу стояла большая изразчатая печь с *каменкою* или *каменицею*, наполненною «полевым круглым серым каменьем» – крупным, который назывался *спорником*, и мелким, который назывался *конопляным*. Камень раскаливался посредством топки внизу каменки. И каменка, и эта топка закрывались железными заслонами. От печи по стене до другого угла устраивался *полок* с несколькими широкими ступенями для входа, как и в теперешних банях. Далее по стенам до самой двери тянулись обычные лавки. Мыленка освещалась двумя или тремя красными окнами со слюдяными оконницами, а место на полке – волоковыми. Обыкновенный наряд мыленки был такой же, как и других комнат. Двери и окна со вставнями и втулками обивались красным сукном по полстям или войлоку с употреблением по надобности красного сафьяна и зеленых ремней для обивки двери. Оконный и дверной прибор был железный луженый. Окна завешивались суконными или тафтяными завесами. В переднем углу мыленки всегда стояли *икона* и *поклонный крест*. Так, в 1692 г. в мыленку царевен меньших выменен был образ Богородицы и медный крест – поклонный.

Когда мыльня топилась, т. е. изготовлялась для мытья, то посреди нее ставили две липовые *площадки* (род чанов или кадей ушата в четыре), из которых в одной держали горячую, в другой – холодную воду. Воду носили в липовых *изварах* (род небольших ушатцев или бадей), в ведрах и в шайках[1], наливали медными луженными ковшами и кунганами, щелок держали в медных же луженых *тазах*. Квас,

[1] 1684 г. в августе в с. Коломенское в мыленку взято «2 кади липовых облых по 30 ведр, 2 кади по 20 ведр, четыре извары липовых же по 5 ведр, 20 ушатов, 20 гнезд ведр».

которым обливались, когда начинали париться[1], держали в *туезах* – больших берестяных бураках. Иногда квасом же *поддавали пару*, т. е. лили его в каменку на раскаленный камень спорник. Нередко для того же употреблялось и *ячное* пиво. Мылись большею частью на свежем душистом сене, которое покрывали для удобства полотном и даже набивали им подушку и тюфяки. Кроме того, на лавках, на полках и в других местах мыленки клались пучки душистых, полезных для здоровья трав и цветов, а на полу разбрасывался мелко нарубленный кустарник – можжевельник, что все вместе издавало весьма приятный запах. В течение 1699 г. в царские мыленки отпущено было с подмосковных лугов сена мягкого шестнадцать копен мерных с полукопною. Веники составляли также одну из самых необходимых вещей в мыленках, поэтому на всех крестьян подмосковных волостей положен был оброк вениками. В течение года обязывались доставить про царский обиход: крестьяне Гвоздинской волости – 320 веников, Гуслицкой – 500, Селинской – 320, Гжельской – 500, Загарской – 320, Раменской – 170, Куньевской – 750, с. Новорожественного – 130; всего 3010 веников. Впрочем, не всегда этот оброк поставлялся натурою: крестьяне нередко платили мовным истопникам вместо веников деньгами – по 23 алт. 2 ден. за сотню. Для отдохновения после мытья и парки в мыленке стояли *скамьи с подголовками*, а на лавках клались иногда *мовные постели*. В 1670 г. в мае в мыленку царя Алексея была сряжена «мовная постеля из лебяжьего и гусиного пуху в камчатой желтой наволоке; в ней *зголовье* (подушка) в такой же наволоке и под постелю *бумажник* (матрац) в червчатой камчатной наволоке, набитый хлопчатою бумагою». В ночное время мыленка и мовные сени освещались слюдяными фонарями. Для стока из мыленки ненужной воды проводились желоба, а если мыльня находилась в верхнем этаже хором, то пол в ней и по стенам до лавок выстилали свинцовыми досками, которые по швам спаивались.

[1] Обыкновение древнейшее, записанное на первых страницах нашей древнейшей летописи. – ПСРЛ. Т. I. – С. 4.

ГЛАВА III
ГОСУДАРЕВ ДВОР ИЛИ ДВОРЕЦ

Значение и честь государева двора. — Приезд ко дворцу. — Кто пользовался свободным входом. — Запрещение входить во дворец меньшим чинам. — Воспрещение входить с оружием и в болезнях. — Нарушение чести государева двора непригожим словом. — Значение царских палат в отношении разных придворных обрядов, торжественных приемов и собраний и в домашней жизни государя; значение: Грановитой, Средней Золотой, Царицыной Золотой, Столовой, Панихидной, Ответной, Государевой комнаты или Верхней Золотой и Передней. — Значение крылец. — Постельное крыльцо как площадь или сборное место дворянства и вообще служилых людей. — Дела о нарушении чести государева двора как характеристика царедворческих нравов в XVII столетии.

В древнейшее время великокняжеские дворцы, без сомнения, не имели еще того значения, какое в XVI и XVII столетиях принадлежало дворцу московских государей. Народ чествовал княжее жилище как место, где давался общественный суд, общая земская правда, где жил начальник дружины, «страж Русской земли», главный вождь ее в битвах с врагами. Большого значения в древности княжий двор еще не имел, потому что первоначально и самое значение великого князя, как мы говорили, определялось более *кормлением, полюдьем*, т. е. правом на известные земские доходы, нежели политическою силою и властью как самодержца земли.

Последнее значение получили уже московские князья. В Москве княжеский дворец из простой вотчинической усадьбы постепенно становится освященным и недоступным жилищем великого государя. Особенно в XVI столетии, когда учение о царском сане и высоте царского достоинства рас-

пространилось и утвердилось не только практически, но даже и посредством ученых справок и литературных толкований и разъяснений; в это время на все, окружающее государеву особу, легла печать недосягаемого величия и благоговейного освящения. Русь *переставила свои обычаи*, как говорили в то время люди, испытывавшие на себе влияние этого переворота в поступках и значении московских государей.

Под влиянием византийских идей и обычаев, живым представителем которых была Софья Палеолог и окружавшие ее греки, московский государь не только вполне сознал свое царственное значение, приняв титул Царя всея Руси, но и облек это значение в соответственные царские формы… Новое устройство двора, установление новых придворных обычаев и торжественных *чинов* или обрядов, по подобию обычаев и обрядов двора византийского, навсегда определили высокий сан самодержца и отдалили его на неизмеримое расстояние от подданного. Все это, однако ж, не пришло вдруг, а водворялось постепенно, с жизненною последовательностью. Так, например, если верить свидетельству Контарини, который приезжал в Москву к великому князю Ивану Васильевичу в 1473 г., т. е. спустя только год после приезда к нам Софьи Палеолог, придворные церемонии носили на себе еще характер первобытной простоты, напоминавшей древние княжеские отношения. Контарини пишет о своем приеме следующее: «Прибыв во дворец за несколько времени до обеда (говорит он), я был введен в особенную комнату, где находился государь с Марком и другим своим секретарем. Он сделал мне весьма ласковый прием и в самых приветливых выражениях поручил уверить светлейшую нашу Республику (Венецианскую) в искреннем его дружестве, которое он и на будущее время сохранить желает, и присовокупил к тому, что охотно отпускает меня в отечество и готов сверх того сделать в пользу мою все то, что я почту для себя нужным. *Когда великий князь говорил со мною, я из учтивости отступал назад, но он всякий раз сам подходил ко мне и с особенною благосклонностью выслушивал ответы мои и изъявления моей благодар-*

ности. Таким образом проговорил я с ним более часа…»[1]. В 1488 г. великий князь Иван Васильевич, принимая цесарева посла Николая Поппеля, «поговорил с ним о тайных делах в Набережной горнице, поотступив от бояр». Другое посольство, Юрья Делатора, в 1490 г. также правилось без особенной недоступности, соображаясь, впрочем, с тем приемом, какой оказан был императором Максимилианом нашему послу. «Великий князь, встав, да вопросил его (посла) о королеве здоровье, да и руку ему подал, стоя, да велел ему сести на скамейку противу себя близко…» Положим, что это была честь великая, как обозначено и в современной записке; но во всяком случае мы должны заметить, что при великом князе Иване Васильевиче подобные церемонии и все придворные обряды еще не облекались в те пышные формы, какие они получили впоследствии; что вообще пышная, великолепная обстановка царского сана входила постепенно и водворилась окончательно только при его внуке, за которым даже официально, соборною грамотою, утвержден был и царский сан[2].

Народ, уверовавший в высокое призвание царя, благоговейно чтил и все знаки его величия. Самый дворец государев охранялся особенным почетом, который, по установившимся понятиям, воздавали царскому местопребыванию. Нарушение этого почета, нарушение чести государева двора преследовалось даже положительным законом: в Уложении царя Алексея Михайловича есть целая глава «О Государеве Дворе, чтоб на Государеве Дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было».

По обычаям старого времени, нельзя было подъезжать близко не только к царскому крыльцу, но и вообще ко дворцу. Одни только высшие сановники, бояре, окольничие, думные и ближние люди пользовались правом сходить с лошадей в расстоянии нескольких сажен от дворца. По словам Котошихина, приезжая во дворец на лошадях верхами или в каретах

[1] Соборная грамота, утверждающая сан царя. Изд. кн. Оболенским. – М., 1850.

[2] *Амвросий Контарини.* Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. – СПб., 1836. – С. 115.

и в санях, они слезали с лошадей и выходили из экипажей, «не доезжая двора и не близко крыльца». К самому крыльцу, а тем более на царский двор, они не смели ездить. Чины младших разрядов – стольники меньших родов, стряпчие, дворяне, жильцы, дьяки и подьячие – сходили с лошадей *далеко царского дворца*, обыкновенно на площади, между Ивановскою колокольнею и Чудовым монастырем, и оттуда уже шли во дворец пешком, несмотря ни на какую погоду. Из низших чиновников не все пользовались правом въезжать на лошадях даже в Кремль. Царским указом 1654 г. в Кремль въезжать дозволено было только *старым первостатейным подьячим*, и то не более трех человек из каждого приказа[1]; остальные, хотя бы также первостатейные, не пользовались этим дозволением. Но и тем, которые въезжали в Кремль, назначено было останавливаться почти у самых ворот и отсюда ходить пешком. Все другие приказные и вообще служилые и неслужилые младших чинов люди входили в Кремль пешком. Таким образом, самый подъезд ко двору соразмерялся с *честью* или *чином* каждого приезжавшего лица. Одни, самые чиновные, могли подъезжать «неблизко крыльца», другие, вовсе не чиновные, не осмеливались въезжать даже и в Кремль.

Иноземные послы и вообще знатные иностранцы как государевы гости выходили из экипажей подобно боярам в расстоянии нескольких саженей от крыльца, по словам Барберини, шагов за тридцать или за сорок, и очень редко у обширного помоста или рундука, устроенного перед лестницею.

Само собою разумеется, что это был особый этикет, принадлежавший к древним обычаям[2] и сохранившийся не только во дворце, но и в народе, особенно в высших его разрядах. Точно так же невежливо было младшему чиновнику или простолюдину въехать во двор боярина, а тем более прямо подъехать к его крыльцу. По словам Котошихина, боярин,

[1] Полное собрание законов Российской Империи. – № 116.

[2] Например, в 1152 г. послу Изяслава Петру Бориславичу делалась также почетная встреча: «Петр приеха на княж двор и ту снидоша противу ему с сеней слугы княжи…» (Ипатьевская летопись. – С. 72).

въехавший таким образом на царский двор, заключался в тюрьму и лишался даже чести, т. е. боярского сана. Боярский холоп, проведший через царский двор лошадь боярина, хотя бы даже и по незнанию, наказывался кнутом.

Иностранцы объясняли этот древний и почти всенародный обычай гордою недоступностью, с которою бояре, и вообще высшие, вели себя в отношении к народу. Герберштейн прямо говорит, что простые люди почти не имеют к боярам доступа и не могут въехать верхом на боярский двор.

По своим понятиям, иностранцы действительно могли принимать это за излишнюю гордость и высокомерие. Но едва ли так это было на самом деле. Скорее всего это был почет, особенная почесть, воздаваемая хозяину дома. Притом не дóлжно забывать, что и гостю воздавались подобные же равнозначительные почести, именно *встречи*, о которых в древних памятниках прямо говорится, что они делались «почести ради, воздаючи честь»[1]. И если не всякий гость мог подъехать прямо к крыльцу боярина, то иного гостя боярин сам выходил встречать и не только на крыльцо, но даже на средину двора, а иной раз и за ворота. Само собою разумеется, что такой обоюдный почет и хозяину дома, и гостю соразмерялся всегда со степенью уважения, которое хотели оказать человеку[2]. В царском быту, как увидим ниже, этикет встреч был также очень определенно размерен, и положения его ни в каком случае не могли быть нарушаемы.

Итак, мы видели, что особенный почет, воздаваемый царскому величеству, требовал, чтоб ко дворцу подходили пешком, оставляя лошадей и экипажи в известном, дальнем или близком, расстоянии. Притом простой и малочиновный русский человек, еще издали завидя царское жилище, благоговейно снимал свою шапку, «воздаючи честь» местопребыванию государя. Без шапки он и подходил ко дворцу и проходил мимо него. Правом

[1] Древняя российская вивлиофика. Т. VI. – 1774. – С. 128; Полное собрание законов Российской Империи.– № 429.

[2] Памятники дипломатических и торговых сношений. Т. II. – С. 510–511, 522 и др.

свободного входа во дворец пользовались одни только служилые и дворовые, т. е. придворные чины; но и для тех, смотря по значению каждого, существовали известные границы. Не во всякое отделение дворца могли свободно входить все приезжавшие на государев двор. Бояре, окольничие, думные и ближние люди пользовались в этом отношении большими преимуществами: они могли прямо входить даже в *Верх*, т. е. в покоевые или жилые хоромы государя. Здесь, по обыкновению, они собирались всякий день в *Передней* и ожидали царского выхода из внутренних комнат. Ближние бояре, «уждав время», входили даже в *Комнату*, или кабинет царский. Для прочих же чиновников государев Верх был совершенно недоступен. Стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельном крыльце, которое было единственным местом во дворце, куда они могли приходить во всякое время с полною свободою. Отсюда «в зимнее время, или в которое время кто похочет» им дозволялось входить в некоторые палаты, прилегавшие в Постельному крыльцу, но и в этом случае для каждого *чина* назначена была особая палата. По указу 1681 г. стольникам и стряпчим назначено было входить «в полату, что у переградной стены, вшед с Постельного крыльца в новые сени налево, а слыть той полате Переднею; дворянам и жильцам приходить в Старую Золотую Полату; стольникам-генералам и стольникам-полковникам приходить в полату, что подле Передней; городовым дворянам в полату, что наперед того перед Золотою Полатою были сени»[1]. Следовательно, все эти чины в другие отделения дворца не допускались. Особенно строго воспрещалось им ходить за каменную перегораду, которая отделяла Постельное крыльцо от площадки, где была лестница в государевы покои или нынешний Теремный дворец. Лестница эта сохранилась доныне на том же самом месте, хотя и в другом виде. Вверху она запиралась медною золоченою решеткой, а внизу ограждалась от других отделений дворца «каменною переградою», за которую и воспреще-

[1] Полное собрание законов Российской Империи. – № 901.

но было «отнюдь никому не ходить», за исключением одних только судей, «которые сидят по Приказам» и которые хотя и допускались за эту перегради, но в Верх без приказу входить не смели и ожидали приказаний у лестницы. Дьяки и подьячие, приходя во дворец с докладами, дожидались начальных людей на Постельном крыльце или в сенях перед Грановитою палатою. Другие младшие чиновники не смели входить даже и на Постельное крыльцо. «Иным чинам, – говорит Котошихин, – и до тех мест ходить не велено, где бывают стольники и иные нарочитые люди». Вообще дозволение входить в ту или другую палату и тем приближаться на градус к царской светлости утверждалось особым пожалованьем, о котором просители били государю челом. Так, в 1660 г. один жилец бил челом с вычислением своей службы: «Пожалуй меня, холопа своего, для великого чудотворца Алексия митрополита и для многолетнего здоровья сына своего царевича (Алексея Алексеевича) за мое службишко и терпенье, вели, государь, мне быть при своей царской светлости в Передней, а родители мои (родство) пожалованы в Переднюю»[1].

Внутренние отделения дворца, т. е. постельные хоромы царицы и государевых детей, были совершенно недоступны для всех – и дворовых, и служилых чинов, за исключением только боярынь и других знатных женщин, пользовавшихся правом приезда к царице. В эти отделения не осмеливались входить без особого приглашения даже и ближние бояре. Для священников и вообще церковников, которые служили в верховых церквах, открывался вход в эти церкви в известное только время и притом по известным местам и переходам. Это распространялось даже и на крестовых попов, которые совершали службы в самых покоях государыни. Они должны были входить во дворец тогда только, «как их спросят». В самые покои царицыной половины не смели входить даже и те из придворных чинов и служителей, которые, по своим должностям, должны были являться туда, например, с докладом о кушанье или с самым кушаньем. Да-

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. XIII. – СПб., 1851–1879.– С. 68.

лее сеней они не осмеливались входить и здесь передавали доклады верховым боярыням и другим придворным женщинам; точно так же и кушанье вносили в сени или в особо для того назначенные комнаты, в которых и сдавали боярыням на кормовой поставец. И вообще, если даже государь посылал кого-либо к царице и к детям спросить о здоровье или «для какого иного дела», то и в таком случае посланные, по словам Котошихина, «обсылались чрез боярынь, а сами не ходили без обсылки». То же самое наблюдалось и со стороны царицы.

В 1684 г., вероятно, по случаю стрелецких смут, волновавших тогда Москву и обесчестивших перед тем временем даже царское жилище буйным обыском, сказан был царский *указ*, заключавший 12 статей, с расписанием, кому именно на какие подъезды и по каким лестницам и переходам дозволялся вход в разные отделения дворца. Боярам, окольничим, думным людям и комнатным стольникам и указано было в Верх всходить Постельным крыльцом и *дворцовою* лестницею у приказа Большого дворца, у Колымажных ворот; а которые приезжали к Куретным воротам, от Троицких кремлевских ворот, те должны были всходить каменною лестницею, что от Хлебенного дворца к Сушилам; и ходить им велено в Верх мимо Оружейного приказа и церкви Рождества Богородицы, а также каменною Рождественскою лестницею, что против Кормового дворца. На *светлишную* лестницу – у Куретных же ворот, которая вела к хоромам царевен и на внутренний Постельный двор, к царским Мастерским палатам, запрещено было ходить даже боярам, окольничим, думным и ближним людям, т. е. всем первостепенным сановникам: «…отнюдь не ходить и никого за собою ни для чего не имать ни которыми делы».

За переграды, которые устроены по обе стороны Рождественской церкви, от приказа Большого дворца и от Оружейной палаты, – боярам, окольничим, думным и ближним людем никого за собою потому ж не имать и никого *площадных* и *приказных* людей за те переграды не пущать, и для того поставить в тех местах караул из Стрелецкого приказа и караульщикам приказать о том накрепко. – От Успенского собора,

Ризположенскою лестницею, мимо церкви вмц. Екатерины, к государевой Мастерской палате на двор, никому не ходить и двери замкнуть. Также и в церковь Ризположения, опричь той церкви церковников, с *площади* никого не пущать, о том караульщикам приказать накрепко. Переходы с дворца на Троицкое подворье запереть и никого в те двери и на переходы, без государского шествия и без именного указу, не пропущать и о том приказать с великим подкреплением детям боярским, истопникам и сторожам, которые стоят в том месте и у Светлишной лестницы. Верховых или сенных соборов и церквей протопопам, попам, крестовым и певчим дьякам и церковникам ходить к своим церквам, на которые лестницы кому податно, во время церковной службы и как их спросят, и когда пойдут они по присылке, а не собою: а собою безвременно и им не ходить. Дворовых людей, как их позовут в Верх, с столовым и вечерним кушаньем, к царям, царицам и царевнам, пропущать на Светлишную и на каменную лестницы за все переграды, а после кушанья и дворовых людей без дела на Светлишную лестницу и за переграды не пропускать. А кто дворовые люди пойдут в Верх поутру к хоромам для доклада о кушанье, или кого из них спросят, и пойдут они в те места по присылке для какого государского дела: и тех дворовых людей в те места и в те времена пропущать, спрашивая их подлинно, чтоб в те места иных чинов люди, называясь дворовыми людьми, не проходили.

На «передний верхний государев двор», что у каменных Теремных покоев, и с того двора за каменную перегради к деревянным хоромам государей и царевен, – стольников, стряпчих, дворян, дьяков, подьячих и никаких чинов людей, – в те места никого отнюдь не пущать, кроме приказных и мастеровых людей царских Мастерских палат, да и тех только, если кого спросят, если пойдут для дел и со всякими хоромными взносы. Равным образом строго запрещен был вход сюда и всем дьякам и подьячим разных других дворцовых и верховых приказов и ведомств, которые должны были передавать, что нужно и что требовалось во дворец; приказным Мастер-

ских палат, пользовавшимся, как сказано, правом взносить и являться в хоромы по призыву, как кого и что спросят. Которых ближних людей и верховых боярынь свойственники и держальники и люди их придут к ним для каких дел: и им пришед дожидаться у переград или у Светлишной и у каменной лестниц на нижних рундуках: а к кому они пришли, и им велеть про себя сказывать детям боярским, и истопникам, и сторожам, которые на тех лестницах стоят; а на верхнем рундуке тех лестниц и за переграды им отнюдь не ходить, и детям боярским, и истопникам, и сторожам никого из них не пропущать; а их ближним людям к ним выходить, и с ними видеться на Рождественской лестнице или у Рождественских же переград, а за переграды их к себе не имать; а боярыням выходить и с ними видеться Светлишной лестнице на середнем рундуке у перегороды, и по той лестнице, что к хоромам благоверных государынь царевен, сшед с той лестницы, на низу; а видевся, отпущать их тотчас; и держать их в тех местах, и стоять им на тех лестницах не велеть, и отсылать, кто откуда пришел.

Всех приказов подьячим с делами стоять и начальных людей дожидаться на Постельном крыльце и в сенях перед Грановитою палатою, а за каменную переграду и в Верх им отнюдь не ходить.

Если случалось, что кто-нибудь забредет нечаянно и по незнанию на царский двор, и особенно во внутренние постельные отделения, того хватали, допрашивали, а в сомнительных обстоятельствах подвергали даже пытке. Однажды в 1632 г. «июля в 10 день, в вечерни, к Рожеству Пречистые Богородицы, что на сенех, в придел к Никите Преподобному, прибрел малой; и тот малой пойман и отдан держать до государева указа стрелецкому голове Гаврилу Бокину на карул. А в распросе тот малой сказался, что он Ларионов человек Дмитриева сына Лопухина, Гришкою зовут, Федоров; а послал-де его Ларион в Алексеевский девич монастырь с часовником к тетке своей родной, к старице к Фетинье Лопухине; и в монастыре-де он, Гришка, был и часовник старице Фетинье отдал; а из монастыря, назад идучи, забрел на дво-

рец, не знаючи, и услышел, что у Рожества поют вечерню, и он-де к петью пришол, слушети вечерни». Что последовало с этим малым – неизвестно.

Люди, не принадлежавшие к дворовому и служилому сословию, приходя ко дворцу по какому-либо делу, оставались обыкновенно на нижних рундуках или площадках, у лестниц. Все челобитчики, приходившие с просьбами на государево имя, стояли на площади перед Красным крыльцом и дожидались выхода думных дьяков, которые принимали здесь челобитные и взносили в Думу к боярам. Лжедимитрий, как известно, в каждую среду и субботу сам принимал челобитные от жалобщиков на Красном крыльце[1]. Само собою разумеется, что тот, кто беспрепятственно мог входить на царский двор, подавал челобитную или самому государю, на выходе, или думному дьяку в Расправной палате, которая составляла высшую судебную инстанцию и помещалась с 1670 г. в Средней Золотой палате.

Нельзя также было явиться во дворец с каким бы то ни было оружием, даже с тем, которое, по обычаю того времени, всегда носили при себе и которое составляло, таким образом, необходимую принадлежность древнего костюма, например поясные ножи, имевшие значение кинжалов. В этом случае уже не было исключений ни для кого, ни для бояр, ни даже для государевых родственников. Иностранные послы и их свита, входя в приемную залу, также должны были снимать с себя оружие, несмотря на то, что это почти всегда делалось против их желания. По западным понятиям, снять шпагу считалось бесчестием, и послы как благородные кавалеры вступались за свою честь и вели нередко бесполезные споры с боярами. В 1661 г. во время приема шведских послов маршалу посольства, несмотря ни на какие просьбы и убеждения, не позволили войти в приемную палату даже с серебряным жезлом. Вообще, строго воспрещено было входить с оружием даже и на царский двор. Если бы кому случилось с простоты, без всякого умысла пройти через царский двор с ружьем, с саблею, с пистолетами

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. XI. – С. 125.

или с другим каким оружием, такой человек, если это открывалось, тотчас подвергался неминуемой пытке и допросам: с каким умыслом он шел, и, само собою разумеется, он погибал или от самых пыток, или в тюрьме, потому что подобные случаи и дела никогда не оканчивались добром[1].

Весьма также строго запрещено было приходить на дворец, особенно на Постельное крыльцо, в болезнях или из домов, в которых были больные. В 1680 г., июня 8-го, по этому случаю последовал строжайший царский указ, сказанный стольникам, стряпчим, дворянам и жильцам, которые, если у кого из них или в их домах были «боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болезнями», должны были давать знать о том в Разряд и на Постельное крыльцо не ходить и в походы и на выходах нигде не являться. В противном случае тем, кто нарушит это повеление, за такую их бесстрашную дерзость и за неостерегательство его государева здоровья, по сыску, быть в великой опале, а иным и в наказанье, и в разоренье, без всякого милосердия и пощады. В те времена довольно часто случались повальные болезни, чего особенно и страшился двор государев, заботливо охраняя себя в сомнительных случаях. Так, однажды в 1664 г. февраля 11-го во время приема в Грановитой палате английского посла Чарлуса Говорта из числа жильцов, стоявших по обыкновению в сенях и по Красному крыльцу, один на Красном крыльце внезапно упал от падучей скорби или, может быть, от дурноты, именно жилец Гаврило Тимофеев Муромцев. А был на нем «терлик объяринный зеленый, шапка объяринная золотная алый цвет, с соболем; кушак тафтяный красный, в руках протазан»; этот наряд, по обыкновению выдаваемый в подобных случаях с Казенного двора, когда он поступил снова в казну, был оставлен и положен особо у сторожей в казенке из боязни, чтоб болезнь не распространилась посредством заразы от платья.

[1] Коллинс рассказывает, что в его время один удалец выстрелил по скворцу на царском дворе, но пуля скользнула и упала в царские покои. Стрелку отсекли левую ногу и правую руку.

Охранение чести государева двора преследовало также и всякое *непригожее*, непристойное слово, произносимое в царском дворце. «Будет кто, – говорит Уложение, – при Царском Величестве, в его государеве дворе и в его государских полатах, не опасаючи чести Царского Величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то до пряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил: и по сыску *за честь государева двора*, того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря, иным неповадно было впредь так делати. А кого он обесчестит, и тому указати на нем бесчестье». Мы увидим ниже, в чем именно заключалось это нарушение чести государева двора и какой разряд лиц наиболее щекотливо относился к бесчестью, давая в то же время своими поступками беспрестанные поводы начинать иск и жалобу.

Впрочем, постоянная, бдительная стража днем и ночью охраняла царский дворец и предупреждала всякий неприличный поступок вблизи царского величества. Стража эта состояла внутри дворца из стольников, стряпчих и жильцов и из низших придворных служителей: столовых истопников, столовых сторожей и боярских детей царицына чину, дежуривших днем и ночью у дверей лестниц и по крыльцам и сеням. Кроме того, по всем дворцовым воротам и в других дворцовых местах, «у казны», находились постоянные стрелецкие караулы. По свидетельству Котошихина, на этих караулах стрельцов на стороже бывало по 500 чел. под начальством головы или полковника и 10 капитанов. Главный их караул в числе 200, а иногда 300 чел., находился у Красного крыльца под Грановитою палатою в подклетах; другая часть – в 200 чел. – у Красных или Колымажных ворот. Из того же караула у Куретных ворот стояли 10 чел., на Казенном дворе – 5 чел., на Денежном дворе – 5 чел. По кремлевским воротам стрелецкий караул располагался следующим образом: у Спасских ворот стояли 30 чел., у Никольских – 20 чел., у Тайницких – 10 чел., у Предтеченских или Боро-

вицких – 10 чел., у Троицких – 10 чел., в Отводной башне у тех же ворот – 5 чел.

Когда заимствованные от Византии или установленные в подражание ей придворные обряды, церемонии и обычаи были совершенно усвоены московским двором, а старые обычаи и порядки, шедшие от отцов как досточтимое наследие, облеклись в более пышные царственные формы, и все это сделалось существенным, самым необходимым выражением царского сана и достоинства, естественно, что некоторые отделения государева дворца получили с того времени особое значение, соответственное торжествам и церемониям, для которых они исключительно назначались.

В отношении торжественных действий и обрядов, происходивших в больших государевых палатах, первое место с конца XVI столетия принадлежало Грановитой как самой обширной и более украшенной, в которой царь являлся в полном блеске древнего великолепия, столь изумлявшего иностранцев. В ней давались торжественные посольские аудиенции и государевы большие церемониальные столы: при венчании на царство, при объявлении царевичей как наследников престола, при поставлении патриархов, митрополитов и архиепископов, брачные, родинные, крестинные, праздничные и посольские. В ней происходили также великие земские соборы и вообще совершались все важнейшие торжества того времени. Для того, чтобы видеть все эти церемонии царице и детям государя, в Грановитой палате устроена была *смотрильная палатка, тайник*, сохранившийся до сих пор, хотя уже совершенно в ином виде. Он находится вверху, над Святыми сенями, у западной стены палаты, и смотрильным окном выходит прямо против того места, где искони стоит государев трон. В старину тайник этот убран был следующим образом: стены, потолок, лавки, двери и в окнах все было обито полстьми и потом красным английским и анбурским сукном; над двумя окнами с

южной стороны висели такие же суконные завесы на кольцах; пол устлан был войлоками и полстьми; прибор у дверей был луженый. В большом окне, обращенном в палату к царскому месту, была вставлена *смотрильная* решетка, обитая красною тафтою на хлопчатой бумаге; решетка задергивалась завесом с кольцами на медной проволоке. В переднем углу тайника стоял образ Евфимия Суздальского. Из этого-то тайника сквозь смотрильную решетку царица, малолетные царевичи, старшие и младшие царевны и другие родственницы государыни смотрели на великолепные церемонии, происходившие в палате. Особенно часто они присутствовали, скрытые таким образом, при посольских аудиенциях.

Средняя Золотая до кон. XVI столетия имела то же значение, что и Грановитая, но с этого времени она становится обыкновенною приемною залой, в которой с меньшею пышностью и торжественностью представлялись государю патриарх, духовные власти, бояре и прочие сановники, иноземные послы, преимущественно на отпусках, посланники и гонцы. Кроме того, в ней, как и в Грановитой, происходили земские соборы и давались иногда именинные и праздничные столы. В день Рождества Христова перед обеднею государь принимал здесь патриарха с духовными властями, соборный причт и певчих, приходивших славить Христа. В 1670 г. по случаю переделки кремлевского здания приказов, которые были выведены в Китай и Белый город, в этой палате назначено присутствие бояр и думных людей для слушания и вершения расправных и спорных дел, отчего палата, приняв значение высшей инстанции, получила название Золотой Расправной, которое и сохраняла до 1694 г., когда новым указом это присутствие перенесено в Переднюю палату Теремного дворца и когда в Золотой стали принимать только челобитные средних чинов людей. Заседания Думы бывали здесь не только утром, но и вечером, особенно в зимнее время. Для доклада дел каждому ведомству назначены были особые дни. В понедельник взносили дела из Разряда и Посольского приказа; во вторник из приказа Большой Казны и Большого прихода; в среду из

Казанского дворца и Поместного приказа; в четверток из приказа Большого дворца и из Сибирского; в пятницу из судных приказов Владимирского и Московского[1]. Само собою разумеется, что с того времени, как Золотая палата получила такое чисто судебное, административное значение, прекратились царские выходы в нее, а следовательно, и все торжества и церемониалы, которые происходили в ней прежде.

Меньшая Золотая была парадною приемною залою цариц, отчего часто она и называлась *Царицыною*. В ней по преимуществу происходили торжества семейные, родинные и крестинные столы для боярынь как *дворовых*, т. е. собственно придворных, так и для *приезжих*, имевших только право и обязанность приезжать во дворец; прием патриарха с духовными властями, бояр и выборных всякого чина людей, приходивших с дарами *здравствовать* государю по случаю рождения и крещения его детей. На Светлое Воскресенье после заутрени государь, сопутствуемый патриархом, духовными властями и чинами светскими, приходил в эту палату христосоваться с царицею, которую окружали в это время верховые и приезжие боярыни. В день Рождества Христова здесь царица принимала духовенство, приходившее славить Христа, и боярынь приезжих, которые вместе с верховыми поздравляли ее с праздником и подносили каждая по 30 *перепеч* или сдобных круглых и высоких хлебов.

Столовая изба или палата по своему значению была меньшею парадною залой, назначенною преимущественно для государевых *чиновных* столов; но в ней происходили также и приемы духовенства, бояр и других лиц, особенно же иноземных посланников и гонцов. Иногда государь жаловал здесь бояр, окольничих, думных людей и других чиновников *именинными пирогами*. В сочельники, накануне Рождества и Богоявления, государь слушал в Столовой церковные службы, царские часы, вечерню и всенощное. Кроме того, в Столовой бывали большие земские соборы по важным государственным вопросам. В 1634 г. здесь происходил собор о новом

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. – № 460–462 и др.

денежном сборе со всего государства на жалованье ратным людям, а в 1642 г. – известный собор по вопросу о принятии под защиту России Азова.

В Панихидной или Сборной палате в дни поминовения царей и особ государева семейства давались панихидные столы, древние *покормы* патриарху, духовным властям и соборянам, что называлось также *большими* сборами, т. е. собранием вообще духовенства, и особенно соборных причтов. Необходимо припомнить, что за этими почестными столами для духовенства государь, по обычаю, вероятно, очень древнему, пред владыкой (митрополитом, а впоследствии пред патриархом) *стоял* и из собственных рук угощал его, подносил «кубки и есту». Так, в 1479 г., в день освящения новопостроенного Успенского собора, великий князь Иван Васильевич давал митрополиту и *всем соборам* стол в *средней горнице* и во время стола, угощая, стоял перед митрополитом и с сыном Иваном. В Судебнике Ивана Грозного находим следующую статью: «Лета 7067 (1559) апреля в 25 день царь и великий князь указал, в который день *живет* (совершается) большая панихида, *митрополит у государя за столом, а государь перед ним стоит*, тот день смертною и торговою казнью не казнити никого отнюдь».

В Ответной или Посольской палате происходили переговоры бояр с иноземными послами, что вообще называлось *ответом*. Выражение *быть в ответе* значило вести переговоры, давать царские ответы или решения посольских дел. В Ответной палате, подобно как и в Грановитой, устроен был *тайник, тайное окошко*, из которого государь слушал иногда посольские совещания[1]. В Ответной же палате при царе Алексее Михайловиче в присутствии боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукого читано Уложение выборным людям всего Московского государства, которые должны были закрепить его своим рукоприкладством.

[1] Дела дворцовых приказов // Архив Оружейной палаты; *Рейтенфельс Я.* О состоянии России при царе Алексее Михайловиче // Журнал Министерства Народного просвещения. – 1839. – Июль. – С. 30.

Из постельных хором весьма важное значение в царском быту имели *Передняя* и *Комната* Теремного дворца, который со второй половины XVI столетия сделался постоянным жилищем царей.

Все бояре, окольничие, думные и ближние люди, по словам Котошихина, обязаны были всякий день являться во дворец рано утром и после обеда в вечерню. Собирались они обыкновенно в Передней, где и дожидались царского выхода. Только одни самые ближние бояре, *уждав время*, могли входить в Комнату или собственно кабинет государя. При выходе бояре и прочие чины кланялись государю *большим обычаем*, т. е. в землю, что и называлось *бить челом*. Государь выходил по обыкновению в тафье или шапке, которой никогда не снимал «против их боярского поклонения». После приема бояр государь выходил большею частью к обедне в сопровождении всех съехавшихся сановников. После обедни в Передней, а иногда в самой Комнате, начиналось *сиденье с бояры*, заседание Царской палаты или Думы, которую составляли без исключения все бояре и окольничие и некоторые из младших чинов, известные под именем *думных людей*. Заседания почти всегда происходили в присутствии государя, что видно из указов конца XVII столетия. Государь здесь давал суд и расправу, слушал судные дела и челобитные, которые читали пред ним обыкновенно *думные дьяки*.

В Теремных покоях, именно в государевой Комнате или в *Верхней Золотой*, как ее иногда обозначали в отличие от других Золотых палат, происходил в 1660 г., февраля 16-го, знаменитый *собор* о поступках патриарха Никона. Государь в тот день указал быти у себя в верхних каменных хоромах, в верхней Золотой палате, своим государевым богомольцам, митрополитам, архиепископам, епископам, архимандритам, игуменам, протопопам и своего государского синклиту боярам, окольничим и думным людям для своего *государева и земского дела*. Палата была убрана аксамитами и бархатами золотными и бархатами ж узорчатыми разных цветов и постлана коврами. А как в Золотую палату власти шли, и в то

время государь сидел на своем царском месте, а бояре, окольничие и думные люди сидели по левую сторону, по лавкам. А как власти пошли в палату, и государь на своем царском месте встал, а власти, вшед в палату, говорили: достойно; а митрополит Новгородский отпуск совершил; а по совершении отпуска царя благословил, а царь жаловал митрополита к руке, и митрополит царю челом ударил, и царь указал спросить их *о спасении*, т. к. светских спрашивал обыкновенно *о здоровье*. И власти государю за то били челом. Тогда государь сел, а властям велел сесть по лавкам по правую сторону, а иным в скамье; по левую сторону, как сказано, сидел государев синклит. Царь открыл заседание речью. Марта 14-го в той же Золотой палате было вторичное сиденье. Марта 20-го государь сидел о патриаршем *обрании*, избрании, с третьего часа дня и до десятого в исходе, уже в Средней Золотой палате.

В 1682 г., января 12-го, в Теремных покоях происходил собор об отставке и искоренении *местничества*. После единогласного утверждения: «Да погибнет в огне Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и к тому да не воспомянется во веки!» – все *разрядные* и *случные* книги, все просьбы о случаях и записки о местах преданы были огню в *передних сенях* (нынешней трапезной) в печи, в присутствии боярина и думного дьяка со стороны гражданской власти и всех митрополитов и архиепископов от власти духовной, которые стояли при этом торжественном сожжении до конца.

В тот же замечательный год, 27 апреля, в день смерти царя Федора Алексеевича, в теремных покоях совершилось избрание на царство десятилетнего царевича Петра мимо старшего брата его Ивана. После совещаний патриарх Иоаким в сопровождении архиереев, бояр, окольничих, думных и ближних людей вышел на Золотое крыльцо и, в краткой речи объяснив собравшимся здесь выборным, что наследниками царства остались братья покойного государя – царевичи Иван и Петр, – предложил вопрос: кому из них быть преемником царского скипетра и престола? Выборные, а потом бояре и прочие чины

единодушно избрали царем Петра и здесь же присягнули ему в присутствии его матери-царицы, Натальи Кирилловны.

Вот официальное значение Теремных покоев. Нужно упомянуть еще, что с 1694 г. Передняя палата заменила Золотую Расправную как высшее судилище со значением Сената, где разрешались все спорные апелляционные дела и челобитные, подаваемые на государево имя. По этому случаю и в самых приговорах делалась следующая отметка: «По указу Великих Государей, в их *Великих Государей Передней палате*, то дело бояре, слушав, приговорили» и пр.

Случалось, впрочем, весьма редко, что в Передней государь принимал запросто иноземных послов. Это была необычайная и величайшая почесть, которой удостаивались немногие. В 1662 г. 14 апреля здесь были приняты цесарские послы, которые получили эту высокую почесть вместо посольского стола, даваемого обыкновенно иноземным послам после аудиенции[1]. При этом Мейерберг замечает, что «во внутренние покои царские они шли по лестнице и переходам, в коих по обеим сторонам стояла стража рядами в богатом вооружении и все так убрано было обоями, что не видно было ни пола, ни стен, ни печей, ни потолка». Современная записка об этом приеме описывает эту уборку следующим образом: «А для приходу послов Передняя Полата и сени наряжены бархаты золотными и двоеморховыми; на крыльце и на дворе, что перед Спасскою церковью, – полами полаток, персидской и бархатной золотной, а завесами бархатными ж золотными и киндячными и атласами травчатыми. На деревянном крыльце, по сторонам и в верху, такими ж полами и завесы да седельными покровцы. На нижнем крыльце столбы – бархатом червчатым гладким; за переградою и на Постельном крыльце по обе стороны, до *красных дверей* – сукнами червчатыми и зелеными». Мейерберг сохранил даже изображение своего приема в этой Передней. Такой же почести был удостоен в 1664 г. 22 апреля

[1] *Майерберг А., Калвуций Г. В.* Донесение императору Леопольду цесарских посланников // Русский зритель. – 1828. – № V/VI. – С. 20, 22; Выходы царей. – С. 376.

английский посол Чарлус Говорт. «А для его приезду верхнее государево крыльцо и рундук, и двор, что от Спаса, по сторонам, и деревянное крыльцо и лестница и нижней рундук на Постельном крыльце, по сторонам же, наряжено было наряды розными, атласы и бархаты золотными. А мосты и лестницы по переграду, что у Постельного крыльца, настланы были коврами; а в переграде и на Постельном крыльце настилки не было, а стены обиты были сукны».

В 1667 г. декабря 4-го в Передней же были приняты на отпуску польские послы Станислав Беневский и Киприян Брестовский. «А приехали они, послы, в город в 4 часу ночи (в 7 часу вечера) и дожидались государеву указу в Золотой Полате. А к великому государю в Переднюю пришли в 5 часу ночи в 2 чети. А как они шли Красным крыльцом и у дверей, что всходят с Красного крыльца на Постельное, встретили их полуголовы и шли перед ними крыльцом за переграду до деревянной лестницы, что ходят в Верх. А у переграды на нижнем деревянном рундуке встретили их полковники и головы стрелецкие в служилом платье и шли перед ними в Передние сени, а полуголовы остались у рундука. А в сенях стояли жильцы 12 ч. с протазаны. А как послы взошли на Каменное Крыльцо и в сенях у дверей встретили их спальники, а объявлял их им послом Думной дьяк Дементей Башмаков. И шли спальники перед ними в Переднюю, а полковники и головы стояли в сенях. А для того устроено было Постельное крыльцо по переграде и по Грановитой и за Переградою и Нижней деревянной лестницы рундук убито сукнами червчатыми, а от нижнего рундука и верхнее Крыльцо убито было полавочники золотными и серебряными и персицкими отводы и покровцы золотными, а верх убит был кожами золотными. На дворе по церкве Спасской убито было суконным красным завесом (из Семеновского с Накрачейни) по тому сукну нашивано сукна белые месяцами и репьи. А достальное все полами полотняными с кумачом. Двор и лестница и верхнее Каменное крыльцо и сени устлано было коврами, а в сенях на лавках постланы были полавочники золотные бархатные. А на Каменном крыльце по

перилу ковры золотные. А как послы прошли в Переднюю и те ковры сняли и положили сукна красные для того, что шол снег. А от в<еликого> государя из хором Польские Послы пошли в 7 часу ночи в исходе и были у Патриархов».

В другой записке о том же приеме польских послов находим новые подробности: «Для их приходу Передняя была настлана коврами персидскими; на окнах и на лавках полавочники золотные; сени постланы коврами ж; на лавках (в сенях) настланы полавочники: на левой стороне от дверей, золотные; на правой стороне – цветные; на окнах (в сенях же) настланы золоты и ковры золотные. Крыльцо и рундуки (площадки) и лестницы каменные и Двор, что меж Спаса Нерукотворенного церкви и хором, устлано было коврами ж. На верхнем же каменном крыльце на перилах положены были ковры золотные аксамитные; и те ковры для ненастья были сняты и положены вместо ковров сукна червчатые. По сторонам на дворе, идучи с деревянного крыльца к хоромам, на левой стороне от дверей до рундука каменного поставлены были полы (рамы) полотняные, разцвечены кумачом; по правую сторону от дверей же поставлены до рундука завесы суконные с *месецы*, и двери церковные и проходные и окошки были заставлены. Деревянное крыльцо и лестницы и рундуки, середний и нижний, деревянные, устланы были коврами. На перилах и на ухватах, идучи в Верх, на правой и на левой стороне положены золота сшиваные. На левой стороне, на середнем и на верхнем рундуках деревянного крыльца, от первого столба по двери верхнего деревянного крыльца, заставлены полами персидскими. Столбы на верхнем и на середнем крыльцах деревянных обиты покровами золотными из Конюшенного Приказу. Бочки (в кровле крыльца) по нижний шатер подбиты были кожами золотыми из Приказу Тайных дел. На нижнем деревянном рундуке, что в перограде, под шатром (кровля) подволоки и столбы, и в перограде стены и двери, и на Постельном крыльце стены ж до дверей, что в Грановитые сени, меж дверей – все обито было сукнами червчатыми с Казенного двора; а двери с Постельного крыльца, и в Шатерную пола-

ту Грановитых сеней и государыни царицы Золотой Полаты закрыты были сукнами ж. Перед Передними сенми на дворе у левой стороны поставлен поставец, обит камкою цветною; а на нем было: две фляги, воронки, кубки, ковши серебреные золочены. У поставца стоял степенный ключник, а с ним стояли дворовые люди в чистых охабнях».

«А как послы шли к государю (в эти хоромы) и в то время стояли на Постельном крыльце дворцовых и розных приказов подьячих 20 чел., по обе стороны. А встретили их: за перегородою на рундуке – полковники и головы московских стрельцов, на верхнем каменном крыльце – спальники. Объявлял им спальников думный дьяк. А в сенях перед Переднею у дверей встретили бояре. А как послы в Переднюю вошли и великому государю объявлял их боярин А. Л. Ордин-Нащокин. А великий государь в то время сидел в персидских креслах, которые с олмазы и с яхонты и с иными дорогими каменьи. И послы великому государю челом ударили, и говорил первый посол речь; и великий государь их пожаловал, указал боярам и послам сесть. А потом указал великий государь несть чашу со своим государевым питьем спальнику. А перед *чашею* шел боярин и оружничей Б. М. Хитрово; а за чашею несли кубки с романеею спальники ж. И великий государь, взяв чашу и встав, говорил речь и пил про королевское здоровье; а потом жаловал кубки послов и бояр и указал пить про королевское ж здоровье. А приставы (у послов) стольник и дьяк, проводя послов в Переднюю, сидели в сенях. А как послы пошли из полаты и, по указу великого государя, послов провожали бояре и стольники и полковники и головы до тех же мест, где кто встречал, а приставы до Посольского двора. А как послы шли к великому государю в Верх и от великого государя с Верху, и в то время стояли: в Передних сенях 12 чел., жильцов со справными протазаны, по 6 чел. на стороне. Со свечами сытники: на каменном рундуке у Передней 2 чел., по обе стороны того ж рундука 2 чел., на верхнем деревянном крыльце 2 чел., на середнем 2 чел., в перегради по стороны рундука 2 чел., на Постельном крыльце у переградных дверей 2 чел.; у

дверей, что ходят с Постельного крыльца в Грановитые сени и на Дворец, 2 чел.; да на Постельном же крыльце поставлено было по обе стороны 12 фонарей. А на Красном крыльце стояли со свечами же стрельцы: у дверей по обе стороны 2 чел., против Золотой палаты у дверей 2 чел., против церкви Благовещения Б-цы 2 чел., в благовещенской паперти 2 чел.»[1].

Значение Передней и Комнаты в домашнем быту государя также весьма достопамятно. В Передней государь слушал иногда церковные службы, часы, вечерню, всенощное: на Святой христосовался с боярами, т. е. жаловал их к руке. В Передней или на Золотом крыльце в дни своих именин, также на именины царицы и детей после обедни государь из собственных рук раздавал боярам и всем дворовым и служилым чинам водку и именинные пироги или калачи. В Передней государь давал также праздничные столы, а в Комнате кушал иногда запросто, без *чинов*, с некоторыми из бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, которые приглашались по особому благоволению государя и сидели за столом всегда уже без мест. Записки времен царя Алексея Михайловича сохранили любопытные известия о других, более замечательных столах, которые иногда давались в этих покоях, именно *о кормах на нищую братию и на полоняников*. Так, в 1661 г. сентября 17-го, отслушав литургию в Евдокеинской церкви, государь открыл в Передней *сиденье с бояры* по случаю войны с Польшею; после сиденья служилым людям сказан был поход по первому зимнему пути, и в тот же день в Золотой Комнате государь *кормил полоняников*, а после кушанья жаловал их в Передней романеею в кубках и в ковшах медом. В 1665 г. апреля 10-го в неделю Жен-Мироносиц, вероятно, по случаю рождения царевича Симеона Алексеевича, «по Передней и по Комнате были кормлены нищие 60 чел., и великий государь жаловал их из своих государских рук по рублю человеку». Июня 18-го этот христолюбивый стол дан был вторично и

[1] Дворцовые разряды. Т. III. – С. 579. – Дополнения к т. III Дворцовых разрядов (С. 440), где эта статья неправильно обозначена 1671 г. (Дневальная записка приказа Тайных дел // Государственный архив МИД).

также на 60 чел. Государь опять оделял обедавших милостынею из своих рук по рублю человеку и одному дал два рубли. Потом эта нищая братия из Теремных покоев *взята была* в деревянные Царицыны хоромы, где царское семейство раздало ей еще более 100 руб.[1] В 1667 г. сентября 5-го, перед днем всенародного объявления царевича Алексея Алексеевича, в Комнате и в Передней, в другом часу ночи, по нашему счету в осмом вечера, кормлено нищих 30 чел., а жаловал кормил их царевич Алексей Алексеевич, денег им пожаловал по 2 руб. человеку. Такие столы давались очень часто по поводу важных семейных событий, например по случаю рождения детей и особенно во дни поминовения усопших, в третины, девятины, полусорочины и сорочины. Когда нищей братии собиралось много, то кормление происходило нередко в Царицыной Золотой палате, преимущественно если поминки справлялись по царице.

Необыкновенно оживлялись теремные покои пред заутренею Светлого Воскресения, когда бояре, окольничие, думные и ближние люди, все служилые и дворовые чины в богатейших золотых кафтанах собирались сюда к обряду царского лицезрения и к царскому выходу к заутрене. Высшие сановники, пользовавшиеся свободным входом в государевы покои, собирались в Комнате и в Передней; другие наполняли сени, стояли по Золотому крыльцу и на Каменном дворе пред Теремами; а низшие и небогатые чиновники, не имевшие золотных кафтанов, ожидали царского выхода на Постельном и на Красном крыльцах. Когда таким образом дворец наполнялся чиновным народом, государь выходил из внутренних покоев в Комнату, слушал здесь «полунощницу», по совершении которой садился в кресла и принимал бояр и прочих сановников, входивших в Комнату, чтоб «видеть его великого государя пресветлые очи» и ударить челом. Те из дворян и дьяков, которым, по особой милости, дозволялось видеть царские очи в Комнате, входили туда по распоряжению стольника из ближних людей, который в то время стоял у крюка и

[1] Расходные книги приказа Тайных дел // Архив Дворцовой конторы.

впускал их по списку по два человека. Ударив челом, они возвращались на свои прежние места. Таким же образом дворяне и дьяки другой степени, а также и стрелецкие головы впускались в Переднюю при выходе туда государя. Все эти лица, которых государь жаловал, повелевал свои государские очи видеть в Комнате и в Передней, вносились в особые списки и по спискам допускались к царскому лицезрению. Остальные дворяне, дьяки, подьячие и прочие младшие и небогатые чиновники видали государские очи в сенях и на дворцовых крыльцах в то время, как государь проходил в собор. Ударив, по обычаю, челом, они шли пред государем, по три в ряд, до Успенского собора, где и становились по обе стороны пути, и потом, когда государь, сопровождаемый высшими чинами, торжественно проходил в собор, они также следовали за ним по два в ряд. В течение Светлой недели государь принимал в Теремных покоях поздравление от всех чинов до чернослободских старост и выборных. Людей младших чинов он жаловал к руке большею частию на Переднем крыльце.

Нам остается упомянуть еще о значении Красного крыльца, которое было главным парадным входом во дворец. На него, как мы уже знаем, вели три лестницы – Благовещенская, Средняя и Золотая или Красная, что у Грановитой палаты. На Красном крыльце во время посольских и других важных приемов происходила церемония *встреч*, значение которых указано нами выше. По этому случаю все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младших разрядов, которые стояли здесь по обе стороны пути в богатейших одеждах, выдаваемых на это время из царской казны. Обыкновенно по лестнице и по крыльцу стояли подьячие и боярские дети в цветном и золотном платье, а в сенях и у дверей Приемной палаты – жильцы в бархатных и объяринных терликах и в золотных шапках, с протазанами и алебардами в руках.

Особенно пышные встречи делались только иноземным послам и вообще знатным иностранцам как собственно гостям, «почести ради». Число встреч было неодинаково: именитому послу и лицу царского происхождения давалось три

встречи. Первая, *меньшая*, у лестницы на подъездном помосте или рундуке; вторая, *средняя*, на крыльце, против средней лестницы, а иногда в сенях Приемной палаты и, наконец, третья, *большая*, у самых дверей палаты. Другим, менее значительным лицам делалось только две встречи: меньшая на крыльце и большая в сенях, а иным, как, например, иноземным посланникам, гонцам, купцам и т. д., была одна только встреча – в сенях у порога или «недошед порога с сажень». Таким образом, одною из почетнейших встреч для гостя была и меньшая, у лестницы. *Встречниками* назначались в обыкновенных встречах стольники с дьяками, а в более почетных – боярин или окольничий со стольником и думным дьяком. Самое разделение встреч на меньшую, среднюю и большую сообразовалось с родовою честью встречников: в меньших встречах были помоложе, а в больших постарее родовою честью. Само собою разумеется, что при назначении встречников нередко случались местнические «стычки». Дьяки при встречах говорили обыкновенно чрез толмачей приветственные речи, объясняя, что великий государь (титул), «воздаючи честь» послу, повелел его встретить такому-то и такому; при этом провозглашались имена стольника и самого дьяка. Особенно дорогих гостей встречали еще с бóльшими церемониями. В 1644 г. во время приема датского королевича Волдемара – жениха царевны Ирины, кроме обычных трех встреч, его встретил среди Грановитой палаты царевич Алексей Михайлович в сопровождении бояр и в предшествии окольничих и стольников, а потом сам государь Михаил Федорович встретил королевича у ступени трона.

Для встреч и вообще для входа во дворец посторонним лицам, кроме государя, назначены были только две лестницы: Благовещенская и Средняя. При посольских приемах послы христианских государств входили во дворец Благовещенскою лестницею, а послы и гонцы персидские, турецкие, татарские и вообще иноверцы – Среднею, потому что значение Благовещенской лестницы как соборной паперти не дозволяло входить по ней лицам, не исповедовавшим христи-

анской веры. По Золотой или Красной лестнице, которую мы теперь неправильно называем собственно Красным крыльцом, совершались большие царские выходы в день венчания на царство и во время бракосочетания. В другое время эта лестница, кажется, была всегда заперта, потому что обыкновенные выходы государя делались большею частию по Благовещенской паперти, служившей также обыкновенным входом во дворец как для бояр, так и для всех других чинов. Для того же назначения была и Средняя лестница, по которой, кроме того, совершались печальные процессии выноса тела покойных государей к погребению в Архангельский собор.

Лестницы Красного крыльца запирались на ночь решетками, и на крыльце всегда стоял стрелецкий караул. Припомним еще, что у этого крыльца, на площади, думные дьяки принимали от народа челобитные, по которым здесь же сказывали приговоры и решения, вероятно, у средней лестницы.

Заметим также, что на крыльцах иногда делались приемы гонцам и посланцам. Вероятно, это было самою меньшею степенью того почета, который должен был оказываться послу меньшего же разряда. В 1657 г. царь Алексей Михайлович принимал на Красном крыльце малороссийского посланца от гетмана Хмельницкого – Павла Тетерю. Отпускная аудиенция дана была ему также на крыльце, но только уже на *переднем*, т. е. в государевых покоевых хоромах или нынешних теремах, что было почетнее.

В заключение мы должны упомянуть, что в XVII столетии во дворце, именно на стрелецком карауле Красного крыльца, велись каждый день особые записки о состоянии погоды и о дворцовом карауле; а при этом отмечались и все царские выходы и загородные походы, также посольские приемы и разные другие случаи. По содержанию, эти *дневальные* записки весьма любопытны и важны в том отношении, что по ним с большею достоверностью можно определить время разных событий и случаев в истории царствования Алексея Михайловича. С каким намерением составлялись подобные записки о погоде – неизвестно,

но из письма царя Алексея Михайловича к Матюшкину, 1650 г. мая 25-го, видно, что государь приказывал записывать, «в который день и которого числа дождь будет»[1]. Может быть, к этому времени и до́лжно отнести начало записок. Представляем здесь для образца небольшое извлечение из них, которое вполне познакомит с их содержанием, важным для истории царского быта.

«1657 г. Генваря в 30-й день в пятницу, был день до обеда холоден и ведрен, а после обеда был оттеплей, а в ночи было ветрено. А на государевом дворце стоял на карауле голова Иван Мещеренинов с приказом.

Генваря в 31-й день в субботу было ветрено, и за час до ночи пошол снег и шол во всю ночь и ветр был же. А на государеве дворце стоял на карауле голова Иван Монастырев с приказом.

Февраля в 6-й день, в пятницу, ходил государь в поход в Измайлово, а пошол с Москвы за пол 2 часа до дня, а к Москве пришол в 3 часу ночи. И в тот день и в ночи было холодно, а за час до вечера шол снег невелик до 3-го часа ночи. А на государеве дворце и около дворца на карауле стоял голова Василий Пушешников с своим приказом.

Февраля в 8-й день, в неделю сырную, слушал государь всенощного бдения и божественные литоргии в церкви пмц. Евдокии. А после всенощного бдения ходил государь к церкве Казанские Богородицы и в Чудов монастырь и жаловал архимандрита с братьею к своей царской руце. Того ж дня был у Государя на приезде гетмана Гонсевского посланец. А после столового кушанья ходил государь в столовую и жаловал к своей руце стольников и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и дьяков, и приказных, и дворовых людей, клюшников, и стряпчих. Потом ходил государь к соборным церквам, в Соборную и Апостольскую церковь Успения Пресвятые Богородицы, Благовещение Богородицы, Архи-

[1] Часть этих записок, в столбце за 1657 г. без начала, найдена нами в Архиве Дворцовой конторы. В Государственном архиве МИД хранятся такие же «Записки дневальные» в книгах с 7170 г. (1661–1662 гг.).

стратига Михаила, и жаловал к руке протопопов с братью. И в тот день и в ночи было холодно. А на государеве дворце и около дворца на карауле стоял голова Иван Ендагуров с своим приказом.

Февраля в 28-й день, в субботу, был день тепл и пасморен и шол дождик невелик с утра и до вечерен, а с вечера и во всю ночь было тепло ж и была капель, а на утреней заре шол снег мокрой невелик. А на государеве дворце и около дворца стоял на карауле голова Иван Ендагуров с своим приказом.

Апреля в 9-й день, на первом часу дни ходил государь в с. Покровское и в том селе тешился, а к Москве пришол в шестом часу дни, и столовое кушанье было на Москве. И в тот день до 8-го часа дня было холодно и ветрено, а с того часа был дождь до 11-го часу, а с 11-го часу шел снег с дождем до вечера, а в ночи был мороз. А на государеве дворце и около дворца на карауле стоял голова Семен Скорняков-Писарев с своим приказом.

Апреля в 22-й день, в среду, день был ведрен и был ветр велик. Да в тот же день был за Москвою-рекою в Кадашеве пожар велик; а в ночи было тепло. А на государеве дворе и около государева двора стоял на карауле голова Иван Зубов с своим приказом.

Апреля в 26-й день, в субботу, после раннева кушанья ходил государь в поход на Тверские поля тешиться, а к Москве пришол на последнем часу дни. И в тот день с утра было пасмурно, а с 4 часу и до вечера шол дождь с перемешкою. А на государевом дворце и около дворца на карауле стоял голова Яков Соловцов с своим приказом.

Апреля в 29-й день ходил государь в Семеновское и на поле тешился птицами. И в тот день до вечерен было ведрено, а после того был дождь, а в ночи шол дождь же. А на карауле… и пр.

Мая в 4-й день, в понедельник, после столового кушанья изволил государь смотреть голов стрелецких с стрельцами, как они шли на его государеву службу, Алексей Мещеренинов с своим приказом в Полоцк, а сын его Иван Мещеренинов

в Могилев. И в тот день было ведрено, а в ночи было тепло. А на государеве дворе… и пр.

Мая в 8-й день, в пяток, слушал государь всенощного бдения и божественные литоргии в церкви Преподобномученицы Евдокии, что у него государя на сенях, праздновали Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову. А после столового кушанья ходил государь праздновать Чудотворцу Николе в Угрешской монастырь. И, дорогою идучи, на Коломенских полях тешился. В монастырь пришол в 13-м часу дни. А стоял государь за монастырем в своих царских шатрах и слушал малые вечерни у себя государя в шатрах. И в тот день после обеда и до вечера шол дожжик невелик с перемешкою, а в ночи было холодно. А на государеве дворце и около дворца в царствующем граде Москве на карауле стоял голова Василей Пушечников с своим приказом.

Мая в 9-й день, в субботу, на праздник принесения мощем, иже во святых Отца нашего Николы, слушал государь всенощного бдения и божественные литоргии во Угрешском монастыре в церкви Николы Чудотворца. И на всенощном бдении облачался и служил божественную литоргию Никон архиепископ царствующего града Москвы, всеа Великие и Малые и Белые Росии патриарх, с пестрыми и с черными властьми и со всем своим освященным собором. Того ж дни у великого государя, у его царского величества, был стол в с. Острове по комнате: ел Никон патриарх и власти. И были у стола бояре, и окольничие, да голова стрелецкой Яков Соловцов. И в тот день до кушанья было ведрено и красно, а после кушанья и до вечера было пасморно и ветрено, а в ночи был мороз. Того ж дни, после кушанья, перед вечернею ходил государь на Островские поля тешиться.

Мая в 23-й день, в субботу, слушал государь божественные литоргии в с. Введенском в церкви. А после обедни до кушанья тешился государь на поле птицами. А кушанье было в с. Покровском. И тот день до обеда был ведрен, а после обеда пасморен, а в ночи тепло.

Июня в 10-й день, в среду, слушал государь божественные литоргии в с. Красном и ходил в Измайлово, а после сто-

лового кушанья ходил в Тверские поля. И в тот день было красно, а в 9-м часу дни был гром вельми велик и блистала молния и шол дождь велик с полчаса и потом шол невелик, а в ночи было тепло.

Июня в 20-й день, в субботу, ходил государь на поле тешиться, до кушанья и после кушанья. И в тот день до кушанья был гром и шол дождь добре велик, а после кушанья шол дождь невелик, а в ночи было тепло.

Июня в 23-й день, во вторник, празновали Сретению Владимирской Иконы Пресвятой Богородицы честного и славного ея Одигитрия. Вечерни и заутрени слушал государь в с. Покровском у себя, государя, в хоромах, а божественную литоргию слушал государь в царствующем граде Москве, у праздника в Стретенском монастыре, что на Стретенской на большой улице; а служил божественную литоргию святейший Никон патриарх со освященным собором. А к божественной литоргии из соборной и Апостольской церкви Успения Пресвятые Богородицы в Стретенской монастырь и из монастыря в соборную церковь был ход со кресты и с большими местными и чудотворными иконы, против прежних годов. А за образы шол светейший Никон архиепископ царствующего великого града Москвы, всеа Великие и Малые и Белые Росии патриарх, с митрополиты и архиепископы и епископы со освященным собором. Потом шол великий государь, его царское величество, а за ним шли боляре, и окольничие, и думные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы и всяких чинов люди, и множество народу. Столовое и вечернее кушанье было на Москве. Того ж дни до кушанья были у великого государя, его царского величества, у руки в Золотой Полате на приезде Крымские послы и гонцы, да Колмыцкие послы. И в тот день до 10 часу было красно и ветрено, а с 10 был гром и шол дождь маленькой и до вечера с перемешкою; а в ночи было тепло; а на утренней заре шол дождь не велик.

Июля в 13-й день, в понедельник, пошла государыня царица с Москвы в с. Коломенское в 6 часу дня, вначале, а в Коломенское пришла в 11-м часу дня. А до столового и после

столового кушанья ходил государь тешиться на поле. И в тот день было ведрено, а в ночи тепло.

Августа в 4-й день, во вторник, бьет день ведрен, а в ночи было холодно и шол дождь часа с два. И в тот день был у государя от Хмельницкого посланец Павел Тетеря с товарыщи, а был на Красном Крыльце.

Августа в 21-й день, в пяток, с утра до четвертого часу было пасморно и ветрено, а с 4 до 7 часу шол дождь, а с 8 часу и до вечера было ведрено. А ввечеру за час бьет у государя на отпуске Гетмана Богдана Хмельницкого посланник Павел Тетеря на Переднем Крыльце; а на Крыльце на перилах обито было коврами золотными. А в ночи холодно.

Августа в 24-й день, в понедельник, после столового кушанья ходил государь на Девичье поле тешиться. И в тот день с утра было пасморно, а после полден ведрено, а в ночи холодно…»

Мы упоминали, что Постельное крыльцо, находившееся посреди дворцовых зданий, между приемными большими палатами и жилыми Теремными покоями государя, составляло довольно обширную площадь и служило всегда сборным местом для младшего дворянства и приказных людей, имевших надобность быть за чем-либо во дворце. Здесь с утра до вечера толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, дьяки, подьячие разных приказов, иные по службе, дожидаясь начальных людей или решения дел, другие просто из одного любопытства, потому что на Постельном крыльце можно было узнать все важные по тогдашнему времени новости. Там, кроме повседневных дел о тяжбах, исках и т. п., объявлялись царские указы, наиболее касавшиеся всего дворянского сословия, например указы о войне и мире, о сборе войска, о военных походах или о роспуске служилых людей по домам и вообще о всех административных и законодательных мерах, предпринимаемых правительством как

относительно служилого сословия, так и вообще по делам всей земли. В Верху у государя происходило сиденье бояр, заседание царской Думы, откуда исходили все подобные меры и распоряжения и, разумеется, прежде всего узнавались на Постельном крыльце, от тех же бояр приватно или же от дьяков, сказывавших указы публично. Таким образом, Постельное крыльцо было придворною *площадью* или, как именовали его впоследствии, *боярскою площадкою*, публичным местом царедворцев, т. е. собственно дворян, а также и начальных людей военных и гражданских. В этом смысле некоторые из царедворцев, именно стольники младших разрядов, именовались *площадными* в отличие от стольников *комнатных*, находившихся в приближении у государя и имевших право входить без запрещения в его комнаты. Слова «площадь», «площадной» заключали в себе понятия общего, публичного, всенародного и также – обыкновенного, рядового. Были, как известно, подьячие площадные и избы площадные, где эти подьячие писали купчие, закладные и разные другие акты.

Андрей Матвеев, сын знаменитого Артамона, говоря в своих записках об оружейничем Иване Максимовиче Языкове, который был врагом партии Милославских и, следовательно, защитником стороны Матвеева, называет его особой великого разума и глубоким проникателем сначала *площадных*, а потом и дворских обхождений, когда он сделался временщиком. Здесь именем *площадных обхождений* обозначаются отношения тогдашнего общества или света, если только применимо это слово к тогдашнему обществу, т. е. вообще ко всей служилой и начальной среде. Притом в выражении «площадные» обозначалось именно *местное* значение таких отношений, которые выразительнее всего представлялись для каждого умного их проникателя на боярской площади Постельного крыльца – самом бойком месте, где нередко эти отношения разыгрывались публично, на глазах у всех, как увидим ниже.

Необходимо припомнить, что старое наше служилое сословие – боярство и дворянство – исполнено было непомерной щекотливости в отношении своей чести; не той, однако ж, че-

сти, которая служит выражением сознания в себе человеческого достоинства; тогдашняя честь заключалась в отечестве, т. е. в значении рода, к которому лицо принадлежало, собственно в почете, каким пользовался этот род и каким по нисходящему порядку должен был пользоваться всякий родич. Само собою разумеется, что власть с течением времени все больше и больше усиливала такие понятия о чести, строго охраняя законодательством честь высших сановников и вообще своих слуг, следовательно, всех служилых людей земли. В ее прямом интересе было поддерживать и соблюдать известное почетное значение лиц и целых родов, которые помогали ей в приобретении, в устройстве и охранении земли, потому что эти лица и роды представляли ту же власть, была ее органами. Таким образом, понятия о *честности* известного рода или известного лица ограничивались только представлениями о служебном почете, о мере жалованья, т. е. расположения государя и близости к его особе. Только этим путем мог возвышаться человек и за ним весь его род. Разумеется, в обществе, пропитанном родовым началом, по которому все старое почиталось неизмеримо выше всего молодого, и старая, т. е. заслуженная целыми поколениями, честь всегда почиталась больше чести молодой, хотя бы и более достойной.

Законодательство XVII столетия очень способствовало развитию в тогдашнем обществе непомерной щекотливости, а главным образом – непомерного сутяжничества по делам о нарушении чести или о бесчестье одним только словом, ибо за доказанное бесчестье доправлялась всегда денежная пеня обесчещенному лицу соответственно его чести или тому служебному разряду, к которому принадлежал обесчещенный. Известно, что в X главе Уложения весьма подробно и с большою точностью оценена на деньги честь каждого лица. Этого было достаточно, чтоб возбудить беспрестанные жалобы, иски, мелочные щепетильные придирки к словам с целью получить вознаграждение за сделанное бесчестье. Ничем сильнее нельзя было развить сутяжничества и ябеды и уронить истинные понятия о чести. С того времени, а особенно в кон-

це XVII столетия, некоторые приказы были завалены делами подобного рода, весьма хорошо кормившими и судей, и подьячих. Чаще всего, разумеется, бесчестье заключалось в словах, непригожих и непристойных, а иногда просто шуточных и самых обыкновенных, к которым придирался обиженный как к слову бесчестному.

Поводом к произнесению непригожих бесчестных слов служили обыкновенно ссоры и брани, которые при простоте и грубости тогдашних нравов возникали беспрестанно. Житейские отношения были слишком непосредственны и прямы; прямы и по чистосердечию, и по грубости и дикости нравов; поэтому оскорбленный человек почти никогда не таил своего неудовольствия, а тотчас высказывал его по первому впечатлению, и высказывал с бранью, весьма часто в непригожих и непристойных словах. Притом тогдашние постановления вовсе не определяли, какое именно слово должно считаться *бесчестным* и *непригожим*, а это давало возможность всякое грубо сказанное или шуточное слово ставить в бесчестное. Достаточно было самого простого шутливого и самого обыкновенного выражения, чтоб его причли к бесчестью и тотчас же начали иск. По старинной пословице, здесь всякое лыко шло в строку. Даже простая описка, недопись или прописка в чине, имени, отечестве или фамилии, например *о* вместо *а* или *а* вместо *о* и т. д., составляли также немаловажное бесчестье и давали благоприятный повод начать иск. Такое бесчестье искали в 1675 г. князь Василий Голицын на Аввакуме Иевлеве, князь Лобанов-Ростовский на князе Иване Дашкове. Чтобы остановить и ограничить подобные иски, государь по этому случаю указал и бояре приговорили: «Будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени или в прозвище, не зная правописания, вместо *о – а*, или вместо *а – о*, или вместо ъ – ь, или вместо ѣ – е, или вместо *и – і*, или вместо *о – у*, или вместо *у – о*, и иные в письмах наречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим говорить и писать извык, того в бесчестье не ставить и судов в том не давать и не разыскивать; а кто кого браня, назовет князем без имени, и за

то править бесчестье». Но, видно, нелегко было унять, с одной стороны, задорных оскорбителей, с другой – мелочных придирщиков, и в 1690 г. издано новое постановление, по которому тех, кто «бесхитростно *пропишет* честь, или чин, или имя, или отечество, или прозвание или учинит какую *недопись* или *прописку*, а соперники начнут бить челом о бесчестьях своих, и таких людей в таких прописках допрашивать с подкреплением по евангельской заповеди Господни, что они то учинили умыслом ли, хотя обесчестить соперников, или бесхитростно? И будет *под клятвою* скажут, что бесхитростно, и им того дела в вину не ставить и судов на них не давать. А кто бесчестные слова напишет нарочно, и на того суды давать и править бесчестье по Уложению». Это постановление касалось только высших чинов, включительно до жилецкого. Остальных, начиная с городовых дворян и до крестьян, подвергали тюремному заключению на неделю или, если кто не хотел в тюрьму, взыскивали бесчестье деньгами, не разбирая дела, умышленно или неумышленно сделана описка или недопись[1]. Большая беда бывала тому, например, кто напишет отечество, кому не следует, без *вича*, или кого в брани назовет князем без имени, т. е., например, вместо князь Иван скажет просто: князь. Подобные случаи преследовались строго и самим правительством.

Возбуждаемые действиями и распоряжениями и, так сказать, поддержкою самого правительства жалобы о бесчестье оскорбительными словами дошли, наконец, до таких странных, нелепых и смешных вещей, что Петр указом 1700 г. мая 4-го принужден был воспретить подобные иски. К бесчестью приличали, например, следующие выражения и слова, которые были выписаны из челобитных в Судном московском приказе как основа помянутого указа: «Вольно тебе лаять; шпынок турецкой; из-под бочки тебя тащили; не Воротынской-де ты лаешь; робенок; сынчишко боярский; мартынушка мартышка; черти тебе сказывают; трус; отец твой лаптем шти хлебал; отец твой лапотник; сулил сыромятную кожу и яловичьи сапоги, разоренье-де мне от тебя; мучил-де ты меня» и т. п. Указ Петра

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. № 597; Т. 3. № 1374.

едва ли не был возбужден челобитьем бывшего путивльского воеводы Алымова, поданным государю почти в то же время, где он изъяснял, что истец его, Григорий Батурин, в Приказной избе на допросе по делу сказал ему, Алымову, что он смотрит на него *зверообразно*. «И тем он меня, холопа твоего, обесчестил», – присовокупляет Алымов и ссылается на Уложение, прося доправить на Батурине бесчестье. Вместо доправы бесчестья Петр за такое недельное челобитье велел доправить на самом челобитчике 10 руб. пени и раздать деньги на милостыню в богадельни, нищим[1].

Множество жалоб о бесчестье возникало тоже по поводу ссор и брани на Постельном крыльце. При всегдашнем многолюдстве на этом крыльце, без сомнения, нельзя было миновать неприязненных, враждебных столкновений; нередко обоюдное неудовольствие, начатое дома или в другом месте, начатое тяжбою по какому-нибудь делу, высказывалось здесь при встрече соперников. А т. к. ссора и брань во дворце, кроме бесчестья лицу, нарушала, сверх того, *честь* государева двора, за что взыскивалось еще строже, то ссорящиеся и не упускали случая, ища защиты, а более в отмщенье, тотчас же пожаловаться на противника и выставить его вину особенно сильно именно в этом отношении. Жалобы и допросы по случаю этих ссор весьма любопытны: они живо характеризуют время и людей, царедворцев XVII столетия и вообще служилый разряд народа.

Нам необходимо воспользоваться этими документами, потому что, занимаясь до сих пор одною только внешнею сто-

[1] Дворцовые разряды. Т. IV. – № 1132, 1136. И по тому великого государя указу с Ксенофонта Алымова пенные деньги 10 руб. взяты и розданы по богадельням, по 4 ден. человеку: В Китае у церкви Воскресения Булгакова 6 чел.; у Варварских ворот 100 чел.; на Кулишках у церкви Воскресения 80 чел.; за Яузою у церкви Архидиакона Стефана 6 чел.; у церкви Симеона Столпника 4 чел.; на Пречистенской у церкви Николая чудотворца 46 чел.; за Пречистенскими вороты у церкви Власия чудотворца 25 чел.; за Пречистенскими ж за Земляным городом 12 чел.; за Смоленскими вороты у Николая чудотворца Явленского 12 чел. По 2 ден. человеку: на Покровке у церкви Успения Богородицы 46 чел.; за Воскресенскими вороты в Моисеевских (богадельнях) 46 чел.

роною царского жилища, излагая подробности о его расположении, устройстве, убранстве и значении, мы еще не видали в нем людей, которые ежедневно наполняли крыльца, сени и комнаты государева дворца и в торжественных и парадных случаях представляли также большею частию великолепное пополнение общего убранства и пышной обстановки; ибо известно, что во время приема послов стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, гости в богатых нарядах, в золотных кафтанах и шапках, церемониально стояли по лестницам и крыльцам, где должен был проходить гость, а иные сидели в сенях неподвижно, в глубоком молчании, не отвечая даже на поклоны и приветствия гостя и представляя в действительности только живую уборку царских палат. Необходимо по возможности ознакомиться с этими людьми, которые в обыкновенное время не были так молчаливы и время от времени высказывались, по крайней мере хоть в сердцах, оскорбленные, обиженные и раздраженные друг другом. Конечно, для полного и верного свидетельства о нравах тогдашнего общества этого недостаточно. Это все-таки *одна* сторона, притом самая резкая и для некоторых льстителей старины, может быть, слишком обидная. Но что ж делать! Будем дорожить всякою более или менее характерною мелочью старого быта; соберем все, что возможно собрать; тогда, без сомнения, раскроем и все другие стороны, более утешительные для доброго мнения о старинном быте наших предков. Ничто лучше не познакомит нас со старинными людьми, как их же живые, хотя бы и раздраженные речи, в которых несравненно ярче и осязательнее раскрывается характер общества, его добрые и дурные стороны, раскрывается, одним словом, *живая действительность* вместо витиеватой, книжной, сухой и совершенно безжизненной картины, какую чертят нам иногда широковещательные сказания других источников и где обыкновенно не бывает ни лиц, ни действий, а одни только слова, дающие по своей неопределенности большую возможность создавать какие угодно понятия о старом быте. Таким образом, пользуясь случаем, мы останемся некоторое время на Постельном крыльце

государева дворца и послушаем старый говор царедворцев; иногда перейдем с ними и на Красное крыльцо, даже в загородные дворцы, а также и во внутренние государевы комнаты, чтоб послушать людей более знатных и более к нему близких. Для полноты нашей характеристики не забудем и меньших дворовых людей.

Предварительно до́лжно заметить, что все дела о нарушении чести государева дворца непригожими словами и дерзкими поступками разбирались домашним судом государя, т. е. царским постельничим или стряпчим с ключом, который делал *обыск* или *сыск*, допрашивал свидетелей происшествия, потом из допросов составлял записку, приводил указ или статью из Уложения и докладывал государю. Решение с изложением дела сказывалось обвиненному при всех, по известной форме.

В Троицын день 1642 г. (мая 29-го) побранились на Постельном крыльце стольники Григорий Облязов с Борисом Плещеевым за своего крепостного человека, которого они один у другого оттягивали. Облязов при этом наговорил Плещееву разных оскорблений, обесчестив даже и его сестер-девок. Тогда мать Плещеева, вдова, со всеми детьми подала государю челобитную, по которой и назначен был сыск; но доклад почему-то отлагался. Между тем вдова не уставала подавать челобитные и в течение одного месяца подала их шесть, в которых называла Облязова *оглашенником* и просила смиловаться, защитить ее.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии бьет челом раба твоя бедная и безпомощная Васильева женишка Наумовича Плещеева, горькая вдова, Аньница с детишками своими с сынишком своим с Бориском, да с Олешкою, да с Гришкою, да с Федькою, да с Ондрюшкою: в нынешнем, государь, во сто пятьдесятом году била челом я, раба твоя с детишками своими, тебе, праведному государю, на ведомого вора и озарника, на Григорья Дмитреева сына Облязова, что он, Григорей, у тебя, государя, на Постельном крыльце у переградных дверей позорил дочеришек моих трех девок небылишными позорными словами, будто, государь, тот чело-

век Наумка, которого, государь, он, Григорей, оттягивает у сынишка моего Бориска своим воровством, подпискою, учил дочеришек моих трех девок грамоте и писать, и к тому, государь, слову он, Григорей, говорил тут же на Постельном крыльце у переградных дверей скверные слова, применяя к тому холопу дочеришек моих. И ты, государь, пожаловал меня, рабу свою бедную вдову и детишек моих, велел про то сыскать стряпчему Ивану Михаиловичу Аничкову, и Иван Михаилович по твоему государеву указу про то сыскивал, твоих государевых бояр и стольников, и стряпчих, и дворян, и жильцов допрашивал. Милосердый государь царь и великий князь Михаиле Федорович всеа Русии! Пожалуй меня, рабу свою, бедную вдову и детишек моих, не дай, государь, от того Григорья, ведомаго вора и озорьника, дочеришкам моим во веки опозореным быть; вели, государь, по тому сыску доложить себя, государя, и свой праведной государев указ учинить по своему милостивому царскому разсмотренью, как тебе, государю, о нас бедных Бог известит, Царь государь, смилуйся пожалуй!»

«И Ивану Михайловичу Оничкому бояре и стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы в сыску, по государеву крестному целованью, сказали: бояре Василей Петрович Шереметев, Михайло Михайлович Салтыков; стольники: князь Дмитрей Львов, Афанасий Бабарыкин, князь Григорей Козловской, Федор Колтовской, Александро Левонтьев, Микита Давыдов, Кирило Милюков, жилец Иван Одадуров, сказали: в нынешнем, во 150-м году в Троицын день на Постельном крыльце, как государь прошел от Благовещения Пречистыя Богородицы, от обедни, за перегради, и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым про человека своего бранились, а говорил Григорей Облязов Борису Плещееву: потому-де тебе тот человек надобен, что он учил тебя и сестр твоих грамоте, и писать, а меня-де как учили грамоте, и меня-де воровало человек с трипятнадцать. (А как-де меня учили грамоте и меня-де воровало человек с 15, которые учили… А меня-де, как учили грамоте и меня-де те все воровали.) Боярин Михайло Михайлович Сал-

тыков да князь Димитрей Львов сказали про тое ж речь, что с пятнадцать. Да боярин же Василей Петрович, сверх того, в речах своих прибавил: говорил-де Григорей Облязов Борису: и взять-де тебе того человека да посадить в воду; а Кирило Милюков в речах своих прибавил: говорил-де Григорей Борису: и мать-де ваша того человека любила, о котором ты со мною тяжешся; а Яков Милюков сказал: Григорей Облязов с Борисом Плещеевым *шумели*, а что они говорили – того он не слыхал, потому что стоял далече, а слышал-де он, Яков, от брата своего Кирила тое речь, что брат его сказывал.

Стольники: князь Юрьи Долгорукой, князь Иван Волконской, Михайло Ладыгин; жильцы: Родивон Костяев, Дмитрей да Яков Горихвостовы, – сказали: в нынешнем во 150 году в Троицын день на Постельном крыльце, как государь прошел от Благовещения Пречистыя Богородице, от обедни, за переграду, – и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым про человека своего бранились, а говорил Григорей Облязов Борису Плещееву: потому-де тебе тот человек надобен, что он учил сестр твоих грамоте. Григорей Порошин сказал: в Троицын день на Постельном крыльце, как государь пошел за переграду, Григорей Облязов с Борисом Плещеевым бранились; и Григорей Борису в брани молвил: быть-де тебе, детина, за письмо в застенке пытану; а Борис Плещеев Григорью встрешно говорил: ты-де вор подпищик; а про Борисовых-де он сестр не слыхал ничего. Боярин князь Петр Александрович Репнин, стольники князь Михайло Пронской, князь Иван Лыков, князь Петр Долгорукой, Лев Измайлов, сказали: в нынешнем-де во 150-м году в Троицын день на Постельном крыльце, как государь прошел от Благовещения Пречистые Богородицы, от обедни, за переграду, – и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым шумели, а что они меж себя в шуму говорили, того они не слыхали, потому что стояли от них далече. Иван Дивов сказал про Григорья Облязова: ему-де сказать нельзя, потому что у него с Григорьем в холопстве тяжба. Князь Алексей Лыков, Василей Колычев сказали: в Троицын день, как государь шол

от Благовещения Пречистыя Богородицы от обедни, и они-де в тое пору в городе не были и ничего не слыхали».

Несмотря на челобитные и докуки со стороны вдовы Плещеевой, дело тянулось и не докладывалось государю более года, может быть, по происка Облязова, подкупившего царского стряпчего Оничкова. Но, видно, Плещеевы нашли случай добиться справедливости. В 1643 г., сентября 14-го, в государеве объезде в с. Покровском стряпчий с ключом Иван Михайлович Оничков по сему делу докладывал. «Государь сего дела слушал и указал: Григорья Дмитреева сына Облязова, за вдовино Аннино Васильевы жены Плещеева с тремя дочерьми с девками, за их бесчестье, бить батоги нещадно, потому: била челом государю вдова Анна Васильева, жена Плещеева, с детьми: в прошлом-де во 150-м году в Троицын день на Постельном крыльце бил челом государю сын ее Борис Плещеев на Григорья Облязова в его Григорьеве воровстве, в подписке, о старинном своем крепостном человеке, о Наумке Лужине, – и тот-де Григорей, очищаясь от своего воровства, как Государь в Троицын день шел от обедни от Благовещения Пресвятей Богородице, бил челом государю на него, Бориса, встрешно, и говорил-де он, Григорей, на Постельном крыльце ему, Борису, что будто тот их старинной человек Наумко его, Бориса, и трех сестр его девок учил грамоте и писать, и променя-де их к тому человеку, он же, Григорей, говорил *скверные небылишные позорные слова* и тем-де он, Григорей, тех трех девок обесчестил, и государь бы ее пожаловал, велел про те его, Григорьевы, небылишные скверные позорные слова сыскать и по сыску свой государев указ учинить. А на челобитной ее помета думного дьяка Ивана Гавренева: 150-го г. июня в 1 день государь пожаловал велел про то сыскать стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову, и по сыску велел доложить себя, государя. И в сыску бояре и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и жильцы, по государеву крестному целованью, стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову сказали: во 150-м-де году в Троицын день на Постельном крыльце, как государь прошел

от Благовещения Пресвятой Богородицы, от обедни, за переграду, и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым про человека своего бранились, а говорил Григорей Облязов Борису Плещееву: потому-де тебе тот человек надобен, что он учил тебя и сестер твоих грамоте и писать, да и мать-де ваша того человека любила, о котором ты со мною тяжешся; а меня-де (как учили грамоте и меня-де воровало человек с три-пятнадцать). И потому государь указал Григорья Облязова за вдовино Аннино Васильевы жены Плещеева с детьми, за их бесчестье, бить батоги нещадно, чтобы иным вперед воровать было неповадно.

И 152 (1644) г. генваря в 15 день по государеву указу и по докладной выписке перед стряпчим с ключом перед Иваном Михайловичем Оничковым Григорей Облязов за свое воровство, а за вдовино Аннино Васильевы жены Плещеева с детьми бесчестье, в подкледке бит батоги, в одной рубашке, нещадно».

В 1643 г. 19 апреля, на Красном крыльце шумели и ссорились жильцы Чириковы с Измайловыми, вследствие чего Тимофей Измайлов с детьми 23 апреля подал на Алексея Чирикова и на дядей его челобитную и ссылочную именную *роспись людям*, которые были свидетелями их ссоры. В челобитной он писал: «Бьет челом холоп твой Тимошка Измайлов с детишками своими с Матюшкою да с Левкою… да с Мишкою да с Петрунькою. В нынешнем, государь, во 151-м году апреля в 19 день на *Красном крыльце перед постельными дверьми* стояли детишка мои Левка да Олешка; и пришел к дятишкам моим Олексей Пантелеев, сын Чириков, с дядьями своими с Степаном да с Костянтином Чириковы, и детишек моих Левку да Олешку хотели бить, и меня, холопа твоего, и детишек моих бесчестили и *всякою лаею неподобною лаяли*, и называл Алексей Чириков меня, холопа твоего, и всех нас *ворами* и *изменниками* и *страдниками*, *и по Красному Крыльцу за детишками моими гонял*; а в те поры, государь, были стольники и дворяне

и стряпчие и жильцы и всяких чинов люди, как тот Олексей Чириков меня, холопа твоего, и детишек моих… бесчестил и всякою лаею неподобною лаял, и как он, Олексей, на Красном крыльце с дядьями своими за детишками моими гонял. А что он нас, холопей твоих, называл ворами и изменниками и страдниками, и про то тебе, государь, известно, что дед, и отец мой, и я, холоп твой, и детишка мои при прежних государех и при тебе, государе, нигде в измене не бывали. Милосердый государь, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, про то сыскать стольники и дворяны и стряпчими и жильцы и всяких чинов людьми, которые в те поры тут были, как тот Олексей Чириков на Красном крыльце нас, холопей твоих, бесчестил; и вели, государь, мне на того Олексея в моем и детишек моих в бесчестье дать свою государскую оборону, что ты, государь, укажешь. А про Олексеево, государь, озорничество, Чирикова, тебе, государю, известно, что он, Олексей, позорит и бесчестит господ наших и нашу братью, надеючись на свои деньги, и говорил детишкам моим, что ваши головы, а мои тут будут тысячи; и то, государь, его слово слышали многие люди; и на него, Олексея, и на дядю его, на Костянтина, по твоему государеву указу, даваны оборони против их озорничества. Царь государь, смилуйся!»

Государь пожаловал: велел про то сыскать стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову и потом велел доложить себя, государя. И Ивану Михайловичу Оничкову стольники и стряпчие и дворяне и жильцы, по государеву крестному целованью, сказали: князь Иван Лобанов-Ростовской, князь Тимофей Щербатой, Михайло Васильчиков, сказали: в нынешнем, во 151-м году, апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Тимофеевых детей Измайлова *изменничьими* племянники называл, и говорил им: *знали бы-де вы орленой кнут да липовую плаху*; а Лев и Олександр Олексея Чирикова против того называли *псаревичем*. А Михайло Васильчиков сверх своей сказки в речех своих прибавил, что Лев и Олександр Олексея называли *псаревым внуком*. А о проче того, иной никакой брани не слыхали и за что стало, того не

ведают; а про дядей его Олексеевых про Степана и Костянтина со Львом и Олександром брани никакой не слыхали.

Семен да Иван Коробьины, Василей да Микита Лачиновы сказали: апреля в 19 день на Красном крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых матерны лаял и называл их изменниками и изменничьи племянники, и говорил им, Лву и Олександру, знали бы-де вы Оску палача да липовую плаху; а за что у них брань стала, того они не ведают; а про дядей его, Олексеевых, брани никакой не сказали.

Олексей Чепчугов, князь Василий Горчаков, Иван Романчуков, Григорей Зюзин, Федор Петров, Костянтин Рожнов сказали: апреля в 19 день на Красном крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра изменниками называл; да Олексей же Чепчугов в речах своих прибавил: Олексей-де Чириков Лва и Олександра *страдничонками* называл; а князь Василей в речех своих прибавил: Олексей Лва и Олександра называл ворами; а Григорей Зюзин да Федор Петров сказали, что называл их изменничьими детьми.

Василей, Иван, Степан Колычевы, Назарей Чистой, Петр Образцов, Иван Желябовской сказали: апреля в 19 день на Красном крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниковыми племянники называл; да Иван Колычев в речех своих прибавил: Олексей-де Чириков Лва и Олександра назвал ворами; а Иван Желябовской в речех своих прибавил: Олексей Лву и Олександру говорил: хочетца-де вам того, чтоб вам за воровство голову отсекли; а за что у них брань стала, того они не ведают; а про Степана и Констянтина Чириковых брани никакой не сказали.

Федор Бутурлин сказал: шол-де он Постельным крыльцом мимо Лва и Олександра Измайловых и Олексея Чирикова, а они меж себя шумели и слышал только: Олексей Лву и Олександру молвил, знали бы-де вы липовую плаху да орленой кнут: а опроче того, иной никакой брани не слыхал и за что стало, того не ведает.

Федор Тяпкин сказал: апреля в 19 день на Красном крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменни-

чьи дети и племянники называл и говорил им, Лву и Олександру, *знали бы-де вы дядю своего Оску палача да липовую плаху.* Лаврентий Левонтьев, Сергей Владыкин, Юрьи Семичов, Ондрей Марков сказали: апреля в 19 день на Красном крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниками и изменничьи детьми и ворами и страдниками называл и говорил: ваши-де головы, а мои деньги; да Сергей же в речех своих прибавил: Лев-де и Олександр говорили: *пойдем-де прочь, что с таким псаренковым внуком и говорить*. Ондрей Марков в речех своих прибавил: Олексей-де Лва и Олександра лаял и отца их, а какою бранью лаял, того не сказал, и говорил-де Олексей же: дяде-де вашему голову отсекли, а вам того ж хочетца; а за что брань стала, того не ведают, а про дядей его Олексеевых брани никакой не сказали.

Иван Окинфов, Иван Полтев сказали: апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниковыми детьми называл; да Иван же Полтев в речех своих прибавил, что Олексей Лва называл вором и говорил ему: был-де ты в приводе в Розбойном Приказе; а Лев и Олександр Олексея называли псаревым внуком.

Ортемей Рчинов сказал: апреля в 19 день на Красном крыльце пришел Олексей Чириков к Олександру Измайлову наглым обычаем и стал говорить Олександру: хотел-де ты нас бить на Девичье поле, бей-де топерьво, и назвал их изменничьими детьми; и Олександр стал говорить, что он не изменничей сын; и Олексей молвил: ино-де дядя изменник и давно ли-де вы от кнута да от плахи; а про дядей его Олексеевых ничего не сказал.

Петр Скуратов сказал: апреля в 19 день на Красном крыльце пришел Олексей Чириков ко Лву и к Олександру и учал им говорить: вы то-де вчера разбиваете да и побиваете, и стал их называть изменничьими детьми; и Олександр стал являть, что называет изменничьими детьми, и Олексей молвил изменничьи-де племянники, а хотя-де будет и дети; а опроче, иной брани не слыхал.

Князь Василей Горчаков сказал: Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых на Красном Крыльце ворами и из-

менниками называл, и Лев и Олександр пошли на Постельное крыльцо, и Олексей за ними шол и говорил тож; да Олексей же им говорил: хотели-де вы вчера меня на Девичье поле бить; а за что у них брань стала, того не ведает.

Борис Ржевской сказал: апреля в 19 день на Красном крыльце пришел Олексей Чириков с дядьями своими к Олександру Измайлову и говорил ему: бей-де здесь по вчерашнему, как ты побиваешь и грабишь и гоняешь за городом; не старая пора воровать; и называл его изменничьим сыном и изменничьим племянником; и за Львом и Олександром шол и кричал и называл изменниками, и говорил: знали бы-де вы Оску палача, да плаху, да кнут; а про Степана и Костянтина Чириковых ничего не сказал.

Михайло Баскаков сказал: как у них у Олексея со Львом и Олександром брань была и он стоял далече и видел, идет-де Олексей с дядьями своими Красным крыльцом, от середние лестницы, и идучи, Олексей говорит: изменники-де, давно ли от плахи, а ныне грабят по улицам; а про кого говорит, того он не ведает.

Григорей Ивашкин, Иван Жуков сказали: Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниками и изменничьими племянниками называл и говорил им, знали бы-де вы Оску палача, да липовую плаху, да кнут; да Григорей же Ивашкин в речех своих прибавил: говорил-де Олексей Лву и Олександру: лутчая-де ваша честь дед ваш был с Мясным, а Мясной-де не диковина, был на Москве голова стрелецкой; а за что у них брань стала, того не ведают.

Михайло Тихменев сказал: сначала-де он у Олексея со Львом и с Олександром брани не застал, а слышал перво: Лев Олексея назвал псаренком; и Олексей ему молвил: какая ты диковина, дед ваш с Мясным был, а Мясной был голова стрелецкой, и называл его, Лва, вором, и говорил ему: был-де ты в приводе в Розбойном приказе, и изменником назвал; да он же-де Олексей говорил ему, Лву: и дяде-де вашему голову отсекли; и Лев и Олександр пошли от него прочь, а называли его псаренком; а за что у них брань стала, того он не ведает.

Артамон Сергеев, сын Матвеев, сказал: Олексей Лва и Олександра изменничьи детьми и племянниками называл, а Лев и Олександр Олексея и дядей его называли страдниками и псаренками; да Олексей же говорил Лву и Олександру: дед-де ваш Василей был с Лукьяном Мясным, а Лукьян был голова стрелецкой, а дядья-де его Олексеевы Лву и Олександру ничего не говорили; а за что у них брань стала, того он не ведает.

Григорей Вердеревской сказал: слышал, что Олексей Чириков со Лвом и Олександром бранились, и Олексей-де Лва и Олександра называл страдниками, а опроче того, брани иной никакой не слыхал, и за что стало, того не ведает.

Микифор Нащокин, Ортемей Волынской, Ондрей Окинфов, Василей Нечаев, Матвей Мясоедов, Герасим Владычкин, Кузма Румянцев, Юрье Романчуков сказали: как у Лва и Олександра Измайловых с Олексеем Чириковым на Красном крыльце брань была, и они в то время не были, а слышали от сторонних людей: Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниками называл. Да сверх сей сказки Ортемей Волынской в речех своих прибавил: Лев-де и Олександр Олексея называли псаренком; а Василий Нечаев в речех своих прибавил, что Олексей Лва и Олександра матерны лаял; и Герасим Владычкин сказал, что Олексей Лва и Олександра изменничьи племянники называл; а Матвей Мясоедов в речех своих прибавил: Олексей Лва и Олександра страдничьими детьми называл и говорил им: знали бы-де вы Оску палача, а иной брани и за что у них стало, того они не слыхали. Тимофей Колтовской, Роман Селиванов сказали: как у них брань была и они в то время не были, а слышали от сторонних людей, Тимофей слышал: Олексей-де Чириков Лва и Олександра называл изменничьи племянниками, а Роман слышал, что Олексей Олександра называл изменничьим сыном; а опроче-де того иной никакой брани не слыхали. Иван Протопопов, Петр Пушкин, Яков да Григорей Безобразовы, Федор Рчинов, Ермолай Ржевской, Федор Полтев, Иван Братцов, Григорей Петров сказали: как у Лва и Олександра Измайловых с Олексеем Чириковым брань была, и они в то время не были и ничего не слыхали.

Да стольники ж и стряпчие и дворяне, которыми не сыскивано, а сказали про них, что они съехали по деревням: князь Семен Щербатой, князь Федор Щербатой, Яков Колычев, князь Микита Горчаков, Яков Жуков, Яков Родионов, Иван Елизаров, сотник стрелецкой Олексей Бекетов».

Чем дело кончилось – неизвестно.

В 1643 г., июня 14-го, на Постельном крыльце поссорились жильцы Иван Елчанинов с Самариными. Причиною ссоры было тоже какое-то домашнее тяжебное дело. 18 июня Самарины подали челобитную и ссылочным людям (свидетелям) именную роспись. В челобитной они писали: «Бьют челом холопи твои Микифорко да Якушко, Алексеевы дети, да Михалко Федоров сын, Самарины, на жильца на Ивана Дорофеева, сына Елчанинова, что преж сего отец его Дорофей в Ярославле в Спасском монастыре был в казенных дьячках и в монастырских слушках. В нынешнем государь во 151-м году июня в 14 день в твоих государевых *Передних Сенях и на Постельном крыльце* он, Иван, бесчестил нас и родителей наших, называл нас, холопей твоих, своими холопи, и лаял нас матерны и всякою неподобною лаею, и называл нас страдниками и земцами, самарьины, и инеми всякими позорными словами; и дедов наших называл мужиками пашенными. И то, государь, слышели многие люди – стольники, и стряпчие, и дворяне московские и жильцы, которые в то время тут были; да и всегда, государь, нам, холопем твоим, от него проходу нет, везде нас, холопей твоих, лает и позорит напрасно всякими позорными словами и похваляетца нас, холопей твоих, резать, мстя недружбу, что у нас дела с ним в Московском Судном приказе, надеяся на богатство отца своего, потому как отец его в Ярославле в Спасском монастыре был в казенных дьячках и в слушках монастырских, и будучи в слушках, был по приказам, по монастырским селам, и набогател и, утая… свой чин, его Иванов отец, Доро-

фей, бил челом тебе, Государю, в житье и из житья написан по московскому списку; и был в заонежских погостех и там набогател жа. Милосердый государь! Пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, про то сыскать, как он, Иван, нас и родителей наших бесчестил и лаял и позорил всякими позорными словами, в Передних Сенях и на Постельном крыльце, теми, которые в то время тут были; и по сыску вели, государь, в том свой государев указ учинить, чтобы нам, холопем твоим, и родителем нашим от такова нахала в позоре не быть и не погибнуть. Царь государь, смилуйся!»

«151 г. июня в 16 день государь пожаловал велел про то сыскати стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову и по сыску велел доложити себя, государя.

И Ивану Михайловичу Оничкову стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы по государеву крестному целованью сказали: Остафей Милюков, Василей Борщов, Яков Полуектов сказали: в нынешнем-де во 151-м году июня в 14 день в государевых Передних Сенях Иван Елчанинов Микифора да Якова – Алексеевых детей, да Михаила Федорова – сына Самариных бранил матерны и называл их детьми боярскими, и страдниками, и самарьиными, и земцами, и пашенными мужиками. Василей Образцов сказал: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора, да Якова, да Михаила Самариных называл страдниками, и самарьиными, и пашенными мужиками, и говорил им: цена-де вам по двадцати алтын, а у отца-де моего есть в вашу пору служат в холопех. Лука Ляпунов, Семен Племянников, Федор Копылов, сказали: на Постельном-де крыльце Иван Елчанинов Микифора, да Якова да Михаила Самариных называл пашенными мужиками и земцами, а у отца-де моего есть в вашу пору служат в холопех. Федор Наумов, Енаклыч Челищев, Дмитрей Давыдов, Афонасей Жидовинов сказали: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михаила Самариных называл детьми боярскими и самарьиными и пашенными мужиками и земцами. Князь Петр Волконской сказал: на Постельном крыльце, у Самариных с Елчаниновым, а как их зовут и он не ведает,

меж ими шум слышал; а Елчанинов Самариных называл молодыми детьми боярскими и самарьиными. Юрьи Голенищев, Петр Тиханов сказали: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михаила Самариных называл детьми боярскими и земцами; да Юрьи же в речах своих прибавил, говорил-де Иван Елчанинов Микифору Самарину с братьею: и родители-де ваши земцы. Иван Салтыков, Васильей Философов сказали: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михаила Самариных называл самарьиными. Григорей Глебов сказал: в Передних Сенех Иван Елчанинов говорил Микифору да Якову да Михаилу: деды-де ваши пашенные мужики и земцы. – Некоторых стольников, стряпчих, дворян и жильцов к допросу не было сыскано».

---

27 апреля 1645 г. царский казначей, лицо по тому времени довольно значительное, Богдан Минич Дубровский поссорился в государевой Передней избе с дворянином Васильем Колтовским, который перед тем подал было на него государю в Комнату челобитье о несправедливом решении его спорного дела. Но челобитной при докладе не явилось. Колтовской спрашивал думного дьяка и подьячих и потом, когда по окончании докладов казначей Дубровский вышел из царской Комнаты в Переднюю, Колтовский заметил ему, что странно, как его челобитная пропала и не оказалась при докладах. В ссоре сказаны были с обеих сторон обидные слова, и Дубровский в тот же день принес государю жалобу о бесчестье.

«Бил челом государю казначей Богдан Минич Дубровский на Василья Яковлева сына Колтовского и подал челобитную и ссылочным людям имянную роспись, а в челобитной и в росписи пишет: бьет челом холоп твой Богдашко Дубровский: в нынешнем государь во 153-м году апреля в 27 день, был я холоп твой у тебя, государя, в Комнате с докладом, и как вышел из Комнаты в Переднюю, и Василий Колтовской меня, холопа твоего, лаял и бесчестил, будто я не делом сужу,

и из Комнаты-де у тебя, государя, челобитные его Васильевы пропадают; стану-де на тебя о тех челобитных бить челом государю; впредь у меня не станут челобитные из Комнаты пропадать; а я, холоп твой, в Комнату к тебе, государю, один не хожу. Милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то сыскать и по сыску учинить оборонь. Царь государь, смилуйся!».

«Государь пожаловал велел про то сыскати стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову и, сыскав, велел о том доложить себя, государя. В ссылочной росписи Дубровский писал: 153-го апреля в 27 день был я, Богдан, у государя в Комнате с докладом, и вышел из Комнаты в Переднюю Василей Яковлев, сын Колтовской, учал на меня кричать большим шумом, называл меня худым судьею: посылал-де ты память в Холопей Приказ, а велел-де людем тетки нашей, Гавриловы жены Пушкина, волю дать, почему? И я, Богдан, сказал: сыскивал я про то дело и на Патриархов Двор память посылал по сыску и по роспросным речам холопей тетки вашия, слалися оне на отца духовного тетки вашия, велела-де нас отпустить на волю после живота своего; и с Патриархова Двора прислана память и роспросные речи за рукою тетки вашия отца духовнаго: велено тех людей отпустить на волю; и против тое памяти, и роспросных речей послана память в Холопей Приказ. И Василей Колтовский учал меня лаять и бесчестил, приходил ко мне шумом: худой-де ты судья, за какую-де ты службу пожалован честью; и крадешь-де наши челобитные в Комнате, вперед-де ты наших челобитен не станешь в Комнате красть; и такими меня позорными словами обесчестил. А были в то время в Передней: окольничей Григорий Гаврилович Пушкин, думные дьяки Григорий Львов, Михаило Волошенинов, стольники: князь Иван Хилков, князь Василий Хилков, Микита Бобарыкин, Прокофей Коптев.

И Ивану Михайловичу Оничкову окольничей и стольники и думные дьяки по государеву крестному целованию сказали: окольничей Григорий Гаврилович Пушкин, стольник Микита Бобарыкин, думные дьяки Григорий Львов, Ми-

хайло Волошенинов, сказали: в нынешнем-де во 153-м году апреля в 27 день в государеве Передней избе Василей Колтовской на казначея на Богдана Дубровскаго шумел великим шумом и говорил: вперед-де у меня челобитные мои у государя из Комнаты пропадать не станут; и Богдан говорил ему: шумишь-де ты на меня напрасно, я-де в Комнату один не хожу и челобитен твоих не краду; и в Приказе-де ты на меня шумишь напрасно, и зде также приходишь озорничеством. Да он же, Василей, говорил Богдану: пожалован-де ты не за службу. Стольник князь Иван Хилков сказал: в государево Передней избе Василей Колтовской спрашивал у думнаго дьяка у Михайла Волошенинова и про свою челобитную, и думной-де дьяк Михайло ему сказал, что он его, Васильевы, челобитные не видал; и после-де того он, Василей, с казначеем с Богданом Дубровским меж себя шумели, и говорил Василей: вперед-де у меня челобитные пропадать не станут; и Богдан говорил ему: шумишь-де ты на меня напрасно, в Комнату-де я один не хожу и челобитен твоих не краду; и в Приказе-де ты на меня шумишь напрасно. И Василей же говорил: пожалован-де ты, Богдан, чаешь, за службу; и Богдан говорил ему: не мол что-де твоему отцу и деду-де твоему там не бывать, где я был и посылан для чего, за то-де я и пожалован. Прокофей Коптев сказал: в государеве Передней избе Василей Колтовской с казначеем с Богданом Дубровским меж себя шумели, а говорил Василей Богдану: челобитные-де у меня, Богдан, из Комнаты пропадают; и Богдан говорил: не я ль-де ее украл? И Василей говорил: того-де я не ведаю, только-де о том буду бити челом Государю, и вперед-де у меня челобитные из Комнаты пропадать не станут. А в Приказе-де, Богдан, мне бити челом тебе нельзе, в казенку-де запрешся и никого не пустишь. И Богдан говорил ему: потому-де я тебя в казенку не пускаю, что со мною-де тебе, Государь, дел ведать не велел. И Богдан говорил: потому-де ты, Василей, на меня шумишь, что велел-де я тебя из казенки ударить в шею. И Василей говорил: не по своей-де ты мере, Богдан, пожалован. Стольник Князь Василей Хилков сказал: у Василея-де Колтовскаго с казначеем с

Богданом Дубровским меж ими никакого шуму он не слыхал и в те поры он тут не был».

Узнав о жалобе Дубровского, Колтовской через два дня подал свою челобитную о бесчестье и также с росписью свидетелей. Обвиняя со своей стороны Дубровского, он писал: «Бьет челом холоп твой Васько Яковлев сынишко Колтовской: в нынешнем, государь, в 153-м году, апреля в 27-й день, пришол я, холоп твой, в *Переднею избу* и учал бить челом твоему государеву думному дьяку Михаилу Волошенинову о своей челобитной, что мы, холопи твои, били челом тебе, государю, на казначея Богдана Минича Дубровского о переносе в холопье деле, что он наших старинных людей освобождает без суда и без очной ставки и без роспросных речей; и, не приняв у нас, холопей, твоих крепостей, без поруки отдал Степану Гаврилову сыну Пушкину для окольничего Григорья Гавриловича Пушкина, и по недружбе, что его, казначеево Богдана Минича челобитье, было на отца нашего тебе, государю. И думной, государь, дьяк Михайло Волошенинов мне, холопу твоему, сказал, что той нашей челобитной не видал и *перед тобою, государем, не читал*; а подьячих, государь, я розрядных о той своей челобитной спрашивал же, и они сказали, что не видали же. И я, холоп твой, учал говорить, что наша челобитная пропала, и мы станем бити челом на него, казначея Богдана Минича, о переносе тебе, государю, иною челобитною, и впредь у нас челобитная не пропадет. И он, государь, казначей Богдан Минич почел нас, холопей твоих, бесчестя, отца нашего называл вором и олтынником и меня, холопа твоего, называл недорогим человеком: дорогое-де тебе и бесчестья заплатить; надеясь, государь, на свое богатство; и говорил, государь, что отец наш, будучи в Розбойном приказе, воровал, из олтына сжег до смерти дву человек. А в том, государь, не запирался при всех в Передней избе, что он меня, холопа твоего, из Приказу у себя велел бить в шею и послал память в Холопей приказ и велел назад взять. А мы, государь, холопи твои, по твоей государской милости не только от него, казначея Богдана Минича, и от господ своих такого бесчестья

ни позору не видали, что ныне от него обесчещены; а отец государь наш, будучи у твоего государева дела, из олтына ни какого человека не жигивал и ни в каком воровстве не бывал; и челобитья, государь, на отца нашего, чем он позорит, тебе, государь, не бывало; а сидел, государь, отец наш у твоего государева дела с бояры не один; и про то, государь, известно тебе, государю. А что, государь, он, казначей Богдан Минич, бил челом на меня, холопа твоего, тебе, государю, о своем бесчестьи, заминая то, что отца нашего обесчестил и нас позорил, что будто я ему говорил, что он тое нашу челобитную украл у тебя, государя, из Комнаты; и я, холоп твой, того не говаривал, а спрашивал про ту челобитную у думного дьяка. А сидел он с окольничим, с Григорьем Гавриловичем Пушкиным, и учал мне говорить: аль-де я украл? И я, холоп твой, молвил, что того я не ведаю, он ли или не он взял, только я бил челом тебе, государю, и та челобитная к нам не схаживала. А говорил я, холоп твой, потому, что он, казначей Богдан Минич, про ту нашу челобитную говорил в благовещенской паперти, и что в ней написано, все ведает; и говорил: хотя-де вы и бьетя челом, нечто-де сделается от меня-де перенесть не велят. А за тех, государь, наших людей ему, казначею Богдану Миничу, бьют челом и ходят окольничей Григорий Гаврилович Пушкин да брат его Степан, и тех наших старинных холопей хотят взять к себе во двор, и живут те наши люди у них во дворе. Милосердый государь, пожалуй нас, холопей своих безпомощных, не вели, государь, его, казначееву Богдана Минича, челобитью поверить, и вели, государь, про тот позор и бесчестья отца нашего и мое, холопа твоего, сыскать бояры и думными дьяки и стольники и стряпчими, опричь окольничего Григорья Гавриловича Пушкина, что то дело у нас, холопей твоих, с ними. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!».

Роспись, которые были в Передней избе: боярин Михайло Михайлович Салтыков; думной дьяк Григорий Васильевич Львов, думной дьяк Михайло Волошенинов; стольники: Петр Васильевич Шереметев, Василий Борисович Шереметев, князь Иван Хилков, князь Юрья Долгорукой, князь Ан-

дрей Хилков, Иван Полев, Микита Бобарыкин, дьяк Василей Ушаков, Прокофей Коптев.

«И государь пожаловал указал по челобитной и по росписи, какову роспись Василий Колтовской на казначея на Богдана Минича Дубровского подал, сыскати стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову по своему государеву крестному целованью. И Ивану Михайловичу Оничкову стольник и думные дьяки по государеву крестному целованью сказали: стольник князь Иван Хилков сказал: в нынешнем-де во 153-м году апреля в 27 день в государеве Передней избе Василей Колтовской стал спрашивать у думного дьяка у Михайла Волошенинова про свою челобитную, и Михайло-де ему сказал, что он его челобитные не видал; и Василей-де почел говорить: пропадают-де у государя из Комнаты мои челобитные, стану-де бити челом государю, вперед-де у меня из Комнаты челобитные пропадать не станут. И Богдан учал говорить Василью: шумишь-де ты на меня напрасно, в Комнату-де я один не хожу и челобитен твоих не краду. И Василей говорил Богдану: пожалован-де ты, чаешь, за службу? И Богдан говорил Василью: не мол што-де отцу твоему и деду-де твоему там не бывать, где я был и для чего был посылан, за то-де я и пожалован: отец-де твой зжег дву человек. А того-де он не дослышал, что он ему говорил, про дву ль мужиков или про жонок.

Думные дьяки Григорей Львов, Михайло Волошенинов сказали: в государеве Передней избе Василей Колтовской говорил казначею Богдану Дубровскому: не по своей ты мере, Богдан, пожалован да и в честь пущен. И Богдан говорил Василью: пожалован-де я за службу, а что-де моя служба, и про то-де ведомо государю, а твоего-де не мол што отца и деда твоего там не пошлют, где я был, да и на пример не напишут; полно-де ты, Василей, шумишь на меня за то, что я тебя из Приказу велел выслать вон. Прокофей Коптев сказал: в государеве Передней избе Василей Колтовской с казначеем Богданом Дубровским меж себя шумели и говорил Василей Богдану: челобитные-де у меня, Богдан, из Комнаты

пропадают. И Богдан говорил: не я ль-де ее украл. И Василей говорил: того-де я не ведаю, только-де о том буду бити челом государю и впредь-де у меня челобитные из Комнаты пропадать не станут; а в Приказе-де, Богдан, мне бити челом тебе нельзе: в казенку-де запрешся и не пустишь никого. И Богдан говорил ему: потому-де я тебя в казенку не пускаю, со мною-де тебе государь дел ведать не велел. Да Богдан же говорил: потому-де ты на меня шумишь, что велел-де я тебя из казенки ударить в шею. И Василей говорил: не по своей-де ты мере, Богдан, пожалован».

Боярина Михаила Михайловича Салтыкова и некоторых стольников к допросу не сыскано, и чем дело кончилось, неизвестно.

В 1646 г. обесчещен был князь Евфимий Мышецкий Федором Нащокиным и Иваном Бужаниновым. Дело против обыкновения миновало домашнюю царскую расправу и поведено было судебным порядком, против чего Мышецкий снова подал государю челобитную: «Бьет челом холоп твой Еуфимка Мышецкий: бил челом я, холоп твой, тебе, государю, на Федора Васильева сына Нащокина да на Ивана Иванова сына Бужанинова, что оне нас, холопей твоих и родителей наших, бесчестили; Федор Нащокин называл нас, холопей твоих, всех холопи боярскими и коюховыми детми на *Постельном крыльце*, передо всеми; а Иван Буженинов на Постельном же крыльце называл меня, холопа твоего, дьяком, а *детишок моих – подьячими* и ворами и подпищиками, будто мы подписывали воровские грамоты. И про то, государь, что оне нас бесчестили, по нашему челобитью указал ты, государь, именным приказом про Ивана Бужанинова велел сыскать окольничему князю Семену Васильевичу Прозоровскому, а про Федора Нащокина велел ты, государь, сыскать окольничему князю Андрею Федоровичу Литвинову Масальскому, и по тем обыскам велел доложить себя, государя. И они, госу-

дарь, Федор Нащокин и Иван Бужанинов, умысля, чтоб им от родителей наших и от нашего бесчестия бездушством отойти и отцеловатца, и нас сверх того пошлинами большими вконец погубить, били челом тебе, государю, ложно, будто я, холоп твой, в сыскную роспись писал братью свою и племянников и друзей; и то, государь, они били челом тебе, государю, ложно, умысля ябеднически; а он, государь, Федор Нащокин, мне, холопу твоему, и сам ближней свой, за ним, за Федором, женишка моего, племянница родная – Григорьева дочь Милославскаго. И по их, государь, ложному челобитью сошли им подписные челобитные, Федору Нащокину за пометою думнаго дьяка Ивана Гавренева, и Ивану Бужанинову за пометою дьяка Калистрата Акинфеева: сыскивать про то не велено, а велено нам мимо прежняго твоего государева именнаго приказу искать на них, родителей наших, и своего бесчестья, искать судом. И тот, государь, первой образец учинен нами, холопи твоими. Искони вечной о том ваш государев указ и уложенье прежних великих государей и отца твоего блаженные памяти великого государя Михаила Федоровича и твой государев указ ко всей нашей братьи: будет кто у кого на Постельном крыльце таким бесчестьем станет кто бесчестить и про то вы, государи, указывали сыскивать, а не судом искать; а суда в таких делах не бывало не токмо, что учинитца у кого брань на Постельном крыльце, хотя будет у кого и в Приказе в котором ни буди, и тут, государь, ваш государев указ был: велено про то и в Приказе сыскивать; а судом, государь, таких дел *родительского бесчестия*, кто у кого бесчестил на Постельном крыльце, никто ни на ком не искивал; искони вечной ваш государев указ в таких делах был по сыску. Служили мы, холопи твои, прежним великим государем и отцу твому блаженный памяти, а в таком бесчестьи ни от кого не бывали холопи твои, безпомошные; кроме Бога да тебя, великаго государя, помощника никого не имеем. Бесчестил, государь, он, Федор, нас на Постельном крыльце передо всеми, называл нас, холопей твоих, холопи боярскими и Конюховыми детми; а мы, холопи твои, искони вечные холопи ваши, государевы, исстари все служи-

ли прежним великим государем и отцу твоему блаженные памяти и тебе, великому государю, а в холопех и в конюхах, в таком бесчестьи нигде не бывали; исстари все служили вам, великим государем: и отечество, государь, и службишко, и именишка наши ведомы тебе, Государю. Милосердый государь, пожалуй нас, бедных и безпомошных холопей своих, не вели, государь, искони вечнаго прежних великих государей и блаженные памяти отца своего и своего государева указу и уложенья нарушить, и нами, холопи своими, не вели образца учинить; вели, государь, о том своих государевых бояр допросить, и им то ведомо, что ни над кем такова образца не бывало: искони вечной о том указ и уложенье прежних великих государей и блаженные памяти отца твоего, великаго государя: кто кого станет таким бесчестьем бесчестить на Постельном крыльце и про то вы, государи, указывали сыскивать, а судом, государь, родительского бесчестья никто ни на ком не искивал; исстари в таких делах ваш государев указ был по сыску. Милость свою царскую покажи и над нами, холопи своими, не дай от них в таком вечном бесчестьи в конец погибнуть, вели государь против прежнего своего государева имянного приказу про то сыскать всеми стольники, и стряпчими, и дворяны, и всяких чинов людьми, которые в то время на Постельном крыльце были, как он, Федор, нас, холопей твоих, и всех родителей наших бесчестил, называл передо всеми холопи боярскими и конюховыми детьми. А Иван Бужанинов называл нас тут же на Постельном крыльце ворами и подпищиками, а мы, холопи твои, в таком бесчестьи не бывали, искони вечные холопи ваши государевы, а в холопех боярских и в конюхах родители наши нигде не бывали; исстари все служили прежним великим государем. А они, государь, Федор и Иван, для того тебе, государю, о суде били челом, узнав свою вину, чтоб им от нашего и от всех наших родителей бесчестья бездушством отойти и отцеловатца и, сверх того, нас пошлинами вконец погубить; а мы, холопи твои, били челом на них тебе, государю, в бесчестьи от всего роду; а ныне, государь, по их подписным челобитным указано нам, холопем твоим,

всего роду и своего бесчестью искать на них судом, а сыскивать про то не велено; и с того, государь, судного дела будут твои государевы пошлины многая, а мы, холопи твои бедные и разоренные, с такого великаго иску со всего родительскаго бесчестья и своего твоих государевых пошлин платить нечем. Царь государь, смилуйся!».

Некоторые из свидетелей, на которых сослался Мышецкий и которых нашли в городе, показали следующее, именно: «Князь Петр Коркодинов сказал: на Постельном-де крыльце Иван Бужанинов князь Еуфима Мышецкаго и детей его, князь Еуфима, называл *князь дьяком*, а сына его князь Данила называл *князь подьячим*, а опричь того он не слыхал ничего. Князь Анастас да князь Федор княж Алибеевы, дети Макидонские, сказали, по государеву крестному целованью: на Постельном крыльце Иван Бужанинов князя Еуфима Мышецкаго *князь дьяком* называл, а дети-де твои подьячие, и воровские-де грамоты дети твои подписывают. А Федор Нащокин князь Еуфиму говорил: не дорогой-де ты князь, откуда-де ты княженечество то взял, а родителей-де ваших и ныне в холопех найду. Князь Григорей Козловской сказал: на Постельном крыльце Иван Бужанинов князь Еуфима Мышецкаго лаел матерны и князь дьяком и князь подьячим его, князя Еуфима, называл». Другие свидетели были на службе в отъезде, а потому и самое дело оставалось долго нерешенным, и чем кончилось – неизвестно.

В 1648 г. жаловался государю о бесчестье Григорий Баяшев: «Бьет челом холоп твой Гришка Баяшев; в нынешнем, государь, во 156-м году июня в 6-й день выволокся я, холоп твой, в город, и, стоя у тебя, государя, на Постельном крыльце, с своею братиею; и пришед ко мне, холопу твоему, жилец Яков Левонтиев, сын Полуектов, учал меня, холопа твоего, лаеть и называл отца моего холопом боярским, а меня, холопа твоего, холопьим сыном; а отец, государь, мой служил прежним государем: блаженныя памяти государю царю Федору Ивановичу, и государю

царю Василью Ивановичу, и отцу твоему, государеву, блаженныя памяти государю царю Михаилу Федоровичу всеа Русии, многая лета и кровь за вас, государь, проливал; и осадную нужу терпел; и при прежних государех, и при отце твоем, государеве, блаженныя памяти государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии, везде в полковых воеводах был и в бесчестьи никаком не бывал; и служба, государь, и кровь отца моего за вас, государей, известно тебе, государь, и твоим государевым боярам. Да он же, Яков, называл меня, холопа твоего, вором, будто я у него, Якова, выжег деревню и 15 чел. своей братьи дворян разорил. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про ту лаю и бесчестие отца моего и мое сыскать своими государевыми стольниками, стряпчими и дворяны московскими и жильцы. Царь государь, смилуйся, пожалуй!».

«156-го г. июня в 10 день государь пожаловал велел сыскать постельничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву и доложить себя, государя».

В 1649 г., августа 13-го, бил челом царю Алексею Михайловичу Иван Бутурлин на Ивана – Иванова сына Бирдюкина-Зайцова, и подал ссылочную челобитную, а в челобитной писал: «Бьет челом холоп твой Ивашко Бутурлин: в нынешнем, государь, во 157-м году августа в 13 день на Постельном крыльце лаял меня, холопа твоего, Иван Иванов, сын Бирдюкин-Зайцов, матерны, а слышали ту его, Иванову, лаю твои государевы стольники князь Семен – княж Андреев сын Хованской, князь Федор – княж Федоров сын Долгоруков, князь Настас – княж Алибеев сын Макидонской, князь Александр – княж Иванов сын Лобанов, князь Тихон Бораев – сын Кутумов, Иван да Микита Андреевы – дети Вельяминова, Андрей да Василей Яковлевы – дети Дашкова, Андрей Ильин – сын Безобразов. А служу я, холоп твой, тебе, государю, много лет, а бесчестья ни от кого не бывало. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про ту его,

Иванову, лаю сыскать и по сыску мне, холопу своему, оборон учинить по своей государевой милости. Царь государь, смилуйся, пожалуй!».

157 г. августа в 13 день государь пожаловал велел про то сыскать постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву. И постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву стольники и дворяне в сыску князь Федор Долгорукой, князь Анастас Макидонской, князь Тихон Кутумов, Иван да Микита Вельяминовы, Ондрей да Василей Дашковы, Ондрей Безобразов сказали по государеву крестному целованью: в прошлом-де во 157 г. августа в 13 день на Постельном крыльце Иван Бутурлин у Ивана Зайцева прошал шапочных петель жемчужных и Иван-де Зайцев Ивана Бутурлина за то излаел матерны. Да те ж обыскные люди в речех своих прибавили. Микита Вельяминов сказал: Иван Зайцев Ивана Бутурлина излаел матерны и с жемчугом. Василей Дашков сказал: Иван-де Зайцев Ивану Бутурлину молыл: ты-де у меня, блядин сын, окончину изломил. Князь Семен Хованской сказал: промеж Ивана Бутурлина и Ивана Зайцева ничего не слыхал. Князь Александр Лобанов сказал: того-де он не слыхал, как Иван Зайцев Ивана Бутурлина излаел матерны; а то он слышал, как Иван Бутурлин Ивану Зайцеву говорил: лаешь-де ты меня». Решение последовало на основании статьи Соборного Уложения: 158 г., сентября 16-го, указал государь *за честь двора своего* Ивана Зайцева послать в тюрьму, а Бутурлину доправить на нем бесчестья, оклад его.

В 1650 г. князь Лаврентий Мещерский напал на Постельном крыльце на Алексея Дубровского, сына царского казначея, февраля 9-го Дубровский подал государю челобитную: «Бьет челом холоп твой Алешка, казначея Богдана Дубровскаго сынишко. Жалоба, государь, мне на князь Лаврентья княж Михайлова сына Мещерскаго да на Андрея Ильина сына Безобразова: в нынешнем, государь, во 158 году февраля в 8 день приехал я, холоп твой, ночевать в Переднюю

и дожидался я в Столовой; и пришол, государь, в Столовую Андрей Коптев в четвертом часу ночи и велел нам итти в Верх. И князь Лаврентий Мещерской и Ондрей Безобразов взошли на Постельное крыльцо наперед; и как, государь, я пришол на Постельное крыльцо, и князь Лаврентей и Ондрей за мною бросилися, хотели меня убить; и я, холоп твой, от них побежал: и князь Лаврентей, государь, за мною гонял, а Ондрей позади его за мною гонял; а князь Лаврентей, гоняючи за мною, лаял матерны и *всякою неподобною лаею*, и называл *страдничонком*, и говорил такие слова: не дорог-де твой и отец, што привез мертвому немчину голову, отрезав; тебе б-де у меня живу не быть. А брат, государь, его князь Андрей стоял у Архангела (у Архангельскаго собора), а люди с ним с ослопы, ждали меня, как я пойду в Верх. А похвала, государь, князь Лаврентьева давно на меня в убивстве. А в то, государь, время на Постельном крыльце не было никого, только прилучился один Иван Матвеев сын Жеребцов. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то сыскать Иваном Жеребцовым; а будет, государь, не пожалуешь, Иваном Жеребцовым сыскать не укажешь, вели, государь, на него дать свой царской суд и управу в бесчестьи отца моего и матери и в моем бесчестьи. Царь государь, смилуйся!».

«Государь указал по той челобитной про князь Лаврентья Мещерского и про Андрея Безобразова сыскать по своему государеву крестному целованью постельничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву. А в том Алексей Дубровской и князь Лаврентей Мещерской оба слались на *общую правду*, на Ивана Матвеева, сына Жеребцова. И в сыску *общая правда*, Иван Матвеев, сын Жеребцов, по государеву крестному целованью, постельничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву сказал: князь Лаврентей, княж Михайлов, сын Мещерской, Алексея, Богданова сына Дубровскаго, на Постельном крыльце, февраля в 8 день, в четвертом часу ночи, матерны лаел и мать его недоброю матерью называл и бить его посыкнулся; и Алексей-де ему сказал: *не бей*-де ты меня, князь Лаврентей, *отец-де твой моего отца, и дед-де твой деда моего не бивал*, а тебе-де меня

зде на Постельном крыльце не бить. И князь Лаврентей-де его, Алексея, излаял: *страдник*-де ты, бадлива мать, отец-де твой мертваго немчина голову привез. А Алексей-де ему молыл: *сам-де ты страдник*, за што ты хочешь меня бить на Постельном крыльце. А Ширинских князей холопом Алексей князь Лаврентья не называл. А Андрей, Ильин сын, Безобразов его, Алексея Дубровскаго, не бивал и матерны не лаел и ничего дурна не говаривал, и князь Лаврентья унимал».

Дело было решено по известной статье Уложенья, гл. 3 ст. 1; с присоединением еще двух статей, 167 и 168, из 10-й гл., утверждавших решение только на основании *общей правды*, без повального обыска и без ссылок на новых свидетелей, как было сделал Мещерский. На основании этих трех статей ему был сказан следующий указ: «Князь Лаврентей Мещерской! В нынешнем во 158-м году февраля в 9 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии стольник Алексей Богданов сын Дубровскаго на тебя, князь Лаврентья, в бесчестьи отца своего и матери, и в своем, что ты их на Постельном крыльце лаял матерны и всякою неподобною лаею, и говорил: и отец-де твой не дорог; и называл его, Алексея, страдничонком; и государь бы его, Алексея, пожаловал, велел про то сыскать и по сыску указ учинить. И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии указал про то сыскать в правду, по своему государеву крестному целованью. А в том Алексей Дубровской и ты, князь Лаврентей, обослались на *общую правду*, на Ивана Матвеева сына Жеребцова. И *общая ваша правда*, Иван Жеребцов, сказал, по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии крестному целованью: ты, князь Лаврентей, Алексея Дубровскаго на Постельном крыльце матерны лаял и мать его недоброю матерью называл и бить его посыкнулся и отца его, Богдана Дубровскаго, бесчестил, что-де он, Богдан, мертваго немчина голову привез. И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, того дела слушав, указал за *честь своего двора*, что ты на Постельном крыльце говорил *неистовые слова*, тебя, князь Лаврентья, посадити в тюрьму на две недели;

а что ты его, Алексея, и отца его, и матерь лаял и ему, Алексею, и отцу его и матери доправити на тебе бесчестье; а что ты, князь Лаврентей, Богдана Дубровскаго и сына его Алексея после того лаял в другой ряд, и о том тебе государев указ будет у окольничего у князь Дмитрея Петровича Львова».

И марта в 9 день князь Лаврентей послан в тюрьму с истопником.

В 1650 г. бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси князь Иван Волконской Хромой на жильца на Гаврила Богданова сына Карпова, а в челобитной его написано: «В нынешнем во 158 году бесчестил его, князя Ивана, на Постельном крыльце Гаврила Карпов, а называл его *ведуном* и *чародеем*, и про то сыскивал стряпчей с ключом Федор Михаилович Ртищев. И тот Гаврило Карпов Федору Михаиловичу сказал, будто-де его, князь Иванове, заговорное письмо объявилось в судном деле в Большем Приходе, что искал брат его родной, князь Тимофей Волконской, бесчестья его, князя Иванова, на подьячем на Воинке Якунине. И в том-де судном деле и нигде его заговорного письма нет и не бывало, а есть-де в том судном деле заговорное письмо на него, князь Ивана, Воинковы руки Якунина; а Воинка-де сказал про то письмо, что писал он не на него, князь Ивана Хромово, а писано на дядю его, князя Ивана Волконского, что сидел в Холопе приказе, и в том письме он, Воинка, пытан. А подал-де то письмо в суд брат его, князь Тимофей, и государь бы его, князь Ивана, пожаловал велел в Большой Приход послать память».

По справке оказалось: «В Приказе Большого Приходу в судном деле, каково судное дело за рукою судии Мурзы Шипова 149 г., как искал на Туле князь Тимофей Волконской вместо брата своево, князь Ивана Волконсково Хромова, на подьячем, на Воинке Якунине, князь Иванова, бесчестья, и в том судном деле *заговорное письмо*, а подал то письмо на суде князь Ти-

мофей Волконской, а сказал, что то письмо рука Воинкова и в том писме написано: “Боже милостив человек лебедь взгляни на меня, раба Божия Мину, князь Иван Волконской ангельскима очима материным сердцем, а тому б Костентину тетеревина голова язык тетеревин воловья губа, не умел бы против меня искать; а как пойдешь из двора, попадетца первое лычко, и то поднять да в руках смять; да как станешь к суду, и то лычко под него подкинуть: как то лычко смялось, и у того лычка ни ума ни памяти нет, так бы у того Костентина к суду ни путя б ни памяти не было”. А на князь Ивана Хромово Волконсково или на князь Ивана княж Федорова сына Волконского то заговорное письмо писано, того в том письме имянно не росписано».

«Да в том же суде князь Тимофей Волконской подал на Воинка Якунина роспись, а в той росписи написано его, Воинково, всякое воровство и обида, и насильства, и продажа ко многим людем; и как был в приводе и сидел в чепи и в железах. А Воинко Якунин на суде ж князь Тимофея и брата его князь Ивана Волконских уличал словесно и подал писменную ж роспись, а в той росписи написано Волконских ко многим людем обида ж и насильства и налоги и продажа, и у кого поместною землею и угодьи и людьми крестьяны завладели насильством; и как его, Воинковых, людей и крестьян били и в болота сажали; и ко вдовам малопоместным приезжали и били, и мучили, и, вымуча крепости, землями завладели ж, а их с поместей согнали. А про ведовство и про коренье в том судном деле писменых и словесных упрек на Волконских не объявилось. И в нынешнем во 158 г. против того заговорного письма Воинко Якунин роспрашиван и пытан, а в распросе и с пытки Воинко сказал: то заговорное письмо рука его, писал с ребячества, по сказке Донского казака Федора Александрова; а писано то писмо приказу Холопья суда на судью, на князь Ивана княж Федорова сына Волконского прозвище Лося, потому быть было перед ним у него Воинка с толмачом с Костентином суду в подговорной в беглой его жонке; и тем писмишком обернуты были всякие крепости, а крепости были в сундуке, и тот сундук с платьем и с крепости покрали тати из паперти церкви

Всех Святых, что на Кулишках; и то писмишко пропало в тое ж пору. И февраля в 15 день боярин князь Иван Никитич Хованской да думной дворянин Богдан Федорович Нарбеков да дьяки Иван Патрикеев да Арт<емий> Хватов по тем Воинковым пыточным и роспросным речем докладывали бояр, и бояре, слушав докладной выписки, приговорили того Воинка, пытав, сослать в Сибирские городы».

В 1651 г. жаловался Андрей Чубаров: «Бьет челом холоп твой Ондрюшка Чюбаров. В нынешнем, государь, во 160-м году, октября в осмый день, пришел я, холоп твой, на Постельное крыльцо и учал меня, холопа твоего, бранить и называл меня, холопа твоего, *вором* и *разбойником* Ондрей Петров сын Зиновьев; и будто я, холоп твой, за воровство приведен был к плахе; и будто он, Ондрей, ведает про то, у кого я от плахи откупился; а я, холоп твой, на разбое не бывал и к плахе не приваживан и ни у кого от плахи не откупывался. И тем меня, холопа твоего, он, Ондрей, обесчестил. Да он же, Ондрей, октября в 7 день бранил меня, холопа твоего, матерны в сенех перед Грановитою палатою. И в то время меня, холопа твоего, он, Ондрей, обесчестил же. А как он, Ондрей, ныне меня, холопа твоего, на Постельном крыльце обесчестил и в сенех перед Грановитою палатою бранил, и в то время слышали многие люди. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, про ту брань сыскать, кому ты, государь, укажешь. Царь государь, смилуйся!».

В то же почти время Михайло Кутузов бранился с князем Григорьем Козловским, который не замедлил пожаловаться. «Бьет челом холоп твой Гришка Козловской, жалоба, государь, мне на Михаила Васильева, сына Кутузова: в прошлом, государь, в 160 г. обесчестил он меня, холопа твоего, на *Постельном*

крыльце у *переградных дверей*, называл меня *пьяным князем* и иными словами меня бесчестил. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то мое бесчестье сыскать, которые про то на Постельном крыльце слышали; и тем, государь, подам имянную роспись, кому про то мое бесчестье по твоему, великаго государя, указу указано будет сыскать. Царь государь, смилуйся!»

По сыску, произведенному постельничим в 165 г. октября 13-го, свидетели показали: «Сказал Иван Перфильев, сын Образцов, по святой Христовой непорочной евангельской заповеди: князь Григорей Козловской с Михаилом Кутузовым бранился ли или нет, того я не ведаю, на Постельном крыльце, то моя и сказка. Сказал Петр Кокорев, по святой Христовой евангельской заповеди: как был шум на Постельном крыльце у Михаила Кутузова с князь Григорьем Козловским, и князь Григорей говорил Михаилу Кутузову: *красная-де у тебя искра в лице* мерн…-де ты Михаила человек. По святой и непорочной Христовой евангельской заповеди сказал Матвей Кокорев: говорил князь Григорей Козловской Михаилу Кутузову: *есть-де у тебя в лице искра пьяная*, а он, Михаила Кутузов, называл его *антоном*, князь Григорья Козловского; то моя и сказка. По святой непорочной евангельской Христовой заповеди сказал князь Михайло Ухтомской: на Постельном крыльце Михайло Кутузов князь Григорья Козловскаго называл, што у него ус мокр, а назвал его пьяным: *а каков беш у тебя батюшка был*; и говорил Михайло же князь Григорью: помнишь ли скать, как в Троицком походе, как-де ты с каменьем ганивал, и хотели-де тебя на вехах повесить. По святой непорочной евангельской заповеди сказал князь Иван Ухтомской: Михайло Кутузов князь Григорья Козловскаго пьяным называл, а иные слова ему бесчестные говорил; а как говорил, того я не упаметую, то моя и сказка».

В 1653 г. жаловался Никифор Нерыбин: «Жалоба, государь, мне на Ивана Волкова: в нынешнем, государь, во 162 г.

декабря в девятый день называл он, Иван, меня, холопа твоего, своим озорничеством на Постельном крыльце вором, и тем он, Иван, меня бесчестил; и при ком он, Иван, своим озорничеством *вопил на Постельном крыльце шумко* и называл меня, холопа твоего, вором, и тех имена под сею челобитною. Милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то его, Иванова, озорничество сыскать и по своему государеву указу и по сыску свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй!» – Государь пожаловал велел указ учинить постельничему Федору Михайловичу Ртищеву.

В 1674 г. в Коломенском поссорились стольники Салтыковы со стряпчим Фустовым и тотчас же принесли на него жалобу, сначала словесно, а потом подали на письме челобитную, в которой объясняли: «Бьют челом холопи твои Федка да Алешка Салтыковы: в нынешнем, государь, в 183 г. октября в 6 день в с. Коломенском бесчестил отца нашего, боярина Петра Михайловича, и нас, холопей твоих, и весь род наш Никифор Захарьев, сын Фустов *всякою неподобною лаею*. Милосердый государь! Пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, про то сыскать и по сыску свой, великаго государя, милостивой указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй!»

При этом Федор Салтыков подал ссылочную *роспись* и писал: «В сенех стал ему говорить, Микифору, Иван Бутурлин: за что ты Федора и Алексея бесчестишь? И он, Микифор, ему сказал: не велит-де государь за воров повесить. На крыльце на нижнем слышали, как он, Микифор, нас бесчестил, князь Иван Волконской, князь Иван Гагарин, Илья Дмитреев, князь Михайла Крапоткин, Василей Рагозин. За воротами слышали, как он, Микифор, нас бесчестил: Микита Пушкин, Тимофей Чоглоков, Дмитрей Лихорев».

«Государь указал сыскать постельничему Федору Алексеевичу Полтеву, походными стольники и стряпчими, против росписи, и стряпчаго Микифора Фустова спросить. И по ука-

зу великаго государя постельничей Федор Алексеевич Полтев против ссылочной росписи стольников и стряпчих и стряпчего Микифора Фустова допрашивал. И походные стольники и стряпчие и Микифор Фустов подали сказки.

Сказал князь Иван Волконской: в нынешнем в 183 г. октября в 6 день говорил мне, князь Ивану, в с. Коломенском у нижнего крыльца Микифор Захарьев, сын Фустов: нападают-де на меня Федор да Алексей Салтыковы и, приехав-де они на двор к Ивану Кирилловичу Нарышкину, *называли меня сумасбродным и пьяницею при человеке моем*; а я-де ведаю, иной Салтыков в соборной церкви у образа Одигитрея Богородицы *жемчюг ободрал и в Польшу отъехал*; а иной деи Салтыков у князь Никиты Ивановича Адоевскаго на дворе *жемчюг украл и за то бит батоги*, и то-де записано на Казенном Дворе. А как их, Салтыковых, зовут, и про то мне не сказал, то моя и сказка.

Сказал князь Иван Гагарин: в нынешнем в 183 г. октября в 6 день в Коломенском, на Государеве дворе, у крыльца, говорил Микифор Захарьев, сын Фустов: *пропадал-де я от воров от Ляпуновых*, а ныне-де пуще тех воров насели на меня Федор да Алексей Салтыковы: только-де я тех и сам выношу, скажу-де про их, Салтыковых, как украл Салтыков у князя Никиты Ивановича Адоевскаго одиннадцать золотников жемчюгу и приведен-де на Земской Двор и бит на Земском Дворе батоги, и то-де записано на Казенном Дворе. Да их же-де Салтыков ободрал образ Пречистыя Богородицы и побежал-де в Литву и его-де изымали и за ту вину четвертовали, руки и ноги отсекли.

Сказал Иван Бутурлин: Микифор Фустов бранил Ляпуновых и говорил про них, что он, Ляпунов, грабил соль великаго государя, иных ворами называл глухо; кого называл, того не ведаю; а Салтыковых на имя не называл, называл глухо ворами; а про Салтыковых ничего не слыхал; а те его слова в сенех были и на крыльце.

Сказал Илья Дмитреев: говорил мне Микифор Фустов, что человеку его говорил Федор Салтыков, не ведая того, что

Микифора человек, што Микифор будто с ума сшел; и Микифор говорил: я-де ведаю то, што иной Салтыков украл у Богородицына образа жемчуг и отъехал в Польшу и в Польше голову отсекли; а которой именем не сказал; а иной-де Салтыков украл у князь Никиты Ивановича Адуевскаго жемчуг, и за то Салтыкова били ботоги и записано то на Казенном Дворе; а которой Салтыков именем, того не сказал; а говорил на нижнем крыльце.

Сказал Васка Рогозин по евангельской заповеди Господней: как Микифор Фустов называл Ляпуновых, что оне на Москве на карауле стрельцов побили, то я слышел, что он, Микифор, говорил; а как с Федором Петровичем Салтыковым учинилась ссора, и я в то число на дворе не был и ничего не слыхал.

Сказал Мишка Кропоткин по святой непорочной евангельской заповеди: у Микифора Фустова с Федором Салтыковым вчерашнего числа какая ссора была и где, того я не ведаю, и про Салтыковых какие бесчестные слова говорил ли Микифор Фустов, того я сам не слыхал и тут не был; а Ляпуновых Микифор Фустов ворами называл, то я слышал; только не в те поры, как у него ссора была с Федором Салтыковым, а называл Ляпуновых ворами, что-де Григорей Ляпунов великого государя соль разбил, а Якова-де Ляпунова ныне привел я в Стрелецкой приказ и во многом-де воровстве Яков Ляпунов объявился, а про Салтыковых про Федора и Алексея я вчерашняго числа от него, Микифора, никаких слов не слыхал.

Сказал Тимошка Чеглоков по евангельской заповеди Господни, еже ей-ей, в правду: Микифор Фустов Ляпуновых ворами и кореншиками и подпищиками называл; а Салтыковых ворами изменниками называл; родители-де их в соборе образ Богородицы ободрали и в Литву сбежали; и прадеду-де их руки и ноги обсекли за воровство; а говорил он на крыльце.

Сказал Никита Пушкин: в нынешнем в 183 г. октября в 6-м числе в с. Коломенском у ворот лаял Микифор Захарьев, сын Фустов, матерны Салтыковых, а кого именем – того не го-

ворил, а сказывал: иной-де Салтыков *цату оторвал у Богородицына образа* и отъехал в Польшу, то моя и сказка.

Сказал Дмитрей Лихарев: в нынешнем в 183 г. октября в 6 день в с. Коломенском перед Государевым двором, у ворот, Никифор Захарьев, сын Фустов, говорил мне: разорили-де меня воры Яков да Василей Львовы, дети Ляпуновы, а кто-де за них стоит и те-де им же подобны; и я его спросил, кто за них стоит? И Никифор сказал: Федор-де да Алексей Салтыковы; и я-де знаю и то: иной Салтыков икону Пресвятые Богородицы ободрал и отъехал в Польшу, а иной-де Салтыков украл жемчугу у князь Никиты Ивановича Адуевскаго и за то-де бит батоги и записано на Казенном Дворе; да и *у меня*-де *в Царственной книге написано*; а матерны при мне того числа не лаивал.

Сказал Микишка Фустов: октября в 6 день, будучи за великим государем в походе в с. Коломенском, били челом великому государю на меня спальники Федор да Алексей Петровичи Салтыковы в бесчестьи своем, будто я их бесчестил всякими словами, и я их не бесчестил, а изволил мне говорить Федор Петрович про Ляпуновых, и я говорил про Ляпуновых, как они, Ляпуновы, приведены были в Стрелецкой приказ; а про них, Федора да Алексея, никаких слов не говаривал и в том шлюсь на аспод своих, на походных стольников, на всех без выбору, окроме их (Салтыковых) свойственников, дядьев и племянников, – то моя и сказка, а сказку писал я, Микишка, своею рукою».

В том же 1674 г. бил челом государю стряпчий Иван Хрущов на стряпчего Александра Протасьева, что он, Александр, «*на его, великого государя*, дворе прошиб у него, Ивана Хрущева, *кирпичом голову*. Государь указал сыскать думному дворянину и ловчему московского пути Афанасью Ивановичу Матюшкину; а по сыску Протасьев вместо кнута бит батоги нещадно, за то, что он ушиб Хрущева на его государеве дворе,

перед ним, великим государем. Да на нем же, Александре, велено доправить Хрущеву бесчестья вчетверо».

В 1676 г. поссорился Евсигней Неелов с Романом Цымармановым: «Бьет челом холоп твой Евсигнейка Неелов на Романа Цымарманова и на сына его Ивана: в нынешнем, государь, в 183 г. марта в 1 день Роман и сын его Иван на твоем государеве Постельном крыльце у переграды при многих людех бесчестил меня, холопа твоего; и называли Роман и сын его Иван *вором*, и *зершиком*, и *бунтовщиком*, и будто, государь, в Иноземском приказе указано меня, холопа твоего, бить кнутом безвинно. Того ж, государь, числа Роман и сын его Иван в Стрелецком приказе меня, холопа твоего, били, и сын его Иван хотел зарезать ножем; и дьяк Федор Кузмищев подьячим и денщикам велел меня проводить из приказу и убить до смерти не дал. Роман же поклепал меня, холопа твоего, *изменою*, будто я, холоп твой, с ворами и с бунтовщиками приходил в с. Коломенское к тебе, великому государю, пойман и приведен, из-за пристава ушел. Да он же, Роман, поклепал меня, холопа твоего, смертным убийством, будто я, холоп твой, твоего государева дворцового с. Танинскаго крестьянина Афоньку Андреева убил до смерти. А в твоем, великого государя, указе и в Соборном Уложеньи напечатано: кто кого на твоем, великого государя, дворе обесчестит словом и *за твою, великого государя, честь двора*, по сыску, и кто кого обесчестит, посадить его на две недели в тюрьму, а кого обесчестит – и ему доправить бесчестье. Милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то озорничество Романа Цымарманова и сына его Ивана, что бесчестил меня, холопа твоего, на твоем государеве Постельном крыльце, у переграды, вели, государь, сыскать, кому ты, великий государь, укажешь и по сыску свой, великаго государя, указ учинить; а которые, государь, люди на Постельном крыльце у переграды были и слышали, как Роман и сын его Иван меня,

холопа твоего, обесчестили, и я, холоп твой, тем людям подал роспись. Царь государь, смилуйся, пожалуй!»

«183 г. марта в 3 день государь пожаловал велел про то сыскать и указ учинить по Уложенью постельничему Федору Алексеевичу Полтеву».

В 1683 г. боярин князь Троекуров разбранил царского печатника Дементия Минича Башмакова в самом Верху, т. е. у Комнат государей, среди верховых домовых государевых церквей, и к тому же в день царского тезоименитства, именно в именины Петра. Обиженный Башмаков писал в челобитной царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу: «В нынешнем, государи, в 191 г. июня в 29 числе на праздник Святых Верховных Апостол Петра и Павла бесчестил меня, холопа вашего, боярин князь Иван Борисович Троекуров у вас, великих государей, в Верху меж соборныя церкви Воскресения Христова и где Гроб Господень *непристойными словами*. А как, государи, он, боярин князь Иван Борисович, меня, холопа вашего, теми непристойными словами бесчестил и в то время были и слышали окольничей Петр Тимофеевич Кондырев, думный дворянин Аврам Иванович Хитрово, стольник Андрей Петров, сын Измайлов. Милосердые государи! Пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, про то сыскать, а по сыску свой, великих государей, указ учинить. Цари государи, смилуйтеся!» – Думный дьяк Федор Шакловитый после доклада царям пометил: «191 г. июня в 30 день государи пожаловали велели про то по Уложенью сыскать и по тому сыску доложить себя, государей, постельничему Кирьяку Ивановичу Самарину».

Дело, однако ж, не двигалось, потому что указанные свидетели по требованию постельничего сказок не давали, так что 8 июля он докладывал об этом царям, прося разрешения, как поступить. Видно, на сторону Башмакова никто не тянул, может быть, потому, что он был дьячей породы и дьячество, как

мы видели, не слишком уважалось дворянством, ибо именем дьяка они даже ругались. Башмаков, однако ж, не оставлял своего бесчестья и подал еще две челобитные: одну – 20 июля, другую – 28 августа, на которых была повторена теми же словами помета. Чем дело кончилось – мы не знаем.

Спустя несколько дней также в Верху у государей перед Теремами князь Борятинской выбранил стряпчего Андрея Дашкова, который тотчас же бил челом: «В нынешнем, государи, в 191 г. июля в 8 день в Верху у церкви Всемилостиваго Спаса на площади, где ему не велено ходить, князь Яков – княж Семенов сын Борятинской называл меня, холопа вашего, *бездушником*: а кто, государи, слышали, и я, холоп ваш, подам роспись тем людем. Милосердые государи! Пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, про то розыскать и в моем бесчестьи свой государев милостивой указ учинить. Цари государи, смилуйтеся!» – Имена, которые слышали, как называл бездушником: думной дворянин Иван Богданович Ловчиков, стольник судья Судного Дворцоваго приказа Михайло Борисович сын Челищев. – «191 года июля в 17 день государи пожаловали велели про то розыскать и указ учинить постельничему Кирьяку Ивановичу Самарину с товарищи».

В то же самое время побранились стольники Свиньин с Колычевым, причем обесчещенный Свиньин подал жалобу: «Бьет челом холоп ваш, Ивашко Смирново, сын Свиньин. В нынешнем, государи, в 191 г. июля в 4 день, перед вашими государскими хоромы за переградою и на Постельном крыльце бесчестил меня, холопа вашего, и бранил Иван Яковлев – сын Меншой Колычев. Называл *небылицею* и *сынчишком боярским*. Милосердые государи! Пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, в таких бесчестных словах розыскать. А кто, государи, в то время были, и я, холоп ваш, к розыску принесу именам их роспись. Цари государи, смилуйтеся, пожалуйте! – Роспись, которые были в то время, как меня, Ивана Свиньина, обесчестил Иван Яковлев сын Меншой Колычов: боярин князь Михайло Андреевич Голицын, окольничей князь Матвей Веденихтович Оболенский». «191 г. июля в

21 день государи пожаловали велели сыскать постельничему Кирьяку Ивановичу Самарину с товарищи.

Мы видели, что расходившихся и разобиженных царедворцев ничто не могло унять, когда они считались и бранились между собою. Мало останавливала их статья Уложения, сулившая тюрьму и денежную бесчестную пеню, – статья, которая, со своей стороны, служит самым ярким и убедительным свидетельством, что царский дворец очень часто оглашался неистовою бранью от своих же ближайших слуг-бесстрашников, что вообще закон явился как неизбежная мера против буйных нравов царедворства. То же свидетельствуют и указы последующего времени. В 1683 г. генваря 4-го объявлено общее подтверждение, чтобы стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, всякий в свое дневанье сидели в указных палатах смирно и меж себя бесчинства и шума никакого и брани не чинили, а кто будет бесчинствовать и шуметь и меж себя браниться, и тех велено присылать в Разряд. Даже большие, приближенные люди нисколько не отличались в своих поступках от младших, *площадных* людей. Их точно так же не останавливала ни близость царских покоев, где они, впрочем, постоянно и находились, ни близость особы государя. Часто в его присутствии начиналась брань. Так, в 1652 г. ноября 22-го «сидел государь с бояры в Думе»: боярин и оружейничий Гаврила Пушкин и брат его окольничий Степан Пушкин бранились в его присутствии с боярином князь Юрьем и окольничим князь Дмитрием Долгорукими за то, что им, Пушкиным, меньше их, Долгоруких, быть не можно; за что, разумеется, и посланы были в тюрьму. Но о местнических счетах мы не говорим. Сила их была так велика, что нередко и страх государевой опалы ничего не мог сделать против подобных споров и протестов. Здесь, по крайней мере, буйный протест оправдывался официальным значением местнических счетов, так что протестовавший иногда оставался пра-

вым. Но привыкшие стойко и всегда грубо считаться о местах, искать своего права, бояре с тем же буйством вели себя и в случае простых личных оскорблений, которые они всегда умели связать с оскорблением всему роду, и грубое слово, сказанное лицу, распространяли на бесчестье отцов и дедов, братьев и племянников. Впрочем, необходимо заметить, что и противники в своих ругательствах пользовались всяким случаем, чтоб припомнить и как можно сильнее задеть какие-либо родовые старые грешки, бесчестившие весь род поголовно. Так, в 1691 г. брань возникла между двумя самыми знатными и значительными лицами – между знаменитым впоследствии князем Яковом Долгоруким и князем Борисом Алексеевичем Голицыным, дядькою Петра – любимым и влиятельным человеком. Желябужский рассказывает в своих Записках: «Побранился князь Яков Федорович Долгорукой в Верху с боярином князь Борисом Алексеевичем Голицыным, называл он, князь Яков, его, князь Бориса Алексеевича, *изменничьим правнуком*, что при Росстриге прадед его, князь Бориса Алексеевича, *в Яузких воротах был проповедником*. И за те слова указано на нем, князь Якове Долгоруком, боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну, и отцу его, боярину князю Алексею Андреевичу Голицыну, и братьям его всем (доправить бесчестье); а *за бесчестье палатное*, что он, князь Яков, говорил в государевой палате при боярах, послан он, князь Яков, был в тюрьму; и не довели его, князь Якова, до тюрьмы, воротили от Спасских ворот».

В таком виде, вероятно, ходил об этом слух по городу. Подлинное дело, впрочем неполное, рассказывает этот случай таким образом: «1692 г. генваря 28-го боярин князь Борис Алексеевич Голицын бил челом великим государям словесно, что 28 числа в хоромах великого государя (т.) Петра Алексеевича комнатные стольники князь Яков да князь Григорей княж Федоровы дети Долгорукие его, боярина, бранили и всякими скверными и неподобными словами бесчестили. Да в то ж время бесчестили они отца его, боярина князя Алексея Андреевича», и просил, чтоб великие государи пожаловали, велели б

про то бесчестье свидетельми, кто в то время были, сыскать и по сыску указ учинить. Расследовать дело поручено было боярину Тихону Никитичу Стрешневу, который на другой день, генваря 29-го, сделал допросы свидетелям.

Стольник Сергей Аврамов сын Лопухин сказал: генваря 28 числа в комнате у великого государя Петра (т.) боярина князя Б. А. Голицына стольники князь Яков и князь Григорей Долгорукие словами бесчестили и называли ево пьяным и говорили: "Напрасно брат наш кнот посадил в живот Дмитрею Мертвому, посадить было кнот тебе в живот; напився ты пьян и за собою пьяных полк возишь и их тешишь, а нас ругаешь".

Федор Опраксин сказал: сего генваря в 28 день в комнате у великого государя Петра Алексеевича стольники князь Яков да князь Григорей княж Федоровы дети Долгоруково боярина князя Б. А. Голицына бесчестили и говорили: "Для чего ты велел бить держальнику своему, Дмитрею Мертвому, брата нашего князя Бориса?" И боярин князь Борис Алексеевич говорил: "Что ты на меня нападаешь, я бить брата твоего не веливал". И против того князь Яков Долгорукий говорил: "Побей нас здесь. Мы бы из тебя пьянство то твое збили. И не Дмитриево то дело класть кноты-те тебе". И пьяным называли многажды: "Пьяных ты возишь атаманов и велишь нас бить".

Стольник князь Юрья княж Яковлев сын Хилков сказал: генваря 28 в комнате у великого государя Петра Алексеевича стольники князь Яков и князь Григорей Долгорукие боярина князя Б. А. Голицына бесчестили и говорили: "Для чего-де ты велел бить держальнику своему Дмитрею Мертвому брата нашего князя Бориса?" И боярин князь Борис Алексеевич Голицын говорил: "Что-де ты на меня нападаешь, я-де брата вашего бить не веливал". И князь Яков Долгорукий говорил: "Побей нас здесь, мы из тебя пьянство то твое собьем; и не Дмитреево дело было класть кноты-те тебе". И пьяным называли его многажды: "Пьяным ты, атаман, и велишь нас бить: поди переведайся с братом нашим князем Борисом: он тебя дожидается у Спаса".

То же почти слово в слово показали Тимофей Юшков и Федор Федорович Плещеев. Стольник Михайло Петров Измайлов сказал, что ссоры не слыхал, приехал поздно, после той их ссоры.

Стольник Иван Большой Иванов сын Бутурлин сказал: генваря 28 в комнату у великого государя Петра Алексеевича боярина князя Б. А. Голицына стольники князь Яков и князь Григорей Долгорукие какими словами бесчестили, того он не слыхал, потому что он в то время в комнате не был. А как он, Иван, того числа приехал в Верх и пришел в Переднюю, и в Передней князь Яков и князь Григорей Долгорукие со стольником с князем Дмитреем княж Михайловым, сыном Голицыным, считались и говорили они, князь Яков и князь Григорей, про боярина князя Бориса Алексеевича и называли его пьяным, и теперь-де он пьян. И говорил же он, князь Яков: “Кабы он за ево, князь Яковлев, хотя за один волос принелся и мы бы из него и прошлогоцкие дрозжи выбили”. А иных никаких слов от них, князя Якова и князя Григорья, в то время не было и боярина князя Бориса Алексеевича при том их счете в Передней не было ж. А преже того его, боярина, они какими словами бесчестили, и в то-де время в Верху в хоромах он, Иван, не был.

Василей Соймонов сказал: как он шол чрез комнату (с) стряпьнею, и в то число боярин князь Б. А. Голицын со стольники с князем Яковом да с князем Григорьем говорили шумко; а что говорили, того он не слыхал.

Комнатный истопник Иван Михайлов сказал: генваря 28 числа в Комнате у царя Петра Алексеевича стольники князь Яков и князь Григорей Долгорукие с боярином со князем Б. А. Голицыным, стоя, говорили меж собою. А какие слова говорили, того он не слыхал, потому что в то время он шел чрез комнату мимо их в Среднюю комнату вскоре; а подле их не стоял и речей их не слушал.

Окольничий Иван Афанасьевич Матюшкин сказал: генваря 28 стольники Долгорукие в Комнате у великого государя царя Петра Алексеевича боярина Б. А. Голицына бесчестили,

называли пьяным и “откудыва-де ты, пьяный князь, взял то себе, что, призвав к себе в дом своего брата, и велел держальнику своему бить? Напрасно брат наш держальника твоего поколол. Колоть было тебя. Лутче б ты кноты-те в себя клал, а не в держальника, чем ты держальника тово заставливаешь нас бить. Задери ты нас здесь. Мы б из тебя прошлогоцкие пьяные дрожжи выбили”. А иные какие слова они говорили, того он не упомнит.

Да того ж генваря в 29 боярин князь Борис Алексеевич о бесчестье своем, какими словами князь Яков и князь Григорей Долгорукие бесчестили ево, подал письмо, а в письме пишет: (начала нет)… скверными и неподобными словами меня, князь Бориса, стольники князь Яков да князь Григорей Долгоруков, а называл пьяницею и будто таких же, собрав пьяных, и вожу с собою; и будто, напоя держальников своих, таких же пьяных, что и сам, велю бить брата их, князя Бориса; и будто я их вожу, ту пьяную станицу, не в причинныя места, куды и возить не надобно. Да они ж говорили: “Напрасно-де эте кноты кладут в Мертвова, тем было кнотам ходить в тебя; да и так-де полно увернулся за сани; быть было в тебе ножу”. Да они ж говорили: “Поди теперво! Вон брат князь Борис дожидается у Спаса в Верху. Подери его за волосы, так из тебя и оходы вырежет. А се подь сюды, мы скорее вырежем оход и выпустим кишки, и лучше (?) из тебя годовалые дрожди выбьем! Ты весь налит вином”. Да они ж говорили: “Се налив белма об угол не ударишься. Чем брата нашего за волосы драл, ты бы отца своего за бороду драл”. Да они ж говорили: “Не дорожи делом, ныне не старая пора, с мечами стоять не велите”.

И генваря в 30 день по указу великих государей велено по вышеписанному письму боярина князя Бориса Алексеевича про те слова, чего в сказках свидетелей не написано, тех свидетелей допросить же. Свидетели показали, что иное из тех слов не слыхали, а остальное слышали, и двое прибавили следующие подробности.

Февраля 2-го стольник Федор Опраксин показал, что Долгорукие говорили: “Поди, брат князь Борис, приехав, до-

жидается тебя у Спаса; изволь ево подрать за волосы, так он из самого из тебя печень вырежет; или нас изволь подрать, мы из тебя из самого пьянство-то выбьем!" Да они же без него, боярина Бориса Алексеевича, считались со стольником, с князем Дмитрием Голицыным, и говорил он, князь Григорей: "Напившись, брат твой пьян об угол головою не ударился; кабы он постарее брата нашего, отца за бороду поймал". Да князь Яков говорил боярину князю Борису Алексеевичу: "*Не старая вам пора с мечами нас ставить; пора вам в себе и осмотритца*".

Окольничий Иван Афанасьевич сказал: того, что будто он, боярин князь Борис Голицын, возит пьяную станицу не в причинныя места, куды и возить не надобно, он не слыхал, а говорили они (Долгорукие), что он пьяных атаман и, собрав пьяных, водит короводом и их нами тешит. А те речи, что "и так-де толко увернулся за сани, быть было в нем ножу", он слышел, что быть было в нем вилкам, а про нож не слыхал. А из тех слов, что, поди-де теперво, брат князь Борис дожидается у Спаса в Верху, подери-де его за волосы, так-де из него и оходы вырежет; а се поди суды, мы скорее вырежем оход и выпустим кишки, – слышал он только, что: "Поди к Спасу, брат-де князь Борис дожидаетца. Он-де гостинцы с тобою разделит. У него не уйдешь". Или: "Поди-де к нам, мы из тебя скорее пьянство вышебем". А что "де он весь налит вином и, налив бельма, об угол не ударишься", – и что "не дорожи-де делом, ныне не старая пора, с мечи стоять не велите", – те слова он слышел. А что те слова: "чем-де брата нашего за волосы драл, он бы-де драл отца своего за бороду" – говорил про него, боярина князя Бориса Алексеевича, князь Григорей Долгорукой брату ево стольнику князю Дмитрею Голицыну без него, боярина».

Как видно, боярин настаивал на том и просил государей, чтоб оскорбители его чести были наказаны примерно. Об этом свидетельствует челобитная Долгоруких, в которой они объясняют: «Учинилась у нас ссора на словах и в сыску, которые допрашиваны и из них иные, ища с ним, боярином, дружбы и опасаясь его, сказали то, чего мы не говаривали. А в той ссоре (и Голицыны) нас бранили и словами бесчестили.

И по тому сыску боярин бьет челом на нас о странном и необыкновенном указе, хотя нами образец учинить и исполняя злобу свою, хотя нас обругать напрасно. А у нас с ними ссора учинилась не странная, брань такая, какия всегда между нами за недружбы бывают. И на такия брани свидетельствует указ (царя Алексея Михайловича): у кого учинится с кем брань в ваших государских хоромах, в Уложеньи напечатано в 3 главе 1 и 2 статьи; а кто кого обесчестит и за то указы не такие, о чем он, боярин, бьет челом, хотя исполнить по злобе намерение свое. А свидетельствует на то указ в Уложеньи в 10 главе 27, 30 до 91 статьи: за бесчестье патриарха велено отсылать головою, за митрополитов – велено сажать в тюрьму, а за бесчестье бояр, не токмо на нашей братье – и на людях самых низких чинов и на городовых детях боярских велено править бесчестье. И тот указ и доднесь стоит нерушим и на обновление против того указу новоуказных статей никаких нет, а вершат и до ныне все такие дела тем указом. И в нынешнем (1692 г.) по докладу из Приказу Большего Дворца боярину князю Михаилу Алегук<овичу> Черкасскому за бранное бесчестье на Андрее Бахметеве велено доправить бесчестье, а иного ничего ему, Андрею, не учинено. А он, боярин (Голицын), челобитьем своим указывает на примерные дела, в которых указы чинены, кроме Уложенья, в отеческих делах, также за жестокое и дерзкое вам, государям, челобитье. А по вашему указу указано дела по примерам вершить такие, о которых в Уложеньи не напечатано и в новоуказных статьях нет. А о сем нашем деле ясный указ отца вашего (царя Алексея). А он, боярин, бьет челом об указе чрез Уложенье, хотя показать силу свою, видя нас перед собою упадлых. Милосердые государи! Велите сыскать по Уложенью и не велите чрез указ отца вашего и за службы и крови и за смерти сродников наших и за наши службишки чрез Уложенье безвинно обругать, чтоб нам вашим государским Богоподражательным правосудием и истиною не предатися в руки сильного и безвинно обруганным не быть». Неизвестно, чего именно просил Голицын. В деле также не находится указания на то, о чем

именно говорит Желябужский, что Яков Долгорукий бранил Голицына изменничьим правнуком.

«1692 г., марта 2, великие государи, слушав сего дела в Комнате, указали: по сыску свидетелей, стольников князя Якова и князя Григорья Долгоруких за бесчестье бояр князя Алексея Андреевича и сына его, князя Бориса Алексеевича Голицыных, что они в его, великого государя, Комнате их, бояр, бранили всякими скверными и неподобными словами бесчестили, – послать в тюрьму. Да на них же за бесчестье им, боярам, взять денежные их оклады сполна. А что они довелись по Уложенью за честь их государскаго Двора послать в тюрьму, и великие государи пожаловали, за то их в тюрьму посылать не указали…

И для взятья по окладам их денег в Розряд посыланы и из Розряду к ним (Долгоруким) на дворы подьячие многажды и по тем посылкам они тех денег в Розряд не прислали. И июля 13 для правежу тех денег взято в Розряд людей с двором их по 2 чел. и поставлены на правеж. А июля 30 они били челом, что им тех денег заплатить нечем и чтоб великие государи пожаловали их, велели им те деньги по Уложенью собрать в перевод. Но в Розряде указу великих государей о том не состоялось[1]. А люди их стоят на правеже 1692 г. июля с 13, декабря по 10 число 1693 г., итого год 5 мес. и 27 дней. А в боярской книге 200 г. боярину Алексею Андреевичу денежной оклад с придачами 800 руб.; а Борису Алексеевичу в кравчих и в боярех денежного окладу не учинено. И по окладу доведется взять по 800 руб., итого 1600 руб. И в том против окладу люди их (Долгоруких) на правеже указные месяцы с 13 июля 200 г. ноября по 13 нынешняго 202 г., итого год 4 мес. выстояли. А буде боярину Борису Алексеевичу оклад учинить против кравческой чести 350 руб. и к тому новичному окладу придачи ему справить заслуженые в той же чести,

[1] На правеже за каждые 100 руб. по Уложенью следовало стоять целый месяц. Переводом называлось, когда по просьбе ответчика переводили взыскание и на другой месяц, т. е. дозволяли стоять два месяца. Но больше тянуть дело не дозволялось. (Гл. 10. – Ст. 261).

итого будет 790 руб.; и доведется взять за бесчестье на Долгоруких по 790 руб., итого 1580 руб.; и людем их на правеже доведется стоять декабря с 10 числа 202 г. 7 недель и 3 дни. Итого за бесчестье бояром Голицыным на Долгоруких доведетца взять 3180 руб. А буде боярину Борису Алексеевичу учинить денежной оклад отца его 500 руб. и по тому окладу доведется на правеже стоять 10 мес., итого за бесчестье 2600 руб.».

Но Долгорукие, как ими объяснено, не могли уплатить такой суммы, и по Уложенью гл. 10, ст. 91 следовало их бить кнутом, чего вначале, может быть, и искал их соперник князь Голицын. Дело, однако, тянулось и окончилось со стороны Голицыных отказом от взыскания по случаю смерти Голицына-отца. Уже через три года Голицын-сын подал к делу следующее челобитье: «Бьет челом холоп ваш Бориско Голицын. По вашему, великих государей, указу по делу в Розряде указано отцу моему, боярину князю Алексею Андреевичу, и мне на князе Якове да на князе Григорье Долгоруких бесчестье; и отец мой при кончине своей приказал мне того бесчестья на них имать не велел и велел о том принесть к делу челобитную. Так же и я, холоп ваш, о своем бесчестье на них по тому делу вам, великим государям, не челобитчик. *На обороте:* 203 г. мая в 8 день по указу великих государей боярин Тихон Никитич Стрешнев приказал се челобитье записать в книгу, а челобитную взять к делу. *Собственноручно*: Бориско Голицын по указу родителя своего, боярина князь Алексея Андреевича завещаном, яко волею о своем, акожде и моем бесчестии неимания, волею ево родительскую, рукою поткрепил».

Если такие знатные и почтенные особы позволяли себе бесчинствовать в царских палатах, то меньшим людям нельзя и в грех ставить их частые побранки на Постельном крыльце, где всегда собиралось много молодежи и где, следовательно, по многолюдству и по незрелости лет ссоры были делом самым обыкновенным. Еще меньше должны мы требовать от

низших служителей дворца – разных истопников, сторожей и т. д. – людей простых, не знатных и не богатых, между которыми, разумеется, происходили еще бóльшие бесчинства. Где им было учиться вежеству и тихим нравам, когда со стороны царедворцев они никогда и ничего подобного не видали. Вот черта царедворческих отношений к этим меньшим дворовым людям.

В 1649 г. постельный истопник Демка Клементьев бил челом государю: «Жалоба, государь, мне на стольника на Романа Федорова, сына Бабарыкина; в нынешнем, государь, во 157 г. июня в 15 день в твоем государеве походе в с. Покровском на твоем *государеве дворе* стоял я, холоп твой, на крыльце; а тот Роман тут же на крыльцо пришол и учал меня, холопа твоего, он, Роман, посылать по квас на Сытной дворец; и я, холоп твой, его не послушал, по квас не пошол, потому что я, холоп твой, в Передней дневал; и он, Роман, за то меня, холопа твоего, спихнул с лестницы и убил меня до полусмерти; и лежал я, холоп твой, на земле, обмертвев, многое время; и оттерли меня, холопа твоего, товарищи мои льдом; и от тех побой ныне я, холоп твой, стал увечен. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про тот мой бой сыскать, и про увечье, и по сыску свой государев указ учинить; а бесчестьишку, государь, моему и увечью – что ты, государь, укажешь. Царь государь, смилуйся, пожалуй!» – Роспись, которые видели, как истопника Дему Клементьева с лестницы убил Роман Федоров, сын Бабарыкин: князь Иван Борисович Репнин, князь Афонасей Борисович Репнин, Федор Лодыженской, Юрьи Левонтьев, Иван Соковнин, Яков Жуков, Абрам Свиязев, Борис Змеев, государев крестовой поп Василей Климантов.

«И постельничей Михайло Алексеевич Ртищев, слушав сей челобитной и росписи стольников и стряпчих про Демкин бой, по государеву крестному целованью, в объезде в с. Покровском на крыльце допрашивал. И постельничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву стольники и стряпчие и голова стрелецкой сказали, по государеву крестному целованью: князь

Иван Репнин, Юрья Левонтьев, Яков Жуков, Абрам Свиязев, Борис Змеев, крестовой священник Василей Климантов сказали по священству: в нынешнем-де во 157 г. июня в 15 день в объезде в с. Покровском видели-де они постельного истопника Демку Клементьева на нижнем крыльце, что он лежит ушибен, а кто его с крыльца пихнул – того они не видали; а от людей слышали, что пихнул его с крыльца стольник Роман Бабарыкин. Да в речех прибавил Яков Жуков: видел-де он, как истопник Демка Клементьев с лестницы летел и Юрья Левонтьева в голову зашиб. Князь Афонасей Репнин, Федор Соковнин, Михайло Еропкин сказали по государеву крестному целованью: Роман Бабарыкин постельного истопника Демку Клементьева с крыльца пихнул. Да в речех своих прибавил князь Афонасей Репнин: посылал-де его Роман неведомо по што и он-де его не послушал и за то-де его Роман с крыльца спихнул. Федор Лодыженской сказал по государеву крестному целованью, что в то время Федор на крыльце не был и от людей про Демку, как его Роман с крыльца спихнул, не слыхал. Голова стрелецкой Михайло Зыбин сказал по государеву крестному целованью: видел-де он, что *истопник Демка с лестницы кубарем летел*; а кто его пихнул – того-де он не видал; а от Юрья Левонтьева слышал, что говорил Юрья Роману Бабарыкину: “Для чего-де ты истопника на меня пихаешь?”».

Для характеристики подобных же поступков и нравов между дворовыми людьми приведем несколько случаев. В 1652 г. бил челом государю, а постельничему Федору Михайловичу Ртищеву подал челобитную постельной сторож Куземка Еремеев, а в челобитной пишет: «В нынешнем, государь, во 160 г. генваря с 31-го числа ввечеру, часу в пятом ночи, сошелся со мною в жилецком подклете постельной истопник Яков Быков и бранил меня всякою позорною бранью и ушиб меня кулаком и вышиб левой мне глаз и тем меня изувечил. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про тое

мою брань и про бой сыскать теми людьми, кои тут были, и по сыску свой царской указ учинить. Царь государь смилуйся!»

«И постельничей Федор Михайлович Ртищев его, Куземку, допрашивал, кто в ту пору был, как его Яков Быков в жилецком подклете бил? И Куземко сказал: были-де в ту пору в жилецком подклете: постельной истопник Архип Соколов да сторожи Гриша Клементьев да Петрушка Нефедов. И постельничей Федор Михайлович Ртищев постельных истопника и сторожей допрашивал, и постельной истопник Архип Соколов сказал по государеву крестному целованью: видел-де он то, как Яков Быков сторожа Куземку в глаз зашиб; а за что-де у них стало, и он-де того не ведает. Гришка Клементьев да Петрушка Нефедов сказали по государеву крестному целованью: пришли-де они в жилецкой подклет и Куземка-де пьет вино из кубышки, а Яковде Быков прошал у него вина; и Куземка-де ему вина пить не дал, а говорил ему: я-де государево жалованье сам пью, и Яковде его за то ударил кулаком и вышиб у него глаз».

В 1666 г. июня в 20 день била челом государю золотного дела мастерица Федосья Кашинцова словесно, государыни царицы Марии Ильичны чину на сына боярского, на Федоса Новашина о бесчестьи, что называл-де ее, Федосью, *беспелюхою*; «а кто про то слышал и тем людем имена подала роспись в Верху окольничему Василью Михайловичу Еропкину да диаком Ивану Взимкову да Ивану Яковлеву. Шлюсь, государь, на детей боярских – на Уласа Пестова, да на Федора да на Дмитрея Кривцовых, да на подклюшника на Василья Горюшкина, как меня при них беспелюхою называл сын боярской Федос Новашин и они то слышали; в том государь на них и шлюсь». И против той ее росписи сыскивано: «174 г. июня в 20 день против словесного челобитья золотного дела мастерицы Федосьи Кашинцовы Кормового дворца подклюшник Василей Иванов сын Горюшкин сказал, по евангельской заповеди Господнии: тому-де дни с три, шол он, Василей, после ку-

шенья на Светличное крыльцо и мастерица-де Федосья сыну боярскому Федосу Новашину говорила, что подговорил он у ней жонку и чтоб-де, сыскав, ей отдал; и Федос-де ей, мастерице, говорил: я-де твоей жонки не подговаривал, и называл ее, Федосью, *небылицею* и *беспелюхою*, ты-де на меня затеваешь напрасно; а Федосья-де ему, Федосу, против слов его говорила: ты-де уличен, подговорных людей лицом отдаешь. Того ж дни государыни царицы чину дети боярские Федор да Дмитрей Гавриловы, дети Кривцовы, по евангельской заповеди Господнии сказали: тому-де назад пятой день, в субботу, стояли они с матерью своею на Светличном крыльце до столоваго кушенья, и в те-де поры золотного дела мастерица Федосья Кашинцова считалась с сыном боярским с Федосом Новашиным и говорила ему, Федосу, ты-де у меня жонку подговорил; и Федос-де ей, Федосье, против тех ее речей говорил: я-де у тебя жонки не подговаривал, а тех слов от Федоса, что он ее, Федосью, называл беспелюхою, не слыхали, а называл ли он Федос ее, Федосью, такими словами до нас или после нас – того мы не ведаем. Того ж дни того ж чину сын боярской Влас Пестов по евангельской заповеди Господнии сказал: дневал-де он на Светлишном крыльце в субботу и пришол-де на крыльцо сын боярской Федос Новашин к жене, и в то ж время вышла на крыльцо мастерица Федосья Кашинцова и учела говорить Федосу: ты-де у меня жонку подговорил; и Федос-де ей говорил: я-де у тебя жонки никакой не подговаривал; и Федосья-де ему, Федосу, говорила: ты-де ведомой подговорщик, лицом-де ты жонку да девку отдал Варваре Бахтеяровой; и Федос-де против тех ее слов назвал ее, Федосью, беспелюхою».

В 1670 г. бил челом государю постельной сторож Кондрашка Захарьев: «Жалоба, государь, мне на истопника Костянтина Чулкова; в нынешнем, государь, в 178 г. генваря в 27 день на твоем государеве дворе против Постельного крыльца, ухватя меня, холопа твоего, он, Костянтин, поперег,

переломил у меня ногу, левую ногу берцо, надвое; и ныне я от того увечен. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, о том свой государев указ учинить. Царь государь, смилуйся!» *Помета*: «178-го генваря в 31 день сыскать ссылочными людьми».

В 1693 г. августа 3-го бил челом государям Мастерской палаты государынь цариц и царевен подьячий Василий Клушин. «Сего-де числа был он в Мастерской полате, сидел за столом, где они, подьячие, садятся; и в то-де число пришод в Мастерскую полату закройщик Яков Матвеев и сидел за поставцем, где делают платье. И, издеваясь, говорил ему, Василью: "*Добр-де подьячей, да язык высуня, пишет*"; если б-де я, шод, и сзади его ударил, и язык-де бы ему пришиб. И иные многие издевочные слова ему говорил. Да в тех же-де речах молвил ему, Василью: "*Не поможет-де тебе и царевна, что я над тобою сделаю*". А которая именем, того не молвил. И про иных, его братью, подьячих, говорил, бесчестя его, Василья, и иных его братью подьячих: что будто и в холопи к нему иной подьячей бьет челом. И он-де, Василий, ему, Якову, запрещал и унимал, чтоб он неприличных слов не говорил, и его, Василья, и иных его братью подьячих не бесчестил. А слышали-де те его слова портные мастеры Андрей Якимов, Андрей Моисеев, Афонасий Селуянов; чеботники Селиверст Филипов, Андрей Иванов. И чтоб великие государи пожаловали его, велели про те его, Яковлевы, слова розыскать и свой государев указ учинить. И против того его словесного челобитья в Мастерской полате закройщик Яков Матвеев допрашиван, а в допросе сказал: подьячей-де Василий Клушин говорил ему, Якову, что будто он, Яков, не по делом на них, подьячих, находит и называл его чортом и бранил матерны. И он-де, Яков, против его, Васильевых, слов, что добр не подьячей, да язык высуня, пишет: и если б-де он шол и сзади его ударил и язык бы-де пришиб – говорил. А что: не поможет-де тебе и царев-

на, что я над тобою сделаю, – таких слов он, Яков, ему, Василью, не говаривал. А про подьячего ж-де, что в холопи к нему бьет челом, он, Яков, говорил же. А опричь-де тех слов он, Яков, ему, Василью, не говорил, и в том-де он, Яков, шлется на тех людей, которые в словесном его, Васильеве, челобитье написаны. А затеял-де Василий на него, Якова, что будто говорил он, Яков, про царевну за то: будучи он, Яков, в походе в с. Коломенском, говорил им, подьячим, Ивану Протопопову и ему, Василью, что они людей своих и иных лишних людей в Мастерскую полату не пускали, для того, что он, Яков, застал их в полате и из полаты высылал вон; и в том-де он, Яков, шлется на мастеровых людей, которые в то время были».

Весьма любопытное и по речам бесчестья совсем уголовное дело возникло в 1649 г. по случаю не только оскорбительной лично, но и очень важной клеветы на окольничего Богдана Матвеевича Хитрово – впоследствии самого приближенного к государю лица, получившего звание боярина, оружейничего и дворецкого и со славою управлявшего дворцовым ведомством и при царе Алексее Михайловиче, и при его сыне Федоре Алексеевиче. Надо упомянуть, что дело возникло спустя с небольшим только год после известного Московского мятежа в июне 1648 г. Окольничий Хитрово обвинялся именно как один из заводчиков мятежа. Обвинение было страшное, и потому Хитрово поспешил подать государю следующую челобитную:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии, бьет челом холоп твой, Богдашко Хитрово. В нынешнем, государь, в 157 г. июля в 11 день, как ты, государь, был у панахиды у Архангела Михаила, и в то, государь, время лаял, и бесчестил, и позорил, и дураками называл племянников моих – Ивана, Богданова сына да Ивана Савостьянова, сына Хитрово – Ефрем Юрьев, сын Бахметев. Да в то же, государь, время он же, Ефрем Бахметев, у Архангела Михаила и на

Постельном крыльце меня, холопа твоего, лаел и бесчестил и называл меня гильшиком и заводчиком и сказывал, что будто я, холоп твой, будучи на твоей государеве службе, на Азовской степи, на Синбирском, завод заводил в убойстве боярина Бориса Ивановича Морозова; и будто писал я, холоп твой, грамотки к боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дядьям своим о заводе дурном и о убойстве боярина Бориса Ивановича. И я, холоп твой, такого заводу дурного не заваживал и боярину князю Алексею Никитичу и к дядьям своим о таком деле грамоток не присылывал; а дядей, государь, у меня, холопа твоего, кроме постельничего Михайла Алексеевича Ртищева, никого нет; а преже, государь, сего родители наши служили вам, великим государем, и в измене, и в гильшиках, и в заводчиках нигде не бывали; а отец, государь, его, Ефремов Юшка Бахметев, вам, государям, изменял и с Польскими, и с Литовскими людьми под Москву приходил; а в то, государь, время дядя мой родной – постельничий Михайло Алексеевич Ртищев, вам, великим государям, служил и в тюрьме сидел, а в измене и в гильшиках нигде не бывал. Да он же, государь, Ефрем Бахметев, при многих людях мне, холопу твоему, грозил, что мне быть разорену и сослану. Милосердый государь (т.), пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то дело сыскать стольники, и стряпчими, и дворяны московскими, и жильцы, и всяких чинов людьми, которые в то время тут были, как он меня, холопа твоего, у Архангела в церкви и на Постельном крыльце лаял, и бесчестил, и гильшиком называл, и разореньем, и ссылкою грозил, своему государеву боярину, кому ты, государь, укажешь; и по сыску, государь, на такого изменничья (сына) вели мне, холопу своему, дать оборон по своему государеву милостивому рассмотрению, чтоб впредь таким изменничьим детям неповадно воровать и нашу братью бесчестить и гильшиком называть. Царь государь, смилуйся!»

И государь (т.), слушав челобитные окольничего Богдана Матвеевича Хитрово, указал про то сыскать и стольников, и стряпчих, и дворян московских и жильцов расспросить боярину Илье Даниловичу Милославскому да думному дьяку

Семену Заборовскому. «И того ж дни стольник Иван Богданов сын Хитрово боярину Илье Даниловичу Милославскому, да думному дьяку, стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и жильцам подал имяны за своею рукою таковы: имена, при ком говорил Ефрем Юрьев сын Бахметев у церкви Архангела Михаила и на Постельном крыльце про окольничего про Богдана Матвеевича Хитрово: князь Данило Мышетцкой, Кузьма Трусов, Василий Панин, Иван Лихарев, Григорий Вердеревский, князь Семен Болховский, Федор Сомов, Петр Вердеревский, князь Федор Юсупов, Артемий Камынин, Еремей Пашков, Петр Лодыженский, Матвей Шишкин, Иван Рышкеев, Семен Лаврентьев сын Совин, Матвей Исленьев, Петр да Любим Бахметевы, Микита Тургенев». *Помета*: «157 июля 12 день, подал Иван Хитрой».

И по государеву (т.) указу боярин И. Д. Милославский да думный дьяк стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов расспрашивали всех порознь по государеву (т.) крестному целованью. И стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы боярину да думному дьяку в расспросе сказали: «Кузьма Андреев сын Трусов сказал: июля-де в 11 день, как государь был в церкве у Архангела у понахиды и Ефрем-де Бахметев окольничего Богдановых племянников Матвеевича Хитрово, Ивана, а другому имя не ведает, называл дураками, а говорил: “Грозишь-де ты мне Богданом, а я-де Богдана не боюсь, боярин-де Борис Иванович на Богдана меня не променит”; а больши-де того он, Кузьма, никаких речей не слыхал. А на Постельном крыльце он не был. Артемий Богданов, сын Комынин, сказал: июля в 11 день, как государь был в церкве у Архангела у понахиды и в то-де время говорил в церкве Ефрем Бахметев: “Приходя-де ко мне Богдана Матвеевича Хитрово племянник Иван Богданов сын Хитрово и утраживает Богданом, а Богдан-де кем и в люди вышел и того отступился, и хочет-де меня Богдан отлучить от милости боярина Бориса Ивановича, и ему-де и самому вперед двора его не знать”. Да Артемий же слышал от Василья Панина, что говорил-де Ефрем Бахметев, что отпускал Богдан от себя из

полку к Москве детей боярских, а те-де дети боярские на Москве были в гильшиках, а больши-де того он, Артемий, ничего не слыхал. Иван Петров, сын Лихарев, сказал: как государь был в церкве у Архангела у понахиды, и в то-де время бранились меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрово: "Вы то-де хотите у меня отнять поместье, я-де о том поместье бью челом государю год; а вы-де какие слуги, и лутчей-де ваш Богдан Хитрой и того-де столько службы нет, что моей". И Иван-де Хитрой молвил: "Запиратца-де тебе Ефрем". И Ефрем-де молвил: "Не запиратца, я-де ведаю про Богдана и пуще того; разве-де Богдан служил тем, как с Атемара присылал к Москве к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому с отписками, как убить боярина Бориса Ивановича", а кого присылал с отписками и Ефрем-де называл имянем, только-де он, Иван, того не упомнит. Василий Никитин сын Панин сказал: как государь был у Архангела у понахиды и в то-де время в церкве бранился Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым и говорил Ефрем: "Вы-де бьете челом государю на меня о поместье: за что-де у меня у слуги отнять и вам не слугам отдать; и лутчей-де у вас Богдан, и тот не слуга, только-де его и службы, что присылал он от себя из полков к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как убить боярина Бориса Ивановича Морозова". Князь Данила Мышетцкий сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы и на Постельном-де крыльце говорил Ефрем Бахметев: "Хитрые-де ходят за мною скопом и хотят убить; а ныне-де скопом и заговором ходить не велят". Да тут же-де пришел к Ефрему Иван Хитрой и говорил ему: "Напрасно-де ты, Ефрем, тем нас бесчестишь и лаешь, помнишь ли-де, как родители ваши в Тушино изменяли". И Ефрем-де Ивану говорил: "Здесь-де вам меня не убить; едва-де я от вас и с площади на Постельное крыльцо ушел". А больше-де того он, князь Данило, никаких речей от них не слыхал. А ныне-де, июля в 12 день, шел он, князь Данило, в Верх и у Красного-де крыльца у Благовещенской паперти стоял Ефрем Бахметев и говорил: "Бил-де челом государю на меня окольничий Богдан Матвеевич Хи-

трово о вчерашнем деле и по его челобитью велено сыскать, и говорят-де про меня Хитрые, что я говорил вчерась не о своем уме, а я-де и ныне помню, что вчерась говорил. Чем-де много сыскивать сторонними людьми, вели-де, государь, его и меня принять и за мною-де будет те ж речи, да еще-де и сверх того прибавлю, которых вчерась не говорил, и тот-де сыск будет подлиннее и к делу ближе". А про кого Ефрем такие речи говорил – того он, князь Данило, не ведает. Микита Григорьев, сын Тургенев, сказал: вчерась-де меж Ефрема Бахметева и Ивана Хитрово брани и никаких речей он, Микита, не слыхал, а ныне-де, июля в 12 день, стоял Ефрем Бахметев у Благовещенской паперти на рундуке и говорил (те же речи, что приведены выше). А про кого Ефрем такие речи говорил – того он, Микита, не ведает. Матвей Захарьев, сын Шишкин, сказал: вчерась-де, июля в 11 день, как государь от панахиды прошел к себе в хоромы, бранился на Постельным крыльце Ефрем Бахметев с Иваном да с Данилом Хитрыми и называл Ефрем Ивана и Данила худяками и не слугами. "Вы то-де хотите у меня поместье сильно отнять и ходите-де за мною семьею и грозите мне Богданом, я-де Богдана вашего не боюсь, не променяет-де меня боярин Борис Иванович на Богдана, и знают-де меня в Арзамасе с вами, как-де я приду в съезжую избу – и вас-де тут и не пустят, а в иное-де время и вон из избы вышлют". Еремей Афонасьев сын Пашков сказал: вчерась-де, как государь от панахиды прошел к себе в хоромы, рассчитались меж себя на Постельном крыльце Ефрем Бахметев с Иваном Хитрово и говорил Иван Ефрему: "Запиратца-де тебе в давешнем деле", и Ефрем говорил: "Что-де ты, Иван, грозишь мне отпискою, я-де в том не запрусь, кем-де, свет видит, того же-де велел убить". А к кому такия речи Ефрем говорил – того он, Еремей, не ведает. Князь Федор Юсупов сказал: вчерась-де, как государь от панахиды прошел к себе в хоромы, рассчитались на Постельном крыльце Ефрем Бахметев с Иваном и с иными Хитрыми, и говорил Ефрем: "Знают-де меня с вами, каков я и каковы вы; что-де ходите за мною скопом и заговором все родом, или-де хотите

убить, только-де я вас не боюсь". Григорий Иванов, сын Вердеревский, сказал: как государь был у панихиды у Архангела и в церкве-де бранились Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым, и говорил Ефрем: "Что-де ты, Иван, говоришь мне Богданом Матвеевичем, Богдан-де присылал от себя из полков челобитчиков к Москве и велел кричать и гиль заводить; кем-де он жив – боярином Борисом Ивановичем – и того велел убить". Петр Иванов, сын Вердеревский, сказал: слышел он от брата своего, от Григорья, что Ефрем Бахметев бранился в церкве у Архангела с Иваном Хитрово и говорил, будто присылал окольничий Богдан Матвеевич от себя из полков к Москве челобитчиков и велел кричать и гиль заводить и убить боярина Бориса Ивановича. Матвей, Степанов сын, Исленьев сказал: как государь был у Архангела у понахиды и в церкве-де бранились Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым, и говорил Ефрем Ивану: "Обычный-де ты человек, знали-де тебя и в те поры, как у тебя и алтына не было, а ныне-де ты, приходя в Поместный приказ, похваляется надежою своею Богданом Матвеевичем; и я-де того не боюсь, у меня-де и у самого есть, и стану-де на тебя бить челом государю и бояром Борису Ивановичу да Илье Даниловичу; а будет-де тебе надобно ведать про свою старину – и батька-де мой вашу старину допряма знает, каковы были наперед сего". Федор Иванов, сын Сомов, сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы и в то-де время на Постельном крыльце бранились Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым, и говорил Ефрем Ивану Савостьянову, сыну Хитрово, с лаею и называл их не слугами и лучший-де вам слуга летось в бунт писал к Москве к дядьем своим грамотки и присылал с отписки, а к кому имянем к дядьем грамотки писал и с отписки присылал – того Ефрем имянно не говорил; да Ефрем же-де говорил – и лучшая-де надежа у Богдана и он-де и на того помыслил, а на кого и что помыслил – и про то Ефрем имянно не говорил же. Петр да Любим Александровы, дети Бахметева, сказали: как государь был у понахиды у Архангела и в церкве-де рассчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым о поместье, и говорил-де

Иван Ефрему: я-де бью челом государю о поместье. И Ефрем-де говорил: ты-де научил бить челом о поместье Савостьяновых детей, а они-де и говорить не умеют, а о том-де поместье бью челом государю я, и подписная-де челобитная мне подписана, что того поместья мимо меня никому не отдать, да и очная-де ставка с Петром Очиным-Плещеевым о том поместье у меня была, за што-де у меня поместья отнять и неслугам отдать? И Иван-де Ефрему говорил: кто-де неслуги и кого неслугами называешь? И Ефрем-де говорил: и лучший-де у вас Богдан – и тот неслуга, только-де Богданова и добра: которые арзамасцы Дмитрий Нетесов, да Иван Исупов, да Понкрат Нечаев, на боярина на Бориса Ивановича завод заводили и про смертное убойство говорили – и он-де, ведая за ними тот завод, отпускал их к Москве с отпискою; а с какою отпискою отпускал – того они не слыхали и обычными-де людьми Ефрем Хитрых называл. Петр Муралеев, сын Лодыженский, сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы, и в то-де время на Постельном крыльце рассчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Богдановым, сыном Хитрово, и называл-де Ефрем худыми людишками, и против-де того молвил Иван Савостьянов, сын Хитрово: а ты-де, Ефрем, кто? И он-де ему говорил: с тобою-де я и говорить не хочу, что ты худ и глуп и ни к чему не надобен; а в Арзамасе-де, где я в избе сижу, и ты-де тут и войти не смеешь, дай-де мне дождаться боярина: то-де вам не прежний гиль; я-де вас выучу. А кто боярин – того Ефрем имянно не говорил. Князь Семен, княж Микитин сын Болховской, сказал: как государь был у Архангела у понахиды и в церкве-де, рассчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым, и называл Ефрем Хитрых обычными людьми, везде-де вы похваляетесь надежным своим Богданом и будет-де вам надобно, я-де скажу, какие вы люди. А больше-де того он, князь Семен, никаких речей от них не слыхал, потому что пришел поздно. Иван Васильев, сын Рышкеев, сказал: как государь был у понахиды у Архангела и в церкве-де рассчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрово; и говорил Ефрем Ивану: бьете-де челом вы

государю о поместье за моим челобитьем и за очною ставкою, а как-де я на очную ставку не пошел и вы-де на очную ставку не ходили и от дела прочь отступились. И Иван-де Ефрему говорил: тебе-де одному того поместья не дадут же, за тобою-де и опричь того две дачи. И Ефрем-де говорил: за что-де у слуг отнять да вам, неслугам, отдать. И лучший-де ваш Богдан – и тот не слуга, будет-де то его служба, что он присылал от себя к Москве детей боярских с отпискою к боярину гиль заводить на Бориса. А к которому боярину присылал и на котораго Бориса гиль заводить – того Ефрем имянно не говорил. А как-де государь от понахиды прошел к себе в хоромы, и на Постельном-де крыльце говорил Ефрем Бахметев: заводит-де Богдан казачьи круги, ходит-де брат его Иван с Вердеревскими да с Паниным, хотят-де его убить, а он-де в том надежен на боярина на Бориса Ивановича, не променит-де его боярин Борис Иванович и не на Богдана. Семен Лаврентьев, сын Совин, сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы, и Ефрем-де Бахметев, идучи от Архангела к Благовещенью, рассчитались с Иваном и с иными Хитрыми и говорил Ефрем Хитрым, что они люди недорогие и служба их обычная, кто-де у них и лучший – и тот-де человек обычной, не по прежнему-де гиль заводить.

И июля ж в 18 день, государь (т.), слушав сыскных речей, указал Ефрема Бахметева против сыскных речей расспросить. И по государеву (т.) указу боярин Илья Данилович Милославский да думный дьяк Семен Заборовский Ефрема Бахметева расспрашивали: июля в 11 день, как государь был у Архангела у понахиды, и он, Ефрем, бранясь с Иваном Хитрым в церкве и на Постельном крыльце, говорил, что окольничий Богдан Матвеевич Хитрово присылал к Москве к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дядьям своим с грамотки, как бы убить боярина Бориса Ивановича, и то он говорил ли, что боярин Борис Иванович его, Ефрема, на Богдана Матвеевича не променит, и чтоб государь велел окольничего Богдана Матвеевича и его, Ефрема, принять, а он, Ефрем, скажет, как к делу ближе, и он бы сказал правду. И Ефрем

Бахметев в распросе сказал: говорил-де ему Иван Хитрой во многих местах, о котором-де поместье бьет челом государю он, Ефрем, и того-де поместья ему, Ефрему, не дадут; а июля-де в 11 день, как государь был у Архангела у понахиды, и в церкве-де Иван же Хитрой говорил ему, Ефрему: ведают-де они, на кого он, Ефрем, надежан, только-де того поместья ему, Ефрему, не дадут и на него плюнут; и Богдана-де Матвеевича на него не променяют. И он-де, Ефрем, против того говорил Ивану, что окольничий Богдан Матвеевич к тем не добр и не жалует, которых жалует боярин Борис Иванович, а жалует тех, которые на боярина на Бориса Ивановича посягают; как-де окольничий Богдан Матвеевич был в Синбирском и весть учинилась, что на Москве смятенья, и арзамасцы-де Дмитрий Нетесов, Иван Исупов, Ондрей Чемесов, которые на боярина на Бориса Ивановича посягают, били челом Богдану Матвеевичу, чтоб их отпустил к Москве в челобитчиках, и Богдан-де Матвеевич отпустил их к Москве, и те-де арзамасцы, будучи на Москве в челобитчиках, говорили про боярина, про Бориса Ивановича, неистовые слова и про смертное убойство; и к тем же его Ефремовым речам пристали Василий Панин да Иван Лихарев и говорили ему, Ефрему, будто он окольничего Богдана Матвеевича бесчестит и называет бунтовщиком, и говорил будто, что окольничий Богдан Матвеевич велел убить боярина Бориса Ивановича. И он-де, Ефрем, слыша от них такие слова, пошел прочь, а таких-де речей он, Ефрем, не говаривал, что окольничий Богдан Матвеевич писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дядьям своим об убойстве боярина Бориса Ивановича; и того не говаривал, что боярин Борис Иванович на окольничаго на Богдана Матвеевича его, Ефрема, не променит; да и того-де он, Ефрем, не говаривал же, чтоб государь велел окольничего Богдана Матвеевича и его, Ефрема, принять, и неслугою-де Богдана Матвеевича он не называл и ничем не бесчестивал; а грозили-де ему Иван Хитрой, да Василий Панин, да Иван Лихарев окольничим Богданом Матвеевичем, и он-де к тем их словам говорил, что он Богдана Матвеевича не боится,

а больше-де того он, Ефрем, не говаривал; а что-де он, Ефрем, говорил, и те-де все его речи записаны. И июля ж в 27 день Ефрем Бахметев ссыскными людьми (имена) с очей на очи ставлены, и сыскные люди на очной ставке сказали по государеву (т.) крестному целованью те ж речи, что и наперед сего, кто что в своей сказке сказал; а Ефрем Бахметев сыскными людьми на очной ставке допрашивай, такие речи он говорил ли, что про него обыскные люди сказали; и Ефрем Бахметев в расспросе сказал, что он говорил наперед сего, то и ныне, а сыскные-де люди что хотели, то и сказали».

167 августа в 1 день «сего дела государь слушав, указал и бояра приговорили: бить Ефрема Бахметева кнутом на козле за боярское бесчестье и за окольничево, что он боярина и окольничево обе(сче)стил своими безумными словами».

В то же время последовала справка о присланных в Москву арзамасцах и об отписке Богдана Хитрово, ничего заговорного не открывшая, а потому в исполнение упомянутого приговора было повелено: «Сказати Ефрему Бахметеву: Ефрем Бахметев! Государь царь (т.) повелел тебе сказать: в нынешнем в 157 г. июля в 11 день, бранился ты в соборной церкве у Архангела Михаила окольничаго Богдана Матвеевича Хитрово с племянники, с Иваном Богдановым сыном да с Иваном Савостьяновым сыном Хитрово и говорил, что в прошлом году, как было на Москве смятенье, окольничей Богдан Матвеевич Хитрово присылал к Москве из Синбирскаго Арзамасцов детей боярских гиль заводить и писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как бы убить боярина Бориса Ивановича Морозова, да ты ж, Ефрем, окольничего Богдана Матвеевича называл неслугою; а у расспросу ты в том во всем запирался. И по государеву указу про то дело сыскивано стольники, и стряпчими, и дворяны, и в сыску стольники, и стряпчие, и дворяне, и жильцы сказали, что ты окольничего Богдана Матвеевича Хитрово неслугою называл и такие речи говорил, что в прошлом году в мирской мятеж окольничий Богдан Матвеевич присылал к Москве из Синбирского детей боярских и писал к боярину ко

князю Алексею Никитичу Трубецкому, как бы убить боярина Бориса Ивановича, – и ты, Ефрем, такие слова говорил воровством, затеяв на окольничаго на Богдана Матвеевича, и теми словами боярина князя Алексея Никитича Трубетцкого и окольничего Богдана Матвеевича Хитрово обесчестил. И государь (т.) указал за то твое воровство и за бесчестье боярина князя Алексея Никитича Трубетцкаго и окольничего Богдана Матвеевича Хитрово, указал тебя на козле бить кнутом». «И августа в 21 день, Ефрему Бахметеву наказанье учинено перед Розрядом, бит на козле кнутом».

Мы передавали приведенные случаи нарушения чести государева двора подлинными словами документов с сохранением некоторых форм и обрядностей розыска, а потому и с неизбежными повторениями, дабы в полноте и с точною достоверностию ознакомить читателя с теми *делами* и теми вопросами, какими очень часто занимался и сам государь, а особенно его постельничий, обязанный в подробности разобрать каждое дело, найти правого и виноватого и доложить обо всем государю.

Это домашнее, патриархальное разбирательство царедворческих ссор и побранок дает самое ближайшее понятие о вотчинническом характере отношений государя к своим дворовым и служит наиболее прямым подтверждением тому, что мы говорили вообще по поводу этих отношений в первой главе.

Кроме того, приведенные подробности имеют для исследователя особую цену в том смысле, что дают возможность вслушаться в склад живой разговорной старинной речи, раскрывают склад понятий и нравов тогдашнего общества, вводят нас именно в те мелочные житейские отношения, которые всегда останутся самыми оживляющими чертами при изучении и изображении старинной жизни, старинных людей, их типов и характеров.

ГЛАВА IV
ОБРЯД ГОСУДАРЕВОЙ ЖИЗНИ, КОМНАТНОЙ И ВЫХОДНОЙ

Очерк комнатной жизни государя, его занятия и препровождение времени в течение дня. — Богомольные выходы, обыкновенные и праздничные, в течение всего года. Церковные празднества, торжества и «действа», по случаю которых делались царские выходы. — Некоторые обряды и обычаи, совершавшиеся при дворе во время этих торжеств.

В предыдущих главах мы представили обзор государева двора с его внешним и внутренним устройством и *нарядом*; указали его общее значение и значение его частей, какое придавали им праздничные и другие торжества, и домашнее хозяйство государя; ознакомились отчасти, хотя одною стороною, с царедворцами, с утра до вечера наполнявшими дворцовые покои. Представим теперь в коротком очерке *обряд* древней царской жизни, *комнатной* и *выходной*, т. е. собственно домашней и общественной, если можно так обозначить все те случаи повседневного порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя как первое лицо при совершении общих церковных и праздничных действ и обрядов.

Прежде всего мы войдем в *Комнату* государя, или в то внутреннее отделение дворца, которое Котошихин называет палатами *покоевыми*, т. е. жилыми. Раннее утро заставало государя в Крестовой, в которой молебный иконостас, весь уставленный иконами, богато украшенными золотом, жемчугом и дорогими каменьями, давно уже освещался множеством лампад и восковых свечей, теплившихся почти пред каждым образом. Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра. Постельничий при пособии спальников и стряпчих подавал государю платье и *убирал* его. Умывшись, государь тотчас

же выходил в Крестовую, где его ожидали духовник или крестовый поп и крестовые дьяки. Духовник или крестовый священник благословлял государя крестом, возлагая на чело и ланиты, причем государь прикладывался ко кресту и потом начинал утреннюю молитву. В то же время один из крестовых дьяков поставлял пред иконостасом на налое образ святого, память которого праздновалась в тот день. По совершении молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к этой иконе, а духовник окроплял его святою водою. Весьма любопытно, что святая вода, которую употребляли в этом случае, привозилась иногда из весьма отдаленных мест, из монастырей и церквей, прославленных чудотворными иконами. Вода эта называлась праздничною, потому что освящалась в храмовые праздники, совершаемые в память тех святых, во имя которых сооружены были храмы. Почти каждый монастырь и даже многие приходские храмы по отправлении такого празднества доставляли *праздничную святыню*, икону праздника, просфору и святую воду в *вощанке* – восковом сосудце, в царский дворец, где посланные подносили ее лично самому государю. Иногда эта святыня подносилась на выходе государя в церквах, во время богомолья[1]. Таким образом, праздничная святая вода не истощалась круглый год, и утренние молитвы государя почти всегда сопровождались окроплением святою водою недавнего освящения в каком-либо отдаленном или близком монастыре.

[1] В 1668 г. августа 14 царь Алексий «в предпразднество Успению Богородицы был в соборе у малыя вечерни и молебного пения слушал; а как на стиховне учали петь стихеры и в то время были в соборной церкви *с святынею* из Ярославля Спасского монастыря да Толского; из Суздаля Спасского монастыря да Макарьевского, что на Унже. Государь изволил святыню принять у своего государева места. Объявлял боярин и оружничий Б. М. Хитрово... 15 августа на литургии, по отпуске был *с святынею* Симонова монастыря архимандрит, и государь изволил святыню принять, а архимандрита пожаловал, указал послать *подачу*; и старцев и слуг кормить». Когда приезжали со святынею от Троицы или из другого значительного монастыря, обыкновенно сам архимандрит с соборными старцами, государь принимал святыню сам же, благословлялся у архимандрита, жаловал его к руке и угощал всех приезжих обедом. – Дворцовые разряды. Т. III. – С. 831, 1453.

После моленья крестовый дьяк читал духовное *слово*: поучение, из особого сборника слов, распределенных для чтения в каждый день на весь год. Сборники эти известны были под именем Златоустов, Златоструев, Измарагдов, Торжественников. Они составлялись из поучений отцов Церкви, и преимущественно Иоанна Златоуста, отчего и назывались Златоустами.

Окончив утреннюю крестовую молитву, государь, если почивал особо, посылал ближнего человека к царице в хоромы спросить ее *о здоровье*, как почивала? Потом сам выходил здороваться с нею в ее переднюю или столовую. После того они вместе слушали в одной из верховых церквей заутреню, а иногда и раннюю обедню. Между тем с утра же рано собирались во дворец все бояре, окольничие, думные и ближние люди – «челом ударить государю» и присутствовать в царской Думе. Они собирались обыкновенно в *Передней*, где и ожидали царского выхода из внутреннего покоя или Комнаты. Некоторые, пользовавшиеся особою доверенностию государя, выждав время, входили и в Комнату. Увидев пресветлые царские очи – в церкви ли во время службы, или в комнатах, смотря по тому, в какое время являлись на приезде, они всегда кланялись перед государем в землю, даже по нескольку раз. «А как они на приезде кланяются, – замечает Котошихин, – и государь в то время стоит или сидит в шапке, и против их боярского поклонения шапки с себя не снимает никогда. А которого дни они бояре в приезде своем запоздают, или по них посылает, а они будут к нему не вскоре, или что малое учинят не по его мысли, и он на них гневается словами, или велит из палаты выслать вон, или посылает в тюрьму, и они за свои вины потому ж кланяются в землю, многожды, доколе простит». За особенную милость, являемую государем, бояре кланялись ему в землю до 30 раз сряду. Так, умиленный царским благоволением, большой воевода князь Трубецкой на отпуске в Польский поход в 1654 г., когда государь, прощаясь с ним, обнял его[1], поклонился перед государем в землю 30 раз.

[1] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. X. – С. 359.

Поздоровавшись с боярами, поговорив о делах, государь в сопровождении всего собравшегося синклита шествовал часу в девятом к поздней обедне в одну из придворных церквей. Если же тот день был праздничный, то выход делался в собор или к празднику, т. е. в храм или монастырь, сооруженный в память празднуемого святого. В общие церковные праздники и торжества государь всегда присутствовал при всех обрядах и церемониях. Поэтому и выходы в этих случаях были гораздо великолепнее, торжественнее. Обедня продолжалась часа два. В удобное время и здесь государь принимал от думных людей доклады, разговаривал о делах с боярами, отдавал приказания. Бояре также рассуждали между собою, как будто бы они находились в Думе. При всем том едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, служб, молитв, как цари. Коллинс рассказывает о царе Алексее Михайловиче, что он в пост стоял в церкви часов по пяти или шести сряду, клал иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полуторы тысячи.

После обедни в *Комнате* в обыкновенные дни государь слушал доклады, челобитные и вообще занимался текущими делами. С докладами входили начальники приказов и сами их читали пред государем. Думный дьяк докладывал челобитные, вносимые в Комнату, и помечал решения. Присутствовавшие в Комнате бояре во время слушания дел не смели садиться. «А когда лучится государю сидети в покоях своих, – говорит Котошихин, – и слушает дел или слова разговорные говорит, и бояре стоят перед ним все, а пристанут стоя, и они выходят отдыхать сидеть на двор...» в Переднюю или в сени, а иногда и на площадку перед царскими хоромами. Когда, особенно по пятницам, государь открывал обыкновенное *сиденье с бояры* или заседание Думы, то бояре садились по лавкам, от царя поодаль, бояре под боярами, окольничие под окольничими, думные дворяне так же, кто кого *породою* ниже, а не по службе, т. е. не по старшинству пожалования в чин, так что иной и сегодня пожалованный, например, из спальников или стольников в бояре садился, по породе, выше

всех тех бояр, которые были ниже его породою, хотя бы и седые старики были. Думные дьяки обыкновенно стояли, а иным временем, особенно если *сиденье* с бояры продолжалось долго, государь и им повелевал садиться.

Заседание и слушание дел в Комнате оканчивалось ок. 12 ч. утра. Бояре, ударив челом государю, разъезжались, а государь шел к *столовому кушанью*, или *обеду*, к которому иногда приглашал и некоторых из бояр, самых уважаемых и близких; но большею частью государь кушал один. Обыкновенный стол его не был так изыскан и роскошен, как столы праздничные, посольские и др.

В домашней жизни цари представляли образец умеренности и простоты.

По свидетельству иностранцев, к столу царя Алексея Михайловича подавались всегда самые простые блюда, ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага или легкое пиво с коричным маслом, а иногда одна только коричная вода. Но и этот стол никакого сравнения не имел с теми, которые государь держал во время постов. «Великим постом, – говорит Коллинс, – царь Алексей обедал только по три раза в неделю, а именно: в четверток, субботу и воскресенье, в остальные же дни кушал по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу и пил по стакану полпива. Рыбу он кушал только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста... Кроме постов, он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества. Можно считать, что он постился восемь месяцев в год, включая шесть недель Рождественского поста и две недели других постов». Такое усердное соблюдение постов было выражением строгой приверженности государя к Православию, ко всем уставам и обрядам Церкви. Свидетельство иностранца вполне подтверждается и Котошихиным. «В постные дни, – говорит он, – в понедельник, и в среду, и в пятницу, и в посты, готовят про царский обиходествы рыбные и пирожные с маслом с деревянным и с ореховым, и с льняным, и с конопляным; а в Великой и в Успеньев посты готовятся ествы: капуста

сырая и гретая, грузди, рыжики соленые, сырые, и гретые, и ягодные ествы, без масла, кроме Благовещениева дни – *и ест царь в те посты, в неделю, во вторник, в четверг, в субботу, по одиножды на день, а пьет квас, а в понедельник, и в среду, и в пятницу, во все посты не ест и не пьет ничего*, разве для своих и царицыных, и царевичевых, и царевниных имянин».

Впрочем, несмотря на такое постничество и особенную умеренность, за обыкновенным столом государя, в мясные и рыбные дни, подавалось около 70 блюд; но почти все эти блюда расходились на подачи боярам, окольничим и другим лицам, которым государь рассылал эти подачи как знак своего благоволения и почести. Для близких лиц он иногда сам выбирал известное любимое блюдо. Подавались сначала холодные и печенья, разное *тельное*, потом жареное и затем уже похлебки и ухи или *ушное*.

Порядок и обряд комнатного стола заключался в следующем: стол накрывал дворецкий с ключником: они настилали скатерть и ставили судки, т. е. солоницу, перечницу, уксусницу, горчичник, хреноватик. В ближайшей комнате пред столовою накрывался также стол для дворецкого, собственно буфет или *кормовой поставец*, на который кушанье ставилось прежде, нежели подавалось государю. Обыкновенно каждое блюдо, как только оно отпускалось с поварни, всегда отведывал повар в присутствии самого дворецкого или стряпчего. Потом блюда принимали ключники и несли во дворец в предшествии стряпчего, который охранял кушанье. Ключники, подавая ествы на кормовой поставец дворецкому, также сначала отведывали, каждый со своего блюда. Затем кушанье отведывал сам дворецкий и сдавал стольникам нести пред государя. Стольники держали блюда на руках, ожидая, когда потребуют. От них кушанье принимал уже крайчий, точно так же отведывал с каждого блюда и потом ставил на стол. То же самое наблюдалось и с винами: прежде, нежели они доходили до царского чашника, их также несколько раз отливали и пробовали, смотря по тому, через сколько рук они проходили. Чашник, отведав вино, держал кубок в продолжении всего стола и каждый раз, как только

государь спрашивал вино, он отливал из кубка в ковш и предварительно сам выпивал, после чего уже подносил кубок царю. Все эти предосторожности установлены были из страха отравы и порчи и объясняются историею отношений московского самодержавия к княжеской и боярской среде. Для вин перед столовою устраивался также особый *поставец сытного дворца*.

После обеда государь ложился спать и обыкновенно почивал до вечерен, часа три. В вечерню снова собирались во дворец бояре и прочие чины, в сопровождении которых царь выходил в верховую церковь к вечерне. После вечерни иногда также слушались дела или собиралась Дума. Но обыкновенно все время после вечерни до *вечернего кушания*, или ужина, государь проводил уже в семействе или с самыми близкими людьми. Время это было отдыхом, и потому оно посвящалось домашним развлечениям и увеселениям, свойственным веку и вкусам тогдашнего общежития. Но, к сожалению, все сведения наши в этом случае ограничиваются одними только голыми сказаниями расходных записок, из которых весьма трудно составить что-либо полное, целое и сколько-нибудь удовлетворительное в отношении желаемых подробностей и красок. По свидетельству иностранцев, цари отличались большою любознательностью, которая ставила их в круг самых образованных людей того времени. По характеру же нашего древнего образования, потребность знания могла удовлетворяться только чтением, – вот почему чтение составляло одно из любимейших занятий во время отдыха. Но как поборники и хранители Православия цари предпочитали чтение духовно-назидательное и церковно-историческое. Из таких только книг составлялись и библиотеки их; в этом полагалась основа всякого знания; это была в собственном смысле наука для того времени. Духовно-назидательные слова или поучения отцев Церкви, жития святых, разные исторические и полемические церковные сочинения представляли главнейший интерес для всякого образованного человека в то время. Известно, какими глубокими познаниями в этом отношении обладал царь Иван Васильевич Грозный. Но, изучая во всей подробности

церковную историю и догматы Православия, цари уделяли немало времени отечественным летописям и сказаниям, которые даже и составлялись под их редакциею. Весьма много также интереса представляли в то время сведения космографические и политические: первые черпались из космографий переводных, вторые преимущественно из посольских записок и рассказов послов. Со времен царя Алексея Михайловича стали вывозить и *куранты* или тогдашние европейские журналы, которые постоянно и переводились для чтения государю.

Кроме чтения, цари любили живую беседу, любили рассказы бывалых людей о далеких землях, об иноземных обычаях и особенно о старине. Англичанин Коллинс говорит, что царь Алексей Михайлович держал во дворце стариков, имевших по 100 лет от роду, и очень любил слушать их рассказы о старине. Это были так называемые *верховые* (придворные) *богомольцы*, весьма уважаемые за их благочестивую жизнь и древность лет. Они жили подле царских хором в особом отделении дворца и на полном содержании и попечении государя. В длинные зимние вечера государь призывал их к себе в комнату, где в присутствии царского семейства они повествовали о событиях и делах, проходивших на их памяти, о дальних странствиях и походах. Это были живые летописатели, которые своими рассказами пополняли скудость писаных летописей, где все местные и временные, т. е. характерные, краски почти всегда покрывались холодным и сухим складом официальной грамоты. Особенное уважение государя к этим старцам простиралось до того, что государь нередко сам бывал на их погребении, которое всегда отправлялось с большою церемониею, обыкновенно в Богоявленском монастыре на Троицком кремлевском подворье. Так, в 1669 г. апреля 9 государь хоронил богомольца Венедикта Тимофеева; на погребении его были: Паисий папа и патриарх Александрийский и судья Вселенский, Троицкий и Чудовской архимандриты, десять священников, архидьякон, 11 дьяконов, кроме разных причетников и певчих. Присутствие царя на подобных церемониях всегда ознаменовывалось щедрою милостынею, кото-

рая раздавалась нищим, разным бедным людям и по тюрьмам колодникам и заключенным. Милостыня раздавалась также в третины, девятины, полусорочины и сорочины – периоды, в которые отпевалась обыкновенно панихида по усопшем и делались поминки. Весьма щедро государь жаловал и духовенство, бывавшее на этих погребениях.

Верховые богомольцы назывались также и верховыми нищими, в числе их были и *юродивые*. Царица и взрослые царевны имели также при своих комнатах *верховых богомолиц* и *юродивых*. Глубокое, всеобщее уважение к этим старцам и старицам, Христа ради юродивым, основывалось на их святой богоугодной жизни и благочестивом значении, какое они имели для нашей древности. Общество благоговело пред ними, чтило их как пророков и провозвещателей Божьей воли, как неуклонных и нелицеприятных обличителей. Верховые богомольцы певали государю *Лазаря* и все те духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь от странствующих слепцов... Были еще при царском дворе слепцы *домрачеи*, которые распевали, без сомнения, сказки и былины о богатырях князя Владимира, с аккомпанементом *домры* – струнного инструмента вроде гитары. Они же играли и русские песни. Встречаются известия и о *бахарях*, которые говорили, т. е. рассказывали песни и сказки. Бахарь был почти необходимым лицом в каждом зажиточном доме.

В числе обыкновенных и самых любимых развлечений государя была игра в шахматы, и однородные с нею игры *тавлеи*, *саки* и *бирки*. По свидетельству иностранцев, во дворце каждый день играли в шахматы. Сколько обыкновенна и в какой силе была эта игра, мы можем судить уже по тому, что при дворце в Оружейной палате состояли на службе особые мастера, токари, которые занимались единственно только приготовлением и починкою шахмат, отчего и назывались *шахматниками*.

Вообще развлечения и увеселения того времени были не так бедны, как мы предполагаем; они отличались только особым характером, который, как мы уже заметили, соответствовал времени и вкусам тогдашнего общежития.

Во дворце была особая *Потешная палата*, в которой разного рода *потешники* забавляли царское семейство песнями, музыкою, пляскою, танцованьем по канату и другими эквилибристическими «действами». Отлагая все подробности о подобных забавах для особой главы[1], мы упомянем, что в числе этих потешников были *веселые* (скоморохи), *гусельники, скрыпотчики, домрачеи, накрачеи, органисты, цимбальники* и т. п. Известно также, что в дворовом штате царя состояли *дураки-шуты* и у царицы *дурки-шутихи*, *карлы* и *карлицы*. Они пели песни, кувыркались и предавались разного рода веселостям, которые служили немалым потешением государеву семейству. По словам иностранцев, это была самая любимая забава царя Федора Ивановича.

Весьма часто государь проводил время в рассматривании разных работ золотых дел мастеров, ювелиров или алмазников, иконописцев, серебреников, оружейников и вообще всех ремесленников, которые что-либо изготовляли для украшения царского дворца или для собственного употребления государя. Зимою, особенно по праздникам, цари любили смотреть медвежье поле, т. е. бой охотника с диким медведем. Раннею весною, летом и во всю осень они часто выезжали в окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потеха – любимая царя Алексея Михаиловича – начиналась нередко с самого утра и потому изменяла обыкновенный порядок дня. Вообще лето государь проводил большею частью в загородных дворцах, развлекаясь охотою и хозяйством. Зимою он хаживал иногда сам на медведя или на лося, охотился за зайцами.

Оканчивая день после вечернего кушанья, государь снова шел в Крестовую и точно так же, как и утром, молился около четверти часа. Когда государь почивал один, именно в те дни, которые для того установлены были Церковью, то в том же покое ложился и постельничий, который всегда убирал и охранял царскую постелю, а иногда *стряпчий с ключом*, сохранявший ключ от комнаты, и один или два спальника, самых приближенных. В смежной комнате ложились еще ше-

[1] См. гл. V в ч. II настоящего сочинения. – *Ред.*

стеро других лиц из *стряпчих* и *спальников*, известных своею верностью и преданностью. В третьей комнате помещалось несколько стряпчих и дневальных *жильцов*. У внешних дверей сторожили *истопники*.

Представив в кратком очерке обряд комнатной жизни государя, перейдем теперь к обозрению богомольных царских выходов, которые составляют одну из самых видных сторон древнего царского быта.

Благочестивые московские цари, подобно императорам византийским и, без сомнения, в подражание им, совершали богомольные выходы в каждый церковный праздник, присутствовали при всех обрядах и торжествах, отправляемых Церковью в течение всего года. Эти выходы придавали церковным празднествам еще более блеска и торжественности. Государь являлся народу в несказанном великолепии, которое засвидетельствовано даже всеми иностранцами, видевшими подобные выходы. И это было необходимо в то время по самому значению древнего царского сана. Притом церемония, обряд составляли одно из главнейших условий тогдашнего общественного быта, и потому каждый шаг вне дома, а тем более в быту государей, по необходимости становился церемониальным, торжественным. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя к обедне и вообще к церковной службе в известные праздники были не что иное, как церемониальные шествия, которые поэтому возвещались нередко, смотря по важности празднества, особым колокольным звоном, который и назывался *выходным*. «А когда царь ходит молитися к празником в Кремль, и в Китай, и в Белый Царев город, в монастыри и по соборам, и к мирским приходским церквам, и в то время звон государю царю един, да празднику три звоны, куда идет...»[1].

[1] Русская Историческая библиотека. Т. III. – С. 1; Древняя Российская вивлиофика. Т. XI. – С. 38.

К обедне государь выходил обыкновенно пешком, если было близко и позволяла погода, или в карете, а зимою в санях, всегда в сопровождении бояр и прочих служилых и дворовых чинов. Великолепие и богатство выходной одежды государя соответствовали значению торжества или праздника, по случаю которого делался выход, а также и состоянию погоды в тот день. Относительно верхней одежды: летом он выходил в легком шелковом опашне и в золотной шапке с меховым околом, зимою в шубе и в горлатной лисьей шапке, осенью и вообще в ненастную, мокрую погоду – в суконной однорядке. Под верхнею одеждою был обычный комнатный наряд – зипун, надеваемый на сорочку, и становой кафтан. В руках всегда был посох инроговой (единороговый) или индейский, из черного дерева, или простой из карельской березы (каповый). И те и другие посохи были украшены дорогими каменьями. Во время больших праздников и торжеств, каковы были Рождество Христово, Богоявление, неделя Ваий, Светлое Воскресенье, Троицын день, Успение и некоторые другие, государь облекался в *наряд царский*, к которому принадлежали: царское платно, собственно порфира, с широкими рукавами царский становой кафтан, царская шапка или корона, диадима или бармы, наперстный крест и перевязь, возлагаемые на грудь; вместо посоха – царский серебряный жезл. Все это блистало золотом, серебром и дорогими каменьями. Самые башмаки, которые надевал государь в это время, были также богато вынизаны жемчугом и украшены каменьями. Тяжесть этого наряда, без сомнения, была очень значительна, и потому в подобных церемониях государя всегда поддерживали под руки стольники, а иногда и бояре из ближних людей.

Свита, окружавшая государя, была также одета более или менее богато, смотря по значению празднества и соответственно одежде государя. Для этого из дворца отдавался приказ, в каком именно платье быть на выходе. Если ж боярин был недостаточен и не имел богатой одежды, то на время выхода такую одежду выдавали ему из царской казны. Впоследствии при царе Федоре Алексеевиче издан был даже особый указ,

1680 г. декабря 19, которым назначено было, именно в какие господские и владычни праздники и в каком платье быть во время царских выходов.

Общим для всех выходным платьем назначена была ферезея – верхнее платье, род опашня. По богатству материй ферезеи разделены были на три разряда: *золотые*, из *золотных* материй, *бархатные* и *объяринные*, из шелковых материй моаре.

В *золотых ферезеях* указано быть на выходах в день Нового лета (1 сентября), на Рождество Христово, на Богоявлениев день, на Благовещениев день, на Светлое Христово Воскресение, на Вознесеньев день, на Троицын день, в день Входа во Иерусалим, в день Федора Стратилата и в день мученицы Агафии (царские ангелы), в день Нерукотворенного Спасова Образа, в день Успения Пресвятые Богородицы, в день Ризы Господни.

В *бархатных ферезеях*: на Рождество Пресвятые Богородицы, в день Воздвижения Честного Креста, в день Пресвятые Богородицы Казанской, в день Пресвятые Богородицы Введения, в день Пресвятые Богородицы Знамения, в день Сретения Господня, в день Страшного Суда, на Сборное Воскресение, на Покров Пресвятые Богородицы, в день Архангела Михаила, в день Николая Чудотворца, в день Петра, Алексея, Ионы и Филиппа Московских чудотворцев, на Обрезание Господне, в день Иоанна Богослова, в день Иоанна Белоградского, на Святую неделю, на Ангелы государские (т. е. царского семейства).

В *объяринных*: в день Сергия Чудотворца, в день Иоанна Златоустого, в день Саввы Сторожевского, в день Григория Богослова, в день Трех Святителей, в день Черниговских чудотворцев, в день вмч. Георгия, в день царевича Иоасафа, в день царевича Дмитрия, в день пророка Илии, в воскресные дни, также на святках от Рождества Христова до Богоявлениева дни и в сочельники, в навечерии Рождества Христова и Богоявления[1].

Во время шествия свита разделялась рядами; люди меньших чинов шли впереди, по старшинству, по два или

[1] Полное собрание законов Российской Империи. – № 850.

по три человека в ряд, а бояре, окольничие, думные и ближние люди следовали за государем. На всех выходах в числе царской свиты находился постельничий *со стряпнею*, т. е. с разными предметами, которые требовались на выходе и которые несли за постельничим стряпчие, именно: *полотенце* или носовой платок, *стул с зголовьем* или подушкою, на котором садился государь; *подножье*, род ковра, на котором становился государь во время службы; *солношник* или зонт, защищавший от солнца и дождя, и некоторые другие предметы, смотря по требованию выхода. Когда государь выходил на богомолье в приходскую или монастырскую церковь, то вперед несли особое *место*, которое обыкновенно ставилось в церквах для царского пришествия. Оно было обито сукном и атласом красного цвета, по хлопчатой бумаге, с шелковым или золотным галуном. Стряпчие вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посох, шапку и пр. На малых выходах они выносили только полотенце (платок) и подножье теплое или холодное, смотря по времени года.

Царь Иван Васильевич выходил к обедне в сопровождении *рынд*. Итальянец Барберини описывает подобный выход (1565 г.) следующим образом: «Отпустя послов, государь собрался к обедне. Пройдя залы и другие дворцовые покои, он сошел с дворцового крыльца, выступая тихо и торжественно и опираясь на богатый серебряный вызолоченный жезл. За ним следовали более осмисот человек свиты в богатейших одеждах. Шел он посреди четырех молодых людей, имевших от роду лет по тридцати, но сильных и рослых: это были сыновья знатнейших бояр; двое из них шли впереди его, а двое позади, но в некотором отдалении и на ровном расстоянии от него. Они одеты были все четверо одинаково: на головах у них были высокие шапки из белого бархату, с жемчугом и серебром, подбитые и опушенные вокруг большим рысьим мехом. Одежда на них была из серебряной ткани, с большими серебряными же пуговицами до самых ног; подбита она была горностаями; на ногах сапоги белые, с подковами; каждый на плече нес красивый большой топор, блестевший серебром и золотом».

Если выход совершался в какой-либо монастырь или церковь вне Кремля и притом зимою, то государь шел обыкновенно в санях или, по древнему выражению, *шел саньми*. Сани были большие, нарядные, т. е. раззолоченные, расписанные красками и обитые персидскими коврами. *Возницею* или кучером в этом случае бывал стольник из ближних людей, но т. к. в старину ездили без возжей, то возница сидел обыкновенно верхом. Другой ближний стольник стоял на ухабе или в запятках. Так обыкновенно выезжал царь Михаил Федорович. Царь Алексей Михайлович выезжал с большею пышностью. У его саней на *наклестках*, т. е. по сторонам места, где сидел государь, стояли знатнейшие бояре, один справа, другой слева; *на оглоблях* у санного переднего щита стояли ближние стольники, также один с правой стороны, другой с левой. Около государя, за саньми, шли бояре, окольничие и прочие сановники. Весь поезд сопровождался отрядом стрельцов в числе 100 чел. с батогами в руках «для тесноты людской».

Впрочем, порядок царских богомольных выходов не всегда был одинаков и изменялся сообразно празднеству или особому торжеству, на котором присутствовал государь. Поэтому, чтоб указать подробности в этом отношении, мы представляем обзор всех более замечательных царских выходов во весь год, а вместе с тем и обзор тех празднеств и церковных «действ», по случаю которых совершались выходы.

Первый выход был в Новый год, 1 сентября, к молебному пению «о начатии нового лета» или на «летопровождение», к «Действу многолетного здоровья». По уставу, оно совершалось в четвертом часу дня, иногда в пятом, т. е. по нашему счету около 9 ч. утра. Благовест в реут и звон большой заранее собирал к Действу великое множество народа, главным образом по обязанности все служилое сословие от меньших чинов и до великих.

Для Действа на соборной площади, против северных дверей Архангельского собора и, стало быть, перед Красным

крыльцом, устраивался обширный помост, огражденный красивыми точеными решетками, расписанными разными красками, местами с позолотою. Самый помост покрывался турецкими и персидскими цветными коврами[1]. С восточной стороны к свободному пространству между Архангельским собором и колокольнею Ивана Великого на помосте поставляли три налоя, два для двух Евангелий и один для иконы Симеона Столпника Летопроводца. Перед налоями ставили большие свечи в серебряных подсвечниках, а также столец и на нем серебряную чашу для освящения воды.

С западной стороны перед этою святынею поставляли рядом два места, патриаршее слева и царское справа, патриаршее с ковром мелкотравным со зверьми, и царское обитое или червчатым бархатом, или серебряным участком, парчою, или же другими подобными тканями. Впоследствии к концу XVII столетия для государя ставили более нарядное место, по подобию трона, резное, вызолоченное, высеребренное и расписанное красками. Оно имело вид пятиглавого храма, с одною главою большою в средине и четырьмя малыми по углам; главы были устроены из слюды, сквозные и украшены на верхах двуглавыми золочеными орлами. Место имело створные двери слюдяные и вокруг рамы с слюдяными оконницами. Мы увидим, что такое же место ставилось и на других действах и церемониях.

Патриарх выходил на Действо из западных врат Успенского собора в преднесении икон, крестов и хоругвей и в сопровождении духовенства в богатейших облачениях. В числе святыни, выносимой к этому Действу, самое видное место занимали икона Богородицы письма Петра митрополита московского Чудотворца, иконы его Чудотворца и Чудотворца Ионы Митрополита, а также икона Богородицы «Моление о Народе». Это была святыня в собственном смысле московская и, так сказать, гражданская старого города Москвы. Когда таким образом выходил церковный клир на площадь,

[1] На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Д. Р. IV, 61.» См.: Дворцовые разряды. Т. IV. – СПб., 1855. – С. 61. – *Ред.*

то из дворца, с Благовещенской паперти, показывалось шествие государя. Предварительно государь из своих хором выходил в Благовещенский собор, где и ожидал времени, когда наступит шествие патриарха. Патриарший и царский выход на площадь сопровождался звоном на Иване Великом во все колокола с *реутом* или *ревутом*, как называл этот колокол простой народ. Звон не прекращался до тех пор, пока патриарх и государь не вступали на свои места. Патриарх с крестным ходом приходил к месту прежде государя. Государь шел в обыкновенном выходном наряде, более или менее богатом, смотря по состоянию погоды. Царь Федор Алексеевич с 1679 г. выходил в царском наряде, в порфире, диадиме и Мономаховой шапке, именем которой обозначались и другие царские венцы, устраиваемые по образцу древней Мономаховой шапки. Так, в 1679 г. Мономаховою шапкою названа «шапка царская новая алмазная». Сопровождавшие государя большие и малые чины все были в золотах, т. е. в парчовых одеждах и в горлатных меховых шапках. Пришедши на место, государь прикладывался к Евангелию и иконам, потом принимал от патриарха благословение животворящим крестом и рукою. Патриарх при этом спрашивал государя «о его царском здоровьи» такою речью: «А Великий Государь Царь и Великий Князь (имярек) всея Русии Самодержец! Сметь ли, Государь, о твоем царском здравии спросить, как тебя, Великого Государя нашего, Бог милует». И поклонится государю в землю. И государь противу говорит: «Божиею милостию и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев русских молитвами и твоим отца нашего и богомольца благословением дал Бог жив». Духовные власти становились по чину по обе стороны мест государева и патриаршего, бояре и весь синклит – по правую сторону государя и за его местом, также по чину. Соборная площадь еще задолго до царского выхода вся покрывалась служилыми людьми, стоявшими парадно в разных местах по предварительной росписи. На рундуке или помосте от Благовещенского и до Архангельского соборов стояли стольники, стряпчие и дворяне, а от них поодаль гости,

все в *золотах*, т. е. в золотных кафтанах; на рундуке между Благовещенским и Успенским соборами – стольники младших разрядов, а от них дьяки всех приказов, в один человек, т. е. рядом, также в золотах; от этого рундука по площади – полковники, головы и полуголовы стрелецкие в ферезеях и в кафтанах турских в бархатных и в объяринных цветных. На паперти Архангельского собора, откуда виднее была вся церемония, ставились иноземные послы и посольские чиновники и вообще приезжие иностранцы, а также приезжие посланцы из русских областей, например донские, запорожские казаки. На рундуке между Архангельским и Успенским соборами – генералы, полковники и иных чинов начальные люди и иноземцы. В задних рядах по рундукам, также на соборных папертях, стояли стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы и всяких чинов ратные и приказные люди, которые были не в золотах. А между рундуков и за рундуками на площади стояли полуголовы, и стольники, и стрельцы ратным строем с знамены, с барабаны и с ружьем, в цветном платье; а на Архангельской и на Благовещенской церквах (на кровлях) и на Ивановской колокольне и по Красному крыльцу, и по лестницам, и по всей площади стояли всяких чинов люди – всенародное множество.

При начатии службы духовные власти: митрополиты, архиепископы, епископы и прочие – подходили по двое и поклонялись прежде царю, а потом патриарху. По совершении службы патриарх осенял крестом государя и «здравствовал» ему длинною речью, которая заключалась следующим: «Дай, Господи! Вы, государь царь и великий князь (имрек), всея Русии самодержец, здоров был с своею государынею[1] царицею и великою княгинею, а нашею великою государынею (имрек) и с своими государевыми благородными чады, с царевичами (имрек) и с царевнами (имрек) и с своими государевыми богомольцы с преосвященными митрополиты и со архиепископы и с епископы и с архимандриты и с игумены и со всем освященным собором и с бояры и с христолюбивым воинством

[1] Следует читать: государевою. – Ред.

и с доброхоты и со всеми православными христианы. Здравствуй, царь государь, нынешний год и впредь идущие многие лета в род и род вовеки»[1]. Государь благодарил краткою речью и потом прикладывался к Евангелию и святым иконам. После того государя и патриарха поздравляли с Новым годом духовные власти, подходя по два в ряд и низко поклоняясь. Государь отвечал наклонением головы, а патриарх – благословением. Потом поздравляли государя бояре и все светские сановники, кланяясь большим обычаем, т. е. почти до земли, причем один из старейших говорил поздравительную речь. Государь ответствовал им также поздравлением. Затем бояре поздравляли патриарха, властей и весь освященный собор; старейший боярин говорил речь, на которую духовенство отвечало тоже поздравлением и благословением. Когда оканчивались эти обоюдные поздравления гражданского и церковного синклита с новым летом, государя поздравляла вся площадь, все стрелецкие полки, бывшие «на стойке» при этом действе, и все многое множество народа, весь мир – все в одно мгновение ударяли челом в землю и многолетствовали царскому величеству. Государь ответствовал «миру» поклоном. По свидетельству очевидцев, «это была самая трогательная картина благоговейного почтения венценосцу»[2]. По окончании действа государь, приложившись ко кресту и приняв благословение у патриарха, шествовал в церковь Благовещения к обедне или к себе в хоромы.

Это был праздник царский, в собственном смысле государственный и гражданский. Поэтому первое место здесь принадлежало особе государя, которому и воздавалось общее чествование.

В большие церковные праздники и некоторые церковные Действа, каково было «Действо Пещное», а также в праздники патриаршие в Дому Пресвятой Богородицы, т. е. в Успенском

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. X. – С. 8; Русская Историческая библиотека. Т. III. – С. 2, 13.

[2] Сказание Адольфа Лизека. – Журнал Министерства Народного просвещения. – 1837. – Ноябрь.

соборе, в Успеньев день и на память св. Петра митрополита, патриарх обыкновенно приходил к государю звать его на празднество, причем ему всегда предшествовал соборный ключарь, несший животворящий крест на блюде да святую воду. Обычно государь встречал его в сенях своих палат или хором. Святитель благословлял царя крестом и кропил святою водою, потом сказывал приветственную заздравную речь и звал государя: «А великий государь царь и великий князь (имрек) всея Русии самодержец! Чтобы еси государь пожаловал на праздник (имя праздничного дня) вечерню и молебен и всенощное и заутреню и обедню слушал». И если то был праздник патриарший, то святитель присовокуплял: «А в Дому бы у Пречистой Богородицы и у великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы и у нас, своих богомольцев, пожаловал бы еси хлеба ел».

8 сентября, в день Рождества Богородицы, на праздник в Дому царском, где находился у царицы на Сенях храм Рождества Богородицы, патриарх со властьми служил у праздника и хлеба кушал у государя, по всему вероятию, также по особому зову со стороны государя.

У обедни за государем бывали бояре, окольничие, думные и ближние люди (в 1679 г.) «в однорядках с плетенками, а иные в охобнях с нашивками золотными и серебряными, а стольники и стряпчие в таких же охобнях, а стояли в паперти и в церковь не входили ни один человек», потому что церковь была не обширна и притом у царицы на Сенях, куда не всякие люди допускались.

15 сентября государь сопровождал до Лобного места крестный ход «в Басманники» к церкви Сретения Владимирской Богородичной иконы (ныне Никиты мученика).

Мы уже говорили, что выходы государя к церковным службам совершались во все более или менее значительные празднества. Не упоминая о рядовых выходах, остановимся на более торжественных.

22 октября государь сопровождал крестный ход, установленный в память избавления Москвы от польского плена в 1612 г. помощию и молитвами Пречистой Богородицы ико-

ны Казанской. В первое время этот ход совершался к церкви Введения на Сретенке, где находился и дом князя Пожарского. Накануне празднества государь приходил туда к вечерне. Впоследствии, когда в 1636 г. был построен Казанский собор, крестный ход совершался в этот новый храм, как он совершается и доныне.

В самый день праздника государь, подняв икону Спасителя из своего Верхоспасского собора, а также и иконы из Благовещенского, шествовал крестным ходом в Успенский собор. Против угла Грановитой палаты его встречал патриарх со властьми, *знаменался* (молился – крестился) у государевых икон и, подав государю благословение, входил с ним в собор, где государь по неуклонному порядку также знаменался у святых икон, у Спасителевой ризы и чудотворных мощей святых митрополитов. Певчие в то время пели государю многолетие *демеством*. После того выходил весь соборный крестный ход, следовавший в Спасские ворота к Лобному месту и оттуда Красною площадью к Казанскому собору. По обыкновению государя сопровождали бояре и весь его царский чин или чиновный предстоящий лик. После литургии этот крестный ход, разделившись на части, следовал также и вокруг по стенам трех городов Москвы, вокруг Кремля, Китая и Белого города, а впоследствии и по Земляному городу, причем и государь шествовал по стенам Кремля, всходя на город у Никольских ворот и, обошедши за честными крестами и святыми иконами и за патриархом вокруг города, сходил у тех же ворот с другой стороны. После того государь сопровождал свою икону Спасителя к себе во дворец, а другие иконы для почести сопровождали по своим местам бояре, думные дворяне и думные дьяки.

По городам во время окружного крестного хода везде у городских ворот с молебным пением святили воду и, идя по стенам, окропляли города святою водою. Такое хождение святыни по городам продолжалось около 3 ч. Кроме московской святыни, т. е. Богородичных икон Владимирской, Петровской, что писал св. Петр митрополит, и Моления о Народе, в этих

крестных ходах носимы были святые мощи, по Кремлю, рука апостола Андрея и по Китаю глава Иоанна Златоуста.

В половине декабря, в неделю Праотец, в Успенском соборе бывал «чин воспоминания сожжения триех отроков или Пещное Действо», которое совершалось во время заутрени. Посреди собора между столпами ставили устроенную из дерева решетчатую пещь в виде огромного фонаря, расписанную суриком и другими красками. Для изображения горящей печи фонарь по решеткам со всех сторон был унизан железными шанданами (400 штук), в которых горели восковые свечи. Во время Действа сверху в эту печь спускался ангел, т. е. вырезанное изображение ангела, писанное на харатье, на пергамене. Действующими лицами были три отрока и два халдея из патриарших певчих, наряженных, отроки в полотняные стихари, а халдеи в особый халдейский наряд, состоявший из юп или гуп (юпок), сшитых из красного сукна с оплечьями из меди-шумихи. Шапки у тех и других были: на отроках – деревянные с горностаевою опушкою, на халдеях – медные с опушкою из заячины, расписанные красками и золотом. Халдеи при этом ходили с пальмовыми ветвями, по одной в каждой руке, а отроки – с зажженными свечами.

Действо заключалось в том, что отроки, связанные полотняным ужищем, вводимы были халдеями в пещь и должны были сгореть, для показания чего в пещи стоял горн с горящими угольями, в которые халдеи из трубок пускали плаунтраву, порошок этой травы, воспламенявшийся и таким образом представлявший пещной огнь. В это время архидиакон кликал по строкам, а отроки жалобно пели в пещи тоже по строкам. Затем сверху с великим шумом и громом посредством устроенных для того трещоток спускался в пещь ангел. Отроки поклонялись ему, брали его за крылья и три раза обходили с ним в пещи кругом, воспевая следуемые строки. После того ангел взлетал вверх, а халдеи выводили из пещи

спасенных отроков и ставили их перед патриархом. Они пели святителю многолетие. Потом певчие на оба клироса пели многолетие государю. В это время подходил к нему патриарх со властьми и многолетствовал, затем подходили бояре и также многолетствовали. Государь приходил в собор к Действу в предшествии халдеев, носивших пальмы в руках. С этого дня и до отдания празднества Рождества Христова на всех выходах патриарха к церковным службам ему всегда предшествовали халдеи, а за ними отроки с пением.

---

24 декабря, в сочельник, накануне Рождества рано утром государь делал тайный выход в сопровождении только отряда стрельцов и подьячих Тайного приказа в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавал милостыню тюремным сидельцам, полоняникам (пленным), богаделенным, увечным и всяким бедным людям. По самым улицам, где проходил государь, он также раздавал милостыню нищим и убогим, которые, без сомнения, во множестве собирались даже из отдаленных мест к таким боголюбивым царским выходам. В то же время как государь навещал таким образом всех заключенных и сирых, доверенные лица из стрелецких полковников или подьячих Тайного приказа раздавали милостыню на Земском дворе, также и у Лобного места и на Красной площади. И можно сказать, что ни один бедный человек в Москве не оставался в этот день без царской милостыни: каждому было чем разговеться, каждый был с «праздником». Такие царские выходы «тайно» делались, как мы увидим ниже, и накануне других больших праздников и постов. В Рождественский сочельник они совершались рано утром, часу в пятом. Приводим здесь подлинную расходную записку по случаю выхода царя Алексея Михайловича в 1664 г.: «Декабря в 24 числе за четыре часа до света великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец изволил ходить на большой тюремный и на Аглинской дворы и жаловал своим

государевым жалованьем милостынею из своих государских рук на тюремном дворе тюремных сидельцов, а на Аглинском дворе полоняников, поляков и немец и черкас. А роздано его государева жалованья на тюремном дворе в избах в *опальной* поляком 98 чел. по рублю, в *барышкине* 98, в *заводной* 120, в *холопье* 68, в *сибирке* 79, в *розбойной* 160, в *татарке* 87, в *женской* 27, тюремным сторожем 8, всего 647 чел. по полтине. На Аглинском дворе (пленным) полковнику 40 руб., маиору, ротмистру, капитаном трем, порутчику, всего 6 чел. по 2 руб.; шляхте 74, по рублю; подхорунжему, квартемейстром трем, судье войсковому, кухмистру, полковым писарем двум, рейтаром 14, капралом 13, сержантом 3, оседачем 76, драгуном 114, гайдуком 3, челядником 142, черкасам 21, казаком 3, мещаном 2, шляхтянке, всего 407 чел. по полтине. Да великий же государь жаловал из своих государских рук, идучи от Аглинского двора в Белом и в Китае городах, милостынею ж Агеева полку Шепелева бедных и раненых солдат и нищих бесщотно. Да по его ж, великого государя, указу роздавали нищим же полковник и голова Московских стрельцов Артамон Матвеев у *Лобного места*; Василий Пушечников да приказу Тайных дел подьячей Юрий Никифоров на *Красной площади*. Всего роздано бесщотно 157 руб. 4 алт. Да приказу ж Тайных дел подьячей Федор Казанец роздал милостыни ж Земского приказу колодником: под палатою 119, за решеткою 5, в женской 27, в приказной избе и которые за приставы 38, всего 189 чел. по полтине... Всего роздано нищим, колодникам и стрельцам, сопровождавшим государя, 1131 руб. 4 алт. Того ж числа ввечеру великий государь изволил итить к Зиновею расслабленному, который лежит у Рожественского священника Никиты, и указал дати своего государева жалованья милостыни ему, Зиновею, 5 руб.; казненным, которые живут у него ж, священника, на дворе, 5 чел., по рублю...».

Совершив утренний выход по тюрьмам и богадельням, государь, переодевшись и отдохнув, шествовал в Столовую избу или Золотую палату или же в одну из придворных церквей к *царским часам* в сопровождении бояр и всех думных

и ближних чинов. Потом в навечерии праздника государь выходил в Успенский собор к вечерне и к *действу многолетия*, также вместе с боярами и прочими чинами. На этом выходе государь был почти всегда в белой шелковой шубе с кованым золоченым кружевом и золотною нашивкою; бояре также были в белых тафтяных шубах. Во время службы соборный архидьякон *кликал* многолетие государю и всему царскому семейству по именам. По совершении действа патриарх со властьми и со всем собором здравствовал государю, т. е. говорил *титло* и многолетствовал. Государь поздравлял патриарха и властей. Затем государю здравствовали бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и иных чинов люди, причем первенствующий из бояр от лица всех говорил *титло* и поздравительную речь по известной форме. Государь «своим милостивым словом» поздравлял всех сановников и народ. После того бояре и все светские чины здравствовали патриарху и властям. Тот же боярин говорил и патриарху *титло* и речь. По окончании поздравлений государь, приняв от патриарха благословение, шествовал во дворец. При царе Михаиле Федоровиче в сочельник в собор выходу не было. Царские часы и действо многолетия отправлялись в Золотой палате или в Столовой избе. Многолетие *кликал* благовещенский дьякон, здравствовал государю духовник его, благовещенский протопоп[1].

После многолетия, часу в пятом, когда уже совсем смеркалось, приходили во дворец *славить Христа* соборные протопопы и попы и певчие *станицы*[2], т. е. хоры государевы или собственно дворцовые, также патриаршие, митрополичьи и разных других духовных властей, имевших у себя свои особые хоры. Государь принимал их в Столовой избе или в Передней палате и жаловал им по ковшу белого и красного меда, который в золотых и серебряных ковшах подносил один из ближних людей. При этом они получали и *славленое*. Таким

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. VI. – С. 187.

[2] Каждая станица государевых певчих состояла из пяти человек: *вершника*, *нижника, демественника* и двух *путников*.

же образом соборяне и певчие ходили славить к царице и потом к патриарху, где также пили мед и получали славленое. Славленые деньги выдавались, смотря по важности и значению причта, одним больше, рублей по 12 на собор; другим меньше, по рублю, по полтине и даже по 8 алт. с 2 ден., что составляло 25 коп. Во дворец славить ходили причты трех больших соборов: Успенского, Благовещенского, Архангельского, также из соборов Казанского и Покровского, из Вознесенского монастыря и от всех верховых соборов и придворных церквей – как кремлевских, так и дворцовых загородных. В особенных случаях славленый дар составлял довольно значительную сумму; так, в 1667 г. на другой день праздника, когда к государю приходили славить Христа архимандриты, архидьяконы, священники и дьяконы от Вселенских Патриархов, т. е. приезжее греческое духовенство, государь пожаловал им за славленье на весь собор 300 руб. В тот же день по царскому повелению ходили славить к Вселенским Патриархам все причты больших и придворных соборов, за что государь роздал им взамен патриархов от себя на каждый собор по рублю по 6 алт. 4 ден. Певчие получали славленое особо, которое в этом случае соразмерялось с большим или меньшим искусством в пении. Государь давал им иногда по 5 руб. человеку, а иногда по полтине, и сверх того жаловал иному даже из собственных рук рубль или два, если какой воспевака особенно отличался. Цари Алексей и сын его Федор очень любили церковное пение и потому особенно жаловали певчих и, кроме славленья, слушали иногда разные другие церковные песни. В 1661 г. декабря 30 у царя Алексея в Передней Каменной, т. е. теремной, во 2 часу ночи (в 6-м часу вечера) славили Христа воспеваки и после славленья пели ирмосы и псалмы с партеса. А перед тем в Переднюю же приходили славить от патриарха Никона из Воскресенского монастыря черный священник со старцы и славили по-гречески. Государевы певчие дьяки пользовались правом ходить Христа славить и по боярским домам, особенно к ближним и к думным государевым людям. Кроме того, государь назначал им славить Христа у дьяков, особенно у тех,

которые сидели в доходных Приказах, наживались взятками и богатели. В 1677 г. некоторые из дьяков не пустили было к себе государевых славельщиков и, разумеется, прогневали царя, так что лишились даже своих обыкновенных доходов. По этому случаю велено было им сказать, «что они учинили то дуростию своею негораздо и такого бесстрашия никогда не бывало, что его, государевых, певчих дьяков, которые от него, великого государя, Христа славить ездят, на дворы к себе не пущать; и за такую их дерзость и бесстрашие *быть им в приказах бескорыстно*, и никаких *почестей* и *поминков* ни у кого ничего ни от каких дел *не имать*. А буде кто чрез сей государев указ объявится хотя в самом малом взятке, или корысти и им за то быти в наказаньи». В самый праздник Рождества Христова государь слушал заутреню в Столовой или в Золотой палате. Во 2-м часу дня (в 10-м часу утра), в то время как начинали благовест к литургии, он делал выход в Столовую, где и ожидал пришествия патриарха с духовенством. Для этого Столовая наряжалась большим нарядом, коврами и сукнами. В переднем углу ставилось место государево, а подле него кресло для патриарха. Вошед в Столовую, государь садился до времени в свое место и приказывал сесть по лавкам боярам и думным людям; ближние люди младших разрядов обыкновенно стояли. Патриарх при пении праздничных стихер, в предшествии соборных ключарей, несших крест на мисе и святую воду, и в сопровождении митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов приходил к государю в ту же палату славить Христа и здравствовать государю с праздником. Государь встречал это шествие в сенях. После обычных молитв певчие пели государю многолетие, а патриарх говорил поздравление. Потом и государь, и патриарх садились на свои места. Посидев немного и затем, благословив государя, патриарх со властьми шел таким же порядком славить Христа к царице, в ее Золотую палату, и потом ко всем членам царского семейства, если они не собирались все для принятия патриарха у царицы. Славление у государя в первой половине XVII столетия происходило обыкновенно в Золотой

палате, а впоследствии в Столовой, иногда в Передней Каменного терема, а также и в Грановитой.

Царь Михаил Федорович пред обеднею обыкновенно ездил в Вознесенский монастырь поздравлять матерь свою – великую старицу иноку Марфу Ивановну.

Отпустя патриарха, государь в Золотой или в Столовой облекался в царский наряд, в котором и шествовал в собор к обедне. Все дворовые и служилые чины, сопровождавшие этот выход, были также богато одеты в золотные кафтаны и в ферезеи. После литургии, переменив царский наряд в соборном приделе Димитрия Солунского на обыкновенное выходное платье, государь шествовал во дворец, где потом в Столовой или в Золотой приготовлялся праздничный стол «на патриарха, властей и бояр». Этим оканчивалось рождественское празднество.

В день Рождества Христова, как и в другие большие праздники, цари не садились за стол без того, чтоб не накормить прежде так называемых тюремных сидельцов и пленных. Так, в 1663 г. в этот праздник кормлено было на большом тюремном дворе 964 чел. В расходных книгах 1664 г. находим следующее: «В праздник Рождества Христова великий государь указал польских полоняников, которые иманы на разных боях и сидят на Аглинском дворе, накормить довольно: полковника Христиана Калшетена и всех начальных людей с вином боярским, и с романеею, и с ренским, и с пивом, и с медом, а достальных полоняников всех – с вином и с медом. А для поспешенья взяти с Кормового дворца взаем 40 туш свинины, да в ряду куплено 22 туши... 16 стягов говядины, три четверти муки пшеничной доброй, четверть круп грешневых, хлебов ситных да калачей по 500; да 20 сыров, 10 гривенок (фунтов) сала, 500 яиц и проч.». Кормлено всего 487 чел. да караульных стрельцов 30 чел.

На женской половине дворца, у царицы, в этот день также совершались свои обряды. Утром, пред обеднею, у нее собирались дворовые и приезжие боярыни, в сопровождении которых она выходила в свою Золотую палату, принимала там с славлением патриарха и потом шествовала в дворцовую церковь к обедне. Приезжие боярыни вместе с поздравлением, по старо-

му обычаю, подносили царице перепечи – род сдобных крупичатых куличей или караваев. В 1663 г. царице Марье Ильичне и царевнам, большим и меньшим, 14 приезжих боярынь поднесли *четыреста двадцать шесть перепеч*[1]. Подобным же образом после обедни и царица посылала к патриарху от себя и от каждой царевны по пяти перепеч. На празднике к царице приходили славить из Вознесенского монастыря *старицы* и другие *славленицы*, а также ее крестовые дьяки, которым славленого выдавалось по рублю на человека. У малолетних царевичей славили иногда их карлы. В 1659 г. к царевичу Алексею Алексеевичу приходили славить карлы Карпунька Афонасьев да Петрушка Семенов, за что им дано 3 алт. 2 ден.

Ни один праздничный царский выход не отправлялся с таким торжеством и великолепием, как выход в день Богоявления. Государь являлся в это время народу в полном блеске своего сана, со всем великолепием и пышностью, которые во многом напоминали обычаи Востока. По словам иностранцев, стечение народа в этот день было необыкновенное: со всего государства съезжались в Москву видеть торжественный обряд освящения воды, совершавшийся патриархом на Москве-реке. Число народа, как говорит Маскевич, простиралось иногда до

[1] 172 декабря в 25 день на праздник Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, того дни государыне царице и великой княгине Марье Ильичне и государыням царевнам *большим* и *меньшим* боярыни челом ударили *перепечами*: касимовского царевича жена – 30 перепеч, сибирского царевича большего жена – 30 перепеч, сибирского царевича меньшого жена – 30 перепеч, боярина князя Ивана Петровича Пронского жена – 30 перепеч, боярина Ивана Васильевича Морозова жена – 30 перепеч, боярина Глеба Ивановича Морозова жена – 30 перепеч, боярина Михайла Михайловича Салтыкова жена – 30 перепеч, боярина Василья Васильевича Бутурлина жена – 30 перепеч, боярина Василья Ивановича Стрешнева жена – 30 перепеч, боярина князь Федора Юрьевича Хворостинена жена – 30 перепеч, боярина Петра Михайловича Солтыкова жена – 30 перепеч, стольника князь Ивана Алексеевича Воротынского жена – 30 перепеч, стольника князь Юрья Ивановича Ромодановского жена – 36 перепеч, стольника Никиты Ивановича Шереметева жена – 30 перепеч.

трехсот-четырехсот тысяч; из этого невероятного показания уже видно, как велико было торжество этого дня и какое значение оно имело для русского народа, еще в глубокой древности назвавшего этот день *водокрестием*, *водокрещами*.

В навечерии праздника государь слушал вечерню и царские часы в Столовой, иногда в Передней или в одной из придворных церквей; иногда же выходил в Успенской собор, где царские часы и действо многолетия совершались во всем подобно царским часам и действу накануне Рождества Христова, т. е. с церемониями обоюдных поздравлений государя и патриарха, бояр и духовенства, с поздравительными речами и т. д. В самый праздник государь в одной из придворных церквей или в Столовой слушал всенощное бдение и потом, пред литургиею, выходил в Успенской собор для шествия на иордань к освящению воды.

Кремлевская площадь у царского дворца между соборами вся покрывалась в это время густою толпою. Только одно место оставалось свободным: от Успенского собора и до самой Москвы-реки, где находилась иордань, строй стрельцов в цветном служилом платье, со знаменами и с барабанами, со всем ратным строем, двумя линиями пролагал широкую дорогу для крестного хода. Дорога эта шла не прямо на реку, как теперь[1]; она поворачивала влево от Успенского собора, шла между Иваном Великим и Архангельским собором, в ворота под церковью Черниговских Чудотворцев, которая находилась на месте бывшего плац-парада, где ныне воздвигается памятник императору Александру II, на краю кремлевской горы[2]. Отсюда этот путь сворачивал к Тайницким воротам, против которых устраивалась на Москве-реке иордань и особые места для царя и патриарха. По всему этому пути, как упомянуто, стояли ратным строем стрельцы; а на площади между Ивановскою колокольнею, Чудовым монастырем и церковью Черниговских Чудотворцев в конце XVII столетия ставились иногда

[1] Место между Благовещенским и Архангельским соборами было в то время застроено; здесь находился царский Казенный Двор и Казенная палата, Казна.

[2] Открыт в 1898 г. – *Ред.*

большие голанские полковые пищали (пушки), огражденные решетками резными, точеными и расписанными разными красками. При пушках стоял *пушкарский чин* во всем параде, со знаменами и в цветном платье.

Часу в 4-м дня или, по нашему счету, в 12-м утра, в то время как патриарх в Успенском соборе полагал начало службе, звон колоколов на Иване Великом возвещал народу, что государь начал шествие из своих комнат. Государь выходил в собор, обыкновенно в сопровождении бояр и прочих сановников, по Красному крыльцу. При его появлении народ, увидев пресветлые царские очи, бил челом. Государь шел тихо, в обыкновенном выходном платье, опираясь на посох индейского дерева. Иногда случалось, что он выходил в большом царском наряде. Но обыкновенно царское платье он надевал всегда в соборе, в приделе Димитрия Селунского. Вошед в собор и возложив на себя в этом приделе *царский сан*, государь при пении многолетия молился святым мощам и потом принимал у патриарха благословение. Между тем звон на Иване Великом продолжался и прекращался только в то время, как царь вступал на свое место.

В собор за государем входили одни только высшие чины: бояре, окольничие, думные и ближние люди; прочие же, начиная со стольников, останавливались на рундуке или помосте от Успенского собора до Архангельского, по обе стороны, по чинам, младшие ниже старших. Когда из западных врат собора начинался крестный ход, царь выходил и останавливался в южных вратах. Патриарх, проходя мимо, осенял его Животворящим крестом, а духовные власти отдавали ему по два поклона. Церемония поклонов духовенства происходила иногда и в соборе при начале крестного хода.

Торжественное шествие открывали стрельцы в числе 400 или 600 чел., иногда и более, выборные из стремянного и других полков, по 200 чел. из каждого. Они были в цветном лучшем платье и шли по 4 чел. в ряд: одни – с золочеными пищалями и винтовками, ложи коих украшены были перламутровыми раковинами; другие – с золочеными копьями и, наконец, третьи – с нарядными золочеными протазанами (род алебарды), у которых

ратовища или древки были обтянуты желтым или червчатым атласом, с золотым галуном, и украшены шелковыми кистями. Кроме того, здесь же шли два пятидесятника с обоюдными стальными топорами (алебардами), на древках из черного дерева, украшенных серебряными кистями. За этим блестящим отрядом стрельцов следовал крестный ход, замыкавшийся шествием патриарха. Здесь, в преднесении хоругвей, крестов и святых икон, шли митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священнический чин, по степеням, младшие впереди, все в богатейшем облачении. Одних приходских священников бывало до 300 и до 200 дьяконов.

Потом начиналось шествие государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человека в ряд. Впереди шли дьяки разных приказов и все те чиновники, которые были в бархатных кафтанах; за ними дворяне, стряпчие, стольники – в *золотах*, т. е. в золотных кафтанах; далее ближние люди, думные дьяки и окольничие в богатых шубах. Все же те, которые не имели таких богатых кафтанов, а были в объяринных или суконных, отпускались на иордань прежде шествия государя, без сомнения, для того, чтобы обыкновенными нарядами не нарушить общего блеска и великолепия.

Вслед за этим шел постельничий с *царскою стряпнею*. Впереди его человек двенадцать стряпчих несли государево платье, которое царь переменял обыкновенно на иордани. Один нес посох, другой – шапку, третий – зипун, четвертый – кафтан, пятый – шубу и т. д. Кроме этого переменного платья трое стряпчих несли на иордань царское полотенце, подножие и стул или собственно кресла и иногда – во время непогоды – солнечник или балдахин.

Государь шествовал в большом *царском наряде*. Сверх зипуна и богатейшего станового кафтана на нем было царское платно из дорогой золотной материи, с жемчужным кружевом, усыпанным драгоценными каменьями. Впоследствии, особенно при царе Федоре, эту одежду стали именовать *порфирою*. Царский венец, называвшийся, по соболиной опушке, царскою шапкой, блестел драгоценными каменьями: алмазами, изумру-

дами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая *диадима*, именуемая обыкновенно в чине царского венчания *бармами*; на груди на золотой цепи был крест Животворящего Древа, а иногда золотой крест со Спасовою Ризою. В правой руке государя был жезл, богато украшенный золотом и каменьями. Наконец, бархатные или сафьянные башмаки государя были также богато унизаны жемчугом. Под руки государя поддерживали обыкновенно двое стольников из ближних людей. Около шли бояре и думные дворяне в богатейших шубах, в высоких горлатных шапках. За ними шел окольничий, а по обе стороны царского пути шли стрелецкие полковники в бархатных и объяринных ферезеях и в турских кафтанах; они оберегали государское шествие от утеснения нижних чинов людей. Потом следовали гости в золотных кафтанах и, наконец, приказные и иных чинов люди и народ. Подле всего этого шествия с обеих сторон шли 150 или 200 чел. стрельцов стремянного полку, «в один человек» в цветных кафтанах, сто с золочеными пищалями и 50 или 100 с батожками, прутьями. При возвращении с иордани государь обыкновенно ехал в санях; для этого вслед за шествием ехали большие государевы нарядные сани, впереди которых шли дьяки Конюшенного приказа, а около – столповые приказчики и стремянные конюхи в цветных бархатных, объяринных, камчатных и суконных кафтанах.

На Москве-реке, куда тихо и торжественно следовало это шествие, пред Тайницкими воротами, над местом, где должно было совершиться действо погружения в воду честного креста[1], была устроена красивая иорданная сень, поддерживаемая четырьмя колоннами с гзымзом или карнизом, расписанным красками, серебром и золотом и украшенная золоченым же крестом наверху. По углам были изображены

[1] Чтобы дать понятие, как устраивалось это иорданское место, приведем следующую *память* из Оружейной Палаты в Земский приказ: 1670 г. декабря 28 государь указал «ныне к поставлению ерданной сени ко дню праздника Святого Богоявления генваря к 6 числу место устроить и около ердани на воде лед околоть и вычистить и в воду *ларь* деревянный, починя, опустить и укрепить и во всем против прежнего учинить из Земского приказу. И тот ларь и сваи с кольцы и конаты посланы из Оружейной палаты в Земский приказ».

четыре евангелиста, а внутри апостолы и другие святые, а также и Крещение Спасителя. Кроме того, вся иордань богато украшена была шелковыми и жестяными раскрашенными цветами, зелеными листьями и даже птицами, вырезанными из медных листов и раскрашенными также красками.

Подле иордани стояли особые места для царя и патриарха. Царское место, поставляемое на иордани обыкновенно шатерничим, было в виде небольшого круглого храма с пятью главами, сделанными из слюды и украшенными золочеными крестами. Этот пятиглавый верх утвержден был на пяти точеных столбах, расписанных по золоту виноградными ветвями; капители и базы у столбов были также позолочены и посеребрены. По этому карнизу в пригожих местах утверждены были высеребренные *доски, а на них писаны стихи к ердани*. Между столбов находились рамы с круглыми слюдяными окнами, писанные по золоту и по серебру разными красками. Одна такая рама, разделенная на два затвора, служила дверью. Нижняя часть царского места (тумба) утверждена была на пяти точеных посеребренных яблоках и украшена сквозною золоченою резьбою. Внутри это место задергивалось вокруг суконным или тафтяным занавесом. Все пространство около иорданной сени и царского и патриаршего мест, огороженное резною решеткою, устлано было красным сукном. Кроме решетки, иордань отделена была от народа еще двумя балюстрадами, покрытыми красным сукном. Когда процессия приходила на иордань и государь с патриархом вступали на свои места, по сторонам иордани становилось обыкновенно духовенство, а подле царского места – бояре и прочие высшие чины. За решеткою помещались стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, солдатского строю генералы, стрелецкие полковники и все, которые были в золотных кафтанах; за первым балюстрадом стояли те, у которых не было таких кафтанов, а далее служилые и приказные люди нижних чинов. Все пространство по Москве-реке, между Каменным и Москворецким мостами, было занято стрелецкими и солдатскими полками, стоявшими ратным строем, в цветном платье, со знаменами, с барабанами и с оружием. На Тайницкой башне

ввиду всего войска становился капитан, иногда ротмистр или другой такой же чин с *ясачным знаменем*, которым давали знак войску, чтоб бить в барабаны, делать честь празднеству и т. п. По берегам реки теснился густыми толпами народ.

Совершение обряда освящения воды происходило следующим образом. Сначала духовные власти и соборяне подходили к государю и патриарху, по степеням, по двое в ряд, и кланялись. Потом патриарх раздавал всем свечи, начиная с государя, и совершал *действо* по чину. В то время как он погружал в воду Животворящий Крест, начальные люди всех полков и знаменщики со знаменами подступали к иордани для окропления знамен святою водою. После погружения креста патриарх серебряным ведром[1] черпал воду из иордани и отдавал ключарю; потом он наполнял также святою водою государеву стопу, которую относили во дворец и окропляли там все комнаты и иконы. После этого патриарх трижды осенял государя крестом, кропил святою водою и поздравлял с торжеством. Государь вместе со всем синклитом прикладывался ко кресту, поздравлял патриарха и потом принимал поздравление от духовенства, бояр, окольничих, думных и ближних людей, причем один из первостепенных бояр говорил поздравительную речь. После того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее по Москве-реке. Крестный ход возвращался в том же торжественном порядке. Если ход бывал до обедни, то с иордани государь иногда езжал к обедне на Троицкое подворье, где была церковь Богоявления; в противном случае он возвращался с ходом в Успенский собор и, отслушав там молебен или отпускную молитву, шествовал во дворец.

В «неделю мясопустную», т. е. в воскресенье перед масляницею, после заутрени, Церковь наша совершала, как известно, *действо страшного суда*.

[1] Это ведро называлось наливкою. Древняя Российская вивлиофика. Т. X. – С. 175.

На площади за алтарем Успенского собора устраивали два места: одно для патриарха, другое для государя. Против патриаршего места ставили так называемый козел или рундук (подмостки), обитый красным сукном. На этот рундук поставляли образ Страшного Суда, большой налой с паволокою под икону Богородицыну и под святое Евангелие, и устраивали стол для освящения воды.

Государь выходил в Успенский собор в обыкновенном выходном платье; там в приделе св. Димитрия он облачался в наряд царский; потом, вышед в собор, молился, по обычаю, у местных икон и принимал у патриарха благословение крестом и рукою. Из собора патриарх в облачении и государь шествовали на место, где быть действу, с крестным ходом, при оглушительном звоне во все колокола.

Действо это совершалось по особому «чиновнику» или уставу, который сохранился в старых потребниках, и состояло в пении стихер, в освящении воды и чтении, на четыре страны, Евангелия, после которого патриарх отирал губкою образ Страшного Суда и прочие иконы, вынесенные к действу. По окончании действа патриарх осенял крестом и кропил святою водою государя, властей духовных и светских и всенародное множество, присутствовавшее при совершении сего обряда. Иногда действо происходило в Успенском соборе, а за болезнию патриарха и совсем отменялось.

Перед выходом на действо рано утром, часа за три до света, государь совершал обход всех тюрем и приказов, где сидели колодники, и всех богаделен, где жили раненые, расслабленные и малолетные сироты и подкидыши. Там он раздавал своеручно милостыню; освобождал преступников. Так как подобные выходы совершались тайно, то и сведения о них мы получаем из дел Тайного приказа или собственной канцелярии государя. В расходных записках этого приказа 1669 г. отмечено: «Февраля против 14 числа в ночи, за 2 часа до света, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... изволил ходить и жаловать своим государевым жалованьем милостынею, а роздано в богадельни на Кулишках, на Покровке, в Моисеевской,

всего 300 чел., по полтине; в Петровскую священнику да раненым стрельцам и солдатам, 60 чел. – по полтине, по конец Боровицкого мосту, в Каменные, священнику, псаломщику, 40 чел. нищим, 5 чел. сиротам – по полтине; на дворе, что был боярина Бориса Ивановича Морозова загородной, протопопу Ермилу 3 рубли, 64 чел. по полтине; на Могилицы 8 чел. по полтине, да двум малым по полуполтине; во Власьевскую, что за Пречистенскими вороты в Конюшенной слободе, 6 чел. по полтине, двум малым по полуполтине; Собору Рождества Пресвятые Богородицы, что у государя на сенях, священнику Никите 60 руб., у него ж на дворе бедным и кажненным 120 чел. по полтине; Зиновию расслабленному, и дорогою и на Аглинском дворе и нищим роздано бесщотно 114 руб.; на тюремном дворе тюремным сидельцам 828 чел. по рублю; сторожам 8 чел., под приказом колодником, в Разбойном, в Черной палате, 40 чел., в стрелецком 18 чел., в земском и под приказом колодником и в Костромской Чети 286 чел. – по полтине и пр. Всего было роздано 1496 руб. 2 алт.». Кроме того, в этот же день во дворце в Золотой или в Столовой давался стол на нищую братию. Государь сам обедал за этим столом и со всеми обрядами праздничных столов угощал своих многочисленных гостей. По окончании стола он оделял всех из своих рук денежною милостынею. В то же время по царскому указу на тюремном дворе кормили тюремных сидельцев и всех заключенных; в 1664 г. там кормлено было в этот день 1110 чел.

С половины масляницы наступали *прощеные* дни. В среду сырной недели государь посещал так называемые городские монастыри: Чудов, Вознесенский, Алексеевский и др., а также и монастырские подворья: Троицкое и Кирилловское, где прощался с братиею и больничными старцами и жаловал им денежную милостыню. В четверг и преимущественно в пятницу государь ездил в загородные московские монастыри: в Новоспасский, Симонов, Андроников, Новодевичий и др., в кото-

рых также прощался с монастырскою братиею и с сестрами и оделял их милостынею. В Новоспасском монастыре государи из дома Романовых прощались у гробов родителей. В пятницу, иногда в субботу или воскресенье, государь в сопровождении бояр и патриарх со властьми ходили для прощения к царице. Она принимала их в своей Золотой палате и жаловала к руке как бояр, так и приезжих боярынь, большею частью своих родственниц и свойственниц, которые съезжались к ней также для прощения по особому официальному зову.

В неделю сыропустную, т. е. в воскресенье перед Великим постом, поутру, пред литургиею, патриарх со всеми духовными властями, в предшествии соборного ключаря, который нес крест и святую воду, приходил *прощатися* к государю. Государь принимал его обыкновенно в Столовой избе. Отпустив патриарха, царь совершал обряд прощения с чинами дворовыми и служилыми. Он жаловал к руке бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, а также стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов, голов и полуголов стрелецких и всех приказов дьяков и подьячих. В то время как государь жаловал к руке, по правую и по левую сторону его стояли первостепенные бояре и один из них, стоявший справа, держал государя под руку. В тот же прощеный день, вечером, государь в сопровождении светских чинов шествовал в Успенский собор, где патриарх совершал обряд прощения по чину, после ектении и молитвословий, государь подходил к патриарху и, прощение говоря, прикладывался ко кресту. Власти духовные и светские также, прощение говоря, все целовали крест у патриарха и потом ходили к государю к руке[1].

Из собора государь шествовал прощаться к патриарху в сопровождении бояр и прочих чинов. У патриарха в Крестовой или в Столовой (Макарьевской) палате, которая для государева прихода наряжалась сукнами и коврами, собирались в это время и все духовные власти, т. е. митрополиты, архиепископы, епископы и архимандриты. Патриарх встречал государя на лестнице, иногда же среди Крестовой палаты; в таком случае в сенях

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. XI. – С. 21.

государя встречали власти. Встретя, патриарх благословлял государя и, приняв его под руку, шел с ним на обычные места.

Потом патриарх говорил «Достойно» и «молитву приходную», затем снова благословлял государя и всех бояр. После этого все садились по лавкам. Государь на большой лавке (что от собора Успенского, следовательно, на южной стороне палаты), патриарх на другой лавке под образами на восточной стороне, бояре – на третьей лавке, противоположной государю, следовательно, на северной стороне. По левую сторону царя к дверям палаты стояли стряпчие, стольники и спальники. В сенях Крестовой, еще до прихода государя, был устроен царский *питейный поставец* Сытного дворца с разными фряжскими винами: романеею, ренским, бастром и русскими медами, красным и белым. За поставцем сидел для отпуска всяких питей думный дворянин с думным дьяком, которые заведовали Приказом Большого дворца. У поставца находились степенный и путный ключники, чарочники и дворцовые стряпчие.

И, «посидя немного», государь указывал стольникам нести свое государево питье. Наложа по три кубка романеи, да ренского, да бастры, думный дворянин сдавал питья стольникам, которые чинно, один за другим, с кубками в руках входили в палату и подносили питья патриарху. Приняв кубки, святейший отливал из каждого для себя и потом подносил государю «всех питей по три кубка». Государь накушивал и отдавал стольникам, которые возвращали их на поставец. После того стольники тем же порядком вносили кубки для бояр; точно так же подносили их патриарху, который потом подавал боярам, окольничим и думным людям «всех трех питей по кубку».

Во второй раз с тою же церемониею подносим был в золотых ковшах красный мед: государю три ковша, боярам по одному.

Напоследок подносили в серебряных ковшах белый мед «тем же обычаем»[1]. После того государь иногда жаловал из

[1] Внизу на этой странице в рабочем экземпляре автором замечено: «Вив. VI. – С. 298». См.: Древняя Росийская вивлиофика. Изд. 2. Т. VI. – М., 1788. – С. 297–299.

своих рук чашами духовных властей: митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и потом по ковшу белого меда патриаршему боярину, дьякам, казначею, ризничему, причем чашничали те же стольники.

Когда оканчивались эти *прощальные чаши*, государь с патриархом садились на лавки по прежним местам и повелевали властям и боярам и всем присутствовавшим в палате выйти вон, а сами наедине беседовали о духовне с полчаса времени. Патриарх обращался к государю с вопросами: «А великий государь царь и великий князь (имярек) всеа Русии Самодержец! Сметь ли, государь, тобя, великого государя нашего, спросить о вере: Христианскую веру како держиши? Не держишь ли, государь, у собя какие ереси, или еретических каких книг отметных не чтешь ли? С верою ли покланяешися образу Господа Нашего Иисуса Христа и Честному и Животворящему Кресту Христову и Пречистыя Богородицы, и ангелом, и Предтечи, и Апостолом и всем написанным на иконе? С чистым ли, государь, сердцем приходиши на покаяние ко отцем своим духовным, послушание к ним имееши ли во всем их наказании духовном?».

После этой беседы духовные власти, бояре и все другие чины по призыву снова входили в палату. Патриарх, встав с места, говорил «Достойно» и *прощение*, т. е. прощальную молитву «Владыко многомилостиве»; затем благословлял государя и весь его чин.

От патриарха государь шествовал в Чудов и Вознесенский монастыри, в Архангельский и Благовещенский соборы, в которых *прощался* у святых мощей и у гробов *родителей*. Пришедши во дворец, государь в одной из приемных палат прощался с людьми «комнатными», т. е. жаловал к руке комнатных бояр, окольничих, думных и вообще ближних людей, пожалованных в эти чины «из комнаты», т. е. из числа тех лиц, которые с малолетства постоянно находились при особе государя. В это же время он прощался со всеми чинами и должностными людьми меньших разрядов своего государева двора.

Точно так же обряд прощения совершался в этот день и на половине царицы, которая в своей Золотой палате прощалась с самыми близкими родственными лицами, из бояр и других чинов, и со всем своим «двором», т. е. придворным штатом; жаловала к руке мам, верховых боярынь, казначей, постельниц, мастериц, мовниц и проч.

В этот же прощальный день цари наблюдали еще один достопамятный обычай: утром или вечером докладывали государю начальники всех Приказов о «колодниках, которые в каких делах сидят многие лета». По этому докладу государь освобождал весьма многих преступников, и особенно тех, которые «сидели не в больших винах».

На первой неделе Великого поста, во вторник, а с 1661 г. – в субботу[1] после обедни во дворец приезжали стряпчие из 35 монастырей и подносили государю и каждому члену царского семейства от каждого монастыря *по хлебу, по блюду капусты и по кружке квасу*. Повелев принять эту обычную дань, государь жаловал монастырских стряпчих *погребом*, т. е. приказывал поить их вином, пивом и медами со своего погреба.

Вот современная записка с означением всех монастырей, из которых привозили эти великопостные дары: «Во 173 (1665) г. в неделю Православия, в субботу, были у великой государыни царицы и великой княгини Марьи Ильичны из монастырей с хлебы; а подносили *по хлебу* да *по кружке квасу*, да *по блюду капусты*, на каменной лестнице, что у Мастерской Полаты, государыне царице и великой княгине Марье Ильичне, государыням царевнам и великим княжнам Ирине Михайловне, Анне Михайловне, Татьяне Михайловне, Евдокии Алексеевне, Марфе Алексеевне, а из которых монастырей стряпчие подали хлеб и капусту и квас, и то писано ниже сего:

Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря, из Володимеря Рожественского монастыря, Чудова, Спасского, что на Новом; Симонова, Спасского Андроньева, из Звенигорода Сторожевского, с Костромы Ипацкого, из Переяславля Залесского Горицкого, Нового девича, Вознесенского девича, из Суздаля

[1] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. IV. – № 124.

Покровского девича, из Можайска Лужецкого, из Ростова Богоявленского, с Костромы Богоявленского, из-за Торгу (в Москве) Богоявленского; Знаменского, что на Государеве старом дворе; из Ярославля Спасского, из Боровска Пафнутьева, с Волоколамского Иосифова, из Суздаля Спаса Еуфимьева, из Переяславля Залесского Данилова, из Ростова с устья Борисоглебского, Никольского Угрешского, из Кашина Колязина, из Переяславля Залесского Никицкого, Пречистыя Богородицы Донского, Данилова, Новинского, Златоустовского, из Переяславля Залесского Федоровского, из Серпухова Владычня, из Серпухова Высоцкого, Бежецкого верху Никольского Антоньева, из Дмитрова Никольского Пестышского». Впоследствии хлебы подавались еще из Воскресенского монастыря, что на Истре, построенного патриархом Никоном.

Таким же образом и из тех же монастырей подносили хлебы, капусту и квас патриарху, боярам, окольничим, думным и ближним людям, думным дьякам, крайчему, стряпчему с ключом и, наконец, всем приказным людям и особенно своим вкладчикам. Заготовляя эту дань, монастыри начинали печь хлебы еще за неделю, с понедельника первой недели поста. Здесь следует припомнить также, что монастыри всегда славились искусным печеньем хлеба и отличным приготовлением квасов и капусты. При царе Михаиле Федоровиче славился своими квасами монастырь Антония Сийского (Архангельской губ. в Холмогорском у.), так что государь посылал туда «для ученья квасного варенья» своих хлебников и пивоваров.

На первой же неделе Великого поста, в среду или субботу, а иногда и в другой день, после обедни, в Столовой избе государь сам раздавал боярам и прочим чинам так называемые *укруги*, т. е. ломти калача, фряжские вина и разные сласти, сушеные и вареные в сахаре, в меду и патоке фрукты. К патриарху с такою *укругою* государь посылал стольника, иногда же боярина, а ко властям – дворовых людей.

В 1667 г. подобная присылка с укругою к патриарху заключалась в следующем: кубок романеи, кубок ренского,

кубок малвазии, хлебец кругличатый, полоса арбузная, горшочек патоки с инбирем, горшочек мазули с шафраном, горшочек мазули с инбирем, три шишки ядер (кедровых орехов)[1]. Укруга для властей была в меньшем размере: в 1652 г. митрополиту Никону прислан был калач, романея и несколько горшечков со сластьми». Духовенству меньших разрядов, например строителям монастырей, посылали только «кубок романеи да укруг (ломоть) калача».

В пятницу первой недели патриарх в Успенском соборе молитвословил над *коливом*[2], которое потом раскладывал на серебряные блюда и с соборным протопопом посылал к государю и ко всем членам царского семейства. В Соборное воскресенье Церковь совершала «действо Православия» в память восстановленного благочестия и почитания святых икон, на котором возглашается вечная память православным и анафема еретикам. Действо совершалось пред обеднею на Соборной площади за алтарями Успенского собора, где ставились для икон кресла или подмостки, обитые красным сукном, и особые места для государя и патриарха.

Государь выходил к действу в царском наряде, в преднесении чудотворных икон, которые поднимались из комнат царских и из Верховых соборов Благовещенского, Спасского за Золотою Решеткою, Рождественского на Сенях. Царский выход возвещался обыкновенным звоном. Патриарх встречал иконы и государя, вышед из собора; кадил, прикладывался к иконам и потом благословлял государя крестом. При входе государя в собор певчие пели ему многолетие. Потом, после обычных молитв и обрядов, церковный клир выходил с иконами на действо при звоне в «валовые», т. е. во все колокола.

В то время когда протодьякон при чтении соборного Синодика возглашал: «Аще кто не почитает и не кланяется

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. VI. – С. 301.

[2] Вареная пшеница, приправленная медом и сладкими ягодами. В расходной книге митрополита Никона 1652 г. записано между прочим: «Марта 5 в пятницу первыя недели Великаго поста, куплено в *коливо* 5 ф. пшена сорочинского, 4 ф. изюму, 2 ф. ягод винных, 2 ф. изюму коринки. – Временник Императорского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 13.

святым иконам, да будет анафема», – государь сходил со своего места и прикладывался к иконам, затем прикладывался патриарх со властьми, все светские чины и весь народ. После того протодьякон «кликал» государю многолетие. Патриарх со властями здравствовал государю и говорил *титло*. Государь поздравлял патриарха, и таким образом чин поздравлений совершался тем же порядком, как и на царских часах в рождественский и богоявленский сочельники. По окончании действа государь слушал в соборе литургию.

В конце XVII столетия действо Православия совершалось большею частию, как и теперь, в Успенском соборе.

На Благовещение государь выходил ко всенощному и к обедне в Благовещенский собор. За всенощным патриарх совершал «чин хлеболомления». Благословив благодарные хлебы и вино, он раздроблял первые и подносил государю часть, а иногда и целый хлеб вместе с кубком вина. Потом раздавал властям и боярам – каждому по целому хлебу и по целой стопе вина. Хлебы эти назывались также *укругами*. Такие укруги (собственно ломти) с небольшою частью вина получал и народ. К царице и ко всему семейству государя патриарх посылал укруги с ближним боярином, за которым стольники и несли хлеб и кубки с вином.

Для праздника Благовещения Пресвятыя Богородицы государь нередко в своих покоевых хоромах, т. е. в Комнате и Передней, «кормил нищих». Так, в 1668 г. были «кормлены по Комнате и по Передней нищие 60 чел., и великий государь жаловал их из своих государских рук милостынею: 10 чел. по два рубли, 50 чел. по одному рублю». В 1664 г. подобное же кормление нищих для праздника Благовещения происходило на Аптекарском дворе под надзором дьяка Тайного приказа. Нищих собралось 682 чел. Им на уху куплено живой рыбы: 23 щуки – в три чети, в аршин и больше, 42 язя, карась, окунь росольной – всего 67 рыб, на 26 руб.; триста хлебов по

2 ден. за хлеб. Денежной милостыни роздано было за столом 300 чел. по 6 ден., а остальным по 2 ден. человеку.

В неделю Ваий, которая называлась также неделею *цветною*, *цветоносным* и *вербным воскресеньем*, *цветоносием*, в старину совершался обряд шествия на осляти в воспоминание входа Христа Спасителя в Иерусалим. Известия об этом церковном обряде не восходят раньше XVI столетия. В то время в Москве шествие происходило только в Кремле, около соборов; с XVII столетия оно совершалось уже за Спасские ворота ко Входу во Иерусалим – придельному храму Покровского собора (ныне Василий Блаженный).

Во второй половине XVII столетия обряд шествия на осляти происходил следующим образом. По обычаю, патриарх приходил к государю звать его к торжеству и говорил обычную речь: «А великий государь царь и великий князь (имярек) всеа Русии Самодержец! Чтобы еси, государь, пожаловал в сию приидущую неделю (воскресенье) под святым Евангелием и под животворящим крестом осля вел». Государь ответствовал: «Аще Бог изволит». В самый день Цветоносия после ранней обедни государь выходил в Успенский собор в праздничном *выходном* платье в сопровождении бояр, окольничих и прочих чинов. Из собора совершался крестный ход в следующем порядке: впереди две хоругви, за ними чернцы и потом диаконы, по два вместе, за ними священники по три вместе, потом протопопы и запрестольный образ, 2 креста хрустальные, одни рипиды и иконы соборные, из Чудова монастыря, с Троицкого подворья, из Архангельского собора и от Николы Гостунского; далее протопопы, Успенский и Благовещенский, потом певчие и образ Богородицы Влахернской, в преднесении поддьяками двух свеч. За иконою шли соборные ключари, потом патриарх в малом облачении с посохом. По правую сторону патриарха дьяконы несли Евангелие большое в ковчеге бархатном, а по другую – на мисе крест золотой, жемчужный, большой, да ма-

лое Евангелие[1]. В ходу участвовало духовенство всей Москвы и многие из духовных властей иногородных. В 1675 г. кроме патриарха *за крестами* шли 3 митрополита, 2 архиепископа, 1 епископ, более 10 архимандритов, более 10 игуменов, 15 протопопов, 300 священников и 200 дьяконов – все в богатейшем облачении, одни в *нарядных и цветных* ризах, другие в таких же стихарях. Государево шествие, подобно другим царским выходам, открывалось нижними чинами, по три человека в ряд, впереди дьяки, за ними дворяне, стряпчие, стольники, ближние и думные люди и окольничие. Потом шел государь, а за ним бояре, некоторые из думных и ближних людей и, наконец, гости. По обе стороны пути шли для береженья от тесноты стрелецкие полковники; кроме того, по всему пути расставлена была в писаных кадушках верба для народа.

Ход останавливался у Покровского собора, лицом к востоку. Государь и патриарх шли в соборный придел Входа во Иерусалим. Государя сопровождали в это время одни только высшие чины; прочие же, начиная со стольников, останавливались у Лобного места, по обеим сторонам. В церкви патриарх молебствовал и облачался. Государь также возлагал на себя царские одежды в приделе собора: надевал крест, диадиму (бармы, оплечие), царскую шапку, которая в разрядных записях нередко именуется Мономаховою, царское платно и порфиру и проч. Вместо посоха, на который он опирался во время хода, ему подавали златокованый царский жезл.

В то же время на Лобном месте, которое богато убиралось бархатами и сукнами, поставляли налой, покрытый зеленою бархатною пеленою; на нем полагали Евангелие и иконы Иоанна Предтечи и Чудотворца Николая, иногда Богородицы Казанской. Путь от Лобного места к Спасским воротам ограждался надолбами, которые также обивались красным сукном. По всей площади стояло стрелецкого и солдатского строю войско и толпы народа. На кровле одной из лавок Верхнего Овощного ряда становился капитан солдатского строя с *ясачным знаменем* для подавания сигналов во время церемоний.

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. XI. – С. 60.

Недалеко от Лобного места со стороны Красной площади стояло осля, т. е. конь в белом суконном *каптуре*[1]. У осля находились патриарший боярин и пять человек дьяков в золотных кафтанах. Здесь же поставлена была и *нарядная верба*.

В первой половине XVII столетия эту нарядную вербу устраивали на патриаршем дворе из патриаршей казны довольно просто и небогато. Еще за неделю до праздника в санном ряду сторожа Успенского собора покупали двои дровни для устройства вербных саней, которые, однако, устраивались на колесах, как это видно на рисунках у Олеария. О колесах упоминается и в расходных записках по случаю устройства саней в 1627 г. Посреди тех саней делали особое место или кресло, укрепляли колесную ступицу для установки в ней дерева вербы. Сторожа, 16 чел., ходили по всей Москве по садам и огородам и отыскивали подобающее дерево. Им выдавали на лапти и за ходьбу 13 алт. 2 ден. Сани между тем обивали красным сукном, простыми гвоздями. Дерево при постановке окрепляли к саням ужищами, дабы оно не могло покачнуться на сторону. По сторонам дерева пришивали доски, на чем стоять певчим. Для убранства дерева различными овощами и плодами в 1627 г. было куплено, по примеру 1625 г., изюму кафимского 13 ф., изюму на ветках 2 ф., винных ягод 13 ф., орехов грецких 300, рожков браных (цареградских стручков) 13 ф., фиников браных 4 ф. В 1628 г. к этому прибавлено взамен части рожков 100 яблок да 100 орехов грецких и понемногу изюму, фиников, винных ягод, потому что рожков добрых купить не добыли. Яблоки постоянно стали употреблять к наряду вербы с 1634 г. В этот год их куплено 500 разной величины. В 1635 г. куплено 450 малых, 300 средних и 50 самых больших. В 1636 г. куплено 400 малых, 300 средних, 200 больших, 100 самых больших, всего 1000 штук. То же или меньшее количество яблок употреблялось и в последующих годах. Надо заметить, что после действа овощи и яблоки с вербы

[1] Род попоны, которая закрывала и голову лошади и которая и теперь еще употребляется в печальных процессиях. Каптуром назывался женский головной убор вроде шапки, покрывавшей голову и шею. Отсюда капор.

патриарх раздавал духовным и светским властям, а яблоки самые большие, которых отбирали до 50 штук, он посылал в Верх к государю и к царскому семейству.

Под руководством соборного ключаря овощи и плоды нанизывались на простые нити и привешивались в известном более или менее красивом порядке к вербе. Ничего искусственного в этом убранстве вербы не прибавлялось. Оставалось природное дерево с белыми почками или зелеными листочками, смотря по времени ранней или поздней весны, и с овощами и плодами съедомыми, служившими нарядом, т. е. украшением дерева.

Когда все было изготовлено, сани с вербою сторожа перетаскивали на себе к Лобному месту, где и ставили ее с вечера или рано утром еще до крестного хода.

Кроме санной большой вербы изготовлялась и ручная или пучковая, состоявшая из вербных ветвей, украшенных также овощами, для раздачи духовным и светским властям. Для народа готовились целые возы простых ветвей. Вместе с тем по всей дороге по обе стороны ставили вербные деревья из Конюшенного царского приказа.

С особым великолепием вербу стали украшать при царе Алексее Михайловиче, в первый раз во время пребывания в Москве вселенских патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, именно с 1668 г. С этого времени во всех тогдашних церковных и царских обрядах вообще замечается необыкновенное великолепие и пышность. В записках 1668 г. о цветной неделе и собственно о вербе находим следующее: «176 г. в неделю цветную (марта 15-го) было все по прежнему чину. А верба была нынешнего году устроена по государеву указу благолепотно, первый год, а не тако просто, яко ж в минувших летах, токмо земный овощ имела: яблока, и ягоды, изюм, и винные, и рожцы, и орехи обешены. Ныне же вся зеленуется, якоже бы сейчас расцвела; листы сучинены зеленые и плоды видятся, якобы от земли возрасли, и яблока большие и средние, и завези малые, и шипцы всякие различными виды видятся; и около вербы перила учинены, столбики писаны раз-

ными красками, и сукном одеяна, где годно, и шесть впряжено коретных добрых лошадей»[1].

В таком богатом виде верба устраивалась и в последующие годы и являлась еще в большем великолепии тоже по случаю пребывания в Москве знатных иноземцев, например, в 1672 г. – в присутствий польских, а в 1674 г. – в присутствии шведских послов и иных земель резидентов, причем прямо и сказан государев указ, что верба и сани строились большим нарядом с прибавкою перед прошлыми леты именно для прилучившихся в Москве упомянутых посольств.

В это время для устройства вербы на патриаршем дворе был выстроен особый большой сарай. Но государь, принимавший большое участие в этом деле, не удовольствовался тем, что работа происходила на патриаршем дворе, вдали от наблюдения его дворцовых мастеров и художников, и повелел начатое дело оставить и все сделанное переделать вновь на обширном дворе боярина Никиты Ивановича Романова, находившемся тогда в дворцовом ведомстве. Сани, т. е. колесница, были устроены с решетками и перилами из столбцев и брусьев с местами для певчих и обиты красным добрым багрецовым и зеленым английским сукном гвоздями медными и железными луженными. По сукну, кроме того, были прибиты оловянные образцы и плащи (разновидные бляшки) и коймы ярко вызолоченные. Санные решетки были расцвечены красками и по местам также вызолочены. Всем этим делом руководил дворцовый живописец Иван Безмин.

Самая верба теперь украшалась не только съедобными овощами и плодами, но овощами, плодами, цветами и листьями искусственными, чему, конечно, очень помогла Немецкая слобода, где оказалась великая художница в этом деле – вдова иноземка Катерина Иванова. По заказу она сделала к большой вербе и к шести вербам малым, которые должны были стоять на особых подставах на Спасском мосту, от Спасских ворот до Лобного места, следующие украшения: «24 тыс. листов зеленых за 96 руб.; 20 дюжин цветов рож, солнишников,

[1] Дополнения к Актам Историческим. Т. V. – С. 122.

тюльпанов, птиц за 20 руб.; 445 мест яблок, груш за 44 руб. с полтиною; 135 вишен 8 руб. и за 5 руб. особый цвет на железном пруту – нарядный, с разными цветами и с листами золочеными и серебреными и с овощами "чиновными"», который был поставлен среди саней вверху меж цветами и после Действа по повелению государя был поднесен польским послам как наилучшее украшение всей вербы. Между листьями и цветами на всей вербе красовались также звезды, вырезанные из меди-шумихи.

При множестве искусственных украшений не было отменено и старое украшение вербы съедобными «чиновными» овощами, т. е. какие требовались по установленному чину Действа. Их количество было значительно увеличено. Изюму кафимского потребовалось уже не 13 ф., а целый пуд; орехов грецких употреблено 1000; яблоков 1400 штук, в том числе мелких 800. Нанизывали овощи и скрепляли ветви уже не простыми нитями, а шелковыми шнурками. Вербное дерево, сверх того, было украшено «пучковою» вербою, т. е. отдельными сучками-деревцами, убранными также листьями, звездами и овощами, которая раздавалась потом властям и царскому синклиту, а наилучшие пучки отсылались в Верх к государю. Все устройство вербы в 1672 г. при польских послах стоило для патриаршей казны 476 руб. с лишком.

Изготовленную вербу по-прежнему рабочие заблаговременно отвозили на себе к Лобному месту, где по Спасскому мосту были поставлены и другие шесть верб – по три с каждой стороны, на особых подставах, обитых зеленым сукном.

В 1674 г. при шведских послах и иных земель резидентах верба украсилась еще с большею затейливостью и роскошью. Всеми работами руководил тот же дворцовый живописец Иван Безмин. Иноземка Катерина Иванова при помощи своего зятя – Петра Балтуса – изготовила: «цвет санной круглый большой на железных прутах, 8 руб.; 10 цветов санных же на железных прутах, которые поставлены были около вербы на санях, на перилах, а иные у вербных возников (лошадей) на головах, 40 руб.; цветов тюльпанов, рож, солничников, гвоз-

диков, нарцысов и птиц 32 дюжины, да овощей (восковых) помаранцов, лимонов, дуль, яблок, груш, слив 56 $^{1}/_{2}$ дюжины, по 30 алт. за дюжину, 224 места вишен, 42 грезна (гроздия) виноградных тремя цветы виды и 15 тыс. зеленых листов, всего на 166 руб. с лишком». Но этого было недостаточно или мастерица не могла всего изготовить, а потому было заказано другому немцу – Еремею Иванову 12 дюжин цветов, 28 дюжин овощей, 200 вишен, 15 тыс. листов по цене меньшей против мастерицы, потому что его дело все было хуже, чем дело искусной цветочницы.

Подобным образом верба украшалась до конца XVII столетия с бóльшими или меньшими расходами, смотря по обстоятельствам. Дорогие цветочные изделия обыкновенно сохранялись на следующий год, другие возобновлялись к новой вербе. Постоянным делателем этих предметов оставался до конца столетия немец Петр Балтус. Если санная верба устраивалась иногда и с меньшим богатством, зато «пучковая» верба – в том же роде, как и санная, состоявшая из небольшого деревца и назначаемая к подношению во дворец во все комнаты, т. е. каждой особе царского семейства, всегда украшалась с особою нарядностью из листьев, цветов, восковых плодов, а так и из разных съедобных овощей. В последние годы XVII столетия таких верб подавалось во дворец 16[1].

В то время как государь и патриарх выходили из Покровского собора, *кресты* и *образы*, по благословению патриарха, возвращались в Успенский собор. Вошед на Лобное место, патриарх подносил государю сначала *ваию*[2] и потом *вербу* – простые ветви, у которых черенки были обшиты бархатом. Такие же ваии и вербы патриарх раздавал духовным и светским властям; младшим государевым чинам и народу раздавали митрополиты одну только вербу. «И по раздаянии архидьякон, обратясь на запад, чтет Евангелие к патриарху

[1] Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. – Ст. 60–97.

[2] Ваии – пальмовые, финиковые ветви, которые для этого случая особо сохранялись в ризнице собора.

прямо, и как дойдет до речи: “и посла два от ученик”, в то время соборный протопоп с ключарем подходят к патриарху, который благословляет их вместо дву учеников по осля идти и произносит приличный евангельский текст. Протопоп с ключарем, приняв благословение, пойдут по осля ко уготованному месту, идеже привязана, и пришед, отрешают е; причем боярин патриарший глаголет: что отрешаете осля сие? И ученицы глаголют: Господь требует. И поведут ученицы осля с обе стороны под устцо и приведут к патриарху к Лобному месту, а патриарши дьяки за ослятем несут сукна, красное да зеленое, и ковер»[1]. Потом протопоп и ключарь покрывали осля красным сукном с головы, зеленым позади; а ковер полагали на седалище. По совершении Действа на Лобном месте патриарх, приняв в одну руку Евангелие, а в другую – крест, благословлял государя и садился на осля. Шествие, как и прежде, открывалось государевыми младшими чинами, сначала дьяками, потом шли дворяне, стряпчие, стольники по три человека в ряд с ваиями. Все они были в богатых золотных кафтанах, почему и назывались в подобных церемониях *золотчиками*. За ними везли нарядную вербу. На санях под деревом за перилами стояли и пели стихеры *цветоносию* патриарши певчие поддьяки меньших станиц – мальчики лет двенадцати в белых одеждах. За вербою следовало духовенство с иконами; потом шли ближние люди, думные дьяки и окольничие в великолепной одежде, с ваиями; далее – государь в *большом царском наряде*, поддерживаемый под руки ближними людьми, вел осля за конец повода. Средину повода держал и вел осля за государем один из первостепенных бояр. Кроме того, осля вели под устцо два дьяка – государев и патриарший, и патриарший конюший старец. Впереди государя стольники и ближние люди несли: 1) царский жезл, 2) государеву вербу, 3) государеву свечу, 4) царское полотенце (платок). По обе стороны царя шли бояре, окольничие и думные дворяне с ваиями. Патриарх во время шествия осенял народ крестом. За ним шли духовные власти в богатейшем облачении; а подле осляти на-

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. XI. – С. 56–66.

ходились для оберегания патриарха его боярин и дьяки. Шествие заключали гости.

Во время двоецарствия, в первый год, 1683, осля под патриархом вел и на Действе был один 11-летний царь Петр Алексеевич. В последующие годы осля водили оба царя включительно до 1693 г., после которого уже не встречается свидетельств о таком шествии. В 1697–1700 гг. в разрядных записях отмечено только, что этого крестного хода и Действа ваий, против прежнего обыкновения, не было.

По всему пути во время этого шествия дети стрельцов, мальчики от 10 до 15 лет постилали пред государем и патриархом сукна разных цветов, преимущественно красные и зеленые. Сукна были сшиты кусками, по 6 арш. в длину и по 4 арш. в ширину; у каждого куска было по 6 чел. Детей – по 3 с каждой стороны. Когда одни из них расстилали эти сукна, другие по сукну стлали суконные же однорядки и кафтаны также ярких цветов, красные, зеленые, голубые и т. п. Число стрелецких детей, участвовавших в обряде, не всегда было одинаково и увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствам. Разумеется, великолепие в обстановке обряда более всего зависело от состояния погоды. При царе Михаиле Федоровиче, когда вообще в обрядах было менее пышности, число детей простиралось от 50 до 100. При царе Алексее Михайловиче оно доходило до 800, а при царе Федоре – до 1000 чел., из которых 800 стлали сукна, а 200 – кафтаны. Все они получали за свой труд в награду те же сукна и кафтаны, которыми устилали путь, но чаще случалось, что им выдавали деньгами по две гривны или по осьми алтын человеку[1].

Таким образом, тихо и торжественно шествие вступало в Спасские ворота. В это время начинался общий звон – как в Кремле, так и по всем московским церквам, и продолжался до вступления царя и патриарха в Успенский собор. Церемония останавливалась у западных врат собора, нарядную же вербу ставили у южных дверей. В соборе протодьякон дочитывал Евангелие, после чего патриарх принимал у государя ваию и

[1] Здесь в рабочем экземпляре автором замечено: «Подробн. не вошло». – *Ред.*

благословлял его, потом целовал его в *десницу*; государь, приняв благословение, целовал патриарха в *мышцу*. Совершив *святое действо*, царь шествовал во дворец и слушал там в одной из верховых церквей литургию. Между тем патриарх служил литургию в соборе и по отпуске шествовал к нарядной вербе, говорил над нею обычную молитву и благословлял. После этого ключари отсекали от вербы сук и относили его в алтарь, потом обрезывали ветви и часть их посылали на серебряных блюдах в Верх, т. е. во дворец к государю, а другую раздавали духовным властям и боярам. Остатки вербы и все украшения саней отдавались стрельцам и народу. Так разделяли вербу, еще не имевшую богатых и затейливых украшений. Преукрашенная верба состояла, как упомянуто, из дерева или особых пучков или суков, представлявших малые деревца, украшенные во всем подобно основному или, как его называли, санному дереву. Эти-то пучковые вербы и снимались с дерева, как его ветви, для посылки во дворец и для раздачи властям. Все остальные блестящие украшения дерева и саней подвергались общему расхищению со стороны стрельцов и простого народа. Так, в 1672 г. после обедни вербу «стрельцы изломали всё: и листы, и цветы, и плоды, и съедобные овощи расхватали, и на санях сукно ободрали». В 1689 г. точно так же эта верба была разнесена стрельцами, «якоже им обычай».

Во дворце к тому же дню Цветоносия всегда изготовлялись особые, так сказать, домашние нарядные, роскошно испещренные вербы для государя, царицы и детей. Их утверждали также в маленьких санках, обитых червчатым атласом с золотным галуном или – для детей – в станках на колесах. Так, в 1693 г. марта 20 в хоромы царевичу Алексею Петровичу окольничий Иван Юрьевич Леонтьев приказал сделать к неделе Ваия нарядную вербу против прошлого году, и утвердить на станке, а к станку подделать колесы железные: к той вербе сделано листов зеленых 2000, в том числе 500 листов с одну сторону позолочены, а другие 500 также с одной стороны посеребрены; из ярого воску вощаных фигур сделано: яблок 10 больших, 30 средних, 50 меньших, дуль больших 10,

груш средних и малых 40, слив 30, лимонов больших, средних и малых 30, птичек 20, да цветов бумажных 20; сверх того, куплено в яблочном ряду 10 яблок отборных наливу, 10 яблок скруту, да в овощном ряду фунт с четвертью смоквей, изюму, винных ягод отборных по 2 ф., рожков полфунта, орехов грецких 100. 5 апреля верба была подана в хоромы. Подобные вербы наряжались каждый год и подавались во все хоромы. В этом отношении наша древняя верба соответствовала теперешней рождественской елке.

В XVI и в начале XVII столетия обряд шествия на осляти совершался несколько иначе. По словам иностранцев (Олеария и др.) и по свидетельству Сказания действенных чинов Успенского собора (1627 г.)[1], шествие на осляти начиналось из Успенского собора и потом возвращалось в Кремль в том же порядке. Точно так шествие на осляти совершалось в начале XVI столетия и в Новгороде «от Софии Премудрости Божией до Иерусалима, тако ж и назад». Мы видели, что во второй половине XVII столетия в Москве на Лобное место совершался только крестный ход, и оттуда уже патриарх ехал на осляти в Успенский собор. Иногда государь не выходил на действо: в таком случае осля под патриархом вел один из знатнейших бояр, которому после государь за это жаловал портище дорогой материи на кафтан. Обряд шествия на осляти распространен был в России и по другим городам, где лицо патриарха заступал архиерей, а лицо царя – воевода. Впоследствии шествие на осляти в городах было отменено соборным определением 1678 г., допустившим взамен хода только молебствие и освящение ваий или вербы пред иконою Входа Господня в Иерусалим, которую выносили для этого на *уготованное место*[2]. С упразднением патриаршества и еще раньше, как упомянуто выше, шествие на осляти было оставлено и в самой Москве.

Так как этот праздник был собственно церковный, патриарший, а не государственный или царский, то и праздничный стол в это время бывал только у патриарха, обыкновенно в

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. VI. – С. 222.

[2] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. IV. – № 223.

Крестовой палате. Кроме духовенства, митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и протопопов к этому столу приглашались бояре, окольничие, думный дьяк, ведший осля; головы и полуголовы московских стрельцов, бывших во время шествия на «стойке» или параде. Столовые обряды у патриарха были те же, что и у государя. По обыкновению, устраивали три поставца с винами и медами: *патриарший*, за которым *сидел*, т. е. распоряжался угощением, стольник патриарха; *боярский* и *властелинский*, за которыми сидели патриаршие разрядные дьяки. Есть ставили перед патриарха и чашничали его стольники под заведованием крайчего; а перед бояр и перед властей есть ставили и чашничали патриаршие боярские дети, по списку. По окончании стола совершались заздравные чаши государева и патриаршая. Потом патриарх благословлял иконами боярина и дьяка, которые вели осля, и дарил их серебряными кубками, бархатом, атласом, камкою и соболями. Дьяк получал обыкновенно вполовину против боярина. После стола патриарх посылал к государю и ко всему царскому действу со столами, т. е. с полным количеством кушаний, составлявших обед. Патриаршие стольники под распоряжением патриаршего боярина и разрядного дьяка несли к государю кубки с винами и различные естви. Царь, приказав принять эти *столы*, жаловал боярину две подачи с кубками, а дьяку – подачу и достокан (стакан) романеи. Патриарх посылал также со своими божиими детьми *подачи с кубками* ко всем светским и духовным властям, которые были в ходу. Всех стрелецких детей, которые *стлали путь*, патриарх приказывал также *кормить и поить доволи* (довольно, вволю) и жаловал им из своей казны по две гривны каждому.

Пред наступлением Светлого дня государь снова посещал тюрьмы и богадельни, раздавал везде щедрою рукою милостыню нищим и заключенным, освобождал преступников, выкупал неимущих. В среду Страстной недели царь выходил

в Успенский собор к «прощению». В тот же день в полночь государь совершал обычный выход для «милостинной раздачи». Приведем опять современную записку о выходе царя Алексея Михайловича. «В 1665 г. марта в 22 числе на Страстной неделе в среду в 6 часу ночи (в первом пополуночи) великий государь... изволил идти к митрополитам к Павлу Сарскому и Подонскому, к Паисию Гаскому, к Феодосию Сербскому, да в Чудов монастырь, и жаловал своим государевым жалованьем из своих государских рук милостыню: митрополитам по 100 руб., чудовскому архимандриту Иоакиму 10 руб. А у митрополитов и в Чудовом монастыре быв, изволил великий государь идти на Земской двор и в больницу к расслабленному, что на дворе у священника Никиты, и на Аглинский и на Тюремный дворы и жаловал своим государевым жалованьем милостынею ж из своих государских рук, а роздано: на Земском дворе 170 чел. по полтине; священнику Никите 70 руб., сыну его 5 руб. У нево ж, священника Никиты, нищим и кажненным 30 руб. На Аглинском дворе 170 чел., всего 104 руб. 16 алт. 4 ден.; на Тюремном дворе 673 чел., всего 410 руб. 16 алт. 4 ден. Да великий же государь жаловал из своих государских рук, идучи от Земского и от Аглинского и от Тюремного дворов, бесщотно; да то ж время у Спасских ворот в застенке раздавал полковник и голова московских стрельцов Артамон Матвеев нищим же, всего роздано бесщотно 367 руб. с полтиною». В то же время роздано было и всем стрельцам, которые сопровождали государя и которые стояли на карауле во дворце, по Кремлю и по Китаю-городу, всего 713 чел., по полтине каждому. Всего роздано было в этот выход 1812 руб. Такие же выходы совершались в великую пятницу и в субботу. Англичанин Коллинс говорит, что «ежегодно в великую пятницу царь посещает ночью все тюрьмы, разговаривает с колодниками, выкупает некоторых, посаженных за долги и по произволу прощает нескольких преступников». В эти же дни государь обходил для прощения и некоторые монастыри, особенно кремлевские; в Вознесенский и в собор Архангельский он всегда заходил *проститься у гробов*. В субботу после

литургии патриарх присылал государю из собора освященные *укруги* хлеба или целый хлеб и *вина фряжские*.

В навечерии Светлого дня государь слушал полунощницу в *Комнате*. Со времен царя Алексея Михайловича покоевые палаты государя находились в Теремном дворце; там была и Комната, известная ныне под именем *престольной*. По окончании полунощницы в этой Комнате совершался обряд царского лицезрения, который заключался в том, что все высшие дворовые и служилые чины и некоторые чиновники меньших разрядов, по особому благоволению государя, входили в Комнату, чтоб «видеть его, великого государя, пресветлые очи».

Бояре, окольничие и все другие сановники и служилые люди должны были непременно явиться в это время во дворец и сопровождать государя к утрене, а потом к обедне. В числе обвинений на известного князя Хворостинина было и то, что он «к государю на праздник Светлого Воскресенья не поехал и к заутрени и к обедни не пошол». Но не все только удостаивались милости видеть пресветлые очи государя в Комнате. Туда в это время имели свободный вход, кроме людей ближних или комнатных, бояре и окольничие «некомнатные», думные дворяне, думные дьяки. Чиновники меньших разрядов допускались по особенному соизволению царя, по выбору, и входили в Комнату по распоряжению одного из ближних людей, обыкновенно стольника, который в то время стоял в Комнате у *крюка* и впускал их по списку, по 2 чел. Все остальные чиновники вовсе не допускались в Комнату. Стольники с *головы*, т. е. начиная со старшего по служебному списку, государские очи видели и били челом уж на выходе, в сенях перед Переднею (в нынешней трапезной). Все младшие стольники и стряпчие, которые были в золотных кафтанах, били челом государю перед сеньми, на Золотом крыльце и на площади, что перед церковью Всемилостивого Спаса (что за Золотою Решеткою); а у которых золотных кафтанов не было,

те дожидались царского выхода на Постельном и на Красном крыльце. Во все места, а особенно в близкие к покоям государя, чиновники допускались по особому пожалованью, которое соответствовало награде за службу. В 1656 г. таким образом были пожалованы за взятье немецкого города Кукуноса рейтарский полковник Веденихт Змеев и голова стрелецкий Иван Нелидов, которым государь «велел свои очи видеть по праздникам за переградою» на Постельном крыльце.

В то время как бояре и прочие чины входили в Комнату, государь сидел в креслах в становом шелковом кафтане, надетом поверх зипуна. Перед ним спальники держали весь наряд, который назначался для выхода к утрене, т. е. опашень, кафтан становой, зипун, ожерелье стоячее (воротник), шапку горлатную и колпак, посох индейской (черного дерева). Каждый из входивших в Комнату, узрев пресветлые очи государя, бил челом, т. е. кланялся пред ним в землю и, отдав челобитье, возвращался на свое место.

Обряд царского лицезрения оканчивался выходом государя к утрене, всегда в Успенский собор. Государя окружали бояре и окольничие в золотах и в горлатных шапках; перед ним шли стольники, стряпчие, дворяне, дьяки в золотах же и в шапках горлатных. Сам государь также был в золотном опашне с жемчужною нашивкою с каменьями и в горлатной шапке. Все чиновники, которые стояли в сенях и на крыльцах, ударив государю челом, шли до собора впереди, разделясь по три человека в ряд. У собора они останавливались по обе стороны пути, у западных дверей, в решетках, нарочно для того устроенных; а потом, когда государь с высшими чинами проходил в собор, переходили к северным дверям, где и ожидали царского «пришествия – в собор со крестами».

Во всю заутреню государь стоял не на своем царском месте, а у правого заднего столпа против патриарха на особом тристуленном рундучке, который именовался подножием и был обит червчатым бархатом.

После крестного хода вокруг собора государь входил в храм и становился на своем месте у столпа; за ним входили

все высшие чины и те из низших, которые были в золотных кафтанах. «А у которых золотных кафтанов не было и те в соборную церковь никто не входили; и для того у церковных дверей поставлены были подполковники стрелецкие, чтоб никаков человек без золотных кафтанов и иных чинов и боярские люди с яицы в церковь не входили, чтоб от того в церкви смятения не было». Таким образом, золотной кафтан в этих случаях принимал значение нынешнего мундира. Без него нельзя было участвовать ни в одном из больших торжеств, ни в одной церемонии, где требовалось особенное великолепие, пышная, блестящая обстановка.

Во время заутрени, после хвалитных стихер, государь по обычаю прикладывался к Евангелию и образам и «творил целование во уста» с патриархом и властями, т. е. митрополитами, архиепископами и епископами, а архимандритов, игуменов и протопопа Успенского с собором жаловал к руке, причем тем и другим жаловал также красные яица. Бояре, окольничие и все, которые были в соборе, также прикладывались к святыне, подходили к патриарху, целовали его руку и получали либо золоченые, либо красные яица: высшие по три, средние – по два, а младшие – по одному.

Приложившись к иконам и похристосовавшись с духовенством, государь шествовал на свое царское *место* у южных дверей собора, на котором жаловал к руке и раздавал яица боярам, окольничим, думным дворянам и думным дьякам, крайчему, ближним и приказным людям, стольникам, стряпчим и дворянам московским. При раздаче и приеме яиц находились *приносчик*, стольник из ближних людей и 10 чел. жильцов, которые назывались *подносчиками*, получали от государя за эту временную обязанность по 10 руб. каждый. Яица государь раздавал гусиные, куриные и деревянные точеные – по три, по два, по одному, смотря по знатности лиц. Эти яица были расписаны по золоту яркими красками в узор или цветными травами, «а в травах птицы, и звери, и люди». Приготовлением таких яиц занимались токари, иконописцы и травщики Оружейной палаты и нередко монахи Троице-Сергиева монасты-

ря. Яица подносились в деревянных блюдах и чашах, обитых серебряною золоченою басмою или бархатом. Бояре и прочие чиновники подходили к царской руке по чину, т. е. сообразно степеням той чиновной лестницы, на которой они стояли в родовом служебном порядке. И чтоб не произошло какого замешательства, нарушение чьей-либо чести, разрядный дьяк приготовлял заранее длинный список всех лиц, которые должны были поздравлять в это время государя, и по этому списку распределял и самый церемониал поздравления.

От заутрени из Успенского собора государь шествовал прежде в собор Архангельский, где, соблюдая древний обычай, прикладывался к иконам, святым мощам и *христосовался с родителями*, т. е. поклонялся их гробам. Протопопа же с братиею жаловал к руке и яицами. Из Архангельского собора царь шел в Благовещенский, в котором также прикладывался к образам и мощам. Благовещенский протопоп, как известно, всегда был царским духовником: государь в это время жаловал своего духовника яицами и *целовался с ним во уста*, ключарей, священников и весь собор жаловал к руке и яицами. В это время государь посещал иногда монастыри Вознесенский и Чудов и подворья Троицкое и Кирилловское, в которых жаловал к руке и яицами: в Чудове – архимандрита с братиею, в Вознесенском – игуменью с сестрами, а на подворьях – монастырских строителей. Посещение монастырей и подворьев после заутрени случалось довольно редко; большею частью это происходило на второй день праздника. В Вознесенском монастыре государь так же, как и в Архангельском соборе, поклонялся гробам «родителей», т. е. вообще сродников и предков.

Как в соборы, так и в монастыри и на подворья царь ходил в сопровождении всего того *чина*, который окружал его во время утрени.

Из Благовещенского собора государь шел прямо в Верх, т. е. во дворец, и жаловал там, в Столовой или Передней, к руке и яицами бояр и других сановников, которые были оставлены во дворце для *береженья*, т. е. охранения царского семейства и дворца, на время государева выхода к утрене. Здесь же поздрав-

ляли государя, целовали его руку и получали яица и те сановники, которым, за старостью и болезнью, нельзя было слушать утреню в соборе, а также постельничий, стряпчий с ключом, царицыны стольники и дьяки мастерских государевых палат. Потом в Золотой, а иногда в Столовой царь принимал патриарха и властей, приходивших *славить Христа* и поздравлять; отсюда с патриархом и властями в сопровождении бояр, окольничих и прочих чинов он шествовал к царице, которая и принимала их в своей Золотой палате, окруженная мамами, дворовыми и приезжими боярынями. Государь христосовался с нею, патриарх и власти духовные благословляли царицу иконами и целовали у ней руку. Чины светские, ударив челом, также целовали ее руку. В это время обе руки государыни поддерживали боярыни из близких родственниц. Поздравление царицы происходило иногда и после ранней обедни. Раннюю обедню государь слушал большею частию в одной из дворцовых церквей вместе с семейством, с царицею и детьми. К поздней государь выходил обыкновенно в Успенский собор, в большом царском наряде, т. е. во всех регалиях. Его окружал тот же *чин* бояр и других сановников; под руки вели ближние бояре. Впереди, как и на выходе к утрене, шли стольники, стряпчие, дворяне и дьяки, «построясь по три человека в ряд»; но в это время они уже не останавливались у дверей, а входили прямо в собор. С царскою стряпнею в это время бывало до 30 чел. стряпчих, одетых в богатейшие золотные кафтаны.

По окончании обедни, когда патриарх разоблачался, государь прикладывался к святым иконам и к святым мощам чудотворцев, что совершал потом и патриарх, и становился у своего патриаршего места. Тогда государевы стольники подносили к нему *пасху рушаную* (разрезанную на части) да и яица. Патриарх благословлял государя царя пасхою и яичком и сам кушал вместе с государем и потом подавал боярам, и властям, и священникам.

Пришед от обедни, государь в покоях царицы жаловал к руке и раздавал крашеные яица мамам, верховым боярыням, крайчим, казначеям и постельницам. Потом жаловал своих

дворовых людей *у крюка* (т. е. комнатных), наплечных мастеров (портных), шатерных мастеров, иконников, мовных, постельных и столовых истопников и сторожей и вообще всех низших дворовых служителей.

Совершая в день Пасхи великолепные церемонии христосованья, при которых все было так торжественно, все горело и блистало золотом и дорогими камнями, государь уделял несколько времени и для других – менее пышных, но зато не менее достопамятных церемоний. Он посещал в этот радостный для всех день городские тюрьмы, больницы и богадельни. «По древнему обыкновению, – говорит Карамзин, – цари в первый день Пасхи между заутрени и обедни ходили в городскую темницу и, сказав преступникам: "*Христос воскрес и для вас*", дарили каждого из них новою шубою и, сверх того, присылали им, чем разговеться». Это свидетельство, основанное на словах иностранцев, вполне подтверждается нашими официальными записками того времени. Так, посещая Вознесенский монастырь, государь нередко заходил оттуда в Каменный *Застенок* у Спасских ворот и жаловал там раненых и нищих. В 1664 г. 10 апреля государь пожаловал на Английском дворе пленным полякам, немцам и черкасам, а также и колодникам, всего 427 чел., каждому: чекмень (род шубы), рубашку и порты и потом приказал накормить их; «а еств им давать лучшим по части жаркой, да им же и достальным всем по части вареной, по части баранье, по части вечины; а каша из круп грешневых, пироги с яйцы или мясом, что пристойнее; да на человека же купить по хлебу да по калачу двуденежному... а питья: вина лутчим по три чарки, а достальным по две; меду, лутчим, по две кружки, а достальным по кружке». Кроме того, в этот же день государь давал стол на нищую братью в царицыной Золотой палате. В первый же день царица посылала к патриарху от себя и от царевен с *перепечами*.

На другой или на третий день праздника, а чаще всего в среду Светлой недели, государь принимал в Золотой палате в присутствии всего царского чина патриарха и духовных властей: митрополитов, архиепископов, епископов, архимандри-

тов, приходивших *с приносом* или *с дары*. Патриарх благословлял государя образом и золотым крестом, нередко со святыми мощами, дарил ему несколько кубков, по портищу бархатов золотных и беззолотных, алтабасу, атласу, камки или других каких материй, потом *три сорока соболей* и *сто золотых*. Царице, царевичам были такие же дары, только в меньшем количестве и меньшей ценности. Кроме образа, креста, кубков и бархатов, патриарх подносил царице два сорока соболей и также *сто золотых*; царевичам по сороку соболей и по *пятидесяти золотых*; царевнам по сороку соболей и по *тридцати золотых*. Митрополиты Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий; архиепископы Вологодский, Суздальский, Рязанский, Тверской, Псковский, Смоленский, Астраханский, Симбирский и Коломенский подносили или, за небытием в Москве, присылали со своими стряпчими государю и каждому члену его семейства *великоденский мех* и *великоденское яйцо*, т. е. благословляли каждого образом в серебряном окладе и являли *мех меду* и известное, всегда определенное количество *золотых*. Троицкого монастыря келарь подносил государю образ Видение великого чудотворца Сергия, пять братин корельчатых, ложку репчатую, хлеб, мех меду. Царице то же самое и, сверх того, «ставик тройной с сосудцы да пять ложечек». Царевичу и каждой царевне такой же образ, братину корельчатую, ложку репчатую, пять братинок, писанных по золоту; кувшинец, горшочек, писанные также по золоту, ставик тройной, горшочек на блюдечке, три стаканца писанных, пять ложечек яичных, хлеб, мех меду. Разумеется, троицкие монахи, занимавшиеся изделием этих предметов, разнообразили их при всяком приношении. Архимандриты монастырей Чудова, Новоспасского, Симонова, Андроникова, Саввинского; строители Кирилло-Белозерского, Иосифова-Волоколамского, Соловецкого, игумен Никольского на Угреши подносили также образа, писанные на золоте, всегда тех святых, во имя которых были устроены монастыри; кроме того, каждый подносил по меху меда, а некоторые – и по ковшу каповому. Золотых не подносили ни из одного монастыря, за исключением Троице-Сергиевского.

Но кроме более или менее значительных духовных властей и монастырей в это время к государю во дворец приходили и вообще все *белые власти* с образами и из монастырей *черные власти* также с образами, «да и с хлебы, да и с квасы. А протопопы и попы из соборов приходили со кресты, да из посаду всей Москвы приходили попы и дьяконы со кресты».

В одно время с духовенством к государю являлись с дарами именитый человек Строганов, гости московские, гости из Великого Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири, Нижнего Новгорода и Ярославля, а также гостиной и суконной сотен торговые люди. Строганов как представитель целого края России подносил обыкновенно государю и царевичу по кубку серебряному, по портищу бархата золотного, по сороку соболей и, наконец, каждому члену царского семейства известное число золотых. Его приношение по количеству золотых превышало дар всех гостей в совокупности и вообще было первым после патриаршего. Гости и торговые люди подносили одни только золотые.

Патриарх и каждый из поименованных выше митрополитов, архиепископов, епископов, Троицкий монастырь, именитый человек Строганов, все сословие гостей, торговые сотни подносили, как упомянуто, всегда определенное, редко изменявшееся количество золотых как царю, так и царице, каждому царевичу и каждой царевне. Например, патриарх, как мы видели, подносил царю и царице по 100 золотых, царевичу – 50, царевне – 30; митрополит Новгородский подносил царю 20, царице – 10[1], царевичу – 15, царевне – 10; гости: царю – 50, царице – 30, царевичу – 20, царевне – 10 и т. д. Разумеется, такое

[1] Замечательно, что точно такой же дар золотыми Новгородский архиепископ присылал государю еще в первой половине XVI столетия, именно в 1548 г., когда архиепископ Феодосий послал к празднику государю *мех вина бастру да 20 золотых угорских*, царице – *10 золотых угорских*. См. в Известиях Императорского Археологического общества. Т. III. Вып. 1: «Отрывки из расходных книг Софийского дома», за сохранение которых от невозвратной гибели археологи должны благодарить Куприянова. Мы не согласны только с издателем в чтении текста, где сказано: *мех вина баструда, 20 золотых* и пр., и полагаем, что правильнее, не ставя запятой, читать: вина бастру да 20 зол. и т. д. Сколько помним, нам ни разу не встречался известный бастр с такою прибавкою – *баструд*.

распределение золотых на каждую особу царского семейства соразмерялось с достатком тех мест и лиц, которые делали приношение. Во всяком случае, «принос» этот естественным образом увеличивался по мере приращения царского семейства. В 1628 г., например, когда у царя Михаила Федоровича была одна дочь – царевна Ирина, поднесено всего 216 золотых, а в 1675 г., когда семейство царя Алексея Михайловича состояло из 16 лиц, поднесено 2359 золотых. Этот принос, эти дары были совсем не то, что называлось подарком. Подарок никогда не мог иметь такой определенности в наименовании и цене предметов, какую встречаем в этих дарах. Самые росписи: кому и с каким приносом быть у государя, составлявшиеся каждый год, почти без всякой отмены против прежних, очень хорошо показывают, что это была всегдашняя, освященная обычаем, непременная дань царю, а некоторые отметки в этих росписях вполне подтверждают такое значение этих *великоденских приносов*. Так, подобные отметки свидетельствуют, что, например, в 1658 г. от Казанского митрополита, подносившего царице всегда 10 золотых, «принято 8, а донять 2 золотых». В 1659 г. апреля 6 «принято государыне царице и государю царевичу по 8 золотых, а донять по 2 золотых». Мы видели, что дары подносимы были царю только людьми неслужилыми; бояре, окольничие, дворяне и проч., принадлежа собственно к служилой, военной части народа, кроме обычных яиц, ничего не подносили государю. Все это ведет к тому предположению, что первоначальный источник великоденских приношений кроется, может быть, в установлениях урочных даней и даров древней Руси.

Обычай приносить дары на Светлой неделе не ограничивался одним двором, но был распространен во всем тогдашнем обществе. И т. к. для этих даров употреблялись чаще всего золотые, т. е. иноземные, червонцы, не имевшие еще тогда у нас значения денег, то, по словам Кильбургера, около Светлого Воскресенья золотые эти поднимались в цене от 3 до 4 процентов, «потому что (говорит он) тогда всякий, имеющий какое дело при дворе и в приказах, подносит начальным людям в сих приказах червонцы в коробочке или в бумажке с обык-

новенным поздравлением: *Христос воскресе!*». Из расходных записок Софийского Новгородского дома за 1548 г. видим, что архиепископ для посылки в Москву золотых с *великоденским мехом* заранее заботился о покупке их у торговых людей и выписывал их даже изо Пскова. В то время ходили золотые угорские и корабельники (с изображением корабля); первые покупали по 20 алт., а вторые – по 36 алт. Архиепископ кроме царя и царицы послал золотые брату его Юрью Васильевичу – 10 зол., митрополиту Макарию – 10, Тверскому и Крутицкому владыкам – по одному корабельнику; затем боярам, духовнику царя, теще царской Ульяне – 6 зол.; всем ближним людям, постельничим, да кто у естве стоит, женам бояр, дворовым боярыням, дьякам и разным другим лицам, в которых, без сомнения, Софийский дом нуждался, или искал, или благодарил за услуги и милости – всем по золотому, так что всего было роздано 103 зол. угорских и 14 зол. корабельников.

Этого свидетельства достаточно для того, чтобы составить понятие о великоденской обычной дани, которую собирали с зажиточного духовенства, а равно и с торговых людей московские бояре, приказные и вообще влиятельные люди в XVI и XVII столетиях.

То высокое значение государевой особы, которое выражалось во всех тогдашних придворных обрядах, ни в каком случае не допускало подносить все эти дары лично, непосредственно самим приносителям. Исключения, и то в пользу одних только высших лиц, были очень редки. Обыкновенно при таких случаях назначался *поднощик* или *принощик* – стольник из близких государю людей, который и объявлял, т. е. представлял ему дарivших и их дары. Назначение в *принощики* сопряжено было с немаловажными по тому времени выгодами и, вероятно, обращалось всегда на людей небогатых. За каждый поднесенный золотой стольник-принощик получал от государя по рублю, а за каждую *ширинку* (платок), в которых подносимы были золотые, – по 5 руб.

В течение всей Светлой недели государь после обедни принимал поздравления от всех служилых, дворовых и всяких

чинов людей, жаловал каждого к руке и оделял всех крашеными яицами. Нередко назначалось особое время для каждого звания. В 1676 г. царь Федор Алексеевич в понедельник принимал стольников, стряпчих и дворян московских, во вторник – жильцов или дворян иногородных, в среду – детей боярских, Аптекарского приказа докторов, аптекарей и лекарей; в четверг – подьячих, в пятницу – дворовых людей и подьячих дворцовых, в субботу – «розных чинов людей», т. е. всех низших придворных служителей, так что не оставался ни один человек на царском дворце, который бы не был в это время у государевой руки и не зрел бы его «пресветлые очи». Из торговых и посадских людей к царской руке допускались, кроме гостей, сотские и старосты гостиной и суконной сотни, конюшенных и черных слобод и выборные чернослободцы, а также и торговые иноземцы. На раздачу всем крашеных яиц выходило с Светлого дня до Вознесеньев до 37 000. При этих поздравлениях случались иногда происшествия, характеризующие некоторые обстоятельства приема и самих поздравителей. В 1670 г. в пятницу на Святой, 8 апреля, государь пожаловал рубль сторожу конюшенной санной казны Ваське Носу для того, что он *розшиб бровь о голову товарища своего*, в то время как они были у него, великого государя, у руки[1].

[1] В 1680 г. февраля 22 в прощеное воскресенье на Масляницe, государь принимал в Передней московских дворян, приходивших целовать царскую руку по обряду «прощения». В это время у стряпчего Ильи Тонеева у охобня обрезали пуговицы, по его рассказу, при следующих обстоятельствах: «Шел он к к великому государю к руке с своею братьею, с московскими ж чинами; и как с Передних Сеней в Переднюю переступил через порог, и в то время у него у охобня с обеих сторон учали обрезывать пугвицы и с одной стороны, с правой, обрезав, унесли три пугвицы, и на другой стороне, послыша, он ухватил обрезаны три пугвицы, а с полою чуть удержались. И он закричал о том всем вслух, что у него режут пугвицы; и в тот час, не ходя в Переднюю, побежали от него прочь из Передних сеней два человека в красно-вишневых в худых охобнях; а в лицо он их видел и узнает. А поймать было ему в то время ни которыми делы не мочно, потому что в дверях утеснение было великое, и он, не быв у великого государя у руки, сошел из Передних сеней за ними ж на Постельное крыльцо и в то время узнал он из тех людей одного человека, а как его зовут и чей человек – того он не ведал, а сказали ему про него, что он словет Пикин (который потом оказался жилец Петр Пикин)...».

В числе дворовых людей в эти дни являлись к государю и избранные художники и ремесленники Оружейной палаты со своими работами и художествами, разными *подносными делами*, которые они заранее готовили, по особому назначению, чтобы представить государю под видом великоденского яйца. Иконописцы подносили своего письма иконы, живописцы – полковые знамена и картины; бронные и оружейные мастера – латы, пищали (ружья), карабины, пистоли, ольстры (чушки пистолетные), копья; саадаки, т. е. лубья для лука, и колчаны; стрелы и т. п.; токари – опахала, шахматы, бирки, саки, тавлеи, гребни и деревянные яица, сплошь золоченные или расписанные красками, травами и узорами.

В течение Светлой недели государь посещал также городские и загородные московские монастыри, больницы и богадельни и жаловал там всех к руке, раздавал праздничные яица и милостыню. Крашеные яица возили в это время за государем тот же *принощик* – стольник и 10 чел. жильцов – поднощиков. Царица вместе с царевичами и царевнами также посещала прежде Архангельский собор, где жаловала протопопа и соборян, а потом «ходила» в Вознесенский и во все женские монастыри, в которые по этому случаю съезжались также и боярыни. Пожаловав всех к руке, царица спрашивала игумений о *спасеньи*, а боярынь о *здоровьи*, что почиталось величайшим благоволением.

В Троицын день царский выход был также великолепен и отправлялся с таким же торжеством, как и в другие большие праздники. Государь во всем царском облачении выходил к обедне в Успенский собор; его сопровождали бояре и все прочие чиновники в богатейших золотых нарядах. Впереди, в предшествии ближнего боярина, ближние стольники несли на ковре *веник* (пук цветов) и *лист* (древесный без стебельков)[1]. Когда после обедни начиналась троицкая ве-

[1] Древняя Российская вивлиофика. Т. XI. – С. 146.

черня, соборные ключари подносили государю подобный же лист от патриарха и, смешав с государевым листом и разными травами и цветами, настилали им царское место и кропили гуляфною водкою (розовою водою)[1]. Государевым же листом устилали место патриарху и высшим духовным властям, а остальное разносили по всему храму. На этом благовонном листу во время моления государь совершал коленопреклонение, что обозначалось в тогдашних записках выражением *лежат на листу*[2]. При выходе из собора пред государем *веник* (цветы) нес во дворец один из ближних стольников.

Нам до́лжно упомянуть о царском выходе в день Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня, 1 августа, когда бывает крестный ход на воду. Накануне этого дня государь выезжал в Симонов монастырь, где слушал вечерню и в самый праздник заутреню и обедню. Против монастыря на Москве-реке устраивалась в это время иордань, подобно как и в день Богоявления. Государь в предшествии крестного хода и в сопровождении бояр и всех сановников выходил «на воду» и, по освящении, торжественно погружался в иордань со всеми боярами. В разрядных записках 1602 г. об этом выходе находим следующее известие: «110 г. июля 31 ходил государь царь и великий князь Борис Федорович всея Русии на Симанов, и из Симанова к Николе на Угрешу. И августа в 1-й день *мочился* (погружался в иордань) государь на Симанове; а мовники у государя были боярин Семен Микитич Годунов, окольничей Степан Степанович Годунов, окольничей Матвей Михаило-

[1] В 1679 г. июня 6 посланы патриаршие дети боярские в с. Троицкое Голенищева, с. Владыкино, – велено взять крестьянских подвод в первом – 25, во втором – 20 «с телеги и с проводники ехать в домовой (патриарший) лес и насечь ветвия с листвием ото всяких дерев и связать в веники, чтоб на всяком возу было по 200 веников, и привезти к Москве к соборной церкви июня в 8 день, на праздник святой Троицы, поутру на первом часу дни». – А. М. Ю. – № 40.

[2] Выходы царей. – С. 441: «А после обедни слушал государь троицкие вечерни и лежал на листу».

вич Годунов; чашники: князь Юрьи Никитич Трубецкой, князь Иван Семенович Куракин, князь Роман Федорович Троекуров, князь Иван Димитриевич Хворостинин; князь Василий Петрович Тростенский; и мовники были без мест»[1].

К тому же времени на царицыной половине изготовлялись из полотна так называемые «Происхожденские» простыни и полавочники. В 1587 г. июля 23 было скроено государю таких простынь 12, длиною от 3 до 9 арш., да один полавочник длиною 14 арш. Судя по длине большей части этих простынь – от 5 до 9 арш., – трудно сказать, для какой надобности они употреблялись. Можно полагать, что из длинных простынь устраивались посредством завесов своего рода купальни. Полавочником покрывалась лавка, устроенная для купанья[2].

Государь бывал на этом выходе в обыкновенном ездовом (выездном) платье, но для торжественного погружения во иордани он возлагал на себя кресты с мощами[3].

---

[1] Разрядная книга библиотеки И. Н. Царского, № 714, ныне графа Уварова.

[2] Материалы для истории города Москвы. Ч. I. – Ст. 1214 и др.

[3] Вот описание этих достопамятных крестов: «Кресты с мошми, которые живут на великом государе царе и великом князе и великом князе Алексее Михаиловиче всея Великой и Малой и Белой Руссии Самодержца, как погружается во иердани на Происхождение в день, на Симанове: Крест золот Петра чудотворца, на нем образ Спасов резной стоящей, посторон образа Пречистыя Богородицы да Иоанна Богослова,назади архангел Михаил. В голове камень яхонт червчат. Сорочка бархат червчат же. Крест и около креста низано большим жемчугом. Крест золот сканной, в средине Распятие Господне навожено финифтью, посторонь четыре святых резных навожено финифтю, назади мученик Евсегней, посторонь святые; во главе изумруд, да около креста 28 жемчужков, а в средине креста 12 жемчужков, да 8 камушков в гнездах. Крест золот во главе образ Спаса Нерукотворенного, в средине Распятие Господне чеканное, да 2 яхонта лазоревых, да 2 лалы. Около креста и главы обнизано жемчюгом кафимским в одно зерно. Назади подпись: мощи святых; у головы в закрепке два зерна жемчужных. Сорочка бархат коришной цвет. Крест и слова низано жемчугом, а тем крестом великого государя царя и великого князя Алексея Михаиловича всея Великой и Малой и Белой Руссии Самодержца, как он, великой государь, был в царевичах, благословила бабка его, великого государя, великая государыня инока Марфа Ивановна». [На поле рабочего экземпляра автором замечено: «А. О. П. Викт. 595 (152а)» и «Образная палата». См.: *Викторов А. Е.* Описание записных книжных и бумажных старинных дворцовых приказов». Вып. 1. – М., 1877. – С. 208–211. – № 595 (152а). Опись образной палаты 1669 г. – *Ред.*]

В конце XVII столетия цари нередко совершали торжественное купанье на иордани в загородных селах – в Коломенском на Москве-реке и в Преображенском на Яузе.

---

15 августа, в Успеньев день, был праздник у патриарха в Дому Пречистыя Богородицы, т. е. в Успенском соборе, который к этому дню во всех частях устраивался по-праздничному. Недели за две в нем начинали чистить деисусы, и местные иконы (иконостас), и паникадила во всей церкви, и лампады, потом ставили свечи, в числе которых пудовые свечи ставились из дворца, как и масло в лампады наливалось тоже из дворца. Надо заметить, что в то время свечи поставлялись во всем иконостасе пред каждою иконою в особых подсвечниках по всем ярусам иконостаса, перед деисусом, перед праздниками, пророками и праотцами, от верха до низу, так что весь иконостас горел множеством свечей ярким освещением.

Вынимались из ризницы драгоценные пелены к иконам и жемчужные покровы на чудотворцевы раки и вся праздничная драгоценная утварь церковная, употреблявшаяся в таких торжественных случаях. За два дня до праздника готовили *сено* для постилки по всему собору и в алтаре, и в приделах, и на государево, и на патриаршее, и на царицыно места – мелкое, доброе, которое расстилали накануне праздника до малой вечерни и которое состояло из всяких душистых трав, заготовляемых в царской Аптеке. Сено это перетрясали накрепко, для того, чтобы гад нечистый в нем не объявился. Царские и патриаршее места, кроме того, кропили и поливали гуляфною водкою (розовою водою) и маслом мятным или кропным для духу.

Перед праздником дня за три, иногда за неделю, патриарх посылал к государю Чудовского архимандрита со словом, спросить, где изволит великий государь ему, святейшему патриарху, звать себя, великого государя, к празднику Успения Пречистой Богородицы и к столу. Государь указывал совер-

шить этот чиновный зов, смотря по обстоятельствам, или во дворце, или в соборе в самый праздник на всенощном, или накануне на малой вечерне. В соборе этот зов происходил следующим порядком: пришедши в собор, государь становился на своем царском месте. Положив начало службы, патриарх в сопровождении властей подходил к государеву месту, причем государь встречал его, сошедши со своего места. Патриарх сказывал речь, форму которой мы привели выше, «бил челом великому государю, чтобы великий государь пожаловал на праздник Успения Пресвятой Богородицы в Соборной и Апостольской церкви слушать всенощное бдение и заутреню и божественную литургию, а в Дому Пречистыя Богородицы изволил хлеба кушать». Государь ответствовал так: «Что Бог изволит».

Затем, отступя от государева места, патриарх обращался к боярам и прочим чинам и также звал их на праздник. Когда зов государя бывал во дворце, то к боярам и другим лицам, а также и к духовным властям патриарх посылал звать их своих служебных дворян.

После обедни государь шествовал во дворец, а патриарх – в свою Крестовую палату смотреть, достойно ли изготовлен праздничный стол. Помешкав небольшое время, и государь с боярами приходил к столу. Государь с патриархом садились за одним столом за разными судками (приборами). Перед государем судки и хлебец и перепечи ставились и ества и питье подавались с государева поставца – все его государево дворцовое, а перед патриархом подавалось все его домовое. Однако во время стола патриарх подносил государю и свои домовые кушанья в три статьи по четыре ествы. Первая статья: щука паровая живая, лещ паровой живой, стерлядь паровая живая, спина белой рыбицы. 2-я статья: оладья тельная живой рыбы, уха щучья живой рыбы, пирог с телом живой рыбы, каравай просыпной с телом живой рыбы. 3-я статья: щука голова живая, полголовы осетрей свежей, тешка белужья. Питье носили с государева поставца государевы стольники – подносили сначала патриарху, а патриарх под-

носил государю по три кубка с отливом для себя, ренское, да романею, да бастр. Государь, накушав, отдавал стольникам, которые, приняв, относили на поставец. Потом те же вина по три кубка стольники подносили патриарху, который, приняв, ставил перед собою и, накушав те кубки, посылал к боярам и ко властям. После заморских вин стольники подносили патриарху в нарядных ковшах, золотых с жемчугом и каменьем, красный мед по три ковша. В третью статью подавали в белых (серебряных) ковшах белый мед тем же обычаем.

За столом бояре и царский служилый чин сидели в кривом столе со стороны государя, а в другом кривом столе со стороны патриарха сидели белые и черные власти (духовенство) и ниже их гости, а ниже гостей – сотские московских черных слобод, т. е. граждане Москвы.

Царское семейство – царица, царевичи и царевны – не участвовали в подобных пиршествах, поэтому патриарх обыкновенно посылал к ним на дом полный стол. В 1671 г. такой стол был послан к царице Наталии Кирилловне в Преображенское, где тогда пребывала царица. Кушанья несли до Преображенского стрельцы пешие на руках, питья несли патриаршие дети боярские и подьячие, романею, ренское и бастр в кубках, накрыв чарками с запасными кружками для дополнки; мед красный в воронке (сосуд с тонким горлышком), а белый – в серебряной кружке. Кроме того, со столом патриарх послал к царице и царевичам и царевнам на 12 блюдах яблок, по 15 каждой особе. Стол в Преображенском принимали перед царицыными хоромами на крыльце. На другой день после пира государь приходил к патриарху с боярами челом ударить за праздничный стол.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мой покойный родитель, автор этой книги, намеревался приступить в начале января 1909 г. к печатанию этого сочинения, вполне им оконченного, но требующего некоторых дополнений и окончательного пересмотра для печати. Смерть не дала ему выполнить заветное желание при своей жизни напечатать эту книгу. Он скончался 31 декабря 1908 г. Сознавая себя очень слабым и как бы предугадывая близкую кончину, отец высказал мне свое желание и поручил после своей смерти передать для окончательной подготовки к печати как это сочинение, так и другой свой почти оконченный труд – 2-ю часть «Истории города Москвы», Ивану Мемноновичу Тарабрину – ученому секретарю Императорского Российского Исторического музея, вполне уверенный в добросовестном, внимательном и точном выполнении этого дела Тарабриным; таково было мнение моего отца. Только через год после его кончины я могла исполнить его желание. Составление инвентаря громадной библиотеки отца и собрания его рукописей, а также передача их и архива в полном его составе в Исторический музей отняли у нас целый год. С глубоким чувством признательности вспоминаю я, с какой трогательной готовностью и как бы с благоговением принял на себя этот труд Иван Мемно-

нович. Текущие дела Музея, медленная мозаичная работа над дополнениями не давали возможности редактору работать с желаемой скоростью и потому издание этой книги замедлилось. Вполне разделяя мнение моего отца, я также крепко верю в добросовестное, внимательное и точное выполнение вверенного мною по просьбе отца труда и приношу глубокоуважаемому Ивану Мемноновичу Тарабрину мою сердечную благодарность, а также благодарю Императорский Российский Исторический музей за предоставление редактору из своих библиотек книг, необходимых для указанных автором дополнений.

Мария Забелина

4 мая 1915 г.

ГЛАВА I
РОДИНЫ. КРЕСТИНЫ. ИМЕНИНЫ

Родины. — Царское и общественное значение этого события. — Церковные и бытовые порядки по поводу царских родин и крестин. — Торжественные столованья. — Всеобщие дары новорожденному и крещеному. — Церковные и бытовые порядки по поводу царских именин. — Дары в именины, в Велик день, дары вообще[1].

Родины являлись радостным событием не только у царя в дому, но и в общей жизни народа, особенно когда подавал Бог ожидаемого наследника царству. В актах того времени это событие иначе и не называлось, как *государскою всемирною радостью,* конечно, главным образом с государевой точки зрения. Но и в действительности патриархальные родительские основы нашей старинной жизни очень естественно делали эту государеву радость общею радостью всего русского мира, радостью общенародною. В известном смысле царские родины были событием государственного порядка, возбуждавшим в народе общее внимание к государеву счастию. Мир-народ – в известной мере искренно, в известной мере официально – принимал это счастие так же близко к сердцу, как и сам государь-отец.

Многочисленные вестники от царя, объявлявшие повсюду, по всем городам и селам, государеву радость, затем повсеместные обычные заботы о дарах для новорожденного дитяти, частию очень добровольных, а частию и вынудительных, – все это служило обозначением, что государева радость водворялась по всем краям государства, что она была всемирна в гражданском смысле.

[1] До слова «крещеному» включительно печатается по оригиналу, найденному в бумагах автора, остальное добавлено. В бумагах автора есть и другая редакция, но одного лишь начала: «Родины в быту царей – всемирная радость. Царские распоряжения по этому поводу». – *Ред.*

Когда приспевало время, государыня царица весьма часто выходила на богомолье, служила молебны, поднимала к себе в хоромы чудотворные иконы, раздавала милостыню... Подробности по этому предмету помещены в книге «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях», с. 367–392.

Есть известия, что, когда наступало время родин, царица служила в своих хоромах молебен с водосвятием и *садилась на место.* Нам неизвестно, какое значение или какой бытовой порядок означал этот обряд, но официальная запись по этому поводу говорит следующее: в 1628 г. марта 30 (следовательно, за 18 дней до рождения, апреля 17, царевны Пелагеи Михайловны) «у г. царицы Евдокии Лукьяновны в хоромах пели молебен и воду святили, *как она, государыня, села на место.* И государыня пожаловала крестовым дьяком Ивану Семенову с товарищи, 6 чел., полтину» (Дополнения к Дворцовым разрядам[1]. – С. 501).

В 1673 г., августа 14, за 8 дней до рождения, августа 22, царевны Наталии Алексеевны, таким же образом *села на место* царица Наталья Кирилловна, причем Крестовая комната государыни была наряжена в следующем порядке: «Августа в 14 день, в четверг, за час до света в Крестовой наряжена постеля, вшед в Крестовую на левой стороне у дверей скамья липовая, положено на нее: ковер золотной большой кизылбашской, постеля лебяжья, взголовье лебяжье ж; на нее пуховик – пух чижовой, бумажник да взголовье чижовое, подушка атлас червчат. От стены положено сголовье бумажное, наволоки новые камчатые лученчатые, одеяло атлас золотной, по червчетой земле; гривы и каймы атлас по серебряной земле, испод пупки собольи с пухом. Да в запас положено в ногах одеяло камка кизылбашская по белой земле травки золоты; грива атлас золотной, испод пупки собольи, опушка горностаева. А накрыта постеля – было сукно скорлат червчет, сшито

[1] Дополнения *к* Дворцовым разрядам... собранные из книг и столбцов прежде бывших Дворцовых приказов Архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. Ч. I. (Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. I, III. – 1882; кн. II, IV. – 1883.). – *Ред.*

в полтора полотнища. Да в запас приготовлен ковер меншой, золотной кизылбашской, а лежал по указу в Казенной избе. Лавки наряжены полавочники бархат рытой; взяты полавочники из Истопничей палаты... И того ж дни в пятом часу дни великая государыня царица изволила сесть на место...».

Котошихин[1] рассказывает о самом времени родин следующее: «Как приспеет время родитися царевичу, и тогда царица бывает в мыльне, а с нею бабка и иные немногие жены; а как родится и в то время царю учинится ведомо, и посылают по духовника, чтоб дал родильнице и младенцу и бабке и иным при том будучим женам молитву, и нарек тому новорожденному младенцу имя; и как духовник даст молитву, и потом в мыльню входит царь смотрити новорожденного; а не дав молитвы, в мыльню не входят и не выходят никто. А дается новорожденному младенцу имя, от того времени, как родится, счотчи вперед, в восьмой день, которого святого день и ему то ж имя и будет».

Так следовало исполнять по церковным правилам. Но в жизни этот расчет наблюдался не всегда. Наречение имени царевне Ирине Михайловне 1627 г. (род. 22 апреля) последовало не на 8, а на 13 день, мая 5-го. 1652 г. – царевне Марфе Алексеевне имя наречено на шестой день, 1 сентября. Царевна Софья Алексеевна родилась 1657 г. 17 сентября, тем же днем было наречено ей имя Софьи. Царевна Екатерина Алексеевна родилась 1658 г. 27 ноября, а имя ей наречено 24-м числом. Царевич Иван Алексеевич родился 1666 г. 27 августа, а имя наречено 29-м августа. Царевич Петр Алексеевич родился 1672 г. 30 мая, а имя наречено на 29 июня. Царевна Наталья Алексеевна родилась 1673 г. 22 августа, а имя наречено на 26 число.

Духовник за совершение этой требы, что родильнице *молитву говорил* и ребенку *имя нарек,* получал весьма значительный дар. На родинах царевны Ирины Михайловны протопоп

[1] Выдержки из сочинения Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» печатаются согласно рукописи автора или как они читаются в печатном ориг. 1854 г. Важнейшие разночтения по *4* изд. сочинения Котошихина (СПб., 1906*)* указываются в примечаниях. – *Ред.*

Максим получил 10 арш. камки кармазину, по рублю аршин, сорок соболей в 50 руб., всего на 60 руб.[1]

На родинах царевны Анны Михайловны тот же протопоп Максим получил еще больше, именно: кубок серебрян золочен с кровлею на тыковное дело (в виде тыквы) весом 2 ф. по 5 руб. фунт, 10 арш. камки лазоревой, 10 арш. камки черленой по рублю аршин, сорок соболей в 50 руб. всего на 80 руб. Сверх того, он получил тогда же за *колыбельную молитву* 10 арш. камки черленой в 10 руб., 10 арш. камки адамашки двоеличной по 90 коп. аршин и сорок соболей в 20 руб. – всего на 39 руб. То же самое он получил и на рождении царевны Марфы Михайловны. В точности такой же дар протопоп получил и за колыбельную молитву царевича Алексея Михайловича и царевны Марфы Михайловны[2]. Эти дары обыкновенно отвозил на подворье (на дом) дьяк государевой Мастерской палаты.

После очистительной молитвы государь немедленно посылал свою государскую всемирную радость объявить прежде всего к патриарху, затем, жалуя своею милостию, к властям духовным, потом к боярам, окольничим, думным и ближним людям и к гостям. Если случался в Москве и именитый человек (Строганов), то и он получал царское уведомление. Объявлялась государева радость и всем московским городским и загородным монастырям, и главным образом Троице-Сергиеву монастырю, а впоследствии и Савинскому.

К патриарху ходил с этою вестью ближний боярин, к боярам и окольничим – царский постельничий, к думным и ближним людям – дьяк, а к прочим и в монастыри посылали жильцов. Царица, со своей стороны, также посылала известить всех боярынь, жен окольничих и ближних людей, а равно игумений Вознесенского, Новодевичьего и Алексеевского монастырей.

В тот же день через несколько часов или, смотря по удобствам времени, на другой день государь выходил в сопровождении уже собравшихся бояр и всех других чинов к торжественному молебну в Успенский собор. При рождении Петра

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 467.

[2] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 580, 626, 697.

это совершилось через 4 часа после родин[1]; при рождении царевны Феодоры (родилась 1674 г. сентября 4, за час до вечера) молебен отправлен в первом часу ночи, т. е. по нашему счету в 7-м часу вечера, следовательно, через 2 часа после родин.

В соборе патриарх с духовными властями, архимандритами, игуменами и соборянами совершал служение, после которого всем освященным собором поздравлял государя с новорожденным. Бояре и прочие чины также *здравствовали государю,* причем один из самых почетнейших говорил ему от лица всего синклита поздравительную речь. В это же самое время по распоряжению патриарха молебствовали во всех московских монастырях и приходских церквах со звоном, который продолжался во весь день.

После молебна государь посещал Архангельский собор, Чудов и Вознесенский монастыри, Троицкое и Кирилловское подворья и потом шествовал в собор Благовещенский, а оттуда во дворец, в Столовую или Переднюю палату.

Если новорожденный был первенцем, и притом сын, то при входе во дворец государь во изъявление своей радости спешил прежде всего осыпать милостями отца царицы и вообще ее родственников и близких к ней людей, которые и получали обыкновенно повышения в чинах. Так, при рождении Петра Великого, когда царь Алексей Михайлович из Благовещенского собора вошел в Столовую палату, думные дворяне Кирилло Полуектович Нарышкин, отец царицы[2], и Артамон

---

[1] Предполагая, что Петр родился в шестом часу ночи по тогдашнему счету. – *Ред.*

[2] Отец царицы Наталии Кирилловны, Кирилло Полуектович Нарышкин, в 1663 г. был ротмистром в полку полковника и головы московских стрельцов Артамона Матвеева «у Новоприборных рейтар у Танбовцов, у Ломовцов, да у Темниковцов». За ним было в это время 8 дворов крестьянских; жалованья получал он в чине ротмистра по 13 руб. в месяц (Приходно-расходная книга Тайного приказа. 7172 г.). [Печатается по оригиналу 1854 г.; ср.: Русская Историческая библиотека. Т. 23 (Дела Тайного приказа. Кн. 3). – СПб., 1904. – С. 487 и далее, где даны сведения о расходах за апрель и след. месяцы 1664 г. В дополнение к примечанию автор ссылается на приложение к книге «Минин и Пожарский...», см. изд. 4, с. 288, где издано им челобитье царю Михаилу Федоровичу в 121 (1613) г. холопа государева Полуехтки Нарышкина. – *Ред.*

Сергеевич Матвеев получили окольничество, а стольники Федор Полуектович Нарышкин и Авраам Никитич Лопухин – думное дворянство[1].

Изъявив свои милости и благоволение родству царицы, государь в Передней палате для всемирной радости жаловал собравшееся боярство, окольничих и всех дворовых чиновников водкою, различными медами и фряжскими винами, романеею, ренским и др., и главное, чего требовал старый, если не очень и очень древний, обычай, раздавал им всем различные сласти, среди которых первенствующее место принадлежало *коврижкам* и сладкому *взвару,* т. е. различным овощам[2], приготовленным в меду и в патоке, каковы были яблоки, дули, груши и т. п.

Между тем в тот самый день, если не в тот же час, и только когда не позволяло время – на другой день – с большим поспешением писали от государя грамоты во все значительные города с извещением, что Бог благодатию своею всесильною простил царицу, родила нам сына (или дочь), и с повелением воеводам собрать местных дворян, детей боярских, т. е. мелких помещиков, также приказных и всяких служилых людей и гостей и торговых и всяких жилецких людей (обывателей) и государеву радость им сказать[3].

Со своей стороны и духовная власть также поспешала разослать повсюду *богомольные* грамоты, извещая о госуда-

[1] Отец же супруги царя Михаила Федоровича Лукьян Степанович Стрешнев через несколько месяцев по рождении наследника престола царевича Алексея 6 января 1630 г. был пожалован в окольничие, а через несколько месяцев после рождения второго государева сына, 1 марта 1634 г., и в бояре. См. составленный автором биографический очерк «Стрешневы, владельцы подмосковного села Ильинского» – книга М. П. Степанова «Село Ильинское». – М., 1900. – С. 55. А отец первой супруги царя Алексея Михайловича Илья Данилович Милославский был пожалован из стольников в окольничие тотчас же после свадьбы царя, на другой день, 17 января 1648 г., а через две недели, 2 февраля, ему уже сказано было боярство. См. сочинение автора «Кунцово и древний Сетунский стан». – М., 1873. – С. 163. О Милославском, как и о Стрешневе, добавлено согласно указаниям автора. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автор отвечает: «овощи Олега»; ср.: ПСРЛ. Т. II. Изд. 2. – СПб, 1908. – С. 22. – *Ред.*

[3] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. III. – № 185, 186.

ревой радости все монастыри, городские соборы, все посадские и сельские церкви и все обывательское население с наказом, чтобы для *всемирной радости* повсюду пели молебны со звоном и молили бы Бога соборне и келейне, причем указывались и новые речи в ектениях, как именовать и молить Бога о новорожденном. Вместе с тем избранным, наиболее богатым монастырям указывалось, чтобы в благословение новорожденному готовили *окладные образы,* т. е. иконы в окладах. Архимандриты и игумены таких монастырей по обычному порядку должны были самолично привозить свои благословенные иконы, но в иных случаях им разрешалось для дальнего пути самим не ездить, а присылать образа с монастырскими старцами.

Точно так же, если не в тот же день, то на другой или на третий день «ходит царь, – говорит Котошихин, – по монастырям, и кормит чернцов и дает милостыню ж, также и в тюрьмы и в богадельни посылают милостыню большую; да из тюрем же виноватых свобождают, кроме самых великих дел». Так, в 1665 г. 5 апреля, в пятом часу ночи (часу в 12 по нашему счету), царь Алексей Михаилович «изволил идти *для рождения* (3 апреля) *сына своего государева* государя царевича и великого князя Семиона Алексеевича на двор священника Никиты и на Земской, и на Аглинской, и на Тюремный дворы и в Стрелецкой Приказ, и в Черную палату и в Богадельню, что у Боровицкого мосту, и жаловал своим Государевым жалованьем милостынею из своих государских рук, а роздано: священнику Никите 50 руб., на его же дворе нищим и кажненым 70 чел. по полтине; на Земском дворе под Приказом колодникам мужеска полу 70 чел., женска полу 15 чел. – по полтине; на Аглинском дворе (пленным) начальным людям 6 чел. по 2 руб., шляхте 49 чел. – по рублю; мещаном и драгуном и челяди 109 чел. – по полтине; на Тюремном дворе тюремным сидельцом в польской избе начальным людям и шляхте 60 чел. – по рублю, челядником 6 чел. – по полтине; в Опальной Избе начальным людям и шляхте 48 чел. – по рублю, челядником 13 чел. – по полтине; да русским в Завод-

ной 7 чел. – по рублю, для того, что они великому государю здравствовали с новорожденным сыном его государевым, государем царевичем и великим князем Семионом Алексеевичем. А достальным 147, в Барышкине 120, в Холопье 119, в Приказной 4, в женской 53, тюремным сторожем 8 – по полтине человеку. В Стрелецком Приказе колодником 34 чел., в Богадельне, что у Дровяного двора, нищим и увечным старицам 30 чел. – по полтине. Да великий же государь жаловал своим государевым жалованьем *из своих государских рук* у священника Никиты на дворе расслабленного и, дорогою идучи, нищих бессчетно, а роздано 161 руб 26 алт. 4 ден. Да по его же, великого государя, указу дано стрельцом, которые за ним, великим государем, ходили на Тюремный и на Аглинской дворы, полковника и головы Артамонова Приказу Матвеева пятидесятникам и рядовым 63 чел. – по рублю, а которые в то время стояли на караулах, Артамонова ж Приказу Матвеева стрельцам: у Куретных Ворот 16 чел., по Кремлю у ворот: у Троицких 9, у Отводной башни 4, у Предтеченских 10, у Боровицкого Мосту 5, у Тайницких 8, в Застенке у ружья 2; по Китаю у Неглиненских Ворот 24, у Никольских 8, у Ильинских 8, у Варварских 8, у Москворецких 12, у Аглинского двора 34, у Тюремного двора 19 – по полтине человеку. (Всего в расходе 1015 руб. 10 алт.)»[1].

В 1674 г., 4 сентября, по случаю рождения в этот день царевны Феодоры Алексеевны царь Алексей Михайлович указал приказным всяких чинов людям: «которые колодники

[1] Приходно-расходная книга Тайного приказа. 7173 г. [Печ. по ориг. 1854 г.; ср.: Русская Историческая библиотека. Т. 23 (Дела Тайного приказа. Кн. 3). – СПб., 1904. – с. 611–614. Опечатка в оригинале 1854 г. «рутья» вместо «ружья» исправлена автором. Важнейшие разночтения по изд. 1904 г. следующие: после слов «и в Стрелецкой» чит. «и в Розбойной Приказы», слова «70 чел., женска полу» опущены, после слов «в Барышкине – сту дватцати» чит. «в Розбойной – сту сороку девяти», после слов «колодником – тритцати четырем человеком» чит. «в Розбойном Приказе – тринатцати человеком», после слова «головы» чит. «Московских стрелцов», вместо «63 чел.» чит. «стрелцом шестидесяти, Васильева Приказу Пушечникова, трем, всего шестидесяти трем»; ср. расстановку знаков препинания: «На Тюремном Дворе... сидельцом: в Польской избе..., в Опальной избе...». – *Ред.*]

по всех приказах не в больших винах сидят и в правежах не в больших, и тех колодников, для своей всемирной радости, велел свободить»[1]. На другой день по этому же случаю государь давал стол на нищую братию. «Великий государь жаловал, для своей государской всемирной радости и для новорожденной дщери своей, государыни царевны и великой княжны Феодоры Алексеевны, кормил у себя в Передней нищую братью и милостынею тож жаловал и с государем царевичем и великим князем Феодором Алексеевичем; а носили ествы и питье, по указу великого государя, перед нищую братью стольники государыни царицы, по списку» (дети ближних людей, не старше 15 лет).

На другой же или на третий, а иногда и на четвертый день государь давал обычный чиновный *родинный стол* патриарху, властям духовным, боярам и прочим чинам. При рождении царя Феодора Алексеевича 1661 г. этот стол был дан на другой день, 9 июня, быть может, по случаю праздника в этот день, в воскресенье, Всех Святых.

Вначале эти столы давались на третий или на четвертый день, не откладывая далеко, но случалось по обстоятельствам и промедление. При рождении царевича Ивана Михайловича 1633 г. стол был дан на шестой[2] день; при рождении царевича Алексея Алексеевича 1654 г. стол дан на восьмой день; при рождении царевны Софьи Алексеевны 17 сентября 1657 г. родинный стол справлялся 1 октября, при рождении царевны Марьи Алексеевны 1660 г. генваря 18 стол справлен 5 февраля, при рождении царевны Феодоры 4 сентября 1674 г. стол справлен 1 октября.

Родинные столы по большей части давались в Грановитой палате, изредка в Золотой. Число присутствовавших бывало неодинаково, смотря по распоряжению государя, но состав гостей мало изменялся. Первым гостем был патриарх с сопутствовавшими ему духовными властями, митрополитами,

[1] Дворцовые разряды. Т. III. – СПб., 1852. – С. 989.

[2] Предполагая, что царевич родился 1 июня, но ниже, перед обзором игрушек царевича, автор указывает день его рождения – 2 июня. – *Ред.*

архиепископами, епископами, архимандритами и игуменами. Затем следовали бояре, в чиновных столах с обозначением мест, обыкновенно три, иногда два человека, два окольничих, а чаще только один; потом два думных дьяка, постельничий, ясельничий; затем дворяне, число которых не бывало одинаково. У родинного стола царевны Ирины Михайловны их было 52 чел., в том числе пятым по списку значился тесть государя, отец царицы, Лукьян Степанович Стрешнев. У родинного стола царевича Алексея Михайловича дворян было 99 чел. После дворян следовали дьяки, число которых также бывало различно. У стола царевны Ирины Михайловны их было 31 чел., у стола царевича Алексея Михайловича – 43 чел. Кроме государевых дьяков, у этих столов присутствовали и дьяки патриарха Филарета, 4 чел.

Так распределялись гости по официальному списку. Здесь бояре и окольничие, согласно местническим счетам, вписывались по именам, что и означало занимаемое ими место, из-за чего и возникали местнические споры. Такой порядок существовал при царе Михаиле. Царь Алексей Михайлович взглянул на родинные столы как на свои семейные празднества и потому всегда указывал гостям-боярам быть без мест, т. е. в списках не поименовывал приглашаемых бояр и, следовательно, не заводил местнических счетов, кому сидеть выше, кому ниже. Однако и в этих случаях *сиденье* все-таки происходило по старшинству чести каждого лица, в особенности по старшинству приближения к государю. При царе Алексее появились за этими столами чины выше даже и боярских. Это были явившиеся на службе государю татарские царевичи – Касимовский и два Сибирских; к ним присовокуплялся также и пребывавший в Москве царевич Грузинский. По своему царскому достоинству они занимали места после патриарха выше духовных властей.

Само собою разумеется, что этот родинный, как потом и крестинный, столы давались и на царицыной половине для приезжих и дворовых боярынь, которые иногда также местничались, но обыкновенно по государеву распоряжению

сидели все без мест, как это отмечено о крестинном столе царевича Ивана Михайловича. Вообще на царицыной половине соблюдался тот же обычный порядок обрядов по случаю родин и крестин, как и у государя, конечно, без особой торжественности[1].

После рождения во плоти с благочестивою заботливостию совершалось рождение во Святом Духе, именуемое крещением. «После того, – повествует Котошихин, – бывают у царя *крестины,* в который день ни прилучится, смотря по младенцову здоровью. А крестит того младенца патриарх, а восприемник бывает первого Троице-Сергиева монастыря келарь старец, а кума – царевна-сестра или свойственная царю и царице». Царь Михаил Федорович крестил своих детей по старому преданию в Чудовом монастыре, чему следовал вначале и царь Алексей Михайлович, потом не однажды отменявший этот обычай и крестивший в 1654 г. царевича Алексея Алексеевича, в 1657 г. – царевну Софью Алексеевну, в 1674 г. – царевну Феодору – в Успенском соборе, а царевну Екатерину Алексеевну в 1658 г., царевну Марью Алексеевну в 1660 г., царевича Феодора Алексеевича в 1661 г., царевну Феодосию Алексеевну – в церкви вмч. Екатерины, что у царицы на Сенях. Царевич Петр Алексеевич был крещен по старому обычаю в Чудовом монастыре. Крестил и погружал в святую купель обыкновенно государев духовник – Благовещенский протопоп. Но бывали случаи, когда крещение совершал сам патриарх. В 1630 г. царевну Анну Михайловну крестил в Чудове патриарх Филарет Никитич; в 1648 г. царевича Дмитрия Алексеевича крестил в Чудове патриарх Иосиф; в 1654 г. царевича Алексея Алексеевича крестил в Успенском соборе патриарх Никон; в 1674 г. царевну Феодору крестил в Успенском соборе патриарх Иоаким.

[1] Подробности по этому предмету помещены в книге «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях». – С. 423–433. – *Ред.*

По какому благочестивому поводу восприемниками бывали лица иноческого чина – неизвестно. При царе Михаиле восприемником его детей был Троицкий келарь Александр Булатников. При царе Алексее Михайловиче царевича Дмитрия воспринимал Троицкий же архимандрит Андриян, а царевну Феодосию воспринимал Чудовской архимандрит Павел. Но у царевича Петра Алексеевича восприемником был уже царевич Федор Алексеевич, которому в это время было всего 11 лет. Потом царевич Федор воспринимал и новорожденную царевну Феодору в 1674 г.

Восприемницами бывали вначале родные царя или царицы, а потом при царе Алексее Михайловиче постоянно воспринимала его детей царевна Ирина Михайловна. Самое царевну Ирину в 1627 г. воспринимала мать царицы Евдокии, жена Лукьяна Степановича Стрешнева, Анна Константиновна. Царя Алексея Михайловича воспринимала его бабушка-тетка Ирина Никитична Романова, сестра патриарха Филарета.

На руках восприемницы в каптане (род кареты) младенца перевозили к крещенью в Чудов монастырь. Каптану сопровождали с правой стороны боярин Федор Иванович Шереметев, с левой – отец царицы Л. С. Стрешнев. За каптаною следовали 30 боярынь и дворяне *большие,* т. е. старейшие, 9 чел., и другие дворяне, всего 50 чел. При крещении царевича Ивана Михайловича московских дворян было 40 чел. Путь к монастырю кропил святою водою священник от Рождества Богородицы, что у царицы на Сенях.

Обратный поезд следовал в том же порядке. Так это происходило при крещении царевичей, в 1629 г. – Алексея Михайловича и в 1633 г. – царевича Ивана Михайловича. Первый был крещен спустя 12 дней по рождении, второй – спустя 16[1] дней. Крещение происходило в Чудовском храме у Алексея Чудотворца в трапезе в присутствии самого государя и патриарха.

В тот же день справлялся и *крестинный стол* несколько с меньшею обстановкою торжественности против родинного

[1] Ср. выше, с. 507, прим. 2. – *Ред.*

стола, который, как упомянуто, почти всегда давался в Грановитой палате, а крестинный стол бывал или в Золотой палате, или же в Столовой избе, и только при крещении царевичей Алексея Алексеевича, Федора Алексеевича и Петра Алексеевича этот стол был дан также в Грановитой палате.

Более подробностей о родинах и крестинах в царском быту сохранилось по случаю рождения в 1674 г. царевны Феодоры Алексеевны, прожившей всего 4 года (ск. в 1678 г.). В пополнение предыдущих свидетельств, большею частию отрывочных, приводим рассказ об этих событиях более полный. Царевна родилась 4 сентября. По какому-то случаю родинный стол справлялся спустя почти месяц, 1 октября, по обычному порядку в Грановитой палате, где за столом присутствовали патриарх, 4 митрополита, 3 архиепископа, 2 епископа, архимандриты, игумены и духовник государя Андрей Савинович. Отдельно от духовного чина сидели царевичи Сибирский и Касимовский, бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки и ближние люди, а ели все без мест. Стол продолжался до 5-го часа ночи, т. е. до десятого по нашему счету. За этим столом, как и за крестинным, первенствующее место между различными кушаньями занимали сладкие *ковражки* и сладкие *взвары,* которые поэтому рассылались даже и всем почему-либо не присутствовавшим на обеде, с прибавкою *кубков,* т. е. вин в кубках, и застольных еств.

В тот же день был стол и у царицы в ее Золотой палате, за которым обедали: грузинская царица, жены Сибирского и двух Касимовских царевичей, жены бояр, 10 чел.; жены окольничих, 4 чел.; жена думного дворянина, жены ближних людей, 14 чел.; стольничьи жены, 7 чел. У стола самой царицы, кроме двух дворовых боярынь, стояли и принимали ествы и ставили «перед нее, Великую Государыню, ее отец, боярин Кирилло Полуектович Нарышкин да окольничий Артамон Сергеевич Матвеев. А которых боярынь не было у стола, и тем по указу царицы были посланы звары и ковражки, кубки и ествы». То же самое было послано от стола мамам, верховым боярыням и казначеям.

Раньше того, перед самым обедом, в Золотой Царицыной палате собрались патриарх и все духовные власти, начиная от митрополитов и оканчивая игуменами, принесшие по старозаветному чину на благословение новорожденной святые иконы, а вместе с иконами и обычные подношения, различные дары, как-то: золотые (монета), кубки серебряные и иные сосуды дорогие, аксамиты, бархаты, атласы, объяри, участки (куски тканей) золотые, серебряные и гладкие и неотменные соболи добрые.

По какому-то случаю патриарх прибыл во дворец с внутреннего двора. Для особой почести государь встретил его на Постельном крыльце на нижнем рундуке (помосте). В палате патриарх поднес новорожденной золотой крест с жемчугом и с каменьем да 100 золотых. Государь и царица крест у патриарха и благословенные иконы у властей приняли, а патриаршие золотые и властелинские различные дары пожаловали возвратить всем, кто что приносил.

После духовенства с подношением были в палате царевичи, бояре, окольничие, думные и ближние люди, а также гости, сотские гостинной и суконной сотен и сотские черных слобод, вообще слободские торговые и из городов посадские люди. Точно так же государь принял дары и тут же пожаловал их обратно всем, кто приносил. Все эти посадские лица также обедали за родинным столом. Вместо дьяков, как бывало при царе Михаиле, теперь обедали полковники солдатских полков и головы стрелецкие всех Приказов.

Октября 4[1] в воскресенье до обедни совершилось крещение царевны в Успенском соборе. Крестил сам патриарх Иоаким. Звать патриарха крестить царевну приходил к нему сам государь. Он же назначил и час, когда быть действу, именно как ударит 2 ч. дня (в 7 ч. утра), тогда повелел и благовестить в Успенский колокол. В соборе сам государь уряжал особое место для крещения, отделив запонами (завесами) со-

[1] На поле оригинала: «Временник. Кн. 24». См.: Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 24. Ср.: Дворцовые разряды. Т. III. – С. 1060–1061. – *Ред.*

борную местность у Царицына места, т. е. со стороны северных дверей собора. Перед царскими дверьми под большим паникадилом были поставлены два приступа; на них постлано червчатое сукно и поставлена купель, в которую налили студеной и теплой воды и покрыли тафтою. Вне собора перед западными дверьми поставили налой с книгою требником. Здесь патриарх ожидал новорожденного младенца, которого вскоре и принесли его восприемники – царевич Федор Алексеевич и царевна Ирина Михайловна. Благословив их, патриарх начал читать по требнику отрицательные молитвы, после чего святейший вошел в собор, а за ним восприемники внесли в храм и младенца и остановились близ купели.

По совершении крещения восприемники, царевич и царевна, приняли младенца от купели вместе оба на свои руки. Затем восприемники поднесли патриарху 14 арш. полотна, а сказали святейшему, что «так-де ведется». Во время совершения действа из собора были удалены все посторонние лица, и духовенство, и певчие, и люди царского синклита. Оставались только патриарший ризничий да в алтаре соборный протопоп. Но присутствовал сам государь в сопровождении своего тестя – боярина Кирилла Полуектовича Нарышкина.

После того началась литургия в сослужении духовных властей, которых с патриархом было 5 митрополитов, 3 архиепископа, 2 епископа, Чудовской архимандрит и духовник государя.

По окончании служения патриарх со властьми ходили во дворец, где государь жаловал им за крещенье на этот раз весьма богатое даянье: патриарху 1500 золотых, митрополитам по 300 золотых, архиепископам по 200, епископам по 100 золотых, Чудовскому архимандриту 80 руб., духовнику 100 руб., соборянам, протопопу 50 руб., протодьякону 40 руб., ключарю 30 руб., другому 30 руб., священникам и дьяконам против их оклада.

Крестинного стола в этот день по какому-то случаю не было. Бояр, окольничих, думных дворян и ближних людей государь жаловал только водкою, конечно, с сахарными пряничными закусками.

Между тем еще раньше этого государь повелел устроить для своей государевой потехи именно к этому дню, к 4 октября, особое место для трубачей, накрыщиков, сурначей, литаврщиков и набатчиков, т. е. для всего собрания тогдашней музыки.

Октября 3 этой музыке был смотр и на смотру сказано всем, чтобы они были готовы октября в 4 день. Но затея почему-то не состоялась.

Октября 3 приехали было к крестинному столу и со святынею Троице-Сергиева монастыря архимандрит и келарь, но было им указано ехать назад к себе в монастырь. Потом октября 6 государь выехал в с. Соколово (по другому свидетельству – в Коломенское) и возвратился в Москву за час до вечера 7 октября.

На другой день, 8 октября, был справлен и крестинный стол в Столовой, на котором присутствовали те же лица из духовенства, два боярина, окольничий, думный дворянин, головы и полуголовы стрелецкие и гости с именитым человеком Строгановым во главе.

После стола прежде угощения овощами были патриарху царские дары за литургию, а за крещение – другие. Кроме того, государь сам своими руками поднес святейшему «алтабас полосат золот и серебрен по рудожелтой земле на саккос для царевны Феодоры». Затем подали овощи, и потом были заздравные чаши за государя и за патриарха.

В тот же день крестинный стол был справлен и у царицы в Передней ее хором. Подобно родинному столу, и здесь присутствовали те же лица женского пола от боярства и других чинов.

Необычною святостию сопровождалось крещение младенца Ивана Грозного, несомненно, в том убеждении, что это был благодатный плод чрева, столько и давно желанный не одним отцом, великим князем Василием Ивановичем, но и всем множеством народа от верхних и до нижних его слоев, т. к. богодарованный младенец являлся наследником царства,

остававшегося долгое время без коренного наследства. Всенародная радость этому рождению была неизреченная.

Крещение младенца было совершено 4 сентября 1530 г. в десятый день по рождении[1] в Троицком монастыре у мощей прп. Сергия – святого заступника и покровителя московских государей. Священнодействовал игумен монастыря Иоасаф, впоследствии возведенный в сан митрополита. Восприемниками от святой купели были состарившиеся в добродетелях молитвенники Даниил Переяславский и столетний старец Касьян, прозванием Босой, от юных лет постничеством жесточайшим удручавший себя, ходивший и зимою в одних сандалейцах лычных и в одной власянице вместо свитки и мантий, но ничем не был вредим от зельной студени (мороза). Его, как младенища, привезли к действу и два инока поддерживали у действа крещения. Третий старец был от Троицкого монастыря – Иов Курцов[2]. Таковы были святые люди, преемники, крестные отцы знаменитого младенца.

Когда они приняли его от купели, игумен внес его в алтарь *царскими дверьми* и знамена его у святого престола, потом у местных икон, у св. Троицы и у образа Богородицы. Затем сам царь [великий князь] взял новопросвещенное чадо и положил его в честную раку на мощи св. Сергия, «со многими слезами моляся и глаголя благодарственные глаголы».

Окончив святое действо, государь тотчас отправил младенца в Москву к любимой его матери, а сам в обители «братию учреди и напита, с нею же и сам изволил вкусити» и потом также возвратился в Москву[3].

Первое, что требовалось для новорожденного младенца, кроме очистительной молитвы и наречения имени, это благословение его крестом от родителей и от других ближайших членов царской семьи. Обыкновенно каждый из них приносил новорожденному в благословение золотой крест, более или ме-

[1] ПСРЛ. Т. VIII. – СПб., 1859. – С. 274.

[2] Там же.

[3] Книга Степенная. Ч. II. – М., 1775. – С. 206–208. О крещении Ивана Грозного добавлено по оригиналу, найденному в бумагах автора. – *Ред.*

нее богато украшенный драгоценными каменьями и жемчугом и, главное, неотменно со святыми мощами и различными святыми достопамятностями от святых мест.

Особенно такими достопамятностями отличался крест, которым благословил новорожденную царевну Ирину Михайловну ее дед патриарх Филарет Никитич: «*Крест* золот с мощми, на нем Распятие Господне литое на кресте в гнездах 4 яхонта лазоревы да изумруд да три бирюски по сторонам, у креста на спнях[1] 4 зерна гурмыцких около креста обнизано жемчугом середним, а назади у креста подпись: камень горы Синайские, древо Мосеева жезла, земля иердан реки, млеко Пречистыя Богородицы, камень гроба Господня, камень Голгофы горы, иде же Христос распяся, камень идеже преставися Пречистая Богородица, камень святого Сиона, идеже вечеря Господь со ученики, камень горы, идеже Господь постися; камень горы Фафорской, камень Селуямской купели, камень идеже Господь на осля вседе, камень горы идеже Господь пребысть, камень на нем же ангел Господень седе у гроба Господня, камень горы елеонские, мощи святого Иванна Предтечи, камень идеже обретены быша мощи святого апостола Кондрата, мощи мученика Анфима, камень идеже побиен мученик Стефан, мощи мученика Права, мощи мученика Артемия, мощи мученицы Крестины, мощи мученицы Парасковеи»[2].

В других крестах чаще всего обозначаются святыни: Животворящее Древо и Млеко Пресвятыя Богородицы[3].

---

[1] В оригинале было «спях» (sic), «н» надписано. – *Ред.*

[2] Описание креста добавлено, согласно указанию автора, по его выпискам из Описи Архива Оружейной палаты. № 668; ср.: *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. I. – М., 1877. – С. 296. – *Ред.*

[3] Что такое было *Млеко* Пресвятой Богородицы, об этом существовал следующий рассказ:

«В Ифлиемском вертепе, егда родися Избавитель всего мира Господь наш Исус Христос от Пречистые Девы Марии Богородицы, – и источися тогда Млеко от Пречистые сосец ее на землю. И в том месте искипе земля млечная яко сыр. И по вся лета день Рожества Христова кипит аки ключ, а над тем местом во святом олтаре святая трапеза и в день Рожества Христова приходит тут Иерусалимский патриарх и свершив тут во вертепе в храме

Родитель царевны, царь Михаил Федорович благословил ее менее содержательным крестом, в котором первое место занимало Животворящее Древо и за ним 6 частиц мощей.

Бабушка царевны, Великая инока Марфа Ивановна благословила внуку золотым крестом, в котором первое место занимало Млеко Богородицы, а потом также 6 частиц святых мощей.

Родительница царевны, царица Евдокия Лукьяновна, вместо креста благословила новорожденную золотою панагиею, сняв со своего мониста, которая описана следующим образом: «Понагея золота на четыре углы в ней яхонт лазорев, на яхонте резь Спасов образ Вседержителя, по полям 2 яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главе резь херувим, а на другой стороне резь великомученик Дмитрей, навожено чернью; под главою в закрепке по концом два зерна гурмыцких»[1].

В 1628 г. на родинах (17 апреля) царевны Пелагеи государь-отец благословил ее крестом, в котором кроме 8 частиц святых мощей находилась святыня – камень столпа Христова, а в числе мощей – мощи и тело Варвары Христовы мученицы. Дед-патриарх благословил крестом, где находилась святыня: камень горы Голгофы, где изошла кровь Христова; камень Неопалимыя Купины; камень Вефлиомского вертепа, где Христос родися; камень трапезы Аврамли; часть древа дуба Мамврийского и 4 частицы мощей.

Великая инока Марфа Ивановна благословила внуку свою крестом, в котором находились только мощи Иякова Перского.

Царица Евдокия Лукьяновна благословила новорожденную крестом с Животворящим Древом и частицами мощей.

том Рожества Христова божественную службу и емлет ту *млечную землю* со многим благоговением, и творят *округлости* ей, напечатают одну страну образ Пречистыя Богородицы с Превечным Младенцом, а с другую – подпись: “Млеко Пречистыя Богородицы”. И взимают и посылают православным царем [“и князем” у автора опущ. – *Ред.*] и святителем и прочим праверным людям на исцеление». Таким образом, это Млеко представляло род обычной просвиры (Домострой. – М., 1882 г. – Приписки. – С. XV).

[1] Описание панагии добавлено, согласно указанию автора, по его выпискам из Описи Архива Оружейной палаты. № 668; ср. также в книге автора: «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях». – С. 614. – *Ред.*

В 1629 г. на родинах царевича Алексея Михайловича дед его, патриарх, благословил его крестом, в котором находилось Животворящее Древо, Млеко Пресвятой Богородицы и 8 частиц мощей.

При этом патриарх принес в дар царевичу 150 золотых.

Великая инока Марфа Ивановна благословила внука образом Пречистой Богородицы «Умиление» в жестяном киоте, «притвор слюденой, оклад и венец серебрян золочен, резной; в венце яхонт лазорев да два лапа, да червец, да 4 зерна жемчужных; поднизь и ожерелейцо жемчужное, в поднизи яхонт червчат, сережки золоты с яхонты лазоревыми, рясы жемчужные в три пряди; у золотых колодец о средине ряс яхонты червчаты да изумруды; у образа подпись, слова резаны на киотцах»[1].

По всему вероятию, этот не особенно богатый образ составлял очень драгоценную домашнюю святыню Великой инокини, которую она передавала новорожденному внуку как святой памятник родного дома.

О благословенных крестах на родинах от отца и от матери царевича сведений не имеем.

Благословенные кресты свое подобающее место занимали и на крестинах.

На крестинах царевича Алексея Михайловича государь-отец благословил его золотым крестом, в котором находилось Животворящее Древо, часть Ризы Христовы, Млеко Пречистой Богородицы, 16 частиц мощей, миро Дмитрия страстотерпца и Георгия страстотерпца, ризы и гроба и раки часть Сергия преподобного, мощи царевича Дмитрия, *зуб.*

В числе мощей упомянуты мощи Михаила Малеина и Евдокии, тезоименитые отцу государю и матери царице Евдокии, указывающие вообще, что частицы этой святыни полагались с благочестивою мыслию о покровительстве избранных святых, подававших помощь в тех или других случаях государственной и личной домашней жизни, как указывали жития святых.

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 562.

На кресте была уже вырезана надпись: «Повелением Вел. Государя Царя и В. К. Михаила Федоровича всеа Росии Самодержца зделан сей крест сто тридцать седмого в шестое надесять лето Государства его».

Кроме креста государь благословил сына образом Знамения Пречистой Богородицы, который почитался, как можно предполагать, благомольным[1] знаменем роду Романовых. Старый их двор на Варварке находился под покровом Святого Знамения в Знаменском монастыре, по всему вероятию ими же и основанном. После воцарения Михаила Федоровича вскоре была здесь выстроена новая церковь во имя Знамения, а потом такая же церковь была выстроена и за Неглинною на Воздвиженке[2].

Бабушка царевича, инока Марфа Ивановна, благословила внука крестом, где находилось Млеко Богородицы, 15 частиц мощей, а также и риза Пахнотия Боровского.

Царица благословила сына образом Спаса в серебряном вызолоченном чеканном окладе, в привесе золотая монета.

Восприемница от купели, царевна Ирина Михайловна благословила крестника крестом, содержавшим в себе Млеко Богородицы и 5 частиц мощей.

Восприемник, келарь Троице-Сергиева монастыря Александр Булатников, благословил крестника крестом, в котором находилась святыня: Древо от Ваия, камень гроба Господня, [камень] Неопалимыя Купины, миро Димитрия Селунского, древо Моисеева жезла, риза и млеко и трава Богородицы, Древо Животворящее, святость царя Константина, от риз из гроба чудотворца Сергия часть и 4 частицы мощей. Кроме креста восприемник благословил царевича и образом: Явление Богородицы Сергию чудотворцу со двема апостолы, с Петром и Иваном Богословом, в золотом чеканном окладе с дорогими каменьями.

Относительно особой святыни, какая обозначена в благословенном кресте Троицкого келаря, упомянем, что

[1] Так в оригинале, поправлено вместо «благочестивым». – *Ред.*

[2] См. нашу статью [статью автора: Опричный дворец царя Ивана Васильевича // Археологические известия и заметки. – 1893. – № 11. – С. 404. – *Ред.*

в 1631 г. на крестинах царевны Марфы Михайловны келарь благословил ее крестом, в котором между мощами содержалась *кровь* Господа и Спаса нашего Исуса Христа, древо кедрово Животворящего Креста Господня и неотменное Млеко Богородицы.

Дóлжно также упомянуть, что в благословенных крестинных крестах Троицкого келаря того же Александра Булатникова кроме мощей вселенских святых находились и мощи, и различная святыня от русских святых. В таком кресте царевны Пелагеи между прочим находились мощи Иякова Боровицкого, часть от поручей и амфора Микиты епископа Ноугородского, часть амфорного креста Алексея митрополита Московского, мощи прп. Макария Калязинского, часть мантий прп. Сергия, часть древа креста, поставление Зосимы и Саватея, Соловецких чудотворцев.

В кресте царевны Марфы Михайловны находились (частица) ризы Ивана, архиепископа Новгородского, частица мантии Сергия чудотворца.

В кресте царевны Софьи Михайловны находились кроме Животворящего Древа, Млека Богородицы и частиц мощей вселенских святых риза чудотворца Сергия, мощи Иякова Боровицкого, риза Ефрема Повоторского, перст Евфросиньи Суздальской[1].

И на родинах, и на крестинах после благословенных крестов были приносимы новорожденным обычные дары, более или менее ценные от родителей и от родственных царскому дому лиц, как и от ближних людей.

[1] В 1644 г. апреля 11 жена князя Ивана Борисовича Черкасского, княгиня Авдотья Васильевна, поднесла царевне Ирине (17 лет) золотой крест, в котором между прочим находились власы и риза Кирилла Белозерского и часть посоха Пафнутия Боровского. Тем крестом царевна Ирина в 1648 г. генваря 20 благословила царицу Марью Ильиничну на пятый день после их государской радости, т. е. бракосочетания с царем Алексеем Михайловичем – родным братом царевны (Архив Оружейной палаты. – № 669).

Поднесение даров обыкновенно приурочивалось к торжественным по этому поводу столам. Судя по некоторым записям, это происходило прежде, чем садились за стол. Так, на родинах царевны Марфы Михайловны (1631 г.) «перед столом (21 августа) государь был в Золотой палате, куда вскоре прибыл и патриарх в сопровождении властей. Из Золотой палаты пошел государь с патриархом, а за ними власти и бояре в царицыну Золотую палату и царице здравствовали и образами благословляли святейший и все власти. По уходе святейшего со властьми бояре и окольничие и все думные люди ходили к царице здравствовать и дары приносили: кубки, «соболи, атласы золотные и камки. При этом царица даров у них принимать не велела, а пожаловала дарами их, кто что приносил, и жаловала бояр, окольничих и думных людей *зваром* и *коврижками* и романеею».

Точно так же родинные дары были возвращены приносившим и на родинах в 1674 г. царевны Феодоры, о чем мы упоминали выше, с. 512.

На родинах царевича Алексея Михайловича дед его, патриарх Филарет Никитич, кроме благословенного креста, дарил его 150 золотых. Великая инока Марфа Ивановна так же кроме благословенного образа дарила царевича-внука: «атлас турецкий по червчатой земле листье золото, в цветах шелк бел-зелен, мерою с лишком 10 арш., цена 60 руб.».

В то же время она дарила и царицу Евдокию – «атлас золотной, по лазоревой земле листье и травы золоты, косы, меж трав репьи золоты, в листьях и в травах и в репьях шелк червчат да бел». Подобным же атласом она дарила и самого царевича на его государевы именины, когда нарекли ему имя.

Но и только что родившийся царевич, конечно, по воле государя тотчас же отдарил Великую старицу. Поднесены были ей кубок серебряный золоченый с кровлею, весом более 4 ф. ценою 18 руб.; стопа такая же, ценою 25 руб.; 10 арш. бархату черного, 15 руб.; 10 арш. камки гвоздичной клинчатой, 9 руб.; сорок соболей в 85 руб. Все это происходило на другой день по рождении царевича.

Великая старица тогда же дарила и самое царицу: «атлас золотной по лазоревой земле листье и травы золоты, 9 арш. 2 верш.»[1].

На родинах царевича Алексея Михайловича 12 марта 1629 г., когда справлялся родинный стол, стали ударять челом новорожденному и подносить родинные дары впереди всех других лиц ближние родственные бояре. Первым челом ударил боярин князь Иван Борисович Черкасской, поднес кружку хрустальную, оправлена в серебре золоченом, цена 70 руб. Его супруга княгиня Авдотья Васильевна челом ударила: братину золоту, в венце у братины 2 изумруда да 2 яхонта лазоревы, по братине травки наведены чернью; весу гривенка 46 $^{1}/_{2}$ золотн. (94 $^{1}/_{2}$ золотн.) по рублю золотник, изумрудам и яхонтам цена 25 руб. и всего братине цена 119 руб. с полтиною. Спустя год на той братине была сделана чернью надпись: «Божиею милостию мы, В. Г. Царь и В. К. Михаило Федорович всея Русии Самодержец и сын наш благоверный царевич князь Алексей Михаилович». Внизу под братиною вырезано: «Сею братиною ударила челом государю царевичу князю Алексею Михаиловичу боярина князя Ивана Борисовича Черкасского княгиня Авдотья Васильевна в день рождения его 137 году».

Боярин Федор Иванович Шереметев поднес также кружку хрустальную, оправлена в серебре белом, сканью, цена 60 руб. Боярин князь Борис Михайлович Лыков челом ударил: «тица струц обделана серебром, яйцо резью, цена 35 руб. Его супруга княгиня Настасья Микитична благословила царевича «крест золот сканной с финифты, во главе яхонт лазорев; а вокруг 14 зерен жемчужных, в котором кроме частиц мощей находилась святыня: Животворящее Древо, камень гроба Господня, риза Пречистой Богородицы, пояс Пречистой Богородицы, мощи Бориса и Глеба. Да челом ударила: *конь* серебр. золочен, стоит на трех ногах, четвертым копытом землю бьет, 36 руб.; 10 арш. камки червчатой, 9 руб. 50 коп.; сорок соболей в 25 руб».

[1] Архив Оружейной палаты. – № 670.

Жена боярина Ивана Никитича Романова Ульяна Федоровна поднесла кубок хрустальный, оправлен в серебре золоченом, на кровле орел, цена 40 руб.

Эти дары боярынь были записаны 17 марта, следовательно, поднесены в день именин новорожденного.

Окольничий князь Алексей Михайлович Львов челом ударил: кубочек камень фатис, на поддоне золотом, цена 40 руб.; чарочка винная камень котовое око, обделана в золоте с бирюзки мелкими и с искорки лаликовыми, цена 60 руб.; чарочка винная камень сердолик оправлена в золоте с искорки яхонтовыми, цена 30 руб.; перстень золот с яхонтом червчатым, кизылбаское дело, цена 400 руб.; стопа склянишная бела с кровлею, травы и шинки наведены золотом сусальным, цена 2 руб. (Марта 19 тот перстень дьяк Гаврило Облезов отнес в царицыны хоромы, у него принял Василий Иванович Стрешнев.)[1] Затем следовали гости и гостиная сотня, т. е. все богатое торговлею купечество. Оно челом ударило: 4 серебряных кубка, весом во всех 22 гривенки, ценою 110 руб.; два бархата и два атласа, цена 165 руб., четыре сорока соболей, цена 158 руб., всего на 433 руб. и сверх того 200 золотых.

Тяглецы Суконной сотни, второстепенное купечество, челом ударили: три кубка, вес 7 гривенок с лишком, цена 35 руб., два бархата и атлас, цена 92 руб.; три сорока соболей 77 руб., всего на 204 руб. и 30 золотых.

Потом следовало посадское население Москвы. Более других достаточные Конюшенной дворцовой слободы трех слобод старосты и тяглецы челом ударили; два серебряных кубка весом с лишком 5 гривенок, цена 25 руб., и два сорока соболей 32 руб. – Кадашевской слободы тяглецы поднесли сорок соболей, цена 13 руб.; Казенной слободы тяглецы – сорок соболей 12 руб. Обе эти слободы, теперь не особенно богатые и, судя по подарку, даже бедные, впоследствии отличались значительным богатством. Люди московских черных сотен и слобод все в совокупности челом ударили: кубок серебряный в 3 гривенки 15 руб. и сорок соболей в 12 руб.

[1] Там же. – № 747.

Посадские люди других городов подносили свои дары в разное время – в течение марта, апреля, мая и июня месяцев, смотря по тому, как приезжали в Москву.

Первые на пятый день по рождении царевича явились с дарами *важане* – богатой области Ваги четырех четвертей старосты – и ударили челом соболиною казною, четыре сорока соболей ценою на 133 руб. Потом 17 марта явились *угличане* со старостою во главе и поднесли кубок весом (2 грив.) фунт, ценою 10 руб; 10 арш. камки червчатой 9 руб. 50 коп.; сорок соболей 25 руб. За ними следовали *калужане,* подарившие такой же цены кубок и сорок соболей 35 руб. За ними – *ростовцы,* дарившие кубок ценою 5 руб. и сорок соболей 18 руб.

Затем следовали:

Марта 22 *нижегородцы* – кубок в 10 руб.; атлас турецкой 30 руб.; сорок соболей 55 руб.; 50 золотых. Дары богатые, 95 руб.[1]

Марта 25 *вологжане* – два кубка весу с лишком две гривенки 10 руб., атлас турецкой по серебряной земле круги рогаты золоты 36 руб., два сорока соболей 48 руб.; 50 золотых. Дары также богаты, 94 руб.

Марта 25 *костромичи* – кубок весу 2 гривенки 10 руб., атлас турецкой 25 руб., сорок соболей 16 руб.

Марта 29 *романовцы* – кубок весу с лишком гривенка 5 руб., 10 арш. камки черленой 9 руб. 50 коп.; сорок соболей 16 руб.

Апреля 12 *суздальцы* – сорок соболей 12 руб. – *Галичане* – кубок весу гривенка с лишком 5 руб., 10 аршин камки червчатой 10 руб., сорок соболей 25 руб.

Мая 14 *устюжане* – два кубка весу 12 гривенок с лишком 60 руб.; два атласа по серебряной земле круги золоты 70 руб., два сорока соболей 70 руб. – 200 руб.

Мая 20 *муромцы* – два кубка весу с лишком 4 гривенки 20 руб.; сорок соболей 15 руб.

[1] Как здесь, так и ниже стоимость даров определяется, не включая золотых. – *Ред.*

Мая 29 *псковичи* – два кубка весу 4 гривенки 20 руб., атлас турецкой по червчатой земле древа золоты 37 руб., сорок соболей 40 руб.; 30 золотых, – 97 руб.

Июня 16 *казанцы* – кубок весу 9 гривенок 45 руб., атлас по червчатой земле золото 35 руб.; сорок соболей 55 руб., – 135 руб.

Июля 12 *чебоксарцы* Артемий Москвитин да Михаило Тверитин – кубок в 2 гривенки с лишком 10 руб.; атлас золотной по зеленой земле 36 руб., сорок соболей 15 руб. Тогда же *каргопольцы* – кубок 2 гривенки 10 руб., сорок соболей 35 руб. и 30 золотых.

Очень запоздали со своими дарами богатые люди Строгановы. Они явились уже в 1630 г., генваря 6, т. е. через 10 месяцев. Андрей и Петр Семеновичи в этот день поднесли царевичу 100 золотых, потом два кубка весом 12 гривенок 60 руб., два турецких атласа 85 руб., два кизылбаских бархата 50 руб., два сорока соболей 150 руб., – 345 руб.

Иван Максимов Строганов поднес два кубка весу 8 грив. 40 руб., атлас в 40 руб., бархат в 30 руб., два сорока соболей 105 руб., – 215 руб.

Большая или малая ценность приносимого дара вообще может указывать на богатые или малые достатки приносителя, не говоря о побуждениях его усердия. Что касается даров от посадских людей разных городов, то на состав этих даров обыкновенно собиралась сумма соответственно прожиткам и промыслам каждого посадского обывателя в круговую складчину, а потому ценность таких даров в полной мере выражала относительное богатство или бедность посада в том или другом городе, что, конечно, зависело от местоположения города на торговом промысловом пути или в глухом бездорожном углу. Из приведенных свидетельств видим, что, например, посад глухого Суздаля явил дар всего в 12 руб., а посад Устюга принес даров на 200 руб. На четвертый день по рождении царевича явились с дарами и московские немцы и другие иноземцы. Московские немцы Андрей Бук с товарищами челом ударили: 4 кубка – весу с лишком 9 гривенок – 45 руб., чаша

серебряная золочена весу гривенка 5 руб.; сорок соболей 70 руб.; 10 арш. атласу червчатого 10 руб.; 10 арш. атласу лазоревого 9 руб.; 10 арш. камки червчатой 10 руб.; 8 арш. тафты 5 руб. 60 коп.; подушечка немецкое шитье, шито золотом по атласу червчатому 2 руб.

Доктор Артемий (Дий) с товарищами челом ударили: две запоны золоты, у запон в *пере* по 32 изумруда мелких, о срединах по изумруду четыреугольному, да в привесе по изумруду *сережному* да по 3 зерна жемчужных, цена обеим 45 руб. Аглинской гость Фабин Ульянов с товарищи челом ударили: «лохань да рукомойник серебр. золочены, весом с лишком 15 гривенок 75 руб.; лев серебр. золочен, в лапах держит змию, весу 4 гривенки с лишком 20 руб. (поздняя отметка: "Тое лохань и рукомойник отнес ко государю в хоромы дьяк Гаврило Облезов, а принял государь сам, а за ним государем отнесли к царице в хоромы")».

Голанские земли торговые немцы Петр Петров, Андрей Андреев, Давыд Миколаев челом ударили: солонка хрустальная, обделана в серебре золоченом, цена 80 руб.; часы боевые медные золочены, с указом. И те часы по государеву имянному приказу немцам назад отданы.

Случился в это время в Москве и кизылбасский посол Мамет Салибек, который также поспешил одарить новорожденного, именно 15 марта он поднес: чарочка винная камень виниса оправлена в золоте резью с бирюзками мелкими, цена 20 руб.; бархат в 35 руб., три бархата цена 29 руб., скатерть золотная 15 руб., 10 арш. зуфи червчатой, цена 3 руб., кушак ал с золотом и серебром 5 руб., ковер цветной 8 руб.

Упомянем кстати, что царевичу Алексею Алексеевичу (род. 1654 г. февраля 5) поднесли голанцы и анбурцы «Яков Фалденгунстр с товарищи птица *канарейка,* которая на руке поет».

Иноземец Иван Фансведен – «*сад* с груши с разными цветы шелкового дела со зверьми и со птицы».

Иноземец Мартин Быхлин – «кружка серебряна золочена с кровлею, в слоновой кости, резаны на кости Соломона притчи»[1].

[1] Автором извлечено из столбцов, о чем и упомянуто им в оригинале. – *Ред.*

Мало-помалу у новорожденного дитяти накоплялась собственная своя казна, отчетливо сберегаемая и государем, и царицею. У царевича Алексея Михайловича одних соболей накопилось около пятидесяти сороков, ценою на 2200 руб. Эта *соболиная казна* тогда же была отдана московским торговым людям, «а велено им теми собольми с кизылбашским купчиною с Моллар-ахметом торговать, на деньги и на золотые и на ефимки продавать, и на всякие кизылбашские товары менять, чтоб государеве казне была прибыль, а не убыль»[1].

Бывали случаи, что новорожденные дары государь и царица не принимали и, исполнив чин дарения, жаловали те дары каждому приносившему обратно. В этом случае у духовенства была принимаема только святыня, благословенные кресты, панагии, иконы. О таких случаях мы упоминали выше, с. 512 и 521.

Однако до́лжно заметить, что всякие дары в указанных, как и при других подобных случаях, всегда составляли немалую доходную статью государевой казны, поэтому они тщательно расценивались, иногда с целью в полноте отдарить приносившего, а главным образом для того, чтобы в точности знать, в какой сумме состоит приход государевой казны.

Если дары не бывали принимаемы и возвращались назад, то это обстоятельство могло обозначать особую царскую милость или по случаю относительного изобилия в царской казне, или по случаю какого-либо общего обеднения со стороны приносивших дары, по случаю неурожая, пожаров и т. н. общих несчастий.

«В 1691 г. по случаю рождения царевича Александра Петровича Великий хозяин Петр, постоянно нуждавшийся в доходных статьях, взглянул и на родинные дары как на подходящую доходную статью и повелел...»[2].

---

[1] Архив Оружейной палаты. – № 747.

[2] В оригинале не дописано, в бумагах автора найдена лишь, может быть, к этому месту относящаяся пометка автора карандашом: «Алдр Петров. Матер. Москвы или где». По печатным изданиям настоящий указ Петра неизвестен. – *Ред.*

Относительно даров крестины ничем не отличались от родин. И в это время приносились благословенные кресты и различные дары, так что оба эти дни как бы соединялись в один день: кто не успевал одарить младенца на его родинах, тот дарил на крестинах. Но между членами царского дома в это время приносились и вторительные дары. На крестинах царевича Алексея Михайловича его бабушка, инока Марфа Ивановна, кроме благословенного креста дарила его: «кубок серебрян золочен с кровлею, весом с лишком 4 ф. ценою в 20 руб.; атлас турецкой по лазоревой земле золото, цена 45 руб.; сорок соболей в 85 руб.».

Коренной обычай требовал таких даров не только от возрастных лиц царской семьи, но даже и от малолетных, а потому и двухлетняя царевна Ирина точно так же, кроме благословения крестом, дарила новорожденного брата кубком серебряным, весом 2 гривенки с лишком, ценою более 10 руб., атласом турецким по червчатой земле травы и опахала золоты, цена 50 руб., камкою в 10 руб. и сороком соболей в 65 руб. (Таким же образом новорожденная царевна Софья Михайловна 12 октября 1634 г. отдарила богатыми атласами царевен Ирину, Анну и царевича Алексея Михайловича[1].)

Того ж дни царевичу челом ударил боярин Иван Никитич Романов: «братина золотая гладкая, в венце у братины 2 яхонта лазоревы да 2 изумруда, весу 2 гривенки 3 золотн., цена золоту 89 руб., каменю цена 32 руб., всего братине цена 121 руб. (поздняя отметка: “Мая 14 тое братину отнес дьяк Гавр. Облезов к государю в хоромы, а принял у него государь сам”)». В 1630 г. апреля 12 прибыла на той братине по венцу подпись на черни: «Божиею милостию мы В. Г. Ц. и В. К. Михаило Федорович всея Русии Самодержец, сын наш благоверный царевич князь Алексей Михаилович». Внизу под братиною вырезана подпись: «Сею братиною ударил челом государю царевичу князю Алексею Михаиловичу боярин Иван Никитич Романов руб. день рождения его 137 году».

[1] Архив Оружейной палаты. – № 675.

Сын боярина Никита Иванович Романов челом ударил: «пару пистолетов маленьких, один весь золот, в нем по стволу 10 искорок яхонтовых червчатых... у обоих чепочки золоты; одному цена 10 руб., другому цена 5 руб., – чарочка винная камень агат, поддон и пелюсть золоты с финифты, цена 8 руб.; единорог серебр. золочен, весу гривенка, 5 руб.».

Тогда же царевичу поднесла жена князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого княгиня Анна Васильевна: «кубок камень агат оправлен в серебре с дорогими камышками и жемчугом, цена 15 руб.».

На крестинах царевича Ивана Михайловича государь подарил сыну: «бархат турской по червчатой земле рыбки золоты да яблока серебряны, цена 65 руб.». Царица дарила сыну: «атлас двойной по серебряной земле розвода и круги и репьи золоты с червчатым шелком, цена 100 ефимков. На родинах царевича она дарила ему атлас такой же по серебряной земле круги золоты в кругах кружки невелики»[1].

Самыми обычными дарами и бывали именно богатые великолепные бархаты и атласы турецкие и кизылбашские (персидские). Но случались подарки и другого рода. На крестинах царевны Софьи Михайловны 1634 г. государь-отец в день ее крещения 5 октября дарил ей «атлас по серебряной земле месецы да рыбки золоты и, кроме того, пожаловал ей *перстень* золот навожен чернью с финифтом с зеленым да с белым, а в нем яхонт червчат четвероуголен, по сторонам у перстня 10 алмазцов; еще *серги* два камени изумруды граненые повыше изумрудов в золотых гнездах 2 яхонта червчаты четвероугольны в золотых гнездах, у серег кольца золоты».

В тот же день крещения царевны и семилетняя царевна Ирина дарила сестру «бархат турской, морх червчет, опахала серебряны, промеж ими травы золотные и сверх того – пер-

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 832 // Архив Оружейной палаты. – № 763.

стень золот навожен финифты разными, а в нем яхонт червчет четвероуголен»[1].

После родинного и крестинного столов совершалось дарение патриарха для государской радости о новорожденном младенце. После родинного стола царевны Ирины Михайловны (25 апреля 1627 г.) дед царевны патриарх Филарет Никитич получил: три серебряных золоченых кубка весом 14 гривенок 70 руб., три бархата 40 руб., два атласа 17 руб., шесть портищ камок 60 руб., объярь 8 руб. 40 к., дороги 3 $^{1}/_{2}$ руб., три сорока соболей 165 руб. При этом от имени государя произносилась речь, которую говорил и дары являл дьяк Гаврила Облезов. А речь была такова: «А Великий Государь святейший Филарет Никитич Божиею милостию патриарх Московский и всеа Русии! Твоими, Великого Государя святителя, молитвами сыну твоему, В<еликому> Г<осударю> Ц<арю> и В<еликому> К<нязю> Михаилу Федоровичу всеа Русии, подаровал Бог благородную Царевну и Великую Княжну Ирину Михайловну, и для тое великой радости сын твой, В<еликий> Г<осударь>, Ц<арь> и В<еликий>, К<нязь> Михайло Федорович всеа Русии, дарит тебя, Великого Государя, святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии»[2].

Такие же дары, только в меньшем размере, патриарх получил и после крестинного стола (мая 6): два кубка весом 8 гривенок 40 руб.; атлас в 40 руб., другой в 8 руб., бархат 15 руб., две камки 19 руб., объярь 7 руб., дорога 3 $^{1}/_{4}$ руб., два сорока соболей во 100 руб.[3]

---

[1] Архив Оружейной палаты. – № 676.

[2] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 468–470 // Архив Оружейной палаты. – № 926 //– *Ред.*

[3] На поле оригинала добавлено: «Точь-в-точь эти дары и Пелагее. – С. 506». См.: Дары патриарху после крестинного стола царевны Пелагеи Михайловны // Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 506–507. – *Ред.*

Речь была такая же, с переменою, что благоверная царевна и великая княжна Ирина Михайловна крестилася и для тое радости сын ваш дарит тебя и пр.

Состав этих даров почти не изменялся и в последующих случаях, и только в некоторых подробностях несколько уменьшались или увеличивались вес в кубках и цены в тканях.

Для крещения царевны был одарен и ее восприемник, Троицкий келарь Александр Булатников. Он получил кубок в 4 гривенки 20 руб., атлас в 10 руб., камку в 11 руб., два сорока соболей в 110 руб.

Само собою разумеется, что по случаю таких царских празднеств не оставались без подарков и все домашние служащие люди царицыной половины.

Самый день рождения в царском быту не праздновали. О нем как бы совсем забывали, празднуя обыкновенным порядком, как и другие праздничные дни, только день *именин*. Так как наречение имени совершалось в самый день рождения, то этот день и праздновался заодно с именинным днем.

Вечерню и всенощное накануне этого дня цари обыкновенно слушали в одной из придворных церквей; к обедне выходили иногда в собор Благовещенский, а чаще в те московские монастыри и храмы, которые освящены были в честь святых, тезоименитых государям. Царь Михаил Федорович на свои именины, июля 12, выходил обыкновенно к обедне, а иногда и к вечерне, к Михаилу Малеину в Благовещенский собор или в Вознесенский монастырь, где были приделы этого святого.

Царица Евдокия Лукьяновна слушала обедню и молебен в церкви Св. Евдокии у себя на сенях и на молебен давала евдокеинским попам 2 руб.

У царицы на сенях справлялись именинные молебны и у царских детей.

Царь Алексей Михайлович, именины которого были 17 марта, почти всегда слушал обедню и потом молебен в

Алексеевском девичьем монастыре. В 1675 г. такой выход происходил следующим порядком: великий государь *шел* в санях и больших и нарядных; на *нахлестках* (запятках) стояли бояре, по правую сторону князь Иван Алексеевич Воротынской, по левую сторону князь Михаил Юрьевич Долгоруков; на оглоблях стояли у *щита* стольники и ближние люди, по правую сторону – Федор Петрович Салтыков, по левую сторону – Иван Кириллович Нарышкин; около саней шли пешком головы и полуголовы стрелецкие; впереди по обе стороны шли с батожьем стрельцы – 100 чел. из Стремянного приказа или полка, впереди же со *стряпнею* ехал постельничий Федор Алексеевич Полтев, за которым ехали стряпчие: 1) с полотенцем (платком), 2) со стулом, 3) с подножьем теплым, собольим, бархатным червчатым. Великий государь был в шубе золотной с кружевом, нашивка с кистьми, да в горлатной шапке. Бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки были в шубах, а иные в однорядках с кружевами, ближние люди были в однорядках также с кружевами, приказные люди, стольники, стряпчие, дворяне были в чистом и цветном платье, а головы и полуголовы стрелецкие были в цветном в служивом платье.

У праздника в монастыре служил патриарх Иоаким, два митрополита, архиепископ, архимандриты, игумены, протопопы; певчие пели патриаршие. Известно, что царь Алексей Михайлович в праздничных случаях очень любил пышную обстановку и всякое *урядство.* При его отце такие выходы бывали несравненно проще и, можно сказать, беднее[1].

В именинные дни на очень видном месте являлся *именинный пирог*, которым цари, возвратившись от обедни, угощали в своей Передней или в Столовой патриарха и сопровождавшее его духовенство и затем бояр и всех других чинов, собравшихся поздравлять государя. При этом была подносима и водка.

[1] Ср.: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. I. – С. 434.

В русском старом общежитии именинный пирог, как и обычай дарения, составляли неотменную статью дружелюбного обхождения, выражая любовный привет, почтение, уважение, преданность и все сердечные движения общенародного братолюбия. Таким образом, именинник, чествуя свой радостный праздник, разделял свою радость со всеми окружающими его, угощая всех своим древлезаветным именинным пирогом.

Так происходило и в царском, и в простонародном быту. В царском быту угощение именинным пирогом являлось в своем роде особою почестью.

Нередко в день своих именин, равным образом в именины царицы и детей, государь хаживал с именинным пирогом к патриарху и подносил ему из собственных рук. В 1671 г. царь ходил с пирогами к патриарху Иоасафу на свои именины марта 17 и на именины дочерей Марфы и Екатерины сентября 1 и ноября 25[1], причем в Патриаршей Крестовой жаловал пирогами патриарших домовых людей, боярина, ризничего, крестовых священников и дьяков[2].

Боярству и прочим чинам государь раздавал пироги в Столовой или в Передней, иногда и в Передних Сенях Теремного дворца, а в загородных местах после обедни даже на церковной паперти. В 1673 г. на именины царевны Феодосии царь Алексей Михайлович, бывши тогда в с. Павловском, жаловал пирогами на паперти тамошней церкви.

Таким же образом в свои именины из собственных рук раздавали именинные пироги совершеннолетний царевич и царица в своей Золотой палате. Вместо царевен, малолетных царевичей, а иногда и вместо царицы государь чаще всего сам раздавал эти пироги. Чинам царицы, т. е. мамам, верховым боярыням, казначеям и проч., государь жаловал пироги в царицыных хоромах.

К боярыням и лицам, которые не могли явиться во дворец по старости и болезни, именинные пироги рассылались по домам. Так, в 1663 г. в день ангела царевны Екатерины Алексеев-

[1] Так и в источнике (см. след. прим.), которым автор пользовался. – *Ред.*

[2] Древняя Российская вивлиофика. Т. VI. – С. 313, 323, 324.

ны были разосланы именинные крупичатые пироги: «боярыням – с маком, по четыре колача пирог, женам окольничих – с маком же, по три колача пирог, а женам ближних стольников – с сыром по полу третья (два с половиной) колача пирог». Дворовым людям, т. е. нижним придворным служителям, царские именинные пироги раздавал степенный ключник.

Котошихин называет эти пироги *колачами.* «А сделаны те колачи, – говорит он, – бывают долгие, аршина в два и в три, толщиною в четверть аршина». При раздавании, вероятно, они разрезывались на части, в меру колача.

Именинный стол ничем не отличался от обыкновенных столов праздничных, но он редко давался; по большей части в этот день «у государя стола не было» и рассылались только *подачи с кубками, чарками,* т. е. с винами, и *корками,* вероятно, пряниками.

К патриарху посылали целый *стол,* т. е. все количество кушаний и вин, которые назначались к столу. Такой же стол государь посылал и к детям-именинникам с одним из ближних бояр, которого они угощали обыкновенно водкою и жаловали подачами с *кубки* и с *корки,* т. е. винами и сластями, как мы сказали.

После именинного стола пили заздравную чашу, патриарх, моля Бога, говорил речь заздравную, пил чашу наперед сам, потом подавал царю, духовным властям и боярам. После родинного, крестинного и именинного стола точно так же, как и после столов праздничных, государь дарил патриарха кубком и разными дорогими тканями, причем дьяк произносил патриарху речь.

[Так, 1630 года марта в 1 день в именины царицы Евдокии Лукьяновны речь говорил дьяк Таврило Облезов. А речь была такова: «А Великий Государь Святейший Филарет Никитич Божиею милостию Патриярх Московский и всеа Русии! Сын ваш, Великий Государь (т.), велел Тебе говорить: в настоящий сий день пресветлого торжества, на празник преподобные мученицы Евдокии, ты, Великий Государь, был у вечерни и у всенощного пения, и служил божественную литоргию соборне, и молил в Троицы славимого Бога и Пречистую его Матерь, вели-

ких чудотворцев и всех святых, о нашем царском многолетном здравии, и о нашей матери и Великой Государыне иноке Марфе Ивановне, и о нашей царице и великой княгине Евдокии Лукьяновне, и о нашем сыне, царевиче князе Олексее Михайловиче, и о нашей царевне и великой княжне Ирине Михайловне и о наших болярах, и о всем нашем христолюбивом воинстве, и о всем православном християнстве, и мы, сын ваш, Великий Государь (т.), дарим тебя, отца своего и богомольца, Великого Государя Святейшего Патриярха Филарета Никитича Московского и всеа Русии»[1].]

«Да в те же дни, как празднуют их государские именины, – говорит Котошихин, – в войне и в городах большие воеводы, и митрополиты, и в монастырях власти, делают столы на воинских и на иных людей, и на попов, и на чернцов; а по обеде потому ж пьют заздравные чаши[2]. Также в те ж дни,

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 618. (Текст речи добавлен согласно указанию автора. – *Ред.*)

[2] На поле оригинала ссылка автора: «Описание Солов. Мнтря. I, 274. Слова Чаши». См.: Географическое, историческое и статистические описание... Соловецкого монастыря... составл. трудами... Архим. Досифея. Ч. I – М., 1836. – С. 274, где приведен следующий текст чаши: «Дай, Господи, дабы Государь наш, Богом избранный и Христолюбивый Царь и Великий Князь (имярек), всеа Руссии Самодержец, здрав был на многие лета, с своею Благоверною и Христолюбивою Царицею и Великою Княгинею (имярек) и с своим отцем и богомольцем Святейшим (имярек) Патриархом Московским и всея Русии, с Митрополиты, и со Архиепископы, и Епископы, со Архимандриты и Игумены, и со всем священным Собором, и с своими Благоверными Князи и Боляры, и Христолюбивым воинством, и с доброхоты, и со всеми православными Христианы». В другом месте автор ссылается на «заздравную речь», напечатанную в I вып. Летописи занятий Археографической комиссии. III–IV. – 1861. – СПб., 1862; Описание рукописи, принадлежащей Археографической комиссии. – С. 8–9. Ссылается автор и на Требники: ср., например, Потребник. – М., 1651., где на л. 522 об. – 524 об. читаем: «Чин бываемый, на трапезе заприливок о здравии, благочестивого и христолюбивого царя и великого князя, имярек, всея русии самодержца». В бумагах автора найден также текст чаш царя Ивана Васильевича и митрополита Макария (по рукописи XVII в.); эти чаши изданы в Летописях Общества Истории и Древностей Российских за 1827 г. – С. 15–17 и И. М. Снегиревым в Ведомостях Московской городской полиции. – 1848. – № 45. – С. 353–355 (ср. также: Русский архив. – 1909. – Июнь, где перепечатана статья Снегирева. – С. 200–202); изданы они и в книге протоиерея К. Никольского: «О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах». – СПб., 1885. – С. 242–244. – *Ред.*

на Москве, и в городах, всякого чину люди работы никакие не работают, и в рядах не сидят, и свадеб не играют, и мертвым погребения не бывает».

[Именинные столы давались и на царицыной половине, подробности по этому предмету, также сводные списки боярынь, которые в течение XVII столетия пользовались правом приезда во дворец к столам и получали именинные пироги, помещены в книге «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях», с. 346–355. – *Ред.*]

В царском быту существовал обычай дарить в именинный день не только возрастных членов семьи, но и малолетных. Такое дарение исполнялось и на Велик день, в Светлое Воскресение Христово[1].

Так, двухлетней царевне Ирине Михайловне в 1629 г. государь пожаловал «братину золоту, травы наведены чернью, меж трав 2 яхонта лазоревы да 2 изумруда, по венцу подпись: "Божиею милостию В<еликий> Г<осударь> Ц<арь> и В<еликий> Кн<язь> Михайло Федорович всеа Русии Самодержец пожаловал сею братиною дщерь свою Царевну и Великую Княжну Ирину Михайловну на ее имянины 137 году". Весом братина 88 золотн. Тогда же государь пожаловал царевне на ее имянины атлас турецкой по серебряной земле двойной 9 $^{1}/_{4}$ арш.». Подобный же атлас и в том же году «по серебряной земле» подарила царевне на ее государские именины и Великая инокиня Марфа Ивановна. В том же году государь пожаловал и царице на летник на ее государынины именины: «атлас турецкой по серебряной земле круги велики золоты, 10 арш.», который, однако, в 1631 г. октября 26 царица, не сшивши летника, пожаловала двухмесячной дщери

[1] В оригинале дары приведены в порядке архивных описей, но ввиду указаний автора: «Отделить: 1) Именины 2) Велик день 3) Дары вообще» – они распределены соответственно этому указанию. – *Ред.*

своей, царевне Марфе Михайловне, на новоселье, как перешли в новую избушку[1].

1630 г. июня 29[2] – мая 5 на именины трехлетней царевны Ирины государь пожаловал «дщери своей перстень золот с финифтом белым да с зеленым, а в нем изумруд четвероуголен гладкой. Царица пожаловала перстень золот, навожен чернью, а в нем 5 алмазцов невелики»[3].

1633 г. июля 25 государь пожаловал ц. Анну на ее «*имянины* братину золоту с каменьями» и с надписью об этом.

1634 г. июня 2 на праздник Ивана Белоградского (день рождения и именины царевича [Ивана Михайловича]) государь пожаловал [царевича] «атлас золотной по серебряной земле месецы и рыбки золотные с червчетым шелком», 9 арш., цена 66 руб.

1637 г. генваря12 на именины царевны Татьяны Михайловны (род. 1636 г. генваря 5) царица пожаловала ей «атлас по червчатой земле травы и листье золоты»[4].

1628 г. на Велик день, апреля 13, мать государева Великая инока Марфа Ивановна поднесла сыну «камку золотную бурскую по червчатой земле в цветах шелк лазорев да бел, а государь тое камку пожаловал царице на летник»[5].

1630 г. марта 28 на Светлое Воскресенье царица пожаловала сына царевича Алексея Михайловича «атлас золотной по лазоревой земле древа, травы[6] и листье косо да репьи золоты, цена 45 руб.».

На тот же праздник государь пожаловал сына «атлас турецкой двойной по червчатой земле травы золоты, цена 50 руб.».

---

[1] Архив Оружейной палаты. – № 670.

[2] Быть может, под этим числом пожалование записано; ср. ниже: пожалование на Светлое Воскресенье в 1631 г. под 26 августа. – *Ред.*

[3] Архив Оружейной палаты. – № 672.

[4] Там же. – № 675.

[5] Там же. – № 746.

[6] В оригинале слово «древа» вписано над словом «травы». – *Ред.*

1631 г. августа 26[1] государь пожаловал на Светлое Воскресенье царевне Анне (1 год 1 м.) «атлас золотной по червчатой земле травы и листье золото»[2].

1633 г. марта 23[3] государь пожалует на Светлое Воскресение царевну Ирину и царевну Анну «два атласа по лазоревой земле травки золоты с шелком».

1634 г. июля 15[4] государь пожаловал царице на Светлое Воскресенье 6 апреля «15 пуговиц опошневых серебряны золочены с финифты».

1634 г. апреля 6 на праздник на Светлое Воскресенье государь пожаловал царевичу [Ивану Михайловичу] «братину золоту с каменьями, вес 76 $^{1}/_{2}$ золотн. На ней по венцу подпись: "142 г. Божиею милостию Мы В. Г. Ц. и В. Кн. Михайло Федорович всеа Русии сею братиною пожаловал сына своего царевича князя Ивана Михайловича". В 1639 г., генваря 12, на третий день по смерти царевича, сию братину государь отдал в Архангельский собор, а велел держати на гробу царевича».

1634 г. на праздник на Светлое Воскресенье государь пожаловал царевичу «бархат турской по червчатой земле розвода золотая с серебряными репьями, 10 арш., цена 100 руб.».

1634 г. апреля 6 государь пожаловал ц. Ирину и ц. Анну «два атласа по золотой земле рыбки да яблоки серебряны».

1635 г.5 марта 29 на праздник Светлого Воскресения государь пожаловал царевну Ирину Михайловну «атлас золотной, листье косое золотное по серебряной земле».

---

[1] Под этим числом записано пожалование, см.: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 693; к этому же времени царевна достигла и возраста, указанного автором (род. 14 июля 1630 г.; ср.: Дворцовые разряды. Т. II. – С. 156). – *Ред.*

[2] Архив Оружейной палаты. – № 755.

[3] Под этим числом записано, что атласы принесены от государя из хором, см: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 800. – *Ред.*

[4] Под этим числом записано, что пуговицы принесены от царицы из хором, см.: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 903. – *Ред.*

[5] В оригинале: «1634 г.». – *Ред.*

1635 г. марта 29 государь пожаловал царевне Софье Михайловне на Светлое Воскресение «атлас по серебряной земле в травах листье золотное, 9 арш.[1] В тот же день такой же атлас государь пожаловал и царевне Анне»[2].

1636 г. [апреля 17[3]] на праздник Светлого Воскресения государь пожаловал царевне Софье Михайловне «братину золоту, навожена чернью с каменьями, на ней подпись: "Божиею милостию В. Г. Ц. и В. Кн. Михайло Федорович всеа Русии Самодержец пожаловал сею братиною дщерь свою Царевну и В. Княжну Софью Михайловну на Светлое Воскресенье 144 году". И 144 г. июня 28 сее братину после преставления царевны Софьи взял отец ее, государь ц<арь> М<ихаил> Ф<едорович> и отдал в Серебряной Приказ переделать на имя дщери своей, царевны Татьяны Мих<айловны>»[4]. На серебряных и золотых сосудах нередко вырезывались подобные надписи об их принадлежности тому или другому ребенку. На двух серебряных кружках царевны Ирины употреблено даже следующее выражение: «*Божиею милостию* государыня царевна и великая княжна Ирина Михайловна»[5].

1636 г. на тот же праздник государь пожаловал [царевичу Ивану Михайловичу] подобный же [как в 1634 г.] бархат около 12 арш., цена 105 руб.

1637 г. апреля 9 на тот же праздник государь пожаловал [царевичу] «бархат турской по червчетой земле круги островаты, в кругах опахала серебряны с лазоревым шелком, около 10 арш.».

1637 г.[6] государь пожаловал царевнам Анне и Татьяне по серебряной братине с подписями о принадлежности им[7].

---

[1] Архив Оружейной палаты. – № 676.

[2] Там же. – № 673.

[3] Ср.: Дворцовые разряды. Т II. – С. 506. – *Ред.*

[4] Архив Оружейной палаты. – № 672.

[5] Там же.

[6] Время точнее не указано, но в оригинале этот дар вписан автором на поле рядом с даром 1638 г. на праздник Светлого Воскресения. – *Ред.*

[7] Архив Оружейной палаты. – № 673, 683.

1638 г. [марта 25[1]] на тот же праздник Светлого Воскресения государь пожаловал царевичу Ивану Михайловичу «объярь червчата по ней розвода золотная колесчата, 10 арш. 6 вершков».[2]

[Бывало дарение и в другие дни, так] царевич Иван Михайлович в разное время получил следующие дары:

1633 г. сентября 6[3] царица дарила царевича Ивана Михайловича на родины и крестины, июня 2 и 16, «два атласа золоты двойные по серебряной земле».

1633 г. июля 11, когда ему исполнилось всего 39 дней от рождения, государь пожаловал ему «два каменя изумруды велики облы на спнях на золотых, цена тысяча рублев[4], а также бархат турской по червчатой земле рыбки золоты да яблока серебряны, цена 65 руб.».

1633 г. сентября 14 мать царевича царица Евдокия пожаловала ему ароматницу золотую «складная резная с финифты меж трав с сторон лев да инрог да орел, сверху чепочка золота сканная, на чепочке два колечка, одно побольши, другое поменьши; еще 16 сентября[5] стопу велику серебряна золочена».

В тот же день и государь пожаловал ему также «стопу серебряна золочена ложчета шестигранна».

1633 г. сентября 16 царица мать пожаловала сыну колокольчик «серебрян золочен». Приказ государынин сказала боярыня княгиня Марья Хованская[6].

1638 г. июня 9 мать царица пожаловала чарку «хрустальную винную, оправлена золотом с чернью, а на ней 4 яхонтика да 3 изумрудца и подпись: “Божиею милостию В. Г. Ц. и В. К. Михаил Федорович всеа Русии Самодержец”. Еще пожаловала два ножа булатные невелики в одних нож-

[1] Ср.: Дворцовые разряды. Т. II. – С. 564. – *Ред.*

[2] Архив Оружейной палаты. – № 680.

[3] Под этим числом записано о приносе атласов к царице в хоромы. См.: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 832. – *Ред.*

[4] Архив Оружейной палаты. – № 680.

[5] Архив Оружейной палаты. – № 672.

[6] Там же. – № 672.

нах, черены и ножны золоты с разными финифты и с каменьи с яхонты червчатыми и с изумрудцы и с алмазцы, привязка золото пряденое на турское дело». Эти дары были даны царевичу в Троицком походе.

В Троицком же походе, но уже октября 6 и государь пожаловал царевичу также «нож булатный черен яшма бела наведены травы золоты с каменьи, ножны атлас червчат, оправа золота с чернью, привязка шелк лазорев с золотом. Мусат булатной по нем травы золоты».

1628 г. октября 12 инока дарила царицу [Евдокию Лукьяновну] миткалями арабскими.

1629 г. июня 28 государь пожаловал царице (в Троицком походе) «рукавки персчаты, немецкое дело, вязены узором шелк брусничен [запясье, по атласу по алому, делано канителью и трунцалы репьи, и около дерев змейки; в репьях и в змейках шелки разные, меж репьев и древ звездки золоты; запясье подложено тафтою алою1]».

1630 г. генваря 23[2] царевич Алексей Михайлович, которому было всего 10 месяцев[3], 138 г. [1630 г.] марта 19 дарил иноку Марфу Ивановну «стопу серебряну золочену, весу 5 грив. 42 золотн.», а царевна Ирина Михайловна (2 г. 11 мес.) «дарила ее же, иноку, полдюжины достоканов серебряны, немецкое дело».

1630 г. мая 26 государь пожаловал царевича «опахало перяное, черен яшмовой оправлен золотом с каменьем, цена 56 руб. А прислал государю то опахало Царегородской патриарх».

Того же дни государь пожаловал царевну Ирину Михайловну «*опахало* перяное черно, посредине цветное перье, по середке в нем *зеркало* с закрышкою. А прислал то опахало Кафимской митрополит Генадей».

---

[1] Доб. по: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 594–595, в оригинале же: «и пр.». – *Ред.*

[2] В этот день принесены стопа и достоканы от царицы из хором. См.: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 614. – *Ред.*

[3] Этого возраста достиг царевич еще в генваре, в марте же ему был уже год. – *Ред.*

1631 г. мая 22 государь пожаловал царевне Ирине Михайловне «солонку золоту с кровлею обделана финифтом, каменьями и жемчугом».

1633 г. июля 25 патриарх Филарет Никитич благословил внуку свою, царевну Ирину Михайловну «зеркало хрустальное четвероугольно в деревянном черном ободу, по сторонам на ободу писаны травы сусальным золотом с красками, немецкое дело».

1633 г. сентября 20 патриарх Филарет Никитис благословил внуку, царевну Ирину «сосуды стеклянные, стопу виницейскую, братину зелена по ней полосы белы, шандан лазорев грановит».

1633 г. сентября 20 он же благословил царевну Анну «сосуды стеклянные, стопа виницейская бела такая же, кувшин лазорев, шандан лазорев».

1633 г. декабря 23 государь пожаловал царевне Анне «братину серебряну золочену невелику».

1634 г. генваря 14 царица пожаловала дщерь свою, царевну Анну «братину невелику серебряную с подписью: "Царицы и В. К. Евдокии Лукьяновны, а благословила государыня инока Марфа Ивановна"».

Примечательны также дары государя малым своим детям перстнями. Наравне с детьми такие перстни получала и царица. Приметен даже некоторого рода обычай дарить перстень *на Велик день,* т. е. в праздник Светлого Христова Воскресения.

Так, 13 апреля 1628 г., на Велик день государь пожаловал царицу перстнем золотым, «а в нем алмаз велик четвероуголен гранен к верху остр, цена 600 рублев»[1].

[1] В оригинале: «с. 24». Здесь, как и далее до конца главы, автор пользуется как источником книгой С. Н. Кологривова: «Государева Большая Шкатула». – СПб., 1903. Автором отмечены с. 24, 47, 51, 87, 105, 106, 108, 131. – *Ред.*

Но еще 8 марта сделан был новый перстень, в него был вставлен «яхонт лазорев велик, обл, цена 100 руб.», причем он был огранен мелкой гранью и тогда поступил в дар царице. Перстень же с алмазом остался в шкатуле хранилища, а в 1631 г. апреля 10 на Велик день пожалован двухлетнему царевичу Алексею Михайловичу

В тот же день государь пожаловал и царице перстень золот с чернью, а также четырехлетней царевне Ирине Михайловне «перстень золот с финифты репейчат (розеткою), в нем 5 алмазов клинчаты гранены»; восьмимесячной царевне Анне Михайловне – «перстень золот, в нем яхонт синь невелик кругом опуповат».

В 1632 г. апреля 1 на Велик день государь пожаловал трехлетнему царевичу Алексею «перстень золот с финифты, в нем яхонт темнолазорев велик четвероуголен гранен, цена 260 руб.».

Царевичу Ивану Михайловичу в 1634 г. июня 2 был ровно год от рождения, когда в его именины отец царь Михаил пожаловал ему «перстень золот с финифты, в нем яхонт червчат велик кругом гнездо четвероугольно, цена яхонту 1200 руб.». Сначала этот дорогой перстень в 1633 г. был подарен царице.

В 1634 г. октября 5 государь пожаловал царевне Софье Михайловне в день ее крещения (род. сентября 15) перстень золот с чернью, в нем «яхонт червчат четвероуголен, по сторонам у перстня по пяти искорок алмазных». Вместе с перстнем государь пожаловал ребенку и богатые серьги золотые с изумрудами и яхонтами лазоревыми, цена 100 руб.

В 1635 г. сентября 18 царица пожаловала дщери своей царевне Софье Михайловне на ее именины «перстень золот с финифтом белым, в нем в ногтях яхонт лазорев гранен опуповат».

В 1636 г. апреля 17 на праздник Светлого Воскресения государь пожаловал царицу перстнем «золот с чернью, в нем яхонт лазорев четвероуголен, цена 25 руб.»[1].

[1] «25» – в оригинале, но в книге С. Н. Кологривова, с. 108, цена перстня – 20 руб. – *Ред.*

В 1637 г. апреля 9 на праздник на Светлое Воскресенье государь пожаловал царице «перстень золот, в нем яхонт червчат в золотом гнезде, гнездо в ногтях» и в тот же день пожаловал царевне Татьяне Михайловне (которой тогда исполнилось год и 3 мес.) «перстень золот, в нем алмаз в ногтях велик четвероуголен гранен к верху островат»[1].

[1] См. также пожалование: 1) царевны Пелагеи Мих. *перстнем* 30 апреля в 1628 г. (у С. Н. Кологривова год показан 135 – 1627, но, как отмечено автором в принадлежащем ему экземпляре книги С. Н. Кологривова, с. 20, – царевна «род. 1628 г. апреля 17», да и все соседние дары относятся к 136 г.): «Перстень золот с белым финифтом в нем, в ногтях яхонт лазорев велик осьмогранен, опуповат сверху, гранен; 2) царицы Евдокии Лукьяновны *кольцом* в 1627 г. сентября 3: кольцо золото наведено чернью, 3) царевны Марфы Мих. *перстнем* в 1631 г. апреля 10 на *Велик день:* перстень золот с финифты репейчат, в нем 5 алмазов клинчаты гранены, влагалище поволочено кожею черною с золотом» (*Кологривов С. Н.* Государственная Большая Шкатула. – С. 20, 21, 46). Добавлено ввиду отметки автора на поле оригинала: «С. 20 Пелагея – 21 кольцо 46 Марфа Перст.». – *Ред.*

ГЛАВА II
ВОСПИТАНИЕ

Порядки ухода за новорожденным ребенком. — Повивальные бабки, кормилицы, мамы, дядьки и другие лица, которым вверялось воспитание государевых детей. — Некоторые обычаи и обряды, наблюдавшиеся в отношении царских детей. — Содержание детей: колыбель, белье и платье. — Заботы о сохранении государевых детей святостью церковного устава. — Обзор игрушек и детских игр[1].

На родинах первым лицом в уходе за царицею, конечно, была *повивальная бабка,* повитуха, которая называлась также и *приемною бабкою.* Она поступала потом в *комнатные* бабки у принятого ею ребенка, т. е. поступала в число необходимых лиц для его охраны, для постоянного попечения и наблюдения за его здоровьем во все продолжение его возраста. Само собою разумеется, что по своей опытности и познаниям это была лекарка-знахарка, очень хорошо знавшая весь порядок, какой исстари водился в уходе за ребенком, и потому она всегда бывала главным действующим лицом, коль скоро ребенок занемогал или деялось с ним что-либо совсем непонятное. При этом возможно полагать, что в суеверный век около новорожденного сосредоточивалось немало различных не только действительно полезных, но и всяких суеверных приемов в наблюдении за состоянием его здоровья, какие и доныне существуют в простом народе и знанием которых неотменно должна была отличаться такая повитуха и в царском дому.

Хотя в крестоприводных записях кормилиц, а следовательно, и бабок, было оговорено, чтобы *лихих волшебных*

[1] До слова «кормилицы» включительно печатается по оригиналу, найденному в бумагах автора; далее в помянутом оригинале читаем лишь: «мера рождения». Есть в бумагах автора и другой заголовок: «Воспитание. Игрушки»; последнее слово добавлено карандашом. – *Ред.*

слов не наговаривать, но молитвенные слова от божества и т. п., конечно, дозволялись и не преследовались. Существовал, например, молитвенный заговор об облегчении рождения в следующих словах: «Обрете Господи, наш Исус Христос со святым Иваном Богословом нашли жену рожающую и не можаше рожати. И рече Господь наш Исус Христос: иди и рцы ей во ухо десное жене рожающей изыди младенче скоро, зовет тя Господь наш Исус Христос. Помяни Господи сыны Едомские. Истощайте, истощайте. Всегда и ныне и присно и в веки веков. Аминь»[1].

У царевичей бабка оставалась, вероятно, лет до пяти – до той поры, как царевичи поступали с рук мам на руки к дядькам.

У царевен бабка как лекарка занимала уже постоянное место в их придворном штате или чине и жила при каждой из них в их хоромах, почему именовалась иногда одним обозначением: *комнатная.* Бабки получали годового денежного жалованья по полтора рубля и отсыпного хлебного по 6 четвертей ржи и овса.

Одежду и всякий наряд повивальная бабка получала дворцовое[2]. В 1627 г. спустя 8 дней по рождении царевны Ирины Михайловны (род. 22 апреля), именно 30 апреля, по государеву указу ее повивальной бабке сделано следующее платье: «1) шубка столовая из черного сукна с подпушкою из тафты виницейки двоеличной шелк зелен-лазорев – ценою шубка стала в 6 руб. 10 алтын, 2) летник тафта виницейка сизова, подольник тафта виницейка зеленая, вошвы бархат черный рытый, на опушку пошел бобр; на подкладку киндяк тмозеленый; цена летнику 8 руб. После того мая 4 ей же сделана шубка в дорогах гилянских лазоревых с подпушкою из тмосиней тафты и с подкройкою из меха хребтов бельих, ценою шубка стала 6 руб. 22 алтын». Всего этот наряд стоил 21 руб., сумма по тому времени немалая.

Бабке царевича Ивана Михайловича Марфе через два дня после его рождения (2 июня 1633 г.) сделан каптур и шап-

[1] Домострой. – С. XV.

[2] Так в оригинале. – *Ред.*

ка, кроме обычного другого наряда, а 30 июня, сверх того, ей же сделано два летника, один в камке багровой клинчатой с вошвами из бархата рытого по червленой земле шелк черн; другой летник из камки адамашки черной с вошвами из черного рытого бархата. Оба летника ценою стали в 20 руб.

У царицы Евдокии Лукьяновны служила бабка повивальная Офимица, которая 13 генваря 1629 г. получила рубль, вероятно, по случаю ухода за больною царевною Пелагеею Михайловною[1].

Когда у царицы бывали родинный и крестинный столы, то к ним, между прочим, подавалась и *каша,* вероятно, символическая, а к ней прилагалась пара соболей в 5 руб., иногда в 4 руб., которую после стола царица всегда жаловала приемной бабке. При этом царица жаловала и своего ключника тоже парою соболей, но ценою в 10 руб., иногда в 8 руб., вероятно, за изготовление этой каши.

Так, в 1629 г. марта 23 взято к царице в хоромы две пары соболей на крестины царевича Алексея Михайловича в стол *на кашу,* а в 1631 г. августа 28 на крестины царевны Марфы Михайловны выдано *на кашу* пара соболей[2].

Когда оканчивалось дело приемной бабки, первым лицом в уходе за новорожденным ребенком являлась *кормилица.*

«На воспитание царевича или царевны, – говорит Котошихин, – выбирают всяких чинов из жен жену добрую, и чистую, и млеком сладостну, и здоровую». Здесь слово «воспитание» употреблено в его первобытном смысле и значит собственно «кормление». При выборе кормилицы наблюдалась величайшая осторожность: строго требовали всех качеств, исчисленных выше Котошихиным, и потому в *выбор* или *прибор* назначалось иногда более десяти кормилиц, жен во всех качествах добрых, имена которых и записывались в особую роспись. В этой росписи означали мужа избираемой, ее лета, детей ее, время, когда разрешилась от бремени последним ребенком, потом имя и местожительство ее духовника, который по священству

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 553.

[2] Архив Оружейной палаты. – № 670.

обязан был засвидетельствовать особою сказкою письменно и о нравственной чистоте избираемой.

По особой крестоприводной записи кормилицы целовали крест «служити и прямити» царю, царице и ребенку, на воскормление которого поступали[1].

Кормилицы, поступая во дворец, получали весь наряд до мелких подробностей из царицыной казны. Жалованье им назначалось наравне с царицыными казначеями, по 8 руб. в год, и, кроме того, кормовых (столовых) по 6 ден. на день. Хлебного жалованья они получали вдвое против бабок, по 12 четвертей ржи и овса[2].

О преимуществах, которыми они пользовались впоследствии, когда оканчивалось кормление, Котошихин говорит следующее: «И живет та жена у царицы в Верху на воспитании год; а как год отойдет и[3] ежели та жена дворянского роду – мужа ее пожалует царь на воеводство в город или вотчину даст; а подьяческая или иного служивого чину – прибавит чести и дадут жалованья не мало; а посадского человека – и таким потому ж дано будет жалованье не малое, а тягла и податей на царя с мужа ее не емлют по их живот».

Наряд кормилиц не был, однако, слишком или, так сказать, по-царски роскошен. Он разве немногим чем отличал кормилицу от других придворных женщин среднего чина. В своих частностях и подробностях, как и в общем, он был одинаков в течение всего XVII столетия, одинаков для кормилицы царевича, как и для кормилицы царевны. Весь он собирался по большей части покупкою из рядов как вещей, так и разных тканей для платья, которое, однако, всегда шилось в царицыной Мастерской палате.

Обыкновенно кормилицам покупали крест серебряный золоченый, иногда с финифты разными ценою простой от 8 до 13 алтын (от 24 до 39 коп.), финифтяный и с чепочкой 22 алтына 4 д. (68 коп.), финифтяный 70 коп. лучший.

[1] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях.

[2] Автором добавлено: «полтевое».

[3] В 4-м изд. сочинения Котошихина (с. 17): «или». – *Ред.*

Более дорогим убором были серьги, тоже серебряные золоченые с жемчугом и с каменьями, ценою в 1 руб. 60 коп., в 2 руб. и в 3 руб.; простые – в 48 коп. Зеркало хрустальное немецкое и гребень слоновый или рыбий зуб от 15 до 30 коп., губка грецкая.

Из одежды для покрытия головы кормилица получала *ошивку* (шапочку вроде повойника), делана та ошивка золотом и серебром с червчатым шелком *в цепки.*

Шапку женскую атласную с парчевым или шитым золотом вершком и для нее болван. Шапка украшалась иногда кружевом «полусереберным» и пухом (мехом).

Шляпу поярковую с атласною зеленою подпушкою по полям и с тафтяною подкладкою в тулье. *Каптур* и болван к нему.

На сорочку *пояс* шелковый с такими же кистьми.

Телогрею холодную и теплую на бельем или куньем меху, а для вседневного ношенья – *шубу* на заячьем меху.

Опашень, шубку столовую и более нарядное платье – *летник.*

Ткани для этих одежд употреблялись по большей части шелковые, также бумажные, светлых цветов, лазоревые, черленые (красные), и для опашня и шубки суконные, также цветные, светло-зеленые, багрецовые.

Башмаки и сапоги сафьянные, всегда желтые и очень редко червчатые (красные).

Для спанья кормилица получала тюфяк красного борана на хлопчатой бумаге с изголовьем или подушкою из гусиного пера в крашенинной наволоке.

Для поклажи вещей ей покупали *ларец* дубовый, окованный железом с нутряным замком, покрытый иногда краскою, например зеленою, а также *коробью* (сундук) с таким же замком.

«Да у того ж царевича или царевны, – говорит Котошихин, – бывают приставлена для досмотру *мамка,* боярыня честная, вдова старая, да *нянька* и иные прислужницы»[1].

[1] В 4-м изд. соч. Котошихина (с. 17): «послужницы». – *Ред.*

У царя Алексея Михайловича мамы были одна после другой боярыни Арина Никитична Годунова и Ульяна Степановна Собакина. У царевича Ивана Михайловича – его бабка по матери-царице, боярыня Анна Константиновна Стрешнева; у царя Федора Алексеевича – княгиня Прасковья Борисовна Куракина и боярыня Анна Петровна Хитрово; у Петра Великого мамы были боярыня Матрена Романовна Леонтьева и боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына[1]; у царевны Софии Алексеевны – княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская и проч.[2] Мамы царевичей получали годового жалованья по 100 руб.[3]

До пяти лет царевич находился на руках мамы и окружен был попечением женщин; по наступлении пятилетнего возраста с рук мамы он переходил к *дядьке* и вообще на руки мужчин. В дядьки для *бережения и научения* назначали, по словам Котошихина, боярина «честью великого, тиха и разумна»; а к нему товарища окольничего или думного человека. Впрочем, при назначении в дядьки великая родовая честь и сан боярина не были еще первым, главнейшим условием для получения этого звания. Человек тихий и разумный, из людей близких самому государю, имел более преимуществ в этом важном деле пред человеком чиновным и *честным* в родовом смысле. Дядька царевича Алексея Михайловича Борис Иванович Морозов был стольником, когда его избрали в дядьки царевичу, и получил сан боярина вместе с этим избранием. Помощником его в воспитании царевича был пожалованный в то же время из стольников в около-

[1] Так в печатном ориг. 1854 г., но в «Домашнем быте русских цариц», с. 481 и ниже, в гл. IV «Детские годы Петра Великого» – княгиня Голицына мамой Петра стоит прежде Левонтьевой. – *Ред.*

[2] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 9 // Смесь. – С. 46, *Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым.* Сообщено князем М. А. Оболенским. [См. также: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 479–483. – *Ред.*]

[3] О прочих лицах, составлявших особый чин или штат на службе ребенку, см.: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 374 и след.

ничие родственник царицы Василий Иванович Стрешнев[1]. Федор Михайлович Ртищев – товарищ дядьки царевича Алексея Алексеевича, *муж милостивый и просвещенный,* был вовсе не родословный человек и при избрании в эту должность получил только степень окольничего. В древности дядьки назывались также *кормильцами*[2].

В слуги, т. е. в *спальники* и в *стольники,* царевичу выбирали боярских и дворянских детей – ровесников ему по летам, однолетков, и преимущественно из родственников царицы. У царя Алексея было 20 чел. стольников, из которых были ближе других и воспитывались с ним вместе Родион Стрешнев, Афанасий Матюшкин, Василий Голохвастов, Михайло и Федор Львовы-Плещеевы и др. Когда эти товарищи детских игр государя достигали совершенного возраста и оставались в прежних должностях, они составляли особый служебный разряд под именем *комнатных*[3] и *ближних людей* и находились почти неотлучно при особе государя. После долгой службы

---

[1] Дворцовые разряды. Т II. – С. 354. Оба они были пожалованы в день Богоявления, 6 января 1634 г. В «Книге дядькам и мамам» (Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 9 // Смесь. – С. 46) товарищем дядьки у царя Алексея Михайловича означен «боярин Федор Борисович Долматов-Карпов»; но это, вероятно, ошибка. Долматов-Карпов пожалован из стольников в окольничие в 1645 г. сентября 30 [См.: Дворцовые разряды. Т. III. – С. 19, год же 7148, под которым он значится окольничим у П. И. Иванова в «Алфавитном указателе фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах...». – М., 1853. – С. 108, может означать и год книги, где записано производство; ср.: Опыты... Ч. I. – С. 523. – *Ред.*], а в бояре – в 1649 г., следовательно, тогда, когда царь Алексей вступил уже на престол и имел 16–20 лет. В звании же стольника Долматов-Карпов товарищем дядьки быть не мог: это было бы противно обычному правилу. [Так в печатном ориг. 1854 г., но на поле автор замечает: «а Морозов! см. выше». Действительно, Морозов, когда его избрали в дядьки, стал боярином из стольников. – *Ред.*]

[2] У Святослава был кормилец Асмуд. В XI, XII и XIII столетиях у князей были также *кормильцы* или *дядьки.* ПСРЛ. Т. II. – С. 156 и др. [На поле добавлено автором: «у Ярослава Блуд»].

[3] В оригинале добавлено: «бояр Дв. Р. III. 1675». В III т. Дворцовых разрядов за 1675 г. «бояре комнатные» упоминаются, например, на с. 1323; ср. также на с. 1623–1624 (год тот же): «бояре ближние», «окольничие ближние», «бояре некомнатные». – *Ред.*

государь жаловал их обыкновенно: детей больших бояр – в бояре, а иных, меньших родов – в окольничие, которые и назывались также комнатными или ближними, потому что пожалованы были от *близости,* из *комнаты.*

Находясь, таким образом, на попечении мам и дядек, царские дети с пестунами своими и с особым *чином* или штатом дворовых людей жили, по словам Котошихина, каждый в своих особых хоромах. Сначала детей помещали в особых комнатах дворца, но это было помещение временное, потому что вскоре после рождения дитяти ему строили новые отдельные покои, обыкновенно деревянные. Так, в 1629 г. месяца через три после рождения царя Алексея ему выстроены были новые отдельные хоромы под надзором дьяка Максима Чиркова. Тогда же выстроены особые хоромы и для царевны Ирины[1].

В 1631 г. для царевны Марфы Михайловны, также вскоре после ее рождения, а в 1635 г. для царевны восьмилетней Ирины построены были *новые избушки,* в которые они тогда же и перешли на новоселье. В 1635 г. для царевичей Алексея и Ивана выстроены были каменные хоромы, существующие доныне и известные под названием *терема.* Вообще, как бы ни было велико царское семейство, для каждой особы строились всегда отдельные хоромы – деревянные или каменные[2].

Когда дети переходили в эти новые *избушки,* то на новоселье, по существовавшему обычаю, приносили им хлеб-соль и собольи меха[3].

---

[1] Архив Оружейной палаты. – № 932.

[2] Далее в печатном ориг. 1854 г. чит.: «Это мы видели при описании царского дворца». Ср.: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. I. – С. 84. – *Ред.*

[3] Так, в 1629 г., сентября 20, царь Михаил Федорович «пожаловал новорожденного сына царевича Алексея *на новоселье в новые хоромы* сорок соболей, цена 125 рублев». Царица Евдокия Лукьяновна – сорок соболей, цена 80 руб. Дед царевича, патриарх Филарет Никитич – сорок соболей, цена 95 руб. Бабушка царевича, инока Марфа Ивановна, – сорок соболей, цена 120 руб.

В тот же день жалованы соболи и царевне Ирине (2 г. 5 мес.), на новоселье в новые хоромы, от отца и от матери два сорока соболей по 90 руб., от бабушки, иноки Марфы – сорок соболей в 100 руб., которые, разумеется, взяты из государевой же казны (Архив Оружейной палаты. – № 937).

В этих избушках, или хоромах, дети жили весьма уединенно, совершенно скрытые от людского глаза, не видя почти никого, кроме людей, к ним приставленных. Самые избушки их ставились в глубине дворца, среди других внутренних отделений, даже вдали от мест, которые были открыты для служащего во дворце народа.

Вообще нужно заметить, что одна из главнейших забот в воспитании царских детей в XVII в. состояла в том, чтоб как можно тщательнее скрывать их от глаз народа. О царевнах говорить не станем: женщина высших, т. е. знатных и богатых разрядов тогдашнего общества, по понятиям наших предков, без потери доброго имени не могла являться открыто, а тем более в присутствии мужчин; она проводила жизнь более или менее уединенно, также в кругу женщин, родных или знакомых. Но в царском быту и царевичи до известного возраста точно так же жили уединенно. Котошихин говорит, что «до 15 лет и больши царевича видети никто не может, окроме тех людей, которые к нему уставлены, и окроме бояр и ближних людей»[1]. Далее Котошихин описывает и все меры осторожности, которые наблюдались в этом случае при выездах и выходах детей на богомолье или в загородные дворцы: «Царевичи в младых летах и царевны, большие и меньшие, внегда случится им идти к церкви, и тогда около их во[2] все стороны несут суконные полы, *что люди зрети их не могут;* также, как и в церкве стоять, люди видети их не могут же, кроме церковников, а бывают в церкве завешаны тафтою; и в то время в церкве, кроме бояр и ближних людей, мало иные

В описи казны царевны Ирины Михайловны записано между прочим: «Пять сороков соболей, по 55 руб. (сорок); а взяты те соболи из Казанского Дворца *на новоселье,* как у государыни царевны и в. к. Ирины Михайловны было новоселье в новой избушке в 143 (1635) г. августа в 16 числе».

В 1640 г. у царевны опять было новоселье в хоромах, на которое царица пожаловала два сорока соболей, проданных потом один за 60, другой за 45 руб. (Архив Оружейной палаты. – № 779).

[1] В 4 изд. сочинения Котошихина (с. 17) «видети никто не может» – после «ближних людей». – *Ред.*

[2] Там же: «по». – *Ред.*

люди бывают. А как ездят молиться по монастырям, и тогда каптаны и колымаги их бывают закрыты тафтами ж». Хотя из слов Котошихина и можно заключить, что царевича могли видеть также и все бояре, однако в записках того времени мы не встретили ничего такого, что могло бы подтвердить эти слова. Бояре – разумеется, исключая родственников царя и вообще ближних людей – едва ли пользовались правом видеть царевича до его всенародного *объявления*. Речи, которые произносились царями при этом торжестве, вполне подтверждают, что царевич не показывался до объявления.

Обычай скрывать царевича до известных лет от глаз народа и потом торжественно пред всем народом объявлять его получил начало только в XVII столетии. Смутное время, время великого *шатания* Русской земли, вызванное самозванством, и потом неоднократное появление самозванцев в течение XVII столетия научило правителей этой необходимой политической осторожности, главнейшая цель которой заключалась в том, чтоб уничтожить самое основание самозванства или те условия, на которых оно непосредственно должно было утверждаться. Так, по крайней мере, толковали этот обычай и иностранцы. Коллинс[1] говорит, что «царевича ни народ, ни дворянство не видит прежде пятнадцатилетнего возраста; но, достигнув этих лет, он является перед народом; его носят на плечах и ставят на возвышенное место на площади, чтобы предохранить государство от самозванцев, которые часто Россию беспокоили».

Таким образом, этот обычай и многие другие, которые замыкали тогдашний семейный быт в круг, мало кому доступный, представляют и для изыскателя величайшие затруднения. Очень трудно, почти невозможно при совершенном недостатке сведений составить полную картину воспитания царских детей, проследить шаг за шагом все усло-

[1] См.: «Нынешнее состояние России, изложен. в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса... // Пер. с англ. Петр Киреевский. – М., 1846». – Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. I, III. – 1846. – С. 17. – *Ред.*

вия, под влиянием которых возрастал царственный ребенок. Собственные наши источники до чрезвычайности скудны, притом и сведения, почерпаемые из них, весьма отрывочны, бессвязны. Иностранцы же или вовсе не писали об этом предмете, или писали по слухам; следовательно, не всегда точно и верно. Впрочем, один из них, Рейтенфельс, говорит об этом обстоятельнее других. «Дети царские, – пишет он, – воспитываются весьма тщательно, но совершенно особенным образом, по русским обычаям. Они удалены от всякой пышности и содержатся в таком уединении, что их не может никто посещать, кроме тех, кому вверен надзор за ними. Выезжают очень редко; народу показывается один только наследник престола на 19-м году (с 18-ти лет у русских считается совершеннолетие), а прочие сыновья, равно как и дочери, живут обыкновенно в монашеском уединении. От сидячей жизни они слабы и подвержены многим болезням. Лекаря думают, что и старший царевич (Алексей Алексеевич) умер от недостатка деятельности и движения, составляющих необходимость природы. С некоторого времени уже больше обращают на это внимания, и царские дети упражняются каждый день в определенные часы в разных играх, конной езде и метании стрел из лука; зимою делают для них небольшие возвышения из дерева и покрывают снегом, отчего образуется гора: с вершины ее они спускаются на саночках или на лубке, управляя палкою. Танцы и другие занятия, у нас обыкновенные, при русском дворе не употребляются, но каждый день играют там в шахматы»[1]. Здесь замечание о сидячей жизни царских детей ни в каком случае не может быть допущено как общая черта древнего воспитания, как то делает Рейтенфельс. Оно относится только к царевичу Алексею Алексеевичу, который действительно вел сидячую жизнь, потому что с особенною охотою и прилежанием занимался книжным ученьем.

[1] См.: Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексии Михайловиче. / Пер. с лат. И. Тарнава-Боричевский // Журнал Министерства Народного просвещения Ч. XXIII. – 1839. С. 9–10; ср.: Яков Рейтенфельс. Сказания... о Московии... с латинского перевел Алексей Станкевич». – М., 1906. – С. 84–85. – *Ред.*

Ниже[1] мы видим опровержение и подтверждение этому сказанию Рейтенфельса в тех данных, которые встретились нам в наших домашних источниках.

Первым, самым неотменным делом при рождении ребенка была особенная забота смерить долготу его роста и широту его объема, дабы по этой мере написать икону Ангела новорожденного, *меру рождения* дитяти. Такие иконы, по государеву указу, обыкновенно поручали писать самым искусным иконописцам. Так, в 1634 г. знаменитый иконописец того времени Иван Паисеин писал *меру* царевны Софьи Михаиловны (род. в 1634 г. сентября 15). В 1665 г. апреля 24 меру царевича Симеона Алексеевича писал иконописец Федор Евтифеев[2] на кипарисной доске[3]. В 1666 г. сентября 19 писана на кипарисной доске длиною 10 $^{1}/_{2}$, шириною 3 $^{1}/_{2}$ верш. *мера* царевича Иоанна Алексеевича его Ангел – образ Иоанна Предтечи. Писал иконописец Степан Рязанец[4]. В 1672 г. с 1 июня знаменитый же иконописец Симон Ушаков писал *меру* царевича Петра Алексеевича, образ Живоначальной Троицы да святого апостола Петра на кипарисной доске длиною 11, шириною 3 верш. Доска длиною $^{3}/_{4}$ арш., шириною $^{1}/_{4}$ арш. была куплена за 1 руб. 50 коп.[5], обделана в назначенную величину.

---

[1] См.: Обзор игр и игрушек царских детей. – *Ред.*

[2] Ср.: в книге А. И. Успенского «Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь» (М., 1910. – с. 104–105) иконописец назван «Зубов Федор Евтихиев». – *Ред.*

[3] Ссылка автора: «Викт. 438» имеет в виду: «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. Составил... А. Викторов». Вып. II. – М., 1883. – С. 438. Дальнейшие ссылки автора на оба выпуска названного труда обозначаются кратко: *Викторов А. Е.* Описание.., с. такая-то. – *Ред.*

[4] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 440.

[5] Ссылка автора: «Е. I, 1» имеет в виду составленный под руководством Г. В. Есипова «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом». Т. I. – М., 1872. – С. 1. Дальнейшие ссылки автора на названный Сборник обозначаются кратко: *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I или II, с. такая-то. – *Ред.*

Назнаменив икону и написав ризы до лиц, Симон заболел и икону-лица дописывал уже иконописец Федор Козлов[1]. На другой – 1673 г. – Симон Ушаков писал меру новорожденной царевны Наталии Алексеевны (род. 1673 г. августа 22) в тезоименитство вмц. Наталии на липовой доске длиною 10, шириною 3 верш. В 1690 г. написана мера царевича Алексея Петровича на кипарисной доске.

В том же 1690 г. июня 28 иконописец Тихон Иванов[2] писал образ мц. Феодосии – меру царевны Феодосии, дочери царя Ивана Алексеевича (род. 4 июня) вместо прежней меры, написанной не против размера на кипарисной доске длиной 11, шириной 4 верш. Велено писать в хоромы царицы Прасковии Федоровны самым добрым мастерством.

Эти иконы украшались богатыми окладами, как можно судить по описанию *меры* царевича Алексея Алексеевича, на которой был «оклад золот, в венце яхонтик червчат да два изумрудца; в цате два яхонтика червчатых да изумрудец; по полям 8 запонок, а в них искорки алмазные и яхонтовые и изумрудцы, да в гнездах два яхонтика червчатые, да два изумрудца; венец, и цата, и поля обнизаны жемчугом». Само собою разумеется, что эта святыня находилась всегда в детской моленной, а по смерти детей или возрастных уже лиц ставилась над их гробами, что можно видеть и до наших дней к Архангельском соборе[3] и в Вознесенском монастыре[4] в Москве. Мера рождения Петра Великого находится также пред гробом Преобразователя в Петропавловском соборе в Петербурге[5].

---

[1] Ср.: в указанной выше книге А. И. Успенского, с. 142, иконописец назван «Козлов (или Козел) Феодор». – *Ред.*

[2] Ср.: в указанной выше книге А. И. Успенского, с. 286, иконописец назван «Филатьев Тихон Иванов». – *Ред.*

[3] Ср. книгу протоиерея А. Лебедева: Московский кафедральный Архангельский собор. – М., 1880. – С. 177, 179–180, 184–185. – *Ред.*

[4] В настоящее время этих икон в Вознесенском монастыре над гробницами царевен уже не находится. – *Ред.*

[5] Ср.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. I. – СПб., 1869. – С. 87. – *Ред.*

Перейдем теперь к той стороне жизни детей, в которой сосредоточивались заботы и попечения вообще об их пребывании и содержании. Само собою разумеется, что заботы о здоровье детей распространялись и на всю обстановку их начального бытия, где каждый предмет, конечно, служил охраною их здоровья. Усердные горячие заботы о здоровье ребенка высказаны в письмах к своей супруге Елене Глинской первым царем Василием Ивановичем (в 1533 г.), и именно о ребенке – славном царе Губителе.

«Жене моей Олене, – писал великий князь, – что меня не держишь без вести о своем здоровье, ино то делаешь гораздо. И тыб и вперед не держала меня без вести о своем здоровье, как тебя Бог милует. Да и о Иване сыне (род. 1530 г.) ко мне отпиши, как его Бог милует?.. Да писала еси ко мне наперед сего, что против пятницы Иван сын покрячел; а ныне писала еси ко мне, что у сына у Ивана явилось на шее под затылком место высоко да крепко; а наперед сего о том еси ко мне не писала. А ныне пишешь, что утре в неделю (воскресенье) на первом часу, то место на шее стало у него повыше, да и черленее, а гною нет; и то место у него поболает. И ты ко мне наперед того чего деля о том не писала? А написала еси, что Иван сын покрячел. И ты б ко мне ныне отписала, как Ивана сына Бог милует, и что у него таково на шее явилося и которым обычаем явилося, и сколь давно и каково ныне? И со княгинями бы еси и с боярынями поговорила, что таково у Ивана сына явилося и живет ли (бывает ли) таково у детей у малых; и будет живет, ино с чего таково живет, с роду ли или с иного с чего? О всем бы еси о том с боярынями поговорила и их выпросила, да ко мне о том отписала подлинно; чтоб то яз ведал. Да и вперед как чают, ни *мака* ли то будет? И что про то их примысл[1], чтобы мне и то ведомо было...».

В другом письме: «Да писала еси ко мне, что у Ивана у сына на шее провалилося и гной, которой был, и тот вышел,

[1] В оригинале: «промысл». – *Ред.*

а ныне идет сукровавица: и ты б ко мне отписала, и ныне ли что идет у сына Ивана из болного места, или не идет? И каково то у нево болное место, ужли поопало, или еще не опало, и каково ныне, о том ко мне отпиши...».

В третьем письме: «Да писала еси ко мне, что Юрьи сын попысался, а в те поры его парили в корыте проскурником, а спуск крепок черн: ино то и то делаешь гораздо ж, что ко мне и о Юрье о сыне отписываешь подлинно... Да Бога ради не кручинься, а о всем клади упованье на Бога».

В четвертом письме великий князь упоминает: «Да и о кушанье о Иванове и вперед ко мне отписывай, что Иван сын коли покушает, чтоб то мне ведомо было...»[1].

Одною из ближайших потребностей для помещения ребенка была *колыбель*: с нее мы и начнем наше описание. В колыбель в первый раз ребенка клали с особою молитвою, которая внесена и в старинные Требники[2]; притом до крещения в колыбель его не клали. Царская колыбель своим устройством походила на *зыбку,* ходячую и теперь в простом народе. Она состояла из *пялец,* которые устраивались из точеных *столбцов,* двух длинных с яблоками на концах и двух поперечных. К длинным столбцам прибивались серебряные кольца с пробоями, а к кольцам прикреплялись или ремни лосинные, обшитые бархатом, или тесьмы шелковые и даже златотканные, на которых колыбель висела. Самое днище колыбели обшивали сафьяном и богатыми золотными тканями.

Новорожденному царевичу Алексею Михайловичу спустя девять[3] дней после его рождения, именно 18 марта 1620 г., было скроено одеяло «атлас по червчатой земле тра-

[1] Письма русских государей... Т. I. – М., 1848. – С. 3–5.

[2] См. : Потребник. Л. 91. – М., 1651. – Молитва, дитя в колыбель класти. – *Ред.*

[3] Предполагая, что царевич родился 9 марта, но ниже, перед обзором его игрушек, автор указывает день рождения царевича – 10 марта. – *Ред.*

вы и листье золоты; в них шелк бел зелен лазорев. Да на одеяле грива (кайма) атлас по серебряной земле листье полото, в листье шелк ал зелен. Длина одеялу с гривою полтора аршина; гриве ширина семь вершков; ширина одеялу аршин три верш. Испод соболей черн пластинчат; на опушку вышел бобр»[1]. 19 марта 1629 г., спустя 10[2] дней по рождении, Алексею Михайловичу скроено «*одеяло* в камке кизылбашской по алой земле травы и листье золото да серебряно с шелки с разными (1 арш. 4 $^{1}/_{2}$ верш.) да на гриву 6 $^{1}/_{2}$ верш. камки кизылбаской по серебряной земле травы шелки разные. Подкладка тафта червчата виницейка (№ 748)»[3]. Потом марта 20 «скроена колыбель в атласе золотном по червчатой земле травы и опахала золоты в цветах шелки лазорев да бел (пошло 3 арш. 7 вершков) с подкладкою из тафты желтой виницейки (2 $^{1}/_{4}$ арш.). Колыбельные столбцы обшиты кизылбашскою камкою по алой земле травы и листье золоты да серебряны с шелки с разными (1 арш. 3 верш.). Ременья обшиты бархатом рытым по белой земле, травы и птицы шелк червчат (3 арш.). Кольца у колыбели и плащи серебряны золочены». На *поцепку* колыбели пошло 8 ремней лосинных больших, на которых колыбель висела.

Марта 21 в колыбель скроены постель и «сголовье (подушка) верхние наволоки в камке червчатой мелкотравной, исподние из полотна двойного гладкого».

К летнему времени мая 12 к колыбели сшит *положек* из полотна «сарпату разными цветы».

Дополнительные подробности по устройству колыбели встречаем в описании колыбели двухлетнего царевича Ивана Михайловича, которому в 1635 г. была сделана колыбель – «длина деревьям длинным полтора аршина, ширина и с *завой* аршин десять вершков. Два *уха* у колыбели

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 269.

[2] Ср. выше, с. 559, прим. 3. – *Ред.*

[3] Здесь, как и далее, номера, приводимые в скобках, обозначают номера книг Архива Московской Оружейной палаты, которыми пользовался и на которые ссылается автор в том или другом случае. – *Ред.*

середних атласных золотных вдвое по семи вершков, а сторонние (уши) по полусема вершка (6 $^{1}/_{2}$ верш.). Обшита колыбель атласом золотным по червчатой земле, опахала не велики, в цветах шелк лазорев, бел... Атласу вышло в кроенье 4 $^{1}/_{4}$ арш.; на подкладку и на обшивку к меньшим деревьям тафты вышло желтой 2 арш. 10 верш. У больших деревей по концам по яблочку с обручики, а у меньших деревей, меж *ушей* по четыре яблочка. У деревей яблочки и *уши* обшиты камкою кизылбашскою полосатою, в полосах травы золоты с разными шелки. У колыбели ж в длинных деревьях четыре *кольца* да *пробои* и *жиковины* (петли?) серебряны золочены весом фунт без 3 золотн. Да в ту же колыбель скроена царевичу *перина* да *зголовье;* длина перине два аршина без дву вершков, ширина аршин с четью. Камки пошло на наволоку на перину кармазину червчатого мелкотравного 6 арш., да полотна тверского тож; а взголовью длина в обделе аршин полтретья (2 $^{1}/_{2}$) вершка, ширина аршин без чети; камки вышло кармазину червчатого мелкотравого 2 арш. 10 верш., полотна троецкого тож; *пуху лебежьего* в перину и в взголовье двадцать гривенок (фунтов)» (№ 1159).

Колыбельные постели или перины всегда набивались лебяжьим пухом; исподние наволоки шили из полотна, как упомянуто, а верхние в рядовых случаях из тафты, камки и других толковых тканей, иногда и из бархата. В подобных случаях вместо перины употребляли *бумажник* или тюшак (тюфяк) бумажный, набитый хлопчатою бумагою и поволоченый тафтою или камкою.

Одеяла изготовлялись, смотря по времени года, теплые и холодные. Теплые шили из золотных тканей и подбивали мехом бельим, лисьим, собольим, иногда горностаевым. Холодные одеяла делались из таких же золотных тканей, только не подбивались мехом. Впрочем, золотные одеяла употреблялись в праздничных случаях, обыкновенные же шили из рядовых шелковых тканей. Праздничные богато украшались даже жемчугом и дорогими каменьями. У царевича Алек-

сея Михайловича было одеяло – «по лазоревой земле реки и травы золоты, грива (кайма) по атласу по червчатому низана жемчугом, да в гриве ж семь яхонтов червчатых да пять лалов да три яхонтика лазоревых да восемь изумрудов, всего 23 каменя». Одеяло царевича Ивана Михайловича описано так: «камка кизылбашская яринной цвет, по ней травы шелк красновишнев, в травах листки золоты да серебряны, да птички шелковые. Длина и ширина до *гривы* (каймы) полтора аршина, грива поларшина; в гриве камка кизылбашская травы по коричной земле, испод подложен пупки собольи».

Упомянем и о царевниных колыбелях. В 1629 г. в разных числах двухлетней царевне Ирине скроены две колыбели «атлас золотной по червчатой земле розвода и травы золоты, меж розвод рыбки золоты, а потом ей же пятилетней 11 августа 1632 г. скроена колыбель в бархате червчатом гладком» (№ 670). В 1636 г. генваря 14 новорожденной (5 генваря) царевне Татьяне Михайловне скроена «колыбель в атласе золотном по червчатой земле травы золоты, меж трав шелки разные цветные, в кроенье пошло атласу 3 $^{1}/_{4}$ арш. да на подкладку 2 арш. тафты желтой; да к колыбельным пяльцам на обшивку аршин без вершка камки кизылбашской по серебряной земле травки золоты с шелки разными, меж трав зверки золоты ж. Да в пяльца вбиты кольца и пробои серебряны золочены вольяшные, весу в них гривенка 7 $^{1}/_{2}$ золотн. Да к кольцам пришито четырнадцать аршин с четью тесмы тканы в кружки шелк червчат да светлозелен. Для устройства пялец куплено 4 дерева кленовых за 40 коп.» (№ 771, 1059).

Колыбель для ребенка служила своего рода жилищем, избушкою, поэтому в колыбелях у детей висели небольшие иконы и особенно кресты с частицами святых мощей. В ризнице московского Успенского собора сохраняются пять таких колыбельных крестов; на одном из них следующая надпись: «Лета 7102 г. (1594) повелением благоверного государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца и его благоверныя царицы и великие княгини Ирины зделан

бысть се святой крест государыне царевне и великой княжне Феодосье в колыбель»[1].

Как мы упомянули, ребенка клали в колыбель только после крещенья и потому колыбели готовились спустя несколько дней после рождения ребенка. По-видимому, золотную колыбель дарила ребенку его крестная мать. В 1650 г. царевна Анна Михайловна дарила новорожденную царевну Евдокию Алексеевну на ее крестинах колыбелью (№ 811). В 1652 г. царевна Татьяна Михайловна дарила новорожденную царевну Марфу Алексеевну полным составом колыбели с постелькою, сголовьем и одеялом.

При этом дóлжно заметить, что дорогие ткани со старых *отставных* колыбелей употребляли нередко на церковное строенье, т. е. на устройство каких-либо церковных одежд или других предметов, что почиталось благочестивою мыслию того времени, делом богоугодным и особенно благополезным в отношении самого дитяти. В 1633 г. мая 18 две золотные колыбели были вычищены, а в тех колыбелях сделаны к ризам оплечья (№ 738).

В 1673 г. декабря 27 по указу царицы Натальи Кирилловны скроено «в Новодевичь монастырь из двух колыбелей отставных бархат турской золотной по нем репьи золоты да серебряны морх шелки червчат да зелен, которые (колыбели) были государя царевича Петра Алексеевича, – пять *патрахелей* да пятеры *поручи,* в кроенье вышло колыбель меньшая вся да от другие колыбели вышли *ушки*» (№ 524). Но не только на поручи и патрахели – отставные колыбели употреблялись даже и на устройство хоругвей. В 1674 г. августа 28 царица Наталья Кирилловна делала в Успенский собор две новые хоругви, на каймы этих хоругвей и был употреблен «бархат турской золотный по червчатой земле травы золоты и серебряны из отставной колыбели царевича Петра Алексеевича» (№ 524).

[1] В 1895 г. эти кресты переданы на хранение в Московскую Патриаршую (Синодальную) ризницу; приводимая автором надпись на кресте 7102 г. сверена с подлинной надписью, но, как и у автора, надпись эта издается гражданским шрифтом и с раскрытием титл. – *Ред.*

В других случаях колыбели переходили как бы по наследству от одного ребенка к другому. В 1674 г. октября 22 колыбель царевича Федора Алексеевича перешла к восьмилетнему царевичу Иоанну Алексеевичу с некоторым поновлением.

В колыбелях дети спали довольно продолжительно, почему заготовка им новых колыбелей повторялась неоднократно. Царевич Алексей Михайлович спал в колыбели и после перехода с рук мамы на руки дядьки, когда ему исполнилось 5 лет. Теперь (в 1834 г.) стал заботиться о его колыбели его дядька боярин Борис Иванович Морозов[1]. Под наблюдением Морозова для новой колыбели куплено на пяльцы два дерева самопальных кленовых за 25 коп. Сам дядька взял из царицыной Мастерской палаты и отнес в хоромы царицы к устройству колыбели царевича «атлас золотной по червчатой земле и к тесьмам шелку червчатого 50 золотников да светло-зеленого 40 золотников; к тому куплено еще 70 золотников шелку зеленого». Тесьмы делали царицыны мастерицы. «Потом на колыбельную постелю и на взголовье куплено 28 ф. пуху лебяжьего за 12 руб. с полтиною» (№ 761, 866). О постройке этой колыбели записано следующее: «Сделана царевичу колыбель, пяльцы дерево кленовое; длинные деревья и с яблоки 2 арш. без полувершка; поперечные деревья меж *ушей* 1 арш. без полувершка, а на них по 4 яблока, *уши* 1 $^{1}/_{2}$ верш. Атласу вышло в колыбель золотново по червчатой земле травы и листы золотное в розвод в травах шелк бел да зелен 4 арш. 9 $^{1}/_{2}$ верш.; длина атласу в колыбели 1 арш. 11 $^{1}/_{2}$ верш. и с запасом, ширина 1 арш. 12 верш. Подкладка тафта желта, тафты вышло 2 $^{1}/_{4}$ арш.» (№ 1158).

Когда царевичу Алексею Михайловичу исполнилось 8 лет, он спал уже в особом *чулане* (альков). В 1637 г. июня 16 записано между прочим, что ему употреблено на перину на наволоку тафта червчатая, на взголовье камка червчатая мелкотравая, на бумажник тафта желтая, да в бумажник бумаги хлопчатой битой 30 гривенок. Да в чулан царевичу, где он по-

[1] С этого года были заведены и особые книги по изготовлению царевичу платья и других предметов (*Викторов А. Е.* Описание... – С. 271). – Архив Оружейной палаты. – № 1158.

чивает, на обивку к стене «сукна багрецу червчатого, да на одеяло пупки собольи» (№ 770).

Есть сведение, что царевич Федор Алексеевич спал в колыбели по двенадцатому[1] году возраста. В 1669 г. августа 27 к его колыбели сделан был *завес* из сукна кармазину мурам зеленого, сукна пошло 6 арш. да к тесмам на обшивку камки зеленой травной 8 арш. (№ 1183).

Само собою разумеется, что колыбельное детское белье изготовлялось из тонкого (Тверского) полотна. Но некоторые предметы делались и из шелковых тканей. Таковы были, например, *свивальны* или *свивальники.* Из них рядовые обыкновенные сшивались из сукна, а праздничные – из бархата. В 1681 г. царица царя Федора Алексеевича Агафья Семеновна Грушецких, беременная, заготовила к родам два свивальна, один из «сукна червчатого багрец с подкладкою из алой тафты»; другой более богатый из червчатого бархата тоже с подкладкой из алой тафты, но притом обшитый *кругом* серебряным голуном, которого пошло 13 $^{1}/_{2}$ арш., что обозначает и примерную длину всего свивальна (ок. 6 арш.) (№ 1047).

Роды были несчастны. Родился царевич Илья июля 11, а июля 14 царица скончалась.

Когда младенец вырастал, ему мало-помалу, смотря по надобности, готовили обычные одежды. В 1629 г. ноября 21 восьмимесячному царевичу Алексею Михайловичу по случаю холодного времени скроена шапочка «атлас червчат, круглая. Верх 4 $^{1}/_{2}$ верш., ширина 5 $^{1}/_{2}$ верш., на верху круг 3 верш. Атласу пошло 5 верш.; на тулею 5 пупков собольих. Окол подложен соболий старый от государевой Казанской шапки (царской Казанской короны)».

Затем, декабря 13, когда царевичу исполнилось ровно девять месяцев, ему скроена *шуба,* «камка червчата клинчата.

[1] Так в оригинале, но царевич родился в 1661 г.; последняя дата рождения принята и автором, см. ниже перед Обзором игрушек царевича. – *Ред.*

Длина 15 вершков, да запасу вершок, ширина в плечах 9 верш.; рукава от стану 10 верш., в корени (у плеч) четверть аршина, в запястье 2 верш. без чети; по подолу 1 $^{1}/_{2}$ арш., да запасу 2 верш. Кружево серебряное, немецкое, семь гнезд нашивки; испод черева лисьи. На ожерелье и на пух вышел бобрик. Когда царевичу исполнился год, 14 марта 1630 г. ему скроен *зипун,* камка шелк ал да бел корунками; длина 13 верш., ширина в плечах 8 $^{1}/_{4}$ верш., по подолу 2 арш. с вершком; рукавам длина поларшина; подпушка камка желтая мелкотравная; подкладка тафта лазоревая»[1].

Детская одежда почти ни в чем не отличалась от обычной одежды взрослых возрастных. У коротких одежд для детей длиннее делались только полы. Не входя в подробности[2], считаем не лишним поименовать те предметы и те видоизменения древней одежды, которые бывали в употреблении у детей. Царевичи носили *шапки* обыкновенные с собольим околом и горлатные, *тафьи, треухи, аракчины.* Это был головной их убор. На сорочку, всегда с богатым ожерельем и подпоясанную шелковым поясом, надевали *зипун,* поверх которого носили *ферези, кафтан* становой, *кафтанец, сарафанец, кибеняк, кабат, чугу.* При этом втором платье употреблялся *кушак* тесьма или богатый *пояс* из металлических блях. Верхнее платье составляли: *платно, опашень, охобень, однорядка, ферези ездовые* или *ферезея* и *шуба.* Из нижнего платья известны порты и штаники, которые кроились иногда вместе с чулками и для зимнего времени подбивались мехом. В 1635 г. февраля 7 невступно двухлетнему царевичу Ивану Михайловичу скроены были «штаны с чулками, тафта желта; в длину от опушки 9 верш., ширина в поясу 6 $^{1}/_{2}$ верш.; на опушку к *зепи* (карману) тафты червчатой вышло 4 верш.; испод черева бельи». Чулки весьма редко бывали вязаные; они обыкновенно шились из тафты и других легких тканей и на зиму подбивались также мехом. К обуви принад-

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 270.

[2] На поле оригинала автором замечено: «Платье дополнить подробно, или ссылка на описание одежды вообще». См. ниже, гл. VII, а также Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Гл. VI. – *Ред.*

лежали *ичедыки,* род чулков из сафьяна, *башмаки* и *чеботы* или короткие сапоги. Ичедыки носили с башмаками. 1638 г. декабря 10 деланы рукавки долгие, длина 10 верш., надевать на руки мешечками царевичу Алексею Михайловичу» (№ 966).

Относительно детской одежды до́лжно заметить, что она по богатству тканей и украшений нимало не отличалась от одежды взрослых, и ребенка обыкновенно наряжали чуть не с первых дней его рождения, как куколку. Обычное или, по-нашему сказать, модное украшение одежды составлял очень любимый стариною крупный и мелкий *жемчуг.*

По третьему году царевич Алексей Михайлович уже носил низанную жемчугом червчатую бархатную *обнизь* (род воротника), а также *ферези* ездовые объяринные дымчатые с жемчужными завязками; атласную золотную по зеленой земле *шубу* с жемчужною нашивкою (петлицы); бархатные *чеботки,* богато низанные жемчугом.

Трехлетнему царевичу к шапочке бархатной червчатой с соболем были изготовлены петли (род каем), на которые пошло жемчугу скатного кафимского 112 зерен и потом еще 163 зерна. Тогда же к ожерелью стоящему[1] с каменьем по червчатому бархату на обнизку вышло 156 зерен и еще 139 зерен.

Другое ожерелье по черному бархату также было низано жемчугом.

Вместе с тем были изготовлены две шапки бархатные: одна червчатая, другая черная с жемчужными петлями.

Четырехлетнему царевичу в низаной колпак поставлена «запона золотая кругловата, в ней 19 алмазцов, цена 100 руб. А в низаную тафью по червчатому бархату поставлены два репья (розетки) золотые с финифты с яхонтами, изумрудами и жемчужинами».

Потом сшито золотное *платно* (что сделано из турской *чуги)* и украшено жемчужною нашивкою – 18 гнезд. Далее сшиты «становой кафтан желтый атласный с жемчужными пуговицами, однорядка червчатая скорлатная с кружевом из жемчуга и канители, на что употреблено жемчугу

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

(461 + 48) 509 зерен. Шуба атласная по червчатой земле круги серебряны с жемчужною нашивкою» (петлицы) и т. д.

Таким образом, трех и четырех лет царевич был богато одет во всей полноте тогдашнего костюма.

При этом различные украшения вроде дорогих камней или дорогих жемчужин, запон и пр. государь сам выбирал, и всякий предмет ставился в дело по его назначению или по назначению царицы, как было в обиходе маленьких царевен, наряд которых точно так же устраивался чуть не с первых дней их возраста.

Царевне Ирине Михайловне не было еще и году ее возраста, когда ей была сшита *тафейка,* украшенная дорогими камнями, «лаликом и изумрудцем и богатым жемчужным низаньем. Жемчугу на нее пошло 260 зерен, в верхнюю обнизь 136, да в очелье 124 зерна»[1]. К другой тафейке попроще вышло 152 зерна. Ей же восьмимесячной была сшита *шубка* с жемчужною нашивкою. Тогда же ей снизано жемчужное *ожерелье,* а потом украшена жемчужным низаньем *сорочка.*

По четвертому году она носила уже *венец* жемчужный с каменьями[2].

На серьги государь отбирал жемчуг и другие драгоценности вскоре по рождении дитяти: царевнам Софье и Татьяне – через месяц, царевне Пелагее – через 2 недели, Марфе – через 6 недель, Ирине – через 3 недели. Царевне Софье Михайловне всего было два месяца, когда ее «тафья бархата червчатого» была украшена репьем (розетка) золотым с алмазами. Шестимесячной царевне Анне уже готовилось жемчужное *ожерелейцо* из 227 зерен скатных. По 11-му месяцу ей обнизывались жемчугом чеботки бархатные.

Царевичу Ивану Михайловичу был только месяц от рождения, когда ему в низаную тафью был поставлен репей золотой

[1] В оригинале: «с. 35». В этом месте, как и ниже (до конца отдела о русском платье), автор имеет в виду книгу С. Н. Кологривова: «Государева Большая Шкатула». – СПб., 1903. Далее автором отмечаются следующие страницы этой книги: 7, 58, 64, 73, 92, 100, 116, 131. – *Ред.*

[2] На поле оригинала: «Справка». Ниже в обзоре платья царевен описан подобный венец, но пожалован он пятилетней царевне Анне в 1635 г. – *Ред.*

с алмазы; потом ему был только год от рождения, такой же репей поставлен в его шапку «бархат черн с собольим околом».

Без месяца ему был год, и он уже одевал становой кафтан камчатный червчатый с жемчужным украшением и с такою же пуговкою.

Надо заметить также, что детское белье, полотняное или тафтяное, а равно и платье сохранялось в кипарисных сундуках и ларцах.

Весьма любопытно, что кроме упомянутого русского платья дети царя Михаила Федоровича носили и *немецкое.* Совершенно неизвестно, каким путем зашло это немецкое платье в комнаты государя, к его детям и кто подал первую мысль об этом костюме. Припомним, что древние наши обычаи в это время достигли полного цвета и с особенною упругостью противились всякому чужеземному влиянию. *Немецким извычаям* в это время было гораздо труднее, чем прежде, пробираться в наши патриархальные, крепкие своею православною стариною жилища. Несмотря на это, были, однако ж, люди, которым нравились немецкие обычаи и которые носили даже французское и немецкое платье. Между такими людьми весьма значительное место как по сану, так и по своим отношениям к царскому семейству занимает родственник (двоюродный брат) царя Михаила Федорович, боярин Никита Иванович Романов. Олеарий очень хвалит этого боярина за его ум и любезность и говорит, что он любил одеваться во французское и польское[1] платье, но,

[1] Так в оригинале. Ср.: Любопытные и замечательные путешествия по Московии, Татарии и Персии Адама Олеария / Пер. и изд. Е. Серчевский. – СПб., 1856 (цензурный экземпляр – рукопись Исторического музея из собрания рукописей, принадлежавших автору). – С. 303, где это место переведено: «любил одеваться по французской и польской моде», см. также французское изд. Олеария (Amsterdam. – 1727. – P. 202): “se plait a s›habiller a la Francoise et a la Polonoise”. В пер. же П. Барсова, изд. Императорского общества Истории и Древностей Российских. – М., 1870. – С. 164, и в пер. А. М. Ловягина, изд. А. С. Суворина. – СПб., 1906. – С. 178, платье названо польским и немецким. – *Ред.*

однако ж, только в то время, когда бывал в деревне или выезжал на охоту, потому что явиться в таком платье при дворе было делом невозможным. Как родственник государя боярин Никита Иванович мог занести и в царское семейство мысль нарядить малолетных царевичей в немецкое платье, в чем, вероятно, был участником и самый дядька царевича Алексея Михайловича боярин Борис Иванович Морозов. Тем скорее было принято нововведение, что в этом случае немецкое платье составляло детский наряд, который открывал более свободы и для видоизменения русской одежды, и даже для нововведений.

Впервые немецкое платье во дворце появляется в Потешной палате, конечно, в качестве наряда потешников, которым дозволялось одеваться как можно замысловатее и смешнее на глаза старобытного русского порядка и вкуса. В 1632 г. такое потешное платье было сшито главному потешнику Ивану Семенову Лодыгину: *плащ, кабат, пукши*[1]. У других потешников появляются *юпы, курты*, и вообще Потешная палата малопомалу совсем онемечивается. Каким путем эта немечина была проведена и в комнаты маленьких царевичей – угадывать трудно. Быть может, старший семилетний царевич Алексей Михайлович сам покапризничал: вынь да положь, дай ему такой же наряд, какой носили потешники. Дети его лет бывают очень впечатлительны, и нетрудно допустить, что ими были усвоены и некоторые игры потешников, для чего потребовалось именно немецкое платье. Своего рода это была кукольная потеха, забава для детей. Только под этим видом немецкий наряд и мог проникнуть в царский дворец.

По-видимому, такие нововведения вступали в обиход царевичей не очень заметными переменами и вначале касались только их маленьких сверстников из служебной их среды, каковы были стольники и разные потешники. Как только царевич Алексей Михайлович поступил на руки к дядьке Морозову, тогда же, 31 декабря 1634 г., по государеву указу

[1] Ссылка автора на с. 445 «Домашнего быта русских цариц» имеет в виду 2-е изд. этого сочинения, в 3-м изд. вся глава, в которой это место читалось, опущена. См. ниже, гл. V. – *Ред.*

стольникам царевича Родиону Матвеевичу Стрешневу, Василью Богдановичу Голохвастову, Афанасью да Дмитрию Ивановичам Матюшкиным сделаны четыре *шубы гусарские* «сукно багрец (11 арш.) на куньих исподах по 38 куниц в каждом ценою по 13 руб. 30 коп. испод, с собольими ожерельями, с завязками из желтого атласа, с нашивками серебряными, с серебряными же пуговками на проймах, с петлями из серебряного шнурка». Шубы стоили с лишком 105 руб. Им же сделаны 4 шапки из черного бархата с собольими тульями и околами, ценою шапки стали с лишком в 17 руб. Изготовить этот наряд приказал сам государь (№ 766).

Затем, 31 мая 1635 г. появляется уже прямое немецкое платье. В это время *накрачеям* (музыкантам)[1] царевича сделано платья немецкого: «три *юпы,* трои *пукши,* три шапки, сукно аглинское; сукна пошло черленого, зеленого, лазоревого 11 арш. На подкладку пошло 11 арш. 10 верш. холста, да 159 арш. снурков пошло разных цветов; пришито 36 портищь пуговиц немецких шелковых. На подкладку (еще) пошло 10 арш. стамеду разных цветов. И всего платья цена 21 руб. 22 алт. полпяты денги».

Наконец, дело коснулось и самих царевичей. Так, в 1636 г. декабря 26 с Казенного двора взято бархату алого 9 арш. царевичам (Алексею 7 лет и Ивану 3-х лет) на *немецкое платье.* К тем же немецким платьям 29 декабря взято на исподы пупков собольих пола да зад; да на подкладку тафты червчатой 5 арш., да тафты зеленой 5 арш., атласу рудожелтого да киндяку червчатого по аршину (№ 770)[2]. Того же числа, 29 декабря, деланы царевичам немецкие башмаки, делали немцы канительные мастера из ирхи, т. е. вышивали, вероятно, по ирхе золотом, канителью.

Вместе с тем 30 декабря 1636 г. троим стольникам царевича Алексея Михайловича (четвертый, Дмитрий Матюшкин,

[1] В 1630 г. мая 26 сурначей Семен Рубцов выучил в сурну (играть) шесть человек накрачеев. См.: Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 625 // Архив Оружейной палаты. – № 928.

[2] См.: *Викторов А. Е.* Описание... Вып. I. – С. 261. – *Ред.*

выбыл) сделано *немецкого платья:* «три *жюпана,* да трои *пукши,* сукно лундыш черлено; сукна пошло 9 арш. 5 верш.[1] На подкладку пошло пять сорочек суконных желтых и зеленых. Под штаны (пукши) на подкладку пошло 12 арш. холста; на кафтаны (жюпаны) и на штаны пошло кружева серебряного кованого немецкого 67 золотн. Нашито 130 пуговиц немецких менших, да 54 пуговицы немецких же больших... и всего кафтаном и штаном цена 30 руб. полсемы деньги. Три *епанчи,* сукно лундыш зелено; сукна пошло 9 арш. с вершком; на подкладку пошло 9 арш. без чети сукна полуаглинского черленого. Около епанечь пошло 20 золотн.кружева серебряного немецкого; пришито 36 пуговиц немецких больших и всего епанчам цена 18 руб. 8 алт. полшесты денги. Три *шляпы* немецкие; на те же шляпы три снурка серебряных. Трои *рукавицы* немецкие персчатые. Трои *ожерелья* полотняных. Шестеры *чулки* гарусные; трои *чижмы* немецкие, к ним на завязки два аршина без дву вершков тесмы шелковой. И всего платью цена со всем 64 руб. 20 алт. полтретьи денги. А приказал сделать государевым словом боярин Борис Иван<ович> Морозов дьяку Гаврилу Облезову; взяли платье стольники сами». Таков был немецкий костюм царевичевых стольников.

1637 г. января 11 «скроены царевичу Алексею Михайловичу башмаки *на немецкое дело,* сафьян желт». Потом «того ж дни скроено государем царевичем (Алексею и Ивану) «платье *на немецкое дело, епанчи,* бархат ал кизылбашской... да им же государем на кафтанцы *на немецкое дело* и на штаны атласу рудожелтого 10 аршин» и пр. Выражение *на немецкое дело* значит по немецкому образцу или просто платье немецкое. То же самое платье находим и в описи казны царевича Ивана Михайловича со следующим описанием: «Немецкое платье: *епанча,* бархат ал опушен бархатом зеленым, подложена тафтою зеленою; кругом епанчи и по ожерелью кружево немецкое серебряное. *Курта немецкая* и *штаны,* атлас желт,

[1] В «Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских» (Кн. III. «Немецкое платье» // Смесь. – 1892. Сообщил Г. В. Есипов) – «9 аршин 7 вершков». – *Ред.*

кружево по них немецкое серебряное; исподы у курты, пупки собольи, у штанов, черева бельи»[1].

В 1638 г. июня 26 царевичевым *метальникам* (канатным плясунам, акробатам и танцорам) Макарку да Ивашку Ондреевым «сделано две курты, да двои штаны, сукно настрафиль одинцовое черлено, сукна пошло 4 арш. без чети, на подпушку пошло по полутора аршина крашенины лазоревой... пришиты пуговицы втычные, шелк зелен, на ремешках... пришито к рукавам 20 крючков медяных. Им же сделано два *аракчина,* сукно багрец. А приказал (сделать платье) государевым словом боярин Борис Иван. Морозов». Карлы царевичей ходили также в куртах. Таким образом, малолетные сыновья царя Михаила и почти весь их штат одеты были в немецкое платье (№ 766, 961, 964). Очень любопытно, что в числе отставного платья царя Алексея Михайловича в 1647 г. сохранялось и немецкое платье (епанча и курта), которое тогда со всяким другим отставным платьем было продано[2] по государеву указу и по приказу боярина Б. И. Морозова.

В детском платье царевен особенно замечателен по своему богатству головной убор. Как царевны они носили *венец* и *коруну.* Венец (венок) составлял собственно княжеский девичий головной убор. Употребление его относится еще к XV в. Из одной княжеской духовной грамоты того времени узнаем, что князь Михаил Андреевич Верейской подарил своей дочери *«венец царской* с городы, да с яхонты да с лалы да с зерны с великими; другой венок низан великим жемчугом»[3]. В 1635 г. августа 4 царица Евдокия Лукьяновна пожаловала дщери сво-

[1] Ниже на поле оригинала автор отмечает: «Викт. 199. Немецкое платье Ив. Мих. 1641 г.» См.: *Викторов А. Е.* Описание... Вып. I. – С. 199. – № 585 (Архив Оружейной палаты. – № 680). – Опись казне царевича Ивана Михайловича. 7150 г. – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 202.

[3] Собрание государств, грамот и договоров. Ч. I. – М., 1813. – № 122.

ей, пятилетней царевне Анне «венец теремчат о десяти верхах, делан по золотой цке[1], травы прорезные с финифты с разными; а в венце в нижних теремах в золотых гнездах три яхонта червчаты гранены, да три яхонта лазоревы, да четыре изумруда гранены, да в верхних теремах в золотых же гнездах четыре яхонта червчеты да три яхонта лазоревы, да три изумруда четвероугольны; около верхних и нижних теремов и на низу обнизано жемчугом. Поверх теремов на спнях десять зерен гурмыцких. Подложен тафтою червчатою»[2]. В 1636 г. января 24 царь Михаил Феодорович пожаловал девятилетней царевне Ирине «венец золот с городы, по нем травы золоты прорезные с финифты с разными. У венца в городах и меж городов 96 алмазов да 109 лалов. *Накосник* по цке серебряной золоченой низан жемчугом большим; на конце у накосника три ворворки обнизаны жемчугом; в кистей место низано жемчугом мелким; по концам перепелы серебряны золочены. Подложен (венец) тафтою желтою». Кроме упомянутого здесь *накосника* или *косника* при венцах носили *поднизи.* У венца царевны Анны была поднизь «по атласу по червчатому низана жемчугом большим и середним; меж жемчугу звездки золоты». В 1636 г. в царицыной Мастерской палате устроена была немецкими мастерами для девятилетней царевны Ирины «коруна делана по цке серебряной золоченой, низана жемчугом большим и середним с городы, меж жемчугу 24 репьи золоты сенчаты с финифты с лазоревым да с белым; подложена тафтою алою». В том же году немцы сделали коруны для царевен шестилетней Анны и двухлетней Софьи[3] – дочерей царя Михаила. При коруне употреблялись также *рясы,* которые низались из жемчуга в виде длинных прядей. Они привешивались с правой и с левой сторон коруны и ниспадали на плечи. К коруне царевны Ирины принадлежали «рясы низаны жемчугом, промеж жемчугу, и по концом 10 яхонтов лазоревых да 8 лалов; колодки у ряс

[1] В печатном ориг. 1854 г.: «цхе». – *Ред.*

[2] В «Домашнем быте русских цариц», с. 590, описан подобный же венец малолетной царевны Ирины. – *Ред.*

[3] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 699.

золоты навожены чернью, в колодках 4 яхонта червчатых да два изумруда, да на спнях 18 зерен жемчужных». У царевны Наталии Алексеевны была корона жемчужная с запонами, в поднизи 82 зерна бурмицких и пр.[1] Различие между венцом и коруною состояло в том, что первый был, собственно, венок, без тульи, которая составляла необходимую принадлежность коруны и тем отличала эту последнюю от венца. Когда царевны подрастали, то их венцы и коруны, становившиеся неудобными для употребления, переходили к другим малолетным царевнам, что видно из описей их казны.

Обыкновенный головной убор малолетных царевен составляли *кика, тафья, шляпа круглая, столбунец* или *столбунчик, шапка летняя* с околом и *шапка* высокая лисья, *горлатная* или черевья, и *треух,* а иногда *кукол* (135 г.). У царевны Ирины Михайловны в числе нарядов были: *«кика,* атлас червчет, на ней запоны золоты с каменьем с алмазы с яхонты и с изумруды; у поднизи зерна гурмыцкие на золотых спнях[2], назади бархат черной; *тафья,* бархат червчат, у тафьи напереди запона золота велика четвероугольна репейчата; в запоне алмазы и яхонты червчаты, меж алмазов и яхонтов, но репьем и меж репьев финифты разные, да на той же тафье по сторонам и назади три запоны золоты репейчаты ж с алмазы, меж репьев и в репьях финифты разные; у тафьи[3] в верхней и в нижней кайме в золотых гнездах алмазы и яхонты червчеты и лалы и изумруды, обнизаны жемчугом середним; да у тафьи ж верхняя и нижняя кайма и около запон обнизана жемчугом гурмыцким большим; подложена тафтою лазоревою». В казне царевны Татьяны Михайловны находим *столбунец* соболий, обнизан жемчугом с запаны, в запане золотой лалы[4].

[1] *Викторов А. Е.* Описание.... – С. 222.

[2] В печатном ориг. 1854 г.: «сенях». – *Ред.*

[3] В печатном ориг. 1854 г.: «тафтьи». – *Ред.*

[4] Это небольшая шапочка, покрой которой виден из следующей записки: 1631 г. октября 30 скроена пятилетней [точнее – четырех с половиною лет] царевне Ирине: «шапочка *столбущом* соболья, вышина 2 $^{1}/_{4}$ верш., ширина 5 $^{1}/_{4}$ верш., наверху круг – камка серебряна по алой земле, 3 верш. с четью». Ср. шапочку царевича Алексея Михайловича, описанную выше, с. 565.

Детское платье царевен заключалось в тех же предметах, какие были в употреблении у взрослых, исключая только *кафтанца* – собственно детской женской одежды, подобной покроем мужской того же наименования, который шился иногда на турецкое дело, т. е. на турецкий образец. У царевны Ирины было таких кафтанов 36, в том числе два кафтана турских. У царевны Татьяны теплых и холодных кафтанов было 24. Из двух турских кафтанов царевны Ирины один подарен ей отцом, царем Михаилом в 1634 г., когда ей было только семь лет и в то время *«как она государыня начела учить часы».* Он описан следующим образом: «Кафтан турской, атлас серебрян, по нем круги шахматные, в них шелк червчет да зелен, меж кругов репьи шелк лазорев; а в них шелк червчет. На вороту 28 кляпышев, обделаны серебром с шелком с червчатым да с лазоревым, на рукавах у запястья по 4 пуговки серебряны; подпушен дорогами червчеты». Эти кафтаны, подобно *телогреям* и *шубкам,* надевались всегда на сорочку.

Ко второму платью, которое носили сверх этого, принадлежат *летник, роспашница* и *кортель*[1]. Летник – одежда с длинными и весьма широкими рукавами, которые назывались *накапками;* к концам этих рукавов, т. е. к запястьям, пришивали *вошвы* из золотных материй или из бархату и атласу, всегда богато низанные жемчугом и усыпанные драгоценными каменьями. Роспашница – тот же летник, сделанный распашным. Она застегивалась спереди пуговками. Кортелем назывался летник зимний, подбитый всегда мехом. При летниках царевны носили еще *приволоку.* У царевны Ирины была «приволока тафта червчета, вошвы по атласу по червчетому низаны жемчугом; а подается с летником большого наряда». Верхнюю одежду составляли летом – *опашень,* а зимою – *шуба. С* опашнем носили *круглое накладное ожерелье* из собольего или бобрового меха. В числе нижнего платья маленькие царевны носили *штаны,* обыкновенно тафтяные,

[1] См.: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 637–638, 642, 646.

червчатые, на беличьем меху. Обувь царевен, подобно царевичам, заключалась в чулках, ичедыках[1], башмаках и чеботах. Все это платье шилось также из богатых шелковых и золотных материй, а зимнее подкладывалось дорогими мехами.

По истечении года у дитяти *снимали первые волоски.* Царевне Ирине Михайловне снимала волоски в это время бабушка ее, *Великая старица инока* Марфа Ивановна, что и заставляет предполагать, что этот обряд исполняли только самые ближайшие родственницы или восприемники. О последнем можно заключить также из слов молитвы на *первое стриженые волос* у младенца, которую в это время говорил царский духовник[2]. Молитва эта находится в Требниках[3]. По совершении обряда особа, снимавшая волоски, благословляла ребенка золотым крестом с мощами[4].

Обычай снимать первые волосы наблюдался, по словам Татищева, и в его время между знатными людьми; но он

---

[1] В печатном ориг. 1854 г.: «в чулках и чедыках». – *Ред.*

[2] «7138 года (1630), марта 22, государеву духовнику благовещенскому протопопу Максиму, 10 аршин камки куфтерю желтой да сорок соболей, а пожаловал государь его за молитву, как *государю царевичу князю Алексею Михайловичу первые волоски снимали, он молитву говорил».* Расходная книга Казенного приказа. № 928.

«Лета 7140 Мая в 16 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому да дьякам Федору Панову да Ивану Грязеву, велети им дати государева жалованья государеву духовнику Благовещенскому протопопу Максиму три сорока соболей по 30 рублев, 2 пары соболей по 3 рубли, 3 пары соболей по 2 рубли, а *пожаловал государь его двумя сороки за причасное, а третьим за молитву как государыне царевне и великой княжне Анне Михайловне первые волоски снимали и он молитву говорил, а парами за славленье.* Подписал дьяк Гаврило Облезов, справил Ивашко Яковлев. По сей памяти соболи и пары взял государева духовник Максимов племянник Гаврило Домашнев, а относил целовальник». [Текст указа 16 мая 1632 г. издается по рукописному листку, вложенному в печатный ориг. 1854 г. – *Ред.*]

[3] Ниже у автора: «См. в Требнике молитву на постриги». Ср.: Потребник. – М., 1651. Л. 113 об. – «Молитва, на пострижете власом, отрочати». – *Ред.*

[4] Великая старица инока Марфа Ивановна благословила внуку свою и великую княжну Ирину Михайловну золотым крестом, *снимаючи с нее, государыни, волоски.*

говорит, что это *подстригание* совершалось по прошествии семи лет, и притом на седле со стрелами[1]. В современном деревенском быту детям также не стригут волос до году; в иных местах, когда мальчику минет год, стрижение волос делают с некоторою торжественностью: приносят седло, садят на него ребенка и подстригают ему волосы[2]. В Нерехотском уезде [Костромской губ.] это делают в именины младенца и для снимания волос призывают отца и мать крестных[3].

В Тульской губернии этот обычай наблюдается следующим образом: зажигают пред иконами свечу, ставят на стол хлеб-соль, сажают ребенка на угол стола или на лавку и, непременно на шубе, молятся все Богу и потом стригут волосы. У богатых за этим следует пирушка.

Нельзя не заметить сходства этого обряда с древними постригами; но там, сколько известно, обрезывание первых волос совершалось только у детей мужского пола по истечении двух, трех и четырех лет от рождения, следовательно, не в одно время, зато всегда с особенным торжеством и в соединении с другим обрядом – *сажания на коня*. В 1192 г. «быша *постриги* у великого князя Всеволода сыну его Георгеви (родился в 1188 г.) в граде Суждали; того же дня и на *конь ею всади*, и бысть радость велика в граде Суждали... В 1230 г. князь Михаил створи *постреги* сынови своему Ростиславу, Новегороде, у св. Софье *и уя влас архиепископ* Спиридон...»[4]. В 1301 г. ноября 8 были постриги у князя Михаила Тверского сыну его Димитрию. Гораздо позже постриги были совершены князю Юрью Ивановичу – сыну Иоанна III. Татищев говорит, что «по прошествии седми лет его на седле со стрелами подстригали,

[1] История Российская с самых древнейших времен... собр. и опис... В. Н. Татищевым. Кн. III. – М., 1774. – Прим. 553.

[2] Записки о старом и новом русском быте. К. А. Авдеевой. – СПб., 1842. – С. 138.

[3] Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских // Смесь. – 1846. – № 2. – С. 25 [статья священника М. Диева: «Некоторые черты нравов и обычаев жителей Нерехотского уезда». – *Ред.*].

[4] См.: *Погодин М.* Исследования, замечания и лекция о русской истории. Т. VII. – М., 1856. – С. 451. – *Ред.*

и на конь посадили, притом же люди знатные, власно как при крещении кумовья, бывали»[1].

Когда ребенок начинал ходить, то в помощь ему для наученья этому движенью употреблялись сначала *ходячие* или *походячие* кресла, а также и *потешные* кресла для катанья, а потом *водильный нагрудник*. В 1628 г. сентября 17 царевне Ирине Михайловне скроен нагрудник в тафте червчатой виницейке, тафты пошло 1 $^{1}/_{4}$ арш. да на простилку полфунта бумаги хлопчатой битой (№ 748). Царевне в это время было год и ок. 5 месяцев. В такой же возраст в 1636 г. скроен был нагрудник и царевне Софье Михайловне, тоже из червчатой тафты, но на подкладке из киндяку зеленого (№ 771). В 1651 г. июня 7 почти в тот же возраст скроен *потешный нагрудник* царевне Евдокии Алексеевне, «в чем ее, государыню, ходить учить», из такой же тафты с завязками и с тремя серебряными белыми пуговками (№ 996).

Нагрудник водильный царевича Ивана Михайловича, когда ему был год и 8 месяцев, в 1635 г., февраля 2, описан следующим образом: «тафта алая, длина аршин без полутретья вершка, ширина 4 верш.; *водилам* длина аршин с вершком, ширина водилам 4 верш.; на сторонах *петли,* ширина петлям 4 верш.». Положенный на полфунта хлопчатой бумаги, он застегивался шестью золотными пуговками (№ 1159).

В 1673 г. июля 20 царевичу Петру Алексеевичу скроен нагрудник «камка червчата травная», когда ему был год и ок. 2 мес. Потом ноября 4 ему скроен нагрудник «отлас червчат с тремя пуговицами серебряными золочеными с финифты». В 1674 г. октября 12 царевичу скроены *два нагрудника «*отлас червчат» и к ним куплены три пуговки золочены гладкие. А в с. Преображенском ему скроен нагрудник «тафта бела, пошло аршин» (№ 524). В 1674 г. марта 25 к нагруднику «отласному

[1] История Российская с самых древнейших времен... В. Н. Татищева. Прим. 553.

червчатому куплены три пугвицы серебряные золоченые». 1677 г. мая 15 «скроен нагрудник отлас желт в настилку бумага хлопчатая, три пуговицы серебряны золочены»[1].

Кресла *походячие* и *потешные* устраивались на четырех железных луженых колесах, настилались хлопчатою бумагою и обивались червчатым атласом и серебряным голуном. К походячим прибавлялись две помочи. Такие кресла, например, были сделаны в 1650 г. девятимесячной царевне Евдокии Алексеевне, в 1653 г. – того же возраста царевне Марфе Алексеевне, для которой в том же году была починена ее потешная *карета*.

В 1672 г. декабря 19, когда царевичу Петру Алексеевичу исполнилось ок. 7 месяцев, ему были устроены *ходячие* кресла. Затем 9[2] генваря 1673 г. ему снова обделывались *походячие* кресла, вероятно, те же самые, какие были деланы 19 декабря (№ 524), а 16 генваря ему же сделаны два стульца деревянных потешных, и потом ноября 9 делан также *стулец потешный* на колесах, сделанных из железа, меди и олова. В 1674 г. сентября 23 деланы четыре колеса медных под кресла царевича. В 1674 г. ноября 10 деланы к колесам медные шурупы под кресла царевича. 1677 г. июня 28 обиты кресла бархатом рудожелтым с голуном золотным широким[3].

В 1674 г. июля 9 у потешной *каретки* царевича обшиты ремни сукном багрецом, а 15 июля *каретка* починена стрельцом Петрушкою Щербаком.

В том же году августа 28 живописец Иван Безмин вновь золотил по гунфарбе какое-то *место* царевичу, на что употреблено 1000 листов сусального золота и фунт гулфарбы[4], всего на 11 руб. По-видимому, это было царское место.

Другого порядка *место* деревянное *седальное* в 1676 г. июля 27 было обито стамедом алым по ремням гвоздями луженными[5].

---

[1] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 9, 204, 206, 213.

[2] Там же. Т. I. – С. 202. – Генваря 15. – *Ред.*

[3] Там же. – Т. I. – С. 3, 11, 202, 214.

[4] Там же. – С. 11.

[5] Там же. – С. 17.

Такое *место* иначе называлось *судном,* какое было сделано еще в 1672 г., ноября 4, когда царевичу было только 5 месяцев. При этом употреблено 2 арш. сукна багрецу на *кровельное* сукно. Около того же числа ноября 1673 г. новое судно было обито атласом червчатым (пошло 5 арш.) с серебряным голуном с настилкою хлопчатой бумаги. В 1674 г. июня 15 опять обито такое место атласом червчатым и золотным голуном (20 арш.) (№ 524)[1].

Заботы о внешней материальной обстановке детского быта всегда сопровождались усердными заботами о сохранении детей святостию церковного устава.

Слабого ребенка, каким, по-видимому, родилась (1628 г. апреля 17) царевна Пелагея, приносили к причастию через шесть недель по рождении. Царевна Пелагея приняла Святые Тайны того же года мая 28. Причащал ее духовник Великой старицы Марфы Ивановны. Младенцы, пользовавшиеся добрым здоровьем, причащались, как можно судить по сохранившимся записям, через более продолжительное время по рождении. Царевна Ирина Михайловна приняла Святые Тайны с лишком через 10 месяцев; царевич Алексей Михайлович причастился через 4 месяца; царевна Анна Михайловна причастилась через полгода; царевна Марфа Михайловна – через 9 месяцев; царевич Иван Михайлович – через 2 $^{1}/_{2}$ месяца. Однако нельзя утвердительно сказать, что эти указания относятся к принятию причащения впервые после рождения, т. к. полных и точных записей по этому предмету мы не имеем. К причащению приносили детей в разное время по случаю различных обстоятельств их жизни. Царевна Пелагея, например, в 1628 г. причащалась 29 августа, сентября 14, октября 1,

[1] На особом листке, приложенном автором к оригиналу, добавлено: «1639 г. июля 9 взято с Казенного двора сукна багрецу червчатого в длину 2 арш., поперек 1 арш. Прибито то сукно в церкви у Евдокии Христовы мученицы в окне, где ставится царевич Алексей Михайлович, прибивал сукно дьяк Василий Прокофьев, его учитель (№ 966)».

19, 22 в обедню у Онофрея Великого, декабря 19; в 1629 г. генваря 6, 7 и 25 генваря она скончалась. Очевидно, что болезненный ребенок усердно охранялся святынею причащения. Обедня у св. Онуфрия указывает и свойство болезни, т. к. св. Онуфрию молились об избавлении...[1].

Царицыны расходы по случаю таких церковных служб бывали различны: государеву духовнику, который обыкновенно и причащал ребенка, царица жаловала рубль, местным попам – 5 алт. (15 коп.), или 2 гривны, или 25 коп., крестовым дьякам – 5 алт. Иногда всем давала рубль или полтину, иногда духовнику – полтину, а крестовым дьякам (6 чел.) – полполтины; или одному духовнику – 10 алт. и 20 коп., причем о других не упомянуто; царевича Ивана духовнику – 6 алт. 4 ден. = 20 коп.

Вообще эта молебная дача не превышала расходов в полтора рубля в самых щедрых даяниях.

И у малолетных царских детей также находился особый *крестовый* поп, несомненно, исправлявший молитвенные комнатные церковные службы и утренние и вечерние моления. В 1631 г. такой поп, Александр, состоял один у крестов двухлетнего царевича Алексея Михайловича и четырехлетней царевны Ирины Михайловны.

В детских хоромах совершались и некоторые праздничные службы, именно: царские часы в навечерии Рождества Христова и Богоявления, причем басистый дьякон по уставу кликал многолетие. В 1628 г. в навечерии Рождества и потом в 1629 г. в навечерии Богоявления на царских часах в хоромах царевны Ирины Михайловны, которой тогда было всего год и 8 месяцев, такое кликанье исполнял дьякон верховых, что у царицы на Сенях, церквей, за что и получил за каждое кликанье по 4 арш. сукна ценою в 2 $^{1}/_{4}$ руб. Таким же порядком это кликанье происходило и в 1629–1630 гг. тоже у царевны Ирины

[1] В оригинале пропуск. См.: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, с. 370, где указано, что к заступничеству св. Онуфрия, прославленного спасением от скоропостижной смерти, царицы прибегали в трудных и опасных случаях рождения, а также и в опасных безнадежных случаях детской болезни. – *Ред.*

вместе с царевичем Алексеем Михайловичем, которому в это время было только 9 месяцев. На этот раз за кликанье многолетия дьяконам было выдано вместо сукна деньгами по 2 руб.

Надо заметить, что кликанье многолетия совершалось особо в хоромах у государя и в хоромах у царицы.

В тот же Рождественский праздник государев духовник приходил к царице и к детям славить Христа и получал за это от каждого лица по паре соболей; от царицы и царевича в 3 руб. пара, от царевен в 2 руб. пара. Такие пары были розданы духовнику в 1630 г. от царевича Алексея (год и 9 месяцев), от царевны Ирины (3 года 8 месяцев) и от пятимесячной царевны Анны Михайловны.

Подобное славление духовника происходило и на Святой в Светлый праздник, когда духовник также получал пары соболей, в 1632 г. от царицы и царевича в 3 руб. пара; от царевен Ирины, Анны и даже от семимесячной царевны Марфы по 2 руб. пара.

Такое же славление происходило и 29 марта 1633 г. Духовник тогда получил и за икосы зуфь ценою в 7 руб.

По разным случаям детской жизни царица водила детей или к обедне, или только к молебну не только в верховые придворные церкви, но и в приходские. В ноябре 1628 г. по какому-то случаю в день празднования св. Георгию 3-го числа царица с царевною Ириною (год и 6 месяцев) ходила к Егорью, что у Фроловских ворот, и слушали там обедню и молебен и на молебен царица велела дать от себя рубль, а от царевны полтину. Потом в празднование св. Георгию, 26 ноября, царица опять с царевною слушала обедню и молебен у Рождества Богородицы на Сенях. На молебен пожаловала черному священнику, который служил обедню, полтину, Рожественскому протопопу с братнею полтину, крестовым дьякам полполтины. св. Георгию молились...[1]

[1] В оригинале пропуск. Ср. статью И. М. Снегирева: О старинном барельефе, изображающем святого великомученика и победоносца Георгия, и о времени, когда сей святый вошел в Герб Российский (Прибавление к Московским Губернским Ведомостям. 1842. – № 19. – С. 409), где указано, что Церковь наша прославляет св. Георгия как пленных свободителя, нищих защитителя, *царей поборника. – Ред.*

В 1629 г. августа 1 царица, возвращаясь из с. Рубцово с четырехмесячным царевичем Алексеем Михайловичем, останавливалась у св. Георгия и служила молебен и пожаловала Егорьевским попам на молебен 2 руб.

В 1629 г. февраля 14 царевна Ирина Михайловна (год и 10 месяцев) с бабушкою, великою старицею Марфою Ивановною, ходила молиться в с. Рубцово (Покровское), а с нею, государынею, в с. Рубцово, к Покрову Богородицы на молебен, отпущено 2 руб.

Точно так же царевна, по записи расхода как возрастная самостоятельная личность, в 1630 г. декабря 13 ходила молиться с бабушкою в то же село, причем было роздано на милостыню 18 бедным детям боярским по полугривне, всего 30 алтын (90 коп.). Не в это ли время царевна Ирина получила с. Рубцово-Покровское в вотчину?

В Светлый праздник государь и царица со всеми и грудными детьми слушали раннюю обедню и молебен в дворцовой Екатерининской церкви 1 апреля 1632 г.[1]

Так еще с пеленок царские дети вводились в круг церковного устава.

О порядке каждодневной жизни царевичей дает краткое свидетельство запись о последнем дне жизни убиенного царевича Димитрия: «Того дни царевич поутру встал дряхло с постели своей и глава у него, государя царевича, с плеч покатилася. И в четвертом часу дни царевич пошел к обедни и после моления у старцов Кирилова монастыря образы принял. И после обедни пришел к себе в хоромы и платеицо переменил. И в ту пору с кушеньем взошли и скатерть наслали. И Богородичен хлебец священники выняли. А кушал государь царевич одиножды днем, а обычей у него, государя царевича, был таков: по вся дни причащался хлебу Богородичну. И после того похотел испити и ему, государю, поднесли испити, и, испив, пошел с кормилицою погуляти и в седмый

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 542, 559, 597, 620–621, 647, 654, 688, 748, 750, 802.

час дни как будет царевич противу церкви царя Константина и по повелению изменника злодея Бориса Годунова приспе душегубцы ненавистники царскому корени Микитка Кочанов да Сенка Битяговской кормилицу его палицею ушибли, обмерьтвев, пала на землю. А ему, государю царевичу, в ту пору, киняся, перерезали горло ножом...»[1].

Все это богатство, шелковые и золотые ткани, дорогие меха, жемчуг и драгоценные каменья, все это своего рода великолепие, которым дети государя были окружены с самых первых дней, служило только блистательным ярким покровом самого, можно сказать, простонародного деревенского порядка их начального воспитания[2].

Теперь мы остановимся на детских забавах, играх и игрушках, которые в то время известны были вообще под именем *потех, потешек.* Эти потехи и потешки были весьма разнообразны. Они во многих отношениях служат верным зеркалом, верною характеристикою старины, обличают тогдашние вкусы, раскрывают новые, дотоле малоизвестные стороны древней жизни и вообще представляют такие черты, посредством которых понимание древнего быта получает более ясности и определенности.

В царском быту детские игрушки и разные детские потехи большею частью покупались у торговых людей в овощном, пряничном и *потешном,* т. е. игрушечном, городских рядах и в лавках у иноземцев; весьма часто они изготовлялись также дворцовыми мастерами, токарями-

[1] О последнем дне жизни царевича Димитрия добавлено по оригиналу, найденному в бумагах автора; место, где автор предполагал поместить данный отрывок, им не указано. Источником послужила автору рукопись из его собрания – № 114 (в настоящее время принадлежит Историческому музею). – *Ред.*

[2] В печатном ориг. 1854 г. обзор игрушек непосредственно следовал за обзором детского платья; все, печатаемое между двумя помянутыми обзорами, добавлено автором. – *Ред.*

станочниками, живописцами и др., как увидим ниже. Сведения об этих игрушках и потехах, собранные нами, дóлжно заметить, с большим трудом, предлагаем здесь в виде перечня и большею частью словами текста, что, по нашему мнению, совершенно неизбежно в первоначальной разработке материала. По крайней мере передававшийся в таком виде материал всегда носит на себе печать полной достоверности первоначального источника.

Сам государь Михаил Федорович заботился о детских игрушках и иногда приобретал их у торговых немцев. В 1630 г. генваря 17 от государя из хором принес Федор Степанович Стрешнев немецкого дела *потеха-сад,* сделано в дереве в немецком в черном: древеси[1], а на древесах птицы всякие; а сказал, что тое потеху указал государь держать в Царицыне казне, и генваря 19 сию потеху к царице в хоромы отнес Федор Степанович Стрешнев (№ 751). Потеха, по всему вероятию, назначалась для трехлетней царевны Ирины.

1635 г. генваря 31, в субботу перед Масляницей, во время выезда царицы Евдокии Лукьяновны Богу молиться к Спасу на Новое роздано детям боярским, которые ее сопровождали, 97 коп. для покупки по дороге игрушек, «а они на те денги купили потехи: птичек коженых и баранчиков деревянных и жбанцов и горшечков и мячиков и колокольчиков и иных всяких потех в хоромы на потеху государским детям». По возрасту царевичам было: Алексею – ок. 6 лет, Ивану – 1 $^{1}/_{2}$ года; царевнам: Ирине – ок. 8 лет, Анне – 4 $^{1}/_{2}$ года, Софье – 4 $^{1}/_{2}$ месяца.

Февраля 2 к царице в хоромы куплено еще всяких разных потех на 77 коп.

Мая 18 москотильного ряду за пять колокольцов медяных вольяшных да за кожу и за клей 45 коп. В колокольцах и в коже деланы царевичам и царевнам потешные *мячики.*

Мая 26 в государеве походе в с. Рубцове окольничий Федор Степанович Стрешнев купил царице в хоромы на 33 коп.

[1] Так в оригинале, может быть, следует читать: «древеса». – *Ред.*

колачиков сдобных, а мая 27, как царица пошла из Рубцова к Москве, ее боярский сын купил сдобных колачиков на 6 коп., которые и взяты к ней в возок. Сентября 21, когда царица пошла молиться к Троице, по именному ее приказу для их государских чад на дороге и Москве еще куплено всяких потех на 63 коп.

У Троицы сентября 25 царица купила у крестьянина Якушки Семенова 12 братинок красных, по 3 коп. братинка; 5 братинок по 4 коп., 2 братинки да 6 ложек красных 18 коп.

Ноября 26 торговым людям, что на Покровке, Любимку Микитину да Микифорку Фофанову с товарищи, за «*колачики пшеничные сдобные*, и за *тортые* [sic], и за яблока садовые, и за резань; да за потехи за немки, и за коники, и за ястребцы, и за петушки, и за баранчики деревянные, и за коточки мурамленые, и за ножечки черенье с костьми слоновыми, да за сани, и за топорки оловянные, и за иные за всякие разные *потехи* 2 руб. 78 коп. дано 26 ноября, деньги взяли сами; потехи взяты государям царевичам и к государыням царевнам в хоромы для потехи ноября в 22-м числе, как государыня царица шла к Москве из с. Рубцова.

1635 г. декабря 4 царица ходила со своими государскими чадами молиться в Ивановский и в Знаменский монастыри и по дороге купила детям потех *горшечков* и *колачиков* на 12 коп. Декабря 15-го царица «ходила молиться к Спасу на Новое и по ее государынину приказу торговым людям за потехи за сани деревянные резные, и за мужики резные ж, да за немочки деревянные, да за баранчик, всего 70 коп. Санки и немочки и баранчик взяты в возок к государыне царице для потехи их государских детей».

1636 г. сентября 21, как царица пошла в Троицкий осенний объезд, и на дороге для их государских чад куплен *потешный* возок с коньми деревянными. Тогда же куплено всяких потех на 20 коп.

1637 г. сентября 21 царица пошла к Троице, и по дороге куплено для государских детей колачиков, и орехов, и ягод, и моркови, и репы на 24 коп.

1637 г. сентября возвратившись от Троицы, царица пошла в с. Рубцово и по ее приказу куплено для потехи государским детям моркови и репы и орехов на 14 коп.

Такова была, можно сказать, деревенская, крестьянская простота царского быта, всенародная простота его обычных потребностей и вкусов. Царские дети, как и дети деревенские и посадские, утешались тою же морковью и репою, орехами и ягодами, яблоками-резанью и колачиками сдобными и тертыми, покупаемыми мимоездом на торговых площадях, в лавках у походячих торговых людей. Тут же покупались и простонародные игрушки различных видов и наименований, кому что нравилось, для детской забавы.

Но само собою разумеется, что игрушечная статья царского быта хотя и значительно пополнялась покупками в торговых рядах, но большею частию изготовлялась дома царскими мастерами, украшавшими такие игрушки не попростонародному, а как подобало в царских хоромах для государевых детей – более богато, красиво и великолепно.

Надо заметить, что особый род игрушек появлялся у царевичей и царевен в то время, когда они находились еще в пеленках. Это были дары, по обычаю обязательно приносимые новорожденному от разных лиц служебных и неслужебных, начиная от самого государя и его семьи, продолжая боярским сословием и оканчивая посадскими обывателями. Главным образом такие дары заключались в серебряных сосудах и других дорогих вещах, в замысловатых предметах немецкой, вообще заграничной работы, каковы были кубки, росольники, фигуры кораблей, людей, птиц и разных животных. Эти дары потом служили основанием особой *казны* каждого ребенка.

В *казне* восьмилетней царевны Ирины Михайловны находились следующие игрушечные вещи, подаренные ей в разное время отцом-царем и матерью-царицею, дедом, патриархом Филаретом, и бабушкою, инокою Марфою Ивановною, а также братом, царевичем Алексеем Михайловичем: «*Змей* золот крылат с финифты разными. У змея в голове изумруд

четвероуголен, в очах две искорки яхонтовые; во рте держит человечью голову... И тот змей отнес к царевне Ирине Михайловне для потехи в хоромы Василий Иванович Стрешнев. – *Немка* серебряна золочена, у ней в руках братина. – *Немка* серебряна золочена, у ней в руках сосудец с кровлею. – *Немка* серебряна золочена, у ней в руках лохань. – *Немка* серебряна золочена, у ней в руках ведро. – В серебре сделано и позолочено: *мужик* с лошедью и с сохою. *Кораблик* серебрян золочен на колесах. И в 1633 г. февраля 12 сесь кораблик пожаловал государь сыну своему царевичу Алексею Михайловичу. И того ж дни сесь кораблик пожаловал государь опять царевне»[1]. *Колокольчик* серебрян золочен.

И 1633 г. сентября 6 сесь колокольчик пожаловала царица сыну своему царевичу Ивану Михайловичу: «*Попугай* серебрян золочен на стоянце. Тем попугаем челом ударил государев серебряной мастер Гаврило Овдокимов. – *Телец* серебрян золочен на столице. Тем тельцом челом ударил Василий Иванович Стрешнев. – *Птичка* серебряна золочена на столице. И 1629 г. декабря 7 сее птичку взял и отнес к царевне (двухлетней) Федор Степанович Стрешнев. – *Кубочек* серебрян золочен с финифты с разными, на верху птичка. Челом ударила боярыня княгиня Ивана Борисовича Черкасского Авдотья Васильевна. И тот кубочек для потехи иман в хоромы, а из хором выдан – у того кубочка птичка сломлена».

Кроме описанных хранились в царевниной казне также серебряные: олень, левик, баран, два возка и обычные сосуды детской величины: кубочки, кружечки, братинки, бочечка и т. п., в том числе *скляница*[2], а в ней цветы разные, на столице серебряном.

Из обычных сосудов в казне царевны сохранялась чарка деревянная без пелюсти; венец серебрян золочен, в венце два камени лазоревы да два зеленые. На венце подпись:

[1] В оригинале добавлено: «Описан у царевны ниже», см. в обзоре игрушек царевен. – *Ред.*

[2] На поле оригинала: «скляные от Филарета»; см. выше, с. 542. – *Ред.*

«Божиею милостию царь и великий князь Иван Васильевич, государь всеа Русии»[1].

У царевича Алексея Михайловича (1640 г.) в *казне* хранились: «*Пистолетик* золот навожен финифты на чепочках с кольцом, осыпанный червчатыми яхонтиками. На ложе и на яблоке и у ствола в гнездах искорки яхонтовые»[2]. «*Птица* яйцо струцово (строфокамилово). Голова, шея, крыле, хвост, ноги и поддон серебряно резное... Птица во рте держит подков лошадиной серебрян. Царевичу челом ударил боярин князь Борис Михайлович Лыков на его родинах в 1629 г. *Кораблик* на поддоне серебрян золочен: по сторонам у него две ехидны, у стоянца три ехидны... *Корабль* сер. золоч. с тремя парусы, на трех шоглах прапоры цветные. В корабле 10 чел. литых серебряных, на лесницах 6 чел., на верху у шегл 2 чел. серебряных, литые. Царевичу челом ударила боярыня княгиня Настасья Никитична, жена князя Бориса Михайловича Лыкова на родинах в 1629 г. – *Лев* на поддоне, в передних лапах держит змею. Челом ударили аглинские земли гость Фабин Ульянов с товарищи в 1629 г. *Конь* сер. золоч., муштук и поводы серебряны белы. Челом ударила княгиня Настасья Никитична Лыкова в 1629 г. – *Единорог* на поддоне – челом ударил Микита Иванович Романов»[3].

В числе такой *казны* у пятилетнего царевича Ивана Михайловича находились: золотая ароматница; золотой змей; серебряные: немка, кораблик, чеботок; кубочек стеклянный, а в нем на спни (винтике) повертывается барашек; скляница потешная, а в ней люди играют в мусики, да виноград (сад) и птицы; разные маленькие стеклянные сосуды: оловенички (кувшинцы), братиночки, фляжки, кубышечка, четыре булавы, два чекана (молотки) и др.; левик раковинный с золотою цепочкою; ящик деревянный, а в нем сделана немецкая рота вощаная; ящик, а в нем птица павлин, да около его птички[4].

---

[1] *Викторов А. Е.* – Описание... – С 297–298, 307.

[2] Боярин Иван Никитич Романов на крестинах царевича 22 марта 1629 г. поднес два пистолета маленьких, из которых один здесь описан.

[3] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 28–30.

[4] Там же. – С. 198–199.

Нередко, как отмечено выше (с. 588), такие вещи переходили из одной детской в другую детскую казну по распоряжению родителей, даривших эти вещи тому или другому ребенку или по кончине одного передавали его вещи в наследство другому. Из казны вещи вносились в хоромы для потехи и снова отсылались в казну на хранение.

Одною из первых и самых значительных игрушек для царевичей был *конь потешная лошадка* – не кукла, а потеха сравнительно большого размера, отвечавшая возрасту годовалого ребенка, так что он мог садиться на этого коня. Такого коня обыкновенно изготовляли именно к годичному возрасту ребенка. Царь Михаил Федорович озаботился приготовить этого коня дорогому сыну, царевичу Алексею Михайловичу, еще в то время, когда ребенку шел одиннадцатый месяц. Конь был или куплен готовый у немцев, или был заказан для работы немцам же. Он описан следующим образом: «22 генваря 1630 г. от государя из хором принес Федор Степанович Стрешнев царевичевы потехи *конь* немецкое дело, делан на столице на деревянном; на коне седло и войлуки оболочены бархатом червчатым рытым; узда и паперсть и пахви и ременье объяринные – оковано медью луженою; стремяна меденые ж лужены, покровец на седле камка двоелична мелкотравна немецкая. Генваря 23 сей потешный конь к царице в хоромы отнес Федор Степанович (Стрешнев)» (№ 751).

Подобный конь был и у двухлетнего царевича Ивана Михайловича, что видно из записки 1635 г., в которой упомянуто, что «скроены царевичу Ивану Михайловичу к потешной к деревянной лошадке к стременам путлища атлас червчат». Эти кони оставались в числе потех до полного возраста царевичей. В 1672 г. августа 13 царевичу Федору Алексеевичу, когда ему было уже 11 лет (род. в 1661 г.), стрелец Петр Микулин починивал ему потешную лошадь деревянную, украсив ее простыми каменьями (стекловатыми), а также сусальным

золотом, и серебром, и красками. В том же году, декабря 13, сделана была шестилетнему царевичу Ивану Алексеевичу к деревянному коню грива. Быть может, упомянутый починенный конь царевича Федора готовился в дар царевичу Ивану, почему упомянута и сделанная грива.

Когда в 1673 г. царевичу Петру Алексеевичу исполнился год его возраста, ему также стали готовить потешного коня в богатом уборе, о котором подробности мы помещаем в главе о Детских годах Петра Великого, см. ниже, гл. IV.

Тем же обычаем в 1691 г. декабря 1 было повелено изготовить и девятимесячному царевичу Алексею Петровичу «коня деревянного потешного вышиною в аршин, длиною по размеру, и оклеить атласом дымчатым; и на того коня седло на немецкой или на гусарской образец, а покрыть то седло и крыльца и тебеньки сделать бархатные червчатые и оклеить кругом голуном серебряным гладким, как пристойно. Подпруги и пристуги и к стременам пуслища тесмянные шелковые цветные; узду и паперсть и пахви тесмянные ж алого шелку; муштук железной посеребряной; пряжи и запряжники и наконечники к узде ж и к паперсти, и к пахвям, к подпругам и к пристугам и к пуслищам – серебряны; стремена железные посеребряные прорезные по размеру; потники обшить бархатом и острочить кругом голуном и снуром золотным; чепрак и покров сукна алого кармазину доброго с бахрамами и с кружевом на немецкой образец, подложить тафтою алою. Прикрепить того коня на доске столярской, а под доску подделать четыре колеса железных потайных. Да у того ж коня велено сделать гриву и хвост из кониной гривы и хвоста». 7200 г. (1691 г.) декабря 20 этот конь со всем нарядом был подан в хоромы царевичу, где и приняла его мама царевича Прасковья Алексеевна Нарышкина.

Возможно предполагать, что этот крепкий обычай изготовлять годовалому ребенку потешного коня оставался памятником древнейшего обычая и обряда сажать ребенка на живого коня, о чем мы говорили выше [с. 578]. Игрушка подготовляла к обряду или служила прообразом будущего обряда.

Знатного коня окружали разнообразные обычные, так сказать, своенародные игрушки, какие покупались на торгу и по тем же образцам в лучшем виде делались дома в дворцовых мастерских. Тут были деревянные коники, барашки, козлики, разнородные птички в клетках и без клеток, голуби, ястребцы, звери львы, медведки, мужички, петушки, немки (куклы), деревянные и глиняные различные сосуды, игрушечные братинки, ковшики, стаканы, чашки и чарки и т. п.

Нередко устраивались детям малым и большим особые необычные игрушки.

В 1637 г. апреля 8 восьмилетнему царевичу Алексею Михайловичу прапорщик немец Анц Вестволь делал в воску и в красках, каковы бывают виноградные цветы, и виноградъ, и лимоны.

В 1675 г. царевичу Федору Алексеевичу, которому было уже 18[1] лет, сделана *потешная баба* «деревянная нарядная, в кике низаной с каменьем, и с пелепелы, и с рясы; и серги, и ожерелье низаное с каменьи ж; и зарукавье низаное с каменьи ж, в летнике и шубке – кукла в полном тогдашнем наряде.

Иногда такие необычные игрушки-потехи, особенно заморские, покупались у торговых немцев. В 1666 г., когда царевичу Федору было 9[2] лет, для него куплено у торгового иноземца Фредрика Брыкаря медведок, который бьет в барабан, за 30 руб. да разных образцов птичек немецкого дела на 9 руб. Судя по значительной цене, дóлжно полагать, что медведок и эти птички отличались каким-либо особым механическим устройством. Когда царевич Федор Алексеевич уже царствовал, в 1680 г. в ноябре ему куплен у часовщика иноземца Ивана Яковлева *потешный человек,* сделан из ярого воску в немецком платье с соколом, за 15 руб.

[1] Так в оригинале; см. выше, с. 565, прим.; ср. также с. 591. – *Ред.*

[2] Ср.: Там же. – *Ред.*

Самым полным списком разнородных игрушек может служить заготовление игрушек в разные годы для царевича Алексея Петровича.

В 1693 г., когда ему было только три года, куплено для него в разных месяцах и числах разных *потешек:* «городок с походячими мужичками, страменцы, на кругу строй мужичков, собачка с медведком, строй стрелецкий с барабаны и знамены, коляска, шатрик с беседкою, меленка, шатрик, лошадка с мужичком». Кроме того, в том же году куплено: «октября 13 две коляски да охотник со зверем; ноября 5 две птички с *пикулями* да птички ж в дву гнездах заморского дела; ноября 6 городок с походячею куклою, с конком да с собачкою, да городок же, да полукаретка, да страменцы; ноября 7 иноземец Иван Ган делал царевичу городок костяной с боляски, в том городке беседа кукол немецких потешных. Ноября 9 в с. Преображенском куплено потешек: шатрик с конками, собачка походячая, немка, что толчет в ступе, две немочки с лоточками 2 руб. 6 алт.; ноября 15 городок потешный с беседками 1 руб.; ноября 29 коровка красна, три пряхи, старочка, коляска, паникадило стеклянное, два лампадца 3 руб. 11 алт.; ноября 29 мельница с толчеями 3 руб., мельница с коровками да с голубями, 2 руб. 16 алт., беседка, что учатца грамоте, городок с беседкою, что посередь городка вертится круг, коретка с конями да с людьми; декабря 1 отдано было в починку заново потешная беседа – семь личин резных деревянных да шатрик; декабря 15 куплено из ряду две потешные черепашки; декабря 20 корова, *Полкан* богатырь, львы с птицами, козелки бьютца, две бабы пряхи; декабря 24 городок с беседкою; декабря 29 башня с тремя беседками[1].

[1] Автором добавлены сведения, относящиеся и к более раннему заготовлению игрушек для царевича, именно к первому году его жизни (род. 19 февраля 1690 г.): «198 г. апреля 16 выточить тотчас 20 яиц деревянных против голубиных, 10 поменьше голубиных». «198 июля 10. Окольничий Михайло Тимофеевич Лихачов с товарищи приказали *блюдо глубокое* деревянное точеное, которое точил в хоромы Благоверному Государю Царевичу и Великому Князю Алексею Петровичу – токарного дела мастер Тимофей Федосов, написать с лица и изнутри по красному золоту травы чернилами, в средине в клейме орел двоеглавой с коронами и где пристойно росцветить баканом и ярью виницейскими самым добрым мастерством, незамотчав». – *Ред.*

В 1694 г. царевичу куплен, января 6, потешный городок с башнями. Января 11 иноземец костяного дела мастер Иван Ган сделал беседу потешных кукол со страментами, о средине столик; куклы были убраны серебряным кружевом и лентами, сделаны февраля 10. Января 12 куплена беседка с попом; февраля 6 городок с полковником и с кузнецами; февраля 9 мужик с страменцы и с походячими куклы; марта 13 городок с коньками; марта 16 кузнецы, коляска с немками; марта 25 псари с походячими собаками; июня 1 костяная резная коретка; июня 3 потешный городок с полком; августа 13 потешная палатка с мельницею, что толкут порох, да кузнецы; сентября 14 псари с собачками с походячими, роженица, ткалья, две пряхи, потешный городок с медведем, потешная родильница с чердаком, потешные секачи, что на колесе, беседка и мельница с жерновами.

В 1695 г. марта 4 куплены царевичу потешки: Полкан, Бова королевич, олень с рощею, лось с бораном, беседка свадебная, корова, две птицы, гриф, сирин, пряха с ткальею.

В 1696 г. августа 8 сделаны три колодезя потешных брусяных, расписанных красками, в том числе один кругом по чети аршина, в вышину по размеру, у него на доске утвержден *очеп,* другой поменьше того, над ним *колесо* с рукоядьми; третий кругом в 3 верш., над ним *ворот* длинный с рукоядьми, к ним деревянные ведра на снурах шелковых.

В 1697 г. апреля 18 куплена потешная нарядная верба. Мая 20 мама царевича, Прасковья Алексеевна Нарышкина, приказала сделать ему *«пустыню* столярскую, мерою в длину и в ширину по три чети аршина, кругом балясы точеные, о средине келью, в углу часовню, в другом колодезь; круг баляс поставить древеса; келью и часовню и колодезь и балясы расписать красками, как пристойно». В 1695 г. декабря 19 подобным же образом устроен был потешный столярный чулан с дверью. Июня 3, 1697 г., отдан был в починку голубь потешный деревянный оклейной, в перьях.

Качели на Святой и в летнее время, зимою *санки* и *салазки* при катанье с гор сопровождали игры детей от малых и

до больших лет. Царь Алексей Михайлович пяти лет, его сын царевич Алексей Алексеевич четырех лет уже качались на качелях, веревки которых и седелки обыкновенно обшивались бархатом, а иногда сукном червчатым. Точно так же царь Алексей Михайлович четырех лет, а сын его Иван Михайлович[1] по третьему году катались уже в салазках и санках, которые, кроме сукна, обивались также и мехом куниц.

В записках 1635 г. упоминается еще о *потешной своре,* которая была сделана из шелку для царевича Алексея Михайловича (6 лет) и которая заставляет думать, что царевич играл и в псовую охоту.

Любимою игрушкою были также *мячики,* появлявшиеся в детских потехах в очень раннее время, как только ребенок начинал смыслить. Для четырехмесячной царевны Ирины Михайловны 1627 г. августа 22 было изготовлено из сафьянных лоскутьев семь мячиков с бубенчиками внутри. Но, конечно, с возрастом ребенка мячик становился особенно любимою игрушкою. Царь Алексей Михайлович четырех лет играл в мячики, а трехлетнему его сыну, Симеону Алексеевичу, в 1668 г. мая 16 сделано было двадцать мячиков в бархатах гладких, в алом, в червчатом, в зеленом, в голубом; потом 19 августа сделано еще 10 мячиков «бархат виницейский по серебряной земле морх рудожелт». Мячики сафьянные, бархатные и золотные и др. набивались хлопчатою бумагою и украшались серебряным или золотным голуном; в средину их клали медные круглые колокольчики, т. е. бубенчики.

Царевичи тешились также спусканием *волчков* и *вертушек* и гоняли *кубари.* В 1676 г. апреля 23 живописцу Ивану Салтанову велено было выписать красками потешные волчки для четырехлетнего царевича Петра Алексеевича.

Царевичу Алексею Петровичу на первом же году его рождения для его забавы сделано было три волчка, один из дерева немецкого чипрасу, а два из кленового, позолочены и посеребряны. Для их спуску куплен снур шемаханского шелку с

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

тремя петлями, концами и средниками и перевит золотом пряденым. В 1696–1697 гг., когда царевичу был седьмой и восьмой год, в разное время живописцы позолотили и частию прикрыли киноварем 19 волчков, 23 вертушки и 39 кубарей.

Из розыскного дела о смерти царевича Димитрия Ивановича видно, что царевичи играли в *тычку* или в *свайку* через черту ножом или в кольцо. Царю Алексею Михайловичу, когда ему шел другой год, в 1630 г. в серебряном ряду куплено три серебряные *свайки,* которые и поданы в хоромы для потехи. Царевич Федор Алексеевич 10 лет в 1671 г. сентября 18 играл в свайку прорезную с кольцами, которая в то время была посеребряна.

В числе детских потешек являются между прочим и *шахматы,* которые, по всему вероятию, не как глубокомысленная игра, а как игрушка кукольного отдела немало нравилась детям. У каждого царевича бывало несколько шахматных игр, и, кроме того, им часто делали и даже покупали в рядах новые. Делали шахматы из слоновой и из рыбьей (моржовые клыки) кости; шахматные доски расписывались красками, золотом и серебром, наводились золотом и костяные фигуры. По седьмому году царь Алексей Михайлович уже имел несколько шахматных игр. В 1636 г. генваря 4 в овощном ряду ему куплены шахматы деревянные и с досками за 10 коп. Там же генваря 13 куплены «трои шахматы костяные также с досками». Генваря 20 токарь Оружейного приказа доделывал царевичу шахматы белые рыбьи, которые поистерялись, и наводил золотом. В 1676 г. живописец Иван Салтанов расписывал красками, золотом и серебром шахматцы маленькие для четырехлетнего царевича Петра Алексеевича.

Для четырехлетнего царевича Алексея Петровича в 1694 г. было приказано сделать доски шахматные, длина и ширина по полуаршину, и расписать по серебру красками; на другой стороне написать птички. В 1696 г. ему же написаны по двойному золоту и серебру разными красками на доске, на одной стороне игра шахматная, а на другой – тавлейная. В 1699 г. писаны ему же две доски – бирки да саки, да до-

ска – гусиная игра, на другой ее стороне саки. Таким образом, кроме шахмат существовали еще однородные с ними игры: *тавлеи, бирки, саки* (шашки?) и *гусиная игра*. Бирки делались также из слоновой кости числом 30 и разделялись на черные и белые. Что шахматы в детских потехах употреблялись как кукольные игрушки, на это отвечает следующая запись: в 1660 г. октября 2 в хоромы шестилетнего царевича Алексея Алексеевича взнесено 12 коней белых и черных, выбранных из разных шахмат польского дела.

Рядом с шахматами и их сверстниками – тавлеями, бирками, саками – являются в детских игрушках и *карты,* немецкие, а также собственного изделия, простые и молотковые, которыми торговали в овощном ряду. В 1633 г. ноября 3 там куплены четырехлетнему царевичу Алексею Михайловичу карты немецкие за 11 коп. В 1635 г. генваря 13 ему же куплены двои карты молотковые за 5 коп.; марта 8 ему же куплены еще «двои карты молотковые за 5 коп. да двои простые за 4 коп.» В 1674 г. июля 9 13-летнему царевичу Федору Алексеевичу написана *потешная игра карты* по золоту цветными красками; писал иконник Никифор Бовыкин. Карты, следовательно, изготовлялись и дворцовыми мастерами. Для малолетных детей карты представляли своего рода картинки, почему равнялись с *потешными* писаными и печатными *листами,* т. е. с настоящими картинками, которые в детском быту появляются для потехи в одно время с картами. Царю Алексею Михайловичу, когда ему шел шестой год, куплены в 1634 г. июня 16 в овощном ряду *немецкие печатные листы,* а потом через полгода, в 1635 г. генваря 9 в том же ряду еще куплено 32 листа писаных *немецких* и *русских* за 50 коп.

От картинок близок был переход и к потешным книгам, о которых будем говорить впоследствии [см. гл. III]. Здесь же отметим, что в 1673 г. мая 10–13, когда царевичу Петру Алексеевичу невступно был год его возраста, 6 чел. иконописцев в упомянутые три дня писали ему в Набережных хоромах *потешную книгу,* которая 16 мая была переплетена[1].

[1] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 5.

Детские забавы не были лишены и разнородных музыкальных инструментов. В 1634 г. генваря 7 царю Алексею Михайловичу на пятом году его возраста в домерном ряду были куплены две *домры* да *рыле* за 66 коп. На тринадцатом году его возраста в 1642 г. генваря 9 в лапотном ряду ему для потехи куплен *гудок* за полтину. Гудок – скрипка; домра – род гитары. Быть может, это имя превратилось в имя *торбан* – инструмент того же склада со множеством струн. Рыле – лиры, о которых поляк Маскевич говорит, что этот инструмент похож на скрипку, только вместо смычка употребляют колесцо, приправленное посредине. Одною рукою кружат колесцо и трогают им струны снизу, другою прижимают клавиши, которых на шейке инструмента находится около десяти; каждый придавленный клавиш сообщает струне звук тонее. Впрочем, играют и припевают на одну только ноту[1]. Точно так рыле описаны и в старом Академическом Словаре[2]. Доселе этот инструмент ходит еще в Малороссии.

Это были, так сказать, своенародные музыкальные инструменты. Домра упоминается еще во времена Святослава Ярославича, в XI столетии, при св. Феодосии Печерском. К этим инструментам мало-помалу стали прибывать и западные немецкие страменты с именами цымбал, клавикордов, арганов и т. п.

В царском быту в XVII столетии подобные инструменты в детских потехах стали появляться только в половине упомянутого столетия. В 1662 г. июля 11[3] для царевича Алексея Алексеевича были посеребряны листовым серебром маленькие *арганы,* а в 1666 г. ноября 22 царевичева шкатулка, что с *цынбальцы,* была украшена кружевом кованым золотным.

По-видимому, особенно любил такие инструменты царевич Федор Алексеевич. В числе игрушек у него были нем-

[1] Сказания Современников о Димитрии Самозванце. Ч. V. – СПб., 1834. – С. 61.

[2] См.: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V. – СПб., 1822. – С. 1115. – Рылѣ-лей. – *Ред.*

[3] *Викторов А. Е.* Описание.... – июня 11. – С. 433.

цы, что стоят на деревянном черном ящике и играют, которые были починены в 1670 г. ноября 19 и в 1672 г. июля 15. В 1673 г. ноября 1 органист Симон Гутовский починивал царевичу *цынбалы* в черном дереве. Тот же мастер в 1674 г. марта 1 чинил царевичу *цынбальцы самоигральные* потешные и августа 9 починивал *клевикорты.* 1675 г. июня 11 к *страментам* царевича сделан ящик аспидный зеленый, т. е. раскрашенный под мрамор. В том же году мая 28 боярин Артамон Сергеевич Матвеев поднес царевичу в числе других даров *клувикорты* да две охтавки, вероятно, хорошо зная любимую охоту царевича. В том же 1675 г. августа 8 в Оружейной палате царевичу золотили и серебрили и писали красками арганы потешные, вновь тогда устроенные. Надо заметить, что царевич в эти годы (1670–1675) был уже возрастным – 13–18[1] лет. Упомянутые починки инструментов показывают, что потехи с музыкою продолжались с особым усердием.

В числе забав у двухлетнего царевича Петра Алексеевича в 1674 г. находим *клевикорды, цынбалы* немецкого дела, *цынбальцы* книжкою и потом в 1675 г. *страменты* потешные со стальными иглами.

Детство царя Алексея Михайловича, по-видимому, совсем не знало таких заморских инструментов и удовлетворялось старинными своенародными инструментами, каковы были упомянутые домры, рыле, гудки. В том же роде для царевича была устроена особая потеха *накреная,* состоявшая из *накр* или бубен, которую разыгрывали сначала 18, а потом 19 молодых *накрачеев,* когда ребенку шел еще только четвертый год[2]. В 1633 г. генваря 31 им всем были сшиты крашенинные лазоревые кафтаны на заячьих белых мехах, а также и суконные кафтаны из лазоревого и червленого сукна, и кроме того, шапки сукно вишнево и темно-вишнево с меховыми тульями и околами. В 1635 г. упоминаются только пять накрачеев, когда 31 декабря им были сшиты такие же

[1] Так в оригинале; см. выше, с. 565, прим.; ср. также с. 591. – *Ред.*

[2] На поле оригинала добавлено: «Сурначей учил», см. выше, с. 572, примечание 1. – *Ред.*

лазоревые кафтаны; но в 1636 г. октября 31 упомянут снова полный их штат – 19 чел., по случаю изготовления им суконных темно-синих кафтанов. Тогда же выдано 4 арш. английского темно-синего сукна на кафтан и *накрачейному мастеру* Науму Миндину. Лазоревый и синий цвет одежды составлял как бы установленный мундирный цвет для всех придворных потешников.

По отзыву иностранцев, *накрачейная* музыка была...[1]

По-видимому, с этою музыкою были связанны особые пляски и танцы по канатам, исполняемые для потехи царевича двумя его *метальниками* – плясунами-акробатами, о которых мы упоминали (выше, с. 573) по случаю изготовления ими немецкого платья.

Возрастные царевичи, по-видимому, *гоняли голубей,* как можно предполагать по указаниям о покупке голубей для пятилетнего царевича Алексея Алексеевича 1659 г., ког-

[1] Здесь у автора пропуск. По-видимому, отзывы иностранцев о накрачейной музыке довольно редки, у одного лишь Рейтенфельса чит.: «Музыку они [т. е. русские] производят на трубах, бубнах, рожках (lituis), дудках и волынках, наигрывая весьма нестройно...» (*Рейтенфельс Яков.* Сказания... о Московии... / С латин. перев. А. Станкевич. – М., 1906. – С. 149). См. также отзывы о русской музыке Коллинса и Корба, первый из них упоминает барабаны, второй – литавры: «Военная музыка состоит у них [т. е. русских] из барабанов (глухие звуки которых очень соответствуют мрачному характеру русских)...» (*Коллинс Самуил.* Нынешнее состояние России... / Пер. Петр Киреевский. – М., 1846. – С. 10). «Обычные у Московитов мелодий своими неприятными для ушей звуками гораздо более способствуют тому, что сердца повергаются в уныние, чем возбуждаются для отваги воинской доблести. Они наигрывают скорее погребальную песнь, чем воспламеняют благородным рвением воинский пыл. Инструментами для этой музыки по большей части служат трубы и литавры» (*Иоанн Георг Корб.* Дневник путеш. в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Малеина. – СПб., 1906. – С. 212). Но, по свидетельству автора книги «Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу» (Изд. Археографической комиссии. – СПб., 1900. – С. 290), «барабанами своими и свирелями все производили не прекращавшийся шум; все это представлялось приятным для глаза и для слуха». – *Ред.*

да 30 августа ему куплено три гнезда голубей кызылбашских за 5 алт. (15 коп.)

В хоромах царевича Федора Алексеевича жил *попугай,* и особенно любимою его птицею были *кинарейки.*

В 1674 г. июля 15 царевичу сделана попугайная клетка из белого железа прорезная со столбиками и с орлами. В 1671 г. июня 21 ему сделана из проволоки клетка птицам о четырех житьях. В 1672 г. декабря 16 починены две клетки «кинарейных». Наконец, в 1680 г., когда царевич был уже государем царем, по его указу «купить кинареек, где найдены будут». Куплено ему три птицы *кинорейки* с клеткою немецкою точеною с костьми, по 6 руб. за кинарейку и 8 руб. особо за клетку.

Судя по значительной цене, «кинарейки» были ученые. Куплены они у часовщика иноземца Ив. Яковлева[1].

Игрушки и игры воинского строя появлялись в детских забавах очень рано, быть может, и потому, что это связывалось с понятиями или было выражением ходячих понятий, что коренное достоинство царского сана заключается прежде всего, впереди всего в значении царя как первого воина в государстве, державного воеводы – предводителя всей государственной рати[2]. Поэтому и царевичи, как только входили в возраст и в смысл, первым делом как бы освящались военным чином. Мы упоминали [выше, с. 591] о заготовлении им потешных коней к годичному их возрасту, т. е. именно ко времени пробуждения у них возрастного смысла. Потом обряд сажания на живого коня был в сущности воинский обряд, посвящавший ребенка в ратный чин[3].

---

[1] О комнатных птицах см. также в I ч. Домашнего быта русских царей. – С. 287–290. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором отмечено: «Святослав». – *Ред.*

[3] Ссылка автора: «у Древних. Погодина VII» имеет в виду «Исследования, замечания и лекции о русской истории» М. Погодина». Т. VII. – М., 1856. – С. 450–451, где речь идет о *постригах;* ср. также выше, с. 578. – *Ред.*

Есть непререкаемое свидетельство о том, как рано в детском быту появлялись ратные игры и игрушки. В Оружейной палате, в московском дворце, хранится драгоценнейший памятник этого рода – маленький шлем царевича Ивана Ивановича со следующею надписью, начертанною обычною *вязью* по его венцу: «Повелением благоверного христолюбивого царя великого князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца сделан шелом сей благородному сыну его царевичу Ивану Ивановичу в *четвертое лето* от рождения его в преименитом и царствующем граде Москве в лето 7065 (1557) июня в 8 день»[1]. Царевич Иван Иванович родился в 1554 г. марта [28][2]. Следовательно, ему было всего 3 года и 2 месяца[3], когда он надел железный шлем не потешного, а заправского дела. Имеем также сведение, что в 1634 г. латный мастер немчин Цетр Шалт сделал латы пятилетнему царевичу Алексею Михайловичу. По всему вероятию, эти немецкие железные латы хранятся и теперь в Оружейной же палате, надетые на восковые детские фигуры[4].

Само собою разумеется, что с шеломами и латами, с воинским полным нарядом необходимо соединялись и разные воинские игры и потехи, входившие в круг детских забав, по мере того как укреплялись силы и развивались понятия детей.

Первою воинскою игрушкою до́лжно считать *барабан,* которым, несомненно, и начинались воинские потешки. Из случайных отрывочных расходных записок узнаем, что

---

[1] Надпись эта плохо сохранилась и не может быть вполне восстановлена; впрочем, кажется, надо читать: «и христолюбивого», «государя», а не «князя», «зделан», «сий». Подробности о шеломе см. в издании: «Опись Московской Оружейной палаты». Ч. 3. Кн. 2. – М., 1884. – № 4395. – С. 12–13. – *Ред.*

[2] См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VIII. – Прим. 391. – *Ред.*

[3] На поле автором отмечено: «3 г. 3 мес.», но так было бы, если бы в надписи значилось, что шелом сделан не в июне, а в июле, как это, между прочим, читается в упомянутой выше «Описи Московской Оружейной палаты». Ч. 3. Кн. 2. – С. 12. – *Ред.*

[4] См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. – М., 1884. – № 4733. – С. 190–191. Мастер назван Петром Шасатом. – *Ред.*

в 1633 г. октября 5 токарь Федька Степанов делал к барабанцу четырехлетнего[1] царевича Алексея Михайловича дубовые палочки; что в 1636 г. «к царевичеву барабану на поцепку выдано тафты червчатой 3 верш.».

В 1673 г. июня 26, когда царевичу Петру Алексеевичу только что пошел другой год, барабанный мастер Прохор Еремеев своим товаром сделал пять барабанов, старых и новых; из них два новые мерою были один в четверть аршина, другой в 3 верш., по приказу боярина и оружейничего Б. М. Хитрово[2]. Это свидетельство может удостоверять, что барабан появлялся и у других царевичей в такую же раннюю пору.

С прибавлением лет возраста увеличивалось и число барабанов, а это показывало, что царевич уже не один играл, барабанил, а уже играл в ратный строй со своими спальниками, стольниками и другими малолетками, хотя и больше его возрастом, находившимися при нем для услуг и собственно для его забав.

Это виднее всего в игрушках царевича Петра Алексеевича. Ему, двухлетнему, в 1674 г. написаны красками, золотом и серебром *пять знамен* маленьких по разным тафтам, с обе стороны солнце и месяцы и звезды; сшито четыре *прапорца* тафтяных красных и белых; сделано *шесть барабанцов,* 12 палочек, два *набата;* 40 *древок*[3] копейных разными статьями, 12 *древок* бердышных, те и другие были расписа-

[1] На поле оригинала указано точнее: «4 года и 6 месяц.». – *Ред.*

[2] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 6. [Имя мастера, впрочем, не Прохор, а Прокофей, так у Есипова, да и у автора ниже в гл. IV. – *Ред.*]

[3] На поле оригинала автор отмечает: «Шмурло, Крекшин – 40 чвк». Автор таким образом приводит в связь с этим местом следующее место из Записок Крекшина («Записки русских людей». Изд. И. Н. Сахарова. – СПб., 1841. – С. 13): «Великий же государь повелел из знатных фамилий сорока человекам, невозрастным, по вся дни приходить к государю царевичу, с которым [sic] в непрестанных учениях государь царевич забавлялся. И то его были детские забавы, и игрушки, и увеселения». Между тем Е. Ф. Шмурло в своих «Критических заметках по истории Петра Великого», XII. – Журнал Министерства Народного просвещения. – 1901. – Декабрь. – С. 237–240, количество древок в 1674 г. не ставит в связь с числом невозрастных в Записках Крекшина. – *Ред.*

ны красками. Количество этих потешных предметов очень явно свидетельствует, что у двухлетнего царевича находился уже своего рода, хотя бы и маленький, *полк.* Для чего одному (одноличному) царевичу пять знамен или шесть барабанов, 12 бердышей, 40 копий?

Один царевич, именно Иван Михайлович, тоже двухлетний, в 1635 г. также имел *знамя,* сшитое из тафт червчатой, лазоревой и белой (сходное и с теперешними нашими национальными цветами), но это знамя, вероятно, забавляло его одного. По крайней мере, не осталось свидетельств о других его воинских игрушках, соответствовавших значению знамени. В 1658 г. сентября 12 по пятому году царевичу Алексею Алексеевичу тоже скроено *знамя* из тафты алой да желтой. Может быть, в играх знамя исполняло значение великого *стяга,* к которому должны были собираться маленькие полчане.

Барабан, конечно, был только звонкою передовою игрушкою, за которою следовали и разнородные другие игрушки ратного отдела, каковы были: родня барабанам *набаты,* барабан же особого устройства с бубнами, и потом *пищали* (ружья), пистоли (пистолеты), карабины, сабли, палаши, кончары, топоры, копья на древках и т. п., а также и пушки, все деревянное, липовое или кленовое, расписанное красками, сусальным золотом и серебром. В числе воеводских знаков были булавы, шестоперы, топорки, буздуканы. У царевича Федора Алексеевича в 1667 г. было три *алебарды.*

Такие игрушки заготовлялись в *запас,* даже и в то время, когда ребенок бывал еще в пеленках. В 1690 г. августа 28 шестимесячному царевичу Алексею Петровичу приказано было сделать в *запас «*потешных деревянных четыре булавы да сабельных и тесашных и шпажных, и мечевых, и палашных, и кончерных полос по пяти мест и сделав, булавы позолотить сплошь, а у полос у всех позолотить же одни крыжи и черенья (рукояти), а полосы присинить (как подобало железу)».

Затем с особенною утехою и малолетные и возрастные царевичи стреляли из луков. Малолетным еще в пеленках

уже заготовлялось это оружие, как именно тому же царевичу Алексею Петровичу шести месяцев в том же 1690 г. августа 17 было приказано сделать в *запас* «три лука потешных древянных жильничков, мерою в накладке по тетивам один в поларшина, другой в семь вершков, третий в пять вершков; да два лучка потешных же роговых мерою по тетивам в накладке, один в четверть аршина, другой в пять вершков; и в том числе три лука жильничков позолотить и посеребрить листовым и сусальным золотом и серебром на гунфарбу сплошь, а у дву лучков роговых кибить расписать золотом и серебром добрым мастерством. И к тем потешным лучкам сделать по размеру по два гнезда северег и томаров Яблоновых или кленовых, шефраненых, с Орловым белохвосцовым перьем; уши и томарики и срезни *костяные,* слоновой или рыбьей кости».

Из дворцовых деловых записок 1638 г. видно, что Оружейного приказа стрельник Пронька Донков делал царевичам Алексею Михайловичу (9 лет) и Ивану Михайловичу (5 лет) стрелы северги, и срезни, и томары *беспрестанно.*

Из возрастных царевичей (от 10 лет) с необычайным пристрастием стрелянью из луков предавался царевич Алексей Алексеевич, а также в меньшей мере и царевич Федор Алексеевич, как это видимо из заготовлений им во множестве луков и стрел.

Лучная потеха состояла из саадака, именем которого обозначалось *лубье* или *налучь* – влагалище (футляр) для *лука* и *колчан* – влагалище для стрел. Самый колчан именовался тоже саадаком. Лук состоял из *кибити,* всегда украшенной росписью красок с золотом с различными изображениями (орлики, птички, травы), и из тетивы шелковой просто или шелковой золотной. Колчан наполнялся стрелами, состоявшими из древка и копейца; копейца по своей форме носили различные названия, каковы были томары, срезни, свисты, северги. Они делались из слоновой или рыбьей кости, бывали также серебряные золоченые. К древку внизу прикреплялось перо орловое белохвосцовое или простое черное из орловых

крыльев, но всегда перо орлиное, какое заботливо добывалось в степных местностях, где водились орлы[1].

Кажется, длина лука измерялась по кибити *емями* (сколько схватит рука). В 1669 (?) г. марта 22 велено сделать царевичу Алексею Алексеевичу лук в 12 емей и написать золотом; другой лук – царевичу Федору Алексеевичу, в 8 емей; да в запас третий лук в 10 емей.

Потешная стрельба из луков занимала не одних детей, но и самого государя и окружавших его комнатных людей большого возраста. В 1634 г. в ноябре царь Михаил Федорович «был в с. Покровском и выезжал на поле тешиться и государевы комнатные государя тешили, стреляли из луков и из пистолей по шапке задворного конюха Степанка Карпова и шапку его исстреляли, за что государь пожаловал ему новую шапку вершок суконный вишнев, тулья с лапами лисьими, окол соболий» (№ 766). Шапку, вероятно, бросали вверх и стреляли в нее, как в цель.

Такие потехи в то время бывали обычным делом для царского увеселения. Так потешались со своими стольниками и малолетные царевичи, не говоря о возрастных. Но вместо шапок, т. е. случайных целей, у них употреблялись обычные

[1] За белохвосцовым орловым перьем нарочно посылались грамоты в степные города. 1662 г. в июле писано на Воронеж, чтоб воевода Иван Дмитриевич Сонцов «прислал к государю нарочно с кем пригож перья орловова белохвосцовова или хвостов красных, сколько их будет, смотря по тамошнему». В 1666 г. июля 7 на подобную же грамоту белогородский воевода Борис Репнин отвечал государю: «Указал ты, Великий Государь, в Белгороде купить в свою казну в Оружейную палату на северги 50 хвостов орловых белохвосцовых самых добрых, и белогородцы всяких чинов люди и таможенный голова и целовальники подали сказки за руками, что в Белогородском уезде орлов нет и хвостов купить негде. В том же году августа 10 писал воевода из Нижнего города Ломова на грамоту **от** [sic] на царскую грамоту от 1 августа, что велел он «сыскивать и в степь для промыслу орловых хвостов послал того ж числа вотчинников Ломовских козаков 16 чвк, но они ничего не промыслили и купить не добыли».

В 1669 г. июня 2 в Оружейной палате велено было «сделать 100 саадаков стрел по 25 стрел в садаке. И к тому делу надо 100 полен лучины, перья орлового черного, крылья 100 птиц без хвостов (птица безхвост?), железец полтретьи тысячи, киноварю, румянцу (для прописки), на бересту на уши; жил, чем уши и под железцами зажиливать».

крестьянские *колпаки.* Так, в 1674 г. июня 29 куплено четыре колпака полстяные белые (из войлока) по 10 коп. и посланы в поход на Воробьеве царевичу Федору Алексеевичу и стольникам тешиться из луков. Но еще прежде, в 1669 г. апреля 20, для стрельбы из луков царевичу Федору Алексеевичу было изготовлено *войлошное стрельбище,* сшитое нитями и вервями. Царевич Алексей Алексеевич выезжал со стольниками для потешной стрельбы из луков чаще всего в Преображенское и Покровское, а царевич Федор Алексеевич на Воробьевы горы, где недалеко от дворца был даже *потешный луг.* За ними возили их детскую оружейную *казну,* т. е. луки, стрелы, колпаки и пр.

В 1666 г. в такой казне царевича Алексея Алексеевича было отпущено в поход в с. Преображенское шесть *колпаков* и четыре *спицы,* на чем колпаки ставят. Тут же было отпущено пять *древок* писаны по золоту разными цветными красками и девять *древок* писаных, простых, стольничьих. Число стольников царевича, как можно судить по некоторым указаниям, не превышало 12. В 1665 г. в хоромы царевичу было сделано 11 древок писаных длиною 3 $^{1}/_{4}$ арш., а в 1666 г. его стольникам – 12 древок простых. Но в том же году их числилось только *девять,* как видно и из числа древок, отпущенных в поход в с. Преображенское. Это были: 1) князь Василий Одоевский, 2) князь Михаил Черкасский, 3) Алексей Шеин, 4) Федор и 5) Алексей Салтыковы, 6) князь Петр Хованский, 7) князь Василий Мещерский, 8) князь Иван Мышецкий, 9) Василий Змеев[1].

Переходим к игрушкам и играм малолетных царевен. Само собою разумеется, что многие игрушки и некоторые игры бывали у царевен те же, что и у царевичей, каковы, например, *мячики,* различные деревянные птички, барашки, козлики, собачки, кошки, коники, мужички и т. п., игрушки музыкальные:

[1] См. ниже, в обзоре игрушек царевича Алексея Алексеевичва, с. 625, прим. 1. – *Ред.*

домры, цымбалы, накры, затем неотменные *качели* и *санки.* Мячики появлялись у царевен очень рано. В 1627 г. августа 22, когда царевне Ирине Михайловне исполнилось всего только четыре месяца, для нее было изготовлено семь сафьянных мячиков с бубенчиками внутри. Тогда же (августа 21) ей сделана «потеха из 12 колокольчиков: девки по литаврам бьют».

В 1650 г. 10-месячной царевне Евдокии Алексеевне куплено яблочко медное потешное *цынбальное.*

Но если у царевичей перед всеми другими игрушками и играми господствовали игрушки и игры воинские, то и у царевен главнейшими и самыми привлекательными игрушками были *куклы* – игрушки мирного домашнего распорядка жизни с подробностями бытовых женских и, так сказать, семейных дел. Игры с воинскими игрушками выводили ребенка прямо в поле, где он становился уже настоящим стрелком из лука или пушкарем, стреляя из деревянной пушки. Игры в куклы, напротив того, сосредоточивали всю деятельность ребенка около домашнего очага, восстановляя перед ним весь круг домашней жизни, вводили в дом.

1628 г. декабря 18, когда царевне Ирине на исходе шел другой год, в ее хоромы было отпущено на *подстилку под потехи* и к лавкам на стирки[1] 2 арш. сукна лазоревого. Эти потехи были куклы. Когда царевне исполнилось два с половиною года, в 1629 г. октября 12, к царице-матери в хоромы было отпущено 14 лоскутов атласов золотных да бархатных разными цветы, лоскуты камки червчатой, тафты лазоревой, шелку для шитья, а в тех лоскутах и в шелку деланы царевне потешные куклы. 19 октября вдобавок к упомянутому материалу отпущено 2 арш. киндяку червчатого да лазоревого, да к куклам же на подстилку 2 арш. сукна лазоревого.

В описях Царицыной казны, т. е. различного ее имущества 1630-х и 1640-х гг., встречаются следующие записи:

«Остаток (3 верш.) атласу по лазоревой земле травы и опахала золоты – взяла к царевне Анне Михайловне в хоромы княгиня Марья Пронская на куклы.

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

Остаток ($^1/_4$ арш.) атласу немецкого по серебряной земле – взят к царевнам в хоромы на потешные куклы.

Остаток (2 верш.) атласу золотного по червчатой земле травки и листки золоты – взять к царевне Татьяне Михайловне в хоромы на куклы.

Шесть вершков атласу золотного по червчатой земле – из того атласу к царевне Анне Михайловне в хоромы взяла к потешному делу княгиня Марья Пронская 4 верш., а в остатке 2 верш., и тот остаток взят в хоромы к царевнам на куклы.

Аршин с вершком алтабасу немецкого полоски золотные. И в том алтабасе деланы к потешным куклам *саяны*.

Два аршина атласу червчетого гладкого – отнесен к царице в хоромы царевнам на *куклы*.

Аршин 9 верш. объяри по серебряной земле травы (разных цветных шелков) – отдан к царевнам в хоромы на потешные куклы.

Камки двоеличной шелк рудожелт да празелен 9 вершков 1643 г. мая 9 приняла в хоромы девка Марфа Голохвастова, а сказала, что царевнам на потехи.

Два аршина без чети камки индейской травной шелк ал да желт – тот остаток взять в хоромы к потешному кукольному делу (№ 675, № 679)».

Куклы, в свой черед, являлись также новорожденными детьми, для которых надо было устраивать колыбель, постельку и т. д., и вот шестилетней царевне Ирине Михайловне 24 октября 1633 г. скроена потешная колыбель в сафьяне в цветном, по нем выбито сусальным золотом и серебром... а 27 февраля 1634 г. «на кукольную на потешную постелю царевны скроена наволока в киндяке червчатом; мая 3 скроены такие же две наволоки на потешную постелю да на сголовье (подушку) к куклам...» У десятилетней царевны Ирины находим «кровать потешную островерху, около кровати запона (занавес) белая, на кровати кукла спеленана, на кукле одеяло бархат червчат кружево серебряно...» У десятилетней царевны Анны Михайловны в 1640 г. было три куклы спеленаны, одна в колыбели.

Потом возрастная кукла требовала всякой обычной одежды, всякого наряда и убора, и потому шили ей летники, шубки, телогреи, каптуры и т. п.; надевали ей серьги, давали ей зеркало и т. д. Готовые куклы у двенадцатилетней царевны Ирины описаны следующим образом: «Кукла на кровати зеленой столбчатой лежит на перине, одета одеялом бархат червчат, около одеяла каймы объярь вишнева; две куклы сидят в креслах, около их травки червчаты, на травах цветки белые, головами и руками и ногами шевелят...»

Для кукольной игры для трехлетней царевны Ирины Михайловны в 1630 г. была устроена *накреная* потеха, состоявшая из бубенчиков. В 1633 г. у трехлетней царевны Анны Михайловны находилась шкатулка на четырех ножках с *цынбалами,* немецкое дело; а для семилетней царевны Ирины Михайловны в 1634 г. в домерном ряду куплено за 49 коп. шесть *домер* потешных, в хоромы царевны для потехи. Когда царевне Ирине шел уже 14-й год, царица подарила ей (1640 г. декабря 18) «цынбалы невелики, деланы в дереве черном, теремчаты, немецкое дело; наверху сделано три мужичка, немец да две немочки».

В числе различных предметов детской потехи время от времени появлялись и картинки, по большей части немецкие, вероятно, гравюры, а также и писаные, т. е. акварели. В 1632 г. февраля 8 пятилетней царевне Ирине Михайловне в овощном ряду куплено 20 листов бумаги немецкой писаной по копейке лист. 17 сентября того же года и там же еще куплено царевне такой же бумаги 10 листов по 1 $^{1}/_{2}$ коп. лист и 20 листов по копейке. В 1634 г. июня 16 в том же овощном ряду куплено на 60 коп. немецких *печатных* листов, часть которых взята в хоромы пятилетнему царевичу Алексею Михайловичу, а другая часть – в хоромы к царевнам. В 1635 г. ноября 29 еще куплено девять листов *потешных* за 25 коп. В 1644 г. июня 8 куплен немецкий лист в наклейку к коробочке царевны Анны Михайловны, которой в это время было уже 14 лет. Это одно из первых указаний того обычая, какой существует и до сих пор – наклеивать в ларцах, коробьях и сундуках внутри на кровлях подобные же листы.

В 1652 г. февраля 27 двухлетней царевне Евдокии Алексеевне куплено 10 листов знаменных (рисованных), на них писаны звери, птицы и травы.

От потешных писаных листов незаметен был переход и к *потешным книгам.* Известия об этом мы имеем от 1664 г., когда марта 3 книг печатного дела наборщик и переплетчик Федор Исаев переплел в хоромы царевнам меньшим (дочерям царя Алексея Михайловича)[1] четыре потешные книги, по обрезу позолотил, на что употреблено 50 листов золота. В 1668 г.[2] декабря 20 иконописец Федор Матвеев писал потешную книгу в хоромы им же царевнам меньшим. В 1675 г. февраля 7, когда царевне Наталье Алексеевне было полтора года, ей также переплетена *потешная книжка* и потом августа 27 переплетена другая потешная книга.

Сделаем обозрение[3] игрушек и игр царевича Алексея Михайловича, который родился 1629 г. марта 10[4].

1630 г. генваря 22 (10 месяцев) *конь;*

мая 18 росольн[ик,] кубок, корабль (№ 747);

декабря 31 – 3 ковша (№ 696).

В 1631 г. декабря 5 стрелец Андрюшка Крох чем-то тешил царевича в с. Танинском во время царского похода к Троице, за что получил портище сукна настрафилю доброго. Надо заметить, что числом декабря, вероятно, обозначена выдача награды, так[5] в Танинском государь останавливался

[1] На поле добавлено: «имена»; см. ниже, в гл. III, где речь идет о тех же книгах, и имена меньших царевен приведены следующие: Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Марья, Феодосия. – *Ред.*

[2] В книге А. И. Успенского «Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь». – М., 1910. – С. 187 – год показан 1672, а иконописец назван: «Нянин Федор Матвеев». – *Ред.*

[3] Обозрение печатается по оригиналу полностью, хотя и заключает в себе некоторые сведения, относящиеся к следующим главам (III и V); ссылки на эти сведения см. в соответствующих местах указанных глав. – *Ред.*

[4] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. III. – СПб., 1836. – С. 226.

[5] Так в оригинале. – *Ред.*

в этом походе 16 октября, где и стол был, после которого или прежде устроилась и потеха[1].

Тою же осенью придворный потешник Иван Семенов Лодыгин (до зимнего Николина дня) тешил государя и царевича соколами.

1632 г. февраля 26 отмечено, что «царегородец Юрий Понагиот челом ударил: царевичу поднес *булаву* (№ 747);

октября 19 в охотном ряду куплены четыре *птички* потешных с клетками, по 6 ден. за птичку с клеткою. Птички взяты к царевичу (3 года 7 мес.) в хоромы для потехи (№ 738)[2].

1633 г. генваря 31 царевичевым молодым *накрачеям*[3] 18 чел. сделано 18 кафтанов крашенина лазорева (90 арш.) на заячьих белых мехах с шелковыми нашивками; 18 кафтанов суконных из лазоревого и червленого сукна с отложками, 18 шапок сукно вишнево да темно-вишнево, тульи мех белий хребтовый, околы собольи. Царевичу в это время был четвертый год на исходе (3 года 11 мес.);

30 июня 19 накрачеям царевича (4 года 2 мес.) сделано по кафтану киндячному разных цветов, нашивки с шелковыми пуговками на ремешках (№ 1089);

июля 10 царевичу на два потешные *мячика* полтора золотника кружева серебряного кованого узкого. Мячики к нему, государю, взял Борис Иванович Морозов (№ 760);

октября 5 токарь Федька Степанов точил царевичу *пилочки* дубовые к *барабанцу* (№ 761);

октября 8 потешного ряду торговому человеку за четырнадцать *птичек* разных по 2 денги за птичку; взяты те птички царевичу для потехи (№ 738);

---

[1] Дворцовые разряды. Т. II. – С. 245.

[2] На поле добавлено: «Часы боевые во влагалище серебряном, золочены. В 1632 г. царевича дарил св. патр. Филарет Никит. Викт. 193», см.: *Викторов А. Е.* Описание... – С. 193. – *Ред.*

[3] На поле оригинала отмечено: «Сурначей учил накрачеев в 16 г.». См. выше, с. 571, прим. 1, где год указан 1630. – *Ред.*

октября 30 отпущено аршин бархату кармазину на *пулешные* мешочки к карабину да к пистолету двойному (№ 952)[1];

ноября 3 куплены две *чепочки* медных луженые да *карты* немецкие 3 алт. 4 ден., взяты к царевичу в хоромы (№ 761);

ноября 19 с Москвы-реки с леду выдано торговому человеку за *трои санки* невелики по 10 ден. за санки; взяты к царевичу для потехи (№ 738);

декабря 1 лапотного ряду с леду торговому человеку выдано за двои *салазки* 7 алт. 2 ден.; обиты сукном червчетым и ременьем; взяты к царевичу в потеху (№ 761). В тот же день салазки были обиты червчатым сукном;

декабря 21 в *сани* царевичу сделана *постелька* соболья длиною 2 арш. 1 верш., ширина аршин (№ 952);

1634 г. генваря 7 домерного ряду торговому человеку за потешные за две *домры* да за *рыле* 22 алт., взяты к царевичу для потехи (№ 738);

мая 11 взял боярин Б. И. Морозов в царицыну Мастерскую палату ползолотника шелку рудожелтово, выдано к царевичевым (5 лет и 2 мес.) к *Азбуке* да к *Часовнику* ко влагалищам (футлярам);

мая 15 к царевичевой потешной *качелке* на обшивку выдан бархат червчат (№ 866);

мая 25 выдано Печатного двора переплетчику к *Азбуке* царевича на приклад на золото и на клей 10 ден. (№ 761);

июня 12 к *Азбуке* к застежкам на кисти золотник шелку шаморханского (№ 866);

июня 16 в овощном ряду куплены *немецкие печатные листы* на 20 алт.; часть этих листов боярин Б. И. Морозов отнес в хоромы царевичу, а другую часть окольничий В. И. Стрешнев отнес в хоромы царевен (№ 761);

октября 4 в коробейном ряду куплено 35 ф. лебяжья пуху по 12 алт. за фунт. Положен тот пух царевичу в потешную тафтяную червчатую *постелю* (№ 761);

[1] Автором пояснено, что царевичу было в то время 4 года 7 мес. – *Ред.*

ноября 15 по приказу боярина Б. И. Морозова выдано из царицыной Белой казны к государю в хоромы на царевичевы потешные *жгуты* полотно тверское;

ноября 24 за пятеры *санки* маленькие с облуками, за санки маленькие вырезные 10 алт. 4 ден. Взяты тово ж числа к царевичу для потехи (№ 761);

1635 г. генваря 9 овощного ряду торговым людям за тридцать за два *листа писаных немецких и русских* 16 алт. 4 ден. Взяты листы царевичу в хоромы (№ 761);

генваря 9 выдано за *плеть* маленькую 4 ден. Взята *плеть* царевичу в хоромы;

генваря 13 овощного ряду торговым людям за двои *карты* молотковые 10 ден. Взяты к царевичу в хоромы (№ 761);

февраля 12 к потешным царевичевым *оконицам* и к *палкам* на столбцы вышло шелку червчатого 2 золотника (№ 866);

февраля 27 куплено четыре *коня* деревянных дано 8 ден. Взяты к царевичу (№ 761);

марта 6 коробейного ряду торговому человеку за 35 ф. пуху лебяжья белого 24 руб. 20 алт. Взят пух по приказу боярина Б. И. Морозова и положен царевичу в потешную *постелю* (№ 761);

марта 8 выдано за двои *карты* молотковые 10 ден., да двои *карты* простые 8 ден. Взяты карты царевичу в хоромы (№ 761);

марта 16 куплен в хоромы царевичу замок вислый 2 алт. (№ 761);

апреля 2 по приказу боярина Б. И. Морозова дано торговым людям за *яйца* вареные золоченые куречьи и за *яйца* деревянные золоченые и крашеные рубль. Взяты яйца для потехи к царевичам в хоромы. Это было в четверг на Святой, и яйца куплены, по всему вероятию, для игры – *катать яйца* (№ 761);

апреля 7 на качель царевичу в кроенье изошло бархату червчатого 3 арш., сукна червчатого багрецу аршин;

апреля 13 в охотном ряду куплено царевичу три *воробья* живых за 2 алт.;

мая 18 куплено пять колокольцов медяных вольяшных (литых) да кожа – сделаны царевичам и царевнам потешные *мячики* (№ 738);

октября 14 дьяку Василью Прокофьеву выдана тафта червчатая 4 арш. по государеву указу (№ 770);

декабря 31 молодым *накрачеям* пяти человекам сделано по кафтану сукно настрафиль лазорево, с отложками, нашивки с пуговками хамьянными; по кафтану зендень лазорева с бобровою опушкою, на заячьих мехах, нашивки с шелковыми пуговками (№ 957);

1636 г. генваря 4 в овощном ряду куплены шахматы деревянные и доски шахматные (3 алт. 2 ден.), взяты к царевичу в хоромы (№ 761);

генваря 13 в овощном ряду куплены двои *шахмоты* костяные 16 алт. 4 ден., за третьи 8 алт. 2 ден. да доски шахматные полполтины. Взяты к царевичу в хоромы (№ 761);

генваря 20 Оружейного приказа токарь доделывал *шахмоты* царевича белые рыбьи, которые поистерялись, и наводил золотом (№ 761);

генваря 31 в коробейном ряду куплен ларчик дубовый крашеный 5 алт. 4 ден. Взят к царевичу в хоромы для потехи (№ 1059);

мая 28 в охотном ряду куплена клетка щеглятья 10 ден. Взята царевичу (№ 761);

октября 30 *накрачейному мастеру* царевича Науму Миндину выдано 4 арш. сукна английского тмо-синего. Приказал государя царевича словом боярин Б. И. Морозов (№ 961);

октября 31 *накрачеям* царевича Ивану Ходину с товарищи 19 чел. сделано по кафтану сукно кострыш темно-сине с отложками и нашивками. Да им же дано на теплые кафтаны деньгами по 36 алт. 4 ден. человеку (№ 961);

ноября 12 в овощном ряду куплено шесть *стоканов* жестяных потешных по 2 алт. 2 ден. за стакан. Взяты в Рубцовский объезд царевичу для потехи (№ 954);

декабря 8 в самопальном ряду куплена *коровья* осиновая 3 алт. Взята царевичу на *книги* (№ 761);

1637 г. февраля 5 в москотильном ряду куплены потешные *топорки* 5 ден. Взяты к царевичу в хоромы (№ 959);

апреля 1 в колпачном ряду куплен *колпак* 3 алт. 2 ден. Взять к царице в хоромы царевичу на потехи (№ 959);

апреля 8 прапорщик немец Анц Вестволь делал царевичу в воску и в красках, каковы бывают виноградные цветы, и виногради, и лимоны, за что получил 4 арш. тафты виницейки (№ 961);

июня 27 и июля 13 Потешной палаты потешнику Ивану Семенову выдано 10 арш. камки двоеличной шелк ал желт да за сукно лундыш деньгами 6 руб. А пожаловал его государь за то, что он выучил учеников по конатам ходить и танцовать и всяким потехам, чему он сам умеет, пяти человек, да по барабанам выучил бить 24 чел. (№ 958, 961);

сентября 30 царевичевым *метальникам* Макарку да Ивашку Андреевым сделано по кафтану, сукно настрафиль одинцовое, подпушка крашенина желтая, нашивка нитная зеленая с кистьми на оба конца; по кафтану теплому крашенина лазорева на заячьем меху, нашивка шелк лазорев с пуговками втычными по шапке суконной, одна вишнева, другая червлена. В тот же день двум *слепым*[1] сделано по кафтану же заячинному под крашениною с пуговками, шелк лазорев на ремешках; а также по шапке суконной, один вершок багрецовой, другой зеленой, исподы лапы лисьи, околы куница (№ 964);

октября 17 куплено царевичу потехи: семнадцать колокольчиков меденых круглых да четверы ножницы. Деньги взял Родивон Стрешнев (№ 959);

1638 г. марта 11 куплено четыре меча (мячика) сафьянные на 4 ден. Взяты мячи того ж числа к царевичу в хоромы (№ 775);

мая 17 взято с Казенного двора к царевичам в потешную *подушку* бумаги хлопчатой 2 $^{1}/_{2}$ ф. да на шахматные доски на влагалище сорочка суконная червчатая (№ 770)[2];

[1] На поле оригинала замечено: «№ 957. сентября 22, 1635 г. слепые Яков да Петр, см. в карлах». О карлах речь идет ниже, в гл. V. – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 262.

мая 19 взято с Казенного двора 2 арш. сукна настрафилю червчетого и скроено в сем сукне на потешную *постелю* наволока, набита сеном и взята постеля к царевичам в хоромы (№ 770);

июня 26 царевичевым *метальникам* Макарку да Ивашку Андреевым сшиты две *курты* да двои *штаны* сукно настрафиль одинцовое червлено, подпушка крашенина лазоревая, пуговицы шелк зелен на ремешках, к рукавам пришито 20 крючков медяных; к штанам на подкладку пошло 4 арш. холста. Им же сделано два *аракчина* сукно багрец. Приказал государевым словом боярин Б. И. Морозов (№ 964);

сентября 2 царевичу к *седелке* качельной и к веревкам выдано сукна червчетого настрафилю четверть аршина;

октября 4 куплены царевичу деревянные *коньки,* шенданы и птички за 2 руб.;

декабря 20 в овощном ряду куплены *тавлеи* костяные 7 алт. 2 ден.; взяты к царевичу в хоромы (№ 761).

1639 г. апреля 1 в охотном ряду куплены четыре *птички чечетки* 4 ден.; взяты птички в хоромы к царевичу (№ 761): мая 11 трое певчих дьяков Иван Семенов с товарищи *учили* царевича *пению,* за что пожалованы (чем)[1];

сентября 13 куплена *чернилница* меденая 6 алт. 4 ден.; взята в хоромы царевичу (№ 761).

В 1640 г. в казне у царевича в числе разных вещей находился *пистолетик* золотой, навожен финифты, на цепочках с кольцом, осыпанный дорогими камнями – яхонтами червчатыми. *Кораблик* на поддоне серебрян золочен, по сторонам у него две ехидны, у стоянца три ехидны, весу 19 золотн. *Корабль* большой с людьми, лев, *конь, единорог* – серебряные золоченые[2];

1640 г. октября 20 в нитяном ряду куплено два мота да клубок нитей крашеных синих льняных 15 алт. Нити при-

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 262, № 680 (Архив Оружейной палаты. – № 966).

[2] Там же. – С. 28, 30. [Перед словом «корабль» у автора стоит «NB». – *Ред.]*

нял боярин Б. И. Морозов, а сказал, что те нити царевичу на потехи (№ 779);

октября 30 карлу Ивашку, который живет у царевича в хоромах, сделана *шуба* лисья горлатная под сукном черленым, с ожерельем большим, с заднею прорехою, нашивка шелк гвоздичен с серебром; да еще *шуба* сукно зелено на хребтах бельих, ожерелье пупки собольи; кафтанишко киндяк зелен на зайцах. Приказал государевым словом боярин Б. И. Морозов, а приходил от боярина с карлом Ивашком стольник царевича Афанасий Иванов Матюшкин (№ 971);

ноября 9 Потешные палаты *карлу* Ивашку Псковитину сшит *кафтан* зендень лазорева, на меху бараньем белом, нашивка шелк лазорев (№ 971);

1641 г. августа 17 боярин Б. И. Морозов взял из Белой Царицыной казны полотно тверское, а сказал, что царевичу на потеху[1];

октября 31 карле Ивашку сделана *курта* суконная, опушка киндяк лазоревый, пуговки шелк черлен. Приказал государевым словом боярин Б. И. Морозов, взял курту стольник царевича Дмитрий Михайлович Колычов (№ 974);

1642 г. генваря 9 в лапотном ряду куплен *гудок* полтина. Принял Семен Лукьянович (Стрешнев), а сказал, что тот *гудок* царевичу на потеху (№ 779);

ноября 12 сшит мешочек тафтяный зеленый к царевичевым *тавлей-нымлитосом* (№ 866);

1643 г. июля 11 по приказу боярина Б. И. Морозова скроено к царевичеве *книге* влагалище сукно червчето скорлат, 1 $^{1}/_{2}$ верш. во все сукно, подложено тафтою червчатою, на снурки к застежкам золотник шелку червчатого (№ 866);

сентября 21 отпущено в Оружейный приказ на государевы и царевичевы тощие писаные *древка* на обвивку 50 арш. покромей суконных настрафильных (№ 792);

---

[1] На поле оригинала добавлено: «Ццы 736 *учителям* 5»; «Июля 11, боярин Борис Ив. Морозов взял пять полотен тройных гладких, а сказал, что теми полотнами на праздник Афанасия Афонского царевич Алексей жаловал мастеров (учителей) своих Василья Сергеева с товарищи». – *Ред.*

1644 г. августа 7 по царевичеву указу куплен *демниг* (дермлиг) дикомыт (сокол) 7 алт. Купил стольник Богдан Хитрово (№ 775);

октября отпущено в Оружейный приказ аршин тафты червчатой, подкладывать тою тафтою царевичу сафьянные строченые *махтуи* (№ 986)».

———————————

Об игрушках царевича Ивана Михайловича (род. 1633, июня 2, ск. в 1639 г. генваря 10)[1] сохранилось мало сведений, быть может, потому, что и жил он всего 5 $^{1}/_{2}$ лет и, по-видимому, не отличался особым здоровьем. Вероятно, и игрушки доставались ему готовые от брата царевича Алексея Михайловича.

Когда ему исполнилось полтора года, в овощном да оконничном ряду ему с братом в 1635 г. генваря 13 были куплены какие-то две *жестянки* да три *окоценки* за 4 алт. (№ 761).

Потом 10 мая того же года в коробейном ряду *коробя* белая (сундук) с замком с нутреным за 5 алт. 2 ден. и была взята в хоромы царевичу на *потехи* (№ 738).

1635 г. 29 октября с Казенного двора взято тафты червчатой 6 вершков, тафты лазоревой да белой по 4 верш. на *знамя* царевичу. Отдана шатерному мастеру самим бояриным Б. И. Морозовым (№ 770)[2];

30 ноября к *санкам* потешным царевича (двух лет) пошло на обивку испод куней (30 куниц) да два аршина сукна багрецу червчетого да бархату червчетого плохого аршин (№ 770)[3];

1 декабря записано, что куплены двои *санки* невелики; 4 ремня, 4 колодки гвоздей луженых. Взяты царевичу для потехи и обиты: одни санки – мехом куницами (30 куниц),

[1] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. III. – С. 327.

[2] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 260.

[3] Там же. – С. 261.

другие – сукном багрецом червчатым, а ременья – бархатом червчатым (№ 761)[1];

1637 г. апреля 11 царевичу на обшивку *качели* сукна червчатого 2 арш. В подпушку бумаги хлопчатой битой фунт[2];

сентября 5 в котельном ряду куплена чернилница медная 8 алт. 2 ден. и отдана в хоромы царевичу; взял Глеб Иванович Морозов (№ 761);

1638 г. сентября 28 в Оружейный приказ к *Азбуке* царевича (5 лет и 3 мес. 25 дней) отдано на подкладку аршин тафты кармазину, взял канительный мастер Юрий Яковлев (№ 965);

1638 г. шахматник Кирило Кузмин делал царевичам Алексею и Ивану Михайловичам шахматы слоновые.

По кончине царевича в 1641 г. всякая его казна была описана и в ней, между прочим, хранились: в числе золотых вещей – «ароматница и змей золот»; в числе серебряных – «немка, кораблик, чеботок»; в числе других вещей – «4 булавы, кубочек скляничной, а в нем на спни повертывается барашек; скляница потешная, а в ней люди играют в мусики, да виноград и птицы; ящик деревянной, а в нем сделана немецкая рота вощаная; ящик, а в нем птица павлин да около его птички; сундучок немецкий скляничный...»[3].

Царевич Алексей Алексеевич (род. 1654, февраля 5, ск. в 1670 г.).

«1658 г. июня 28 куплено к царевичевой *качели* на ошивку к веревке в ирошном ряду тянутой телятинной кожи (1 руб. 16 алт. 4 ден.) (№ 819);

---

[1] На поле оригинала: «1636 г. декабря 29 Немец, платье. В. 261». См. выше, с. 571. – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 262.

[3] Там же. – С. 198–199. [Автором добавлено: «Есть в общем обзоре». – См. выше, с. 592. – *Ред.]*

сентября 3 к царевичевой *качели* ошита седелка бархатом червчатым (№ 1174);

сентября 12 скроено царевичу знамя из тафт – алой (5 верш.) да желтой (10 верш.) (№ 1174).

1659 г. генваря 17 отпущено в царевичевы хоромы на стол сукна багрецу 3 $^{1}/_{4}$ арш. да на его же царевичеву *потешную столовую доску* сделан чехол из того же багрецу $1^{1}/_{4}$ арш., на подкладку киндяку лазоревого узкого 4 арш. (№ 1174);

апреля 30 скроен царевичу *кушак* потешный тафта желта и другой потешный *кушак* тафта ала, вышло тафты по 12 вершков (№ 1174);

августа 30 в хоромы царевичу куплено три гнезда голубей кизылбашских 5 алт. (№ 819);

сентября 9 куплено 6 колокольцев зазвонных да 10 колокольцев круглых – бубенчики (2 руб. 75 коп.) да наметка 10 ден. (5 коп.) взяты к царевичу в хоромы (№ 819);

сентября 30, ноября 4 иконописцы Иван Филатев, Тимофей Яковлев писали царевичу потешные *яички*[1];

октября 20 отпущено к царевичу в хоромы на потешные *охобни* галуну серебряного узкого 3 арш. 2 верш.;

октября 25 в овощном ряду куплено два ларца, оклеены бумагою с людьми, да три *коробочки писаных* складных тройных 24 алт. Того же дни те ларцы и коробочки взял к царевичу в хоромы стольник князь Иван Федорович Хворостинин (№ 819);

октября 31 куплено к двум потешным *портищам* два портища пуговок золотных 13 алт. 2 ден. да к нему же царевичу в хоромы за *щот* и за *песочницу* 5 алт. (№ 819);

1660 г. июня 9 плотник Гришка делал 6 *трещоток* потешных в с. Покровское (№ 836);

сентября 13 в Верх к царевичу взнесено 28 *бирок* белых и черных, весу в них фунт взнес подьячий, у него принял стольник князь Иван Федорович Хворостинин (№ 837);

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 433.

октября 2 стольник князь Иван Федорович Хворостинин в Верх к царевичу взнес 12 *коней* белых и черных, выбранных им из разных шахмат польского дела (№ 837);

октября 20 куплены в хоромы к царевичу *книжки каменные* (1 руб.). Приказал деньги дать и записать царевичевой казначее Матрене Блохиной стряпчий с ключом Федор Алексеевич Полтев (№ 819);

октября 30 живописец Кондрат золотил листовым золотом (150 листов) 4 бруски деревянные к *налою* в хоромы к царевичу (№ 835);

декабря 14 скроено царевичу пять *связок* потешных тафтяных из тафты белой, желтой, зеленой, двоеличный шелк ал да бел, двоеличный шелк желт да бел, жаркий цвет, в кроенье вышло по четверти аршина (№ 1174);

декабря 31 вызолочен листовым золотом (100 листов) *протазан* маленькой в Верх к царевичу (№ 835);

1661 г. генваря 20 на *лук* царевича сделано влагалище сукно багрец. А приказал государев указ оружейничей Б. М. Хитрово, а приходил и говорил его словом подьячий Никита Зажарский (№ 1175);

марта 19 в Верх к царевичу взнесено тридцать *бирок* слоновых. Принял стольник князь Иван Федорович Хворостинин (№ 837);

мая 17 в Верх к царевичу взнесены *шахматы* польского дела да 30 бирок. Принял боярин князь Иван Петрович Пронской (№ 837);

июня 7 на *лошадку* царевича на каптур кружево ткано золото с серебром[1];

октября 5 костяного дела токарям иноземцам велено сделать царевичу 12 *коней* белых и черных, а на тех бы конях были люди[2];

1662 г. июля 11[3] травщик Савка листовым серебром (50 листов) серебрил маленькие *органы* в Верх к царевичу (№ 835);

[1] Там же. – С. 436.

[2] Там же. – С. 434.

[3] Там же. – С. 433 – июня 11.

июля 23 ошита царевичу *качель* бархатом рытым по белой земле морх червчат, вышло 2 $^{1}/_{2}$ арш. (№ 1179);

1663 г. генваря 20 скроены государю царевичу Алексею Алексеевичу двои шкарпетки тафта ала исподы черева бельи, тафты в кроенье вышло поларшина (№ 1174);

1664 г. апреля 30 царевичу обшита *качель* и сиделка бархатом червчатым, веревки обшиты кожею сыромятною; веревки в длину 12 сажень. Бархату вышло 6 $^{1}/_{2}$ арш. Около сиделки обложено бумагою хлопчатою пошло фунт; сверх бумаги обшита полотном холщовым. Послано к царевичу в объезд в с. Покровское (№ 1174, 1181);

декабря 8 большая потешная книга;

1665 г. марта 21 куплено два хвоста Орловых, дано 2 руб. царевичу на *стрелки,* на 12 гнезд куплено шелку шамаханского красного да белого и золота пряденого царевичу на *лук*;

марта 25 куплено снурку золотного [д]а шелку шамаханского алого царевичу на атласный тахтуй[1];

августа 18 плотник Осип Булатный Топор сделал 11 *древок тощих* длиною 3 $^{1}/_{4}$ арш. Те древки велено написать по золоту разными цветными краски в хоромы царевичу;

1666 г. февраля 17 токарь Давыдка сделал трои *доски шахматные* маленькие против образца в хоромы царевичу. Марта 22 расписывал те доски иконописец Федор Козел[2];

марта 8 золотого дела мастер Андрей Елисеев канителью разных статей шил к подносу (на Пасхе) царевичу *садак* по белому атласу;

марта 20 государь указал сделать в поднос 24 гнезда *стрел* чипрасовых и яблоновых с копьи и под перьем и у копий обвить золотом тонким;

апреля 3 на *ванну* водяную 10 досок сосновых. Взята ванна к царевичу[3];

---

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 437.

[2] Там же. – С. 438.

[3] Там же. – С. 439.

апреля 12 плотники сделали 12 *древок* не тощих простых, делали 7 дней. Взяты в хоромы царевичу стольникам[1];

апреля 16 иконописец Семен Павлов писал царевичу *древко тощее* по золоту разными цветными краски; писал 7 дней;

мая 15 плотники сделали шесть *стволов* потешных деревянных липовых; те стволы в хоромы царевичу;

июня 5 плотник сделал два ствола потешных деревянных липовых, длиною ствол 2 арш. 5 верш. Посланы в поход в с. Воробьево;

июня 8 велено сделать в Оружейной палате царевичу против образцовых *тамариков* яблоновых два гнезда *тамаров,* то ж число срезней, то ж число *свистов* (стрелы). Июня 12 к тому делу взято у человека боярина князя Якова Куденетовича Черкасского у Сенки Летнего хвост орловой белохвосцовой по счету 12 пер за 1 руб. 6 алт. 4 ден.[2];

ноября 22 царевичева шкатулка, что с *цынбальцы,* украшена кружевом кованым золотным узким (1 арш. 6 верш.) весу 2 $^{1}/_{2}$ золотн. (№ 1183);

1667 г. февраля 23 строчник шил царевичу золоченым серебром турским (на пяти вьюшках с деревом 16 золотн.) *лубье саадашное* и *колчан* по червчатому бархату (№ 835);

апреля 12 живописцы писали в поднос на Святой неделе царевичу Федору Евтифеев *лук* и гнездо томаров, а Федор Козлов *лук* в цветных травах, орлы и гнездо томаров. Этот другой лук, вероятно, изготовлялся для царевича Феодора Алексеевича;

---

[1] 7175 (1666) г. декабря 31. Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержец для праздника Рожества Христова пожаловал стольником великого осударя царевича и великого князя Алексея Алексеевича: 1) князю Василью Одоевскому, 2) князю Михаилу Черкаскому, 3) Алексею Шеину, 4) Федору да 5) Алексею Салтыковым, 6) князю Петру Хованскому, 7) князю Василью Мещерскому, 8) князю Ивану Мышецкому, 9) Василью Змееву – да великого государя царевича и великого князя Федора Алексеевича стольнику князь Федору Хилкову по камке кармазиновой мерою по 10 арш. (№ 1183).

[2] Первоначально автор имел в виду поместить здесь примечание, перенесенное согласно его указанию на с. 607. – *Ред.*

мая 3 куплено два крыла орловых черных 10 алт. на *северги*, и на *срезни*, и на томары на 15 гнезд стольникам царевича, да государя царевича статьи на севергу перо белохвосцово 3 алт. 2 ден. (№ 1028);

мая 12 живописец Кондрат писал виницейскими белилами (фунт 16 алт. 4 ден.) деревянные *голуби* к великому государю в хоромы (№ 1028);

июня 18 куплено крыло орловое на потешные *стрелы* стольникам царевича 13 алт. 2 ден., отдано стрельнику Василью Емельянову (№ 1028);

августа 7 куплено к *луку* царевича на *тетиву* 3 золотн. шелку белого, 2 золотн. шелку красного 3 алт. 2 ден.;

августа 22 куплено четыре *барабана* готовые совсем, дано 1 $^{1}/_{2}$ рубли с гривной, а те барабаны в Оружейной палате велено писать по золоту разными цветными красками в хоромы к царевичам (Алексею и Федору) (№ 1028); сентября 3 по именному великого государя указу для многолетного здоровья сына своего, государева, великого государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича дано окольничему Семену Артемьевичу Измайлову вместо ездовых ферезей объярь песочна мерою 5 арш. да на подпушку камки кизылбашской полосатой по серебряной земле разных шелков в полосах шелк желт да вишнев мерою 2 арш. Да ему ж дано кружева кованого серебряного мерою 12 арш. Думному дворянину Ивану Павловичу Матюшкину объяри песочной 5 арш. Думному дворянину Ивану Афанасьевичу Прончищеву объяри песочной 5 арш. Печатнику Алмазу Ивановичу объярь песочна ж 5 арш. (№ 1174);

1668 г. июля 8 отпущено на лучные *тетивы* стольникам царевича шелку сученого 12 золотн. (№ 835) в поход в с. Преображенское;

октября 20 позолочены пареным золотом набалдашники медные резные к *пистолям* царевича маленьким немецким и отпущены в поход в с. Преображенское;

1669 г. (?)[1] марта 22 велено сделать царевичу *лук* в 12 емей и написать золотом. Другой лук царевичу Федору в 8 емей, да в запас третий лук в 10 емей;

июля 7 к стреле царевича куплено перо белохвосцовое;

июля 18 велено сделать царевичу три *поставца* деревянные резные и расписать с лица разными цветными красками;

октября 20 велено к *пистолям* царевича маленьким немецким набалдашники медные резные позолотить пареным золотом и отпустить в поход в с. Преображенское[2];

октября 20 писаны царевичу *доски шахматные* по золоту и по серебру красками;

1670 г. генваря 7 велено сделать царевичу *кресла* деревянные кленовые и позолотить листовым сусальным золотом;

июня 12 куплено у тяглеца Воронцовской слободы Микитки 22 *стопы* стеклянные с рукоятками, по цене рубль 10 коп. По указу государя те стопы поданы царевичу Алексею Алексеевичу с цветами, принял в хоромы боярин Б. М. Хитрово.

Царевич Алексей Алексеевич, а за ним царевич Федор Алексеевич, по-видимому, очень любили тешиться стрельбою из луков. По всему вероятию, 2 июня 1669 г. для них было повелено сделать 100 саадаков (колчанов) стрел, по 25 стрел в каждом саадаке, следовательно, всего 2500 стрел, для чего потребовалось 100 полей лучины, перьев орловых черных крыл 100 птиц белохвостов, железец 2500, киноварю, румянцу, бересту на уши и жил, чем уши и под железцами зажиливать. Это были стрелы *росхожие,* рядовые. Другие стрелы различались названием, потому что различались формою,

[1] На поле оригинала помечено: «Без года»; см. выше, с. 625. Не о тех ли же, однако, луках говорится под 12 апреля 1667 г.? – *Ред.*

[2] Ср. выше о том же речь под 20 октября 1668 г. – С. 626. – *Ред.*

каковы были томары, срезни, свисты; они вытачивались из рыбьей кости (моржовых клыков), следовательно, могли быть отнесены к костяному веку.

Царевич Федор Алексеевич (род. 1661 г. июня 8).

«1666 г. апреля 3 к луку царевича на тетивы отпущено шелку 2 золотн.[1]

1667 г. иконописец Федор Козлов писал царевичу лук – в цветных травах орлы, в поднос ко Святой неделе;

апреля 10 отпущена про государя царевича Федора Алексеевича в его хоромы *ложка* каповая. Приняла боярыня Анна Петровна Хитрово (№ 1183);

июня 19 ему же царевичу к трем *алебардам* скроено нагалище[2] в багреце червчатом, в кроенье вышло аршин (№1183);

августа 13 куплено 2 золотн. яри виницейской (16 ден.) иконописцу Федору Матвееву для письма *барабана* по золоту. Отдан к царевичу в хоромы (№ 1028)[3];

1668 г. апреля 19 в хоромы царевичу Симеону[4] сделаны 10 мячиков бархат виницейский по серебряной земле морх рудожелт, галун золотной и пр. (№ 1182);

мая 16 в хоромы царевича Симеона Алексеевича сделано 20 мячиков в бархатах гладких в алом, червчатом, зеленом, голубом; в кроенье вышло по чети аршина да бумаги хлопчатой фунт (№ 1182);

августа 2 царевичу Федору Алексеевичу и царевичу Симеону Алексеевичу на *мячики* куплено голуну толкового на гривну (№ 381);

сентября 6 царевичу на *мячики* отпущено голуну золотного узкого 7 арш., весу 4 золотн., да шелку алого 2 золотн., да бумаги хлопчатой полфунта (№ 1029);

сентября 11 отпущено царевичу Федору и царевичу Симеону к *мячикам* на обшивку в голун серебра (волоченого) цевка, весу 6 золотн. (№ 1029);

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 439.

[2] Так в оригинале. – *Ред.*

[3] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 440.

[4] В оригинале добавлен год рождения царевича «1665» (род. 3 апреля). – *Ред.*

сентября 16 на *мячики* царевича Федора Алексеевича отпущено бархату виницейского серебряного 2 верш. да бархатов алого вершок, голубого 1 $^{1}/_{2}$ верш. (№ 1183);

1669 г. февраля13 царевичевы *потешные сани* обиты исподом (т. е. целым мехом на одежду) собольим пластинчатым, 70 пластин, еще пошел испод соболий 75 пластин, пола соболья 42 $^{1}/_{2}$ пластины (№ 1183);

апреля 20 шито нитями и веревками *стрельбище* войлошное царевичу;

мая 17 стрелец Никифор Еремеев делал из разного лесу *потешные игры* государским детям царевичам меньшим (Федору и Симеону);

июня 18 тому же стрельцу велено сделать для царевича Федора пять *львов* деревянных потешных на цепях железных, на ларцах деревянных, золочены и расписаны краски. Принес готовые 23 июня;

сентября 3 куплены два морха лошадиные шелковые черные сученые, по 30 алт. морх, и отданы на *узду* к *лошади* царевичу. К той же узде тесмяной черной сделаны муштучные удила, на что пошло железа и уголья на 6 алт. 4 ден.

1670 г. февраля 3 велено сделать царевичу три гнезда *голубей* и позолотить и расписать по серебру разными цветными краски. Писал живописец Иван Безмин (№ 858);

ноября 17 поданы в хоромы царевичу шесть *барабанов* больших и малых, писаны по золоту разными цветными красками;

ноября 19 из хором царевича в Немецкую слободу к часовнику Ивану Яковлеву отнесены для починки немцы, что стоят на деревянном черном ящике и играют. Эту игру починивали и в 1672 г. июля 15;

ноября 25 поданы в хоромы царевичу *тесаки* стальные с серебряным наводом;

1671 г. апреля 12 велено сделать царевичу 15 гнезд стрел свистов, срезней, северег, томаров;

апреля 27 по государеву указу в Верх царевича обшита на *качель* веревка посконная олениною, пошла оленина 15 алт.

Да около веревки по оленине обшито бархатом червчатым немецким (1 арш. 2 верш.) (№ 1033);

июня 14 писаны царевичу по золоту разными цветными красками четыре *древка* тощие потешные;

июня 21 велено сделать из проволоки *клетку* птицам о четырех житьях в хоромы царевичу в поход в Преображенское, длиною клетка 1 арш. 2 верш.;

сентября 18 ствольного дела мастер Игнатий Прохоров посеребрил царевичу *свайку* прорезную с кольцы листовым серебром сусальным (50 листов);

1672 г. генваря 18 иконописец Петр Афанасьев писал царевичу две потешные *книги* люди с боем;

февраля 8 живописец Богдан Салтанов писал баканом виницейским (4 золотн.) пять *барашков* да два *козлика* да две *булавы* в хоромы царевичу (№ 858)[1];

февраля 20 иконописец Микифор Бовыкин написал царевичу *доски шахматные* листовым сусальным серебром (50 листов)[2];

марта 12 живописец Богдан Салтанов расписывал вновь два *барабанчика* потешных маленьких по золоту разными цветными красками; расписывал также по золоту цветными красками два *древка* потешных тощих с яблоки;

мая 1 по государеву указу думный дворянин Иван Богданович Хитрово взял из Оружейной палаты в хоромы царевичу *лук* по алой кибити да лук по белой кибити писаны золотом подносу 180 г., да лук по алой кибити подносу прошлых лет; да 20 яиц деревянных писаны по золоту разными цветными краски, 10 яиц куречьих письма Богдана Салтанова;

мая 20 писано царевичу еще потешное *древко*;

июня 19 стрельник Василий Емельянов делал царевичу три гнезда *северег* (стрелы) с перьями хвоста белохвосцова;

августа 10 упомянуты пищали царевича винтованные золоченые нарядные;

[1] *Викторов А. Е.* Описание.... – С. 441.

[2] В оригинале карандашом добавлено: «На 20 коп.». – *Ред.*

августа 13 стрелец Петр Микулин починивал потешную *лошадь* деревянную царевичу; ему выдано на каменье простое, золото, серебро и на краски 60 коп.[1];

ноября 29 велено сделать к потешному *стульцу* четыре колеса железные прорезные луженые, в хоромы царевичу;

декабря 13 сделана грива к *коню* деревянному в хоромы царевичу Иоанну Алексеевичу (6 лет – род. 1666 г. августа 27).

декабря 16 починены две клетки кинарейные в хоромы царевичу Феодору. 1673 г. июня 3 иконописец Филипп Павлов писал царевичу двои доски шахматные;

июня 26 мастер Прохор Еремеев делал царевичу крыл *литавреные горшки* и *набат* делал шириною $^{3}/_{4}$ арш., вышиною четверть аршина по приказу души, дворянина Ивана Богдановича Хитрово[2];

июля 30 куплено 4 ремня сыромятные красные с пряжи и запряжники медными 16 алт. 4 ден. царевичу к двум *токам* к древкам *знаменным* потешным;

августа 7 золотили и писали красками *набат* да стулец царевичу;

ноября 1 арганист Симон Гутовской починивал царевичу *цынбалы* в черном дереве;

ноября 19 велено сделать 12 завесов сафьянных к длинным пищалям, да на лубье саадашное чемодан сафьянный, да 4 роги вышить[3];

ноября в 19 день по приказу боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово, да столника Ивана Степановича Телепнева, да диака Ивана Вахромеева Оружейные палаты живописцу Дорофею Ермолаеву за краски за три золотника бакану виницейского 15 алт., за 10 золотн. киноварю 3 алт. 2 ден., за 10 золотн. белил алтын, за 5 золотн. голубцу 3 алт. 2 ден., за 4 золотн. яри виницейской 4 алт., за 10 золотн. жолти

---

[1] См. 1669 г. [Ср. выше, с. 629, где речь о лошади царевича. – *Ред.*]

[2] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 6. [Имя мастера – Прокофей; см. выше, с. 604, прим. 2 и ниже – в обзоре игрушек царевича под 5 декабря 1674 г. – *Ред.]*

[3] Первоначально в оригинале было: «Ноября 19 вышиты 4 роги по гзу яринному на дерево к пищалям царевича». – *Ред.*

3 алт. 2 ден., за 5 золотн. зелени 10 ден., за 15 золотн. сурику алтын, чернил на 2 ден., за 10 золотн. вохры 2 ден., за 5 золотн. ражгилю 5 алт., за 5 золотн. шишгилю 5 алт., за 5 золотн. лазори виницейской 6 алт. 4 ден. да на 15 горшечков мурамленых 5 алт. всего рубль 21 алт. 4 ден., а по указу Великого Государя велено ему, Дорофею, те краски доставить в хоромы к великому государю царевичу и великому князю Феодору Алексеевичу (12 лет) всеа Великия и Малыя и Белыя России;

ноября 22 куплена у оружейного дозорщика Вилима *шпага* стальная 1 $^{1}/_{2}$ руб.; ножны покрыты вновь атласом золотным по червчатой земле. Шпагу золотил Григорий Вяткин. Подана царевичу в хоромы. Взнес бояр, и оружейничий Б. М. Хитрово сентября 23, в Троицком походе;

1674 г. генваря 22 Оружейной палаты оковщик Савка Яковлев сделал из свицкого железа в хоромы царевичу *размерец* длиною в четверть аршина;

генваря 24 сделана оправка серебряная петельки и кручик (крючек) с пробойцом весом 2 $^{1}/_{2}$ золотн. в хоромы царевичу к *сщетцу* писаному новому;

февраля 13 и 29 куплено 10 саж. струн бараньих больших 12 алт. 2 ден.; теми струнами велено вязать *морскую кережу* лопонскую в хоромы царевичу. Образцовую *кереж* сдал с Верху и вновь приказывал сделать думному дворянину Ивану Богдановичу Хитрово;

марта 1 арганист Симон Гутовской чинил царевичу *цынбальцы самоигральные* потешные;

апреля 3 починена *качель* царевича бархатная, пошло на починку бархату червчатого виницейского 6 верш.;

мая 29 куплено к трем *барабанцам* тесмы шелковой цветной 7 $^{1}/_{2}$ арш. На те тесмы куплено оправы серебряной 9 мест – 3 пряжи, 3 запряжника, 3 наконечника, 9 золотников;

июня 29 куплено 4 *колпака* полстяные белые по 10 коп. Посланы на Воробьеве царевичу и стольникам тешиться из луков;

июля 5 дворцовый паяльщик делал из белого железа в хоромы царевичу *попугайную* клетку;

июля 9 велено вышить серебром по бархату седельные тебеньки к нарядному седлу царевича;

июля 9 иконнику Никифору Бовыкину велено вновь написать потешную игру *карты* по золоту цветными красками в хоромы царевичу;

июля 13 велено сделать в Оружейной палате пару *пищалей* винтованную да гладкую, мерою ствол по аршину с двема вершки в поднос царевичу (к будущей Святой неделе);

июля 15 в Верх к царевичу сделана *попугайная клетка* из белого железа прорезная со столбиками и с орлами (см. июля 5);

июля 21 писаны золотом пять *прапорцев* царевичу, а на них написаны солнце, месяц и звезды;

августа 1 живописец Дорофей Ермолаев составливал в разных горшечках свои краски в хоромы царевичу по четверти фунта сурику 6 ден., вохры 4 ден., белил 6 ден., голубцу 5 алт., зелени 6 алт. 4 ден., черлени 4 ден., чернил на 2 алт., всего 17 алт. Те краски приказывал составливать и, составя, в хоромы принял Авраам Иванович Хитрово;

августа 9 арганист Симон Гутовской починивал *клевикорты* в хоромы царевичу;

августа 15 левкащица Манка левкасила доски *шахматные* царевичу, за левкас 2 гривны;

октября 2 живописец Иван Безмин писал на тафтах два *прапора* потешные царевичу;

ноября 30 строчного дела мастер Прокопий Андреев сделал царевичу в красном гзу и вышил волоченым золоченым [sic] и белым турским серебром *лубе саадашное* с колчаном к Пасхе в поднос;

декабря 5 стрелец Прокопий Еремеев починивал заново кожею и струнами *барабан* большой потешный в хоромы царевичу;

декабря в 19 день куплено в Оружейную палату 9 кистей иконописных бельих, даны 4 алт., а по указу Великого Государя те кисти поданы того ж числа в хоромы к Великому государю царевичу и великому князю Феодору Алексеевичу принял окольничий Иван Богданович Хитрово;

декабря 31 иконописец Филипп Павлов писал три *барабанца* потешных царевичу;

1675 г. февраля 4 иконописец Иван Филатов писал царевичу потешную книгу;

февраля 7 часовнику Петру Высоцкому выдано на струну к серебряным часам маленьким царевича 8 коп.;

июня 11 куплены петли железные луженые и замок (8 алт. 2 ден.). Прибит к ящику аспидному зеленому, что сделан к *страментам* царевича и отвезен в с. Преображенское[1];

июня 16 куплен саадак стрел, дана полтина; взяты (стрелы) в саадак карле Якушку Иванову царевича Федора Алексеевича;

июля 12 ствольного и замочного дела мастеру Григорью Вяткину велено сделать царевичу пару *стволов пистольных* с замками шкоцкими, длиною стволы 7 верш., замки 3 верш. Приказал сделать боярин и оружейничий Б. М. Хитрово;

августа 8 в Оружейной палате царевичу золотили, и серебрили, и писали красками *органы* потешные, что деланы по приказу боярина Б. М. Хитрово.

1677 г. февраля дозорщик Оружейной палаты Андрей Артемьев разбирал и починивал *потешный* деревянный *корабль* и опять собрал его, получил за работу 2 руб. 15 алт. Для починки корабль был снесен из хором государя (Федора Алексеевича)[2];

июня 3 в походе за Ваганковом [государь] изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальникам – пропало в траве и переломали 33 гнезда северег;

июня 8 идучи с Воробьева изволил тешиться на Крымском броду;

июня 10 – в с. Покровском;

июня 15 – в Преображенском в роще;

июня 21 в Соловецкой пустыне – изволил тешиться и указывал из луков стрелять спальникам (№ 234);

---

[1] В оригинале автором помечено: «Следует Петр и Алексей Петрович», но об игрушках Петра Великого см. ниже, в гл. IV, а об игрушках царевича Алексея Петровича выше, между прочим, на с. 593–597 и в других местах II главы. – *Ред.*

[2] На поле автором поставлен «NB». – *Ред.*

1680 г. ноября по указу государя окольничий и оружейничий Иван Максимович Языков приказал купить к государю в хоромы *птиц киноreек*. Того ж числа взято три птицы *кинорейки* у часового дела мастера иноземца Ивана Яковлева с клеткою немецкою точеною, с костьми на проволоке железной, а сказал, цена-де кинарейкам по 6 руб. за кинарейку, а клетке цена 8 руб. Да у него ж взят к великому государю в хоромы *потешный человек* – сделан из ярого воску в немецком платье с соколом, цена ему 15 руб., всего 41 руб. Деньги выданы в апреле 1681 г.».

«1627 г. августа 14 (четырехмесячной) царевны Ирины к потехе поларшина бархату черного. Взял знаменщик Петруша Ремезов[1];

августа 21 знаменщику Петруше Ремезову за двенадцать колокольчиков меденых 12 коп., а те колокольчики взяты к царевнине потехе (№ 738), которой в это время минуло всего 4 месяца;

августа 22 царевны Ирины Михайловны на семь *мячиков* на лоскутье софьянное 3 коп.; да на десять колокольчиков меденых 15 коп.; взял чеботник Иван Галка (№ 738);

сентября 30 знаменщик (рисовальщик) Петр Ремезов сделал царевне потеху: девки по литаврам бьют, а Новгородской чети сторож Лучька Онаньин сделал ей же потеху – яблонь листье золото (№ 930)[2]. Царевне в это время было всего пять месяцев.

В 1628 г. октября 2 государь пожаловал царевне Ирине кораблик серебрян золочен с парусом на колесах, в нем пушечки и люди весу 3 гривенки 16 золотн. = 160 золотн.[3] 5 октября она причащалась. В 1633 г. февраля 12 сесь кораблик пожаловал государь сыну своему царевичу Алексею Михайловичу,

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 342.

[2] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 481.

[3] Там же. – С. 538.

и того же дни сесь кораблик пожаловал государь опять царевне (№ 672). 1649 г. февраля 8 царевна дарила сим корабликом царевича Дмитрия Алексеевича (№ 669);

1628 г. декабря 17 посошнику Тимофею Федорову на уголье, и на клей, и на свечи 13 коп.; а он делал царевне Пелагее Михайловне на платье *сундук* кипарисный (№ 748);

декабря 18 к царевне *Ирине* Михайловне в хоромы на *подстилку под потехи* и к лавкам на стирки[1] два аршина сукна настрафилю лазоревого приняла боярыня княгиня Марья Хованская (№ 748);

1629 г. генваря 1 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором выдала боярыня Катерина Бутурлина *шкатулу* деревяну островерху, по черной земле писана золотом да серебром, а сказала в ней царевны Пелагеи Михайловны казны три *кубка,* да *караблик,* да немка серебряны золочены, да спица сахару леденцу; и генваря 13 ся шкатула отдана к царице в хоромы, приняла боярыня Катерина ж Бутурлина (№ 748);

Февраля 5 государь пожаловал царевне Ирине ларчик стеклянный во влагалище деревянном (№ 748)[2];

февраля 6 В. И. Стрешнев принес от царицы из хором *куклу-девку немку,* во влагалище деревянном, попорчена, и та потеха отдана к царевне Ирине в хоромы (№ 748);

апреля 24 царевны Ирины Михайловны обшита *качель* сукном червчатым багрецом, да поверх сукна бархатом червчатом гладким, да на обшивку пошло аршин сукна да 9 верш. бархату, да на шитье золотник шелку червчатого (№ 748);

июня 15 чеботнику Ивану Исаеву за четыре *колокольчика* меденых *круглых* 6 коп., а положены те колокольца в царевнины в потешные в бархатные в цветные мячики (№ 738);

октября 12 к царице в хоромы 14 лоскутов атласов золотных да бархатных разными цветы, да лоскут камки кармазину червчатой, да лоскут тафты лазоревой, аршин без чети тафты китайки, 1 $^{1}/_{2}$ золотн., шелку червчатого да лазоревого,

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

[2] Дополнения к Дворцовым разрядам. – С. 555.

приняла боярыня Катерина Бутурлина, а в тех лоскутах и в шелку деланы царевне Ирине потешные куклы (№ 751);

октября 19 к царице Евдокии Лукьяновне в хоромы на потешные *куклы* аршин киндяку червчатого да аршин киндяку лазоревого, да два золотника шелку черново, да к *куклом же* на подстилку два аршина без дву вершков сукна лазоревого английского, приняла боярыня Катерина Бутурлина (№751);

ноября 7 Васке Плотникову за двои *саночки* маленкие 6 коп., а взяты те саночки царевне Ирине Михайловне для потехи (№ 738);

1630 г. генваря 10 с Москвы-реки с леду торговому человеку Мишке Микифорову за *санки лубяные* 5 коп., а взяты те санки царевне Ирине Михайловне для потехи (№ 738);

мая 12 от царевны Ирины Михайловны из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов достокан виницейской бел по нем полосы лазоревы косы; да *качель* обита тафтою червчатою виницейскою, поцепка у *качели* обшита сукном да бархатом червчатым (№ 751);

мая 26 государь пожаловал царевне Ирине опахало перяное черно, посредине цветное перье, по середке в нем зеркало с закрышкою, черен деревянный, цена 5 руб. То опахало государю прислал Кафимский митрополиит Генадей (№ 937)[1];

октября 22 взято с Казенного двора бобр да полчетверта аршина киндяку темно-зеленого, аршин 2 верш. тафты виницейки червчатой, да цевка золота, 10 верш. сукна багрецу червчатого да семь досок *кипарису* весом 2 пуд. 23 фун. И в том кипарисе делан царевне княгине Анне на платье *сундук* (№ 755);

декабря 16 разных рядов торговым людям за 40 за 8 листов золота сусального, да за разные краски, да за 20 *колокольцов* меденых *круглых,* да за ременье и за гвоздье рубль 20 коп., а взято то золото, и краски и колокольца, и ремья [sic], и гвоздья к царевнине к *накреной потехе* на поделку (№ 738).

В казне царевны Ирины 1630–1636 гг. хранилось одеяло, камка кизылбашская, по алой земле кружки золотные да серебряные, грива камка кизылбашская по серебряной земле травы

[1] Там же. – С. 625.

шелки разные, подложено тафтою червчатою. И та тафта из-под одеяла выпорота, потому что она ветха, а в то место подложено одеяло киндяком лазоревым. И то одеяло в отставке, а *покрывают им куклы* у царевны в хоромах (№ 672);

1631 г. марта 22 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором выдала боярыня княгиня Марья Хованская *кубок серебрян* золочен на достоканное дело, по нем резные травы да образинки, пониже кубка шуруп ввертной, а пониже шурупа *колоколчик* серебрян с язычком, а пониже колокольчика *змей* серебрян же золочен с свистом; а сказала, что тот кубок царевны княжны Ирины Михайловны казны (№ 755);

апреля 7 от царевны Ирины из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов ее государыни потехи: *возок* серебрян на колесах невелик немецкое дело; другой *возочик* серебрян на санное дело (вроде саней) невелик же, а в нем сидят немчин да немка, перед возком стоит немчин же; да чарка серебряна гладкая, в чарке и пелесть золочена, в венце подпись: “Божиею милостию В. Государя Царя и В. К. Михаила Федоровича всеа Русии дщери Царевны Княжны Ирины”. Отнесены к царице в хоромы (№ 755)[1];

апреля 22 разных рядов торговым людям за разные *потехи* 58 коп.; а потехи у них иманы к царевне княжне Ирине Михайловне в хоромы (№ 738);

мая 9 москотильного ряду, что у Троицы под горою, за трои *серги* медные 9 коп. к царевне Ирине в хоромы для потехи (№ 738);

мая 11 москотинного ряду торговому человеку за 16 *поясов* нитеных тканых, да за 4 четки 31 коп., а взяты те пояса и четки к царевне княжне Ирине Михайловне в хоромы для потехи (№ 738);

декабря 14 овощного ряду торговому человеку за потеху – сделано *древцо с цветы* шелки разные, 23 алт. 2 ден., а взята та потеха к царевне Ирине (№ 738);

декабря 22 пряничного ряду, что на Неглинне, торговому человеку Ивашку Якимову за 6 *олубчиков* деревяных *по-*

[1] Дополнения к Дворцовым разрядам.– С. 666.

тешных, по них писано золотом да краски разными по 6 коп. за голубчик; да за 4 *петушка* деревянных же по 2 (?) коп. за петушок; за три *бубенчика* поюсных [sic] по 3 коп. за бубенчик, да за четыре *девки немки* деревянные потешные ж по 5 коп. за немку, всего за *потехи* 73 коп., а взяты те потехи царевне *Ирине* Михайловне для потехи (№ 738);

1632 г. февраля 8 овощного ряду торговому человеку Никонку Петрову за 20 (?) листов *бумаги немецкой писаной* за лист по 2 ден. (1 коп.), итого 19 (?) коп.; а бумага взята царевне Ирине Михайловне (5 лет) в хоромы для потехи (№ 738);

марта 14 москотильного ряду торговому человеку за разные потехи 52 коп., а взяты те потехи к царевне Ирине Михайловне в хоромы (№ 738);

сентября 3 царевне Ирине Михайловне обшита *качель* потешная сукном багрецом, на обшивку сукна пошло аршин (№ 760);

сентября 17 овощного ряду торговому человеку за 10 *листов бумаги писанной немецкой* по 3 ден. (1 $^{1}/_{2}$ коп.) за лист, итого 15 коп., да за 20 листов бумаги писанной же по 2 ден. (1 коп.) за лист, итого 20 коп., и всего за 30 листов бумаги писанной немецкой 34 коп.; бумага взята к царевне Ирине Михайловне в хоромы для потехи (№ 738);

октября 16 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором принес Василий Иванович Стрешнев четыре пары соболей, ценою одна пара 3 руб. с полтиною, а 3 пары в 3 руб.; и в тех соболях царевне Ирине Михайловне да царевне Анне сделаны потешные *каптуры* (№ 760);

октября 17 царевне Ирине скроен для потехи каптур в соболях; соболей пошло 1 $^{1}/_{2}$ пары; на опушку кругом бобр, на передний пух $^{1}/_{4}$ бобра, да на верх 3 верш. миткалей арабских белых (№ 760);

ноября 18 торговому человеку Лукашку Кирилову за полосьмины *ягод рябины* 20 коп.; а взята *рябина* к царевне Ирине Михайловне в хоромы (№ 738);

ноября 29 царевне Анне Михайловне скроен потешный *каптур* в куницах, в кроенье пошло шесть куниц да на опушку

бобрькарь[1], да на передней пух полбобра черненого, да на верх четверть аршина миткалей (№ 760);

в 1633 г. февраля 9 Василий Иванович Стрешнев челом ударил царевне Ирине кубок серебрян да *телец* серебрян золочен на столице серебряном золоченом, попорчен (№ 789);

мая 9 овощному ряду торговому человеку Бориску Юрьеву за разные деревянные потехи 40 коп., а потехи взяты к царевне Ирине Михайловне в хоромы, приняла боярыня княгиня Марья Хованская (№ 738);

июня 14 потешного ряду торговому человеку Васке Ив. за *потехи,* за две *немки* деревянные да за *конь* деревянный же 28 коп.; потехи взяты к царевне Ирине Михайловне в хоромы (№ 738);

августа 11 к царевне Ирине Михайловне в хоромы из царицыной казны поларшина камки кизылбашской по серебряной земле травки шелк ал да рудожелт; да взяв с Казенного двора аршин дорогов гилянских[2] червчатых приняла княгиня Марья Хованская и сказала, что в той камке сделана на *потешную куклу* накладная шубка, а дорогами та шубка подложена (№ 760);

октября 6 от царевны Анны Михайловны (3-х лет) выдала боярыня княгиня Марья Пронская потешные *цынбалы,* сделаны в дереве в черном, на шкатульное дело, на четырех ножках, немецкое дело (№ 953);

октября 24 царевне Ирине Михайловне скроена *потешная колыбель* в сафьяне в цветном, по нем выбито сусальным золотом да серебром; к колыбели на подкладку зендень червчата (№ 953);

1634 г. генваря 10 к царевне Ирине Михайловне в хоромы на потешное на *куколное дело* три чети тафты виницейки червчатой да желтой, да 9 верш. камки желтой мелкотравной, да бобровый хвост, да звено бобровое мерою 3 верш., да аршин с четью киндяку лазоревого, да 30 черев бельих приняла княгиня Мария Пронская (№ 763);

[1] Так в оригинале, следует читать: «бобр карь». – *Ред.*

[2] В оригинале: «шлянских». – *Ред.*

февраля 27 царевне Ирине Михайловне на *куколную на потешную постелю* скроена наволока в киндяке в червчатом; киндяку пошло аршин с четью (№ 763);

марта 21 потешного ряду торговому человеку Степану Андрееву за разные потехи, за *куклы*, да за *конки*, да за *барашки* писаны краски разными 65 коп., потехи взяты к царевне Ирине Михайловне в хоромы, отнес окольничий Василий Иванович Стрешнев (№ 738);

мая 3 царевне Ирине Михайловне скроена на *потешную постелю* да на *сголовье* к *куклам* две наволоки в киндяке в червчатом, киндяку в кроенье на наволоки пошло полчетверта аршина да в простилку фунт бумаги хлопчатой битой (№ 763);

июня 16 дано торговым людям овощного ряду за *немецкие за печатные листы* 60 коп., а взяли те листы из государевой Мастерской палаты в хоромы государю царевичу князю Алексею Михайловичу да государыням царевнам боярин Борис Иванович Морозов да окольничий Василий Иванович Стрешнев (№ 761);

июня 29 змей золотой отнесен царевне Ирине для потехи (№ 672);

октября 11 москотинного ряду торговому человеку за три *иголника потешные* 15 коп., да домерного ряду торговому человеку за шесть *домер потешных* же 49 коп.; а взяты те игольники и домры для *потехи* к царевне Ирине Михайловне в хоромы (№ 738);

октября 22 серебряного ряду торговому человеку за пуговицу серебряную золочену ожерельную да за две жемчужины 22 коп.; а пуговица и жемчужины взяты хоромной девке к отдаточному ожерелью, приняла казначея Анна Хитрово (№ 738);

ирошного ряду торговому человеку за 4 ремня лосиных по 5 коп. за ремень, да за 4 кольца железных с плащами луженых по 2 коп. за кольцо, а взяты те ременья и кольца царевны *Ирины* Михайловны к потешной к сафьянной колыбели (№ 738);

октября 23 выдано из белой царицыной казны для царевен Ирины и Анны к потешным *постелям* на наволоки полотно тверское;

октября 24 ирошного ряду торговому человеку за 4 ремня лосиных по 5 коп. за ремень, да за 4 кольца железных с плащами луженых по 2 коп. за кольцо; а ременья и кольца взяты царевны *Анны* Михайловны к *потешной* к сафьянной колыбели (№ 738)[1];

1635 г. мая 18 москотильного ряду торговому человеку за 5 *колокольцев* медяных вольяшных да за кожу и за клей 45 коп.; в колокольцах и в коже сделаны царевичам и царевнам потешные мячики (№ 738);

мая 31, по именному приказу государыни царицы Евдокии Лукьяновны на *потешную куклу* сделан *летник* тафта виницейка кармазин, тафты пошло аршин без 5 верш., на подольник пошло 2 верш., дорогов гилянских желтых, на опушку пошло пуху 3 арш., на вошвы пошло полчетверта вершка камки адамашки двоеличной, шелк зелен чорлен, и всего летнику цена рубль 37 коп.; шубка накладная, дороги желты гилянские, дорогов пошло аршин с вершком, втычные; и всего шубке цена 31 коп., а приказал царицыным словом дьяк Сурьянин Тороканов дьяку Гаврилу Облезову, взял летник и шубку портной мастер Яков Трофимов (№ 766);

июля 30 дано сторожу Кузомке Еремеиву 20 коп.; а он за те деньги делал царевне Ирине Михайловне *потешные ларчики,* ему ж на те ж потешные ларчики две гривны (№ 738);

августа 29 дано царицына чину сыну боярскому Степану Голювкину[2] 6 коп., а он на те деньги купил в хоромы к царевне Анне Михайловне потешных три ларчика;

1636 г. марта 28 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов *потешный ларчик* немецкий, оклееван стеклами крашеными и золочеными, да потешные *кресла* серебряные, да на столице *козлик* серебряный золоченый, да чарка серебряная, да два *зеркала* хрустальных, да *ножницы* немецкие; да два *ножика* черены костяные, в ножнах, ножны поволочены камкою червчатою; да *ножны* без ножика

[1] Ср. выше о такой же потешной колыбели царевны Ирины Михайловны (год и месяц те же). – *Ред.*

[2] Так в оригинале. – *Ред.*

оправные поволочены бархатом червчатым, оправа серебряна золочена, поцепка турская ткана шелк зелен с золотом; а сказал, что то все царевны Софьи Михайловны казны (№ 771);

июля 2 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором выдала боярыня княгиня Ульяна Троекурова *ларчик* кипарисный, в него врезаны раковины с золотом да с серебром, окован серебром золоченым; на переда[1] у ларчика орлик серебрян золочен; а сказала, что тот ларчик государыни царевны Татьяны Михайловны, а в нем 140 золотых да серьги (№ 771);

августа 25 дано Оружейного приказу ножевному мастеру Богдату [sic] Игнатьеву царевны Ирины Михайловны к трем к *потешным* ножикам на приклад 30 коп. (№ 1059);

октября 31 охотного ряду торговому человеку за *клетку птичью* 15 коп.; клетка взята царевны Ирины Михайловны в хоромы (№ 959);

октября 31 царицыны Мастерской палаты каптурнику Максиму Самыгину на три недели и на четыре дни корму по 5 коп., а делал в те дни царицы Евдокии Лукьяновны каптуры и шляпы, да царевны Ирины Михайловны треушень, да царевне Анне Михайловне *столбунец* (№ 959);

ноября 29 овощного ряду торговому человеку за *девять листов потешных* 25 коп. Деньги взял царицын сын боярский Прохор Перепечин, а листы приняла в хоромы крайчея Соломонида Мезетцкая (№ 959)[2];

декабря 7 каптурного дела ученику Андрюшке Самыгину на четыре дни корму на день по 1 $^{1}/_{2}$ коп.; а делал он в те дни царевне Ирине Михайловне потешные *рукавки* (№ 959);

декабря 15 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором принес дьяк Левонтей Лазоревский *блюдечко да кувшинец* лазоревы, да кувшинец бел, да стоканчик желтый мурамленые писаны все чернью, а выдала ему княгиня Ульяна Троекурова, а сказала, что те суды царевны Татьяны Михайловны (№ 774);

декабря 30 коробейного ряду торговому человеку за *коробью красную* с нутряным замком 25 коп., а коробью приняла

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

[2] Выше, на с. 611, эта покупка отнесена к 1635 г. – *Ред.*

казначея Анна Хитрая, а сказала, что та коробья царевне Ирине Михайловне на потешные суды (№ 959).

1637 г. февраля 20 овощного ряду торговому человеку за *немецкую коробку* 10 коп., а коробочка взята в царицыну Мастерскую палату на потешные суды (№ 959);

мая 27 коробейного ряду торговому человеку за коробью белую 15 коп.; коробья взята к царевне Анне Михайловне на потешные суды (№ 959);

июля 18 от царевны Ирины Михайловны принес дьяк Сурьянин Тороканов *кровать потешную* островерху, около кровати запона белая, на кровати *кукла* спеленана, на кукле одеяло бархат червчат, кружево серебряно; а выдала ему тое кровать казначея Анна Хитрая (№ 774);

того ж дни принес дьяк Сурьянин Тороканов от царевны Анны Михайловны из хором *куклу,* сидит в месте, а сказал, что тое куклу выдала ему казначея Офросинья Волкова (№ 774);

сентября 9 к царице Евдокии Лукьяновне в хоромы 20 коп.; деньги взял Василий Голохвастов, а сказал, что на те деньги куплено царевнам *потехи* (№ 959);

сентября 18 щепетинного ряду торговому человеку за *потешные коньки* и *колокольчики* 19 коп.; деньги взял царицын сын боярский Тимофей Озеров, а потеху принесла к царевне Ирине Михайловне княгиня Марья Хованская (№ 959);

сентября 28 щепетинного ряду торговому человеку за потешные *коньки* и *колокольчики* 25 коп.; деньги взял царицын сын боярский Иван Кормилицын, а потехи приняла к царевне Анне Михайловне княгиня Марья Ивановна Пронская (№ 959);

декабря 16 потешного ряду торговому человеку Микифору Иванову за *деревянные разные* потехи 13 коп.; потехи к царице Евдокии Лукьяновне в хоромы приняла боярыня княгиня Ульяна Троекурова (№ 959);

1638 г. марта 20 коробейного ряду торговому человеку за коробью 10 коп.; деньги взял царицын сын боярский Иван Щедриков, а коробью приняла царевны Анны Михай-

ловны казначея Офросинья Волкова, а сказала, что та коробья на *потешные суды*;

сентября 18 царевны Татьяны Михайловны обшивана *потешная колыбель* сукном червчетым настрифилем, на обшивку пошло полшеста вершка сукна (№ 777);

ноября 10 к царице Евдокии Лукьяновне в хоромы два рукава черевьи бельи, приняла княгиня Марья Хованская, а сказала, что те рукава на потехи царевне Ирине Михайловне (№ 777);

декабря 23 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов две *тарелки* черных деревянных с лица писаны птицы и травки золотом, а сказал, что те тарелки выдала ему казначея Анна Хитрая, а сказала, что те тарелки царевны Ирины Михайловны (№ 777);

1639 г. марта 2 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов в 14 местах судов серебряных невеликих и в том числе: *судки* да *конек* позолочены, *братина,* венец позолочен с подписью, а подпись написана: «Братина Царицы и Великие Княгини Евдокии Лукьяновны»; да *оловеничек* да *кружечка, горшечик* с рукоядочкою, *ставик* с покрышечкою, *котлик* с душкою, *тарелочка, росолничек,* чашка с рукоядочкою, *сапожек, песоченка,* серебряные белые, а сказал, что те суды выдала ему княгиня Марья Хованская, а сказала, теми-де сосуды государыня царица пожаловала дщерь свою царевну Ирину Михайловну; а были-де те сосуды блаженные памяти государя царевича князя *Ивана* Михайловича, и приказала положить царевны Ирины Михайловны в казну. И 1640 г. октября в 14 день се сосуды к царице в хоромы приняла княгиня Марья Хованская (№ 777);

марта 6 от царевны Ирины Михайловны из хором выдала боярыня княгиня Марья Хованская *пять рожков* серебряных, по них полоски резные золочены, а сказала, что те рожки царевны Ирины Михайловны *потешные,* и приказала положить в царевниной казне (№ 777);

апреля 7 к царице Евдокии Лукьяновне в хоромы полтора аршина киндяку и зендени разных цветов, 6 верш, дорогов

желтых; приняла княгиня Ульяна Троекурова, а сказала, что тот киндяк, и зендень, и дороги царевне Татьяне Михайловне на потехи (№ 777);

июня 8 царевны Ирины Михайловны скроены два *потешные летники* в тавтах, один в червчетой, а другой в желтой; в кроенье пошло по чети аршина тафты и с подолники (№ 777);

июня 17 царевны Татьяны Михайловны обшиваны три потешных бархатных червчетых *мячиков* по швам кружевом серебряным узким кованым, на обшивку пошло полтора золотника (№ 777);

июня 26 царевне Анне Михайловне обшиваны четыре потешные бархатные мячики разными цветами кружевом узким кованым серебряным, на обшивку пошло кружева полтретья золотника (№ 777);

июня 29 царевне Ирине Михайловне скроена *потешная* накладная *шубка* в сукне в червчетом в багреце, в кроенье пошло сукна 2 верш. с четью; да под тое ж шубку подкладка – подкроено полтора вершка тафты желтой;

того ж дни царевне Ирине Михайловне скроена *потешная телохрея* в тафте в червчетой; в кроенье пошло тафты четь аршин (№ 777)

августа 8 к царице Евдокии Лукьяновне в хоромы полшеста вершка атласных обрезков золотных и серебряных, три чети без полувершка камчатых и тафтяных и дорогилных обрезков разных цветов, семь вершков камки желтой травной; приняла княгиня Марья Пронская, а сказала, что те обрезки царевнам на потехи (№ 777);

декабря 19 коробейного ряду торговому человеку за *ларчик* зелен 15 коп.; *ларчик* приняла в хоромы казначея Анна Хитрая, а сказала, что тот *ларчик* царевне Ирине Михайловне на *потеху* (№ 779);

декабря 19 каптурному мастеру Максиму Самыгину на 7 дней корму на день по 5 коп., делал он в те дни царевны Ирины Михайловны *потешной каптур* да чистил семь сороков соболей (№ 779);

1640 г. генваря 16 от царевны Ирины Михайловны из хором выдала боярыня княгиня Марья Хованская потешных *кукол:* 1) на кровати зеленой столпчатой *лежит на перине,* одета одеялом бархат червчет, около одеяла каймы объярь вишнева; 2) да *две куклы сидят в креслах,* около их травки червчеты, на травах цветки белые – *головами* и *руками* и *ногами* шевелят; 3) две куклы в двух ящиках: одна в липовом, а другая в немецком дереве; да 4) в двух ящиках в черных, в одном *сидят люди,* а в другом *птицы*; а сказала, что те потешные куклы царевны Ирины Михайловны (№ 780);

генваря 16 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором выдала княгиня Марья Пронская потешных кукол: 1) *девка сидячая* в креслах зеленых, на ней платно тафта ала, у рук по персту переломлены, рука испорчена; 2) *две куклы* спеленаны, одна в колыбели, а другая без колыбели; которая без колыбели, у той на голове череп выломлен; да кукла спеленана в червчатой одеже, испорчена ж; а сказала, что те потешные куклы царевны Анны Михайловны (№ 780);

февраля 2 коробейного ряду торговому человеку за *коробейку красную с замком* 14 коп.; коробейку приняла княгиня Ульяна Троекурова, а сказала, что та коробейка царевне Татьяне Михайловне *на потеху* (№ 779);

февраля 15 от царевны Ирины Михайловны из хором принес дьяк Левонтий Лазоревский потешную *собачку* черную деревянную с ожерельем бисерным, да *сулейку,* да *булаву* лазоревы стеклянные; а сказал, что тое потеху выдала ему княгиня Марья Хованская, а сказала, что та потеха царевны Ирины Михайловны (№ 780);

мая 22 коробейного ряду торговому человеку за замочек *нутреной* 15 коп.; замочек приделан царевны Ирины Михайловны к *троецкому ларцу* (№ 779);

октября 13 от царевны Ирины Михайловны из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов кувшинец виницейский, писан красками с золотом, а сказал, что выдала ему княгиня Хованская, а сказала, что тот кувшинец царевны Ирины Михайловны (№ 783);

октября 31 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором выдала княгиня Марья Хованская *кувшинец* виницейский белый, по нему писано золотом, на кувшинце кровля серебряна, под кровлею около горлышка обложено серебром, по серебру золочено золотом, резаны травки; а сказала, что тем кувшинцем государь царь Михаил Федорович пожаловал дщери [sic] своей, царевне Ирине Михайловне, и приказала положить в царевниной казне (№ 783);

ноября 30 ирошного ряду торговому человеку за воем ременев за ремень по 2 коп., да железного ряду торговому ж человеку за четыре кольца железных луженых и с пробои за кольцо по 2 коп.; взял деньги царицын сын боярский Иван Айгустов, а кольца и ременье взяты царевны Татьяны Михайловны к потешной *колыбели* (№ 779);

декабря 12 овощного ряду торговому человеку за *блюдечко* мурамленое 4 коп., да за *сапожек*, и за *сковородку*, и за *горшочек* мурамленые ж 5 коп.; суды к царице в хоромы принес Семен Лукьянович Стрешнев (№ 779);

декабря 18 от царицы Евдокии Лукьяновны из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов *цынбалы* невелики, деланы в дереве в черном, теремчаты, немецкое дело; наверху сделано три мужичка, немец да две немочки; во влагалище в деревянном оболочено кожею черною, по коже пасмено поталью, во влагалище обито сукном червчатым; а сказал, что теми цынбалами государыня царица пожаловала дщерь свою, царевну Ирину Михайловну; а выдала-де ему те цынбалы княгиня Марья Хованская и приказала положить в царевниной казне (№ 783);

1641 г. мая 12 взято к государыне царице в хоромы 5 руб., взял Иван Федорович Большой Стрешнев, а сказал, взяты царевнам в расход на потехи (№ 761);

сентября 15 овощного ряду торговому человеку за четыре *чернилницы* двойных да за два *горшечка* мурамленых 12 коп.; чернильницы и горшочки отданы к царевнам в хоромы (№ 779);

декабря 3 по приказу дьяка Сурьянина Тороканова Оружейной палаты кожевному мастеру Богдашку[1] Игнатьеву на

[1] См. выше, с. 642. – *Ред.*

14 дней корму на день по 3 коп., а делал он, Богдашко, в те дни царевнам на шесть *ножечков* шестеры ножненки и покрывал бархатом разными цветы (№ 779);

1643 г. генваря 15 по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова деланы к *куклам* две шубки накладные; одна сукно червчато, другая светло-зелена; взяты сукна из остатков государевой Мастерской палаты, червчатое, что осталось у государева образцового треуха. И того ж дни се шубки отнес боярин Борис Иванович Морозов государыням царевнам в хоромы (№ 866);

1644 г. июня 8 по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова куплен в замочном ряду замочек вислый невелик по цене 4 коп.; да *лист немецкий* 1 коп. и всего 5 коп. И сей замочек и лист взял боярин Борис Иванович Морозов и отнес в хоромы государыням царевнам, а сказал, что сей *замочек* и *лист* к коробочке государыни царевны Анны Михайловны[1] (№ 775);

сентября 9 овощного ряду торговому человеку за три *скляночки* 8 коп., куплены те скляночки в *шкатулку* царевны Ирины Михайловны (№ 794);

1646 г. августа 30 к царевне Татьяне Михайловне в хоромы приняла Ульяна Степановна Собакина одеяло – тафта червчата, грива тафта желта, на черевах на бельих, а сказала, что верх и с пухом того одеяла царевне на *потеху,* а испод царевна пожаловала девке дурке татарке Дунке (№ 683);

1649 г. июля 4 зеркального ряду торговому человеку от *потешного зеркала* царевны Ирины Михайловны за дело, и за приклад, да за зеркальный станок, оклеен бараном красным, 20 коп. Зеркало приняла казначея Василиса Пятово (№ 806);

декабря 12 государыни царевны Анны Михайловны обшиваны *качельные* веревки бархатом червчатым, бархату на обшивку пошло 3 арш. 2 верш., да на шитье шелку 2 золотн. (№ 811);

1650 г. августа 22 по приказу казначеи Василисы Пятовы на *потешную колымажку* скроено наверх сукно, в кроенье сукна багрецу пошло 3 арш. без чети, да под то ж сукно на подкладку пошло 3 арш. 6 верш. тафты желтой; в тое ж колымажку скроено на подушечку да на три застенка на исподние наволо-

[1] Ср. выше, с. 611. – *Ред.*

ки, пошло 3 $^{1}/_{2}$ арш. полотна тверского; да на верхние наволоки пошло 2 арш. камки куфтерю червчатой. Да в тое ж колымажку скроено два *миндерика;* в кроенье пошло два сафьяна червчатых да в подушечки и в миндерики в настилку пошло 4 ф. бумаги хлопчатой; да к той же колымажке на запаны пошло аршин без чети тафты желтой; да на привеску к сукну и на запоны на путовозы пошло 23 золотника шелку червчатого, да на шитье шелку 4 золотн. И тое колымажку приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тою колымашкою царевна Ирина Михайловна дарила царевну *Евдокию* Алексеевну (№ 811);

1650 г. октября 1 государыни царицы Марьи Ильичны сыну боярскому Ивану Волжинскому 10 коп. дано, а он на те деньги купил пятеры *очки;* и те очки приняла боярыня княгиня Фетинья Сицкая, а сказала, что те очки на потеху царевне Евдокии Алексеевне (№ 806);

октября 8 ко государыне царице Марье Ильичне в хоромы 4 руб. с полтиною дано; приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала, что те деньги дать из хором торговым людям за вершок шапочной шитой золотом и серебром да за *потешную собачку* и за *олень,* чем тешиться царевне Евдокии Алексеевне (№ 806);

ноября 19 щепетинного ряду торговому человеку за два *колокола потешных медных* 45 коп., а колокола к царевне Евдокии Алексеевне для потехи приняла постельница Антонида Колоколцова (№ 806);

ноября 30 кузнецу Гришке Лазореву государева жалованья кормовых денег на 6 дней по 3 коп. на день; а сделал он, Гришка, к *потешным креслам* царевны Евдокии Алексеевны четыре колеса да 6 гвоздей с гайками да две помочи (№ 806);

декабря 28 щепетинного ряду торговому человеку за *яблочко медное потешное цынбальное* гривна; деньги взял сам Исачко, а потешное яблочко к царевне Евдокии Алексеевне (10 месяцев) на потеху приняла постельница Марья Елизарова (№ 806);

1652 г. февраля 27 овощного ряду торговому человеку за *десять листов знаменных, на них писаны звери, птицы и травы,* гривна, а те листы к государыне царевне Евдокии Алексеевне (2 лет) в хоромы приняла казначея Оксинья Навалкина (№ 816);

февраля29 сторожу Демке Ондрееву за три *клетки перепелочные* да за четыре водопойки птичные 13 коп., а те клетки и водопойки к государыне царевне Евдокии Алексеевне в хоромы приняла казначея Оксинья Навалкина (№ 816);

апреля 27 за потешные пряники и за *деревяные птички* 12 коп., а те пряники и птички к государыне царевне Ирине Михайловне в хоромы приняла казначея Василиса Пятово (№ 816);

1653 г. июня 6 прянишного ряду торговому человеку от починки, что он починивал государыне царевне Марфе Алексеевне *потешную карету,* 5 коп. (№ 816);

июня 7 кузнецу Гришке Лазореву государева жалованья поденного корму на 10 дней по 5 коп. на день; а в те дни он делал государыни царевны Марфы Алексеевны под *кресла* железные луженые колеса (№ 816);

1667 г. августа 23 куплено иконописцу Федору Матвееву на два *гнезда голубчиков* для клеенья под золото полфунта клею рыбью карлуку, дано 12 коп.; а те голубчики в хоромы ко государыне царице Марье Ильичне (№ 1028);

1675 г. февраля 7 выдано книжному переплетчику Ивану Михайлову за переплет *потешной книги* 10 коп. Книжка потешная писана царевне Наталии Алексеевне (около 1 $^{1}/_{2}$ года);

августа 27 выдано переплетчику Федору от *потешной книги* на переплет 15 коп. Потешная книга сделана двухлетней царевне Наталии Алексеевне;

1683 г. августа 20 в хоромы царевны Марфы Алексеевны куплено два *сайдака*[1] стрел березовых с красным орловым перьем и с копьи (№ 550);

октября 31 царевне Наталии Алексеевне в хоромы тафт вдовских [sic] Прасковья Ивановна Ромадановская (№ 550);

1684 г. мая 19 в хоромы царевны Наталии Алексеевны делали *кровать потешную* с подволокою, ноги и столбики точеные, длины три чети с дорожники (№ 550);

мая 23 скроены к царевне Наталии Алексеевне в хоромы две *потешные телогрейки* в камках, в желтой да в червча-

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

той, подпушки под желтою дороги червчатые, под червчатою тафта зелена; в кроенье вышло камок по полтора арш., дорог 7 верш., тафты 3 верш. (№ 550);

мая 27 к царевне Наталии Алексеевне в хоромы скроены две *потешные телогрейки,* одна обери по белой земле струя серебряна, подпушка тафта жаркая; другая в камке белой травной, подпушка тафта жаркий же цвет; в кроенье вышло обери и камки по полтора аршина, тафты поларшина (№ 550);

мая 28 к царевне Наталии Алексеевне в хоромы скроен *потешный бумажник* в тафте жаркой, нижняя наволока полотняная в настилку бумаги хлопчатой; в кроенье вышло тафты аршин, полотна 2 арш., бумаги 3 арш. (№ 550);

мая 28 к царевне Наталии Алексеевне в хоромы скроены две *потешные телогрейки,* одна в атласе рудожелтом, а другая в тафте жаркой; подпушка тафта зелена, в кроенье вышло атласу полтора аршина, тафты жаркой аршин с четвертью, зеленой поларшина (№ 550);

июня 15 по указу великих государей велено пошафранить две кружки большие *репчатые* да в них 16 *стаканов* больших и малых и, пошафраня, изолифить; в хоромы ко государыне царевне Наталии Алексеевне иконописного письма ученику Ивашке Аникееву, а по сказке его надобно ему для прописки тех кружек и стаканов шафрану два золотника, олифы полкружки. И июня 20 те кружки и стаканы, пошафраня и изолифя, Ивашка Аникеев принес; и те кружки в хоромы ко государыне царевне Наталии Алексеевне поданы того ж числа, приняла боярыня княгиня Прасковья Ивановна Рамодановская;

1686 г. генваря18 велено купить в хоромы царевны Марфы Алексеевны *шахматные доски* с шахматы рыбьи или слоновой кости доброго мастерства;

1690 г. мая 20 токарь Семен Шешенин сделал в хоромы царевны Наталии Алексеевны из слоновой кости гребенку со птичьими головки длиною 3 верш.; два гребня на обе стороны с выемкою гладкие длиною 3 верш.

ГЛАВА III
НАЧАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ

Начальное учение в царском быту. — Общий состав древней русской грамотности и первоначального обучения. — Выбор учителя. — Буквари; их состав и способ обучения чтению. — Азбуки скорописные или прописи; их состав. — Церковное пение. — Учительные картинки. — Книги Царственные. — Живописная история. — Книги потешные. — Живописная энциклопедия и сказки и повести. — Свободные художества или науки. — Описи царских библиотек.

Грамотность появилась в древней Руси вместе с водворением Христовой веры. Очень естественно, что для новой, только что возникшей паствы прежде всего необходимы были наставники веры, священно- и церковнослужители, для высокого назначения которых грамотность представляла одно из необходимейших и важнейших условий.

Вот почему в то самое время, когда в Киеве всенародно было принято Христово учение, св. Владимир первую свою заботу устремил на приготовление, образование новых наставников и служителей веры. «Нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом. *Послав нача поимати у нарочитое чади дети, и даяти нача на ученье книжное*»[1].

[1] Подробнее о таком именно значении приведенного здесь летописного известия можно читать в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачовым. Кн. 1. отд. V, ст. «Нестор и Карамзин»). Противоположное этому мнению см.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 1. – С. 164. – Прим. 26». «Автору статьи, помещенной в Studien [zur grundlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von... Ewers] (пер. в Сборнике Калачова), – говорит Соловьев, – непременно хочется ограничить меру Владимира одною целью – приготовлением священников; но такое *односторонее* толкование будет противно всем известиям летописей, ибо они говорят именно, что митрополит присоветовал эту меру для *утверждения* веры, не упоминая о приготовлении священнослужителей». *Утверждать веру* в то

Летописец не упоминает, кому были отданы эти дети в научение, но, по всему вероятию, учителями их были болгарские священники и отчасти, может быть, греки, знавшие славянский язык.

Само собою разумеется, что требования только что возникшей Церкви определяли для зарождавшегося духовного *чина,* или сословия, и самый состав образования или, вернее сказать, грамотности. Для первых наставников из туземцев достаточно было и одного уменья читать, после чего они прямо уже переходили к изучению церковной службы как главной цели их назначения и вместе с тем образования. Таким образом, состав нашей древнейшей грамотности по необходимости ограничивался только книгами Св. Писания и преимущественно церковнослужебными, потом духовными словами, т. е. поучениями и некоторыми другими творениями отцов Церкви. Одним словом, *книжное учение* означало учение книг церковнослужебных и вообще учение Св. Писания. Этот церковнослужебный характер древнейшей нашей грамотности отразился яснее всего в самом составе первоначального обучения, именно в обучении чтению, где за *букварем* следовал *Часослов* и потом *Псалтирь* – венец древнего *словесного* учения и полного курса первоначальной науки. Без сомнения, начальное обучение в этом составе в первый раз введено еще для детей, отданных на «учение книжное» св. Владимиром.

Упомянутые книги вместе с тем представляют одно из лучших доказательств, что древняя наша грамотность первоначально вызвана была единственно только одною потребностью в наставниках веры, или еще ближе, в церковнослужителях.

время можно было (прежде всего) только посредством наставников веры. В них, в этих наставниках, и была первейшая, самая настоятельная нужда, которая вызвала меру св. Владимира... Дети не вообще, но *дети нарочитой чади,* т. е. людей, лучших по своей жизни, как дóлжно понимать, были отданы в научение книжное. Это обстоятельство прямо и указывает на их будущее назначение: в наставники веры могли быть посвящены только избранные, нарочитые. Кроме того, можно с полною достоверностью заметить, что в это отдаленное время, по новости дела и по совершенному недостатку грамотных, всякий грамотный по необходимости поступал в священнослужители и вообще в церковники.

После букваря следовал Часослов – та именно книга, которая прежде всего требовалась для служителей Церкви в ее первоначальном распространении. Вечерня, Заутреня, Часы, Псалтирь, Апостол, ектинии – вот что необходимо было в то время для всякого вступавшего в духовный чин. Впоследствии этот состав обучения не изменился и не принял в себя никаких новых, а тем более посторонних предметов. Без сомнения, этому много способствовала, особенно в древнейшее время, постоянная нужда нашей Церкви в грамотных служителях, нужда, которая, само собою разумеется, не могла благоприятствовать более полному развитию нашего древнего образования и оставляла его в тесных границах самых первых, необходимых своих требований. Яснее всего такое состояние нашего древнего книжного учения раскрывает послание новгородского архиепископа Геннадия к митрополиту Симону в нач. XVII века, 1496–1504 гг.[1]

«Бил есми челом государю великому князю (пишет архиепископ), чтобы велел училища учинити; а ведь яз своему государю воспоминаю на его же честь, да и на спасение, а нам бы простор был: занеже ведь толко приведут кого грамоте горазда, и мы ему велим одни октении учити, да поставив его, да отпущаю боржае, и научив как ему божественная служба совершати; ино им на меня ропту нет. А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дата чести, и он не умеет ни ступити; и яз ему велю Псалтырю дати, и он и по тому одва бредет; и яз его оторку (отреку), и они извет творят: "*Земля, господине, такова, не можем добыти, кто бы горазд грамоте*"; ино ведь то всю землю излаял, что нет человека в земле кого бы избрати на *поповство.* Да мне бьют челом: "Пожалуй-де, господине, веди учити", и яз прикажу учити их октеньи, и он и к слову не может пристати, ты говоришь ему то, а он иное говорит; и яз велю им учити *азбуку,* и они поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотят ее учити. А иным ведь силы книжные не мощно достати, толко же *азбуку границу* и с *подтителными словы* выучит, и он силу познает в книгах велику; а они не хотят учитись

[1] Точнее время послания Геннадия не определено. Приводимая автором дата заимствована им из «Актов Исторических». Т. I. – С .146. – *Ред.*

азбуке, да хотя и учатся, а не от усердия; и он живет долго; да тем то на меня брань бывает от их нерадения; а моей силы нет, что ми их, не учив, ставити. А яз того для бью челом государю, чтобы велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благословеньем, то дело исправится; а ты бы, господин отец наш, государем нашим, а своим детям, великим князям, печаловался, чтоб велели училища учинити. А мой совет о том, что учити во училище *первое азбука граница* истолкована совсем, да и *подтителные слова,* да *псалтыря с следованием* на крепко. И коли то изучит, может после того проучивая и *конархати* и чести всякие книги. А се мужики невежи учат робят, да речь ему испортит; да первое изучит ему *вечерню* ино то *мастеру принести каша,* да гривна денег; а *завтреня* также, а и свыше того, а *часы,* то особно. Да те поминки, опроче *могорца,* что рядил от него. А от мастера отъидет, и он ничего не умеет, только то бредет по книге, а церковного постатия ничего не знает. Толко ж государь укажет псалтырю с следованием изучити да и все, что выше писано, да что от того, укажет имати, ино учащимся легко, а сяк не смеют огурятися...»[1].

Из этого видно, что главная забота высшего духовенства состояла не в том, чтоб распространить, увеличить объем книжного обучения, а по возможности сохранить в должном порядке то, что уж существовало как необходимое. Вместе с тем это любопытное послание знакомит нас с составом первоначального обучения в нач. XVII столетия и указывает на некоторые обычаи учебного круга, как, например, принос *каши* и гривны[2] денег *мастеру,* т. е. учителю, когда начинали учить Часовник, т. е. *вечерню, заутреню, часы* и т. д. Весьма любопытно, что этот обычай сохранялся на юге России и до нашего времени[3].

---

[1] Акты Исторические. Т. I. – СПб., 1841. – № 104.

[2] В печатном ориг. 1854 г.: «гривна». – *Ред.*

[3] Любопытные подробности этого обычая сохранены в записках М. С. Щепкина, который имел случай, как видно из тех же записок, проходить курс грамотности по самой древнейшей ее методе. «Учился я весьма легко и быстро, – говорит он, – ибо едва мне сравнялось *шесть* лет, как я уже всю премудрость выучил, т. е. азбуку, Часослов и Псалтирь: этим обыкновенно тогда и оканчивалось все учение, из которого мы, разумеется... приоб-

Впоследствии грамотность в этом первобытном составе от духовенства стала постепенно переходить в народ, в круг образования гражданского. И здесь она водворилась с тем же характером догматизма, непреложности и как нечто неприкосновенное свято сохранялась в течение семи столетий и сохраняется даже теперь у большей части простого народа как самый обыкновенный домашний курс обучения. «Издревле Российским детоводцем и учителем обычай бе и есть, учити дети малые, *в начале азбуце,* потом *часословцу* и *псалтири,* таже *писати,* по сих же нецыи преподают и *чтение Апостола* (по этому порядку, как увидим, учился царь Алексей Михайлович). Возрастающих же препровождают ко чтению и *священные библии,* и *бесед Евангельских* и *Апостольских* и к рассуждению высокого во оных книгах лежащего разумения» (Предисловие к Грамматике, изданной в начале XVIII столетия[1]).

Само собою разумеется, что народ иначе и не мог принять грамотность, как в том именно составе, в каком она явилась у духовного *чина.* До того времени он не имел понятия не

ретали только способность бегло читать церковные книги. Помню, что при перемене книги, т. е. когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз Часослов, то тут же принес горшок молочной *каши,* обернутый в бумажный платок, и *полтину денег,* которая как дань, следуемая за ученье, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол и после повторения задов (в такой торжественный день учения уже не было) раздавали всем учащимся ложки, которыми и хватали кашу из горшка. Я, принесший кашу и совершивший подвиг, т. е. выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что я исполнял усердно при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кончили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его посредине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался стремглав уходить (бежать), а прочие, изловив его, поочередно драли за уши... По окончании Часослова, когда я принес новый Псалтирь, опять повторилась та же процессия..». (Комета, учено-литературный альманах, изд. Н. Щепкиным. – М., 1851. – С. 167–169). Заметки эти в высокой степени драгоценны: относясь к Югу России, они вместе с приведенным выше свидетельством XVII в., которое говорит о Севере, о Новгородской области, могут служить самым наглядным доказательством наших последующих слов.

[1] Предисловие Федора Поликарпова к изданию Грамматики Мелетия Смотрицкого, 1721 года. См.: Опыты... Ч. I. – С. 67; экземпляр Грамматики, принадлежавший автору и поступивший в Исторический музей в числе рукописей автора за № 332, – без выходного листа. – *Ред.*

только о науке, но даже и о грамоте; эллинская, т. е. древняя языческая наука не коснулась его девственной почвы, как то было, например, в других странах, на Западе и на Востоке и даже в самой Византии, а потому христианская грамотность и не встретила у нас ничего такого, что могло бы хоть сколько-нибудь изменить ее первобытный образ. Здесь она и возникла из самых простых, первых потребностей Церкви ради приготовления служителей Церкви и была принята, т. е. распространилась, таким же простым естественным путем, единственно только под видом учения веры и церковной службы.

До преобразований Петра Великого эта грамотность в своем неизменном первобытном составе была распространена по всем сословиям; была общенародною и везде единообразною: дети первостепенного боярина обучались точно так же и по тем же самым книгам, как и дети простолюдина; то же самое, хотя и в большей полноте, встречаем и в царском быту.

«А как царевич будет лет *пяти,* – говорит Котошихин, – и к нему приставят для бережения и научения боярина честью великого, тиха и разумна, а к нему придадут товарыща околничего или думного человека. Также из боярских детей выбирают в слуги и в столники таких же младых, что и царевич. А как приспеет время учити того царевича грамоте, и в учители выбирают учительных людей, тихих и не бражников. А писать учить выбирают из посольских подьячих. А иным языком, латинскому, греческого, немецкого, и никоторых, кроме русского научения, в Росийском Государстве не бывает».

Выбор учителей падал почти всегда на подьячих или дьяков[1]; в то время они, конечно, были лучшими учителями чтения и лучшими каллиграфами. Так, учителем царя Алексея Михайловича был дьяк Василий Прокофьев, а учителем Петра Вели-

[1] До сих пор в Осташкове [город Тверской губ.?] учитель грамоте называется *дьяком.* В житии Мартиниана Белозерского – № 178 [список, принадлежавший автору и поступивший вместе с другими его рукописями в Исторический музей. – *Ред.*] – упоминается *дьяк* мирский Олеш Павлов – «дело его книги писати и учити ученики грамотные хитрости». Таким образом, имя *дьяка* присваивалось вообще грамотею-учителю, который именовался также и *мастером,* как и женщина-учительница прозывалась *мастерицею.*

кого – Никита Зотов; и тот и другой сначала были подьячими. Чистописанию учили обыкновенно подьячие Посольского приказа, в котором процветала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфия. Царя Алексея Михайловича учил писать подьячий Посольского приказа Григорий Львов, а царя Федора Алексеевича – подьячий же Панфил Тимофеев[1]. В записках Крекшина о Петре Великом находим любопытные подробности о выборе в учителя Никиты Зотова; в них живо изобразилась наша давняя старина, ярко выступили отношения и значение мастера-учителя в нашей древней жизни. Мы передадим эти подробности словами Крекшина: «Егда же великому государю царевичу Петру Алексеевичу приспе время книжного учения и писания, аще от рождения бысть *пятилетен,* но возрастом и остротою разума одарен был от Бога, тогда великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич вельми[2] любяше государя царевича Петра Алексеевича, и зрения ради его, часто приходя ко вдовствующей великой государыне Наталии Кирилловне и глаголя: "Яко время приспе учения царевичу Петру Алексеевич". Великая же государыня проси великого государя, чтоб сыскать учителя *кроткого, смиренного и ведущего божественное писание.* И бе тогда с великим государем у великой государыне боярин Федор Соковнин. Оный доносил их величеству, что имеется муж кроткий и смиренный, и всяких добродетелей исполнен, в грамоте и писании искусен, *из приказных* Никита Моисеев сын Зотов.

Тогда великий государь повеле оному Соковнину Зотова представить к их величеству. И реченный боярин Соковнин велел Зотову идти за собою. И, приехав к дому царского величества, ввел Зотова в переднюю и велел ему ожидать; сам же пойде в внутренний покои к великому государю и о Зотове донес.

Великий государь царь Феодор Алексеевич повелел оного Зотова к его величеству ввести. Слышав же царское повеление, един из домовых предстоящих людей, вышед в переднюю

[1] По фамилии Беленинов, см.: Опыты... Т. I. – С. 200. (Дворцовые разряды. Т. III. – С. 1045)– *Ред.*

[2] В печатном ориг. 1854 г.: «весьма». – *Ред.*

палату, вопросил: “Кто здесь Никита Зотов?” Зотов же о себе объявил. Пришедший сказал: “Государь изволит тебя спрашивать; пойди вскоре”. Зотов же, слышав, пришел в страх и беспамятство и не шел. Пришедший же взял Зотова за руку, увещевая не боятися, глаголя: “Милости ради государь тя требует”. Зотов же просил, чтоб дал малое время, доколе приидет в память. И, мало постояв, сотвори крестное знамение, поиде во внутрь покоев к царскому величеству. По пришествии же, великий государь Зотова пожаловал к руке. И повеле Зотову писать и по писании честь книги. И призвал Симеона Полоцкого, мужа премудрого в писании, живущего при великом государе, царе и великом князе Феодоре Алексеевиче, и повеле писание и чтение рассмотреть. Полоцкий, писание рассмотря и слушав чтение, великому государю объявил: “Яко право того писание и глагол чтения”.

Великий государь повеле оному же боярину Соковнину Зотова отвести к вдовствующей великой государыне, Наталии Кирилловне[1]. По вшествии в дом великой государыни царицы Наталии Кирилловны, паки боярин Соковнин повелел ожидать в передней палате. Боярин, вошед внутрь чертогов царских, донес великой государыне царице Наталии Кирилловне о Зотове. И о сем реченном слышав, великая государыня повеле Зотова пред себя ввести. Егда он вошел, тогда великая государыня изволила держать государя царевича[2] Петра Алексеевича за руку, а Зотову изволила говорить: “Известна я о тебе, что ты жития благого, божественное писание знаешь; вручаю тебе единородного моего сына. Приими того и прилежи к научению божественной мудрости, и страху Божию, и благочинному житию и писанию”. Зотов же, егда слыша сие, весь облияся слезами и паде к ногам великой государыни, трясяся от страха и слез глаголя: “Несмь достоин принята в хранилище мое толикое сокровище”. Великая государыня повеле встати, рече: “Приими от руку моею. Не отрицайся прияти. О добродетели бо и сми-

[1] В источнике, которым пользовался автор, далее читается: «Зотов же ничто ведяще. По вшествии же в дом...». – *Ред.*

[2] В печатном ориг. 1854 г.: «цесаревича». – *Ред.*

рении твоем аз известна". Зотов же не возста, лежа у ног, помышляя свое убожество. Великая государыня возстати повеле, и пожаловала Зотова к руке и повеле Зотову быть наутрие для учения государя царевича Петра Алексеевича.

Наутрие Зотов прииде в дом царский к великой государыне, царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Тогда же изволил прибыть и великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, прииде же и святейший патриарх. Сотворя обычное моление, окропя блаженного отрока святою водою и благословив, вручи Зотову. Зотов же, прияв государя царевича, посадя на место, сотворя государю царевичу земное поклонение, нача учение»[1].

Ученье началось, разумеется, с азбуки, которые до XVII столетия были рукописные. К сожалению, мы ничего не знаем о составе этих древнейших азбук, потому что ни одной из них до сих пор не удалось нам видеть. Сохранившиеся во множестве азбуки каллиграфические или собственно *прописи,* без сомнения, во всем отличались от букварей; не знаем также положительно, в какое именно время в XVII столетии появились у нас азбуки или буквари печатные. До сих пор самою первою по времени издания может считаться азбука, изданная в 1634 г. Василием Бурцовым и переделанная им, может быть, из грамматики или собственно азбуки, изданной в Вильно в 1621 г.[2] Год издания этого букваря совпадает с тем временем, в которое царевич Алексей Михайлович, достигнув пятилетнего возраста, начал учиться грамоте; можно с большою вероятностию предполагать, что первоначальное обучение царевича было одною из побудительных причин к изданию этого букваря[3]. Он напечатан в малую восьмушку малой детской книжкой, крупным четким шрифтом в 11 строк на странице. Известно

[1] «Записки русских людей», изд. Сахаровым. – СПб., 1841; Записки Крекшина. – С. 19–20. [Разночтения печатного ориг. 1854 г. приведены выше в примечаниях. – *Ред.*]

[2] Северный архив. Ч. VI. – 1823. – № 11. – С. 314. [Ст. К. Ф. Калайдовича. – *Ред.*]

[3] На поле оригинала автором добавлено: «по мысли Филарета». – *Ред.*

также, что годом раньше дедушка царевича, патриарх Филарет Никитич, благословил его в 1633 г., вероятно, при самом начале учения, «азбукою, *большая печать,* на столбце – указ, сверху речь золочена». Судя по выражению *на столбце,* можно думать, что эта азбука была напечатана на одном листке, столбцом, и содержала в себе только буквы и склады. Другое известие 1642 г. указывает на подобную же или на ту самую азбуку *большой печати,* которая была не на столбце, а книгою, потому что ее в это время переплетали[1].

Как бы то ни было, все это еще библиографический вопрос, и мы пока должны остановиться на азбуке Бурцова как более известной. Здесь мы рассмотрим второе ее издание, вышедшее в 1637 г.

В предисловии эта азбука названа *Лествицею* к изучению *Часовника, Псалтири* и прочих божественных книг. В ней, между прочим, говорится, что «Русстии сынове младые дети, первие починают учитися по сей составней словеньстей азбуце, по ряду, словам, и потом узнав писмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учити *часовник* и *псалтирю* и прочая книги. И преже тии самии младые дети младенцы быша и от матерень сосец млеко ссаху и питахуся. По возращении же телеси к твердей и дебелей пищи прикасахуся и насыщевахуся. Тако же и ныне начинающе учитися грамоте, первее простым словесем и слогам учатся, потом же яко же и выше рехом яко по лествице к прежереченным тем книгам и к прочим божественным догматам касаются на учение и на чтение простираются». Самый состав этой азбуки вполне соответствует религиозному направлению древней нашей грамотности. Поэтому и самое заглавие собственно к азбуке, т. е. пред началом букв, выражено здесь в следующих весьма знаменательных словах: «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания». Не ясно ли отсюда, что русский человек до Петра Великого признавал грамотность только в той мере, в какой она могла

[1] В этом году Печатного двора переплетчик Иван Федоров переплетал царевичу Алексею Михайловичу «Азбуку большия печати золотом прописывана». Расх. кн. Казен. приказа 7150 г. № 974.

служить средством к достижению главной цели тогдашнего образования, т. е. к изучению веры и книг Св. Писания?

Предисловие азбуки заключается стихотворным обращением к детям: «Вы же, младые отрочата, слышите и разумейте и зрите сего:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царьскому велению
Вам, младым детем, к научению.
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И от нижней степени на вышнюю восступай,
И не леностне и не нерадиве учися
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдися...»[1].

После разных учительных наставлений стихотворение снова обращается к детям и говорит:

«Первие начинается вам от дидаскала сей зримый аз,
Потом и на прочая пойдет вам указ».

Следует заглавие: Начальное учение человеком хотящим разумети Божественного Писания. За молитв Пречистые ти Матере и всех Святых Твоих Господи Исусе Христе Сыне Божий помилуй нас. Аминь.

Затем следуют буквы по единицам, т. е. отдельно каждая, а за ними склады двосложные, тресложные и четверосложные: ба, ва, га, да; бла, вла, гла, дла; бру, вру, гру, дру и т. п. Потом читаются самые названия букв, славянские цифры – числа до 10 000, знаки надстрочные и знаки препинания также с их названиями; далее расположены по алфавиту образцы изменения глаголов, глаголы и имена, сходные по начертанию, но различные по смыслу, который получают они от ударения; склонения имен, преимущественно тех, которые в церковном языке

[1] В некоторых экземплярах того же изд. Азбуки чит.: «...всегда учися. И дидаскала своего во всем добром наказании блюдися». – *Ред.*

пишутся под титлами. Все это составляет значительную часть букваря и вполне соответствует тому требованию, какое представлял еще в начале XVI столетия архиепископ Геннадий, говоря, чтоб азбука была истолкована совсем, да и подтительные слова (см. выше, с. 655–656).

Потом следует *азбука толковая,* т. е. изречения, относящиеся к учению и жизни Христа Спасителя, расположенные в алфавите по своим начальным буквам. Так, например, буква *а* начинается текстом: «Аз есмь всему миру свет» и проч.

После толковой азбуки помещены заповеди и другие статьи, составляющие краткое катехизическое учение о вере, за которыми следуют выписки из Св. Писания, притчи и наставление Товии своему сыну. Азбука оканчивается сказанием: «Како св. Кирилл философ состави азбуку», и послесловием, где означено и время издания азбуки, которое приводит читателя в недоумение следующими речами: «Начаты быша печататися) сия книги азбуки в царствующем граде Москве в лета 7145-го месяца генваря в 29 день... Совершены же быша сия книги азбуки того же 145-го лета месяца февраля в 8 день...». Книжка, содержащая в себе 106[1] страничных листков, стало быть, была напечатана в течение 10 дней. Вероятно ли это?

По времени букварь Василия Федоровича Бурцова перепечатывался не один раз с устранением его имени и времени первоначальных его изданий. Таким способом он перепечатан в 1781 г. в Супрясльской типографии.

Другая редакция азбуки, напечатанной в 1679 г. в Верхней, т. е. Дворцовой типографии, имеет многие отличия от этой, первой. Вначале, после так называемого *выхода,* т. е. обозначения времени издания книги и после стихотворного предисловия, в ней находятся «благословения отроков во училище учитися священным писаниям идущим», т. е. молитвы, которые давались иереем при начале учения и после

[1] Собственно говоря, 108 листков, но один из них первый после предисловия – чистый, с изображением училища на обороте, а на другом – последнем – листке напечатано лишь: «Снисканием и труды многогрешного Василия Федорова сына Бурцова и прочих сработников о Г(оспод)е». Последний, впрочем, имеется не во всех экземплярах этого издания. – *Ред.*

которых, по выражению букваря, «отходит с миром отрочя во училище; иерей же во своя си».

Потом, после букв, складов и имен под титлами в алфавите: ангел, ангельский, архангел, архангельский и т. д., следуют опять молитвы: Царю небесный, Отче наш, псалом: Помилуй мя Боже, Слава в вышних Богу, Символ Веры и проч. Далее «Беседа о православней вере, краткими вопросы и ответы удобнейшего ради познания, детем христианским: странный вопрошает, православный же отвещает»; десять заповедей и прочие катехизические статьи, о которых мы упоминали выше.

Молитвы: от сна восстав, утренняя, пред обедом, по обеде, пред вечерею, по вечери и на нощь. Далее знаки ударения и препинания, опять молитва 2 ко Пресвятой Богородице[1], числа, и, наконец, *приветства* к родителю и к благодетелю на Рожество Христово, Богоявление, Воскресение, Сошествие Святого Духа и на новое лето. Приветства эти, однако ж, не столько любопытны, как бы следовало ожидать: все они заключаются в одних только риторических фразах. Букварь оканчивается *увещанием* в стихах о пользе наказания.

Кроме того, при этой редакции букваря находится *Измарагд,* или *Стоглав* о вере св. Геннадия, патриарха Константинопольского, состоящий изо ста параграфов катехизического содержания, и Тестамент, или Завет Василия царя греческого к сыну его Льву Философу, со стихотворным *увещанием к читателю* и с послесловием, под заглавием «Типографом избранное». В этом послесловии, кроме исторических сведений о царе Василии, обозначено и содержание его *Завета,* который «воистинну достоин всякому или царю, или князю, или властелину, или домовиту ко управлению жития своего и чад своих, вящше же страстей своих». Две эти статьи, Стоглав и Тестамент, составляют как бы особые книжки, каждая с особою цифрациею страниц; Тестамент же имеет свой особенный *выход,* из которого видно, что он издан месяцем позже букваря, именно в январе 1680 г.; букварь же издан в декабре 1679 г. Но, судя по внешним признакам, по шрифту,

[1] Эта молитва помещена перед знаками ударения. – *Ред.*

бумаге и проч., обе эти статьи, без сомнения, принадлежат к описанному нами букварю[1].

Таков состав наших древних печатных букварей.

Характер древней педагогии был таков, что нельзя было выучиться читать, не выучив вместе с тем наизусть и всего содержания азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повторение *задов,* без твердого знания которых нельзя было и заглянуть вперед в новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслух и нараспев[2], как следовало читать во время церковной службы, что также может свидетельствовать, что первоначальною целью книжного учения было собственно приготовление церковнослужителей[3]. Заучиванием наизусть молитв и службы, даже без знания азбуки, – приготовлялись попы и все церковнослужители. Письмо Геннадия это доказывает[4]. Да и вообще и в самом гражданском быту церковные книги в то время иначе и не читались как нараспев, с соблюдением всех особенных тонических ударений. В древних рукописных Псалтырях встречается даже особенный *указ,* или правило, как читать Псалтырь. «Зри, внимай, – говорится в этом указе, – разумей, рассмотряй, памятуй, как псалтырь говорити. Первое: что говорити; второе, всяко слово договаривати; третие, на строках ставитися; четвертое, умом разумети словеса, что говорити; пятое, пословицы знати да и памятовати, как которое слово говорити: сверху слово ударити голосом или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духом: ясно, чисто, звонко;

[1] Букварь 1679 г. со Стоглавом Геннадия имеется в Московской Городской Чертковской Библиотеке (Историчекий музей), такой же экземпляр описан П. М. Строевым в «Обстоятельном описании старопечатных книг славянских и российских... в библиотеке... графа Ф. А. Толстова». – М., 1829. – № 159. – *Ред.*

[2] Не к этому ли месту может относиться ссылка автора на поле оригинала на «И то и сьо. Октябрь. Четыредесятьвторая неделя», где, между прочим, говорится: «Я взрос в том городе, в котором родился, а родился тут, где и воспитан. Учил меня русской грамоте российской мастер, у которого от утра и до вечера каждой день пропевал я Аз, Буки, Веди и проч.: как будто бы по нотам и кричал с рабятами во весь голос; ибо в нашем городе такое обыкновение, что крик от учеников можно услышать и в другом приходе...».

[3] На поле оригинала автором пояснено: «Древне Греческая манера». – *Ред.*

[4] См. выше, с. 655–656. – *Ред.*

кончати духом, потому ж, слово чисто, звонко, равным голосом, ни высоко, ни ниско, ни слабети словом, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крепко по три или по четыре строки духом; а равно строкою говорити. А весь сей указ умом, да языком, да гласом сдержится и красится во всяком человеце и во всяких пословицах книжных. А ум и глас и язык требует помощи сея молитвы, воздержания и чистоты»[1].

Тот же характер преподавания с твердым заучиваньем наизусть переходил с азбуки на Часовник и потом на Псалтирь. Дети обыкновенно так выучивали эти книги, что могли свободно читать их наизусть. По свидетельству Крекшина, Петр Великий «книжное учение толико имея в твердости, что все Евангелие и Апостол наизусть мог прочитати»[2].

При таком характере древней педагогии, без сомнения, выучиться грамоте было не совсем легко: это был такой сухой и тяжелый труд, о котором в настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятие. Старинная грамота являлась детям не снисходительною и любящею нянею, как теперь, в возможной простоте и доступности, с полным вниманием к детским силам, а являлась она сухим и суровым дидаскалом, с книгою и указкою в одной руке и с розгою в другой[3].

---

[1] Достопамятности Москвы, изд. Тромониным. – М., 1845. – С. 16.

[2] Записки русских людей, изд. И. П. Сахаровым. – СПб., 1841; Записки Крекшина. – С. 22. – *Ред.*

[3] Тяжелая сторона старинного обучения грамоте, особенно в низших слоях тогдашнего общества, весьма резко обозначена в записках майора Данилова: «Памятно мне мое учение у Брудастого (пономарь-учитель) и поднесь (говорит умный майор), по той, может быть, причине, что часто меня секли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтоб во мне была тогда леность или упрямство, а учился я по моим летам прилежно и учитель мой задавал мне урок учить весьма умеренный, по моей силе, который я затверживал скоро; но как нам, кроме обеда, никуда от Брудастого отпуска ни на малейшее время не было, а сидели на скамейках бессходно и в большие летние дни великое мучение претерпевали, то я от такового всегдашнего сидения так ослабевал, что голова моя делалась беспамятна, и все, что выучил прежде наизусть, при слушании урока в вечору и половины прочитать не мог, за что последняя резолюция меня как непонятного “сечь”. Я мнил тогда, что необходимо при учении терпеть надлежит наказание». Записки артиллерии майора Михаила. Васильевича Данилова. – М., 1842. – С. 38 [написаны в 1771 г. – *Ред.*].

В старинной педагогии наказание вообще признавали неразлучным спутником науки. Азбука Бурцова начинается даже изображением «Училища», где один из учеников стоит на коленях пред строгим дидаскалом, который готовится наказать его розгою. Азбука 1679 г. заключается *увещанием* вообще о пользе наказания в отроческих летах. Мы приводим здесь это любопытное увещание вполне, как образчик древнего стихосложения и поучения:

Хощеши чадо благ разум стяжати,
Тщися во трудах выну пребывати,
Временем раны нужда есть терпети,
Ибо тех кроме бесчинуют дети.
Розги малому, бича большим требе,
А жезл подрастшим при нескудном хлебе.
Та орудия глупых исправляют,
Плоти целости ничтоже вреждают.
Розга ум острит, память возбуждает
И волю злую в благу прелагает.
Учить Господу Богу ся молити
И рано в церковь на службы ходити.
Бичь возбраняет скверно глаголати
И дел лукавых юным содевати.
Жезл ленивые к делу понуждает
Рождших слушати во всем поучает.
А злобы творцы страхом си спасает,
Егда болезнми душу проницает.
Не вредит костей, телу болезнь родит,
Но злые нравы от юных отводит.
Душу от огня вечно сохраняет,
В небесную же радость водворяет.
Ты убо отче, такожде и мати
Научитеся чада поучати!
Аще хощете утеху имети
А не срам за ня, в старости терпети.
Не на плотскую красоту чад зрите,

Но души красны да будут, смотрите.
Красота плоти многих погубляет,
А язва тоя[1] душу удобряет.
Лепота души велми есть спасенна
Создавшему ю Богу возлюбленна:
Ту же обычно учение вводит,
А умный детищ в чести мнозей ходит.
Вы же, о чада! труд честный любите,
Еже полезно того[2] ся держите,
Знающе, яко аще ся трудити
Тяжко, но легко труды плодов жати.
И раны, яже добро содевают,
Вам не мерзостны в детстве да бывают.
Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте,
Та суть безвинна, тех не проклинайте:
И рук, яже вам язвы налагают,
Ибо не зла вам, но добра желают.
Делеса злая весьма отревайте,
Ко добрым сердца ваша прилагайте.
Сие же слово за дар благ возмите,
Не злословьте ми, но благословите:
Иже вам благих всяческих желаю,
Конча, к благости всяцей увещаю».

Эти поучительные вирши в полнейшей мере выражают всеобщее убеждение тогдашнего века, идущее еще от библейских начал, нисколько не смягченное Евангелием, что «жезл вообще есть злобы искоренитель и насадитель добродетели», почему и в педагогии он являлся главнейшим руководителем воспитания детей – как и взрослых, в быту народа[3].

[1] В печатном ориг. 1854 г.: «тая». – *Ред.*

[2] В печатном ориг. 1854 г.: «тою». Здесь, как и выше, текст исправлен по источнику, которым пользовался автор. – *Ред.*

[3] Сюда следует отнести замечание автора на поле оригинала: «Когда наши деды были детьми, педагогическая теория предписывала вбивать азбуку в голову детей при помощи плети. Как орудия воспитания розга и азбука спорили о первенстве. – Из Америки. Матиль. Соврем. Летоп. Рус. Вестн., 1861, № 8 [с. 9]. Розга отвечала общей розге, существовавшей всюду». – *Ред.*

Само собою разумеется, что в царском быту такая увещательная розга едва ли когда появлялась в комнатах ребенка, хотя нельзя отрицать, может быть, очень редких случаев если не употребления розги, то назидательного вселения грозящего страха перед ней.

Соберем здесь случайные отрывочные сведения, в каком возрасте и в каком составе и порядке происходило начальное обучение малолетных царевичей и царевен.

Учителем царевича Алексея Михайловича был подьячий, потом дьяк Василий Прокофьев, который 1635 г. сентября 6 получил пару соболей в 8 руб. за то, что начал царевич учить *Часовник*. Царевичу в это время было шесть с половиною лет. Пожалование соболями указывает, с одной стороны, начало учению Часовника, и с другой – окончание учения азбуки, так что эта награда получена собственно за азбуку, т. к. следующая награда 21 февраля того же года, 10 арш. атласу червчатого и пара соболей, получена учителем с небольшим через пять месяцев за то, что почал учить царевичу Псалтырь, и следовательно, еще и за то, что окончил учение по Часовнику.

Далее мая 28 с небольшим через три месяца учитель получил 10 арш. камки червчатой за то, что царевич начал учить Апостольское Деяние, а следовательно, и за то, что окончил учение по Псалтырю. Все это обозначает, что царевич очень хорошо и скоро усвоил себе способы чтения упомянутых книг, т. е. выучился отлично читать книги.

Выше упомянуто, что царевич приступил к учению (чтения) по Часовнику шести с половиною лет, окончив в это время азбуку. Но когда начиналось учение с азбуки? На основании не совсем определенного свидетельства Котошихина возможно заключить, что это учение начиналось с пятилетнего возраста. Не до́лжно полагать, что изучение азбуки, т. е. самых способов чтения, проходило так же скоро, как совсем уже усвоенное беспрепятственное чтение Часовника, Псалтыря и других книг. Древняя азбука в то время долбилась в течение долгого времени. Ее осиливали с великим трудом, и для малюток это занятие могло продолжаться целый год, если при этом установ-

лялось (как могло быть в царском быту) и бережение ребенка от излишнего утомления.

Царевич Алексей Михайлович познакомился с азбукою, когда ему было пять лет и два месяца. 1634 г. мая 11 опекун царевича боярин Б. И. Морозов взял в царицыну Мастерскую палату ползолотника шелку рудожелтого, который был выдан к царевичевым к *азбуке* и к Часовнику ко влагалищам (футлярам). Тогда же мая 25 выдано Печатного двора переплетчику к *азбуке* царевича на приклад на золото и на клей 10 ден., а 12 июня к *азбуке,* к застежкам на киси золотник шелку шемаханского. Среди хлопот об азбуке мая 15 к царевичевой *потешной качалке* на обшивку выдан бархат червчатый[1].

Азбука появлялась, конечно, не точь-в-точь день в день в пятилетний возраст, а раньше или позже, но во всяком случае этот возраст, по-видимому, был определенным временем для начала учения, как указывают свидетельства Котошихина и Крекшина.

Дед царевича Алексея Михайловича, патриарх Филарет Никитич, еще в 1633 г., когда царевичу было всего 4 года, благословил внука азбукою «большая печать, у азбуки на столбце указ, сверху речь золочена» [см. выше, с. 624].

Существует указание (Шмурло, 425)[2], что царевич нуждался в азбуке даже и в то время, когда ему было 13 лет – указание, основанное на том обстоятельстве, что в 1642 г. переплетчик переплетал ему азбуку. Действительно, в этом году, 31 марта, Печатного двора переплетчик Иван Федоров переплетал царевичу азбуку *большей печати* золотом прописывана, причем упомянуто, что и другие книги ему переплетает (№ 914)[3].

Мы полагаем, что это было только возобновление дедовской азбуки *большая печать,* потребовавшей нового переплета

[1] См. выше, с. 614. – *Ред.*

[2] См.: *Шмурло Е. Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого, XIII. Журнал Министерства Народного просвещения. – 1902. – Апрель. – С. 425. – *Ред.*

[3] Так в оригинале, но, вероятно, должен быть № 974; ср. выше, с. 662, прим.; *Викторов А. Е.* Описание... Вып. I. – М., 1877. – С. 132 № 297 (974). Расходная книга... на жалованье... – 7150. – *Ред.*

и новой позолоты для сохранения книги как дара от почитаемого дедушки, если не догадываться, что азбука назначалась в дар от царевича его сестре Татьяне Михайловне, возраст которой в это время подошел к началу учения.

И у царевича Ивана Михайловича азбука появилась, когда ему исполнилось пять лет и невступно 4 месяца, 1638 г. сентября 28. В это число на подкладку к его азбуке употреблен был аршин тафты кармазину (№ 965)[1]. Он умер 5 лет и 7 месяцев. В его книгах находились две азбуки: «азбука учебная в полдесть, слова прописываны золотные, оболочена кожею и азбука литовская печать в восмушку». Из этих свидетельств вполне становится ясным, что царевичи приступили к азбуке в возрасте 5 лет или около этого возраста, т. е. по шестому году.

Учителем царевича Федора Алексеевича был Афанасий Федосеев, из какого чина – неизвестно. В 1667 г. мая 3, когда царевичу исполнялось 6 лет (род. в 1661 г. июня 8), учитель получил сорок соболей в 50 руб. да камки вишневой травной 10 арш. Можно предполагать, что это была награда при самом начале учения или же за успешное преподаванье азбуки и начального чтения, что вероятнее. В 1669 г. июля 1 он снова получил сорок соболей в 50 руб. и 10 арш. «камки таусинной хрущатой травы куфтерные». Опять можно предполагать, что награда шла за успехи в обучении Часовнику и Псалтырю. В сентябре 21 числа на царевичеву псалтырь сделали чехол из сукна зеленого кармазину (№ 1183).

Начальное обучение царевен велось в том же порядке и в таком же объеме, но только с тою разницею, что их обучали женщины, *учительницы-мастерицы,* как их именовали по примеру учителей мужчин, прозывавшихся также *мастерами.* Учительницы состояли в дворовом штате царицы и получали в год по окладу жалованья по 8 руб. и кормовых по 6 ден. на день.

Царевны, по-видимому, начинали учиться грамоте с шестилетнего возраста, и притом неотменно с пророка *Наума*[2] –

[1] См. выше, с. 620. – *Ред.*

[2] На поле оригинала, хотя и без приурочения к определенному месту, автор отмечает: «Иоанн Богослов, Наум, Козма, Дамьян. Чтен. 1861. IV. Мор-

1 декабря. Так, царевна Анна Михайловна «села грамоте учиться» 1 декабря 1636 г., когда ей было 6 лет 4 $^{1}/_{2}$ месяца. Государь по этому случаю пожаловал дщери своей портище богатого атласа (№ 676). Около того же возраста начала учиться грамоте и царевна Татьяна Михайловна. Ее учительницею с названием *мастерица* была вдова Марья, которая 22 ноября 1642 г., когда царевне исполнилось 6 лет и 10 мес., получила от царицы полку убрусную, т. е. так называемый убрус, или полотно для покрытия головы. Можно полагать, что это пожалование дано было уже за некоторые успехи в обучении царевны. 1643 г. февраля 2

довцев». См.: *Даниил Мордовцев*. О русских школьных книгах XVII века. Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. IV. – 1861. – С. 23–24, 37: «Святые, покровительствующие книжному научению, считались у нас Косма и Дамиан, Пророк Наум и тот Святой, в честь которого дано имя учащемуся при крещении. Относительно двух первых покровителей учения у нас достоверно до сих пор не было известно; по крайней мере, г. Лавровский в рассуждении своем "О древнерусских училищах" говорит, что письменного свидетельства о призывании учащимися этих святых он не находит нигде, а по аналогии с греческими школьными обычаями заключает, что, вероятно, и у нас почитались эти святые, как патроны учащихся. Предположение г. Лавровского оправдывается нашими Азбуковниками [в рукописи, предоставленной Д. Л. Мордовцеву епископом Саратовским Афанасием. – *Ред.*], в которых прямо сказано, что "есть обычай многим (учащимся) совершати любезная святым Бессребренникам Косме и Дамиану, и святому Пророку Науму, и ангелу своему, его же святого тезоименитство имать". Относительно Пророка Наума наш Азбуковник открывает новый факт, именно то, что и в древней России учащиеся призывали на помощь этого святого как покровителя наук, чем и объясняется существующее даже до сих пор обыкновение у нашего простонародия и в средних сословиях перед началом учения молиться Пророку Науму, так же как об успешном учении молятся Иоанну Богослову (в Азбуковниках о нем же упомянуто как о покровителе собственно письма); в Семинариях же в день сего Святого все *богословы* от учения свободны...; "патронами каллиграфии", или, как в Азбуковнике сказано, *руководствия* были Иоанн Богослов и Пророк Наум: первый из них, как видно, признавался патроном письма на основании предания, а последний уже и потому, что был главным покровителем всех учащихся. В прописях к этим двум лицам относятся так:

Святый Апостоле и Евангелисте Иоанне Богослове,
На Тайной Вечери возлегай на перси Христове,
Вразуми мя и научи добре писати,
Яко же оного Гусаря на песце образ твой изображати.
Святый Пророче Божий, Науме, вразуми мя и накажи своею
Милостию и благодатию, добре руководствию навыкати». – *Ред.*

она получила от царицы полотно тройное, также, вероятно, за успехи в ученье (№ 789). Июня 19 того же года накануне пророка Наума[1] царевна в соборе Рождества Богородицы на Сенях царицы служила молебен «в ту пору, как ей государыне 7 лет 4 мес. начали учить *заутреню,* т. е. часовник, за что протопопу с братиею на молебен дана полтина» (№ 779). Потом, 23 августа того же года мастерица Марья снова получила от царицы полотно тройное (№ 789). Царевна Ирина Михайловна начала учить часы в 1634 г., когда ей было уже 7 лет.

Дальнейший ход обучения виден из случайных записей по обучению царевны Ирины Михайловны. В 1636 г., когда царевне было уже 9 лет, тоже декабря 1 ей было скроено на *псалтырь* влагалище (футляр) в сукне багреце червчатом (№ 774). На другой год (1637) такое же влагалище было скроено на *Апостол* царевны 30 сентября (№ 770). Следовательно, к учению по Апостолу приступали уже по 11-му году.

В казне царевны по переписи 1649 г. хранились ее три Псалтыря и Часовник, в том числе «две Псалтыри в полдесть оболочены сафьяном, одна переплетена на двое да у них же спица серебряная – указка» (№ 669).

В конце XVII столетия (1675–1691 гг.) в штате царицы *учительницами* состояли Варвара Льгова и Федора Петрово, вдова Тимофея Волкова, которая учила и царевну Наталью Алексеевну. 1683 г. марта 25, между прочим, ей было назначено хлебное жалованье, ржи и овса по 10 четвертей на год[2].

В то время, когда проходили этот курс *словесного учения,* дети, обыкновенно лет семи или восьми, садились учиться писать. *Скорописные азбуки,* которые служили в этом случае руководством, были писаны всегда *столбцом,* свитком из нескольких склеенных листков. В состав их входили сначала прописные и строчные буквы, выписанные с особенным тщанием и искусством, с разными вычурными украшениями; каждая

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

[2] Об учительницах царевен см.: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 490, где, между прочим, последняя учительница названа: «Федора Петрова». – *Ред.*

буква для обозначения различных почерков писалась во множестве образцов, начиная с самых больших и оканчивая самыми малыми. Каждый ряд букв начинался вычурною и нередко весьма красивою *заставкою,* т. е. большою прописною буквою, в которой травы и узоры переметались с изображениями птиц и зверей. В некоторых азбуках помещалась также *азбука толковая,* т. е. разные изречения и апофегмы, расположенные в алфавите по начальным буквам, но содержанием своим эта азбука совершенно отличается от толковой азбуки, находящейся в букваре Василья Бурцова, в которой, как мы сказали уже, все изречения относятся только к учению и жизни Спасителя. Здесь же эти апофегмы касаются вообще нравоучения. Так, например, под буквою *ж* читаем: «Желаем христиане спастися, желаем и неправду делать»; под буквою *ф* – «Фараоновых творений не чини, и других на то не учи», под буквою *х* – «Храни свещу твою от ветру, сиречь душу от лености», под буквою – «Отврати лице твое от жены чужой и много с нею не беседуй»; под буквою *ш* – «Шатания и плясания диавольского удаляйся; плясание бо уподобися смертному убивству»; под буквою *кси* – «Ксанф и Филосов был, а у раба своего Есопа в посрамлении много находился» и пр.

После букв следовали *прописи и склады;* под этим заглавием помещены[1] также некоторые апофегмы и даже *загадки,* собственно *книжные.*

Статья эта начиналась всегда следующею молитвою: «За молитв святых отец наших Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас, аминь. За молитв Пречистыя Твоея Матери и всех святых Твоих Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас, аминь. По милости Божией и великих святителей Петра и Алексея и Ионы и Филиппа киевских и московских и всея Руссии чудотворцев».

Потом следовали прописи и склады, изречения и загадки, то именно, что мы теперь называем вообще *прописями.*

1. Не ищи, человече, мудрости, ищи прежде кротости; аще обрящеши кротость, тогда познаешь и мудрость.

[1] Так в оригинале. – *Ред.*

2. Не тот милостив, кто всегда милостыню творит; тот милостив, кто никого не обидит и зла за зло никому не воздает.

3. Стоит море на пяти столпах. Царь речет потеха моя, а царица речет погибель моя. Царь есть тело, а царица – душа.

4. Стоит град пуст, а около его куст. Идет старец, несет ставец, а в ставце взварец, в взварце перец, в перце горечь, в горечи сладость, в сладости радость, в радости смерть.

5. Стоит град на пути, а пути к нему нет, идет посол нем, несет грамоту неписанную, а дает читать неученому.

6. Стоит человек в воде по горло, пить просит, а напиться не может[1].

7. Когда синица орла одолеет, тогда безумнии ума научатся.

8. Аще кто хощет много знати, тому подобает мало спати, а *мастеру* угождати.

9. Человече Божий бойся Бога, стоит смерть у порога, труба и коса ждет смертного часа, где колико не ликовать, а по смерти гроба не миновать.

10. Виноград зелен несладок, млад человек умом некрепок.

11. Кто тя может убежати, смертный час.

12. Якоже мертвый не может на коне храбровати, тако и клеветник не может зла слова во устах своих удержати.

13. Бодро мудрый муж, аще и в беды некие впадет, то и худым покоряется, дондеже желание свое исполнит.

---

[1] Об этой прописи-загадке сохранил воспоминание один из писателей кон. XVIII столетия (1796 г.). Он рассказывает следующее: «За 20 лет пред сим я играл в мячи, прыгал, бегал, лазил по деревьям, спускал змеи, гонял кубарь и любил по вечерам слушать сказки. И не знал сам, кто я? Когда я выучил Киевской букварь и Псалтырь от доски до доски, то начал писать: *Стоит человек в воде по горло, просит пить и напиться не может*; и скоро после того я очутился, не помню как, в славном училище. Тогда думал, что я ученик. Я начал читать книги, и первая книга, которая попалась мне после Псалтыри, была *Кандид* или *Оптимист*. Г. Волтер причиною тому, что я совсем вопреки намерению сей его книги думаю по сие время, что все на свете к лучшему. После Оптимиста, помнится мне, читал я Российской летописец, *Синопсис* называемый. От сей книги я полюбил в<еликого> к<нязя> Дмитрия Ивановича Донского, которой освободил Россию от татар. Мне досадно было, что об нем ничего не находил я в других книгах и что никто не говорил мне, что он славной государь... и пр.» (Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 11. – М., 1796. – С. 212).

14. Человек мудр, а не книжен, аки птица без крыл, не может мудра и тверда разума имети.

15. Человече пред множеством народа не буди на слова скор, да не исторгнеши дело свое всуе и после не вступиши.

16. Аще кто не упивается вином, тот бывает крепок умом.

17. Умного учить, аки кладез копать, потом из него источницы бывают; а безумного учить, аки в мех воду лить, в конец льешь, а другим и вышло.

18. Замок воден, ключ древян, зайцы перебегли, а ловец утопе.

19. Не тот пьян, кто всегда пиет пиво и мед и вино; тот пьян, кто всегда блуд творит.

20. Царь Соломон рече: «Добро убо есть человеку пити вода да не мутит у человека ума».

21. Единого искахом, а три обретохом, обретохом же и не познахом, но показа нам мертвая девица (Святой Крест, найденный царицею Еленою, на котором воскресла девица).

22. Роди мя отец, аз родих жену, жена же моя роди детий, дети же мои родиша отцу моему матерь.

23. Твой отец – мой отец, тебе дед, а мне муж, ты же мне брат, аз тебе мать, в седмый день скончаемся (Неделя).

24. Бывает в пирах и в беседах глупые люди[1], хотя и впереди сидят и тут их обносят, а разумного и в углу видят и находят.

25. Иоанн Златоуст речет (Соломон рече): «Добро убо есть человеку пити вино да веселить в человеце сердце и простирает язык на многое глаголание».

26. Стоит древо, имеет на себе красные цветы; а под древом корыто, а на древе сидит птица и щиплет со древа красные цветы и мечет в корыто; цветы со древа не умаляются, а корыто цветов не наполнится. Древо глаголется свет мира сего, а ветвие – родове, а цветы – человецы, а корыто – земля, а птица – смерть...

Впоследствии, кроме этих *прописей,* в азбучках стали помещать апокрифическую «беседу триех святителей: Василия

[1] Так в оригинале, но, может быть, запятую следует поставить не здесь, а перед словом «глупые». – *Ред.*

Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого» в вопросах и ответах и особую статью, «каким образом писать к кому писма», содержащую, впрочем, одни только титулы писем к патриарху, к митрополиту, к боярину, к отцу родному и пр.; но в одной скорописи мы нашли и форму письма, которая служит образцом старинных наших писем[1].

Вообще нужно заметить, что состав древних *скорописей* или *прописей* был весьма разнообразен и вполне зависел от усмотрения своего составителя; что ему было любо, то самое он и вносил в свою азбуку-пропись; общие черты этого состава мы привели выше, но в подробностях каждая азбучка имела свои особенности; так, например, в иных *азы* писаны отдельно от прописей, как мы уже сказали, а в иных под каждою буквою помещалась и пропись, начинающаяся с этой буквы. В этом отношении весьма любопытна азбучка, в которой каллиграф вместо общеупотребительных сам сочинил прописи, наполнив их рассуждениями о самом же себе.

В таком или подобном этому составе скорописные азбуки служили общим и единственным руководством в обучении писать не только в XVII столетии, но даже и после преобразования, особенно в первой половине XVIII столетия. С этого времени к ним стали присовокуплять еще *арифметичное учение,* т. е. таблицу умножения и четыре правила арифметики, в некоторых встречаются, кроме того, немецкие вокабулы, писанные русскими буквами, например: Бог – Гот, Бог-отец – Гот фатер и

[1] См. также ст. Н. В. Калачова «Азбуки-прописи (Выписки из рукописных азбук и прописей конца XVII и начала XVIII века)» – Архив историко-юридических сведений, изд. Н. Калачовым. Кн. 3. – СПб., 1861. Отд. III. – С. 3–18. На эту статью есть ссылка автора на поле оригинала. Ср. также прописи 1620 г., найденные Юрием Толстым в Ашмолевом музее в Оксфорде. – Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. II // Смесь. – 1864. – С. 7–11 – «Русские прописи 1620 года». Позже эти прописи описаны Н. С. Лесковым в ст. «Прописи попа Тихона. (Литературный памятник XVI века)». – Русская Мысль. – 1890. – Февраль. – С. 148–153. К этим прописям относится ссылка автора: «Еще Чтен. 1864. № 3 [sic]». Известна также «Азбука или прописи для чистописания в конце XVII века». – Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 20 // Смесь – М., 1854. – С. 30–32. – *Ред.*

т. д. Азбуки эти сохраняются даже до сего времени в лубочном издании, но в сокращенном и измененном виде.

Были, впрочем, скорописные азбуки и других составов. Таков, например, «Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же, латинских и польских, со образовании вещей и со нравоучителными стихами»[1] – сочиненный в 7199 (1691) г.[2] иеромонахом и царской типографии справщиком (корректором) Карионом Истоминым и посвященный царице Наталии Кирилловне для научения внука ее – царевича Алексея Петровича[3]. В 1693 г. Карион сию книжицу устроил *второе,* т. е. написал второй экземпляр и поднес царице Парасковии Федоровне – супруге царя Иоанна Алексеевича, вероятно, для научения ее дочерей. Этот экземпляр, прекрасно написанный, с красками и золотом, сохранился до нашего времени и принадлежал библиотеке И. Н. Царского[4], приобретенной графом А. С. Уваровым[5]. В 1694 г. Букварь Кариона Истомина гравер Леонтий Бунин «изобрази на дщицах ваянием – имущим учитися отроком и отроковицам, мужем и женам писати». Кроме букв, писанных разными почерками, в этой азбуке «под всяким писменем, ради любезного созерцания отрочатом учащимся, предложены виды (рисунки) во удобное звание в складе: да что видит, сие и назовет слогом писмене достолепного начертания

[1] Это – заглавие гравированного издания 1694 г.; заглавие же Букваря в рукописях – короче: «Букварь славенороссийских писмен, со образованми вещей, и со нравоучителными стихами». – *Ред.*

[2] Впрочем, во всех известных списках Букваря год от Рождества Христова показан иной: 1692. – *Ред.*

[3] Вероятно, один из первых списков Букваря – список с посвящением царице Наталии Кирилловне в собрании графов Уваровых № 73 (ср.: *Архимандрит Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова... Ч. IV. – М., 1894. – С. 499–500. – № 2098); с другими рисунками – список Букваря, хранящийся в Московской Оружейной палате (Приходная книна Оружейной палаты, 9463) № 9 (449), в последнем списке под заглавием написано: «второе сие написася 7201 лета, м(е)с(я)ца марта 7». – *Ред.*

[4] Рукописи славянские и российские, принадл. И. Н. Царскому. Разобраны и описаны П. Строевым. – М., 1848. – № 24.

[5] См.: *Архимандрит Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. IV. – М., 1894. – С. 498–499. – № 2097. (92). (24). – *Ред.*

тех. Яко: А – Адам, алек-тор (петух), афродита (звезда), аспид (дракон); Б – брань, брада, бичь» и т. п.; а под этими изображениями помещены нравоучительные стихи, большею частью относящиеся к изображенным же предметам. Стихи эти были собственно прописями. Например, под буквою Б изображены: брань или война, баран, буйвол, бритва, брада, барабан, бедро, бич, внизу помещены следующие стихи:

«Бытность из Бога стихии прияша,
Учащим буквы знак склад обещаша.
Изначала *брань* в мире обитает,
Юные люди жити обучает.
Барабан в полках время дает знати,
Животна (т. е. *баран* и пр.) умным могут помогати,
Человеком есть *брада* совершенство,
Младым слушати старых людей денство.
Ткати постав *добр;* юных наказати бичом, не умрут, имут успевати»[1].

Букварь Кариона Истомина отличается от других старинных букварей и тем еще, что он писан *книгою,* а не столбцом, как большею частию стали писать скорописные азбуки уже в XVIII столетии. Но замечательнейший памятник нашей древней каллиграфии – скорописная азбука в столбце, длиною несколько аршин, принадлежавшая известному древлехранилищу Погодина и находящаяся ныне в Императорской публичной библиотеке[2]. Она относится к концу XVII столетия; все каллиграфическое искусство этого времени представляется здесь в такой полноте

[1] Гравированный Букварь Кариона Истомина описан в труде Д. А. Ровинского «Русские народные картинки». Кн. II. – СПб., 1881. – С. 483–503; ср. кн. IV, с. 514 и сл. См. также о рукописных и гравированных экземплярах Букваря в исследовании С. Н. Браиловского «Один из пестрых XVII столетия». – Пб., 1902 (Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделу.Т. V. – № 5). – С. 283–289. – *Ред.*

[2] По-видимому, эта именно азбука издана Обществом любителей древней письменности под заглавием «Буквица языка Словенского. Рукописный свиток Императорской публичной библиотеки». – XIV. – СПб., 1877. На поле оригинала автором замечено: «Издана ли в Древней Письмен.». – *Ред.*

и в таком разнообразии, что едва ли где можно встретить подобный памятник в этом роде. Вначале идут великолепнейшие *заставицы* или *заставки,* на которые, без сомнения, потрачено и много времени, и еще более труда и, нужно заметить, потрачено недаром, потому что все это исполнено красиво, вычурно и обличает вкус своего времени. Среди узоров этих заставиц в кругах написаны *вязью* разные речи и в начале заглавие азбуки – *Буквица Словенска.* Эта вязь, т. е. особый способ письма, весьма часто употреблявшийся для заглавий книг и надписей на вещах, назван здесь *дробными вязями.* Один из образцов этой дробной вязи представляет верх искусства и трудолюбия нашей древней каллиграфии: в небольшом кругу начертаны тонкие линии, похожие скорее на узор, нежели на буквы. Мы с большим трудом могли разобрать здесь известную песнь «Достойно есть, яко воистину» и в конце «Все упование мое к Тебе возлагаю». После дробных вязей помещены *связи двойные с титлы,* собственно монограммы. Вторая половина азбуки заключает в себе *заставные,* прописные и строчные буквы, написанные весьма красиво и с разными вычурными украшениями.

Азбука эта – собственно пропись, не представляющая ничего целого в отношении содержания, подобно азбукам, описанным нами выше. Здесь единственно только для прописи выбраны *речи,* отрывки или просто слова. Самое заглавие по этому случаю в ней повторено, для упражнения, три раза: «Буквица Словенска, Буквица языка Словенска, Азбука Словенская, хотящим разумети истинного слогу». Вообще эта замечательная азбука – труд по преимуществу каллиграфический, не имеющий никаких других педагогических целей; труд, который заслуживает полного любопытства по своему исполнению. Составитель, употребивший много времени и много труда на все эти заставицы, вязи, связи и буквы, мог справедливо закончить свою азбуку следующими словами: «Аще горести не вкусити, то и конечные сладости не видати». Конечно, сладость есть сладость конца упорной, тяжкой работы. Древние наши писцы весьма часто оканчивали свои рукописи подобными же строками: «А как рад заец из тенет избегши, а птица из кляпци из-

летев, тако рад писец, списав сию книгу», – восклицали они, оканчивая последнюю строку своего труда: «Силно есмь рад, коли кончал строку последнюю!»[1].

В царском быту скорописные азбуки всегда украшались с большим великолепием красками и золотом. Так был украшен упомянутый выше букварь Кариона Истомина, поднесенный им, как мы говорили, первоначально царице Наталии Кирилловне для ее внука царевича Алексея Петровича, а потом, в другом экземпляре, царице Парасковии Феодоровне для ее дочерей. У царевича Ивана Михайловича, умершего в 1639 г., была также «азбука велика на столбцах» (пропись), писана золотом с красками. Письмо золотописца Павла[2].

Кроме чтения и письма в состав первоначального обучения входило также и *церковное пение.* Царь Алексей Михайлович на восьмом году «начал учити *Охтой»,* Октоих или Осмогласник, заключающий в себе вседневные церковные службы, а на десятом году *страшное пенье,* т. е. стихи и песни Страстной седмицы. Его учили *певчие дьяки* Лука Иванов, Иван Семионов, Михаил Осипов[3]. В казне царевича хранились, кроме того, *стихирали и триоди знаменные,* т. е. церковной службы песни и стихиры, писанные *под знамя,* под *крюками* или *крюковыми нотами.* Эти стихирали и треоди царевич, без сомнения, также разучивал или, по-старому, *распевал* при помощи певчих дьяков. Известно также, что Петр Великий особенно любил церковное пение, которому учился, без сомнения, в отроческих летах. В Оружейной палате и теперь[4] еще сохраняет-

[1] Рукописи Царского, № 321, 365. [См. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. Разобраны и описаны П. Строевым. – М., 1848. – С. 321 и 363. – *Ред.*]

[2] Опись казны царевича 7150 г. [Архив Оружейной палаты. – № 680; ср.: *Викторов А. Е.* Описание... – С. 198, № 585. – *Ред.*].

[3] Об обучении царевича пению см. также выше, с. 618, где говорится о награждении трех дьяков за учение пению. – *Ред.*

[4] В настоящее время нотные рукописи хранятся не в Оружейной палате, а в Московском отделении Общего архива Министерства Императорского двора, куда поступил Архив Оружейной палаты; ср.: *Викторов А. Е.* Описание.... – Вып. I. – С. 218. – *Ред.*

ся несколько нотных книг, по которым государь певал в дворцовых церквах, на клиросе[1].

Вот полный курс начального обучения, существовавший у наших предков до начала XVIII столетия. Он заключал в себе, как мы видели: 1) *словесное,* т. е. чтение, 2) *письмо* и 3) *пение* и был распространен в совершенном единообразии по всем сословиям Московского государства, начиная с грамотного земледельца и восходя к первому боярину и самому царю.

Дальнейшее учение и образование в гражданском быту не составляло уже существенной, неизбежной потребности и принадлежало, так сказать, к роскоши; поэтому оно не имело еще ничего определенного и всегда условливалось большею или меньшею любознательностью лица, которое, не удовлетворяясь первоначальным курсом книжного учения, само уж избирало тот или другой путь своего самообразования, те или другие книги для удовлетворения своей любознательности. Впрочем, в царском быту описанное начальное обучение было пополняемо другими предметами, имевшими чисто гражданский и притом практический характер. Дети государя, проходя описанный курс учения, в то же время, и даже еще раньше, знакомились посредством картинок с отечественною историею и со многими предметами вседневной жизни, т. е. с полезными занятиями селянина, ремесленника, промышленника и проч., как увидим ниже. Вообще нужно заметить, что увеселение детей, а потом и обучение посредством картинок было весьма обыкновенным приемом нашей древней педагогии и составляло лучшую и единственную ее сторону, которая своим практическим, действительным смыслом выкупала всю односторонность и все недостатки остальной *науки*. Такой метод, как известно, был употреблен и в первоначальном обучении Петра Великого.

Ему не было еще и полного года от рождения (11 мес.), когда в 1673 г. с 10 по 13 мая 6 чел. костромских иконописцев

[1] Можно думать, что автор предполагал указать и другие подробности обучения церковному пению; на поле оригинала им помечено: «Обстановка учения налои и пр.». – *Ред.*

уже спешно готовили малютке потешную книгу, т. е. сборник картинок. Иконописцы употребили на работу 18 дней[1].

Потешная же книга в 1675 г. февраля 7 переплетена и его сестре Наталье Алексеевне, когда ей было всего полтора года; а потом августа 27 ей же, двухлетней, была переплетена новая потешная книга[2].

В 1692 г. царевичу Алексею Петровичу была переплетена в доски потешная книга, когда ему было с небольшим два года (апреля 7 в 200 г.). Но раньше, в 1652 г. февраля 7[3], также двухлетней царевне Евдокии Алексеевне было куплено «десять листов знаменных, на них писаны звери, птицы и травы».

В 1632 г. в феврале царевне Ирине на пятом году ее возраста было куплено 20 листов бумаги немецкой писаной, а потом в сентябре, когда ей было 5 лет и 5 мес., куплено еще 30 листов такой же бумаги писаной немецкой, т. е. немецких картинок, которые, несомненно, служили образцами для составления и домашних потешных книг, и тетрадей[4].

Такие же не писаные, но печатные немецкие листы были куплены царевнам Ирине семи лет и четырехлетней Анне, а также и пятилетнему (5 лет 3 мес.) царевичу Алексею Михайловичу в 1634 г. июня 16[5].

Ему же в 1635 г. генваря 9, когда ему было 5 лет и 10 мес., куплено 32 листа писаных немецких и *русских*[6].

Крекшин пишет, что «Зотов, усмотрев остроту разума и охоту к учению государя царевича, доносил великой государыне, царице и великой княгине Наталии Кирилловне, что государь царевич одарен от Бога разумом и охотою учения, и в праздное время имеет забаву к слушанию истории, и часто изволил смотреть книги с кунштами зданий, и взятие городов

---

1 *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 5. [См. выше, с. 596. – *Ред.*]

2 См. выше, с. 612 и 651. – *Ред.*

3 Так в оригинале, но выше, с. 612 и 650, эта покупка показана под 27 февраля. – *Ред.*

4 См. выше, с. 611, 639. – *Ред.*

5 См. выше, с. 598, 611, 612, 614, 639. – *Ред.*

6 См. выше, с. 598, 615. – *Ред.*

и боев и прочих наук, чтоб соблаговолила искусных мастеров и знающих истину определить, а государь царевич в праздные часы вместо забав, по природной своей остроте разума, охотою может обучиться. Великая же государыня рада сему бысть, и повеле отдать все исторические книги с кунштами, определила искусных учителей и вручи все Зотову. Зотов же книги и училища распределил в разных покоях и приказал мастерством драгим, красками, грады, и палаты, здания, и дела военные, и великие корабли, и истории лицевые с прописми самым лучшим мастерством писать. Егда же блаженный сей отрок, государь царевич, в учении книжном утрудится, что Зотов искусно наблюдал, и книгу из рук у государя царевича брал, и в увеселение сказывал о блаженных делах родителя его великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, и великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, храбрые их и военные дела и дальные нужные походы, бои, взятье городов, и колико претерпевали нужду и тяготу больше простого народа, и тем коликие благополучия государству приобрели, и государство Российское распространили. Так, поведал дела великого князя Дмитрия Донского и дела князя Владимира и Александра Невского и о прочих. И отхождаше с государем царевичем для увеселения в разные *учения*[1], по разным покоям, объявляя, яко без сих наук державным монархом невозможно быть»[2].

Из слов Крекшина вообще можно заключить, что Зотов первый употребил эту методу обучать детей посредством картинок. Так многие и думали. Но встречаются известия об этом предмете, относящиеся еще ко времени Михаила Феодоровича. По свидетельству Снегирева, «наставник царя Алексея Михайловича, Морозов учил своего порфирородного питомца посредством гравированных в Германии картинок, как доказывает собрание их, принадлежавшее Морозову и хранящееся

[1] *Учения* составляли, без сомнения, особые коллекции картинок по одному какому-либо предмету, расположенные в отдельных комнатах.

[2] Записки русских людей, изд. И. П. Сахаровым. – СПб., 1841. Записки Крекшина. – С. 2. – *Ред.*

ныне у П. А. Муханова»[1]. Очень жаль только, что Снегирев ограничился одним лишь этим указанием, ничего не упомянув о самом любопытном, т. е. о содержании этих картинок, или о тех предметах, которые изображены на них: это было бы весьма важно и интересно во многих отношениях. Такое указание, хотя и основанное, вероятно, на одном только предании, подтверждается современными, даже официальными свидетельствами. В расходных книгах царицыной Мастерской палаты находим записки о покупке в 1634 и 1637 гг.[2] для царевича Алексея Михайловича и царевен, его сестер, немецких и фряжских, а также и русских печатных потешных листов. Здесь мы снова должны повторить сожаление, что ничего не знаем о содержании этих любопытных немецких листов.

В царском быту обучение картинками имело свой правильный состав; оно заключалось в *царственных и потешных* книгах. Отечественную историю дети узнавали из *царственных книг,* которые заключали в себе изложение отечественных летописей, составленное преимущественно для картинок и украшенное ими во множестве, так что самый текст царственных книг, в сущности, составлял только подписи к рисовальным изображениям. Царственные книги, хотя и не вполне, сохранились до нашего времени и были изданы в XVIII столетии князем Щербатовым под названием собственно *Царственной книги.* – СПб., 1769; *Царственного летописца.* – СПб., 1772 и *Древнего летописца* в 2 ч. – СПб., 1774–1775. *Все это составляло некогда одно целое* и служило, как «Книга Царственная», превосходным руководством для детей, которые по картинкам наглядно изучали здесь русскую историю, знакомились с замечательными событиями, с лицами нашей древности, как можно уж было видеть из приведенного выше сказания Крекшина об учении Зотовым Петра

[1] Исторический и статистический сборник. – М., 1845. Статья Снегирева «О лубочных картинках русского народа», с. 193. [См.: Соч. Ив. Снегирева. Лубочные картинки русского народа в московском мире. – М., 1861. – С. 9–10. – *Ред.*]

[2] Так в оригинале и в соч. И. М. Снегирева «Лубочные картинки...», где на с. 9 отмечена покупка потешных листов под 8 марта 1637 г., но у автора выше, с. 643, по-видимому, та же покупка помечена 29 ноября 7145 г. (= 1636 г.) – *Ред.*

Великого. Основываясь на этом сказании, и князь Щербатов догадывался, что изданные им «Летописцы», во множестве украшенные рисунками, могли быть употреблены для науки Петру Великому[1]; но не до́лжно думать, что они в это же время и составлены. Такие царственные книги упоминаются еще в 1639 г., во время учения царя Алексея Михайловича. В этом году, мая 1-го, из Казенного приказа отдано было в Оружейный приказ «пять книг царственных знаменные в лицах», и в том числе первая часть, вторая, четвертая, шестая, седьмая.

Может быть, книги эти отданы были для возобновления иконописцам, которые находились в ведомстве Оружейного приказа.

Таким же образом в 1677 г. марта 24 «приказу Серебряных дел дьяк Андрей Юдин принес в Оружейную палату книгу Царственную в лицах, писана на александрийской бумаге в десть, была переплетена, и из переплету вывалилась и многие листы ознаменены, а не выцвечены, *шестьсот тринадцать листов,* а на тех листах *тысяча семдесят два места,* а приказал тое книгу расцветить жалованным московским и кормовым иконописцом; а которые *драные листы* в той книги и те листы переписать вновь; а сказал тое книгу выдал ему от великого государя (Феодора Алексеевича) из хором боярин и дворецкой и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову с товарищи на подряд, по уговору за дело со всякого места по шести денег.

Мая 12 того же года возобновление книги было окончено и иконописец получил следуемые деньги (№ 234)[2]. В мае 1678 г. иконописец Степан Данилов расцвечивал «книгу большую в десть *Бытия Царственные,* которая выдана из хором великого государя».

Годы возобновления этих двух книг – 1677 и 1678 – совпадают с началом обучения Петра Великого, которому в это время исполнилось 5 лет, и подтверждают приемы учитель-

[1] Царственный Летописец, предисловие.

[2] См.: *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. – М., 1910. – С. 200. – *Ред.*

ства Зотова. Можно предполагать, что книги еще прежде побывали в руках царевича, почему в одной из них и явились *драные* листы. Очень вероятно, что, начав свое учительство, Зотов предложил привести книги в надлежащий порядок.

В последнее время (1897 г.) Императорским Российским Историческим музеем приобретен громадный лицевой сборник[1] по формату в лист, очень сходный с упомянутыми царственными книгами и содержащий в себе священную библейскую историю от сотворения мира на 588 листах и вслед за нею описание Троянской войны на остальных листах до 1031 включительно. Всех рисунков в книге 1677, все раскрашены. Рукопись по бумажным знакам и письму с полною вероятностью до́лжно отнести к половине XVI столетия. Видимо также, что она могла быть изготовлена только для царских палат царскими же художниками.

Само собою напрашивается предположение, что эта книга составляла только начало упомянутых царственных книг и была воспроизведена для наставления отроку-царю Ивану Васильевичу, впоследствии Грозному, когда он находился под попечительством и руководительством митрополита Макария 1542–1563 гг., по мысли которого, как можно предполагать, и была сооружена эта достославная книга, конечно при рассудительном желании удовлетворить природную любознательность царя-отрока.

Троянская история своим содержанием прямо указывает, что книга готовилась не малолетному ребенку, а именно отроку лет 14-15, отроку-царю, которому было очень полезно преподать живой рассказ о воинском деле древних греков, о славных царях, героях этого дела, о славных подвигах тогдашних людей, в назидание юному царю, да исполнится и он героическим духом на славу родной земли.

Следы хорошего знакомства с этою книгою видим в переписке Грозного с князем Курбским, где царь укоряет измен-

[1] См.: *Щепкин В. Н.* Лицевой сборник Императорского. Российского Исторического музея. I – II, Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. IV. Кн. 4. – С. 1345–1385. – *Ред.*

ника во лжи, говоря: «Ты, подобно Антенору с Энеем, предателем Троянским, много соткав, лжеши» (Сказания князя Курбского. Ч. II. – СПб., 1833. – С. 65).

К этому же отделу живописных книг до́лжно отнести и некоторые сочинения духовного и церковно-исторического содержания, которые также великолепно украшались картинками, без сомнения, для назидательного чтения как детям, так и взрослым.

В 1663 г. 2-летнему царевичу Федору Алексеевичу была написана книга, «а в ней писаны жития Алексея, человека Божия, да Марии Египетские, да житие царевича Иосафа в лицах, в десть». По счету, в этой книге написано 90 мест жития святых в лицах. Через два года, в 1665 г. (сентября 18), эта книга от употребления малолетним царевичем пришла в беспорядок, почему государь указал, «*перебрав,* переплесть ее снова и доски оболочь вновь бархатом червчатым», причем упомянуто, что та книга царевича Федора Алексеевича, которому в это время было четыре года. Любопытное свидетельство, показывающее, как рано дети знакомились с картинками и чем, какими изображениями начиналось усвоение этих изображений детскому смыслу. Царевич Федор Алексеевич 2-4 лет уже знакомился с лицами житий святых Алексея и Марии, тезоименитых его отцу и матери, и мог следить за лицами царевича Иоасафа.

В 1668 г. с этой книги были сняты две копии также в лицах и поданы в хоромы царицы Марии Ильичны, вероятно, для детей подходящего возраста, именно для 2-летнего царевича Ивана Алексеевича (род. 1666 г.) и для 3-летнего царевича Симеона Алексеевича (род. в 1665 г.).

В 1670 г. царь Алексей Михайлович приказал иконописцам Троицкого монастыря снять копию с живописной книги о *Душевном Лекарстве,* для чего и посланы были в монастырь две книги, одна – оригинал в лицах, другая «новописана без лиц»; в этой последней велено лица, т. е. изображения, написать золотом и красками слово в слово, самым добрым мастерством; большие слова все золотом, также венцы и ризы

в изображениях Спасителя, Богородицы и где прилунится у ангелов и святых[1].

В 1674 г. в хоромы царевны Ирины Михайловны расписана была книга «Начаток о Сотворении Света»[2].

В числе книг первоначального чтения находим также и библейские притчи. Так, в 1693 г. иконописец Тихон Иванов писал для трехлетнего царевича Алексея Петровича в тетрадях, в полдести, наспех «О притчах из Библии царя Давыда и о Вирсавии да о Едеме сладости»[3].

Но еще более любопытны так называемые «Книги Потешные», которые были двух родов[4].

Так, одни потешные книги представляли нечто похожее на живописную энциклопедию, содержание которой условливалось небогатыми средствами тогдашнего образования; но по своему практическому, здравому направлению эти книги занимают, по нашему мнению, первое место в кругу тех скудных приемов древней педагогии, которые употреблялись в первоначальном обучении. Из этих книг малолетние царевичи почерпали простые, но в высшей степени полезные сведения о самых простых, ежедневных предметах, даже о таких, которые, может

[1] Список «Лекарства Душевного» хранится в Оружейной палате, см.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 7. – М., 1893. – С. 14. – № 9312. – *Ред.*

[2] На отдельном листке, вложенном в оригинал, автором добавлено: «185 г. декабря 15 (1676 г.) иконописец Тимофей Рязанец расцвечивал шафраном книгу о *сотворении света* в хоромы царевне Ирине Михайловне» (№ 234). [См.: *Успенский А. И.* Указ. соч. – С. 226; иконописец назван «Резанец Тимофей Степанов». – *Ред.*] «186 г. март. Кормовой иконописец Филипп Павлов расцвечивал 38 мест в Царственной книге и писал в лицах к великому государю в хоромы». (№ 237) – *Ред.*

[3] О книге «Едеи сиесть сладость», текст которой составлен Карионом Истоминым, см. в исследовании С. Н. Браиловского «Один из пестрых XVII столетия». – СПб., 1902. – С. 273–276 и 418–422. – *Ред.*

[4] Под словом *потешный* в этом случае не до́лжно разуметь того только, что забавляло, увеселяло. Этим именем обозначали нередко и те предметы, которые не принадлежали к главному, т. е. к церковному, направлению древнего образования и попросту служили светским, мирским целям.

быть, не всегда могли бы и встретиться им в жизни. Например, о том, как пашут, боронуют, сеют, жнут, как месят и в печь сажают хлебы и т. п. Разумеется, дух тогдашнего образования отражался и здесь и вносил в эти книги вместе с изображениями *морского человека* и морской *девицы* разные басни и рассказы о чудесах, которые почерпались из древних космографий.

До нас не дошли подлинники этих потешных книг, или, по крайней мере, до сих пор они еще не открыты; но зато мы можем иметь самое подробное сведение о них из описания одной такой книги, приготовленной для 11-летнего сына царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, в 1664 г.[1] Это описание есть не что иное как официальная роспись тех предметов, которые должны были составить «Потешную Книгу» и приготовление которых было распределено по этой росписи между несколькими иконописцами с означением, кому именно и что писать. Исполнением этого дела руководил государев иконописец Степан Рязанец[2], под надзором которого и производилось писание потешных книг большой статьи в течение всего 1665 г. Из сохранившихся записей одна свидетельствует, что 13 декабря 1665 г. за работу иконописцев следовало выдать кормовых денег 4 руб. 8 алт. 2 ден., по 2 алт. 2 ден. в день каждому мастеру, которые в числе 9 чел. употребили на работу 67 дней.

Приводим здесь эту роспись вполне, как один из любопытнейших памятников царского домашнего быта:

«173 (1664) декабря в 8-й день, по указу великого государя, велеть писать иконописцам *Потешную книгу*[3], чтоб перед *прежнею* была больши вдвое, и писать в ней *иным образцом, иные прибылые статьи*...

Орла пластоново в клейме.

---

[1] Так в оригинале, но, как ниже указывается, книга была изготовлена лишь в следующем 1665 г. – *Ред.*

[2] Карандашом автор на поле поправил: «Симон Ушаков», ср. ниже, с. 649. – *Ред.*

[3] Выше, на с. 624, под 8 декабря 1664 г., эта же книга названа «большой потешной». – *Ред.*

Прапорщик (с) знамем пешей,

Барабанщик и другой. 2 трубача.

Пешей с пратазаном. 2 с мушкетами.

С большим знаменем пешей. Барабанщик. Трубач. Два с пратазаны. Два с мушкеты. Два с топорками.

Два с копьи. Два пушку тащат. Два с списами. Два с мушкеты долгими. Два пушку огненну тащат. Два с копьи.

На коне (с) значком. На коне с литаврами. На коне трубачи. На конях с карабины. На конях с копьи. На конях в латах.

Конми пушку тащат долгую. Конми пушку тащат верховую огненку. Пешие идут с рычагами. Плетут шанец. Землю копают. Осыпь делают.

Город над рекою. Под городом люди. Пасут кони. Пасут коровы. Воду носят. Воду возят.

Озеро с рыбами. На озере рыбу ловят. На берегу рыбу пекут. Варят ества. За столом сидят, обедают. С кубками стоят.

На озере птицы плавают. По птицам на озере стреляет. По птицам на дерево стреляет. Птицы ловит тенеты. Собачка на озере плывет по птичку. Дрова на огонь кладут.

На озере по берегу сокола пущают. Вверху сокол со птицею дерется. Птица орел. Птица попугай. Птица неясыть. Птица финикс.

Птица сирин. Птица гамаюн. Птица строфокамил. Птица попугай зеленый. Птица сокол. Птица ястреб.

Птица лебедь. Гусь. Журавль. Лебеди на озере. Утята на озере. Избы под деревами.

Зверь лев. Единорог. Гриф. Львица. Слон. Вепреслон. Медведь. Волк.

Лисица и заяц. Собака меденская. Собака гончая. Собачки малые. Векши на дереве. Обезьяны.

Коркодил. Ехидна. Василиск. Змей полоз. Черепаха. Еж зверок – под деревами.

Бобр. Соболь. Еж большой – под деревами. Елень. Лось. Козы дикие.

Рыба кит. Рыба белуга. Зверь морж. Зверь медведь белой. Человек морской. Девица морская.

Корабль на море. С корабля из пушки стреляют. Рыбу бьют большую. Рыбу ловят большую. Из моря глядят морские звери. Нерпы бьют.

Бочки делают. В бочки сало льют. На возы кладут. Люди кита секут. В реке жемчуг ищут. Раковины на берегу перебирают, жемчуг смотрят.

Крокодил свинью ест привязанную. Крокодила бьют. Крокодилу бревно в челюсти кладут.

Каторга турская на воде. Насад. Карбас с лоткою. Судно с людьми. На судне стоят люди со знаменем. На судне с мушкеты.

В карете едут. В рыдване едут. В телеге едут.

Сняв шапку, в кафтане стоит. Сняв шапку, в однорядке стоит. В епанче стоит. В шапках.

В ферезее стоит. В турском кафтане стоит.

Немчин в шляпе. Немчин в епанче без шляпы. Немчин на пушке. Немчин с мушкетом.

(В подлиннике *зачеркнуто:* Кизылбашенин в чолме. Арапленин в чолме. Турчин в малой чолме. Литвин...)

Арапленин на верблюде. Арапленин на слоне. Верблюд со вьюком. На слоне город.

Медведь пляшет. Медведя собаки едят. Лося собаки едят. Собаки зайца гонят.

На конях рысь колют копьи. Льва кизылбаши колют копьи. Медведя колют копьи. Обезьян бьют палками. Обезьяны обуваются. Лев обезьяну ест.

Псарь собак ведет. Псарь собак кормит в корыте. Собаки волка травят. Мужики волка бьют цепами.

Птица пава. Курица и петух индейские.

Петух русский и курица. Свиньи в корыте едят, пастух глядит.

Сено косят. Сено возят. Пашут землю. Боронуют землю. Сеют хлеб. Жнут хлеб.

Возят рожь в снопах. На овине сушат хлеб. Молотят хлеб. Из вороху веют хлеб. В мешках в житницу носят хлеб.

Мельница на реке. Мельница ветряная. В жерновы человек мелет. Месит хлебы. В печь сажает хлебы. Раздает людям хлебы. Нищим дает милостыню.

Дети учатся грамоте. Дети пред мастером стоят. Дети мастеру кланяются. Дети за столом едят. Дети в саду гуляют. Дети яблоки и виноград щиплют.

Дети в карете едут. Дети в рыдване едут. Дети на конях. Дети пеши бегут от зверя. Дети в телеге едут. Дети круг катают».

Таким образом, эта потешная книга была составлена полнее прежних и нельзя не заметить в ней некоторой системы, по крайней мере в расположении и выборе изображений.

Здесь мы отчасти можем угадать и намерение древней педагогии – наглядно познакомить ребенка с теми предметами, знание которых ему было нужнее в жизни, нежели знание множества бесплодных апофегм и изречений. Поэтому она сначала представляет рисунки *военного быта* с его подробностями, которые распространяются даже до того, «как плетут шанец, осыпь делают» и пр. Затем она переходит к *городу* и указывает некоторые предметы гражданского быта и птичью охоту, за которою идет ряд изображений птиц и зверей, замечательных в естественном отношении или полезных в быту человеческом. Потом изображается море с кораблями и китовым промыслом, река и ловля жемчугу и, наконец, судна военные, дающие понятие о флоте. Далее следует этнографический отдел, в котором, однако ж, бóльшая часть рисунков составлена, может быть, только для изображения нарядов или одежды. В картинках, помещенных после этого отдела, представлена звериная и псовая охота. Книга заключается изображениями, относящимися к сельскому хозяйству, и статьею о детях, их ученьи и забавах.

Без сомнения, все любители русской древности весьма пожалеют о том, что не дошел до нас подлинник этой любо-

пытной потешной книги. Утрата невознаградимая, особенно в том отношении, что описанные рисунки представили бы нашу старину самым наглядным образом, в ясности и полноте, которые при настоящих наших средствах даются нам только после долгих, кропотливых и упорных разысканий и соображений.

Подобным же образом, хотя и сокращеннее, составлялись и другие потешные книги этого разряда. В конце той же росписи мы находим следующую записку:

«Писать иконописцам в книгах:

Птицы. Древеса. Людей на конях русских. Птицы сороки. Птицы неясыти. Птица птицу бьет. Орла одноглавого. Двоеглавого. Зверей единорогов. Лебедей на воде. Гусей. Мужиков с собаками. Еленей. Пешей человек у знамени. Собаки за зайцом. Мужика на верблюде. Орел птицу ухватил. Мужик рыбу ловит. Птиц павлинов. Медведя собаки грызут. Мужики обивают виноград. Люди борются. От волков мужик боронитца. Волки едят свинью. Мужик с вилами идет на медведя. Мужик по птицам стреляет. Мужик по обезьянам стреляет из лука. Собаки елена (оленя) обсочили. Человека со вьюком. Птицу гриф. Человек стреляет по медведе на дереве. Медведь пляшет. Медведь человека ест. Волк овечку ест. Люди пушку тащат в корабле. Люди рыбу ловят в море. Человек с знаменем. Птица со змием дерется. Корова пришла пить. Козел. Лев зайчика несет. Лев же сидит за решеткою. Человек с собаки, за охотою. Два козла бьются. Стада овец да козлов. Гриф со змием дерется. Лев свинью ест. Льва собаки обсочили да человек за ними».

Над этими потешными книгами, изготовленными, как мы уже сказали, для царевича Алексея Алексеевича, трудились, т. е. рисовали, расписывали их красками и украшали золотом, жалованные и кормовые иконописцы Симон Ушаков, Степан Резанец, Федор Евтихеев с товарищами, всего 17 чел. Под каждою статьею они подписывали также *уставом,* добрым мастерством *речи,* т. е. объяснения изображен-

ных предметов, что и составляло текст этой древней живописной детской энциклопедии. Нужно упомянуть также, что бóльшая часть рисунков в этих книгах заимствована была, без сомнения, из упомянутых выше немецких и фряжских печатных листов или гравюр, которые также назывались потешными.

Потешные книги этого разряда от употребления, разумеется, приходили в ветхость, дети их грязнили и рвали; поэтому они весьма часто или возобновлялись, или составлялись вновь. На это мы имеем много указаний в делах Оружейного приказа, который заведовал всеми иконописными и живописными работами. Весьма редко, однако ж, такие указания упоминают о содержании книг. Так, в 1664 г. изготовлены были четыре книги потешных для царевен меньших. Марта 3 они были переплетены переплетчиком книгопечатного дела, наборщиком Федором Исаевым, которому было выдано 50 листов сусального золота для того, чтобы по обрезу позолотить. *Меньшими* именовались царевны – дочери царя Алексея Михайловича в отличие от *больших* царевен – дочерей царя Михаила Федоровича – Ирины, Анны, Татьяны. Меньшие царевны в это время были Евдокия 14 лет, Марфа 12 лет, Софья 7 лет, Екатерина 6 лет, Марья 4 лет, Феодосия 2 лет[1].

В 1665 г. иконописец Федор Тимофеев со товарищи, всего 10 чел., 76 дней писали царевичу Федору Алексеевичу «Потешную книгу в четверть листа»[2].

В 1668 г. декабря 20 иконописец Федор Матвеев писал потешную книгу в хоромы к царевнам меньшим[3].

В 1672 г. в генваре иконописец Петр Афанасьев писал царевичу еще две потешные книги: *люди с боем*[4].

---

[1] См. выше, с. 612 и прим. 1. – *Ред.*

[2] В книге А. И. Успенского, с. 274, упомянуто, что Федор Тимофеев был у письма потешных книг в декабре 1665 г. – *Ред.*

[3] См. выше, с. 612 и прим. 2. – *Ред.*

[4] См. выше, с. 630. Ср.:*Успенский А. И.* Указ. соч. – С. 17. – *Ред.*

В 1675 г. февраля 4 иконописец Иван Филатов писал царевичу Федору Алексеевичу еще потешную книгу (№ 858)[1].

В 1675 г. писана *потешная книжка* двухлетней царевне Наталии Алексеевне[2]. В том же году иконописцу Тимофею Резанцу велено написать в хоромы к царице Наталии Кирилловне *две книги потешные* в осьмушку, а писать *девицы и птицы и бабы разными переводы,* т. е. образцами, царевнам меньшим. В 1676 г. иконописец Федор Матвеев писал потешную книгу четырехлетнему царевичу Петру Алексеевичу, а в 1680 г. иконописец Тимофей Резанец писал и расцвечивал шафраном царевичу Петру *потешные тетради*[3].

Для трехлетнего царевича Алексея Петровича изготовлены были в 1693 г. иконописцем Иваном Афанасьевым октября 12 дня потешная книга в тетрадях в десть, т. е. в лист, *строй служивых и иных и зверей и птиц,* и другая, декабря 22 [написана декабря 30], *люди, звери и птицы.* В 1695 г. иконописцы Петр Федоров, Ларион Сергеев и Иван Афанасьев написали царевичу еще потешную книгу *«птиц и зверей разными образцы».* К тому же разряду учительных картинок могут относиться и особые листы с разными изображениями, например зодиака или *небесных бегов.* В 1680 г. такой лист *«двенадцать месяцев и беги небесные»* был написан живописцем Карпом Золотаревым для царевича Петра Алексеевича[4]. В 1694 г. для царевича Алексея Петровича написаны иконописным письмом, на четырех листах, *четыре стихии да двенадцать месяцов.* Известно также, что для учения царевича Алексея Петровича была составлена книга *Град Царства небесного* с раскрашенными рисунками «со вмещением краткого понятия о разных

[1] См. выше, с. 634. В Словаре А. И. Успенского, с. 284, месяц работы не указан, а книга Архива Оружейной палаты значится за № 957. – *Ред.*

[2] Выше говорится о двух потешных книжках царевны, с. 612, 651 и 684. – *Ред.*

[3] О работах Тимофея Резанца см.: *Успенский А. И.* Указ. соч. – С. 226. – *Ред.*

[4] Ниже, в главе IV, год обозначен – 1679, тот же год и в Сборнике… Есипова Г. В., т. I, с. 21, где, между прочим, указано, что лист этот принял в хоромы к царевичу боярин Родион Матвеевич Стрешнев. – *Ред.*

науках, кои лучшею тогдашнею живописью представлены в аллегорических фигурах»[1].

Другого рода потешные книги имели целью доставить детям легкое и интересное чтение. Поэтому сюда входили разные истории и повести, известные под именем сказок; повести эти были писаны почти всегда в лицах, т. е. с картинками. Образцами их могут служить так называемые лубочные сказки. Едва ли не все эти сказки были в XVII столетии потешными книгами и составляли в царском быту одно из самых обыкновенных развлечений не только для детей, но и для взрослых.

В кон. XVII столетия и большею частью в нач. XVIII эти потешные книги, украшенные рисунками, написанные уставом, стали гравировать на медных досках и, без сомнения, с совершенным подобием древним оригинальным рукописям, что вполне подтверждается теперешними их изданиями, весьма уж потерпевшими от разных перемен и переделок. Многие рисунки теперешних лубочных сказок, особенно изображения городов и палат, и самый почерк текста во многом напоминают еще старину XVII столетия.

К сожалению, записки XVII столетия, упоминая о потешных книгах этого разряда, весьма редко проговариваются об их содержании[2]. Встретившиеся нам подробности об этом любопытном предмете относятся к 1693 г.

Вот подлинные записки:

«202 (1693) г. октября во 2 день в хоромы к великому государю благоверному царевичу и великому князю Алек-

[1] «Записки и Труды Общества Истории и Древностей Российских». Ч. I. – М., 1815. – С. CXI–CXII [Сообщается о списке этой книги, принесенном в дар Обществу в 1811 г. И. В. Лопухиным. Можно думать, что эта рукопись погибла в московский пожар 1812 г. вместе с Библиотекой Общества; ср. соч. П. М. Строева: «Библиотека Императорского общества Истории и Древностей Российских». – М., 1845. – С. III. О «Граде царства небесного», сост. Карион Истомин, см. в кн. С. Н. Браиловского: «Один из пестрых XVII столетия». – СПб., 1902 (Записки Императорской Академии наук по истор.-филол. отдел. Т. V. № 5. – С. 312–316 и 464–465). – *Ред.*]

[2] В оригинале автором добавлено: «Узнаем только, что еще в 16 .. году Стрешнев...». Ср. выше, с. 697, прим. 4. – *Ред.*

сею Петровичу всея Великия и Малыя и Белыя России окольничей Иван Юрьевич Леонтьев приказал написать в тетратях в десть в *лицах* потешную книгу *Петра Золотые Ключи,* незамотчав, и подписать речи уставом. И того ж числа тое книгу велено знаменить и писать иконописцу Ивану Афанасьеву.

202 г. декабря 3 переплетена, за работу 3 алт. 2 ден.

Декабря в 4 день из хором великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Петровича Всея Великия и Малыя и Белыя России дьяк Кирила Тиханов снес потешную книгу в *лицах* в десть (т. е. в лист) *о Бове Королевиче*[1], многие листы выдраны и попорчены, а приказал тое книгу починить заново. И того ж числа для починки та книга отдана иконописцу Федору Матвееву».

Лица или рисунки этих потешных книг были раскрашены яркими красками по местам с золотом и серебром, что, без сомнения, особенно и нравилось царевичу, который в это время был еще только 4 лет и едва ли знал читать. 202 г. ноября 2 в потешной книге «Петра Золотые Ключи» *речи* (т. е. текст) были написаны *уставом,* добрым мастерством; речи эти, всего 32 листа, писал Никитского монастыря псаломщик Павел Перфильев – вероятно, отличный каллиграф того времени. Через месяц, ноября 29, в этой же самой книге снова подписывал *речи* дьячок церкви Василья Блаженного Яков Григорьев, «для того, что многие листы были выдраны, всего 20 листов»; за каждый лист ему выдано по алтыну с деньгою. Переплетали эти книги в бархат и атлас с шелковыми тесьмами или завязками.

Лубочные сказки о «Петре Золотые Ключи» и о «Бове Королевиче» переводные; они до сих пор пользуются в народе огромною известностью и представляют образцы оригиналов.

Основываясь на приведенных записках, мы снова можем повторить, что все известные старинные лубочные сказки и истории были некогда *потешными книгами* и служили для детей забавою, игрушками, развлекавшими их среди трудов «книжного научения». Позднейшие их издания в XVIII столе-

[1] Против этих слов на поле автором замечено: «Стрешнев». – *Ред.*

тии и в нач. XIX посредством гравирования на медных досках вполне сохраняют старые рукописные образцы, составляемые в XVII столетии, в которых, например, изображения палат и других строений сходны с иконами.

Совершенно неизвестно, входили ли в состав первоначального образования грамматика, счетная или цифирная мудрость, называвшаяся также арифмословием, всеобщая история (в хронографах), география (в космографиях) и языки иностранные. Сведения о полном составе тогдашней науки, т. е. *о седми свободных художествах,* появились у нас, кажется, не ранее кон. XVII столетия[1]. Около этого времени переведена была небольшая статья, или *Книга, избранная вкратце о девяти мусах и о седми свободных художествах*[2], в которой излагаются общие понятия о сущности учения каждого художества или, лучше сказать, представляется характеристика этих художеств соответственно тогдашним понятиям о них.

«Философи древний хотяще показати яко всякое учение подобает в память быти и содержатися единому от другого; понеже аще не в память пребывает учение, всуе труждаемся; аще и бесчисленные книги прочитаем, и аще единого[3] уче-

---

[1] *Мудрость, или описание седми свободных художеств, кая что в себе содержит. Из Еллинского диалекта исследованы на словенский язык чрез Николая Спофария, лета Господня 1673. – Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седми свободных художествах.* – Обстоятельное описание... рукописей... гр. Ф. А. Толстова. Издали К. Калайдович и П. Строев. Отд. II, № 118 и 223.

[2] Список этой статьи известен, между прочим, в рукописи Московской Синодальной библиотеки. № 527, см. труд акад. А. И. Соболевского. «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.» – СПб., 1903. – С. 169–170; имеется список статьи и в принадлежавшем автору собрании рукописей – рукопись № 259 (в настоящее время, как и все рукописное собрание автора, составляет собственность Исторического музея); важнейшие разночтения обоих списков приводятся ниже в примечаниях. – *Ред.*

[3] В Синод. Сп. – «едино». – *Ред.*

ние познаваем, другого же несвемы – хромое таковое учение явится. Сего ради сице изобразиша девять мус во образ девяти дев, яже друг друга рукою содержатся и на различное учение[1] относятся и лик составляют. Между их сликовствует Аполлон сиречь солнце, знаменуя, яко учение свет есть[2] и миру сияет. Сего ради сице изобразиша девять мус во образ девяти дев, яже различным учениям подобятся... им же имена сице положена суть: 1) *Клио* сиречь славная, нареченная от славных дел, яже воспевается и историка именуется. 2) *Калиопи* сиречь доброгласная, ради сладкого ее доброгласия. 3) *Ерато* сиречь желаемая или возлюбленная, или от пения любве или яко от всех желается. 4) *Фалиа* сиречь цветущая, от цветущих слышателей. 5) *Мелпомени* сиречь воспеваемая, понеже воспевает. 6) *Терпсихора* сиречь ликовеселящая, понеже лик веселит, яже нарицается и гусленица[3]. 7) *Евтерпи* сиречь благоукрасительная яже благоукрашает; нарицается сия и трубительница яже предстоит трубам. 8) *Полимена*[4] сиречь многопесненная или многопамятная. 9) *Урания* сиречь небесная, понеже о небесных делах учит...»

Описав таким образом девять муз, автор переходит к обозрению свободных художеств. «Первое свободное художество *грамматика* имя свое получи от греческого[5] грамма сиречь письмо, от грамма же грамматика наречеся, сиречь *писменица.* Есть грамматика славенски изрядное художество глаголати[6] и писати учащее и пр. Второе свободное художество *риторика,* есть художество яже учит слово украшати и увещавати... Конец риторики есть учити красно глаголати и увещевати... Третье – *диалектика,* яже и логика нарицается имянуется от греческого речения диалегоме, сиречь истязаю-

[1] В Синод. сп. – «различная учения». – *Ред.*

[2] Там же далее: «и ум просвещает, подобно и солнце свет есть». – *Ред.*

[3] Там же – «гуселница», в списке, принадл. автору, – «гусеница». – *Ред.*

[4] Так и в списке, принадл. автору; в Синод, сп. – «Полимниа». – *Ред.*

[5] В Синод. сп. и в списке, принадл. автору, добавлено: «речения». – *Ред.*

[6] Там же – «б~лгоглати». – *Ред.*

ся или любопрюся или скоро обретаю и изобретение[1] чиновне сочиняю... Диалектика[2] конец есть еже благое от зла и ложь от истины разделяти... Четвертое – *арифметика* сиречь *числительница*. Пятое – *мусика* сиречь *песньствование,* имя свое от мусы богини пения получи; есть же мусика сведения блага[3] яже и армония сиречь согласия[4] наречеся... Шестое – *геометрия* сиречь *земно-мерие*... от нее, яко от корени состоятся начальство[5] острологии, географии и иных художеств... Седьмое – *астрология* сиречь звездословие... есть же астрология учение[6], толкующее силу и движение звездам...».

Подобными истолкованиями и вообще только характеристикою этих художеств ограничивается все содержание упомянутой книги, избранной вкратце. Полного изложения всех этих художеств предки наши не имели; первоначально принята была одна грамматика как необходимое *орудие* к рассуждению высокого в святых книгах лежащего разумения.

Затем если не вполне, то частями были переводимы и некоторые другие из этих художеств, например мусикия, арифметика; иные же были даже отречены, например геометрия, астрология. Притом и самая грамматика не входила в состав общего образования, а была специальным учением, необходимым только для духовных лиц, посвящавших себя ученым занятиям, например исправлению книг, переводам.

Таким образом, свободные художества в полном их составе не были у нас водворены и большею частию предки наши знали их только по именам. Кроме того, иные науки или художества смешивались в тогдашних понятиях с еллинскими языческими таинствами, да и вообще слово *еллинский* обозначало все языческое, а свободные художества шли от еллинов, следственно, были языческие...

---

[1] Там же – «изобретена». – *Ред.*[6]

[2] В Синод. сп. и в списке, принадл. автору, – «Диалектики». – *Ред.*

[3] Там же – «сведение б~лгопети». – *Ред.*

[4] Там же – «согласие». – *Ред.*

[5] Там же – «началства». – *Ред.*

[6] В списке, принадл. автору, – «астрологиа учения». – *Ред.*

По свидетельству иностранцев, науки не были приняты в этом составе и в царском быту, т. е. в первоначальном образовании царских детей.

Рейтенфельс делает следующий общий очерк первоначального образования в царском быту: «Изящными (т. е. свободными) науками царские дети не занимаются, кроме энциклопедических познаний о предметах политических; зато весьма тщательно изучают (кроме чтения и письма на отечественном языке) состояние своего государства и соседственных держав, дух и потребности подвластных народов, различающихся языком и нравами; приучаются любить и уважать отечественные обычаи и неуклонно следовать правилам религии. Долг справедливости требует сказать, что этот скромный и, по-видимому, простой образ воспитания царских детей в России дает им прекрасное направление и гораздо полезнее, нежели изучение всех тайн философии и уроки самых глубокомысленных учителей»[1]. В отношении иностранных языков Котошихин говорит положительно, что, кроме русского, «никаким иным языкам научения в Росийском Государстве не бывает»[2].

Есть, впрочем, данные, по которым можем заключать, что при царе Алексее Михайловиче и иностранные языки,

[1] Журнал Министерства Народного просвещения. – 1839. – Июль. – С. 10 [пер. И. Тарнава–Боричевского]. Ср. это же место в переводе А. И. Станкевича (М., 1906. – С. 85): «Науками, общеобразовательными они даже самым поверхностным образом не занимаются, кроме всеобщего краткого политического обозрения, ибо наставники их обучают исключительно только одному умению читать, писать и считать и знакомят их с состоянием собственной страны и других соседних держав, чего-де до́лжно им ожидать и чего опасаться.

Главное внимание в этих занятиях обращается на то, чтобы дети точнее изучали язык и нравы разнообразных своих подданных, привыкали неуклонно следовать старинным обычаям и ревностно оберегать веру, причем все это для них безусловно обязательно. Не скрою, однако, что это, в высшей степени простое и приноровленное к жизни воспитание, западая в благородную душу и гибкий ум, доводит до столь же высокой степени доблести, как изучение всех философских систем и усвоение мудрости самых выдающихся ученых». В экземпляре, принадлежавшем автору, данное место отчеркнуто, вероятно, для использования в настоящем издании. – *Ред.*].

[2] См. выше, с. 658. Слова Котошихина приведены не дословно, ср. 4 изд. сочинения Котошихина, с. 17. – *Ред.*

и некоторые из свободных наук не были изъяты из первоначального образования его сыновей. Примером служит царевич Алексей Алексеевич, подававший блестящие надежды и так рано похищенный смертью[1]. Он умер 16-ти лет. Имея отличные дарования, он, по свидетельству современников, с особенною любовью занимался книжным учением[2], чему, без сомнения, много способствовало и то, что дядькою его был Федор Михаилович Ртищев, любитель и покровитель просвещения в тогдашнее время, который «прилежным своим к государю царевичу служением наипаче себе изнури, бодрствуя, и смотря и поучая его благочестно»[3]. Учение[4] [царевича Алексея Алексеевича] впервые в московском дворце было ведено по системе тогдашней школьной науки, именно путем *учения грамматичного* – как на славянском, так на латинском и греческом языках. Для *учения по латинам,* может быть, и избран к царевичу иеромонах Симеон Полоцкий. По прибытии в Москву[5] Полоцкий поступает прямо в Верх, т. е. во дворец, и содержится со своими челядинцами и даже с собственными лошадьми на *дворцовый* счет...

Вероятность же, что он был учителем царевича Алексея Алексеевича (а потом уже и Федора)[6], может раскрываться в

[1] На листке, вложенном в оригинал, автором замечено: «Царевич Алексей Алексеевич умер... в 1670 году 17 генваря. Смерть его была неожиданным и печальнейшим событием не для одного только царя-отца, но, без сомнения, и для всех друзей просвещения, как оно тогда понималось, для друзей нового движения в тогдашнем образовании, которые могли ожидать в нем будущей опоры и поддержки своим разумным стремлениям». – *Ред.*

[2] См.: Опыты... Ч. I. – С. 201, где указывается, что царевич расстроил «даже свое здоровье от прилежного ученья, так что самая смерть его, как думали лекаря, последовала от сидячей жизни». – *Ред.*

[3] Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Т. XVIII. – С. 410.

[4] Отсюда до слов: «В числе книг...» на с. 705 добавлено из Опытов.., ч. I, с. 198–200. В соответствующем месте оригинала есть заметка автора: «Его учитель Симеон Полоцкий». – *Ред.*

[5] В 1664 г., см.: Опыты... Ч. I. – С. 198. – *Ред.*

[6] См.: Опыты... Ч. I. – С. 201: «Может быть, Полоцкий поступил в учителя к царевичу Федору по смерти царевича Алексея, в 1670 г., когда Федору исполнилось 9 лет – возраст, с которого грамматичное обучение началось и для царевича Алексея». – *Ред.*

следующем обстоятельстве. В 1667 г. царевичу Алексею исполнилось 13 лет. Он был всенародно и торжественно *объявлен* наследником престола. Когда в честь этого радостного всенародного события царь давал во дворце 7 сентября почетный, торжественный стол, то на обеде в числе других официальных лиц находился и *учитель старец Симеон,* как отмечено в современной записке[1], сидевший даже *в особом столе* в близости от государя, по левую сторону государева места или трона. Этот старец Симеон был не кто другой, как иеромонах Симеон Полоцкий; и можно догадываться, что потому он и удостоен был чести сидеть на обеде объявляемого всенародно царевича, за особым столом и притом с именем *учителя,* что в действительности был его учителем и призван был официально торжествовать государственный праздник своего ученика. После стола Полоцкий говорил государю речь, сочиненную, вероятно, на прославление и поучительное изъяснение этого случая, за что 16 сентября получил в награду атласную соболью шубу. В расходной книге Казенного приказа под этим числом 1667 г. записано между прочим: «Учителю старцу Семиону Полотцкому 10 арш. атласу зеленого по двадцати по шести алтын по 4 ден. аршин, да ему ж велено дать испод соболей в 60 руб., и ему дан сорок соболей в 60 руб.; а пожаловал государь его по своему государеву имянному указу для того: в нынешнем во 176 г. сентября в 7 день был у великого государя у стола в Грановитой Полате и великому государю говорил речь» (№ 384). Награда в 67 руб. за одну только речь слишком значительна по тому времени и по сравнению с другими подобными наградами. Без сомнения, сюда же входило и вознаграждение за труды по учительству, по крайней мере другие учителя при начале или в конце ученья получали всегда точно такие же награды... Как бы то ни было, мы теперь знаем, что Полоцкий во дворце в 1667 г. носил титул *учителя*...

[1] Записка дневанью 176 года, в Государственном Архиве МИД [См. издан. С. А. Белокуровым «Дневальные записки приказа Тайных дел 7165–7183 гг., с. 253 (Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. II. – 1908). – *Ред.*]

В числе книг, принадлежавших библиотеке царевича [Алексея Алексеевича], мы находим кроме многих книг духовного содержания грамматики печатные и письменные, лексиконы, между которыми один словенский с греческим, а другой латинский со словенским, потом 137 книг на разных иноземских языках, книгу Аристотелеву, книгу Монархию, Собрание патриарха Никона (может быть, Летопись?), книгу цифирную (арифметику), книгу размерную (геометрию), 11 книг – *описание земель,* т. е. книг географических, 14 листов – *описание разных земель* (ландкарты), *два яблока – описание земли* (глобусы) и проч. Если не все из этих книг были употреблены в первоначальном обучении царевича, то во всяком случае они могут свидетельствовать, что именно назначалось для его дальнейшего образования, которое с этого времени становилось обширнее или, по крайней мере, полнее, нежели как было в начале XVII столетия, именно при обучении царя Алексея Михайловича, в отроческой библиотеке которого кроме духовных книг встречаем только славянскую грамматику – литовская печать в 8-ю длину листа, лексикон – литовская печать также в 8-ю длину листа – и письменную космографию в лист.

Описи царских библиотек любопытны как указатели нашей старинной образованности, как свидетели любознательности и тех интересов, которыми руководилась умственная сторона жизни нашего древнего общества. Само собою разумеется, что одни заглавия не могут еще дать полного, отчетливого понятия обо всей массе сведений и идей, которые служили содержанием древних книг и составляли, так сказать, умственный капитал наших предков.

Но и по этим заглавиям мы уже можем отчасти делать заключения, по крайней мере, об общем направлении умственного и нравственного развития в тогдашнем обществе... Разработка русской древности еще при начале. Теперь[1] с каждым днем убеждаются, что старая наша письменность была вовсе не так бедна, как это представлялось в былое время.

[1] Так в печатном ориг. 1854 г. – *Ред.*

Будем ожидать новых делателей, которые познакомят нас не только с заглавиями, но и с содержанием древних рукописей; и вместо того чтобы описывать *корешки,* как делают книгопродавцы и как это было необходимо в свое время, представят полные, отчетливые монографии. Можно положительно сказать, что здесь скрывается целая, еще нетронутая область самых любопытных свидетельств о нашей допетровской старине. Так, например, переводная литература второй половины XVII столетия – эти римские истории, приклады, зело трепетные и умильные сказания и повести о храбрых, славных и прекрасных *рыцарях,* витязях и королевичах, служившие под именем *потешных книг,* как мы видели, легким, забавным чтением, необходимо должны были внести в понятия наших предков много новых идей и убеждений, именно элемент *рыцарский, рыцарские* подвиги и поступки с храбростью и *честью,* которые во многом были различны от подвигов, храбрости и чести древних русских богатырей, *рыцарский* взгляд на женщину, совершенно противоположный взгляду богатырскому, и т. д. И *Петр Рыцарь златых ключев* и *храбрый и прекрасный Бова-Королевич* с этой точки зрения получают для нас совершенно другой интерес...

Между тем это одна только сторона древнего литературного влияния, о которой мы упомянули единственно для примера. Другие, более важные, более значительные стороны нашего допетровского образования также в высокой степени любопытны, также могут пролить совершенно неожиданный свет на умственное и нравственное развитие наших предков... Но для возделывания этой области нужны добрые делатели и добрые труды, которых с нетерпением ожидают теперь все любители русской древности.

ГЛАВА IV
ДЕТСКИЕ ГОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Родины и крестины царевича Петра Алексеевича. — Первые заботы и распоряжения касательно младенца. — Игрушки и игры царевича. — Игрушки и игры воинские. — Книжное учение. — Потехи воинские. — Случаи из детской жизни Петра[1]

Петр родился 30 или «против» 30 мая 1672 г., в четверток, на память Исаакия Далматского, *в отдачу часов ночных,* т. е. на исход ночи или, по другим известиям, в шестом часу ночи, также за полтретья часа до дня, что по теперешнему счету будет означать час по полуночи[2].

---

[1] Кроме имеющегося в печатном ориг. 1872 г. заголовка: «Детские годы Петра Великого», прочее все добавляется. – *Ред.*

[2] Часы делились в то время на денные и ночные; денные считались с солнечного восхода, а ночные – с заката. [Ср.: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. I. – С. 133. – *Ред.*] С 25 мая по тогдашнему счету было 17 часов денных и 7 ночных. 30 мая солнце восходит в 3 ч. 18 мин., заходит в 8 ч. 40 мин. – следовательно, тогдашний первый час ночи соответствовал половине десятого пополудни, а первый час дня – половине четвертого пополуночи. Если принимать, что начало дня считали в то время с трех с половиною часов, то выражение «за полтретья часа до дня» будет означать час по полуночи. [На поле оригинала автором помечено: «все переправить по Разряд. Доп. III, 470», что означает: исправить по разрядной (Дворцовой) записке, изд. в «Дополнениях к тому III Дворцовых разрядов». – СПб., 1854. – С. 469–484. По этой записке Петр родился «в отдачу нощных часов», между тем ниже, на с. 709–710, прим. 1, и выше, на с. 502–503, автор, по-видимому, принимает за более достоверное иное время рождения Петра – «за полтретья часа до дня», но последняя дата приведена в другой разрядной записке, изд. в тех же «Дополнениях» на с. 463–470. Что же касается остальных сведений о рождении и крещении Петра, приводимых в настоящей главе, то заимствованы они из разных источников, и, между прочим, из двух помянутых разрядных записок, следовательно, и из «Дворцовой», которую автор имел в виду для исправлений; этой же запиской автор пользуется и ниже, в гл. VI, при описании родинного стола Петра. Об обеих записках см.: *Шмурло Е. Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. Гл. VII // Журнал Министерства Народного просвещения. – 1900. – № 8. – С. 202–209; издания записок указаны на с. 202, прим. 2 и 4. – *Ред.*]

Соблюдая тогдашние обычаи и порядки быта, царь Алексей Михайлович в тот же час указал послать *с вестью* к боярам, окольничим и ближним людям, а также и к гостям. О посылке к митрополиту (тогда было междупатриаршество) и духовным властям современные записки не говорят ни слова; но известно, что повестка посылалась не только к ним, но даже и во все важнейшие московские монастыри, и особенно к Троице в Сергиев. От царицы также посылались с вестью или, как тогда говорили, со *здоровьем* к женам бояр, окольничих и ближних людей, вообще к *боярыням приезжим,* так называвшимся в отличие от *дворовых боярынь,* которые жили во дворце.

Во втором часу дня или в пять утра заблаговестили в большой успенский колокол к молебну. В это время все уже было готово к царскому торжественному выходу. В сопровождении грузинского, касимовского и сибирских царевичей, бояр, окольничих, думных и ближних людей, стольников, стряпчих и дворян, полковников солдатских выборных и стрелецких полков государь шествовал в Успенский собор, где и совершено было молебствие. После молебна митрополит Питирим со властями, тремя митрополитами, тремя архиепископами и одним епископом и со всем Собором поздравил государя с новорожденным. Затем поздравляли царевичи, боярство и всяких чинов люди, бывшие на выходе, причем грузинский царевич Николай Давыдович, стоявший во главе синклита, произнес обычную поздравительную речь. Из Успенского собора государь шествовал в собор Архангельский, потом в монастыри Чудов и Вознесенский и на возвратном пути в собор Благовещенский, где и совершал обычное богомолье[1].

[1] Нельзя не остановиться на том обстоятельстве, что весь этот торжественный выход был наряжен в такое короткое время. В течение 4 ч. с минуты родин все были уведомлены и все парадно собрались к торжеству. Это, кроме многих других данных, может служить весьма убедительным доказательством, что Петр родился в Кремле, а не в Измайлове и не в Коломенском, как утверждают даже до сих пор некоторые изыскатели. Миллер еще в 1787 г. [Первоначально ст. Г. Ф. Миллера была напечатана в 1780 г. в части пятой «Опыта трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете», см. с. 88. На эту статью Миллера ссылается и

Возвратившись во дворец, государь в Столовой палате пожаловал из думных дворян в окольничие отца царицы – Кирилла Полуектовича Нарышкина[1] и своего *друга Сергеевича* – Артамона Матвеева. В тот же день пожалованы были в думные дворяне дядя царицы Федор Полуектович Нарышкин, Авраам Никитич Лопухин и московский ловчий Афанасий Иванович Матюшкин. Отслушав потом обедню, государь по случаю общей радости справил в Передней и обычное родинное угощение водкой, винами и разными сластями. Принесено было питье, яблоки, дули, груши и другие «овощи» в патоке, в ковшах. Из собственных рук государь подавал водку и фряжские вина боярам, окольничим, думным людям, дьякам и полковникам стрелецким; головам и полуполковникам стрелецким и солдатским подносил водку перед Переднею в сенях боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово. Все справлено было по обычаю, и не подавали только *ковришек* и *взвару* – необходимых принадлежностей этого угощения, которых подача, как увидим, была отложена до другого времени.

По порядку вскоре следовало дать во дворце родинный стол, но через три дня по рождении младенца наступил Петров пост; в воскресенье праздновали день Всех Святых и было заговенье. Приготовиться так скоро, в два дня, к большому торжественному столу было невозможно и для дворцо-

автор на поле оригинала. – *Ред.*] почитал эти мнения неосновательными по самым простым и здравым соображениям. «Весьма неимоверно, – говорит он, – чтоб государыня царица на последних днях своей беременности изволила ездить в Коломенское или в Измайлово и ожидать там своего от бремени разрешения; чего без многих затруднений учиниться не могло. Разрядная записка того ж числа свидетельствует, что государь царь Алексей Михайлович во втором часу дня присутствовал при благодарственном молебствии в московском Успенском соборе, для сего благополучного рождения отправленном. Могло ли сие сделаться, если из Коломенского или Измайлова о том в городе повестить, духовенство собрать и государю самому оттуда к молебствию приехать надлежало?» – Собрание разных записок о жизни... Петра Великого, изд. трудами... Федора *Туманского.* Ч. V. – СПб., 1787. – С. 118. [На поле оригинала автор ссылается на Сборник… Есипова Г. В., т. II, с. 403, где издателем приводятся данные в подтверждение того, что Петр родился в Кремле, а не в Коломенском или Преображенском. – *Ред.*]

[1] См. выше, с. 503, прим. 2. – *Ред.*

вого хозяйства, и для гостей, потому что к родинному столу гости по коренному обычаю должны были явиться с дарами для новорожденного. Нельзя, однако ж, было отлагать на долгое время веселое пиршество. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье, государь дал приватный стол одному боярству с дьяками, *без зову и без мест*. Стол накрыт был в Золотой царицыной палате. В числе яств важнейшее место занимали здесь *коврижки и взвары*. «Великий Государь жаловал всех водкою, а заедали коврижками, яблоками, дулями, инбирем, смоквою, сукатом в патоке и иными овощами; а как начали есть, наперед носили *взвар* в ковшах». В то же время перед палатою, в проходных сенях, кормлены Благовещенского собора священники, которые служат у *крестов,* т. е. в царских моленных комнатах. Этим небольшим столом и заключились предварительные торжества.

Наконец, настал Петров день, в который праздновались именины новорожденного и назначены были крестины. Крестины были совершены в Чудовом монастыре, у Алексея Чудотворца в трапезе, перед обеднею, в 3 часу дня. Крестил духовник царя – Благовещенский протопоп Андрей Савинович. Восприемниками были старший брат Петра царевич Федор Алексеевич и тетка царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденного в церковь, то по пути кропил святой водой дворцовый рождественский священник Никита, весьма уважаемый в то время за святость жизни. За крещенье государеву духовнику дано от государя: «кубок с кровлею, весом фунт 60 золотн.; сорок соболей в 80 руб., атласу таусинного 10 арш. От царицы: кубок с кровлею, весом фунт 9 золотн.; сорок соболей во 100 руб.; камки куфтерю темно-лазоревой 10 арш. От царевича: сорок соболей во 100 руб., объяри гвоздичной 5 арш., 50 золотых; чудовскому архимандриту Иоакиму: кубок весом фунт 14 золотн., сорок соболей во 100 руб., байберек таусинной; рожественному [sic] священнику Никите 50 руб., дьяконам: чудовскому Пахомию 20 руб. да объяри таусинной 5 арш., екатерининскому Ивану сукна кармазину, тафты зеленой, по 5 арш.».

На другой день, 30 июня, также в воскресенье, после обедни, во дворце собрались духовенство «с образы и с дары», боярство, гости, выборные гостинной, суконной и черных сотен и конюшенных слобод и из городов от посадских, также с родинными дарами. Родинный стол был дан в Грановитой палате в этот же день[1]. От других столов родинные столы отличались неимоверным количеством подаваемых гостям всякого рода *сахаров,* пряников и «овощей», вареных и сушеных. Стол новорожденного Петра в буквальном смысле загромождён был этими разнообразными изделиями старинных приспешников. Между ними самое видное место занимали и служили украшением царского пира огромные коврижки и литые сахарные фигуры птиц, зданий и т. д. Большая коврижка изображала герб Московского государства. Два сахарных орла весили каждый по полтора пуда, лебедь – два пуда, утя – полпуда, попугай – полпуда и т. п. Был сделан также и *город сахарный Кремль с людьми, с конными и с пешими* и другой *город* четвероугольный с пушками (крепость). В то же время и царица давала родинный стол боярыням в своей Золотой палате. Из сахаров и «овощей», поданных ей за стол, коврижка большая изображала герб государства Казанского; орлы[2], лебедь, утя и другие птицы были того же веса, как за столом царским. Был здесь также город сахарный треугольный с цветами, две палатки и кроватка сахарная. Каждый из гостей получал по большому блюду с разнообразными сахарами: зеренчатыми, леденцами и конфектами, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными полосами и проч. Количество сахаров и разных заедок соразмерялось, впрочем, со степе-

[1] На поле оригинала автором отмечено: «путано с. 13 статьи род. крест.». Делая такое замечание, автор имел в виду печатный ориг. 1854 г., где говорится о столе 2 июня как о родинном, а стол 29 июня показан крестинным; впрочем, на поле того же оригинала 1854 г. последнее число исправлено на 30 и сделана ссылка на с. 466 Дополнений к т. III Дворцовых разрядов (СПб., 1854), где под 30 июня значится стол родинный; см. также: Дворцовые разряды. Т. III. – С. 890. В Дворцовой записке родинный стол помечен, однако, 29 июня. Подробности о нем см. ниже, в гл. VI. – *Ред.*

[2] В Дворцовой записке показан один орел. – *Ред.*

нью значения каждого из гостей. Младшие члены пира, т. е. люди низших разрядов, получали меньше высших. Это были обычные родинные подарки в то время. Они раздавались гостям после стола, и каждый уносил гостинцы с царского пира домой. Тем из знатных, которые почему-либо не могли быть на пиру, сахары посылались обыкновенно на дом. Таким же образом через четыре дня, июля 4, справлен был и *крестинный стол,* которым и заключились придворные торжества по случаю царских родин[1].

Теперь остановимся на первых заботах и распоряжениях касательно самого младенца. К сожалению, сведения наши об этом предмете, по свойству доступных нам материалов, будут по преимуществу касаться одной только внешней стороны воспитательных забот того времени. Но соберем и эти скудные и сухие крупицы, может быть, и они не будут бесполезны при изучении детских лет Великого Преобразователя.

Одно из первых распоряжений в отношении новорожденного касалось дела благочестивого и душеполезного. С дитяти снимали *меру,* долготу и широту, и в эту меру на кипарисной или липовой деке писали икону тезоименитого его Ангела. На третий день по рождении Петра, 1 июня, царь Алексей Михайлович именным указом повелел писать меру сына искуснейшему в то время иконописцу Симону Ушакову. На кипарисной деке длиною 11, а шириною 3 верш. Ушаков назнаменил образ Живоначальной Троицы и апостола Петра и успел написать только одни ризы иконных изображений, до лиц, потом заскорбел, сделался болен. Лица дописывал не менее искусный иконописец Федор Козлов. Эта *мера рождения* доселе сохраняется над гробом императора[2]. Но само собою разумеется, что многое из забот о новорожденном предшествовало еще самым родинам. Выбор мамы, например, решался, конечно, гораздо прежде. Наготове были и все рас-

[1] Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. – С. 463. [Выше, на с. 510–511, указывается, что крестинный стол справлен был в Грановитой палате. – *Ред.*]

[2] См. выше, с. 556 и 557. – *Ред.*

поряжения по выбору кормилицы – «жены доброй и чистой и млеком сладостной и здоровой». В мамы Петру назначена была сначала *княгиня Ульяна Ивановна Голицына,* а потом боярыня *Матрена Романовна Левонтьева;* кормилицей была *Ненила Ерофеева*[1] – из какого чина, неизвестно. Неизвестно также, из какого чина была *приемная* или *приимальная* бабка, повитуха, воспринявшая из недр матери святославного ребенка. Известно только ее имя – *Авдотья.* 11 сентября того года (1672) царица пожаловала ей киндяк вишневый, т. е. портище ткани этого имени на одежду (№ 524). Через 5 мес. после этой отметки упоминается (18 февраля 1673 г.) другая приимальная бабка – Анна Петрова, поступившая к царице для ухода за ней, вероятно, на место Авдотьи, быть может, умершей в то время или отставленной по болезни или по другим причинам. Анна Петрова августа 22 (1673 г.) принимала царевну Наталью Алексеевну (№ 524). Августа 25 царица пожаловала ей камки зеленой куфтерю 10 арш.

Нам не встретилось известий ни о первом помещении младенца, ни о колыбели и других потребностях, заготовленных для первых его дней. Случайно встречаются известия о заготовлении ребенку сентября 4 (1672 г.) чулок «в тафте желтой на черевах беличьих»; сентября 10 – «взголовья (подушки) в наволоке из камки желтой»; ноября 21 – «одеяла тафта ала, грива (кайма) тафта бела, на старом исподе из беличьих черевов»[2]. Ноября 4 упоминается уже о *судне* ребенка, на которое тогда отпущено 2 арш. сукна багрецу на кровельное сукно (№ 524). Впрочем, должное понятие об этих предметах можно составить из записок об их заготовлении в последующее время. Вообще нужно заметить, что детская колыбель и детская одежда отличались царским богатством и были далеки от той простоты, какую можно предполагать, судя по простоте самых вкусов тогдашнего общежития; те же ценные золотные ткани, дорогие меха и т. п. являлись и у

[1] Книга Кроильная 7181 г., № 524. См.: Архив Оружейной палаты.

[2] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 201.

детской колыбели. Так, через год (в 1673 г.)[1], именно к Петрову дню, к именинам царевича, ему устроена *новая колыбель* из турского золотного бархата – «по червчатой земле репьи велики золоты да репейки серебряны невелики, в обводе морх зелен» – подбитая хлопчатой бумагой, на тафтяной рудожелтой подкладке; ремни обшиты бархатом червчатым веницейским; яблока у пялец обшиты объярью по серебряной земле «травы золоты с шелки разными». В то же время сделаны *пуховик* и *бумажник,* т. е. перинка и тюфячок. Для пуховика нижняя наволочка скроена из тверского полотна, лучшего в то время, а верхняя – из желтой тафты длиною в 2 арш. Пуху лебяжьего, чистого, белого пошло полпуда. Такой же величины был скроен и бумажник, покрытый червчатою тафтою; хлопчатой бумаги употреблено 10 ф. Подушки или взголовья также были пуховые, из лебяжьего пуху, покрытые тафтой. Колыбель и перинки делались каждый год, по мере того как подрастал ребенок. Дорогие ткани со старых, *отставных* колыбелей употреблялись нередко на *церковное строенье,* что признавалось благочестивою мыслию того времени, делом богоугодным и благополезным в отношении самого дитяти. В конце 1673 г. из дорогого бархата с отставных двух колыбелей Петра, с *меньшей,* т. е. самой первой, и со второй, описанной выше, обшиты две новые хоругви в Успенский собор и сделано в Новодевичий монастырь пять епитрахилей да пять поручей (№ 524)[2]. Впрочем, обыкновенное легкое детское платье и постельные предметы шились большею частию из тафты желтой, белой, иногда червчатой и других цветов. На зимнее время они подбивались мехами из черевов бельих и лисьих. Так, в сентябре 1672 г., когда Петру было только три месяца, скроены ему чулки из желтой тафты на бельих черевах (№ 524). В эту же осень и зиму ему сшиты одеяла, одно из белой тафты на бельих черевах, дру-

[1] На поле оригинала автором добавлено: «№ 524. Есть 1672. бумажн. декабря 23 одеяло ноября 21 кресла декабря 19 взголов. Декабря 19 бумажн. генваря 973 г.». Впрочем, об одеяле см. с. 714, о креслах ниже, с. 720. – *Ред.*

[2] Выше, на с. 563, указывается, что хоругви деланы в 1674 г. августа 28. – *Ред.*

гое из желтой тафты на лисьих черевах. С того же времени ему стали шить и обыкновенное платье. Шестимесячный, он носил уже золотные кафтаны; но на первый раз (декабря 2) ему сшили *зипун* (коротенький кафтанец) из белого атласа на собольих пупках с пятью золотными пуговками. Через неделю (декабря 11) сшит *кафтан,* также на собольих пупках, из золотной объяри – «по червчатой земле, по ней струя и травы золоты с серебром, в длину с запасом аршин, в плечах пол-аршина, рукава длиною 8 $^{1}/_{2}$ верш., в корени 4 верш., в запястье 2 $^{1}/_{2}$ верш.; в подоле ширина $^{1}/_{4}$ арш.», шесть пуговок обшиты золотом волоченым[1]. В тот же день скроен и *холодный кафтан,* такой же меры, из объяри – «по алой земле, по ней струя и травы золоты» – на тафтяной подкладке. В 1673 г. генваря 17 скроен кафтан теплый[2]. В 1673 г. апреля 19 скроена ему *ферезея* – «объярь ала струя серебряна, на тафтяной желтой подкладке, обшитая кружевом немецким плетеным – золото с серебром и украшенная двумя гнездами *аламов* или запан, низанных жемчугом, и двумя завязками с серебряными кистьми, также низанными жемчугом».

Одним словом, достигнув года, царевич Петр ходил уже в полном тогдашнем наряде, отличавшемся обыкновенным в царском быту богатством. У него была шапка, обнизная жемчугом с каменьями; шапка бархатная червчатая с собольим околом; несколько пар обнизных башмаков; богатый *опашень* – «объярь по червчатой земле, по ней травы золоты с серебром», – с нашивкою и кружевом, низанными гурмыцким жемчугом (597 зерен) и с 6 изумрудными пуговицами на золотых спнях или закрепках; ферезея, описанная прежде, более 10 кафтанов шелковых и золотных и т. д. Гардероб его с каждым годом или, точнее, с каждым месяцем получал приращение и разнообразился новыми предметами тогдашнего

[1] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 199. [В печатном ориг. 1872 г. было добавлено: «везде пущено с большим запасом», но эти слова автором зачеркнуты, а против них поставлен вопросительный знак. – *Ред.*]

[2] На поле оригинала автором добавлено: «Марта 29. Апреля 19, 26 и далее. Е. Сб. 201–203».

костюма. В ноябре 1673 г. царевичу сшит *нагрудник*[1] из червчатого атласа с тремя серебряными вызолоченными и украшенными финифтью пуговицами; сшита *чуга* (род кафтана) из алого атласа на собольем меху с 12 золочеными пуговицами и с серебряным кружевом; скроены теплые *рукавицы* «из камки двоеличной шелк ал да желт, на собольем меху, и обито судно червчатым атласом с серебряным галуном»[2].

Сначала гардероб Петра хранился в государевой Мастерской палате, т. е. в гардеробной его отца, а потом брата царя Федора. Но в 1676 г. декабря 14 царь Федор Алексеевич указал:»Брата своего государева, великого государя царевича и великого князя Петра Алексеевича *сундук* раковинный (украшенный перламутром) с его, великого государя, царевичевым платьем за печатью хоромною великого государя царевича и великой княгини Наталии Кирилловны, а в нем платье ездовое теплое и холодное, ферезеи и чуги и кафтаны ездовые, и однорядки суконные, и шубы и опошни объяринные, золотные и серебряные, и гладкие и зуфные, и ферезеи, и зипуны золотные ж, и серебряные, и атласные, и камчатые, и тафтяные, и шапки бархатные двоеморхие, и гладкие, и суконные с запаньи и с петли жемчужными – из своей, великого государя, Мастерской палаты взять в царицыну Мастерскую палату... и с того числа указал великому государю брату своему царевичу Петру Алексеевичу кроенье платью быть в царицыной Мастерской палате, а что к тому кроенью надобно будет – и то имать из его, государевой, Мастерской палаты[3].

Царевич со своим особым штатом, мамою, кормилицею и разными служебными лицами помещался в отдельных небольших деревянных хоромах, которые внутри убирались обыкновенно сукном. Но у Петра одна комната в августе 1673 г. была обита *серебряными кожами.* Через два года по рождении ему

[1] На поле оригинала автором добавлено: «еще июля 20». О нагрудниках царевича см. выше, на с. 579. – *Ред*

[2] Книга Кроильная 7181 г., № 524. [Выше, на с. 581, говорится и о других суднах царевича. – *Ред.*]

[3] Книга Кроильная. 7185 г. № 528. См.: Архив Оружейной палаты.

выстроены были отдельные хоромы, в которых полы, частью стены, оконные рамы покрыты были сукном червчатым анбурским и багрецом. Таким же сукном был покрыт и стол. О новых хоромах царевича Петра Алексеевича упоминается с 13 июля 1674 г.[1] Они были построены, по-видимому, над царицыными хоромами над *переднею* да над *четвертою* и над *стороннею* и названы *верхними* новыми хоромами. В течение этого месяца на их уборку употреблены сукно на полы и на лавки червчатое анбурское, пошло 5 половинок; на лавки же и к окошкам багрец червчатый, из того же сукна сделан и *миндерь* – род тюфяка из хлопчатой бумаги, вероятно, на пол взамен ковра; в четвертой комнате промежду передних окошек обито по бумаге хлопчатой (3 ф.) полотном и по нем червчатою тафтою. После всего сделаны *полавочники*, на средину которых пошло «багрецу червчатого 25 арш., на каймы сукна белого 13 $^{1}/_{2}$ арш., на вишеные травы сукна желтого 9 арш., лазоревого 3 $^{1}/_{2}$ арш., на подкладку 120 арш. крашенины лазоревой, на оторочку 2 киндяка червчатых, на тачку шелков голубого фунт, белого и красного – по четверти фунта». Декабря 30 сшит новый миндерь: «исподняя наволока полотняная, верхняя из желтой тафты, в настилку бумаги хлопчатой пошло 5 ф.». Затем 2 февраля 1675 г. была обита стена у переднего окошка хлопчатою бумагою (8 ф.), по ней тверским полотном и по нему червчатою тафтою. Февраля 13 *стол* царевича покрыт сукном багрецом червчатым, пошло 1 арш. 6 верш.[2] Апреля 3 в комнате, что над четвертою, пол

[1] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 205. [Сведения о новых хоромах до слов: «Кроме лавок и скамей» печатаются по рукописному листку, вложенному в оригинал; первоначально они автором предназначались к помещению в гл. II, где идет речь о новых избушках государевых детей (выше, с. 552–553), но затем карандашом надписано: «К дет. годам Петра». В печатном ориг. 1872 г. вместо этой вставки было следующее: *«Полавочники* на лавках были сшиты из багрецу с каймами из белого сукна, по которому нашиты травы из сукна желтого и лазоревого. Между передних окон стена обита хлопчатою бумагою и по полотну тафтою червчатою, вероятно, для того, чтоб от стены не дуло. В июле 1674 г. в эти же хоромы сделан суконный *миндерь,* т. е. тюфяк, который клали на лавки». – *Ред.*].

[2] 1677 г. июня 29 стол покрыт таким же сукном. – *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 214.

вновь устлан сукном червчатым анбурским[1]. Завесы к дверям употреблялись суконные червчатые и тафтяные.

Кроме лавок и скамей, в хоромах Петра было вызолоченное *место* (род кресел), сделанное в 1674 г., и *кресла,* сделанные в 1677 г.[2], обитые рудожелтым бархатом с золотным широким галуном; застенок их или спинка была обита сафьяном червчатым; к ним сделана скамейка, обитая по хлопчатой бумаге червчатым сукном[3]. Тогда еще вместо стекол в рамах или оконницах употребляли слюду, следовательно, из слюды же были сделаны и оконницы в хоромах Петра. В марте 1676 г. поручено было искуснейшему живописцу того времени Ивану Салтанову написать в хоромы царевича оконницу: «в кругу Орла, по углам травы, по слюде; а написать так, чтоб из хором всквозе[4] видно было, а с надворья в хоромы, чтоб не видно было». Здесь высказалась та мысль древнего воспитания в царском быту, в силу которой дети бережно скрывались от посторонних глаз, царевичи – лет до 13[5], а царевны – на всю жизнь.

По свидетельству Крекшина, которое подтверждается и другими указаниями, младенец Петр принадлежал к тем редким детям, у которых раннее развитие умственных сил шло рядом с ранним развитием сил физических. Ребенок обладал цветущим здоровьем и крепким сложением. «Бе возрастен и красен и крепок телом», – замечает Крекшин[6]. На это указывает, между прочим, и то обстоятельство, что через

---

[1] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 208.

[2] О месте и креслах см. выше, с. 580, где говорится, что в 1674 г. 28 августа какое-то место вновь было позолочено, а в 1677 г. 28 июня кресла были обиты бархатом. – *Ред.*

[3] Далее в печатном ориг. 1872 г. говорится о столе царевича: «В 1675 году [10 февраля] ему сделали *столик* [на поле добавлено карандашом: «ученье»], расписанный красками, золотом и серебром». В примечании – ссылка: «Книги Архива Оружейной палаты № 524, 528, 539 и др.». Об учительном налое см. ниже, с. 745. – *Ред.*

[4] В Сборнике… Есипова Г. В., т. I, с. 16 – «в сквозье». – *Ред.*

[5] Ср., однако, выше, с. 553 и 554. – *Ред.*

[6] «Записки русских людей», изд. И. П. Сахаровым. – СПб., 1841. Записки Крекшина. – С. 13. – *Ред.*

полгода он начинал уже ходить. В половине декабря[1] 1672 г. сделаны ему *ходячие яла походячие* кресла, на колесах, обитые на хлопчатой бумаге червчатым атласом с серебряным галуном (№ 524)[2].

В то же время являются разнообразные игрушки и игры, которые также могут свидетельствовать, что и смысл, и силы дитяти возрастали быстро, так что в забавах своих он скоро поравнялся со старшими братьями Федором и Иваном.

Когда в 1673 г. царевичу Петру Алексеевичу исполнился год его возраста, ему стали готовить коня деревянного потешного или потешную лошадку. Знаменитый в то время резного деревянного дела мастер старец Ипполит из липового дерева, купленного за 20 алт., вырезал полную фигуру коня с употреблением, где надобилось, для скрепы клея и гвоздей, и кроме того, употребил для чего-то гуляфную водку (розовую воду) и кроповое масло. Судя по уборам коня, до́лжно полагать, что его величина соответствовала возрасту царевича, который мог на него садиться. Конь был оболочен (обтянут) жеребячьею выделанною белою кожею, и, чтоб от кожи сыростью не пахло, она была вымазана коришным маслом, купленным из аптеки, по 2 руб. золотник, вышло два золотника. Конь был утвержден «на четырех колесцах железных прорезных луженых». Железа пошло 10 ф. с употреблением красной меди и олова. На коня наготовлено *седло* из дерева *голого жиленого,* обитое по местам сафьяном красным по войлоку из белой полсти с употреблением медных гвоздей для прибивки крылец, подпруг и пристуг. По верхним местам седло было обито серебряными гвоздиками (пошло 40), на подпруги и пристуги сделаны 2 пряжки и 2 наконечника – тоже серебряные.

---

[1] 19 декабря, см. выше, с. 579; на той же странице и далее приведены и другие подробности о креслах царевича. – *Ред.*

[2] В царском быту дети учились ходить также посредством *водильного нагрудника.* Сын Михаила, царевич Иван (род. 1 июня 1633 г.), начал ходить двух лет, в 1635 г. В это время ему сшили нагрудник с водилами. См. выше, с. 579. [На указанной странице возраст царевича обозначен точнее – год и 8 мес. Выше же, на с. 620, приведено и другое число его рождения – 2 июня. О нагрудниках царевича Петра см. выше, на с. 579. – *Ред.}*

К седлу сделаны стремена железные прорезные, которые потом были покрыты листовым золотом и серебром. Не забыт был и чапрак, подложенный тафтою алою – как и войлоки под седло. Сделана также узда из серебра, состоявшая из пряжек, наконечников, запряжников серебряных с чернью, положенных на галун серебряный с золотом. Сделана была и паперсь. И узда, и паперсь были, кроме того, украшены семью серебряными запанами с каменьями с изумрудцами, 2 запаны большие и 5 меньших. Такова была потешная лошадка маленького Петра[1]. Тот конь, совсем сделанный, был отнесен в хоромы за боярином и оружейничим Богданом Матвеевичем Хитрово 28 июня, т. е. накануне именин царевича[2]. Июня 26 в хоромы царевичу Петру в Оружейной палате золотили и серебрили (сусальным золотом и серебром) стремена да шесть[3] мест мелочи пряжек и запряжников к седлу на *лошадку потешную.*

1 октября 1673 г. сделано несколько мелких игрушек против сахарных образцов (т. е. конфект) – звери, львы, лошади, пушки. В ноябре устроен потешный стулец на железных колесах, на котором царевич катался в хоромах[4]. В феврале 1674 г. органист Симон Гутовский сделал царевичу *клевикорды* – струны медные. В то же время он починивал царевичу *цынбалы* немецкого дела и купил для этого *римскую струну* длиною 2 арш. В августе 28 он делал еще двои *цынбалы* и *страменцы.* В декабре к празднику Рождества царевичу были подарены *цынбалца книжкою* в сафьянном алом переплете с золотым наводом, с застежками из серебряного с шелками галуна.

[1] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 5–8.

[2] Подробности о потешном коне печатаются по рукописному листку, найденному в бумагах автора, в печати, оригинале 1872 г. – значительно короче: «Через год, к именинам, царевичу сделали деревянного *коня* или *потешную лошадку,* во всем уборе. Конь был обтянут жеребячьею выделанною кожею; седло с стремянами, пряжами и запряжниками было вызолочено и высеребряно сусальным золотом и серебром». Ср. ссылку автора выше, с. 592. – *Ред.*

[3] Ср.: Сборник… Есипова Г. В., т. I, с. 6, где указывается «девять» мест мелочи. – *Ред.*

[4] См. выше, с. 580–581; на первой из этих страниц говорится и о двух стульцах, сделанных царевичу 16 генваря 1673 г. – *Ред.*

В течение этого и следующего года цынбальца и страменцы довольно часто починивались. 1675 г. в мае к страменцам потешным для починки были куплены 204 стальные иглы. В апреле 1674 г., на Святой, царевичу устроили в хоромах *качель* на веревках, обшитых червчатым бархатом. Качели на Святой были обычным увеселением в тогдашнем общежитии, а потому и забавы царевича не могли отставать от обычных порядков жизни, и ему сделали качель. Так точно зимою он катался с гор в потешных санях. Такие сани были ему сделаны 13 декабря 1677 г., когда ему был шестой год (№ 524, 531). Летом, еще двухлетнего, его возили в потешной *каретке,* которая сделана 9 июля 1674 г., а 15-го чинена[1]. 1675 г. в мае боярин Артамон Сергеевич Матвеев ударил челом царевичу Петру: «Карету маленькую, а в ней четыре возника (лошадки) темно-карие, а на возниках шлеи бархатные, пряжки вызолочены, начелники, и гривы и нахвостники шитые, а круг кареты рези вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены, да вместо железа круг колес медь вызолочено, да круг кареты стекла хрустальные, а на стеклах писаны цари и короли всех земель; в той карете обито бархатом жарким, а в ней рези, а круг кареты бахромы золотные. Да *виноходца* рыжа, попона аксамитная, а на ней муштук немецкой с яшмы, начелки и нагривки и нахвостник шиты; да *снегиря* немецкого»[2]. В этой самой каретке царевич следовал в царском торжественном выезде в Троицкий поход 19 сентября того ж года. Очевидец этого выезда Лизек пишет, что вслед за поездом царя показался из других ворот дворца поезд царицы. Впереди ехал Иван Грибоедов с двумястами скороходов, за ними вели двенадцать рослых, белых как снег лошадей из-под царицыной кареты, обвязанных шелковыми сетками. Потом следовала маленькая, вся испещренная золотом карета младшего князя в четыре лошадки пигмейной породы; по бокам шли четыре карлика,

[1] Подробнее см. выше, с. 580, причем под 9 июля сказано, что у каретки обшиты ремни сукном багрецом. – *Ред.*

[2] Дворцовые разряды Т. III. – СПб., 1852. – С. 1419.

и такой же сзади верхом на крохотном коньке (вероятно, на иноходце, подаренном Матвеевым)[1].

Летом в июле 1675 г. Петру построена была *потешная баба* деревянная во всем наряде, в кике низаной с каменьем и с пелепелы и с рясы, серьги и ожерелье низаное с каменьи ж, зарукавье низанное с каменьи ж в летнике и шубке. 5 октября боярин Артамон Сергеевич Матвеев, сшед от государя с Верху в Посольский приказ, приказал по государеву указу купить игрушек серебряных или каких добыть можно. Тогда же взято в серебряном ряду у торгового человека Ивана Федорова: «ящик с малыми сосудцы серебряными, и в том числе паликадило, стол, два шандана стенных, два шандана столовых витых, кресла, ловеник (кувшин), солонка, перешница, рукомойник, росольник с накрышкою, четыре блюда, четыре тарелки, три ложки; а весом в них серебра 2 ф. 38 золотн. ценою и с делом по 15 рублев фунт». В тот же день те малые сосудцы Матвеев взнес к государю, а потом они взнесены были к царевичу Петру[2]. В 1676 г. к Святой неделе велено живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками: «гнездо голубей, гнездо ракиток, гнездо кинареек, гнездо щеглят, гнездо чижей, гнездо боранов, а у борашков сделать, чтоб была будто шерсть по них сущая».

И по этим отрывочным указаниям можно уже судить, что запас игрушек был значителен и весьма разнообразен. Но само собою разумеется, что для ребенка несравненно привлекательнее были игрушки и игры воинские. Они нравятся детям по многим весьма естественным причинам, которые кроются в самой натуре человека. В них ребенок находит больше простора для той подвижности, живости характера, которая по преимуществу всегда сопровождает детский возраст. Он здесь находит больше простора для *дела, действия,* для пробы и

[1] См.: Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. / Пер. с лат. И. Тарнава-Боричевский. – Журнал Министерства Народного просвещения. – 1837. – № XI. – С. 366. – *Ред.*

[2] Дела приказные Московского архива МИД Сообщено Н. В. Калачовым.

употребления возрастающих сил и смысла. Сделаем хронологическое обозрение встретившихся нам указаний о воинских *потешках,* которые в разное время были изготовлены царевичу Петру в течение первых семи или восьми лет.

В 1674 г.[1] 2 июня куплено царевичу вместе с братом Иваном Алексеевичем в саадашном ряду девять лучков-жильничков по 20 коп. за лучок, да восемь гнезд северег (род стрел) по 4 коп. за гнездо[2]. Заметим, что в это время Петру было только два года, а Ивану – восемь лет[3]. Июля 14 живописец Иван Безмин писал царевичу красками, золотом и серебром «пять *знамен* маленьких по разным тафтам, с обе стороны солнце и месяцы и звезды»[4]. Июля 15 расписаны шесть барабанцов потешных. Июля 25 Иван Салтанов на своем товаре и запасе работал: 2 *топорища* починивал золотом и серебром и разными красками; 12 *палочек барабанных* сделал золотом и серебром и разными красками; *8 стволов* делал писал разными красками; 40 *древок копейных* разными статьями, 12 *древок бердышных* писал красками; 32 *пешки* писал красною и зеленою краскою, починивал *сачную* цку (шашечную доску); набат писал золотом и красками; два *знамени* сотенные, да стол, да лук маленькой писал; 10 брусов цветил красными и зелеными красками; 4 *палки* барабанные писал разными красками; барабан переписывал разными цветами. Августа 3 иконописец Федор Матвеев серебрил царевичу Петру 2 *лука* маленьких[5]. Августа 5 сшито четыре *прапорца* тафтяных, красных и белых. Августа 10 по приказу из хором царицы Наталии Кирилловны стрелец Прокофий Еремеев делал царевичу Петру 6 *барабанцов*[6]. В декабре изготовляли

[1] На поле оригинала автором добавлено: «1673. июн. 26 два барабана», см. выше, с. 604, прим. 2. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором замечено: «Июня 2. Есб. 10». В указанном месте Сборника… Есипова Г. В., т. I, с. 10, говорится о той же покупке. – *Ред.*

[3] Точнее – ок. 8 лет. – *Ред.*

[4] *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 10.

[5] Там же. – С. 11.

[6] Там же.

царевичу в *поднос* к празднику Рождества два *набата,* на которые куплено: кожа, струны, медные кольца и колокольца. Один из этих набатов декабря 19 живописец Иван Салтанов писал золотом и красками. Тогда же к этому набату маленькому куплена *тесьма* (пояс) золотная с серебром, кружковая с серебряною черневою оправою: пряжами, запряжниками и наконечниками. В то же время иконописец Федор Нянин писал золотом, серебром и красками *барабанец.*

«1675 г. 2 мая, куплено 15 арш. снурку шелкового 5 алт. да 3 мотка струн 2 алт. к барабанам царевича. Мая 22 барабанщик Прокофий Еремеев починивал в хоромы царевичу барабаны. Из хором выдавал и починивать приказывал думный дворянин Аврам Никитич Лопухин. 11 июня на Воробьево отвезен конь деревянный царевичу. 11 июля живописец Дорофей Ермолаев писал золотом и красками *потехи:* топорок с обушком, топор простой, чеканец, пяток ножиков, топор посольской, молоток, пяток шариков, а в те шарики положены колокольцы (бубенчики)[1]. Августа 2 Иван Салтанов две *булавы* вызолотил и высеребрил и боканами и ярьми росписал; три *топорка* золотил и разными краски писал; две *булавы* с перьем золотил и серебрил и красками написал; *молоточик* золотил и красками писал. 25 ноября живописец Дорофей Ермолаев золотил сусальным золотом (50 листов) пушечку со станком и с колесцами потешную в с. Преображенское в хоромы царевичу. Тое пушечку из походу (из Преображенского) привез и золотить приказал боярин Б. М. Хитрово. 1 декабря сделаны шахматные маленькие доски и вызолочен лук в потешное лубье». Кроме того, велено расписать еще четыре лучка недомерочков, «а чтоб были те луки цветны». 15 декабря Дорофей Ермолаев расписывал цветно баканом, ярью и золотом изготовленные всякие потехи: пять древок, пять прапоров тафтяных, на них звезды, а в каймах травы; четыре топора круглых, три топора с обушки,

[1] В Сборнике… Есипова Г. В., т. I, с. 14–15, эта работа показана под 11 июня; ср.: *Успенский А. И.* Указ. соч. – С. 86 – живописец назван: «Золотарев Дорофей Ермолаев», месяц работы указан – июнь. – *Ред.*

два топора простых, два буздукана, две булавы, четыре ножика, две пары пистолей и карабинов, а те потехи, отмечено в записке, начиная с пушечки, «сделаны царевичу Петру в поход», когда он выехал в Преображенское.

1676 г. марта с 1 числа по 1 апреля станочного дела мастер Андрюшка Васильев работал царевичам потешное ружье: пистоли, карабины, пищали винтованны, замки и стволы деревянные и с ложами. То дело приказано было живописцу Ивану Безмину (запись 13 сентября). Делал на дворе боярина Никиты Ивановича Романова. 18 апреля пушечка подносная отвезена к Ивану Салтанову – ободочки резные расписать разными красками. 24 апреля велено выписать красками *волчки*[1]. Мая 15 сделано Петру в лубье саадашное саадак стрел, по счету 17, да *стольникам на расход* 10 гнезд стрел яблоновых с белохвосцовыми перьями, срезней, томаров; да 10 гнезд стрел березовых с простым перьем. 2 июня сделано два лука недомерочков-жильников. Июля 11 Дорофей Ермолаев писал золотом и красками *потешные игры*: пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка[2]. 5 августа лучного дела ученик Олешка Иванов из красного и зеленого шелку делал две *тетивы* к лукам государевы статьи потешным. 29 августа отпущено в Конюшенный приказ на нарезку седла царевича и к тому седлу на крыльца и на тебенки и на кровлю войлоков и на покровец в средину 4 арш. бархату черного персицкого, 3 арш. бархату вишневого флоренского и киндяк черной (№ 394). 31 августа [Дорофей Ермолаев][3] золотил и красками прописывал барабанец маленький[4]. 30 сентября куплен в хоромы царевичу пояс

[1] Выше, на с. 596, сказано подробнее, но под 23 апреля. – *Ред.*

[2] Ср. в Сборнике… Есипова Г. В., т. I, с. 17; в Словаре А. И. Успенского, с. 86, число не указано, вместо «игры» – «трубы». – *Ред.*

[3] В печати, оригинале 1872 г.: «он же», но между 11 июля и 31 августа автором вставлены сведения за 5 и 29 августа. – *Ред.*

[4] На поле оригинала автором добавлено: «Викт. II, 444 сабля 1676 сентября 29 декабря 20 барабанцы 23 пистоли». См. у Викторова А. Е. в Описании.., с. 444, где о пистолях и пр. говорится следующее: «Декаб. 23. Станочный мастер Андрюшка Васильев делал у живописца у Ивана Безмина

сабельный шелковый турецкого дела и привязан к сабле потешной, у которой ножны были покрыты хзом зеленым с медною золоченою оправою[1].

1677 г. июля 11 скроены *потешные полы,* в киндяках желтом, лазоревом, червчатом, вероятно, к маленьким шатрам.

1678 г. марта 11 скроено *потешное знамя* в дорогах осиновых ясских да в червчатых кармазиновых. Знамя это в хоромах царевича приняла боярыня Матрена Леонтьева. Через три месяца, июня 12, скроено другое *потешное знамя,* средина тафта вишнева, каймы тафта двоелична шелк червчат да лазорев; крест дороги рудожелты. Сентября 16 сшит *потешный солнечник* суконный на тафте.

1679 г. 5 мая снова скроено потешное знамя с желтыми тафтяными каймами. Мая 15 стрельник Василий Емельянов сделал шесть гнезд (стрел) северег и томаров к шести лучкам недомерочкам-жильничкам и выкрасил их шафраном; а лучник Алешка Кондратов делал к тем лукам тетивы. 15 июля скроены *потешные полы,* также, вероятно, к шатрам, в киндяках, в зеленом да в червчатом, через полотнище. 7 августа боярыня Матрена Леонтьева взяла в хоромы царевича 10 арш. сукна темно-зеленого *робяткам* на кафтаны. 8 сентября она же взяла 2 арш. тафты желтой *робятам* на кушаки, пару соболей да половину полы хребтов бельих – робятам к шапкам на тульи; а 26 сентября взяла царевичу на потеху тафт белой, алой, желтой, зеленой, лазоревой по аршину; 29 на *потешные прапорцы* взяла тафт разных цветов 6 верш., да 3 верш. тафты желтой, аршин сукна красного, четверть аршина сук-

государю царю Иоанну Алексеевичу, да государю царю Петру Алексеевичу потешные пистоли, карабины, пищали с замками, деревянные, – и, сделав, поданы в хоромы». О сабле же и сабельном поясе у автора говорится ниже, под 30 сентября, а сведения о барабанцах приводятся в следующем примечании. – *Ред.*

[1] На поле оригинала автором добавлено: «185. декабря 20 5 барабанцов потешных поданы в хоромы царевичей Ивана и Петра. – Архив Оружейной палаты. – № 234». Выше (см. предыд. прим.) указано, что автор ссылается на Викторова А. Е., Описание... – С. 444, где, между прочим, отмечается: «Стрельцу Проньке Еремееву от пяти барабанцев потешных 10 алт.». – *Ред.*

на червчатого[1]. Октября 11 живописец Дорофей Ермолаев писал лубье саадашное да сабельные ножны потешные карле Якову-*шуту*. Ноября 30 сабельного дела придельщики Прохор Иванов с товарищи делали царевичу Петру из клену и из липы потешные сабли, полоши и кончары и топорки, а станочного дела мастер Андрей Васильев делал из липы пару пистолей да пару карабинов потешные[2]. Декабря 9 иконописец Тимофей Резанец писал царевичу Петру *игры* потешные всякие[3]. Декабря 22 живописец Дорофей Ермолаев писал красками два топорка, булаву, шестопер, пистоль, карабин, потешные деревянные[4].

1680 г. февраля 11 боярин Родион Матвеевич Стрешнев принял в хоромы царевичу аршин тафты червчатой, а сказал, что на потешные прапорцы. Около того же времени одеты были и царевичевы четыре карлика в малиновые суконные кафтаны на бельем меху, с золочеными пуговицами. Из того же сукна им сшиты шапки и рукавицы (№ 528, 531, 539 и др.)[5].

Из этого перечня случайно уцелевших известий, отрывочных, лишенных желаемой полноты, по крайней мере в отношении хронологической последовательности, ясно уже видно, что Петр с самых ранних лет окружен был товарищами-ровесниками. Количество потешных знамен, прапорцов, барабанцов и т. п. показывает, что все это заготовлялось на целый маленький полк, который и должно разуметь под именем упомянутых *робяток*. Ровесники-робятки были опальники, стольники, карлики, составлявшие обыкновенный детский штат каждого из царевичей и разделявшие с ним

[1] *Есипов Г. В.* Сборник… Т. I. – С. 226–227. [У Есипова, впрочем, под 8 сентября указано: «две пары соболей по 5 руб. пара, да соболь рублевой пары, да половина полы хребтов бельих», а далее: «пола хребтов робятам же к шапкам на тульи». – *Ред.].*

[2] *Есипов Г. В.* Сборник… Т. I. – С. 20–21.

[3] См.:*Успенский А. И.* Указ. соч. – С. 226; год – 1680, месяц и число не указаны. – *Ред.*

[4] См.: *Есипов Г. В.* Сборник... Т. I. – С. 21; в Словаре А. И. Успенского, с. 88, месяц и число не указаны, вместо «топорка» читаем «прапорка». – *Ред.*

[5] О пушках см. ниже, с. 752. – *Ред.].*

детские игры. За исключением карликов, они набирались из детей бояр, и особенно из родственников царицы, близких или дальних, которых она выбирала к себе в стольники и тем приближала ко двору свое родство.

Вот имена некоторых из спальников и стольников, находившихся в числе *робяток* при Петре в первое время: Нарышкины – Лев, Мартемьян, Федор Кириловы; Василий, Андрей, Семен Федоровы; Кирила Алексеев, Иван Иванов; Гаврила Головнин – сын постельничего Ивана Семеновича Головнина; Автамон Головин, Андрей Матвеев, князь Андрей Михайлович Черкасский, князь Василий Лаврентьевич Мещерский, князь Иван Данилович Великого-Гагин, князь Иван Иванович Голицын, Иван Родионович Стрешнев; кроме того, Григорий Федорович Балакирев, справлявший должность стряпчего у крюка; карлы: Никита Гаврилов Комар, Василий Родионов, Иван и Емельян Кондратьевы.

Без сомнения, обычные игры со сверстниками в скором времени вполне были исчерпаны и мало уже интересовали даровитого ребенка, в котором, как говорит Крекшин, от самых первых лет видима была природная военная охота и храбрость, и ни к каким другим забавам и увеселениям он не прилежал, а желал только ведать военное учение. На четвертом году царевич является уже *полковником;* полк набран был из возрастных, т. е. в отношении к нему, и назван его именем *Петров полк.* Крекшин рассказывает об этом следующее: государь Алексей Михайлович «повелел набрать полк возрастных в богатом зеленом мундире с знаменем и ружьем и прочими полковыми вещами и богато убрать и наименовать оный полк *Петров.* Царевича Петра Алексеевича изволил объявить того полка полковником и по обычаю военному обо всем рапортовать, повелений от него требовать, что сам государь своею персоною всегда наблюдал»[1]. Конечно, запискам Крекшина в полной мере доверять нельзя; старик любил, и очень, разного рода украшения, любил, одним словом, посочинительствовать, видя в том одну из главных задач своего

[1] См.: Записки Крекшина. – С. 13. – *Ред.*

труда. Однако ж его сочинительство едва ли простиралось до того, чтоб выдумывать факт; он только узнанные им факты – из рассказов ли очевидцев или из современных документов – любил окружать красотами повествования, любил даже драматизировать события в ущерб их простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтоб рассказанный им какой-либо факт не носил в своих существенных чертах всей правды действительного, а не вымышленного дела. Так и в настоящем случае мы не имеем возможности сомневаться в том, что царь Алексей действительно присовокупил к играм своего сына – по всем видимостям, ребенка умного, живого, как говорят, затейного – маленький полк Петров и сам руководил игрою[1]. Все это было простым, самым обыкновенным последствием общего характера детских игр в царском быту. Воинские игрушки, как мы уже заметили, были весьма обыкновенны и составляли любимую потеху детей. В таких игрушках провел свое детство и сам царь Алексей; в 1634 г. ему в 4-5 лет скованы были даже латы[2]. Сохранился также маленький шелом, сделанный в 1557 г. сыну царя Ивана Васильевича царевичу Ивану Ивановичу, *когда ему был только четвертый год.* Но принимали ли эти игры в прежнее время какое-либо правильное устройство, так сказать, систему, выходили ли они из круга простых потех почти в школьное ученье, как было у Петра, – нам неизвестно. Знаем, что царевичи играли со своими спальниками и стольниками, из которых, без сомнения, могли также составляться маленькие полки, что было неизбежно по самому свойству подобных игр. Царевичи особенно любили тешиться стреляньем из луков. Впрочем, обстоятельства, окружавшие игры царевичей, и самый характер детей не могли быть одинаковы, однообразны и, следовательно, не могли вести к одним и тем же результатам. Для одного воинские потехи утрачивали свою прелесть вместе с возрастом

[1] На поле оригинала автором добавлено карандашом: «См. 1674 5 знам., 4 прапора, 6 барабан. 40 древок, 12 берды, 2 знамя – все это свидетельствует о целой рати». Выше, с. 724; ср. также с. 603, прим. 1. – *Ред.*

[2] См. выше, с. 602.

и оставлялись наравне с другими игрушками: царевич, становясь взрослым, *большим*, смотрел и на детские игры уже как *большой*. Для другого, каков был Петр, детские игры получали значение дела, значение школьной науки и с годами приобретали только новые силы и новые формы, последовательно и, можно сказать, органически восходя от ребяческих потешек до полных маневров, по плану обдуманному и правильно исполненному. Одним словом, Петр еще ребенком из обыкновенных своих потешек создал полный курс военной науки. В этом отношении его можно признавать первым кадетом, и притом кадетом, который прошел весьма разумную и основательную школу.

Итак, если рассказ Крекшина об устройстве маленького полка с названием Петрова справедлив и если детский полк, вооруженный, обученный, исполнявший формальности дисциплины, не мог же образоваться сам собою, при помощи одних детей, а требовал руководителя, учителя, фельдфебеля, то естественно предположить, что был же этот учитель, устраивавший игру, обучавший полковым действиям и дисциплине не только малолетных *солдат,* но и самого трехлетнего полковника Петра. К сожалению, сведения вообще о первоначальном учении и об учителях Петра до чрезвычайности скудны. «Имена способствовавших к обучению сего дражайшего государя нам не оставлены», – замечает Миллер[1], справедливо предполагая, что были, вероятно, и другие учителя, кроме Зотова и явившегося уже впоследствии Франца Тиммермана. Однако ж весьма было бы любопытно знать имя первого учителя в воинских играх Петра – первого человека, который своими наставлениями, своим влиянием не мог не оставить в воспитании ребенка более или менее заметного следа.

Француз Невиль в своих известиях о Московии 1689 г. пишет[2] между прочим, что царь Алексей Михайлович неза-

[1] См.: Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Ч. 5. – М., 1780. – С. 116. – *Ред.*

[2] Автор пользуется русским переводом «Любопытных и новых известий о Московии, 1689 года» – см.: Русский Вестник. – 1841. – № 9. – С. 605. – *Ред.*

долго до своей кончины назначил гувернером к Петру полковника Менезиуса, шотландца, который и занимался с ним до начала царствования царя Иоанна, следовательно, вообще до того времени, как правление перешло в руки царевны Софии. Тогда он был удален от Петра в Смоленск по назначению на службу[1]. Известие весьма сомнительное, если под словом «гувернер» разуметь дядьку-воспитателя, ибо в дядьки назначались люди, *честные* породою, обыкновенно из боярского круга. Даже и в учителя грамоте выбирали обыкновенно из русских и преимущественно из умных, тихих и толковых подьячих. Ни той, ни другой должности иностранец занять не мог, да и самая мысль об этом не могла прийти в тогдашние умы уже по одному отчуждению тогдашней жизни от всего иноземного. Но если среди прямых и положительных убеждений века такой факт был решительно невозможен, то существовала сторона быта, где иноземное легко допускалось и не смущало своим приближением строгих взоров старины. Эта сторона в царском домашнем быту принадлежала потехам, увеселениям и забавам, а также и детским играм. Сюда иноземное проникало свободнее под видом безделиц, не стоящих серьезного внимания. Нам известно уже, что дети царя Михаила – Алексей и Иван – и их стольники были одеты даже в немецкое платье, *курты* и т. п.[2] в то время, когда немецкое платье строго было запрещено, так что сначала и самые иностранцы должны были ходить в русском же платье. У Никиты Ивановича Романова, который любил иноземные обычаи и рядился по-немецки, выезжая, однако ж, в таком наряде только на охоту, патриарх отобрал немецкий костюм и сжег как вещь, по некоторым понятиям, греховную. Но как бы то ни было, фанатическое преследование иноземного лишалось своей силы в кругу детских забав, где иноземное яв-

[1] См.: *Чарыков Н. В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). – СПб., 1906. – С. 692. – Прим. 297, где указывается, что Менезий назначен был в Смоленск в 1680 г. 12 января и отбыл туда 12 мая того же года. – *Ред.*

[2] См. выше, с. 571 и след.

лялось, как нами замечено, под видом потехи и, следовательно, не имело как бы никакого значения. Так, *немецкие* или *фряжские потешные листы* в XVII в. принадлежали к самым обыкновенным предметам детских забав и даже в известной доле служили весьма полезным назиданием. О содержании их мы не имеем сведений, но в том нет сомнения, что через них получалось, по крайней мере, наглядное знакомство со многими предметами иноземного быта, которые были осуждены мнением века[1]. Все печатные немецкие листы с изображением священных предметов официально провозглашены были еретическими, а такое осуждение бросало значительную уже тень и на все другие листы или гравюры западного происхождения, и особенно в отношении изображений, которых тогдашний человек не мог себе растолковать за отсутствием необходимых познаний. Припомним также *немецкие карты* и особенно *потешные книги,* рыцарские повести о Бове, о «Петре златых ключев», которые, как и фряжские листы, могли войти к нам только под видом игрушек, потех вместе с игрушками и куклами привозными. Все это дает нам некоторое право заключить, что для подобной же потехи мог быть введен в хоромы малолетнего царевича Петра *немец,* обучавший его со сверстниками потешному ратному строю. В этом смысле и до́лжно понимать гувернерство Менезиуса, упоминаемое Невилем. И в самом деле: кому ж было поручить образование маленького полка, как не немцу, да притом, как говорят, пользовавшемуся при дворе уважением! Самый чин *полковника* предполагает полк, устроенный на немецкую ногу, по образцу выборных солдатских и рейтарских полков, которые тогда были уже заведены и в которых начальные люди были большею частию из немцев же. Если бы полк устроен был по-русски, то Петр был бы назван *воеводою, головою,* а не полковником.

Менезиус, как мы сказали, родом был шотландец и славился как знаток всех европейских языков. «Я был приятно

[1] На поле оригинала автором замечено: «куклы немки». См. выше, с. 637, 641. – *Ред.*

удивлен, – говорит Невиль (встретившись с Менезиусом в Смоленске), – найдя человека его достоинств в варварской стране, ибо кроме познания в языках, которыми генерал (так называет Невиль Менезиуса) говорил превосходно, он многое видал в свете, и в жизни его случалось с ним достойное рассказа. Обозрев бóльшую часть Европы, поехал он в Польшу, предполагая оттуда пробраться в Шотландию. Но в Польше завязалась у него интрига с женою одного литовского полковника. Муж заревновал, приметя частые посещения гостя, и велел слугам своим умертвить его. Полковница уведомила о том своего друга; он вызвал мужа на дуэль, убил его, принужден был бежать и попался в руки москвитян, тогда воевавших с Польшею. Сначала обходились с ним, как с военнопленным, но когда узнали причину его бегства, то предложили: либо служить в царских войсках, либо отправляться в Сибирь. Он соглашался лучше на последнее, но отец нынешних царей пожелал лично его видеть, нашел в нем любезного человека, принял его ко двору и дал ему 60 крестьян. Потом женился он на вдове некоего Марселиуса, который был первым основателем железных заводов в Московии, приносящих ныне царям ежегодно дохода до 100 000 крон»[1]. Действительно, Павел Гаврилович Менезиус был приближен ко двору и не раз исполнял разные поручения даже и по дипломатической части. Невиль и Лизек именуют его генералом[2]. Невиль рассказывает, что он, возвратившись из посольства в разные государства Европы, произведен был в генерал-майоры, а ездил будто бы с предложением к папе о соединении на некоторых условиях Русской Церкви с Латинскою. Но это был ложный слух, весьма естественно возникавший между иностранцами-католиками по поводу посольства в Рим. Менезиус ездил на Запад с объявлением, что «Салтан Турской наступил на Польское государство войною, что поэтому необходимо всем окрестным государям общими их войски соединиться в помощь Польше

[1] Русский Вестник. – 1841. – № 9. – С. 604–605.

[2] См.: Русский Вестник. – 1841. – № 9. – С. 604 и Журнал Министерства Народного просвещения. – 1837. – № XI. – С. 392. – *Ред.*

и на оборону всем окрестным христианским землям»[1]. Это полномочие достаточно уже говорит в пользу Менезиуса как человека, заслужившего доверие при дворе и по своим познаниям, и по личным достоинствам и талантам. Он выехал из Москвы 20[2] октября 1672 г. и возвратился, разумеется, без успеха 28 марта 1674 г. Сначала он был *пешего строю майор,* а после посланничества является уже *полковником рейтарского строю 5 полка.* Должно быть, чин полковника нашей службы соответствовал генерал-майорскому чину на Западе.

Кроме главнейшего полномочия Менезиусу поручено было также приговорить в русскую службу «двух трубачей самых добрых, которые бы в ученьи свидетельствованы, *на высокой трубе танцы трубить;* да рудознатных мастеров, самых же добрых, которые знают золотую и серебряную руду, и плавильщиков человек [дву или] трех или четырех»[3]. Поручение о музыкантах может отчасти служить указанием, что Менезиус как бывалый человек не бесполезен был и при устройстве *комедийной хоромины* или вообще театра, который только что пред его посольством заводился при дворе и большею частию устраивался в с. Преображенском. Что Менезиус имел какое-то отношение к этим небывалым еще забавам в царском быту, на это указывает также и один рассказ Лизека. «Чрез несколько дней после нашего отъезда, – пишет Лизек, – немецкие комедианты должны были представлять комедию, которая, как они уверяли, доставит большое удовольствие царю, если только в ней будет участвовать один из наших слуг. Это был балансер, заслуживший своими шутовскими и ловкими действиями всеобщее удивление, особенно русских, которые единогласно решили, что он чародей и морочит добрых людей бесовскою силою. В самом деле, над его фокусами нужно было призадуматься. Например: он перекрестит несколько раз ножи, и они сами собою поднимают венки и деньги. Как мы ни присматривались к его штукам, но никак

[1] Памятники дипломатических сношений. Т. IV. – СПб, 1856. – С. 753 и др.

[2] Там же. – С. 946, но в печатном ориг. – 16 октября. – *Ред.*

[3] Там же. – С. 800. [В печатном ориг. указана с. 796. – *Ред.].*

не могли отгадать причины странных явлений. Немцы и некоторые из русских просили послов оставить его в Москве, пока он покажет свое искусство царю и царице, но желание их не было исполнено. По отъезде нашем слух дошел до царя, и он тотчас послал вслед за нами генерала Менезиуса, бывшего некогда послом в Вене и Риме, с переводчиком, чтобы воротить в Москву нашего слугу-фокусника. На третий день они догнали нас в почтовых санях и, объяснив желание царя, просили отпустить сказанного слугу и уверяли, что царь отдарит его щедро и тотчас отпустит назад. Послы предоставили ему на волю. Он воротился в Москву, в царских палатах два раза показывал свои фокусы и удивил царя и царицу»[1]. По всему вероятию, выбор Менезиуса для подобных поручений не был случаен; поручали ему как знатоку дела, как человеку более других известному и способному выполнить такое поручение. С другой стороны, это раскрывает близость его к Матвееву и вообще к людям, бывшим тогда в силе, а следовательно, и личную известность самому царю.

Таким образом, сказание Невиля легко может быть объяснено в том смысле, что Менезиус под видом потехи, обученья солдатскому строю введен был и к царевичу Петру. С падением Матвеева удален был и Менезиус[2] как человек, изъявлявший особенную ревность к Петру и его стороне. Он послан был в Смоленск, как говорит Невиль. В 1679 г., действительно, ему назначен поход с полком к Киеву против турок[3]. В 1683 г. Менезиус снова является при дворе в качестве переводчика на конференции со шведским посольством[4], а в 1689 г. он в Смоленске встретил Невиля – также в качестве переводчика и пристава. Вообще свидетельство Невиля едва

[1] См.: Журнал Министерства Народного просвещения. – 1837. – Ч XI. – С. 391–392. – *Ред.*

[2] Ср. выше, с. 732, прим. 1. – *Ред.*

[3] Книги Разрядные. Т. II. – СПб, 1855. – С. 1159 и др. [С. 1193, 1216, 1301, 1383, 1385, см. помянутое выше (с. 732, прим. 1) исследование Н. В. Чарыкова, с. 563, прим. 8. – *Ред.*].

[4] *Барон Мейерберг,* изд. Аделунгом. – СПб, 1827. – С. 343.

ли можно отвергать вполне; лично познакомившись с Менезиусом, он, без сомнения, передал о нем сведения, какие слышал от него самого[1].

Но как бы то ни было, Менезиус ли, другой ли кто, во всяком случае, если верить словам Крекшина об устройстве Петрова полка, ранние потехи Петра не могли быть ведены без руководства человека, знавшего дело; а если при том существует свидетельство о гувернерстве Менезиуса, то мы имеем возможность принять это свидетельство за достоверное[2].

Военное дело требует строгого порядка, строгой точности и отчетливости в поступках и действиях, строгого подчинения общему строю дела, одним словом, требует всего того, что воспитывает, укрепляет и укореняет чувство долга. Можно с достоверностью полагать, что все это в отношении воспитания детей в царском быту было совершенною новостью во дворце царя Алексея Михайловича. Известно, что и прежде царевичи потешались воинскими играми и до этого времени они, может быть, начальствовали маленькою ратью из спальников и стольников, но, тем не менее, в этом, собственно царедворческом полку, они все-таки оставались царевичами. Между малолетнею ратью и ими существовало всегда огромное расстояние, которое не представляло ни одной точки, где бы возможно было уравнение отношений царственного ребенка с детьми царедворцев. Мы видели, что игры Петра начались с того же; ему набраны для забавы дети царедворцев. Но живой, умный, необыкновенно деятельный ребенок не мог, конечно, остановиться на этом, и, без сомнения, устройство особого полка было вызвано какими-либо новыми его затеями, которые по живости его характера могли возникать ежечасно. Новый полк, сформированный по прави-

[1] Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 года, Устрялова // Журнал Министерства Народного просвещения [1851]. – Ч. LXIX. – Отд. II. – С. 41. [То же в его «Истории царствования Петра Великого». Т. II. – СПб., 1858. – С. 17. Но Устрялов к показаниям Невиля относится без всякого доверия. – *Ред.*].

[2] Ср., однако: *Шмурло Е. Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. XII. Журнал Министерства Народного просвещения. – 1901. – № 12. – С. 244. – *Ред.*

лам дисциплины, был шагом вперед, и шагом весьма важным по своим последствиям. Царевич, однако ж, и здесь отделился от толпы царедворческих детей чином полковника. Это очень понятно. Если в прежних играх он оставался на каждом шагу царевичем, то и в новой сфере забав, естественно, он должен был занять первенствующее место между сверстниками, ибо понятия о царственном значении его лица не могли допустить даже и в мелочах никакого уравнения с другими. Таким образом, царевич-полковник, по-видимому, играл прежнюю роль. Но на деле было не так. Весьма важно было то, что полковник если и стоял выше солдата по своему чину, то он совершенно уравнивался с солдатом пред лицом дисциплины, порядка, военного стройства[1] и вообще обязанности службы. И тот и другой равно несли тяжесть и ответственность общего дела, которое, хотя бы и в забаве, все-таки становилось выше лица, представляло сущность, без которой не могла вестись самая забава и которой волею-неволею, а необходимо было подчиниться. Светлому, еще ничем не затертому уму ребенка тотчас же раскрылась эта сущность, эта *служба,* для всех равная в своих требованиях. Трехлетний полковник, являясь с полковым рапортом к государю-отцу, мог ясно представлять себе[2], что он уже не только царевич-сын, но и простой солдат, несущий свою обязанность, службу, долг, ибо «речение солдат, как и тогда понимали, означало всех людей, которые при войске суть, от вышнего генерала даже до последнего»[3]. Таким, как кажется на первый взгляд, мелким различием в положении ребенка нельзя пренебрегать, особенно когда желаем выяснить сколько-нибудь причины того или другого направления в его развитии. Новое положение вслед за собою влечет и новое понятие, новое представление в уме о своем

[1] Так в печатном ориг. 1872 г. – *Ред.*

[2] Против этой фразы на поле оригинала автором поставлен вопросительный знак. – *Ред.*

[3] «О воинском деле», соч. Адама Вейде, 1698 г., рукопись [из собрания автора под № 123; поступила вместе с другими его рукописями в Исторический музей. Ср.: Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. – СПб, 1841. – С. 17. – *Ред.*].

значении, о своих отношениях к другим. При этом до́лжно заметить, что игры и игрушки для ребенка представляют такую же серьезную действительность, как и для взрослых деловые занятия в собственном смысле. Ребенок, когда говорит, что он *играет,* вовсе не то думает, что большой, определяющий этим словом пустую, по своим понятиям, деятельность ребенка. Каждая кукла, каждый предмет забавы, игра всякого рода для ребенка так же важны и знаменательны, как вообще дельные занятия взрослых или больших. Итак, в качестве полковника, являясь рапортовать о делах полка, ожидая повелений, исполняя их, царевич с каждым днем все более и более, по необходимости, должен был знакомиться с существенным делом своей забавы, т. е. с порядком, правильностию, отчетностию воинских занятий, с ежечасным трудом, с очевидной потребностью ученья и знанья. Он не остановился на том, на чем многие могли остановиться, именно на стремлении только повелевать, которое так было свойственно его положению; напротив, гениальность его тем особенно и обозначается, что, вникнув в сущность дела, он с полною радостью подчинился вполне всем условиям воинской *науки,* поставил выше всего не пустые формы, ни к чему не ведущие, а *ученье, хитрость* ратного дела, которая одна только его и интересовала. А с этой стороны, несмотря на малые лета, его потехи теряли уже значение обыкновенной детской забавы и становились делом серьезным, которое в глазах его равнялось с обучением грамоте и другим предметам, не носившим имени потех и потешек. Что маленький Петр так именно понимал свои воинские игры, это доказывается тем, что он с каждым годом все более и более расширял круг этих игр и восходил постепенно от простого полкового ученья ружейным выметкам и разным приемам фронта, *ручным ухватам,* как тогда выражались, к артиллерийской стрельбе, к инженерному делу, к созиданию земляных окопов и крепостей, к осаде и штурмованию этих укреплений, к разным эволюциям на воде и к мореходству. В таком понимании своей забавы он решительно расходился с мнением века, со своими современниками, которые уже го-

раздо после узнали значение этих как бы пустячных, одним словом, потешных дел гениального ребенка.

Поистине это была самая лучшая и при тогдашних средствах образования – самая разумнейшая школа для развития природных дарований ребенка. Здесь пытливый детский ум ежеминутно находил себе дело. Если ручные *ухваты,* ружейные выметки, шагистика и тому подобные упражнения первоначальной науки представляли мало пищи для соображений и рассуждений, приучая только к *бодрому, бесскучному* труду, то практическое применение этих упражнений, штурмы и осады и т. д., давали широкий простор умственным силам, вызывали их к деятельности самостоятельной. А для ребенка, как и вообще для человека, нет выше радости, как видеть плоды своей деятельности, чувствовать себя победителем труда, одним словом, чувствовать силу своих дарований. Вот почему, когда Петр взял приступом первый потешный городок, радости его при этом событии не можно было описать, как свидетельствует Крекшин[1]. Это было полное торжество бесскучного труда и детской мысли, неутомимо работавших в воинском ученье с самых ранних лет. Мы не говорим уже о том, как благотворны были потехи Петра для развития физических сил ребенка. Необыкновенно крепкое сложение и цветущее здоровье, которым он обладал, служат полным доказательством, как были полезны эти деятельные воинские игрушки[2].

Многое также в этой школе послужило задатком в определении и направлении нравственной стороны. Привычка к труду неутомимому и бесскучному, привычка к лишениям разного рода, какие необходимо являлись при исполнении различных обязанностей, строгий порядок и точность в действиях, без чего невозможен был правильный и успешный ход дела, т. е. самой игры, а следовательно, строгость и нелицеприятность взысканий за нарушение установленного порядка – все это, хотя и в малом виде, хотя и в зародышах,

[1] См.: *Голиков Иван.* Деяния Петра Великого. Ч. I. – М., 1788. – С. 179. Голиков ссылается на летопись Крекшина. – *Ред.*

[2] Так в печатном ориг. 1872 г. – *Ред.*

представляло богатую почву для развития тех высоких нравственных качеств, совокупность которых явила беспримерный образ в истории государей.

Но важнее всего по своим последствиям было то, что Петр в этой только школе мог выяснить себе великую истину, ставить дело выше лица, общую цель выше личной цели и в этой только школе мог последовательно низвести свое значение со степени царевича до степени полного солдата, а потом первого работника и слуги государству. Мы заметили уже, что чин полковника был первым и важным шагом, шагом именно к тому, чтоб сделаться полным солдатом. Если цель хорошего солдата быть генералом, как говорят, то несравненно высшая цель предстоит генералу, и особенно такому, каков был Петр, готовившийся управлять громадным и притом неустроенным государством; эта-то высокая по своей нравственной основе цель заключается в том, чтобы быть полным солдатом, т. е. войти в сферу низшей чернорабочей деятельности, до подробностей узнать ее требования, нужды, труды и подвиги – одним словом, сродниться с нею и таким образом получить законную возможность разумно ею повелевать, разумно употреблять ее силы на общую пользу. Сделавшись *рядовым,* став *в ряду* обыкновенных служебных лиц, Петр тем самым вошел в незнакомый для царевичей и по многим причинам недоступный дотоле круг простых и прямых отношений между сверстниками-сослуживцами. Он стал лицом к лицу с черною работою и искренно полюбил ее как существенную основу всякого дела. Взгляд его и на свое призвание, и на людей по необходимости должен был измениться. Прежние формы отношений к подчиненной среде, все эти *чины* и *чинности* были забыты, сделались даже смешными и удалены на задний план; впереди поставлено было дело, труд и работа, а потому и каждый истинный работник становился для Петра не только сослуживцем, товарищем, но [и] близким другом. К таким людям он привязывался всем сердцем, глубоко ценил и уважал их. Все обыкновенные существующие отличия и различия людей совершенно сгладились перед этим новым определением их зна-

чения и достоинств. А как важно и благотворно было это новое начало отношений для государственной деятельности, тому служит доказательством вся эпоха преобразований, явившая столько талантов, способностей, умственных и нравственных сил, которые до того времени или дремали среди умственного застоя, или почитались контрабандою.

Кроме того, при этом непосредственном, ближайшем знакомстве с черным трудом и его представителями мог с большею силою выработаться и тот необыкновенный дар уменья открывать в людях способности и таланты, выбирать полезных деятелей – дар, которым в высшей степени обладал творец нового порядка в русской жизни.

Вообще, время первоначальных потех Петра по своему значению для его истории заслуживает подробного изучения и тщательных разысканий.

Но вот среди детских игр и потех наступило, наконец, время *книжного учения* и *писания*. Крекшин[1] рассказывает, что книжное учение под руководством Зотова началось 12 марта 1677 г., т. е. когда царевичу был на исходе пятый год. Действительно, в царском быту обученье грамоте начиналось с пятилетнего возраста[2]. Но, принимая в соображение детство Петра, которое, как отчасти уже видели, весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно усомниться в точной справедливости[3] этого свидетельства, и тем более что Крекшин умалчивает о том, с азбуки ли начал Зотов обучение, или с других книг, следовавших по тогдашнему курсу за азбукою. Притом Крекшин писал об этом, без сомнения, по преданию, по рассказам. Наводит нас на сомнение одно официальное указание, которое хотя и не представляет прямого свидетельства по этому предмету, тем не менее, в настоящем случае заслуживает внимания. Из расходных книг Тайного приказа узнаем, что подьячий тайных дел Григорий Гаври-

[1] См.: Записки Крекшина, изд. Сахаровым. – С. 20. – *Ред.*

[2] См. выше, с. 670 и след. – *Ред.*

[3] На поле печатного ориг. против этого слова автором поставлен вопросительный знак. – *Ред.*

лов в октябре и ноябре 1675 г. писал в *хоромы* к государю *азбуку* и *часослов* (Петру 3 $^{1}/_{2}$ года). 26 ноября, когда, вероятно, он окончил свой труд, ему выдано в награду 10 руб.[1], а 27 числа в соборе Николы Гостунского служили молебен *для многолетнего здравия* царевича Петра Алексеевича, на что причту выдано: протопопу – 10 руб., трем священникам – по 5 руб., двум дьяконам – по 3 руб., дьячку – полтора рубли, трем пономарям – по 25 алт. Известно, что ученье всегда начиналось молебном, который служили не только дома, но и по церквам. Совпадение этих двух обстоятельств наводит на мысль: не началось ли ученье грамоте с этого времени, т. е. с лишком за 1 $^{1}/_{2}$ года раньше, чем свидетельствует Крекшин. К тому же был обычай ученье начинать с пророка Наума, т. е. с 1 декабря[2]. Что же касается до того, что азбука и часослов были писанные, а не печатные, каких уже перед тем временем было несколько изданий, то, без сомнения, они были написаны крупным уставом и с разными украшениями, что на первый раз для ребенка было даже необходимо, дабы заинтересовать его наукою.

Впрочем, наше предположение требует еще более крепких подтверждений, за неимением которых остановимся на рассказе Крекшина[3]. Наступило пять лет царевичу, но возрастом и остротою разума он одарен был не по летам. Отца он лишился на четвертом еще году. Царь Федор Алексеевич, старший брат Петра, «вельми любяше царевича и зрения его ради часто приходя к вдовствующей царице Наталии Кирилловне», посоветовал однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было сыскать учителя, кроткого, смиренного и ведущего

[1] См.: Дела Тайного приказа. Кн. 3 (Русская Историческая библиотека. Т. 23). – СПб, 190. – С. 1392. – *Ред.*

[2] На поле автором добавлено: «Если потешная книга была заготовлена 1673 г., когда шел 12-й месяц, то очень вероятно, что азбука и часослов могли появиться и на 4-м с половиною году». К значительно более позднему сроку, именно к концу 1679 г., относит начало учения Петра Е. Ф. Шмурло, см. его: Критические заметки по истории Петра Великого. XIII // Журнал Министерства Народного просвещения. – 1902. – № 4. – С. 427. – *Ред.*.

[3] См.: Записки Крекшина, изд. Сахаровым. – С. 19 и след. – *Ред.*

божественное писание. Бывший при этом вместе с государем боярин Федор Соковнин[1] донес их величествам, что имеется муж кроткий и смиренный и всяких добродетелей исполнен, в грамоте и писании искусен, из приказных, Никита Моисеев Зотов. Государь повелел представить его. Не объявляя Зотову о царском решении, Соковнин привез его во дворец, ввел в переднюю комнату и велел дожидаться. Через несколько времени один из комнатных вышел и спросил: «Кто здесь Никита Зотов?». Зотов объявил себя. – «Государь изволит тебя спрашивать, пойди вскоре», – сказал комнатный. При этих словах Зотов пришел в страх и беспамятство, так что не мог двинуться с места. Он вовсе не подозревал, по какому случаю должен был предстать пред светлые очи государя. Комнатный взял за руку кроткого и смиренного учителя и в утешение объявил ему, что милости ради государь его требует. Но оробевший учитель просил, чтоб дали хоть малое время, когда придет в память. Постояв немного, сотворил он крестное знамение и пошел за комнатным во внутренние покои к царскому величеству. Государь милостиво принял его, пожаловав к руке. Началось испытание: Зотову велели писать и потом честь книги. К испытанию был призван Симеон Полоцкий, муж премудрый в писании, который, рассмотря писание и слушав чтение Зотова, объявил государю, яко право то[2] писание и глагол чтения. Проэкзаменованный учитель был отведен Соковниным к царице. Когда Соковнин представил его, царица, держа за руку маленького Петра, обратилась к избранному учителю со следующею речью: «Известна я о тебе, что ты жития благого, божественное писание знаешь, вручаю тебе единородного моего сына. Прими его и прилежи к научению божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию». До сих пор

[1] Соковнин в 1676 г. был думным дворянином, а в 1678 г. – окольничим. См.: Дворцовые разряды. Т. IV. – С. 20, где Федор Прокофьевич Соковнин под 7 декабря 1676 г. показан в числе думных дворян, и с. 42, где он же под 13 апреля 1678 г. показан уже в числе окольничих. – *Ред.*]. За 1677 г. разрядов не сохранилось, и потому неизвестно, когда именно Соковнин пожалован в окольничие.

[2] В Записках Крекшина, изд. Сахаровым, с. 20: «того». – *Ред*

Зотов мало понимал, в чем дело. Услышав повеление царицы, весь облился слезами, упал к ее ногам и, трясясь от страха и слез, проговорил: «Несмь достоин принять в хранилище мое толикое сокровище». Государыня, повелев встать, продолжала: «Приими от рук моих, не отрицайся принять. О добродетели и смирении твоем я известна». Зотов же не встал, лежа у ног, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелев встать, пожаловала его к руке и приказала явиться наутро для учения царевича. На другой день утром в присутствии царя Федора патриарх, сотворя обычное моление, окропя блаженного отрока святою водою и благословив, вручил его Зотову. Зотов, посадив царевича на место, сотворил ему земное поклонение и начал учение. В то же время учитель был щедро награжден: патриарх пожаловал ему 100 руб., государь – двор, государыня – две пары богатого платья и весь убор.

Царевич учился прилежно и охотно. Главный и первый предмет преподавания заключался в чтении и учении часослова, псалтыря, Деяний и Евангелия. Вместе с тем Зотов же учил царевича и писать. Обучение письму началось, кажется, на восьмом уже году, на что указывает известие о переплете в червчатый бархат *царевичевой буквари* (прописи) 15 марта 1680 г. Читать и писать царевич учился на особом *учительном налое,* на котором учится государь грамоте, шириною в 1 $^{1}/_{2}$ арш., вышиною в аршин, который в 1680 г. был обит на хлопчатой бумаге червчатым атласом с серебряным галуном, а в 1682 г. – алым атласом.

Не встретилось нам известий о том, учился ли царевич церковному пению[1], которое, как известно, составляло необходимую и неотменную часть тогдашнего начального образования. Отсутствие положительного указания по этому предмету не может служить доказательством, что пение не входило в первое учение Петра. Притом, кроме Зотова, в современных расходных записках (1683 г.) упоминается еще *учитель* Афанасий Алексеев Нестеров, который, может быть, и был учитель пения.

[1] См., однако, выше, с. 682, 683. – *Ред.*

Но обыкновенный курс учения значительно пополнялся при руководстве Зотова другими средствами образования. В праздное время царевич с любопытством слушал *истории,* дела храбрых и премудрых царей, любил смотреть книги с кунштами, т. е. с рисунками, с которыми он был уже знаком еще до начала обучения грамоте. Книги эти, составляемые для забавы детей, назывались обыкновенно *потешными*[1]. Но умный учитель обратил на это особенное внимание и представил царице, что таким легким и занятным способом можно познакомить царевича со многими полезными знаниями, и просил, чтоб были избраны искусные художники для составления подобных книг и *училищ,* т. е. иллюстрированных тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложению, повелела выдать из домашней царской библиотеки все исторические «книги с кунштами и всея России книги с рисунками градов и книги многие знатных во вселенной городов»[2]. При помощи тогдашних живописцев Зотов составил значительное собрание разных кунштов, приказав написать лучшим драгим мастерством, красками: грады, палаты, здания, дела военные, великие корабли и вообще истории лицевые с прописьми, т. е. с текстом, и распределил все эти книги и училища по разным покоям царевичевых хором. Когда царевич в учении книжном слишком утруждался, Зотов брал из рук его книгу и в увеселение сказывал: «О блаженных делах родителя его царя Алексея Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрые их и военные дела и дальные нужные походы, бои, взятье городов, и колико претерпевали нужду и тяготу больше простого народа, и тем коликие благополучия государству приобрели,

[1] *Есипов Г. В.* Сборник… Т. I. – С. 5. Когда ему приближался только год возраста, в мае 1673 г., с 10 по 13 число целых три дня костромские иконописцы 6 чел. писали потешную книгу в хоромы царевичу. 16 мая эту книгу переплетал переплетчик Василий Иванов, причем упомянуто, что переплетал 2 книги, т. е. в двух переплетах. Судя по числу иконописцев и числу дней работы, книга составляла обширный сборник рисунков. 18 дней работы, вероятно, доставили листов 90. [См. выше, с. 598 и 684. – *Ред.]*

[2] См.: Собрание разных записок о жизни... Петра Великого, изд. трудами... Федора Туманского. Ч. I. – С. 256. – *Ред.*

и государство Российское распространили. Так поведал дела великого князя Дмитрия Донского и дела князя Владимира и Александра Невского и о прочих». А чтоб представить все это наглядно, показывал ему изображение рассказанных историй и подвигов и, переходя из комнаты в комнату, знакомил его с различными *науками,* присовокупляя, что без них державным монархам невозможно быть. Рассказ Крекшина[1] вполне подтверждается современными официальными свидетельствами. В описании царского домашнего быта[2] мы уже имели случай заметить, что обучение детей или, точнее, передача им разных сведений, доступных тому времени, была ведена посредством картинок и имела довольно правильный состав. Книги с картинками исторического содержания назывались *царственными,* потому что излагали истории царств. Все другие предметы, изображенные в картинках светского содержания, носили имя *потешных,* увеселительных, служивших для забавы, ибо назидательным, учительным в собственном смысле почиталось одно только *Св. Писание* и вообще книги церковно-учительные. Поэтому и все эстампы, гравюры, привозимые с Запада, также носили название потешных, фряжских и немецких листов. Таким образом, Зотов не был первым вводителем этой методы знакомить детей с разными предметами быта и тогдашних знаний посредством картинок, как можно бы отчасти заключить из слов Крекшина. Он мог сделать только более обширное приложение этой методы при обучении Петра. Еще князь Щербатов, издавая в прошлом столетии разные *летописцы* под именем «Царственной книги», «Царственного летописца» и «Древнего летописца»[3], которые были украшены множеством картин, заметил, что эти книги составляли некогда одно целое, и на основании слов Крекшина предположил, что сии сочинения могли быть употреблены для науки Петру Великому[4]. Действительно, в расходных записках 1677 г.

[1] См. Записки Крекшина, изд. Сахаровым. – С. 21. – *Ред.*

[2] См. выше, с. 687 и след.

[3] См. ниже, прим. 4 на этой стр. – *Ред.*

[4] См. выше, с. 687, прим. 1. – *Ред.*

встречаем указание, что 24 марта дьяк Андрей Юдин принес в Оружейную палату, которая в то время заведовала иконописными и живописными работами, *«книгу Царственную в лицах,* писана на *александрейской бумаге* в десть, была переплетена, и из переплету вывалилась, и многие листы ознаменены, а не выцвечены, *шестьсот тринадцать листов,* а на тех листах *тысяча семьдесят два места (рисунков);* а приказал тое книгу расцветить иконописцам; а которые драные листы в той книги и те листы переписать вновь; а сказал: тое книгу выдал ему от великого государя (Федора Алексеевича) из хором боярин и дворецкой и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову с товарищи на подряд, по уговору за дело со всякого *места* (рисунка) по 6 ден.[1] Таким образом, время, когда эта книга поступила в руки мастеров для возобновления, именно 24 марта, совершенно совпадает с началом обучения Петра Зотовым (12 марта). Припомним, что тогда же царица Наталия Кирилловна повелела отдать Зотову и все исторические книги с кунштами. Нет сомнения, что это та самая книга, по которой Петр знакомился с русскою историей и которая потом в беспорядке найдена Щербатовым и издана под именем летописцев. Теперь она принадлежит патриаршему книгохранилищу[2] и приобретает в глазах

[1] См. выше, с. 687. – *Ред.*

[2] В Полном собрании русских летописей. Т. 13, вторая половина. – СПб, 1906. – С. 409–532, переиздана «Так называемая Царственная книга по списку Московской Синодальной Библиотеки № 149». О ней см. исследование А. Е. Преснякова: «Царственная книга, ее состав и происхождение». – СПб, 1893 (из XXXI т. «Записок историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета»). Обо всем лицевом своде XVI в. – его же исследование «Московская историческая энциклопедия XVII века». – СПб, 1900 (из «Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». Т. V. Кн. 3), и ранее – в труде Н. П. Лихачева «Палеограф, значение бумажных водяных знаков». Ч. I. – СПб, 1899. – С. CLIV–CLXXXI. Князем Щербатовым из этого свода изданы «Царственный летописец» и «Царственная книга»; Древний летописец издан Глебовским и Козицким, см.: *Пресняков. А. Е.* Царственная книга… – С. 21. См. также выше, с. 687–688, и *Шмурло Е. Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого. XIII. Журнал Министерства Народного просвещения. – 1902. – № 4. – С. 428. – Прим. 4. – *Ред.*

любителя старины новую цену как памятник первоначальной науки великого Преобразователя.

Потешные книги и потешные фряжские листы по своему содержанию принадлежали также большею частию к историческому отделу сведений. Под словом *потешный,* как мы заметили, разумели тогда все, что не входило в круг церковной книжности. Поэтому потешные книги и потешные листы могли быть сказочного, забавного содержания, а также изображали и описывали предметы, более или менее назидательные или, как свидетельствует Крекшин[1], грады, палаты, здания, великие корабли, дела военные, бои, взятие городов, истории лицевые и т. п. Впрочем, доступные нам официальные указания о потешных книгах и листах редко обмолвливаются об их содержании, и потому мы совершенно лишены возможности определить, какими именно изображениями начались образовательные забавы маленького Петра. Известно только, что потешные книги очень рано вошли в круг этих забав[2]. Так, 8 января 1675 г., когда царевичу был третий еще год, иконописец Тимофей Резанец писал ему потешную книгу в четверть листа, расцветив ее шафраном, виницейскою ярью и белилами. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 июня 1676 г. иконописец Никифор Бовыкин также писал книгу шафраном на толстой и гладкой доброй бумаге по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой. 20 июня иконописец Федор Матвеев писал потешную книгу и расцвечивал сусальным золотом по приказу боярина оружейничего Б. М. Хитрово. 1680 г. января 15 и февраля 17 Тимофей Рязанец расцвечивал шафраном потешные тетради по приказу боярина Родиона Матвеевича Стрешнева[3]. 19 марта одна потешная книжка была переплетена в алый бархат. Но само собою разумеется, что эти отрывочные сведения, случайно сохранившиеся, не дают

[1] См.: Записки Крекшина, изд. Сахаровым. – С. 21. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором добавлено: «Есипов стр. 5. 1673 г. Мая 15». См. Сборник… Есипова Г. В., т. I, с. 4–5; ср. выше, с. 746, прим. 1. – *Ред.*

[3] См. выше, с. 697. – *Ред.*

полного отчета обо всех книгах и тетрадях, какие в разное время были изготовлены царевичу. Они не могут также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьем году; потешные книги, тетради и листы поступали в число игрушек с того времени, как ребенок *начинал смыслить.* Сестре Петра – царевне Наталии Алексеевне – потешная книжка была написана, когда ей было только *полтора года,* 7 февраля 1675 г.[1]

О потешных листах официальные записки сообщают, что в 1680 г. 11 марта царевичу в хоромы было куплено потешных листов на гривну, а в 1682 г. 29 апреля стольник Тихон Никитич Стрешнев в хоромы взял *сто листов фряжских* (№ 240 и 543). Нужно заметить, что фряжскими листами убирались также и стены в комнатах, следовательно, в настоящем случае эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно – на стенах ли, в руках ли ребенка – эти листы были весьма важным и по времени в высшей степени полезным руководством для обогащения детского ума разнородными более или менее практическими сведениями, которые восполняли в тогдашнем образовании весьма ощутительное отсутствие наук. К этим гравированным листам присоединялись и рисованные, вероятно, пополнявшие выбор печатных листов. В 1679 г. 19 декабря живописец Карп Иванов [Золотарев] писал царевичу «на Александрейском листе красками и золотом: *двенадцать месяцев и беги небесные против тою как в столовой в подволоках написано*», т. е. в плафоне столовой комнаты[2]. Таким образом, курс обучения был по преимуществу практический, более увеселительный или потешный, как тогда говорили. По содержанию он был слишком беден и не имел никакой заранее определенной системы, но зато как нельзя более соответствовал вкусам и потребностям даровитого ученика, соответствовал именно тою стороною, которая вместе с первыми его играми присвоила

[1] См. выше, с. 612 и 652. – *Ред.*

[2] См. выше, с. 697, прим. 4. – *Ред.*

такой *дельный* и деятельный характер дальнейшим потехам и забавам царевича.

Скоро и легко маленький Петр прошел все науки. «По немногом учении и трудах богодарованною премудростию все совершенно обучи, – замечает Крекшин, – а *книжное учение* толико име в твердости, что все Евангелие и Апостол наизусть или памятью остро прочитал... Егда семя благих учений вкоренися в сердце юного отрока, тогда разжеся любовию, еже бы вся, предлагаемая во учении, действом исполнить, созидать грады, и таяжде брать, полки водить и действие боев и морское плавание видеть, и красная здания созидать»[1]. Если, с одной стороны, к тому же самому вели первые его игры, то с другой – книги с рисунками, фряжские листы и разные куншты с изображением военных дел более и более укрепляли преобладающее направление в занятиях и забавах ребенка, с каждым днем расширяли круг его сведений об этих любимых предметах. Потехи шли вперед и вперед, становились серьезнее, принимали вид действительного служебного дела.

В начале 1682 г. у хором царевича была устроена *потешная площадка*, на которой поставлены *потешный* деревянный *шатер* и *потешная изба* – это было нечто вроде воинского стана. На площадке стояли *рогатки* и *деревянные пушки,* из которых, вероятно посредством какого-либо механизма, стреляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Соберем опять сведения о заготовлении с этого времени разных потешных воинских предметов. 23 марта 1682 г. боярин Родион Матвеевич Стрешнев приказал починить два потешных барабана, присланных из хором царевича, да вновь сделать большой барабан «против стрелецких». Новый барабан с кожею, снурами и деревом стоил рубль. Изготовленные барабаны поданы в хоромы. 13 апреля Стрешнев снова выдал из хо-

[1] Ср.: Собрание разных записок о жизни... Петра Великого, изд. трудами Федора Туманского. Ч. I. – С. 257. – *Ред.*

ром потешный барабан для починки заново. 13 января 1683 г. велено сделать в хоромы две пушки деревянные, мерою одна в длину аршин, другая в полтора аршина, на станках, с «дышлы и с колесы окованными; пушки внутри опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колесы расписаны зеленым аспидом (под мрамор), все украшения на них, каймы, в кругах орлы и клейма и репьи были оловянные литые». 26 марта пушки поданы в хоромы.

6 мая 1683 г. в 12 часу дня Петр, уже царь, выехал для потех в с. Воробьево и прожил там все лето до половины августа, возвращаясь в Москву только на несколько часов по совершенной необходимости для присутствия при церковных торжественных службах и церемониях и по случаю приема посланников. Судя по многим указаниям расходных записок дворца, воинские потехи в это время шли с большою деятельностью, барабаны немилосердно пробивались насквозь и высылались в Москву, в Оружейную палату для починки. Еще пред выездом, мая 3, был прислан для починки потешный большой барабан, у которого верхняя кожа во многих местах была пробита и струны изорваны. Мая 7 присланы для починки три[1] потешных барабана; мая 9 два пробитых барабана возобновлены и расписаны красками; мая 20 присланы два барабана, один большой, другой маленький; кожи у них все проломаны. Потом дошло дело и до пушек, но уже не деревянных, а медных и железных. 4 июля стольник Гаврила Иванов Головкин выдал от государя из хором *«шестнадцать пушек* малых[2], и в том числе пушка большая без станку, две пушки большие на полковых станках, две пушки поменши тех на полковых же станках, три пушки верховые с станками, две пушки без станков большие, пушка малая без станку, три пушки на волоковых станках медные, две пушки железные без станков, а приказал к первой пушке сделать два станка: один – полковой, другой – волоковой; а которые

[1] В Сборнике… Есипова Г. В., т. I, с. 37, под этим числом указано о присылке одного большого барабана. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором замечено: «дерев.?» См. выше, с. 752. – *Ред.*

пушки без станков, к тем пушкам приделать станки полковые и росписать красками цветными, а старые станки починить и колеса приделать новые». В июле же, вероятно, полковым музыкантам, *сиповщикам,* сделано 25 сипошь (дудок) деревянных точеных, кленовых. Известие о приведении в порядок медных и железных пушек дает понятие, что пушки эти были уже в деле. Действительно, в этом Воробьевском походе к обыкновенным экзерциям и потехам присоединились и потехи огнестрельные. В мае на Воробьеве Пушкарского приказа гранатного и огнестрельного дела русскими мастерами и учениками произведена была *потешная огнестрельная стрельба* под руководством огнестрельного мастера Симона Зомера[1], выехавшего в 1682 г. и служившего капитаном в Выборном полку думного генерала Агея Алексеевича Шепелева. 27 мая выдано этим мастерам по портищу сукна. В другой раз они награждены августа 17, причем вообще сказано, что «государь пожаловал за их *многие огнестрельные потешные стрельбы, что они стрельбы делали в походе в селе Воробьеве пред великим государем, мая 30 дня стреляли».*

Таким образом, 1683 г. был, кажется, первым годом, когда Петр перенес свои потехи в поле. События 1682 г., когда он сделался царем и, следовательно, получил бóльшую свободу и больший простор в своих забавах, не позволили воспользоваться в то же лето приобретенною властию вполне распоряжаться [sic] необходимыми средствами для расширения круга любимых забав: тому мешала стрелецкая смута.

К этому же 1683 г., еще к началу кампании, как можно выразиться, относится, без сомнения, и тот анекдот по поводу псовой охоты, который рассказывает Крекшин: «Любомудрый и трудолюбивый монарх и в детских летах не детскими и не псовыми и птичьими охотами забаву имел, но отдетска любил военные науки, для чего набрал невзрослых и малых

[1] На поле оригинала автором отмечено: «Расх. 170 № 1082. Зомер лекарь». На особом же листке, найденном в бумагах автора, читаем: «Доктор Симон Зоммер выехал в 1685 году декабря 13. На приезде получил 200 руб. подписался Sigmundt Sommer. Доп. А. И. XI, 245». См.: Дополнения к Актам Историческим. Т. XI. – СПб, 1869. – С. 245. – *Ред.*

и с ними упражнялся, созидая грады, ведя апроши, штурмуя, полевые конные и пешие полки уча экзерциции, и даже имя свое написал в список с рядовыми солдатами»[1]. Но такие потехи и труды, естественно, не могли нравиться царедворцам, стольникам, детям бояр и других сановников, обязанных быть при нем по наряду, по службе. «Бывшие в летах и жившие в леностях, – продолжает Крекшин, – возомнили себе в великий труд и неспокойство эти полевые потехи и выхваляли государю охоту со псы и птицы, себе в облегчение»[2]. Петр согласился потешиться этою охотою, назначил день. Когда все было готово, прибыв на место, он предложил собранию, что желает охотиться только с самими царедворцами, а не с их холопями, и велел служителям ехать по домам, а псов отдать их господам. Таким образом, псарня очутилась на руках у самих бояр, которые своры привязали к седлам или вздели на руки. Но по непривычке к делу новых псарей псарня вскоре замешалась, а с нею замешались и кони и, освирепев, скакали по полю, влача псов и выбивая из седла наездников, из которых многие едва живы остались. Это доставило большое увеселенье государю. На другой день Петр назначил охоту с птицами и спросил царедворцев, желают ли еще веселиться? Поняли царедворцы, что не лежит сердце у государя к этим забавам, и отреклись. Тогда Петр спросил их: псарями ли лучше быть или светлыми воинами; в шнурах псовых лучше ли находить забаву или в оружии? Нет, в оружии слава всесветлая, отвечали царедворцы. «А когда всесветлая слава в оружии, так зачем же к охоте от дел царских меня отвлекаете и от славы к бесславью. Я царь, и подобает мне быть воину, а псы приличны пастухам и тем подобным»[3]. Можно было бы усомниться в справедливости этого рассказа или, по крайней мере, в речах, произнесенных одиннадцатилетним царем, тем более что Крекшин вообще любит влагать в уста своего

[1] См.: Собрание разных записок о жизни... Петра Великого, изд. трудами... Федора Туманского, ч. I. – С. 299. – *Ред.*

[2] Там же. – С. 300. – *Ред.*

[3] Там же. – С. 301. – *Ред.*

героя красноречивые и разумные не по летам речи; но, имея в виду весь ход детских забав Петра, можно с полною верою допустить, что он так именно мыслил о своем призвании и, следовательно, мог так именно повести рассказанное событие и так выразить царедворцам свое мнение о назначении царя как первого в царстве воина. Что же касается до того обстоятельства, что случай этот относится к Воробьевскому походу 1683 г., то на это указывают расходные записки, в которых, между прочим, находим, что 21 апреля для царя были приготовлены *трои нитяные своры* и *три ременные ошейника,* а 2 мая куплена *живая лисица с детьми* за 2 руб., которая, вероятно, в конце мая и была отвезена в с. Воробьево, ибо за провоз ее туда выдано 2 июня постельному сторожу Тимошке Федорову 4 алт. (№ 353).

В то время как одиннадцатилетний царь Петр забавлялся на Воробьевых горах воинскими потехами, в Москву в июле прибыл секретарь шведского посольства и известный путешественник по Азии Кемпфер. Он видел обоих царей – Петра и слабого брата его Ивана, которые принимали посольство в Грановитой палате. Рассказ Кемпфера об этой аудиенции особенно любопытен в отношении того впечатления, какое произвел на путешественника младший царь Петр. Оба их величества, пишет он, сидели на двух серебряных креслах, на возвышении в несколько ступеней. Над каждым креслом висела икона. Одежда царей блистала золотом и дорогими камнями. Вместо скипетров они держали в руках длинные золотые жезлы. «Старший сидел почти неподвижно с потупленными, совсем почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; *младший, напротив того, взирал на всех с открытым прелестным лицом, в коем, при обращении к нему речи, беспрестанно играла кровь юношества; дивная его красота пленяла всех предстоящих, так что если б это была простого состояния девица, а не царская особа, то, без сомнения, все бы должны влюбиться в него».* Кемпфер дает Петру даже 16 лет, если это не описка или не опечатка издателей его сочинения. Когда посланник,

произнеся речь, подал королевские грамоты, старший царь Иван Алексеевич, протянув внезапно и преждевременно руку свою (для целования), привел посольство в немалое замешательство. «После того оба царя встали и, приподняв несколько шапки, спросили о здравии короля. При сем молодой наставник старшего царя поднял его руку и, так сказать, взял оною его шапку. Младший же царь по живости своей поспешил встать и сделать вопрос[1], так что его старый наставник принужден был удержать его, дабы дать старшему брату время встать и вместе с ним вопросить»[2].

Другой случай, характеризующий живость Петра, еще трехлетнего ребенка, рассказывает в своих записках Лизек. Австрийское посольство, которого он был также секретарем, прибывшее в Москву в начале сентября 1675 г., было принято царем в Коломенском дворце, потому что царица желала видеть церемонию въезда и приема послов, не быв, разумеется, видимою сама; загородный же дворец представлял к тому все удобства. Во время аудиенции царица с семейством находилась в смежной комнате и смотрела на церемонию чрез отверстие не совсем притворенной двери. Но по окончании приема маленький князь, младший сын, замечает Лизек, открыл потаенное убежище матери, отворив дверь прежде, нежели послы вышли из аудиенц-залы[3].

К сожалению, о подобных случаях, о делах его детства мы имеем самые скудные сведения. Крекшин рассказывает еще о том, как маленький Петр жаловался брату Федору на нового Годунова – боярина Языкова, который предлагал и даже дерзновенно будто бы выговаривал царице Наталии Кирилловне, жаловавшейся на утеснение в покоях, выехать в другой дворец, может быть, один из загородных. Видя печаль матери по поводу этого предложения, царевич однажды сказал Зотову: «Идем, да поклонюся брату моему, царю Федору Алексе-

[1] По обычной формуле: Его королевское величество брат наш и пр. по здорову ль.

[2] *Барон Мейерберг,* изд. Аделунгом. – СПб., 1827. – С. 337 и след.

[3] Журнал Мининстерства Народного просвещения. – 1837. – Ноябрь. – С. 356.

евичу». Ни Зотов, ни царица не знали будто бы о его намерении. Пришед к царю, он держал при всем синклите следующую речь: «Жалобу приношу на Годунова, нарицаемого Языкова, который хочет меня нечестно и с матерью моею выслать из дома моего отца и от тебя, любезного моего брата, как древний Годунов царевича Димитрия. Если он (Языков) тебе и угоден, то я все-таки хочу жить вместе с тобою в одних чертогах, чтоб спасти жизнь свою от этого убийцы»[1]. Облившись слезами и обратясь к предстоявшему синклиту, он заключил: «Или я не сын державного царя Алексея, что мне уже и в доме отца моего и угла нет?». Царь Федор облобызал ребенка, посадил возле себя на троне и, оправдывая Языкова, сказал, что повелел в прибавку дать царице новое помещение во дворце. Это было в 1679 г. Около этого времени действительно построены были для царицы Наталии с сыном новые хоромы, примыкавшие к патриаршему двору[2]. Языков, думая, что царевич жаловался по научению Зотова, употребил все свое влияние, чтоб удалить его от царевича. В 1680 г. Зотов был послан с послом Тяпкиным в Крым для заключения мира, но по возвращении по-прежнему оставался при Петре учителем.

Припомним также несколько указаний о кормилице Неониле Ерофеевой, которую ребенок, как видно, любил и очень заботился об устройстве ее домашних дел. В сентябре 1683 г. она погорела. Петр пожаловал ей для пожарного разоренья 100 руб., и когда она снова построилась, в конце октября послал к ней на новоселье хлеб-соль, т. е. хлеб, купленный за 6 ден., и оловянную солонку с солью, купленную за 3 алт. 2 ден.

В 1684 г. кормилица Неонила задумала выйти замуж. Государь дал ей на приданое 1000 руб.: 500 руб. 1 мая и 500 руб. 30 августа – сумма по тому времени весьма значительная. Она вышла замуж за князя Михаила Никитича Львова и с той

[1] См.: Записки Крекшина, изд. Сахаровым. – С. 22–23. На поле оригинала автор замечает: «Если и не так говорил, то самое дело все-таки было». – *Ред.*

[2] См., однако, с. 85, 86 наст. изд., где говорится лишь о царском указе (но и то от 26 октября 1677 г.) строить хоромы, о самой же постройке речи нет. Ниже же, на с. 90, говорится и о постройке хором, но уже в 1683 г. См. также: История города Москвы. Ч. I. Изд. 2. – С. 404–405. – *Ред.*

поры именовалась уже княгинею Ненилою Ерофеевною, состоя в чиновных списках придворного царицына штата первою под дворовыми или придворными боярынями с именем боярыни, где она упоминается еще и в 1695 г.[1] В 1692 г. марта 24 государь пожаловал ей, вероятно, также на новоселье, четыре пары соболей: одну в 20 руб., другую в 15 руб. и две по 10 руб. (№ 258, 295 и 567).

В этой попытке собрать мелкие указания о детстве Петра мы останавливаемся на 1683 г., отлагая до другого времени и новых поисков описание последующих потех, перенесенных в 1684 г. в Преображенское, где с потехами почти незаметно слилось и великое дело преобразования[2].

[1] Впрочем, и позже, в 1701 г., в штате государевой Мастерской палаты значится: «Великого Государя кормилица, боярыня князь Михаила Никитича Львова жена, княгиня Ненила Ерофеева; жал. ей 20 руб.». См.: *Викторов А. Е.* Описание… – С. 287. Ссылка добавлена по указанию автора. – *Ред.*

[2] См. сочинение автора: Преображенское или Преображенск. Московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. – М., 1883; посвящено оно автором «представителям Российских Императорских войск, имеющих участвовать в праздновании 200-летнего юбилея нашей регулярной армии». Напечатана была эта брошюра не для продажи, а для бесплатной раздачи среди собранных в 1883 г. под Москвою войск.

Впрочем, автор на поле оригинала добавляет сведение, относящееся к 1686 г.: «195 г. октября 23 – Двадцать мест снастей токарных железных. К ним выточены ручки», а в другом месте указывает статью Миллера в 4-й части «Опыта трудов Вольного Российского Собрания», вероятно: «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков Гвардии», с. 107–144, где говорится о потехах Петра в Преображенском. Некоторые сведения об этих потехах автором даны были в первоначальной редакции II главы настоящего сочинения, см.: Отечественные записки. Т. XCIV. – 1854. – Июнь. – С. 77. – *Ред.*

ГЛАВА V
ДВОРЦОВЫЕ ЗАБАВЫ, УВЕСЕЛЕНИЯ И ЗРЕЛИЩА

Общий обзор. — Комнатные забавы: дураки-шуты, бахари, домрачеи, гусельники. — Потешная палата: органы, цымбалы, скоморохи, потешный немец, металь-ники. — Время царя Алексея. — Верховые нищие. — Карлы. — Потехи на дворце: медвежьи спектакли; особые зрелища: львы, слоны, олени; поединки и др. — Комедийные действа. — Первое устройство театра. — Первые комедии.

Вникая в основные стихии старого русского быта, нельзя не признать той истины, что руководящим началом нашей образованности в допетровское время была византийская идея аскетизма. Как образ наилучшей, наиболее добродетельной жизни эта идея везде и всегда возвышала свой учительный перст, направляя каждый шаг и каждую мысль человека к своим целям. Мир русской мысли, мир русского чувства был всесторонне закрепощен этому строгому оберегателю жизни; лишен воли, прирожденной всякому живому существу, лишен всех живых движений развития и совершенствования. Суровый дидаскал целые века твердил одно: он отрицал, отвергал мирское удовольствие, т. е. всю совокупность поэтических стремлений человеческой природы и со стороны ума, и со стороны чувства. Он отринул таким образом целую область человечных эстетических созерцаний, обширнейшую область поэтического и эстетического творчества, которым обыкновенно живет, держится и управляется повседневное общежитие человека, которым образуются и устраиваются его нравы и обычаи, именно в человечном, а не в одном животном только смысле, как неизменно всегда выходит, когда притесняются и порабощаются силы духовные. Человечность общежития

вполне и непосредственно зависит от степени свободы – и умственной, и нравственной, какая достается на долю народного развития; разврат общежития является всегда последствием угнетения человеческой природы, и именно последствием угнетения ее духовных и потому самых жизненных начал, каковы все эстетические интересы чувства и философские интересы ума. Философские интересы ума питаются наукою, или, иначе, полною свободою знания; эстетические интересы чувства питаются искусством, или, иначе, полною свободою творящей силы человека, в чем бы она ни выразилась: в мелочах наряда, в домашней обстановке, в какой-либо забаве и увеселении, в песне, сказке, побасенке, или в созданиях, которые исключительно и специально присваиваются области искусства. Древнерусское общежитие из своей первобытной непосредственности попало прямо под бичевание византийской аскетической идеи, отвергавшей на всех путях и свободу знания, и свободу творчества. Поставленное сразу в тесные и суровые пределы аскетических требований, древнерусское общество лишилось возможности продолжать развитие своего первозданного, бессознательного быта путем собственной самодеятельности, путем собственного свободного творчества. Взамен младенческих пеленок, которые при естественном ходе развития свалились бы сами собою, оно было перевязано по рукам и по ногам узами – веригами иной культуры, вовсе не сообразной с его младенческой природой. Оно получило талант и вместе с ним строгий наказ зарыть его в землю, дабы сохранить в целости. Прошли столетия в этом усердном зарывании полученного таланта, и молодая жизнь постоянно оставалась с теми же своими первозданными языческими началами и формами, которые от времени, теряя прирожденный им смысл наивной непосредственности, еще больше дичали. Лучшие силы человеческого развития были не только запрещены, но даже и прокляты. Мир свободной науки был проклят как мир ереси и неверия, так что малейшая самостоятельность или независимость мышления стала возбуждать страх всеобщего потрясения веры и нравственности и самого государства. Мир

свободного творчества был проклят как мир соблазна. Поэзия во всех своих видах была изгнана из общежития как греховная стихия, способствующая только олицетворять дьявола и «иже с ним». Такою же греховною стихиею являлось свободное художественное творчество во всех родах искусства. В той самой сфере, где искусство, по решительной необходимости, должно было водворяться, ему раз навсегда были начертаны известные цели и даже самые формы, от которых нельзя было отходить ни на шаг и которые таким образом низводили художественное творчество на степень ремесла, как, например, низведена была живопись до иконописной прориси или трафаретки. Старина так и понимала искусство как ремесло, как силу, работающую дневным только человеческим полезностям и потребностям. В этом ее идеи совершенно совпадали с идеями некоторых теперешних мыслителей; заодно с ними она отрицала в искусстве свободную и вполне независимую силу, которая вынашивает свои создания не для полезности текущего дня, а свободно, как сама жизнь, как сама природа, выражает ими или олицетворяет в них тайны задушевных эстетических дум и созерцаний и отдельного человека, и целого общества. Старина, конечно, не могла и мыслить о том, что в сфере искусства, и только в этой сфере, человек является существом вполне свободным, не орудием какой-либо дневной полезности и необходимости, а самостоятельною творящею силою мировой жизни, где пользы или интересы дня теряются, как ничтожные крупинки, в пользах и интересах целой эпохи. Мысль о такой самостоятельности и свободе человека была бы вопиющим противоречием ее крепким идеям о нескончаемом его рабстве и ученичестве, на которых держалось все ее существо. Поэтому ей невозможно было даже и понять, что стеснение свободного творчества в человеке поведет прямо к принижению его нравственной природы до побуждений и инстинктов животного, к чему в действительности и пришло под конец нравственное состояние нашего допетровского общества. Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицания, лишенная философских и поэтических созерцаний и идеализации, стала в общем накло-

не уподобляться жизни стада, где первое и исключительное побуждение – *корм* в животном смысле, для самого стада, и *кормление* в воеводском смысле, для пастухов; а затем тяжелое умственное лежание на боку и медленное, нескончаемое пережевыванье двух-трех понятий или двух-трех идей, какими был ограничен общественный кругозор жизни. Природа, стесненная в своих естественных, нормальных и разумных стремлениях и движениях, приняла иное направление и вырастила, ибо не могла не вырастить, стремления и движения ненормальные и неразумные, извращенные, которые явились как бы возмездием за то, что нарушен был правильный закон ее развития. Нищета стесненной и загнанной мысли, нищета умозрения разнуздывала животное чувство, и удержать его в человечных пределах не было возможно ни поучениями, ни наказаниями, ибо и те, и другие лишь отрицали силу природы, а не полагали в нее доброго семени умственного развития, которое одно только способно держать в границах животного человека. Печален отзыв очевидцев-иностранцев о нашем старом обществе. «Нисколько не заботясь об изучении достохвальных наук, – говорит Олеарий, – не выказывая решительно никакого желания ознакомиться со славными достопамятными делами своих предков, не стараясь узнать что-либо о состоянии иностранных земель, русские, весьма естественно, в собраниях своих почти никогда не заводят речи об этих предметах. Все речи и разговоры их не выходят из круга обыкновенных житейских дел. Так, обыкновенно ведут они речь о сладострастии, о гнусных пороках, о прелюбодеяниях, совершенных частью ими, а частью и другими; тут же передаются разного рода постыдные сказки, и тот, который может наилучшим образом сквернословить и отпускать разные пошлые шутки, выражая их самыми наглыми телодвижениями, считается у них приятнейшим в обществе... Невозможно вообразить, до какой степени предаются они чисто животным побуждениям... Пьянству они преданы сильнее всякого другого народа в свете. Наполнив себя вином чрез меру, они, подобно неукротимым диким зверям, готовы бывают на все, к чему по-

буждают их необузданные страсти. Порок этот – пьянство – до такой степени распространен в народе, что ему предаются все сословия – как духовные, так и светские, богатые и бедные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь там и сям пьяных, валяющихся в грязи на улице, то это считается делом самым обыкновенным» и т. д.[1]

В этом случае, конечно, мы должны винить не людей, а те начала, которые управляли их жизнию, именно начала всеобщей и весьма крутой умственной и нравственной опеки, господствовавшей над обществом и постоянно державшей его в глупом ребячестве, в отрицании всех качеств и действий человека, исполненного возраста и мужественных сил жизни. В таком ходе нашего общественного развития выразилась та непреложная истина, что обществом для его блага не может управлять закон, свойственный лишь потребностям и благу личности единичной; что, напротив, всякая единичная исключительная воля, ставшая для общества законом, всегда и неизменно приводит общественную жизнь к нравственному растлению. Аскетическая идея как идея чисто личная, эгоистическая, а потому вполне способная устроить во благо личный быт, вовсе не была способна устроить во благо быт общества, быт целой народности.

Возможное для произвола единицы не бывает возможным для доброй воли целого общества; общество, в сущности, есть общая природа той же частности – единицы, общая человеческая природа, которую не в силах ограничить своими исключительными стремлениями никакая отдельная частица – личность – и которая не в силах даже и сама себя ограничить. Общая природа человека, нося в себе не личные только, а мировые законы развития, рано ли, поздно ли всегда выбьется на свободу, на свой прямой путь из всяких личных, т. е. временных и случайных тенет и стеснений.

[1] См.: О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. (Третья книга «Путешествия» Олеария.) / Пер. с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 3. – С. 36–37. Ср. пер. А. М. Ловягина. – СПб, 1906. – С. 188–191. – *Ред.*

Аскетическая идея отрицала сферу мирского удовольствия, всякого удовольствия, которое служило миру, т. е. утехам мирской жизни, для большинства и без постнической идеи всегда наиболее горькой и трудной. Но удовольствие, как и труд – если при известных условиях и при известном настройстве понятий обходимы в личной жизни, то в общей жизни они являются насущною потребностью, вполне и безусловно необходимою, без которой невозможна самая жизнь общества, т. е. развитие и совершенствование общей природы человека. Отнимать у человека мирское удовольствие – значит самого его отнимать у общества и, следовательно, лишать его высшего блага в его жизни и высшей цели его существования, ибо для человека высшее благо – жить в обществе и высшая цель – жить для общества.

Нам скажут, что аскетическая идея отвергала лишь удовольствия развратные, грубо животные. Это так, но вместе она отвергала мирское удовольствие и безразлично в самой его идее; самую мысль о каком-либо удовольствии она почитала уже грехом и всегда грозила за то страхом будущего наказания[1].

[1] На поле печатного ориг.1872 г. (Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, изд. 2-е, с 401, замечено: «Исповедь с. 403», а далее на листке, добавленном к с. 447, чит.: «401. Исповедь – Что запрещалось». Кроме соответствующих мест на с. 403 (в настоящем издании – ниже, с. 765), ср.: Потребник. – М., 1651, лист 153 («исповедание миряном») – «или сотворил еси пир с смехотворением, и плясанием, или слушал еси скоморохов, или гуселников, или пел еси песни бесовские, или слушал еси иных поющих», лист 155 об. – «Согреших, ... любя игры, и плясания, и всякая дела бесовская»; см. также листы: 161 об. («исповедание детям малым»), 164 об. («исповедание женам»), 167 – «Согрешила, слушая гудения гуслей, и всякого скоморошества бесовского неистовьства», 177 (исповедание священником), 181 – «Согреших, господине отче, на игрищах позоров смотрях, и скомрахов, и всяких игр бесовских, прилежне смотрях, и сам та сотворях, и повелевах игры творити, и шахматы, и лейки, и зерньми, и прочая бесовьская начинания сотворих и смотрях». Возможно, что автор имел в виду принадлежавший ему список Потребника (№ 529), где почти все отмеченные места автором подчеркнуты. Этот список поступил, как и все рукописи автора, в Исторический музей. Ср. также: *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. VII. II (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XXXII. – СПб, 1883). – С. 196–197, где приведены выдержки из Требника по рукописи Н. С. Тихонравова. – *Ред.*

Народная музыка, песня, пляска, сказка, какая-либо игра и т. п. в нашем древнем быту с первого же времени, как только раздалось учительное слово, были отвергнуты как действа идолослужения. Аскетическая проповедь возглашалась не исключительно только против разврата, какой в иных случаях сопровождал эти действа; напротив, эти-то самые, в сущности невинные, удовольствия она и почитала развратом, бесовским угодием, лестью дьявола. Она безразлично ставила их наряду со всякими действительно развратными действиями и грехами и, поселяя омерзение к грешной жизни, рисовала эту жизнь именно чертами мирских утех.

Домострой, преподавая наставление, как духовно устраивать трапезу, стол, обед или пир, пишет, между прочим: «Если начнут смрадные и скаредные речи и блудные; или срамословие и смехотворение и всякое глумление; или гусли и всякое гудение и плясание и плескание и скакание и всякие игры и песни бесовские, – тогда, яко же дым отгонит пчелы, тако же отыдут и ангелы Божии от той трапезы и смрадные беседы, и возрадуются беси... да тако же бесчинствуют, кто зернью и шахматы и всякими играми бесовскими тешатся»... Или дальше: «А кто бесстрашен и бесчинен, страху Божию не имеет и воли Божии не творит и закону христианского и отеческого предания не хранит и всяко скаредие творит и всякие богомерзкие дела: блуд, нечистоту, сквернословие и срамословие, песни бесовские, плясание, скакание, гудение, бубны, трубы, сопели, медведи и птицы и собаки ловчие; творящая конская уристания... (Тако же и кормяще и храняще медведи или некая псы и птицы ловчие, на глумление и на ловление и на прельщение простейших человеков...)». Дальше: «Или чародействует и волхвует и отраву чинит; или ловы творит с собаками и со птицами и с медведями; и всякое дьявольское угодье творит, и скоморохи и их дела, плясание и сопели, песни бесовские любя; и зерньею, и шахматы и тавлеи (играя) – прямо, все вкупе, будут во аде, а зде(сь) прокляти...»[1].

[1] См.: Домострой... Сообщ. Д. П. Голохвастовым. – М., 1849. – С. 13, 38, 43, 46; ср.: Домострой по Коншинскому списку и подобным, к изд. приготовил А. Орлов. – М., 1908, отд. II. – С. 10, 21–22, 24. – *Ред.*

Повторяя не один раз свои запрещения, Домострой представляет только слепок общих мест из старейших, самых первых поучений, которые были принесены из Византии и обличали некогда язычество византийского же общества, где музыка, песня, пляска, «бубенное плескание, свирельные звуци, гусли, мусикия, комическая и сатирская и козлие лица» (маски) и т. п. являлись на самом деле служителями языческих богов, – «иже бесятся, жруще матери бесовстей Афродите богине... еже творяхуть на праздник Дионисов», – так что нельзя было и отделять их вообще от идолослужения. Но с той поры вместе с идолослужением упомянутые поучения стали отвергать и вообще мирские игры и утехи, постоянно обзывая их идольскою службою. «Не подобает христианам в пирах и на свадьбах бесовских игр играти, то не брак наричется, но идолослужение, иже есть плясба, гудба, песни бесовские *(вар.* песни мирские), сопели, бубны, и вся жертва идольска, иже молятся проклятым богам...»[1] Каждый праздник, сопровождаемый обыкновенным для народа весельем, принимал уже смысл еллинского пирования, становился обычаем еллинской прелести. Некоторыми, впрочем, византийскими правилами были отвержены даже народные пиры-братчины именно как складчины для общего веселья[2]. Но такое

[1] Летописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым. Т. IV. – М., 1862: «Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов». [См. с. 90, 94 и 96 и Кормчая. – М., 1653. – л. 197 и об. (62-е Правило 6 Вселенского Трулльского Собора) . – *Ред.*]

[2] На поле печатного ориг. 1872 г. автором добавлено: «Цитата». См. 60-е Правило Поместного Собора в Карфагене: «Еллинская пирования да престанут, своего ради безобразия, и еже многи привлачати христианы, и во дни памяти мученик тому бывати. Толкование. От древних обычаев приимше человецы, еже собиратися на нарочитых местах, или при церквах в памяти святых, мужи и жены сходящеся пирования творят, и упившеся пляшут срамно, и ина некая безобразная творят, иже суть обычай еллинские прелести, отселе ни в священных местах, идеже бывают памяти мученик, ни на иных местах таковому быти, правило не прощает: но до конца таковое пирование отсекает, яко многи христианы привлачающе, и ведуще в погибель» (Кормчая. – М., 1653. – Л. 140 об. и 141); ср. также 68-е Правило того же Собора (Там же. – Л. 143): «Иже от поганских обычаев сотворяемии пирове, да будут отвержени»... Как здесь, так и выше (см. прим. 1) автор пользовался принадлежавшим ему списком Кормчей (№ 399), поступившим в числе рукописей автора в Исторический музей, см. л. 154–154 об., 156, 195 об. – *Ред.*

запрещение осталось в Русской земле без последствий, ибо совсем уже разрушало весь старый наш бытовой строй, вынимало, так сказать, самую душу народных обычаев. Всякое мирское удовольствие, забава и увеселение сделались, таким образом, грехом идолослужения, сетями дьявола, которыми верующие души отвлекались от Бога. Поэтому в поучениях при всяком удобном случае напоминалось, сколь велик такой грех и как нужно всегда его беречься.

В числе мытарств, или испытаний души в злых делах между другими грехами поставлено было в седьмом мытарстве и «плясание на пиру», на свадьбах, на павечерницах, и на игрищах, и на улицах, рядом с буесловием, срамословием и бесстыдными словесами, под которыми до́лжно разуметь также всякие поэтические народные словеса; а в 15-м мытарстве уже прямо указывается особое злое греховное дело, еже *басни бают* и в гусли гудут, наравне с блудодеянием и со всякою ересью, именем которой обозначены и суеверные приметы и ворожба[1]. Учительное слово нередко живыми образами рисовало сатанинскую погибель от мирского увеселенья. Известно довольно распространенное в старой книжности сказание св. Нифонта о песнях мирских и о *русалях* (игрищах), которое назидательно представило, как однажды демон, князь бесовский, шел мимо Божьего храма с 12 бесами, которые стали завидовать церковному пению и укорять своего князя, что оттого, что там славят Христа, их сила и слава сокрушилась; как демон успокаивал их, говоря, что в мал час то пение минуется и люди начнут славить их, бесов, мирскими песнями и плясанием; как потом после обедни «иде человек с сопелми и по нем мног народ идуща, ови с гусльми, ови плещуще пояху, ови же пляшуще»; как бесы воочью этому радовались радостью великою и всех тех, «иже кто идяше во след сопущих, единем ужем (веревкою) связавше, влачаху»; как они льстили других на песни и на плясанье и на игранье; как некто, муж свят, зря из своей палаты, повеле пред собою плясати-играти

[1] Памятники российской словесности XII века, изд... К. Калайдовичем. – М., 1821. – С. 94 [и след.].

и взем сребреницу вдаст сопельнику; как бесы послали эту сребреницу отцу своему сатане в бездну; как он возрадовался этому пагубному дару особенно потому, что он был от христиан, повелевая понуждати их на игры и на плясания и на иное, еже есть им в любовь... Все это было видено душевными очами и написано на пользу, дабы бежать проклятых игр бесовских, паче же удаляться плясания, да не со дьяволом осужденным быть в вечный огонь[1]. Подобные образные представления, конечно, действовали еще с большею силою на убеждения людей, чем простые слова запрещения.

С течением времени поучения с этою идеею шли дальше, рассматривали подробнее все виды мирских утех и осудили окончательно все, что сколько-нибудь выражало удовольствие, утеху, забаву, увеселения. Еще в первых поучениях и запрещениях *шпильман* (шпынь, насмешник) рекше *глумец, плясец, гудец, свирельник, скомрах,* как и вся *шпильманская мудрость, смехотворная хитрость, скомрашное дело,* приобрели самое отверженное значение наравне со всякими потерянными людьми и особенно с еретиками и со всякою ересью. Все эти имена, как и самое слово *еллинский,* стали омерзительными в понятиях людей благочестивых. Это было *поганство,* т. е. язычество в простом переводе слова; но то же слово стало обозначать, как и теперь обозначает, всякую нечистоту и мерзость. Русское общество, конечно, не имело и малейшего понятия о языческих грехах еллинизма. Покорное святыне водворяемых правил и новых уставов жизни, оно всякое слово этих правил и уставов принимало с полною, чистою и сердечною верою; оно относилось к ним с робостью малосмысленного первоука, изумленного, пораженного авторитетом учителя. Эту необыкновенную робость и принижение мысли мы скоро замечаем в тех многочисленных вопрошениях, какими русский ум пытал своих первых наставников (Вопросы Ки-

[1] Ср.: *Поленов Д. В.* Житие св. Нифонта Константиноградского по рукописи XII–XIII века // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. X; соответствующее место см. в извлечении из Жития на с. 381–382. – *Ред.*

рика и т. п.). В некотором смысле для того времени это было своего рода вольнодумство, вольная дума, искавшая и жаждавшая истины, которой она и требовала от своих первых наставников. Очевидно, что все сказанное наставниками и было для нее искомою истиною. Наставники же, воспрещая то или другое греховное обстоятельство жизни, соединяли с именем этого обстоятельства свои особые, еллинские же или византийские понятия, для которых в живой русской действительности, кроме внешней формы, не заключалось никакого жизненного смысла, или этот смысл был вовсе не таков, каким он представлялся в уме наставников. Так, в числе запрещенных игр было указано, например, *конское уристание*. В еллинском Царьграде, на еллинском ипподроме, о великолепии которого трудно было и мыслить русскому уму, эти конские ристания в действительности были языческим спектаклем, где зеленые и голубые возницы были посвящены: одни – матери- земле, другие – небу и морю; где колесницы, запряженные 6 лошадьми, ехали во имя высшего языческого божества, запряженные 4 лошадьми везли изображение солнца, а запряженные двумя – черною и белою – изображение месяца и т. д. Потеха была чисто языческая. Но сколько же языческого представляла наша древняя скачка на диких степных конях, подобная, по всему вероятию, скачкам теперешних степняков? Другая запрещенная игра, шахматы, вероятно и принесенная к нам самими же византийскими христианами, точно так же в нашем быту не могла иметь никакого языческого смысла, но, тем не менее, отвергалась, как предмет идолослужения[1]. О ней писали: «Аще кто от клирик или колугер играет *шахмат* или леки (кости), да извержет сана: аще ль дьяк (причетник) или простец (мирянин) да приимут опитемью 2 лета о хлебе и о воде, одиною днем, а поклона на день 200; понеже игра

[1] На поле печатного ориг. автором отмечено: «Потребн. XV в. ирим». Какую именно рукопись имел в виду автор, установить нельзя; впрочем, поставленные, хотя и позже, точки над первыми тремя буквами последнего слова, могут, пожалуй, указывать, что все эти буквы – не что иное, как инициалы Императорского Российского Исторического музея, но среди требников музея списка, который можно было бы здесь отметить, не имеется. – *Ред.*

та от беззаконных халдей: жрецы бо идольские тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельценье сотонино». Очень нередко именно такими соображениями, вовсе не приложимыми к древнему русскому быту, и руководились первые наши наставники в правилах и уставах жития. Конечно, всякий предмет народной забавы и утехи носил в себе в какое-то время языческие черты или просто служил язычеству, но так было по той причине, что в какое-то время вся жизнь человека была язычеством, поэтому не только какая-либо игра, но и все предметы повседневного быта, вся домашняя утварь, начиная с печного горшка, тоже приносимы были на службу тому же язычеству. Аскетическая идея в своих отрицаниях и отвержениях вовсе не различала языческих идей от вещественных предметов или от простых порядков жизни и стремилась все сравнять и привести в один образ и в одну меру, в одно положение.

Общество должно было устроиться как монастырь, как пустынножительство, водворить повсюду обет молчания, обет непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работе дня, необходимым житейским трудам и занятиям. От жизни отнимался один из существенных элементов ее развития, отнималась целая область ее поэтических стремлений, которые, конечно, не приводили же к одному только разврату, но содержали в себе, как и всегда содержат, источник жизненной силы и для нравственного совершенствования. Было необходимо только отличить этот добрый источник от того зла, каким он не всегда же и окружался. Но, верная своему началу, аскетическая идея не должна была делать подобных различий. Поэзия в ее глазах была вообще смрадом и скаредием греховной жизни, поэтому именем бесовской песни, басни, кощунов, глумления она безразлично обозначает всякий памятник народного словесного творчества, равно как и всякую игру бесовским угодием, бесчинием, бессрамием: все это были дела бесовские, обычаи треклятых еллин, греховные уже потому, что исходили из греховного источника, из области свободного чувства, управляемой, как доказы-

вали, исключительно дьяволом. В сущности, аскетическая идея отрицала все то, что в своей живой совокупности имеет свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную культуру не с одной языческой стороны, но и со всех сторон свободного независимого развития народных дарований и народных умственных сил. Она отрицала живую русскую народность во имя одной исключительной формы византийского и, по преимуществу, восточного, быта.

Само собою разумеется, что господство аскетической идеи должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монастырем, из которого постоянно и оглашалась гроза суровых обличений и запрещений. Мирская власть, пребывавшая сама в той же мирской жизни, никогда сама по себе не доходила до аскетических умозрений и не поднимала гонений на свою же мирскую общественность. Она по необходимости становилась только покорною исполнительницею правил и предписаний, исходивших из уединенных и отверженных от жизни келий. Из этих-то богомольных и благочестивых обиталищ и разносилось обличительное слово, напоминавшее время от времени мирским людям о жизни праведной. Лишь отсюда и мирская власть получала усердные воззвания действовать против мирских увеселений, как подобало ее грозной державе. Таким образом, запрещения мирских утех сначала восстановлялись путем частных, так сказать, личных проповедей, со стороны только наиболее усердных подвижников монастырского жития, и впоследствии уже, едва ли не со времени издания Стоглава, были приняты как общее постановление, т. е. вошли в круг правительственных действий. Еще в начале XVI столетия правительство, т. е. общая власть, стоит как бы в стороне от этого дела, и потому, например, в 1505 г. игумен Елизарова монастыря Панфилей частным путем обращается к градским властям Пскова, прося их державу унять беззаконные игрища, какие происходили там по случаю праздника Рождества Иоанна Предтечи 24 июня. Он пишет: «Сице бо еще есть останок неприязни в граде сем, и зело не престала зде еще лесть идолская, кумир-

ское празнование, радость и веселие сатанинское, в нем же есть ликование и величание диаволу и красование бесом его в людях сих, не сведущих истины... Егда бо приходит велий праздник, день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту нощь, мало не весь град взмятется и взбесится, бубны и сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется, яко в поругание и в бесчестие Рождеству Предтечеву, и в посмех и в поругание и в укоризну дни его; встучит бо град сей и возгремят в нем людие... стучат бубны и глас сопелий и гудут струны. Женам же и девам плескание и плясание, и главам их покивание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверные песни, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение; но яко на женское и девическое шатание блудно и възрение, такоже и женам мужатым беззаконное осквернение, тоже и девам растление... Тако ли есть христианам православным вера и чин? И сия ли есть христианская лепота и закон?.. Господье мои, благочестивыи мужи, властели сущии, грозная держава града сего! (восклицает игумен) Уймите храбрским мужеством вашим от такого начинания идолского служения богозданный народ сей»[1]. Нет сомнения, что подобные монастырские частные воззвания к державным градским властям начались в одно время с распространением монастырской жизни. Задолго до общих правительственных запрещений они уже тяготели над обществом как правительственный же закон.

Поучения действовали на общество воспитательно, и, само собою разумеется, что по их идеям воспитывался по необходимости и идеал достойного человека, а следовательно, и идеал достойного общества, изящных его нравов и изящных порядков жизни. Общество если и не могло совсем уда-

[1] Ср.: Дополнения к Актам Историческим. Т. I. – СПб., 1846. – № 22. – С. 18–19; см. также: Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. IV. – М., 1846. // Смесь. – С. 59–62; ПСРЛ. Т. IV. – СПб., 1848. – С. 278–281. – *Ред.*

лить от себя мирские утехи, то все-таки оно получило к ним омерзение греха, и в силу такого воззрения музыку, песню, пляску, басню и т. п. оно осуждало на изгнание из среды хороших, чистых нравов; оно, по естественной причине, стало даже с гордостью выситься перед ними, стало их презирать, низвело их таким образом до степени скоморошества или до низменных и по необходимости грязных занятий поденщика и продавца всяких увеселений и утех, а следовательно, до действительного разврата. Невинная забава и утеха в глазах достойного человека явилась или делом ребячества, или делом скомороха, отъявленного негодника и бесстыдника, не имевшего и малейшего сознания о добром и честном нраве. Возвышенные, честные нравы общества мыслили о забаве, например о танцах, следующим образом: «Что за охота ходить по избе, искать, ничего не потеряв, притворяться сумасшедшим и скакать скоморохом? Человек *честный* (достойный, нравственный) должен сидеть на своем месте и только забавляться кривляньями *шута,* а не сам быть шутом для забавы другого...»[1].

Так мыслили в XVI и XVII столетиях – в эпоху, когда из учений Домостроя образовалась уже крепкая практическая философия. Здесь мы встречаемся с понятиями не о грехе только, не о бесовском только угодии, а уже с высокомерием степенного, чинного и благочестивого нрава, с известною выработкою приличия, которая почитала такую веселость безобразием и искажением нравственного лица.

Учения Домостроя от первых еще веков были главною и исключительною причиною того, что совсем умолкла и народная литература, скоро умолкли вещие песни баянов, воодушевлявшие первых наших удалых и храбрых князей и готовившие родному языку лучшую будущность, чем та, какую он приобрел от книжного высокопарного, но сухого и безжизненного слова. В XI в. мы еще видим около князей песнотворцев, вещими перстами на живых струнах прославляю-

[1] Маскевич, 62. [Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. V. Записки Маскевича. – СПб., 1834. – С. 62. – *Ред.*]

щих княжеские доблести, поющих славу временам и старым, и молодым, поющих славу народности, исполненной свежих здоровых сил и юношеской отваги. Но в один от дней приходит к князю Святославу Ярославичу прп. Феодосий Печерский и видит: сидит князь, а пред ним многие играют, «овы гусльные гласы испущающе, другие же органные гласы поюще, иным замарные писки гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже *обычай есть пред князем*». Блаженный сел вскрай князя, поник долу и сказал: то будет ли так на том свете! Князь умилился словам преподобного, прослезился и повелел игрецам перестать. С тех пор если когда и начиналась такая игра, то, заслышав приход блаженного, князь всегда повелевал переставать своим певцам[1]. XI век жил еще полною силою народного творчества и мало сознавал, что вещая песня баяна есть бесовское угодие, есть идольская служба. На это указывает даже и самое посещение князя Святослава преподобным иноком во время веселого песнотворства, которое было остановлено не в тот же час, как пришел святой инок, а лишь после его умилительного поучения; было остановлено лишь из особенной любви к нему и продолжалось по обычаю в его отсутствие. Живший в том же веке, после Феодосия, митрополит Иоанн – муж хитрый книгам и ученью, точно так же в своих наставлениях не мнит нарушить обычаи мирского устава и запрещает только мнихам и иерейскому чину присутствовать лишь на таких пирах, где начиналось играние, плясание, гудение. Он советует или отнюдь отметаться тех пиров, т. е. не ходить на них, или же, как начнется играние, бесовское пение, блудное глумление, вставать и уходить, да не осквернять себе чувства видением и слышанием, по отеческому повелению; отходить в то время, если будет соблазн велик и вражда не смирена, ибо можно подумать, что почи-

[1] См.: Выписки из подлинного жития прп. Феодосия. Прибавление от редактора [И. И. Срезневского], Ученые Записки 2 Отделения Императорской Академии наук. Кн. II, в. II. – СПб, 1856. – С. 192. Ср. также: Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. I. – 1879. Л. 34 об. (Житие преп. Феодосия по сп. XII в., изд. О. М. Бодянским и А. Н. Поповым). – *Ред.*

таешь эти игры и сам в них участвуешь[1]. Но то, что вначале предписывалось только иноческому и иерейскому чину, впоследствии стало обязательным и для всего мирского чина, стало грехом для всех мирян, а потому чрез 100 лет, в кон. XII в., об этих вещих песнях поминается уже как о старых, едва памятных словесах. Певец Игоря едва ли не был последним баяном нашей древности, последним творцом песни, сложенной старыми словесами или народною поэтическою речью, которую он, видимо, отличает от новых словес, от словес входившей тогда в господство церковной книжности, осудившей старые словеса или народную речь, а вместе с ней и поэтическое народное творчество, на вечное безвозвратное изгнание. В последующие века эти старые словеса, как вообще народная поэтическая речь, обзывались уже словесами греховного глумления, бесовскими песнями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумаге, дабы не совершить тем угодия дьяволу и не уронить в грязь высокого и святого достоинства книжной речи. Писанное слово, принеся святое учение, само по себе стало рассматриваться как святыня, и простой ум в недоумении вопрошал еще в XII в.: «Несть ли в том греха, аже по грамотам ходити ногами, аже кто изрезав помечеть, а слова будуть знати!»[2]. Понятно, что при таком умствовании невозможны были никакие списки песен и всяких других памятников народной речи.

Осужденные проклятию, отверженные для писанного слова, эти песни все больше и больше замирали, исчезали, а с тем вместе понижалась и творческая поэтическая сила народа. Чрез два-три столетия эта сила уже не была способна достойным образом воспеть великие события народной жизни и, изображая, например, Мамаево побоище, обраща-

[1] Ср.: Русские достопамятности... Ч. I. – М., 1815. – С. 95 и 98. См. также: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Изд. 2. – СПб, 1908 (Русская Историческая библиотека. Т. VI. Изд. 2). – С. 8–9, 13–14. – *Ред.*

[2] Памятник Российской словесности XII в., изд. К. Калайдовичем. – М., 1821. – С. 87. [Ср.: Памятник древнерусского канонического права. Ч. I. Изд. 2. – СПб, 1908. – С. 40].

лась за поэтическим образом, как и за поэтическою речью, все к тем же старым песенным словесам. Таково было влияние старой книжности, таковы были последствия ее учений. Общество было лишено литературного своенародного развития, сильные проблески которого так заметны даже в летописи XI и XII столетий, когда аскетическая идея еще только начинала свой подвиг. После того с распространением господства этой идеи и летопись постепенно понижает свой независимый голос, теряет самостоятельность летописи как повести времен и лет и становится лишь орудием поучения, средством прославлять и оправдывать дела Божии, как и дела государевы; поэтому становится или поучительным словом (Степенная книга), или дьячьим изложением дела (летописи XV и XVII столетий). Таким образом, и литературная производительность общества сохраняет только эти две формы словесного творчества: поучение в виде слова, сказания, жития, что все равно; или юридический акт, дьячью записку из дела. Песня-повесть, былина, старина, а тем более сказка и простая песня являются недостойными писанного слова, потому что вращаются уже в презренной среде бесовских угодников. Недостойными являются и все виды мирских веселостей, обыкновенно всегда сопровождаемые песенным же поэтическим словом. Степенный старческий чин жизни утверждает и оправдывает лишь одно веселье – предпоставленную трапезу, мерное питие и, разумеется, строго и беспощадно преследует питие не в меру, пьянственную напасть. Но общество, в котором были заглушены все умственные и поэтические стремления и инстинкты, у которого были отняты или, по крайней мере, сильно заподозрены в грехе все обычные средства веселости, такому обществу совсем не было возможности устоять на мере в единственной узаконенной веселости, в питии. По его понятию, именно в пьянстве и заключалось истинное веселие. И в этом оно было совершенно справедливо, ибо что ж другое могло наполнить пустоту его жизни и мысли,

украсить его отдых, удовлетворить природной потребности вознаграждать меру труда мерою удовольствия! Честный пир потому и был честен и весел, что все тут напивалися; веселье именно в том и разумелось, чтоб быть пьяным: гости не веселы, следовательно, не пьяны, и быть навеселе и теперь даже значит быть умеренно пьяным.

Судя по многочисленным изображениям этого порока, которыми исполнены старинные поучения, веселье тогда уже являлось пьянственною напастью, когда человек допивался, как говорится, до положения риз. «И что есть, братье, скареднее пьянчивого! Седит бо забывый вся и ум си погубле, яко неистов, и не чуется, что творя. Да то ли, братье, *веселье* и тако ли, братье, в закон и во славу Божию есть!.. Не чуя ничто, аки мертв лежит и, аще ему что глаголеши, не отвещает... Слины бо в нем согневшеся смрадом воняют, и рыгание, аки скотиное. Помысли убо, како убогая та душа, аки в яме в темне, в теле том грязит! Аще же и восстанет, мнящеся изспався, то и еще не здрав есть, облак пьянственный еще мутится ему пред очима и омрачает... Братие, трезвы будьте, ибо супостат ваш диявол ищет пьяных, да пожрет. О горе! Как пьяным ухорониться, а лежаще, аки мертвым! А от Бога отбегшим пьянства ради; и удалшимся от Духа Святого, смрада ради пьяного; а слова Божия неимущим во устах своих, гнилия ради пиянственного; ангелу хранителю отбегшу пьянства ради и плачущися, а бесам веселящимся о пияницах и радующеся: приносят жертву ко дияволу от пияницы. Диявол же радуяся глаголет: яко николи же тако радуюся и веселюся о жертвах поганых человек, якоже о пьянстве христиан; всякие бо дела моего хотения суть во пияницах: мои суть пияни, а трезви Божий... Останитеся, братия, окаянна пиянства. А питие бо законно, и в славу Божию, яко на веселие нам Бог дал. И то в подобно время. Еже бо ни отнюдь не быти, [то] не отреченно есть питие святыми отцы; но сице вещаше: да не упивайтеся в пиянство. Мнози бо невеигласи глаголют, яко то праздник честный есть, да пием и веселимся! Уразумейте и сами, безумнии, что сие глаголете,

яко оставляете праздники Божия и дияволу угожаете...»[1] Домострой XVI в., изобразив все непрактические и невыгодные стороны пьянственной напасти, отмечает: «Не реку не пити: не буди то! Но реку не упиватися в пьянство злое. Я дара Божия (вина) не похуляю, но похуляю тех, которые пьют без воздержания. Сказано: пейте мало вина веселия ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы царствия Божия не наследят»[2]. Но ради какого же веселья следовало пить? Если в нем самом, в одном только питии содержалось веселье, то где же были эти границы, отделявшие веселье от пьянства? Питие, разумеется, возбуждало к веселости, которая и должна была удовлетворяться мирскими средствами веселья. Питие служило наилучшим украшением всякой трапезы и особенно праздничной; как дар Божий оно благословлялось; оно было веселием, удовольствием телесного чувства. Но таким же веселием, удовольствием нравственного чувства была песня, музыка, пляска, вообще игра, равно как и сказка-небылица, повесть, загадка и т. п., т. е. вообще мирская литература и мирская забава. Положим, что во всем этом в первое время слишком ярко и слишком прямо отражалось древнее язычество; но запрещения одно за другим следовали, и притом еще с большею строгостью, даже и в то время, когда и храмы и идолы были разрушены, и народ, предаваясь таким веселостям, уже не ведал сам, что творил, а удовлетворял только своей человеческой потребности веселиться после работы. Положим, что эти веселости он нередко сопро-

[1] Ср.: Православный Собеседник. – 1859 – № 4. – с. 471 (Поучение о праздновании воскресного дня из Измарагда кон. XV или нач. XVII в.) и *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестной и неизвестной памяти. – СПб, 1874. – С. 325–326 (Поучение о пьянстве из Дубенского сборника правил и поучений XVII в.); Труды Киевской Духовной академии. – 1887. – № 5. – С. 90–91 и *Чоговец В. А.* Преподобный Феодосий Печерский. – Киев, 1901. – С. 118–119 (Поучение о праздницех господьских по сборнику слов и житий. Киевской Духовной академии XVI и XVII вв.); *Яковлев В. А.* К литературным источникам древне-русского сборника. Опыт исслед. «Измарагда». – Одесса, 1893. – С. 100 (Слово о пьянстве Григория Богослова). См. также изд. под ред. А. И. Пономарева Памятник древне-русской церковно-учительской литературы. Вып. 3. – СПб, 1897. – С. 69, 99, 103. – *Ред.*

[2] См.: Домострой. – М., 1849. – С. 14. – *Ред.*

вождал буйством и грязным развратом, но тем же самым по преимуществу сопровождалось и неумеренное питие; оно-то и было основою всяких неистовств, до которых доходило иной раз мирское веселье. Оставалось оберегать это веселье именно только от пьянственной напасти; оставалось веселью дать то же место в законе, каким пользовалось собственно питие, т. е., не отрицая мирских веселостей в существе, проклинать лишь их языческие или же вообще грубые, грязно-развратные, буйные формы или виды, наравне с пьянством как с развратным и грязным видом пития. Отвергая все формы мирской веселости, песню, музыку, пляску, учительная философия должна была особенно помогать распространению в обществе именно одной только пьянственной напасти. Мирская трапеза начиналась степенным питием, а оканчивалась всегда неистовым пьянством по той простой причине, что за отсутствием более тонких форм удовольствия оно по необходимости становилось единственным исключительным удовольствием и весельем. Таким образом, пьянственную напасть как потребность веселья могли остановить не обличения, а свободное развитие умственных и эстетических потребностей общества, свободное развитие его поэтического творчества как особенно в литературе, так и вообще в остальной области искусства. Если человеческое удовольствие и, следовательно, в обширном понятии вся область поэзии находились под осуждением и проклятием, то человеку ничего другого не оставалось, как предаваться веселью пьянства, и, стало быть, предаваться не простому веселью, а именно тем оргиям, которые и подавали главный повод изгонять из общественной среды всякие удовольствия. Духовные интересы были ограничены, тем безграничнее пробуждались инстинкты животные. В этом обнаруживал только свою силу неизменный закон человеческой нравственной природы. Гонения и стеснения привели общество только еще к большему огрубению, низвели его до степени прямого животного, где терялось уже сознание о нравственном и безнравственном и где разврат происходил не столько от развращения нрава, сколько из потери этого сознания. По такой же неизменности

и неразрушимости законов общественной жизни все усердные поучения об изгнании из человеческого мира прирожденных ему общественных утех и удовольствий, все беспощадные их обличения, даже все правительственные меры, время от времени поднимаемые против народных увеселений, оказались бессильными. Многое действительно угасло, исчезло, многое исказилось, потеряло всякий смысл не только языческий, но даже и поэтический; но многое оставалось еще в первобытной свежести даже в дни петровской реформы и сохранилось до нашего времени, хотя и в обломках.

Мы знаем, что и в домашнем быту государева дворца с большим усердием читались все сказанные поучения; знаем также, что церковный и особенно иноческий чин не переставал обличать всякие мирские игрища и веселости и постоянно увещевал беречься пустошных бесед и смехотворения неподобного, плясания, скакания, гудения, песен бесовских, скоморохов с их делами, вообще всяких мирских забав, к числу которых, как мы видели [выше, с. 769], относились даже шахматы и шашки; знаем, что иной раз и сам государь принимал благочестивое решение истребить в народе это дьявольское угодие и посылал по государству строгие указы, подвергал ослушников наказаниям и пеням. Однако ж мирская жизнь брала свое, и самый дворец – представитель лучших, правильных и чистых нравов по Бозе – оставался в этом отношении таким же, как и весь народ, обыкновенным мирянином, привязанным к своим стародавним забавам и утехам. Строго и точно исполняя уставы Домостроя в отношении келейного и церковного правила, молитвы, милостыни, особого благоговейного усердия к Церкви, особого почитания ее служителей и всякого рода «богомольцев», – жизнь государева дворца как жизнь мирская, не в силах была вовсе удалиться от мирских обычаев и в отношении забав и увеселений большею частию уклонялась от увещаний того

же Домостроя. Во дворце мирские утехи были так обычны и принадлежали к таким постоянным потребностям жизни, что были устроены даже в особое отделение с именем Потешной палаты и с целым обществом разного рода потешников. Во дворце, как видели[1], устраивались обычные народные игры, например *качели* на Святой и *горы* на Масленице; во дворце постоянно играли в шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и в карты. Это были собственно домашние утехи. Не говорим о потехах государевых, о выезжих полях, т. е. о соколиной и псовой охоте, о медвежьем поле и медвежьей травле. Государева охота была искони устроена в особое ведомство, главный чин которого – ловчий – бывал всегда в особом приближении у государя. Во дворце, по-видимому, вовсе и не думали, что все это было отречено и проклято отеческими поучениями, ибо для изготовления, например, шахматной игры при дворце жили на жалованье особые мастера токари, которые так и назывались – шахматниками, и только то и делали, что работали шахматы и другие подобные игры. Есть свидетельство, что «треклятые» органные гласы раздавались из дворца пред лицом всенародного множества. Англичанин Горсей рассказывает, что когда он привез царю Федору Ивановичу и Борису Годунову различные подарки, и в том числе органы, клавикорды (а с ними и музыкантов), то царица Ирина Федоровна, рассматривая эти дары, «особенно была поражена наружностью органов и клавикордов, которые были раззолочены и украшены финифтью, и восхищалась гармониею звуков этих мусикийных орудий, никогда ею не виданных и не слыханных. Тысячи народа толпились около дворца, чтобы их послушать!»[2]. Органы, однако ж, в московском дворце не были такою редкостью, как можно было бы заключить из

[1] Так в печатном ориг. 1872 г., когда настоящая глава входила еще в состав Домашнего быта русских цариц; см. соответствующее место на с. 466. Ср. также выше, с. 595. – *Ред.*

[2] См.: *Толстой Юрий.* Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия // Отечественные Записки. – 1859. – Сентябрь. – С. 135. Ср.: Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея / Пер. с англ. Н. А. Белозерской. – СПб, 1909 (изд. А. С. Суворина). – С. 74. – *Ред.*

слов Горсея. Мы видели[1], что часы с музыкою в XVII столетии уже украшали этот дворец и забавляли царское семейство своею чудною игрою. В отношении же органов упомянем, что еще при Иване III в 1490 г. в Москву вызван был в числе прочих художников и *органный игрец* – каплан белых чернецов Августинова закона Иван Спаситель[2]. Если необходим был органный игрец, то, само собою разумеется, что органы уже стояли во дворце или же, быть может, в то же время были привезены вместе с игрецом.

Об органах и других музыкальных инструментах, составлявших принадлежность царской Потешной палаты, мы будем говорить после[3], а теперь перейдем к обозрению утех комнатных и, так сказать, кабинетных.

Самым видным, наиболее выдающимся предметом комнатной забавы был дурак, шут. Это был, если можно так выразиться, источник постоянного спектакля, постоянной вседневной утехи для всех комнатных дворцовых людей. Писание обозначало эту сторону домашних увеселений именем глумления, кощунания, шпильманской мудрости, а самих дураков и шутов обозначало шпильманами, глумотворцами, смехотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Таким образом, штатная обязанность дурака заключалась в том, чтобы возбуждать веселость, смех. Он достигал этой цели или пошлыми, или острыми, слишком умными или слишком глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно, самый грязный цинизм здесь не только был уместен, но и заслуживал общего одобрения. В этом как нельзя

[1] См. с. 135 наст. изд.

[2] Неправильное чтение летописи, по которому этот игрец выходил *греком Арганногоем* [в ориг. – Арганнагоем], раскрыто князем Оболенским во Временнике Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 16. – М., 1853 // Смесь. – С. 21 и след. [См. также: Древности Российского государства. Отд. IV. – М., 1851. – С. 88. – *Ред.*]

[3] См. ниже, с. 810 и след. – *Ред.*

лучше обрисовывались вкусы общежития, представлявшего с лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постническую выработку поведения, а внутри исполненного неудержимых побуждений животного чувства, затем, что велико было в этом общежитии понижение мысли, а с нею и всех изящных, поэтических и эстетических инстинктов. Циническое и скандалезное нравилось, и очень нравилось, потому что духовное чувство совсем не было воспитано, а было только связано, как ребенок пеленками, разными, чисто внешними, механическими *правилами* и запрещениями, которые скорее всего служили лишь прямыми указателями на сладость греха, т. е. в собственном смысле на сладость свободных отношений человека к своей природе. Постнический облик общежития с девическою застенчивостию, но с большою радостью готов был выслушивать все, что потаенно от него сохранялось, лишь бы обличение этого потаенного происходило из уст человека, в некотором смысле потерянного, лишь бы сохранялась таким образом стройность постнического порядка жизни, ибо потерянный для этого порядка человек никак не мог, конечно, служить его разорителем. На то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности, вольные движения жизни или вообще волю, свободу, независимость жизни; чтобы ровную, однообразную и притом постнически однообразную домашнюю жизнь выбивать из ее тесной колеи, из ее постнической неволи.

Необходимость в домашнем дураке являлась сама собою именно по той причине, что жизнь общества уже слишком стеснилась, окрепла, одеревенела от этого многого *правила,* слишком одомостроилась, так что дурак в иносказательном смысле был как бы проводником свободного, свежего воздуха в спертую и удушливую атмосферу повседневного быта, замкнутого всевозможными уставами и правилами. Это был естественный продукт умственного и нравственного застоя жизни. Как скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себе, что такое был дурак на самом деле.

Дóлжно полагать, что одни из них бывали в действительности идиоты, умственные уроды, помешанные, безумные, содержимые в домах как редкость, как игра природы, *забавная* наравне с карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, каких не всякий видал. Понятий о чудовищном унижении в этом случае человеческого достоинства в старом обществе не существовало. На это не указывали и поучения домостроев, отвергавшие только формы безнравственной жизни, а не самые ее корни, т. е. извращенные, бесчеловечные идеи. Человек-урод, как невиданный зверек становился посмешищем для обыкновенного человека, становился его забавою, игрушкою. Бруин, замечая вообще о наших допетровских увеселениях, говорит между прочим: «Русские веселятся с каким-то зверским довольством зрелищем людей умалишенных и разных калек и уродов, особенно когда оные находятся в опьянелом положении»[1].

С таким же значением, как умственный урод, особенно ценился и дурак-шут, умный остряк, замысловатый глумотворец и смехотворец. Он носил имя дурака потому, что всякое глумление, смехотворение вообще признавалось степенным и чинным обществом чем-то вроде ребячества и глупости, потому что своими словами и делами он слишком уродливо выдвигался из умного уровня, на каком стояла тогдашняя порядочность поведения. В этом отношении и очень умные, как и очень глупые слова и дела имели равный смысл дурачества, почему всегда и прощались как дурачество, на которое не стоило обращать умного, рассудительного внимания. Дураки, как и юродивые, становились иной раз суровыми и неумолимыми обличителями лжи, коварства, лицемерия и всяких других личных и общественных пороков, над которыми они издевались с полным и самым свободным цинизмом, находя всегдашнее оправдание для своих бесцензурных действий в том же уродливом смысле своей жизненной роли. Это была сатира, комедия, та

[1] Отечественные Записки. Ч. 44 (кн. 125). – СПб, 1830 [Пребывание Бруина в Москве. – С. 6. Ср.: Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с франц. П. П. Барсова, проверен по голландскому подлиннику О. М. Бодянским. – М., 1873. – С. 69–70. – *Ред.*].

сторона литературы, которая в развивающемся обществе составляет прирожденную силу и за неимением письменности, печатного слова, обнаруживает свои стремления устным словом, сценическим и циническим представлением, а в обычном смысле – дурачеством, ибо, как мы заметили, все смешное и комическое было делом одних только дураков. Таким образом, другой разряд дураков, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждают даже и исторические свидетельства. *Шут Гаврила* в 1537 г. сумел спасти себя от московской государевой опалы, изменив своему личному государю – удельному Старицкому князю Андрею Ивановичу. Он бежал от него в Москву, в то время как несчастный князь должен был попасть в московские сети и окончить свой век «в нуже страдальческою смертию». Шут спасал свою жизнь и верно понял, что дело его князя было проиграно безвозвратно[1]. Из этого свидетельства мы видим, что в начале XVI столетия шуты принадлежат к необходимым домашним людям.

Манштейн[2], описывая придворный быт императрицы Анны Ивановны, замечает между прочим, что «по древнейшему в России установленному обычаю, каждый частный человек, получающий хорошие доходы, имел при себе, по крайней мере, одного шута. Из сего можно судить, что в них не было недостатка и при Дворе», т. е. еще в начале XVIII столетия, ибо в это время старая русская жизнь держалась еще очень крепко и была только снаружи заставлена разными немецкими декорациями, так что Анна Ивановна по своему воспитанию, образованию и особенно по своим вкусам вполне принадлежит не XVIII, а XVII столетию, и в этом отношении XVIII столетие в смысле новой эпохи должно начинаться собственно с Елисаветы Петровны. По той же причине и Петр I, как говорит Манштейн, отменно жаловал шутов; при нем часто их бывало человек до 12 и более. Петр был родной сын и

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. VIII. – Прим. 16.

[2] (Манштейновы) современные записки о России / Пер. с франц. подлин. [проф. Гр. Глинка]. Ч. 2. – Дерпт. 1810. – С. 64. В «Записках Манштейна о России», пер. с франц., с подлинной рукописью Манштейна, изданной в прилож. к «Русской Старине» (1875 г.), соответствующего места нет: ср. с. 184. – *Ред.*

прямой наследник XVII столетия, а потому и нельзя, чтобы в его нравственных чертах не сохранилось родового сходства со своим родителем; к тому же шуты и всякое шутовство ему очень были нужны не столько по домашним, сколько по политическим причинам. С ними вместе он вел борьбу со старым порядком жизни, публично его осмеивал, составлял на него целые сатирические спектакли...

Шутов и шутовство особенно также любил и царь Иван Васильевич Грозный. Одною из главных утех его, говорит Карамзин, были многочисленные шуты, коим надлежало смешить царя прежде и после убийств и которые иногда платили жизнию за острое слово. Между ними славился князь Осип Гвоздев, имея знатный сан придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылил на него мису горячих щей; бедный смехотворец вопил, хотел бежать: Иоанн ударил его ножом... Обливаясь кровью, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцели слугу моего доброго, – сказал царь. – Я поиграл с ним неосторожно!» «Так неосторожно, – отвечал Арнольф, – что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания». Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом и продолжал веселиться[1]. В сопровождении шутов царь делал даже церемониальные поезды. Один итальянец, бывший в Москве в 1570 г.[2], рассказывает между прочим: «Царь въезжал при нас в Москву... впереди ехали 3000 стрельцов, за стрельцами шут его на быке, а другой в золотой одежде, затем сам государь». Однажды, издеваясь над поляками в лицо их посольству, он схватил соболью шапку с одного из их дворян, надел ее на своего шута и заставил его кланяться по-польски. Когда тот отвечал, что не умеет, то царь стал учить его, сам кланялся и смеялся. Быть может, особенное расположение Грозного к шутам и шутовству условливалось отчасти, подобно как и при Петре, причинами замаскированной борьбы с положениями своего времени или со своими личными врагами. Так, он

[1] См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IX. – С. 97. – *Ред.*

[2] Приор Джерио. См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IX. – Прим. 329. – *Ред.*

заставил везти к Москве собранных в Новгородской области медведей одного опального архимандрита[1].

На пирах Грозного являлись шутниками и его любимцы из опричников-дворян, каков был, например, Василий Грязной. Когда в 1572 г. он вблизи Крыма на степном разъезде взят был в плен и писал о том государю, царь отвечал ему: «Что писал еси, что по грехам взяли тебя в полон: ино было, Васюшка, без пути середь крымских улусов не заезжати; а уж заехано, ино было не по объездному спати. Ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы... али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня, стоячи за кушаньем, шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон (неженок), умеют ловити... А что сказываешься великой (знатный) человек, ино что по грехам моим учинилось, и нам того как утаити. Что[2] отца нашего и наши бояре нам учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ты свое величество и отца своего в Олексине: ино таковы и в станицах езживали; а ты в станице у Ленинского был, мало что не в охотниках с собаками... И мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был, и мы для приближенья твоего тысячи две рублев дадим; а доселева такие по 50 рублев бывали». В своем ответе Грязной писал, между прочим, что «заец не укусит ни одное собаки, а он укусил 6 чел. до смерти да 22 ранил; что было в Крыму собак изменников, он всех перекусал, и т. д. Да еще хочу у Владыки Христа нашего, чтоб шутити за столом у тебя (т. е. возвратиться в Москву). Мы, холопи, Бога молим, чтоб нам за Бога и за тебя голова положить, то наша и надежа... А яз холоп твой не у браги увечья добыл, ни с печи убился»[3].

Вообще такой шутливый, сатирический тон и такие шутливые разговоры были, кажется, характерною чертою в пись-

[1] ПСРЛ. Т. III. – С. 167. В таком смысле, кажется, должно понимать указанный здесь текст летописи. [Ср. впрочем ниже, с. 808. В соответствующем месте летописи о медведях, принадлежавших архимандриту, точных указаний не дается. – *Ред.*]

[2] В Истории Государства Российского Карамзина. Т. IX. – Прим. 405, читаем: «утаити, что». – *Ред.*

[3] См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IX. – Прим. 405 и 406. – *Ред.*

мах Грозного, а следовательно, и в его отношениях к окружающим. Припомним его переписку со шведским королем, его послание в Кириллов монастырь... Очень естественно, что шуты при нем были в большом ходу.

Сын его, царь Федор, также всегда забавлялся шутами и карликами мужеского и женского пола, которые кувыркались перед ним и пели песни. Маскевич говорит, что вообще шуты представляли самую обычную утеху для наших предков, увеселяли их плясками, кривляясь, как скоморохи, на канате, и песнями, большею частию весьма бесстыдными[1]. Даже Тушинский царик имел при себе шута, Петра Киселева, с которым и побежал потом из Тушина. В смутное же время упоминается шут Иван Яковлев Осминка, который бывал у царя (Шуйского или Тушинского – неизвестно) всякий большой праздник[2].

Молодого царя Михаила Федоровича в первое время (с 1613 г.) потешал *дурак Мосяга,* также Мосей (Моисей), а в хоромах у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ивановны, в Вознесенском монастыре жила *дура Манка* (Марья). В 1616 г. марта 28 *пятнадцать* человек портных шили целый день «государевым потешникам» дураку Мосею однорядку в покромях, а дуре Манке – летник в сорочках[3]. Дóлжно по-

[1] См.: Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. V. Записки Маскевича. – СПб, 1834. – С. 61. – *Ред.*

[2] Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши // Собр. и изд.: Павел Муханов. – М., 1834. – С. 266.

[3] Покроми – обрезки сукна по кромке, из которых от сукон разных цветов и шили это дурацкое платье. *Сорочкою* назывался оберточный конец сукна или его обертка из другой, например лощеной клеенчатой, ткани, на которой бывали тканые и даже писанные расцвеченные изображения фабричных знаков, букв, гербов и т. п. Из писаных суконных сорочек сшит был летник дурке Манке 27 марта 1619 г. [На одном из рабочих экземпляров 1-го изд. Домашнего быта русских цариц, где первоначально была напечатана настоящая глава, автором прибавлено: *«Клеенка.* Слов. Ком. мешок для сохранности сукна, лощенка». См:. Словарь коммерческий... // Пер. с франц. В. Левшин. Ч. III. – М., 1790. **– С. 229, где под словом «клеянка» читаем следующее: «Толстое по**сконное полотно, наклеенное, выкрашенное иногда разными красками и вылощенное, употребляемое в подкладку платья в тех местах, где оному дóлжно быть тверду. Род клеянки крашеной называется «орщенка», оную употребляют на подбой платья мужского и женского, также на мешки для сбережения сукон и других материй, чтоб цвет их не портился и пыль не нападала…». – *Ред.*]

лагать, что эта одежда готовилась наспех, быть может, ко дню Светлого Воскресенья, которое в том году приходилось на 31 марта. В 1618 г. апреля 4, следовательно, также к Светлому дню (5 апреля), государь пожаловал «дураку Мосею однорядку суконную в разных цветах, с мишурным кованым кружевом, с шелковыми завязками и образцами (род запан с петлями); кафтан суконный из остатков разными цветы с такими же образцами и кружевом и с оловянными пуговицами; а дурке Манке дано государева жалованья шубка киндячная в трех цветах с оловянными пуговицами». В 1622 г. марта 18 дурке сшита шапка из червчатой камки с мишурным кружевом. В 1624 г. сентября 15 скроен летник в желтых дорогах гилянских с бархательными вошвами и с бобровою опушкою. В 1627 г. июня 9 дурке Манке сшит опашень в два цвета, из червчатого и желтого сукна, с мишурным кружевом и оловянными пуговицами и к нему ожерелье накладное – медведок молодой.

В 1620 г. в товарищи к дураку Мосяге прибыл новый дурак Симонка, которому 12 июля государь велел сшить кафтан-терлик. Затем в 1624 г. прибыли еще два дурака – Исачка и Ивашка. В 1628 г. у государя является еще новый дурак Семейка. В 1634 г. упоминается дурак *Шамыра,* а в 1636 г. появляется еще дурак Сергей. Шамыра – было, может, только прозвище того же Сергея или одного из упомянутых прежде[1].

Обыкновенный, можно сказать, мундирный наряд всех этих царских дураков был следующий: однорядка татарского покроя из червленого (красного) сукна с татарскими завязками, кафтан крашенинный лазоревый, опояска из покроми червленого или зеленого сукна; шапка черкасская (малороссийская) суконная зеленая с лисьим околом или колпак валеный с нашивкою; сапоги красные, телятинные, белье – рубашка и порты холщевые. Такой наряд по большей части они получали к Святой. Спали они на войлоках, одевались бараньими (овчинными) одевальными шубами.

[1] См. также ниже, с. 848, где упоминается дурак Исай под 28 марта 1645 г. – *Ред.*

Иногда кому-либо из дураков шилось и более богатое платье в других цветах. Так, в 1629 г. июня 16 государь приказал сшить дураку Ивашку «однорядку – сукно аглинское вишнево, кафтан – дороги гилянские желты, на хлопчатой бумаге с атласным лазоревым золотным ожерельем; ферези из лазоревого киндяку, шапку – сукно багрец с собольею опушкою». В 1636 г. апреля 16 государь приказал сшить трем дуракам – Симону, Исаку, Сергею – по однорядке: одна брусничная, другая рудожелтая, третья серебряной цвет, с кружевами и завязками татарскими, кафтаны крашенинные, сапоги телятинные. По случаю какой-либо особой потехи, в которой должны были участвовать и дураки, им шилось и особое платье, изготовлением которого занимался уже главный потешник в Потешной палате немчин Иван Семенов. В 1634 г. декабря 11 для государевы потехи дуракам на платье было отпущено этому потешнику 10 арш. сукна аглинского червленого да 5 арш. зеленого. Разные мелочные предметы их наряда и вообще их содержания большею частию покупались в городских рядах. В 1634 г. в ноябре дурак Шамыра женился; свадьбу играли в с. Рубцове-Покровском и, без сомнения, не без особых потешных затей. Мы знаем только, что ноября 2 в Рубцово на дуракову Шамырину свадьбу послано из царицыной казны 6 полотен тройных гладких да 3 полотна тверских, а ноября 6 ему с невестою куплены в серебряном ряду крест серебряный золоченый да 2 перстня серебряных, один ручками, за все рубль; а в с. Рубцове куплено свеч на свадьбу на 4 алт. 2 ден.

Судя по одному известию, дураки царя Михаила Федоровича принадлежали к разряду идиотов. Так, в 1632 г. 25 марта, в неделю Цветную, по государеву именному приказу эти дураки были отведены в монастыри на Страстную неделю поститься: в Богоявленский монастырь, что у дворца (Троицкое подворье) – дурак Мосейка; в Афанасьевский монастырь, что у Фроловских ворот (Кирилловское подворье) – дураки Исак да Симанко (№ 696). Такая забота, вероятно, была бы излишнею в отношении дурака-шута.

В хоромах царицы Евдокии Лукьяновны жили для потехи дурки: Орька (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-немка, Палагейка, которую в 1640 г. привез из Пскова окольничий Василий Иванович Стрешнев; Манка (Марья)-девка и еще *Манка-шутиха* – слепая баба. Эта последняя была взята в хоромы царицы в 1632 г. у боярина князя Ивана Борисовича Черкасского. В том году апреля 28 ей куплен в рядах следующий наряд: шапка женская камчатная лазоревая с пухом (околом); опашень вдовской черный суконный, телогрея киндячная лазоревая на зайцах; сапоги женские барановые красные, всего на 5 руб. 24 алт. 2 ден. В 1634 г. апреля 29 ей сделана потешная шапка из червчатой да из желтой камки с бобровым околом. Июля 16 куплена ей шляпа валеная белая. В 1636 г. марта 31 этой *шутихе,* жонке Манке *слепой,* сделан сарафан крашенинный лазоревый, да *сукня* из червленого сукна с шелковою нашивкою и с оловянными пуговицами. Октября 29 куплено ей на наряд 16 нитей бисеру белого, причем в записке она названа *дуркою.* Ноября 12 куплено еще 6 нитей белого бисеру и два листа меди *шумихи* на потешную кику, на низанье. Наконец, в 1637 г. марта 10 эта баба слепая была отправлена в подмосковное с. Ильинское с царицыным боярским сыном, причем заплачено за провоз 10 алт. Дурка Палагейка также оставалась недолго в хоромах царицы. Постоянно потешали царицу только четыре дурки: Манка, Орька и две Дуньки – татарка и немка. В разное время, смотря по надобности, им изготовлялись различные предметы их обыкновенной одежды из царицыной казны: тафьи, треухи, телогреи, сарафаны, сапоги барановые, телятинные, козловые, большею частию красные, иногда зеленые, такие же башмаки и т. п.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643–1654 гг.). В 1643 г. мая 12 ей куплена за 11 алт. женская *сорока,* шитая золотом.

К числу придворных дурок мы можем отнести и старицу Марфу уродливую, которая жила в Вознесенском монастыре и также называлась иногда и дуркою. Вероятно, она бывала часто и во дворце. По крайней мере, из дворца наравне со всеми

другими подобными лицами она получала свою одежду и все содержание. В записках ее имя появляется с 1624 г. В этом году, сентября 15, ей скроена шуба теплая из немецкой черной тафты на бельем меху с бобровою опушкою; в 1629 г. апреля 4 ей сшита ряска из немецкой таусинной камки; 1630 г. октября 31 сделана шуба крашенинная лазоревая на заячьем меху с бобровою опушкою; в 1631 г. мая 31 ей сделан сарафан крашенинный лазоревый; июля 18 наметка чернеческая; ноября 8 опять сарафан крашенинный лазоревый; декабря 24 в монатейном ряду куплен опостольник старицкой. Смотря по надобности, подобные предметы ее наряда в разное время изготовлялись во дворце или покупались в городских рядах. В 1640 г. генваря 19 старица Марфа уродливая скончалась; на поминовение по ней царица раздала в церкви, богадельни и нищим 100 руб.

О шутах и дураках, состоявших при дворе царя Алексея Михайловича, наши сведения очень скудны. Можно полагать, что дурацкие потехи при благочестивой царице Марье Ильичне если не были совсем оставлены, то стояли далеко на заднем плане. У государевой сестры царевны Ирины Михайловны жила еще в это время дурка Катеринка. У царицы Натальи Кирилловны встречаем в 1674 г. двух дур девок – Аксинью и Авдотью, которым 24 июня скроены две телогреи да летник из выбойки на холстинной подкладке, с бобрового опушкою; у летника вошвы камка китайская – змеи; выбойки и холстины пошло по 50 арш. При царе Федоре Алексеевиче в 1679 г. дураки Петр и Семен живут у верховых богомольцев. В том же году в декабре взят был во дворец из Переяславля новый дурак, Федор, который, вероятно, тоже помещен был у верховых нищих. В 1682 г. упоминается дурак Тарас, которому генваря 8 сделан кафтан суконный на овчине и прочее платье.

При Петре, в 1700 г., в дворцовом штате состояли два шута – Яков Тургенев и Филат Шанский, получавшие жалованья по 50 руб. У императрицы Анны Ивановны было шесть шутов: два иностранца – Коста и Педрилло и четверо русских – князь Голицын, князь Волконский, Апраксин и Балакирев. «Способ, как государыня забавлялась сими людьми, –

говорит Манштейн, – был чрезвычайно странен. Иногда она приказывала им всем становиться к стене, кроме одного, который бил их по поджилкам и чрез то принуждал их упасть на землю (это было представление старинного правежа). Часто заставляли их производить между собою драку, и они таскали друг друга за волосы и царапались даже до крови. Государыня и весь ее двор, утешаясь сим зрелищем, помирали со смеху»[1]. Как памятен в этих забавах еще древний, допетровский век русской жизни! И эти шуты, хотя и неглупые люди, носят в своей роли все тот же принадлежащий им по штату смысл дураков-идиотов. Манштейн рассказывает, что Педрилло собрал 10 тыс. руб. посредством следующего дурацкого спектакля. Однажды Бирон шутя обозвал его, что он женат на козе. Шут воспользовался шуткою временщика, подтвердил ее и объявил, что как скоро его жена разрешится от бремени, то он осмеливается просить императрицу со всем двором в гости к нему на родины в надежде, что высокие гости по старому русскому обычаю не придут к родильнице с пустыми руками и будут класть что-либо на зубок для новорожденного, и он таким образом соберет денежную сумму, необходимую для воспитания ребенка. В назначенный день кладут его на театре в постель с козою. Занавес поднимается, и спектакль начался тем, что первая же императрица поднесла ему родинный подарок и сама назначила, сколько каждый из придворных должен был дать шутовской родильнице. Такие или подобные домашние спектакли разыгрывались, без сомненья, и в допетровском придворном быту. Свадьба дурака Шамыры при Михаиле Федоровиче необходимо происходила со всеми порядками и обрядами, со всем свадебным чином, какой по старому Домострою требовалось выполнить. Таким образом, петровские шутовские свадьбы шутов Тургенева, Шанского и князь-пап Зотова и Бутурлина, равно как и свадьба шута Голицына или,

[1] (Манштейновы) современные записки о России / Пер. с франц. подлин. [проф. Гр. Глинка]. Ч. 2. – С. 65. В «Записках Манштейна о России», пер. с франц., с подлинной рукописью Манштейна, изданной в прилож. к «Русской Старине» (1875 г.), соответствующего места нет: ср. с. 184. – *Ред.*

как его обыкновенно звали, князя Кваснина, происходившая при Анне Ивановне в Ледяном доме, не были изобретением только петровского времени, а представляли обычное старинное шутовское увеселение, облекавшее в смех свои же обычные старинные порядки и разные чины жизни.

Вообще до́лжно заметить, что шутовство, ирония, сатира, комическое или карикатурное представление всего чинного, степенного и важного в жизни оставляли в нашем допетровском обществе как бы особую стихию веселости. Но, разумеется, этот старый допетровский смех над жизнию не заключал в себе никакой высшей цели и высшей идеи. Он являлся простым кощунным смехом над теми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашнего ума, воспитанного во всяком отрицании и потому вообще ума кощунного. Никакого чистого идеала впереди у него не было; никакой борьбы во имя такого идеала он не проводил. Это было на самом деле наивное, бессознательное или же отчасти лукавое глумление жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону того же глубокого и широкого ее отрицания, на котором духовно она развивалась в течение столетий. Вот почему кощунное шутовство так было любимо нашим старым обществом и представляло в его удовольствиях такую потребную и совершенно неизбежную статью веселости. Когда многовековое отрицание, на котором росла наша старая умственная и нравственная культура, выразилось под конец в силу неотразимых законов жизненной последовательности, беспощадным и всесторонним петровским отрицанием самой этой культуры, когда впереди указаны были новые идеалы жизни, тогда и старый *дурацкий* смех тотчас же получил смысл, даже политический, и сослужил преобразователю великую службу в перестановке на новую всей старой выработки понятий и представлений общества. При Петре в глубине этого смеха уже лежали идеи преобразования, идеи борьбы с ветхими порядками. Сознательная мысль этого петровского смеха вскоре переходит к соответственной литературной форме, к сатире драматической и дидактической (интерлюдия, интермедия,

сатиры Кантемира), т. е. обнаруживает стремление возвести его на степень художественного создания. Но зато во дворце Анны Ивановны шутовской смех является запоздалым гостем XVII столетия и обнаруживает только особенную живучесть старых начал и старых порядков быта, всегда очень медленно принимающего в себя новые идеи.

Само собою разумеется, что народное слово, если б пользовалось в письменности теми же правами, как и книжное слово, должно было оставить нам довольно значительную литературу по этому отделу старинного шутовства и всякого глумления, т. е. вообще по отделу вольного смеха, не стесненного никакою предвзятою поучительною или моральною указкою, который от простой души смеялся над умными делами жизни, облекая их в шутовской дурацкий наряд. Богатство такой литературы условливалось особенною склонностью к иронии, к шутовству всего нашего старого общества. Нет сомнения, что случайно уцелевшие обрывки этой литературы представляют весьма малую долю того, что устно, частию письменно и даже печатно ходило в народе.

Из числа сохранившихся памятников мы можем отделить целый особый их разряд, который будет свидетельствовать об особенной наклонности допетровского общества к шутливым речам и к шутливым изображениям разных положений старой жизни. К этому разряду мы отнесли бы все лубочные картинки с шутовскими речами и шутовскими изображениями. Они очень знаменательны в том смысле, что в них народная письменность сама собою добралась до печатного слова и могла бы заявить себя множеством своеобразных произведений, если б и на этом пути не встретилась с запрещениями и гонениями, которые ее преследовали, начиная от патриарха Иоакима, запретившего продавать листы с иконными изображениями, и оканчивая нашими днями, когда в Москве были уничтожены ее последние печатные доски по распоряжению гражданской власти[1].

[1] См.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки Кн. V. – СПб, 1881. – С. 31 и 34. – *Ред.*

Между тем в половине XVII столетия, по свидетельству Кильбургера, лубочные картины или *листы деревянной печати* печатались свободно и в большом количестве и в Москве, и в Киеве[1]. Известно, что такими картинками украшались стены и в дворцовых покоях, и в хоромах у частных людей. Продавались они в Москве в первой половине XVII столетия в овощном ряду, а в конце XVII и в начале XVIII столетия на Спасском мосту, у Спасских кремлевских ворот, следовательно, на самом бойком месте по многолюдству, по цене всем доступной, по деньге, по копейке и по 2 коп.

Эти листы сделались теперь величайшею редкостью[2]. Принадлежащие им тексты нередко заключают в себе именно тот дух наивного и беззастенчивого шутовства, не всегда удобного для печати, которым должен был отличаться народный невоспитанный смех в старое время. Он в выборе предметов для своих изображений мало стеснялся какими-либо рамками позволенного или приличного и подвергал глумлению всякий предмет, доставлявший необходимую пищу его остроумию. Таковы, например, его глумотворные статьи: Список с челобитной Калязина монастыря, Хождение Савы Большой Славы, с смешным икосом; Повесть, а также и Сказание о куре и лисице и т. п.[3]

---

[1] Краткое известие о русской торговле... в 1674 г. Соч. И. Ф. Кильбургера / Пер. с нем. – СПб, 1820. – С. 183. – *Ред.*

[2] Они описаны покойным И. М. Снегиревым, но без приведений всех подлинных текстов [«Лубочные картинки русского народа в московском мире». М., 1861]. Самое полное и обстоятельное описание таких листов с полными текстами составлено Д. А. Ровинским в его «Истории русской гравюры». [В 1881 г. вышли в свет его «Русские народные картинки в 5 кн. С атласом.] Некоторые списки лубочных текстов и вообще старинные шутовские статьи были изданы особою книжкою с заглавием «Старичок Весельчак, рассказывающий давние московские были». [См., например, изд. 1790 г. в С.-Петербурге (О куре и лисице. – С. 36–42). – *Ред.*]

[3] На поле печатного ориг. 1872 г. автором добавлено: «кабак», см. сочинение автора «История города Москвы». Ч. I. Изд. 2. – М., 1905. – С. 639–640. Служба кабаку имеется в двух списках Исторического музея; выдержки из нее по списку Румянцевского музея см.: *Викторов А. Е.* Собрание рукописей И. Д. Беляева. – М., 1881. – С. 34–36. Выдержки из «Хождения попа Савы» см. в «Истории города Москвы». – С. 639. – *Ред.*

Необходимою формою для шутовской или сатирической литературы служила всегда *вирша* или рифма, так что шутить, острить значило, между прочим, и то, чтобы подбирать в своей речи пригожий склад или пригожую рифму. Древнейшим нашим стихотворцем и сатириком мы по всей справедливости должны признать князя Ивана Хворостинина, который в начале XVII столетия прославился своим еретичеством, а быть может, главным образом, своими «многими укоризнами и хульными словами в письмах про всяких людей Московского государства», тем особенно, «что гордостью и безмерством своим в разуме себе в версту не поставил никого и тем своим бездельным мнением и гордостью всех людей Московского государства и *родителей* своих, от кого он родился, обесчестил и положил на всех людей Московского государства хулу и неразумье». Он говорил в разговорах, что будто на Москве людей нет, все "люд глупой и жити ему не с кем" и хотел, чтоб государь отпустил его в Рим или в Литву... а в *книжках своего слога* писал про всяких людей Московского государства многие укоризны, что будто московский народ кланяются святым иконам по подписи, хоти и не прямой образ; а которой образ написан хоти и прямо, а не подписан и тем не кланяются; да московские ж люди *сеют землю рожью, а живут будто все ложью* и приобщенья ему нет с ними никоторого; и составлял иные многие укоризненные слова, *писаны на виршь:* и то знатно, что такие слова говорил и писал гордостью и безмерством своим... У него же в письме было сыскано: написано государево (царя Михаила Федоровича) именованье не по достоинству – *деспотом русским, а деспота* словет греческою речью владыка или владетель, а не царь и самодержец; а он, князь Иван, не иноземец, и так было про государское именованье писать непристойно, т. е. умалять государев титул и государево достоинство, сводить его с недосягаемой высоты самодержца к простому деспоту, к простому владетелю.

Вся эта история с князем Хворостининым представляет самую характерную и типическую черту нашей старины, именно в отношении ее понятий о независимом литературном

призвании кого-либо из ее современников. Если б Хворостинин находился в звании дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грехи. За дерзкое слово он вытерпел бы несколько батогов, его поучили бы тоже каким-либо потешным, хотя и жестоким способом, и тем бы все окончилось. Но князь не был шутом, поэтому его сатирические многие укоризны тогдашнему московскому обществу иначе и не могли быть поняты, как изменными ругательными поношениями честных людей. Нет никакого сомнения, что князь лично никого не упоминал, а писал вообще, как истинный сатирик; в противном случае он пострадал бы и по суду за чье-либо бесчестье. Таково было положение литератора в нашем древнем обществе, т. е. положение всякого самостоятельного знания или самостоятельной и независимой мысли. Сатирика, а к тому же еретика, который поколебался мыслию и сомневался в воскресении мертвых, сослали под начал в Кириллов Белозерский монастырь с крепким наказом, чтоб, кроме церковных, без которых быть нельзя, иных бы книг никаких у него не было, для того что «*высокоумием вознесся* и *высокословия возжелав,* да не впадет в берег погибели, как и другие *самомнители,* о истине погрешившие и *самомнением погибшие*»[1].

Как бы ни было, но для нас в настоящем случае любопытно то, что писанное слово на вирш или рифмованное слово было употребительно еще в первые годы XVII столетия. Оно-то, по нашему мнению, и составляло главнейшую стихию старинного шутовства и пользовалось наиболее широкими правами гражданства лишь в устах шутов-дураков, в устах потешников как в царском дворце, так и в боярских хоромах. В обыкновенном быту, т. е. в устах рядового человека – не штатного потешника – смехотворные шутовские речи иной раз приводили к суду и, разумеется, даром с рук не сходили, доставляя хорошие выгоды сутяжникам и всякой приказной строке. Так, в 1733 г. в Духовную дикастерию

[1] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. III. – СПб, 1836. – С. 212. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. – М., 1822. – С. 331. [Сведения о князе Хворостинине относятся к 1623 и 1632 гг. – *Ред.*]

была подана на Высочайшее имя следующая жалоба служителем лейб-гвардии Преображенского полку капитана поручика Сергея Автамовича Головина Алексеем Граниковским. «Сего июня 17 дня настоящего 733 года, – писал этот служитель, – случились быть у меня, нижайшего, в доме гости, и без призыву моего пришел ко мне в дом мой, церкви Николая чудотворца, что на Хлынове, викарий поп Василей и принес с собою некакую *проказу,* роспись смехотворную, яко бы кому надлежит к женитьбе, у которой он поп своею рукою и подписался, и тем при гостях учинил мне, нижайшему, не малой афронт и бесчестье, понеже оные гости вменяли меня, нижайшего, в непостоянство; а я, нижайший, о той росписи и не сведом, и где он, поп, тое роспись взял и кто писал, не знаю, только узнал под тою росписью рука его, попова, отчего я весьма опасен; а оное не точию б попу, но и мирянину того делать непристойно; а он, поп, чинит в том соблазн не малой, а мне, нижайшему, нанес бесчестье, а для подлинного бессомнительного разнимательства со оного смехотворного яко бы приданого реэстра, которое за рукою его поповою, при сем приобщаю точную копию. Всемилостивейшая Государыня Императрица! Прошу Вашего Императорского Величества: да повелит державство Ваше сие мое прошение с приобщением с смехотворного реэстра копиею, приняв, записать, а оного попа, сыскав в том реэстре и в бесчестьи меня, нижайшего, допросить и по произведении дела по силе Вашего Императорского Величества указов и правил Святых Отец учинить ему, попу, чему он будет достоин, а за бесчестье мое по уложению на нем взыскав, отдать мне, нижайшему, дабы впредь оной поп, ходя по домам, таких проказ и незаконных поступок чинить перестал».

«Роспись о приданом: вначале восемь дворов крестьянских, промеж Лебедяни, на Старой Резани, не доезжая Казани, где пьяных вязали, меж неба и земли, поверх лесу и воды; да 8 дворов бобыльских, в них полтора человека с четвертью, 3 чел. деловых людей, 4 чел. в бегах да 2 чел. в бедах, один в тюрьме, а другой в воде; да в тех же дворах стоит горни-

ца о трех углах, над жилым подклетом... третий московской двор загородной на Воронцовском поле, позади Тверской дороги. Во оном дворе хоромного строения: два столба вбиты в землю, третьим покрыто... – Да с тех же дворов сходитца на всякой год насыпного хлеба восемь анбаров без задних стен; в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих да 8 стягов комарьих, 4 пуд. каменного масла. Да в тех же дворах сделано: конюшня, в ней 4 журавля стоялых, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет; да 2 кошки дойных, 8 ульев неделанных пчел, а кто меду изопьет... 2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких; 2 пустоши поверх лесу и воды. Да с тех же дворов сходится на всякой год всякого запасу по 40 шестов собачьих хвостов[1], да по 40 кадушек соленых лягушек, киса штей, да заход сухарей, да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточна молочка, да овин киселя; а как хозяин станет есть, так не зачем сесть, жена в стол, а муж под стол; жена не ела, а муж не обедал».

«Да о приданом платье: шуба соболья, а другая соновья, крыто сосновою корою, кора снимана в межень, в Филиппов пост, подымя хвост. Три опашня сукна мимозеленого, драно по три напасти локоть; да однорядка не тем цветом, калита вязовых лык, драно на Брынском лесу, в шестом часу; крашенинные сапоги, ежовая шапка... 400 зерен зеленого жемчугу, да ожерелье пристяжное в три молота стегано, серпуховского дела; 7 кокошников шитые заяузким золотом... 8 перстней железных, золоченые укладом, каменья в них лалы, на Неглинной бралы; телогрея мимокамчатая; кружево берестеное, 300 искр из Москвы реки браны... И всего приданого будет на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи сидели с. Еремей да жених Тимофей, кот, да кошка, да поп Тимошка, да сторож Филимошка. А запись писали в серую субботу, в рябой четверток, в соловую пятницу; тому честь и слава, а попу каравай сала, да обратина пива, прочиталыцику чарка вина, а слушалыцикам бадья меду да 100 рублев в мошну;

[1] Так в 1-м изд. Домашнего быта русских цариц (с. 423), во 2-м же изд. (с. 432) после слова «шестов» стоит запятая.

а которые добрые люди, сидя при беседе и вышеписанной росписи не слушали, тем всем по головне...».

Несмотря на то, что дело относится к третьему[1] десятилетию XVIII в., эта роспись носит на себе все признаки XVII столетия, когда, вероятно, она и была составлена, а в это время ходила уже в списках. Мы приводим ее как более или менее подходящую характеристику шутовских смехотворных речей, какими шуты-дураки потешали некогда своих слушателей. Мы видели, что шутовские статьи являлись на письме и в XVII столетии; но все подобные памятники, не имея делового канцелярского значения, быстро исчезали с самою жизнию старого общества, и только немногие из них попали в общий литературный оборот, переходя в какие-либо сборники или в разряд листов деревянной печати. Не говорим о литературе скоморохов, которая, по особенному свойству своих произведений, должна была исчезать постоянно вместе с живым словом этих потешников. Случайно записанные, эти произведения уже в романтическое время нашего века, даже в руках ученых издателей, тоже были отвергнуты за «пренебрежение умеренностью и правилами благопристойности, а также и за насмешливый тон», как был отвергнут ими и знаменитый стих о Голубиной Книге, неприличный будто бы по смешению духовных вещей с простонародным рассказом[2].

Одною из любимых русских комнатных утех в долгие осенние и зимние вечера, и особенно для грядущих ко сну, была сказка и, по всему вероятию, не в специальном ее значении, какое определила ей наука, а вообще в значении всякой повести, как небылицы, так и действительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическим

[1] Так в оригинале; следует читать: «четвертому». – *Ред.*

[2] К. Калайдович, в предисловии к Древним Российским Стихотворениям, собран. Киршею Даниловым. – М., 1818. – С. XXIX. [См.: Сборник Кирши Данилова, изд... под ред. П. Н. Шеффера. – СПб, 1901. – С. 216. – *Ред.*]

словом. Предки очень любили поминать прошлые события и берегли «память» о делах минувших. Лучшим доказательством и лучшим выражением их любви и уважения к памяти о прошлом служат летописи, разумеется, первоначальные, когда народные литературные начала не были еще стеснены односторонними книжными влияниями. С какою заботливостью первые летописцы стараются изобразить не свои личные фантазии и умствования, а самое *дело жизни;* с какою правдою стараются они описать событие, становясь всегда в сторону от своих личных стремлений или тут же их и объясняя, как такое же дело жизни, достойное памяти потомства, с целию восстановить одну правду. Все это обнаруживает здоровое и полное сил литературное направление. Любовь и особое внимание к памяти о минувших делах и людях проходят через всю нашу историю и впоследствии получают только иное направление, когда память о делах людских сменяется памятью о делах Божьих, сказаниями о чудотворениях, о богоугодных людях, о подвижниках жизни иноческой. Письменная литература отдается по преимуществу этому направлению, но зато словесная устная остается верною своему первоначальному призванию и очень долго, даже до наших дней, без средства письма, сохраняет в памяти народа, конечно, уже не историческую, летописную, а только поэтическую правду о людях и событиях. Она лучше помнит народных героев и вернее изображает истину их жизни, чем литература письменная, впоследствии совсем утратившая в своих изображениях жизненное чутье, если можно так выразиться. На том основании, что устное слово столь долго и при великом множестве самых неблагоприятных обстоятельств умело сберечь память о героях народной истории, каковы бы ни были их дела, мы имеем полное и во всех отношениях основательное право заключать, что в то время, когда обстоятельства не были еще столько неблагоприятны, устное слово работало во всей силе и представляло, несмотря на гонения со стороны писанного слова, живую область народного творчества, где русский человек всегда находил истинное удовлетворение эстетическим потребностям

своей мысли и чувства. Очень естественно поэтому, что сказочник, *бахарь,* как и *домрачей* и *гусельник-гусляр,* сменившие древних певцов и баянов, сделались, как теперь книга, домашнею необходимостью, без которой не полна была бы жизнь всякого, кому не чужды были человеческие удовольствия. Их могло вытеснить, как и в действительности вытеснило, только писанное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда с половины XVIII столетия и оно поставило себе целью творчество художественное. У старозаветных людей и в начале нашего столетия бахарь-сказочник бывал еще необходимым членом домашнего препровождения времени. Таким образом, старого бахаря, домрачея и гусельника мы должны рассматривать как представителей художественной литературы, свойственной потребностям и вкусам века. Это были поэты, если и не творцы, зато хранители народного поэтического творчества. Но не можем сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительные свидетельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшем, но с живостию воспринимала и поэтические образы современных событий. В этом отношении для нас неоценимы песни, записанные у одного англичанина в 1619 г.[1] Они воспевают событие, только что совершившееся в том году: приезд в Москву из плена государева отца Филарета Никитича; они поют смерть недавнего народного героя Скопина-Шуйского (1610 г.); они поют участь царевны Ксении Годуновой – участь, вполне достойную поэтической памяти; они поют *весновую* службу и набег крымского царя, для береженья от которого назначалась служба и в этом 1619 г. марта 12. Имея в виду эти песни и случайность их записи, мы можем основательно полагать, что это только незначительные крохи того, чем обладало наше старинное песнотворство; что не было события и жизненного народного дела, которое не было бы пропето, прожито не одною материальною нуждою, но и поэтическим чувством; что поэтическое

[1] См.: Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619–1620 гг., изд. П. К. Симони в «Памятник старинного русского языка и словесности...». Вып. II, 1. – СПб., 1907. – *Ред.*

народное чувство было очень впечатлительно и отзывалось на всякий звук жизни и что, следовательно, в настоящее время собранные нами старинные песни представляют весьма незначительную часть того богатого наследства, какое наш народ скоплял нам в течение веков в своем песенном творчестве. Он до сих пор в устах сохранил, например, песенную память о том, как «царь сослал царицу в монастырь». Эта песня, по всему вероятию, спета про царицу Евдокию Лопухину – супругу Петра; но по содержанию или, лучше сказать, по поэтическому образу царицыной участи она может быть отнесена и к Соломонии Сабуровых, т. е. почти за 200 лет раньше Петровского времени. Народ пропел и сохранил в устах и горькую участь молодой царицы-вдовы, без сомнения, Марфы Матвеевны Апраксиной, едва успевшей вступить в брак и оставшейся после царя Федора сиротою в 15-летнем возрасте[1].

Стало быть, народ никогда не был безучастным свидетелем событий своей истории, и не только событий государственных, общенародных, но и государевых, домашних. Именно эти песни о царевне Ксении и о царицах, равно как и о домашних отношениях Грозного, лучше всего и подтверждают ту истину, что народное поэтическое творчество вовсе не было так бедно, как оно представляется теперешнему наблюдателю. Мы должны много сожалеть о влиянии той аскетской мысли, по которой мирская песня получила значение греха и благочестивое книжное перо не осмеливалось начертить ее на бумаге и передать писанную на память потомству; по которой на том же основании во имя святости и под покровом слов писания взамен народных песен распространялись самые темные апокрифические басни, содержавшие в себе действительные ереси, и притом, по происхождению, совсем нам чужие. Записать на бумагу песню еще возможно было в конце XII в., как это сделал творец «Слова о полку Игоревом», но и он уже или его позднейший переписчик не посмел назвать этот рассказ прямым именем – песнею; он озаглавил его

[1] Песни собранные П. В. Киреевским. Ч. II, вып. 6. – М., 1864. – С. 202, 203, 207. Записки Императорской Академии наук. Т. V. Кн. 2. – СПб, 1864. – С. 203.

словом, т. е. придал ему значение обычной в то время книжно-литературной формы – т. е. слова книжно-учительного или книжно-повествовательного. В XV, XVI и XVII столетиях писать на бумаге песни значило кощунствовать, развратничать, прямо обрекать свою душу адской бездне, а свое земное существование вести, по меньшей мере, под батоги, а затем *под начал,* т. е. к монастырскому строгому и суровому исправлению: сидеть на цепи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грех. Страшно было совершить такое преступление особенно потому, что одному греху обыкновенно всегда приписывали и всякие другие грехи, ему сродственные и свойственные. Точно так же, как человек не был мыслим без своего рода и всегда и терял, и приобретал, возвышался и подвергался опале и гонению заодно со своим родом; так и грех писания, как грех мысли, коль скоро выходил из круга понятий книжности, тотчас подвергался осуждению и гонению заодно со всем своим родом своевольной или независимой и самостоятельной мысли. Поэтому записанные пустошные речи и песни равнялись еретичеству, неверию и грамотные тетради нецерковного, да и неделового содержания были непременно заподозреваемы как тетради еретические, богопротивные, кощунные; а былины с их мифическими образами прямо бы осуждены были на сожжение. Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчас изгоняло из своей сферы не только явно богомерзкие, но и простую живую народную речь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести в грязь просторечия или отверженного шутовства. Вообще старая книжность была нашим строгим и суровым дидаскалом, строгим и суровым классицизмом, который презирал и почитал подлым, низменным и низким все романтическое, т. е. народное, и постоянно стремился изгнать из своей сферы не только дух этого романтизма, но и самые его формы. Вот почему никакой Котошихин и не осмеливался записать старые наши былины, повести и песни, и никакой боярин, а тем больше сам государь не мог и подумать о том, чтобы собрать

в книгу народные песнопения. Вот почему и «Слово о полку Игоревом» не могло распространиться в достаточном количестве списков, хотя книжность знала о его существовании и тайком воспользовалась им, сочинив по его образцу и его же речами одно из своих повествований о Донской битве. Дóлжно заметить, что, отвергая народное слово, книжность, где было ей нужно, все-таки пользовалась песнями как необходимым материалом. Она нередко по ним составляла свои летописные статьи, свои исторические повести и сказанья вроде «Поведания о Мамаевом побоище»; она вносила песни в хронографы (например, песню о Скопине), она, по всему вероятию, по таким же песням в XVI–XVII столетиях составляла свои сказанья о зачале Москвы-города и т. п. Но пользуясь поэтическим материалом от наших древних баянов, от старинных бахарей, домрачеев и гусельников, она только искажала их песни, стирала живые их образы, всегда усердно переделывала их народную складную речь на свое книжное сухое и чопорное слово. Подражая народному поэтическому слову, книжность иной раз доводила свою фантазию до образов неимоверно грубых и чудовищных. Таковы, например, ее подражания народным загадкам, эти «богословские вопросы и ответы», где, по образцу игривой двусмысленности загадок народного слова, облекались в цинические загадки священные предметы, например: Что есть четыре орлы едино яйцо снесли... Что есть вол корову роди... Кто есть внук, рече бабе... Что есть отрок, рече: девица, девица... и т. п.[1] Словом сказать, пригнетение народной поэзии, ее отвержение от писанного слова низвело и самую книжность до пошлых и цинических литературных приемов, в которых обнаруживалось только всеобщее помрачение ума и всеобщее огрубение и огрязнение чувства. Между тем для народной поэзии, чтобы вывести ее из пределов первобытной непосредственности, и именно из пределов всего грубого, цинического, сального и грязного, для народной поэзии в этом ее положении только и недоставало свободной письменности. Только свободная письменность могла очистить, возвысить,

[1] На поле печатного ориг. автором отмечено: «Тексты вполне». – *Ред.*

облагородить народное словесное творчество, поднять его из грубой материальной среды на высоту созданий идеальных, художественных в полном смысле. Писанное слово есть зеркало, в котором народное сознание успело бы поверить в себя, высмотреть свои безобразные формы, если б такие и накопились в нем; успело бы произнести над ними достойное осуждение и выйти на чистый возвышенный путь. Устное слово этого сделать не могло уже по той причине, что оно все-таки жило в загоне и в презрении, как орудие отверженной потехи, а главное, потому, что было неуловимо для сознательной поверки и его грехи или циничесий разврат всегда теряли общий смысл и оставались грехами и развратом самого сказателя или певца – той личности, которая являлась выразителем этого слова. Для сознательной поверки или критики, для силы очищения от грехов цинизма и разврата в руках народа не было точки опоры – для всех общей точки, какую способна была представить только свободная письменность.

Как бы ни было, но многое нас убеждает, что в эпоху, о которой ведем речь, народная поэзия жила еще довольно полною жизнию и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовые палаты, и хоромы бояр, и народные празднества и игрища, что певцы и сказатели были людьми необходимыми в тогдашней и общественной и домашней жизни. Известно, что царь Иван Васильевич не мог даже и засыпать без бахарей. Немцы[1], описывая его монашескую жизнь в Александровой слободе, говорят, между прочим, что после вечернего богослужения царь уходил в свою спальню, где его дожидались трое слепых старцев; когда он ложился в постель, один из старцев начинал говорить сказки и небылицы, и когда уставал, то его сменял другой, и т. д. Царь от того скорее и крепче засыпал. Мы полагаем, что это была общая привычка старинных русских людей, и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века. Он точно так же любил и *веселых,* т. е. скоморохов, любил медвежью травлю и т. п.

[1] Таубе и Крузе. См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. IX. – Примеч. 158 и 159. – *Ред.*

удовольствия, которые хотя и были гонимы, но, тем не менее, представляли обычный репертуар царского и народного увеселения до самых дней реформы, а у народа отчасти и до наших дней (медвежья травля). Царь Иван Васильевич собирал веселых и медведей по всей земле. В 1571 г. с этою целью приезжал в Новгород некий Субота Осетр, верно, царский потешник, и в Новгороде и по всем городам и волостям Новгородской области брал на государя веселых людей, да и медведи описывал на государя, у кого скажут. Субота занимался этим делом все лето с весны и 21 сентября поехал на подводах к Москве с собранными скоморохами, и медведей повезли с собою на подводах к Москве[1]. Можно полагать, что и в других областях бывали подобные же сборы скоморохов, в числе которых певцы-гусляры непременно занимали самое видное место. Остается не один раз сожалеть, что царские архивы погорели, и мы вообще не имеем достаточных подробностей об этой, как и о многих других статьях тогдашнего быта. Встречается известие, что у царя Василья Шуйского был бахарь Иван.

У царя Михаила мы находим те же старые русские комнатные утехи. Его увеселяют бахари, домрачеи, гусельники. В первые годы ему *бают басни* бахари Клим Орефин, Петр Тарасьев Сапогов, Богдан Путята или Путятин. Царь каждый год жалует им платье; так, 9 февраля 1614 г. *государев бахарь* Клим Орефин получил 4 арш. сукна английского зеленого, кафтан зенденинный темно-зеленый, однорядку суконную вишневую. В том же году мая 7 выдано государева жалованья другому *государеву бахарю,* Петрушке Тарасьеву Сапогову, 4 арш. сукна[2] английского вишневого, кафтан-зендень лазорева, сапоги телятинные, причем и Клим Орефин, названный Орефьевым, тоже получил телятинные сапоги. В 1617 г. мая 6 трем бахарям – Петрушке, Богдашку и Климашке – пожаловано по 4 арш. сукна настрафилю лазоревого, да по 5 арш. сукна лятчины червчатой. В 1618 г . апреля 15 государь пожаловал

[1] См.: ПСРЛ. Т. III. – СПб, 1841. – С. 167. Ср. также выше, с. 787, прим. 1. – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 107.

домрачея Богдана Путятина да бахарей Петра Сапогова и Клима Орефьева по 4 арш. сукна лазоревого. В 1620 г. апреля 29 такое же жалованье получили бахарь Клим и домрачей Путята; в 1622 г. марта 27 бахарь Богдан Путятин получает опять такое же сукно. Все эти пожалования произведены по «именному приказу», следовательно, в награду за потешенье.

С бахарями рядом по своему занятию стояли в Потешной палате домрачеи. Мы видели, что бахарь Богдан Путята отмечен также и домрачеем. По всему вероятию, занятия бахаря и домрачея очень часто соединялись в одном лице, ибо бахарь был повествователь, сказочник, а домрачей – миннезингер, песельник, воспевавший деянья прежних людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вместе с тем и духовные стихи. Домрачеем он назывался по имени музыкального инструмента, на котором подыгрывал свой песенный лад и который у славян Западной Европы употребляется и теперь с именем *момры;* это была *домра* – струнный инструмент, на котором играли пальцами, как на гитаре. Очень вероятно, что это – имя мандоры, образовавшееся от перестановки звуков, к которой так расположен русский язык, особенно в отношении слов иностранных; как, например, и из другого слова – *маскара* – образовалось наше *скоморох* или *скомрах*[1].

После домрачея Путяты, когда государь в 1626 г. женился, на свадьбе его тешили домрачеи Андрюшка Федоров да Васька Степанов. Затем в Потешной палате являются уже домрачеи *слепые.* Так было необходимо, если эти потешники должны были увеселять и молодую царицу – не только в Потешной палате, но, как вероятно, и в ее хоромах. Что действительно они, главным образом, воспевали свои песни на царицыной половине, на это указывают награды им от лица государыни и довольно частая

[1] О происхождении слова «скоморох» см. у А. Н. Веселовского в «Разысканиях в области русского духовного стиха», VII. II (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XXXII. – СПб, 1883. – С. 178–182). О "mandore" см. в очерке А. С. Фаминцына «Домра...». – СПб, 1891. – С. 116. – Прим. 2. Там же, на с. 45, см. о происхождении названия «домра»; ни А. С. Фаминцын, ни А. Н. Веселовский (указ. соч. – С. 160–161) имени «момры» не упоминают. – *Ред.*

выдача им из царицыной казны денег на домерные струны. Так, 9 июня 1632 г. царица Евдокия Лукьяновна жалует рубль потешнику домрачею Гаврилку слепому, а *слепым игрецам* домрачеям Якову (он же Янка, Якуш, Якунка, 1635–1643 гг.), Лукьяну Никифорову (он же Лука, Лукаш, 1635–1639 гг.), Науму и Петру приказывает в разное время выдавать по гривне и по две гривны на домерные струны. Государь неоднократно жаловал их платьем. Например, в 1635 г. мая 31 Науму слепому сделано: однорядка, ферези, кафтан, шапка и сапоги, всего на 7 руб. 30 коп. Августа 29 такое же платье сшито слепым Якову и Петру[1].[1]

Такими же певцами народных песен были *гусельники.* Но неизвестно, находились ли они при дворце постоянно, подобно домрачеям, или только призывались временно, как, например, в 1626 г. по случаю царской свадьбы тешили царя гусельники Уезда и Богдашка Власьев. В 1629 г. июля 18 государь жалует гусельнику Любиму Иванову полный наряд платья: однорядку, кафтан, ферези, штаны, шапку, колпак и сапоги – всего на 16 руб. 38 коп., сумма довольно значительная – вдвое большая против такого же жалованья домрачеям, которая должна обозначить и меру утехи, какую доставил государю этот гусельник.

К числу *веселых* принадлежали также и *скрыпотчики,* из которых Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка да немчин новокрещенный Арманка тешили государя на свадьбе в 1626 г.; но в последующее время сведений о них не встречается, и нам неизвестно, состояли ли при Потешной палате музыканты этого рода.

Иногда в Потешной палате появлялись и другие потешники, о которых неизвестно, чем они забавляли государя. Так, в 1638 г. на святках был взят с Тулы крестьянин Иевка Григорьев, которому декабря 30 сделан суконный лазоревый кафтан.

Музыка, конечно, была одною из первых статей государевой домашней комнатной потехи, а особенно на женской по-

[1] См. также выше, с. 617, прим. 1. – *Ред.*

ловине, увеселения которой ограничивались по преимуществу только домашними утехами. Заморские органы, как и всякие другие русские статьи старинных дворцовых увеселений, были, по всему вероятию, и в то время помещены в одной из дворцовых палат, которая по этой причине и должна была называться *Потешною палатою.* Хотя встретившееся нам свидетельство о существовании Потешной палаты относится ко времени Годунова и Шуйского, однако возможно без ошибки полагать, что она существовала и в начале XVI столетия, существовала, без всякого сомнения, как отдельное помещение для потех и в более раннее время, если не с названием палаты, то с названием какой-либо потешной хоромины. В год вступления на царство Михаила – в 1613 г. ноября 10, устроены были также и *потешные хоромы*; тогда в них было отпущено к четырем дверям да к семи окнам на обивку красное сукно. В первой половине XVII столетия Потешная палата занимала несколько отдельных комнат в старом здании дворца, где находилась и царицына Золотая палата и над которым потом выстроены были каменные покои теремного дворца[1], после чего она именовалась иногда *потешным подклетом,* ибо находилась уже в подклетном этаже терема. В этом помещении и сосредоточены были тогда почти все дворцовые комнатные забавы, начиная с органов и оканчивая бахарями, домрачеями, карлами и попугаями. Здесь хранилась и всякая потешная утварь и рухлядь, т. е. платье, разные вещи и разные музыкальные и другие потешные «стременты». При палате находились особые сторожа, носившие название *потешных сторожей* и получавшие соответственное своей службе жалованье. Она представляла в некотором отношении как бы особое ведомство, к которому принадлежали все потешники и все лица, имевшие во дворце потешное значение. Потешные сторожа были соблюдателями и, так сказать, надзирателями всего этого потешного чина, ибо через них производились всякие хозяйственные его дела. Главное заведование над Потешною палатою принадлежало царскому постельничему, а впоследствии перешло в Приказ

[1] См. с. 81, 109, 255 наст. изд.

Тайных дел, так что в палате и в этом Приказе находились одни и те же сторожа – 4 чел.

В XVII столетии с первых же лет царствования Михаила Федоровича органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потешной палаты[1], при которой находились и постоянные игрецы на этих инструментах, цымбальники и органные мастера. Под именем цымбал до́лжно разуметь, по всему вероятию, старинный немецкий народный инструмент (гакебрет) – грубое подражание фортепианам, вроде русских гуслей, с металлическими струнами, на котором играли, ударяя по струнам двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукном. Тем же именем могли обозначаться и клависины или клавикорды, старинные фортепианы, так что цымбальник мог обозначать и цымбалиста или пианиста. В 1614 г. цымбальником Потешной палаты был Томило Михайлов *Бесов,* которого и самое прозвание указывает, что это был артист своего дела. После него упоминаются цымбальники Мелентий Степанов (1620–1632 гг.) и Андрей Андреев (1631 г.). Они, без сомнения, устраивали не одну игру на цымбалах, но заведовали и органною игрою. Органная игра, видимо, очень нравилась домашнему государеву обществу, и потому были приняты меры устроить ее еще лучше, для чего и вызваны были, конечно, немцы. В 1630 г. октября 14 выехали к государю послужить ремеслом своим органного дела мастера, а главным образом, мастера часовых дел, Анс Лун да Мелхарт Лун; а привезли они с собою из голандской земли *стремент* на органное дело, и тот они стремент на Москве доделали и около того стремента станок сделали с резью и расцветили краскою и золотом; и на том стременте сделали соловья и кукушку с их голосы; а как играют те органы и обе птицы поют собою без человеческих рук. За то мудрое дело государь пожаловал им из своей казны 2676 руб., вероятно, по оценке материалов и работы. Но кроме того, когда работа была окончена и государь того их дела смотрел и игры слушал дважды, им дано было по сороку соболей да в стола место, т. е.

[1] См. с. 267–270 наст. изд.

вместо приглашения к царскому столу корм и питье, что было очень почетною наградою. В 1637 г. Анс или Яган Лун умер, а брат его в 1638 г. был отпущен в свою землю по собственному желанию, причем ему дано 100 руб. денег, сорок соболей в 40 руб. и 6 подвод. Государь приказал ему, чтоб он опять возвратился в Москву и вывез бы с собою двух часовых мастеров с условием научить в Москве учеников[1]. Немцы Луневы также выучили к своим органам мастера из московских. Нет никакого сомнения, что эти немцы в течение восьми лет своей службы при царском дворе устроили музыкальную потешную статью самым удовлетворительным образом. Кроме больших органов, которые были сделаны еще в первый год их службы и стояли в Грановитой палате, они, вероятно, устроили несколько подобных же инструментов в меньшем размере и для Потешной палаты. Таким образом, с этого времени немецкая органная игра является уже не случайною гостьею в царском дворце, а становится вседневною потехою в домашнем быту государя, служит постоянным увеселением для его семейства, для царицы, и для детей, и для всех ее комнатных людей. К сожалению, ничего нельзя сказать, какие песни разыгрывались на этих органах и были ли поставлены на них и русские песни. Впоследствии органное дело стало обыкновенным делом и для московских дворцовых мастеров, так что государь посылал уже органы как диковину в подарок к персидскому шаху. В первый раз органы московской работы были туда посланы в мае 1662 г.; они описаны таким образом: «органы большие в дереве черном немецком с резью о трех голосах, четвертый голос заводной самоигральной; а в них 18 ящиков, а на ящиках и на органах 38 травок (зачеркн. личин медных) позолоченых. У 2 затворов 4 петли (железные) позолочены; 2 замки медные позолоченые. Напереди органов больших и середних и менших 27 труб оловянных, около труб 2 решетки резные вызолочены; по сторонам орган 2 крыла резные вызо-

[1] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 16. – М., 1853 // Смесь. – С. 23. Архив Оружейной палаты. Расходная книга. Кн. № 756.

лочены; под органами 2 девки стоячие деревянные резные вызолочены; 4 скобы (железные) приемные с пробоями и с гайками вызолочены; 4 шурупы приемные от голосов (медные) позолочены; поверху органов часы боевые, с лица доска золочена, указ посеребрен; поверху часов яблоко (медное) половина позолочена; круг часов по местам резь вызолочена; 5 ключей железных золоченых; позади (органы) оклеены красным сукном». Очень понятно, что в царской Потешной палате музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для других разнообразных увеселений. При их посредстве устраивалось, вероятно, всякое *скомрашное* дело и всякая *смехотворная хитрость* разными *веселыми* людьми или скоморохами в исключительном смысле, как творцами походячих народных спектаклей, начиная с кукольных комедий и оканчивая небольшими сценическими представлениями, какие впоследствии стали обозначаться иноземными именами интермедий, интерлюдий. Известно, что кукольная комедия и в старину принадлежала к числу потех общенародных, обычных, и нет сомнения, что ее происхождение относится к очень давним временам. «Вместе с вожатыми медведей, – замечает Олеарий, – у русских можно встретить и комедиянтов, которые, между прочим, представляют разные шутки посредством кукол; для этого устраивают они из холста, обвязанного вокруг тела, род сцены, помещающейся над их головами, на которой куклы представляют разного рода фарсы. С такими подвижными театрами ходят русские комедианты по улицам»[1]. Конечно, для царских детей подобные потехи представляли одно из любимейших увеселений, поэтому в Потешной палате, судя по некоторым, хотя и скудным, свидетельствам, шли постоянные представления даже немецких фигляров, балансеров, фокусников и т. п., ко-

[1] См.: О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Третья книга «Путешествия» Олеария) / Пер. с нем. Изд. 1656 г. А. Михайлова (Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 3. С. 36). Ср. пер. А. М. Ловягина. – СПб., 1906. – С. 190. – *Ред.*

торые непременно разыгрывали и какие-либо действа, арлекинады, небольшие шуточные пьески, на что вообще хитры были странствующие немецкие и польские артисты, стоявшие, конечно, в этом отношении выше наших скоморохов. Таким артистом был, как кажется, поляк Юшка Проскура, которому в 1626 г. февраля 28 государь приказал сшить особое платье, бархатную черную чугу с серебряною нашивкою, атласный алый кафтан с золоченою нашивкою и суконные красные (багрецовые) штаны с медными застежками (40 гнезд), всего с лишком на 18 руб. – деньги большие, и пожалование сделано, вероятно, за увеселения, какими потешал этот Проскура государев двор во время царской свадьбы (с 5 февраля). Он заведовал органною потехою. В 1635 г. сентября 18 ему дан перстень серебрян золочен с лазоревою печатью, навожен финифты, купленный в серебряном ряду за 10 алт. В 1629 г. является уже настоящий канатный плясун, потешник немчин Иван Семенов Лодыгин, верно, перекрещенец. Июня 16 ему шьют также особое потешничье платье: темно-синюю суконную епанчу и темно-вишневый суконный зипун. Он также состоит при Потешной палате (более 10 лет) и постоянно увеселяет царское семейство всякими потехами. Время от времени для таких потех он получает из царской казны готовое платье или же весь материал, из которого он сам уже готовил себе костюм, как было надобно. Так, в 1630 г. сентября 21 ему сшит *юмурлук* – особого покроя кафтан, суконный темно-вишневый, ценою около 6 руб. В 1632 г.[1] октября 16 ему изготовляют потешничье немецкое платье: *плащ, кабат, пукши,* роскошно обшитое мишурным кружевом, ценою более 13 руб., также сапоги немецкие белые и шляпу черную с мишурною *исткою.* Какими именно потехами он забавлял царское семейство, мы не знаем; но не только в дворцовой кремлевской Потешной палате, – он давал иногда свои представления и в загородных дворцах, именно в любимой тогдашней царской даче, в с. Покровском-Рубцове. Так, в 1635 г. мая 29 вместе с таким же потешником немчином Юрьем Воин-Брантом он тешил там

[1] Ср. выше, с. 570, прим. 1. – *Ред.*

государя и шестилетнего царевича Алексея Михайловича. В том же году и там же (7 сентября) он опять тешил государеву семью всякими потехами. В это время упоминается и еще немчин-потешник *Ермис,* которому выдают (7 мая) для потешного дела 4 арш. тафты виницейки зеленой да аршин тафты рудожелтой и (13 мая) на шитье на *немецкое платье* шелку зеленого да желтого по 5 золотн. По-видимому, этот Ермис или Юрмис – тот же Юрий Воин-Брант, действовавший на потехе 29 мая. Надо заметить также, что к этому дню сшито было немецкое платье три *юпы,* трои *пукши,* три шапки и трем молодым накрачеям царевича Алексея, которые, следовательно, также действовали на потехе[1].

В числе упомянутых всяких потех было и танцованье по канатам. По обычному правилу московского двора требовать от каждого заезжего искусника немца, чтобы он выучил учеников своему художеству, и потешник Иван Семенов тоже учил русских людей своей бесовской мудрости. В 1637 г. июня 27 государь пожаловал ему 10 арш. камки двоеличной шелк ал-желт, ценою в 9 руб., да за сукно деньгами 6 руб., «за то что он выучил по канатам ходить и танцовать и всяким потехам, чему он сам умеет, 5 чел., да по барабанам выучил бить 24 чел.»[2]. Его ученики, *метальники* и *накрачеи,* забавляли с тех пор царевича Алексея и находились в его штате. Для потех им тоже изготовлялось *немецкое* платье, как, например, трем накрачеям, о чем мы сказали выше. В 1638 г. июня 26 царевичевым метальникам Макарку да Ивашку Андреевым сшиты две *курты* да двои штаны из красного (червленого) сукна, а вместо шапок *аракчины* (ермолки), тоже из сукна-багреца[3]. В том же году сентября 12 потешникам Ивану Семенову с товарищи для государевых потех на потешное

[1] Ср. выше, с. 571 (День указан – 31 мая). О накрачеях см. также выше, с. 600, 613, 616. – *Ред.*

[2] См. выше, с. 617 (пожалование обозначено под двумя числами: 27 июня и 13 июля). – *Ред.*

[3] См. выше, с. 573 и 617. На с. 617 упоминается о тех же метальниках и за более раннее время – под 30 сентября 1637 г. – *Ред.*

платье было отпущено из царской казны 10 арш. камки зеленой мелкотравной, 5 арш. тафты зеленой, 1 арш. тафты рудожелтой, 1 арш. тафты алой, 10 арш. сукна червленого, 5 арш. зеленого, 1 $^{1}/_{2}$ арш. белого да желтого и деньгами на 11 $^{1}/_{2}$ арш. холста, на 10 арш. стамеду, на 156 арш. снурков шелковых, на 36 портищ пуговиц немецких шелковых, на 33 золотн. шелку сканого, 9 руб. 27 алт. 4 ден. Все взял сам потешник Лодыгин, вероятно, готовивший в это время какие-либо новые увеселения для государя. Дóлжно полагать, что в этих немецких потехах участвовали и женщины, ибо в 1635 г. генваря 9 и 31 по имянному приказу царицы Евдокии Лукьяновны для потехи были сшиты четыре портища немецкого женского платья, из коих на два употреблен бархат, тафта, сукно и золотное кружево, а на другие два – бархатель, мухояр и мишурное кружево. 31 мая к тому же или уже к другому потешному немецкому платью куплено 37 золотных пуговиц.

Потешник Иван Семенов, видимо, был артист на все руки; он тешил государя и соколами[1], и в домашних забавах возился с государевыми дураками или шутами. 19 марта 1632 г. он подал царю следующую челобитную: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой Ивашка Семенов сын Лодыгин: в нынешнем, царь, во 140 (1631) г. до зимнего Николина дни пожаловал ты, государь, меня, холопа своего, как я холоп твой тебя, государя, тешил и государя царевича князя Алексея Михайловича соколами; рекся ты, государь, пожаловать мне, холопу своему, шубу; и я, холоп твой, с тех мест и по сю пору, ожидаючи твоего государева жалованья к себе, не бивал челом. Милосердый государь! Пожалуй меня, холопа своего, в то место к Светлому Воскресенью ферезцами да кафтанцом. А дураки, государь, теша тебя, государя, изодрали на мне однорядку да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего, к Светлому Воскресенью с пугвицы серебряными – твое царское жалованье – есть. Царь государь, смилуйся!». На челобитной отмечено: государь пожаловал, велел дать фере-

[1] См. выше, с. 613. – *Ред.*

зи – дороги гилянские, кафтан – тафту виницейку, да шапку, в приказ (т. е. сверх годового оклада, по которому, вероятно, потешник получал и годовое платье).

Дальнейшая история немецких потех у царя Михаила Федоровича нам неизвестна. Можно догадываться, что к концу его царствования они едва ли и совсем не прекратились или, по крайней мере, были очень редки вследствие разных домашних причин тогдашнего царского быта. Царь с царицею прожили уже молодые годы и стали оба часто недомогать, а потом и со стороны духовной власти были подняты, как увидим, старые поучения о душевной погибели от всяких бесовских потех. Потешник Иван Семенов сходит со сцены, по крайней мере его имени уже не поминается в это время; остается потешник Иван Ермис, который в 1642 г. апреля 3 получает от государя 10 арш. камки, 5 арш. сукна и сорок соболей «за трубничье ученье», которому он мог обучать вовсе не с потешною целью одних военных людей.

Любопытно то обстоятельство, что в Царской казне на Казенном дворе в 1640 г. сохранялось 280 *портищ* (одежд) немецких коротких суконных настрафильных *черленых,* подкладки летчинные, а иные холстинные лазоревые, пугвицы каменные, 284 *штанов* немецких же суконных настрафильных, *червчатых,* коротких, подкладки холстинные, 637 *шапок* немецких суконных, 278 *чулок* немецких, кроме шести *емарлуков* и *чекменя,* тоже одежд иноземных[1]. Возможно ли предполагать, что это были одежды Потешной палаты?

В первые 20 лет царствования Алексея Михайловича точно так же почти вовсе не упоминается о потехах этого рода. Знаем только, что во время моровой язвы, опустошавшей Москву в 1654 г., когда оставленный дворец был пуст и зимою того года «от Грановитой к переграде и на постельном и на красном крыльце, и за переградою к мастерской палате и от Стретенья и к набережным хоромам и на дворцах», т. е. повсюду, лежали сугробы самые большие и пройти было невозможно, – в это

[1] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 27. [Карандашом автором добавлено: «Продано Епанч. Курт. 155 г. ц. А. М.»; см. выше, с. 717, прим. 1. – *Ред.]*

время у государя в Верху, во дворце, в потешном подклете оставался какой-то *князь Ян* (верно, потешное прозванье, быть может, тот же Иван Семенов), и карла[1] с царскими попугаями, которых он сумел сберечь до возвращения царя в Москву.

Видимо, что молодой царь мало был расположен к утехам домашней Потешной палаты. Его в первые годы исключительно занимала охота псовая и соколиная, медвежьи бои, медвежьи и волчьи осоки, походы на лосей и вообще на лесного и полевого всякого зверя. Отвлекать таким образом молодого царя подальше от государственных дел было также в видах боярина Морозова – его дядьки и соправителя, тогдашнего временщика. Кроме того, в первые же годы царь обнаружил стремление обновить распущенную жизнь, внести в нее строй и порядок, обнаружил, словом сказать, стремление к реформе, хотя еще вовсе и не сознавал, в чем она должна состоять, чтобы принести народу действительное благо. Был восстановлен идеал хорошей жизни по старому Домострою. Стремлениям царя тотчас ответила духовная власть, которая в эту эпоху находилась под влиянием многих староверов и изуверов и закладывала вместе с ними по поводу исправления и нового издания церковных книг основание для раскола.

Вспомянуты были некоторые решения Стоглава и поучения его родного брата – Домостроя об искоренении бесовских мирских игр, сатанинских песен и позорищ, вообще о том, чтобы живым мирским людям устроить свое житие по старческому началу, т. е. в домах, на улицах и в полях песен не петь, по вечерам на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, в ладони не бить, т. е. в хороводы не играть, и игр не слушать; на свадьбах песен не петь и не играть глумотворцам, органникам, смехотворцам, гусельникам, песельникам, на святках в бесовское сонмище не сходиться, игр бесовских не играть, песен не петь, загадок не загадывать, сказки не

[1] Дополнения к Актам Историческим. Т. III. – СПб, 1848. – С. 509. [Эта ссылка добавлена автором на одном из рабочих экземпляров I изд. Домашнего быта русских цариц, где была напечатана настоящая глава. О карле см. ниже, с. 835. – *Ред.*]

сказывать, празднословием, смехотворением и кощунанием, такими помраченными и беззаконными делами душ своих не губить, личины (хари, маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить; зернью, в карты и в шахматы не играть; на Святой на досках не скакать, на качелях не качаться; скоморохом не быть; с гуслями, с бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медведей не водить, с собаками не плясать; кулачных боев не делать, в лодыги (в бабки) не играть; не говоря уже о ворожбе, чародействе и вообще о мирском суеверии.

Все эти народные общественные и домашние удовольствия, всю эту мирскую радость 19-летний государь, внушаемый, по всему вероятию, патриархом Иосифом и поддерживаемый в том своим дядькою Морозовым[1], решился искоренить во всей земле. В 1648 г. по всем городам разосланы были царские грамоты с крепким подтверждением читать их в соборах по воскресеньям и по торжкам в городах, в волостях, в станах, погостах, не по одиножды всем вслух[2]. В этих грамотах царь, жалея о православных крестьянах, подробно и строго наказывал всему православному миру уняться от неистовства и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми прекратить, так что по грамоте вся земля должна была превратиться в один огромный, безмолвный монастырь с монашеским житием и старческим поведением. Ослушников на первый и второй раз велено бить батогами, а в третий или четвертый – ссылать в ссылку в украйные городы, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и все музыкальные, гудебные бесовские сосуды велено отбирать, ломать и *жечь* без остатку. Скоморохов же на первый раз бить батогами, в другой – кнутом и брать пеню по 5 руб. с человека. Такие же грамоты разосланы были повсюду и от

[1] В печатном ориг. 1872 г. автором это слово подчеркнуто, а на поле против него поставлен вопросительный знак. – *Ред.*

[2] Описание Государственного архива старых дел, сост. П. Ивановым. – М., 1850. – С. 296. Акты Исторические. Т. IV. – СПб, 1842. – № 35. Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. IV. – СПб, 1836. – № 59, 98.

митрополитов, которые грозили ослушникам наказанием без пощады и отлучением от церкви Божией (1657 г.). Замечательно, что охота (псовая, ловчие птицы), столь любимая царем, хотя также отвергнутая отеческими поучениями, как видели выше, была в этих грамотах обойдена молчанием. Такое аскетическое нашествие на народные домашние и общественные игры и всякие веселости, не сумевшее сделать различия между оргиею и обыкновенным увеселением, несколько времени действительно торжествовало. Олеарий рассказывает об этом времени следующее: «Дома, в особенности же на пирах, русские очень любят музыку и уважают это искусство. Нынешний патриарх (Иосиф?[1]), заметив, что они начинают злоупотреблять ею, распевая разного рода скандалезные песни по кабакам, шинкам и на улицах, приказал сначала разбивать находимые в таких местах инструменты и также у всех тех, кои попадались с ними на улицах, а потом совершенно запретил инструментальную музыку. По его приказанию немедленно собрали все инструменты, какие только можно было найти, в Москву, нагрузили ими пять возов, свезли все это за Москву-реку (на Болото – место казни преступников) и сожгли. Только одним немцам позволено было у себя в домах заниматься музыкою, да еще боярину Никите Ивановичу – другу немцев, который держит у себя *позитив (positive* – маленький орган) и разного рода другие инструменты, т. к. патриарх ему одному только не может запретить этого удовольствия»[2]. Читая рассказ Олеария, сначала можно было бы подумать, что патриарх нападал только на развратные оргии народа, которым музыка служила подспорьем, и потому запретил там музыкальные инструменты. Так, без сомнения, Олеарию объясняли дело благочестивые современники. Но вскоре из его же слов мы узнаем, что не оргии были причиною такого запрещения, а

[1] На поле печатного ориг. 1872 г. поправлено: «Никон». Ср. в примечаниях к переводу Олеария А. М. Ловягина. – С. 549. – *Ред.*

[2] См. перевод А. Михайлова, Архив исторических и практических сведений, изд. Н. Калачовым. Кн. 6. – СПб, 1861. – С. 15–16; ср. пер. А. М. Ловягина. – СПб, 1906. – С. 325. – *Ред.*

бесовство самых инструментов, этих отреченных церковью гудебных сосудов, которые сами по себе изгонялись из мира как сатанинский соблазн благочестивых душ. Торжество старческих учений об этих сатанинских прелестях сего мира воодушевило и молодого царя, который вообще был очень привержен к авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу в том же 1648 г., он устроил так: на прежних государских радостях бывало, что в то время как государь пойдет в мыленку, во весь день до вечера и в ночи на дворце играли в сурны, и в трубы, и били по накрам... Мы знаем, что на свадьбе его отца Михаила Федоровича в Грановитой палате стояли и играли варганы и цымбалы и, сверх того, гостей увеселяли так называемые *веселые,* попросту скоморохи, гусельники, домрачеи и даже «скрыпотчики». «А ныне великий государь на своей государевой радости, накром и трубам быти не изволил; а велел государь во свои государские столы, вместо труб и органов и *всяких свадебных потех,* пети певчим дьякам всем станицам (хорам), переменяясь, *строчные* и демественные большие стихи из праздников и из триодей драгие вещи со всяким благочинием. И по его государеву мудрому и благочестивому рассмотрению *бысть тишина* и радость и благочиние велие, яко и всем тут бывшим дивитися и воссылати славу превеликому в Троице славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудром его царского величества разуме и благочинии»[1]. Убеждения царя в этом отношении были довольно тверды, и он долго не изменял тех распоряжений, какие сделаны были его грамотами. По крайней мере, спустя почти 20 лет в его Приказ Тайных дел поступали на приход *пенные деньги с качелей,* которых, например, в 1665 г. апреля 20, следовательно, за все время Святой недели, когда именно и качались на качелях, было собрано в Суздале и на посаде со всяких чинов людей 121 руб. 5 алт.

Мало-помалу царский дворец в своих обычаях и порядках стал превращаться в настоящий монастырь, о чем с вели-

[1] См.: Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2. Т. XIII. – С. 214; ср.: Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым. Т. II. – СПб., 1849. Кн. 6. – С. 94. – *Ред.*

ким удивлением и даже с изумлением и с великою похвалою рассказывает архидиакон Павел Алеппский. Он описывает порядки царского обеда и с удивлением отмечает, что в скоромный день недели воскресенье перед мясопустом у царя подаваемые кушанья все были рыбные, по монастырскому уставу, словно царь был настоящий монах. «Мы видели, – пишет архидиакон, – еще того удивительнее, вещь, приведшую нас в изумление: после того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из маленьких дьяконов и, поставив посредине аналой с большою книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексея, коего память празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ее, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены: нам казалось, что мы в монастыре... Мы лицезрели сего святейшего царя, своим образом жизни и смирением превзошедшего подвижников...». «О благополучный царь! – восклицает архидиакон. – Что это ты совершил сегодня и совершаешь всегда? Монах ты или подвижник?.. Что это совершил ты, чего не делают и в монастырях? Чтец читает из Патерика, певчие время от времени поют перед тобою!.. Какое сравнение с трапезой Василия и Матвея (Молдавских владетелей), кои не стоют быть твоими слугами, – трапезой с барабанами, флейтами, бубнами, рожками, песнями турок!..»[1].

В сущности в этом постническом повороте общественной жизни обнаруживался иной ее поворот – неудержимый поворот к петровской реформе. Здесь высказывалась главным образом настоятельная потребность всенародного нравствен-

[1] *Муркос Г.* Путешествие антиохийского патриарха Макария. Вып. III, 27. [=Путеш. антиох. патр. Макария... описан, его сыном, архид. Павлом Алеппским / Пер. с арабск. Г. Муркоса. Вып. III. – М., 1898. – С. 26–27. На поле автором замечено: «Дополнить из Актов». Ср.: Дворцовые разряды. Т. III. – С. 457–458, где, впрочем, стол 12 февраля описан кратко. Отсутствие мясных блюд, может быть, объясняется тем, что в 1655 г. 12 февраля приходилось на понедельник; ср. указанное место Дворцовых разрядов и «Путешествия Макария». Вып. III, с. 14, где слова переводчика: «Это была неделя пред мясопустом» – могут лишь означать – это было в неделю перед Масляницей, т. е. в неделю о Блудном сыне, как это и было в действительности в 1655 г. – *Ред.*]

ного очищения, такая же потребность, какая была заявлена ровно за 100 лет пред тем изданием Стоглава и Домостроя. Но как тогда, так и в эту минуту руководители народной потребности смотрели не вперед, а назад, стремились найти источник нравственного обновления на старом, уже пройденном пути, в старых преданиях, в старых отеческих обычаях и поучениях. Отсюда и в настоящую эпоху, в половине XVII столетия, новое торжество того же Стоглава и того же Домостроя, т. е. торжество старой веры в смысле старой культуры, старого развития, старой нравственной выработки. Но с этим торжеством для старой культуры наставал уже последний час, ибо в нем, при его помощи, для выраставшего государства с большею ясностию предстали односторонние начала старой жизни; лучшим людям века при новой постановке Домостроя стало несравненно виднее, осязательнее, что с такими началами если и необходимо жить всякому постнику, то государству с ними жить невозможно. Оно должно было неизменно и преждевременно погибнуть. Лучшие люди усматривали новый путь и понемногу направляли туда свои шаги. В таких попытках прошла вторая половина XVII столетия. Между тем приверженцы Домостроя и его культуры оставались на старом и все силы употребляли остановить движение к новине. Отсюда распадение русского общества, *раскол,* церковный и нравственный, общественный, которого история еще не совсем прожита и до наших дней. Если уже не форма, то дух старого Домостроя еще господствует и теперь. Он вселился только в новую европейскую форму и этой формой производит в иных случаях лишь оптический обман, выставляя напоказ новые общечеловеческие идеи и порядки и в то же время с особенною заботливостию и всеми силами удерживая жизнь в старых началах малого глупого ребячества[1].

Таким образом, обычные при царе Михаиле домашние утехи дворцовой Потешной палаты при его сыне были оставлены. Молодой царь променял их на отъезжее поле, на псо-

[1] На поле печатного ориг. 1872 г. автором замечено: «Грех в орех, спасенье на верх». – *Ред.*

вую и особенно на соколиную охоту, которая заменяла для него все роды других увеселений. В Потешной палате он не покинул лишь одной утехи, именно бахарей, но верный тем мыслям, которые отвергали бахарство как бесовское угодие и которые заставили его всенародно запретить эту утеху наравне со всеми другими, он придал дворцовым бахарям иной смысл, соответственный старинным отеческим учениям. В государевых потешных хоромах вместо бахарей с этой поры живут уже *нищие,* называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впоследствии, с 1660 г., а быть может и раньше, получившие официальное название *богомольцев, верховых богомольцев.* Англичанин Коллинс (1659–1666) между прочим говорит, что царь содержит во дворце стариков, имеющих по 100 лет от роду, и очень любит слушать их рассказы о старине. Название этих стариков верховыми нищими, богомольцами дает нам основание заключать, что это были убогие певцы, калеки перехожие, как искони обозначал их народ. В старину слово *нищий* было синонимом слову «певец», ибо нищенствовать, просить милостыню значило воспевать о милостыне. Иностранцы-очевидцы единогласно свидетельствуют, что нищие – как увечные, так и простые колодники (тюремные сидельцы) – всегда пели, когда просили милостыни. Коллинс при этом рассказывает, что когда царский тесть Илья Милославский был посланником в Голландии, то голландцы хотели угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была в Голландии, и спросили потом, как она ему понравилась. «Очень хороша! – отвечал он. – Точно так же поют наши нищие, когда просят милостыни». Не знаю, что именно играли ему, прибавляет Коллинс, удивляясь такому сравнению и замечая вообще о грубости русской музыки и русских напевов[1]. Как бы ни было, но старинные наши нищие составляли особый разряд певцов, отличный от певцов домрачеев и гусельников тем, что нищие пели свои песни только от божественного, пели так называемые духовные *стихи,*

[1] См.: Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. I, III. – 1846. – С. 10, 37. – *Ред.*

что требовалось их прямым занятием и их ролью в обществе. Разряд таких певцов, конечно, моложе гусельников. Они появились в одно время с распространением Христовой веры и заимствовали содержание своих песен, как и самые напевы, от Церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквах, так сказать, у церковных дверей, из которых доносились к ним основные мотивы их песенного творчества. В последующее время с усиленным развитием учений Домостроя они из церковных людей становятся людьми, необходимыми в общественной организации, без которых невозможно идти путем спасения; они становятся столь же надобными благочестивому обществу, как и самый церковный чин; поэтому число их увеличивается неимоверно и они сидят, лежат не только у дверей храма, но и повсюду на торжищах, на путях, особенно на перекрестных многонародных местах, каковы городские ворота, мосты и т. п.; они, как мы видели[1], живут в каждом благочестивом достаточном доме, как всегдашние его усердные богомольцы и верные орудия для добрых богоугодных и богобоязненных дел. Очень естественно, что в то время (в половине XVII в.), когда учения Домостроя стремились стать на последнюю свою высоту, и царский дворец должен был растворить свои двери для постоянного пребывания в нем этих убогих певцов, различных калек перехожих, т. е. калек-странников. Благочестивый царь Алексей Михайлович еще маленьким пятилетним ребенком слушал песни нищих старцев, воспевавших ему о Лазаре. Юношею вступив на престол, он строго следует правилам домостроевского благочиния, отметает домашние утехи прежнего времени и взамен домрачеев и гусельников поселяет в своем дворце нищих с их духовными стихами. Вот такие-то песни и рассказы вместе с историческими былинами и повестями, вообще песнопения и сказания о героях действительной истории или о героях благочестивого подвижничества должны были теперь исключительно одни только

[1] Так в печатном ориг. 1872 г., когда настоящая глава входила в состав Домашнего быта русских цариц. – *Ред.*

занимать государя. Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструменты вроде домры, также были оставлены; о них вовсе не поминается в тех расходах, которые шли на этих нищих. Знаем только, что сначала в течение нескольких лет они жили в потешных хоромах и ходили за ними потешные сторожи. Это-то и показывает, что своею ролью они заменили прежних бахарей и домрачеев, переменив и мирское содержание песен и сказаний на церковное. В 1656 г. мая 13 этим «нищим, что живут у государя в потешных хоромах, Антипе с товарищи» выдано государева жалованья 12 руб. При царе Алексее в разное время, смотря по надобности, в потешные хоромы нищим изготовлялись кожаные барановые тюфяки и подушки и носильное платье: рубашки, порты, чулки. В 1660 г. июня 21 были куплены им двои чулки взамен других, коих «они не взяли, потому, показались им худы». Любопытная заметка, объясняющая отношение государевых нищих к его дворцовому хозяйству. Обыкновенный их наряд составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчине или холодные дорогильные, киндячные, кумачные, крашенинные, вообще из недорогих материй и большею частию *смирных,* т. е. темных цветов; также овчинные *кошули* (легкие шубы), шапки суконные с бобровым пухом или с собольим небольшим околом; дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянные зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался им холст, иногда полотно. Спали они на кожаных тюфяках, набитых оленьею шерстью, на подушках из гусиного перья или из пуха, крытых киндяком или кожею; покрывались одеялами киндячными, стеганными на хлопчатой бумаге, или же одевальными овчинными шубами. Весь такой наряд они получали через два года в третий готовым платьем или материалом, а нередко и деньгами. Но впоследствии, когда их роль стала терять свой смысл и значение, дворцовое хозяйство стало их забывать; в 1689 г. они били челом, что носят платье уже шестой год, все обносились. На разные мелкие, необходимые для них расходы им также выдавались деньги из царской казны. Так, в 1666 г. марта 22

богомольцам 5 чел. во время их говенья выдано из приказа Тайных дел по полтине, чтоб «отдать те деньги отцам своим духовным от *поновленья»,* т. е. за исповедь. На тот же предмет выдано полполтины и жившему при них карлику Тимофею Семенову. Такая же выдача повторилась и в 1668 г. марта 18. При царе Алексее (1666–1676 гг.) они получали годового жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье белья и платья по 4 руб. с полтиною на каждого. Кормы им были тоже хорошие из дворца: по праздникам и в субботные дни им выдавалось по две чарки вина, по кружке меду каждому.

Когда умирал кто-либо из них, то царь собственными деньгами очень щедрою рукою «строил душу» покойного. Так, в 1665 г. мая 19 по указу государя выдано из приказа Тайных дел, иначе из его кабинета, на погребение богомольца Давыда: за отпевание архимандриту Новоспасскому 5 руб., Успенского собора протопопу 3 руб., дьякону 1 $^{1}/_{2}$ руб., 2 черным священникам по 1 $^{1}/_{2}$ руб., 2 белым по 1 руб.; отцу духовному 2 руб., 2 черным дьяконам по 40 алт., 2 белым по 20 алт.; уставщику певчих Федору Коверину 1 $^{1}/_{2}$ руб.; государевым певчим первой станице 6 руб., другой станице 5 руб., да которые не пели, 2 чел. по полтине. Отпеванье происходило всегда на Троицком Сергиевом подворье, а потому дано его строителю 2 руб., рядовой братье, которые были на отпеваньи, 8 чел. по 1 руб., а которые не были 7 чел. – по 10 алт. Пономарям, дьячкам и трудникам за копанье могилы 1 руб.; на гроб и на вынос 3 руб. Кроме того, раздавалась милостыня на помин души. Так, в 1670 г. мая 18 по нищем Павле Алексееве роздано колодникам на Тюремном дворе 941 чел. и в Земском приказе 54 чел. по 6 ден.; да на Никольском мосту нищим 5 алт., всего 30 руб. На отпевании всегда присутствовал и сам государь и после отпеванья раздавал духовенству поминальные деньги. Верховых нищих хоронили в Екатерининской роще (ныне Екатерининская пустынь, 25 верст от Москвы); на погребение государь жаловал туда 5 руб.

В первое время, когда эти верховые нищие имели еще значение бахарей и жили в потешных хоромах, число их было

невелико, кажется, не более 5 чел. Вот их имена за 1665 г.: Никифор Андреев, Мелетий Васильев, Иван Никонов, Евдоким Иванов, Венедихт Тимофеев. В 1668 г. их было уже 13 чел. Вскоре по смерти царицы Марии Ильичны к тому прибавилось еще трое; в 1670 г. их числится 20 чел.; в 1676 г. – 14 чел.; в 1677 г. – 13 чел.; в 1685 г. – 33 чел., а в 1689 г. – 35 чел. Впрочем, верного, штатного их числа мы не имели возможности открыть. Какие были поводы увеличивать их число – нам тоже неизвестно; но можно предполагать, что это делалось по каким-либо благочестивым соображениям царской семьи. Так, число 13 появляется в то время, когда наследнику престола царевичу Алексею Алексеевичу исполнилось 13 лет[1]. Трое к тому причислены почти в день смерти царицы.

С увеличением их числа из них уже прямо образовалось нечто вроде придворной богадельни, поэтому и их содержание приведено было во всех частях в годовой штатный порядок. Сверх того, им выстроена была даже особая баня вне Кремля, у Боровицких ворот. Как скоро это общество царских бахарей получило такое благочестивое значение, то, конечно, в него избирались и поступали старики уже не с достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогие. Действительно, в числе их мы находим: расслабленных, немых, глухих, слепых, горбатых, безруких, безногих; так обозначаются они при своих именах в виде прозвищ. Между прочим, один из них, Еуфим безногий, в 1675 г. учился иконному письму, за что и был пожалован кафтаном[2]. Другой, Полуект Никифоров

[1] Припомним, что при дворе шотландских королей в XVII и XVII столетиях тоже находились «королевские молельщики (King's Bedesman)», которые, получая от двора милостыню и содержание, должны были за то молиться о благоденствии короля и государства. Число их равнялось числу лет, прожитых королем; поэтому каждый год в день рождения государя прибавлялся к штатному числу новый богомолец. Они носили пожалованные синие плащи, отчего назывались также «синими плащами». Предисловие к «Антикварию» Вальтера Скотта. [Романы Вальтера Скотта. Т. III. Антикварий / Пер. с англ. под ред. А. А. Краевского. – СПб, 1845, предисловие. – С. IV. – *Ред.*]

[2] Книга памятная деньгам приказа Тайных дел подьячего Федора Шакловитого 184 г. [См.: Дела Тайного приказа. Кн. 3 (Русская Историческая библиотека. Т. 23). – СПб., 1904. – С. 1375. – Пожалование 6 октября. – *Ред.*]

безрукий, выучился писать иконы устами, и до сих пор еще сохраняются иконы его письма, одна даже с подписью: «лета 7191 сентября в 3 день писал сей образ изограф Полиевкт Никифоров, от рождения рук не имел и писал устами»[1].

При царе Федоре Алексеевиче верховые богомольцы живут уже в особых хоромах подле царского каменного терема. Но старое их значение государевых бахарей все еще сохранялось и в это время, и очень вероятно, если не все, то некоторые из них все еще потешали государя своими рассказами. В некотором смысле потешное их значение обнаруживается в том, что у них живут царские *дураки*: в 1679 г. у них жили дураки Петр, Семен[2], и, кажется, Федор, вывезенный тогда из Переяславля. Дураки, как известно, носили официальное значение государевых потешников.

К концу XVII столетия и на женской половине дворца при комнатах цариц и царевен появились такие же свои нищие *верховые богомолицы*, вдовы старухи и девицы. Они жили в подклетах у царицы Прасковьи Федоровны, у царевны Екатерины Алексеевны и у царевен *меньших*[3] подле их хором. Здесь, без сомнения, они исполняли должность *бахарок,* или сказочниц. В 1687 г. у царевны Екатерины Алексеевны живут в ее верхней комнате богомолицы, одна старуха и семь девиц, в том числе одна слепая, которым царевна 28 октября сшила

[1] История русских школ иконописания... Ровинского, с. 167 [Записки. Императорского Археологического общества. Т. VIII. – СПб, 1856; ср.: Обозрение иконописания в России до конца XVII в. – СПб, 1903. – С. 152. – *Ред.*]. Его учил известный в свое время жалованный иконописец Оружейной палаты Никита Павловец. В 1674 г. августа 29 он купил своему ученику 6 ставушечек немецких, 2 размерца немецких (циркули) и дубовый приголовашек, окованный железом, всего на 2 руб. 8 алт. В записке при этом обозначено, что «по указу великого государя те ставушечки и размерцы и приголовашек взял к великому государю в Верх он же, Никита, ученику своему Полиехту, которого он учит по имянному указу в Верху иконному своему художеству». – Архив Оружейной палаты.

[2] В 1679 г. ноября 6 куплены сапоги телятинные за 16 алт. 4 ден. и отданы дураку Петру, который живет у нищих в Верху. Ноября 27 дураку Семену, который живет у нищих, куплена шапка суконная с соболем. – Столбцы Архива Оружейной палаты.

[3] Имена меньших царевен см. выше, на с. 696. – *Ред.*

новые рясы и телогреи. В 1674 г. у царевны Марфы Алексеевны жила *девочка безногая.*

Нам следует упомянуть еще о карликах. Карлы и карлицы по своему значению принадлежали тоже к необходимым членам дворцового потешного общества. Вместе с арапами их держали как живую редкость, как игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное подивление и ребяческий наивный смех. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславие, обличавшее тем свои грубые и нечеловечные вкусы. Поэтому карлик являлся всегда сопутником царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни богатой, широкой и просторной, которая в его фигуре находила особую красоту для своей роскошной обстановки. И здесь, как в отношении дураков, высказывались те же низменные понятия о человеческом достоинстве, которое низводилось до степени простой повседневной, частию потешной обстановки быта. Как живые куклы, карлики, имея декоративное придворное значение, очень часто служили также и для потехи вместе с шутами. Флетчер говорит, что царь Федор Иванович вечернее время до ужина проводил с царицею в увеселениях, на которых шуты и карлы мужского и женского пола, кувыркались перед ним и пели песни, и это была самая любимая его забава между обедом и ужином[1].

О том, что иногда бывало в хоромах царских и боярских в допетровской Руси, мы можем судить также по некоторым чертам княжеского литовско-русского быта, который во многом и долго сохранял культуру старинной Руси, киевской и галицкой, а следовательно, по прямому наследству и московской, ибо московская бытовая культура была только наиболее полным развитием общей русской княжеской культуры. Англичанин Горсей при царе Федоре Ивановиче попал

[1] См.: О государстве Русском. Сочинение Флетчера, изд. А. С. Суворина. – СПб, 1905. – С. 121. *– Ред.*

в Вильно на обед к литовскому князю Христофору Радзивиллу и описывает его следующим образом: «Обед начался при звуке труб и при рокотании барабанов. После первых кушаний явились *шуты* и *поэты* для увеселения гостей; потом толпа разряженных *карлов* и *карлиц* вошла в залу при пении, сопровождаемом заунывными звуками свирелей». Радзивилл сравнивал Горсею эту музыку с кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. После обеда Горсей смотрел разные странные потехи со львами, с медведями и быками[1]. Все это, даже кушанья, именно, сделанные из сахарного теста подобия львов, единорогов, парящих орлов, лебедей и пр., – столько же обрисовывает как литовско-русский, так и московско-русский дворцовый быт.

У царя Михаила Федоровича еще в первые годы царствования мы встречаем карлика Ивашку Григорьева с 1616 г.; а у матери царя – великой старицы иноки Марфы Ивановны – карлицу Афимью, 1619 г.[2] Затем упоминаются: Васька Григорьев, 1622 г.; Гришка Михайлов Ключарев, 1625 г.; Петрушка Хомяков, с 1625 г., которого в 1632 г. женили; Федька Игнатьев, 1630 г.; Филька Игнатьев, 1631 г.; Степанка, Стенька Наумов, 1631 г.; Демка Софонов и Сидорка, 1632 г.; Сенька, 1633 г.; Зиновка, Зинка Павлов, 1634 г.; Ивашка Тимофеев, Стенька Иванов, Офонька Семенов, Михейка Павлов, жившие в хоромах у царевича Алексея Михайловича 1638–1640 гг.; Ивашка Псковитин, карла Потешной палаты, 1640 г.[3], быть может, тот же Тимофеев; Ивашка Федотов, 1643 г.[4]

---

[1] См.: *Юрий Толстой*. Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия // Отечественные Записки. – 1859. – Сентябрь. – С. 151; ср.: Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея / Пер. с англ. Н. А. Белозерской. – СПб, 1909 (изд. А. С. Суворина). – с. 96. – *Ред.*

[2] Здесь, как и в других случаях, обозначаются те года, при которых имена встречаются в документах.

[3] О нем см. выше, с. 619 (под октября 30, ноября 9 – 1640 г. и октября 31 – 1641 г.). Вместо запятой в печатном ориг. здесь точка с запятой. – *Ред.*

[4] На поле оригинала автором добавлено: «Дополн. не мало»; ср. выше, с. 617, прим. 1, где упоминаются два слепых – Яков и Петр, под 22 сентября 1635 г. – *Ред.*

В комнатах царицы Евдокии Лукьяновны жили карлицы: девка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Федорка с 1632 г.; Марфутка, 1633 г.; Соболька, Парашка, Анютка Бык, 1642–1648 гг.; Манка, 1644 г. В комнате у царевны Ирины – Катька и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Михайловны – Фекла, Феколка, 1648–1653 гг.; у маленькой царевны Евдокии Алексеевны – Акилина, Прасковья с 1651 г.; Аксинья, 1652 г.

При царе Алексее Михайловиче поминаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иван Федотов Горбун, 1654 г.; карлы у царевича Алексея Алексеевича: Иван Зуев, 1660 г.; Тимошка Маленький, 1661 г.; Петр Семенов, 1664 г.; Карп Реткин, 1664 г.; Дмитрий Верхоценский, 1668 г.; Петр Бисерев, 1669 г.; у царевича Федора Алексеевича: Карп Реткин, Петр Бисерев, 1672–1686 гг.; Клим Андреев, 1668 г.; Ивашка Юдин, 1671–1690 гг.; Янка Иванов Ветчинка и Ветчинкин, 1671–1686 гг.; Василий Хомяков, 1674–1686 гг.; Петрушка Шимшин, Петр Гаврилов, Петрушка Клопок, 1674–1686 гг.; у царевича Ивана Алексеевича: Дмитрий Верхоценский, 1677–1690 гг.; у царевича Петра Алексеевича с первого времени его возраста: Никита Гаврилов Комар (умер 1690 г.); Ивашка Комар и Климка Комар; Ивашка и Емелька, Спиридон, Игнатий и Михаил Кондратьевы; Васька Родионов, а также и другие из поименованных ниже. Дóлжно заметить, что эти карлики у маленького Петра составляли его первое потешное общество. В 1684 г. для потехи им были сшиты *немецкие кафтаны* и *немецкие платна.* В 1685 г. апреля 30 карла Никита Комар на 5 телегах перевез в с. Преображенское *всякие хоромные потехи и ружье,* а июля 1 ему же, Комару да Спиридону, Ивану и Игнатью Кондратьевым, выдано по полтине на починку потешного ружья или оружия[1].

В 1686 г. и позднее упоминаются: Антипа Ларионов Пятово, обозначенный даже комнатным стольником; Матвей Филиппов, Алексей Ивановский, Емельян Хомяк и Хомяков, Роман Васильев, Яков Ильин, Ермолай Мишуков, Михайло Щеголев, Никита и Спиридон Муратовы, Денис и Федор Ере-

[1] О четырех карликах царевича Петра см. также выше – с. 728, о карле Якове-шуте – с. 728 (Сведения 1679 и 1680 гг.). – *Ред.*

меевы, Артемий и Василий Федоровы, Лука Тимофеев, Никифор Нагаец и др. Вероятно, в числе этих имен есть некоторые из упомянутых прежде.

У царицы Натальи Кирилловны в 1672 г. показано карлиц 14 чел., а в 1673 г. – 22 чел., но в том же числе, быть может, до́лжно считать и девиц боярышен.

Карлики и карлицы ходили в обыкновенном тогдашнем наряде, но всегда светлого цвета, преимущественно лазоревого и червчатого, также зеленого и желтого. Те и другие носили красные или желтые сапоги. Карлам сверх того иногда шили курты и *епанчи* и немецкие кафтаны, а вместо шапок аракчины – ермолки.

В хоромах особенная комнатная должность их заключалась, кажется, в том, чтобы ходить за попугаями, а следовательно, исполнять и другие подобные заботы. Когда при царе Алексее во время мора весь двор выехал из Москвы и во дворце, в Потешной палате остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохранение и все комнатные попугаи. В 1659 г. он рассказывал об этом в следующей челобитной, поданной царю с просьбою вознаградить его расходы: «Бьет челом холопишко твой Ивашко карла: как ты, государь, пошел на другую службу и государыня царица пошла с Москвы в поход, и мне, холопишку твоему, выдали от государыни царицы из хором четырех попугаев, а пятого старого; и аз тех попугаев кормил; а про то мое терпение и кормление твоих государевых птиц ведомо истопничему Александру Боркову; потому, государь, что он, Александр, меня на всяк день навещал и твоих государевых птиц осматривал и о птицах мне приказывал, велел кормить; и я в 20 недель скормил, покупаючи с торгу, 8 ф. миндальных ядер; да им же на всяк день покупал калачей по 2 ден. и сам, с торгу ж покупаючи, ел, потому, государь, что мне с *Низу* тогда с Хлебенного и с Кормового дворца твоего государева корму указного не было; а корм птицам и мне покупал Дементей сторож, что у тебя, государь, в комнату пожалован; а 20 недель и до вашего государского пришествия кормил (я) тех попугаев и отдал здравых. Милосердый госу-

дарь (титул), пожалуй меня, холопишка своего, своим государевым жалованием за птичей корм и за мое терпение, как тебе, великий государь, обо мне, убогом, Бог известит. Царь государь, смилуйся! *Помета:* 167 г. марта 31 государева жалованья дать ему в приказ 10 руб.; приказал записать и деньги дать стряпчей с ключем Федор Алексеевич Полтев.

Вместе с карликами такое же потешное и декоративное придворное значение имели *арапы.* У царя Михаила, еще в молодых его летах, в 1614 г., жил вместе с дураком Мосягою *арап Муратка,* которому генваря 12 были куплены за 9 алт. какие-то особые сапоги *притачки.* В 1616 г. упоминается другой арапок Давыдка Салтанов, которому июля 5 государь пожаловал однорядку червчатую с мишурным кружевом и образцами и с завязками, а в 1618 г. февраля 8 такую же однорядку и аракчин бархатный (ермолку). У царицы Евдокии жила в 1630 г. арапка Степанида, которая потом отдана была в Светлицу в ученицы, вероятно, по достижении возраста. В 1632 г. в ноябре был крещен в православную веру арап Берекет; поступил ли он потом во дворец – неизвестно. В 1668 г. у царя Алексея живет арап Савелий, который тогда был отдан учиться грамоте подьячему Земского приказа Ваське Коверину. Через год подьячий, прося награды за ученье, писал в своей челобитной государю, что «он, Савелий, часовник и псалтырь у него выучил, и выучась, давно отшел, а за ученье ничего не давывано». Упомянем также, что при Петре во дворце находились три арапа – Томос, Сек, Аврам.

Под стать арапам и арапкам нередко являлись при дворе маленькие *калмычонки* и *калмычки,* обыкновенно привозимые пленом. Последние, как мы говорили[1], окрещенные в православную веру, воспитывались до возраста в хоромах царицы, потом обучались рукоделью в царицыной Светлице и выдавались из дворца замуж. На государевой половине, особенно при комнатах царевичей, воспитывались того же рода мальчики:

[1] Так в печатном ориг. 1872 г., когда настоящая глава составляла еще часть сочинения автора «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях». См. С. 459 этого сочинения. – *Ред.*

у царя Федора Алексеевича, в 1679 г., жили два калмычонка – Петрушка Аверкиев и Ромашка Васильев.

Другие дворцовые увеселения, которые не входили в круг увеселений Потешной палаты, заключались в разных зрелищах. Из них первое, самое старое и обычное, была *медвежья потеха.* Если дурак был необходимым и самым обычным предметом домашней утехи, то в такой же мере необходимым и самым обычным предметом общественной утехи был медведь. Он, выученный и нашколенный различным людским ухваткам и людскому поведению, бродил со своими поводырями по всей русской земле, из города в город, из деревни в деревню, потешая и забавляя добрых людей карикатурным, а отчасти и сатирическим представлением их же нравов и обычаев. Во дворце, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное в этом роде. Мы упоминали, что при царе Иване Грозном медведи на государеву потеху отыскивались по всем областям и лучшие отбирались, разумеется, силою в силу царского указа. Это, однако, не было исключительным делом грозного владыки; это было простым обычаем царского двора вместе со многими другими такими же обычными порядками царской жизни, которые иногда, как особые исключительные краски, идут не совсем справедливо на изображение только личности Грозного. Есть грамота о том же (1619 г.) молодого царя Михаила, только вступившего на престол. Успокаивая и устраивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой государь немало заботился и об устройстве своей дворцовой жизни, разумеется, по старым уставам и порядкам. Таким образом, не была забыта и медвежья потеха. Чтоб собрать вновь для этой потехи медведей и собак, государь послал на север, в медвежью сторону, следующую грамоту: «От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Галич губному старосте Петру Перелешину. По нашему указу посланы с Москвы в Галич и в Галитцкие пригороды на Чухлому, к Соли-

галитцкой, в Судай, на Унжу, в Кологрив, в Парфеньев[1] и тех городов в уезды ловчего пути охотники Богдан Опочинин да Наум Усов да конные псари Петр Молчанов, Олфер Вораксин, Костянтин Олтуфьев, в наши дворцовые села и в княженецкие и в дворянские, и детей боярских и всяких людей в поместья и в вотчины, и в патриарши и в митрополичи и во владычьи и в монастырские вотчины; и в те волости, которые ведают на обиход матери нашие государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны; а велено им в Галиче и в галитцких пригородах, на осаде и в уездах и у всяких людей имать на нашу псарню собаки борзые и гончие и меделянские и медведи. И как к вам ся наша грамота придет, а ловчего пути охотники Богдан Опочинин с товарищи в Галич и в галитцкие пригороды приедет и вы им давали (бы) на ослушников стрелцов и пушкарей и рассылщиков, сколько человек пригож; и корм тем собакам и медведям и провожатых, и под медведи и под меделянские собаки подводы, велели давать от города до города, и корм собакам и медведям велели давать, чем им мочно сытим быть, от города до города ж; а поводчиков за медведи, где возмут медведи, велели давать до Москвы. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово, оставливали б есте у себя; а сю нашу грамоту отсылали б есте в галицкие пригороды к приказным людям. Писан на Москве лета 7127 г. марта в 14 день».

Так собиралось по всей земле все, что только надобилось для государева двора, так собирались всякие художники (например, иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда их искусство и работа требовались для государева обихода. Государь был вотчинником своей земли и потому как вотчинник-помещик почитал своею собственностью всякий надобный ему предмет и труд.

В Москве для медвежьей, как и вообще для звериной потехи и охоты был устроен обширный псаренный двор, где

[1] На Чухлому Пятому Свиньину, к Солигалицкой городовому прикащику Федору Мичурину, в Парфеньев Семену Дмитриевичу Опухтину, на Унжу Ивану Яковлевичу Блохину, в Судай да в Кологрив судным целовальникам.

кроме медведей содержались и другие звери и разного рода охотничьи собаки. Медведи, постоянно жившие во дворе, вероятно, ученые, назывались *дворными,* другие были *гончие,* также *сступные, спускные* и, наконец, *дикие,* которых поставляли на потеху прямо из лесу. Зимою 1664 г. привезены были из Мезени даже и *белые* медведи. Медвежья потеха была разнообразна, но вся она распределялась, собственно, на три статьи: медвежья травля, медвежий бой и медвежья комедия, если правильно будет так назвать медвежьи представления с поводчиками, т. е. с неизменною его сопутницею ряженою козою. Дóлжно полагать, что все эти три статьи входили в состав каждого зрелища медвежьей потехи, которое могло начинаться комедиею или драмою – травлею и оканчиваться трагедиею – боем или единоборством. Во всяком случае, это был довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашнего общества, вполне заменявший ему наши театральные зрелища. Медвежьи увеселения давались обыкновенно в Кремле *на дворце,* т.е. где-либо на нижнем под горою или на заднем государевом дворе, на особо устроенном для того месте. В XVII столетии нередко они давались и на старом Цареборисовском дворе, близ палат патриарха. Иногда государь тешился на псаренном дворе на Старом Ваганькове, где теперь Публичный музей, и на Новом Ваганькове, на Трех Горах. Кроме того, эта потеха справлялась временем и в загородных дворцах, при царях Михаиле и Алексее довольно часто в Покровском-Рубцове, в Хорошове, в Танинском. На Масляной неделе эта государева потеха устраивалась обыкновенно на Москве-реке для всенародного зрелища и увеселения. Так, в 1675 г. февраля 13 был указ ловчему Матюшкину «со всею потехою быть готову, против прежнего, на Москве реке с медведи с гонцами и которых колоть рогатинами и с вилами ходить охотникам и псарям; и с волки и с лисицы и с собаки борзыми и с меделянскими; а указано ему быть готову после раннего кушанья совсем и ждать его великого государя указу». Потехи, однако ж, в то число почему-то не было. По рассказу Рейтенфельса, однажды в субботу на Маслянице «на Москве реке

на льду была травля белых самоедских медведей британами и другими собаками страшных пород. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медведи, и собаки не могли крепко держаться на ногах и скользили по льду»[1]. Во дворце медвежий спектакль давался во всякое время года, но, разумеется, чаще осенью и зимою, чем летом, и притом здесь представлялись только комедии и трагедии, травля же происходила чаще всего на псарном дворе и только по праздникам[2].

В 1585 г. февраля 20 у царя Федора Ивановича такая комедия началась тем, что некий Федор Пучок Молвенинов привел на потехе государю «медведя с хлебом да с солью в саадаке», т. е. вооруженного луком и стрелами; и потом «спущал» своего ученого медведя на бой с диким медведем. Спектакль, вероятно, очень полюбился государю, потому что поводчик получил довольно значительную награду: камку добрую в 5 руб., зуфь костоманскую в 3 руб., сукно доброе в 2 руб., да человек его получил суконце в 4 гривны[3]. Известно, что медведники-поводчики забавляли публику и своими присказами и приговорками, которые объясняли медвежьи действа и служили как бы текстом к этому медвежьему балету. Верно, и здесь старинный шутливый иронический ум русского человека не ходил в карман за словом и беззастенчиво и остроумно выставлял всякие смешные стороны тогдашней жизни. О том, что когда-то представляли ученые медведи, мы можем составить понятие из одного газетного объявления, относящегося к половине XVIII столетия. Оно тем более теперь любопытно, что медведники по распоряжению правительства вместе с последними учеными медведями должны скоро совсем исчезнуть из де-

[1] См. перев. И. Тарнава-Боричевского // Журнал Министерства Народного просвещения. – 1839. – Июль, II. – С. 16; ср.: пер. А. И. Станкевича. – М., 1906. – С. 89. – *Ред.*

[2] На одном из рабочих экз. 1-го изд. Домашнего быта русских цариц, где первоначально была напечатана настоящая глава, автором добавлено: «а особенно на Масленице». – *Ред.*

[3] Дополнения к Актам Историческим. Т. I. – СПб, 1846. – № 131. – С. 199. Обыкновенная награда даже за медвежий бой, т. е. за то, что бойца медведь ел или ободрал, – бывала в это время – сукно доброе ценою в 2 руб.

ревенского общества[1]. В «Петербургских Ведомостях» 1771 г. от 8 июля[2] было напечатано: *«Для известия:* Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешней город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искуством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению смотрителей, по их приказанию исполняют, а именно: 1) вставши на дыбы, присутствующим в землю кланяются, и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые робята; 8) берут палку на плечо и с оною маршируют, подражая учащимся ружьем солдатам; 9) задними ногами перебрасываются через цепь; 10) ходят, как карлы и престарелые и, как хромые, ногу таскают; 11) как лежанка без рук и без ног, лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые робята горох крадут и ползают, где сухо, на брюхе, а где мокро – на коленях, выкравши же, валяются; 14) показывают, как мать детей родных холит и как мачеха пасынков убирает; 15) как жена милого мужа приголубливает; 16) порох из глазу вычищают с удивительною бережливостью; 17) с неменьшею осторожностию и табак у хозяина из-за губы вынимают; 18) как теща зятя потчевала, блины пекла и, угоревши, повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без малейшего супротивления; 20) кто похочет, подают тотчас лапу; 21) подают шляпу хозяину и барабан, когда козой играет;

[1] См.: Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О воспрещении промысла водить медведей для забавы народа». – Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XLI. № 44065 (Высочайшее повеление последовало 30 декабря 1866 г., а для окончательного прекращения промысла был указан срок в 5 лет, считая с 1867 г.). – *Ред.*

[2] См.: отдельный листок, приложенный к № 54 (кроме этого листка к тому же номеру «Санкт-Петербургских Ведомостей» приложено было два «прибавления»). – *Ред.*

22) кто поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают и, выпивши, посуду назад отдавая, кланяются[1]. Хозяин при каждом из вышепомянутых действий сказывает замысловатые и смешные приговорки, которые тем приятнее, чем больше сельской простоты в себе заключают. Не столько бы вещь сия была смотрения достойна, ежели б сии дикие и в прочем необуздаемые звери были лишены тех природных своих орудий, коими они людям страх и вред наносят; напротиву того: не обрублены у них лапы, также и зубы не выбиты, как то обыкновенно при таковых случаях бывает. Все вышепомянутое показывано быть имеет в праздничные дни в карусельном месте противу церкви Николая чудотворца по полудни к 6 часу. Первые места по 25 коп., вторые – по 15 коп., а последние – по 5 коп. с человека. Смотрители впускаемы будут за заплату наличных денег».

Для нас неоценимо были бы дороги исполненные сельской простоты эти замысловатые и смешные приговорки, если б они дошли к нам прямо от того медведя в саадаке, которым потешался царь Федор Иванович. Но что говорить о старине, когда и современный нам медведь, сохраняющий еще довольно старого, скоро совсем уйдет со сцены, никому не рассказав своей любопытной истории.

Медвежий бой представлял также самое обычное зрелище во дворце, которое так и называлось *дворцовою потехою* и устраивалось, конечно, не исключительно для одного только государя или для одного мужского чина, но, вероятно, и для всех любопытных и из женского чина. На этом зрелище бывали даже малолетные дети; например, в 1634 г., в субботу на Масленице, пеший псарь Герасим Степанов тешил пятилетнего царевича Алексея Михайловича дворовыми медведями, и на той потехе медведи на нем псаре кафтан изодрали. Это зрелище было самым любимым и у самого доброго и богомольного царя Федора Ивановича. Именно по поводу его потех Флетчер описывает подробно и это зрелище: «Бой с медведем, – говорит он, – происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеною, ставят человека, который должен возиться с медведем,

[1] В печатном ориг. в п. 11 – «леженка», 14 – «показывает». – *Ред.*

как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстою пастью. Если человек с первого раза даст[1] промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутою пастью. В это время, если охотник успеет всадить ему[2] рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обыкновенно, успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то обыкновенно с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается до пьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнию для потехи царской»[3]. Напротив, мы имеем официальные свидетельства от того же времени, что бойцы всегда получали в награду портище хорошего сукна на кафтан ценою в 2 руб.; это было обычным государевым жалованьем за такую потеху не только в XVI, но и в течение всего XVII столетия. В особенных случаях бойцы получали и бóльшую награду. Разумеется, и эта награда, по нашим понятиям, не соответствует подвигу. Но дóлжно заметить, что подвиг ходить одному на дикого медведя в то время едва ли почитался делом необычайным, редким; судя по множеству таких случаев, на одной только царской потехе он был простым рядовым явлением охотничьей жизни, а потому и ценился в меру своей, так сказать, повседневной ценности. Большею частью бойцы принадлежали к дворцовому же государеву чину и состояли в ведомстве Конюшенного двора при Ловчем пути или при царской охоте. Это были псовники, конные и пешие псари и собственно

[1] В изд. 1905 г.: «дает». – *Ред.*

[2] В изд. 1905 г.: «ему всадить». – *Ред.*

[3] См.: «О Государстве Русском. Сочинение Флетчера», изд. А. С. Суворина. – СПб, 1905. – С. 121. – *Ред.*

охотники, или ловцы зверей – первые люди Ловчего пути. Из них при царе Михаиле особенно знаменит был пеший псарь Кондратий Корчмин. В 1616 г. в ноябре на большой потехе на дворце вместе с семью товарищами – такими же псарями – на нем медведи изодрали зипун; а в декабре на потехе его медведь измял и платье на нем ободрал. Через год, 1618 г. в генваре, он опять потешал царя медвежьим боем; в феврале 1620 г. опять на потехе бился с медведем. В том же году сентября 11 вместе с товарищем, тоже псарем, Сенькою Омельяновым, тешил государя на Старом Царевеборисове дворе дворными медведигонцами. На этой потехе медведь ему изъел руку, а товарищу его Сеньке изъел голову. В генваре следующего 1621 г. он снова на потехе с четырьмя товарищами – псарями; все они бились с дикими медведями вилами. В феврале того же года, на Мясной неделе в середу, как государь тешился гончими и дикими медведи, был на потехе и Корчмин вдевятером с товарищами; медведи драли на них кафтаны. В 1622 г. февраля 28, на Масляной неделе в четверг, Корчмин опять с братом Иваном и тремя товарищами псарями был на потехе, бился с «дикими медведи» вилами. В июне 1625 г. он тешил царя тою же потехою в с. Рубцове. В ноябре 1626 г. бился с диким медведем вилами и медведя вилами поставил, да он же в с. Рубцове пред государем на потехе медведя убил рогатиною, за что и получил награду с прибавкою, 5 арш. тафты и 4 арш. сукна. Таким образом, Корчмин увеселяет государя, т. е. ходит на медведя в течение 10 лет, а быть может, и больше, ибо мы не имеем полных погодных записок об этой потехе.

Другой герой медвежьей потехи, конный псарь Алексей Меркульев, ходит на медведя в продолжение 20 лет с лишком. В 1631 г. в ноябре он получает обычное жалованье, портище сукна в 2 руб., за то что на потехе его медведь драл. В 1632 г. февраля 9 на потехе он бился с диким медведем вилами добро, как и товарищ его Петр Молчанов. В 1635 г. в ноябре сам четверт с товарищами он опять бился с дикими медведями добро в с. Рубцове. В 1636 г. февраля 28 на Маслянице на дворце опять вдвоем с товарищем бился вилами добро. В 1646 г. вме-

сте с другими он бился на медвежьей потехе в с. Павловском и в с. Покровском. В феврале 1648 г. он со многими другими бился с дикими медведями на Псаренном дворе. Затем упоминается в чину псарей в 1651 г. В это время он назван уже охотником. Третий псарь, Петр Молчанов, стаивал на потехе больше 30 лет, 1620–1651 гг., четвертый, Осип Молчанов, ок. 25 лет.

Не по разу также хаживали на медведя на государевой потехе и многие другие товарищи Корчмина, Меркульева и Молчановых, например Сенька Омельянов, 1620–1626 гг.; Ивашка Санин, 1620–1626 гг.; Афанасий Дмитриев, 1616–1620 гг.; Олфер Вараксин 1620 г.; Марко Юрьев, 1621–1627 гг.; Степан Ябедин, который в феврале 1620 г. и в 1621 г. перед государем колол дикого медведя рогатиною, а в 1622 г. декабря 31 на потехе медведь изодрал на нем платье; охотник Еремей Теряев, 1646–1650 гг.; Семен Головцын, 1646–1648 гг.; Тимофей Неверов в 1649 г. и т. д.

Все это показывает, что служители царского *Ловчего пути*: охотники, псари, псовники – едва ли не все были истыми героями медвежьего поля и почитали для себя весьма обычным делом выходить по надобности и на государеву потеху. Из некоторых указаний видно, что подвиг медвежьего поля становился достоянием целого рода; таковы были псари Молчановы при царе Михаиле, упомянутые выше Петр и Осип; последний если не сын, то, вероятно, брат первого, передавшие в наследство свою силу и отвагу и своим детям, из которых при царе Алексее были известны сыновья Осипа – Матвей да Иван, 1646–1651 гг.; также Михайло, Любим, Фадей, тоже родичи, если не дети первых. Славна была и семья Озорных: отец, Богдан Озорной, потешал царя Михаила с 1621 г., а сыновья Никифор и Яков – царя Алексея с 1647 г., и т. п. Нередко сыновья ходили на бой заодно с отцами. Так, в 1646 г. человек боярина Б. И. Морозова Иван Брылкин с сыном Афанаською имались с медведем в с. Павловском 31 генваря; потом бились с медведем в генваре 1648 г.

Это свидетельство указывает также, что на дворцовую потеху вызывались или призывались иной раз охотники и из

других сословий или чинов. В декабре 1614 г. царя потешали трое стрельцов, в том числе Семыка Федоров; у них на потехе медведь изодрал кафтаны. В марте 1618 г. на потехе драл медведь задворного конюха Ивана Столешникова. В 1615–1619 гг. в царских потехах участвовал человек боярина Ф. И. Мстиславского Матвей Пахов, поставлявший на государеву псарню к потехе диких медведей. В ноябре 1627 г. в Тонинском на потехе медведь драл истопника Илью Севрюкова. В 1622 г. генваря 2 на потехе на дворце постельный сторож Петрушка Мекотин перед государем дворовых медведей дразнил и с диким медведем бился вилами, и его дикий медведь ел. В 1626 г. на Святках и в 1627 г. на Масляницe тот же Мекотин выходил на бой вилами с дикими же медведями и оба раза остался невредим. В 1623 г. февраля 18, на Масляницe во вторник на дворце на государеве потехе бился с диким медведем Канинской земли Самоедин Семейка. В октябре 1626 г. бился с диким медведем вилами постельный истопник Панка Гигишкин в с. Покровском. В 1628 г. в субботу на Масляницe на государевой потехе на дворце тешил государя, бился с диким медведем *князь* Иван Гундуров, за что и получил 9 арш. камки адамашки лазоревой (на 2 руб. 75 коп.). В октябре 1631 г. в Покровском на потехе гончий медведь драл подключника Тимофея Федотьева. Тогда же и там же тешил государя и человек боярина князя И. Б. Черкасского Андрей Слепой, которому выдано в награду по 4 арш. тафты и сукна, всего на 8 руб., тогда как обыкновенная награда бывала в 2 руб. Быть может, он не прозвищем только, а на самом деле был слепой, тогда потеха, конечно, представляла еще больше занимательного. В том же октябре стряпчий конюх Степан Карпов тешил государя в с. Тонинском, бил в барабан и медведя дразнил, и медведь его драл. В феврале 1632 г. на потехе медведь драл *сына боярского* галиченина Федора Сытина, который получил за потеху сукно на однорядку, дороги гилянские на ферези, да на кафтан и на приклады к платью деньгами 5 $^{1}/_{2}$ руб., всего на весь наряд 14 руб. В том же году на Масляной медведь драл на потехе *жильца* Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 руб. В ноябре 1634 г. потешал государя иноземец пти-

чий стрелок Исак Быковской – как государь тешился медведем гонцом, и его Исая медведь изломал и платье на нем изодрал. В декабре в с. Рубцове бился с диким медведем вилами человек боярина князя И. Б.[1] Черкасского Гаврила Жуков. В генваре 1636 г. на дворце бился с медведем стрелец Гаврила Савельев, и медведь его драл, и кафтан изодрал, и голову испробил. В ноябре того же года в с. Покровском бился черкашенин (малоросс) Лукаш Григорьев и медведь гонец изодрал на нем зипун да помял руку. В мае 1637 г. *жилец* Алексей Зеленой в с. Рубцове боролся с дворным медведем и получил за то 4 арш. сукна на 4 руб., да на шапку 2 руб. В сентябре 1641 г. упомянутый выше конюх Степан Карпов снова тешил государя в с. Коломенском медведями гонцами, перед теми медведи бегал, и платье на нем однорядку и штаны медведи изодрали. Конечно, то был счастливый бой, когда оканчивался только драньем платья; но иногда, как мы и выше видели, бойцы подвергались разным увечьям, что обыкновенно обозначалось: медведь его ел. Так, в генваре 1619 г. дикий медведь ел конного псаря Петрушку, прозвище Горностай. В генваре же 1626 г. был изувечен охотник Алексей Титов – на дворце дикий медведь ел его за голову и зубы выломал. В декабре 1636 г. в с. Рубцове медведь гонец изломал псовника Василия Усова и платье на нем ободрал.

Из этого перечня медвежьих боев видим, что их героями нередко бывали жильцы, т. е. люди среднего дворянства, не говоря уже о детях боярских, подключниках и других придворных чиновниках, принадлежавших к дворянству мелкой сошки.

Была еще потеха львиная. Мы видели[2], что львы были привезены в Москву еще при царе Федоре Ивановиче. Быть может, с того времени устроен и особый львиный двор, находившийся у Китайгородской стены, где теперь губернские присутственные места. Можно догадываться, что так называемая *Яма* (дол-

[1] В печатном ориг. – «Б. И.», но см. выше, с. 750; ср. также Росс. родосл. кн., изд. князем П. Долгоруковым. Ч. 2. – СПб, 1855. – С. 38, где за соответствующие годы указан лишь боярин князь Иван Борисович Черкасский (ск. в 1642 г.). – *Ред.*

[2] См. выше, с. 832, где, впрочем, говорится о львах в Вильно. – *Ред.*

говая тюрьма) есть именно старое помещение львов или старинный львиный двор. При царе Михаиле в 1619 г. (февраля 8) какой-то рязанец Гришка Иванов вышел к государю со зверем со львом из Кизылбаш, т. е. из Персии; он ли сам его привез или только сопутствовал привезенному оттуда льву – неизвестно. Этому льву ноября 3 отпущено на ошейник 4 $^{1}/_{2}$ арш. зеленых суконных покромей. Одно смотренье на такого редкого зверя уже доставляло немалую потеху для государя и его семейства, как и для всего общества Москвы. Но лев участвовал иногда и на обыкновенной медвежьей потехе. В 1648 г. февраля 29 на государевой потехе на псаренном дворе был со львом зверем Ловчего пути зверовщик Сила Зерцалов, и на той потехе дикой медведь на нем однорядку изодрал.

При царе Михаиле в Москве появилась и другая редкая потеха – приведены были слоны. В 1625 г. июня 12 в с. Рубцове-Покровском тешили государя на слонах слоновщики Чан Ивраимов и Фотул Мамутов. В 1626 г. октября 31, вероятно, тот же слоновщик арап Тчан и в том же селе опять тешил государя слоном.

С севера нередко самоеды пригоняли в Москву оленей, которые также потешали царское семейство. В 1617 г. олени были пригнаны из Кольского острогу; в 1620 г. с оленями приехала из Кольского же острогу Канинская и Тиунская Самоедь; в 1643 г. декабря 16 с живыми оленями приезжал Мезенский Самоедин Вак Пургин. Можно полагать, что пригон оленей был чем-то вроде обычной дани или обычных даров государю от самоедского населения. В 1666 г. самоеды, которые были присланы с Кевроли и с Мезени с государевыми оленями, Тренка Иншин, Былка Марчиков, Ядовк Соболков, Обленисков Нодекирпов, Якунка Облесов, на Сырной неделе по указу великого государя ездили на оленях на дворце.

Упомянем о некоторых особенных зрелищах, какие изредка служили также увеселением для государева семейства. В 1633 г. июля 18 поручик Анц Зандерсон и золотого дела мастер Яков Гаст тешили государя на дворце долгою пикою да прапором и шпагами *поединком,* за что были хорошо награж-

дены: первый – вероятно, победитель, получил 10 арш. камки и сорок соболей, второй – сорок соболей.

В 1634 г. осенью (ноября 23) стрелец Петрушка Иванегородец тешил государя в с. Рубцове: носил на зубах бревно. В 1645 г. марта 28 царицын сенной сторож Микулка Остафьев тешил государя и царевича – бился с дураком Исаем, за что по приказу царевича (Алексея Михайловича) ему выдано 4 арш. сукна в 2 руб.

Наконец, при царе Алексее во дворце явились зрелища театральные. Изгоняя отовсюду скоморохов и скоморошество, это наше родное или на своей родной почве выращенное произведение народной веселости, изгоняя кощунные смехи и разные глумотворные спектакли этих веселых людей, наша старина, против всякого чаяния со стороны древних Домостроев, совсем неожиданно попала на комедийное действо, в сонм такого же глумотворения, только иначе, по-царски, устроенного, притом по происхождению немецкого, которому, следовательно, было как-то позволительнее явиться перед глазами старого благочестия. Немцы действовали свои действа из Библии. Казалось, это было делом невозможным для понятий старины. Но такова была сила общего движения нашей жизни, увлекавшая нас все ближе и ближе к европейскому миру, ко всем сатанинским прелестям и обаяниям, от которых столь долго оберегали древнюю Русь ее добродушные Домострои. Невозможное, отверженное в одном виде, являлось возможным и признанным в другом; и в то самое время, когда шли горячие споры даже только о буквах Писания, на дворцовой сцене действовали комически Библию. Однако ж дело не показалось особенно чудовищным, главным образом именно потому, что тут действовали немцы, значит, люди чужие, иноверные, тоже отверженные. Самому русскому как-то неестественно было начать такое небывалое дело. Да и как было осмелиться: что бы сказали и что бы наделали тогда нововводителю крепкие власти Домостроя.

В силу постоянного и неутомимого отрицания, господствовавшего в нашей старой жизни, отрицания всех свободных, самостоятельных и самобытных движений жизни, говоря, разумеется, лишь о сфере мысли и о сфере искусства, – ничто, конечно, общечеловеческое не должно было развиться в ней из самобытных источников; ничто не должно было органически пройти все степени возраста с зародыша до возмужалости. Страшная изуверная опека мысли, как и не менее страшная, изуверная опека чувства, вообще нрава, обычая, опека воли, держала русское общество целые века в том староверческом умственном и нравственном гнете, в котором невозможны были никакие свободные самостоятельные шаги вперед. Такие шаги могли являться от всякого другого, только не от воспитанника и ученика Домостроев. Поэтому самую свободу таких шагов мы должны были приобретать у немцев, выписывать из-за границы; для русских убеждений она была развратом и потому на русской земле могла являться только в иноземном образе, который служил оправданием всякому явлению, выходящему из круга домостроевских понятий или из уровня известной низменности и тесноты старинных представлений вообще о свободных и независимых положениях жизни.

Так, в старое время у нас находились в руках все средства для того, чтобы простым, естественным путем дойти до своенародной обработки театрального зрелища. В народе «скоморошное дело» процветало, в народе жили походячие кукольные комедии; дураки-шуты господствовали своими играми во всяком зажиточном доме, самый медведь являлся актером; не говорим о разных бытовых чинных действах, где всякий сколько-нибудь важный шаг превращался в спектакль, в зрелище. Словом сказать, народ был очень расположен к сценическому художеству и в своей жизни имел весьма достаточные материалы для его устройства по собственному плану, по крайней мере по собственному характеру. Недоставало одного: свободы действия, свободы литературного слова, хотя бы и неполной, но только освященной законом, чтоб не казалась эта свобода грехом и беззаконием. Как может что-либо правильно вырастать и раз-

виваться, если это что-либо находится под влиянием сознания, что самое его существование есть грех и беззаконие; а именно таким сознанием и бичевалось старинное наше сценическое дело в народе. Оно поэтому и оставалось все время без движения, в своей первой поре, без руководящей мысли, которую среди поденного низменного и презираемого труда, конечно, выработать не могло. Вот почему мы должны были принять комедию – как называлось тогда вообще драматическое представление – из рук немцев. Мы таким же путем должны были принять у немцев и живопись, талант которой как был дан нам в руки, так и оставался нетронутым целые века, ибо и отдан он был со строжайшим запрещением не касаться его в свободной и независимой обработке. Византия завещала нам в этом отношении дух полнейшего и всестороннего отрицания всяких свободных действий в ходе народного развития. Она завещала нам именно борьбу со свободою развития, обзывая эту свободу одним общим, весьма страшным именем: ересью. Опасаясь ереси, мы, малолетние и потому малосмысленные ученики, с особенным усердием и зарывали наши народные таланты на всех путях. Учители после и сами стали порицать и отвергать это усердие; но здесь виноватым и упрямым оказывался уже народный ум, неумолимо последовательный в своих выводах, который он по необходимости и довел до своей крайности, до последней черты, т. е. до явлений, приготовивших и вызвавших петровскую реформу, или петровское освобождение народных сил от их закрепощения. Каковы были великие последствия этого освобождения, когда сидевший 30 лет сиднем русский богатырь, наконец, встал, порасправил члены и начал действовать – об этом тотчас же стала рассказывать русская история, не перестает рассказывать и до сего дня[1], дождавшись нового великого последствия той же свободы.

В половине XVII столетия во дворце, как и во всем высшем обществе Москвы, хорошо было известно, что такое *комедия* и как весело потешаются ею в далеких землях Европы и

[1] Относится к 1869 г., когда вышло в свет 1-е изд. Домашнего быта русских цариц, где первоначально напечатана была настоящая глава. – *Ред.*

даже в близкой Польше. В 1635 г. московские послы были на такой потехе у польского короля, а потеха была: как приходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн и как Юдифь спасла Иерусалим[1]. В другой раз, в 1637 г., наши послы отказались было идти в такую комедию, потому что был там папский легат, а они с ним вместе, в равенстве, сидеть не хотели. Послы, возвращаясь в Москву, конечно, в подробности рассказывали и объясняли, в чем состояли эти комедийные действа. При царе Алексее одни рассказы дворянина Лихачова и его товарищей о своем Флорентийском посольстве 1660 г. должны были приводить в несказанное изумление и подивление всех, кому только удавалось их послушать; а первым из таких любопытных был сам царь Алексей – впечатлительный и пытливый, который нисколько не был чужд интересам европейского быта. Ребенком он сам уже хаживал в немецком платье и к немцам, полезным для отечества, всегда был милостив и щедр.

Во Флоренции посланник Лихачов пробыл с лишком месяц; видел там европейскую жизнь лицом к лицу со всякими ее диковинами и дивами, видел великолепные палаты, роскошные сады, фонтаны, где беспрестанно вода прыгает на дробные капли, а к солнцу, что камень хрусталь; смотрел там все; по потешным дворам и по палатам ездил 8 дней, в садах пробыл целую неделю: а в садах красота и благоухание ароматное; а красоту в садах нельзя описати; да и вообще сознавался, что «иного описать не уметь, потому, кто чего не видал, тому и в ум не прийдет». Удивлялся тамошним жарам великим: каково там о Крещеньи, у нас на Руси таково и о Иванове дни. Вообще провел там время совершенно по-европейски и очень весело: был на публичном рыцарском игрище в мяч, был даже на балу у Флоренского князя, где было собрано больших думных людей с женами с 400 чел., и ночь всю танцовали, сам князь, и сын, и братья, и княгиня. Представлялся не раз княгине и напоследях – торжественно, в присутствии девиц и сенных боярынь, которых было «ста с два». По просьбе княгини для подарка ее новобрачной невестке сделал ей по рус-

[1] Соловьев С. М. Указ. соч. Т. IX. – С. 248.

скому обычаю две шубки: одна под камкою, другая под тафтою, у одной испод горностайной, а у другой белий; и вздела княгиня на себя и дивилася, что урядно выделали. Заметил, что тамошние женщины ходят – сосцы голы и на головах нет ничего, между тем как русские женщины закутывали себя и почитали великим стыдом и грехом опростоволоситься, т. е. вообще носить волосы открытыми.

К довершению многочисленных удовольствий, какие почти каждый день должен был испытывать наш посланник, его три раза приглашали в театр, в комедию. Об одной комедии он оставил небольшую записку, в которой говорит: «Объявилися полаты, и быв полата и в низ уйдет; и того было шесть перемен. Да в тех же полатах объявилося море колеблемо волнами, [а] в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а[1] в верху полаты небо, а на облаках сидят люди; и почали облака и с людьми на низ опущаться; подхватя с земли человека под руки, опять в верх же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись в верх, за теми, на небо. Да спущался с неба же на облаке сед человек в карете; да против его в другой карете – прекрасная девица; а аргамачки (кони) под каретами, как быть живы, ногами подрягивают. А князь сказал, что одно солнце, а другое месяц. А в иной перемене, в полате, объявилося поле, полно костей человеческих; и враны прилетели и почали клевать кости. Да море же объявилося в полате, а на море корабли небольшие и люди в них плавают. А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах, и почали саблями и шпагами рубитися, и из пищалей стреляти, и человека с три как будто и убили. И многие предивные молодцы и девицы выходят из-за занавеса в золоте и танцуют. И многие диковинки делали. Да вышед малый, почал прошать есть, и много ему хлебов пшеничных опресночных давали, а накормить его не могли»[2].

Кроме удивления, изумления, восторженной похвалы, посланник не высказывает никакого суждения обо всех этих

[1] В печатном ориг. чит.: «и». – *Ред.*

[2] См.: Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Т. IV. – М., 1788. – С. 348–354. – *Ред.*

заморских диковинках, не высказывает о них своей русской мысли, т. е. насколько все это погибельно с точки зрения древнего благочестия. Он ставит только факты и свое простодушное изумление пред ними, полное детской наивности. Конечно, его описание, как и сам он говорил, представляло только весьма бледный очерк того, что он видел на самом деле. Зато, нет сомнения, его рассказы были полнее, изобразительнее и возбуждали большое любопытство в молодом царе Алексее, который по своему уму и по своим наклонностям не мог, слушая их, оставаться с одним только подивлением. Мы не говорим о других подобных рассказах других путешественников или знакомых царю иностранцев, каков, например, был Иван Гебдон, игравший весьма значительную роль по части знакомства с Западом. Известно, что вскоре по возвращении в Москву Лихачова в 60-х же годах XVII столетия, царь принялся устраивать в своих загородных дачах роскошные дворцы (в Коломенском) и роскошные сады (в Измайлове) со всякими европейскими затеями. Не могла остаться совсем покинутою и мысль о театре. Конечно, для исполнения такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствие со стороны семьи, именно от самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильична, не совсем благоволила к подобным иноземным затеям. Другое дело – дворцы и сады, как бы они ни были роскошны и великолепны; об них никакого запрещения в старом Домострое не было. Напротив, там очень выхвалялась заботливость о хорошем хозяйстве. Но театральное зрелище, по понятиям старины, все-таки было угодием соблазнительным и погибельным. И надо было, чтобы мысль о нем совершила должный оборот, прожила в умах известное время, когда все в ней дикое сделалось бы только диковинным. Такое время настало вместе со вторым браком государя на Нарышкиной. Рассказывают (Берх)[1], что молодая царица была очень веселого нрава и весьма охотно предавалась разным увеселениям, а потому царь, страстно ее любивший, старался доставлять ей всевозможные

[1] Свидетельство Страленберга, см.: *Берх В.* Царствование Алексея Михайловича. Ч. 2. – СПб., 1831. – С. 27–28. – *Ред.*

удовольствия. Матвеев, ее воспитатель, остался руководителем и ее увеселений. Театр был открыт, и на нем поставлена пьеса, объяснявшая в лицах даже соответственное новой царице положение, т. е. пьеса с намеками на современные события царского дворца. Первые представления так называемых *комидий* явились у нас в 1672 г. через год после государева брака с Нарышкиной. Любопытно также, что год рождения в Москве театра совпал с годом рождения великого преобразователя нашей жизни Петра. В это время в Москву прибыли странствующие немецкие актеры. Как они прибыли – неизвестно[1]; но без особого дозволения или даже и вызова они приехать не могли, потому что для иноземцев всюду существовали тогда самые крепкие заставы и сторожи в лице пограничных воевод, которые были обязаны задерживать таких путешественников и тотчас давать знать в Москву об их прибытии. Быть может, вызову этих актеров способствовал известный Матвеев, который потом и заведовал всем ходом и устройством этого небывалого дела в царском дворце. Итак, в 1672 г. странствующая немецкая труппа, верно, не очень большая, под управлением магистра Ягана Готфрида Грегори находилась уже в Москве. Рейтенфельс в своих записках рассказывает следующее: «В последние годы царь (Алексей Михайлович) позволял прибывшим в Москву странствующим актерам показывать свое искусство и представлять историю Ассуира и Эсфири, написанную *комически*». Затем он объясняет, как вообще началось это невиданное в Москве дело: «Узнавши, что при дворах других европейских государей в употреблении разные игры, танцы и прочие удовольствия для приятного препровождения времени, царь нечаянно приказал, чтобы все это было представлено в какой-то французской пляске. По краткости назначенного семидневного срока сладили дело, как могли. В другом месте прежде представления следовало бы извиниться, что не все в должном порядке; но тут это было бы совершенно лишнее: костюмы, новость сцены, величественное слово *иностранное*

[1] См., однако: *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения. 1672–1725 гг. Т. I. – СПб, 1874. – С. X–XI. – *Ред.*

и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сделали самое счастливое для актеров впечатление на русских, доставили им полное удовольствие и заслужили удивление. Сперва царь не хотел, чтобы тут была музыка, как вещь новая и некоторым образом языческая; но когда ему сказали, что без музыки точно так же невозможно танцевать, как и без ног, то он предоставил все на волю самих артистов. Во время представления царь сидел перед сценою на скамейке; для царицы с детьми был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки или, правильнее сказать, через щели досок; а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сцене. Орфей, прежде нежели начал пляску между двух подвижных пирамид, пропел похвальные стихи царю»[1]. Это было в субботу на Масляницe. В тот же день царь увеселялся на Москве-реке медвежьей потехою, а ввечеру смотрел фейерверки.

Мы можем принимать этот рассказ Рейтенфельса за известие о первом театральном представлении в московском дворце, в чем, по-видимому, нельзя и сомневаться, ибо комедия была изготовлена наспех в одну неделю, т. е. в течение той же Масляницы, когда обыкновенно позволялись всякого рода зрелища и даже всякого рода разгул. Вместе с тем, имея в виду последующие действия царя относительно устройства этих зрелищ, мы относим описанный спектакль именно к Масляницe 1672 г.[2], когда суббота этой недели приходилась на 17 февраля. С этого дня и должна начинаться история нашего театра.

Потеха, как говорит Рейтенфельс, очень понравилась, и нет сомнения, что тогда же актеры были оставлены для устройства новых представлений. Наступивший затем Великий пост, Святая и весеннее время, в которое царь потешался

[1] См. перев. И. Тарнава-Боричевского. Журнал Министерства Народного просвещения. – 1839. – Июль, II. – С. 14–15; ср. пер. А. И. Станкевича. – М., 1906. – С. 88–89. – *Ред.*

[2] П. О. Морозов в «Истории русского театра». Т. I. – СПб, 1889. – С. 189, относит этот спектакль к 1673 г., а днем первого представления «Артаксерксова действа» принимает 17 октября 1672 г. (см. с. 134), согласно данным, приводимым Н. С. Тихонравовым в «Русских драматических произведениях 1672–1725 гг.». Т. I. – СПб, 1874 – С. IX. – Прим. 1. – *Ред.*

обыкновенно соколиною охотою, не были удобны для представления комедий. Между тем мая 30 государь был неизреченно обрадован рождением сына, царевича Петра – будущего преобразователя. Для Нарышкиной, как и для всех ее родных и приближенных, а стало быть, и для Матвеева – это было торжество действительно неизреченное. В тот же день главные из них получили повышения в чинах, и Матвеев вместе с отцом царицы пожалован в окольничие. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье на Петров пост, в Золотой царицыной палате государь давал боярству и дьякам родинное[1] пиршество, простое, нечиновное, без зову и без мест, т. е. с устранением старых чиновных порядков столованья. Можно думать, что за этим, так сказать, кабинетным пиршеством, на общем веселии, между разговорами о разных веселостях было вспомянуто и о немецкой комедии и тут же решено устроить комедию во дворце постоянную. И в действительности, на третий же день, как только отошло пиршество с неизбежным похмельем, июня 4 государь «указал иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать *из Библии книгу Эсфирь* и для того действа устроить хоромину вновь». Вновь здесь вовсе не значит, что была старая такая хоромина, взамен которой строилась эта новая. Слово это означает постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедиальных только действ. Очень замечателен самый выбор пьесы, ибо история Есфири некоторыми сторонами и особенно общим своим смыслом указывала на историю государева брака с Нарышкиною. Смысл этой истории заключается в том, чтобы показать, как Бог низвергает сильных, возвышает униженных и расстраивает все козни врагов.

Однажды персидский царь Ассуир (Артаксеркс Долгорукий) во время веселых роскошных пиров, разгоряченный вином, так увлекся общим ликованьем и разгулом, что повелел привести на пир свою царицу, чтобы показать ее, как красавицу, своим собеседникам. Царица, по восточному обычаю, почитая недостойным для себя и унизительным вообще для женской

[1] Ср., однако, выше, с. 710 и прим. 1 на с. 712. – *Ред.*

чести явиться среди веселого мужского собрания, отказалась исполнить волю царя-супруга. Оскорбленный публичным непослушанием супруги, Ассуир решился развестись с ней и отдал это дело на обсуждение верховного совета. Царская Дума представила, что поступок царицы подает повод и всем другим женам не слушаться своих мужей, а потому и одобряла намерение царя удалить от себя царицу. Вскоре был обнародован об этом и указ царя; царь было и раскаялся, что строго осудил супругу, но было уже поздно, ибо однажды утвержденный указ по тамошним законам почитался неизменным. Тогда вельможи предложили ему собрать из всего царства всех прекрасных девиц и из них выбрать себе супругу. Невесты были собраны, и в числе их – чудная красавица иудеянка Едисса (мирта). Ее представил ко двору один из привратников, ее дядя, Мардохей, у которого по смерти родителей она воспитывалась вместо дочери. На нее и упал царский выбор. Тогда ей дали новое имя Есфирь (сокровенная). Царь возложил на нее венец и провозгласил своею супругою. В это время любимцем и временщиком у царя был некто Аман – до того возвеличенный, что по приказанию царя пред ним все должны были преклонять колена, когда его встречали. Мардохей, почитая это идолопоклонством, не исполнял царского повеления и не кланялся гордому временщику. Аман разгневался и решился отомстить. Он начал клеветать на иудеев, привел их у царя в немилость и выпросил повеление истребить в один день всех иудеев во всем царстве. Назначен был уже и день. Иудеи трепетали, молились. Мардохей заклинал царицу спасти их, умолить царя об отмене указа. Есфирь приняла на себя этот подвиг и достигла цели. Своим поведением она так умилостивила царя, что тот обещал ей исполнить все, чего она ни пожелает. На первый раз она пожелала только одного: чтобы царь вместе с Аманом пришел к ней на пир. На пиру, очарованный супругою, Ассуир снова дает обещание исполнять все ее желания. Есфирь опять просит одного: пожаловать к ней на пир с Аманом и на другой день. Аман радуется такому благоволению и еще больше возвышает свою гордость. Одно не дает ему покоя – это непокорение Мардохея, который

и с места пред ним не встает, в то время как все повергаются на землю при одном появлении временщика. В несказанном гневе он готовит иудеянину виселицу. Но Бог хранит своего раба. Царь случайно вспоминает заслуги Мардохея и хочет его наградить. Он спрашивает Амана: какой почести заслуживает человек, которого царь желает наградить? Аман принял это на свой счет и предложил царю, что такого человека надо облечь в царскую одежду, возложить на него венец, посадить на царского коня и провести торжественно по всему городу. Ассуир одобрил предложение и повелел Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщик никак не ожидал такой развязки, но должен был покориться. После церемонии он был позван на условленный пир к царице, на котором Есфирь получает от царя опять то же обещание: исполнить все, чего она захочет. Тогда царица рассказывает своему супругу о замыслах Амана в его же присутствии. Дело кончается тем, что Аман был повешен на той же самой виселице, которую готовил Мардохею, а все враги иудеев по всему царству были истреблены. Мардохей стал любимцем царя и заступил место Амана[1].

Особенный драматизм всей этой истории давал легкую возможность составить из ее содержания очень занимательную пьесу для «действа», которую, быть может, и сочинил придворный учитель Симеон Полоцкий, если она тогда же не была переведена с немецкой или польской уже готовой комедии[2]. Сколько было тут понятного, даже родственного для тогдашней дворцовой публики и в положении лиц, и в их обстановке, и в их стремлениях.

Если мы припомним историю царского брака на Нарышкиной[3], то увидим, что история о Есфири давала довольно намеков на современные дворские отношения, что роль Есфири походила на роль царицы Натальи во время ее избрания в

[1] Библейско-биографический словарь. – СПб., 1849. [Сост. Ф. И. Яцкевич и П. Я. Благовещенский. Т. I. – С. 178–183].

[2] Ср. данные, приводимые Н. С. Тихонравовым в «Русских драматических произведениях 1672–1726 гг.». Т. I. – СПб, 1874. – С. IX. – Прим. 1. – *Ред.*

[3] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 308–311.

невесты так, как роль Мардохея – на роль ее родственника и воспитателя Матвеева. Кто указывал на Амана – неизвестно, но Матвеев прямо мог думать о Богдане Хитрово – царском дворецком и тогдашнем любимце царя Алексея, как это рассказывается записками о таких отношениях его сына Андрея Матвеева[1]. Очень понятно, сколько и сама царица Наталья интересовалась представлением такой комедии. *Комедийная хоромина* была построена по указу государя в с. Преображенском, разумеется, на государевом дворце, в котором, таким образом, полагался первый камень преобразования нашей общественной жизни. Преображенский дворец теперь, к сожалению, уже не существующий, достоин вечной памяти за то именно, что в нем зачинались почти все общественные наши реформы, начиная с мелочей, с бритья бород, и восходя до преобразования войска. Постройка этого первого театра была произведена со всем нарядом на счет двух приказов Володимирской и Галицкой Четей, которыми тогда управлял Артамон Матвеев; стало быть, он и был главным и непосредственным двигателем этого дела, которое во дворце, быть может, не всеми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали от дворцовых расходов. Сохранилась записка о лесном материале, который был употреблен на постройку этой комидейной хоромины. В дело пошло на стены 542 бревна в 4 саж. длиною, что дает повод заключать, что пространство хоромины было не меньше 30 арш. в квадрате при вышине в 6 арш. На переводины пошло 25 дерев по 10 саж. длины и 50 дерев семисаженных. На полы и потолки – 493 доски; для стропил – 50 дерев семисаженных и 300 дерев в 4 саж. В кровли и на внутреннюю отделку – 4220 тесниц. Для дверей и окошек – 28 колод. Внутри устроены рундуки, полки (места амфитеатром), лавки и подмости в ямах, т. е. на сцене, для рам и декораций. Перед хороминою был устроен обширный рундук, т. е. помост с входными ступенями. Кругом она была огорожена забором со створчатыми воротами. На всякие лесные запасы вышло больше 1000 руб.

[1] См.: Записки русских людей, изд. И. Сахаровым. – СПб, 1841. Записки А. А. гр. Матвеева. – С. 16. – *Ред.*

Из дворца было отпущено довольно значительное количество червчатого (красного) и зеленого сукна на уборку новопостроенной хоромины. Октября 27 выдано в комедийную хоромину в Преображенское на обивку стен и на мосты (полы) сукон анбурских половинками, три половинки червчатых, две половинки зеленых да половинка сукна лятчины[1].

Из этого указания видно, что в конце октября хоромина, совсем уже выстроенная, убиралась или наряжалась начисто. Кроме внутренней уборки сукнами и коврами для представлений построено было всякое *потешное платье* и написаны *рамы перспективного* письма, т. е. декораций. Без сомнения, помянутое действо Есфири в течение ноября до заговен, т. е. до 14 числа, давалось не один раз. Играли, быть может, и другие какие-либо небольшие пьесы, например интермедии и т. п. – нечто вроде теперешних водевилей.

Затем в наступивший пост царь, конечно, не мог смотреть подобных зрелищ, и потому представления начинаются опять в мясоед уже в генваре 1673 г.[2] На время поста театральные уборы, ковры, сукна и всякое потешное платье были вывезены из хоромины и сложены в палату на кремлевском дворе боярина Милославского, который после его смерти еще в 1668 г. поступил в число дворцовых зданий, хотя все еще по старой памяти именовался двором Милославского. Это так называемый Потешный дворец, впоследствии Комендантский дом.

[1] В половинке сукна считалось длины от 20 и до 40 арш.; шириною сукно бывало в 2 арш. с вершками и без вершков. См.: Архив Оружейной палаты. – № 390. Подробности постройки этой хоромины сообщены нам Н. С. Тихонравовым в выписках из расходных книг Владимирской и Галицкой Чети. См.: Он же: Летописи русской литературы. Кн. V, 28 [Летописи русской литературы и древностей, издавшиеся Н. Тихонравовым, 1859–1860. Кн. 5 (Т. III. – М., 1861), отд. II. – С. 28; ср.: Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. II. – М., 1898. – С. 74 и прим., с. 10. На поле печатного ориг. 1872 г. автором помечено: «Архив Калач. 1860–61. Кн. VI, все напечатано», см. изд. Н. Калачовым «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1860–1861. Кн. 6. «Материалы об устройстве театральных представлений в Москве и Преображенском в 1672-м и 1673-м годах». – М., 1869, II. – С. 16–26. – *Ред.*].

[2] Здесь на поле печатного ориг. 1872 г. заметка автора, приводимая ниже, на с. 863, прим. 1. – *Ред.*

По-видимому, комедии очень полюбились царю Алексею, а особенно, быть может, молодой царице. Новый сезон примечателен тем, что на этот раз для театра было устроено новое помещение в кремлевском дворце, в особой *комидейной палате.*

Действительно, ездить зимою в Преображенский театр было далеко и по многим причинам весьма неудобно. Надо было подниматься всем двором, со всем семейством ехать ночью по сугробам сокольничьего поля, обременять таким выездом весь дворовый чин, не говоря уже о состоянии здоровья, а также и о гостях, для которых эта далекая ночная потеха была бы тоже не совсем приятна, тем более что приглашение к ней всегда являлось в форме повеления, которое, хочешь-не хочешь – надо было исполнить. Таким образом, зимний сезон требовал театрального помещения в городских дворцовых зданиях в Кремле. Распоряжения о театре начались 22 генваря, в день бракосочетания с царицею, который, вероятно, царь хотел провести весело. Он тогда приказал «над аптекою, что на дворце, в палатах, построить как быть комидейному действу».

Нет сомнения, что или сам государь, или царица думали, что такое дело можно сделать скоро, в один день, чтоб к вечеру было и готово. Когда, быть может, объяснилось, что так скоро невозможно устроить театр, в тот же день, 22 генваря, был отдан другой приказ: «Хранившиеся в Кремле театральные вещи перевезть в с. Преображенское и там комедийную хоромину нарядить по-прежнему, чтоб к комедийному действу генваря к 23 числу все было готово». Тотчас перевезли все надобное на восьми подводах и к наряду купили гвоздья двоетесного и однотесного и луженого, также ременья, скоб, крючья, проволоки железной. Неизвестно только, состоялся ли в назначенное число этот Преображенский спектакль. Дóлжно полагать, что он был отменен, ибо в тот же день, 23 генваря, государь дает повторительный указ, чтобы «над приказом Аптекарския полаты в полатах построить и нарядить, как быть комидейному действу», и из Преображенской комидейной хоромины перевезти декорации, рамы перспективного письма в Москву, в упомянутые палаты над аптекою, которые тогда же и перевезены.

Надо было очень спешить, потому что до Масляницы оставалась с небольшим неделя. Постройка *комидии* была поручена стрелецкому сотнику Данилу Кобылину из полка полковника Бухвостова. Из стрельцов же назначены и плотники, 20 чел., а для поспешенья велено взять и больше, почему и прибавлено еще 5 чел. Они работали пять дней, с 25 генваря по 29, и даже по ночам, для чего куплено 100 свеч сальных больших за 15 алт. Как все было построено – неизвестно. Знаем только, что палата была постлана войлоками (47 штук), а по ним коврами; двери и стены обиты также коврами и сукнами; к связям в своде были привязаны брусья, к которым сукна прибиты; сцену отделял особый брус с перилами, на котором положены две полстки; было устроено три завеса на толстой железной проволоке и на медных кольцах, которых к новому завесу употреблено 60 штук; куплено 10 деревянных подсвечников, которые были утверждены на досках; куплены также две дубовые большие скамьи, а из Преображенского перевезено и особое *место,* быть может, государево; кроме того, выкрашены голубцом какие-то четыре *балеты.* При перевозке из Преображенского рам – декораций, 36 штук, оказалось, что большие и средние рамы в двери новой комидейной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрезаны и построены сдвижными с приделкою 100 задвижек и 200 скоб железных. Эти декорации писал и устанавливал живописец Петр Гаврилов Энглес.

Между тем в Новонемецкой слободе магистр Яган Готфрид учил актеров к комидейному действу, детей из Новомещанской слободы (теперь улицы Мещанские), для чего Матвеев 22 генваря приказал ему в эту школу отпустить 2 саж. дров с Малороссийского двора (улица Маросейка).

Неизвестно, в какой день начались представления в новой театральной палате, но, вероятно, уже на Масленице, начавшейся со 2 февраля. Кажется, комедия дана была два раза, ибо в это время в два дни перевезено из Немецкой слободы до дворца 60 чел. детей, которые участвовали в комидейном действе; привозили по 30 чел. в день; это число и должно обозначать всю труппу, бывавшую на представлении. Кроме того,

в комедии действовали и актеры – немцы, Тимофей Гасенкрух с товарищи, названные игрецами. Оркестр тоже состоял из немцев-музыкантов и управлялся полковником Николаем Фанстаденом. Все эти немцы были привозимы во дворец три раза и, следовательно, играли один, третий раз какие-либо свои игры, без актеров-детей. С наступлением Великого поста театр был оставлен и возобновился уже весною[1], после Троицына дня, в с. Преображенском. На другой день этого праздника, мая 19, царь со всем домом переехал туда на летнее житье. 22 числа Матвеев приказывает «из Кремлевских полат, что на дворце над аптекою, органы и рамы перспективного письма и что есть, как было наряжено для комидейного действа, все перевезть в с. Преображенское, в комидейные хоромы и те хоромы нарядить против прежнего». Опять на 15 подводах повезены были 32 рамы декораций, 9 ковров, сукна, скамьи, органы; опять 7 чел. плотников с мастером перспективного письма Энглесом уставливали рамы и устраивали все, что было надобно. Сколько раз давались в это время представления – неизвестно. Но недели через три, 16 июня, у магистера Ягана Готфрида началось новое ученье комидейного действа: вновь выбрано было в комедианты 26 чел. мещанских детей, которые и отвезены к нему в школу в Немецкую слободу на 5 подводах. К осени готовилась новая комедия о младшем Товии. 6 октября по царскому указу Матвеев приказал выдать «магистру ко исправлению комедии на платье ангелов и на молодого Товию и на одеяние его спутьшественников» 30 руб. из доходов Приказа Галицкой Чети. 7 октября Готфрид деньги получил на строенье комедии, как он упомянул в расписке. 9 октября из дворца отпущено в Преображенское в комедийную хоромину на обивку

[1] На поле печатного ориг. 1872 г., хотя и в другом месте (см. выше, с. 862) автором отмечено: «1673 г. апреля 6 у руки Готфрид и Юрий Михайлович. – Русь. – 1882. – № 15. – С. 18». Эти сведения даны в статье Д. Турина «Русский народный театр в Москве и его значение», а ранее Н. С. Тихонравовым в «Русские драматические произведения. 1672–1725 гг.». Т. I. – СПб, 1874. – С. XI. Речь идет о том, что на Святой 6 апреля 1673 г. были у государя у руки пастор Яган Готфрид и учитель Юрья Михайлович, да с ними экомедианты Артаксерксова действа. – *Ред.*

стен «216 $^{1}/_{2}$ арш. сукон анбурских червчатых». Между тем еще с 5 октября государь со всем домом отправился на богомолье к Троице несколько позднее обычного сентябрьского похода по той причине, что 22 августа в пятницу шестого часа в 3 чети даровал Бог государю дщерь, царевну Наталью Алексеевну, и до истечения срока родинного времени царице подняться в поход было нельзя. С богомолья государь возвратился 26 октября прямо в Преображенское, где со всей семьей и оставался до филипповских заговен, т. е. до 14 ноября. Через несколько дней по приезде, 2 ноября, «ввечеру государь ходил в комидию смотрить действа, как немцы действовали»[1]. Вероятно, до 14 ноября комидейное зрелище повторилось не один раз. Потом в рождественский мясоед следующего 1674 г. мы находим комедию опять в кремлевском дворце, откуда на Масляницe во вторник, 24 февраля, она снова перевозится в Преображенское. В этот день Матвеев приказывает по повелению государя: «Из полат (кремлевских), что построены над аптекою для комедийного действа, рамы, ковры, сукна, стулы и всякой наряд и органы перевезти для комидейного же действа в с. Преображенское в комидейные хоромы, наскоро».

В тот же день 16 подвод повезли в Преображенское весь этот театральный наряд, служивший, таким образом, убранством и для кремлевского театра в каменных палатах, и для деревянного театра в Преображенском дворце. Туда же тотчас вызваны были из Москвы придворный органист Симон Гутовский с учениками, а из Новонемецкой слободы игрецы *Тимофей Гасенкрух* с товарищами и музыканты, которые все и привезены были на восьми подводах. Между тем тогда же для комедии был куплен стол дубовый за 20 копеек. В пятницу на Масляной 27 февраля комедия была перевезена на 16 подводах со всем нарядом и с органами опять в кремлевские палаты *для комидейного* же *действа,* которое, по все-

[1] Выходы... царей... Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича... – М., 1844. – С. 563. Указываемая книга Выходов 7182 г. здесь неправильно обозначена 7181 годом, отчего и мы прежде ошибочно относили этот выход в комидию к 1672 г. Ср.: Дворцовые разряды. Т. III. – С. 908 и др. [909].

му вероятию, в тот же день и представлялось. С окончанием Масляницы был закрыт и театр.

Что было в весенний мясоед – нам неизвестно. Осенью, в сентябре, государь справлял две семейные радости: 1 сентября всенародно с подобающим торжеством объявлял сына царевича Федора Алексеевича наследником царства, а с 4 числа праздновал новое рождение царевны Феодоры. Пиры по случаю объявления царевича продолжались в течение сентября, 1, 6, 17 чисел; потом был совершен обычный поход к Троице. Празднование родин началось с 1 октября, когда был дан родинный стол; затем 4 октября новорожденную царевну крестили, а 8-го был крестинный стол. В эти дни для увеселения дворцового общества на дворце была поставлена старинная музыкальная потеха, которую в молодости во время первой своей свадьбы царь Алексей было отверг как бесовское угодие. Снова явились трубачи, накрачеи, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно к военным хорам и, быть может, по особенной торжественности или громозвучности своей музыки потребованы на этот раз и для увеселения дворца. Затем развеселившийся государь 21 октября созвал к себе в потешные хоромы на вечернее кушанье все боярство с некоторыми дьяками и даже со своим духовником и угостил гостей на славу – водками, ренским, романеею и всякими разными питиями: пожаловал их своею государскою милостию, напоил их всех пьяных. Во время пира, который продолжался почти до 6 часов другого дня, «изволил государь себя тешить всякими игры, и его тешили и в органы играли, а играл в органы немчин; и в сурну и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били – во вся». Пир был в полном смысле предшественником пиров петровских. Само собою разумеется, что не одною же музыкою потешался государь; вероятно, ее сопровождали и другие всякие игры. После этих кремлевских увеселений, справив подобающим чином родительскую Дмитровскую субботу поминовения умерших, государь на другой день, 25 октября, выехал со всем домом в с. Преображенское и оставался там до 13 декабря, потешаясь время от времени соко-

линою охотою, комедиями и выездами в близлежащие загородные дворцы, в Измайлово, в Алексеевское[1].

Немецкие комидейные потехи даны были на Преображенском театре три раза во время мясоеда. В первый раз была «комидия как Олаферна царица царю голову отсекла», т. е. Юдифь – та самая, которую наши послы в 1635 г.[2] смотрели во дворце у польского короля; тешили великого государя иноземцы и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича Матвеева. С государем были в *комидии* бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди все – и стольники, и стряпчие. А которых бояр, окольничих, думных дворян и ближних людей не было в походе, т. е. в Преображенском, и за ними были посланы нарочные с указом быть непременно в Преображенском, т. е. в театре.

Другая комедия была Есфирь: *как Артаксеркс велел повесить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью.* В комедии с государем были царица, царевичи и царевны – все семейство, а также бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди; стольники и *всяких чинов люди.* Тешили государя и публику немцы же да люди боярина Матвеева – и в органы играли, и на фиолях, и в страменты, и танцевали.

На заговенье, ноября 14, была снова потеха, а тешили великого государя иноземцы, немцы да люди боярина А. С. Матвеева, на органах, и на фиолях, и на страментах, и танцевали, и всякими потехами разными (тешили).

В зимний мясоед 1675 г. в четверг на Маслянице, 11 февраля, была комедия, вероятно, в Кремле. Тешили великого государя те же действующие лица, иноземцы да люди боярина Матвеева, всякими разными играми; началась комедия в пятом часу ночи или в десятом по нашему счету, *отошла* комедия до света за три часа, следовательно, в пятом часу пополуночи, и продолжалась, стало быть, около *семи* часов. Весенний мясоед и все лето государь со всем домом прожил на

[1] См.: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 467.

[2] В печатном ориг. год 1634, но ср. выше, с. 851. – *Ред.*

Воробьевых горах; оттуда перешел в с. Коломенское и потом уже 9 ноября в Преображенское, где и жил по 15 декабря, изредка делая выезды в Москву. Быть может, между 9 и 14 ноября в окончание мясоеда и дана была какая-либо комедия по примеру предыдущего года.

Подтверждение этому находим у Лизека, который пишет следующее: «Чрез несколько дней после нашего отъезда (7 ноября, если принять русский стиль), немецкие комедианты имели представлять комедию, которая, как они уверяли, доставит большое удовольствие царю, если только в ней будет участвовать один из наших слуг. Это был балансер, заслуживший своими шутовскими и ловкими действиями всеобщее удивление, особенно русских, которые единогласно решили, что он чародей и морочит добрых людей бесовскою силою. В самом деле, над его фокусами нужно было призадуматься. Например, он перекрестит несколько раз ножи, и они сами собой поднимают венки и деньги. Как мы ни присматривались к его штукам, но никак не могли отгадать причины странных явлений. Немцы и некоторые из русских просили послов (цесарских) оставить его в Москве, пока он покажет свое искусство царю и царице, но желание их не было исполнено. По отъезде нашем слух дошел до царя, и он тотчас послал вслед за нами генерала Менезиуса, бывшего некогда послом в Вене и Риме с переводчиком, чтобы воротить в Москву нашего слугу-фокусника. На третий день они догнали нас в почтовых санях и, объяснив желание царя, просили отпустить сказанного слугу и уверяли, что царь отдарит его щедро и тотчас отпустит назад. Послы предоставили ему на волю. Он воротился в Москву, в царских палатах два раза показывал свои фокусы и удивил царя и царицу. К нам он примкнул в Вистервице в Моравии, промотавши все, что подарил царь»[1].

В зимний мясоед 1676 г. царь заболел и 30 генваря скончался. Театральные представления должны были остановиться

[1] См.: Сказание Адольфа Лизека о посольстве... в 1675 г. / Пер. с лат. И. Тарнава-Боричевский. Журнал Министерства Народного просвещения. Ч. XVI. – 1837. – № 11. – С. 391– 392. – *Ред.*

на долгое время... Вскоре и главный директор этого первого театра боярин Матвеев в том же году подвергся царской опале и, наконец, ссылке. Потеряв такую важную опору, немецкая труппа удалилась, вероятно, восвояси. Люди Матвеева также частию были разосланы по деревням или же поступили к новым помещикам. Таким образом, только что возникшая комедия упразднилась сама собою. Но если зрелища, в течение 4 лет утешавшие государя и двор, прекратились, то все-таки они не могли пройти без следа собственно для народа, по крайней мере, для московского общества, в низменных его слоях, откуда по большой части выбирались актеры и статисты для царских комедий. Зрелища прекратились, но осталась мысль, что они позволительны, что в них нет особого греха, как учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и сам великий государь со всем своим государским домом, со всею боярскою палатою и даже с людьми всякого чина свободно потешались комедиями, интермедиями и всякими подобными играми, и своим присутствием на этих играх как бы освящали их гражданство в ряду всех других неотреченных народных увеселений; оставалась, одним словом, мысль, что можно продолжать такие зрелища собственными средствами. С этого времени немецкая комедия свила, так сказать, гнездо в московском обществе. Таким гнездом были ее ученики, молодежь из мещанства и подьячества.

Как только, еще в 1672 г., магистр Яган Готфрид Грегори получил приказание поставить на Преображенской сцене книгу «Есфирь», то, без сомнения, тогда же и образовалась театральная школа. Ученики или актеры, как мы видели, набраны были из мещанских, а отчасти и из подьяческих детей; из мещанских Новомещанской слободы потому, что эта слобода была вновь населена большею частию выходцами из западного края, которые поэтому и на комедии смотрели другими глазами – более свободными, чем коренные москвичи, кровные дети старого Домостроя, т. е. окрепшей во всяких запрещениях древнерусской культуры. В коренных москвичах произошло бы от таких выборов великое мнение и смущение, а потом, пожалуй, и возмущение, ибо к тому все готовилось ввиду борьбы старовер-

ства с разными новинами. Должно быть, ученики набирались и во всякое время, смотря по тому, сколько новых актеров или статистов требовала поставляемая вновь пьеса. Впрочем, постоянное число их в первое время доходило, кажется, только до 30 чел. Положение этих маленьких актеров было вообще незавидно. Они сначала не получали за свое ученье даже кормовых денег. В 1673 г. один из них, подьячишка Васка Мешалкин с товарищами[1], подал государю челобитную, в которой объясняли: «Отослали нас (в июне с 16 числа 1673 г.), холопей твоих, в Немецкую слободу, для научения комидейного делу к магистру к Ягану Готфрету, а корму нам ничего не учинено; и ныне мы, *по вся дни ходя* к нему магистру и учася у него, платьишком ободрались и сапожишками обносились, а пить-есть нечего, и помираем мы голодною смертию. Милосердый государь! Вели нам поденной корм учинить, чтоб, будучи у того комедийного дела, голодною смертию не умереть». По этой челобитной велено им выдать кормовые деньги с 16 июня, как они поступили в ученье, по грошу в день человеку, т. е. по 4 ден., с разрешением выдавать по стольку же во все время, покамест в ученьи побудут, но, однако ж, *с свидетельством,* т. е. с аттестациею магистра об их успехах и старании[2].

Успехи и старание этой малолетной русской труппы засвидетельствованы самыми пьесами, которые она время от времени представляла государю. Из случайных заметок в современных дворцовых записках мы уже знаем, что на дворцовой сцене даны были комедии: 1) «Есфирь», 2) «Юдифь», 3) «Товия младший». Но репертуар этим не ограничился. Сохранилось в рукописях еще несколько комедий, игранных в то же время, о чем положительно говорят их *прологи* или предисловцы и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось действо и которые обыкновенно восхваляют царя

[1] Из числа товарищей-комедиантов еще известны по распискам в получении денег: Лука Степанов, Тимошка Максиков, Родка Иванов, Николай Иванов.

[2] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 24. – М., 1856.; Летописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым, кн. 5 (Т. III. – М., 1861), отд. II, с. 30 [ср.: Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. II. – С. 75. – *Ред.*].

Алексея. Таковы: 4) малая *прохладная* комедия об Иосифе, т. е. о преизрядной добродетели и сердечной чистоте; 5) малая комедия «Баязет»; 6) «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи сожженных». Затем к тому же времени до́лжно отнести: 7) комедию о Блудном сыне; напечатана в Москве в 1685 г. с картинками, по образцу лубочных сказок; 8) историю о царе Давиде и о сыне его Соломоне премудром, составленную по Книге Царств, а быть может, и по изложению хронографа[1]; 9) Алексей, человек Божий, диалог в честь царя Алексея: «Представлен в знамение верного подданства чрез шляхетскую молодь студентскую в коллегиуму киево-могиланскому на публичном диалоге». Напечатана в Киеве 1674 г. февраля 22.

Комедии 6 и 7 писаны стихами и принадлежат перу Симеона Полоцкого. Много вероятного, что и первые 5 комедий переведены, а иные, быть может, переделаны или и составлены им же. Он был придворным учителем, ритором и пиитом, и знатоком иностранной, именно светской и особенно польской литературы, откуда легче всего было черпать по крайней мере образцы для первых драматических или, как тогда говорили, комидейных сочинений. Другому некому было и поручить такое новое дело. Упоминается еще о комедии «Темир-Аксаково действо», которая была в Верху у государя, но была ли поставлена на сцену – неизвестно, как замечает Соловьев (История XII, 171[2]). По всему вероятию, это та самая комедия, которая названа «Баязет». По свидетельству Пекарского, она «написана в 4 действиях, в которых есть все театральные эффекты и ужасы, сражения[3], убийства и т. п.». Дело идет между Баязетом и Тамерланом – союзником Палеолога и, следовательно, защитником христиан. В лице Баязета выведена самонадеянная

[1] Издана В. Н. Перетцом в «Памятниках русской драмы эпохи Петра Великого». – СПб, 1903. – С. 457–492. Издатель предполагает, что история составлена около 1717 г. См. с. XVI; ср. также: с. XV. – *Ред.*

[2] Так в печатном ориг., но см. т. XIII. – М., 1863. – С. 171–172, где и даются указываемые сведения. – *Ред.*

[3] В книге Пекарского чит.: «сражение». – *Ред.*

гордыня. «На сцене происходит сражение; Тамерлан остается победителем и является в битве на коне, к нему приводят побежденного Баязета в клетке, где он и разбивает себе голову. В пьесе есть шутовские сцены; шут называется по-голландски Пикель-Гярингом; помещены также и веселые песни»[1].

Комедия «Юдифь», библейский сюжет которой достаточно известен, принадлежит к числу переводных[2] и, нет сомнения, к числу первых, представленных при царе Алексее, ибо в ней проходит тот же драматический мотив, что и в «Есфири». Она заключается торжеством утесненных и уничиженных иудеев, выставивших на стенах своего города главу высокомерного Олоферна и провозгласивших всенародно: «Зде висит яростная глава того мучителя, знаменующе, яко Господь Бог гордым противляется, смиренным же дает благодать». Комедия сочинена в 7 *действах,* а действа распределены на *сени,* явления, всего 29 сеней и одно *междосение* после третьего действа. Все первое действо, 4 сени, происходит у ассириян, готовящихся наказать иудеев за непокорность. Второе – в 3 сенях, печаль и сетования иудеев, самохвальство Олоферна и радость его солдат, что началась война, и им стало жить хорошо и привольно, да и прибыточно, потому что грабеж, разбой – военное дело. Третье, 5 сеней с междосением, идет вперемежку: то у иудеев, пребывающих в страхе и в печали, то у Олоферна, продолжающего возноситься и презирать даже благоразумные советы одного из своих воевод. В том же порядке идут и 3 сени четвертого действа, в конце которого является Юдифь. Пятое действо в 5 сенях идет также вперемежку между сценами печали и молитвы у иудеев и сценами солдатского пира в стане ассириян, и солдатского плена, т. е. вообще солдатскими сценами – грубыми, цинически шутливыми. Шестое действо, 5 сеней, продолжает перемежку сцен Юдифи и Олоферна и оканчивается

[1] Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. – СПб, 1862. – С. 407.

[2] На поле печатного ориг. автором замечено: «Варн.». Не следует ли здесь видеть указания на «Историю русского театра» Б. В. Варнеке. Ч. I. – Казань, 1908; на 52 с. этой книги Б. В. Варнеке, касаясь вопроса о личности переводчика комедии, не решается принять мнения автора настоящего сочинения. – *Ред.*

для остановки в интересном месте шутливою казнью у иудеев пленного солдата. Точно так же идет и седьмое действо – то у Олоферна, то у Юдифи, оканчиваясь ее торжеством.

Все действующее общество главным образом является в трех видах. Одни – царь Навуходоносор, а затем главное лицо Олоферн с воеводами изображают непомерную гордыню, высокомерие и самовосхваление; для большего блеска этих качеств введен Ахиор – муж правды и благоразумия, за что потом и страдает. Другие – иудеи, первосвященник, старейшины и пр. изображают печаль угнетения, смирение и надежду на милосердие Божие; третьи – ассирийские солдаты, равно и служанка Юдифи, представляют грубые, своекорыстные и цинические интересы простонародья и солдатства. Поэтому в этом последнем виде сосредоточивается и все комическое этой комедии или собственно драмы, т. е. все шутовское, ибо так комическое в то время понималось. Нельзя сказать, чтобы представленная здесь характеристика солдатства рисовала только польское войско; здесь общими чертами обозначено солдатство, каким оно было в XVII столетии во всей Европе, даже и с подсмеиванием над жидами по поводу свиного мяса. Вообще во всей комедии ничего не видно особенно польского, как и особенно немецкого, за исключением названий чинов: гетман, войсковой маршалок, поручик, ротмистр, бурмистр, которые могут указывать лишь на западнорусское происхождение переводчика, как и выражения: «укус-вкус», «ходи брате»; но он же называет палача мейстер-никелем, а храмы языческие – мечетями. Затем остается столько же намеков на старые русские нравы и русские бытовые положения; подарок переводится поминком, офицеры – сотниками. Когда перед виселицею прощается с жизнию солдат, шут Сусаким, то говорит между прочим: «Простите вы, благородные сродники мои из пятерых чинов: ярышки, чуры, трубочистники, брения возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаются». Дóлжно полагать, что комедия некогда принадлежала общеевропейской средневековой литературе, откуда перешла

в Польшу, а потом и в Москву. Нет сомнения, что переводчиком был Симеон Полоцкий[1].

Цветы остроумного и смешного заключаются в том, что тот же Сусаким, когда ему лисьим хвостом вместо меча отрубили будто бы голову, в испуге думает, что действительно умер; опомнившись, рассказывает, как мнится ему, что «живот его отступил из нутренних потрохов в правую ногу, а из ноги в гортань и правым ухом вышла душа», потом, приходя в себя, собирает раскиданное вокруг платье; токмо не знает, где его глава, везде ищет «главы своея» и затем обращается к публике, прося отдать ему голову, если кто из любви и приятства скрыл ее, и т. д. Когда Юдифь совершила свой подвиг и, отдавая служанке Абре голову Олоферна, торопит ее спешно идти, бежать скорее, та заключает самое действо следующим замечанием: «Что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Юдифь с главою его ушла?».

Комическое более тонко проведено в этой последней 3 сени VII действа в разговорах между Олоферном и Юдифью, где замысловато поставлена игра двух стремлений: распаленный вином Олоферн изъясняется пред Юдифью в любви; та дает ответы согласия, утверждающие главным образом ее заветную решимость лишить его жизни. Сень открывается заздравным кубком Олоферна в честь Навуходоносора. В это время появляется Юдифь.

Одид. Велеможный Олоферн! Зри, какая семо приходит пресветлая звезда!

Олоферн. Истинно богиня некая еврейская та нарещися может.

(Вагав просит или сапоги, или саблю, хочет бежать или главы лишиться.)

Олоферн. Что глаголеши, глупче?

Вагав. Аз мню[2] тому достойно быти, да глава ему отсечена будет, иже от таковы прекрасавицы бежал или устрашился ее.

---

[1] См. выше, с. 870; но ср. также с. 870, прим. 3 и указания П. О. Морозова в «Истории русского театра...». – СПб, 1889. – С. 165. – *Ред.*

[2] В печатном ориг.: «мне».

Олоферн. Кому бежати или устрашитися? Никако! Но приятствую, да сея нощи главу свою на лоне ее держу.

Юдифь. Милостивый господине! Бог сие желание твое исполнити может.

Олоферн. О! Садися, победительница храбрости моея, обладательница сердца моего! Садися возле мене, да яси и пиеши со мною, веселящися; ибо яко ты едина мое непобедимое великодушие обладала еси, тако имаши милость мою сама ни чрез кого же иного совершенно употребляти.

Юдифь. Ей, господине мой! Аз возвеселюся усердственно; никогда же еще такой чести восприях (Зде она оглядывается и говорит:) Абра! Дай ми еству, юже про мене уготовила еси. (Зде тихо говорит:) Да не отходи же прочь ни пяди; слышишь ли?

Абра (дает ей еству и молыт:) Где мне отходити, собаки бы мя заели.

Олоферн. О вы мои воины! Пию же к вам про здравие сея красавицы, яже впредь еще асирием заступление быти имать.

Сисера. Ей истинно Навуходоносор великий нарицается бог Юпитер, ты же Олоферн еси Марс; чем же ассирийское небо возможет лучше украшено быти яко сицевым прекрасным солнцем?

Вагав. Тогда же аз Меркурием буду, понеже сию богиню Венус к Марсу привел есмь.

Абра (говорит отай:) Аз же хотя малою планетою буду у печи.

Все пьют за здравие прекрасной Олоферна. Юдифь просит не называть ее так, потому что она только раба Олоферна. Олоферн объясняет ей, что она уже не раба его, а повелительница, ибо прехрабрейше его учинилась; он еще не единожды не приступал к городу, а она, преизрядная гражданка, уже Олоферновым сердцем обладает.

Юдифь. Ей воистину! Когда бы милости твоея сердце в владении своем имела, то бы почитала, яко весь свет себе в свойство получих.

Олоферн. К сицевому получению бози тя сея нощи сподобят.

Юдифь. Благоволение Божие с надеждою моею да исполнится.

Олоферн. Не зриши ли, прекрасная богиня! Яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолевает; смотрю на тя, но уже и видети не могу, хощу же говорити, но языком (Зде он говорит, яко пьяный) больши прорещи не могу... Хощу, хощу, но не могу же; не тако от вина, яко от силы красоты твоея аз ниспадаю...

По этому отрывку можно судить и о свойствах языка комедии, неимоверно тяжелого и большею частию темного, особенно в разглагольствиях и рассуждениях, которыми до чрезвычайности растягивается и замедляется ход пьесы. В видах придать ей некоторое оживление, сверх шутовских сцен, внесено и несколько песен. Так, после 3 действа в междосении поют зело жалобно каждый свой стих пленные цари; в 5 действе, сень 2, поют веселую песню пирующие солдаты; а в конце пьесы поют торжествующую песнь освобожденные иудеи. Песнь солдат отличается даже некоторою легкостью стиха. Орив поет:

О братья наши!
Не печалитесь,
Ни же скорбите,
Но веселитесь.
Кто весть, кто из нас утре в живых будет?
Смело дерзайте,
Пока живете;
Не сомневайтесь,
Но веселитесь,
До коих мест сердце в теле живет[1].

Вообще до́лжно заметить, что тяжесть мудрых нравоучительных и рассудительных разглагольствий, какими всегда

[1] См.: Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Т. VIII. – С. 187–328. Та же комедия «Иудифь» издана Н. С. Тихонравовым в «Русских драматических произведениях. 1672–1725 гг.». Т. I. – СПб, 1874. – С. 76–203. – *Ред.*

наполнялись комедии, хорошо чувствовалась их составителями или переводчиками, и потому необходимою принадлежностью тогдашнего зрелища являлась всегда интермедия – нечто подобное теперешнему фарсу или дивертисменту. Так, сочинитель комедии о Блудном сыне в ее прологе говорит, что разделил пьесу на 6 частей и после каждой части «нечто примесихом, утехи ради, потому что все стужает (надоедает), что едино без премен бывает». Примесил же он к комедии пение, играние на органах и intermedium.

О комедии «Алексей – Божий человек» мы упоминаем после всех других по той причине, что очень сомневаемся, была ли она представлена «в присутствии Алексея Михайловича при московском дворе»[1]. На это не находим доказательств ни в самой пьесе, ни в известиях о первых наших театральных зрелищах. Верно только то, что она играна студентами в Киеве в 1673 г., «в знамение верного подданства и в честь царю Алексею». В сущности, это было восхваление и прославление Московского царя. В Москве же играть эту пьесу не было достаточных поводов, и едва ли бы царь Алексей согласился поставить на сцену своей комидейной хоромины личность своего тезоименитого ангела, которого житие читалось благоговейно только на царских именинных трапезах. Комедия неудобна была для Москвы, и особенно для царского дворца даже и по языку, испещренному не только южнорусскими, но во многих местах и польскими речениями. Если б она была играна в Москве, то непременно ее переделали бы на московскую речь, разумеется книжную, какою отличаются все остальные комедии. Одним словом, в Москве она была бы наряжена в московский костюм и самые сцены были бы названы не *нахождениями,* а *сенями,* как они назывались даже и в последующее, уже петровское время[2].

---

[1] Летописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым, 1859–1860. Кн. 5 (Т. III. – М., 1861), отд. II, с. 33 [Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. II. – Прим. – С. 12.], ср.: Наука и Литература... Пекарского. Т. I. – С. 394.

[2] Комедия «Алексей, Божий человек» // Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения. Т. I. – С. 3–75. – *Ред.*

Нам кажется, что одною из первых комедий, представленных в Москве в присутствии государя, была комедия «*Баязет*». В ее эпилоге актеры говорят царю следующее: «Как древле пали все снопы пред единым снопом Иосифа, кланяясь, так и мы падаем на землю пред царским вашим величеством. Но что может значит наш поклон пред величеством и милосердием вашим? Однако ж, как некогда великий Александр, царь Македонский, сосуд студеной воды принял в дар от одного из рабов своих, предпочтя оный другим золотым жертвам, так и мы, уповая на превысокую милость в. ц. в, припадаем паки смиренно к подножию вашего престола, униженно моляще, да благоволит в. ц. в. *сию малую и вскоре сотворенную комедию от нас, яко еще неискусных и несмышленых отрочат,* всемилостиво восприяти»[1]. Так могли говорить только те русские ученики-комедианты, с которыми ставил комедии магистр Яган. В другой комедии о Иосифе они тоже засвидетельствовали свою работу, объясняя, что «*паки* (опять) *малую,* прохладную о преизрядной добродетели и сердечной чистоте комедию в действе о Иосифе в пречестные очи (царя) предпоставити умыслили и не отчаиваются, что обычная милость государя окажет свое благоизволение и к этому *детскому действию* их (во всемилосердом пресмотрении детского действия нашего проводите оное благоизволите)»[2]. Есть намек об отрочестве артистов и в *жалобной комедии* о грехопадении Адама и Еввы, где они именуют себя *человеческими отроками* и смиренно молят царя о прощении, что *ныне* при потешных радостных комедиях и едину малую *жалобную комедию,* т. е. об Адаме и Евве, примешали[3]. Радостными комедиями, без сомнения, названы те, где торжествует добродетель, т. е. вера в Бога,

[1] Комедия «Баязет и Тамерлан» // Там же. – С. 204–242. – *Ред.*

[2] Комедия «Иосиф» // Там же. – С. 270–295; последние слова чит.: «проводити оное благоволите» (с. 270). – *Ред.*

[3] «Жалостная комедия об Адаме и Евве» // Там же. – С. 243–269. Ранее была им же издана в 5 кн. Летописи русской литературы и древностей за 1859–1860 гг. (Т. III. – М., 1861). Отд. II. – С. 49–66. – *Ред.*

смирение и т. д., каковы, например, Есфирь, Юдифь, Товия, Баязет. В падении Адама, в торжестве греха, конечно, кроме жалости, никакой радости быть не может, вот почему она и отличена от других комедий именем *жалобной.*

Мы не имеем сведений о том, продолжались ли театральные зрелища при царе Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софии. Можно полагать, что в осенний мясоед 1679 г., когда молодой царь неоднократно выезжал в Преображенское, там в ряду обычных веселостей могли быть представляемы и комедии. Вообще же время Федора, как особенно время Софии, не было благоприятно для подобных утех. Еще по смерти царя Алексея царская семья разрознилась, разделилась на две враждебные стороны, посреди ее шла постоянная темная смута и ненависть; притом именно та сторона (Нарышкины), которая наиболее благоприятствовала европейским новинам, с каждым днем все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забиравшая эту власть в свои руки, в лице своих деятелей числила очень многих ревнителей старого благочестия, да и сама стремилась утвердить свое значение на особом уважении к его порядкам и формам. Правила же старого благочестия совсем отвергали не только упомянутые утехи, но и малейшее отступление от укрепившихся обычаев. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворце поддерживались Алексеевские немецкие потехи – комедии как увеселения общие, общественные для дворца.

Однако ж достаточно распространилось и утвердилось как факт мнение, что «в теремах просвещенной европейским учением царевны Софии Алексеевны представляли не только духовные трагедии, написанные другими, но и собственные ее сочинения и переводы; что она сама в представлении участвовала с приближенными боярышнями и царедворцами. Мне известно по семейным преданиям, – писал князь А. Шаховской, – что прабабка моя, Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софии Алексеевны, представляла лицо Екатерины-мученицы в трагедии, написанной самой царев-

ной (так она сказывала своей дочери, а моей бабке), и что Петр Великий, бывая всегда при театральных зрелищах в теремах своей сестры, прозвал Татьяну Ивановну Екатериной-мученицей – большие глаза». При этом автор говорит еще, что представления в теремах завелись в 1690 г. и что Дмитревский полагал, что Мольеров «Врач поневоле» если и не переведен самою царевною Софиею, то верно игран в ее теремах[1]. Знающему читателю очень заметны рассказанные здесь несообразности. К сожалению, писатели о театре, вообще мало знакомые со своею историею, повторяли и даже распространяли краткое, но ошибочное указание Штелина, который в своем «[Кратком] известии о театральных в России представлениях» написал между прочим так: «Царевна София с благородными девицами и мужчинами играла также в комедиях»[2]. Заметка верная в отношении царевны – только не Софии, а Натальи Алексеевны, тоже сестры Петра, о которой во времена Штелина, стало быть, успели уже совсем забыть и помнили только одну царевну Софию, оставившую по себе историческую память, которой поэтому и присваивали все, чем замечательна была какая-либо царевна. Наталья Алексеевна (ск. в 1716 г.) действительно была страстная любительница театра[3], и немудрено, что комедии давались у ней даже в ее хоромах с 1690 г., когда ей было уже 17 лет. Вероятнее, однако ж, что они ставились на старом Преображенском театре. Верно также, что она сама сочиняла разные комедиантские действа, ибо Бассевич прямо свидетельствует, что «принцесса Наталья, младшая и любимая сестра императора, говорят, сочинила незадолго до своей смерти две пьесы, расположенные по очень умному плану и в которых были подробности, не лишенные красоты, но недостаток

[1] Летопись русского театра [кн. А. Шаховского] в [изд. И. Песоцким] репертуаре [Рус. Театра на] 1840 г. [Т. I (кн. 6)].

[2] С.-Петербургский Вестник. – 1779. – Август [Стр. 85. В печатном ориг. ошибочно указан месяц июль. – *Ред.*].

[3] Ср.: *Шляпкин И. А.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. Памятник древней письменности. CXXVIII. – 1898. – *Ред.*

в актерах помешал представить их на сцене»[1]. Другой иностранец Вебер рассказывает, что «Наталья Алексеевна (уже в Петербурге) заставляла играть драматические пьесы, которые смотреть волен был всякий[2]. Для помещения театра избрали огромный пустой дом, где устроили партер и ложи. 10 актеров и актрис были природные русские, не видавшие ничего кроме России, а потому можно вообразить себе их искусство. Великая княжна и сама сочиняла по-русски трагедии и комедии, заимствуя для них сюжеты из Библии или из обыкновенных вседневных приключений. Роль арлекина (непременное лицо) поручена была одному обер-офицеру, и он вмешивался со своими шутками туда и сюда в продолжение представления; потом выходил оратор и рассказывал о содержании и ходе пьесы, а наконец, следовала и самая пьеса, где была изображена неудачность восстаний и всегда несчастный конец их. В этой пьесе, так объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно из последних стрелецких возмущений». Пекарский, у которого мы заимствуем эти сведения, открыл и самую пьесу – это «*Стефанатокос»,* где аллегорически представлен заговор Шакловитого со вставкою эпизода (IV действие) из старой комедии – Есфири[3]. После смерти царевны осталось довольно комедиантских

[1] См.: *Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. – С. 431, но у Пекарского читаем, что пьесы расположены по очень удачному плану. – *Ред.*

[2] Ходил в эти комедии великий брат ее Петр. В его Походном журнале записано, что 1715 февраля 26, по прибытии в Петербург в 3 часу пополудни, государь в 6 изволил пойти к царевне Наталье в комедию. [См.: Походный журнал 1715 года. – СПб, 1855. – С. 51. – *Ред.*]

[3] Драма «Стефанотокос» издана В. И. Резановым в «Памятниках русской драматической литературы». – Нежин, 1907. – С. 233–290. Написана она вскоре после восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, см. ст. А. М. Лободы «Школьная драма Стефанотокос по вновь найденной рукописи 1741–1743 гг.» (Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. XV. Вып. 4. – Киев, 1901. – С. 59–61), также: Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. I. – М., 1898. – С. 102–103; *Морозов П. О.* История русского театра. Т. I. – СПб, 1889. – С. 350 и след.; *Резанов В. И.* Предисл. к упомянутому выше изд. – С. V. – *Ред.*

письменных книг, составлявших целую библиотеку, таковы: о Георгие и Плакиде, тетрадь о страдании Ксенофонта и Марии, тетради Крисанфа и Дарии[1], Адриана и Наталии, Июлиана, Евстафия Плакиды, Павла и Иулиании, Искупление человека от падения его, Повести о цесаре римском Отте[2]. Таким образом, театральный репертуар царевны Наталии носил в себе еще идеи XVII столетия, держался около церковной книжности, а потому вместе с характеристикою самого спектакля, сделанною очевидцем Вебером, дает довольно определенное понятие о том, как составлялось и как велось комидейное действо и при царе Алексее. Затем согласимся, что все рассказываемое в разных историях нашего театра о царевне Софии должно относиться к царевне Наталии, ибо современных известий об артистических предприятиях царевны Софии, как и вообще о дворцовых театральных зрелищах в ее время, мы покуда не имеем.

Заметим кстати, что при Петре, во время свадьбы шута Филата Шанского в 1702 г., комедия дана была уже в Грановитой палате, куда 26 генваря к строению будущей *диолегии* с Казенного двора отпущено на 20 персон тафты разных цветов 200 арш. да на завес тафты лазоревой 50 арш.; а февраля 10 в Оружейной палате велено изготовить к комедии: 12 киризов (кирасы) и лат с шапки, 15 пансырей с мисюрки, 12 сабель. Новое название *диолегия* очень верно определяло целый отдел пьес в тогдашнем репертуаре, в которых не было никакого драматического действия, а были только разговоры аллегорических лиц с целию изъяснить какую-либо общую нравственную или политическую мысль с целию указать неисповедимые пути Божьего Промысла в жизни человеков, или же оправдать дела государевы и осмеять его врагов – приверженцев староверства и невежества.

---

[1] Ср. отрывок комедии Хрисанфа и Дарии, изд. И. А. Шляпкиным в исслед. «Царевна Наталья Алексеевна». – С. 3–4. – *Ред.*

[2] Наука и литература в России при Петре Великом, Пекарского. Т. I. – С. 391–447. [На поле печатного ориг. 1872 г. автором добавлено: «Мои выписки». – *Ред.]*

ГЛАВА VI
ЦАРСКИЙ СТОЛ

Общие понятия о древних пирах. — Обозрение обрядов царского стола. — Столы посольские. — Церемониальный прием гостя и приглашение к столу. — Размещение столов в палате. — Большой стол и кривой стол. — Уборка столов, поставцов и самой палаты. — Размещение гостей. — Объявка столовых чинов и первых кушаний. — Подачи кушаний и вин. — Заздравные чаши. — Заключительные обряды пира. — Общий обзор кушаний царского стола. — Приказ Большого дворца[1].

Стол, обед, пир были едва ли не единственным или, по крайней мере, самым наглядным выражением нашей допетровской общественности. Народная эпопея свои *старины* и *деянья,* или песни про богатырей начинает весьма часто описанием пира; на пиру часто или начинаются, или довершаются богатырские подвиги; на пиру хвастают силой, богатством, подвигами, особенно хвастают всем тем, что давало вес и значение в тогдашнем общежитии, что признавало достохвальным тогдашнее общество; пир, словом, был тем узлом, к которому сходились все нити едва зарождавшейся общественности древнего времени. На пир сходились и приезжали люди всех сословий, всех разделов тогдашнего общественного устройства: князья, бояре, гости, поповичи, крестьяне, сельщина и деревеньщина. Но из этого, однако ж, не следует, что древний пир в общительном смысле походил на теперешний; чтобы люди, собравшиеся на пир, пользовались одинаковыми правами гостей как органы общественности, как полноправные члены общественного, а не другого какого союза.

[1] До слова «пира» включит. печатается по печатному ориг. 1857 г., остальное добавлено согласно дополнениям, сделанным автором сравнительно с ориг. 1857 г. – *Ред.*

Древний пир так же отличается от теперешнего, как старое общежитие отличается от нового. Мы несколько раз уже повторили слова *общество, общественность* и сознаемся, что в отношении нашей старины слова эти в строгом смысле не определяют того понятия, какое в них обыкновенно заключается. Людское общежитие устраивается всегда по господствующему началу народной жизни, всегда носит в себе те же элементы, которыми управляется народная мысль, определяется сфера насущной действительности. В древней нашей жизни в строгом смысле ни общества, ни общественности не было. Мы разумеем то общество и ту общественность, которые последнее время с развитием исторических и политических наук с более глубоким изучением отшедшего быта стали по необходимости рассматривать как совершенно особный, самостоятельный элемент народной жизни, стали отделять понятия об обществе, общественности народа от понятий о государстве, государственном быте того же народа. Общество живет самостоятельно, как бы независимо от государственных положений и определений... но, разумеется, силу жизни оно все-таки приобретает с развитием государственных понятий или, прямее сказать: государство, какая бы ни была его форма, вызывает к жизни общество; и там, где нет государства, не существует и общества, где нет понятий о государственности, не существует понятий и об общественности... Государство рассматривает людей со стороны их *службы,* подвигов на пользу общую, на пользу целого, которым сознает себя государство. По значению, достоинству, приносимым выгодам, по качеству и количеству службы оно дает людям разные места, делит людей по разрядам тех польз, которые приносит их служба, созидает служебную лествицу, табель о рангах, подчиняет одну низшую степень службы другой, высшей, во имя общего государственного строя, где каждый рычаг и каждое колесо должны действовать в зависимости от ближайшего непосредственного их двигателя. В государстве человек определяется службою и ею приобретает то или другое значение, тот или другой вес относительно других. Государственная польза от

службы не равна, не все равно и на всяком месте могут быть полезны в службе, поэтому не все равно, в одинаковой степени пользуются и служебным почетом; в службе люди ставятся по рангам, один другого выше, почетнее, начальственнее; ранги влекут за собою известные права как законную, заслуженную награду за полезную деятельность, расширяют начальственный круг лица. В службе каждый или начальник, или подчиненный в отношении восходящего или нисходящего порядка службы. Вот точка отправления взаимных отношений в этой сфере. Служебные понятия весьма часто переносят свою силу и в самое общежитие и по ней устраивают это общежитие или, по крайней мере, господствуют в нем. Характеристику людских отношений, построенных по этим понятиям, предки весьма метко обозначали словом *государить, государыться.*

Совсем другою жизнью живет общественность. Здесь не служба и не другие какие отношения лежат во главе угла, а человеческое достоинство, человеческая, а не служебная деятельность, лицо как совокупность природных, самостоятельных, неотъемлемых прав, присущих лицу как человеку. Такой простой, естественный взгляд на человеческую личность мог, однако ж, возникнуть тогда только, когда человек вышел из пеленок животного мира на простор сознательной жизни, почувствовал высоту своей природы. Взгляд этот особенно развит и укоренен Христовым учением. В общественности все лица равны, поскольку они люди, потому что можно носить и человеческую личность, но не быть, однако ж, человеком в человечном смысле. Здесь все лица пользуются равными, совершенно одинаковыми правами, не подчиняясь и не начальствуя. Общественность растворяет свой храм каждому, не справляясь с его внешними, случайными, нередко призрачными отличиями от других. Она принимает к себе не богатство, не знатность, даже не службу, а человеческую личность и рассуждает о том только, насколько эта личность действительно человечна. Основа общественного союза – это уважение человеческого достоинства, признание этого достоинства во всех и каждом, уважение личности, признание достоинств личных.

Этим началом и живет общественность, на этой основе она и развивает свои интересы. Но чем же жила наша древность, чем руководим был в общежитейских своих отношениях наш предок? Всматриваясь в старый наш быт, нельзя не заметить в нем решительного отсутствия общественности; в нем мало преобладают даже и понятия государственности. Это и естественно. Если в последние два века перед Петром государство материально успело уже сложиться, получило форму, то в этом новом теле народного развития государственная сознательная душа еще младенчествовала, едва обозначалась... И не то чтоб вообще достоинство человека, признанием которого живет общественность, но даже и самая служба как главнейшее, определяющее начало государственности, как первая форма общественного значения человеческой личности не могла еще занять первенствующего места, сделаться управляющим началом в людских отношениях. Живо было еще старое начало, первичная форма людского общежития, именно начало родовое, начало родства, родового старшинства, которое, по сущности своей, не могло иначе рассматривать людей как с точки зрения *отеческой,* где нет членов, равных друг другу, где по кровному распределению, по *отечеству,* происхождению от отца могут быть только или старшие, или младшие. Люди в своих взаимных общежитейских отношениях и столкновениях считались еще несравненно более не службою, не личными достоинствами, а родством, отчиною и дединою, родовым, отчинным старшинством. Государство по своей молодости не в силах еще было водворить свои положения, свои определения людских отношений, не в силах еще было дать общежитию свои формы и первые шаги свои по необходимости должно было подчинять искони пробитой колее. Народ, вышедший из племенного, кровного быта и вследствие исторических условий сохранивший этот быт в большей чистоте сравнительно с другими, не мог, разумеется, иначе определять и новых форм жизни, как под видом тех же первобытных своих форм, которые так глубоко лежали в основе его развития. Развитие государственности на этой почве, внося новые элементы в жизнь

и питаясь все тою же почвою, не скоро могло придать этим элементам соответственные им формы. Сила старого порядка всякий новый элемент жизни облекала в свою стародавнюю одежду, а потому даже и само государство носило еще во многом прапрадедовский кафтан, доставшийся ему по наследству от родителей. Например, в такую стародавнюю одежду облеклась государственная служба. Служить на известном месте, хоть, например воеводою в большом полку, главнокомандующим, или на другом каком важном государственном посте, мог не тот, кто по своим талантам и опытности был способен, а тот, кто по счетам своего родства имел неотъемлемое право на это место; и человек, поставленный на служебный пост не по этим счетам, следовательно, оскорбленный в своих понятиях о родовом старшинстве, готов был наделать всяких гадостей тому, кто заезжал его в распределениях службы, вовсе не помышляя, что служба не имеет никакой связи с родством, что в ней не родственники, а люди, призванные к общественной обязанности. Если так поступали в отношении к государству, то в частной жизни, во вседневных общежитейских отношениях понятия родства, естественно, должны были господствовать с большею силою. Старинное наше общежитие построено было из крепких, прочных родовых материалов, и верхушка его, это *князек* деревенской избы, была *отчина, отчество, из-отчество.* Человека жаловали, т. е. обходились с ним по его отчеству; каково было отчество, таково было и обхождение, прием, почет, чествование, даже угощение[1]. За тем же самым обедом одним подавали одно блюдо, другим другое, а если и то же, то в меньшем количестве и т. п. Все это соразмерялось с относительным старшинством или молодостью лиц. Во всем царил *отческий* взгляд на людей, по которому все были или старшие, или младшие, или отцы, или дети. Самые слова *великий, большой* означали то же, что стар-

[1] На поле печатного ориг. автором замечено: «В обрядах угощения, приема, почестей наблюдаем понятия о достоинстве человека, о его цене. Как он ценился, что почитали достоинством, которому было необходимо воздавать честь и почесть». – *Ред.*

ший, и наоборот, все, что не имело отческой чести, что было малолетно в этом отношении, называлось *молодшим, чадью, ребятами* (отрок, пасынок, детский, сын боярский). Каждый определялся не собственною личностью, даже не служебным значением, а тою степенью породы, родства, какая, разумеется, случайно выпадала на его долю по рождению. Личные заслуги, как бы велики они ни были, совершенно терялись и пропадали в расчетах и сплетениях родства. Не на их стороне было мнение века и общее уважение, а на стороне честной отчины, честного отчества.

Отецкий сын всегда получал преимущество пред всеми другими: в этом заключалась *честь* тогдашних людей[1]. Так, по свидетельству Котошихина, бояре садились в Думе и за столом у государя «по роду своему и по чести, кто кого честнее породою, а не по тому, кто кого старее в чину, хотя кто сегодни пожалован, наутрее по породе своей учнет сидети выше». Те же из приближенных к царю бояр, которые не принадлежали к породистым, например свойственники царя по царице, в Думе и за столом не бывали, потому что им под иными боярами сидеть стыдно (по свойству с царем), а выше – неуместно, что породою невысоки.

Вот на чем стояло древнее наше общежитие: краеугольным камнем во взаимных отношениях было родовое старшинство, старшинство породы, отчества. Самые служебные разряды, чины в древнем смысле, по которым люди должны были распределиться с развитием государства, оно также считало как особые породы отчества. О человеческой личности как о самостоятельном органе общественности оно не имело, да и не могло иметь понятия по существу своего начала. Оно рассматривало людей как родню, родственников старших, младших, следовательно, нисколько не равных между собою, и жило положениями родовых счетов: кому быть старше. Пир

[1] На поле печатного ориг., хотя и в другом месте, автором отмечено: «отецкие дети Солов. IX, 65». См. на указ. с. т. IX «Истории России...» С. М. Соловьева) речь бояр к литовским послам в начале 1616 г.: «У великого государя в думе и во всяких чинах и приказах *отецкие дети,* кто чего достоин по своему отечеству, разуму и службе». – *Ред.*

представляет, как мы сказали, самое наглядное выражение тогдашнего общежития. Любопытно знать, как собравшиеся на пир гости смотрели друг на друга, чем они руководились во взаимных своих отношениях? Первая мысль, как определить взаимные отношения, первый вопрос гостю или первый шаг в этих отношениях заключался в том, чтоб хорошо знать отчество, отчину гостя, как его по имени зовут.

А по имени можно место дать,
По из-отчеству можно пожаловати.

Здесь слово *имя* заключает в себе понятие *отчества* так, как слово *место* заключает понятие жалованья, приема, обхождения, чествования. Прежде всего, следовательно, справлялись о родовой *чести* гостя, т. е. каков он был по из-отчеству, какова была его *отчина,* порода: по породистой чести или по честной породе давалось и место, которое служило первым действием обхождения, существенным выражением почета и всяких почестей, которых требовал предок, входя в общительность с людьми. Место, таким образом, определяло отчину, ее старшинство или молодость. Как отчины были различны по своему относительному старшинству, так по тому же старшинству были различны и места, разумеется, в избе, в палате, на лавке.

Как же распределялись места? Где было старшее, где младшее? Откуда шел счет старшинства? Прототипом наших древних жилищ была клеть, изба; хоромы боярские и царские, как бы велики они ни были, представляли, в сущности, совокупность клетей, поставленных рядом или одна на другую и соединенных сенями и переходами. Устройство избы известно; оно почти неизменно сохраняется и в наши дни. В избе существует противоположный входу передний угол, в котором ставятся иконы; у стен по всей избе идут лавки; в переднем углу у лавок стоит всегда стол, за которым совершает трапезу живущая в избе семья. Первое, *большое,* место, где всегда садится старший, большой в семье – на лавке в

переднем углу под иконами[1]. Это самая высшая степень мест и отсюда идет счет мест, счет родового старшинства и меньшинства. И если место служило существенным выражением родопочитания, то и изба в своем неизменном устройстве со своими лавками и передним углом составляла главную и самую необходимую основу для распределения мест – так тесно связаны были понятия предков с внешними условиями их быта. Если для взаимных отношений нужна была отчинная честь, для чести – место, то для места совершенно была необходима лавка и именно в избе, т. е. в комнате с известным, однажды навсегда определенным устройством и в отношении плана, и, главное, в отношении меблировки. Одна лавка могла ясно определить степени мест, а потому и стол приставлялся к лавке и притом в передний угол, где находилась вершина мест. Там ставился *большой* и прямой стол, дальше по стене в заворот по углу ставился, если требовалось, уже меньший стол, прозываемый по своей фигуре кривым.

В комнате, непохожей на избу в своем устройстве, в которой, например, стол стоял бы посредине или в другом месте, но не у *большой лавки* в переднем углу, деды наши пришли бы в тупик, совершенно бы растерялись, не зная, *как сидеть,* ибо в *сиденьи* только известным порядком они находили точное, удовлетворительное определение своих общежитейских отношений. Вот почему и большие залы или палаты в царском дворце, Грановитая, Золотые и др., непре-

[1] На поле печатного ориг. автором замечено: «Сравни: М. В. № 86. 617 о статье Щукина в Ж. М. В. Д. во время обеда ост. местничество». См.: Московские Ведомости. – 1859. – № 86, где на с. 617 (Литературный отдел. Обозрение министерских журналов. V... Статья г. Щукина о сибирских крестьянах, в Журнале Министерства внутренних дел) находим следующее: «... Один из жителей Нерчинска такими словами описывал г. Щукину быт их [т. е. пограничных казаков]... Хозяин – почтенный старик, начетник [sic] духовных и светских книг. У него пять или шесть сыновей, фланговых гвардейцев, женатых и семейных. Старик в доме лицо священное, воля и слова его – закон для всех. Во время обеда за столом строго соблюдает местничество: впереди всех сидит отец с матерью, подле него старший сын, затем второй, третий и т. д.; подле матери сидит невестка, потом вторая и т. д. Все тихо и безмолвно. Дети отвечают лишь на вопросы отца и матери...». – *Ред.*

ложно сохраняли это типическое устройство избы, даже и с ее меблировкою, т. е. лавками. Этого мало. Если царь обедал, например, в поле, в шатрах, что случалось нередко во время выездов за город, то и шатер, по размещению столов, принимал тот же вид избы, и здесь, как и в палатах, ставился тот же *большой стол* и тот же *кривой стол,* явившиеся как неизбежное следствие избного распорядка мест[1].

Естественно, что такой распорядок мест, это старшинство переднего угла могло возникнуть прежде всего, так сказать, у домашнего очага[2], в частном, домашнем быту народа, среди отношений семейных, в жилище домовладыки, старшины семьи или рода, где не было ровных лиц, где в отношении друг к другу все были на самом деле или старшие, или младшие. Домовладыка садился в передний угол, под иконы; от него, по старшинству, размещались на лавках и остальные родичи или члены семьи. Все это наблюдается даже и теперь в местах, где крепки еще благодушные обычаи старины[3]. Когда же собирались гости, чужие, то место в переднем углу подле домохозяина предоставлялось самому почетнейшему, большому или старшему по отношениям и понятиям родопочитания. Предложение сесть в переднем углу принималось за высокую честь и почесть, какую только можно было оказать гостю, и потому это предложение почти всегда сопровождалось церемонными отказами с одной стороны и усердными просьбами с другой. Без церемоний, свободно и, можно сказать, по праву это место в простом быту занимал только священник как лицо, более других почитаемое по сану, которому требовалось оказывать велию любовь, и повиновение, и покорение. А т. к. священнический сан для лиц, его носивших, представлял по родовым понятиям и их *отчество,* то и дети священников – поповичи – пользовались в общежитии правами отцов. В одной из эпиче-

[1] На поле печатного ориг. автором замечено: «окольн. коник». Ср. ниже, с. 901, прим. 1. – *Ред.*

[2] На поле автором замечено: «Заходить за стол по солнцу». – *Ред.*

[3] На поле автором замечено: «Изба есть площадь общественности. В ней места главное». – *Ред.*

ских песен[1] князь Владимир, узнав от приехавшего на пир богатыря Алеши Поповича, что он сын старого попа соборного, предлагает ему первое место. «*По отчеству садися в большое место, в передний уголок,* – говорит ему князь, – в другое место богатырское, в дубову скамью, против меня, в третье место, куда сам захошь». Алеша садился, как и все почти приезжавшие на пир богатыри, на последнее место, на палатный брус, т. е. брус под полатями, в конце лавок и избы.

Даже так называемое общинное начало жило в тех же формах отчинного старшинства. В древнее время между городами считалось старшинство, следовательно, не только отдельные лица, но и целые общины во взаимных отношениях вращались все-таки около общего для всей жизни центра, около старшинства тоже как бы родового, потому что новые города или пригороды могли и в действительности вести свое начало от старых городов, были колониями. На вечах право *решительного* голоса принадлежало старейшим.

Таким образом, и древний пир не носит в себе ни малейших признаков общинного начала, как бы следовало, однако ж, ожидать при известном участии этого начала в жизни. Общежитие формируется не по общинному началу, а по родовому, и пир как выражение общественности представляет по формам взаимных отношений как бы собравшееся *родство,* а не *общество,* в том смысле, какой этому слову придают теперь. Как в семье или роде по последовательному распределению крови от старшего, в строгом смысле, не может быть двух лиц, ровных между собою, так и на пиру нет ровных членов: здесь относительно все или старшие, или младшие; а если б и явились такие ровные, вследствие ли запутанного сплетения родственных нитей, или понятий об отческой чести, то равенство их тотчас же было нарушаемо сиденьем на местах. Места на лавке были не равны: начиная от большого, они постепенно понижались. Одного места двое занять

[1] В былине об Алеше Поповиче; см.: *Калайдович К.* Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым... – С. 187–188 (Сборник Кирши Данилова, изд... под ред. П. Н. Шеффера. – С. 77). – *Ред.*

не могли, следовательно, кто-нибудь должен был сесть ниже. Хотя старина и чувствовала нелепость таких отношений, замечая, что «бывает-де в пирах и в беседах, что глупые люди хотя и впереди сидят, но и тут их обносят, а разумного и в углу видят и находят», и благодушно утешая таким образом затерянную среди этих мест человеческую личность, тем не менее это *ниже,* этот счет отческого старшинства принимался все-таки за главнейшее основание взаимных отношений. Яркими красками рисуются эти отчинные счеты в разрядных записках, и особенно в сочинении Котошихина: «Как у царя бывает стол на властей (духовных) и на бояр и бояре учнут садиться за стол, по чину своему боярин под боярином, окольничий под окольничим и под боярами, думный человек под думным человеком и под окольничими и под боярами, а иные из них, ведая с кем по породе своей *ровность,* под теми же людьми садитися за столом не учнут, поедут по домам, или у царя того дни отпрашиваются куды к кому в гости; и таких царь отпущает. А будет царь уведает, что они у него учнут проситься в гости на обманство, не хотя под которым человеком сидеть, или не прошався у царя поедет к себе домовь: и таким велит быть и за столом сидеть, под кем доведется. И они садитись не учнут, а учнут бити челом, что ему ниже того боярина, или окольничего, или думного человека сидети не мочно, потому что он *родом с ним ровен,* или и честняя, и на службе и за столом преж того род их с тем родом, под которым велят сидеть, не бывал: и такого царь велит посадити сильно; и он *посадити себя не дает,* и того боярина *бесчестит и лает.* А как его посадят сильно и он под ним не сидит и выбивается из-за стола вон и его не пущают и разговаривают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен; и он кричит: *хотя-де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть,* и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму или до указу к себе на очи пущати не велит. А после того за то ослушание отнимается у них честь, боярство или окольничество и думное дворянство, и потом те люди старые своея службы дослуживаются вновь. А кому за

такие вины бывают наказания, сажают в тюрьму, и отсылают головою, и бьют батоги и кнутом: и то записывают в книги, имянно, впредь для ведомости и спору»[1].

Так было в официальном быту, за столом царским, где место имело в некотором смысле служебное значение; но ту же силу отчинных счетов замечаем и в частном быту, где место представляло только выражение почета, обхождения. Родовая честь, отчинное старшинство зорко и щекотливо преследовали всякое, даже малейшее нарушение созданного ею порядка отношений, и *место не по отчине* служило величайшим оскорблением, позором и бесчестьем. Домострой называет *безумным* того домохозяина, государя дома, который, нанося гостям оскорбление невежественными грубыми поступками, между прочим, и местом обесчестит: «Тот стол или пир (присовокупляет он) бесам на утеху, а Богу на гнев, а людям на позор и на гнев и на вражду, а [о]бесчестным (обесчещенным) срам и на оскорбление»[2]. Так сильно было начало отчинного старшинства, которым управлялись общежитейские отношения, которым исполнена была мысль людей во всех столкновениях между собою. Могла ли развиться или даже существовать общественность при условиях жиз-

---

[1] Разночтения по 4 изд. (с. 46) сочинения Котошихина не отмечаются, т. к. какого-либо смыслового изменения в текст приводимого автором места они не вносят. – *Ред.*

[2] См.: Домострой... Сообщ... Д. П. Голохвастовым. – С. 16.

На поле печатного ориг. автором добавлено: «Имеем свидетельство, что и в низменном крепостном быту нередко происходили те же самые местнические счеты, из-за которых так стойко и упрямо шумели люди во дворце. В 1680 г. дворецкий одного помещика уведомлял своего барина между прочим о таком своем затруднении: “А что, Государь, написано в памяти, чтоб баб розвесть по избам; и бабы, Государь, ни которая не слушает, все лиша бранятся меж себя, и меня, холопа твоего, не слушают, лают, и их развесть без твоево-де, Государского, указу нельзя, все большие и старые, приходил я, холоп твой, многожды в избу и им говорил, чтоб изместили Марью Чеглокову, дали места; и они не дают, никто не хочет ниже сидеть, на Казаковой жены место Сысой сел самовольством”». Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 9. III. – М., 1851. – С. 57. (Письма к Андрею Ильичу Безобразову от его дворецкого 7189 года. Сообщ. Д. Ч. И. Д. Белиевым). – *Ред.*

ни, которые в членах людского союза не допускали ни малейшего равенства человеческих прав, где вместо *общества* существовала только нумерация отчеств, где не было лиц, а были только цифры, нумера отчеств, где сам по себе никто не имел значения и определялся только системою отчинного старшинства, хлопоча и заботясь не о личных правах, а о правах своего отчества, где, словом, никто не выходил еще из-под родительской опеки и относительно других всегда и везде мог состоять на правах недоросля, малолетнего? Старший на пиру или в другом собрании мог тотчас же сделаться младшим, как скоро являлся кто-нибудь еще старее. Вот почему жизненные практические правила того времени советовали «не садиться на место большее», а садиться на последнем месте, потому что, сев на большое место и когда явится кто честнее, необходимо было поседать ниже и принимать таким образом на свою голову *сором* – срам; а севши на последнем месте, всегда можно было по предложению хозяина занять высшее место, и тогда будет слава пред всеми сидящими. Вот почему и богатыри, герои нашей древности, садились большею частью по конец стола да по конец скамьи, или на палатный брус, и затем по подвигам делались главными действующими лицами на пиру.

Вещи, конечно, малые – *лавка* и *стул,* а между тем и они, как и вообще всякая мелочь отжившего быта, могут дать свидетельство о старой жизни: над ними тоже носится смысл этой жизни. Известно, что стулья (древний стол, столец), кресла и т. п. не были в большом употреблении у наших предков. Меблировка избы с лавками делала их совершенно излишними и ненужными. Но естественно, что по той же самой причине стул, кресло могли получить почетное значение; они могли ставиться лицу, которое своею общественною высотою резко выделялось из толпы; они действительно и были исключительными седалищами для самых старейших лиц, именно для великого князя или впоследствии государя и для патриарха. Кресло в комнате представляло что-то отдельное, независимое, самостоятельное в отношении лавок, и потому в царском

быту на собраниях его почти всегда ставили или для самого государя, или только для патриарха. Лавка же, напротив, указывала на неразрывную связь мест, сомкнутость, зависимость друг от друга: сесть на лавке значило войти в тесные отношения с сидящим; занимая первое или последнее место, человек не выделялся из этого круга, а все-таки был первым или последним *из сидящих,* а не самостоятельным лицом, не состоящим в зависимости от того или другого счета. Как первый без последнего немыслим, так и последний немыслим без первого: их тесно связывают их же нумера. Так тесно связаны были между собою и сидевшие на лавках старинные наши *отчинники.* Они в известных случаях были сомкнуты как род даже внешним образом – при посредстве лавки. Когда из этой сомкнутой среды стала выделяться самостоятельность лица, независимость его ни от каких счетов, то прежде всего следовало оставить лавку и пересесть на стул, т. е. решительно отделиться от упомянутой среды, потому что на лавке невозможно было выработать своей самостоятельности; на ней все еще царили понятия старшинства семейного, родового – как угодно, но все-таки родственного старшинства, почитавшего каждое лицо недорослем в отношении к восходящему порядку. Эти понятия живут на лавке еще и теперь в крестьянском быту. В эпоху преобразования, когда была признана самостоятельность человеческой личности, лавка действительно была оставлена и русское *общество* пересело на стулья – подвижные, независимые друг от друга *места.*

Обозрение обрядов царского стола, царского пира мы начнем со столов посольских, потому что царское гостеприимство и хлебосольство являлось здесь, за посольским столом, в полной мере, со всеми подробностями старинных обыкновений и придворного этикета. Это не был простой, обыкновенный праздничный стол, к которому приглашались подданные и за которым государь был, собственно, не

с гостьми, а среди верных своих слуг, принимавших царское угощенье как почесть, как обыкновенную награду и благоволение, соответственно их родовому старшинству или заслугам личным. За посольским столом особа государя принимает значение доброго, домовитого хозяина, который встречает и угощает дорогого заезжего гостя.

Обряды и разные обыкновения, которые при московском дворе сопровождали прием гостя, шли от глубокой старины.

Давая стол великому послу или высокой особе царского достоинства и духовного сана, государь предварительно делал гостю церемониальный прием. Гость прежде стола должен был *видеть пресветлые очи государя*[1]. В назначенный день за гостем посылали царский экипаж, великолепно убранный, карету или сани, смотря по времени года. Объявить царское приглашение ездил окольничий с посольским приставом. Поезд окольничьего и царского экипажа за гостем был так же церемониален, как и всякий шаг в подобных случаях. Еще с раннего утра от двора, где стоял гость, и до Красного крыльца во дворце по обе стороны дороги стоял уже строй стрельцов «с ружьем, с знамены и с барабаны» в служилом цветном платье. При этом и самые улицы, по которым назначалось шествие, очищались и прибирались. Навстречу высокому гостю выезжали *выборные сотни,* или роты из стольников, стряпчих, дворян, жильцов, дьяков и других чиновников, а также сотни низших придворных служителей и солдатские полки, хорошо вооруженные и одетые в цветное платье. Каждая сотня и каждый полк отличались особым цветом кафтанов. Самый поезд гостя сопровождали чиновники, посланные звать его к столу. Пристав ехал иногда в одном экипаже с гостем, другие ехали по сторонам и позади, за экипажем. Поезд открывал стрелецкий полковник. Кроме того, около поезда шли дворовые люди конюшенного чина в атласных червчатых и лазоревых кафтанах, с протазанами (род алебарды) в руках. Во дворце по лестницам, крыль-

[1] Вообще, когда кто удостаивался зреть пресветлые царские очи, то непременно получал и царскую хлеб-соль. Если во дворце стола в тот день не было, то такому гостю посылали обыкновенно целый обед на дом.

цам и сеням, где должен проходить гость, стояли служилые чины, в Благовещенской паперти подьячие в цветном платье, на Красном крыльце (на переходах) – жильцы в бархатных и объяринных (шелковая материя) терликах, желтых, алых, зеленых, лазоревых, червчатых, человек по десяти для каждого цвета, и в золотных шапках с протазанами и алебардами в руках. В сенях перед Приемною палатою сидели по лавкам дьяки из приказов и гости в *золотах,* т. е. в золотных кафтанах, и в горлатных высоких шапках. Приемная палата была наполнена боярами, окольничими, думными и ближними людьми, стольниками, стряпчими и московскими дворянами, которые все так же сидели по лавкам кругом всей палаты в богатейших золототканых одеждах и в горлатных шапках[1]. Так как все эти чины собраны были для церемонии, для увеличения придворного блеска и торжественности, то в сущности это был тот же военный строй, церемониальный строй чиновников и сановников. Они сидели неподвижно и хранили самое глубокое молчание, так что палата казалась пустою и был слышен малейший шорох и шопот. Проходивших к государю гостей никто не приветствовал даже и наклонением головы. Нередко это приводило в смущение, ставило в неловкое положение послов и они, не понимая московского этикета, не знали, чем отвечать на такой холодный прием придворных. А т. к. в посольских аудиенциях все шаги были размерены, все поступки строго взвешены, то посол, отмечая в своих записках подобный прием, писал, что

[1] На поле печатного ориг. автором добавлено: «Указ, чтобы непременно были 7174. Мая 1. Дворцовые разряды. Т. III, – С. 616»; на указанной странице т. III Дворцовых разрядов читаем следующее: «Лета 7174 г., Мая в 1 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великие и Малые и Белые Росии Самодержца, указу, боярину Илье Даниловичу Милославскому да дьяку Ивану Харламову. В нынешнем во 184 году, ... в 10 числе, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, указал и бояре приговорили: гостей и гостинные и суконные сотен торговых людей, которые не были на выезде против Грузинского царевича Николая Давыдовича, апреля в 19 числе, за их вину...; а то им сказать: буде они впредь на выезды выезжать не учнут и в золотах, где им по наряду велят быть, не будут, и за то на их учнут править денежные пени большие, и они б о том сей Великого Государя указ и боярской приговор ведали». – *Ред.*

и он в этом случае вел себя так же сухо и холодно. Во дворце на лестнице и на крыльце (говорит Варкоч) «стояло множество бояр в лохматых шапках и кафтанах, шитых золотом. Ни один из них не поклонился мне, почему и я, с моей стороны, не сделал им никакого приветствия»[1].

Проехав церемониально среди войска, гость останавливался, наконец, у дворцового крыльца. Здесь ему делались почетные встречи. Обыкновенно их было три: первая, вторая, третья – меньшая, средняя и большая, именно: первая – при выходе из экипажа у лестницы, вторая – на крыльце у сеней, третья – в сенях у дверей Приемной палаты. Но в чрезвычайных случаях, когда государь желал оказать гостю больший против обыкновенного почет, давалась еще четвертая встреча, которая называлась также большою; третья же вместе со второю в таком случае были уже средними. Четвертая встреча, в Грановитой палате у дверей, дана в 1668 г. патриарху Антиохийскому Макарию.

Для первой, меньшей, встречи выходили два стольника и дьяк, для второй, средней – окольничий, иногда боярин, стольник и дьяк; для большой – боярин, стольник и думный дьяк. Особенно дорогих гостей во всех встречах встречали бояре, один другого знатнее, соответственно порядку встреч.

При каждой встрече дьяки говорили приветственные речи, объясняя, что великий государь (титул), воздаючи честь гостю, повелел его встретить такому-то и такому своему боярину или окольничему, причем провозглашал имена *встречников*. Встречники иногда *витались* с гостем, т. е. здоровались, подавая друг другу руки, и потом вели его далее, до следующей встречи; вторые встречники также здоровались и заступали место первых, наконец, третьи встречники вводили гостя в палату.

Великолепие, торжественность, среди которых являлся государь в подобных аудиенциях, изумляли всякого, кто вступал в Приемную палату. Наряд Приемной палаты также разделялся

[1] См.: *Матвеев*. Римско-императорского посла Никласа фон Варкоча путешествия в Москву в 1589, 1593 и 1594 годах. Т. III Кн. V. Гл. III. – 1842.

на *большой, средний* и *меньшой,* смотря по достоинству и богатству предметов, которые были употребляемы на уборку залы[1].

Еще до приезда гостя государь приходил в палату, облекался в *большой царский наряд* и садился в своем царском месте, т. е. на троне, в венце, в *царском платне* (древняя порфира) и диадеме или бармах, со скипетром в руках. Блистающий многоценный *наряд* государя изумлял гостя еще более, чем все доселе им виденное. «С нами то же случилось, – пишет очевидец[2] царской аудиенции в XVII столетии, – что бывает с людьми, вышедшими из тмы и ослепленными внезапным сиянием солнца; едва могли глаза наши сносить блеск великолепия, когда мы вошли в палату. Казалось, что яркость сияния, от дорогих камней изливающегося, спорила с лучами солнечными, так что мы совершенно потерялись в сем смешении блеска и величия. Сам царь, подобно горящему солнцу, изливал от себя лучи света». Кобенцель, описывая свой приезд к царю Ивану Васильевичу, замечает, что

[1] Имевшееся далее в печатном ориг. 1857 г. описание *наряда* Грановитой палаты автором вычеркнуто, а на поле оригинала карандашом написано лишь: «Полы настилались цветными коврами более или менее дорогими и богатыми. На окнах также постилали золотные блестящие ковры, лавки покрывались цветными суконными полавочниками. На окнах по сторонам блиставшего серебром и золотом трона ставились какие-либо замысловатые часы и сосуды, в том числе драгоценный рукомойник и лохань (таз)». Может быть, автор, впрочем, имел в виду поместить в данном месте это же описание в подлинных выражениях Дворцовых разрядов, т. к. , во-первых, на поле печатного ориг. есть ссылка: «Дополнения к III, 402», а во-вторых, соответствующее место в принадлежавшем автору экземпляре Дополнений к т. III Дворцовых разрядов (СПб, 1854) отчеркнуто синим карандашом. Это место следующее: «Грановитая палата была нарежена большим нарядом: место Великого Государя оправное большое; степени к месту обиты бархатом золотным; на окнах насланы червчатые сукна, а поверх сукон насланы золотные ковры; по правую и по левую стороны государева места на окнах поставлены были два овощника, а промеж овощников поставлен водовзвод серебряный; на другом окне двои часы неметцкие, а промеж часов рукомойник; грановитая палата услана вся коврами перситцкими цветными; на лавках полавочники суконные цветные ж; перед грановитою в сенях насланы были ковры, а по лавках [sic] насланы полавочники цветные, разных сукон, шиты; против государева места привешено поликадило серебряное с репьи, а в нем часы; против дверей по обе стороны столпа привешены три поликадила медных». – *Ред.*

[2] Секретарь графа Карлиля. – Вестник Европы. – 1805. – № 6. [См. статью Д. Пышность двора царского в семнадцатом веке. – С. 125–126. – *Ред.*]

венец, который был в то время на царе, по своей ценности превосходил и диадему его святейшества папы, и короны королей Испанского и Французского и великого герцога Тосканского, и даже корону самого цесаря и короля Венгерского и Богемского, которые он видел. «Мантия великого князя, – продолжает Кобенцель[1], – была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиною в орех, так что до́лжно было удивляться, как он мог одержать на себе столько тяжести». По сторонам трона стояли, по двое с каждой, рынды – красивые молодые люди из стольников, в богатых белых одеждах с золотыми цепями на груди, перевязанными крест-накрест, держа на плечах топоры или секиры остриями кверху. При Алексее Михайловиче, кроме рынд, по сторонам трона стояли иногда двое голов стрелецких с мечами и по шести человек со стороны сотников стрелецких с алебардами.

Не доходя на несколько шагов до царского места, гость останавливался и кланялся, бил челом, причем боярин или окольничий, смотря по значению лица, *объявлял* его государю, сказывая его имя.

После объявки думный дьяк говорил гостю приветственную речь. Затем государь *жаловал гостя к руке,* подавал ему руку для целования. Эта милость также объявлялась речью, причем царскую руку поддерживал первостепенный из бояр. После того следовало новое благоволение царя: он спрашивал гостя о здоровье сам лично или через думного дьяка, смотря по лицу.

Совершив этот торжественный прием, государь или сам приглашал гостя к столу, или повелевал пригласить думному дьяку. Назвав гостя по имени, он [государь] говорил: *будь у нас у стола,* или *поешь ныне со мною хлеба-соли,* или вы *сегодня со мною отобедайте.*

Таким приглашением к столу оканчивалась аудиенция, и гость выходил в другую палату – в Золотую, Столовую или Ответную, в которой и дожидался стола, разговаривая со своими почетными приставами или с боярами, назначенными госуда-

[1] См. статью Домбровского «Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века». Журнал Министерства Народного просвещения. Ч. 35. Отд. II. – 1842. – С. 145. – *Ред.*

рем собственно для занятия гостя. Государь также шествовал в свои хоромы и переменял платье.

Между тем в палате дворцовые служители, стряпчие и ключники накрывали столы и готовили поставцы. Все это делалось с большою поспешностью, так что стол бывал готов иногда через полчаса или, много, через час.

В Грановитой палате, где большею частью давались почетные столы, в переднем углу стояло царское место или трон, на котором и садился государь за обедом. Перед царским местом, на его рундуке или помосте, ставился стол для государя, кованный золотом и серебром и накрытый аксамитом – золотным бархатом. К столу ставили приступ о двух ступенях, обитый цветным персидским ковром. Приступ устраивался для кравчего, который всходил на него, *подавая пить и ставя есть* на царский стол. С правой стороны от государева места шла *большая* лавка, называвшаяся так от *большого* места, которое было на ней первым от угла под иконами. Вдоль этой лавки всегда накрывался и *большой стол,* так часто упоминаемый в разрядных записках и в счетах местнических. С левой стороны трона лавка заворачивала в угол: здесь ставился обыкновенно *кривой стол.* В меньшей Золотой и в Столовой [палатах] столы ставились наоборот: справа – кривой, а слева – большой[1]. Это зависело от устройства залы и от удобства размещения[2].

[1] Дворцовые разряды. Т. I. – С. 169, 695, 810 и др. – Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. – С. 423. [В другом месте печатного ориг. автором приведена ссылка и на иной источник: «боярской стол кривой справа от государя. – Вивлиофика. Т. VII. – С. 303, 371». На первой из указанных страниц т. VII Древней Российской вивлиофики, изд. 2, читаем: «А Властем повелел Государь Царь сести за другим столом *по левую* сторону от Благовещения. А Бояром пожаловал Великий Государь Царь велел сести в *Боярском столе* по правую сторону от себя, Государя, что *словет кривой стол.* А Бояре и Окольничие все были без мест». Почти в тех же выражениях даются сведения о *кривом столе* и на с. 371. – *Ред.*]

[2] Имевшееся далее в печатном ориг. описание *окольного* стола автором зачеркнуто, оставлена лишь отметка на поле: «коник». Об этом *конике* в бумагах автора приводятся сведения за XV в. из томов 59 (с. 31, 365) и 71 (с. 94) Сборника Императорского Русского Исторического общества (СПб, 1887 и 1892), и слово *коник* объясняется автором как «конец лавки»; там же, на с. 148, 365 (т. 59) и 92 (т. 71), говорится об окольничем месте. Есть также ссылка автора на поле печатного ориг., хотя и в другом месте, и на более раннее время: «Окольное место Памятники дипломатических сношений XV в.». – *Ред.*

Кроме непременных двух столов, большого и кривого, в разных местах палаты ставились и другие столы, смотря по числу гостей, для послов – *посольские,* для духовных властей – *властелинские* и пр. Вообще же, по свидетельству иностранцев, в размещении столов не наблюдалось никакого особенного порядка и симметрии; они ставились или соответственно старшинству мест, или по удобству, но на таких, однако ж, местах, чтоб можно было видеть стол государев. Самые столы, говорит Барберини, были весьма разнообразны: «Один был высокий, другой низкий, тот узкий, тот широкий»[1].

Для почетнейшего гостя, например в Грановитой палате в 1658 г. для грузинского царя Теймураза, а в 1660 г. для грузинского царевича Николая Давидовича, накрывали стол отдельно от других – с левой стороны трона, в первом окне от Благовещенского собора, следовательно, в переднем углу. Королевич датский Вольдемар как жених царевны Ирины Михайловны обедал в 1644 г. за одним столом с государем Михаилом Федоровичем и царевичем Алексеем Михайловичем. Такой необыкновенной почести удостаивались весьма немногие, и только лица царского достоинства и высокого духовного сана, как, например, патриархи[2].

В то же время, когда шатерничие расставляли столы, степенные ключники и стряпчие готовили *поставцы* или буфеты, из которых один устраивался среди палаты, в Грановитой обыкновенно около столба, а другие – в сенях. Эти поставцы, соответственно трем ведомствам царского столового обихода, делились на три отдела: был *поставец Сытного дворца,* собственно питейный, на котором стояли кубки, ковши, чарки, кувшины, кунганы, ведра и другие сосуды с

[1] См.: Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. Перевел с рукописей В. Любич-Романович. – СПб, 1843. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г., с итал. – С. 28. То же. – Сын Отечества. – Кн. 7. – Отделение I. – 1842. – С. 17. – *Ред.*

[2] Вселенские патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, приезжавшие в Москву при царе Алексее Михайловиче, не один раз обедывали за одним столом с государем.

винами[1]; был *поставец Кормового дворца:* на нем предварительно ставились сосуды воронки-кувшинцы с уксусом и с лимонным рассолом или соком, а затем сюда приносили кушанье; был *поставец Хлебенного дворца,* на котором ставились разного рода хлебные яствы: перепечи, калачи и т. п.

Все поставцы обивались шелковыми полосатыми фатами, а кормовой и хлебенный, кроме того, накрывались до времени фатами золотными, также полосатыми[2].

Поставец среди палаты назывался *государевым* и назначался только для дорогой золотой, серебряной, хрустальной, сердоликовой, яшмовой и т. п. посуды, которая служила великолепнейшим украшением царского пира. Здесь московский двор в полном блеске являл свои драгоценности, свое богатство, приводившее в изумление иноземцев. В особенности поражало иностранцев огромное количество дорогой посуды, которою были убраны как этот средний поставец, так и все другие. «Посредине залы, – пишет Барберини, бывший в Москве в 1565 г., – стоял буфет со множеством разной посуды, как-то: больших серебряных вызолоченных и без позолоты чаш и чашечек, больших тазов весьма странного вида, больших и тяжелых кубков для питья, из которых одни были плоскодонные и глубокие, другие на ножках, а между ними множество и таких чаш, какие у нас в употреблении, работы немецкой; замечательнее всего были там два большие серебряные бочонка с позолоченными обручами; они стояли посредине буфета»[3].

«Когда его пресветлейшество,– говорит Кобенцель[4], – угощал меня обедом, я заметил в передней части покоя так

[1] На поле печатного ориг. автором добавлено: «В том числе в 1657 г. шкатула, оклеенная золотным бархатом, в которой носят на поставец про Великого Государя водки. № 1010». Как и в предшествующих главах, номера обозначают номера книг Архива Оружейной палаты, которыми пользовался автор. – *Ред.*

[2] Сведения о поставцах, добавленные автором на поле печатного ориг., приводятся ниже, см. с. 964. – *Ред.*

[3] См. пер. Любича-Романовича. – С. 26–29 (Сын Отечества. – С. 17). – *Ред.*

[4] Журнал Министерства Народного просвещения. Ч. 35. Отд. II. – СПб., 1842. – С. 148–149.

много круглых блюд, кубков, чарок и других золотых и серебряных сосудов, что, говоря без преувеличения, тридцать венских повозок с трудом могли бы все это вместить в себе, между тем как это еще не составляет всей государевой посуды, но только принадлежность дворца, в котором дан был обед»[1]. В современной записке о приеме Кобенцеля сказано, между прочим, что «поставец был *соловец* и *колодезь, судно* и *писарь* и иные многие суды золотые и поставцы; и столовые суды все были золотые. А в столовых сенях были суды многие, разные поставцы серебряные… В московском дворце государя (продолжает Кобенцель) так много серебра и золота, что почти невозможно сосчитать всех сосудов»[2].

Маржерет, видевший царскую казну в нач. XVII столетия, говорит, что там «весьма много золотых блюд, покалов (кубков) разной величины и несметное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной. Я видел в казне с полдюжины серебряных бочек, слитых, по приказанию Иоанна Васильевича, из серебряной посуды, взятой им в покоренной Ливонии: одна из сих бочек величиною почти с полмюи (около восьми ведр), другие менее; видел множество весьма огромных серебряных тазов с ручками по сторонам: наполнив медом, их приносят обыкновенно четыре человека и ставят на обеденные столы по три или по четыре таза с большими серебряными ковшами, коими гости сами черпают напитки, иначе было бы недостаточно двухсот или трехсот служителей для угощения пирующих за царскими столами. Вся эта посуда русской работы. Кроме того, есть множество серебряной утвари немецкой, английской, польской, поднесенной царю иноземными послами или купленной за редкость изделия»[3].

Когда столы были поставлены и поставцы убраны серебром, боярин-дворецкий входил в палату и накрывал стол государев: *настилал* скатерть, ставил золотые, украшенные

[1] Обед был дан в Можайске.

[2] Памятники дипломатических сношений. Ч. I. – СПб, 1851. – С. 515.

[3] Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. – СПб, 1832. – С. 48.

каменями *судки,* т. е. перечницу, уксусницу, лимонник и солоницу, и потом с Хлебенного дворца *перепечу-недомерок.* На боярский, посольский и все другие столы скатерти настилал степенный ключник со стряпчими и подключниками. Здесь расставляли судки серебряные золоченые, а на столы низших чинов – серебряные же *белые,* т. е. незолоченые. В размещении судков наблюдалось, чтоб пред каждыми четырьмя особами стояла солоница, перечница и уксусница. В то же время стряпчие Хлебенного дворца клали на столы *колачи,* белый крупичатый хлеб, разрезанный на части известного веса или меры, которая вообще называлась *колачом,* или испеченный в ту же меру[1]. В том и заключалась вся предварительная уборка древнего стола. Ни тарелок и салфеток, ни ножей и вилок, ни ложек и всего того, что в наше время составляет так называемый прибор, предки не употребляли в уборке своих столов. Салфеток и вилок даже совсем не подавали во время обеда. Тарелки, ложки и ножи подавались во время стола только почетнейшим особам и преимущественно послам западных государств. Так как кушанья подавались большею частью совсем уже готовые, нарезанные и искрошенные, то и ножей за столом много не требовалось, а тем более для каждой особы; да притом во многих случаях руки вполне могли служить вместо ножей так, как они служили вместо вилок. Ложки же приносили с горячим, которое обыкновенно подавалось в половине стола, после холодных и жарких.

Когда боярин-дворецкий докладывал государю, что все было готово, государь шествовал в палату в сопровождении бояр и других лиц, приглашенных к столу, и садился на свое место, за свой царский стол. Вслед за тем садились по местам сначала за большой стол бояре и прочие чины, а потом и остальные за другие столы по разряду, по старшинству, кому за кем следовало сидеть. Занимая место, каждый бил челом государю, «поклонялся о правую руку до сырой земли». В зимнее время бояре и другие сановники являлись за стол в

[1] Против этих слов на поле оригинала автором замечено: «нескладно». Ср. о калачах выше, на с. 534– *Ред.*

охобнях, или легких шубах нагольных, или бельих[1], покрытых тафтою, преимущественно *белою,* государь также надевал в это время нагольную или *белую серебряную* шубу, т. е. покрытую серебряной парчой. По замечанию Рейтенфельса[2], белый цвет одежд в отношении гостя означал дружественное расположение. Духовник государя, протопоп Благовещенского собора, почти всегда присутствовавший за царскими чиновными столами, читал «Отче наш» и другие молитвы на благословение трапезы. По совершении молитвы государь посылал звать гостей, которых снова церемонно встречали и потом усаживали по назначенным местам.

Вслед за тем боярин-дворецкий *являл* пред государем чашников, стольников и стряпчих, которые должны были служить у стола. Он шел впереди церемониально к трону государя, а за ним попарно, держась рука об руку, чинно шли чашники и стольники *в золотах,* т. е. в одеждах из золотой и серебряной парчи с длинными воротниками, шириною почти в поларшина, спускавшимися по спине и унизанными жемчугом, в тафьях – небольших шапочках, покрывавших темя, также унизанных жемчугом, и в горлатных, высоких шапках[3]. На груди у стольников *больших,* или старших по разрядам, были надеты крест-накрест золотые или серебряные вызолоченые цепи с каменьями. Дворецкий становился подле среднего поставца, в Грановитой – у столба; чашники и стольники подходили к царскому столу, делали низкий поклон и удалялись также попарно, одни за другими, обходя вокруг поставцов. Они шли к буфетам за кушаньем и винами. Число их соразмерялось с числом и знатностью гостей и простиралось от 200 до 300 чел.

Объявив *столовый чин,* дворецкий шел за государев кормовой поставец, садился у ествы и отпускал есть про велико-

[1] Так в оригинале; не следует ли, однако, читать: «белых»? – *Ред.*

[2] См. пер. И. Тарнава-Боричевского. Журнал Министерства Народного просвещения. Отд. II. – 1839. – Июль. – С. 30; ср. пер. А. И. Станкевича. – М., 1906. – С. 108. – *Ред.*

[3] На поле печатного ориг. автором отмечено: «Доп. III, 430» (т. е. Дополнения к т. III Дворцовых разрядов) и затем добавлено: «Дворцовые разряды. Т. I. – С. 689: [все] в охобнях и шапках». – *Ред.*

го государя. В то же время занимали свои места и должности и другие чины стола. У царского стола безотходно находился кравчий с товарищем своим – стольником: вместе они служили при особе государя. Между столовыми *чинами* должности были распределены следующим образом: один из стольников *вина наряжал,* т. е. заведовал и распоряжался винами, отсылал на столы, другой – *пить наливал,* наполнял кубки и ковши и рассылал гостям по назначению. Двое стольников *смотрели* и *сказывали* в большой стол, другие двое *смотрели* и *сказывали* в кривой стол. *Смотреть в стол* значило распоряжаться угощением, *строить естви* – смотреть за стольниками, *чтоб ставили и съимали*[1], словом, наблюдать, чтоб стол, обед во всех частях шел своим порядком, чтоб все *по чину,* были довольны угощением и нигде б не было нарушено ни обрядов царского стола, ни чести гостя. *Сказывать в стол* значило провозглашать имена гостей, которым, как увидим ниже, государь посылал подачу, кушанье или вино. Это называлось также *явкою, объявкою.* За посольским поставцом садился и про послов *есть отпущал* товарищ дворецкого, думный дворянин или стольник. За боярским и другими поставцами садились также стольники с дворцовыми дьяками. У поставцов Сытного дворца находились степенные ключники-стряпчие.

Торжественность царского пира особенно увеличивалась еще присутствием почетной церемониальной стражи. Подле государева стола, по правую и по левую сторону, стояли стольники с мечами, в ферезях золотных и в шапках по одному человеку, а иногда, поодаль их, еще по два человека голов или полковников стрелецких, без шапок, кроме того, у дверей палаты по обеим сторонам стояли в ряд жильцы с протазанами и с алебардами, в цветных кафтанах червчатых и объяринных терликах, человек по двенадцати на стороне, а иногда и более, смотря по значению гостя.

Когда одни стольники, которые *есть ставили,* уходили за кушаньем, другие, которые *пить подавали,* приносили в серебряных кувшинах водку, *государево винцо,* как она тогда назы-

[1] Дворцовые разряды. Т. II. – С. 433, 466 и др.

валась, ставили на столы, разливали в чарки и угощали гостей. Иногда государь из собственных рук рассылал водку. Потом он раздавал почетнейшим гостям хлеб, каждому особо, громко называя по имени того, кому назначал подачу. Это почиталось великою милостью, особенным благоволением царя. Стольник, подавая гостю хлеб, провозглашал имя сидящего, а затем говорил следующую речь: «Великий государь (титул) жалует тебя своим государевым жалованьем – подает тебе хлеб». Принимая царскую почесть, гость вставал и кланялся, а вместе с ним вставали и кланялись и все сидевшие за столом. Таким же образом присылалась иногда и соль. «Присылкою хлеба, – замечает Герберштейн, – государь являет свою милость, а солью показывает любовь свою, и по сей-то причине при русском дворе нельзя получить никакой чести больше, как когда государь присылает кому со стола своего соль»[1].

Раздав почетнейшим гостям хлеб, государь приказывал подавать кушанье. С тою же церемониею дворецкий открывал шествие к столу государя, неся первое блюдо и сопровождаемый стольниками, которые, как прежде, шли за ним попарно и также несли кушанья. Дворецкий *являл* пред государем первые блюда холодные и жаркие. В скоромный день первым блюдом был жареный лебедь. «Когда раздача хлеба кончится, – замечает Климент Адам, – то входит придворный в сопровождении прислужников и, поклонившись князю, ставит на стол на золотом блюде молодого лебедя, чрез полминуты снимает со стола и отдает кравчему с семью товарищами, чтоб нарезали кусками; потом блюдо ставится на стол и предлагается гостям с прежнею торжественностью»[2].

Барберини, описывая порядок царского обеда, говорит, что после раздачи хлеба и вина в столовую «вошло человек

[1] См. «Отрывок из Герберштейнова путешествия». – Вестник Европы. – Ч. LXVII, 1813. – С. 269; ср.: *Барон Сигизмунд Герберштейн.* Записки о московских делах... Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. – СПб, 1908. – С. 205. – *Ред.*

[2] См.: Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году / Пер с лат. И. Тарнава-Боричевский. Журнал Министерства Народного просвещения. Отд. II. Ч. 20. – 1838. – Октябрь. – С. 52. – *Ред.*

двадцать прислуги; они несли огромные блюда с разными жаркими, как-то: гусями, бараниной, говядиной и другими грубыми мясами; но, подошедши к государеву столу, все они снова поворотили назад и скрылись со всеми этими блюдами, не подавая никому; вскоре же потом они снова явились, и уже в большем числе, и несли как прежние, так и другие мясные кушанья, но уже нарезанные кусками на блюдах; когда таким образом принесли и обнесли кругом, по всем столам, тут только начали мы, наконец, есть»[1].

В это время снова начиналась церемония *подач:* государь рассылал почетнейшим гостям первые блюда, причем стольники произносили те же *милостивые речи.* Впрочем, речи с полным титулом государя говорились только при первых подачах, а потом стольник, назвав по имени гостя, провозглашал только: «Царь и великий князь подает». Порядок, в каком разносили эти подачи, соответствовал значению гостей: тому, кого государь хотел почтить более других, он посылал первому.

В 1667 г. польским послам во время стола были следующие подачи: «первому послу Станиславу Казимиру, Беневскому воеводе: первая подача *крыло лебяжье,* вторая – *пирог осыпной,* третья – *жаворонки* (хлебенное), четвертая – *гусь.* Второму послу Киприяну Павлу: первая подача – *пирог осыпной,* вторая – *жаворонки,* третья – *ходило лебяжье,* четвертая – *уха черная.* Третьему послу Владиславу Шмелингу: первая подача – *гусь,* вторая – *куря индейское,* третья – *мисенное,* четвертая – *курник с изросцами*». Королевским дворянам подано: кому пирог, кому гусь, кому куря, жаворонки, лебяжья хлуп и т. п.[2]

В течение обеда подачи раздавались четыре раза. Вслед за подачами на все столы подавали ествы в великом изобилии, но, по замечанию иностранцев, без соблюдения порядка, какое блюдо за каким должно следовать: подавали сначала жаркие или холодные, потом ухи, похлебки и т. д., ставили

[1] См.: пер. Любича-Романовича. – С. 30 // Сын Отечества. – С. 18–19. – *Ред.*

[2] Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. – СПб, 1854. – С. 423.

на столы столько, сколько могло уставиться; гости кушали, что кому нравилось. Великое изобилие еств и питей за царским столом всегда изумляло иностранцев. Количество подаваемых блюд (порций) простиралось иногда до 500; и как бы много гостей ни было, всегда число блюд несоразмерно было велико против числа гостей. Причиною этому был обычай царей рассылать после стола *подачи* не только всем присутствующим, но даже и отсутствующим – всем тем, кому государь хотел оказать свою милость и благоволение. По свидетельству Котошихина, на все такие подачи и на все столы про государя, царицу и их детей каждый день обыкновенно выходило больше *трех тысяч* еств, кроме столов праздничных и вообще торжественных. Каждое блюдо составляло собственно порцию или, по-старинному, *еству,* на две особы с излишком. За столом большею частью два гостя, соседи друг другу, ели с одного блюда. Есть с кем с одного блюда принималось также за известную меру почести; есть с одного блюда с хозяином дома или вообще со старшим представляло немалую честь для младшего гостя. За царским столом возникали иногда по этому случаю почестные счеты. Так, однажды за столом у царя Федора Ивановича Рязанский епископ весьма был оскорблен, что архиепископ Ростовский не дал ему есть с одного с ним блюда, и присовокупил в челобитной по этому поводу, что он при царе Иване Васильевиче едал с одного блюда и с Новгородским архиепископом[1].

[1] Акты Исторические. Т. I. – № 216. – С. 410. [На поле печатного ориг. автором добавлено «и 385. Вельский», а на особом листке, вложенном в оригинал, читаем: «Царь Иван Васильевич в поучительном послании в Кирилов Белозерский монастырь, упрекая братию, что боярским любострастием завелось в монастыре между иноками неравенство, что боярин при пострижении в иночество не состригает свое боярство и требует себе и в иночестве чести боярской, а братия тому послабляет, приводит по этому поводу примеры. У Троицы при отце нашем, повествует царь, келарь был Нифонт, Ряполовского холоп, да с Вельским с блюда едал, таков был путь спасения – холоп с Вельским равен... А ныне то и слово: тот велик, а тот того больши, ино то и братства нет, ведь коли ровно, ино то и братство, а коли неровно, какому братству быть, ино то и иноческого жития нет». – См.: Там же. – № 204. – С. 385. – *Ред.*]

После первых блюд кушанья следовала первая подача вина. Государь посылал каждому из почетных гостей кубок, наполненный *фряжским* вином романеею, бастром, ренским, мальвазиею и др. Подачи вина сопровождались теми же обрядами и тем же сказываньем, как и при рассылке кушаний. «Когда обед зайдет за половину, – говорит Маржерет, – и царь разошлет гостям снова по большой чаше с каким-нибудь красным медом (он бывает разных сортов), тогда приносят и ставят по столам огромные серебряные ведра с белым медом, который черпают ковшами. По мере того как одни сосуды опоражниваются, подают другие с напитками, более или менее крепкими, по желанию пирующих. За сим царь посылает каждому гостю третью чашу с крепким медом или ароматным вином, а по окончании обеда – четвертую и последнюю, наполненную паточным медом, напитком весьма вкусным, легким и, как вода ключевая, прозрачным»[1].

Число всех подач вина и меда простиралось иногда до девяти: три подачи фряжских вин, три подачи красных медов и три подачи белых медов[2].

При каждом *сказываньи* царской подачи все вставали и кланялись государю. Эта церемония так часто происходила, замечает Барберини[3], что вместо того, чтоб досыта наесться, от беспрестанного вставанья час от часу только более усиливался аппетит. За церемониальными посольскими столами провозглашались, кроме того, *чаши* или тосты сначала за здоровье и про братскую любовь государя, от которого приезжал посол, и потом за многолетнее здоровье самого царя, за здоровье царевича-наследника, за здоровье бояр, послов и пр. При столах, даваемых гостям, которых значение не требовало равной с государем почести, заздравную чашу пили сначала за государя, а потом уже про здоровье почетного гостя.

---

[1] См.: Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. – СПб. – 1832. – С. 72. – *Ред.*

[2] На поле печатного ориг. автором замечено: «Цель напоить гостей допьяна». – *Ред.*

[3] См. пер. Любича-Романовича. – С. 31 (Сын Отечества. – С. 19). – *Ред.*

За праздничными обыкновенными столами без иноземных гостей пили только одну чашу государеву.

Заздравные чаши иностранных государей или почетнейших гостей сопровождались следующими обрядами. В то время как государь брал у кравчего кубок, стольник, который пить наливает, выступя на средину комнаты, провозглашал тост, причем все вставали, а послы выходили из-за стола. Государь также вставал, снимал шапку и, троекратно перекрестясь, выпивал кубок, причем послы кланялись.

Если требовалось выразить особенное уважение государю, от которого были послы, то государь присовокуплял к тосту собственную речь о братстве, дружбе и любви с пожеланием здоровья, счастливого пребывания и над недругами победы.

После того государь из собственных рук подавал заздравную чашу гостям, боярам и всем сидевшим за столом. Каждый по порядку старшинства мест выходил из-за стола, брал кубок и, отступя на несколько шагов от трона, бил государю челом и осушал чашу.

С теми же обрядами провозглашались и другие тосты.

Но т. к. заздравные чаши провозглашались под исход стола, то весьма многие из гостей, особенно не рассчитавшие своей умеренности во время стола, при обыкновенных подачах не всегда довершали царский пир в памяти. Московский двор смотрел на такие случаи с особенным удовольствием; он убеждался, что гости были рады государской милости, рады пиру и угощенью. Радушие и гостеприимство наших дедов ставило себе в непременное условие употчивать гостей допьяна. Если хозяин рад был гостю, то приличие требовало употребить все средства, чтоб гость был весел и пьян. Если гость рад был пиру, то приличие требовало не отказываться от чаши, потому что решительный отказ всегда оскорблял хозяина и нарушал доброе расположение между обоими. Древний русский пир тогда и *честен* бывал, когда все *гости напивалися*. Поэтому и царские пиры не оканчивались еще заздравными чашами, не оканчивались питьем за столом:

каждый раз после стола к почетным гостям, которым давался обед, являлся на дом стольник в сопровождении служителей, приносивших несколько ведер вин и медов. Он объявлял, что прислан потчевать гостей и оставаться с ними для препровождения времени в удовольствии. «Вслед за сим[1], – рассказывает Герберштейн, – приносят с напитками сосуды и кубки и всемерно стараются посланников сколько можно упоить. В сем искусстве русские весьма сведущи; если не имеют они способа заставить кого-нибудь выпить, то начинают пить за здоровье императора, или брата его (т. е. за здоровье государя, от которого посол прибыл), или за здоровье великого князя (т. е. царя) и других знаменитых особ: они думают, что отговариваться и не пить за чье-либо здоровье не до́лжно или не можно. За здоровье пьют таким образом: тот, кто предлагает пить, становится посреди горницы и учтиво произносит имя, за чье здоровье он пьет, и что желает ему всякого благополучия. Выпив, переворачивает кубок на голову, дабы показать, что он его опорожнил и излил желание совершенного благополучия тому, чье имя пред тем произнес. Потом подходит к первому месту, приказывает наполнить многие кубки, подносит их каждому и произносит имя того, за чье здоровье пить надлежит. После сего все должны выходить на средину покоя и, выпив кубок, опять садиться на свои места. Кто не хочет допьяна напиться, тот должен или представиться пьяным, или спящим, или перепить русских, или, наконец, решительно объявить, что он больше пить не в состоянии. Русские наилучшим угощением почитают, ежели кого употчуют допьяна или до бесчувствия»[2].

За царским столом не один раз случалось, что гости в беспамятстве с необычайною поспешностью оставляли обед и уходили или, вернее, бежали, не дождавшись конца церемоний. Один такой случай за обедом у царя Ивана Ва-

[1] Против этих слов на поле печатного ориг. автором замечено: «Нескладно». – *Ред.*

[2] См.: Вестник Европы. – 1813. – Ч. LXVII. – С. 273–274; ср. также: пер. А. И. Малеина. – СПб, 1908. – С. 207–208. – *Ред.*

сильевича описывает Барберини. «Более трех битых часов сидели мы за столом... и вот уж немало было из этих бояр, что допьяна напились. Когда же пришли слуги для снимания кушаньев и скатертей со столов, тут опять с немалым шумом и суматохой все поднялись, вставая из-за стола. Государь все еще оставался на своем месте и подозвал к себе послов, которым подавал каждому своеручно кубок вина; [но] они, будучи заранее предуведомлены о нравах и обычае страны, принимали из рук его кубок, держали свои шапки в руке и, обернувшись спиной к государю, отходили от него шагов за несколько, где, вдруг остановясь, снова оборачивались к нему лицом и преуниженно кланялись ему по-турецки; потом выпивали все до дна, либо отведывали только, как кому было угодно; отдавали кубок присутствующим и, не говоря ни слова, уходили. Когда послы были таким образом отпущены, государь подозвал и меня, и так же, как и послам, подал мне своеручно кубок вина, и я, будучи тоже предуведомлен, как до́лжно в таком случае поступить, придержался того же самого порядка, как, видел, делали и послы. Но тотчас же после этого как послам, так и мне хмель сильно разобрал голову, так что, позабыв все приличие и скромность, бросились мы все скорее в двери. С такою поспешностью не выбегали, быть может, из храма Божьего даже книжники и фарисеи, с какою мы выбежали оттуда. Тут с трудом должны мы были проходить чрез покои по причине толпы хмельных, теснившихся в беспорядке и впотьмах, пока, наконец, добрались до дворцового крыльца, от которого шагах еще в двадцати или более ожидали нас с лошадьми слуги, там же обедавшие с нами; но когда мы спустились с крыльца, чтоб добраться до наших лошадей и уже ехать домой, мы должны были брести по грязи, которая была по колено, а ночь претемная, нигде ни огонька, так что довольно мы поизмучились, пока могли сесть на коней; а все это чванство со стороны москвитян: они не хотят, чтоб кто-нибудь осмелился подъезжать к дворцу верхом или слезать с лошадей»[1].

[1] См. пер. Любича-Романовича. – С. 31–32 (Сын Отечества. – С. 19–21). – *Ред.*

То же самое случилось с цесарскими послами на обеде у царя Алексея Михайловича в 1656 г. После чаши, предложенной государем за здоровье цесаря римского Фердинанда, послы, вышед из-за стола, провозгласили чашу многолетного здоровья царя. Бояре вышли на средину палаты, ударили государю челом и выпили. «А после того послам, вышед из-за стола, пить было за боярское здоровье, а боярам пить было за здоровье цесаревых думных людей; а послам в то время выходить же. И послы про бояр, а бояре про послов не пили, потому что послы, обрадовався государевы милости, упились пьяни и пошли из полаты вскоре беспамятно. А после стола явить было послам государево жалованье – соболи, да говорити речь на отпуске и грамота подать. И послам государева жалованья не явлено и речи не говорено и грамоты не дано, для того, что послы упились гораздо; а отложен им отпуск до иного дни. А как послы пошли из полаты вон, и по государеву указу провожал послов до кареты боярин Семен Лукьянович Стрешнев; а в корету посадил послов стольник и московский ловчий Афанасий Иванович Матюшкин; а карета была послам для того, что они были пьяни. И после посольского отпуску посылай был к ним потчевать с питьем стольник Петр Шереметев, и приехал назад, совсем не потчевав послов, для того, что послы были пьяны»[1].

Лет за полтораста назад к 1503 г. посол от короля Угорского и Чешского Владислава Сигизмунд Сантай после обеда у великого князя, угощенный, употчеванный еще на своем подворье, в ту ночь «пьян расшибся и за немочью не мог исполнить свое посольское дело даже и на другой день»[2].

[1] Памятники дипломатических сношений. Т. III. – СПб, 1854. – С. 438.

[2] Сведения за 1503 г. приведены автором на поле печатного ориг. со ссылкой: «Сборник XLI, 346, 74», но указанный эпизод приводится в Сборнике Императорского Русского Исторического общества на с. 346 не 41 тома, а 35. – СПб, 1882; на с. 74 того же тома говорится, что «в понеделник [5 ноября 1492 г.] ели у великого князя. А опосле стола посылал князь на подворье с медом князя Василья Ноздроватого да Берсеня Микитина; а в приставах у него был Михайло Погожей. И [послы великого князя Литовского] Станислав [Глебович] и [Иван Яцкович] Владычка говорили со князем с Васильем да с Берсенем на пиру пьяни...». – *Ред.*

Веселые обычаи Петра Великого, которые по нашему незнанию своей старины приписываются только ему одному и состоявшие в том, чтобы всеми мерами употчевать гостей как возможно пьянее, принадлежали к рядовым делам старого общежития и в частном, и в царском быту. Царь Годунов с тою же целью упоил за царским столом ливонских немцев-эмигрантов. Царь Алексей Михайлович не один раз упаивал на своих домашних пирах приближенных бояр. Мы теперь рассуждаем об этом как о невозможном насилии, а старинные люди почитали такое угощение особою царскою милостью и необычайным пожалованием.

Стол продолжался смотря по торжеству, по значению гостей, которым делались церемонии, более или менее пышные, более или менее почетные. Обыкновенно сидели за столом около пяти часов. Кобенцель говорит, что они сидели почти шесть часов; но Карлиль замечает, что обед, данный ему, продолжался девять часов[1]. За стол садились в разное время, но обыкновенно часу в первом, иногда в третьем, а иногда и в одиннадцатом, если требовали этого какие-либо особые обстоятельства.

По окончании стола царский духовник или ключарь Благовещенского собора со священниками говорили молитву «Достойно есть» и проч., после которой государь шествовал в свои хоромы, а послы и все гости разъезжались по домам. На другой день по обычаю государь посылал спрашивать почетного гостя, которому давал пир, о здоровье. К лицу царского достоинства ходил боярин со стольниками, а к послам – обыкновенно их пристав.

Общий обзор кушаний царского стола сохранился в «Росписи царским кушаньям» (1610–1613 гг.), составленной, по всему вероятию, для новоизбранного московского царя в лице

[1] См.: Журнал Министерства Народного просвещения. Отд. II. Ч. 35 – 1842. – С. 146 и Вестник Европы. – 1806. – №7. – С. 225. – *Ред.*

польского королевича Владислава, дабы ознакомить его с порядками, какие ведутся в московском дворце[1]. С этою целью была составлена и особая записка о царском дворе и о «порядке всяких людей» и учреждений Московского царства, которая и предшествует упомянутой Росписи кушаньям[2].

Роспись начинается прямо с описания еств, но по обычному порядку впереди еств следовало поименовать хлеб в разных его видах, чего и недостает в росписи, быть может, за утратою ее начала.

Подобные перечневые росписи, занесенные и в списки Домостроя XVII столетия, обыкновенно начинали свои описи кушаний с *Велика дни,* т. е. со дня Пасхи, когда царский стол-обед совершался всегда с особенным торжеством в присутствии многочисленных гостей.

Кушанья распределялись по порядку мясоедов и постов. Это распределение начиналось Великоденским мясоедом, за которым в этой царской росписи следовал Оспожинский мясоед, начинавшийся с Успеньева дня; далее Филиппов пост и праздник Рождества Христова с Рождественским мясоедом. Здесь обнаруживается сокращенный состав росписи, где исключены важнейшие посты, и помещены только взамен их рыбные столы в постные дни, в том числе и Филиппов пост как менее принудительный. Но пост Оспожинок и Великий пост в этой росписи отсутствуют.

Может быть, такое сокращение произошло в видах не особенно выразить православную строгость в содержании этих последних постов для молодого и пока все-таки неверного царя.

Мы приводим здесь эту царскую роспись вполне с необходимыми пояснениями некоторых темных наименований.

Самым первенствующим блюдом бывали лебеди. Об этом заветном кушанье упоминает еще в XII в. певец «Слова о полку Игоревом», рассказывая, как Игорь во время своего бегства из плена «полетел соколом, избивая гуси и *лебеди*

[1] Акты Исторические. Т. II. – СПб, 1841. – С. 426.

[2] См.: Там же. – С. 422. – *Ред.*

завтроку и обеду и ужине». Свидетельство дорогое в том отношении, что может указывать на глубокую древность многих предметов старого столового обихода. Возвращаемся к царской росписи.

«На Велик день государю подавали ествы: 1) Три лебедя, а к лебедям на скрыли (на вскрылья, возле вскрылий или крыл). 2) Три перепечи; а в них 12 лопаток[1] муки крупичатые, 60 яиц, да от тех лебедей. 3) Потрохи. А к лебедям во взвар и в потрохи 45 золотников шафрану, 3 ковша бастру (вина), да в потрохи ж 18 частей[2] говядины. Далее следуют: 4) Утя верченое (жареное на вертеле). 5) Две ряби (рябчики), а к ним лимон. 6) Три груди бараньи с шафраном, 45 золотн. 7) ... бараньи верченые, а в них 7 частей. 8) На блюдо баранины россольные, лопатки да мышки (россол значит солянка). 9) Плечико баранье. 10) Грудинка баранья. 11) Спинка баранины. 12) Плечо баранье, а в нем 3 части. 13) Ножка баранины начинивана яицы, а в нее 20 яиц. 14) На блюдо, как будет, двое куров россольных молодых. 15) На блюдо пупочки да шейки да печенцы тех же куров молодых.

16) На блюдо кальи с лимоны, а в нее куря, лимон. 17) Курник, а в него 2 лопатки муки крупичатые, куря, 20 яиц, гривенка масла коровья, 6 частей малых баранины, гривенка сала говяжья.

18) На блюдо кальи с огурцы, а в нее куря, 10 огурцов. 19) На блюдо 3 пирожки подовых с бараниною, а в них 2 лопатки муки крупичатые, 10 яиц, 2 гривенки сала говяжья, 12 частей баранины.

20) На блюдо ухи курячьи шафранные, а в нее куря, 4 золотн. шафрану, золотник корицы, полгривенки пшена сорочинского, ползолотника перцу. 21) На блюдо пирогов пряженых кислых с сыром, а в них 5 лопаток муки крупичатые, 50 яиц,

[1] Лопатка муки имела определенную, но пока неизвестную нам меру. [В оригинале карандашом автором добавлено: «нет ли ее в 1700 г.», но из статьи «О приказных ествах» 1700 г. видно лишь, что лопатка менее четверика. – *Ред.]*

[2] Именем *часть* (порция) также обозначалась определенная, но неизвестная нам мера.

пол-2 сыра кислых, 10 гривенок масла коровья. 22) На блюдо оладий больших приказных, а в них 10 лопаток муки крупичатые, пол-2 гривенки патоки, 25 яиц, 10 гривенок масла коровья. 23) На блюдо *котломы,* а в них 5 лопаток муки крупичатые, пол-2 гривенки патоки, 25 яиц, 10 гривенок масла коровья.

24) На блюдо ухи *курячьи черные,* а в нее куря, 4 золотн. гвоздики, золотник корицы, полгривенки пшена сорочинского, ползолотника перцу. 25) Пирог подовой с сахаром, а в нем 5 лопаток муки толчоные, пол-3 гривенки пшена сорочинского, 60 яиц, полчети ведра молока пресного, гривенка масла коровья, 2 гривенки сала говяжья. 26) Пирог подовой большой с яицы, а в нем 5 лопаток муки толченые, 60 яиц, полчети молока пресного, гривенка масла коровья.

27) На блюдо ухи *курячьи* белые, а в нее куря, золотник перцу. 28) На блюдо куря в лапше, а в лапшу пол-лопатки муки крупичатые, 3 яйца, золотник перцу. 29) Пирог подовой большой с сыром, а в нем 5 лопаток муки толченые, 60 яиц, 2 сыра кислых, гривенка масла коровья, полчети ведра молока пресного.

30) Каравай ятцкой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, 2 гривенки масла коровья. 31) Каравай битой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, 2 гривенки масла коровья, полсыра кислого. 32) Каравай ставленой с яицы, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 60 яиц, четь ведра молока пресного, 2 гривенки масла коровья. 33) Каравай ставленой с сыром, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, четь ведра молока пресного, 2 сыра кислых, 60 яиц, 2 гривенки масла коровья.

34) Куря *рожновое.* 35) На блюдо, заяц в лапше, а в него пол-лопатки муки крупичатые, 3 яйца. 36) Кострец да часть лосины подо взваром, а в них 2 золотн. перцу. 37) На блюдо осердья лошья росолного. 38) На блюдо осердья лошья крошеного, а в него 4 золотн. гвоздики, золотник корицы, ползолотника перцу. 39) На блюдо губы лошьи. 40) На блюдо пирогов пряженых с сахаром, а в них лопатка муки крупичатые, 5 яиц, 2 гривенки масла коровья, полгривенки пшена сорочинского, 2 гривенки сала говяжья.

41) На блюдо заец в россоле. 42) На блюдо пирогов пряженых с яицы, а в них лопатка муки крупичатые, 20 яиц, 2 гривенки масла коровья. 43) На блюдо пирогов пряженых с сыром, а в них лопатка муки крупичатые, 15 яиц, полсыра кислого, 2 гривенки масла коровья.

44) На блюдо куря рафленое, а в него полгривенки пшена сорочинского, полгривенки изюму, 6 золотн. шафрану в куря и во взвар. 45) На блюдо куря бескостное, а в него 4 части баранины; а взвар на него с шафраном от *рафленого* куряти. 46) На блюдо сырников с яицы, а в них пол-лопатки муки крупичатые, 20 яиц, полполчети ведра молока пресного, гривенка масла коровья.

47) *Юрма,* а в ней 120 частей баранины, плеча и бока.

48) На блюдо солонины, а в ней 2 части. 49) На блюдо сандриков, а в них 3 части.

50) На блюдо 2 куров верченых молодых, а в них полковша уксусу полевого. 51) На блюдо жаворонков, а в них 2 лопатки муки крупичатые, 20 яиц, 6 гривенок масла коровья. 52) На блюдо сырников с сыром, а в них пол-лопатки муки крупичатые, 15 яиц, полполчети ведра молока пресного, четь сыра кислого, гривенка масла коровья.

53) На блюдо лытка ветчины во штях, а на шти кочень капусты свежие белые. 54) Куря верченое, а к нему лимон.

55) На блюдо черевна курячьи. 56) На блюдо куря шестное, а в него полчумича круп гречневых, а на шти кочень капусты свежие белые. 57) На блюдо *карасей* с мясом, а в них лопатка муки крупичатые, гривенка сала говяжья, часть говядины малая, 2 гривенки масла коровья, 5 яиц. 58) Ставец *кундумов,* а в них четь лопатки муки крупичатые, 2 яйца, 2 *чумича* кислицы крошеные.

59) Ставец штей, а в них 2 яйца. 60) На блюдо *сычужков,* а в них 2 части баранины. 61) На блюдо *рожечков,* а в них 2 части баранины. 62) На блюдо *манты,* а в нее 2 части баранины. 63) На блюдо пирогов столовых, а в них лопатка муки толченые, 20 яиц, 2 гривенки масла коровья. 64) На блюдо

оладей столовых, а в них лопатка муки толченые, 5 яиц, 2 гривенки масла коровья.

65) На блюдо *киселя* белого, а в него ковш молока пресного, ставец сливок. 66) На блюдо сыра губчатого, а в него треть ведра молока пресного. 67) На блюдо горшечик молочка вареного, а в него полчети ведра молока пресного.

А приказные ествы:

68) На блюдо блинов красных. На блюдо блинов тонких, а в них пол-2 лопатки муки крупичатые, 50 яиц, четь ведра молока пресного, 2 гривенки масла коровья. 69) В кашу в молочную 3 чумича круп гречневых, да в кашу же и в молочко топленое полведра молока пресного, 5 яиц. *Да на Велик же день* государю в стол держати рыбные ествы: 70) ставец *ксеней* щучьих с шафраном, а в них 2 золотн. шафрану, ползолотника корицы. 71) Спина лососины муромские. 72) Стерлядь паровая. 73) Стерлядь *телная,* а в нее 2 щуки да судок свежие, 2 гривенки масла коровья. 74) На блюдо лососины муромские, а к ней лимон. 75) На блюдо полголовы осетрьи свежие, а в ней 3 звена столовых. 76) Щука живая, голова, под чесноком. 77) Схаб белужей.

В *Великоденской мясоед,* в рыбный день подается государю в стол:

1) Хлебец, а в нем 4 лопатки муки крупичатые. 2) *Колач* крупичатой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые. 3) Колач *братцкой,* а в нем лопатка муки толчоные. 4) Хлебец ржаной ситной, а в нем лопатка муки.

Ествы:

5) На блюдо 4 селди Переславских паровых. 6) На блюдо лещ паровой. 7) Прут лососины Муромские. 8) Черево белые рыбицы. 9) Спина лососины Муромские. 10) Спина белые рыбицы свежие. 11) Стерлядь паровая. 12) Стерлядь телная, а в нее 2 щуки да судок свежие, полковша масла орехового. 13) На блюдо пирогов подовых, на *новое* монастырьское дело, а в них 4 лопатки муки крупичатые, 6 чумичей круп гречневых, полковша масла орехового, векошник снятков.

14) На блюдо ухи щучьи белые, а в нее щука живая, золотник перцу. 15) На блюдо ухи лещовые, а в нее лещ жив, золотник перцу. 16) На блюдо ухи с толченики, а в нее щука свежая. 17) Пирог подовой большой с рыбою, а в нем 5 лопаток муки толченые, полковша масла орехового, 10 щук свежих.

18) На блюдо ухи окуневые, а в нее 3 окуни живых. 19) На блюдо ухи карасевые, а в нее карась жив, полчумича пшена русского. 20) Пирог подовой большой со пшеном да с вязигою, а в нем 5 лопаток муки толченые, пол-3 гривенки пшена сорочинского, полковша масла орехового, 6 пучков вязиги. 21) На блюдо пирогов пряженых со пшеном да с вязигою, а в них лопатка муки крупичатые, полгривенки пшена сорочинского, 2 пучка вязиги, четь ковша масла орехового. 22) На блюдо пирогов пряженых с горохом, а в них лопатка муки крупичатые, чумичь гороху, четь ковша масла орехового.

А россолного:

23) На блюдо лососины муромские свежие, а к ней лимон. 24) На блюдо белые рыбицы свежие. 25) На блюдо стерлядины свежие. 26) Полголовы осетрьи свежие, а в ней 3 звена столовых. 27) Голова щучья, живая, под чесноком. 28) Щука *колодкою,* живая, под чесноком. 29) Схаб белужей. 30) Кружок телной, а в него *в тело* 2 щуки да судок свежие, полковша масла орехового. 31) Стерлядь верченая. 32) Звено осетрины верченые, а в нем 2 блюда столовых. 33) На блюдо обертки белые рыбицы, щука свежая верченая. 34) На блюдо щучины живопросолные. 35) На блюдо карасев с рыбою, а в них поллопатки муки крупичатые, щука свежая. 36) На блюдо *карасев* со пшеном да с вязигою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, четь гривенки пшена сорочинского, пучок вязиги, да в обои карасы четь ковша масла орехового.

37) Ставец *сморчков.* 38) Черево осетрины Шехонские. 39) Ставец штей с осетрьею наварою, векошник снятков. 40) На блюдо векошник ягод, а в них 3 чумичи круп гречневых. 41) Ставец штей с наварою снятковою, а в навару векошник снятков. 42) На блюдо пирогов столовых, а в них лопатка муки толченые, чумичь *пшена русского,* четь ковша масла *конопля-*

ного. 43) На блюдо оладей столовых, а в них лопатка муки толченые, четь ковша масла конопляного.

В *Оспожинской мясоед* подается государю в стол:

1) Перепеча, а в ней 6 лопаток муки крупичатые, 30 яиц. 2) Хлебец, а в нем 6 лопаток муки крупичатые. 3) Колач большой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые. 4) Колачик братцкой, а в нем лопатка муки толченые. 5) Хлебец ржаной, а в нем лопатка муки ржаные ситные. 6) Евствы: 2 лебеди, а к лебедям наскрыли. 7) 2 перепечи, а в них 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, да во взвар 2 ковша бастру, от 2 лебедей. 8) Потрох, а на лебеди во взвар и в потрохи лебяжьи 30 золотник шафрану, да в потрохи ж 12 частей говядины. 9) 2 груди бараньи с шафраном, а в них 4 бараны да 30 золотн. шафрану. 10) Утя верченое. 11) Часть говядины верченые, а в нее 4 части малых. 12) Язык говяжий верченой. 13) Почки бараньи верченые, а в них 7 частей. 14) Курник, а в нем 2 куров молодых, 2 лопатки муки крупичатые, 20 яиц, гривенка масла коровья, 3 части баранины, гривенка сала говяжья. 15) На блюдо 2 куров россолных молодых. 16) Каравай с грибами, а в нем пол-лопатки муки крупичатые, 5 яиц. 17) На блюдо середки свиные верченые, а в них 3 части. 18) На блюдо баранины россолные лопатки да мышки. 19) На блюдо грудинка баранья россолная, а в ней часть. 20) На блюдо спинки бараньи россолные, а в них часть. 21) На блюдо плечико баранье, а в нем часть малая. 22) На блюдо свинины россолные, а в ней 2 части малых. 23) На блюдо плечо баранье, а в нем 3 части малых. 24) На блюдо 3 пирожки подовых с бараниною, а в них 2 лопатки муки крупичатые, 6 частей баранины, 2 гривенки сала говяжья, 15 яиц. 25) На блюдо *колоб,* а в нем 3 лопатки муки крупичатые, 25 яиц, 3 гривенки *сала говяжья.* 26) На блюдо ухи курячьи с шафраном, а в нее куря, 4 золотн. шафрану, ползолотника перцу, золотник корицы, полгривенки пшена сорочинского. 27) На блюдо ухи курячьи черные, а в нее куря, 4 золотн. гвоздики, золотник корицы, золотник перцу, полгривенки пшена сорочинского. 28) На блюдо ухи курячьи белые, а в нее куря, золотник пер-

цу. 29) Пирог подовой большой с сахаром, а в нем 5 лопаток муки толченые, 60 яиц, гривенка масла коровья, полчети молока пресного, 3 гривенки сала говяжья, пол-3 гривенки пшена сорочинского. 30) Пирог подовой с мясом, 5 лопаток муки толченые, 30 яиц, полчети ведра молока пресного, гривенка масла коровья, 2 части говядины, 2 гривенки сала говяжья. 31) На блюдо куря в лапше, а в нем пол-лопатки муки крупичатые, 3 яйца, золотник перцу. 32) Куря нарожное. 33) Пирог подовой большой с яицы, а в нем 5 лопаток муки толченые, 60 яиц, полчети молока пресного, гривенка масла коровья. 34) Пирог подовой с сыром, а в нем 5 лопаток муки толченые, 60 яиц, 2 сыра кислых, полчети ведра молока пресного, гривенка масла коровья. 35) Заяц в лапше, а в нем пол-лопатки муки крупичатые, 5 яиц, золотник перцу. 36) На блюдо пирогов пряженых кислых, а в них 5 лопаток муки крупичатые, 50 яиц, пол-2 сыра кислых, 10 гривенок масла коровья. 37) Оладьи приказные большие, а в них 10 лопаток муки крупичатые, 25 яиц, 10 гривенок масла коровья, пол-2 гривенки патоки. 38) *Котломы,* а в них 5 лопаток муки крупичатые, 25 яиц, 10 гривенок масла коровья, пол-2 гривенки патоки. 39) Каравай ятцкой, а в нем 5 лопаток муки крупичатые, 2 гривенки масла коровья, 40 яиц. 40) Коровай битой, а в нем 5 лопаток муки крупичатые, 2 гривенки масла коровья, 40 яиц, полсыра кислого. 41) На блюдо печени бараньи с перцом, а в ней золотник перцу. 42) На блюдо печени бараньи с чабром. 43) Каравай ставленой с яицы, а в нем 5 лопаток муки крупичатые, 60 яиц, четь ведра молока пресного, 2 гривенки масла коровья. 44) Каравай ставленой с сыром, а в нем 5 лопаток муки крупичатые, 60 яиц, четь ведра молока пресного, 2 сыра кислых, 2 гривенки масла коровья. 45) На блюдо налитки, а в них лопатка муки крупичатые, лопатка муки гречневые, 25 яиц, 2 гривенки масла коровья. 46) На блюдо пирогов пряженых с сахаром, а в них лопатка муки крупичатые, 2 гривенки масла коровья, полгривенки пшена сорочинского, 2 гривенки сала говяжья, 5 яиц. 47) На блюдо пирогов пряженых с яицы, а в них лопатка муки крупича-

тые, 20 яиц, 2 гривенки масла коровья. 48) На блюдо пирогов пряженых с сыром, а в них лопатка муки крупичатые, 15 яиц, полсыра кислого, 2 гривенки масла коровья. 49) Часть говядины шестные, а в ней 2 части. 50) На блюдо баранины шестные ... да ребра. 51) Часть свинины шестные, а в ней 2 части. 52) На блюдо 2 куров верченых молодых, а к ним полковша уксусу полевого. 53) На блюдо рубцов подо взваром. 54) На блюдо кишок наливаных, а в них четь лопатки муки крупичатые, 5 яиц. 55) На блюдо кишок с крупами, а в них чумичь круп гречневых. 56) На блюдо колбасов, а в них чумичь круп гречневых. 57) На блюдо желудок с луком. 58) На блюдо куря *рафленое,* а в нем полгривенки пшена сорочинского, полгривенки изюму, 6 золотн. шафрану в куря и во *взвар.* 59) На блюдо куря бескостное, а в него 2 части баранины, а взвар на них с шафраном от рафленого куряти. 60) На блюдо сырников с яицы, а в них пол-лопатки муки крупичатые, 20 яиц, ковш молока пресного, гривенка масла коровья. 61) На блюдо сырников с сыром, а в них пол-лопатки муки крупичатые, 15 яиц, ковш молока пресного, полсыра кислого, гривенка масла коровья. 62) На блюдо листни со пшеном сорочинским, а в них гривенка пшена сорочинского, 2 гривенки сала говяжья, 5 яиц. 63) Лытка ветчины во штях. 64) Куря верченое, а к нему лимон. 65) Куря во штях, а в нем полчумича круп грешневых. 66) На блюдо карасей с мясом, а в них лопатка муки крупичатые, часть говядины, гривенка сала говяжья, 2 гривенки масла коровья. 67) Ставец кундумов, а в них четь лопатки муки крупичатые, 2 яйца, чумичь кислицы крошеные. 68) Ставец штей, а в них 2 яйца. 69) На блюдо оладей столовых, а в них лопатка муки толченые, 5 яиц, прячи их в горелом масле, которое останется у пирогов кислых и у иных. 70) На блюдо пирогов столовых, а в них лопатка муки толченые, 15 яиц, а прячи их в горелом масле, которое останется у пирогов. 71) Блюдо киселя белого, а в нем полчети ведра молока пресного. 72) На блюдо сыр губчатый, а в нем полтрети ведра молока пресного. 73) На блюдо горшечик молочка вареного, а в него полчети ведра молока пресного.

А коли *прилучится Оспожин день* в рыбной день, и хлебцы и колачи подаются в стол по тому ж, как и в мясной день.

А естьы:

1) На блюдо 4 селди Переславских паровых. 2) На блюдо лещ паровой. 3) Черево лососины муромские. 4) Прут лососины муромские. 5) Черево белые рыбицы. 6) Прут белые рыбицы. 7) На блюдо пласть лещовая глуботцкая. 8) На блюдо спины осетрьи. 9) На блюдо прута осетрья. 10) Спина белые рыбицы свежие. 11) Стерлядь паровая. 12) На блюдо щука отворачиваная, а в нее в прибавку судок свежей. 13) 3 коровая телных с шафраном, а в них 30 щук свежих, 30 судаков, 6 ковшей масла орехового, 45 золотн. шафрану. 14) Стерлядь телная, а в ней 2 щуки да судок свежие, полковша масла орехового. 15) Плотица телная, а в нее четь ковша масла орехового, щука да судок свежие. 16) На блюдо ухи щучьи шафранные, а в ней щука живая, 4 золотники шафрану, золотник корицы, ползолотника перцу. 17) Коровай с грибами, а в нем пол-лопатки муки крупичатые. 18) На блюдо ухи щучьи черные, а в ней щука живая, 4 золотн. гвоздики, золотник корицы, ползолотника перцу. 19) На блюдо пирогов подовых, на новомонастырское дело, а в них 4 лопатки муки крупичатые, 6 чумичей круп гречневых, полковша масла орехового, векошник снетков. 20) На блюдо ухи щучьи белые, а в нее щука живая, золотник перцу. 21) На блюдо ухи лещовые, а в ней лещ жив, золотник перцу. 22) На блюдо ухи с толченики, а в ней щука живая. 23) Пирог подовой большой с рыбою, а в нем 5 лопаток муки толченые, полковша масла орехового, 10 щук свежих. 24) На блюдо ухи окуневые, а в ней 3 окуни живых. 25) На блюдо ухи карасевые, а в ней карась жив, полчумича пшена русского. 26) На блюдо ухи раковые. 27) Пирог подовой большой со пшеном да с вязигою, а в нем 5 лопаток муки толченые, пол-3 гривенки пшена сорочинского, полковша масла орехового, 6 пучков вязиги. 28) На блюдо пирогов пряженых кислых с маком, а в них 4 лопатки муки крупичатые, 2 чумича маку, ковш масла орехового, пол-2 гривенки патоки. 29) На блюдо оладей малых с сахаром, а в них лопатка муки крупичатые, 15 золотн. сахару головного,

четь ковша масла орехового, 2 гривенки патоки. 30) На блюдо пирогов пряженых со пшеном да с вязигою, а в них лопатка муки крупичатые, полгривенки пшена сорочинского, четь ковша масла орехового, 2 пучка вязиги. 31) На блюдо 3 щуки тушеных с зельи, а в них 6 золотн. гвоздики. 32) На блюдо пирогов пряженых с горохом, а в них лопатка муки крупичатые, 2 чумича гороху, четь ковша масла орехового.

А россолного:

33) На блюдо белые рыбицы свежие. 34) На блюдо стерлядины свежие. 35) Полголовы осетрьи свежие, а в ней 3 звена столовых. 36) На блюдо осетрины свежие, а в ней 2 звена столовых. 37) Звено, на *Троетцкое дело,* осетрины свежие просолные, а в нем 4 звена столовых. 38) 3 головы щучьи живых, под чесноком. 39) 5 щук колодками живых, под чесноком. 40) Звено осетрины свежие наростовое, а в нем 4 звена столовых. 41) На блюдо теши белужьи. 42) На блюдо *тела* белужья. 43) Схаб белужий. 44) Труба белужья. 45) Кружок телной большой с пирогом, а в них 2 щуки, 3 судака свежих, ковш масла орехового. 46) Стерлядь верченая. 47) Звено осетрины верченые, а в нем 2 блюда столовых. 48) На блюдо обертки белые рыбицы, щука свежая верченая. 49) На блюдо щучины живопросолные. 50) На блюдо раков. 51) На блюдо карасев с рыбою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, щучка свежая. 52) На блюдо карасев со пшеном да с вязигою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, четь гривенки пшена сорочинского, пучок вязиги, да во обои карасы четь ковша масла орехового. 53) Черево осетрины Шехонские. 54) Ставец штей с осетрьею наварою, а в наваре векошник снетков. 55) На блюдо векошник ягод, а в них 3 чумича круп гречневых. 56) Ставец штей со снетковою наварою, а в навари векошник снетков. 57) На блюдо пирогов столовых, а в них лопатка муки толченые, чумичь пшена русского, четь ковша масла конопляного. 58) На блюдо оладей столовых, а в них лопатка муки толченые, четь ковша масла конопляного.

В *Филиппов пост* подается государю в стол:

1) Хлебец, а в нем 3 лопатки муки крупичатые. 2) Колач, а в нем 6 лопаток муки крупичатые. 3) Колач братцкой, а в нем

лопатка муки толченые. 4) Хлебец ржаной ситной, а в нем лопатка муки. 5) Да в запасе хлебец, а в нем 3 лопатки муки крупичатые. 6) Колач смесной, а в нем пол-2 лопатки муки крупичатые, пол-2 лопатки муки толченые.

А евствы перед государя:

7) На блюдо селдей Переславских паровых. 8) На блюдо лещ паровой. 9) Спина лососины Корелские, коли лучится. 10) 5 селдей Переславских свежих. Подавати с Веденьева дни. 11) Стерлядь паровая. 12) Сиг паровой. 13) Лодога паровая. 14) Сырть паровая. 15) Стерлядь телная, а в нее в тело 2 щуки да судок, а на пряженье и на масленье полковша масла орехового. 16) На блюдо ухи щучьи белые, а в нее щука живая, золотник перцу. 17) На блюдо ухи лещевые, а в нее лещ живой, золотник перцу. 18) На блюдо ухи с толченики, а в толченики щука свежая, золотник перцу. 19) На блюдо ухи мневые с телесы, а в нее 3 мни, золотник перцу. 20) На блюдо коровай с телесы со мневыми, а в него пол-лопатки муки крупичатые, 3 мни. 21) На блюдо ухи с печеньми со мневыми. 22) На блюдо ухи с молоки со мневыми. 23) На блюдо коровай с печеньми со мневыми, а в него пол-лопатки муки крупичатые, а печени изо мней. 24) На блюдо каравай с молоки со мневыми, а в него молока изо мней, пол-лопатки муки крупичатые. 25) На блюдо ухи карасевые, а в нее карась блюдной, полчумича пшена русского. 26) На блюдо ухи окуневые, а в нее 3 окуни живых, золотник перцу. 27) На блюдо пирогов подовых, на новое монастырьское дело, а в них 4 лопатки муки крупичатые, 6 чумичей круп гречневых, полковша масла орехового, векошник снятков. 28) На блюдо 5 *курб* в тесте, а в них лопатка муки крупичатые, четь ковша масла орехового. 29) Пирог подовой большой с рыбою, а в него 5 лопаток муки толченые, 10 щук свежих. 30) Пирог подовой большой со пшеном да с вязигою, а в него 5 лопаток муки толченые, 2 гривенки пшена сорочинского, 6 пучков вязиги, ковш масла орехового. 31) На блюдо пирогов пряженых со пшеном да с вязигою, а в них лопатка муки крупичатые, полгривенки пшена сорочинского, 2 пучка вязиги, а на пряженье четь ковша масла орехового. 32) На блю-

до пирогов пряженых с горохом, а в них лопатка муки крупичатые, чумичь гороху, четь ковша масла орехового.

А росолного:

33) На блюдо лососины Корелские свежие, коли лучится. 34) На блюдо стерлядины свежие. 35) На блюдо полголовы осетрьи свежие, а в ней 3 звена столовых. 36) На блюдо лососины корелские бочечные. 37) Щука, голова, жива, под чесноком. 38) Щука, жива, колодкою, под чесноком. 39) На блюдо сиговины бочечные. 40) На блюдо лодожины бочечные. 41) На блюдо щучины живопросолные. 42) Схаб белужий, коли лучится. 43) Стерлядь верченая. 44) Звено осетрины верченые. 45) Щука верченая. 46) Кружок телной, а в него 2 щуки да судок свежие, ковш масла орехового. 47) На блюдо карасев с рыбою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, щука свежая. 48) На блюдо карасей со пшеном да с вязигою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, четь гривенки пшена сорочинского, пучок вязиги, да в обои корасы четь ковша масла орехового. 49) На блюдо осетрины длинные. 50) Черево осетрины шехонские. 51) Теша осетрья мокрая. 52) Векошник снятков. 53) Ставец штей со снятковою ухою, а в навару векошник снятков. 54) Ставец штей с осетрьею наварою. 55) Векошник ягод, а в них 3 чумича круп гречневых. 56) На блюдо пирогов столовых, а в них лопатка муки толченые, чумичь пшена русского. 57) На блюдо оладий столовых, а в них лопатка муки толченые, да в пироги ж и в оладьи полковша масла конопляного.

На праздник на Рожество Христово государю подается: 1) Перепеча, а в ней 6 лопаток муки крупичатые, 30 яиц. 2) Хлебец крупичатой, а в нем 4 лопатки муки крупичатые. 3) Колач крупичатый, а в нем 6 лопаток муки. 4) Колачик братцкой, а в нем лопатка муки толченые. 5) Хлебец ржаной ситной, а в нем лопатка муки ржаные. 6) Да на подачу 2 перепечи, а в них 8 лопаток муки крупичатые; да 3 хлебцы, а в них 12 лопаток муки крупичатые. 7) Колач крупичатый, а в нем 6 лопаток муки крупичатые. 8) 5 колачей смесных, а в них 10 лопаток муки крупичатые, 10 лопаток муки толченые.

Про государя ж:

9) 3 лебеди, да к лебедям наскрыли. 10) 3 перепечи, а в них 12 лопаток муки крупичатые, 60 яиц. 11) 3 потрохи лебяжьи, а в них 18 частей говядины, да к лебедям во взвар и в потрохи 45 золотн. шафрану, да во взвар же 3 ковша бастру. 12) 3 груди бараньи, а в них 4 барана, 30 золотн. шафрану. 13) Гусь верченая. 14) Тетерев. 15) Почки бараньи, а в них 7 частей. 16) Порося верченое живое. 17) На блюдо баранины россолные, лопатки да мышки, а в них 2 части. 18) На блюдо грудинка баранья. 19) На блюдо спинка баранья. 20) На блюдо плечико баранье. 21) Порося живое рассолное, под чесноком. 22) Потрошок поросячий. 23) На блюдо щечки да лыточки поросячьи. 24) На блюдо ножки поросячьи. 25) На блюдо печенци поросячьи. 26) Плечо баранье верченое, а в нем 3 части. 27) Курник, а в нем 2 лопатки муки крупичатые, куря, 20 яиц, гривенка масла коровья, 3 части баранины, гривенка сала говяжья. 28) На блюдо ухи курячьи шафранные, а в ней куря, 4 золотн. шафрану, золотник корицы, полгривенки пшена сорочинского. 29) На блюдо ухи курячьи черные, а в нее куря, 4 золотн. гвоздики, золотник корицы, ползолотника перцу, полгривенки пшена сорочинского. 30) На блюдо ухи курячьи белые, а в нее куря, золотник перцу. 31) На блюдо 3 пирожки подовых с бараниною, а в них 2 лопатки муки крупичатые, 10 яиц, гривенка сала говяжья, 6 частей баранины. 32) На блюдо пирогов пряженых кислых с сыром, а в них 5 лопаток муки крупичатые, 50 яиц, полтора сыра кислого, 10 гривенок масла коровья. 33) На блюдо оладей приказных, а в них 10 лопаток муки крупичатые, 25 яиц, 10 гривенок масла коровья, пол-2 гривенки патоки. 34) На блюдо котломы, а в них 5 лопаток муки крупичатые, 25 яиц, 10 гривенок масла коровья, пол-2 гривенки патоки. 35) Пирог подовой большой с сахаром, а в нем 5 лопаток муки толченые, 60 яиц, полчверти ведра молока пресного, гривенка масла коровья, 2 гривенки пшена сорочинского, 2 гривенки сала говяжья. 36) Пирог подовой большой с мясом, а в нем 5 лопаток муки толченые, полчверти ведра молока пресного, 30 яиц, гривенка масла коровья, 2 части говядины, 2 гривенки сала говяжья. 37) Пи-

рог подовой с яицы, а в нем 5 лопаток муки толченые, полчетверти ведра молока пресного, 60 яиц, гривенка масла коровья. 38) Пирог подовой с сыром, а в нем 5 лопаток муки толченые, полчетверти ведра молока пресного, 60 яиц, 2 сыра кислых, гривенка масла коровья. 39) На блюдо куря в лапше, а в ней куря, четверть лопатки муки крупичатые, 3 яйца. 40) Коровай ятцкой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, 2 гривенки масла коровья. 41) Коровай битой, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 40 яиц, 2 гривенки масла коровья, полсыра кислого. 42) Коровай ставленой с яицы, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 60 яиц, четверть ведра молока пресного, 2 гривенки масла коровья. 43) Коровай ставленой с сыром, а в нем 6 лопаток муки крупичатые, 60 яиц, четверть ведра молока пресного, 2 сыра кислых, 2 гривенки масла коровья. 44) Куря *нарожное.* 45) Кости заячьи. 46) На блюдо заяц в лапше, а в ней четверть лопатки муки крупичатые, 3 яйца. 47) Кострец лосины подо зваром. 48) Часть лосины ребряные подо зваром, а в ней 2 золотн. перцу. 49) На блюдо осердья лошья в россоле. 50) На блюдо осердья лошья крошеного, а в него 4 золотн. гвоздики. 51) На блюдо губы лошьи. 52) На блюдо печени лошьи. 53) На блюдо мозгу лошья. 54) На блюдо пирогов пряженых с сахаром, а в них лопатка муки крупичатые, 15 яиц, 2 гривенки масла коровья, полгривенки пшена сорочинского, гривенка сала говяжья. 55) На блюдо заяц россолной. 56) На блюдо пирогов пряженых с яицы, а в них лопатка муки крупичатые, 20 яиц, 2 гривенки масла коровья. 57) Заяц в репе. 58) На блюдо пирогов пряженых с сыром, а в них лопатка муки крупичатые, 15 яиц, полсыра кислого, 2 гривенки масла коровья. 59) На блюдо куря рафленое, а в нем полгривенки пшена сорочинского, полгривенки изюму, 6 золотн. шафрану. 60) На блюдо куря бескостное, а в него 2 части баранины, а взвар на него с шафраном от рафленого куряти. 61) На блюдо потрох гусин, а в него золотник перцу. 62) На блюдо сырников с яицы, а в них пол-лопатки муки крупичатые, 20 яиц, ковш молока пресного, гривенка масла коровья. 63) На блюдо баранины шестные, 2 части. 64) На блюдо часть говядины шестные, а с малыми 2 части. 65) На блюдо

свинины во штях, а с малыми 2 части. 66) На блюдо сырников с сыром, а в них пол-лопатки муки крупичатые, 15 яиц, ковш молока пресного, четверть сыра кислого, гривенка масла коровья. 67) Юрма, а в ней 120 частей баранины, плеча и бока. 68) На блюдо лытка ветчины во штях. 69) Гусь шестная, а в ней чумичь круп гречневых, полгривенки масла коровья, гривенка сала говяжья. 70) Куря верченое, а к нему лимон. 71) На блюдо куря шестное, а в него полчумича круп гречневых. 72) На блюдо карасей с мясом, а в них лопатка муки крупичатые, гривенка сала говяжья, часть говядины, 2 гривенки масла коровья, 5 яиц. 73) Ставец кундумов. 74) Шти. 75) Пироги столовые с яицы. 76) Оладьи столовые. 77) Кисель белой. 78) Сыр губчатой. 79) Горшечик молочка вареного.

Да государю ж держать на Рожество Христово в стол *рыбные естьы:* 1) Ставец ксеней щучьих с шафраном, а в них 2 золотн. шафрану, ползолотника корицы. 2) Спина лососины муромские, 3) Стерлядь паровая. 4) Стерлядь телная, а в ней 2 щуки да судак свежий, полковша масла орехового. 5) На блюдо лососины муромские свежие, а к ней лимон. 6) На блюдо полголовы осетрьи свежие, а в ней 3 звена столовых. 7) Щука живая, голова, под чесноком.

А естьы перед государя:

1) На блюдо 4 селди Переславских паровых. 2) На блюдо 5 селдей Переславских свежих. 3) На блюдо лещ паровой. 4) На блюдо спина лососины муромские, коли лучится. 5) Стерлядь паровая. 6) Сиг паровой. 7) Лодога паровая. 8) Сырть паровая. 9) На мису ухи налимные, а в ней 6 золотн. шафрану, золотник корицы, полгривенки ядер миндальных; а в навару 30 плотиц, щука отворачиваная, а в нее в прибавку судак свежий. 10) Каравай телной, а в него 10 щук, 10 судаков свежих, 15 золотн. шафрану, 2 ковша масла орехового. А держати по приказу; а коли государь прикажет коровай, и тогды держати про государя ухи шафранные и черные. 11) Стерлядь телная, а в тело 2 щуки да судак, а на пряженье и на масленье лук намаслити, полковша масла орехового. 12) Плотица телная, а в нее щука да судок, четь ковша масла орехового; а держати плотица, как

будет коровай. 13) На блюдо три пирожки подовых, на новое монастырское дело, а в них 4 лопатки муки крупичатые, 6 чумичей круп гречневых, полковша масла орехового, векошник снетков. 14) На блюдо щучьи ухи белые, а в ней щука живая, золотник перцу. 15) На блюдо ухи лещовые, а в ней лещ живой, золотник перцу. 16) На блюдо ухи мневые с телесы, а в них 3 мни живых, золотник перцу. 17) На блюдо ухи с печеньми со мневыми. 18) На блюдо ухи с молоки со мневыми. 19) На блюдо ухи окуневые, а в нее 3 окуни живых, золотник перцу. 20) На блюдо каравай с телесы со мневыми, а в него пол-лопатки муки крупичатые, 3 мни живых. 21) На блюдо ухи корасовые, а в нее корас блюдной, полчумича пшена русского. 22) На 2 блюда 2 коровая с печеньми да с молоки со мневьими, а в них лопатка муки крупичатые. 23) Пирог подовой большой с рыбою, а в него 5 лопаток муки толченые, ковш масла орехового, 10 щук. 24) На блюдо 5 курб пряженых в тесте, а в них пол-лопатки муки крупичатые, четверть ковша масла орехового. 25) Пирог подовой большой со пшеном да с вязигою, а в него 5 лопаток муки толченые, 2 гривенки пшена сорочинского, 6 пучков вязиги, ковш масла орехового. 26) На блюдо пирогов кислых пряженых с маком, а в них 3 лопатки муки крупичатые, 2 чумича маку, пол-2 гривенки патоки, полковша масла орехового. 27) На блюдо пирогов пряженых со пшеном да с вязигою, а в них лопатка муки крупичатые, полгривенки пшена сорочинского, 2 пучка вязиги, четь ковша масла орехового. 28) На блюдо пирогов пряженых с горохом, а в них лопатка муки крупичатые, чумичь гороху, четь ковша масла орехового.

А россолного:

29) На блюдо лососины муромские свежие, коли лучится, а к ней лимон. 30) На блюдо стерлядины свежие. 31) На блюдо полголовы осетрины свежие, а к ней 3 звена столовых. 32) На блюдо лососины корелские бочечные. 33) На блюдо голова щучья. 34) 2 щуки, колодки. 35) Схаб белужий, коли лучится. 36) На блюдо сиговины бочечные. 37) На блюдо лодожины бочечные. 38) Стерлядь верченая. 39) Щука верченая. 40) Звено осетрины верченые. 41) На блюдо обертки лососьи. 42) Кружок

телной, а в него 2 щуки да судак; а на пряженье полковша масла орехового. 43) На блюдо щучины живопросолные. 44) На блюдо карасей с рыбою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, щука свежая, теша осетрья мокрая. 45) На блюдо карасей со пшеном да с вязигою, а в них пол-лопатки муки крупичатые, четверть гривенки пшена сорочинского, пучок вязиги; а на пряженье в обои караси четь ковша масла орехового. 46) На блюдо полпрута спинного осетрины длинные. 47) Ставец штей с осетрьею наварою. 48) Черево осетрины Шехонские. 49) Векошник снетков. 50) Векошник ягод, а в них 3 чумичи круп гречневых. 51) Ставец штей, а в них в навару векошник снетков. 52) На блюдо пирогов столовых, а в них лопатка муки толченые, чумичь пшена русского, четь ковша масла конопляного. 53) На блюдо оладей столовых, а в них лопатка муки толченые, четь ковша масла конопляного. 54) Да в ествы и во взвар, в стол и в вечерное кушанье, ведро меду обарного, пол-2 ведра уксусу лутчего, полведра огурцов».

Кроме царского стола, общие перечни древних кушаний помещены и в Домострое. Эти перечни, как сказано выше (с. 917), относятся к началу или по крайней мере к половине XVI столетия, а некоторые записаны и в XVII столетие, но неотменно по росписям более древним. В течение веков народный быт твердо стоял на своей старине и очень туго изменял свои житейские порядки даже и в мелких подробностях, например относительно пищи и питья. Что кушали деды и прадеды, то самое кушали внуки и правнуки. Нельзя отрицать, что некоторые кушанья приходили к нам и с Запада (уха Венгерская?) и особенно с Востока, как это обнаруживается в именах таких кушаний, например котлома, юрма, тавранчук, кундумы, сычуг и т. п., которые могли появиться в русском поварском искусстве в очень древнее время раньше татар и половцев, чуть не от скифов и сарматов.

Общий же круг кушаний в упомянутых росписях принадлежит Северной и главным образом Московской области.

Для того, как эти росписи исполнялись на самом деле, мы воспользуемся описанием двух обедов, данных царем Алексе-

ем Михайловичем польским послам в 1667 г. в скоромный и постный дни 12 и 25 ноября.

Польские послы в это время прибыли в Москву для заключения мира, а потому явились самыми дорогими гостями и получили самое богатое и роскошное угощение за царским столом.

12 ноября государь в подкрепление и утверждение мира при послах сам целовал Святое Евангелие, как и послы целовали крест по католическому обряду. Все это как особое торжество выразилось и на угощении послов.

Обед происходил в Грановитой палате, посольское убранство которой описано нами выше [с. 899, прим. 1, 900]. Посольские люди обедали в Сборной палате.

Описание еств и питей расположено не по порядку столованья, какое кушанье и питье одно за другим следовало, а по росписям дворцов, начиная с Сытного (питейного), за которым следовал Кормовой (ественный) и потом Хлебенный.

«В стол в наряд (от Сытного дворца) было питей про великого государя: первая подача: романеи, бастру, ренского, по кубку; вторая подача: малмазеи, мушкатели, алкану, по кубку ж; третья подача: кинареи, вина французского, вина церковного, по кубку ж; медов красных: первая подача: вишневого, малинового, смородинного, по ковшу; вторая подача: 2 ковша меду малинового, ковш меду боярского; третья подача: 2 ковша меду можжевелового, ковш меду черемхового; белых медов: первая подача: 2 ковша меду паточного с гвосцы, ковш меду ковшечного; вторая подача: 2 ковша меду с мушкатом, ковш меду ковшечного; третья подача: 2 ковша меду с кардамоном, ковш меду ковшечного. Всего про великого государя: романеи, бастру, ренского, малмазеи, мушкатели, алкану, кинареи, вина французского, вина церковного по 6 кружек, да 6 чарок водки; медов красных: вишневого, малинового, смородинного, костеничного, черемхового, можжевелового, вишневого, обарного по ковшу; медов белых: ковшечного с гвосцы, с мушкатом, с кардамоном, по 8 кружек, 9 кружек сахарного.

Про бояр, и про окольничих и про думных людей, и про послов и про королевских дворян: 2 кружки водки анисовой из

романеи, коричной тож, 8 кружек водки боярской, 5 ведр романеи лутчей, боярской тож, 5 ведр бастру, 2 ведра ренского, 5 ведр алкану, 4 ведра вина французского, 3 ведра вина церковного, 5 ведр меду вишневого, 4 ведра меду малинового, 8 ведр меду вишневого; медов белых: 15 ведр меду паточного с гвосцы, 5 ведр с мушкатом, 3 ведра с кардамоном, 2 ведра меду черствого, 5 ведр меду цеженого, 5 ведр пива хмелного, легкого тож, 2 ведра пива с малиною, 5 ведр пива подделного, 6 ведр браги, квасу тож, 4 кружки вина боярского с анисом, 4 кружки ж вина тройного, ведро вина боярского, полведра вина с махом, дворянского тож.

В Сборную полату за кормку посолским людям: 5 ведр романеи, меду красного тож, 4 ведра с махом вина, 20 ведр меду цеженого, княжева тож, 5 ведр пива легкого.

В столовое ж кушанье про великого государя приказных еств подавали: с Кормового: тетерев жаркой окрашиван сливы, рябь жаркая окрашивана под лимоны, лоб свиной, голова баранья росолная, плечо баранье жаркое окрашивано студенью, косяк буженины, куря жаркое разнимано по костям под лимоны, куря жаркое разнимано по костям под огурцами, лебедь жаркой под скрыли, гусь жаркой, утя жаркое, куря индейское под шафранным взваром, плечо баранины жаркое, куря жаркое с луком, куря жаркое без луку, порося жаркое, печень баранья жаркая, кишечки да плечо бараньи наливные, потрох гусин, куря в ростворе, куря росолное, куря в калье с лимоны, куря в лапше, куря в каше, токмачи, куря шасное, юмра.

Да сверх приказных еств в стол и на подачи: 2 лебедя жаркие, тетерев жаркой окрашиван сливы, 60 куров жарких, 20 гусей жарких, 10 косяков буженины, 60 куров рафленых, 5 куров бескостных, 40 куров в ухах шафранных, 20 потрохов гусиных, 30 куров в кальях, 30 куров в лапшах, 6 куров в кашах, 15 куров в растворе, 60 сковород токмачей, 20 сковород мант, 30 полугрудей, говядины шасной, 60 частей говядины шасных, 60 частей говядины жарких, 20 плеч баранины жарких, 20 блюд баранины шасной.

В большой стол боярам и окольничим: 45 косяков буженины, 60 куров жарких, 20 гусей жарких, 60 плеч бараньих жарких, 10 утят жарких, 100 частей говядины жарких, 10 потрохов, 20 куров в кальях, 20 куров в лапшах, 20 куров в кашах, 20 куров шасных, 14 сковород токмачей, 50 частей говядины шасной, 60 блюд баранины шасной.

Послам и их чиновным людям в стол естъ: 30 косячков буженины, 31 гусь под гвоздичным взваром, 30 утят жарких, 20 куров жарких окрашиваны под лимоны, 30 куров жарких, 20 куров рафленых, 20 куров в кальях с лимонными кружками с шафраном, 20 куров в ухах шафранных, 10 куров в ухах гвоздишных, 10 куров в росоле с лимонными кружками с шафраном, 50 блюд штук бараньих с шафраном, 50 блюд штук говяжьих с шафраном, 30 частей говядины жарких, 30 плеч бараньих жарких, 30 потрохов гусиных, 5 куров в растворе, 6 куров индейских жарких, 20 куров шестных.

Людям их в кормку в Сборную полату: 22 косячка буженины, 8 гусей под гвоздишным взваром, 10 утят жарких, 50 блюд штук говяжьих с шафраном, 50 блюд штук бараньих с шафраном, 50 частей говядины жарких, 50 плеч бараньих жарких, 20 блюд баранины шесной, 25 частей говядины шесной.

С Хлебенного:

Великому государю: хлебец да перепечка крупичатые по 5 лопаток, калач крупичатой в 6 лопаток, в резанье. Приказные естъ: 2 колоба, 2 блюда налитков, 2 курника Колобовых, 2 курника подсыпаны яицы, 2 пирога росолных, 2 блюда пирогов подовых, 2 блюда пирогов с кашею да с сыром, 2 каравая яцких, 2 блюда пирогов кислых, 2 блюда сырников, 2 блюда воронков, 2 блюда блинков тонких, 2 блюда пирогов пряженых, 2 блюда карасиков маленьких с курятиною, 2 блюда карасей с бараниною.

В стол и на поставец: 30 курников больших, 70 курников меньших, 120 пирогов росолных, 70 блюд пирогов пряженых, 70 блюд карасей с бараниною, 10 пирогов подовых с сахаром, 10 караваев ятцких, 5 блюд пирогов кислых, 15 блюд сырни-

ков, 10 блюд оладий пшеничных, 20 блюд пирогов пряженых с яицы, 20 блюд карасей с говядиною рядовых.

Послам в стол приказных еств: курник большой, курник меньшой, пирог росолной, пирог с сыром, пирог с сахаром, каравай ятцкой, блюдо пирогов кислых, блюдо жаворонков, блюдо пирогов пряженых с яицы, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниною, 20 калачей крупичатых по 3 лопатки, 20 калачей крупичатых по пол-3 лопатки, 30 калачей крупичатых по 2 лопатки, 40 калачей крупичатых по пол-2 лопатки, 3 чети калачей толченых лучших, 3 чети калачей толченых.

В столы боярам, и окольничим, и думным людям, и королевским дворянам: 60 курников меньших, 60 пирогов росолных, 60 блюд пирогов пряженых, 60 блюд карасей с бараниною, 60 блюд сырников в боярской муке, 100 блюд пирогов пряженых с яицы, 100 блюд карасей с говядиною в толченой муке.

Да с поставца подано послам и королевским дворянам ествы с израсцы: 10 курников больших, 20 курников меньших, 10 пирогов росолных, 4 блюда пирогов подовых, им же масленицкие ествы: 6 блюд хворосту, 5 блюд елец, 5 блюд мисенного, 5 блюд груздей, 5 блюд рыжиков, 5 блюд ядер, 5 блюд шишек.

А кому именно послам и королевским дворянам и какие подачи были в столовое кушанье, и то писано порозно: первому послу Станиславу Казимеру Беневскому воеводе: первая подача – крыло лебяжье, вторая – пирог осыпной, третья – жаворонки, четвертая – гусь; второму послу Киприяну Павлу – референдару и писару великого княжества Литовского: первая подача – пирог осыпной, вторая – жаворонки, третья – ходило лебяжье, четвертая – уха черная. Третьему послу Владиславу Шмелингу – подконюшему корунному: первая подача – гусь, вторая – куря индейское, третья – мисенное[1], четвертая – курник с изразцами.

[1] Ср.: Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. – С. 423. – Прим. 2, и выше, с. 909. – *Ред.*

Подачи королевским дворянам состояли каждому по пирогу, иным – гусь, куря, одному – жаворонки, одному – лебяжья хлупь, одному – курник.

Да в Сборную полату посольским людям за кормку: 65 калачей толченых, 8 курников, 8 пирогов росолных, 8 блюд пирогов пряженых, карасей тож, 30 блюд пирогов пряженых рядовых с яицы, карасей тож.

В столы же подано сахаров и пряных зелей: великому государю: 2 головы сахару больших, спица сахару леденцу белого, спица сахару леденцу красного, труба корицы китайской, труба корицы немецкой, 50 блюд сахаров узорочных разных, 20 блюд сахару леденцов, 15 блюд сахаров конфетков постных, 10 блюд сахаров зеренчатых, всего 101 блюдо, да полоса арбузная, другая дынная.

Боярам первое блюдо: голова сахару, спица сахару леденцу белого, спица сахару леденцу красного, труба корицы немецкой, 25 блюд сахаров узорочных, 15 блюд сахаров леденцов, 6 блюд сахаров канфентов [sic] постных, 6 блюд сахаров зеренчатых, всего 56 блюд; второе блюдо подано против того ж; третье блюдо окольничим и думным дворянам и дьякам: голова сахару, 2 спицы сахару леденцу белого и красного, труба корицы немецкой, 20 блюд сахаров узорочных, 10 блюд сахаров леденцов, 6 блюд сахаров зеренчатых, 5 блюд сахаров франктентов постных, всего 41 блюдо, да полоса арбузная, другая дынная. Полковникам и головам московских стрельцов: голова сахару, 15 блюд сахаров узорочных, 5 блюд сахаров постных, 5 блюд сахаров леденцов, 5 блюд сахаров зеренчатых, всего 30 блюд, да полоса арбузная, другая дынная.

Послам первое блюдо: голова сахару, 2 спицы сахару леденцу белого и красного, труба корицы китайской, труба корицы немецкой, 40 блюд сахаров узорочных, 10 блюд сахаров леденцов, 10 блюд сахаров постных, 10 блюд диковинок цветных левкасных, 10 блюд сахаров зеренчатых, всего 85 блюд, да полоса арбузная, другая дынная.

В другое блюдо посольским дворянам 30 чел.: 5 голов сахару, 30 блюд сахаров узорочных, 30 блюд сахаров леденцов,

30 блюд сахаров постных, 30 блюд сахаров зеренчатых, ягод винных, изюму, чернослив, фиников, коринки, орехов грецких и ядер миндальных 25 блюд, всего подано во второе блюдо дворянам 150 блюд, да полоса арбузная, другая дынная. Польским людям 36 чел. по блюду сахаров узорочных, по блюду сахаров зеренчатых.

А наряжали те пряные зелья в столовой. У отпуску был думной дворянин Иван Богданович Хитрово.

За столом же стольникам, и стряпчим, и жильцам, которые есть ставили перед государя, и перед бояр, и перед послов, 130 чел., дано по блюду сахаров зеренчатых; жилцам, которые стояли в Грановитой палате с протазаны, 30 чел., по блюду ж человеку.

Да после стола на посольский двор к послам послано великого государя жалованья со стольником с Никитою Ивановым, сыном Шереметевым: 3 ведра романеи, ренского, алкану, меду вишневого, малинового, вешнего, паточного, двойного, ковшечного, пива подделного, простого, по ведру.

Стольников и стряпчих, которые служили за столом, пить носили и есть ставили, всего было 183 чел. Из них сахары получили только 130 чел.

Это был стол в скоромный день. Потом 25 ноября в Филиппов пост послы были приглашены по случаю их отпуска к столу постному.

По русскому обычаю, постное время требовало большего смирения и во всей обстановке при приеме гостей-послов. Поэтому и постный стол происходил уже не в Грановитой, а в Столовой полате, которая к тому же была наряжена *средним,* а не большим нарядом[1].

Государево место было *середнее,* оправлено серебром, к нему приступ обит участком золотым... Столовая была настлана коврами; на лавках полавочники были суконные, шитые из разных (цветных) сукон. Только от государева места в переднем углу по лавке к посольскому столу настлан был полавочник золотный, как и к государеву месту по полу настлан

[1] Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. – С. 423. – Прим. 3.

был ковер тоже золотной... Поставец был середний. Боярский большой стол был поставлен по левую, а посольский кривой стол – по правую сторону государева стола и места.

Не упоминая об обычных порядках царского столованья, какие происходили и в этом случае, мы остановимся только на подробностях питей и еств, поданных за этот постный стол.

Питей про государя было подано столько же и тех же наименований, сколько подавалось и в скоромный стол 12 ноября. Прибавка против тогдашней росписи состояла в том, что было подано 28 полос дынных и арбузных.

Про бояр, и про окольничих, и про думных людей, и послов, и про королевских дворян: 3 кружки водки анисовой из романеи, 2 кружки водки коричной, 10 кружек водки боярской, 5 ведр романеи лучшей, 5 ведр романеи под тою, 2 ведра бастру, 5 ведр ренского, 5 ведр алкану, 4 ведра вина французского, 3 ведра вина церковного, 5 ведр меду вишневого, 4 ведра меду малинового, 8 ведр меду вешнего; медов белых: 15 ведр меду паточного, 5 ведр меду с гвосцы, 3 ведра меду с мушкатом, 2 ведра меду с кардамоном, 5 ведр меду паточного выкислого, 15 ведр меду цеженого, 4 кружки вина боярского с анисом, 3 кружки вина тройного, ведро вина боярского, пол-2 ведра с махом, 2 ведра вина дворянского.

В Золотую полату за кормку посольским людям: 5 ведр романеи, меду красного тож, ведро вина боярского, 2 ведра вина с махом, 20 ведр меду цеженого черствого, легкого тож, 20 ведр меду княжева, 5 ведр пива ячного.

С Кормового подавано про государя приказных еств: блюдо икры осенние, 2 окуня росолных живые, оладейка телная окрашивана студенью, блюдо щучины живой просолной, блюдо стерлядины свежей просолной, лещь росолной живой, селди паровые, схаб белужий жаркой свежий, стерлядь паровая живая, стерлядь жаркая живая, лещ паровой живой, короваец да аладейка телные жаркие, спина белой рыбицы свежая, блюдо ухи назимые шафранные, блюдо ухи назимые гвоздичные, уха карасевая, уха окуневая, уха пескаревая, уха мневая, щука колотка живая, полголовы осетра живого, щука голова живая

под хреном, щука голова живая под горчицею, башка белужка свежая, башка да язык белужьи оханные. Сверх приказных еств в стол и на подачи вышло: 2 каравая телных больших, 2 лебедя телные, 8 гусей телных, 8 стерлядей телных, 8 плотиц телных, 5 лещей под шафранным взваром, 15 лещей паровых, 15 стерлядей паровых и жарких свежих, 5 блюд щук тюшоных с зельи; 8 полуголов, 10 звен осетрины живой; 5 спин, 5 обертки белой рыбицы жарких свежих; 12 полуголов, 15 звен белой рыбицы свежие; 10 ух щучьих шафранных, 10 ух щучьих воздненых, 30 ух карасевых, 8 ух лещевых, 10 ух окуневых, 5 полубашек белужьих оханных и астраханных, 40 языков белужьих, 10 осетров роскладных с головами, 2 теши белужьи аханные, 4 косяка белужьи, 4 белуги да осетр астраханские, 30 лодог бочечных, 10 тешек осетрьих межукосных.

Польским послам и их чиновным людям в стол еств: 20 блюд икры осенней, 25 блюд телного окрашивано под огурцы, 10 блюд стерлядины, 25 лещей под лимоны, 25 лещей подо зваром с ягоды, 25 стерлядей паровых и живых и свежих, 6 схабов белужьих, 25 кружков телных, 2 леща телных, 2 гуся [sic] телных, 2 стерляди телные, 2 плотицы телные, 2 блюда ухи назимные шафранные, 2 блюда ухи назимные гвоздищные, 25 блюд штук стерляжьих, 25 блюд штук белужьих, 25 блюд штук осетрьих, 25 блюд белые рыбицы, 20 ух карасевых шафранных, 5 щук колодок живых, 13 звен осетрьих живых, 8 звен осетрины свежие.

Боярам, и окольничим, и думным дворянам, дьякам, полковникам и головам и полуголовам стрелецким: 20 блюд икры осенней, 5 блюд щучины, 20 блюд телного окрашивано под огурцами, 20 кружков телных, 5 лещей паровых живых, 13 лещей паровых свежих, 13 стерлядей паровых и жарких, 2 блюда ухи назимные шафранные, 2 блюда ухи назимые гвоздишные, 15 ух карасевых, 5 щук колодок живых, 2 полуголовы осетрины живые, 15 звен осетрины живые, 10 звен белой рыбицы свежие, 10 звен осетрины роскладные.

В Золотой палате в кормлю вышло польским людям: 76 блюд икры осенние, 76 прутов белой рыбицы сухие, 76 язей

жарких, 76 ух язевых, 76 сковородок ксеней, 76 звен белужины, 76 звен осетрины астраханские.

С Хлебенного великому государю подавали: хлебец крупичатый в 5 лопаток, колач крупичатый в 6 лопаток; приказные ествы: 2 пирога с рыбою, 2 пирога с кашею, 2 коровая просыпных, 2 коровая с телесы мневыми, 2 коровая с молоки осетрьи, 2 коровая с печенми мневыми, 2 коровая с телесы щучьи, 2 коровая с яблоки, 2 коровая с ягоды винными, 2 пирога с сигами, 2 пирога с лодогою, 2 пирога с *сыртью,* блюдо пирогов кислых с рыбою, 2 блюда левашников с яблочною пастилою, 2 блюда левашников с черною пастилою, 2 блюда ягодников с коринкою, 2 блюда пирогов пряженых с горохом, 2 блюда карасей с рыбою, 2 блюда оладий пшеничных, 2 блюда сельдей в тесте, все в ореховом масле; приказные ж ествы с разными изразцами: коровай просыпной с рыбою, пирог с рыбою, коровай с молоки осетрьи, коровай с телесы мневыми, коровай с молоки мневыми ж; *масленицкие* ествы: блюдо мисенного, блюдо груздей, блюдо рыжиков.

В стол и на поставец: 15 короваев просыпных с ягоды изюмными, 20 короваев с телесы, 50 пирогов с рыбою, 20 короваев с ягоды винными, 20 короваев с изюмом, 20 пирогов с лодоги, 20 блюд пирогов пряженых с горохом, 20 блюд левашников с черною пастилою, 20 блюд карасей с рыбою в боярской муке, 2 блюда котломы с патокою, 3 блюда пирогов кислых с маком.

Послам в стол подавано: в резанье 2 колача крупичатых по 4 лопатки, колач крупичатый в 3 лопатки; ествы: пирог с рыбою, коровай просыпной с рыбою, коровай с телесы мневыми, коровай с телесы щучьи, коровай с молоки мневыми, пирог с лодогою, блюдо оладий пшеничных, блюдо левашников с пастилою, блюдо пирогов пряженых с горохом, блюдо карасей с рыбою, блюдо сельдей в тесте, ествы все в ореховом масле, ествы ж с разными образцы: коровай просыпной, пирог с рыбою, коровай с телесы щучьи, коровай с молоки осетрьи; масленицкие ествы: блюдо мисенного, блюдо хворосту, блюдо елец, блюдо груздей, блюдо рыжиков, блюдо шишек.

В столы ж боярам, и окольничим, и думным людям, и королевским дворянам: 20 колачей крупичатых по 3 лопатки, 20 колачей по пол-3 лопатки, 20 колачей по 2 лопатки, 20 колачей по пол-2 лопатки; еств: 10 короваев просыпных, 40 пирогов с сигами, 40 пирогов с рыбою, 40 пирогов с телесы, 40 короваев с ягоды винными, 40 короваев с изюмом, 40 блюд пирогов пряженых с горохом, 40 блюд левашников, 40 блюд карасей с рыбою, все в конопляном масле; ествы ж с разными образцы: 3 коровая просыпных с рыбою, 3 пирога с рыбою, 3 каравая с телесы, 3 коровая с молоки; масленицкие ествы: 5 блюд мисенного, 5 блюд груздей, 5 блюд рыжиков, 5 блюд шишек, 15 блюд жаворонков».

В Золотой полате посольским людям за кормку: 106 колачей толченых; им же в подачи: 50 пирогов с кашею, 40 короваев с молоки, 100 блюд пирогов пряженых с горохом, 100 блюд карасей с рыбою в толченой муке, в конопляном масле. А пряным зельям в том столе подачи не было.

В столе ж Великий Государь изволил пить чашу про здоровье Казимера короля. А бояр и послов жаловал ковши: «первого боярина князя Никиту Ивановича Одоевского, первого посла Станислава Казимера Беневского, второго боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукого, второго посла Кипрея-на Брестовского, третьего боярина Афанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина, третьего посла Владислава Сшмелинга, а потом всех королевских дворян, и окольничего, и думного дворянина, и думных дьяков, и стольников, и дворян московских, и полковников, и голов, и полуголов стрелецких, которые были у стола и которые были на стойке, и Благовещенского ключаря, и попов и дьяконов, которые были у благословения трапезы. А сидели они от дверей по левую сторону».

Подачи сахаров и пряностей в этом столе не было. Подавали только масленицкие ествы пряничные грузди, рыжики и т. п., о чем упомянуто в росписи.

Но зато на проводах в дорогу кроме вин, рыбы и хлебенного послы получили из Овощной палаты в изобилии различных сластей и пряностей. «Первому послу Станиславу Казиме-

ру Беневскому да второму послу референдарю [отпущено]: по 20 ф. сахару головного, по фунту *корицы китайской,* по фунту корицы неметцкой, по фунту шафрану; орешков мушкатных, гвоздики, мушкатного цвету, кардамону, инбирю сухого по фунту; перцу по 3 ф., анису по 5 ф., пшена сорочинского тож, ягод изюму, винных, коринки, чернослив по 3 ф. человеку; третьему послу – подконюшему корунному: 12 ф. сахару головного, корицы китайской полфунта, корицы немецкой полфунта ж; шафрану, гвоздики, мушкатного цвету, мушкатных орешков, кардамону, инбирю сухого по фунту, перцу 3 ф., анису, пшена сорочинского по 4 ф.; ягод изюму, винных, коринки, чернослив по 2 ф. Дворянам, всего 5 чел.: по голове сахару; шафрану, гвоздики, корицы, орешков мушкатных, цвету мушкатного; кардамону, инбирю сухого по полуфунту, перцу по фунту, анису по 2 ф., пшена сорочинского по тому ж; ягод изюму, винных, чернослив, коринки по фунту человеку.

Относил те пряные зелья на посольской двор Сытного дворца стряпчий Кондратий Лунин.

Да послам же, как они были на Москве, отпущено пряных зелей в запрос в разных числах: 2 пуд. 4 ф., а без чети фунта сахару головного, 15 ф. гвоздики, 15 ф. шафрану, 15 ф. цвету мушкатного, 10 ф. орешков мушкатных, 15 ф. корицы, 10 ф. кардамону, 2 ф. изюму, пуд чернослив, пуд винных, 15 ф. инбирю сухого, пуд пшена сорочинского, полпуда ядер миндальных, полпуда дуль сухих, 2 пуд. перцу, 10 ф. кмину немецкого, пуд коринки».

Видимо, что такого пряного богатства в польской стороне не существовало.

Самый большой расход сахаров и других разных сластей происходил за торжественными родинными столами по случаю рождения царского ребенка, особенно если это был желанный наследник.

Так, с большою радостию было отпраздновано рождение царевича Петра Алексеевича в 1672 г. В те же почти часы, как родился царевич, в час пополуночи по нашему счету, государь, разослав радостную весть по всей Москве, шествовал со всем

духовным и гражданским чином в Успенский собор к молебну, за которым следовала литургия. После моления государь в Передней Теремного дворца угощал бояр, окольничих, думных людей, а также полковников и голов стрелецких водкою и фряжскими винами, а вместе с тем и различными овощами. В Переднюю были принесены яблоки, дули, груши из патоки в ковшах и иные овощи. А коврижек и взвару в то время не было, замечает Разрядная записка, указывая тем, что эти сласти составляли неотменное кушанье на родинном празднике.

На третий день этого праздника, 2 июня, государь давал стол в царицыной Золотой палате без особого торжества, без *зову* официального, как требовалось разрядами, а по домашнему приглашению бояр и думных и ближних людей, которые поэтому все сидели без мест. Стол был *домашний,* собственно царицын. При нем служили только стольники царицы.

Здесь опять важнейшее место занимало государево угощение вином и сластями. «Государь жаловал всех водкою, а заедали коврижками и яблоками и дулями; (были) и инбирь, и смоква, и сукат в патоке, и иные овощи». Коврижки и овощи носили спальники. А в стол носили наперед взвар в ковшах.

Родинный стол новорожденного царевича был справлен в его именины 29 июня[1], в Петров день. Здесь угощение сластями явилось в самом обширном размере.

«Великому государю было подано в стол: коврижка сахарная большая, герб государства Московского; вторая коврижка сахарная ж коричная; голова большая расписана с цветом, весом 2 пуд. 20 ф.; орел сахарный большой литой белый, другой орел сахарный же большой красный с державами, весу в них по полтора пуда орел; лебедь сахарный литой, весом 2 пуд.; утя сахарное литое ж, весом 20 ф.; попугай сахарный литой, весом 10 ф.; голубь сахарный литой, весом 8 ф.; город сахарный Кремль с людьми с конными и с пешими; башня большая с орлом; башня средняя с орлом; город четвероуголной с пушками; 2 трубы сахарные большие коричные, белая да красная, весом по 15 ф. труба; марципан сахарный большой на пяти кругах;

[1] См, однако, выше, с. 711 и 712, а также прим. 1 на с. 712. – *Ред.*

другой марципан сахарный же леденцовый; две спицы сахару леденцу белого да красного, весом по 12 ф. спица; 40 блюд сахаров узорочных, людей конных, пеших и разных статей, по полуфунту на блюде; 30 блюд сахаров леденцов на разных овощах, весом по фунту без четверти на блюде; 10 блюд конфектов постных, по фунту на блюде; 10 блюд сахаров зеренчатых на разных пряных зельях, по фунту на блюде; ягод смоквей пол-ящика, весом 5 ф. сукату, цитронов, яблок мушкатных и померанцевых, шапталы, инбирю в патоке и иных разных индейских овощей, всего 10 блюд, по фунту на блюде.

Всего в стол наряжено и подано 120 блюд, полоса арбузная, другая дынная. Да в Грановитую отпущено в стол, как Великий Государь жаловал сахарами: 40 труб корицы белых и красных сахарных, да 12 книжек сахарных же, весом 5 ф., 183 блюда сахаров зеренчатых, весом по фунту, имали и в Грановитую носили стольники. Да из Грановитой от Великого Государя со стола взято в Столовую: 2 коврижки сахарные, белая да красная; голова большая; 2 орла литых больших; лебедь, утя, попугай, голубь сахарные литые; город сахарный Кремль; 2 башни – большая да средняя; 2 трубы сахарные большие; 2 марципана».

Митрополитам Новгородскому Питириму, Астраханскому Парфению, Крутицкому Павлу, Резанскому Иларион, Нижегородскому Филарету: «по голове сахару, весом по 4 ф.; сахаров узорочных весом по четьи фунта, по 2 блюда; сахаров леденцов и конфектов по полуфунту, по 3 блюда; сахаров зеренчатых по полуфунту; ягод винных, фиников по блюду, по полуфунту на блюде; по трубе корицы, по 10 золотн. трубка. Всего по 13 блюд человеку, а складываны на большие блюда, поставлены перед всякого вдруг; да с Сытного полоса арбузная, другая дынная. Архиепископам Смоленскому Варсонофию, Суздальскому Стефану, Коломенскому Иосифу, епископу Архангельскому Иоакиму: 2 головы сахару, весом по 4 ф. голова, по 3 блюда сахаров узорочных, по 2 блюда сахаров леденцов и конфектов, по 2 блюда сахаров зеренчатых, ягод фиников да винных по блюду, по трубочке корицы, весом против митропо-

личих блюд. Всего по 10 блюд человеку; да с Сытного полоса арбузная, другая дынная».

Троицкому да Чудовскому архимандритам наряжено и подано против архиепископов; «а складывано и подано всякому человеку на одном блюде. Архимандритам же 9 чел., да келарям Троицкому да Чудовскому, учителю старцу Симеону да старцу ж Мелетию: 4 головы сахару, весом по 3 ф. голова; по 2 блюда сахаров узорочных, по полуфунту; сахаров леденцов и конфектов по 2 блюда, по полуфунту; сахаров зеренчатых по блюду; ягод винных, фиников, по фунту на блюде; по трубочке корички, весом против блюд Троицкого и Чудовского архимандритов. Всего по 8 блюд человеку; да с Сытного полоса арбузная, другая дынная. Игуменам шти человекам, да строителям, и казначеям, и протопопам, и ключарям, и попам, и дьяконам соборным, всего 28 чел.: 5 голов сахару, весом по 3 ф. голова; по полублюду сахаров узорочных; по полублюду сахаров леденцов; по блюду сахаров зеренчатых; по блюду ягод винных да фиников. Всего по 5 блюд человеку, весом против архимандричих блюд. Черным дьяконам, и белым попам, и дьяконам же, 20 чел., по фунту сахаров зеренчатых да по фунту ягод винных. Уставщику да государевым певчим дьякам, 12 чел.: голова сахару, весом 4 ф.; по 2 блюда сахаров зеренчатых, по полуфунту на блюде; по фунту разных ягод человеку. Патриаршим и властелинским певчим и подьякам, 74 чел.: по полуфунту сахаров зеренчатых, по фунту ягод изюму человеку».

Грузинскому царевичу Николаю Давыдовичу: «голова сахару росписная с цветком, средняя, весом 15 ф.; две спицы сахару леденцу, белая да красная, весом по 4 ф. спица; 15 блюд сахаров узорочных по полуфунту; 10 блюд сахаров леденцов и конфектов, по фунту без чети; 8 блюд сахаров зеренчатых, по фунту; ягод фиников, смоквей, винных по блюду, по фунту на блюде; бочечка инбирю в патоке, весом 3 ф. Всего 40 блюд; да с Сытного дворца полоса арбузная, другая дынная. Касимовскому и Сибирским царевичам, 3 чел.: по голове сахару, весом по 5 ф. голова; по полуспице сахару леденцу белого да красного,

весом по 3 ф.; по 5 блюд сахаров узорочных, по полуфунту; по 3 блюда сахаров леденцов и конфектов, по полу ж фунту; по 3 блюда сахаров зеренчатых, по фунту; ягод изюму, винных, фиников, смоквей по блюду, весом по фунту; по бочечке инбирю в патоке, весом по 2 ф. с четвертью; по трубе корицы, весом по четьи фунта. Всего по 20 блюд человеку да с Сытного полоса арбузная да другая дынная».

Боярам 11 чел.: «6 голов сахару весом по 4 ф. голова; по фунту сахару леденцу белого да красного; по четыре блюда сахаров узорочных, весом по 4 ф.; по 3 блюда сахаров леденцов, по полуфунту; по 3 блюда сахаров зеренчатых, по полуфунту; ягод винных и фиников по фунту; по трубе корицы, по 15 золотн. трубка; 6 бочек инбирю в патоке весом по пол-третья фунта бочечка. Всего по 13 блюд человеку; да с Сытного 3 полосы арбузные, 3 полосы дынные». Окольничим 9 чел.: «5 голов сахару по 3 ф. голова; по полуфунту сахару леденцу белого да красного; по 3 блюда сахаров узорочных, весом по 4 ф.; по 2 блюда. сахаров леденцов, по полуфунту; по 3 блюда сахаров зеренчатых, по полуфунту на блюде; по трубочке корицы, весом по 10 золотн.; 3 бочечки инбирю в патоке весом по 2 ф. Всего по 10 блюд человеку, да с Сытного две полосы арбузные да дынные». Думным дворянам и казначею 10 чел.: «3 головы сахару весом по 3 ф.; по полуфунту сахару леденцу белого да красного; по 2 блюда сахаров узорочных; по 2 блюда сахаров леденцов; по 2 блюда сахаров зеренчатых; по трубочке корицы; 3 бочечки инбирю в патоке, весом против окольничих блюд. Всего по 8 блюд человеку; да с Сытного полоса арбузная, другая дынная». Думным дьякам 6 чел. да Тайных дел дьяку: «3 головы сахару весом по 3 ф., а сахаров и овощей подано по 8 блюд человеку, весом против думных дворян, да 2 бочечки инбирю в патоке весом по 2 ф.; да с Сытного полоса арбузная, другая дынная». Стольникам комнатным 16 чел.: «6 голов сахару весом по 3 ф.; сахаров и овощей по 8 блюд человеку, весом против думных дьяков блюд». Дворянам московским 12 чел., да ясельничему, да именитому человеку: «4 головы сахару, весом по 4 ф. голова;

по полуфунту сахару леденцу белого да красного сахару по тому ж; по 2 блюда сахаров узорочных; по блюду сахаров леденцов; по 2 блюда сахаров зеренчатых; 2 бочечки инбирю в патоке, весом по 2 ф. Всего по 5 блюд человеку, да с Сытного полоса арбузная, полоса дынная». Полковникам, и головам, и полуголовам стрелецким, 46 чел.: «10 голов сахару весом по 3 ф. голова; по 4 ф. сахару леденцу белого и красного; по блюду сахаров узорочных; по блюду сахаров леденцов, по полуфунту на блюде; по блюду сахаров зеренчатых, по фунту; по полуфунту ягод изюму и винных на блюде, всего по 5 блюд; 8 бочек инбирю, весом по 2 ф. бочечка, да с сытного две полосы арбузных, две дынных».

Грузинского царевича Николая Давыдовича боярам и дворянам 6 чел. да посланникам черкасским 2 чел. «3 головы сахару весом по 4 ф. голова; а сахары и овощи поданы счетом и весом против дворян московских блюд». Гостям 16 чел.: «4 головы сахару весом по 3 ф. голова; по 4 ф. сахару леденцу белого да красного; по блюду сахаров узорочных, по 4 ф.; по фунту сахаров зеренчатых, по фунту ягод разных, всего по 4 блюда человеку; 5 бочек инбирю в патоке да с сытного полоса арбузная да дынная». Гостинной, и суконной, и черных сотен и дворцовых слобод сотцким, и старостам и выборным людям, 76 чел.: «по фунту сахаров зеренчатых разных да по фунту ягод разных человеку».

А подавано властям, и боярам, и окольничим, и думным людям, стольникам, и дворянам и всяких чинов людям, *складывая на одно блюдо.* С сахарами и с овощами стояли, в Столовой избе наряжали и из Столовой отпущали Сытного дворца стряпчий Кондратей Лукин да Овощной палаты подьячие Андрей Страхов да Федор Протопопов.

Да которые бояре, и окольничие, и думные дворяне, и стольники за столом не сидели: боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово сидел за государевым поставцом, боярин князь Федор Федорович Куракин был у государя царевича, окольничий Кирилло Полуектович был у государыни царицы, думный дворянин Артамон Сергеевич Матвеев был у госуда-

рыни ж царицы, думный дворянин Иван Богданович Хитрово был у государя царевича, князь Василий Федорович Одоевской у царевича, думный дворянин Аврам Никитич Лопухин сидел у государыни царицы за поставцом, кравчий князь Петр Семенович Урусов, у государыни царицы сидели за поставцом Петр Иванович Матюшкин да Борис Юшков, вина наряжал стольник Алексей Семенович Шеин, пить наливал стольник Борис Васильевич Бутурлин, всего 11 чел., и сим государева жалованья сахары и овощи посланы на дворы боярам против бояр, окольничим против окольничих, думным дворянам против думных же, стольникам комнатным против стольников же, да им же по голове сахару, весом по 3 ф.

Стольникам, которые «перед государя есть ставили и чашничали и которые сидели за царевичевыми поставцы, и в столы смотрели, и властей и бояр кормили, и пить подавали, всего 65 чел.: по фунту сахаров зеренчатых, по четьи фунта сахаров узорочных, по четьи фунта сахаров леденцов, по фунту ягод разных».

Дворцовым дьякам 4 чел.: «по голове сахару, голова по 3 ф.; сахару леденцу белого и красного, по полуфунту; по 2 блюда сахаров узорочных, по четьи фунта; по блюду сахаров леденцов, по полуфунту; по 2 блюда сахаров зеренчатых, по фунту; по блюду ягод разных, по фунту, всего по 7 блюд человеку; по бочечке инбирю в патоке, весом по 2 ф.».

Дьякам же государевой Мастерской, и государыни царицы Мастерских палат, и Оружейной, и Аптекарской, и Золотой и Серебряной палат, и Судного приказа, и Конюшенного приказа дворянину, дьяку ж Казенного двора, всего 13 чел.: «по 2 блюда сахаров узорочных по четьи фунта; по 2 блюда сахаров зеренчатых разных по полуфунту; по блюду ягод разных по фунту; всего по 5 блюд человеку». Степенным ключникам человекам против дьяков Мастерской палаты. Путным ключникам 6 чел.: «по блюду сахаров узорочных, по четьи фунта; по блюду сахаров зеренчатых, по полуфунту; по блюду ягод разных, по фунту; всего по 3 блюда человеку». Патриаршу боярину: «голова сахару весом 3 ф.; сахару леденцу белого и красно-

го по полуфунту; 2 блюда сахаров узорочных по четьи фунта; 2 блюда сахаров зеренчатых разных по полуфунту; блюдо ягод разных весом один фунт; всего 6 блюд». Да патриаршим же дьякам 5 чел. отпущено против степенных ключников. Тайных дел подьячим – 10 чел.: «по блюду сахаров леденцов, по полуфунту; по блюду сахаров зеренчатых разных по полу ж фунту; по блюду ягод разных, по фунту на блюде; всего по 3 блюда».

Докторам и аптекарю 3 чел. послано на дворы против думных дьяков «по 8 блюд человеку; да им же по голове сахару весом по 4 ф.».

Разных Приказов Московских стрельцов сотникам 135 чел.: «по блюду сахаров зеренчатых, по блюду ягод разных, по полуфунту на блюде. Стрельцам, которые стояли на карауле по Красному крыльцу и на дворце, всем вообще: 30 ф. сахаров зеренчатых, 2 пуд. изюму крошеного, пуд винных, полтора пуда чернослива».

У государыни царицы стол был в ее государских в деревянных хоромах. После столового кушанья «к ней, государыне, подано сахаров и овощей: коврижка сахарная большая, герб государства Казанского; другая коврижка сахарная средняя коричная; голова большая расписана с цветом, весом 2 пуд. 10 ф.; орел сахарный литой белый большой с державою, весом пуд 20 ф.; лебедь сахарный литой весом 2 пуд.; утя сахарное литое весом 20 ф.; попугай сахарный литой весом 10 ф.; голубь сахарный отливанный 3 ф.; город сахарный треугольный с цветами; палатка сахарная круглая; палатка ж сахарная четвероугольная; кроватка сахарная; 40 блюд сахаров узорочных по полуфунту; 30 блюд сахаров леденцов по фунту без четьи; 10 блюд сахаров зеренчатых на разных пряных зельях по фунту; полящика смоквей весом 6 ф.; цукату в патоке, инбирю в патоке ж по блюду; 3 блюда индейских овощей в патоке, весом по 5 ф.; ягод фиников да винных по блюду, на блюде по 2 ф.; всего 100 блюд; да с сытного полоса арбузная, другая дынная».

А государям царевичам и государыням царевнам сего числа сахарам и овощам из овощной палаты посылки ничего не было.

С сахарами и с овощами стояли перед *красным садом за переградою,* а завешено было и покрыто отводами. Сахары наряжали и отпускали Сытного дворца стряпчий Кондратий Лукин да овощной палаты подьячие Андрей Страхов да Федор Протопопов.

«Грузинской царице Елене Леонтьевне подано сахаров и овощей столько ж блюд, что и царевичу Николаю Давыдовичу; Касимовского и Сибирских царевичев женам их, трем княгиням, подано сахаров и овощей столько ж блюд, что и царевичам; верховым и приезжим боярыням – 13 чел., подано сахаров и овощей числом против бояр; окольничих женам боярыням, 5 чел., подано сахаров и овощей против окольничих; думных дворян женам, 3 чел., подано сахаров и овощей против думных дворян; стольниковым женам, 13 чел., подано сахаров и овощей против стольников. Кравчей Анне Михайловне Вельяминове подано сахаров и овощей против приезжих бояронь. Дворовым бояроням и казначеям, 25 чел., подано сахаров и овощей против жен думных дворян. Кормилицам и *учительницам,* 9 чел., по 2 блюда сахаров зеренчатых, весом по полуфунту; ягод изюму и винных по блюду, по фунту на блюде. Постельницам и мастерицам, 120 чел.: по блюду сахаров зеренчатых, по полуфунту; по блюду ягод изюму и винных, по полуфунту. По именному великой государыни царицы и великой княгини Наталии Кирилловны указу послано на двор Андрею Артамоновичу Матвееву: голова сахару весом 5 ф.; 10 блюд сахаров узорочных, по четьи фунта; 5 блюд сахаров леденцов по фунту; всего 15 блюд. Князь Андрееве княгине Щербатова, Васильеве жене Бухвостова, Лукине жене Грамотина, Герасимове жене Козляинова, Андрееве жене Елизарова, девице Парасковье Бугримовой, что живет у Артамона Сергеевича Матвеева, всего 6 чел.: по голове сахару, весом по 4 ф. голова; по 5 блюд сахаров узорочных; по 4 блюда сахаров леденцов, по полуфунту; по 3 блюда сахаров зеренчатых».

За родинным столом царевича Ивана Алексеевича 16 сентября 1666 г., когда государь пожаловал бояр, окольничих и думных людей водкою, «и в то время принесли заедать сахару варе-

ного большое дерево. А после стола им же пожаловал государь, боярам по орлу одноглавому с коришным маслом; окольничим и думным людям по орлу. А после того боярам по узлу Кафимскому (род особого плетенья), а окольничим по репью»[1].

В прежнее время при царице Марии Ильичне, вероятно, также по случаю рождения кого-либо из ее детей [время не обозначено] были поданы следующие сласти под общим их названием пряных зелей:

«Ко Государыне Царице и Великой Княгине Марии Ильичне наряжено пряных зелей: голова сахару. 2 спицы сахаров красного да белого. 20 блюд сахаров леденцов на разных пряных зельях. 3 коврижки сахарные. 50 блюд узорочных сахаров. 4 блюда сахаров цветных. 17 блюд сахаров зеренчатых. Блюдо яблок в патоке. Смокви. Изюмных да дуль в сахаре. Винных по блюду. Блюдо орехов персидских в патоке. Бочка инбирю в патоке. 2 трубы корицы. Всего 100 блюд.

К государыне царевне и великойкнягине Ирине Михайловне: голова сахару. 2 спицы сахару белого и красного. 3 сахара ряженых на коричном, на гвоздичном, на анисовом масле. 13 сахаров узорочных. 12 сахаров зеренчатых. Смокви. Да фиников. Цукату в патоке. 2 трубы корицы. Бочка инбирю в патоке. Всего 35 блюд.

Государыне царевне и великой княгинеАнне Михайловне: голова сахару. 2 спицы леденцу сахару белого да красного. 3 сахара ряженых на гвоздишном, на коришном, на анисовом масле. 13 блюд узорочных сахаров. 12 блюд сахаров зеренчатых. Труба корицы. Бочка инбирю в патоке. Смокви. Цукату в патоке. Всего 35 блюд.

Государыне царевне и великой княгине Татьяне Михайловне: голова сахару. Спица сахару леденцу белого. Спица сахару красного. Далее те же блюда выше поименованные. Всего 35 блюд.

---

[1] Записка дневанью 175 г. Государственный Архив иностранных дел в С.-Петербурге. См. издан. С. А. Белокуровым «Дневальные записки Приказа Тайных дел 7165–7183 гг.». – С. 226 (Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. II. – 1908.). – *Ред.*

Наряжено к боярыням в первое блюдо: голова сахару. Бочка инбирю в патоке. Корица. Цукат. Смокви. Винные ягоды. Изюм. На 10 блюдах сахаров цветных. На шти блюдах сахаров зеренчатых. Всего на 23 блюдах. Боярыням в 2-м блюде: голова сахару. 6 сахаров...» [конца не достает].

К сластям домашнего изготовления принадлежали различные пастилы, занимавшие одно из первых мест в составе кушаний этого рода. Заготовление их на государев обиход производилось в тех дворцовых селах, местности которых изобиловали лесными и садовыми ягодами. Так, в 1614 г. в июне «указал государь в рязанских дворцовых селах зделати на свой государев обиход 10 труб[1] земляничных, 16 труб черничных, 9 труб малиновых, 3 трубы черемховых, 30 труб брусничных, 8 труб команичных, 2 трубы клубничных, 5 труб смородинных, 3 тазы черемховых, 5 ведр морсу калинового. А к пастельному делу мед и масло конопляное (на смазку) указал государь взяти в Переславле Резанском в цену», т. е. покупкою, почему и было куплено 45 пуд. патоки медовой и ведро масла конопляного. Для выполнения этого заказа были посланы подключник и хлебник.

Столовым обиходом царского дворца во всех разнообразных его потребностях заведовал Приказ Большого дворца[2], главным начальником которого был боярин *дворецкий* – первый человек после конюшего по приближению к государю. В этом ведомстве государь являлся полнейшим помещиком, как живали и все помещики в то время, а также и в недавнее крепостное время. С принадлежавших дворцу, т. е. лично государю, дворцовых сел и разных волостей и даже особых дворцовых городов, которых, по свидетель-

[1] Этот род пастил назывался *левашами;* вареные ягоды выливали на доски слоями, которые потом свертывали в *трубы.*

[2] На поле оригинала автором замечено: «Четыре дворца. Б. дворец заключал в себе 4 дворца». – *Ред.*

ству Котошихина, числилось больше 40, собирался всякий хозяйственный запас и припас, как водилось у помещиков и в позднее время. Посадские городовые люди и крестьяне сел и волостей в виде оброков и уроков и разных податей доставляли во дворец все, что было надобно для царского обихода, начиная от кур, яиц, баранов, гусей, свиных и говяжьих стягов и оканчивая не только грибами, ягодами, орехами, но даже и вениками, не говоря о случайных запросах на подобные мелочные предметы обихода вроде сбора для царской аптеки шишек осокоровых, цвету кубышек белых, цвету бобового, цвету свороборинного (шиповника) и т. п., чем обременяемы были в особенности подмосковные дворцовые села и деревни. Села Хорошово и Павшино поставляли к Вербному Воскресенью по пяти возов вербы, которую ставят по пути в Цветоносную неделю.

Большой дворец в качестве особого ведомства делился на малые деловые дворцы, каковы были: Сытный, где сосредоточивалось заведование всякого рода питьем, Кормовой, заведовавший ествою, Хлебенный и Житенный.

Всякая провизия, поступавшая на Кормовой дворец, собиралась оброчным путем по окладу.

Рыба живая и просольная и паровая (копченая) доставлялась из всех мест, где находились, так сказать, средоточные центральные ловли, начиная от Белого моря и до Каспийского, в Астрахани, как и в озерах Ладожском, Белоозере, Ильмене Новгородском, Ростовском, Переяславском и др., а равно по всей Волге с большими ее притоками, по Каме и Оке.

В 1667 г. был пожалован Иван Федорович Чаплин портищем камки в 8 арш. по рублю аршин за службу и за раденье, что он, будучи на Белеозере, со 1665 г. «рыбы наловил и тое уловные живые и колотые и просольные рыбы на государев обиход к Москве и в Дмитрев выслал пред прежним с прибавкою» (№ 379).

В 1686 г. только в сентябре и октябре из Великого Новгорода, между прочим, было доставлено окладной свежсольной рыбы: «три бочки сигов, по счету 300 сигов из Вол-

ховских тонь, из Волховского устья окладные оброчные и просольные рыбы: 10 бочек икры сиговой весом и с деревом 73 $^{1}/_{4}$ пуд.; да в 42 бочках по счету 4620 сигов; из Новгорода в декабре свежей рыбы щук 565, в том числе одна мерою в аршин; судаков 127.

Из Ладожского озера просольные бочешные рыбы: 25 бочек лодог по 120 рыб в бочке – 3250 [sic] рыб.

С Белоозера уловной провесной рыбы – осетры[1] в 2 арш., стерляди; просольной в 3 чанах 245 судаков, 36 лещей и т. д.

Из Переславля Залесского – с сентября 1686 г. по август 1687 г. доставлено 20 150 сельдей паровых, 82 500 сельдей свежих.

Из Казани камской рыбы: лососи, белуги по 4 арш., осетры»[2].

Мелкая живая рыба, мни, пескари, окуни и пр. – доставлялась с Москвы-реки и Яузы, а также из подмосковных и московских дворцовых прудов. Рыбные ловцы вниз по Москве-реке прозывались *кошельниками,* вероятно, от *кошеля* – вязаного сетчатого мешка, в котором могла сохраняться уловленная живая рыба. Такие *кошели* находились и в самой Москве вблизи устья Яузы, где и доселе существует храм Николы Чудотворца, что в Кошелях.

Из прудов московский Красносельский пруд в сентябре 1686 г. доставил 4269 мней и карасей, 2100 – по три, 2169 – по два вершка. Видимо, что рыба доставлялась во дворец по мере надобности.

Живую рыбу более ценную из далеких мест привозили в бочках на ямских подводах. Так, в 1621 г. в октябре «указал государь в городах имати у рыбных ловцов и у всяких торговых людей в цену, т. е. куплею, стерляди живые и привозити те стерляди к государю к Москве живы в бочках на ямских подводах, а сажати их в *Пресненский пруд.* А по цене за те стерляди деньги указал государь давати из государевых четвертных доходов; а бочки, в чем стерляди везти до Москвы, имати с по-

[1] Здесь в оригинале автором зачеркнуто слово «один». – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание... – С. 536.

садских людей». Для этой перевозки рыбы был послан в Тверь Кормового дворца подключник Андрей Суворов.

Каким порядком доставлялась во дворец просольная рыба и именно астраханская, об этом свидетельствует следующее распоряжение, состоявшееся 29 сентября 1625 г.

134 г. сентября 29 указал государь в Нижнем Новгороде и в Казани «у рыбных ловцов и у прасолов и всех Верховских городов у всяких людей в судах выбрати на свой государев обиход из Астраханские просолные самые лучшие выборные яловые рыбы против прежнего своего государева указу 133 г. 2 тыс. белуг головных большой статьи, да 2 тыс. осетров головных же. А чего головных и мерных осетров не доберут и за мерный осетр имати по два полурыбника мерных же, которые не много в мере не приидут, а не костливцы. А за третьего тысячу осетров указал государь имати против осетров указные цены теши белужьи да косяки белужьи трубные больших белуг пополам теши с косяками. А ребреных и мякотных косяков не имати. А за осетр имати по теши, а косяков по два косяка за осетр. А будет теш и косяков больших не будет и за осетр имати по две теши середних, а косяков по три косяка середних за осетр. А имати рыба лучшая и яловая, а не икряная. А деньги за тое рыбу давати из Нижегородских доходов по прежней государеве указной цене... А для тое рыбы выбору послан Кормового дворца стряпчий Федор Тучков, и ему для выбору Астраханской рыбы и для береженья и отдачи до Москвы даны целовальники, выбрав из Нижегородских посадских людей человек двух или трех добрых людей, чтобы были душою прямы и животом прожиточны, которым бы рыбной выбор за обычай и рыбу знали. А будет которые торговые люди учнут стануть ослушатца рыбу у себя на судах и в зимовьях выбирати не дадут, и на тех людей велено давать стрельцов сколько человек пригоже».

В том же году в ноябре и тем же порядком было выбрано 19 092 пучка вязиги доброй и середней в Нижнем Новгороде с судов и в рядах у гостей и у торговых людей, и у прасолов.

Красная рыба семга прозывалась *десятичною,* потому что собиралась на государев обиход по окладу десятой доли каждого улова. Между другими местами средоточие ее сбора находилось в Каргополе, откуда целовальники из каргопольцев посадских людей каждый год посылались для сбору семги сентября с 1 числа Онегою-рекою на низ в Турчасово и на пороги и поезом и до моря и по морским рекам по всем семожьим рыбным ловлям и жили там и по заморозу до отлову, покамест река станет. С этого времени собиралось рыб по 20 и по 30, а больше того мало сбирывалось. Между тем, по сказке турчасовцев уездных людей, на тех рыбных ловлях и на порогах и на езах рыба семга объявляется в ловле с Петрова дни и последнее с Ильина дни. Новый воевода Федка Бутурлин распорядился в 1626 г. послать целовальников за сбором с 1 июля (за 2 месяца до Семена дни) в Турчасовской уезд поезом на Онеге-реке и на пороге и под порог и на устье Онежское и по морским рекам, по всем семожьим ловлям, и приказал им накрепко с великою пристрасткою собирать с рыбных ловцов лучшую рыбу с великим радением, не норовя никому. В ноябре 3 числа целовальники привезли в Каргополь «десятинные рыбы семиги свежего просолу 234 рыбы весом 117 $^{1}/_{2}$ пуд. да облые рыбы семги 23 рыбы весом 15 $^{1}/_{2}$ пуд.».

Ставилась рыба во дворец и подрядным уговорным способом. В 167 г. (1659) двое кадашевцев Гарасим Богданов и Агафон Юрпосов подрядились промышлять в саратовских и в царицынских водах рыбным промыслом и ставить рыбу к Москве и отдавать на Кормовой дворец в три года по 3000 белуг да по 3000 осетров на год по уговорной цене. Рыба, однако, по уговору поставлена не вся, почему один подрядчик стоял на правеже, а другой уехал из Москвы.

Рыбные запасы пополнялись также и подношениями государю разной рыбы от владельцев рыбных ловель, от посадских людей и особенно от духовных властей. В 1686 г. от новгородского митрополита поднесено 2 бочки сигов да 2 бочки лодог; от ростовского митрополита ростовских щук 1105;

из Соловецкого монастыря бочка сельдей, по счету 580; 22 пласти семожьи, 10 семог соленых, 5 семог свежих.

Иное приобреталось и покупкою. 12 сентября 1686 г. куплено в вандышном ряду 9 четвертей снятков сухих Осташковских, за четверть по рублю по 26 алт.

Мясной запас наполовину собирался с дворцовых сел, волостей и городов оброчным путем по годовому окладу. Дворцовые крестьяне и посадские доставляли на Кормовой дворец баранов и гусей, живых и битых, свиные туши и говяжьи стяги, масло коровье и т. п.

Например, в 1686 г. из подмосковного с. Коломенского с деревнями доставлено оброчных 53 барана и 283 гуся живых.

На Кормовом дворце постоянно находилось множество живой птицы. На корм этой птице выходило овса десятки четвертей. В сентябре 1686 г. налицо состояло 200 гусей и 1 тыс. утят, в другой раз числилось 450 гусей и 700 утят.

Оброчные окладные статьи пополнялись охотничьим промыслом, для которого высылались птичьи стрелки, доставившие в осень 1686 г. журавля, цаплю, 106 утят, 49 тетеревей, 10 рябчиков. Эта дикая птица называлась *полевою.*

В генваре 1687 г. от гетмана Ивана Самойловича было прислано полевой зверины битой 4 лося, 10 серн, 10 кабанов.

Однако приход оброчной окладной и случайно приходившей живности не был достаточен для потребностей царского столового обихода, и потому в большей половине он пополнялся подрядным способом.

Подрядчики-уговорщики в осень 1686 г. поставили на Кормовой дворец 1788 стягов говядины, весом 11 936 пуд. (по 3 алт. по 4 ден. пуд, т. е. по 11 коп.), около 160 пуд. говяжьего сала; 440 бараньих туш весом 447 $^{1}/_{4}$ пуд.; 22 657 куров русских старых и молодых по 8 ден. за курицу; поросят живых 1091; утят 2909; кур индейских 528, по 7 алт. по 2 ден. = 22 коп.; боровов в *буженье* 158, весом 529 пуд. Кроме того, во время царских походов-выездов у тех же уговорщиков взято мяс говяжьих 906 пуд., сала 8 пуд., куров 2217, куров индейских 27.

Таково было дворцовое потребление мясных запасов.

Иные мясные предметы, смотря по нужде или по особому запросу, покупались в рядах у торговцев. Так, 19 сентября 1686 г. куплен в масленом ряду окорок ветчины ко государю царю Петру Алексеевичу в кушанье, дано 5 алт. 2 ден. = 16 коп.

Некоторые другие припасы также покупались у торговцев.

В 1637 г. октября 8 по грамоте к Ростовскому воеводе велено в Ростове покупать на государев обиход «репу самую добрую, которая б про государев обиход пригодилась, а для выбиранья и знати той репы послан с подключником Кормового дворца огородник Костка Савельев. К той репной покупке велено дать целовальников и анбар добрый; на окутыванье на ту репу, чтобы, везучи к Москве, ее не изморозить, дать овчины и войлоки и рогожи и веревки». Для письма велено дать и дьячка.

В 1656 г. октября 17 в Твери взято на государев обиход на Хлебенной дворец из торгу семь четвериков клюквы за 18 алт. 4 ден.

В 1674 г. мая 1 куплено сморчков свежих 27 100 по 4 гривны тысяча; 74 500 по 14 алт. тысяча, всего на 43 руб. Отданы на Кормовой дворец с распискою (Приказ Тайных дел).

В 1674 г. августа... куплено в рядах 200 яблок, за сто по 26 алт. 4 ден., 300 груш, за 100 – по 6 алт. 4 ден. (Приказ Тайных дел).

В сентябре 1686 г. куплено на площади Казенной Слободы 600 грибов свежих в кушанье на 8 алт. 2 ден.

Грибы покупкою поступали, между прочим, с Кинешмы, в осень и зиму 1686–1687 гг. оттуда в приходе было грибов: целиков 87 пуд., величиною по золотому и меньше, 189 $^{1}/_{2}$ пуд. по ефимку (талер) и меньше, 200 пуд. крупных с кореньем.

Покупались также и надобные предметы столового обихода. Сентября 7 того же 1686 г. куплено в судовом ряду 200 ложек *боярских* с костьми за 26 алт. 4 ден. Тогда же в польском ряду куплено 100 ножей польских, дано 2 руб. 16 алт. Сентября 15 куплен в котельном ряду горчишник оловянной за 6 алт. к государыне царевне Софии Алексеевне. Куплено в лапотном ряду ступа деревянная, два песта толчи пряные зелья.

Покупками на Кормовом и на других дворцах заведовал особо выбранный по приговору и по выбору дворцовых слобод старост и выборных людей доверенный *купчина,* который для этого получал из Большого дворца известную сумму денег и обязывался производить покупки вовремя, в которое время какие запасы будут дешевле, и если не соблюдал выгоды, покупал не вовремя дорогою ценою, то подвергался наказанию и начету с указом доправить на нем излишне переданную цену. В 1687 г. купчина Кормового дворца издержал на различные покупки 14 973 руб. 18 алт.

Винное и разное другое питие устраивал Сытный дворец, прозванный так от слова сыта, что вообще означало сласть и собственно разведенный на воде мед, сот. Такими медами с примесью различных ягодных морсов или пряных зелий особенно и славился Сытный дворец. Мед доставлялся во дворец с бортных ухожеев по оброку с каждого медового дупла или борти. Все эти бортные ухожья во всех медовых местах были во дворце описаны с назначением размеров оброка. В 1628 г. с волостей одного Путивльского уезда доставлялось 1000 пуд. меда. В другой местности Керенского уезда (Пензенской губ.) с Зарубкинской волости живущая там мордва платила на Сытный дворец с 1665 по 1703 г. каждый год по 481 пуд. 32 ф. меду да винограду по 1310 кустов. Любопытно это свидетельство о винограде. Стало быть, в этой волости существовало и разведение винограда.

Кроме прихода оброчных статей купчина Сытного дворца покупал, смотря по надобности, по государевым указам и по приказам дворецкого, виноградное вино церковное (красное), ренское (рейнвейн), уксус ренский, масло деревянное, воск, хмель приказной и хмель *боярский,* анис *боярский* – так прозывались эти припасы, также патоку, мед-сырец, лимоны, скляницы в 20 чарок каждая и другую посуду, солод, свечи восковые и сальные, яблоки, арбузы, перец в сбитень, соль на лимонное соленье и т. п.

Это были в известном смысле только мелкие покупки. Более значительные, так сказать, оптовые покупки производил самый Приказ Большого дворца.

В начале июля 1630 г. государь указал «у Архангельского города у Аглинских и у Барабанских и у Галанских гостей и у торговых всяких людей впредь ко 1631 г. в годовой запас купить на государев обиход фрязских вин и пряных зелей, которые про государев обиход пригодятся, выбрав самые лучшие, по меньшой цене, как бы Государевой Казне было прибыльнее. А будет у Архангельского города какие новые фрязские вина объявятся сверх (посланной) росписи, а на государев обиход пригодятся, и тех вин велено взять по бочке; да на всякие дворцовые обиходы купить 50 пуд.. ольва Аглинского прутового...». Согласно этому указу было куплено:

«7 боч. беременных романеи белой 7 по 18 руб.[1]
3 ” кенарей 3 по 18 руб.
5 ” романеи красной 5 по 18 руб.
3 ” романеи 3 по 18 руб.
2 ” вина ренского 2 по 14 руб.
9 ” полубеременных красного церковного 9 по 5 руб.
29 бочек.

Гвоздики 1 пуд 6 $^{1}/_{2}$ ф.[2] по 30 алт.
Ядер миндальных 5 пуд. по 2 руб. 25 алт.
Перцу черного 10 пуд. 2/4 5 [sic] ф. по 3 руб. 25 алт. пуд.
Анису 5 пуд. 10 ф. по 1 руб. 25 алт. пуд.
Лимонов бочка, числом 2000 – 8 руб. 25 алт.
” бочка ” 1330 – 18 руб.
Ольва 50 пуд. по 4 руб. 13 алт. 2 ден. пуд – 220 руб.
Всего куплено вин и пряных зелей на 550 руб.»[3].

По произведенному в 1701 г. общегосударственному счету и отчету по всем большим и малым ведомствам в счетности Сытного, Кормового и Хлебенного дворцов оказалась между прочим и запись о количестве разной посуды, хранимой на этих дворцах.

[1] В оригинале автором приписано: «15 р.». – *Ред.*

[2] В оригинале автором приписано: «34 ф.». – *Ред.*

[3] По-видимому, автором при подсчете что-либо опущено, потому что если иметь в виду все купленное по этому указу, то общая сумма значительно выше выведенной автором. – *Ред.*

Золотой и серебряной посуды на Сытном дворце находилось 515 мест, в том числе золотых 5 ковшей с драгоценными каменьями[1], 6 таких же чарок, братина и др. На Кормовом дворце хранилось 881 место. Всей посуды, в том числе медной и оловянной, на всех трех дворцах числилось 3531 место стоимостью на 16 791 руб.

Для охранения дворцовой посуды от пропажи в 1686 г. было повелено всю ее – медную, оловянную и деревянную – *заорлить,* т. е. заклеймить изображением орла, для чего был куплен железный штамп орла.

О царской посуде необходимо заметить, что в XVII столетии она не была столько значительна ни по количеству, ни по богатству, как было в XVI столетии, и особенно при Грозном царе Иване Васильевиче, когда царский дворец, можно сказать, блистал своим богатством во всех его отделах. Это очень заметно даже в случайно сохранившихся отрывках дворцовых росписей царского имущества в кон. XVI столетия.

В этих отрывках находим описи 5 братин золотых, 8 чарок золотых и тут же государев указ – сделать 20 ковшей и 20 чарок золотых. Далее упоминаются золотая чарка старая казенная с подписью «Чарка Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии (Ивана III)»; пять золотых мис с подписью «Иван Божиею Милостию Государь всеа Русии и Великий Князь»; 79 серебряных золоченых ложек с такою же подписью, как еще скромно титуловал себя первый государь.

В поставцах царя Федора Ивановича находим, кроме многих кубков, судно-фляжку золочено с цепочкою на трех ножках, а у него образина человечья рогата с ушима, а изо рта у ней посвистелки. Поставлено в государеве в большом поставце.

Затем рог буйволов обложен серебром золочен и сова – орех индейский обложена серебром, вся золочена. Девять стоп серебряны белы гладки, все с рукоядьми. Наконец, 63 корца серебряны белы гладки, все с подписью имени царевича Федора[2].

[1] В 1644–1645 гг. к столу подавалось 8 таких ковшей, да 3 серебряных, золочены с каменьи, также *судки* золотые, чарки винные золотые (№ 792).

[2] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7 [III. – М., 1850. – С. 34–36, 40–46. – *Ред.*].

В комнатном повседневном обиходе царей, как и их семейства, кроме металлической посуды, по-видимому, больше всего употреблялась посуда деревянная и отчасти стеклянная и ценинная (фаянсовая).

«В 1631 г. апреля 22 взято к государю 2 ложки каповых, взял судовой Иван Золотарев» (№ 969).

«В 1634 г. куплено в Оружейный приказ на государевы *крайние* ножи на черенья полпуда кости рыбья зубу, по счету семь костей, цена 10 руб.» (№ 952).

«В 1647 г. сентября 15 на Кормовой дворец взял судовой Иван Протасов горшечик кизылбасский (персидский) ценинный для посольского стола и впредь-де тому горшочку быть на Кормовом дворце» (№ 991).

В 1657 г. велено шкатулу ветшаную, что «носят в которой про него великого государя *водки* на поставец, оклеить бархатом золотным, бархату пошло 8 верш.» (№ 1010).

В 1659 г. генваря 6 по именному государеву указу было куплено в Троицком Сергиеве монастыре судов Троицких: «4 *ставца* с кровлями, 5 кувшинцов с кровлями, полдюжины стаканов с кровлею, 4 кубка, 2 братины с кровлями, 6 братиночек цветных, всего на 1 руб. 23 алт.».

В тот же день и там же куплено «10 братин белых, 5 братин цветных, 5 братин цветных с чернью, 5 братин – цвет червчат да бел, 5 братин цветных же на серебре, 10 братин на белой краске, всего на 1 руб. 16 алт. Купил боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Да по его же, боярина, приказу куплено 2 братиночки на серебре, даны 3 алт. и отданы Ивану Федорову в комнату» (№ 819).

В 1665 г. куплено «11 шкатунных маленьких скляночек, цена 23 алт. 4 ден.; а подносить в них великому государю *водки,* которые привез из Синбирска сокольник Дмитрий Раков»(Приказ Тайных дел)[1].

В 1668 г. декабря 15 по указу государя «к нему, государю, в хоромы куплено два кувшинца ценинных белых с травами

[1] Ср.: Дела Тайного Приказа, кн. 3 (Русская Историческая библиотека. Т. XXIII). – СПб, 1904. – С. 682 (день указан – 18 сентября). – *Ред.*

лазоревыми, даны 26 алт. 4 ден.; три горшочка да ставчик на блюдечках, да чашка мурамленые, 7 алт. 2 ден.».

1669 г. марта 25 куплено в овощном ряду ценинных судов: «четыре блюда больших по 2 гривны за блюдо; четыре торелки по гривне, солонка 6 алт. 2 ден.; а взяты те суды к великому государю в хоромы» (Приках Тайных дел).

В 1671 г. марта 29 по государевой грамоте в Кириллов Белозерский монастырь велено было сделать *пятьдесят ложек каповых* самых добрых про государев обиход и прислать, пересмотря и запечатав нарочно со старцем или слугою добрым, «не замотчав». И ложки велено подать в Верху в государевой Мастерской палате, которая, как известно, составляла, так сказать, кабинетное учреждение царского дворца.

В 1672 г. апреля 16 про великого государя отпущена ложка каповая новая в «накушевальные».

Декабря 2 к царевнам большим отпущено три ложки каповые к кушанью в накушивальные, а декабря 9 такая же ложка каповая отпущена к кушанью в накушивальные царевнам меньшим (№ 1184 и 1186)[1].

В 1677 г. сентября 26 «постельный сторож Иван Кондратьев купил про государев обиход в Троицком Сергиеве монастыре деревянных писанных судов на 14 алт.» (№ 400).

В 1679 г. куплено в ножевом ряду «четыре *чугрея* (ножи особого названия) с медными оправами, наведенными разными финифты, по 6 алт. по 4 ден. А те чугреи в его государевы хоромы принял стряпчий с ключей Михаил Тимофеевич Лихачов» (№ 400).

Приготовленные к столу поставцы всегда покрывались *фатами* из различных тканей.

Так, в 1668 г. «велено прислать в Понахидную палату на поставец две фаты тонких длиною по 4 арш. и в ширину по 1 $^{1}/_{2}$ арш.» (№ 382).

В 1678 г. на Хлебенный дворец на фаты отпущено 150 арш. выбойки по 2 алт. аршин. Это были, так сказать, рядовые расхожие фаты (№ 398).

[1] Имена царевен больших и меньших см. выше, на с. 696. – *Ред.*

В 1689 г. февраля 7 отпущено в Грановитую палату к *радостному столу* на поставец «для всемирной радости сочетания законного брака великого г осударя царя и великого князя Петра Алексеевича – камок *соломенок* разных цветов 79 арш. Взял Сытного дворца стряпчий Артемий Телешов. В том же 1689 г. марта 5 отпущено на Хлебенный дворец на фаты 20 арш. тафт желтых» (№ 435).

В 1691 г. ноября 9 отпущено к *радостному столу* на поставцы «на фаты два изорбафа, один золотные травы по красной земле, 13 руб.; другой изорбаф серебряный по белой земле, 15 руб. 8 алт. 2 ден. Да три изорбафа шелковые полосатые по 2 руб. по 8 алт. 2 ден.» (Строельная книга).

Наконец, при общей отчетности в 1701 г. были перечислены и все деловые люди всех трех дворцов. На Сытном дворце числилось: уксусников 22 чел., винокуров – 4, поваров – 15, браговаров – 6, квасоваров – 8, свечников – 2, бочаров – 4, сторожей – 45; чистильников – 2, солодовник – 1, мельников – 2. На Кормовом: поваров – 54, помясов – 86, рыбников – 3, скатертников – 14, кислошников – 7, куретников – 6, сторожей – 22, животинников – 6, чистильников – 2, угольников – 4, сторожей Москворецких рыбных садков – 3. На Хлебенном: хлебников – 69, помясов – 44, коровников – 8, сторожей – 18, чистильников – 2, мельников и засыпок – 50. – Всех 532 чел.

В обыкновенное время рядовые приспешники одевались в кафтаны кумачные красного цвета, первостатейные дельцы носили дорогильные кафтаны, второстепенные киндячные, по большой части красные.

В 1667 г. ноября 13 были розданы ткани на кафтаны: «23 поварам – дороги кармазиновые, 114 помясам старшим – такие же дороги, остальному большинству – киндяки; 33 хлебникам – тоже дороги. Киндяки выданы вместо кумачей» (№ 1013).

При работах поварам выдавалось полотно на завески, нагрудники и рукава.

На Сытной дворец – полотенца и по погребам на *ситки* полотна.

Деловые дворовые люди, которые в известных случаях должны были появляться на глаза собравшемуся на царский обед обществу, особенно при столах посольских, одевались в новые кафтаны, по большой части из тканей красного цвета.

Так, в 1644 г. для посольских столов сделано было платья Сытного дворца 15 сторожам по кафтану, 4 лучшим – из индейской червленой камки с шелковыми нашивками и золотными пуговками, 11 остальным – по кафтану из черленого (красного) сукна с шелковыми нашивками.

Кормового дворца поварам «10 чел. – по кафтану из индейской же камки разных цветов с нашивками и золотными пуговками; 8 чел. – по кафтану дорогильному разных цветов с такими же нашивками; 16 чел. – по кафтану суконному красного и зеленого цвета; 13 чел. – такие же суконные кафтаны; *помясам* 21 чел. – тоже суконные красные кафтаны; *скатертникам* 6 чел. – то ж; *хлебникам* 10 чел. – по кафтану из индейской камки такой же, как обозначено выше; 15 чел. – из сукна разных цветов, но более красного.

Помясам 10 чел. – сукно черлено, 8 чел. – то же» (№ 792).

Само собою разумеется, что отличавшиеся дельцы по изготовлению какого-либо питья или кушанья всегда награждались по большой части тоже тканями на кафтан.

Царь Михаил Федорович, по-видимому, очень любил квасы, пиво, брагу.

В 1615 г. июля 17 государь пожаловал вместо сукна деньгами 2 руб. хлебника Митю Колмакова за то, что «варил про государя бражку».

В 1621 г. ноября 7 пивовар Лукашка Ондросов получил 4 арш. сукна в 3 руб. 20 коп. за то, что он «варил про государя пиво ячное и квасы житные, и государю то пиво и квасы полюбились».

В 1626 г. ноября 30 хлебник Тимоха Колмаков да пивовар Панка Кондратьев получили по портищу сукна в 2 руб. за то, что «были они в Сийском монастыре для ученья квасного варенья.

Как известно, монастыри славились и доселе славятся своими квасами, которые к Великому посту вместе с капустой они привозили даже и во Дворец государю.

В 1638 г. сентября 14 посадский человек г. Коломны Максим Григорьев взят во Дворец и пожалован за то, что «про государев обиход умеет варить бражки» (№ 965).

В 1620 г. августа 9 пожалован Федка Тарасов за то, что «делал он *виску* коврижечную» (№ 915)[1].

В 1689 г. к свадьбе царя Петра Алексеевича на Евдокии Федоровне Лопухиной Хлебенного дворца хлебники Карпунька Савельев с товарищи 7 чел. да Кормового дворца повара Тимошка Веденихтов с товарищи 4 чел. получили сукна за то, что были у сухарного литья, у государского дела у сахарных всяких овощей. В то же время награждены и пряничники Евтюшка Леляков и Ермитка Алексеев за их работу, что они работали на Хлебенном дворце их государевы *ковричные* дела (№ 435).

Для пряничного дела требовались особые формы, образцы. В 1667 г. ноября 24 резного деревянного дела мастера Степан Зиновьев с товарищи 8 чел. получили в награду по ведру вина, по полуосетру, по четверику круп овсяных для того, что делали они в Оружейной палате *образцы* деревянные *лебединые, журавлиные, гусиные.*

В 1687 г. июля 2 Кормового дворца повар Васька Офонасьев получил портище сукна за то, что он *держал* в с. Измайлове про государыню царевну и великую княжну Софию Алексеевну всея Великия и Малыя и Белыя Росии *Самодержицу* паровую щуку ловли Измайловских прудов (№ 431).

[1] В оригинале автором добавлено: «Висеть – виселица». – *Ред.*

ГЛАВА VII
ЦАРСКАЯ ОДЕЖДА

Древняя русская одежда; трудность исследования ее. — Царское белье. — Царское платье: комнатное и ездовое. — Платье ратное. — Царский большой наряд. — Платье рындово. — Платье официальное. — Царский головной убор. — Царская обувь. — Общий обзор царской одежды XVII столетия; одежда домашняя и выходная. — Платье причастное, брачное. — Царская одежда XVI столетия[1]

О царской одежде мы имеем подробные сведения в «книгах царским выходам, каково на государе бывает платье», где точно и подробно записаны почти каждодневные выходы царей с целью обозначить весь состав подаваемой для выхода одежды. Эти книги составляли официальный журнал государевой Мастерской палаты, которая заведовала царским гардеробом во всех подробностях, между прочим, и кройкою платья, которую также тщательно записывала в особые *Кроельные книги.* За XVII столетие сведений о царской одежде сохранилось весьма достаточно, но, к сожалению, не сохранилось, да может быть и не существовало полных и точных изображений царских одежд в таком же официальном деловом значении, в каком составлялись Книги Выходам.

В приведенной выше [с. 963] потешной учительной книге царевича Алексея Алексеевича, между прочим, находились изображения: 1) сняв шапку, в кафтане стоит; 2) сняв шапку, в однорядке стоит; 3) в епанче стоит; 4) в шапках (стоят); 5) в ферезее стоит; 6) в турском кафтане стоит.

Могли ли такие изображения в полном составе существовать в Мастерской палате – об этом не имеем никаких сведений.

[1] Кроме заголовка «Царская одежда», имеющегося в оригинале, прочее все добавлено. – *Ред.*

Сохранилось достаточно изображений древней одежды, случайно попадавших в записки иностранных путешественников в Московию, отчасти в старинных портретах или в книгах вроде Книги об избрании на царство Михаила Романова, не упоминая о миниатюрах в житиях русских святых, где по преимуществу являются только шаблонные иконописные рисунки двух-трех одежд, однако там и здесь без названий[1]. Весь этот материал сводится к тому, что мы обладаем множеством описаний древней одежды с ее названиями и вместе с тем относительным множеством изображений одежды без ее названий. В этом обстоятельстве и заключается великая трудность, с какою должно проходить исследование древнего костюма.

Древние наши летописи, как и другие древние письменные памятники, не оставили нам подробностей о старом быте, при помощи которых возможно было бы с точностию изобразить всю обстановку древней жизни. Так, относительно древней нашей одежды мы получаем некоторые очень и очень немногие ее названия и не имеем понятия, какого покроя была эта одежда. С другой стороны, мы имеем даже рисунки древней одежды и не можем достоверно сказать, как эта уже видимая нами одежда называлась. Почти на начальных страницах летописи под 1015 г. встречаем имя одежды *корзно.* Оно в двух-трех случаях поминается и в XII в., потом исчезает. Можно было бы предполагать, что этим именем обозначался ковер, как дает повод к такому заключению одно место летописи. Когда в 1147 г. киевляне, убивая несчастного Игоря Ольговича, раздели его донага, из *свитки* изволокоша, то Владимир Мстиславич, защищая несчастного, соскочил с коня и обогнул *(огорнул)* его *корзном*[2].

Но в 1175 г. также по случаю убиения Андрея Боголюбского *корзно* и вместе *ковер* упомянуты рядом[3]. Таким обра-

[1] В оригинале автором приписано: «шубы есть». – *Ред.*

[2] Ипат. 34 [ПСРЛ. Т. II. – СПб, 1843. – С. 34. Изд. 2, СПб, 1908. – С. 351. – *Ред.*].

[3] Ипат. 114 [ПСРЛ. Т. II. – С. 114. Изд. 2. – С. 591. – *Ред.*].

зом, возможно утвердительно предполагать, что именем *корзно* обозначалась верхняя одежда, именно тот плащ, в котором изображен князь Святослав на первом листе его Сборника.

Может быть, то же корзно именовалось и *скутом,* как можно заключить из повествования летописи о князе Глебе, который к 1071 г. во время пререканий с волхвами в самом Новгороде, взявши топор под *скутом,* поразил им волхва, вовсе не ожидавшего такого себе конца. Скут родственно со словом кутать[1]. Упомянем также, что корзно в простом народном говоре могло прозываться именем *корзень,* как это видно из наименования подмосковных села и волости *Корзенево.* Поп Корзень[2].

Имя Корзно употреблялось и в собирательном значении *корозна.* Когда (1016 г.) Святополк Окаянный стал после Владимира княжить в Киеве, он для привлечения дружины и народа на свою сторону поспешил раздать всем дары, овем *корозная,* а другим кунами[3], и раздал множество всего.

Как бы ни было, но корзном называлась та самая верхняя одежда, плащ Святослава, которая была обычною одеждою у русских князей и бояр с древнего времени и которая была носима и греками черноморских колоний, что должно относиться уже к первым векам Христианства. На греческих надгробных памятниках этого времени нередко изображаются лица именно в таких плащах, очень сходно с изображениями наших князей даже в XIV столетиях, как видим в лицевом житии Бориса и Глеба[4].

Это обстоятельство достовернее всего подтверждает ту истину, что русская одежда от глубокой древности задолго до Византийского царства носила в себе облик общеевро-

---

[1] Лавр. 78 [ПСРЛ. Т. I. – СПб, 1846. – С. 78. – *Ред.*].

[2] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – М., 1850. – С. 24.

[3] Ник. I, 121 [Русская летопись по Никонову списку. Ч. I. – СПб, 1767. – С. 122; ПСРЛ. Т. IX. – СПб, 1862. – С. 74. – *Ред.*].

[4] На поле оригинала автором отмечено: «Она общая». – *Ред.*

пейского костюма, получив свое корзно от древних греков и римлян, распространивших этот плащ и по всему варварскому миру в Средние века.

Точь-в-точь как и древнерусские князья, в таком же плаще изображен и германский император Оттон III (985–991 гг.) на современном ему окладе Евангелия[1].

Как бы взамен корзна в XIII столетии появляется *коць* или *кочь,* тоже, по всему вероятию, верхняя одежда, плащ.

Когда в 1245 г. у Батыя в Орде русские князья и бояре уговаривали князя Михаила Черниговского исполнить повеление хана идти через огонь поклониться богам татарским, князь отверг эти советы и, снявши с себя кочь свой, бросил к ним со словами: «Приимите славу света сего»[2]. Если эта одежда обозначала славу света сего, то возможно заключить, что она была в действительности славная одежда, т. е. богатая княжеская одежда.

В 1328 г. московский князь Иван Данилович Калита в духовном завещании отказал сыну своему Ивану «коць великий с бармами». Неизвестно, переменилось ли здесь только имя одежды или эта одежда была нового покроя и потому уже не называлась прежним именем корзна.

Имени коць-кочь, по-видимому, родственно котыга, упоминаемая в нач. XIV столетия также в значении верхней одежды[3], почему Карамзин и объяснял, что это одно и то же. Действительно, быть может, что так и назывался кочь в про-

---

[1] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 581.

[2] Софийский Временник. Ч. I. – М., 1820. – С. 264.

[3] На поле оригинала, хотя и не против этого места, автором замечено: «Сав. Котыга Греч. Θepistron». См.: *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд... – СПб, 1896. – С. 64, где отмечается, что в XI–XII вв. словом *котыга* переводилось, между прочим, и греческое слово θεριστρον (правильнее – θέριστρον или θεριστριον, см.: Греческо-русский словарь Игнатия Коссовича. Ч. I. – М., 1848. – С. 863). В первом издании указанного сочинения (Описание старинных царских утварей, одежд... – СПб, 1865) о котыге не упоминается. Далее автор ссылается и на то и на другое издания; для краткости эти ссылки обозначаются: Савваитов, изд. 1 или изд. 2, с. такая-то. – *Ред.*

стонародной речи. Затем оба эти названия исчезают из летописных указаний.

«Слово о полку Игоревом» (в конце XII в.) упоминает *япончицы* и *кожухи.* С того времени эти имена сохранятся до последних дней русской одежды, равно как и свита, свитка, а также убрус и сорочка, упомянутые еще в XI столетии.

Можно с достоверностию полагать, что многие одежды, имена которых появляются только в XV, XVI и XVII столетиях, существовали и в предыдущие века под теми же или под другими древними названиями, сохраняя свой старозаветный покрой или облик.

Так, от половины XII в. мы случайно получаем имя женской одежды: *кортель, рясы.*

В начале XIII столетия упоминается *сорочка.*

В половине того же столетия – *кожух, сапоги.*

В XIV столетии, 1377 г. – *охобни, сарафаны* муж., *шубы,* 1382 г. – *онучи.*

В XV столетии, 1412 г. – *терлик, кивер, кабат* (немчина 1428 г.). 1469 г. *шубы, однорядки*[1]*, сермяги*[2].

Любопытно, что у балтийских славян существовали кортель-корталь, *шуба.*

Кожухом и *охобнем* прозывались даже городские укрепления в качестве одежды города.

В 1387 г. у града Твери, около валу, рубиша *кожух*, и землю насыпаша, и ров копаша глубже человека[3].

В 1410 г. новгородский летописец, записывая, как король Ягайло и Витовт побивали немцев и прусов, упоминает, что они, осаждая Мариин город, взяли «того города два *охабня,* а вышнего третиего не взяша.

---

[1] На поле автором добавлено: «Однорядки из различных сукон». – *Ред.*

[2] Устюж. – Л, 146. [См.: Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 г. – М., 1781. – С. 146, где читаем: «Да триста *шуб* бараньих, да триста однорядок *Чипских* и *Лунских* и *Новоголских,* и *Трекумских,* да триста *сермяг».* На заглавном листе принадлежавшего автору экземпляра этой книги перед словом «Летописец» автором приписано: «Устюжский». – *Ред.]*

[3] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Изд. 5. Т. V. – Прим. 137.

В 1411 г. новгородцы ходили на Свию и Свей много иссекоша, а у города у Выбора *охабен* взем и пожгоша»[1].

Таким образом, эти имена одежд должны относиться к той древности, когда только что начинали строить городские стены.

Можно полагать, что некоторые одежды идут от глубокой незапамятной древности и появлялись в древнерусской стране от богатых высококультурных соседей, например древних персов с востока и от греков и римлян с запада, а также и с юга от мидян, ассирийцев и от других культурных народностей, путем торговли заходивших и в наши страны.

Страбон, писатель-географ нач. I в. по Р. Х., рассказывает, что город Танаид, находившийся в устье Дона, служил центром, «общим местом торговли для азиатских и европейских кочевников с одной стороны и для народов, прибывающих на судах» в Азовское море из Черного, с другой стороны. Кочевники доставляли на это торжище рабов, кожи (меха) и другие предметы своего промысла. Черноморские торговцы привозили для обмена *платье,* вино и прочие предметы культурного быта[2].

Древнейшие русичи, конечно, были одеты в одежды своего изготовления, сообразно нуждам своего климата и своему уменью производить потребные для одежды изделия. Но более богатое и нарядное платье, как и дорогие ткани, они необходимо приобретали теми путями, какие указывает Страбон. Вот почему совсем неизвестные в нашей древности и очень известные в XVI и XVII столетиях пресловутые *ферези,* может быть, окажутся по своему имени происходящими от лат. forensia, forensis, или же сарафан – от древне-персидского *сарапа.*

---

[1] Новг. I, 104 [ПСРЛ. Т. III. – СПб, 1841. – С. 104. – *Ред.*].

[2] Кн. XI, гл. 2, § 3. – С. 504 [География Страбона... / Пер. с греч... Ф. Г. Мищенка. – М., 1879. В другом месте на поле автором отмечено: «Нарядные платья по Страбону привозили в Танаид Этюды Осет 94». См. указ. с. в ч. 3. «Осетинских этюдов» В. ф. Миллера. – М., 1887. – *Ред.].*

История древнерусского костюма в некоторых чертах обнаруживает вообще смесь туземного с иноземным. Русичи свободно брали у чужих народностей все то, что им нравилось или что прельщало по красоте, богатству или удобству, но всегда с некоторым перекроем на свой русский лад.

Царское белье. Первая одежда – *сорочки* и *порты* – шились из полотна так называемого *двойного,* которое, по-видимому, отличалось от других полотен особою добротою изделия, так что в XVII столетии оно в рядовой продаже не находилось и ценилось выше всех других полотен. Рядовичи ценовщики говорили, что это полотно в ряд купить можно было по 2 алт. по 2 ден. аршин, а из ряду продать, дожидаючись охочего купца, аршин по 3 алт. Другие полотна ценились за аршин по 10 и по 5 ден.

В XVI столетии такие полотна прозывались *Прозоровскими,* вероятно, как изделие Ткацкого двора князей Прозоровских или под их заведованием на государевом Ткацком дворе в слободе Кадашовской, откуда брали на то же дело и полотна Кадашовские.

Обыкновенно и в XVII, и в XVIII столетиях сорочки и порты обделывались швеями червчатою тафтою, из которой вшивали ластки, ластовицы, ластовки – четыреугольные вставки в подмышках сорочки, делали подпушку – кайму по подолу, торочили, обшивали тафтою как лептою по швам, обтягивали ею пуговицы, строчили, по всему вероятию, различные узоры по подолу и по вороту. Тафты на это дело на каждую сорочку выходило 4 $^{1}/_{4}$ арш. В богатой обделке по швам вместо тафты клали золотную *тесьму* или золотный *плетенек.* Вообще швы сорочек всегда покрывались такими торочками, тафтяными или золотными. Это придавало особую красоту одежде[1].

Точно так же отделывались тафтою и порты, у которых шилась только подпушка и по швам торочки. Тафты выходило по полтора аршина на каждые.

[1] На поле оригинала автором отмечено: «строчить». – *Ред.*

Вместе с сорочками и портами шились также и *чехлы* – род сорочек с пуговицами, ластками, но без подпушки; тафты на них выходило по $^{3}/_{4}$ арш. на каждый.

Длина сорочек не доходила до колен. На подоле по бокам делались небольшие разрезы, называемые *прорехами* для увеличения полноты подола.

В каких случаях домашнего обихода употреблялись чехлы – нам неизвестно.

Кроме полотна, сорочки и порты шились также из миткаля и бези или бязи, как называлась хлопчатобумажная ткань, более плотная.

Бывали также сорочки *кисейные* белые, как это значится в описи Казны царя В. И. Шуйского и в описях платья знатным новокрещеным.

Полотняные сорочки с названием *нарядные* украшались золотным шитьем с червчатым шелком.

Более богатые сорочки и порты шились из тафты червчатой и белой, иногда низанные жемчугом. При червчатой сорочке порты носили белые.

У боярина Богдана Вельского было четыре сорочки тафтяные червчатые и белые, на них по вороту и на мышках и на прорехах находилось 373 жемчужных зерна, укрепленные на серебряных спнях[1].

Сорочки нарядные полотняные и тафтяные украшались *нашивками* – поперечными полосами, по числу пуговиц, нашивными из червчатого шелку с золотом.

На обычных, т. е. повседневных, полотняных сорочках нашивки ставились торочковые шелковые.

Каждая часть нашивки имела петлю для застегиванья на пуговку, почему впоследствии их называли *петлицами.*

Нашивка располагалась гнездами, например по три петли на вороту, на мышках и на прорехах. Но на вороту или на груди бывала и *частая* нашивка, состоявшая из многих петлиц без раздела на гнезда, сплошная.

[1] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 103.

Именно такая частая, как и вообще, нашивка в точности должна утверждать, что ворот у сорочек был прямой, а не косой деревенский.

При сорочках употребляли пояса *верхний* на сорочку и *нижний* на порты (гашник).

К портам, очень легкому белью, присоединялись штаны, обыкновенно камчатные, иногда суконные, а в богатых случаях из золотных тканей, на тафтяной подкладке с такою же опушкою у пояса, в зимнее время на меху.

Для малолетних шились штаники с чулками. Упоминаются при них *зепи* – карманы и какие-то ушки у подпушки и петельки у опушки. Размер штанов отмечался в поясу, в икрах, в коленах и в завойках, внизу.

К наряду сорочек неотменно принадлежало ожерелье *пристяжное,* т. е. род воротника, облегавшего шею вплотную, всегда более или менее богато унизанное по бархату, атласу жемчугом с пуговицами из дорогих каменьев. От жемчужного низанья оно обыкновенно так и прозывалось *обнизью.*

На сорочку надевали *зипун*[1] – кафтан сравнительно с другими одеждами значительно короткий, доходивший только до колен, а иногда и короче.

У царя Михаила Федоровича при двухаршинной длине других его одежд зипун имел длины 1 $^{1}/_{2}$ арш., а у царя Алексея Михайловича при такой же, но более на 2 верш. длине его одежд зипун имел длины 1 арш. 5 верш. Рост обоих государей, судя по сравнительной длине их обычного платья, был почти одинаков[2].

---

[1] Вейс [Внешний быт народов с древнейших до наших времен]. Т. III. Ч. I [М., 1877] – на с. 61 упоминается *gipon, jupon* – верхнее платье кафтан, походило на короткий камзол.

[2] На поле оригинала автором отмечено: «Татар. *Зубун* Надо сообразить с древнеримскими Subucula – род рубахи и женское Supparum род рубах полотнян. Рим. Древн. II, 274. Forensia – 272. Capit [=Capitium]=Каптур 274 Cucylus **[=cuculus] – куколь. Калиги – Gallicae – 277 [Caligae – воинская обувь** – 280]. **Calcei – башмаки 278. Monilia – монисто 288. Фриз – 291. Барк**а 239. Supparum Supparus род полотняного платья женского и мужского[.] Subucyla [= subucula] нижнее, исподнее платье, рубашка». Здесь автор

О царе Алексее Михайловиче его врач доктор Коллинс записал следующее: «Он (государь) красивый мужчина около 6 футов ростом, хорошо сложен, больше дороден, нежели худощав, здорового сложения, волосы светловатые, а лоб немного низкий»[1].

Когда по смерти отца в 1647 г. царь (Алексей) стал переделывать отцовское платье на свои плечи, то в Мастерской палате было отмечено, что в перешитом платье, именно в становых кафтанах, длины *прибавлено,* а ширины *убавлено* (№ 1163).

Молодой царь был выше отца с небольшим двумя вершками, как указывает мера их платья.

Подкладка у холодных зипунов бывала тафтяная, подпушка камчатная. На вороту ставилась нашивка – 10, 11, 13 или 14 пуговиц *втышных,* которые втыкались в прорезные петли другой полы зипуна.

Зипунные переды отличались от ферезных[2].

Рукава кроились в обыкновенную меру длины с небольшим в 1 арш. и застегивались также пуговицами по 4 на каждом, в богатых случаях по 8[3].

К убранству зипуна принадлежало ожерелье *стоячее* – род нынешнего мундирного воротника, в 3 верш. ширины и в 7 и 9 верш. длины около шеи.

Оно шилось из бархата, подкладывалось атласом и богато унизывалось жемчугом, почему и называлось во-

ссылается на Римские Древности... Соч. Александра Адама... / Пер. с нем. с 3 изд. Ч. II. – М., 1824. – *Ред.*

[1] Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских. Кн. III. – 1846. – № 1. – С. 34.

[2] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 189.

[3] На поле оригинала автором добавлено: «Зип. без *рукав* 488, 490, 581, 480 при больш. наряде». Цифры обозначают страницы издания П. М. Строева: «Выходы государей царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Русии самодержцев (с 1632 по 1682 г.). – М., 1844. Дальнейшие ссылки автора на это издание обозначаются для краткости в соответствующих местах текста в скобках – В. и цифра, указывающая страницу издания. – *Ред.*

обще *обнизью.* Оно или пришивалось к вороту, или пристегивалось пуговками, так что к одному и тому же зипуну подавались различные ожерелья, обнизи, как указывал сам государь. Бывало ожерелье без обнизи (В. 74)[1]. Подол – 3 арш.

По сторонам зипуна пришивались иногда тафтяные *калиты* (№ 787), наружные отдельные карманы, различаемые от *зепей* или карманов внутри одежды (?), которые также составляли принадлежность зипуна.

В сентябре [27] 1681 г. был скроен зипун *кисейный,* подкладка кисейная же, стежной на хлопчатой бумаге, кисеи вышло 14 арш. (№ 541)[2].

Зипуны бывали и теплые на лисьем или собольем меху, а потому они делались несколько длиннее обычных зипунов, вершка на 3 или 4, а иногда почти на 8, смотря по государевой надобности. Они покрывались вместо тафты или атласа более тяжелою тканью камкою. Теплые зипуны бывали и без рукавов. Рукава бывали и из другой ткани (В. 504, 505, 598, 602, 604)[3].

Когда государь одевался в большой царский наряд, в наряд Большие Казны, то зипун подавался без ожерелья (В. [5 и др.], т. к. ожерельем являлась уже диадема.

Был ли в кройке зипун с перехватом с тальею позади, трудно решить. Был ли пояс? Кажется, не было.

И дома и при выходах на зипун надевали или *ферези,* или *кафтан* становой.

---

[1] На поле оригинала автором добавлено: «[В] 593. Два ожерелья – стоячее и повседневное пристяжное. 581. [«Ожерелье стоячее с запоны, ожерелье пристежное с каменьи»]. [В] 618 вместо обнизи ожерелье при трауре [«бархат таусинной»]». – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором замечено: «Ткани – тафта, атлас, камка, объярь, зарбав. [В.] 645, 648». В другом месте на поле отмечено: «Царь Михаил Федорович предпочитал червчатый цвет, царь Алексей – белый». – *Ред.*

[3] На поле автором добавлено: «Описи Викт. 189». См.: *Викторов А. Е.* Описание… где на с. 189 указаны два теплых зипуна царя Михаила Феодоровича: один – без рукавов, но оба крыты тафтой. – *Ред.*

Ферези[1], быть может, от латинского *Forensis* – нарядное одеяние, foren-sia – нарядное платье Свет[оний]. У греков θαρος, ίματιου– pallium, тога, мантель, туника. У Геродота θορος(?)[2].У турок также есть одежда с именем *ферадже* и *фередже,* которое может указывать не о заимствовании наших ферезей у турок, а об одном и том же источнике, откуда идут и наши ферези и турецкие фередже, т. е. о Византии или даже о Риме.

Длиною это платье не отличалось от всех других длинных одежд. У царей оно кроилось – у Михаила в 2 арш. длины без вершка, у Алексея – в 2 арш. с 2 верш. В 1627 г. государю скроены *ферези* против по подобию объяринного червчатого *охабня*.

Длина рукавов немногим отличалась от других средних одежд, между зипунами и верхними одеждами. Она кроилась в 1 арш. и 5 или 6 верш. при упомянутой длине ферезей. Вообще ферези кроились несколько полнее зипуна, также на подкладке и с подпушкою. В подоле с небольшим в 3 арш. по сторонам имели *прорехи*[3]. Назади ворот не имели.

Особого ожерелья на вороту или воротника ни стоячего, ни отложного не было. Стоячий воротник или обнизь находился у зипуна, на который надевали ферези, почему они и не имели ожерелья, а один ворот. Уборка этой одежды состояла из *нашивки* с завязками и кистями, которые украшались *воврорками* золотными, а иногда и жемчужными. Число завязок бывало различно – 3, 4, 5, 7.

---

[1] На поле оригинала отмечено: «польские – ферезея греч. *верестрон».* Ср. польск. ferezya, греч. θέριστρον. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором отмечено: «Геродот *Форанс,* I, 270». Здесь – ссылка на книгу: «История Иродотова, пер. с греч. Иваном Мартыновым с примеч. пер.». – Ч. I. – СПб, 1826; на с. 270 этой книги в прим. CLXXXI θώρηξ) – броня. См. также: Греческо-русский словарь, сост. И. Синайским. Ч. 1. Изд. 2, испр. – М., 1869. – С. 363 – в экземпл. автора слово θώραξ (sic. Ср.: Греческо-русский словарь Игн. Коссовича. Ч. I. – М., 1848. – С. 881, где чит. θώρηξ) – панцырь, латы и пр. подчеркнуто. – *Ред.*

[3] На поле оригинала автором замечено: «езд?». Ниже, где речь о ферезях ездовых, о прорехах не упоминается. – *Ред.*

По краям одежды, на полах и по подолу полагалось *кружево,* род каймы различной ширины, иногда с дробницами или *образцами* – запонами, золотное. Кружевом обделывались и боковые полольные прорехи. Судя по количеству аршин употребляемого кружева, например 11, 18 и т. п., можно полагать, что иногда кружево полагалось в два ряда[1].

Обычные комнатные ферези назывались холодными в отличие от обычных же теплых, которые шились на лисьем или собольем меху.

Упоминаются ферези *мовные, постные* (№ 1156) соответственно их назначению в домашнем обиходе.

Ферези *становые,* а также и *ездовые* будут объясняемы ниже[2].

Становые ферези могут означать, что они кроились подобно становому кафтану с перехватом в пояснице.

Ферези *армяшные,* иначе называемые *армяком,* шились из шерстяной верблюжьей ткани, толстой и тонкой, которая носит и доселе название армячины. По имени ткани из ферезей явилась как бы новая небывалая одежда *армяк.*

Случалось и с кафтанами, что они прозывались, например, *китайскими,* потому что были сшиты из камки китайской (В. 691, 696–699, 701).

Ферези ездовые по размерам своих частей в кройке мало чем отличались от обычных, так сказать, повседневных ферезей, от которых их отличие заключалось главным образом в их богатом наряде или уборе.

Особенно любил надевать эти ферези царь Алексей Михайлович. У него они служили верхним платьем и всегда украшались (?) нашивкою с жемчужными *образцами*, иногда прорезными и с изображением львов, орлов (?), грифов, инрогов (единорогов), львов и грифов вместе (В. 287, 290, 293, 295[3]).

[1] На поле оригинала против настоящего места автором замечено: «ездов». Ср. ниже, где речь о ферезях ездовых. – *Ред.*

[2] О становых ферезях см. на настоящей странице, о ездовых – на настоящей и следующей странице. – *Ред.*

[3] В оригинале, хотя и в другом месте, о тех же образцах даются автором несколько более подробные сведения: «Образцы жемчужные *прорезные*

Эта нашивка имела также завязки с кистями и ворворками жемчужными. Кружево полагалось серебряное кованое.

С 1646 г. царь Алексей стал надевать ферези ездовые с образцами жемчужными (В. 143, 163). (В. 283) без образцов, а перемена с образцами жемчужными, на Угреши. (В. 285) на Девичье поле – образцы низаны жемчугом с каменьи по черному бархату. Здесь *ездовой наряд* весь.

Ездовые ферези в воинском платье царя Алексея Михайловича служили верхнею одеждою вместо прежнего своего назначения простых ферезей служить среднею одеждою. В этом платье на зипун надевалась *чуга,* а на нее – ездовые ферези.

Как верхняя одежда они необходимо требовали большей полноты и ширины в подоле, поэтому ширина подола была увеличена более чем на 8 верш. вместо обычной ширины у верхних одежд в 3 арш. 6, 7 и 8 верш. Ширина подола у ездовых ферезей кроилась в 4 арш. с лишком.

Таким образом, новая кройка одежды значительно удалила ее от повседневных ферезей и царь Алексей Михайлович дал ей даже особое имя, дотоле небывалое – ферезея, которая стала надеваться уже на самые ферези как на старую среднюю одежду[1].

В Выходных книгах ферезея впервые появляется с 16 сентября 1659 г., но в Кроильных книгах она появляется еще с октября 1654 г. Можно полагать, что и это не первый случай кройки. Она кроилась с этим именем для стольников в 1648 г. (№ 1065).

Как новая одежда она, однако, сохраняла свой старый покрой. Ее длина и ширина равнялась другим верхним одеждам с длинными рукавами, какие были и у ферезей.

с алмазы. [В.] 286, 287. Круги 287 [?]. Меншие инроги 287. Образцы *львы* и *грифы* низаны жемчугом 287, 290, 293, [2]95. Образцы жемчужные по зеленому бархату и по вишневому бархату 288». – *Ред.*

[1] В оригинале, хотя и в другом месте, автором, однако, отмечено: «[В.] 298. Зипун. Ферези холодн. Ферези ездовые». Из этого места «Выходов» видно, что уже в 1653 г. 24 сентября царь Алексей Михайлович надевал на ферези холодные ездовые ферези. – *Ред.*

Имела подкладку, украшалась кружевом и нашивкою в 12 гнезд или из четырех образцов с двумя завязками с кистями и ворворками (№ 1166)[1].

Для зимы готовилась на собольем меху с собольею опушкою и с собольим же ожерельем шириною около шеи 14 верш. и в длину 9 или 10 верш., подложенным атласом.

Царь Алексей Михайлович очень любил эту одежду, особенно в первые годы, как она появилась, и можно сказать, что в некотором отношении она сделалась для него как бы модным платьем, в котором он бывал не только на городских выходах и загородных выездах, но и в домашних выходах в дворцовые церкви.

Вместе с тем, как упомянуто, ферезея составила часть воинского наряда, который отличался от других нарядов главным образом среднею его ездовою одеждою – *чугою.*

Мало-помалу ферезея стала приобретать значение официального парадного мундира.

О царе Федоре Алексеевиче рассказывают, что он упразднил старый русский костюм и ввел иностранный, главным образом польский. Между тем царь Алексей Михайлович не более как за полгода пред своею кончиною 6 августа 1675 г. строго повелел [«Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Жильцам... Свой Государев указ сказать, чтоб они иноземских, немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людям своим по тому ж носить не велели; а буде кто впредь учнет волосы подстригать и платье носить с иноземского образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от Великого Государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины»][2].

[1] В оригинале, хотя и в другом месте, автором замечено: «[В.]326 *Ферезея* образцы низаны жемч. с каменьи под нею ферези. Зипун. 409. Образцы в них запаны с алмазы. 2 выпало. 534. Четыре образца жемч. с каменьи». – *Ред.*

[2] Помещаемое в скобках добавляется согласно ссылке автора: «Максим. 145 и 296» и взято из книги: Указатель российских законов.., изд... Львом Максимовичем. Ч. 2. – М., 1803. – С. 145; на с. же 295–296 той же книги читаем следующий указ царя Федора Алексеевича от 19 декабря 1680 г.: «В Го-

Взамен ферезей на зипун надевали также *кафтан становой*[1]. Именем *кафтан,* по-видимому, обозначались одежды, вообще носимые сверх зипуна или и вместо зипуна. Какой был общий покрой кафтана, дававший ему это имя, трудно сказать что-либо точное и определенное.

«Становыми кафтанами назывались кафтаны, в которые облачались цари при *поставлении* на царство и которые надевались при полном наряде Большой Казны», – говорит Вельтман[2], делая таким образом намек, что становой происходит от поставления.

По толкованию Строева, «кафтан становой» значило «носимый в городе, дома». – Стан – значит дом, объясняет автор и, стало быть, противополагает ему кафтан ездовой, выездной, т. е. как бы дорожный. Он прямо и говорит, что платье *становое* – носимое в городе и *ездовое* – дорожное[3]. (Езда-то на коне.) Но станом в кроенье одежд обозначалась часть, покрывавшая стан, туловище, хребет, корпус человеческого тела со стороны спины. Этот стан воспевается даже в народной песне:

Как на улице шумят,
Сарафан бабы делят,
Кому *клин,* кому *стан,*
Кому весь сарафан.

сподские и во Владычни праздники и в празднество нарочитых Святых и Своих Государевых Ангелов во время Своих Государевых выходов Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьякам в нынешнем во 189 г. и предыдущие годы быть в золотых, бархатных и в объяринных ферезеях»; далее следует перечень праздников, в какие надлежало быть в тех или иных ферезеях. – *Ред.*

[1] На поле оригинала автором замечено: «Становые ферези. Становая шуба. Становое платье XVI ст.». См. выше, с. 982. – *Ред.*

[2] Словарь, 20. [См.: *Вельтман А.* Московская Оружейная палата. – М., 1844. Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты. – С. 20. Далее ссылки автора на этот словарь помечаются: *Вельтман*, Словарь, страница такая-то. – *Ред.]*

[3] Словарь 71. [См.: Выходы... Указатель исторический, топографический, реальный и филологический, по порядку азбучному. – С. 71; см. также с. 38. – *Ред.*]

Можно полагать, что станом обозначалась как бы основная часть кройки, где все остальное заключалось только в ее частях вроде клиньев, пол и т. п.

При этом в древней кройке длина рукавов измерялась *от стану* и *с полустану,* следовательно, стан имел определенное пространство, именно хребет тела. Поэтому становой кафтан должен обозначать этим именем отдельную сторону одежды, какая и могла появиться, если кафтан был перехвачен в поясе выемкою, талиею, вроде лифа. Он облегал стан по фигуре корпуса.

Подобно ферезям становой кафтан украшался нашивкою, но не с завязками и кистями, а только с пуговицами и петлями из столбца, число которых бывало различно: 7, 8, 9, 10, 12, 13 и даже 19.

Прилагалось также кружево *с бахромою.* Шился на подкладке с подпушкою. Длина его была обычная 2 арш. Рукава шились длиною 1 $^{1}/_{2}$ арш. и 1 арш., в корени 6, 7 верш., в запястье – 3 верш., в подоле – 3 $^{1}/_{2}$ арш., 3 арш. 2 верш. и 4 арш. 1 верш., 4 $^{3}/_{4}$ арш.

Первый наряд шился богаче, чем остальные. Это царский становой кафтан. Он убирался богаче и шился из богатых материй как наиболее видная вторая одежда.

При кафтане носили легкий пояс, именуемый тесьмою, с крюком и пряжкою (Выходы. – С. 315)[1]. Крюки и наконечники золоты с алмазы. Прорех боковых не было. Ожерелья нет.

[1] На поле оригинала автором замечено: «Портрет Потемкина». Подобный пояс действительно изображен на двух портретах масляной краской русского посла пол. XVII в., стольника Петра Ивановича Потемкина. С одного из этих портретов – работы испанского живописца Каррено – в рост есть фотографический снимок в собрании автора; вверху ярлычок с цифрой 690, внизу – "I. Carreno", и ниже: "I. Carreno. – 1912. – Portrait de l'ambassadeur Russe P. I. Potemkiin. (au Musee du Prado) I. Laurent y C. Madrid. Es propiedad Depose". С того же портрета снимок в журнале «Старые Годы». – 1909. – Июль–сентябрь, к с. 401 (ст. А. П. Новицкого). На снимке, принадлежавшем автору, пояс вышел отчетливее. Другой портрет Потемкина, поясной, – в Московской Оружейной палате, см.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 2. Кн. 3. – М., 1884. – С. 238, № 3905 и табл. 47; ср.: Древности Российского государства. Отд. IV. – М., 1851. – С. 48–49 и рис. № 11 (на последнем рисунке – работы Ф. Г. Солнцева – Потемкин изображен во весь рост). – *Ред.*

Хотя о борах или связках позади не упоминается, однако, судя по необычной для средней одежды полноте подола 3 $^{1}/_{2}$ арш. и даже 4 $^{3}/_{4}$ арш., можно предполагать, что были боры (?) или же *схватцы* по сторонам стана.

Кафтан становой с наименованием *царский* отличался от обыкновенного, по-видимому, только богатством и драгоценностию тканей, из которых кроился, а также богатством своего убранства, например, жемчужным с каменьем кружевом. Запястья рукавов украшались жемчугом (Выходы. – С. 507).

1676 г. царь Федор Алексеевич у станового кафтана царского на рукавах нашил богатое запястье (Выходы. – С. 622)[1].

[В 1677 г. апреля 15 на праздник Светлого Христова Воскресения на государе было платья:] Опошень. Кафтан становой. Теплые ферези. Теплый зипун. Следовательно, становой кафтан надевался на ферези на Пасху (Выходы. – С. 635). Поддевал под кафтан становой ферези (Выходы. – С. 321).

В 1680 г. царь Федор Алексеевич стал одеваться в особые кафтаны с названием *верхний* и *нижний, исподний* (Выходы. – С. 690), которые заменили ферезею и ферези и становой кафтан, а также и зипун. Государь нередко ходил только в этих двух кафтанах, а о зипуне прямо упомянуто, что *вместо зипуна* государь надевал кафтан *на бумаге,* т. е. подложенный хлопчатою бумагою (Выходы. – С. 696).

Ездовой кафтан, так же как и становой, надевали на зипун как вторую одежду.

Этот кафтан отличался от станового, во-первых, тем, что был короче вершка на 4 или вершков на 5 и даже на 6. У царя Алексея Михайловича при 2 арш. с 2 верш. длины долгополого платья ездовой кафтан имел длину в 1 арш. 12 верш., иногда 1 арш. 10, иногда 13 верш. У царя Михаила Федоровича при двухаршинной длине прочего платья он кроился даже в полтора аршина длины. Короче были и его рукава (1 арш. 2 верш.)[2]. Зато ширина подола была полнее: у царя

[1] На поле оригинала автором добавлено: «раньше [В.] 323». – *Ред.*

[2] На поле оригинала, хотя и в другом месте, автором замечено: «Кафт. ездовой широкие рукава Вых. 685». – *Ред.*

Алексея Михайловича она доходила до 4 $^{1}/_{2}$ арш., у царя Михаила она равнялась со всеми верхними платьями 3 арш. 6–8 верш. По сторонам у подола были прорехи.

По большей части кафтан кроился из бархата или атласа на тафтяной подкладке с атласною подпушкою.

Нашивка имела 11, 13, 15, 19, 20, 21 или 22 пуговицы втышные, низаны жемчугом.

Ожерелье отложное в 3 верш. ширины бархатное же, подложенное атласом, на нем бывало два репья золотых (№ 1156).

В 1646 г. сентябрь [5] после кончины царя Михаила из его ездовых кафтанов для царя Алексея переделываны *чуги* (№ 1163).

Бывали кафтаны *стежные,* т. е. стеганные на хлопчатой бумаге.

Наряд или уборка ездового кафтана отличала его от других одежд тем, что у него не было кружева, но зато нашивка бывала особенная. На одном кафтане было нашито на вороту (на груди) и на прорехах 20 гнезд *львы* серебряны золочены с кольцами. В других случаях на кафтан нашивали или *образцы* в пяти местах, или *аламы*. Образцы полагались вместо обычной нашивки (Выходы. – С. 671 и след.)[1].

В одном месте этот кафтан вместо ездового назван *полевым* и описан так: «Кафтан полевой на вороту на восьми местах львы золоты с бирюзами на прорехах по два льва».

Особое более богатое убранство *ездовых* кафтанов и ферезей, как и другого *ездового* платья, показывает, что это платье не было только для дороги или только в дорогу. Напротив того, это платье было, так сказать, парадное, в котором государи именно на выездах являлись пред глазами народа в большей красоте своего наряда. На ферези или на становой

[1] В оригинале, хотя и в другом месте, автором приведены следующие указания о кафтане ездовом с *клиньями:* «С сентября 1679 г. [В.] 675. Кафт. ездовой новой с *прямыми клиньями* – 676, [67]7, с *прямым клиньем.* 677. 676 Кафт. езд. суконный с прямыми клиньями с 1679 г., на него кафт. ездовой же объярь; заменил ферезею кафтан с клиньями». – *Ред.*

кафтан надевали при выходах верхнюю одежду, или *опашень*, или *однорядку*[1].

Слово «опашень» по своему происхождению прямо указывает, что это была одежда, которою запахивались, опахивались, т. е. закрывались полою на полу. Опахивать – значило окружать или точнее ограничивать. Опашень поэтому должен обозначать, так сказать, окружение или округление всех надетых одежд верхнею одеждою.

То же значение должен иметь и *охабень,* о котором наша речь впереди. Он без подкладки.

Длина опашня равнялась всем долгополым платьям, у царей Михаила и Алексея была в 2 арш. с вершком или без вершка. Длина рукавов была в 1 арш. 8 и 10 или 11 верш. В подоле 3 арш. 4, 6 и 9 верш., 3 арш. 12 верш.[2]

В подоле с боков были *прорехи.*

Подкладка и подпушка фараузная.

Уборка опашня – *нашивка* с пуговицами и петлями, всегда с кистями и жемчужными ворворками (закрепки). Число пуговиц бывало 11, 12, 13 и чаще всего 15 гнезд, 17, 16 (166 г.). Нашивкою украшались и прорехи.

По полам и по подолу полагалось *кружево* золотное или кованое серебряное.

Ожерелье отложное, т. е. воротник, атласное, чаще *фараузное,* шириною во весь ворот, вышиною 6 верш., 4 и 2 верш.

Фарауз, быть может, *фриз* – ткань шерстяная, с одной внешней стороны мохнатая косматая. Но упомянут фарауз атласный 166 г., следовательно, шелковый[3].

---

[1] На поле оригинала автором добавлено: «В опашне и зимою государь слушал церковные службы в дворцовых церквах. Зимою в собор [В.] 369, 370, 371, [3]89, [3]92. Опашень самая *обычная* и любимая одежда во все XVII столетие. Опашень *столовый* (чистой) за столом В. 17». – *Ред.*

[2] На поле автором замечено: «Проймы?». – *Ред.*

[3] На поле автором карандашом замечено: *«Плис* плюш», а далее добавлено: «Подпушка *фараузная* у платна. Вых. 157, 164, 264, 277, 280, 328. Фараузы атласные, тафтяные. Вельтман». [Словарь. – С. 63]». На поле карандашом: *«Плюш». – Ред.*

Однорядка едва ли отличалась своим покроем от опашня. Это был тот же опашень, только без подкладки, что и обозначалось ее именем – однорядка, т. е. сшитая в один ряд скроенной ткани без подкладки, только с подпушкою.

Некоторое различие находилось только в уборке этого платья, именно в устройстве нашивки, которая состояла из *завязок с кистями* на вороту, т. е. на груди и на прорехах, хотя, подобно опашню, употреблялась нашивка с пуговицами и петлями.

Размерами своей длины и прочих частей однорядка равнялась опашню.

Обыкновенно у царей она шилась из сукна и зуфи и надевалась чаще всего во время или ввиду ненастной погоды, во время дождя, поэтому и убор ее был проще, чем у других одежд.

Однако и однорядки иногда украшались очень богато (Выходы. – С. 166, 333)[1].

В зимнее и в холодное весеннее и осеннее время вместо опашня или однорядки надевали *шубу* или на собольем, куничном, песцовом[2], лисьем (чернобурый) или на горностаевом и беличьем (хребтовом) меху[3].

Покрой этой одежды был одинаков с опашнем и однорядкой и отличался от них только тем, что одежда изготовлялась на меху. По размеру длины она сходствовала со всеми длиннополыми одеждами. Была такая же длина и рукавов. В подоле ширина была несколько полнее – 3 арш. 9 верш. вместо обычного 3 арш. 6 верш.

---

[1] На поле оригинала автором замечено: «у Вельтмана NB»; см.: *Вельтман*. Словарь. – С. 36–37, и далее автором добавлено: «[B] 135. Однор. панихидное зимою февраль [1646 г. 26 февр.]. *142.* 1 сентября [1646 г.] однорядка богатая, почему можно полагать, что с 1 сентября надевали однорядку как бы по уставу. № 143. [1]45». – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором замечено: «Песцовая армячная [B.] 98, 99». – *Ред.*

[3] На поле оригинала автором приведены названия тканей, служивших верхом для шуб: «Бархат атлас тафта столов., камка сукно». На особом же листке, вложенном в оригинал, читаем: «Шуба суконная употреблялась только для ненастья, с. 70. B. 82». См. обе указанные страницы «Выходов». – *Ред.*

В подоле по сторонам были прорехи. Иногда бывала одна прореха назади, задняя прореха.

Рукава в корени делались с *проймами* для продеванья рук.

Ожерелье ставилось бобровое длиною вокруг шеи в 12 верш., шириною в полпята и в 5 верш. В иных случаях ожерелье бывало в пришивке 9 верш. шириною в 3 верш. Опушка, пух была также бобровая, пополам и по подолу и на рукавах в запястье шириною в 2 верш. Иногда ожерелье делалось из собольего меха.

Убранство шубы состояло в таких же частях, как и на других подобных одеждах. Полы и подол окаймляло кружево золотное или кованое серебряное. На груди обычная нашивка с пуговицами и кистями с ворворками, которою украшались и подольные прорехи. Число пуговиц бывало различно (3, 4, 9, 14, 15, 24), но по большой части 11.

Особого вида пуговицы назывались *кляпышами, кляпышками.*

Шубы иногда получали особые названия, смотря по их назначению. Упоминаются шубы: *столовая,* надеваемая царями к столовому кушанью. Она бывала *нагольная,* совсем не покрытая какою-либо тканью, но с нашивкою, с пуговицами и кистями, или же ее покрывали обыкновенно тафтою, но неотменно белого цвета, на более легком беличьем меху[1].

Санная или *ездовая,* отличавшаяся стоячим ожерельем. В такой шубе царь Алексей Михайлович изображен в альбоме Мейерберга[2].

Становая, так, вероятно, названная подобно становому кафтану относительно кройки стана с перехватом талии.

Шуба иногда прямо надевалась на зипун (Выходы. – С. 101, 225). Кажется, в то время, когда государь не выходил с Верху, т. е. ходил в церкви сенные или к патриарху по переходам[3].

---

[1] На поле оригинала, хотя и в другом месте, автором добавлено: «Нагольные шубы (для стола) натирали белилами (№ 738) и мелом». – *Ред.*

[2] См. Рисунки к путешествию по России... бар. Мейерберга... Изд. Ф. Аделунгом. – СПб, 1827. – С. 49. – *Ред.*

[3] В оригинале автором приписано карандашом: «Так». – *Ред.*

Шубы, подобно опашню и однорядке и другим таким же по кройке одеждам, не запахивались пола на полу, потому что всегда украшались более или менее богатою нашивкою с пуговицами, которыми полы застегивались напереди.

Быть может, так называемые *чистые* шубы, не имевшие такого наряда или снаряда, запахивались и пола на полу.

При свадебном обряде государь надевал кожух и шубу *русскую, заметав* полы назад за плечи.

Так делал царь Михаил Федорович, но царь Алексей Михайлович отменил этот обычай. «А в то место велел государь сделать у шубы ожерелье, долгое соболье большое»[1].

По-польски szuba, у турков dztibe. (Может быть, и жупан ей сродни.)[2] К верхним одеждам принадлежал и *кибеняк, кебеняк.* По-польски *kopie-niak,* у турок *kepenech* – плащ от дождя без рукавов, подобный бурке. Еще Стефан Баторий на войне и на охоте ходил в копеняках.

У наших царей кебеняк употреблялся редко также только для дождя, для которого существовала однорядка. По Выходным книгам он значится в употреблении только у царя Михаила Федоровича с генваря 1633 г. по 18 февраля 1642 г.[3], когда вместе с ним, названным тебеняком, была подана и епанча[4].

---

[1] Древняя Российская вивлиофика… Изд. 2. Т. XIII. – С. 148, 188.

[2] См. Ubiory w Polszcze... przez Lukasza Gotębiowskiego... W Warszawie, 1830. – С. 244. Экземпляр этой книги имелся в библиотеке автора. На поле оригинала автором замечено: «Немецкая ученость (*Грот Я. К.* Филологические разыскания. – СПб, 1873. – С. 458) говорит, что славянское «шуба» взято с немецкого “Schaube” – длинное верхнее платье, покрывающее все тело, в верхней Германии, и тут же указывает арабское «*джубба*». Шляпа оттуда же – “Schlapp”. Французское “jupe”, итальянское “giubba” – «юбка»; испанское “chopa”. Корень оказывается общим, но наше все-таки взято с немецкого. – *Ред.*

[3] На поле оригинала автором добавлено: «Однако в Кроильных книгах он существует еще с 1628 г. (№ 1158). По тем же книгам видим, что царевич Алексей Михайлович носил кебеняк с пятилетнего возраста и до 15 лет до 152 г. (№ 1160). Царь Михаил надевал его даже на шубу (В. 12). Окебенячить? Врем. VII, 14, 13». См.: Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. – М., 1850 // Смесь. – С. 13 и 14, где читаем: «Ормяк... окебенячити атласом червчатым – атласом лазоревым». – *Ред.*

[4] На поле оригинала автором добавлено: «Солночник от дождя у Викторова 195». На указанной странице «Описания» читаем: *«Солничник*

Но наш кебеняк не был епанчою в том роде, как он обозначен выше у поляков и турок, поэтому его происхождение надо относить к другим источникам.

Наш кебеняк по своему покрою и по размерам частей походил на опашень и на однорядку, был такой же длины и в подробностях имел в корени рукавов *проймы,* в подоле по сторонам прорехи, украшался нашивкою с пуговицами на груди в пяти местах по два гнезда, да на прорехах по два гнезда; имел также подпушку и отличался от упомянутых одежд только большею шириною подола – 3 арш. 10 верш. – и отсутствием ожерелья. Вместо пуговиц в его нашивке бывали крючки и кольца.

По какому особому складу в кройке он отличался от упомянутых одежд – неизвестно. При кройке упоминаются *зепи,* т. е. внутренние карманы.

При царе Федоре Алексеевиче в 1677 г. однажды упомянуто в Выходах, что сентября 26 на дороге в Москву от Троицы он надел суконный малиновый *емурлук* для того, что был дождь (Выходы. – С. 647).

В 1684 г. сентября 2 для Троицкого похода священнику Спасского собора, что в Верху, выдано на *емурлук* 5 арш. сукна полукармазину и певчим дьякам деланы *емурлуки* суконные, против их братьи.

Был ли этот емурлук тот же кебеняк, получивший только новое название, сказать трудно. Польское – *iamurlach,* с турецкого *iahnurlug* – «опонча от дождя», упоминание 1643 г.[1]

Другая дождевая одежда была, как упомянуто, *епанча.*

Греческое Επομιξ, евр. ephod, фофудья.

Япончицы упоминаются в «Слове о полку Игоревом».

Это был широкий плащ, всегда суконный на подкладке и с опушкою из рядовой камки куфтерю. Епанча украшалась

турской, шадроват, сгибной; покрыт тафтою червчатою, рукоять трость морская». – Опись платью ... царя Михаила Федоровича 7142 (1633–1634) г. – № 129. – *Ред.*

[1] См. указанную на с. 993 книгу Gotębiowskiego, где на с. 161 упомянуты: “jamurlach, jakmurlyg”. Далее автором добавлено: «Сравн. Савваитов»; см. изд. 2. – С. 183–184. – *Ред.*

кружевом кованым золотным или галуном и нашивкою также золотною в 5 местах по два гнезда с пуговицами. Иногда украшалась *образцами.*

Длина епанчи равнялась всем длинным одеждам, а шириною значительно превосходила их, имея ширины в подоле *семь* аршин[1].

Никакого ожерелья у ней не было (?).

Обыкновенно дождевое платье епанча, кебеняк отпускались при выходах в запас. В случае ненастья государь накрывал свой выходной наряд упомянутыми одеждами. В 1653 г. ноября 21 царь Алексей Михайлович надевал епанчу сукно скорлат червчат, потому что был снег (Выходы. – С. 301).

В 1677 г. июня 23 в походе из с. Пахрина на бумажную мельницу царь Федор Алексеевич «изволил на дороге ферезею переменить, а надел епанчу сукно осиново да шляпу вместо нарядной шапки для того, что был дождь» (Выходы. – С. 640).

Была епанча тафтяная *олихвеная,* т. е. покрытая олифою, своего рода лаком. «Подкладка объярь червчата, нашивка серебряная выворотная с зеленым шелком» (№ 130)[2].

Кроме описанных домашних одежд царь Михаил Федорович носил также *сарафан* или сарафанец, как он обозначается в Выходных книгах. По-видимому, это был своего рода зипун, т. к. он носился с обнизью. Царь Михаил надевал его летом в 1633 г. к столовому кушанью (Выходы. – С. 17, 18) под столовый опашень. Этот сарафанец был объяринный червчатый.

В 1634 г. мая 20 царь ходил к празднику в Чудов монастырь в опашне и сарафане дороги яриной цвет с вишневою обнизью (В. 32).

В 1637 г. июля 25 царь ходил в зеленом опашне и в червчатом сарафанце ко всенощной у Спаса на Сенях, а после обедни кушал в Столовой Избе в червчатом опашне и в зеленом сарафанце (В. 51). Августа 15 в Успеньев день государь кушал в

[1] Вельтман [Словарь... – С. 13].

[2] На поле оригинала автором добавлено: «Викт.», но у Викторова в «Описании» на соответствующей, 196, странице приводится лишь название «эпанча». – *Ред.*

Столовой же избе, на нем был опашень и тафтяный сарафанец червчатые (В. 52).

В 1642 г. декабря 21 государь слушал всенощное у Спаса на Сенях в сарафанце теплом тафта лазорева под опашнем дымчатым (В. 108).

В 1644 г. ноября 25 и 27 слушал вечерню и всенощное у Рождества Богородицы в сарафанце теплом с обнизью.

В размерах кройки сарафан не отличался от других длиннополых одежд. В одном месте прямо упомянуто, что его длина и ширина кроена противу тафтяных ферезей. Сарафан имел подкладку, подпушку и нашивку с пуговицами (6 гнезд) втышными.

Царь Алексей Михайлович носил сарафанцы только в малолетстве; в возрастное его время не встречается указаний о ношении им этой одежды.

В Выходных книгах не встречается сведений, свидетельств, что в сарафанах ходил и царь Федор Алексеевич. Между тем в Кроильной книге 185 г. значится, что ему генваря 13 скроен сарафан в тафте червчатой без подкладки, но с подпушкою и с нашивкою, в 6 гнезд, шириною в подоле 3 арш. 5 верш. (№ 530).

Какое отличие от других одежд присваивало этой одежде имя *сарафана* – трудно сказать. В кройке упомянуто, что пуговки в нашивке помещались *вверху* втышные, и кроме того, *внизу три гнезда,* а в другом случае говорится о 9 пуговицах на том же месте.

В 1637–1638 гг. для царя Михаила Федоровича кроили новую одежду, по-видимому, немецкого происхожденья, бывалую и у поляков – это *кабат*[1]. По толкованию Вельтмана, «кабат есть собственно нарамник, древняя священная одежда, без рукавов с прорезами по бокам. По-польски... значит и просто кафтан, и *colobium;* у сербов кавад значит верхняя женская одежда»[2].

[1] На поле оригинала автором замечено: «Западн. по Далю куртка, крутка, кофта, фуфайка». Ср.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. – М., 1865. – С. 688 и приб. 7, с. 2 (замеч. П. П. Микуцкого). – *Ред.*

[2] *Вельтман.* Словарь. – С. 18. – *Ред.*

Савваитов, заимствуя свое толкование у Снегирева, приводит греч. καβάδιον и объясняет, что это «царская одежда вроде святительского саккоса, с нарамниками или бармами на раменах, с дорогами по распашке и подолу»[1], указывая при этом, по Снегиреву же, на изображение в этой одежде (кабате) царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильичны в молении пред Крестом Господним[2]. Надо заметить, что такое толкование не соответствует действительности, т. к. царь и царица изображены не в кабатах, а в царских *платнах,* т. е. в древнем царском наряде, среди которого никакого кабата или кобата не существовало.

Настоящий кабат, как описывают его Кроильные современные книги, был, называя его общим именем, кафтан, по размерам сходный с кафтаном *ездовым*. В описях платья кабаты описаны в числе ездовых кафтанов (№ 130, 150 г.)[3]. Кабат, как и этот кафтан, был короче длиннополых одежд вершка на четыре[4].

Такая же была у него длина рукавов с тою разницею, что в запястье у них была та же обычная ширина, что и в корени, – 7 верш.

Кабат шился также на подкладке и с подпушкою, на хлопчатой бумаге, с ожерельем, о котором в одном месте упомянуто, что оно было из серебряного участка снятого, отнятого от государева ж ездового бархатного кафтана.

Ширина в подоле была больше, чем у ездового кафтана, 3 арш. 11 верш. вместо 3 арш. 8 или 7 верш.

Главное отличие кабата от ездового кафтана заключалось в нашивке, которая была *короткая,* в то время как у других одежд она всегда ставилась длинная, и при этом она состояла

[1] См.: *Савваитов*. Изд. 1. – С. 179. – *Ред.*

[2] Древности Российского государства. IV. – М., 1851.

[3] Т. е. 1641–1642 гг. На поле оригинала автор указывает Древности Российского государства. Отд. III. – М., 1853. – С. 42. Ср.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 1. – М., 1884. – С. 74. – № 141. – *Ред.*

[4] На поле оригинала автором отмечено: «См. Радзив. Летоп.». Ср. изд. Императорского общества любителей древней письменности. CXVIII, Радзивил. или Кенигсбергская летопись (П, 1902, ст. акад. Н. П. Кондакова, с. 121–122, где описан особого рода кафтан княжеского воеводы, изображ. на л. 234–235). – *Ред.*

из множества пуговиц, например 33 гнезда или в другом случае 47 *гнезд,* что указывает на беспрерывную нашивку во все полы.

Нашивка упоминается с кистьми и завязками.

Кабат кроился из шелковых тканей атласа, объяри и по надобности полагался на собольем или на лисьем меху.

В записях о царских выходах кабат не упоминается. Это показывает, что он принадлежал только к *комнатному* платью, которое не подавалось для выхода, а потому и не записывалось, оставаясь всегда только с именем *комнатного.*

Чуга, платье ездовое и воинское, по своим размерам отчасти сходствовало с ездовым кафтаном. Она имела ту же почти длину 1 арш. 12 верш. и различалась от кафтана рукавами, которые длиною были в 8 $^{1}/_{2}$ верш. и шириною в локте 5-6 верш., между тем как у кафтана рукава были длиною в 1 арш. 2 или 3 верш., иногда 6 верш., а шириною в запястье обычных 3 верш.

Ширина подола бывала и в 3 $^{1}/_{2}$ арш. и в 4 арш. с лишком. По сторонам подола были *прорехи.*

Ожерелье узкое в 2 верш., при нем два репья золотых. Была подкладка тафта и подпушка атлас. Убор состоял из нашивки долгой с пуговицами и петлями на груди числом 18 и на прорехах по одной, всего 20. Число пуговиц бывало различно – 8, 10, 12, 14, 18, 22, 24, 26.

Нередко употреблялись *пуговицы – кляпыши.*

Кроме нашивки с пуговицами плечи бывали украшены четырьмя *аламами*[1], круглыми бляхами или запанами, кото-

[1] Что аламами назывались круглые бляхи – запаны, это подтверждается следующими записями: «172 (1664) г. на пушкарей сделано одиннадцать кафтанов красных, аламы жестяные, писаны в клеймах пушки, нашивки мишурные серебряные. В том же году генваря 27 выдано на обшивку на круги железные, что деланы на пушкарей, 4 арш. бархату красного» (№ 1066).

Вельтман [Словарь, с. 1] объяснял это слово, известное и в духовных грамотах XIV столетия, что оно означало «накладной воротник или ожерелье пристяжное».

[На поле оригинала, хотя и в другом месте, автором добавлено: «Еще Доп. А. И. VII, 46 жемчугу на 658 руб.». См.: Дополнения к Актам Историческим. Т. VII. – СПб, 1859. – С. 46–47 (Докладная выписка 12 февраля1676 г.), где об аламах говорится следующее: «...да ферезею бархатную золотную на соболях с аламы низаными жемчюгом; взято... жемчюгу... Всего ценою на 658 рублев на 28 алтын на 2 денги... четыре алама низаны по таусинному шелку, по бели, с канителью... те аламы нашиты на ферезею». – *Ред.*]

рые размещались по одному на груди, назади и на плечах (Выходы. – С. 606). Эта нашивка называлась *круглою.*

В Выходных книгах совсем нет слова *аламы.* Там оно заменяется словами *круги, плащи*[1]. Но в Кроильных книгах оно употребляется нередко (№ 1160).

Чуга бывала и без ожерелья, когда ожерелье находилось у зипуна. Неотменно она подпоясывалась или поясом «тесьма серебряна» с пряжкою и крюком на концах, или кушаком, что бывало чаще. При поясе и кушаке неотменно находился нож булатный в ножнах с поцепкою (Выходы. – С. 290 без ножа).

Через плечо надевалась *перевязь* или *окладень-цепь* с *фляжкою,* называемою иногда *амагильею*[2] золотою, в которой находились *часы* (Выходы. – С. 286, 534, 536, 560)[3].

Перевязь надевалась и без фляжки (Выходы. – С. 293).

Перевязь золотая кольчатая с подписью титула царя Михаила Федоровича доныне хранится в Оружейной палате[4].

Чуга кружево и орлы и *круги* и на рукавах чепи [низаны] жемчугом (Выходы. – С. 608).

К этому отделу военного платья принадлежали также *налатник* и *подлатник.*

---

[1] В оригинале, хотя и в другом месте, автором замечено: «Вых. 606. Образцы. На чуге на грудях и назади и на плечах нашиты 4 *круги* по них низаны орлы жемчугом мелким да в кругу ж в орлах по изумруду. На ферезях круги 287 [?], 286 и др. *плащи.* Нашивка 295. *Круглая* 287, *Долгая* круглы запоны 295». – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором добавлено: «Опись амагили см. у меня в алфавите старом», т. е. в алфавитном перечне одежд, где написано: «№ 130. 150 года Амагиль золота по ней травы золоты чеканные с разными финифты. На верху на кровле два яхонта червчаты высподи на кровле ж алмаз четвероуголен; да в исподи на амагили ж два изумруда все в гнездах золотых под амагилью львова голова, а позади амагили по золоту навожены травы чернью; весом амагиль и с каменьем 76 золотников». В «Описании» Викторова А. Е., с. 196, об амагили только упомянуто, у Савваитова же во 2-м изд., с. 5, даются лишь краткие сведения, притом по другим источникам, ср. также 1-е изд, с. 298. – *Ред.*

[3] На поле оригинала автором добавлено: «560. Натруска названа так фляжка». – *Ред.*

[4] *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. – С. 48. [Ср.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 1. – М., 1884. – С. 65–66. – № 120. – *Ред.*]. – Выходы. – С. 287, 288 чепь, 290.

Налатник – короткий кафтан вроде зипуна, с очень короткими рукавами в 6 верш. и широкими в 7 верш. У царя Михаила «один по белой тафте шитый серебром с золотными травами; другой – по атласу по червчатому шит золотом волоченым и пряденым; подпушка атлас желт, подкладка тафта лазорева» (№ 128); «третий – бархат червчат, кружево плетеное золото с серебром, нашивка и кисти золото пряденое, пуговицы низаны жемчугом, подпушка камка желта, подкладка дороги лазоревы» (№ 128). Таким образом, его убор бывал обычный с другими подобными одеждами.

Подлатник описан кратко: – «атлас червчат, подпушка камка желта, подкладка дороги ценинные» (№ 128).

В Оружейной палате доселе сохраняются латы царя Михаила Федоровича, называемые *зерцалы*, 1616 г.[1]

Платно, о котором в одном месте сказано «переделано платно, а *опошень* тож» (№ 1163). Оно и описывалось в ряду опошней[2].

Это дает повод заключить, что платно по покрою было сходно с опашнем, как показывают и размеры его длины и ширины. Его длина равнялась обычной длине всех других длиннополых одежд.

Длина рукавов немного уступала опашню; ширина в запястье, как и у опошня, была в 3 верш. Ширина подола 3 арш. 3 верш.

Оно полагалось на подкладке тафтяной с подпушкою; ожерелье, как у опашня, бывало фараузное и атласное, а когда одежда полагалась на меху, то ожерелье бывало бобровое.

Украшалось жемчужным кружевом, при котором ставилось 11 пуговиц.

О нашивке нет помину.

---

[1] См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. – М., 1884. – С. 95–97. – № 4570. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором замечено: «Платно [В.] 74, 157, 156. Праздничная одежда». На соответствующих страницах «Выходов» описывается платно, надевавшееся государями в Светлое Христово Воскресение. – *Ред.*

От опошня отличалось отсутствием нашивки. Однако она упоминается и с завязками[1].

Платно, изготовляемое к царскому большому наряду, в отличие от обыкновенного называлось *царским*[2]. Оно шилось из самых дорогих золотных тканей – олтабаса, аксамита и т. п. на подкладке тафтяной с подпушкою из атласного фарауза.

Украшалось, как и обыкновенное, кружевом с 11 или 12 пуговицами, в более богатом и ценном виде из жемчуга и дорогих каменьев.

Длина была такая же, как у обыкновенного, но важное различие было в длине и ширине рукавов, которые кроились в 10 и 11 верш. длины и в 6, 7, и 8 верш. ширины *облохти,* т. е. в локтях.

Ширина подола была также значительно полнее, около 4 арш. более и менее вершками.

Меховое царское платно обыкновенно полагалось на горностайном меху.

В порядке ношения древних одежд царское платно заменяло опашень, как опашень оно и надевалось на становой кафтан, который в большом наряде получал также наименование *царского, царский становой кафтан.*

По размерам он отличался от обыкновенного станового кафтана главным образом шириною подола в 4 арш. 12 верш., что для средней одежды было очень значительно.

11 пуговиц без нашивки (?).

Ожерелья не было, потому что была диадема.

---

[1] См.: Выходы. – С. 156 и 157, где, впрочем, завязок не упоминается. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором добавлено: «В Нюренбергской хронике с. XLVII изображен царь Соломон в таком платне с широкими рукавами со скипетром и державою в венце. У платна по подолу кружево. Ожерелье широкое, но не круглое, не диадема, а воротник с разрезом от горла [.] CXLV – Юстиниан такое же с пуговицами до подолу на $^1/_4$ расстоящими друг от друга. Есть кружево. CLI – тоже. CLXVIII – Карл Великий. Походит на кабат это платно. Сходно изображение с нашими». На листе CLI изображен император Ираклий, см. экземпляры Хроники, принадлежащие Московским Публичному и Румянцевскому музеям (Латинск. изд. и нем. пер. 1493 г.). – *Ред.*

Царское платно, по-видимому, имело значение царской порфиры, как это можно заключить из того обстоятельства, что при царском венчании царя Федора Алексеевича, когда государь взошел на свое государево уготованное место, на рундук – помост, поставленный посреди собора, тогда патриарх Иоаким подал ему, государю, его государево новое *царское платно,* бархат двоеморх по рудожелтой земле по травам низано жемчугом в одно зерно (Выходы. – С. 622, ср. со с. 131).

Сколько известно, это царское платно стало именоваться порфирою с царствования царя Федора Алексеевича, с 1678 г.[1]

Согласно такому значению царского платна, им покрывали в гробу самое тело покойного государя, как было при погребении царей Михаила и Алексея[2].

На платно уже полагали обычный гробовой покров из богатой золотной ткани. На гробовую кровлю также полагался подобный же покров. После похорон эти покровы были отданы в Архангельский собор в вечный помин по государю.

Царское платно и царский становой кафтан принадлежали к царскому наряду в собственном смысле и поэтому получали значение, как бы равное регалиям.

Этот царский наряд хранился с большим бережением на Казенном дворе в отделении так называемой Большой Казны, именем которой он и прозывался *нарядом Большой Казны.*

Как известно, был особый, очень важный Приказ Большой Казны, заведовавший всеми денежными доходами государства (впоследствии Камер-коллегия). Но на Казенном дворе этим именем обозначалось только хранилище царского *большого* наряда, вся совокупность предметов царского венчания.

В числе этих предметов первое место занимал «1) Золотой Крест – Животворящее Древо, и другой, а в нем Животворящее Древо.

[1] Дворцовые разряды. Т. IV. – С. 28.

[2] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 33; Выходы. – С. 617.

При нем цепь золотая – весу и с цепью 2 ф. 17 золотн.

Потом 2) Шапка Мономахова и другие ей подобные царские венцы-шапки, а также и особо венец-коруна или собственно корона не шапочной формы[1].

3) Диадима – широкое круглое оплечье, ожерелье.

4) Скипетр.

5) Яблоко золотое с крестом, т. е. держава.

6) Окладень, так названная цепь или перевязь с орлом, надеваемая на рамена.

7) Жезл.

8) Платно царское.

9) Кафтан становой царский.

10) Царское *место* – трон, род кресла».

Кроме упомянутых предметов царской одежды большой наряд составляли также *тафья, колпак,* чеботы, *посох,* что поднесен государю (Михаилу Федоровичу) в начале царства его в 1613 г. на Костроме.

Сохранялась в числе большого наряда в Большой Казне *калита* старинная великого князя Данила, «сафьян червлен, по ней шито серебром волоченым птицы и звери, на закрышке личинка золотая, на личинке в кругах по человеку на конях...»[2].

Быть может, эта калита сохранялась в Большой Казне с тем общенародным повернем, что старые основные кошели предков плодят, накопляют деньги и в обиходе потомков.

К большому наряду принадлежали и некоторые предметы, какие употреблялись по случаю приема послов, как-то: *стоян* или стоянец, на чем ставилась яблоко-держава; столкамень яшма обделан в дереве, обложен серебром; *ковши* золотые для угощения послов; судки столовые солонка, перечница, уксусница; 4 топора, что бывают у рынд при послах; 4 цепи золотые, что бывают на рындах[3].

---

[1] На поле оригинала автором замечено: «вес всех». – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 33.

[3] К этому месту в оригинале вложен листок со следующим текстом:

«7152 года генваря в 27 день из большие казны в Грановитую *восмь ковшей золотых* с каменьем и с жемчюги да три серебряных золочены с каменьи ж взял Федор Малово и те ковши снесены в казну.

Вместе с тем здесь же хранилось и *платье рындово.*

В первый же год (1613) царствования Михаила Федоровича понадобилось для *посольского дела* одеть рындов в подобающее по прежним образцам платье. В августе этого года для этой цели были покупаны в городских рядах различные предметы этого наряда. Шапки песцовые белые, камка белая на кафтаны, серебро волоченое на нашивки к кафтанам и на завязки и кисти к завязкам к ферезям[1], белая мешина на сапоги, горностайная опушка на терлики, кошачьи исподы под песцовые шапки, 4 меха заячьи под кафтаны, камка белая немецкая на терлики, шелк белый на завязки к рындиным ферезям.

Все это покупалось по мере надобности в городских рядах по той причине, что в Государевой Казне еще не было никаких своих запасов.

В конце октября того года платье было готово: «4 терлика и четверы ферези. Терлики сделаны из белой камки, положены на заячьи черева, пушены горностаями, нашивки с кистми серебро пряденое с белым шелком, ценою каждый по 7 руб. 25 алт. 1 $^{1}/_{2}$ ден., причем опушка или пух названы *бармою,* в *барме* горностаи 1 руб. 5 алт. [полпяты ден.]; под бармою крашенина 5 ден.»[2].

Ферези сшиты также из белой камки, «в опушке и в полах горностаи, в рукавах и в заду черева бельи, в завязках шелк бел с серебром, в кистях серебро пряденое».

Того ж дни в Грановитую ж из Большие Казны *судки золотые* с каменьем взял путной ключник Федор Якимов, судки золотые взял и руку приложил, и те судки снесены в казну.

Того ж дни взято ко Государю Государевой Большой Казны *колпак* взял стряпчей Кирило Хлопов да *тафья* низаная вынята в запас, принял *колпак* стряпчей Иван Михайлович Аничков, и генваря в 30-й день колпак в казну снесен.

Того же дни ко Государю взято *посох* чеканной да *жезл* взял стряпчей Кирило Хлопов, принял боярин Борис Иванович Морозов, осматривал подъячей Давыд Дерябин, и генваря в 30 день посох и жезл в казну снесен (785)». – *Ред.*

[1] В IX т. Русской Исторической библиотеки (СПб, 1884. – С. 11) читаем следующее: «Куплено рындам на кафтаны на нашивки и к ферезем к завязкам на кисти». – *Ред.*

[2] Русская Историческая библиотека. Т. IX. – СПб, 1884. – С. 11, 12, 13, 180 [цена четвертого терлика, впрочем, – 7 руб. 25 алт. полпяты денег, и крашенины у него не указано. – *Ред.*].

Цена ферезям была разная: 17, 18, 22, 23 руб. с алтынами[1].

В 1640 г. в Казне хранилось «*платья рындова:* четыре *шубы* горностайные под камкою под белою, опушены горностаями ж; шубы по 8 завязок с кистьми серебро с белым шелком. Четыре *терлика* камчаты белые, камка индейская, местами полиняла и от поту пожелтела; исподы черева песцовы белые; опушка кругом и ожерелья горностайные, на терлике по 5 гнезд нашивки с кистьми серебро с белым шелком. Четыре *кушака* кизылбашских, полосы золоты с шелки разных цветов. Четыре *шапки* рысьих. Четыре *шапки* песцовых белых. Десятеры *сапоги* сафьянные белые» (№ 678).

Была еще одежда, которая в XVII столетии в царском быту уже не употреблялась, но в XVI столетии ее носил царь Иван Васильевич Грозный и со своими детьми царевичами Иваном и Федором. Это был *терлик,* по имени восточного происхождения, где он обозначал халат, верхнюю одежду, а у персов – одежду с короткими рукавами и спереди открытую, как толкует Савваитов[2]. Но, по записям XVII столетия, наш терлик кроился иначе. Он упоминается в 1486 г. и существовал, несомненно, с более древнего времени, быть может, еще от древней Персии вместе с сарафаном и шароварами. В конце XVI столетия описи промолвили имя *русский* терлик[3].

В наших записях по размерам кройки это была одежда, равнявшаяся по длине с ездовым кафтаном и чугою, в 1 арш. 12 верш. Рукава тоже были длинные в 1 арш. 4 верш. и в запястье имели ширины невступно 3 верш., в корени – 6 $^{1}/_{2}$, в локтях – 5 верш. Подол был в 4 арш. (1678 г. № 1188).

Терлик ставился также на собольем или лисьем меху с меховым же ожерельем шириною около 3 верш. Убор, наряд его состоял из нашивки с кистями и ворворками и пуговицами, в которой находилось 16 гнезд на вороту на груди, по 4 гнезда на мышках [следовательно, были проймы], по 3 гнезда на про-

[1] Там же. – С. 181.

[2] См. изд. 1. – С. 284; изд. 2. – С. 146. – *Ред.*

[3] На поле оригинала автором замечено: «Был русский у Годун.», см. ниже, с. 1043. – *Ред.*

рехах (1643. № 792)[1]. Число таких гнезд нашивки бывало различно – больше или меньше здесь указанного.

В XVI столетии, как упомянуто, терлик употреблялся и в царском обиходе, а также и в наряде служащих лиц, особенно во время приемов послов и других знатных лиц. В 1514 г. на приеме первого турецкого посла перед приемной палатою стояли княжата и дети боярские в терликах в сажоных, а иные в кожусах и в шубах, в палате бояре в сажоных шубах[2].

В XVII столетии эта одежда получила только служебное дворцовое значение.

В свадебных обрядах в терликах золотных на соболях и в шапках черных лисьих шествовали перед невестою свечники, коровайники и фонарники – люди стольничьего чина, как было на свадьбе царя Михаила Федоровича в 1626 г.

В 1648 г. на свадьбе царя Алексея Михайловича таких свечников, фонарников и каравайников, несших свечи и каравай, было 16 чел., а на них были «терлики золотные на соболях и шапки черные лисьи горлатные да кушаки подпоясаны золотными, а даны им те терлики с Казенного двора, а шапки и кушаки были свои; а ходили они в терликах и в шапках, подпоясаны кушаками по три дни, и за столы сажалися в терликах»[3].

В терлики одевались и рынды, чтобы стоять по сторонам у трона с топорами. В 1635 г. было сшито рындам четыре терлика из белой индейской камки на песцовом меху с горностаевою опушкою и с обычною нашивкою. См. большой наряд (выше, с. 1003).

В летнее время рындовы терлики шились атласные на киндячной подкладке, но с опушкою все-таки из собольего меха.

---

[1] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 24. Еще 2.

[2] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Изд. 5. Т. VII. – С. 38 и прим. 106.

[3] Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Т. XIII. – С. 152 и 190. [На поле оригинала, хотя в другом месте, автор отмечает также: «Свадьба Алекс. Мих. у Савваитова». См. во 2 изд. сочинения Савваитова, с. 146, где сведения заимствованы из «Сказаний русского народа» Сахарова. Т. II. Кн. VI. – СПб, 1849. – С. 87. – *Ред.*]

Когда в зимнее время государь выезжал в санях, то *возница* (кучер) и *ухабничие* (стоявшие на ухабе) одевались также в терлики, как бы своего рода мундиры. В этих чинах бывали стольники знатных родов, например князья Сицкий, Волконский, Шереметевы (стольники Василий Борисович, Борис Петрович).

Затем при почетных встречах знатнейших лиц в терлики наряжались дворяне-жильцы и устраивались, ставились порядком на Красном крыльце. В 1658 г. при встрече грузинского царя Теймураза Давыдовича: на Красном крыльце от сеней Грановитой палаты стояли жильцы в терликах с протазанами и с алебардами 62 чел., и в том числе 12 чел. в бархатных червчатых терликах и в объяринных по 10 чел. в желтых, алых, зеленых, лазоревых, червчатых[1].

В терликах жильцы сидели и за царским столом.

То же повторялось при приеме в 1660 г. грузинского царевича Николая, в 1664 г. – английского посла Чарлуса Говорта.

В 1680 г. во время обычного Троицкого похода при необычной торжественности в терлики был наряжен конюшенный чин, следовавший около государя в 6 рядов с протазанами, алебардами и обухами (род топоров). Другая половина этого чина шла в атласных *приволоках* тоже в 6 рядов с протазанами и алебардами[2].

Кажется, в последний раз эти терлики были употреблены в 1692 г. марта 17 при приеме персидского посла, когда тоже 60 чел. жильцов стояли в Грановитых сенях и на Красном крыльце с золочеными протазанами в терликах[3].

Названия одежды *охобень* мы не встречаем в царском обиходе ни в XVI, ни в XVII столетиях.

В первой половине XVII столетия охобень кроился для женской одежды; в 1627 г. он был скроен для великой ино-

[1] Дворцовые разряды. Т. III. – С. 499.

[2] Дворцовые разряды. Т. IV. – С. 181. [Сведения о 1680 г., заимствованные из Разрядов, помещены автором на поле оригинала. – *Ред.*]

[3] На поле оригинала автором отмечено: «Р. И. Б. IX, 217. терлики 1614 г.» – *Ред.*

ки Марфы Ивановны, а в 1630 г. – для малолетной царевны Ирины Михайловны. Великой старице был готовлен *охабенек* еще в 1614 г.[1] в марте, а в октябре того года она послала в Литву пленному бывшему своему супругу Филарету Никитичу *охобенек* да шубу. Таким образом, охобень существовал только в боярском обиходе, как это особенно видно в случаях приема послов, когда бояре и другие чины бывали очень часто в охобнях (Дворцовые разряды), как бы в официальном платье вроде мундиров.

Мы упомянули выше (с. 989) при описании опашня, что охобень по покрою был, вероятно, тот же опашень только без подкладки (?), т. к. нередко чины являлись в одно время одни в охобнях, другие в однорядках.

По порядку первый головной убор составляла *тафья* – круглая шапочка, плотно покрывавшая голову по маковице или по темени, род скуфьи – убор весьма древний. В тафейке ходил и Александр Македонский, как он изображался на монетах. Но наша тафья, по всему вероятию, зашла к нам от татар, хотя поселилась только в верхнем передовом знатном и богатом сословии, главное, по тому обстоятельству, что это сословие у татар же взяло обычай стричь свои волосы, как говорит Флетчер[2], плотно, до самой кожи, а знатные бояре, говорит Олеарий[3], брили головы и считали это украшением. Голая голова, конечно, требовала необходимого покрытия, каким и явилась *тафья,* по-татарски – *такая.*

В домашнем обиходе носили тафью без особых украшений, но на выходах, красуясь перед людьми, ее богато убирали золотным шитьем, унизывали крупным жемчугом и дорогими каменьями, как это видно, например, на тафье думного дьяка Власьева[4] и особенно в описях.

В царском обиходе в XVII столетии тафью носил только царь Михаил Федорович, и то только до 1637 г. У него было

[1] Русская Историческая библиотека Т. IX. – СПб, 1884. – С. 84.

[2] См.: О государстве Русском. Сочинение Флетчера. – СПб, 1905. – С. 125. – *Ред.*

[3] См.: перев. А. М. Ловягина, изд. А. С. Суворина. – СПб, 1906. – С. 173. – *Ред.*

[4] См.: Древнее Российское государство. Отд. IV. – С. 47 и рис. № 11. – *Ред.*

четыре тафьи 1, 2, 3, 4 наряда, среди которых именем *большой* значилась, вероятно, первая тафья.

У царя Алексея Михайловича, как и у царя Федора Алексеевича, в их выходах мы ее не находим, следовательно, они не носили ее, и если она сохранялась в их Казнах, как это видно из описей, то, по-видимому, сохранялась как отцовское наследство или же сшивалась для каких-либо случайных целей домашней потребности.

В 1634 г. [20 ноября] младенцу – двухмесячной царевне Софье Михайловне – была сшита тафья из червчатого бархата, конечно, для целей охранения здоровья дитяти. Для таких целей сшивались тафьи и для возрастных государей. У царя Федора Алексеевича упоминаются две тафьи – бархат черн и сафьян черн – изготовленные, по всему вероятию, для охраны в надобных случаях его слабого здоровья.

Тафья в наряде очень господствовала в XVI столетии, когда любил носить ее и царь Иван Васильевич Грозный и когда дело дошло до того, что в тафьях стали входить и в церковь и стояли на богослужении, что строго было воспрещено правилами Стоглавого Собора[1].

Шапка – в собственном значении этого названия – состояла из круглой, иногда несколько конусообразной тульи длиною около 7 верш. и мехового окола, занимавшего в той же длине 2 верш. более или менее, вообще третью долю, так что на самую тулью оставалось вершков 5 или 6, почему и вершина тульи иногда упадала, заламывалась.

Такие шапки мы видим на изображении болгарина в Менологии X в. и на изображении семейства нашего князя Святослава в Сборнике его имени 1073 г. В такой же шапке изображен в стенописи Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде князь Ярослав Владимирович, строитель храма в XII ст.[2]

[1] См.: Стоглав. – Казань, 1862. – С. 65 и 159–160. – *Ред.*

[2] См.: Menologium graecorum jussu Basilii Imperatoris Graece olim editum ... nunc primum graece, et latine prodit, studio et opera ... Albani... – Pars II, Urbini. 1727. – С. 132, под 22 января. Ср. также исследование акад. Н. П. Кондакова «Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.». – СПб, 1906. – С. 39–43. – *Ред.*

Эта шапка вообще является типическим наголовьем при изображении князей, бояр и общего народа во все последующие века до полного упразднения старого русского костюма. По местам, например у донских козаков, она в старинном виде сохраняется и доселе. По этому типу сооружена и золотая Шапка Мономахова, как и другие собственно царские шапки металлического устройства.

Впоследствии именем шапки стали обозначать многие разновидности такого головного покрова, даже и такие, которые уже совсем не походили на шапку, например каптур, треух, клобук и т. п.

Можно полагать, что именем шапки главным образом обозначалось наголовье с меховым околом или меховою опушкою.

Поэтому и так называемые горлатные лисьи высокие шапки, состоявшие из одной цельной меховой тульи цилиндрической столбунцовой формы, получили тоже имя шапки в качестве сплошного широкого мехового окола, у которого плоская тулья скрылась в вершине этого столбунца.

Круглая тулья обычной шапки устраивалась также и столбуном цилиндром такой же обычной вышины с обычным меховым околом, как это видим на шапке Потемкина[1].

В XVII столетии государева шапка описана таким образом: «Скроена государю (царю Алексею Михайловичу [22 декабря] 1648 г.) шапка – сукно серогорячий цвет в длину (в верх) 7 верш. без чети, в ширину о петлях 6 $^{1}/_{2}$ верш. Окол соболий, испод пупки собольи. На передней *прорехе* запона золота в ней 30 алмазцов; на задней прорехе запона золота невелика, в ней камень яхонтик червчат в гнезде, около его 4 жемчужины. На передней прорехе на запоне пришито *перо* золото[2] с финифты, у него в привесках каменья яхонтики

[1] Ср. выше, с. 986, прим. 1. В собрании автора, поступившем в Исторический музей, есть еще фотографический снимок с портрета Потемкина, гравированного Блотелингом (по ориг. Кнеллера); этот портрет погрудный, и пояса на нем не изображено. Ср.: *Ровинский Д. А.* Материалы для русской иконографии. Вып. V. – СПб, 1886. – № 187. – *Ред.*

[2] На поле оригинала автором добавлено: «1662 г. августа [6] шапка бархат рудожелт *с лазоревым* пером [В.] 382». – *Ред.*

да опалы невелики. А петли жемчужные сняты и нашиты с его же государевы старые шапки. Жемчугу в петлях щетом около запон 236 зерен» (№ 1163). *Прорехою* назывался раздел окола в передней, а иногда, как здесь, и в задней части шапки. *Петлями,* по-видимому, обозначалось украшение вокруг тульи в виде веревочек или снурков из жемчуга, особенно возле разделов окола (?).

В феврале [13] 1647 г. скроена государю «горлатная шапка из двух лисиц, цена одной – 50 руб., другой – 30 руб. В вышину шапка 7 верш., в ширину тож, *мысок* вершок с четью» (№ 1163). Здесь видим, какой цены бывали эти горлатные шапки – 80 руб. одна шапка.

В Казне царя Михаила Федоровича в 1630 г. хранилась шапка горлатная со *шлыком*[1].

Колпак состоял из атласной бархатной или другой шелковой или золотной – немного островерхой тульи, у которой вместо мехового окола, как у шапки, были *полки,* т. е. поля, не распростертые, как у шляпы, но загнутые, отвороченые к верху и потому представлявшие в своем роде тот же окол. Они в этом виде и назывались *отворотами.*

Спереди эти полки были разделены *прорехою,* над которою вверху помещалась дорогая запона из жемчуга с каменьями.

Прореха бывала и с задней стороны, но передняя особенно отличалась тем, что разрезанные полки здесь выдвигались островатыми лопостями – более широкими, чем их остальная часть.

Сравнительно с шапками колпак в царском быту употреблялся довольно редко, по преимуществу на выходах в праздничные торжественные дни, на Рождество Христово, в Крещенье, в день Новолетия, в празднование св. Петру и св. Алексею митрополитам, в свадебный день и при объявлении народу царевича.

Богатый *большой* колпак входил в состав *большого наряда* и потому хранился в Большой Казне на Казенном дворе.

[1] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 190.

В Выходных записях находим, что подавалась *шапка горлатная с колпаком*. Трудно объяснить, был ли этот колпак только принадлежностью шапки как составная ее часть, или и здесь подразумевается отдельный головной убор, называемый колпаком?

В Казне царя Михаила Федоровича в 1630 г.[1] хранились три колпака: «колпак, на нем, на прорехах, по запоне золотой: одна запона сенчата с финифты; в ней изумруд велик четвероуголен, гранен, в гнезде, да четыре яхонты червчаты в гнездах. В другой запоне в гнездах два алмазца, да два изумрудца, да два яхонтика червчаты, да гнездо алмазное порожжо. Круг запон низаны деревья жемчугом большим. Наверху деревья, над прорехи изумруд четвероуголен да яхонт лазорев, в гнездах в золотых. Подкладка атлас золотной по лазоревой земле; тулея атлас червчат... Колпак, на нем на прорехах по две петли, низаны жемчугом большим; подкладка атлас золотной, рыбчат; тулея атлас червчат»[2].

Шляпу надевал в 1677 г. июня 23 царь Федор Алексеевич, да и то на случай дождя во время поездки из с. Пахрина

---

[1] На поле оригинала автором добавлены сведения и за более раннее время: «у Годунова Сав. 19, у Грозного», «1503 г. 1523 г. С. Г. Гр. 339. Врем. VII, 27».

См. Собр. госуд. грам... Ч. I. – М., 1813. – С. 339: «Колпак полки сожаны жемчюгом, да три у него пуговици яхонты жемчюги и непришиты» (Духовн. грам. княгини Иулианы, супруги князя Василия Борисовича Волоцкого ок. 1503 г.); там же. – С. 418: «да колпак» (Духовная грамота князя Феодора Борисовича Волоцкого... ок. 1523 г.).

Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – М., 1850. – С. 27: «Из становых нарядов [царя Иоанна Грозного]. 12-го наряду. Колпак с червчатым атласом, петли и вывод низан жемчугом с лалики, на нем тридцать два лалика, на прорехе пять пугвиц жемчужных, да три пуговки золоты, а у них по два жемчуга... 19-го наряду. Колпак с червчатою камкою с круглою запоною; и запона помечена в нетях: а сказали положено на Государев науруз, а колпак есть».

Савваитов, изд. 1. – С. 19: «Колпак [Годунова 1589 г.] саженой; на нем 8 запон; в запонах каменье изумруды и яхонты и алмазы; у 5-ти запон по жемчугу по вислому да у 6-й запоны крыжик 3 зерна; да на прорехе 5 пугвиц яхонты лазоревы на спнех на золотых, на закрепках по зерну по бурминскому» (ср. изд. 2. – С. 45). – *Ред.*

[2] О колпаках добавлено, согласно ссылке автора: «Викт. 190», но третий колпак у Викторова не описан. – *Ред.*

на бумажную мельницу, а потом в Соловецкую пустыню под Москвою, что в Марчуках. Вместо объяринной ферезеи и богатой шапки он надел епанчу суконную да *шляпу* для того, что был дождь (В. 640).

Затем о шляпе в Выходных книгах вовсе не поминается.

Однако шляпы были носимы. В Казне царя Михаила Федоровича 1630 г. находим 4 шляпы, и в том числе одну очень богатую, описанную следующим образом: «Шляпа пуховая черна. На ней запона золота сенчата, с финифты; в запоне лал четвероуголен, да по сторонам 4 яхонты червчаты да 4 изумруда в гнездах. Да назади запона золота кругла с алмазы и с яхонты червчатыми. Круг шляпы в венце 16 плащей золоты сенчаты, четвероугольны с финифты, с яхонты червчатыми и с изумруды. Подкладка байберек черная»[1].

В 1628 г. июня 19 царь Михаил Федорович указал «аглинскому гостю Фабину Ульянову сделать в Аглинской земле две *шляпы* пуховые легкие, одну шляпу белу, другую черну, в вышину в полпята (4 $^{1}/_{2}$ верш.), в ширину в венце полпята ж вершка, *полки* (поля) в два вершка» (№ 969, 136 г.)[2].

Царская обувь. В числе обуви в царском обиходе вовсе не упоминается о сапогах. Цари носили только *чеботы* и *башмаки*[3]. Царь Михаил Федорович носил «чеботы сафьян желт, другие сафьян червчат, третьи сафьян лазорев»[4]. Низанные жемчугом чеботы подавались вместе с большим нарядом из Большой Казны, куда поступили в 1641 г. (В. 91).

Эти чеботы при царе Михаиле Федоровиче описаны следующим образом: «Чеботы низаны жемчюгом травы по бархату по червчатому, полуполные, на передах в гнездах по

---

[1] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 191.

[2] На поле оригинала автором добавлено: «у Годунова, Сав. 20». См. 1 изд. книги Савваитова, с. 20 (2 изд. – с. 177): «Шляпа Немецкая дымчата, подложена бархатом червчатым, нутрь тафтою; бручик бархат червчат; пряжка и наконешник и засов серебряны золочены». – *Ред.*

[3] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 654.

[4] В «Выходах» чеботы сафьян лазорев показаны лишь у царя Алексея Михайловича. См. с. 150, 166, 198. – *Ред.*

3 яхонты лазоревы, да по лалу, да по 5 изумрудов; подложены объярью червчатою; верхи оботканы золотом с шелком с лазоревым; скобы серебряны». Те же чеботы при царе Алексее Михайловиче были описаны несколько иначе: «Чеботы, что даваны к царским платнам, по червчатому бархату низаны жемчугом, меж жемчугу каменье в золотых гнездах (те же, какие выше обозначены) подкладка и подряд (поднаряд) атлас червчат; скобы серебряные»[1].

Чеботы князя Дмитрия Ивановича – внука Ивана Васильевича III, 1... года описаны так: «Чеботы тимовы по швом сажоны жемчугом гурмыским, и в носках и в каблуках сажены жемчугом гурмыским»[2].

Это был род сапогов с короткими голенищами, которые поэтому устраивались из бархата, в богатых случаях всегда украшенного золотным шитьем и жемчужным низаньем с каменьями, по рисункам, какие изготовлялись и сочинялись знаменщиками. В 1627 г. знаменщик Иван Некрасов суриком знаменил царицыны чеботы. Таким украшением отличались особенно *переда* и *задники* – каблуки, которые обвивались пряденым золотом. Упоминаются *прежники* (голенища). *Верхи* голенищ также обшивались золотом. На подошвы полагались полстяные (войлочные) *стельки* и *колотки* (?)[3].

Чеботы бывали в носках *прямые* и *кривые,* т. е. загнутые носками кверху. Обыкновенно они шились из сафьяна черного и цветного желтого, голубого, червчатого, белого, зеленого и по сафьяну расшивались золотными узорами и травами.

Поднаряд – внутренняя подшивка: у холодных – атласный, у теплых – бобровый.

---

[1] *Савваитов*. Изд. 2. – С. 165.

[На поле оригинала автором карандашом замечено: «Мих. Фед. Чеботы 1633–1649». Действительно, судя по «Выходам», чеботы упоминаются с 1633 г. (11 февраля – с. 9) по 1649 г. (31 генваря – с. 198)].

[2] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. – М., 1813. – № 147. [Духовная грамота князя Д. Ив.]. – С. 407. [Дата грамоты не указана, и, следовательно, год чеботов может быть определен лишь приблизительно, не позже 1509 г. – года смерти князя. – *Ред.*]

[3] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 655.

В повседневном ношении у чеботов скобы вместо серебряных ставились железные, даже и в царицыной обуви.

Для конной езды к чеботам прикреплялись остроги, острожки – шпоры, о которых упоминается в 1490 г., когда великий князь Иван III пожаловал цесарскому послу Юрью Делатору вместе с золотою цепью, с золотною атласною шубою на горностаях и *остроги* серебряны, золочены как бы в знак рыцарского достоинства, замечает Карамзин[1].

В 1630 г. в царской казне хранились «*острожки* серебряны золочены задвижные с пружинками. – Двои *острожки* серебряны прибойные, одни с чернью с гвоздками серебряными. – Двои *острожки* прибойные плащики серебряны золочены, столбцы и репьи железны опаиваны серебром золоченым» (№ 128)[2].

Самою употребительною обувью были *башмаки* – тоже сафьянные или хзовые, хозовые, кожа = хоз = коза, также бархатные, атласные и зарбафные, т. е. из золотной ткани. Уборка их частей была такая же, как и у чеботов, и так же, как чеботы, они бывали *прямые* и *кривые.* Сафьянные узорочно вышивались волоченым золотом и серебром, бархатные, кроме того, богато унизывались жемчугом с дорогими каменьями.

В Казне царя Михаила Федоровича 1630 г. находились «башмаки шиты золотом да серебром волоченым по сафьяну по червчатому[3] под(на)ряд объярь червчата; скобы серебряны. Башмаки хоз яринной цвет, шиты золотом волоченым, скобы серебряны. В них чулки камка Кизылбашская еринной цвет, подвязки камка еринной же цвет» (№ 128).

[1632 г. ноября 21] – «Башмаки сафьян желт, подряд бел пятки обшиты золотом» (Выходы. – С. 4).

---

[1] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Изд. 5. Т. VI. – С. 134 и прим. 348.

[2] 580. [См.: *Викторов А. Е.* Описание… – С. 192 (№ 580), где, впрочем, отмечены лишь первые острожки. – *Ред.]*

[3] На поле автором добавлено: «Вых. 178»; на указанной странице «Выходов» под 16 генваря 1648 г. описаны башмаки царя Алексея Михайловича: «шиты волоченым золотом и серебром по червчатому сафьяну». – *Ред.*

В 1633 г. марта 9 царь Михаил Федорович к причастью надевал «башмаки новые, сафьян червчет, подряд червчет, пятки обшиты серебром; чулки камка червчета травная на черевах на лисьих» (Выходы. – С. 11).

Сафьян употреблялся различных цветов: белый, червчатый, желтый, зеленый, лазоревый. Царь Михаил предпочитал червчатый цвет, а сын его царь Алексей Михайлович почти постоянно на выходах носил башмаки и чулки (ичетыги) «сафьян *желт*»[1].

При царском наряде надевал иногда ичетыги и башмаки «шиты золотом по атласу белому травы нашиты бархат червчат» (Выходы. – С. 274) с золотом (Выходы. – С. 268).

Царь Федор Алексеевич при царском большом наряде носил башмаки и чулки «зарбав золотной волнистой» (Выходы. – С. 634). Башмаки «низаны жемчугом по червчатому бархату с запаны, чулки золотные зарбав волнистой» (Выходы. – С. 633). На обыкновенных выходах носил башмаки сафьян зелен, чулки шелковые зеленые (Выходы. – С. 679). Башмаки сафьян желт, чулки шелковые алые (Выходы. – С. 681). В теплые башмаки поднаряд ставился бобровый.

В Кроильных записях упоминаются башмаки на *Азовское дело,* прямые, которые были скроены в 1642 г. [14 марта] царевичу Алексею Михайловичу вместе с двумя башмаками на *кривое дерево* (колодку) (№ 1160).

О *чулках* не один раз упомянуто выше. Чулки в собственном значении этого слова кроились из шелковых и даже золотных тканей, особенно из камки и атласа длиною в аршин. Такой длины чулки теплые на меху были скроены молодому царю Алексею Михайловичу в 1646 г. Следовательно, они обнимали ногу до колена (№ 1163).

Для теплых чулок употреблялся мех – пупки собольи, черева лисьи, песцовый, беличий; полутеплые, осенние, подкладывались тафтою стеганою на хлопчатой бумаге; холодные, летние, подкладывались одною тафтою.

[1] На поле, однако, автором добавлено: «Сафьян: Царь Михаил сафьян червчат и бел. Ц. Алексей желт и лазоревый[.] Федор – зеленый». – *Ред.*

Чулки *вязеные* или вязаные с названием *шелковые* упоминаются в 1646 г. в Казне царя Алексея Михайловича, который, быть может, получил их по наследству от родителя, но сам, по-видимому, их не носил.

У царицы Евдокии Лукьяновны в Казне было трое чулок *немецкое дело,* одни шелк лазорев с серебром, другие шелк ал и третьи шелк желт[1].

Царь Федор Алексеевич носил эти чулки разного цвета красные, зеленые, алые (Выходы. – С. 649, 654, 679, 681)[2].

Другого рода чулки были сафьянные и назывались *ичетыгами,* татарским словом, потому что и происходили из Крыма и прозывались иногда *Крымскими* или *Крымским делом.* На тафтяной подкладке они украшались по сафьяну золотным шитьем. Но обыкновенно эти ичетыги покрывались, оболакивались камкою, бархатом, атласом или другою шелковою тканью, что обозначалось словом *верхи,* т. е. покрышка оболочка наружная, почему они и описывались только по этим верхам, без упоминания о сафьяне: и четыги – атлас бел, ичетыги – бархат червчат и т. п. Подкладка была тафтяная.

Длинные чулки требовали *подвязок,* которые делались из тесьмы собственно для них изготовляемой волоченым золотом, серебром и шелком с пряжкою. В Казне царя Михаила Федоровича находим: «Подвязки земля шита в-вязь серебром, травы золотом волоченым, оковы серебряны золочены резаны с чернью... Пряжи и наконечники чеканные, запряжники середки канфарены (№ 128). Подвязки деланы в кружки золотом и серебром звездками с шелки с червчатым с лазоревым с таусинным, в каймах шелк зелен с золо-

[1] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 653. *Савваитов.* Изд. 1. – С. 118.

[2] В оригинале автором добавлено: «Савв. Описи 100 много», см.: *Савваитов.* Изд. 1. К С. 100, где чулки указываются «Жолтые. Соломянной цвет. Светлорудожолты. Алы. Брусничной цвет. Песочной цвет с золотыми травками. Серогорячей цвет. Червчаты. Осиновой цвет. Светлокрапивный цвет с золотыми травами». – *Ред.*

том. Пряжи и наконечники серебряны золочены чеканные, запряжники середки канфарены» (№ 129). Такое богатое устройство подвязок объясняется тем, что при ездовом коротком платье они были наруже видимы.

На выезде в 1653 г. царь Алексей Михайлович имел подвязки – тесьмы золото с серебром, пряжи и наконечники серебряны золочены с чернью гладкие (Выходы. – С. 285).

В другой раз, в 1664 г., он имел подвязки тесма ткана в кружки золото с серебром с шелки; пряжи и наконечники серебряны золочены (Выходы. – С. 411).

Домашние комнатные подвязки бывали тафтяные (Выходы. – С. 698) или хзовые кожаные.

Гардероб царя Михаила Федоровича в 1630 г., 1633 г. заключал в себе (№ 128)[1] выходного платья: платен 5, опашней 50, однорядок 36, шуб 50, кафтанов 31, зипунов 58, ферезей 31, кожух 1, сарафанец 1, нагрудник 1.

Ожерельев (к зипунам) 23, тафей 5, колпаков 3, шапок 18, посохов индейских 4, каповых 22, Троицких 6, Кирилловских 17, кленовых 2, стулов 2, подножий 11, ездового платья: ферезей 27, ормяков 3, кебеняков 6, епанчей 5, шляп 4, кафтанов 48, чуг 6, налатников 4, подлатников 3, рукавиц 32.

Чепей 10, тесем 7, кушаков 7, ножей 23, связок 2[2].

Все это числилось в Мастерской палате, собственно, в царской гардеробной, изготовлявшей все одежды и все к ним принадлежности.

Так называемый *большой* наряд хранился в кладовых Казенного двора. В 1642 г. там находилось платья: 8 платен, 4 кафтана, 3 испода горностайных из-под платен (№ 681).

Столько накопилось платья у царя Михаила в течение 20 лет его царствования – 58 зипунов, 58 ферезей, 79 каф-

[1] [*Викторов А. Е.* Описание… – С. 187 и след.]

[2] На поле оригинала автором замечено: «О штанах, башмаках нет чисел». – *Ред.*

танов, 50 опашней, 50 шуб. Царь Алексей в первое время немало пользовался одеждами отца, иное перешивал, иное прямо носил, что бывало впору, а затем, по-видимому, и сам наготовил нового платья столько же, если не больше.

Поношенное, *отставное* платье, как и всякие мелкие остатки, лоскутки и обрезки от его изготовления, очень заботливо сохранялось в царской казне.

В свое время все это накопленное продавалось по самой точной расценке призванными из Ветошного ряда торговыми людьми.

Сохраняются в Архиве Оружейной палаты описи подобного товара[1] за 1626–1652 гг.

Приводим подлинную запись по этому предмету: «Лета 7156 (1648) февраля в 27 день по государеву указу и по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова велено продать государево отставное платье: ферези и чуги, шапочные вершки, платья отставного спорки, подкладки, подножье и остатки, которые ни к какому делу не годятся, бархатные, атласные, камчатые, тафтяные, суконные и теплое (меховое) лоскутья [sic] – собольи, куньи, бельи, лапы и лбы и бобровые обочины и всякие мелкие обрезки; и царя Михаила Федоровича шапки, рукавки теплые бархатные и суконные, и понахидное платье опашни, зипуны, ферези, сарафанцы и с отставного платья нашивки и кружевы, завязки и остатки и всякая мелочь, и всякие ветчаные сукнишка, и чеботы и башмаки, ичетыги и покроми. А что кому продано и на ком за что по оценке и наддачею взято денег, и то писано в сих книгах порознь по статьям». Слово *наддача* обозначает аукцион, на котором покупателями являлись, однако, по преимуществу близкие люди государева двора и Дворцового ведомства. Чеботы и башмаки ценили торговцы Сапожного ряда. Продавались они в этот же ряд не по паре, а десятками пар.

Таким образом, в царском обиходе никакая, даже и негодная мелочь не пропадала даром.

[1] *Викторов А. Е.* Описание... 586/744, 588/801 [с. 202–203].

Так называемые Выходные книги описывают платье[1], главным образом праздничное, в котором государь по обычаю выходил из своих комнат на богомолье не только в соборы и монастыри, но и в свои дворцовые храмы, находившиеся *на Сенях* дворца. В упомянутых книгах совсем нет записей о том, какое подавалось платье государю *комнатное,* ежедневный обычный носильный или *ходильный* наряд. Книги, не описывая подробно, упоминают только, что ферези, зипун, шапка были *комнатные, из комнаты,* зипун *комнатный,* даже посох *комнатный* (В. 4), башмаки *комнатные* или вообще: на государе было платье *комнатное*[2]. По именам мы знаем, что в комнатах государь носил зипун и ферези, а также башмаки и шапку, само собою разумеется, не столь дорогие по выбору тканей и по убору, потому что в домашнем быту цари были очень бережливы и строго соблюдали в этом отношении известные наставления старого Домостроя.

Даже и в праздничные выходы цари одевались просто и, можно сказать, благочестиво, не прибегая ни к каким особым украшениям и изменениям в своей одежде с целью придать ей более щеголеватости. Покрой одежды неизменно оставался тот же, какой был унаследован от прародителей. Новые виды одежды, приходившие то от Запада, то от Востока, принимались только такие, которые вообще были сходны с господствующим покроем. Некоторое щегольство обнаруживалось только в одежде *ездовой,* когда государь выезжал за город и верхом на коне. Но здесь щегольство являлось с целью выразить перед всем народом высокое достоинство и честь царского сана так точно, как при приеме послов или царственных лиц и по случаю торжественных празднеств цари одевались

[1] На поле оригинала автором замечено: «Платье П. С. Зак. Указат. стр. 404.». См.: Полное собрание законов Российской Империи. Т. XLII. Ч. 2. Указатель алфавитный. – СПб, 1830. – С. 404, где перечисляются указы и пр., касающиеся платья, за вторую половину XVII в. – *Ред.*

[2] Но на поле оригинала автором отмечено: «Повсядневное опошень зуфь малинова, ферези атлас червчат на соболях, зипун тафта бела, обнизь с городы, шапка сукно скорлат червчат с пухом, посох каповой с костьми, подножье суконное [В.] 547. Марта 26. 1671 г.». – *Ред.*

в наряд Большой Казны, в большой наряд, называемый также собственно нарядом *царским*.

Щегольство в одежде заключалось не в изменении ее форм или покроя, как было на Западе; оно заключалось только в употреблении богатых и богатейших золотных тканей, да в золотом вышиваньи, в жемчужном низаньи, в дорогих камнях, украшавших различные части царского платья.

Но и такие богатые наряды надевались очень редко и вовсе не служили щегольством, а обнаруживали только заботу явиться пред лицом народа в подобающей обстановке царского сана, как в подобающей обстановке являлось и благолепие церковного архипастырского сана.

Обычное[1] выходное платье было шелковое – тафта, камка, атлас, отчасти для верхних одежд, и то по случаю холода или непогоди – суконное и зуфное (шерстяное, род камлота). В зимнее и осеннее или весеннее холодное время оно полагалось на меху беличьем, собольем, лисьем.

Видным украшением платья была *нашивка* – петлицы с пуговицами или завязками, которые бывали с кистями. Затем – кружево, располагавшееся по краям всей одежды на полах и по всему подолу. Это называлось нарядом или снарядом платья, его убором. Без этого убора одежда именовалась *чистою*.

В простом домашнем обиходе этот убор делался торочковой, т. е. вышитый шелками. В более щеголеватой одежде он являлся золотным, вышиваемым золотом и серебром с жемчужным низаньем.

В таком наряде государи выходили в средние праздники.

В большие празднования весь наряд блистал золотыми или серебряными тканями и золотым или жемчужным убором с дорогими каменьями, причем и кружево употреблялось серебряное с позолотою кованое.

Нашивка служила обозначением и украшением пуговиц, а вместе с тем составляла характерное отличие, особую черту русского костюма. Это были продолговатые – в 3 верш. длиною

[1] Перед этим словом в оригинале – «166», может быть, страница «Выходов». – *Ред.*

и в полвершка или в вершок – шириною тесьмы, нашиваемые у пуговиц на полах одежды по обеим сторонам, что и называлось *гнездом* нашивки. Такие тесьмы в простом наряде бывали торочковые, т. е. простроченные шелками, а в богатом наряде они делались из волоченого золота или из золотных тканей. Нашивка размещалась на груди до пояса. В иных одеждах она размещалась по всем полам до подола отдельными гнездами в известном расстоянии друг от друга. Само собою разумеется, что шитые или тканые шелковые и золотные тесьмы нашивок всегда украшались различными узорами в виде трав, цветков, розеток и т. п. Иные украшались[1] *узлами* (Выходы. – С. 286 341), т. е. особым сплетением золотного шнурка в виде связанного красиво узла без концов. Очень известны были в этом отношении *кафинские* узлы, вероятно, генуэзские или виницейские.

В XVII столетии цари особенно полюбили нашивки кизылбашские. При царе Михаиле Федоровиче завязались самые любезные сношения с Персиею.

Известно, что в то время в 1625 г. шах Аббас прислал царю в дар Святую Ризу Господню. Для Москвы это было великим событием и укрепило еще больше расположение к Персии, которое скоро отразилось и на торговых делах. На московском рынке появилось множество кизылбашских тканей и всякого другого кизылбашского товара, в том числе и разнообразные *нашивки,* которые во дворце так полюбились, что для их изделия были вызваны из Кизылбаш *нашивочного* дела мастера Мамадалей Анатов с товарищи 3 чел. для учения своему мастерству русских людей.

Тогда же были вызваны оттуда мастера *гзового* (шегрень), *шелкового* и *тесмянного* дела Шебан Иванов с товарищи 6 чел. Научив нашивочному делу русских учеников, Мамадалей был отпущен восвояси в мае 1662 г. Кизылбашские нашивки московского дела на государевом платье появляются с 1647 г. (Выходы. – С. 174) и особенно в 1649 г. (Выходы. – С. 195–197)[2].

[1] Может быть, заменялись, ср. Указатель к «Выходам». – С. 59. – *Ред.*

[2] Впрочем, на с. 174 и 197 «Выходов» мастер указан «дело Казанцово», «Казанцово». – *Ред.*

Заодно с этими нашивками полюбились и персидские кизылбашские ткани с изображениями людей стоячих и сидячих, людей крылатых и т. п., о чем говор[ится]ено в своем месте (с. 1027). Самые богатые нашивки делались из золотых плащей (блях), убранных дорогими каменьями и жемчугом (Выходы. – С. 287). Бывала нашивка вся алмазная (Выходы. – С. 593).

При приеме послов с большим нарядом государь иногда надевал и перстни (в 1647 г. августа 18 литовский посол – 4 перстня)[1].

Потом октября 24 «притом же после и 28 числа надел 9 перстней золотых с алмазы и с яхонты» (Выходы. – С. 172).

14 ноября при шведском после –9 перстней.

1648 г. июня 20 при голландском – 9.

1649 г. июня 5 – греки, июня 13 – крымские.

– декабря 18 турецкой.

1650 г. генваря 8 шведский – 9[2].

1653 г. – апреля 3 Вербное – 7 перстней золотых «с алмазы, яхонты червчатыми и с изумруды» (Выходы. – С. 280).

– апреля 10 Пасха – 7 перстней (Выходы. – С. 281).

– августа 15 Успенье – перстни (Выходы. – С. 294). В Казне хранилось 10 перстней.

Ожерелье (от жерло, горло). Ожерельем назывались воротники стоячие и отложные.

Стоячий воротник составлял неотменный убор зипуна. В простом быту он прозывался *козырем,* а в царском платье носил название *обнизи,* потому что неотменно обнизывался жемчугом и иногда украшался дорогими каменьями.

Такое же ожерелье *пристяжное* служило и украшением сорочки. Это ожерелье облегало шею вплотную, между тем

[1] Выходы… – С. 166, 168. [На с. 168 четыре перстня указаны при приеме Литовского посла в 1647 г. сентября 2. – *Ред.*]

[2] См. Выходы… – С. 173, 182, 209, 219, 222. – *Ред.*

как обнизь зипуна облегала шею более просторно и широко – как в вышину, так и по объему шеи.

Ожерельем называлась и царская диадима – род пелерины, покрывавшая грудь и плечи, если на ней не было икон или барм, обозначавших имя диадимы. Это простое ожерелье для отличия от других именовалось *круглым* и устраивалось для одежды царевичей, объявляемых наследниками престола (В. 119, 126, 484, 507, 626). Оно богато украшалось, низано жемчугом, алмазными запонами (В. 507) и дорогими каменьями, кроме шелкового и золотного шитья.

Ожерельем назывался и бобровый широкий воротник у шубы, а также и бобровая пелерина в женской одежде.

Ожерельем назывался и отложной откидной на спину воротник у охобней.

Пуговицы изготовлялись из разнородного материала и самых разнообразных форм или видов. Зерно пуговицы бывало деревянное, или оловянное. Оно обшивалось тафтою торочком или обвивалось, обшивалось, покрывалось золотною канителью, пряденым золотом или серебром, также обнизывалось мелким жемчугом.

Металлические пуговицы – серебряные – золотились, украшались чернью, финифтью, дорогими каменьями, золотые также украшались финифтом, жемчугом и каменьями, искрами яхонтовыми, алмазными, изумрудами, бирюзою, лалами и другими не совсем драгоценными камешками, например корольками, фатисом.

Алмазные пуговицы появляются со времени царя Алексея Михайловича, при царе Михаиле об алмазах вообще совсем не упоминается[1].

Металлические пуговицы по разнообразию форм бывали велики и невелики, круглы или угольчаты, четверогранны,

[1] Указатель Строева, Камни. [См. Указатель к «Выходам». – С. 36. – *Ред.*]

осмероугольны, сенчаты, решетчаты, прорезные, половинчаты, витые, грушевидные, кедровые (ореха), миндальные (ореха), шишковые в виде шишки, львовы головы, карасики, рожки, репейки, ложчатые, полоски косые, грановиты.

К числу пуговиц принадлежали также *кляпыши,* особый род пуговиц – застежек в виде небольшого брусочка или палочки.

В 1635 г. апреля 19 скроена *сума* камка индейская шелк голуб да вишнев против (по подобию) старой сумы великого князя Ивана Даниловича Калиты (№ 1158).

Несомненно, что новая сума скроена по случаю ветхости старой, сохранявшейся в Государевой Казне в течение 300 лет и сохранившейся, по всему вероятию, по той причине, что она не представляла какой-либо особой ценности. В обозрении большого царского наряда мы сообщили выше (с. 1002) описание старинной *калиты* великого князя Данила, отца Ивана Даниловича[1], сохранность которой превышает даже и 300 лет и которая могла сохраниться как дорогой по значению предмет вместе с Мономаховой Шапкой. Обстоятельство очень любопытное, показывающее, как крепко и неподвижно целые века хранилось предание, ставшее неотменным обычаем, о благочестивом употреблении этой сумы и этой калиты. Известно, что Иван Калита был прозван Калитою за то, что постоянно носил суму-калиту с деньгами для раздачи нищим милостыни. Он, стало быть, шествовал по стопам своего отца и хранил его калиту как святой завет милосердия, а после него в том же значении ее хранили и все его потомки – наследники государства.

По этому завету и в XVII столетии в царском быту существовал обычай выходить царю с денежными сумами для нищих и заключенных.

---

[1] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 33.

В Расходных книгах 1660 г. между прочим записано, что употреблено 4 арш. тафты светло-зеленой узкой на два *кушака* к сумам, из которых сум жалует государь в тюрьмах тюремных сидельцев и в приказах колодников *милостинными* деньгами (№ 1171). Кушаки суть помочи, на которых были носимы упомянутые сумы, надеваемые через плечо, как, может быть, надевал их сам государь[1].

Царь Алексей Михайлович вступил на царство на 16-м году своего возраста. Справив понахидные сорочины по смерти отца (ск. в 1645 г. июля 12), он впервые торжественно явился народу в праздник Новолетия 1 сентября на «действе Многолетного Здоровья», как прозывалось церковное молитвенное служение по случаю Новолетия. На нем было печальное простое траурное понахидное платье «опашень зуфь черна, ферези теплые тафта черна, зипун тафта черна», шапка суконная черная. В этом платье он ходил и в следующие дни, и только 28 сентября, когда венчался царским венцом, черный цвет был заменен белым и червчатым. Надето было царское «платно атлас золотный по белой земле с обнизным жемчужным широким кружевом с каменьями; зипун атлас червчат».

Справив очень скромно и другой день своего коронования, молодой государь и все следующие месяцы 1645 и 1646 гг. до самого дня своих именин 17 марта ходил постоянно в описанном панихидном черном платье. Даже и во время своего говенья к причащению он надел тот же черный наряд (14 февраля 1646 г.). Иногда надевал только зипун атлас таусинный (тоже темного цвета) и атлас лазоревый, цвет которого почитался также вроде траурного, почему и патриархи носили тоже лазоревую одежду.

Со дня именин панахидное платье было оставлено только для дней обычного поминовения. Государь стал одеваться в цветные одежды.

---

[1] О *нашивке, перстнях, ожерелье* печатается по листкам, вложенным в оригинал, о *пуговицах* и *суме* – по листкам, найденным в бумагах автора; в каком месте настоящей главы автор желал поместить эти отрывки, им не указано. – *Ред.*

Видимо, что государь в своем наряде предпочитал белый цвет, почему в это время и облюбовал себе зипун «камка двоелична шелк празелен да бел», сохраняя в этой двоеличности траурный оттенок, какова была празелень.

Другие одежды бывали других цветов. При том же зипуне государь надевал «ферези тафта ала, опошень зуфь малинова», или «кафтан становой атлас желт, опошень объярь червчета (Выходы. – С. 139), или опошень объярь огненной цвет».

На действе Многолетного Здоровья во второе Новолетие 1 сентября 1646 г. государь был одет в белое платье «зипун атлас бел, кафтан становой камка бела, однорядка по случаю непогоды, скорлат червчат».

С этого времени в течение всего царствования государь по преимуществу надевал «зипун атлас бел или тафта бела», так что даже и золотые ткани выбирались для этого тоже белые – «зипун камка кизылбашская по серебряной земле травки золотные (Выходы. – С. 281), кафтан объярь по серебряной земле травы золоты с разными шелки; опашень объярь золотная по серебряной земле, нашивка жемчужная широкая...». Так был одет государь в день Светлого Воскресения 10 апреля 1653 г. (Выходы. – С. 281, 245)[1] и так одевался в большие праздники.

Но само собою разумеется, что надевались одежды и других цветов: одни – чаще, другие – реже. Мы упоминаем только о том, что являлось более или менее постоянным, неизменным. Иногда проходил не один год, когда государь облюбовывал какой-либо один цвет и носил его постоянно, конечно, с неизбежными переменами.

В одно время он предпочитал червчатый цвет, в другое – желтый, лазоревый надевал в панихидных случаях.

Достигнув 18-летнего возраста, государь начал со своих именин 17 марта 1647 г. щеголять, если так можно выразиться, становыми кафтанами, сшитыми из кизылбашской камки

[1] На с. 245 описывается выход государя в Успеньев день – 15 августа 1651 г. – *Ред.*

с изображениями по золотной земле в травах людей стоячих и сидячих просто, стоячих и сидячих с крылами и просто людей с крыльями (Выходы. – С. 153)[1].

И отец его, царь Михаил Федорович, во время Вербного Воскресения 14 апреля 1633 г., 30 марта 1634 г. и 2 апреля 1637 г. выходил в таком же становом кафтане, камка кизылбашская, люди стоячие и сидячие (Выходы. – С. 13, 30, 47). Но затем этот кафтан более не упоминается. Возможно, что молодой государь вначале стал надевать отцовский кафтан, как он во многих случаях пользовался отцовским платьем, и прямо надевая и перешивая, убавляя или прибавляя размеры частей, о чем мы упоминали выше (с. 1018). Далее мы увидим, что еще и царь Иван Васильевич Грозный носил кафтаны с изображениями мужиков.

Такие кафтаны государь надевал в большие и средние праздники, между прочим, в свое рожденье (Выходы. – С. 309)[2] и именины (Выходы. – С. 203), в именины царицы (Выходы. – С. 227).

В 1649 г. февраля 2 в праздник Сретения государь ходил к Сретению на дворце. На нем был такой же кафтан с *людьми*: «зипун атлас бел, шуба объярь серебряна струевата на лисьем меху, шапка горлатная». В тот же день он был у царицы в хоромах, а у ней были приезжие боярыни. Это было на Масленице в пятницу. К этому выходу государь надел другой наряд, более скромный – «зипун атлас червчат», вместо кафтана с людьми «ферези камка червчата, опошень зуфь малинова, шапка бархат червчат с лисьим околом» (Выходы. – С. 199). 1650 г. февраля 21 по случаю рождения царевны Евдокии Алексеевны государь приходил в таком кафтане: люди стоячие и сидячие с крылами, к царице в третий день ее родин в сопровождении патриарха и властей, приходивших с обычными дарами (Выходы. – С. 224).

---

[1] На указанной странице «Выходов» отмечаются «люди *стоячие и сидячие*». Далее автор добавляет из тех же «Выходов»: «Люди крылаты 223. Люди стоячие с крылами 213. Люди с крылами 251». – *Ред.*

[2] На этот раз (в 1654 г.) выход был на другой день рожденья, 11 марта. – *Ред.*

Принимал крымского гонца (Выходы. – С. 235, 275).

Патриарха Цареградского (Выходы. – С. 302).

Ходил к царице, когда у нее была в Золотой палате грузинская царица 8 генваря 1654 г. (Выходы. – С. 305).

Потом ношение таких кафтанов прекратилось. Последнее известие о них относится к 11 марта 1654 г., когда и в Выходных книгах делается за их утратою перерыв до сентября 1659 г.

В одно время, 1647–1654 гг., с этими кафтанами, чаще чем прежде, государь надевал «зипун атлас рудожелт или тафта желта; кафтан камка желта».

Мы упоминали (выше, с. 1015), что сафьянную обувь государь предпочитал желтого цвета.

В отношении выбора нарядов цари не были равнодушны к той мысли, чтобы показаться народу в царственном достоинстве, богато и красиво, а красота, по тогдашним понятиям, заключалась в цветности платья, в блеске серебра и золота, жемчуга, дорогих камней. Поэтому при выходах и выездах за город, т. е. за Земляной вал или дальше, государь всегда одевался в так называемое *ездовое* платье, самое богатое после наряда Большой Казны или собственно царского наряда.

Выезжая или выходя пешком на богомолье в Троицкий монастырь, государь обыкновенно для шествия по городу одевался богато[1], на нем в это время бывал наряд «ферезея бархатная с золотою с каменьями нашивкою, чуга объярь по серебряной земле травы золоты, кружево кованое золотное, нашивка жемчужная с каменьем, пуговицы изумрудные; зипун тафта бела, на чуге золотая цепь кольчата, с амагилью золотою (род фляжки), в которой находились часы, шапка

[1] На поле оригинала автором помечено: «NB. При возвращении. 648». См.: Выходы… – С. 648, где отмечается, что при возвращении в Москву из с. Алексеевского государь переменил платье и надел «ферезея холодная, бархат двоеморх жаркой цвет, по нем травы золоты и серебряны, с алмазною нашивкою; кафтан ездовой холодной, объярь золотная по серебряной земле травы золоты с разными шелки, нашивка золотая с алмазы и с яхонтики червчатыми; зипун зарбав серебрян; тесма с алмазными крюками; шапка бархат ал двоеморх по морхам обнизано жемчюгом с запоны алмазными и с пером алмазным же; посох индейской с каменьи». – *Ред.*

бархат ал с большими запоны, рукавицы немецкого дела, запястье шито золотом и низано жемчугом».

В таком наряде выходил царь Алексей Михайлович 22 сентября 1660 г. Он шел в нем до *Слазки,* как называлось место у Креста, поставленного в память пребывания на том месте мощей св. Филиппа Митрополита. Эта Слазка обозначала остановку пути, когда государи «слазывали» здесь с коня. Здесь они и переменяли богатое платье на простое, дорожное[1]. Царю Алексею Михайловичу в этом случае был подан наряд «ферезея сукно голубое с широким кружевом, ферези тафта червчета, зипун тот же, шапка сукно скорлат бел» (Выходы. – С. 340).

Особенно богат был наряд государя в такой же выход с царевичем Федором Алексеевичем в 1675 г. сентября 19 (Выходы. – С. 605–606)[2].

В 1677 г. июня 15 царь Федор Алексеевич изволил ходить молиться Пресвятой Богородице Смоленской в Новодевичий монастырь. На нем была «ферезея объярь золотная по рудожелтой земле травы золоты и серебряны. Кафтан ездовой объярь серебряна с золотыми травами, зипун тафта бела; шапка бархат червчат с запаны». В том он шел до Земляного города, а у Земляного города государь переменил «ферезею золотную» и надел «ферезею объярь бела струя серебряна», в которой и шел полем до монастыря, а у монастыря снова надел золотную ферезею (Выходы. – С. 639) и в том платье слушал вечерню.

В другой раз на выходе в тот же монастырь 27 июля государь также за Земляным городом на Девичье поле переменил богатую бархатную ферезею с золотом и серебром на менее

[1] На поле оригинала автором помечено: «при возвращен. 648». См.: Выходы. – С. 647–648, где указывается, что при возвращении в Москву на государе было платья: «ферезея объярь бела струя серебряна с нашивкою; кафтан ездовой, объярь рудожелта струя серебряна; зипун, тафта бела; шапка, бархат червчат двоеморх, с орлом; посох индейской с костьми». В этом платье государь шел до Слазки, где переменил его на описанное в предыдущем примечании. – *Ред.*

[2] В оригинале показана с. 604. – *Ред.*

богатую – «объярь бела гладкая» и бархатную шапку на суконную, в чем и пришел в монастырь (Выходы. – С. 643)[1].

Обыкновенно, вступая в монастырь, государь переменял *ездовое* платье, если был в таковом, на городское или, так сказать, гражданское (Выходы. – С. 163), т. к. ездовое вообще обозначало воинский наряд.

Очень богато наряжался царь Алексей Михайлович, когда в 1653 г. и 1664 г. выезжал на Девичье поле смотреть собранное там войско, весь свой ратный чин, свой полк стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов на конях со всею их службою[2] и всяких чинов, служивых людей, и дьяков, и подьячих. Это было 13 июня[3] и продолжалось каждый день до 28 июня включительно, за исключением дней воскресных (Выходы. – С. 285). Подавалось платье одно утром до обеда и другое вечером после обеда. И то и другое блистало всем богатством и всею красотою, которыми в этом случае окружал себя молодой государь. Ему было тогда 24 года.

В эти дни ему подавали следующее платье.

*Зипуны: «*1) Объярь серебряна травки золоты.

2) Тоже объярь травы разных цветов, пуговицы обнизаны жемчугом.

3) Камка кизылбашская золотная травы серебряны – пуговицы те же.

4) Объярь золотная по червчатой земле травы золоты и серебряны – пуговицы те же.

---

[1] На поле оригинала автором добавлено: «359 Ферезея голубая Ферезь червчат Зипун бел Зипун без обнизи в загород, выходах Девич. М., Покров. Платье *походное* 555». См.: «Выходы…», где на с. 359 указывается, что 27 июля 1661 г. «на государе было платья: ферезея, сукно голубое, ферези, атлас червчет, зипун, тафта бела, без обнизи», а на с. 555, что 1 августа 1671 г. государь ходил «в ход за кресты, на иердан, в с. в Преображенском. А на великом государе было платье *походное:* ферезея, суконная голубая, с золотным кружевом; ферези, тафтяные червчатые, теплые; зипун, тафта бела; шапка, сукно скорлат бел; посох индейской с костми; ичетоги и башмаки, сафьян желт». – *Ред.*

[2] Дворцовые разряды. Т. III. – С. 355.

[3] В 1653 г., а в 1664 г. это было 3 февраля. – *Ред.*

5) Алтабасный.

6) Объярь дымчата с серебряною струею.

7) Атлас бел.

8) Объярь желта с серебряною струею.

9) Камка кизылбашская по серебряной земле травы шелковы меленки.

10) Камка кизылбашская по серебряной земле травы золотные редкие».

К зипуну подавалась *обнизь* (стоячее ожерелье, воротник):

«1) Большая – бархат червчат двоеморх, обнизано жемчугом большим гурмыцким с изумруды, морхи обнизаны скатным жемчугом мелким.

2) Бархат рудожелт двоеморх с лазоревыми яхонты, обнизана жемчугом большим гурмыцкими зерны.

3) Бархат зелен двоеморх с каменьем и с жемчуги.

4) Средняя с каменьем.

5) Меньшая с каменьем.

6) Большая – запоны алмазные».

Обнизь не всегда подавалась, надевали зипуны и без обнизи, когда ожерелье бывало у чуги.

На зипун надевалась *чуга* – род военного мундира.

*Чуги: «*1) Без ожерелья, бархат [червчат] двоеморх с орлами подпушка объярь по серебряной земле травы золотные; кружево кованое серебряное широкое, три пуговицы золотые с каменьем, нашивка в четырех местах жемчуг с каменьем, яхонты червчатые, лалы, изумруды.

Перевязь (цепь) алмазная с амагилью золотою. *Пояс* большой, тесма серебряна; на концах плащи и крюк. При нем нож булатный черен раковинный насечен золотом, ножны оправлены золотом с каменьем – алмазы, яхонты, изумруды, бирюзы. *Поцепка,* на которой привешивался нож, золото волоченое.

2) Атлас ал – с меньшим убором.

3) Бархат зелен двоеморх с орлами, кружево кованое широкое золото с серебром, подпушка объярь золотная, травы серебряны, три пуговицы с каменьями золоты с винифты, с алмазы, яхонты, изумруды, узлы с каменьем и жемчуги.

Перевязь золотая безо фляжки. *Кушак* большой серебрян, у него нож большой булатный.

4) Атлас бел с кружевом широким золотным кованым, пуговицы золоты с белым финифтом с яхонты червчатыми. Перевязь амагиль серебряна золочена с орлом, в ней *часы*. Кушак с ножом.

5) Объярь дымчата с серебряною струею. *Образцы* – плащи золоты с яхонты червчатыми, около плащей обнизано жемчугом большим; 10 пуговиц изумрудные большие на золотых закрепках[1]. Перевязь золотая запоны с каменьем и жемчугом; *фляжка* яшмовая; пояс тесьма серебряна с каменьем.

6) Атлас червчат, фляжка золотая с часами (Выходы. – С. 287). Другая атлас дымчат.

7) Бархат червчат, нашивка круглая обнизная.

8) Атлас рудожелт, нашивка долгая с жемчугом. Кружево кованое серебряное широкое; пуговицы золоты прорезные на *грушевое* дело с каменьи. *Ожерелье* подложено атласом золотным по серебряной земле травы золоты.

9) Бархат зелен с кружевом серебряным. Нашивка – плащи *круглы* золоты с каменьи и жемчугом. Пуговицы на грушевое дело с каменьи. Перевязь золота с *подписью* кольчата подложена атласом червчатым безо *фляжки.* Кушак золотной с шелками; у него нож булатный черен обделан золотом с каменьем, лалы и бирюзы.

10) Бархат рудожелт.

11) Камка желта куфтерь убор малый.

12) Атлас желт – также.

13) Бархат черн – также.

14) Объярь серебряна, перевязь большая обнизная с яхонты червчатыми. Пояс серебряная тесма, с алмазами.

15) Бархат зелен с орлы».

*Ферези «*1) Ферези ездовые – зуфь бела подпушка участок золотный. *Образцы* низаны жемчугом с каменьем по черному бархату, завязки и кисти золотные ворворки большой жемчуг.

[1] В «Выходах», с. 286, читаем: «на золотых спнях, в закрепках яхонтики червчаты». – *Ред.*

2) Зуфь вишнева, кружево золотное кованое и пр. то же[1].

3) Зуфь червчата.

4) Зуфь голуба.

5) Зуфь бруснична.

6) Зуфь малинова, образцы *инроги* низаны жемчугом.

7) Зуфь сизова, образцы *львы и грифы* низаны жемчугом.

8) – дымчата (серой цвет тож). Образцы прорезные жемчужные.

9) – рудожелта.

10) – яринной цвет.

11) – темно-лимонна.

12) – зелена.

13) – Сизова образцы львы да грифы».

Так как в это время государь смотрел войско, выезжая на коне, то ему подавались и *штаны:*

«1) Камка кизылбашская золотная по мелинной[2] земле.

2) Камка кизылбашская по брусничной земле полосы золоты и серебряны с шолки».

*Шапка: «*1) Бархат червчат двоеморх, окол соболий, обнизана вся жемчугом с запаною.

2) Она же с крестом алмазным.

3) Бархат зелен (другая двоеморх) гладкой, окол соболей с запоны.

4) Шефранная двоеморхая, в запоне два пера яхонты лазоревы, петли низаны жемчугом.

5) Бархат рудожелт, окол соболей, с запоны, в запоне перо.

6) Бархат червчат двоеморх, окол соболий, запоны алмазные косые.

7) Бархат зелен двоеморх, окол соболий, в запоне *орел.*

8) Бархат червчат гладкой, окол соболий, в запонах яхонты лазоревы.

9) Бархат желт, окол соболий с запоны.

---

[1] В «Выходах», с. 285, читаем: «зуфь вишнева, подпушка камка кизылбаская по золотной земли травы серебряны с разными шолки, кружево кованое золотное, обрасцы низаны жемчюгом с канителью, завяски шелк зелен с золотом». – *Ред.*

[2] Так в оригинале и в «Выходах…». – С. 285. – *Ред.*

10) Бархат черн, окол соболий с пером.

11) Бархат копытчат, окол соболий с запоны.

12) [Бархат шефранной цвет двоеморх,] с *крестом алмазным».*

Для конной же езды *рукавицы*: «1) Ролдужные, запястье шито золотом по червчатому атласу с жемчуги, бахрома золото с серебром.

2) Перщетые с бахрамами.

3) Вязеные шолк червчат, запястье золотное, бахрома золотная, подложены тафтою червчатою.

4) Ролдужные в запястье низано *львы* и *грифы* жемчугом[1].

5) Ролдужные, запястье шитое золотное.

6) – запястье низано жемчугом по черному бархату.

[7) – запястье низано жемчугом львы да гривы[2]]».

Обувь – «ичетыги и башмаки сафьян желт новы».

*Подвязки «*тесмы золото с серебром пряжи и наконечники серебряны золочены с чернью гладкие» (Выходы. – С. 285).

Очень богато государь одевался[3] в Богоявленьев день 6 января, когда ходил за крестами с крестным ходом на Иордань. Это было торжество всенародное, а потому сколько для праздника, столько же и еще более и для народа, дабы видел народ царский сан во всем блеске, государь одевал самые ценные дорогие одежды, какие только находились в его гардеробе, в его Большой Казне.

В 1671 г.[4] в этот день на государе был следующий наряд *царский: «*крест, диадима второго наряду, шапка царская перво-

[1] В оригинале автором добавлено: «Эти и последние № 7». – *Ред.*

[2] См. «Выходы…». – С. 290; на той же стр. читаем также: «Рукавицы ролдужные, запясье канителные с короткою бахромою, подложены тафтою алою». – *Ред.*

[3] На поле оригинала автором добавлено: «на Рожд. Х-во», «[В] 521, 540, 634 Федор». – *Ред.*

[4] В первоначальной редакции оригинала вместо этого было нижеследующее: «В 1648 г. в этот день на государе был следующий наряд Большой Казны: крест, диадима первого наряда, шапка царская дела окольничего В. И. Стрешнева, *сорочка* тафтяная низана жемчугом с пристяжным ожерельем первого наряду; *зипун* отлас бел, без обнизи; *кафтан* становой отлас золотной по зеленой земле в травах, шелки бел да червчат, кружево низано

го наряду, что с лалом, жезл царский, перевязь золота кольчата, платно царское второго наряду, бархат виницейской золотной, что морх червчат земля зашивана золотом травы аксамитные золоты с серебром; шесть пуговиц золоты на грушево дело прорезные с алмазы и с яхонтики червчатыми; испод горностаевой с пухом; *кафтан царской* становой атлас виницейской травы кубы и розвод золотной по зеленой земле, испод горностаевой с пухом, кружево низано в шахмат с трунсалом и картулином по таусинному атласу, на рукавах запястьи низаны жемчугом с изумруды и с яхонты лазоревыми по червчатому бархату, 11 пуговиц обнизаны жемчугом; *ферези* безрукавные камка двоелична шелк бел да голуб, испод черева лисьи; *зипун* тафта бела, ожерелье пристяжное второго наряду с яхонты червчатыми и с лазоревыми, и с лалы, и с изумруды. Стряпни было: полотенцы, стул с кистьми, ворворки обнизаны жемчугом, зголовье (подушка к стулу) низано жемчугом; подножье теплое, испод пластины собольи, солношник (зонт) подшит пластины собольи» (Выходы. – С. 540).

В больших выходах за государем следовала так называемая *стряпня* – стул для отдыха с подушкою, подножье, род ковра, на котором государь становился во время церковной службы, и при выходах на Иордань полотенцы, надобные при окроплении святой водою. Эти три предмета несли три стряпчих, одетые в золотах, как назывались золотные кафтаны.

При возвращении[1] крестного хода в Успенский собор государь обыкновенно переменял ходовую царскую одежду в приделе Дмитрия Солунского и надевал обычное платье, в

жемчугом с канителью по червчатому отласу чепми, 13 пуговиц низаны жемчугом 3 наряду; *платно* новое бархат венедицкой по золотной земле травы золоты и серебряны аксамичены... Кружево низано жемчугом с канителью по черному бархату чепми, 11 пуговиц серебряны золочены круглы, закрепки зеренчаты; башмаки низаны жемчугом по рытому бархату, морх червчат; жезл, стул зеленый, подножье (ковер) бархатное червчатое пришиты соболи (В. 177). В других случаях кафтан и платно бывали на горностаевом меху, а к наряду прибавлялись *цепь* и *рукав* меховой в морозное время. Подножье бывало суконное теплое соболье (В. 149)». Карандашом автором добавлено: «Солнешник [В.] 590, 540». – *Ред.*

[1] На поле оригинала против этого места автором помечено: «переделать». – *Ред.*

котором приходил в собор. В том же приделе государь надевал и царский наряд для шествия на Иордань.

Нередко с Иордани государь шествовал к Богоявленью на Троицкое подворье, где переменял некоторые одежды на другие, как-то: зипун, кафтан, и надевал шубу соболью с бобровым ожерельем. «Бывала шуба отлас серебрян, по нем реки золотные, по рекам листье золотное с шелками» (Выходы. – С. 149).

Для перемены одежды на Троицкое подворье отправлялась *стряпня,* которую несли 11, 12, иногда 13 чел. стряпчих, смотря по числу предметов. Они держали между прочим влагалище (особый футляр) креста, влагалище шапки царской, влагалище жезла, влагалище диадемы и *чехлы* от платна и кафтана и другие предметы. В таком бережливом порядке (Выходы. – С. 149) охранялись дорогие одежды и все дорогие предметы государева наряда.

Именем стряпни обозначались вообще всякие предметы одежды и различных вещей, надобных по случаю выхода как рядового, так и особого, так сказать, чрезвычайного. В 1670 г. августа 19 царь Алексей Михайлович ходил за крестами в Донской монастырь в обычном платье. Стряпни было полотенцы, подножье, стул, солношник и, кроме того, сума со стряпнею, а в ней сорочка запечатана, полотенцы, простыни, связка[1], шапка с пухом, гребень, зеркало, два бруса мыла (Выходы. – С. 149). Надо заметить, что таковая стряпня подавалась только 1 августа, когда государь купался после освящения воды, обыкновенно у Симонова монастыря в Москве-реке. Здесь трудно угадать, почему такая стряпня следовала к Донскому монастырю, у которого не было места для купанья.

Причастное. Белье и платье, в котором, говея, государь причащался, всегда сохранялось особо как некоторого рода святость. Обыкновенно цари говели или на первой неделе Поста, или на Страстной, что бывало чаще, и очень редко в августе, в Успенский пост.

[1] Иначе связни, род мешочка с поцепкою к поясу, в котором находились нож в ножнах и деревянная ложка во лжичне для кутьи.

Так как причащение совершалось в одной из Верховых церквей, что на Сенях, то государь одевался в это время довольно просто, так сказать, по-домашнему, как и поступал царь Михаил и до 1652 г. и царь Алексей.

К причастию они надевали обычное платье шубу, когда было холодно, или опашень в теплую погоду, кафтан становой или ферези, зипун с обнизью или стоячим воротником, камчатные или тафтяные чулки, сафьянные башмаки, шапку суконную или бархатную.

Золотные дорогие ткани в этом наряде отсутствовали. В нем особо оберегаемою статьею были *сорочка причастная, порты причастные* и *пояса причастные*, также утиральник и лентий, – все это приносилось из хором царицы и после обедни туда же бережно возвращалось (Выходы. – С. 11).

Известно, что все государевы сорочки сохранялись под замком царицы[1].

В 1652 г. царь Алексей изменил простоту причастного наряда. В этот год 25 июля был поставлен на патриаршество Новгородский митрополит Никон, государь по редкому случаю изволил говеть в Успенский пост и 13 августа причащался у Спаса на Сенях; а причащал его, государя, сам святейший патриарх Никон, поэтому, несомненно, по совету нового патриарха причастное платье государя получило не только большее против прежнего богатство, но и бóльшую полноту со включением некоторых частей царского большого наряда. За три дня до причащения, 10 августа, государю были скроены новый «становой *кафтан* камка золотная по червчатой земле травки, кружево кованое серебряное» и новое царское *платно* – «объярь по серебряной земле травы золото, кружево низано жемчугом с каменьем, пуговицы золоты круглы велики прорезные». На это платно государь надел крест, диадиму третьего наряда, а на главу – Шапку царскую с крестом, Мономахову.

Таким образом, несомненно по внушению Никона, государь явился к Святому Таинству не простым смертным, как водилось прежде, а в образе царя, имевшего в руках и царский

[1] Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – С. 661.

жезл из Большой Казны с Казенного двора. В Выходной книге по этому случаю, между прочим, записано, что государь указал и впредь сей наряд подавать на себя, государя, как он станет государь причащаться. А на платье указал государь сделать (особый) сундук и обить бархатом червчатым (Выходы. – С. 264).

В 1653 г. государь причащался на Страстной в Великий Четверток 7 апреля в Успенском соборе. На другой день он указал: «Сему государеву причастному платью быть в Соборной и Апостольской церкви», где в приделе Дмитрия Солунского происходило государево одеванье и раздеванье, и там, вероятно, сохранялось и это причастное платье.

В 1654 г. февраля 10 государь говел на первой неделе Великого поста и причащался в церкви Евдокии на Сенях в этом же царском наряде, когда по случаю холода царское платно и становой кафтан были на горностайном меху (Выходы. – С. 307).

За утратою Выходных книг 1655–1659 гг. нам неизвестно, как и где совершалось причащение в эти последующие годы.

Впоследствии сведения об этом также отрывочны и редки. В 1667 г. апреля 4 и в 1670 г. марта 31 государь приобщался в Успенском соборе в большом царском наряде (Выходы. – С. 477, 523).

Молодой царь Федор Алексеевич одевался к причащению очень просто, проще даже своего деда – царя Михаила[1].

Брачное. В царской одежде по случаю бракосочетания находились некоторые особенности, по-видимому, унаследо-

[1] В первоначальной редакции этого места автором приведены были и другие сведения о государевом говении; все это место читалось так: «1654 на первой неделе (1661 г. апреля 10. Среда. Только исповедывался) [В.] 352. 1667 г. апреля 4 в большом наряде в Соборе четв. 477. 1670 г. марта 31 в соборе четв. 1673 г. апреля 15 среда только исповедывался 571. 1677 г. Апреля 12. царь Федор просто. 1678 г. марта 28 четв. тоже. 1681 г. февраля 19 суб. 1-й недели очень просто без золота 698». Кроме этих сведений, хотя и в другом месте оригинала, автором на поле замечено: «Причащалс[я] в большом наряде 276»; на указанной странице «Выходов» говорится о причащении государя 25 февраля 1653 г. в пятницу 1-й недели Великого поста в церкви пмц. Евдокии. – *Ред.*

ванные от давней старины. К таким особым одеждам принадлежали *кожух* и *шуба* с названием *русская,* которые только и надевались в день бракосочетания и в других случаях никогда не употреблялись. Это были своего рода клейноды брачного бытового обряда.

Примечательно и то обстоятельство, что новобрачный, наряжаясь в шубу русскую, *заметывал ее полы назад за плечи*[1].

В старом свадебном обряде упоминается также, что свечники и каравайники, носившие обрядовые свечи и каравай, имели ферези *спущены* с двумя кушаками через плечо (крестнакрест). К тому же обрядовому порядку относится и шуба, надетая навыворот мехом вверх, в которой у дверей спальни осыпала новобрачных родная мать особым осыпалом.

В 1626 г. при бракосочетании царя Михаила Федоровича с Евдокиею Лукьяновною Стрешневых почти что за неделю до венчания государь «указал на своей государевой радости подати на себя государя платья» по составленной росписи на все четыре дня брачного торжества, которое началось 5 февраля, а роспись была составлена еще 31 генваря.

В первый день, в день венчания, 5 февраля, в воскресенье государю было подано: «*сорочка* тафтяная, к ней *ожерелье* с яхонты третьего наряду, новое; *пояс* золотной; *порты* тафтяные. *Зипун* атласной желтой без бумаги (ваты), у него ожерелье второго наряду с яхонты. *Кожух* камка бурская на червце шелк бел зелен лазорев с золотом; *нашивка* и пугвицы низаны большим жемчугом на соболях; *пояс* золот кованой, *шуба русская* бархат венедицкой, шелк червчат да зелен круги серебряны велики репьями, в них круги золоты невелики островаты, листье золото. *Тафья* по бархату по червчатому низана жемчугом второго наряду. *Шапка* горлатная второго наряду; *колпак* большой с запонами. *Нагавки* (штаны) камка куфтерь червчата, легкие. *Чулки* камка мелкотравная червчата. *Чеботы* сафьян червчат, шиты золотом и серебром, полные, новые.

[1] Описание 26. [См.: Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 г. февраля 5, при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Феодоровича... – М., 1810. – С. 26 (изд. Платон Бекетов). – *Ред.*]

На подклеть идти государю (в спальню) – *шуба* нагольная белья, *шапка* черевья, *башмаки* шиты золотом и серебром сафьян червчат.

На другой день, как пойдет государь из сенника в мыльню, – шуба нагольная белья с тафтяною нашивкою, шапка черевья, башмаки сафьян червчат. А как выйдет из мыльни, быть на государе сорочке и ожерелью и сорочешному поясу и портам тем же, которые были на первый день». Затем зипун, кафтан, шуба и прочие предметы были поданы другие.

Для пребывания в хоромах был подан полный наряд также из других одежд – более богатых, как и на третий и на четвертый день.

Прошло ровно 22 года от того времени, когда женился царь Михаил Федорович его сын молодой царь Алексей Михайлович в том же самом порядке устраивал и свои одежды по случаю своего бракосочетания с Марьей Ильичной Милославских в 1648 г.

Точно так же почти за неделю до дня венчания, 10 генваря, и для его радости была составлена общая роспись платью, в каком по дням должен был одеваться новобрачный князь.

В день венчания, в первый день, 16 генваря, государю был подан наряд, во всем сходный с таким же нарядом его отца. Конечно, самые одежды были других тканей с другими уборами, но старозаветные *кожух* и *шуба русская* были те самые, которые 22 года тому назад красовались на царе Михаиле. 20 с лишком лет они бережно сохранялись в царской кладовой, как и калита Московского князя Данила или Мономахова Шапка и другие сохранившиеся драгоценности старого времени. Это подает повод заключать, что *кожух* и *русская* шуба хотя в течение времени и изготовлялись из новых тканей, но всегда сохраняли свое особое значение в брачном наряде и, несомненно, оставались памятниками глубокой старины.

Но со времени царствования Алексея Михайловича настает очень заметное движение к Петровской эпохе преобразования царского быта во многих его подробностях. Старое, особенно очень древнее, стало забываться ввиду водворявших-

ся мало-помалу различных немецких или вообще европейских новостей. Так были забыты и древний кожух, и русская шуба.

Спустя 23 года после женитьбы царя Алексея на Милославской при вторичном бракосочетании на Наталье Кирилловне Нарышкиных государь в первый день брака, 22 генваря 1671 г., оделся совсем иначе, как было прежде при первой его радости. В этот день ему были поданы им самим же, как упомянуто в своем месте, с. 983, вновь введенная одежда *ферезея,* под нею ферези, а под ними зипун с пристяжным ожерельем и пр. О кожухе и шубе русской уже не поминается (Выходы. – С. 541).

Надо, впрочем, заметить, что эта царская радость по обстоятельствам, о которых см. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, совершилась не по-прежнему, а без особого подобающего свадебного чина и торжества. Между тем упомянутые древние одежды все-таки должны бы красоваться на государе как принадлежности старозаветного брачного обряда, но о них в это время уже совсем забыли, быть может, и по той причине, что брачное венчание совершилось с большою осторожностию, как бы потаенно, так что государь прошел в Успенский собор к венчанию скрытно прямо из хором царицы внутренними переходами через Ризположенскую лестницу, что у западных врат собора.

Выше мы описали одежды, которые бытовали в царском обиходе в течение XVII столетия. В предыдущем XVI столетии находим несколько одежд, каких в XVII столетии уже не встречается.

Сохранились немногие описи платья времен царя Ивана Васильевича Грозного и даже его походные выезды с обозначением надеваемых одежд. Упоминаются те же зипуны, ферези, кафтаны, платно, чуги, опошни, однорядки, шубы, епанчи и пр., иное с иным только названием: сафьянные ичетыги XVII столетия называются по-русски чулками. Наиболее любимою одеждою были ферези.

К особенностям костюма того времени против XVII столетия принадлежали:

1) Кафтанец короткий.
2) Терлик (Русской – Савв. 17. Год.[1]).
3) Тегиляй.
4) Армяк.
5) Сермяга[2].

В головном уборе – науруз.

В нижней одежде – ногавицы, род штанов. С наколенки – их убор.

Кафтанец короткий, по-видимому, соответствовал той одежде, которая в XVII столетии носила название чуги. В описях XVII столетия это имя редко[3] упоминается, зато кафтанец короткий в ездовом платье занимает свое место постоянно, как и чуга в XVII столетии. Поэтому возможно заключить, что переменилось только имя, а покрой одежды оставался тот же. Такая перемена имени вполне зависела от усмотрения дьяка или заведующего гардеробом, дававшего предмету то имя, какое бывало в ходу или какое точнее обозначало предмет описания. Так, в XVII столетии обычные почти на каждой одежде петлицы везде называются *нашивкою* по тому поводу, что они нашивались на одежду. В описях XVII столетия это прозвание совсем не встречается, его заменяет слово *образцы,* которое обозначало самую форму нашивки, обыкновенно четыреуголной[4], хотя и продолговатой. Таким образом, в XVI столетии все одежды украшались не нашивкою, а образцами, которыми украшался и кафтанец короткий. Образцы, так же как и нашивка, составляли принадлежность и красу пуговиц или вообще застежек.

---

[1] См. 1-е изд. труда Савваитова. – С. 17. – *Ред.*

[2] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 2, 4. – *Ред.*]

[3] На поле оригинала автором добавлено: «У Годунова несколько». См. Изд. 1 труда Савваитова. – С. 17. – *Ред.*

[4] Круглые. Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – М., 1850. – С. 19.

О терлике мы упоминали [выше, с. 1004], что в XVII столетии в царском обиходе он не употреблялся; но в XVI столетии он принадлежал к обычному ездовому платью вместе с кафтаном.

Что касается армяка, то, по-видимому, покрой его соответствовал однорядке. Армяком эта однорядка прозывалась по имени восточной ткани армячины, которая изготовлялась кочевыми азиатскими племенами из верблюжьей шерсти и бывала тонкая и толстая, как и обозначаются армяки «тонкое полотенцо» и «толстые». В XVI столетии однорядка, кроме обычной нашивки напереди, именуемой образцами, украшалась еще по плечам в лопатках золотным и шелковым шитьем. Так украшался и армяк. Это сходство в наряде одежд заставляет предполагать об их сходстве и в покрое. Вот опись обеих одежд: [«Ормяк ординской толстой, что с обрасщики в 5 местах да на прорехах по образцу, завязки шелк червчат с столбцом, кисти с золотом, ворворки шелк лазорев с золотом. Однорядка скорлатна с саженными лопатками, завязки шелк голуб с золотом»[1]].

Особенного внимания заслуживает *тегиляй,* именно по небывалому в известных одеждах количеству пуговиц[2].

---

[1] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – М., 1850. – С. 18, 32. [Добавлено по указанию автора. На поле оригинала автор делает и другую ссылку: «Грозн. 25. 11». См.: Временник… – С. 11: «Ормяк сделати тонкое полотенцо, обрасцы на него сделати, кисти золотом орлы и инроги звери по червчатому атласу, каковы обрасцы на государеве на скорлатной на белой *однорядке,* а пушити атласом червчатым гладким; и тот ормяк помечен в нетях, не сделан», ср. также с. 26: «15-ть пугвиц золоты прямые грани резаны на проем, что были на скорлатной *однорядке* с саженою веревкою; и те пугвицы помечены в нетях; пошли-де на государево платье» и с. 24: «Однорядка сделати сукно бело на ней две завязки шолк черн червчат с золотом, об одну кисть перевиваны золотом до полузавязки; а помечено над тою статьею не сделана», «государева *монастырского* платья... Однорядка сделати лазорева, на нее прибраты 18 пугвиц кралковых; а помечено над той статьею: не сделана»; на с. 25 об ормяке и однорядке речи нет. Все слова, печатаемые курсивом, подчеркнуты в принадлежавшем автору экземпляре этой книги Временника. – *Ред.*]

[2] Перед «Тегиляем» в оригинале помещено описание «Сермяги», но кроме начала: «К тому же отделу до́лжно отнести и сермягу, которая описана следующим образом:», остальное повторено ниже, см. с. 1045. – *Ред.*

В описи государевых тегиляев значатся: «Тегиляй бархат венедитцкой ценинен с золотом и с петлями, на нем 56 пуговиц золоты продолговаты сенчаты с жемчуги. Тегиляй бархат венедицкой шелк червчат да зелен с золотом и с петлями. На нем 46 пуговиц золоты сенчаты резаны на проем с жемчуги. Тегиляй ж, которые без горностаев с кружевы. Тегиляй бархат венедитцкой лазорев листки золоты, на нем 48 пуговиц золоты чешуйчаты с чернью. Тегиляй бархат венедицкой на бели чубар с разными шелки, а на нем 68 пуговиц золоты. Травки резаны с чернью»[1].

У царевича Ивана Ивановича [ск. 19 ноября 1581 г.[2]] было девять тегиляев, в том числе: «Тегиляй камка кизылбашская на зелени разные шелки с золотом мелкой узор с горностаи, пугвицы серебряны уголчаты золочены. Тегиляй без горностаев, бархат венедитцкой шелк червчат да зелен с золотом и с петлями мелкой узор; пугвицы на нем золоты чешуйчаты. Тегиляй камка кизылбашская на вишневе разные шелки *мужики с робяты* и птицы, расстежной, пугвицы золоты прямые, грани резаны»[3].

В этих описях слово «горностай», как можно заключить, означает не «горностайный мех», а изображения на тканях зверков горностаев, как и слово «петли» указывает на изображения на ткани фигур вроде петель. Однако другие описи упоминают о горностае меховом. «Тегиляй бархат венедитцкой шелк червчат на золотой земле петли золоты и серебряны; опушен горностаем, подложен тафтою зеленою, без пуговиц. Тегиляй бархат венедитцкой рудожелт, стеган. Кружево на нем ткано полк червчат с серебром. На нем на вороту и по боком в четырех местах образцы аксамичены серебром по червчатому атласу; бахрама шелк голуб; пуговки на нем серебряны угольчаты»[4].

---

[1] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – С. 21–22.

[2] См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Изд. 5. Т. IX. – С. 208 и прим. 612. – *Ред.*

[3] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – С. 33.

[4] *Викторов А. Е.* Описание… – С. 3.

Эта последняя опись указывает, что наряд или убор тегиляя бывал такой же, как и на других одеждах. Только вышеприведенное число пуговиц очень затрудняет определить сколько-нибудь точно покрой этой одежды, которая в народном быту употреблялась вроде самодельного доспешного платья.

В тегиляй наряжались ратные люди, готовясь в поход. Поэтому тегиляй подкладывался пенькою или деревенским сукном очень толсто и простегивался с целью устроить его так, чтобы охранить ратника от стрел и сабельных ударов.

В XVII столетии такой наряд назывался *куяком,* который набивался даже медными гвоздями. В 1668 г. стрельцу Ивашку Кузмину – мастеру медного дела – «куплено меди зеленой тазовой 4 пуда делать к *куякам* суконным к десяти алым и к десяти голубым 8000 гвоздей для набивки тех куяков, по 400 гвоздей на куяк» (№ 855).

В XVI столетии встречается в числе летнего государева платья и *сермяга* – простонародная одежда, обыкновенно суконная, как и однорядка. «Сермяга сукно бело, строка и завязки шолк багров, лопатки шолк багров да рудожолт. Сермяга сера большая, строка шолк багров; на ней пять пуговиц золоты, половинчаты резаны с чернью; завязки широкие камка бурская, на черни шолк лазорев да червчат с золотом, подпушены камкою венедитцкою»[1]. По описанному здесь убору сермяга сходствует с армяком и однорядкою.

В XVI столетии кроме тафьи, шапки и колпака носили *науруз* – особого рода колпак из бархата, камки, сукна с *полицами, прорехами* и кистью, украшенный запанами и веревками по швам. «Науруз камка бурская на зелени репьи золоты с червчатым шелком; (две) запаны на нем золоты, а в них в середке по образине литой белы, да на него ж две пуговицы жемчуги уродоваты, веревки серебряны, подпушка бела с золотом».

Науруз *пуховой* с плащи и с запанами с золотыми, а «в запанах и в плащах 31 яхонт червчатых и лалов, 4 яхонты лазоревых, 29 алмазов да тумпаз, 4 изумрудцы, 8 берюз, 6 зе-

[1] Там же. – С. 2, 4.

рен вислых жемчужных на прорехах, 4 пуговицы золоты, а яхонты в них лазоревы.

Науруз по гвоздичному бархату шит золотом волоченым, с запонами.

Науруз скорлатной, по нем веревки жемчужны, на нем на одной *прорехе* запана золота, а в ней яхонт лазорев велик долог обделан золотом, а вверху яхонт червчат, да на прорехах по два *переченка* золоты с олмазцы пугвицы золоты уголчаты с финифты с камышки.

Науруз камка бурская на бели шелк лазорев да червчат с змейки и копытца золоты малые, веревки трунцалны; две запоны золоты круглы на них травы листве, в одной запоне яхонт лазорев да 4 яхонты червчаты да зерно жемчужное, а в другой запоне яхонт лазорев да лал; полицы камка бурская на червце разные шолки с золотом; кисть шолк червчат с золотом, ворворки канютелные одинакие[1].

При царе Иване Васильевиче Грозном царская обувь отличалась особым нарядным украшением. На передах или носках у чеботов и у башмаков, обыкновенно сафьянных, набивались по сафьяну золотые бляшки, изображавшие орлов, единорогов или индрогов, львов, волков, лисиц[2].

И тогда, как и в XVII столетии, употреблялись на одеждах ткани с изображениями людей или *мужиков: «*люди да деревье, мужики крылаты, мужики да барсы, одни мужики, мужички сидячие, мужики со птицами, мужики стоячие, мужики да деревье, мужики с робяты».

[1] Временник Императорского Московского общества Истории и Древностей Российских. Кн. 7. III. – М., 1850. – С. 13, 23, 28, 30.

[2] На поле оригинала автором добавлено: «Древне-римские сенаторы носили чоботы (до половины икры), у которых на носках находилось золотое или серебряное изображение полумесяца Luna lunula. – Римскин древности. II, 178». См.: *Адам Александр.* Римские древности... Изд. 4. II / Пер. с нем. – С. 3. – М., 1824, но ср. не 178, а 278 – изображалась luna vel lunula. – *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к третьему изданию 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 17
ГЛАВА I. Государев двор или дворец 17
ГЛАВА II. Государев двор или дворец 157
ГЛАВА III. Государев двор или дворец 322
ГЛАВА IV. Обряд государевой жизни, комнатной и выходной 423

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 497
ГЛАВА I. Родины. Крестины. Именины 499
ГЛАВА II. Воспитание 545
ГЛАВА III. Начальное учение 653
ГЛАВА IV. Детские годы Петра Великого 708
ГЛАВА V. Дворцовые забавы, увеселения и зрелища 759
ГЛАВА VI. Царский стол 882
ГЛАВА VII. Царская одежда 970

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 17.07.2013 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 51,95 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие в трех томах *(вышли)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*

Русская архитектура и скульптура

Русская живопись

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.

Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.

Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.

Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)